

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PS 104 381.10 (1882)

**Harvard College
Library**

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

· ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ VII

№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ VII

1882

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1882

PSlaw 381.10 (1982)
~~Slaw 25.15~~ L 7 L

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

33-15

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, 1882).

	СТР.
Консерватори сороковыхъ годовъ. В. Я. Стоюнина	5
„Лихолѣтье“. (Смутное время). Историческій романъ. Часть I. Гл. I—XI. В. Л. Маркова 29, 287,	566
Дневникъ В. И. Аскоченскаго . (Съ предисловіемъ и объясненіями Ө. И. Булгакова). Гл. I—IV 79, 318,	534
Изъ моихъ воспоминаій. Гл. I—XIX. П. С. Усова	107, 345
Русскій государственный человѣкъ минувшихъ трехъ царство- ваній. (Графъ П. Д. Киселевъ). Ө. И. Булгакова	128, 661
Эпизодъ изъ жизни императора Николая I . (Записка очевидца). Д. М. Наумова	156
Рауданскій замокъ . (Съ двумя рисунками). А. П. Норовлева	163
Картина изъ исторіи французскаго террора. В. И. Герье	169
Записки Каролины Бауэръ . В. З—ва	195, 426
Женское правленіе и его противники. (Характеристическая под- робность русской исторіи XVIII столѣтія). В. О. Михне- вича	257, 497
Дневникъ заключеннаго. Часть I. Въ десятомъ павильонѣ Але- ксандровской цитадели . О—ва	365
Россия подъ перомъ новѣйшихъ реформаторовъ. Ст. I—II. А. П. Фаресова	396, 683
Историческій городъ. (Съ 9-ю рисунками). Статья Я. Фальке	413
Василій Львовичъ Пушкинъ . (Биографическій очеркъ). В. П. Аве- нарйуса	606
Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. (Съ четырьмя ри- сунками). С. Н. Шубинскаго	652
Борьба ефіоповъ съ ангеломъ. (Случай изъ явленій русской де- мономаніи). А. С. Лѣскова	697
Современная историографія. Иф...ла	458, 705

За старообрядцевъ. Листовъ, приложение къ 169 № газеты „Минута“. Калужскаго старообрядца Ф. Фалгева. М. Л. — Примиреніе русскихъ съ поляками. Воспоминаніе прошлаго. Историческая брошюра, основанная на историческихъ документахъ XVI вѣка и составленная, по поводу столѣтней годовщины, въ 1872 году, перваго раздѣла Польши Ф. А. Весоловскимъ. Спб. 1872 г. М. С. М. — Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Соч. И. Иванюкова. Спб. 1882 г. Ф. Б. — Спорная область между двумя мірами. Наблюденія и изысканія въ области медиумическихъ явленій, съ рисунками. Соч. Роберта Дель Оузана, переводъ съ англійскаго. Спб. 1881 г. М. Л. — Валетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Валетомана. Спб. 1882 г. Ф. Б. — Образцы новой русской словесности, примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Пушкинскій періодъ, до Гоголя включительно. Собралъ А. Цвѣтковъ. С.-Петербургъ, 1881. А. М. — Исторія православнаго монашества въ сѣверо-восточной Россіи, со временъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Составилъ диаконъ Матей Кудрявцевъ. Москва. 1881. А. С. — *снэгс*. — Археологическій путеводитель по Тифлису. Составилъ Ю. Проценко. Тифлисъ. 1881 года. В. М. В. — *нова*. — Рассказы изъ римской исторіи пятаго вѣка по Р. Х. Несторій и Евтихій ересіархи. Соч. Амедея Тьерри, члена французскаго института, дополненное и переработанное профессоромъ киевской духовной академіи Д. Поспѣховымъ. Выпускъ первый, 1880 г. М. Л. — Источники русской агиографіи. Николая Барсукова. Изд. Общества любителей древней письменности. Спб. 1882. Ф. Б. — Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія. Исслѣдованіе Василія Жмакина. Москва. 1881. А. С. — *снэгс*. — Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1847 — 1881 г.) 4 тома. Изданіе третье, дополненное. С.-Петербургъ. 1882. Е. Г. — Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя. Составилъ Я. Ящуржинскій. Варшава. 1881. А. М. — Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. Составилъ Е. Д. Фелицынъ. Екатеринодаръ. 1881 г. В. В. — *нова*. — Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ V. Спб. 1881. М. С. М. — Мои семидесятилѣтнія воспоминанія. Н. Макарова. Три части. Спб. 1882. Ф. Б. — Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка. Составилъ Ф. Орловъ. Спб. 1881 г. В. П. — Старообрядческій синодикъ. А. Н. Пыпина. Спб. 1881. Ф. Б. — Die Leiden des pastors Seider, von ihm selbst geschrieben. Nebst andern Seider betreffenden, Mittheilungen. Herausgegeben von A. W. Fechner. Leipzig. 1881. Е. Г. — Письма Лафатера къ государынѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Спб. 1881. Ф. Б. — А. С. Пушкинъ. Новонайденныя его сочиненія. Его черновыя письма. Письма къ нему разныхъ лицъ. Замѣтки на его сочиненія. Вып. I. (Со снимкомъ). Москва. 1881. Е. Г. — Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать третья. Бумаги графа С. Р. Воронцова. Письма Н. М. Лонгинова. (1803 — 1823). Москва. 1882. Е. Г. — *на*. — Завоеваніе Ахаль-Теле. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева. 1880—81. А. Маслова. Спб. 1882. Цѣна 1 руб. В. П. — Достоверные портреты московскихъ государей Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій. С.-Петербургъ. 1882 г., въ большой листъ, съ 45 рисунками. С. Ш. — Макарій, митрополитъ всероссійскій. Н. Лебедева. Москва. 1881 года. А. С. — *снэгс*. — Родная старина. Отечественная исторія въ рассказахъ и картинкахъ съ IX по XIV столѣт. Томъ II-й съ XIV по XVII столѣт. Составилъ В. Д. Сиповскій въ помощь учащимся. Спб. 1881 г. М. Б. — *на*.

ИЗЪ ПРОШЛАГО. 243, 488, 732

Загадочный арестъ Сиверса, секретаря великаго князя Петра Федоровича. Сообщ. Г. В. Есиповымъ. — Историческіе анекдоты: 1) Вонская повинность евреямъ; 2) Обращеніе въ христіанство еврей; 3) Случайные кантонисты; 4) Побочныя дочери. Сообщ. М. Я. Аристовымъ. — Участіе мундира маршала Даву въ Россіи. Сообщ. Е. П. Карновичемъ. — Оригинальная резолюція покойнаго государственнаго контролера В. А. Татаринова. (Изъ воспоминаній бывшаго чиновника контроля). Сообщ. П. С. Усовымъ. — Анекдотъ объ Аракчеевъ. Сообщ. М. П. Тарнавой. — Инструкція жандармскому полковнику Бибинову. Сообщ. Т. В. Игальничемъ. — Отповѣдь В. И. Асвоченскаго шефу жандармовъ. — Распоряженіе св. синода объ отобраніи у всѣхъ книги „Театронъ или позоръ историческій“, подъ угрозой лишенія „благословенія Божія“. Сообщ. М. С. Лѣсковымъ. — Дьячекъ-сутяга. Сообщ. М. И. Дубасовымъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 255, 496

Замѣтка о портретѣ княгини Е. Н. Орловой. — Объ изданіи иллюстрированной исторіи Петра Великаго. С. И. Шубинскаго. — Замѣтка по поводу труда г. Ровинскаго. М. И. Бестужева-Рюмина. — Отъ редакціи.

СМѢСЬ 252, 495, 735

Чѣмъ обязанъ Шлиманъ Россіи. — Собираніе памятниковъ народной поэзіи. — В. В. Григорьевъ (некрологъ). — А. П. Заблудскій-Десятковскій (некрологъ). — Джонъ-Уильямъ Дреперъ (некрологъ). — Историческое панкадило. — Модель царскаго дома въ Ипатьевскомъ монастырѣ. — Коллекція г. Кельсіева для историческаго музея.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Судьба одной дворянской семьи во время террора. Записки Александрины деэ-Ешероль. (Переводъ съ французскаго). Гл. I—IX; 2) Портреты и рисунки: портретъ княгини Е. Н. Орловой. — Убіеніе царевича Дмитрія. Картина проф. Пльшанова. Гравюра Панемакера въ Парижѣ. — Портретъ Вас. Левов. Пушкина.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ОРЛОВА,
РОЖД. ЗИНОВЬЕВА.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета работы Верокеза, 1784 г., рѣз. на деревѣ
Папмакеръ въ Парижѣ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 26 ОКТЯБРЯ 1881 Г.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

КОНСЕРВАТОРЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

Ы ХОТИМЪ коснуться интереснаго, если не страннаго эпизода изъ нашей исторіи сороковыхъ годовъ. Кто знакомъ съ духомъ и направленіемъ того времени, тотъ конечно спросить, какіе же консерваторы могли быть въ тѣ годы, такъ какъ совсѣмъ не было и настоящихъ либераловъ, если подъ либерализмомъ не разумѣть разныхъ невинныхъ разговоровъ въ маленькихъ квартиркахъ въ четырехъ стѣнахъ между образованными департаментскими чиновниками, профессорами, учителями, или докторами, которые собирались по вечерамъ другъ у друга для простаго препровожденія времени, и чтобы не играть въ копѣечный преферансъ до поздней ночи, забавлялись въ бесѣдахъ, а иногда и въ спорахъ объ образованной Европѣ, о газетныхъ иностранныхъ извѣстіяхъ, о разныхъ соціальныхъ ученіяхъ, волновавшихъ западныя государства, и затѣмъ спокойно расходились по домамъ спать, а на другой день каждый принимался за свою ежедневную службу, нисколько не сомнѣваясь ни въ политической, ни въ военной, ни въ полицейской силѣ своего любезнаго отечества, ни въ невозможности какихъ нибудь скорныхъ перемѣнъ. Какіе же консерваторы могли выдаваться въ этой средѣ, когда и безъ того все было пропитано полнымъ консерватизмомъ? Понятно, что такіе люди могутъ являться только тамъ, гдѣ народились уже другіе люди, которые гласно требуютъ себѣ большаго простора въ жизни. А между тѣмъ, мы усматриваемъ консерваторовъ и въ сороковые годы, даже такихъ, которые брали на себя смѣлость стать въ оппозицію императору Николаю Павловичу, въ этомъ случаѣ являвшемуся въ ихъ глазахъ уже либераломъ. Но для того, чтобы выяснитъ себѣ понятія этихъ людей, мы должны начать съ

историческаго разъясненія того вопроса, въ рѣшеніи котораго они передъ нами являются.

Въ то время въ правительственной сферѣ возникъ вопросъ о чиновническомъ сословіи, а съ нимъ вмѣстѣ и о табели о рангахъ, за которой числилась не Богъ знаетъ какая старина—всего какихъ нибудь сто двадцать лѣтъ. Но и втеченіе этого времени она такъ глубоко успѣла вкорениться въ русскую жизнь, имѣла такое огромное вліяніе на нравы русскаго общества, на характеръ всей русской интеллигенціи, каковаго Петръ Великій не могъ и предвидѣть. Желая выше всего поставить интересы государства и оградить государственную службу отъ исключительнаго притязанія стариннаго боярства, преобразователь Россіи хотѣлъ открыть путь къ высшимъ должностямъ всѣмъ людямъ трудолюбивымъ, опытнымъ, знающимъ, образованнымъ, къ какому бы званію по своему рожденію они ни принадлежали. Для этого онъ установилъ порядокъ, въ которомъ каждый обязанъ былъ проходить служебныя должности, возвышаясь постепенно, по мѣрѣ своихъ заслугъ, прилежанія и пользы, приносимой имъ государству. Этотъ-то порядокъ и назвался чиномъ, или рангомъ. Служба была раздѣлена на воинскую, статскую и придворную, а всѣ мѣста или должности каждой изъ этихъ службъ разгруппированы на 14 классовъ и приведены въ соотвѣтствіе между собою, т. е. указаны, къ какому классу должны относиться должности всѣхъ трехъ видовъ службы, чтобы всѣ чины знали свои мѣста и въ общемъ ихъ собраніи не могло бы возникать никакихъ споровъ или недоразумѣній въ старшинствѣ или подчиненіи. Вотъ это-то соотвѣтственное распредѣленіе должностей и составила Петровская табель о рангахъ. Тутъ еще не было рѣчи о чинѣ какъ о званіи, не было для каждаго класса и опредѣленнаго имени; только подъ каждымъ классомъ исчислялись всѣ должности, какъ напр., IV классъ (сухопутные) генералъ-маіоры, въ гвардіи полковникъ, (морскіе) штаутбенахты, оберъ-цейгмейстеръ, (статскіе) президенты отъ коллегіевъ и штатсъ-конторы, тайные совѣтники, оберъ-прокуроръ, (придворные) оберъ-гофмейстеръ, оберъ-камергеръ; V кл. (сухопутные) бригадиры, оберштеръ-кригсъ-комиссаръ, генералъ-провіантмейстеръ, въ гвардіи подполковники, въ артиллеріи полковники, (морскіе) капитаны, командоры, капитанъ надъ портомъ кронштадтскимъ, (статскіе) герольдмейстеръ, генералъ-рекетмейстеръ, оберъ-церемоніймейстеръ, оберъ-вальд-мейстеръ, вице-президентъ отъ коллегіевъ, генералъ-почтъ-директоръ, генералъ-полиціймейстеръ, архіатеръ, директоръ отъ „строевнѣ“, (придворные) гофмейстеръ, оберъ-гофшталмейстеръ, тайный кабинетъ-секретарь, оберъ-шенкъ и проч.

Каждому изъ этихъ классовъ или ранговъ присвоивались особые уборы, наряды, экипажи, число лошадей, ливреи, и соблюдалось строгое подчиненіе низшихъ классовъ высшимъ. Старшинство наблюдалось не только по классамъ, но даже по времени полученія чина: кто всту-

нилъ въ него раньше, тотъ считался старше или выше того, кто вступилъ послѣ; только чины воинскіе становились выше прочихъ, „хотя бы и старѣе кто въ томъ классѣ пожалованъ былъ“. Ранги распространялись даже на женщинъ—женъ и дочерей классныхъ чиновниковъ: „всѣ замужнія жены“, говорится въ § 7 табели, „поступаютъ въ рангахъ по чинамъ мужей ихъ, и когда онѣ тому противно поступаютъ, то имѣютъ онѣ штрафъ заплатить такой же, какъ бы долженъ былъ платить мужъ ея за свое преступленіе“. Дѣвицамъ назначались свои ранги, которые мѣнялись съ ихъ замужествомъ: такъ, дочь стоящаго въ первомъ рангѣ получала рангъ надъ женами, бывшими въ пятомъ рангѣ, или становилась, какъ подробно пояснилось въ табели, ниже генераль-маіора и выше бригадира; а дѣвица, у которой отецъ былъ во второмъ рангѣ, занимала мѣсто ниже бригадира и выше полковника и т. д. Дамы и дѣвицы, бывшія на службѣ при дворѣ, также размѣщались по рангамъ: „оберъ-гофмейстерша у ея величества государыни императрицы имѣетъ рангъ надъ всѣми дамами; дѣйствительная статсъ-дамы у ея величества государыни императрицы слѣдуютъ за женами дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ; дѣйствительная камеръ-дѣвица имѣютъ рангъ съ женами президентовъ отъ коллегій; гофъ-дамы—съ женами бригадировъ“, и проч. Но сыновья всѣхъ этихъ служивыхъ людей должны были сами прибрѣтать себѣ характеръ службою государю и отечеству, начиная съ низшей должности. Впрочемъ, сыновьямъ князей, графовъ, бароновъ, знатнѣйшаго дворянства и „служителей знатнѣйшаго ранга“ предоставлялся свободный доступъ „въ ассамблеи, гдѣ дворъ находится“. Въ табели выказывается государево желаніе, чтобы „они во всякихъ случаяхъ по достоинству отъ другихъ отличались“; но тѣмъ не менѣе ни въ какіе ранги они не вводились; а въ § 14 предписывается „дворянскихъ дѣтей въ коллегіяхъ производить снизу“. Этимъ же путемъ входили въ ранги и не дворяне послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ службы. Доступъ въ нихъ былъ свободенъ всѣмъ, кто чему нибудь учился, такъ какъ государство особенно нуждалось въ такихъ людяхъ. А въ военной службѣ каждый получившій офицерскій чинъ дѣлался дворяниномъ не только самъ, но и его дѣти, родившіеся въ оберъ-офицерствѣ; а если такихъ не являлось на свѣтъ, то отцу давалось право представлять одного изъ прежде рожденных на утвержденіе въ дворянствѣ. Законные же дѣти и потомки всѣхъ служителей россійскихъ или чужестранныхъ первыхъ восьми ранговъ приравнивались лучшему старому дворянству — „во всякихъ достоинствахъ и преимуществахъ равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были и прежде отъ коронованныхъ главъ никогда въ дворянское достоинство произведены или гербами снабжены не были“. Давая каждому классу право, преимущество и привилегіи, табель о рангахъ на правляла человѣческое честолюбіе къ государственной службѣ, въ то время какъ вся масса народа была совершенно безправною,

обремененная разными обязанностями и повинностями по отношенію къ государству. Такимъ образомъ, стало развиваться особое привилегированное, но не замкнутое сословіе, которое постоянно подновлялось изъ другихъ сословій и умножалось по мѣрѣ развитія государственности. Право повышать въ чинахъ предоставлялось только сенату. Чтобы оградить высшіе чины отъ людей недостойныхъ, сенатъ долженъ былъ замѣщать вакантныя мѣста, начиная съ VI класса, баллотировкою, кромѣ придворныхъ; на низшія же мѣста выбирать достойнѣйшаго изъ троиухъ, представленныхъ тѣмъ учрежденіемъ, гдѣ открывается вакансія ¹⁾. Вообще производство изъ класса въ классъ было обставлено очень строго. Строго также предписывалось наблюдать, чтобы каждый рангъ пользовался только тѣмъ, что ему слѣдовало по табели. „Кто выше своего ранга будетъ себѣ почести требовать“, говорится тамъ, „или самъ мѣсто возьметъ выше, тому за каждый случай платить штрафу 2 мѣсяца жалованья; ¹/₃ долю получить объявитель, а достальныя въ госпиталь употреблены быть. Но не въ такихъ окаянхъ требуется, когда нѣкоторые яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся, или въ публичныхъ ассамбляхъ; но токмо въ церквахъ при службѣ Божией, при дворцовыхъ церемоніяхъ, яко при аудіенціи по слову, торжественныхъ столахъ, въ чиновныхъ съѣздахъ, при бракахъ, при крещеніяхъ и симъ подобныхъ публичныхъ торжествахъ и церемоніяхъ. Равный же штрафъ и тому слѣдуетъ, кто кому ниже своего ранга мѣсто уступить, чего надлежитъ прилежно фискаламъ смотрѣть, дабы тѣмъ охоту подать къ службѣ, и онимъ честь, а не нахаламъ и тунеядцамъ получить. Штрафъ какъ мужскому, такъ и женскому полу необходимо за преступленіе надлежитъ“.

Чины въ военной службѣ не были такъ разнообразны, какъ въ статской; притомъ же самыя названія ихъ были или русскія, или, если иностранныя, то вошедшія къ намъ уже давно—въ XVI и XVII стол., слѣд. болѣе или менѣе обрусѣлыя, привычныя русскому уху. Названія же чиновъ статскихъ были все новыя, иностранныя, длинныя, которыя русскій человѣкъ съ трудомъ могъ произносить. Вслѣдствіе этого тотчасъ же явилось стремленіе въ обыкновенныхъ сношеніяхъ переводить ихъ на военные чины, соотвѣтственные тому же классу, напр. коллежскіе ассесоры или сенатскіе секретари назывались майорами, такъ какъ они числились въ одномъ и томъ же VIII классѣ. Вреченіе немногихъ лѣтъ это вошло между чиновниками въ такой обычай, что вызвало въ 1731 году слѣдующій именной указъ:

„Понеже извѣстно намъ учинилось, что многіе изъ придворныхъ и гражданскихъ чиновъ, состоящіе въ генералитетскихъ и штабъ и оберъ-офицерскихъ рангахъ называются сами и другіе ихъ именуютъ противъ ранговъ ихъ воинскими чинами, а не тѣмъ званіемъ, въ какое дѣйствительно опредѣлены, отчего происходитъ великій непорядокъ,

¹⁾ Полн. собр. зак., т. VI, № 3978, о должности сената, п. 5, 7.

того ради указали мы... дабы никто впредь противъ вышеписаннаго не надлежащимъ по чину званіемъ именоваться отнюдь не дерзаль, и служителямъ своимъ о томъ жестоко запретить, чтобы каждый какъ письменно, такъ и на словахъ, имѣлъ зваться по настоящему своему дѣйствительному чину подъ опасеніемъ нашего гнѣва неотмѣнно ¹⁾.

Но, какъ видно, этотъ указъ не произвелъ желаннаго дѣйствія. Черезъ пять лѣтъ оказалось нужнымъ подтвердить его съ прибавленіемъ словъ „подъ опасеніемъ лишенія чина“ ²⁾. И такая угроза не на многихъ дѣйствовала. Страсть называться военными чинами долго у насъ господствовала въ средѣ гражданскихъ чиновниковъ. Впрочемъ, въ самыхъ указахъ нерѣдко подавался къ тому поводъ: такъ подъ чинами оберъ-офицерскими и штабъ-офицерскими разумѣлись чины какъ военные, такъ и гражданскіе, а со словомъ офицеръ не иначе соединяли, какъ военный чинъ, или, при опредѣленіи извѣстнаго гражданского чина, приравнивали его къ военному: „ассесоры коллежскіе и надворные совѣтники по табели въ рангѣ майорскомъ положены“, говорится въ одномъ указѣ 1745 года. А въ 1748 году, по поводу производства одного иностранца-академика въ чинъ коллежскаго совѣтника, въ указѣ сказано: „понеже сей чинъ въ иностранныхъ государствахъ необыкновенный, то мы его вмѣсто того канцеляріи совѣтникомъ въ рангѣ полковничьемъ жалуемъ, въ которомъ рангѣ всѣ наши, какъ передъ симъ произведенные канцеляріи совѣтники были, такъ и впредь опредѣляемы быть имѣютъ ³⁾“. Съ этимъ вмѣстѣ въ служащемъ классѣ возникло и стремленіе соединять съ чиномъ не мѣсто, а званіе, независимо отъ мѣста, дающее извѣстныя привиллегіи. Поводомъ къ этому сначала послужила нѣкоторая сбивчивость въ исчисленіи мѣстъ и должностей въ самой табели о рангахъ. Такъ, во второмъ классѣ показаны дѣйствительные тайные совѣтники безъ специальныхъ должностей, и при изданіи табели нѣкоторые первостатейные бояре прямо пожалованы этимъ чиномъ, какъ почетнымъ званіемъ. Въ четвертомъ классѣ, между многими исчисленными должностями, попадаютъ тайные совѣтники также безъ specialнаго назначенія, и тогда же былъ облеченъ въ этотъ чинъ извѣстный молдавскій господарь, князь Димитрій Кантемиръ, въ качествѣ приближеннаго лица къ государю; а черезъ два года состоялся указъ повысить чинъ тайныхъ совѣтниковъ въ третій классъ, и въ то же время введены два новыя чина безъ указанія должности или мѣста: „на мѣста тайныхъ совѣтниковъ (т. е. въ четвертый классъ) учинить чинъ статскихъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ, да въ пятый классъ прибавить статскихъ совѣтниковъ чинъ ⁴⁾“.

¹⁾ Полн. собр. зак., т. VIII, № 5878.

²⁾ Тамъ же, т. IX, № 7021.

³⁾ Тамъ же, т. XII, № 9534.

⁴⁾ Тамъ же, т. VII, № 4500.

Въ то же время нѣкоторые изъ вычисленныхъ въ табели чиновъ, какъ на примѣръ, президенты и вице-президенты въ надворныхъ судахъ, оберъ-ландъ-рихтеры въ резиденціи, оберъ-комиссары, воеводы, казначеи, ассесоры въ провинціальныхъ судахъ и мн. др. не приказано „за вѣчный чинъ почитать, но заурядъ, ибо они не суть чины; того ради рангъ имѣть должны, пока они дѣйствительно у своего дѣла обрѣтаются; а когда пережъются, или оставятся, тогда того ранга не имѣютъ“.

Втеченіе всего XVIII столѣтія, табель о рангахъ мало-по-малу измѣнялась и дополнялась; нѣкоторые чины стали обобщаться независимо отъ должностей и сдѣлались какъ бы наименованіемъ цѣлаго класса. Въ 1745 году, найдено неравенство между нѣкоторыми чинами статскими и военными, вслѣдствіе чего выданъ такой именной указъ: „Понеже ассесоры коллежскіе и надворные совѣтники по табели въ рангѣ майорскомъ положены, но когда они дагѣ въ чины производятся, то они вдругъ два ранга получаютъ, т. е. въ совѣтники коллежскіе въ рангъ полковничій, слѣдовательно они предъ воинскими чинами авантажнѣе происходятъ; а воинскіе, напротивъ того, по порядку изъ майоровъ въ подполковники, а потомъ уже въ полковники дослуживается; а дабы также по порядку и статскіе чины произведены были, того ради повелѣли мы: отъ сего времени вышепомянутый чинъ надворныхъ совѣтниковъ въ рангѣ подполковничьемъ установить такъ, чтобы ассесоры коллежскіе напередѣ въ оный чинъ надворныхъ совѣтниковъ, а потомъ уже въ коллежскіе совѣтники произведены были, а для того оныя надворные совѣтники, сколько ихъ нынѣ есть, отъ сего времени всѣ въ рангѣ подполковничьемъ почтены быть имѣютъ“¹⁾. До указа о вольности дворянства отставки были очень рѣдки: каждый обязанъ былъ служить до смерти; поэтому о сохраненіи чина внѣ службы не могло быть и рѣчи. Но когда служащіе получали право по собственной волѣ оставлять службу, то лишать ихъ пріобрѣтенной чести было уже неудобно. Отставной удерживалъ за собою выслуженный чинъ, и такимъ образомъ, чины окончательно обратились въ почетное званіе²⁾, особенно съ учрежденіемъ министерствъ, гдѣ явились новыя должности съ новыми названіями, и прежнія названія вполне потеряли свой первоначальный смыслъ: повышение въ чинѣ какъ награда за службу сдѣлалось само по себѣ независимо отъ повышения въ должности.

Число служебныхъ мѣстъ непомѣрно росло въ нашей администраціи, благодаря укоренившемуся въ русскомъ законодательствѣ

¹⁾ Полн. собр. зак., т. XII, № 9179.

²⁾ Такъ, въ началѣ царствованія Екатерины II Ломоносовъ былъ пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника не по мѣсту, а какъ званіемъ, хотя по табели о рангахъ „профессоры при академіяхъ и докторы всякихъ факультетовъ“ числились въ IX классѣ.

принципу „предупреждать преступленія“. Это стремленіе выказалось еще въ законодательствѣ Петра Великаго, вызванное множествомъ противниковъ его преобразованій во всѣхъ слояхъ народа. Но вполне ясно оно высказалось, какъ идеальная черта законодательства, въ известномъ „Наказѣ“ императрицы Екатерины: „предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законодательства, которое не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому усовершенному благу, или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло“. Повидимому, этотъ принципъ долженъ бы былъ довести общество до совершеннаго блага: чего лучше, какъ не допускать людей до преступленія, этимъ уменьшать число судебныхъ дѣлъ, рѣже прибѣгать къ наказаніямъ, слѣдовательно и сокращать число несчастныхъ. Но опыты показываютъ, что предупрежденіе преступленій не достигаетъ своей цѣли, а скорѣе вызываетъ новыя преступленія. Оно неминуемо обращается въ подозрѣніе, будто каждый способенъ преступить законъ, а отсюда вытекаетъ необходимость обставить дѣятельность каждаго такъ, чтобы онъ не могъ ступить свободнаго шагу безъ вѣдома начальства. Понятно, что при такомъ стѣсненіи свободной дѣятельности у большинства является стремленіе обойти эту опеку или, по крайней мѣрѣ, тѣ придуманныя безконечныя формальности, какія съ нею соединяются подъ предлогомъ охраны общественныхъ или личныхъ интересовъ. И вотъ эти-то попытки обращаются въ преступленія, которыя требуютъ слѣдствія, суда и наказанія. Ничего бы этого не было, если бы охранялся со всей строгостью и святостью законъ, а не личности, отъ возможныхъ преступленій; если бы каждый не исполнившій закона самъ отвѣчалъ за свой поступокъ, попадая въ руки правосудія. Тамъ же, гдѣ нужно слѣдить за всѣми, чтобы они не переступили за черту законности, обыкновенно самый законъ остается при слабой охранѣ, такъ какъ вниманіе охранителей отвлекается предупрежденіями, а своекорыстіе многихъ изъ нихъ находитъ возможность прикрывать преступленіе. Для предупрежденія требуется много сторожей и часовыхъ всякаго рода; но такъ какъ и они могутъ поддаваться соблазнамъ, то и для нихъ, съ цѣлью предупрежденія, нужны надсмотрщики и надзиратели, которые въ свою очередь не должны оставаться безъ надзора. Изъ-за того, чтобы кто нибудь не сдѣлался преступникомъ и тѣмъ не нанесъ вреда нѣсколькимъ лицамъ, каждый связывается по рукамъ и по ногамъ, и подавляется общественная предприимчивость частныхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и общая безпечность въ отношеніи къ общественнымъ интересамъ: каждый успокаивается на мысли, что и безъ него есть такіе люди, которые должны слѣдить за всѣмъ. Но такіе люди оказываются безсильными услѣдить за всѣми людскими помыслами и замыслами, и крупныя преступленія зрѣютъ скрытно, въ тишинѣ, и творятся тогда, когда предупрежденіе дѣлается запоздавшимъ. Предупреждаются по

большой части мелкіе проступки, а отъ дѣйствительныхъ преступленій общество нисколько не ограждается. Оно, напротивъ, только обезсиливается какъ ребенокъ, за которымъ всегда ходятъ няньки. Предупрежденіе преступленій можетъ имѣть значеніе лишь временное, когда обнаружится какой либо заговоръ, или предполагаютъ замыслы злоумышленниковъ; иначе оно задерживаетъ общественный ростъ и создаетъ множество искусственныхъ, такъ сказать, формальныхъ преступленій.

У насъ принципъ предупрежденія наплодилъ множество административныхъ и полицейскихъ мѣстъ, развилъ огромную переписку и потребовалъ полки чиновниковъ. Недостатка въ нихъ не оказалось, благодаря тому, что всякая другая дѣятельность, стѣсненная постороннею опекою, не особенно привлекала къ себѣ людей, сколько нибудь образованныхъ и даже просто грамотныхъ. Всѣ, разумѣется, устремлялись туда, гдѣ было лучше; а лучше было подъ покровомъ табели о рангахъ. Понятно, что государству трудно было до-сыта накормивать всѣ эти полки разныхъ регистраторовъ, секретарей, ассесоровъ и совѣтниковъ. И вотъ, образовался чиновничій пролетаріатъ, который уже самъ отыскивалъ себѣ средства для пропитанія, кормился около законовъ взятками, и привыкъ цѣнить службу только по личнымъ выгодамъ. Развилось и особенное понятіе о службѣ, изъ котораго исключалось представленіе общественнаго дѣла, государственная польза, и т. п. служить—значило добывать чины всякими путями и извлекать изъ своего привилегированнаго положенія всевозможныя личныя выгоды. Не измѣнялось такое понятіе и отъ образованія, которое съ Екатерины II и въ особенности при Александрѣ и Николаѣ Павловичахъ стало вызываться также чинами. Они сдѣлались приманкою въ разныя спеціальныя училища и въ университеты, которые получали право награждать чинами отъ XIV до IX класса тѣхъ, кто оканчивалъ въ нихъ полный курсъ. Хотя эта мѣра, дѣйствительно, помогла распространиться образованію въ средѣ дворянской и чиновничьей; но само оно приняло одностороннее и ложное направленіе. Оно не возвысилось до общечеловѣческаго значенія, а только приравнивалось къ чиновничьимъ понятіямъ, и въ смыслѣ нравственномъ мало совершенствовало общественные идеалы. Извѣстный указъ 6 августа 1809 года, по мысли Сперанскаго, пошелъ даже далѣе школь, выказывая стремленіе увеличить число образованныхъ чиновниковъ: онъ требовалъ экзамена для производства въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника отъ тѣхъ лицъ, которыя не могли представить университетскаго диплома, и экзамена не по спеціальнымъ предметамъ на должности, а по школьнымъ предметамъ, служащимъ основаніемъ общаго образованія. Здѣсь какъ нельзя яснѣе выказался ложный взглядъ на образованіе, которое полагалось не въ умственномъ и нравственномъ развитіи, а въ отрывочныхъ знаніяхъ по географіи, исторіи, въ ариметическихъ вычисленіяхъ и проч.

Непрактичность этого указа стала вызывать тотчас же разные исключения и изысканія и, наконецъ, онъ самъ обратился въ какое-то исключеніе и былъ отиѣненъ въ 1834 году.

Въ то же время запросъ на службу все болѣе и болѣе усиливался со стороны оканчивающихъ курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, число которыхъ замѣтно увеличивалось. Другаго исхода въ жизни не было этимъ молодымъ людямъ: воспитанные на мысли о службѣ, они не приобрѣтали никакихъ другихъ свѣдѣній, нужныхъ на иномъ поприщѣ, да и вообще мало заботились объ основательномъ усвоеніи какихъ либо прочныхъ знаній, считая, что право на службу даетъ приобретенный по экзамену чинъ; а приготовиться къ экзамену было дѣломъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Застой жизни въ восемьсотъ тридцатыхъ годахъ во всѣхъ классахъ общества, стѣсненія въ промышленныхъ предпріятіяхъ и частнаго почина во всякомъ общественномъ дѣлѣ, не подавали надежды, что могутъ открыться новыя поприща для дѣятельности молодыхъ людей. Къ тому же невѣрное положеніе каждаго человѣка безъ чина, не огражденнаго достаточно отъ всяческихъ оскорбленій со стороны имущихъ власть, отталкивало человѣка сколько нибудь образованнаго отъ всякой другой дѣятельности: даже художники, музыканты, писатели, медики,—все искали какихъ нибудь мѣстъ для чина. Такое положеніе человѣка, применувшаго къ образованному классу, было крайне неестественно. На это стали указывать въ заграничной литературѣ, какъ на болѣзнь и на язву въ государствѣ, совѣтудя какъ нибудь отъ нея избавиться. Самому правительству сталъ въ тягость весь этотъ порядокъ гражданской службы.

Въ 1830 году, государственный совѣтъ разсматривалъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ, гдѣ уже предполагалось „установить порядокъ службы не на чинахъ, а на должностяхъ, присвоить каждому мѣсту свойственное ему значеніе, каждому служащему лицу приличное уваженіе и вѣрную надежду повышенія по мѣрѣ заслугъ въ его званіи и дать другое и лучшее направленіе похвальному исванію чести, поставивъ ее въ дѣлѣ, а не въ названіи“. Чтобы достигнуть этого, ишлось въ виду прекратить производство въ гражданскіе чины, слить чинъ съ мѣстомъ, для чего составить росписаніе государственныхъ должностей, съ которыми и должны быть связаны опредѣленные чины. Такимъ образомъ, предполагалось снова обратиться къ первоначальной Петровской табели о рангахъ. Но проектъ не пошелъ далѣе государственнаго совѣта; о немъ только темныя слухи проникли въ общество, и въ нѣкоторыхъ образованныхъ кружкахъ были встрѣчены сочувственно. Но стремленіе иначе поставить гражданскую службу не прекратилось въ правительствѣ. Въ 1834 году, въ связи со службою самое образованіе было раздѣлено на три ступени: лица съ высшимъ образованіемъ получили право на сокращенные сроки въ чиновнопроизводствѣ передъ лицами со среднимъ образованіемъ, которыя въ свою очередь пользовались преимуществами пе-

редь людьми съ низшимъ образованіемъ. Но съ этой мѣрой не исчезла мысль уничтожить чины, какъ нѣчто отдѣльное отъ должностей. Въ 1846 году, императоръ Николай Павловичъ приказалъ рассмотреть вопросъ о гражданской службѣ особому комитету, составленному изъ товарищей министровъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Тяньшева, котораго потомъ смѣнилъ генералъ-адъютантъ Анненковъ. Здѣсь тоже высказалось намѣреніе уничтожить чины въ томъ видѣ, какъ они существовали.

Вотъ тогда-то въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, явился консерваторъ, которому такое намѣреніе показалось крайне либеральнымъ и даже опаснымъ для самодержавной власти. Въ февралѣ 1847 года, онъ представилъ государю записку, на которой мы теперь и останавливаемся, какъ на историческомъ эпизодѣ, заслуживающемъ вниманія для характеристики понятій, развивавшихся въ нѣкоторыхъ чиновничьихъ кружкахъ того времени. Они дали намъ тѣмъ интереснѣе, что черезъ немного лѣтъ событія показали, какъ они были ошибочны и до чего, наконецъ, должны были довести государство.

Странное впечатлѣніе производитъ эта „записка“: въ ней говорится о такомъ учрежденіи, на которомъ основано почти все управленіе народомъ, которое составляетъ орудіе верховной власти, говорится о такой службѣ, изъ которой непременно должна вытекать польза государству и народу; а между тѣмъ то, что составляетъ жизненную силу государства, то, безъ чего и власть немыслима—народъ—не въ смыслѣ простонародья, а въ смыслѣ всѣхъ состояній, русская земля,—какъ бы не существуетъ въ понятіяхъ автора. У него бюрократія является какъ нѣчто отдѣльное, самостоятельное, существующее для государства безъ народа, или, еще вѣрнѣе, для защиты государства отъ народа. У него съ понятіемъ „служба“ соединяется не трудъ въ интересахъ государства, не общественное благо, а лишь исканіе чиновъ ради власти, лишь стремленіе удовлетворить личному честолюбію. Трудно найти логическую связь между мыслями „записки“, которая подступаетъ къ своему предмету съ разныхъ сторонъ, подставляя къ нему красивыя подпорки, но стѣбитъ въ нихъ вглядѣться поглубже, чтобы замѣтить внутреннюю гниль, подкрашенную яркими красками.

Нужно вчитаться въ „Записку“, чтобы найти ту затаенную мысль, для которой она писана. Русскій вельможа испугался, что съ уничтоженіемъ табели о рангахъ пропадетъ сила высшаго сословія, потому что людямъ со связями и съ протекціями чины добывать было легко, согласно съ теоріей Фамусова; но если высшія мѣста будутъ даваться не по чинамъ, а по способностямъ, дѣйствительнымъ трудамъ и заслугамъ, то придется потерпѣть тѣмъ, кто до сихъ поръ быстро возвышался по ступенямъ чиновной лѣстницы и добывалъ почетъ не этими средствами. Переработать понятіе о государственной службѣ,

перевоспитать семьи, невоспитанныя для труда, было мало надежды. Следовательно, чтобы удержать въ рукахъ власть и всё выгоды, съ нею соединенныя, нужно было сохранить существующій порядокъ, значить, провести мысль, что съ нимъ связывается прочность самодержавія. Какъ ни странна мысль, будто опорой престола можетъ быть только одно сословіе или одинъ классъ, но она, вопреки исторіи и въ обиду всему народу, была распространена въ то время, повторялась въ разныхъ воззваніяхъ и считалась неопровержимою. Но доказать ее логически на основаніи историческихъ выводовъ было бы трудно. Гораздо легче было соединить съ нею подозрѣнія, опасенія, разные намеки, привести въ связь съ тѣми мыслями, которыя въ то время были пугалами, вызывая разные страшные призраки. Авторъ „Записки“ самъ чувствовалъ, что ему недостаетъ вѣскихъ доказательствъ, и для своего огражденія отъ замѣчаній съ этой стороны, прикрывается такими фразами:

„Вопросъ, коего лишь главнѣйшія черты изложены въ этой краткой запискѣ, есть вопросъ первой важности, стоящій нынѣ на ряду съ коренными, отъ которыхъ зависитъ будущность Россіи, ея долготѣіе и благоденствіе. Не трудно было бы, распространивъ объемъ этой „записки“, подерѣнить выводы прямыми доказательствами, взятими изъ существа нашего государственнаго права и отечественной исторіи, но и краткою указанія едва ли не достаточно, чтобы обратиться на этотъ столько же важный, сколько и сложный вопросъ вниманіе каждаго благомыслящаго, одушевленнаго чувствомъ своихъ обязанностей къ государю и отечеству.“

Здѣсь послѣднее слово прибавлено болѣе для закругленія фразы; изъ привычки соединять съ именемъ государя отечество; но на самомъ дѣлѣ объ отечествѣ тутъ и не думалось, по крайней мѣрѣ изъ всей „записки“ не видно, чтобы понятіе объ отечествѣ было вполне ясно. Съ отечествомъ обыкновенно соединялось представленіе тѣхъ выгодъ, которыя извлекались однимъ сословіемъ изъ угнетеннаго положенія всѣхъ прочихъ; за отечество заболѣвало сердце тогда, когда грозилъ какой-либо ущербъ этимъ выгодамъ. Если возникшій вопросъ былъ дѣйствительно такой первой важности и для государя, и для отечества, какъ представлялъ графъ Уваровъ, то что же мѣшало ему разработать его со всѣхъ сторонъ, извлечь прямыя доказательства и изъ государственнаго права, и изъ отечественной исторіи, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ головѣ каждаго благомыслящаго. Этого требовало, выражаясь словами „записки“, чувство своихъ обязанностей къ государю и отечеству. Но если этого не было сдѣлано, то не слѣдуетъ ли заключить, что о такихъ доказательствахъ серьезно и не думалось, что вмѣсто нихъ считалось достаточнымъ замаскировать свою главную мысль разными опасеніями и мнимыми страхами, съ вѣрнымъ расчетомъ, что такими средствами скорѣе можно убѣдить, т. е. напугать и достигнуть своей цѣли. Въ этихъ приемахъ, несовсѣмъ логическихъ, мы видимъ харак-

теристическую черту того времени, не относя ея исключительно къ графу Уварову,—лицу, во всякомъ случаѣ выдающемуся своею государственною дѣятельностью и заслуживающему уваженія передъ множествомъ другихъ, игравшихъ видныя роли, его современниковъ.

Автору „Записки“, какъ мы сказали, нужно было прежде всего показать значеніе табели о рангахъ въ русскомъ самодержавномъ государствѣ. Въ самомъ началѣ онъ и задаетъ себѣ задачу—разъяснить силу самаго учрежденія:

„Система чиновъ“, говоритъ онъ, „исходящая изъ табели о рангахъ Петра I, обращалась въ укоризну и насмѣлку не только иностранцами, писавшими о Россіи, но и многими изъ русскихъ, не постигавшихъ смысла сего учрежденія. Между тѣмъ, никакая иная мѣра, никакое иное государственное постановленіе, не свидѣтельствуетъ столь явно о глубокомъ разумѣ великаго преобразователя Россіи, кому обязаны потомственные вѣнценосцы новою силою, не бывавшею въ рукахъ другихъ государей и составляющею твердую опору изъ власти.“

Итакъ, опора власти русскихъ государей не вѣра народа въ высокій идеалъ царя, не нравственная связь царя съ народомъ, не вѣчныя заботы царя о народномъ благѣ, какъ онъ является въ идеальномъ представленіи народа, а въ корпорации чиновниковъ, созданной табелью о рангахъ. Россія съ своимъ многомилліоннымъ народомъ тутъ является какою-то завоеванною страной, гдѣ сила и власть верховнаго правителя опирается только на хорошо организованную дружину чиновниковъ, обратившихся въ завоевателей. Саркастичѣе этого нельзя было выразиться въ разсужденіи о системѣ чиновъ по отношенію ихъ къ общей народной массѣ. Мы выводимъ только понятія, сложившіяся въ извѣстномъ кругу подъ впечатлѣніемъ исторической дѣйствительности, безъ всякаго желанія осуждать ихъ.

„И по истинѣ“, продолжаетъ авторъ „Записки“, „отбросивъ все то, что съ перваго взгляда можетъ въ учрежденіи чиновъ казаться страннымъ и несоотвѣтствующимъ нынѣшнимъ понятіямъ, мы убѣдимся въ высокомъ значеніи этого законоположенія, давшаго самодержавію орудіе столь могущественное, что доколѣ оно останется въ рукахъ властителей, едва-ли что либо можетъ поколебать самодержавную власть въ ея основаніяхъ.“

Здѣсь авторъ какъ бы украдкой киваетъ на тогдашнюю Европу, гдѣ колебалась власть и гдѣ смѣялись надъ нашей табелью о рангахъ, слѣдовательно предполагается такой выводъ, хотя и далеко не логическій: въ Европѣ колебалась власть отъ того, что ей незнакомо было наше чиновничество.

„Не останавливаясь на мертвой буквѣ“, говорится дальше въ „запискѣ“, „на формахъ, сопровождающихъ положеніе о чинахъ, для всякаго безпристрастнаго наблюдателя поразительны духъ и послѣдствіе этой великой государственной мѣры въ прямомъ, хотя

сокровенномъ ея значеніи. Въ гражданской жизни всѣхъ европейскихъ народовъ отличіе опредѣляется и достигается или родомъ, или богатствомъ, или дарованіемъ. Тамъ подъ всѣми формами правительствъ только эти три пути ведутъ къ высшимъ слоямъ общества, или, лучше сказать, они-то и составляютъ сей высшій слой. Но какъ приобрѣтаются отличія въ Россіи и что вкоренилось такъ глубоко въ общемъ сознаніи неисчислимаго большинства?

„Извѣстно, что у насъ, независимо отъ рода, отъ богатства и даже отъ дарованій, гражданское значеніе всѣхъ и cadaго зависитъ отъ степени, которая опредѣляется по усмотрѣнію высшей власти, и что безъ этой степени никто не пользуется вполнѣ выгодами, предоставляемыми или знатностью рода, или огромнымъ состояніемъ, или даже дарами ума и талантами. При такомъ положеніи, потомокъ Пожарскаго и потомокъ Минина должны наравнѣ искать благоволенія правительства, заслуживать офицерскій чинъ. Графъ Шереметевъ, вступая во владѣніе обширнымъ помѣстьемъ, обязанъ прежде воздать правительству, по мѣрѣ силъ, дань личной службой. Карамзинъ оставался бы скромнымъ писателемъ, если бъ взоръ монаршій не поставилъ его въ общественномъ мѣстѣ на равную степень съ вельможами.“

Такая идеализація чиновнаго класса могла бы имѣть нѣкоторую связь съ дѣйствительностью, если бы Петровская табель о рангахъ оставалась безъ всякаго измѣненія. Въ идеѣ она дѣйствительно открывала дорогу къ почетнымъ мѣстамъ всему, что есть въ государствѣ наиболѣе даровитаго, талантливаго, просвѣщеннаго, ученаго, а съ этимъ вмѣстѣ, предполагается, и честнаго, понимающаго общественную пользу. Если бы такіе только люди проходили служебную лѣстницу, то ничего бы лучшаго не нужно было и желать. Они, дѣйствительно, поддержали бы власть справедливостью, правосудіемъ, честно исполняя волю монарха, которая не можетъ быть направлена иначе, какъ къ общему благу. Но эта идея заглохла на практикѣ. Кому же было неизвѣстно, какъ приобрѣтались чины на самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ, кому какая польза могла быть отъ людей, которые не поддерживали силу закона, а торговали имъ, которые своимъ произволомъ подавляли въ массѣ всякое чувство законности и, слѣдовательно, развращали ее? Неужели такая личная служба могла быть опорой власти вѣнценосцевъ, какъ указываетъ „Записка“ графа Уварова? Не ясно ли, что его идеализація явилась совершенно фальшивою, но несмотря на это, она могла очень понравиться тѣмъ, кто предпочитаетъ блестящіе призраки настоящей правды.

Упомянувъ о гражданской жизни всѣхъ европейскихъ народовъ и употребивъ слова гражданское значеніе, коснувшись русской жизни, авторъ въ этомъ сопоставленіи наводитъ на мысль, что у насъ гражданскими правами можетъ пользоваться только чиновникъ,—значить, всѣ другія сословія были лишены гражданского значенія. Намъ

нѣтъ нужды опровергать его мысли или выводы, мы указываемъ только на тогдашнія понятія извѣстнаго круга. По этимъ понятіямъ, гражданское состояніе Россіи было хотя и особенное, но вполне нормальное, которое „глубоко вкоренилось въ общемъ сознаніи неисчислимаго большинства“, для большей же ясности необходимо прибавить—большинства того же класса, которому давалось гражданское значеніе табелью о рангахъ. Слова о потомкахъ Пожарскаго и Минина, равно и графа Шереметева, могли бы имѣть нѣкоторое значеніе до изданія грамоты о вольности дворянства, когда каждый дворянинъ обязанъ былъ „воздавать правительству дань личной службы“; но въ сороковыхъ годахъ, когда само правительство стало искать средства отвлекать отъ службы часть ищущихъ ее, не имѣя возможности удовлетворять ежегодно увеличивавшемуся запросу на „гражданское значеніе“, эти слова могли служить только красками для фальшивой идеализаціи, на которую мы указали. Несовсѣмъ удачно также и указаніе на Карамзина въ сороковые годы, когда уже наступившее для него потомство чтило его въ общественномъ мнѣніи не какъ лицо, ставшее на равную степень съ вельможами, а какъ писателя, оказавшаго своимъ талантомъ большую услугу литературѣ, обществу и народу. По меньшей мѣрѣ было странно въ то время представлять его скромнымъ писателемъ, достоинство котораго было будто бы возвышено тѣмъ, что по „гражданскому значенію“ онъ сталъ на равную степень съ вельможами. Въ такомъ случаѣ, какъ много долженъ бы былъ потерять Пушкинъ въ общественномъ мнѣніи! Но онъ и въ самомъ дѣлѣ много терялъ, только не въ общественномъ мнѣніи, а въ глазахъ такихъ чиновныхъ идеалистовъ, какіе намъ рисуются въ „Запискѣ“. Но обратимся къ ней снова:

„Что-жъ укрѣпило втеченіе 120 лѣтъ въ общемъ мнѣніи учрежденіе Петра I“, спрашиваетъ графъ Уваровъ, „и отчего Россія, не взирая на возгласы нѣкоторыхъ легкомысленныхъ и недалновидныхъ, такъ пристрастилась къ этому порядку, что измѣненіе его считала бы не приобрѣтеніемъ, а ущербомъ?“

Имѣя въ виду тѣ понятія, которыя уже высказались прежде, здѣсь мы должны подъ словомъ „Россія“ принять лишь чиновный классъ, за которымъ, по взгляду графа Уварова, только и признавалось „гражданское значеніе“, и который, конечно, измѣненіе въ чиновничьихъ производствѣ въ такомъ смыслѣ, какъ предполагалось, сталъ бы считать не приобрѣтеніемъ, а ущербомъ. И такъ, съ интересами одного класса отождествлялись интересы государства и народа. Съ интересами одного сословія хотѣли насильственно связать интересы высшей власти и оторвать отъ нея интересы всѣхъ другихъ подданныхъ. Дальнѣйшія слова „Записки“ представляютъ еще большую натяжку:

„Россія не пристрастилась, какъ иные думаютъ, ни къ титуламъ, съ нѣмецкаго довольно неудачно переведеннымъ, ни къ званіямъ, льстящимъ самолюбію, но потерявшимъ большую часть ихъ приманки;

причина желанія чиновъ лежитъ глубже. Россія любитъ въ табели о рангахъ торжественное выраженіе начала, славянскимъ народамъ драгоцѣннаго—равенства передъ закономъ; дорожить знаменіемъ мысли, что каждый въ свою очередь можетъ проложить себѣ путь къ высшимъ достоинствамъ службы. Сынъ знатнаго вельможи, или богатѣйшаго откупщика, вступая на поприще государственной службы, не имѣетъ въ законахъ оной никакого другаго преимущества, кромѣ преимущества постояннаго усердія, и оно можетъ быть у него благородно оспариваемо сыномъ бѣднаго и неизвѣстнаго заслугами отца“.

Все это, въ самомъ дѣлѣ, представлялось при изданіи табели о рангахъ; но дѣйствительность заглушила ея основную идею, и одного постояннаго усердія оказалось мало при конкуренціи съ сыновьями знатнаго вельможи, или богатѣйшаго откупщика; сильнѣе этого качества сдѣлались другія, которыхъ почти всегда не доставало у сына бѣднаго и неизвѣстнаго заслугами отца. Примѣръ Сперанскаго и нѣкоторыхъ другихъ не можетъ подтвердить мнѣнія графа Уварова, такъ какъ и Сперанскій, безъ сильной протекціи въ началѣ службы, съ однимъ своимъ усердіемъ, можетъ быть, пошелъ бы не далеко. Что же касается до равенства передъ закономъ, которымъ будто бы дорожила крѣпостная Россія какъ началомъ, драгоцѣннымъ славянскимъ народамъ, то о немъ какъ-то странно было слышать въ тѣ времена, особенно же дѣлать общіе выводы о славянскихъ народахъ, которые чуть не всѣ были сравнены безправіемъ. Да и кромѣ того, равенствомъ передъ закономъ можно-бъ было всѣмъ пользоваться и безъ табели о рангахъ, которая, давая исключительныя права нѣкоторымъ, скорѣе могла мѣшать равенству. Остается отчасти вѣрною только одна мысль, которая, впрочемъ, можетъ относиться и не къ одной Россіи: какой народъ не будетъ дорожить мыслью, что каждый изъ его среды можетъ проложить себѣ путь къ высшимъ достоинствамъ службы? Въ отношеніи къ Россіи эта мысль ограничивалась нѣкоторыми сословіями, а миллионы крѣпостнаго народа не могли питаться ею, и дорожить „знаменіемъ этой мысли“, т. е. табелью о рангахъ, имъ не приходилось. Скорѣе они чувствовали на своихъ плечахъ всю тягость этого табельнаго сословія, которое считало настоящею гражданскою Россіею только себя, а на всѣхъ другихъ смотрѣло какъ на источники для доходовъ.

Причина желанія чиновъ въ то время лежала, дѣйствительно, глубоко, но къ сожалѣнію ни графъ Уваровъ, ни многіе другіе, не хотѣли замѣтить, или поискать ея. Мы уже прежде на нее указали: чинъ давалъ, по крайней мѣрѣ, хоть тѣ права, безъ которыхъ человеку, хоть нѣсколько развитому и образованному, невыносимо было жить въ обществѣ; у насъ есть довольно примѣровъ, что такіе люди, даже очень талантливые, погибали.

Изъ предъидущихъ своихъ мыслей графъ Уваровъ дѣлаетъ такое заключеніе:

„Итакъ, съ одной стороны, Россія смотритъ на табель о рангахъ не какъ на игрушку мелкаго ребяческаго тщеславія, а какъ на залогъ одного изъ важнѣйшихъ своихъ началъ въ быту народномъ; съ другой—правительство держитъ въ своихъ рукахъ орудіе, какъ будто общимъ согласіемъ ему предоставляемое,—орудіе, по силѣ котораго къ политическому смыслу самодержавія прибавляется еще и нравственное достоинство“.

Если подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ разумѣть отрицаніе нравственнаго достоинства въ человѣкѣ, не успѣвшемъ получить чинъ, то признаемся—силнѣйшаго осужденія не могъ бы придумать и тотъ, кто задалъ бы себѣ задачу уронить въ общемъ мнѣніи табель о рангахъ, какъ учрежденіе отжившее и мѣшающее народу свободно развиваться нравственно. При такихъ понятіяхъ нисколько не удивительно, что въ извѣстномъ кругу при знакомствѣ съ человѣкомъ прежде всего спрашивали, есть ли у него чинъ, иначе онъ представлялся лицомъ безъ нравственнаго достоинства, съ которымъ зазорно было знакомиться и которое даже неловко было посадить съ собою.

Продолжаемъ „Записку“:

„Законоположеніе о чинахъ можетъ измѣниться двумя способами: совершеннымъ уничтоженіемъ онаго, или ограниченіемъ. Замѣчательно, что одинъ изъ записныхъ недоброжелателей существующаго порядка въ Россіи, Николай Тургеневъ, въ сочиненіи своемъ о Россіи говоритъ, что едва-ли возможно будетъ побудить правительство отказаться вполне отъ этого учрежденія и что на первый случай можно довольствоваться ограниченіемъ, состоящимъ въ томъ, чтобы чины были предоставляемы однимъ служебнымъ мѣстамъ. Ясно, что не соразмѣрность сихъ послѣднихъ съ первыми должна мало-помалу положить конецъ самому учрежденію и ввести новый порядокъ службы, новый порядокъ гражданскаго быта въ Россіи. Разсмотримъ послѣдствія такого измѣненія:

„Первое дѣйствіе не только совершеннаго уничтоженія, но и одного ограниченія закона о чинахъ, произведетъ въ общемъ мнѣніи несомнительное потрясеніе, отчасти похожее на смятеніе, и дастъ поводъ къ толкамъ и предположеніямъ о дальнѣйшихъ мнимыхъ видахъ правительства. Этотъ сильный ударъ поразитъ множество предубѣждений, скажемъ, предрасудковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возбудитъ множество тайныхъ надеждъ и мечтаній. Въ Россіи умъ слишкомъ дѣятеленъ, слишкомъ смѣтливъ, и не можетъ оставаться долго подъ бременемъ слѣпаго оцѣпенѣнія; въ скоромъ времени умы воспрянутъ къ новымъ соображеніямъ, пронизыву въ изгибы всѣхъ могущихъ быть слѣдствій, и найдутъ себѣ пути болѣе или менѣе благонамѣренныя къ цѣли, вдали отерываемой“.

Во всемъ этомъ мы не можемъ видѣть ничего другаго, кромѣ приступа къ созданію мнимыхъ страховъ отъ тѣхъ призраковъ, которые мерещились въ то время многимъ, благодаря предшествовавшей дѣя-

тельности графа Бенкендорфа, специальностью котораго было неустанно слѣдить за общимъ мнѣніемъ, въ дѣйствительности и не существовавшимъ. Главное желаніе высшихъ властей въ то время состояло въ томъ, чтобъ все и вездѣ было спокойно, чтó служило признакомъ общей безопасности, довольства и счастья. Отсюда являлось опасеніе, чтобъ куда нибудь не проникла какая либо живая мысль, которая могла бы возбудить разговоры въ разныхъ кружкахъ, если не въ цѣломъ обществѣ; и всѣ усилія властей были направлены къ водворенію общаго молчанія. И вотъ, „Записка“ угрожаетъ правительству тѣмъ, чего оно всего болѣе боялось, особенно въ виду неспокойнаго состоянія умовъ въ тогдашней Европѣ. Это было за годъ до февральской революціи во Франціи. Хотя у насъ все было спокойно, и не было никакихъ причинъ создавать какіе либо страшные призраки, но призраки создавались, и всегда было легко пустить мысль о возможности „несомнительныхъ потрясеній, отчасти похожихъ на смятеніе“. Если тогдашнее правительство любило держать въ тайнѣ отъ всѣхъ свои виды и предположенія, то понятно, что давать поводъ къ толкамъ о дальнѣйшихъ, даже мнимыхъ его видахъ, было съ его точки зрѣнія совсѣмъ неблагоразумно. А тутъ еще предсказываютъ, что оно своими мѣрами въ вопросѣ о чинахъ можетъ возбудить множество „тайныхъ надеждъ и мечтаній“. Кто же не зналъ, какой смыслъ заключали въ себѣ эти слова—„тайныя надежды и мечтанія?“

Достаточно было только мимоходомъ намекнуть на это, чтобы напугать и заставить отказаться отъ предполагаемыхъ мѣръ. Но настоящія и болѣе дѣйствительныя запугиванья слѣдуютъ далѣе:

„Въ Россіи трудно дѣлать рѣшительный выводъ касательно общаго мнѣнія, потому что оно лишено возможности открыто высказываться и обнаруживаться. При всемъ томъ, кто пристально и вблизи наблюдаетъ за его ходомъ, тому послѣдствія новаго положенія о службѣ представляются въ чертахъ самыхъ опредѣленныхъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ подобнаго переворота былъ бы переворотъ въ понятіяхъ о службѣ, которыя и безъ того мало-помалу подвергаются измѣненію“.

Въ этой фразѣ слово „переворотъ“, котораго такъ сильно боялись въ правительственныхъ кругахъ, служить какимъ-то грознымъ предвѣстіемъ чего-то опаснаго. „Записка“ дорожитъ существовавшимъ понятіемъ о службѣ, которое, какъ мы видѣли, плодило массу честолюбивыхъ тунеядцевъ, неспособныхъ ни на какой настоящей трудъ для общаго блага. Государство сильно страдало отъ такихъ понятій и, казалось, каждый просвѣщенный патриотъ долженъ бы былъ желать, чтобы, наконецъ, принимали службу въ настоящемъ ея значеніи, какъ честный трудъ въ интересахъ государства, общества и народа. Но такая переимѣна въ понятіяхъ представлялась страшною для того кружка, который считалъ себя какъ бы призваннымъ держать власть въ своихъ рукахъ.

Дальнѣйшія строки ясно высказываютъ, о комъ именно хлопо-

тала партія консерваторовъ, представителемъ которыхъ на этотъ разъ является авторъ „Записки“:

„Мысль общая за полвѣка, что каждый русскій подданный долженъ служить престолу, мысль, которая благоговѣнно руководитъ цѣлыми поколѣніями—съ уничтоженіемъ табели о рангахъ несомнѣнно ослабѣетъ. Можетъ быть, на первый случай останется привычка посвящать нѣсколько лѣтъ юношеской жизни государственной службѣ; но когда счастливый случай не откроетъ желаемого поприща, когда, при маломъ числѣ мѣстъ, встрѣтится безнадежность получить выгодное для честолюбія назначеніе, когда число не служащихъ, или переставшихъ служить, будетъ ежегодно возрастать,—тогда едва ли молодой человѣкъ рѣшится долго оставаться въ такомъ сомнительномъ служебномъ положеніи. Безъ сомнѣнія, кто имѣетъ наслѣдственное достояніе, тотъ выйдетъ въ отставку, потому что для него служба потеряетъ всю нравственную силу, нравственное могущественное привлеченіе. Въ то же время быстро образуется новый разрядъ людей съ особенными понятіями, съ особенными предразсудками и мечтами, менѣе привязанныхъ къ правительству, а болѣе занятыхъ собственными выгодами. Рѣшительно можно напередъ сказать, что общія между ними начала произведутъ и новый духъ общій, частію помѣстной, частію денежной аристократіи, если только можно этимъ именовъ называть преимущество, какое даютъ помѣстья и деньги независимо отъ знатности породы, или личныхъ заслугъ“.

Итакъ, только одно личное честолюбіе связывало молодыхъ людей извѣстнаго круга съ государственною службою, которая въ то же время сливалась и съ службою престолу. По взгляду даже государственныхъ людей, погоня за чинами составляла „всю нравственную силу“ службы, „нравственное могущественное къ ней привлеченіе“. Какъ же мало нравственно было развито то общество, гдѣ служба иначе не представлялась, какъ въ „выгодномъ для честолюбія назначеніи“, какъ въ выжиданіи счастливаго случая, который откроетъ желаемое поприще. И никакого другаго нравственнаго удовлетворенія не предполагалось отъ службы. Человѣкъ считается на службѣ, хотя безъ всякой обязанности, безъ всякаго дѣла, но онъ ждетъ, что его будутъ производить въ чины потому, что онъ служить, а служить потому, что у него есть свое честолюбіе. Но вотъ чины уничтожаются, остаются только служебныя мѣста, на которыя требуются только люди знающіе и привычныя къ труду; ему въ тягость такая служба, если она не обѣщаетъ быстрой блестящей карьеры, если онъ къ тридцати годамъ уже не можетъ называться статскимъ, а то и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, и онъ объявляетъ, что не стоитъ служить и оставаться въ такомъ „сомнительномъ служебномъ положеніи“. И такихъ-то людей хотѣли поддерживать, считая въ нихъ настоящую силу государственнаго управленія; и для нихъ-то нужно было защищать всѣми силами табель о рангахъ. Но какъ эта

неискусная защита выдавала ихъ головою правительству. Съ одной стороны, они выставляются какъ главная опора всего государственнаго строя, какъ надежнѣйшіе слуги престола; съ другой стороны представляютъ, что если государство не будетъ выставлять никакой приманки ихъ честолюбію, то они не только бросятъ службу, но и составятъ изъ себя новый разрядъ людей съ особенными предрассудками и мечтами, менѣе привязанныхъ къ правительству, а болѣе занятыхъ собственными выгодами. Итакъ, выходитъ, что они не болѣе какъ наемники, которые служатъ только тогда, когда имъ лично выгодно. Въ такомъ случаѣ табель о рангахъ, покровительствующая и выводящая такихъ людей на дорогу къ высшимъ мѣстамъ, ужъ совершенно не стоила защиты. Но это такъ по нашимъ понятіямъ, а тогдашнія понятія о государствѣ и народѣ развивали другіе взгляды.

Защищая табель о рангахъ, авторъ „Записки“ имѣлъ въ виду только одинъ классъ людей, у которыхъ было наследственное достоинство, но онъ отдѣлилъ отъ нихъ другой классъ, который развился подъ сѣнію табели о рангахъ и къ которому онъ относился съ нѣкоторымъ аристократическимъ высокомѣріемъ, если не съ презрѣніемъ. Тутъ ужъ онъ не замѣчаетъ, что впадаетъ въ противорѣчіе, защищая тотъ порядокъ, который наплодилъ массу людей, совсѣмъ ему несимпатичныхъ и небезопасныхъ, по его взгляду, для будущаго. Вотъ какія опасенія онъ высказываетъ:

„Такимъ образомъ, государственная служба вся перейдетъ въ руки такъ называемыхъ чиновниковъ, составляющихъ уже у насъ многочисленное сословіе людей безъ прошедшаго и будущаго, имѣющихъ свое особенное направленіе и совершенно похожихъ на классъ пролетаріевъ, единственныхъ въ Россіи представителей неизлѣчимой язвы нынѣшняго европейскаго образованія. Въ скоромъ времени этотъ классъ, при уклоненіи отъ служенія престолу высшаго и незрѣлости низшаго, возникнетъ съ непреоборимою силою и тѣмъ ознаменуется переходъ политической дѣятельности въ руки средняго класса, что въ прочихъ европейскихъ государствахъ называется *Tiers-Etat* или *Bourgeoisie*“.

Нельзя было больше отуманить страхомъ воображеніе русскихъ политиковъ, какъ указаніемъ на тогдашнюю французскую буржуазію, съ которою будто бы оказывается сходство въ нашемъ чиновничествѣ. Но если оно такъ опасно, какъ сословіе пролетаріевъ,—слѣдовательно ужъ не буржуазія,—то скорѣе нужно было желать уничтоженія табели о рангахъ, безъ котораго оно потеряетъ всякое значеніе и сравняется со всѣми другими. Авторъ „Записки“ не безъ основанія отождествлялъ его съ среднимъ классомъ; оно дѣйствительно составляло его зерно; къ этому классу должны были современемъ примыкать образованные люди и изъ другихъ сферъ—промышленной, ученой, артистической. Должно было предвидѣть, что на его сторонѣ

будеть перевѣсъ образованія, труда, капитала. Вотъ чего долженъ былъ опасаться высшій классъ, доказавшій втеченіе полуторастолѣтія свою нравственную шаткость, свое неумѣнье воспитывать младшихъ своихъ членовъ для общественной дѣятельности, свое отвращеніе отъ труда, свою неспособность вести даже собственное помѣстное хозяйство на разумныхъ началахъ. При такихъ условіяхъ, высшій классъ не могъ оставаться передовымъ классомъ, и наиболѣе умные и развитые изъ его среды должны были опасаться, что и государственная служба легко можетъ ускользнуть изъ ихъ рукъ, потому что она непремѣнно потребуеъ основательнаго научнаго образованія, специальныхъ знаній, настойчиваго труда, чего не выносило изъ ихъ семей. Но гдѣ основаніе было думать, что если пострадаетъ высшій классъ, то непремѣнно пострадаетъ и верховная власть, которая держится всѣмъ народомъ по нравственной связи съ нимъ? Верховной власти много выгоднѣе соединить свои интересы съ интересами всѣхъ сословій и изъ нихъ привлечь къ себѣ все честное, умное, образованное и способное къ труду—въ этомъ же была и первоначальная мысль табели о рангахъ, мысль, которая не прошла въ дѣйствительной жизни, потому что при самомъ началѣ была заглушена личными интересами многихъ. И если, такимъ образомъ, табель о рангахъ оказалась несостоятельною и стала выгодною только для немногихъ, то не было и основанія крѣпко держаться за нее.

„Записка“ хочетъ смутить воображеніе еще однимъ вопросомъ:

„Чѣмъ правительство замѣнить приманку чиновъ, и если бы успѣло найти какую-либо иную мѣру, что оно выиграетъ отъ новаго порядка вещей и понятій? Очевидно, что по разрушеніи мысли, столь мудро и искусно къ Россіи приложенной великимъ ея преобразователемъ, остается въ виду одно лишь замѣнительное средство: умноженіе денежныхъ окладовъ. Но и этого мало. Человѣку врождена еще нравственная потребность, которую также нужно будетъ удовлетворить: потребность возвышенія. Съ одной стороны, какую неисчерпаемую руду слѣдовало бы вновь открыть, чтобы удовлетворять требованія, неудержимо возрастать долженствующія? Съ другой стороны, не родятся ли новыя покушенія къ пріобрѣтенію, вмѣсто чиновъ,—славы, власти, чего на Западѣ съ такою алчностью добиваются? Разумѣется, никакихъ сокровищъ не будетъ достаточно для замѣны чиновъ новыми окладами. Не подлежитъ также сомнѣнію, что, давши однажды такое направленіе государственной службѣ, правительство не въ состояніи будетъ остановить потокъ произвольнаго самовознагражденія. Что же касается до послѣдствій властолюбія, разрушительныхъ и ужасныхъ въ нашихъ глазахъ, объ этомъ нельзя и думать безъ страха за будущее Россіи. Единственная преграда всему этому находится въ идеѣ о службѣ; по уничтоженіи этой идеи, корыстные и властолюбивыя наклонности, обыкновенно довольныя однимъ настоящимъ, не знающія ни прошед-

шаго, ни будущего, будутъ въ полномъ смыслѣ двигателями новаго порядка служенія и единственнымъ мѣриломъ новой служебной иерархii“.

Много неяснаго представляется во всемъ этомъ разсужденіи. Оно, видимо, писано подѣ впечатлѣніемъ копившихся фактовъ въ жизни Западной Европы. Но тутъ же видится и недоразумѣніе. Русскій человѣкъ такъ привыкъ къ чиновнымъ титуламъ, что безъ нихъ, ему кажется, уже не будетъ удовлетворено обыкновенное человѣческое честолюбіе. Какъ будто бы съ уничтоженіемъ существовавшаго порядка въ чиновнопроизводствѣ уже исчезали и самыя мѣста въ государственной службѣ, которыя представляли широкую дѣятельность, соединенную съ почетомъ, съ общимъ уваженіемъ и благодарностью. Это было и въ намѣреніяхъ правительства, когда оно задумывалось о лучшемъ положеніи служебнаго сословія — „присвоить каждому мѣсту свойственное ему значеніе, каждому служащему лицу приличное уваженіе и вѣрную надежду повышенія по мѣрѣ заслугъ въ его званіи, и дать другое и лучшее направленіе похвальному исканію чести, поставивъ ее въ дѣло, а не въ названіе“. Значить, опасеніе, что свойственное человѣку честолюбіе не будетъ удовлетворяться ревностною службою, едва ли было основательно. Что же касается до послѣдствій властолюбія, отъ которыхъ приходится въ такой ужасъ авторъ „Записки“, то мы совсѣмъ не понимаемъ его. Нужно было предвидѣть много переворотовъ въ государствѣ и въ жизни народа, чтобъ вообразить себѣ просторъ для властолюбія служащаго чиновника, но „записка“ не выясняетъ, какія основанія были у автора предполагать такіе перевороты; а неосновательный страхъ говорить только о призракахъ, которые лишь свидѣтельствуютъ о спутанныхъ понятіяхъ.

Самый сильный и для того времени самый дѣйствительный доводъ противъ мысли уничтожить чины, доводъ, который авторъ „Записки“ приберегъ къ самому концу, представляется намъ и самымъ неосновательнымъ, чтобъ не сказать фантастическимъ. При этомъ онъ и очень характеристиченъ для того времени. Правительственныя мѣры оцѣниваются по сочувствію или несочувствію къ нимъ молодаго поколѣнія. Если оно выказываетъ какое-либо сочувствіе и начинаетъ разсуждать, то сейчасъ является подозрѣніе, нѣтъ ли въ нихъ какой-либо ошибки не въ пользу правительства, не возбуждаютъ ли онѣ какихъ-либо надеждъ въ молодыхъ людяхъ; всякая надежда приравнивалась мечтѣ, всякая же мечта считалась опасною, потому что могла вызывать разговоры, которые будто бы нарушаютъ общее спокойствіе, что въ свою очередь можетъ повести къ волненію умовъ; а это уже грозитъ Богъ знаетъ чѣмъ. Такой логикой руководствовались консерваторы, и мечтавая сами за юношей, выдавали произведенія своей фантазii за ихъ мечты. Но приведемъ собственныя слова графа Уварова:

„Въ разсужденіи пользы, какой можетъ правительство ожидать отъ такого перелома, изъ всего вышесказаннаго съ достовѣрностью слѣдуетъ заключить, что посягательство на глубокомысленное учрежденіе Петра I не представляетъ ничего другаго, кромѣ жертвы и добровольнаго уничтоженія сильнѣйшаго орудія высшей власти; съ этимъ уничтоженіемъ ясно сопряженъ нѣкоторый ущербъ и самой власти. Нетерпѣливость, съ какою юное поколѣніе ожидаетъ этой мѣры, указываетъ достаточно, сколь она способна къ возрожденію всякой неосновательной и опасной мечты. Теперь каждый юноша воображаетъ, что это сближеніе съ настоящими европейскими понятіями откроетъ ему новое обширное поприще и что, освободившись отъ тагостнаго, болѣе или менѣе медленнаго ига чиновпроизводства, онъ шагнетъ на высшія мѣста и займетъ важнѣйшія должности въ государствѣ. Конечно, это во всякомъ случаѣ останется мечтою, но мечты этого рода предвѣщаютъ опасное волненіе въ умахъ. А какое время болѣе настоящаго доказываетъ необходимость удерживать всякое тревожное движеніе и оставаться на неизблемыхъ началахъ своего роднаго быта, тысячелѣтіемъ скрѣпленнаго и вѣрою освященнаго“?

Не странно ли въ защиту табели о рангахъ указывать на неизблемыя начала роднаго быта, мало того, что скрѣпленнаго тысячелѣтіемъ, но еще и освященнаго вѣрою, той табели, которая вмѣстѣ съ другими Петровскими учрежденіями поколебала эти начала тысячелѣтняго роднаго быта, вызвала новыя стремленія, создала новое сословіе, которое непріязненно стало относиться къ этимъ началамъ роднаго быта? Не странно ли соединять съ вѣрою государственное учрежденіе, вызванное извѣстнымъ временемъ? Но у автора была своя идея. Онъ хотѣлъ напомнить о тѣхъ началахъ, которые были провозглашены для русской жизни въ отпоръ европейскому вліянію,—самодержавіе, православіе и народность, и которыми оправдывался тогдашній застой. Признавъ за табелью о рангахъ сильнѣйшее орудіе самодержавія, онъ хотѣлъ навести на мысль, что пострадаютъ всѣ эти начала, если уничтожится самое орудіе. Что такое сближеніе съ тысячелѣтними началами вышло несовсѣмъ ловко, этого онъ не замѣтилъ; но здѣсь онъ нашелъ удобный случай пустить новый призракъ, чтобы еще прибавить страха. Какихъ мечтательныхъ юношей разумѣлъ онъ—мы не знаемъ. Что же касается до мечтаній о быстромъ возвышеніи до значительныхъ должностей, то въ нихъ недостатка не было и тогда у юношей, выходившихъ изъ разныхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній. Они не таготились медленнымъ итогомъ чиновпроизводства, а шагали быстро на высшія мѣста; примѣровъ было много, и никто не слыхалъ ни о какихъ тревожныхъ движеніяхъ и опасномъ волненіи въ умахъ. Но то были юноши не такіе, которымъ нужно было задерживать ходъ впередъ; опасны были тѣ, которые могли перебить имъ дорогу; но тѣхъ-то и не могъ знать авторъ „Записки“. Большинство изъ нихъ даже и не

мечтало, а просто прозаически рассчитывало на обыкновенную чиновничью карьеру самымъ обыкновеннымъ путемъ, такую, какую и прежде дѣлали многіе. Слухи о перемѣнахъ въ табели о рангахъ скорѣе могли опечалить ихъ, чѣмъ обрадовать и вызвать разныя несбыточные мечтанія. Меньшинство же наиболее способныхъ къ идеальнымъ мечтаніямъ скорѣе чувствовало отвращеніе отъ всякой службы, и если мечтало, то о томъ, какъ бы устроить себя болѣе независимо, безъ необходимости ломать себя по даннымъ образцамъ. Эти мечты, можетъ быть, инымъ и могли показаться предвѣщаніемъ опаснаго волненія въ умахъ, но во всякомъ случаѣ табель о рангахъ тутъ была непричемъ.

И несмотря на все это, „Записка“ графа Уварова сдѣлала свое дѣло. Вопросъ о системѣ чиновъ остался безъ всякаго практическаго дѣйствія. Все оставалось по старому. Чиновные люди воображали, что они стоятъ „на неизблемыхъ началахъ своего роднаго быта, тысячелѣтіемъ скрѣпленнаго и вѣрою освященнаго“, что они своими заботами удерживаютъ всякое „тревожное движеніе“. Все, дѣйствительно, молчало, все вѣрило въ крѣпость чиновничьяго государства, и вдругъ все оказалось подгнившимъ. Табель о рангахъ устояла, благодаря заботамъ консерваторовъ; а доводы, которые они представляли въ ея защиту, всѣ рассыпались, опровергнутыя событіями. Оказалось, что служба не ради дѣла, а ради чиновъ, развратила служилый людъ, не развила въ немъ истиннаго патриотическаго чувства: въ самую критическую минуту государство увидѣло себя безъ надежащихъ силъ, безъ нужныхъ научныхъ знаній, съ полками чиновниковъ, навывшихъ заботиться о своихъ личныхъ выгодахъ, но не умѣвшихъ служить государю и отечеству, которое вдругъ увидѣло себя обманутымъ, обворованнымъ, подведеннымъ подъ непріятельскія пушки. Гдѣ же тѣ увѣренія, что эти полки составляютъ сильнѣйшее орудіе высшей власти? Власть сама должна была убѣдиться, что ее провели самымъ жалкимъ образомъ, что подъ сѣнью табели о рангахъ и при общемъ сонномъ безмолвіи все заглохло. Нужно было спасать государство страшнымъ напряженіемъ всѣхъ народныхъ силъ. Потребовалось много жертвъ. Онѣ-то и доказали, что русская земля крѣпка не тѣми подпорками, на которыя указывали недалежные консерваторы, смущая власть подозрѣніями противъ тѣхъ, кто искренно желалъ ей добра безъ всякой возможности смѣло и откровенно высказать свои желанія и опасенія за будущее. За то вмѣсто нихъ высказались, какъ нельзя откровеннѣе, самыя событія, которыя, какъ судьба, были неотвратимы, хотя рыаные охранители верховной власти даже наканунѣ не сдумѣли предвидѣть ихъ.

Благодаря имъ, послѣдовало такое разочарованіе въ русскихъ людяхъ, и табельныхъ, и не табельныхъ, которое впослѣдствіи русскому историку немало поможетъ выяснить многія явленія или событія нашего времени.

Не къ добру послужило и это нашептыванье на юное поколѣнїе, которымъ разсчитанно стращали власть и стращали съ успѣхомъ, до того, что даже предполагаемое его сочувствїе какой либо хорошей мѣрѣ правительства могло остановить ее и закрѣпить застой. Не оправдала себя передъ юнымъ поколѣнїемъ та сила, на которую только и разсчитывали, воспитывая его и въ то же время не довѣряя ему. Что же мудренаго, что неожиданно совершившіяся тяжелыя событія, оскорбительныя для патріотическаго чувства, развили и въ немъ недовѣріе, которое повело также къ печальнымъ явленїямъ. Задумается и надъ ними будущій историкъ и, можетъ быть, не найдетъ ничего подобнаго ни въ одной исторїи. Но мы не сомнѣваемся, кого обвинить онъ.

В. Стоюнинъ.

„ЛИХОЛѢТЬЕ“.

(Смутное время).

Историческій романъ.

„Созвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ старыя годы, прежніе, жили люди старыя. А и то-то, родимые, были вѣки мудрыя, народъ все православный! Живали старики не по-нашему, не по-нашему по-заморскому, а по-своему православному. Вставали раннимъ-раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой съ бѣлой росой; молились всѣмъ святымъ и угодникамъ; кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада; выходили на красенъ-крылецъ съ рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла... Старики судъ рядили, молодые слушали, старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали на посылушкахъ. Бывали радости велики на великъ день; бывали бѣды со кручинами на велико сиротство... А что было, то быьемъ поросло, а что будетъ, тому быть не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долгъ того! а царю бѣлому, государю русскому, все на честь и хвалу!“

(Предисловіе къ русскимъ народнымъ сказкамъ XIV вѣка).

ОТЪ АВТОРА.

ИСТОРИЯ становится теперь источникомъ народнаго сознанія. Понять свою исторію, то есть себя,—это духъ нашего вѣка. Исторія не только наука, но и искусство. Историческому изысканію необходима художественная форма. Въ разсказахъ о временахъ Меровинговъ, наприимѣръ, поэтическое дарованіе помогало ученому разбудить сонъ вѣковъ и воспроизвести живой образъ прошедшаго съ его особенностями. Это давно прошедшее, забытое, ждало

только слѣпаго Огюстена Тъэрри. Его „Recits“—глубокая человѣческая драма и исторія въ то же время. Припомнимъ, что учителями историка Тъэрри были: романистъ Вальтеръ-Скоттъ и поэтъ Шато-бріанъ. Не историкъ Тъэрри, а историческій романистъ Вальтеръ-Скоттъ открылъ (въ романѣ „Айвенго“) нормановъ и саксонцевъ при королѣ Ричардѣ I-мъ Львиномъ Сердцѣ.

Немаловажно въ дѣлѣ исторіи значеніе историческаго романа. Попытки нѣкоторой части нашей журналистики предать посмѣянью труды тѣхъ русскихъ беллетристовъ, которые въ формѣ романа и повѣсти разрабатываютъ русскую исторію, кажется, не удалась и выказали лишь односторонность и близорукость партийныхъ теорій, которымъ нельзя сочувствовать и которыя даже трудно объяснить себѣ. Историческіе романы и повѣсти пишутся и читаются. Изученіе нравственной фізіономіи и жизни нашихъ предковъ, оживленіе наукой, литературой, искусствомъ, важнѣйшихъ моментовъ русской исторіи—это, повидимому, стремленіе лучшей, живой части русскаго общества. Наша народность, какъ наше историческое достояніе, намъ дорога. Мы къ ней обращаемся, какъ къ силѣ, могущей насъ привести къ будущности, оправдываемой всѣмъ нашимъ прошлымъ. Мы убѣждаемся, наконецъ, въ необходимости быть самими собою, быть русскими. Общечеловѣческіе интересы и цивилизація связываютъ насъ съ Европою, но русскій не будетъ ни французомъ, ни нѣмцемъ. А какъ долго, съ какимъ страшнымъ для Россіи вредомъ правительство и общество ломали тысячелѣтній, исторически сложившійся народный организмъ, легкомысленно рвали лучшія и святыя завѣщанія своей исторіи! Русскимъ оставался только народъ.

Мы находились то подъ умственной опекой византійцевъ, то съ Ивана III-го, подъ литовско-польскимъ вліяніемъ, а съ Петра I-го сдѣлались западниками. Только недавно въ государственной и политической сферѣ заговорили начала и интересы чисто русскіе. Пора нашей русской интеллигенціи направить свое движеніе въ глубокое и живоначалное русло нашей народной жизни. Только въ единеніи съ нашей народностью наша сила...

XVII-й вѣкъ — грань древней и новой Руси. Національное развитіе сталкивается съ занесеннымъ къ намъ польскимъ духомъ. Успѣхъ самозванцевъ объясняется исторически сложившимися условіями невѣжества и раздраженія народа, упорно хватавшагося за имя Димитрія. Съ Димитріемъ у однихъ связывалось понятіе законности, освященной вѣхами; у другихъ же просто былъ расчетъ сбросить съ себя московское ярмо и „казаковать“.

Почему мало у насъ хорошихъ историческихъ романовъ? Этимъ вопросомъ задавался еще Бѣлинскій. Онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что будто бы русская исторія до Петра своимъ эпическимъ характеромъ отличается отъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, въ характерѣ которой преобладаетъ драматизмъ. Бѣлинскій былъ убѣж-

день, что до Петра развивалось начало семейное и родовое, но не было развитія личнаго, безъ чего нѣтъ драмы. Въ удѣльномъ періодѣ Вѣлинскій видитъ лишь ожесточенную борьбу за великокняжескій и удѣльные столы. Онъ сомнѣвается—не исчерпалъ ли Пушкинъ своей трагедіей „Борисъ Годуновъ“ всего содержанія русской жизни до Петра? Несостоятельность подобнаго взгляда очевидна. Гдѣ человекъ—тамъ драма. Мы знаемъ, что собственно свободы въ древнемъ мірѣ не было, что свободны были Римъ, Аѳины, а не люди; что въ греко-римскомъ мірѣ личность не признавалась—личностями были города, государства; тѣмъ не менѣе, Шекспиръ взялъ содержаніе своихъ драмъ: „Антоній и Клеопатра“, „Тимонъ Аѳинскій“ и пр. изъ жизни древняго человекъ. Судя по „Борису Годунову“ и „Капитанской дочкѣ“, Пушкинъ могъ бы дать намъ историческій романъ, который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и народнымъ романомъ. Для этого у Пушкина было все, а главное—онъ былъ народный поэтъ. Оттого и великое значеніе Вальтера-Скотта, что онъ не только историческій романистъ, но и народный поэтъ, страстно любящій родину. Блестящее поэтическое дарованіе Скотта, опиравшееся на историческое знаніе, на всестороннее знакомство съ описываемой имъ эпохой, проникнуто теплою любовью и высокимъ патріотизмомъ; основное чувство, заложенное авторомъ въ основу его историческаго романа, освѣщаетъ и согрѣваетъ читателя, какъ солнечный свѣтъ освѣщаетъ и согрѣваетъ природу.

Тяжело писать въ то время, когда почти нѣтъ здравой критики, когда легкій, фельетонный романъ, повидимому, вытѣсняетъ болѣе серьезный и почтенный беллетристическій матеріалъ, когда наша журналистика словно забыла свое истинное призваніе, свои высокія преданія. Въ эту тяжелую минуту историческаго романиста поддерживаютъ знаменательныя слова, раздавшіяся съ высоты, близкой трону. „Я всегда былъ того мнѣнія“, сказалъ нашъ государь, еще въ бытность свою наслѣдникомъ престола, „что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ оживленію народнаго самосознанія и оказываетъ истинно важную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу“...

Въ предлагаемомъ романѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ читатель встрѣтитъ нѣкоторыхъ своихъ старыхъ знакомыхъ, если только онъ читалъ историческій романъ того же автора—„Курскіе порубежники“, напечатанный нѣсколько лѣтъ назадъ въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

„Вошли они въ палату бѣлокаменну,
Они Господу Богу помолилися,
Крестъ они клали по писанному,
Поклонъ то вели по ученому“.
(Былина о Дюкѣ Степа-
новичѣ).

Только-что разсвѣло. Вѣрный своей привычкѣ, старый курскій бояринъ Иона Агѣичъ бодро поднялся съ постели, помолился Богу, умылся и одѣлся при помощи Ивашки Еры, пожалованнаго за свои „немаловажныя послуги“ почтеннымъ званіемъ боярскаго стремяннаго. Старый желудокъ любившаго вкусно съѣсть и хорошо выпить боярина и въ этотъ ранній часъ оказался въ полной исправности. Иона Агѣичъ вплотную засѣлъ за горячую селянку изъ налимовъ, за свѣжую осетрину, поджаренную съ лукомъ, и за горячіе крупитчатые калачи съ зернистой астраханской икрой. Всю эту благодать онъ неторопливо запивалъ крѣпкимъ душистымъ медомъ, розовымъ и очень вкуснымъ. Этому напитку, изготовленіемъ котораго всегда славилась Москва, бояринъ предпочиталъ всякія малвазіи и аликантскія вина.

— Славно осетрину изжарила, славно, матушка Василиса Алпатъевна, спасибо тебѣ, голубушка, спасибо!—похваливалъ, не отрываясь отъ ѣды, бояринъ свою хозяйку и „кормилицу“, какъ онъ ее въ шутку называлъ.

— На доброе здоровье себѣ кушай, честной бояринъ,—низко кланяясь ему, скромно отвѣчала пожилая, но еще видная посадская вдова съ широкимъ румянымъ лицомъ, широкобедрая, съ руками сложенными на высокомъ животѣ. Она „служила“ боярину, то-есть подавала и принимала кушанье, приносила холодный съ ледника медъ, а теперь стояла у двери, не шевелясь и почтительно, съ строгимъ сознаниемъ высокой чести, какой удостоилась, служа такому важному лицу. Въ своей городской тафтяной распашонкѣ поверхъ червчатой тѣлогрѣи, въ высокой желтой кикѣ, обшитой золоченымъ позументомъ, подъ которую были подобраны уже побурѣвшіе русые волосы, посадница Василиса, въ глазахъ стараго боярина, представлялась устарѣвшей красавицей, „раздобрѣвшей и разѣхавшейся не въ мѣру“.

— А ужъ калачи—хоть въ окно помечи! во рту таятъ! уважила, Василиса Алпатъевна, спасибо!—то и дѣло похваливалъ лакомка-бояринъ степенную хозяйку.

— Не взыщи, батюшка, прощенья у твоей боярскаго милости просимъ! не осуди наше вдовье убожество!—еще ниже кланялась боярину матеря вдова.

Не скупю запивая вкусную трапезу крѣпкимъ медкомъ, старшій бояринъ разцвѣлъ, раскраснѣлся и не безъ нѣкотораго, впрочемъ спокойнаго, удовольствія, взглядывался въ матерую вдову, съ молодую—онъ это хорошо зналъ—не послѣднюю красавицу.

— Развѣхалась ты на обѣ стороны, Василиса Алпатъевна, что твой кузовъ колымажный—обширна!—замѣтилъ, утирая чистымъ полотенцемъ съ красными вышивками и прозорами на концахъ свою бѣлую, серебряную и какъ шолкъ мягкую выколѣнную бороду, окладистую, красиво расчесанную, съ красиво отдѣляющимися серебряными усами.—Такая ли ты была молодлица?

— Лѣта мои ушли, батюшка государь Іона Агѣичъ, съ понятнымъ боярину вздохомъ сказала хозяйка, потупясь и какъ бы отдаваясь воспоминанію того хорошаго времени, когда она молода была, красавицей слыла.—Законъ естества! пояснила она.—Старое старится, къ своему скончанію идетъ. До насъ то было, государь, послѣ насъ будетъ—то самое.

Бояринъ всталъ и, задумчиво глядя на убравшую со стола хозяйку, грустно качнулъ бѣлою головою; но не забылъ помолиться на образъ съ теплившейся лампадкой и поблагодарить ласковую хозяйку на хлѣбѣ, на соли, на угощенѣ.

— Не на чемъ, государь, твоимъ же добромъ бьемъ челомъ! не осудь на простотѣ нашей! отвѣтила хозяйка, удаляясь изъ свѣтлицы съ остатками боярскаго завтрака.

— Исай, по-немножку кусай; а кто животомъ свѣжъ, тотъ больше съѣшь, пробормоталъ свою любимую, послѣ всякой ѣды, поговорку бояринъ и покосился на Еру,—очень ужъ отъ него попахивало сивушнымъ перегаромъ.

— А ужъ ты, губка грецкая, набрался спозаранку! недовольнымъ голосомъ замѣтилъ ему бояринъ,—завсегда пьянъ?

— Пьянъ да уменъ, два угоды въ немъ, честной бояринъ! развязно и ни мало не обижаясь замѣчаніемъ боярина отвѣтилъ расторопный стреляной: — нѣшто такой-то пьянъ бываетъ? тотъ пьянъ, что лежитъ не дышетъ, воронъ глазъ клеветъ не слышитъ.

Даже строгій бояринъ не выдержалъ, усмѣхнулся: въ духѣ былъ, смолчалъ, въ окно глянулъ.

Василиса была „отпущенница“ боярина Ферапонтова, изъ его вотчины „крѣпостная дѣвка“. Когда-то за красоту онъ взялъ ее въ свои московскія хоромы и, какъ тогда говорилось, „любился съ нею“, т. е. по-просту сдѣлалъ ее своею любовницей. Потомъ, передъ своей женитьбой, бояринъ выдалъ ее „съ награжденьемъ“ за посадскаго челоуѣка, выстроилъ ей „своимъ коштомъ“ въ бѣломъ городѣ отгнѣнный по тому времени деревянный домъ и дворъ ей поставилъ. Къ Василисѣ Алпатъевнѣ обыкновенно „прибывались“ посланцы боярскіе изъ его курской вотчины и самъ онъ теперь у нея „постоемъ стоялъ“, за что, конечно, вдова въ накладѣ не оставалась. Она на-

поминала старику его невозвратную молодость и, понятно, онъ могъ задумываться при сравненіи своего прошлаго, этого всегда милаго человѣку времени, съ своимъ старческимъ настоящимъ.

Могучій мѣдный ударъ, басистый и гѣвучій, этотъ дрожащій голосъ „реута“, большого колокола на Иванѣ Великомъ, отъ котораго сотрясался воздухъ, призывалъ къ ранней обѣднѣ. За нимъ сейчасъ же подхватило безчисленное множество колоколовъ съ церковей и монастырей московскихъ. Бояринъ набожно перекрестился и не въ силахъ былъ отойти отъ раскрытаго окна. Торжественный православный благовѣстъ вызвалъ теперь въ его душѣ совсѣмъ иные помыслы. Съ умилениемъ человѣка, твердаго въ вѣрѣ своихъ отцовъ, онъ вслушивался въ этотъ широкообъщательный призывной мѣдный голосъ родной, греко-восточной церкви. Какою-то новою, горячею вѣрою и сладкою надеждою согрѣвалась теперь его старая, наболѣвшая душа при видѣ въ окно блага высокаго столба Ивана Великаго подъ золоченою красивою круглою шапкою, стройно и величественно вырѣзавшагося на чистой синевѣ майскаго ранняго утра, окруженнаго золочеными главами, маковицами и крестами въ цѣпяхъ. Веселыя стай голубей, столь любимыхъ москвичами, блестящими точками мелькали въ солнечномъ свѣтѣ, словно какой живой символъ душевной чистоты человѣка; такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на бѣлыхъ голубей начитанные въ библіи и священномъ писаніи московскіе грамотники того времени.

— Святители, московскіе чудотворцы Петръ, Алексій, Филиппъ! думалъ бояринъ въ порывѣ глубокаго, охватившаго его религіознаго чувства; — не допустили вы свой стольный городъ погибнуть, какъ погибли нечестивые города Содомъ и Гоморра. Погибъ воръ, черно-книжникъ и бѣсоугодникъ. Да цѣла, да крѣпка стоитъ русская земля! Не повихнуть ея иноземнымъ бродягамъ во вѣки вѣковъ! Не польская музыка на трубахъ, а церковный благовѣстъ будетъ, по старому завѣту, принимать наше русское сердце.

Бросивъ бѣглый взглядъ на бѣлокаменную Москву, утопавшую въ зеленыхъ, уже зацвѣтавшихъ садахъ и бѣлѣвшуюсь подъ горячими солнечными лучами всюду, куда только глазъ его хваталъ, старый бояринъ съ ужасомъ подумалъ, что онъ, въ числѣ другихъ именитыхъ русскихъ людей, привелъ самозванца въ этотъ древній, стольный городъ, въ эту святыню русскаго царства и русской церкви, и поставилъ царемъ русскимъ вора, латинскаго шута! Суровый бояринъ никакъ не могъ забыть срама и грѣха, принятыхъ имъ на себя изъ-за этого безымяннаго бродяги. Въ такія тяжелыя минуты, когда совѣсть его громко вопіяла, а гордое сердце требовало мщениа—передъ нимъ, во всей подробности своей ужасной дѣйствительности, возобновлялась картина торжественнаго вшествія самозванца въ Москву. Густыя народныя толпы, какъ живыя волны, отовсюду охватываютъ царскій поѣздъ. На улицахъ, на площадяхъ, на домахъ, на заборахъ,

на колокольных, тѣснится одна и та же народная толпа, притихшая, будто притаившаяся, внимательная, сосредоточенная и недоувѣрчивая, не смотря на радостные крики польскаго поѣзда. Это даже не радостные, только развѣ громкіе крики. Эти многія тысячи головъ безъ шапокъ, эти многія тысячи глазъ и ушей—кажется старому боярину—смотреть на него, курскаго боярина, и молча вопрошаютъ: „кого это онъ, курской бояринъ, ведетъ имъ на царство?“ Съ недоужбіемъ вслушивается русскій народъ въ звуки польской музыки, всматривается въ польскую одежду своего царя, въ его польскую невѣсту, въ его польскую свиту и его польское войско. Народное чувство невольно оскорбляется отсутствіемъ въ его „бѣломъ“ царѣ всего русскаго. Грозная тишина сломанныхъ, все заливающихъ народныхъ волю, будто изумленныхъ, будто вдумывающихся въ истинный смыслъ того, что происходитъ на его глазахъ,—понятна русскому боярину, мыслившему и чувствовавшему точно такъ же, какъ мыслилъ и чувствовалъ русскій народъ. И въ то время, когда бояринъ Иона мнилъ, что восстанавливаетъ законнаго сына Ивана Грознаго, Дмитрія, русскую душу его смущало полорѣніе: почему это русскому царевичу Дмитрію понадобилась польская жена, польское войско, польскіе обычаи? Не служить-ли онъ, изродовой русскій бояринъ, великой неправдѣ, и за эту великую неправду, какъ ея неизбежное послѣдствіе, не послѣдуетъ ли на Русь великая смута и кровотеченіе братоубійственное? Наружный блескъ и въ глаза бьющая польская роскошь, необычная, исполненная какого-то легкомыслия пышность двора, не могли нравиться простодушнымъ русскимъ людямъ. Любезность молодого царя, называвшаго боярина Иону не иначе, какъ „дѣдушка Агѣичъ“,—не сбили съ толку твердаго старика. Задыхаясь въ своемъ бархатномъ на соболахъ боярскомъ кафтанѣ, не столько отъ зноя, сколько отъ сильнаго внутренняго волненія, Иона Агѣичъ избѣгалъ встрѣчи съ молодымъ царемъ, съ каждымъ днемъ дѣлавшимся для него загадочнѣе и непонятнѣе. Сказочнаго витязя, а не русскаго бѣлаго царя увидѣлъ онъ вдругъ въ Дмитріѣ и отвернулся отъ него. Въ то самое время, когда, продажные русскіе князья и бояре, наперерывъ одинъ передъ другимъ, таяли въ лучахъ восходившаго солнца, съ честолюбивымъ желаніемъ отразить на себѣ часть его блеска и силы,—гордый Иона Агѣичъ спрятался въ народную толпу, съ которою жилъ одними вѣрованьями, однимъ чувствомъ. За судьбу этого обманутаго русскаго народа страшно стало русскому боярину и онъ не замедлилъ, при первой возможности, объяснить народу его и свою ошибку и стать во главѣ народа за Русь, противъ иноземнаго, враждебнаго Руси. Тяжкое оскорбленіе, нанесенное польскимъ скоморохомъ русской святинѣ — теперь отомщено! Польскій скоморохъ голый, мертвый, потѣпаетъ на площади грубую чернь; его польскіе друзья своею кровью и головами заплатили Москвѣ за вооруженное вторженіе въ ея вѣдра, за свою безумную затѣю ополчить Русь. Но дальше что?

Много-ли радѣтелей земскаго строенія и опытныхъ кормчихъ, столь нужныхъ въ бурныя времена, когда правда, по Божьему попущенью неоглаголенному, изнемогаетъ въ борьбѣ съ кривдой? Утомленный тяжелыми испытаніями своей долгой жизни, старый бояринъ терялся въ противорѣчіяхъ, помимо его воли возникавшихъ въ немъ, вслѣдствіе разлада между тѣмъ, что было и чего онъ не хотѣлъ, и между тѣмъ, чего не было и чего онъ хотѣлъ. Одно было ему ясно: русское государство „шаталось“, наступали времена „егда братъ на брата возсташа...“

Конскій топотъ на дворѣ оторвалъ боярина отъ его мрачныхъ думъ. Онъ надѣлъ шапку и вышелъ на крыльцо, вспомнивъ, что пора ѣхать въ Кремль, на совѣтъ, по приглашенію князя Шуйскаго.

Съ высокаго крыльца бояринъ строго оглядѣлъ сотню своихъ „курскихъ казаковъ“ съ Ивашкой Ерой въ головѣ, выстроенную въ два ряда, одинъ за другимъ, на широкомъ дворѣ. Хотя своимъ досужествомъ, а боярскою милостью, гулящій человекъ Ера и попалъ въ боярскіе стремянные, тѣмъ не менѣе, водку „лопаль“ по прежнему. По распоряженію князя Милославскаго, курскіе казаки получали кормы на себя и на коней изъ дворцоваго приказа. Приставъ размѣстилъ сотню по обывательскимъ дворамъ и получилъ приказъ—чинить казакамъ боярскимъ защитю отъ всякой обиды. Само собою, что подобное распоряженіе ограждать курянь отъ московской обиды могло на дѣлѣ быть не болѣе какъ любезностью. Полудикіе севрюки боярской вотчины скорѣе сами обижали, чѣмъ терпѣли обиды. На это они молодцы были. Московскіе меда и харчи, кулачные бои и собачья травля—пришли имъ по сердцу не хуже курскаго бражничанья. А тутъ еще гордый бояринъ, не желая ударить лицомъ въ грязь, одѣлъ свою сотню въ цвѣтные суконные розакины и въ черныя бараныи шапки. О такой тароватости курскаго боярина вотъ уже третій день говорить Москва! Какъ же: подвелъ свою сотню прямо къ гостинному ряду, окружилъ суконную лавку гостиннодворца Перфила Сычугина, словно бы на копьѣ взялъ, велѣлъ казакамъ спѣшиться, самъ въ лавку, сѣлъ и давай хозяйничать. Живой рукой отобрали ему сто казакановъ, сто овчинныхъ шапокъ.—„Одѣвайся, ребята, по десятку за разъ!“ Такимъ образомъ, въ одно утро, курскіе полушубки, самодѣльные свиты и безобразные мѣховые треухи замѣнились московскимъ красивымъ платьемъ и одна въ одну овчинной шапкой. Растратился такъ бояринъ отчасти по старой привычкѣ къ щегольству, отчасти изъ самолюбія—„де Ферапонтова дружина ото всѣхъ отгѣнна!“, отчасти въ награду за вѣрную и молодецкую службу своихъ холопей. Шутка-ли: сто рублевиковъ серебряныхъ суконщику Перфилу Сычугину заплатилъ — не поморщился. И нарядна же вернулась къ себѣ на дворы, за Москворѣчье, боярская конная сотня...

Старое сердце боярина радовалось въ эту минуту при видѣ своихъ преобразовавшихся курянь. Въ красныхъ синихъ, зеленыхъ, жел-

тыхъ казакиныхъ, въ высокихъ смушковыхъ шапкахъ, лихо надвину-
тыхъ на правое ухо, съ длинными, блестящими на солнцѣ, красными
пиками за плечами, на разномастныхъ, отъѣвшихъ, бодрыхъ степ-
ныхъ лошадяхъ, курскіе черномазые севрюки выглядывали теперь, въ
Москвѣ, бравыми казаками. За время похода они привыкли строиться
рядами и развертываться въ плотную, стремя къ стремени, для
лихого наскока, при которомъ, обыкновенно, подымали дружный, не-
волью пугавшій врага крикъ. У стремянного Еры, на его пикѣ, вол-
новался искусно связанный изъ конскихъ хвостовъ, въ перемежку
бѣлый съ чернымъ, бунчукъ, на подобіе татарскихъ. Этотъ бунчукъ
служилъ теперь значкомъ степной сотнѣ. Бунчукъ былъ для боярина
новостью, впрочемъ ему пріятною. Старый начальственный глазъ зорко
оглядѣлъ: набиты-ли саадаки стрѣлами, оперены-ли стрѣлы, у вся-
каго-ли, у лѣваго бедра, сабля виситъ, — не пропили-ли кто свою? Всѣмъ
остался бояринъ доволенъ.

— Здравы будьте, дѣти! привѣтствовалъ сотню бояринъ своимъ
твердымъ голосомъ.

— И тебѣ, государь нашъ бояринъ, здраву бы бытъ! дружно и
громко, какъ одинъ, гаркнула сотня.

— Сыты? Довольны? опросилъ сотню бояринъ.

— Сыты! Довольны! Милость твою боярскую благодаримъ! весело
закричали куране.

— Ну, есаулъ, подсади-жь ты меня, стараго, сказалъ Ферапонтовъ,
не безъ труда и то съ помощью стремянного заложивъ желтый са-
фьянный салогъ въ посеребренное стремя и, наконецъ, тяжело падая
въ богатое кизильбашское сѣдло съ высокими луками, прикрытое ма-
линовымъ бархатнымъ чепракомъ съ золоченою бахрамою и золотыми
кистями на нижнихъ концахъ. Притороченный слѣва, поверхъ че-
прака, ларчевой боярскій саадакъ горѣлъ на солнцѣ своими разно-
цвѣтными камнями и посеребреннымъ изогнутымъ рогомъ большого
ивоваго лука. Серебряная сѣкира, знакъ боярскаго достоинства, бле-
стѣла по другую сторону сѣдла. Мощный сѣрый въ яблокахъ жере-
бецъ красиво потрясалъ густой, волнистой, длинной гривой. Пуши-
стый хвостъ—трубой—мель землю. Толстоногій, неукротимый пито-
мецъ Тускарскихъ луговъ, онъ злобно грызъ удила и, всясь боль-
шимъ, кровью налившимся глазомъ изъ-за густой длинной чолки на
тяжелого сѣдока, подбиравшаго шелковыя поводья, нетерпѣливо билъ
среброванными копытами землю. На бояринѣ была высокая горлат-
ная шапка и синій бархатный кафтанъ, застегивавшійся на груди
толстыми золотыми шнурами съ кисточками. На конѣ онъ казался
моложе своихъ лѣтъ—столько еще врожденнаго огня скрашивало его
отяжелѣвшую, мужественную фигуру, его орлиный взглядъ, полный
рѣшительности и равнодушія ко всякимъ боевымъ опасностямъ. Рат-
ное дѣло—всякъ то видѣлъ—привычное ему дѣло. Онъ тронулся ша-
гомъ, сдерживая горячившагося жеребца, властно махнувъ рукою сотнѣ.

— Гайда! крикнулъ сотнѣ Ера, слѣдуя съ бунчукомъ въ рукѣ за хвостомъ сѣраго жеребца. Сотня свернулась по четыре въ рядъ и пошла.

По понятіямъ того времени, вполне подтверждавшимся безпокойнымъ состояніемъ стѣльнаго города, очутившагося безъ царя, значному богатому боярину, въ родѣ Ферапонтова, не подобало ѣхать иначе, какъ въ головѣ своей вооруженной сотни. На него Москва смотрѣла какъ на одного изъ своихъ столбовъ, какъ на одного изъ русскихъ именитыхъ людей, пришедшихъ въ столичный градъ „государскій нарядъ чинить“. Нечего говорить, что ворочаться къ себѣ, въ далекую курскую вотчину, въ то опасное особенно на Украинѣ время, курскій бояринъ не могъ и думать безъ прикрытія вооруженной силы; иначе онъ рисковалъ не доѣхать вовсе туда, куда ѣхалъ и, напротивъ, попасть туда, куда не думалъ.

Это было 20-го мая, на четвертый день послѣ гибели въ Москвѣ самозванца и приведенныхъ имъ поляковъ. Городъ казался спокойнымъ, хотя, замѣтно было, еще не улеглась въ свою колею обычная посадская и торговая жизнь. Велико было возбужденіе народнаго духа, выразившееся народною бурей 17-го мая. Въ этотъ день крови, москвичи привыкли видѣть стараго боярина Ферапонтова съ его отчаянными курскими севрюками, съ его гордою величавостію, не покидавшю его въ самыя страшныя минуты народнаго смятенія, ближайшимъ пособникомъ князя Шуйскаго. Народъ, съ свойственною ему чуткостью ко всему, что касается его національныхъ основъ, призналъ въ старомъ бояринѣ поборника православія и русской старины, призналъ въ немъ ратника противъ всего иноземнаго, нерусскаго; такихъ людей народъ чтитъ и любитъ. „Нашъ бояринъ!“ „Курской бояринъ!“ кричалъ онъ ему на улицахъ, кланяясь и даже подбрасывая въ честь его шапки, и провожалъ „своего боярина“ добрыми пожеланіями. Курскіе севрюки успѣли, на глазахъ москвичей, выказать свою степную отвагу, растоптавъ нечаяннымъ наскокомъ цѣлую литовскую хоренгву пана Стадницкаго, слѣдившаго ко дворцу на помощь самозванцу, да и вообще, въ день избіенія иноземцевъ, особенно отличались дикою неукротимостію, не давая пощады бритымъ ляхамъ и грабя ихъ до-нага. Встрѣчные зѣваки и празднотающіеся, лавочники, попы, выражали свое удовольствіе при видѣ отважныхъ курскихъ степняковъ. То изъ лавки проворно выскочитъ молодой сидѣлецъ и съ радостной улыбкой сунетъ ближайшему къ себѣ севрюку крупитчатый калачъ изрядныхъ размѣровъ, то осанистый съ брюшкомъ бородачъ гостинной сотни молча подаетъ конникамъ мѣдную гривну, торопясь снять шапку и, обернувшись на церковь, которая чуть не на каждомъ шагу, закрестится и вернется въ лавку съ усвоеннымъ видомъ степеннаго человѣка, подавшаго „милостыньку на поминъ своей души“. Священникъ, замѣтно хмѣльный, остановясь и осторожно уклоняясь отъ кованыхъ лошадей, вы-

соко поднялъ правую руку, осѣнилъ конницу большимъ крестомъ и громко произнесъ: „Христоробивому, побѣдоносному російскому воинству многая лѣта! Градите, конники, во срѣтеніе супостата нашего!“

— Шире, грязь! навозъ ѣдетъ! съ хохотомъ приставали къ северьякамъ пошатывавшіе съ хмѣля „кабацкіе завсегдатаи“. — Нѣтъ у бѣлаго царя вора супротивъ курянина!

Только подходя къ Кремлю, курская сотня избавилась отъ навязчиваго вниманія къ себѣ московской черни.

— Шапки долой! своимъ громкимъ начальническимъ голосомъ приказалъ бояринъ, обнажая бѣлую голову. Курская сотня сняла шапки. Бояринъ съ горлатной шапкой въ рукѣ, набожно перекрестясь, вѣхалъ подъ темный сводъ высокой красивой башни, къ верху суживающейся и съ остроконечной крышей, заканчивающейся двуглавымъ золоченымъ орломъ. Надъ воротами башни, озаряемая неугасимой лампадою, висѣла икона Спаса Нерукотвореннаго, отъ чего и ворота назывались „Спасскими“. Сильный стрѣлецкій караулъ въ длинныхъ красныхъ кафтанахъ съ бѣлыми тесьмами поперегъ груди, въ сіявшихъ мѣдныхъ шишавахъ, съ длинными и тяжелыми пицалми, изъ коней стрѣляли съ подставками, отдавъ боярину воинскую честь по артикулу. Стрѣлецкій сотникъ съ обнаженной саблей въ рукѣ, выйдя противъ середины выстроившагося въ два ряда караула, командовалъ:

— Слушай! Отъ ноги стоячей на плечо могучее шарахни!

И стрѣльцы звучно „шарахнули“ отъ ноги стоячей на плечо могучее свои тяжелыя, какъ молнія блеснувшія свѣтлыми стволами, пицалы. Заглушаемый звономъ и стукомъ кованыхъ копытъ, глухо гудѣвшими подъ башеннымъ сводомъ, сотникъ продолжалъ свою громкую команду, а стрѣльцы ее исполняли, ловко пошвыривая, какъ одинъ, десятками пятью пицалей, при чемъ послѣднія издавали удивлявшій степныхъ курянъ звонъ.

— На нѣмецкій манеръ обучены! замѣтилъ Ера товарищамъ.

II.

Изъ Кремля, Кремля вѣрнаго города,
 Отъ дворца, дворца государева,
 Что до самой ли до Красной площади
 Пролегалъ тутъ широкая дорожка;
 Что по той ли по широкой по дороженькѣ
 Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
 Добра-молодца—большого боярина,
 Что большого боярина—атамана стрѣлцаго,
 За измѣну противъ царскаго величества.
 Онъ идетъ ли молодецъ—не оступается,
 Что быстро на всѣхъ людей озирается,
 Что и тутъ царю не покоряется.

(„Русскія пѣсни“. И. Сахарова).

Выѣхавъ изъ подъ темнаго, глухо отдававшего шумъ конницы свода Спасскихъ воротъ, курская сотня была въ Кремлѣ...

Передъ бояриномъ и его курскими смердами на зеленомъ, словно шелковомъ, травянистомъ коврѣ бѣлѣлись святыне кремлевскіе храмы съ золочеными главами и крестами и царскіе дворцы Рюриковичей, которыхъ осиротѣлый престолъ теперь оставался впустѣ. На него-то, на этотъ славный престолъ всероссійскихъ царей, надлежало теперь возвести государя. Кого же? вопросъ этотъ, помогать разрѣшенію котораго ѣдетъ курскій бояринъ, смутилъ его въ эту минуту, въ виду этой московской святыни, торжественно глядѣвшей на него во всемъ величїи своей исторической славы, смутилъ его теперь болѣе чѣмъ когда нибудь. Высокій бѣлый столбъ Ивана Великаго подъ своею золотою шапкой и золотымъ крестомъ, укрѣпленнымъ позолоченными цѣпами, горящими въ солнечномъ свѣтѣ, возвышаясь надъ древнимъ, много видѣвшимъ и много знающимъ Кремлемъ, казалось боярину, глядѣлъ на него строго и пытливо. Въ строгихъ очертанїяхъ этого громаднаго каменнаго столба съ узкими продолговатыми окнами, съ золотыми славянскими надписями на черномъ полѣ подъ самою шапкой, съ всею оригинальною фізіономїей, напоминающей близкое родство Россїи съ востокомъ,—старый бояринъ привыкъ видѣть совершенство, дальше котораго, по его мнѣнію, не пошло да и не могло пойти фряжское здчество. Но въ эту минуту, подъ вліяніемъ обуревавшихъ его сомнѣній и почти суевѣрныхъ страховъ за судьбу Руси, бояринъ расположенъ былъ въ каменномъ столбѣ видѣть какъ бы живаго свидѣтеля своихъ поступковъ. Громадность Борисовой башни давила боярина, вызвала въ немъ сознаніе его ничтожества. Строго глядѣли на боярина со всѣхъ сторонъ эти нѣмые каменные бѣлые соборы съ золотыми главами, эти древніе златоглавыя же монастыри, подъ мрачными сводами которыхъ молились русскіе цари и царицы, патріархи и митрополиты при своей жизни, и гдѣ они повоются по смерти. Эти нѣмые храмы, воздвигнутые благочестїемъ и вѣками, словно

вопрошаютъ боярина: „Зачѣмъ въ священныя стѣны царскаго Кремля привелъ онъ своихъ полудивныхъ куранъ?“— „Если ты пришелъ съ оливковою вѣтвью, съ раскаяньемъ въ заблужденіяхъ своихъ боярскихъ и съ рѣшимостью уврачевать глубокія язвы, нанесенныя родиной тобой и тебѣ подобными—миръ тебѣ и наша за тебя молитва“, говорило боярину нѣмое, исполненное величаваго спокойствія, молчанье бѣлыхъ каменныхъ соборовъ.— „Если же ты, подобно множеству крамольныхъ русскихъ вождей, руководишься только честолюбіемъ, или местию—анафема тебѣ и да будешь проклятъ отнынѣ до вѣка!“

Подъ гнетомъ такихъ мыслей, вызванныхъ видомъ всего того, что привыкъ любить и чтить какъ всероссійскую святиню, старый бояринъ задумчиво двигался въ головѣ своей сотни къ царскому дворцу и вдругъ вздрогнулъ. На обширной кремлевской площади, теперь безлюдной, нѣсколько лохматыхъ собакъ что-то сторожили, трусливо озираясь и лѣниво щурясь отъ солнца. Сидя и рыча другъ на друга, онѣ ожидали чего-то съ упорнымъ терпѣньемъ. Недалеко ваялся голый трупъ. Мертвая ооченѣлость его поразительно противорѣчила живой зелени молодой травы.

— Ишь его, лятскій оборотень! что, русскимъ царемъ назвался? со смѣхомъ обратился къ товарищамъ Ера, плюнувъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ трупъ самозванца.— Вздунся, что пузырь водяной, а лопнулъ— и сталъ ничего.

— Зачалъ за здравіе, а свель за упокой! добавилъ передній севрюкъ, тоже насмѣшливо поглядывая на „соломеннаго царя“, какъ народъ прозвалъ самозванца.

— Куси его! куси! послышался въ заднихъ рядахъ крикъ и свистъ, которымъ курскіе севрюки хотѣли подзадорить смиренныхъ московскихъ собакъ разорвать „соломеннаго царя“.

— Это, должно, не наши курскія овчарки, ребята, смѣялись севрюки надъ московскими собаками, трусливо поджавшими хвосты и опрометью, безъ оглядки, разбѣжавшимися въ разныя стороны со страху отъ поднявшагося крика и свиста.

— Его, робя, и собаки не берутъ: нехристь поганая,—догадался здоровенный малый, говорившій рѣдко, но всегда глупо.

— Сказываютъ, вишь, чорту душу продалъ! подхватилъ другой;— чортъ-то всѣмъ этимъ воровскимъ дѣломъ орудовалъ, братцы! вотъ что!

— Дурачье! мрачно замѣтилъ третій.

— Онь, колдуннице, прикинулся это мертвымъ, а самъ—гдѣ тебѣ—далече!

— Что ты? заговорили явно оробѣвшіе севрюки, боязливо косаясь на бѣлѣвшійся на солнцѣ трупъ.

— Дѣла—какъ сажа бѣла!

Старый бояринъ избѣгалъ глядѣть на того, кто надругался надъ его боярскою совѣстью. Только теперь, убѣдясь въ воровствѣ и латин-

ствѣ самозванца, бояринъ понялъ, какому искушенію подвергалъ его погибшій еретикъ, когда прельщалъ его своимъ польскимъ обычаемъ!

Съ глубокимъ вздохомъ сокрушенія отвернулся бояринъ и отъ новыхъ красивыхъ деревянныхъ хоромъ въ польскомъ вкусѣ, поставленныхъ воровскимъ царемъ возлѣ Срѣтенскаго собора, окнами на Москву-рѣку. Давно-ли еретикъ, похваляясь своимъ огромнымъ мѣднымъ „идоломъ“ о трехъ главахъ, поставленнымъ по его приказу „на сѣняхъ“, передъ его хорами, объяснялъ имъ, родовымъ русскимъ боярамъ, что „идолъ“ этотъ есть „Церберъ“ — чудовище, и что съ такимъ вѣрнымъ стражемъ онъ, Димитрій, можетъ не бояться измѣны и спокойно спать въ своемъ царскомъ дворцѣ. — Укараулилъ онъ тебя! усмѣхнувшись подумалъ бояринъ. Впрочемъ, его суевѣрное воображеніе готово было заподозрить сверхъестественное значеніе этого „идола“, быть можетъ пособника самозванца въ его богомерзкихъ дѣлахъ. Не даромъ же, вспомнилъ бояринъ, на того превеликаго идола народъ взиралъ со страхомъ и прозвалъ его „адамъ“.

— Нынче же поговорю съ Васей Шуйскимъ, дабы велѣлъ тотъ превеликій трехглавый адъ, съ мѣста снявши, совсѣмъ уничтожить, а то народу соблазнъ и вѣрѣ христіанской поруха, рѣшилъ бояринъ; — укараулилъ тебя, литовскій ты дудошникъ, стражъ твой мѣдный, даромъ что о трехъ головахъ идолице! опять съ удовольствіемъ сказалъ себѣ старикъ. — Уберегь!.. Да хвально будетъ имя Господне во вѣки вѣковъ!..

Курская сотня очутилась передъ большими каменными палатами Ивана Васильяча III-го. По мысли царицы Софіи Ѳоминыны, гречанки, воспитанной въ Италіи, славнымъ итальянскимъ зодчимъ фрязинимъ Алевизомъ „отъ града Медиолама“ заложенъ этотъ дворецъ на удивленіе москвичей, еще не видавшихъ подобной постройки. Василий Ивановичъ окончилъ отцову постройку и не жалѣлъ на нее денегъ. Царскіе чертоги соединяли въ себѣ великолѣпіе съ красотой. Лицо дворца, то есть фасадъ, глядѣло на площадь между соборами Архангельскимъ, Благовѣщенскимъ и Успѣнскимъ и церковью Іоанна Лѣстничника — что подъ колоколы, на мѣстѣ которой Борисъ Годуновъ поставилъ „Иванъ Великій“ и пристройку патриарха Филарета. Пестрая масса зданій различной высоты, безъ общаго фасада, съ преобладаньемъ итальянскаго стиля первоначальныхъ строителей дворца, могла, по истинѣ, поразить съ перваго взгляда своею оригинальною красотой. Строясь одновременно, безъ общаго цѣлаго, безъ общаго плана, больше для удобства, — тѣсно стоящія зданія возвышались одна надъ другою съ своими разнообразными крышами — двускатными, епанечными, въ видѣ шатровъ, скирдовъ, бочекъ, съ прорѣзными золочеными гребнями, съ золочеными на верху маковицами. Башни и башенки, крытыя бѣлой жестию, съ золочонными орлами, посеребренными единорогами и львами вмѣсто флюгеровъ, особенно золоченные теремки и крутыя зеленыя тесовыя крыши въ чешую, сверкая подъ

горячими лучами майскаго солнца, отражая на себѣ его живой блескъ, производили на полудикихъ курскихъ севрюковъ впечатлѣніе какого-то сверхъестественнаго очарованія, переносили ихъ въ міръ чудесныхъ сказокъ и волшебниковъ. Деревянныя строенія чудно пестриво вычурное узорочье. По карнизамъ, по угламъ и у оконъ, колонки или пилястры росписаны яркими красками и густо позолочены. Благовѣщенская паперть, Красное крыльцо и Грановитая палата особенно щеголяли фряжскими травами вокругъ оконъ и дверей, хитро рѣзанными по бѣлому камню и покрытыми „краснымъ золотомъ“ и цвѣтными красками. На всѣхъ воротахъ дворца стояли иконы, масломъ писанныя на доскахъ.

Даже суровый бояринъ Феранонтовъ не могъ отвести своихъ старыхъ глазъ отъ волшебнаго зрѣлища царскихъ палатъ, которыхъ ослѣпительно бѣлыя стѣны рѣзко выдѣлялись на лазуревомъ небѣ и на изумрудной травѣ.

— Бояринъ! услыхалъ возлѣ себя Іона Агѣичъ чей-то басистый голосъ и обернулся. Здоровый дѣтина, съ виду чернецъ, въ просаленномъ колпакѣ, въ длинномъ истасканномъ черномъ балахонѣ, подпоясанномъ ремнемъ, въ лаптяхъ, съ котомкой за плечами и съ палкой въ рукѣ, неловко сунулъ ему письмо, запечатанное чернымъ воскомъ и спѣшно пошелъ прочь.

— Отъ кого? нетерпѣливо спросилъ бояринъ, не замедливъ въ огромномъ нескладномъ служебъ признать силача, Коренскаго монастыря брата Зосиму, такъ какъ подобныхъ широкихъ плечъ, такого баса словно изъ пустой бочки голосъ, такой страшной лапы, какими обладалъ братъ Зосима, трудно было сыскать.—Отъ кого?

— На печать глянь, бояринъ! отвѣчалъ служка, удаляясь и явно избѣгая дальнѣйшихъ распросовъ.

— Отъ игумена коренскаго! прошепталъ бояринъ, не безъ труда разглядѣвъ старыми глазами изображеніе одноглавой церкви, рѣзко вытѣсенной на черномъ воскѣ.—Куда-жь ты бѣжишь, чернецъ? крикнулъ бояринъ вслѣдъ брату Зосимѣ.

Братъ Зосима, неуклюже завернувъ черезъ плечо на ходу свою патлатую въ колпакѣ голову, выразительно махнулъ палкой, словно бы говоря, что теперь ему, служебъ, при народѣ разговаривать съ нимъ, бояриномъ, негодится, и этимъ самымъ движеніемъ словно бы общаясь съ нимъ скоро свидѣться въ иномъ мѣстѣ.

— Что бы такое? недоумѣвалъ бояринъ, пряча письмо за пазуху кафтана и слѣбая съ помощью Еры съ сѣдла у самаго Краснаго крыльца.

„Большая палата“, что нынѣ Грановитая, стояла на самой площади. „Средняя палата“, между „Большою“ и Благовѣщенскимъ соборомъ, стояла „на дворцѣ“ или на великокняжескомъ дворѣ. Передъ Среднею палатою было Красное крыльцо и „передніе переходы“, на которые съ площади вели три лѣстницы: одна, какъ и теперь, у стѣны Грановитой палаты; другая, средняя лѣстница, нынѣ не суще-

ствующая; третья—благовѣщенская паперть. Цѣлый стрѣлецкій приказъ, выстроенный посотенно, развернутымъ фронтомъ, или, какъ тогда говорили, головой впередъ, хвостомъ назадъ, стоялъ у Краснаго крыльца. Словоно замерли длинные живые ряды съ тяжелыми пищалями у ноги. Впереди, окруженный барабанщиками и огромнымъ тумбасомъ, двѣ стрѣльцы стояли съ псковскимъ прапоромъ. То было на высокомъ красномъ древѣ сдѣланное „косынею“ знамя,—по алой тафтѣ шитое золотомъ и серебромъ, съ изображеніемъ „барса“ и подписью: „Государь Псковской“. Знамя было уже ветхо, обшито длинною бахрамою—золото съ зеленымъ шолкомъ, кое гдѣ оторвавшееся и висѣвшее клочками.

— Никакъ псковскіе стрѣльцы тысяцкаго Изота Волкова? подумалъ бояринъ, вспомнивъ встати усердіе и расторопность тысяцкаго Волкова въ день кровавой расправы съ сомованцемъ и его ляхами.

— Крестовому моему братцу, Іонѣ Агѣичу честному боярину челомъ бьемъ! привѣтствовалъ прибывшаго курскаго боярина князь Мстиславскій, только что слѣзшій съ коня и весело поздоровавшійся съ карауломъ.

— И молодецъ же ты у меня, князь Федоръ! Хоть сейчасъ тебя подъ вѣнецъ! неутерпѣлъ похвалить старый бояринъ своего знатнаго пріятеля, поцѣловавшись съ нимъ въ губы, какъ того требовали правила тогдашняго общежитія и боярской учтивости.—Старый конь, а не извѣдился.

Князь Мстиславскій отвѣтилъ Ферапонтову тою самою усмѣшкою, которая такъ скрашивала его мужественное лицо; въ то же время эта веселая улыбка ясно говорила, что князь не придавалъ словамъ боярина иного значенія, какъ значеніе дружеской любезности. Не глядя на тысяцкаго Волкова, князь дѣлалъ ему краткіе вопросы, внимательно разглядывая густые ряды караула.

— Въ строю пищалей много ли у тебя?

— Тысяча сто съ пяткомъ, княже! твердо, но почтительно отвѣчалъ Волковъ, старый воина.

— Заядовъ на каждую пищаль сколько?

— По два десятка, княже.

— Люди у тебя, Изотъ, сыты ли вышли? довольны ли?

— Сыты люди мои, довольны твоими милостями, княже!

— Приказъ твой стрѣлчей вѣренъ ли въ службѣ, Изотъ?

— Вѣренъ въ службѣ приказъ мой стрѣлчей, княже!

— Въ томъ ты мнѣ своей головой отвѣтствуешь, тысячникъ?

— Въ томъ головой своей отвѣтствую, княже. Что повелишь—исполню я съ приказомъ моимъ въ то-жъ число!

— И то добры рѣчи твои, Изотъ. По рѣчамъ твоимъ вижу твой разумъ, а по дѣланіямъ твоимъ увижу твое усердіе. И чего служба твоя съ псковскимъ приказомъ удостоится — по заслугамъ награждение имате. А поставилъ я тебя, Изотъ, со псковичами нынче ко

дворцу въ отличку тебѣ передъ всѣми тысячниками и полковниками и въ надеждѣ про всякъ случай: молъ, не выдадите! И ты бы это памятовалъ какъ можно. И стрѣльцамъ внуши: твердо бы стояли и неподвижно!

Затѣмъ князь громко крикнулъ стрѣльцамъ:

— За службу вашу, братцы псковичи, бояре наибольшіе васъ жаждутъ своею боярскою милостью: виномъ зеленымъ и крѣпкими медами! Спасибо! постояли вы, намедни, за вѣру православную, родительскую, и за матушку, всероссійскую Москву-бѣлокаменную! Спасибо вамъ великое! И впредки стойте твердо и неподвижно!

— Постоймъ! постоймъ твердо и неподвижно! дружно кригнули стрѣльцы, которыхъ густые ряды заволебались.

— И вы бы, православные вси, послужили честно за государя бѣлаго, всероссійскаго, его же избереть боярская дума изъ благороднаго, препрославленнаго русскаго рода!..

— За государя бѣлаго, русскаго, помереть готовы! еще громче вскричали стрѣльцы и оружіе брякнуло, рады замѣтно разстроились.

Въ описываемое время русское постоянное войско, „стрѣльцы“— уже не представляло собою нестройныя полчища прежнихъ, старинныхъ „воевъ“, призывавшихся по военнымъ обстоятельствамъ отъ „черной сохи“ и прочихъ государственныхъ сословій, подъ знамя, въ поле. Въ тогдашнее стрѣлцкое войско, черезъ посредство иноземцевъ, уже проникало ученье и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. Если псковской приказъ тысяцкаго, то есть полковника Волкова, своимъ внѣшнимъ видомъ, одеждою и щегольствомъ вооруженія не могъ равняться съ любымъ московскимъ полкомъ, тѣмъ не менѣе въ немъ не было той „шатости“ и склонности къ измѣнѣ, которыми вообще отличались московскіе стрѣльцы, избалованные всяческими царскими льготами и служебною распущенностью, допущенною ихъ начальствомъ. Длинные пищали, замѣнявшія „тюфези“ XIV вѣка („тюфенъ“, по-турецки ружье), не уступали въ стрѣльбѣ лучшему европейскому оружію, какъ свидѣлствуетъ Маржереть. „Латы“, по своей дороговизнѣ, были мало распространены въ московскихъ стрѣлцескихъ полкахъ, въ „городскихъ“ же полкахъ ихъ вовсе не было. Поэтому псковскіе стрѣльцы не щеголяли по виду въ своихъ „пишляяхъ“, то есть въ толстыхъ суконныхъ „сермяжныхъ“ кафтаныхъ, толсто подбитыхъ пенькой, хлопчатой бумагой, даже паклей, насквозь простеганныхъ навощонной крѣпкой ниткой или дратвой. У многихъ пишляи были покрыты нашитыми сверху металлическими кружками, а то просто кольчужными и панцирными обрывками; не хуже панцыря защищали они отъ удара тѣло.

Князь Мстиславскій съ удовольствіемъ убѣдился, что бочки съ виномъ и медами подвезены, приказалъ тысяцкому Волкову наблюдать строгій порядокъ, дабы стрѣльцы не перепились и, дружески взявъ

курскаго боярина за руку, пошелъ съ нимъ вверхъ, на Красное крыльцо.

— И молодецъ же ты у меня, княже Федоръ! хотъ сейчасъ тебя подь вѣнецъ, продолжалъ хвалить Мстиславскаго Ферাপонтовъ.

Не даромъ называлъ онъ князя молодцомъ. Мстиславскій, любимый воевода русской тогдашней рати, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, глядѣлъ просто красавцемъ. Въ молодости онъ не могъ жаловаться на недостатокъ женскаго къ себѣ вниманія. Эти крупныя правильныя черты круглаго, до сихъ поръ румянаго, хотя ожирѣвшаго лица, опушеннаго какъ бы бобровою темнорусою бородою, эти темныя брови, эти темные глаза, еще не утратившіе своего блеска—могли съ молодости нравиться женщинамъ и увлекать ихъ. А въ преклонныхъ лѣтахъ трудно было отыскать другаго мужчину болѣе воинственной наружности и величавой осанки. Видный, породный, простой въ обращеніи и чистосердечный въ рѣчахъ, онъ невольно располагалъ къ себѣ съ первой съ нимъ встрѣчи. Его веселое, нѣсколько насмѣшливое выраженіе смѣнялось строгимъ и начальственнымъ видомъ тамъ, гдѣ это было нужно. Въ ясномъ позолоченномъ панцырѣ, горѣвшемъ на солнцѣ, князь казался еще шире въ плечахъ, еще выше въ груди. На груди и на спинѣ круглыя мѣдныя щиты съ вывороненными, искусно выбитыми орлами и надписью: „чести моей не нарушу“. Наручи краснаго булата съ золотыми насѣчками и гнѣздами, осыпанные яхонтами, бирюзой и изумрудомъ; булатная же сабля съ широкимъ доломъ и арабскою надписью: „Работа Абудъ-Али изъ Кашемира“; по обуху же этой драгоценной сабли настоящій ея владѣлецъ велѣлъ насѣчь слова: „Сабля княжъ Федора Ивановича Мстиславскаго“. При гордыхъ и красивыхъ движеніяхъ князя развѣвалось бѣлое страусовое перо, прикрѣпленное къ золоченому плему серебряной пряжкой, сверкавшей своими ласами и жемчугомъ.

— Вотъ, съ молодцомъ своимъ пристагъ, дяденька Агѣичъ! весело отшучивался Мстиславскій, проходя съ бояриномъ сѣни Средней палаты или „Золотой“, такъ какъ палата эта была внутри росписана золотомъ.—Нашелъ молодца! Былъ конь—извѣдился! Уходили сивку крутыя горки! такъ-то, Агѣичъ.

— Ври! Небось я не знаю, какъ московки по тебѣ воздыхаются, Федя? Въ сорочкѣ, братъ, ты родился!—Бояринъ остановился и вдругъ пытливымъ, совсѣмъ другимъ, строгимъ взглядомъ взглянулъ прямо въ глаза Мстиславскому. Тотъ поневолѣ остановился и ждалъ.

— Стало, какъ сказано, княже? тихо спросилъ бояринъ, оглянувшись, нѣтъ ли близко него.

— Стало такъ, Иона Агѣичъ, простодушно отвѣтилъ Мстиславской.—Безъ лукавства...

— Ты, знаю, безъ лукавства, Федоръ, и я тебя за твою простоту люблю! заторопился бояринъ.—Ну, а за прочихъ не ручаюсь...

вредные старики... Стало, мы съ тобою, княже, за Василья за Шуйскаго голоса подадимъ?

— За Шуйскаго, подтвердилъ Мстиславскій.

— Ну, а старики какъ? Сладились ли?

— Бѣльскій слышать не хочеть... на стѣну лезеть!.. А то, кажись, ничего—сладились.

— Одинъ гусь поля не вытопчетъ! замѣтилъ бояринъ;—Бѣльскій, да еще онъ же Богданъ—дѣло небольшое должно, всю думу не переспорить... какъ повладаешь, княже Федоръ?

— Должно, одному всѣхъ не переспорить! согласился Мстиславскій уже у дверей палаты, которую передъ ними почтительно распахнули дворецкіе пристава въ атласныхъ бѣлыхъ кафтанахъ и желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ.

III.

Какъ во славномъ было городѣ Киевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Собирались князья и бояре
И сильные могучіе богатыри.
Собирались думушку думати.

(Былина о Владимірѣ
Красномъ-Солнышкѣ).

Боярская дума собралась въ большихъ пріемныхъ покояхъ великокняжескаго дворца, именно въ „Золотой палатѣ“, той самой, гдѣ нынѣ погибшій самозванный царь Дмитрій, съ отличавшею его характеръ пышностію, принималъ сендомирскаго воеводу, названнаго тестя своего, пана Мнишка. Въ „красныхъ“, то есть переднихъ углахъ стояли царскіе сѣдальныя мѣста, по нынѣшнему троны, блестящія золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями и „золотыми тканями“. Особенно бросался въ глаза, своимъ изяществомъ и роскошью тронъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Возсѣдая на немъ „воръ“, назвавшійся сыномъ Грознаго, такъ еще недавно выказывалъ свою царскую пышность и свое мнимое царское величіе. Это были высокія кресла, кованные изъ серебра съ позолотою, подъ балдахиномъ изъ четырехъ щитовъ, крестообразно составленныхъ, съ круглымъ золоченнымъ шаромъ, на которомъ литой изъ чистаго золота двуглавый орелъ сіялъ своими распущенными крыльями. Къ трону вели три ступени подъ золотою парчею; четыре льва серебряные, до половины вызолоченные, какъ бы охраняли тронъ. По обѣ его стороны, на высокихъ серебряныхъ ножкахъ, два грифона держали: одинъ государственный мечъ, а другой государственную державу. Надъ креслами сверкала своею ризою икона Богоматери въ безцѣнныхъ камняхъ, а подъ балдахиномъ золотое распатіе съ большимъ топазомъ.

„Золотою“ Средняя палата именовалась уже со времени Василья Ивановича потому, что была „подписана“ или украшена иконописью въ византийскомъ стилѣ, то есть „золоченою иконописью“. Старые строіе лики, уже отъ давности почернѣвшіе, мрачно глядѣли съ своихъ каменныхъ стѣнъ, росписанныхъ „бытейскимъ писемомъ“. Вверху, на сводѣ „въ небѣ“, Спасъ на херувимахъ съ надписью, золотомъ же: „Премудрость Иисусъ Христосъ“; межъ дверей „дьяволъ седмиглавный, а стоитъ надъ нимъ жизнь, а держитъ свѣтильникъ въ правой руцѣ, а въ лѣвой копіе, а надъ тѣмъ стоитъ ангелъ: „Духъ страха Божія“. Далѣе символическая стѣнопись изображала „земное основаніе, и море, и преложеніе тому во сокровенная его; да ангелъ, духъ благочестія, да около того четыре вѣтры. А около того все вода, а надъ водою твердь, а на ней солнце, въ землю падаѣй при водѣ; да ангелъ, духъ благоумія, а держитъ солнце. А подъ нимъ отъ полудни гоняется послѣ дни ночь; а подъ тѣмъ добродѣтель и ангелъ; а подписано: „Раченіе, да ревность, да адъ, да заецъ“, и такъ далѣе. Какъ была „наряжена“ при Лжедимитріи золотая палата, такъ и оставалась. По полу, „моценому дубовымъ кирпичемъ“, т. е. квадратными дубовыми брусками въ родѣ нынѣшняго паркета, стлались дорогіе, очень большіе ковры персидскіе, глушившіе совсѣмъ шаги тяжелыхъ на ногу бояръ. Персидскіе же ковры, пестрые и яркіе, покрывали широкія липовыя лавки на точеныхъ ножкахъ, обитыя алымъ бархатомъ. Яркій свѣтъ прекраснаго майскаго дня проникалъ въ глубокія амбразуры полукруглыхъ оконъ, черезъ слюдяныя оконницы изъ бѣлаго желѣза „въ сѣтку“ въ видѣ репьевъ, то есть круговъ. Такія окна назывались „репейчатыми“. Прозрачная, матовая слюда, укрѣпленная въ репьяхъ оловянными позолоченными „денежками“, т. е. бляшками, была искусно росписана красками—въ въ кругу орелъ, „по угламъ травы“. Прямо со двора вошедшимъ Мстиславскому и Ферапонтову показалось въ палатѣ съ рѣдкими узкими окнами темновато. Между боярами, уже чинно засѣдавшими на лавкахъ, шелъ оживленный разговоръ, конечно о шатости „Руссійскаго государства“ и объ опасности, грозящей ему со стороны папезской Польши. Бояре словно бы щеголяли другъ передъ другомъ своими богатыми парчевыми, бархатными и атласными кафтанамъ съ золочеными пуговицами и золотыми позументами. Ни на комъ не видно было суконной одежды.

Перекрестясь на образъ Божіей Матери и поклонясь на всѣ четыре стороны боярамъ, Мстиславскій и Ферапонтовъ молча заняли свои мѣста на лавкѣ. Ферапонтову пришлось сѣсть рядомъ съ Василіемъ Шуйскимъ, котораго дума готовилась провозгласить царемъ. Чуть ли не плоше всѣхъ собравшихся бояръ выглядывалъ съ виду Шуйскій, и это обстоятельство не могло не броситься въ глаза старому думцу, боярину Ферапонтову, привыкшему съ понятіемъ о царской власти соединять представленіе вѣшняго величія. Остаркова-

тнй, за пятьдесятъ лѣтъ, съ изрядною плѣшью во всю макушку, толстый, въ старомъ парчевомъ кафтанѣ, который донашивалъ и не шилъ себѣ новаго, потому что славился по Москвѣ своей скупостью, Шуйскій, точно, не могъ похвалиться величіемъ своей неуклюжей фигуры, благолѣпнѣемъ своего красноватаго лица. Его подслѣповатые, красные отъ постоянного письменнаго занятія глаза съ какимъ-то недоувѣрчивымъ, нечуждымъ лукавства выраженіемъ и словно бы украдкой пробѣгали по толпѣ бояръ; русая съ просѣдью, рѣдѣнная борода нѣсколько влиномъ, а также съ горбомъ носъ, сообщали его лицу хитрость. Онъ внимательно, съ поникнутой головой и съ глазами утремленными въ полъ, слушалъ толковую рѣчь князя Буйносова-Ростовскаго, одушевленно говорившаго своимъ сосѣдямъ.

— Громче, княже! Громче! слышались голоса.

— Говори, чтобы всѣмъ слышать! подхватили думцы со всѣхъ сторонъ. Глухихъ насъ много!

Буйносов-Ростовскій князь принужденъ былъ подняться съ лавки и выступить на середину палаты. Возвысивъ голосъ, онъ продолжалъ во-всеуслышаніе:

— Понять то надо намъ, боярамъ московскимъ, что Литва Москвѣ сестра меньшая. Москву съ Литвою езвитскія хитрости папы римскаго разлучили. Вѣдомо, что православной греческой вѣры князь литовскій Яковъ, когда въ жены себѣ взялъ чешку Ядвигу, прозвался Ягелломъ; православія своего отрекся, даромъ что мать у него православная была. Хоша соединилъ онъ, Ягелло князь, православную Литву съ папешской Польшей, а вѣры ихъ не соединилъ: каждая при своей осталась. Хоша тоже многіе православные литовскіе бояре и соблазнились въ римское католичество и ополчились, а того больше литовскихъ бояръ и дворянства по сей день нашего православнаго закона. А простой народъ поголовно русскій, даже по-польски не знаетъ. Мало ли насъ, московскихъ знатныхъ родовъ, изъ Литвы вышли? Мало ли насъ, бояръ, на Литву отѣхали? Единъ корень Московскаго и Литовскаго государствъ—племя одно, языкъ и вѣра одни. Разновременно отѣхали на государево слово изъ Литвы на Москву бояре Плещеевы, Волынскіе, князья Глинскіе...

— Съ Глинскими-то князьями отѣхали къ намъ на Русь съ Сѣверщины, тогда еще литовской, чуть ли не триста дворянскихъ семействъ! замѣтилъ бояринъ Ферапонтовъ, смекавшій, куда клонить свою рѣчь Буйносов-Ростовскій князь,—тоже на государево слово отѣхали.

— Глинскій князь все ихъ при себѣ держалъ, добавилъ бояринъ Троекуровъ.

— Мой княжескій предокъ, еще ста лѣтъ нѣтъ, на Москву изъ Литвы отѣхалъ, вмѣшался князь Мстиславскій.

— Довольно у московскихъ царей служило Гедиминовичей! продолжалъ Буйносовъ,—и въ думѣ, и на рати: Ольгердовичи, по Оль-

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

гердовой женѣ, сродичи потомству великокняжого тверскаго рода Одельковичи и Чарторыжскіе князья, Одоевскіе, Бѣлевскіе, Воротынскіе,—и на Литвѣ стояли высоко, и на Москвѣ не понизились; Михайль-то Одельковичъ Новгородомъ-Великимъ правилъ, а Александръ Чарторыжскій—Псковомъ...

— Ну, Одоевскіе-то, Бѣлевскіе, да Воротынскіе князья не давно еще на обѣ стороны служили, замѣтилъ бояринъ Феропонтовъ;—Одна вѣтвь царю Ивану Василичу прямила, а другая крулю литовскому Казимиру. То вѣдомо...

— И то было, бояринъ, что изъ Москвы въ Литву обратно знатные люди отъѣзжали! обратясь къ Феропонтову продолжалъ Буйносовъ.—Отчего отъѣзжали? самъ знаешь—отъ лютости царя Ивана. Бѣжалъ отъ него послѣдній рязанскій князь, Бѣльскіе, Глинскіе, Воротынскіе, Шереметевы, Курбскій, Вишневецкій, Ляцкій, что изъ славнаго рода Кашкиныхъ... много ихъ бѣжало...

— Нельзя было и не бѣжать, вмѣшался скромно князь Василий Шуйскій.—Царь Грозный Иванъ боялся все „подговора литовскихъ бояръ“. Ради истребленія измѣны „губилъ всеродие“. Съ перваго, бывало, начнетъ, послѣднимъ въ родѣ кончить.

— Къ тому я рѣчь веду, продолжалъ Буйносовъ,—что Грозный царь лютостью своею непомѣрною токмо отвратилъ отъ Москвы единовѣрную ей Литву. Давно бы Литва съ Москвою подъ одною державою блага царя жила. Куда пастырь стадо гонить—туда стадо идетъ. А народу пастыри кто? Князи да бояре!

— Правда! правда! заговорили присутствующіе,—мы голова, народъ тѣло: ни мы безъ народа, ни народъ безъ насъ! Правда!...

— И нынѣ, продолжалъ Буйносовъ,—оба народа, московскій и литовскій, склоняются другъ къ другу. Только паны—рада польскіе да папъ римскій мѣшаютъ намъ въ единеніе придти любовное, во вѣки нерушимое. У многихъ изъ насъ сродичи и свойственники и за литовскимъ рубежомъ. Свой своему поневолѣ братъ.

— Правда! правда! снова заговорили многіе.

— Вотъ и довлѣетъ намъ, московскимъ боярамъ, съ литовскими списаться и въ переговоры войти:—Де, братья мы, братьями и жить должны, одною семьєю, однимъ государствомъ; и смута на Руси замирится и паны—рада съ езвитскими понами во-своаяси уберутся! закончилъ Буйносовъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Во истину такъ! единодушно подтвердили бояре.—Заводчики воровскимъ дѣламъ съ Литвы идутъ и самозванцы все ихніе подученники!...

— Не потому украинные города и уѣзды за самозванца хватаются, что де вѣрять ему, яко царю истинному, а потому, что Литва имъ волю сулитъ, прелестью прельщаетъ, отъ Москвы къ себѣ тянетъ! замѣтилъ бояринъ Иона.

— Тебѣ-то знать, украинскому боярину, лучше насъ! согласился

съ нимъ Шуйскій. — Ты къ литовскому рубежу ближе нашего живешь.

— А тебѣ бы, князь Василій, сказать намъ, боярамъ, кого государемъ на Москвѣ поставить? прямо къ Шуйскому обратился бояринъ Фералонтовъ.—Сказывай, князь Василій, а мы послушаемъ твои рѣчи...

— Сами знаете, кого вамъ въ цари надобить, сами вы волостелины и думцы! скромно, потупясь глазами въ полъ, сказалъ разсудительный царедворецъ, привыкшій, по словамъ Фералонтова, подмѣтывать свой слѣдъ своимъ же лисьимъ хвостомъ и при Грозномъ, и при Борисѣ, и при Лжедмитріи.—Царскій домъ Рюриковичей пресѣлся, государству грозитъ бѣда: кабы иной самозванецъ не обыскался.

— Воръ-бѣсоугодникъ убитъ! Московскій столъ запусѣлъ! намъ царя выбрать надо! заговорили разомъ многіе голоса.—Избавилъ ты насъ, князь Василій, отъ разстриги Гришки Отрепьева, отъ богомерзкаго еретика; ты же и государя намъ укажи!

— На чести много вамъ благодаренъ, князя и бояре и думные люди! съ низкимъ поклономъ, видимо польщенный, сказалъ Шуйскій.—Только требуете вы отъ меня дѣла немалого, совѣта не по простому моему уму-разуму... Кого вамъ укажу въ государи? Мало ли знатныхъ боярскихъ родовъ на бѣлой Руси? Не перевелись еще. Кто изъ насъ, именитыхъ людей, непоколебимъ въ православіи, твердъ въ предковскомъ обычаѣ, славенъ въ русскомъ народѣ, опытенъ въ добродѣтели и въ правительственномъ дѣлѣ; кто изъ насъ не младъ, воздерженъ, могъ бы казну государственную приумножить, а не расточить, кто царское величіе понимаетъ не въ пышности, а въ милости и справедливости, кто, радѣя о земскомъ и государственномъ строеніи, забылъ-бы свои собственные дѣла, тотъ нашъ бѣлый русскій царь!

— Кабы намъ таково излюбленнаго земскаго боярина найти—царемъ бы поставили! замѣтилъ князь Мстиславскій.—Только кто у насъ такой земскій бояринъ, кромѣ самого тебя, Василій Ивановичъ?

— Во истину такъ! подтвердили громко многіе бояре, подымаясь со всѣхъ сторонъ и толпясь кругомъ Шуйскаго.—На одного тебя, княже Василій, полагаемся!

— Честному князю Василю Ивановичу Шуйскому дадимъ царства руссійскаго скипетродержавіе! возвысилъ свой голосъ бояринъ Фералонтовъ.

— Князю Василю Ивановичу Шуйскому быть на русскомъ государствѣ! огласилась палата взрывомъ единодушныхъ восклицаній, заставившихъ Шуйскаго поблѣднѣть отъ сильнаго внутренняго волненія и бросить короткій, недоувѣрчивый взглядъ своихъ лукавыхъ глазъ на обступившую его плотно толпу князей и бояръ, словно-бы пытая—вправду ли они это приглашаютъ его на царство, или только шутку съ нимъ шутать, пробуютъ его?

— Родъ Шуйскихъ князей—отрасль благородная царскаго корени,

отъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго! подавъ свой вѣскій въ думѣ голосъ курскій бояринъ, которымъ въ этомъ важномъ случаѣ руководило не личное чувство, не расчетъ, а трезвое сознание государственной пользы и необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, кого иного могла выбрать въ свои цари Москва со столомъ безъ государя? Смятенному и „шатавшемуся“ государству грозилъ страшный призракъ самозванныхъ царей и дерзкій похититель московскаго престола, безъимянный бродяга, открывшій изъ Польши въ Русь дорогу самозванству, еще валялся мертвый и поруганный на площади, вблизи дворца, вызывая къ себѣ въ народныхъ толпахъ самыя противоположенныя чувства: и негодованіе на вора, и подовѣрія—ужъ и впрямь не истиннаго ли царевича Димитрія сгубили его лиходѣи, бояре?

— Намъ, изродовымъ боярамъ, и землѣ русской и всему православію сослужилъ ты, княже Василій, великую службу: злодѣя самозванца погубилъ! продолжалъ Ферапонтовъ; быть тебѣ нашимъ царемъ!

— Быть тебѣ нашимъ царемъ, княже Василій! съ прежнимъ единодушіемъ подхватили бояре;—мы думой всей такъ разсудили, того Богъ хочетъ! иного царя не хотимъ!

Шуйскій въ своемъ старенькомъ парчевомъ кафтанѣ казался въ эту минуту еще толще и неуклюжѣе. Его плѣшивая голова съ красными глазами и рѣдѣнкой бородкой низко поклонилась на четыре стороны собранію. Онъ, видимо, былъ глубоко тронутъ великою земною честью, которую ему предлагало это именитое собраніе, и не могъ говорить.

— Не по силамъ моимъ слабымъ величаете меня, великіе волостели и думцы! проговорилъ онъ наконецъ;—не по моимъ заслугамъ превозносите меня, князья и бояре! Старше меня, именитѣе у насъ бояринъ, князь Федоръ; его надо въ цари поставить!

Шуйскій низко поклонился Мстиславскому, котораго величественная наружность совершенно затмевала и подавляла невзрачную фигуру Шуйскаго.

— Княже Федоръ, ты у насъ старшій бояринъ въ думѣ! обратились къ Мстиславскому нерѣшительно и повидимому лишь для того, чтобы его не обидѣть, нѣсколько голосовъ среди глубокаго молчанія собранія, любившаго Мстиславскаго, но не питавшаго къ его уму и государственнымъ способностямъ особеннаго уваженія. Мстиславскій это зналъ, и весело посмѣиваясь, принимая предложеніе пріятелей за шутку, сказалъ съ отличавшею его характеръ рѣшительностью:

— Въ монахи постригусь, коли въ цари станете меня неволять, товарищи! Князь Василья надо!

— Князь Василью Ивановичу быть русскимъ царемъ! какъ одинъ голосъ, съ громкимъ одушевленіемъ, воскликнуло собраніе, снова обращаясь къ Шуйскому. Степенные и важные думные сановники поясными поклонами пріѣтствовали своего нарѣченнаго царя.

На хитрыхъ глазахъ Шуйскаго дрожали слезы, рѣденькая бородка его и нависшія брови тоже дрожали вмѣстѣ съ рукою, опиравшеюся на бамбуковую съ серебрянымъ набалдашникомъ трость. Онъ кланялся на всѣ стороны, молча благодаря за великую честь и выжидая, пока громкіе крики собранія стихнутъ и позволятъ ему говорить. Наконецъ онъ началъ дрожащимъ голосомъ:

— Благодарю на великой чести, мнѣ недостойному оказанной! не мнѣ, старѣющемуся, снести тяготу царскаго чина, не по моимъ слабымъ глазамъ блескъ царскаго вѣнца! Ищите себѣ, благородные мужи, достойнаго васъ государя!

Снова почтительно поклонясь на четыре стороны, Шуйскій направился было къ двери, чтобы удалиться совсѣмъ; князь Мстиславскій и бояринъ Ферапонтовъ загородили ему путь, съ твердымъ намѣреніемъ его не пустить. Шуйскій поневолѣ остановился. Его подслѣповатые, недовѣрчивые глаза снова забѣгали по толпѣ бояръ съ вопрошающимъ выраженіемъ. Многія руки взяли его и при дружныхъ крикахъ— „Многія лѣта государю Василью Ивановичу!“ отвели къ царскому сѣдалищу Ивана Грознаго.

Шуйскій, съ глубоко-набожнымъ чувствомъ помолясь на образъ Матери Божіей и на честной крестъ, сіявшіе надъ трономъ, съ лицомъ, омоченнымъ слезами, обратился къ неподвижной, стихшей боярской толпѣ.

— Когда на то воля Божія и соизволеніе ваше, именитые бояре, сказалъ онъ, оправясь,—я готовъ. Жизнь свою я давно отдалъ матушкѣ нашей общей, Руси православной!..

Шуйскій закончилъ свои слова низкимъ поклономъ.

— Многія лѣта нашему государю Василью Ивановичу! торжественно воскликнуло собраніе, махая надъ головами шапками.

Нарѣченный царь опять низко поклонился и плакалъ.

— А тебѣ бы, благовѣрный княже Василій, нарѣченный государь нашъ, обратился къ нему Ферапонтовъ,—безъ нашего боярскаго приговора никакого указа не чинить и никакого дѣла не вершить; волями паче смертію никого не казнить и вотчинъ дворянскихъ на себя не отбирать; и ябеду, и наушниковъ не слушать; и ябедниковъ, злодѣевъ, на-крѣпко смыскивать и казнить, кто чего доведется, дабы не смущали цареву совѣсть и на зло его не воздвигали. И въ томъ мы, прирожденные Московскаго государства бояре, будемъ тебѣ, княже Василій, крестъ цѣловать. Во истину ли такъ, княжи и бояре, свазываю? закончилъ Ферапонтовъ, обращаясь къ собранію, слушавшему его внимательно и съ видимымъ сочувствіемъ къ его словамъ, выражавшимъ общее ихъ желаніе.

— Такъ! такъ! закричали бояре съ одушевленіемъ, засвидѣтельствовавшимъ Шуйскому, что они требуютъ отъ него, своего царя, не самодержавія, а власти, ограниченной боярами.

— Останусь русскимъ бояриномъ сдѣлавшись русскимъ царемъ!

съ своею обычною вѣрачивостью заговорилъ Шуйскій.—Мудра рѣчь твоя, бояринъ Иона Агѣичъ, и не намъ, московскимъ боярамъ, тебѣ прѣвословить, когда стоишь ты за нашу честной боярской родъ, всему свѣту вѣдомый, и изстари, какъ только земля русская стала, славный. Всѣ мы, въ сей царской палатѣ сущіе, помятуемъ, сколь тяжело и неправедно страждаетъ боярство, духовный чинъ и народъ, когда царь въ скипетродержавіи своимъ единый, безъ вѣрныхъ своихъ думцевъ и совѣтниковъ. Немало мы терпѣли отъ лютости Грознаго царя Ивана, поправшаго къ подножію своему боярскому думу...

— Во истину такъ! громко подтвердило собраніе.

— Отъ царя небеснаго власть царя земнаго, то намъ вѣдомо! продолжалъ Шуйскій;—русскій царь, сколько бы ни прилеженъ былъ и рачителенъ въ державствѣ своемъ, одинъ не снесетъ тяготы безмѣрной государственія. Княжи и бояре! Богъ видитъ душу мою! Обѣщаюсь царствовать единомысленно съ думой вашей. Въ томъ вамъ порука сіе распятіе Спасителя нашего!

— Амины! утвердило собраніе обѣщаніе Шуйскаго, говорившаго дѣйствительно отъ души и поддѣржившаго свои слова земнымъ поклономъ распятію надъ царскимъ сѣдалищемъ съ глубокимъ смиреніемъ, поправившимся сановному собранію.

— Многія лѣта русскому государю Василию Ивановичу! закричали бояре, поднимая Шуйскаго на рукахъ надъ своими головами.

— Не по своему достоинству возношусь, яко же не чаялъ, а по великой милости вашей ко мнѣ, своему старому сотоварищу! скромно замѣтилъ Шуйскій боярамъ, когда они опустили его на ноги.—И то вамъ въ честь и славу, храбры военачальники и мудры думцы!

Шуйскій еще разъ поблагодарилъ собраніе низкимъ поклономъ и сѣлъ на лавку, возлѣ царскаго мѣста.

— Ты что же это насупился, бояринъ Богданъ? замѣтилъ Ферапонтовъ старику, убѣленному сѣдинами, чрезвычайно почтеннаго и благороднаго вида—Бѣльскому, державшемуся отъ всѣхъ въ сторонкѣ и изподлбья съ насмѣшливымъ выраженіемъ своего открытаго умнаго лица наблюдавшему за всѣмъ, что происходило въ палатѣ.—Аль непонутру?..

— Непонутру же! подтвердилъ подошедшій Димитрій Шуйскій, мѣривъ Бѣльскаго враждебнымъ, вызывающимъ взглядомъ.—Ишь его, словно мышъ на крупу надулся!

— По своему самозванцу тоскуеть, дружески на ухо замѣтилъ Ферапонтову Мстиславскій, не отличавшійся ни краснорѣчіемъ, ни умомъ, хотя и считался по думѣ „большимъ“, то-есть первымъ бояриномъ.

— Своего брата, изродоваго боярина, тебѣ, Богданъ, должно не любо русскимъ, царемъ назвать? укорительно ввернулъ дерзкій на слово Михаилъ Татищевъ, тотъ самый, что первый поразилъ Лжедмитрія.—Жаль, не подвернулся ты мнѣ тогда, старикъ! Виѣстѣ бы

вамъ лежать на площади съ латинскимъ сѣморохомъ! Славно плясать ты, на старости, подъ его польскую дудку! Измѣнникъ ты—не бояринъ!

— Вонъ его изъ боярской думы! закричали братья Голицыны, Иванъ Никитичъ Романовъ и Михайло Нагой, братъ царицы-вдовы, Марфы, подступившіе къ сѣдовласому старику Бѣльскому съ явнымъ намѣреніемъ отъ словъ перейти къ дѣлу.—Онъ вора училъ насъ, бояръ, унижать и изводомъ извести! Онъ измѣнникъ—не бояринъ! вонъ его!

— На лобное мѣсто его! едва сдерживая себя горячился Татищевъ, сжимая кулаки.—Пусть его при народѣ скажетъ свою великую измѣну: какъ онъ на Московское государство вора привелъ, какъ съ воровъ подъ бояръ подыскивался!

Богданъ Бѣльскій поднялся съ лавки во весь свой высокій станъ, согнутый лѣтами, и съ нескрываемымъ презрѣніемъ усмѣхался въ свою почтенную, бѣлую, расчесанную бороду, обвелъ своими еще свѣтлыми, когда-то красивыми голубыми глазами враждебныхъ себѣ бояръ, терпѣливо выжидая, когда кончатся ихъ безтолковые крики.

— Дайте Богдану слово! выслушайте его, бояре! благоразумно замѣтилъ Ферапонтовъ.

Нѣхотя замолчали бояре и ждали.

— Ведите меня на лобное мѣсто, бояре! съ спокойною самоувѣренностью заговорилъ Бѣльскій, обѣими руками опираясь на свой боярскій посохъ.—Ударьте въ набатъ, сзовите народъ. Я скажу русскому народу всю правду-матку!

— Что-жъ скажешь ты, Богданъ?—какъ всегда миролюбиво и вкрадчиво возвысилъ голосъ Василій Шуйскій, котораго красные глаза глядѣли на Бѣльскаго съ нетерпѣливымъ, худо скрываемымъ безпокойствомъ, противорѣчившимъ тону его голоса.

— А скажу я, старецъ, которому умирать пора, кого погубилъ ты съ своими пособниками, князь Василій, и зачѣмъ это вамъ, боярамъ, понадобилось! Москва нынѣ вѣдаетъ, что ты злоумыслилъ на царя Дмитрія, кому присягалъ, дабы, его погубя, самому царемъ стать. А того не было, яко бы царь Дмитрій съ поляками подъ васъ, бояръ, подыскивался, то народу обнаружено... Грѣхъ, грѣхъ на свою душу приняли вы, бояре! Не всё ли вы встрѣчали въ Тулѣ царя Дмитрія, коего погубили и нынѣ воровъ обзываете? Зачѣмъ же вы ему присягали и на царство его вѣнчали зачѣмъ? Ведите меня на лобное мѣсто! Пусть народъ разсудитъ меня съ вами. А я, старецъ, стоящій одною ногою въ гробу, не хочу унести съ собою въ могилу неправду! Не я, князь Богданъ Бѣльскій, измѣнникъ, а вы, княжи и бояре! Затѣваете на Руси чего не было! новое государство затѣваете!

— Какое такое новое государство мы затѣваемъ, Богданъ? спросилъ, среди молчанія въ палатѣ, съ явнымъ неудовольствіемъ Ферапонтовъ.

— Да, да! подхватили многие голоса;—сказывай, Богданъ, какое мы затѣваемъ новое государство?

— Русскій царь самодержавенъ былъ допрежде, а вы, бояре, умышляете нынѣ сами царемъ управлять! твердо сказалъ Бѣльскій въ поясненіе своихъ словъ.—Безъ боярской де думы царь, по вашему, ничего не могли... и это не по старому государству, по новому...

— Ты это съ своимъ воровъ новину было на Руси вздумали! перебили его раздраженные бояре.—Ты! мы за старые порядки, за крѣпшіе!

— Богданъ не измѣнникъ, сами вы измѣнники! кричалъ князь Рубецъ-Мосальскій.

Крики усиливались, волненіе среди бояръ увеличивалось. Уже слышались брань, угрозы, подымались кулаки. Вдругъ появившійся въ дверяхъ палаты приставъ громко возгласилъ:

— Бояре! Шляхтичъ съ письмомъ отъ пословъ польскаго круля Жигмонта челомъ бьетъ: де надобность ему въ боярскую думу!

— Введи! приказалъ приставу большой бояринъ, князь Мстиславскій, приглашая собраніе занять свои мѣста и успокоиться.

— Что тамъ еще? замѣтилъ Шуйскому Феррапонтовъ задумываясь.

Въ палату, опередивъ пристава, смѣло вошелъ молодой польскій дворянинъ, бѣлокурый красавецъ въ щегольскомъ польскомъ платьѣ, достойный представитель тогдашняго польскаго кавалерства. Его свѣтловолосая, низко стриженная голова бросалась въ глаза своимъ прекраснымъ очертаніемъ. Бѣлый атласный кафтанъ до колѣнъ, отороченный соболемъ, съ стоячимъ воротникомъ и частыми серебряными пуговицами по груди, съ узкими рукавами и, кромѣ того, съ длинными разрѣзными рукавами за плечами, развѣвавшимися на ходу, плотно облегалъ высокій плечистый станъ; голубой бархатный кунтушъ съ вырѣзной грудью безъ рукавовъ, нѣсколько длиннѣе кафтана, съ лапами внизу расходящимися, надѣтый сверху, какъ нельзя лучше шелъ къ этому красивому лицу, разрумяненному избыткомъ молодой жизни, къ голубымъ яснымъ глазамъ, къ каштановымъ, слегда вьющимся усикамъ. Съ угловъ маленькаго отложнаго ворота кунтуша свѣшивалось на грудь по пушистой синей шелковой кисти. вмѣсто кушака станъ красавца перепоясывала широко свернутая, дорогая, легкая какъ пухъ, турецкая шаль яркихъ цвѣтовъ. Кривая польская карабелля съ золоченою ручкой и въ бархатныхъ ножнахъ гремѣла съ лѣваго бока своими золочеными кольцами на серебряной тесьмѣ. Красные сафьяные сапоги съ серебряными шпорами, на серебряныхъ подковкахъ, и широкіе бѣлые суконные штаны—дополняли его нарядъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ свою синюю четырехугольную бархатную магерку съ соболемъ опушкой, въ правой—запечатанное воскомъ письмо. Сдѣлавъ шага два впередъ, польскій дворянинъ остановился и отвѣсилъ почтительный, но гордый поклонъ.

Поднявъ свою красивую голову и обращаясь къ собранію, онъ торжественно сказалъ по-русски, хотя съ рѣзкимъ польскимъ выговоромъ:

— Московскіе бояре! Милостию Божіею наияснѣйшій государь мой, король польскій и великій князь литовскій Жигмонтъ, прислалъ къ вашему государю своихъ пословъ, вельможныхъ пановъ высокой Рѣчи Посполитой, Олесницкаго и Гонсѣвскаго, ради дружества своего народа съ вашимъ народомъ. Государя своего вы убили, а пословъ польскихъ въ плѣну держите и тѣмъ ихъ санъ высокій безчестите. Затѣмъ къ вамъ, бояре, прислали меня, дворянина Пржемыслава Дворжицкаго, королевскіе послы съ собственноручнымъ своимъ письмомъ.

Окончивъ свою бойкую, складную рѣчь, неволью понравившуюся боярамъ, молодой Дворжицкій подалъ письмо князю Мстиславскому, потому что князь, видя его замѣшательство и вопросительный взглядъ— кому подать письмо, самъ протянулъ къ письму руку.

— Отвѣтъ пришлемъ! замѣтилъ Мстиславскій посланцу.

— Когда же? нетерпѣливо спросилъ полякъ.

— Когда царя изберемъ, отвѣчалъ Мстиславскій тономъ, ясно говорившимъ:— Убирайся! Намъ не до васъ!

— Вельможные королевскіе послы не велѣли мнѣ возвращаться безъ боярскаго отвѣта на свое письмо, отвѣтилъ молодой полякъ съ рѣшительностью, удивившею и разсердившею бояръ. Затѣмъ онъ обѣими руками оперся на свою саблю, гордо закинулъ вверхъ голову и спокойно разглядывалъ собраніе, не трогаясь съ мѣста.

— Кичливъ ты, панъ! усмѣхнувшись, впрочемъ добродушно, замѣтилъ Мстиславскій.— Такъ-таки не пойдешь, панъ?

— Безъ отвѣта не пойду.

— А ежели тебя отсюда да выведутъ? слышь?

Панъ Дворжицкій безпокойно взглянулъ на подлужину приставовъ, безмолвно ждавшихъ позади его боярскихъ приказаній.

— Слышалъ? отвѣтъ пришлемъ! завтра непременно пришлемъ! повторилъ Мстиславскій уже гораздо строже и суровѣе.

— Знаемъ мы ваше московское „завтра“! дерзко замѣтилъ полякъ, вспыхнувъ съ досады. Онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но одумался, и гордо кивнувъ вмѣсто поклона своею красивою головою, ни на кого не глядя, быстрыми шагами удалился изъ палаты, брянца волочившейся по полу саблей, гремя шпорами и подкованными каблуками.

Бояре, неодобрительно качая головами, проводили насмѣшливыми взглядами этого смѣлаго „хоронжаго“, любимца знатной молодежи великой Польши, щеголя на балу и рыцаря въ полѣ, лучшаго мазуриста, съ кѣмъ танцовать въ первой парѣ считали за честь первыя польскія красавицы.

— Смольяне польская кость, да собачимъ мясомъ обросла! замѣтилъ на счетъ спѣсиваго ляха дерзкій на слово Михаилъ Игнатьичъ Татищевъ.

— Что-жь, бояре, мѣ шкать нечего, дѣло дѣлать пора! замѣтилъ

собранию „большой“ бояринъ, князь Мстиславскій, подымаясь съ лавки и крестясь на образъ, чтобы идти. Шуйскому онъ поклонился, какъ подданный государю, и приказалъ приставамъ своимъ внятнымъ начальничьимъ голосомъ:

— Ведите на Иванѣ въ колоколь звонить! Да зовите владыку на лобное мѣсто: де бояре съ народомъ о государѣ мыслить будутъ.

— Тебѣ, княже Василій, напередъ насъ идти, по чину твоему высокому! съ новымъ поклономъ обратился онъ къ Шуйскому.

— Тебѣ напередъ насъ идти, благовѣрный княже Василій! повтори бояре, почтительно разступаясь передъ Шуйскимъ, тихо направившимся къ выходу и на всякую оказываемую ему боярами вѣжливость отвѣчавшему низкими, но важными поклонами.

— Ну, княже Василій, заговорилъ Ферапонтовъ, пѣшкомъ слѣдуя съ Шуйскимъ впереди боярской толпы, тихо, чтобы не слышали другіе, — станешь царемъ, держи ухо востро: Богдана отошли отъ себя куда подальше, область дай ему править. Да и дьяка Власова съ Мосальскимъ туда же. Вредные то для тебя люди, не хотятъ они тебѣ добра, самозванцемъ дышуть...

Шуйскій только усмѣхнулся себѣ въ бороду, и въ его красныхъ лукавыхъ глазахъ засвѣтилось теперь мстительное, злобное чувство, вызванное именами ненавистныхъ ему людей.

— Тотъ же старшій ты мнѣ братъ, Иона Агѣичъ, сказалъ, подумавъ, Шуйскій тоже тихо;—чувствую твою ко мнѣ приязнь и не забуду... Будь благонадеженъ: исполню по твоему совѣту; сказалъ ты самую мою думушку крѣпкую. Вижу ихъ насквозь!

Набатъ большого колокола громко гудѣлъ и далеко расходился съ высоты Ивановской колокольни въ чистомъ утреннемъ воздухѣ, сзывая на площадь передъ Кремлемъ толпы народа. Безчисленные головы сплошь заливали лобное мѣсто, уже окруженное псковскимъ стрѣлцкимъ полкомъ тысяцкаго Волкова. На возвышеніи, изъ-за блестящихъ рядовъ пищаей и изъ-за красныхъ пикъ курской конницы въ веселыхъ лучахъ майскаго солнца сіяла архіерейская митра, блестяло парчевое облаченіе духовенства съ крестомъ и хоругвями...

— Страшно! вырвалось у Шуйскаго, противъ его воли, сознание страшной отвѣтственности, которую онъ готовится взять на себя за весь этотъ тьмачисленный народъ, за судьбу и будущность всей русской земли. Страхъ овладевалъ его душой съ приближеніемъ минуты, когда эти безчисленные, безъ шапокъ, стихшія и ждущія народныя толпы назовутъ его, князя Василья Ивановича Шуйскаго, своимъ царемъ.

— Мужайся, князь Василій! строго замѣтилъ ему Ферапонтовъ,— „не уклони сердце мое въ словеса лукавствія“, гласить пророкъ Іеремія. Ужели до конца прогнѣвался на насъ Господь силъ? Или оскудѣла русская земля великими молитвенниками и святыми предстателями? Или нѣтъ больше борцовъ-князей за обезчещенную, по-

воеванную матушку Русь? Гляди, Василий, не русскій ли народъ ждетъ тебя, чтобы поставить надъ собой царемъ? Не ты ли за него, за этотъ русскій народъ, на этомъ самомъ мѣстѣ лобномъ готовъ былъ сложить свою княжескую голову на плахѣ подъ топоромъ палача? За правду, не убоясь разстригинова гнѣва, шелъ ты на смерть позорную смѣлѣе, чѣмъ идешь теперь вѣнчаться на царство Мономаховой шапкой! Сослужи, князь, до конца великия службы свои родной землѣ! Осиротѣла она, овдовѣла, яко жена неразумная безъ мужа законнаго! Не робокъ былъ ты княземъ, не сробѣешь и царемъ! Тяжелъ вѣнецъ царскій, да по твоей головѣ, Василий. Снесешь съ помощью Божьей и насъ, твоихъ бояръ вѣрныхъ!..

— На Бога да на васъ, вѣрные други, моя надежда въ моемъ трудномъ этомъ часѣ! вздохнувъ сказалъ Шуйскій. — Твоя правда, Иона Агѣичъ, не для кого мнѣ себя беречи! Не дорога мнѣ жизнь, никому не нужна, опричь родины! Родинѣ отдамъ ее, коли нужно...

— А я, старый чортъ, вотъ какъ золъ на литовскихъ пановъ, а того больше на своихъ заводчиковъ и смутителей, измѣнниковъ бояръ! чистосердечно и горячо высказался Ферапонтовъ. — Не подарю имъ того, что я, Иона, милостью Божьей именитый бояринъ, ухо свое боярское преклонилъ Лжедмитрію переместивымъ рѣчамъ! Шутка ли, курскій бояринъ Ферапонтовъ саблю свою боярскую, неопороченную, за езвитскаго подвидыша обнажалъ? Поруку эту несносную кровью смою, либо вражескою, измѣнническою, либо своею! Сѣдина посрамлена, тому—вѣдаешь—врагъ Христовъ радуется! Чего же робѣешь, князь? не обманомъ возвышаешься, а народнымъ хотѣньемъ, боярскимъ избраньемъ, волею Божьей!

— Да будетъ! рѣшительно сказалъ Шуйскій.—Предаюсь на Божью волю!

— Хотимъ царемъ нашимъ князя благовѣрнаго Василія Ивановича Шуйскаго!—прокатился по народнымъ живымъ волнамъ дружный, какъ бы единомушнный взрывъ голосовъ, далеко огласившій площадь и улицы.

IV.

Ахъ, ты сердце мое, сердце,
Ретивое, молодецкое!
Къ чему ноешь, занимаешь,
Ничего мнѣ не скажешь,
Что ни радости, ни печали
И ни одной бѣды и напасти.

(Русскія пѣсни. Сахарова).

Между тѣмъ бѣловурый польскій дворянинъ, панъ Пржемыславъ Дворжницкій, въ досадѣ на думныхъ бояръ, вскочилъ въ сѣдло и далъ волю своему горячему скакуну. Хорошо былъ на конѣ молодой панъ,

заглядывались на него встрѣчавшіяся женщины. Болѣе молодцеватую фигуру, болѣе свободную и красивую посадку—трудно было сыскать во всей польской конницѣ, пользовавшейся въ то время вполне заслуженною ею всесвѣтною славой. Синяя бархатная магерка съ соболей опушкой, такъ красиво отгѣнявшая его свѣтловолосую стриженую голову и молодое красивое румяное лицо, лихо надвинута на „бекрень“, на правое ухо, и такъ весело волнуется на магеркѣ пушистое страусовое перо. Алые сафьянные сапоги только играли посеребренными стремянами, не опираясь на нихъ. Опора наѣздника была въ его полныхъ, сильно развитыхъ и обрисовывавшихся въ бѣлыхъ суконныхъ штанахъ икрахъ, иногда сжимавшихъ крутые бока горячаго рыжаго скакуна такъ крѣпко, что онъ „сбирался клубкомъ“ на строгомъ мундштукѣ, уже входившемъ тогда въ употребленіе у лучшихъ польскихъ кавалеристовъ, по примѣру нѣмецкихъ рейтаровъ. Выѣхавъ изъ Кремля черезъ Боровицкія ворота, и бросивъ въ сторонѣ лобную площадь, молодой панъ направился въ отдаленную часть Москвы, словно забывъ о своихъ вельможныхъ королевскихъ послахъ и о ихъ порученіи, въ которомъ онъ долженъ былъ дать отчетъ.

О, какъ надоѣли ему эти вельможные дипломаты съ своими порученіями! До нихъ ли ему теперь, когда душа его то ноетъ, то вонъ рвется, полная новаго ему, сладкаго и нѣжнаго чувства, когда онъ во снѣ и на яву видитъ молодую, очаровавшую его московскую княжну? Онъ одну ее видитъ и помнить, словно забывъ все на свѣтѣ, начиная съ самого себя. Такъ еще недавно онъ чувствовалъ себя свободнымъ, какъ вѣтеръ, и съ вѣтренностью своего счастливаго возраста отдавался тѣмъ легкимъ, мимолетнымъ, ни къ чему не обязывающимъ отношеніямъ къ молодымъ женщинамъ, на которыя такъ падеа была блестящая польская молодежь того времени. Аристократическое воспитаніе рано приучало молодаго пана смотрѣть на жизнь только съ ея пріятной, льстящей человѣческой слабости и суетности стороны; шляхетству — всегдашній праздникъ, быдлу — нескончаемый трудъ; шляхтичу — все, быдлу — ничего, или очень мало. Таковъ, вообще, былъ шляхетскій взглядъ въ своихъ основаніяхъ. Но молодой Дворжицкій во многомъ, и самомъ существенномъ, не повторялъ собой общій тогдашній типъ веселаго, легкомысленно относящагося къ жизни шляхтича, съ головой окунушагося въ матеріальныя бытовныя условія, хвастающагося побѣдой красотки еще болѣе, чѣмъ надъ москалемъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ „избранныхъ“, т. е. лучшихъ мужчинъ, которые способны очертя голову слѣдовать влеченію своего молодаго сердца, которые отдаются любимой женщиной безъ раздѣла, до забвенія себя. Часто эта благородная потребность молодой страсти, эти пылкіе запросы еще не пробованныхъ душевныхъ силъ—любить, хватаются за призракъ, созданный молодымъ воображеніемъ и, ко-

нечно, разбиваются безжалостною дѣйствительностью. Но въ настоящемъ случаѣ, страсть красавца пана была вызвана не призракомъ его воображенія. Молодая русская княжна стояла этого чувства. Едва вышедшій изъ юности, панъ Пржемыславъ уже считался украшеніемъ польскаго войска и однимъ изъ немногихъ счастливецъ, на которыхъ старость и власть смотрять съ довѣріемъ, а женщины съ любовью... А тутъ вдругъ эта замкнутая, малодоступная ему, какъ „нехристю“, боярская семейная жизнь; этотъ несносный теремъ дѣвичій, не хуже монастыря ревниво укрывающій его красавицу. Видѣть ее трудно, не только съ нею говорить. И о чемъ ему говорить съ нею? О своей любви—Она слушать его не станетъ,—по русскимъ обычаямъ говорить дѣвицѣ о любви, значить оскорблять ее. Да и мать отъ нея не отходитъ, при матери языкъ не повернется про любовь говорить. Бѣда.!

Молодой панъ вздохнулъ съ горя и придержалъ взмыленнаго коня. Было ему отчего вздохнуть и задуматься: онъ не зналъ, какъ выйти изъ тяжелаго положенія, въ которомъ очутился. Но какъ же онъ въ немъ очутился?

Какъ истый „литвякъ“, Дворжицкій былъ страстный охотникъ. Въ описываемое время нравы литовскаго „панства“ еще не измѣнились подъ вліяніемъ позднѣйшаго, распространившагося изъ Польши, образованія. Въ своемъ „мястѣ“, лѣсной усадьбѣ, въ старомъ деревянномъ домѣ, онъ привыкъ вставать съ солнцемъ и съ солнцемъ же ложиться. Знатные литовскіе люди еще не посягали на извращеніе распредѣленнаго Богомъ времени и не обращали дня въ ночь и наоборотъ. Осень и зима посвящались лѣсной охотѣ и „полеванию“. Встрѣтись однажды осенью у пословъ съ бояриномъ, княземъ Иваномъ Петровичемъ Буйносовымъ-Ростовскимъ, и разговорившись съ нимъ объ охотѣ, Дворжицкій пожаловался, что поохотиться ему негдѣ, не съ кѣмъ, а охотникъ де онъ отлѣнный: медвѣдя бьетъ въ глазъ пулей. Буйносовъ, какъ старый охотникъ, пригласилъ молодаго пана къ себѣ, въ ярославскую вотчину, вмѣстѣ охотиться. Нечего говорить, съ какою радостью принялъ это приглашеніе молодой охотникъ. На другой же день въ назначенный часъ онъ былъ на „Разгуляѣ“ въ хоромахъ князя, пріѣхавъ верхомъ на своемъ охотничьемъ скакунѣ. Поѣхали.

„Боровое“, боярская усадьба, нѣсколько напоминала Дворжицкому его лѣсную литовскую родину. Большія хоромы подъ высокою тесовою крышей съ потемнѣвшими отъ времени рубленными стѣнами и ветхая, вросшая въ землю и покривившаяся небольшая церковь, глядятся въ спокойное озеро, отражающее блѣдное осеннее небо. Въ глазахъ пана боярское жилище, окруженное службами дворовыми, имѣло видъ крѣпаго, но отжившаго свой вѣкъ почтеннаго старца. Отовсюду къ этому живому свѣтлому водяному раздолью надвинулись густые, мрачившіе на далекое разстояніе горизонтъ, сосновые

лѣса въ своемъ темнозеленомъ, во всѣ времена года не смѣняемомъ уборѣ.

Въ сумрачной картинѣ темныхъ, дѣвственныхъ, щетинившихся ярославскихъ лѣсовъ было для молодого охотника много величія и силы. Не даромъ онъ въ лѣсахъ же выросъ. Глубокая рѣка, естественный истокъ многоводнаго озера, тихо катилась въ вѣковой чащѣ сосновыхъ боровъ, давшихъ названіе боярской усидьбѣ. Эти безконечные боры, по мѣрѣ своего отдаленія, блѣднѣли, стирались и еле отдѣлялись на горизонтѣ лиловой полоской. По душѣ пришлось молодому пану и мѣстность, и ласковая семья князя, которую тотъ рѣшилъ вести на зиму въ Москву. Само собой, рьяные охотники—старый хозяинъ и молодой гость—другъ передъ другомъ отличались: хозяинъ тѣмъ, что ежедневно доставлялъ гостю охотничью забаву, гость—мѣткостью своего мушкета, дѣйствительно бившаго медвѣдя прямо въ глазъ, дивилъ русскихъ охотниковъ. Появленіе молодого литовскаго „хоронжаго“ въ почтенной княжеской семьѣ Буйносовыхъ-Ростовскихъ невольно внесло въ этотъ старинный русскій домъ нѣкоторыя еще не бывалыя доселѣ въ немъ условія образованной жизни тогдашняго польскаго общества. Добрая княгиня, Анна Васильевна, относилась къ иноземному гостю почти съ материнскимъ вниманіемъ и русскимъ гостепримствомъ. Ея сынъ, молодой князь Иванъ, кравчій царя Бориса и самозванца, дружески сошелся съ паномъ Пржемыславомъ. Охота, общій интересъ возраста и, отчасти, характеровъ скоро ихъ сблизили. По обязанностямъ своей дворцовой службы давно находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ польскими вельможами, посѣщавшими Москву въ качествѣ королевскихъ пословъ, молодой князь привыкъ къ польскимъ обычаямъ и понималъ польскую рѣчь. Мало того, проникнувшись превосходствомъ и изяществомъ польской знати передъ русскою, онъ не чувствительно для себя, въ основѣ и подробностяхъ, измѣнилъ свой прежній, вполне православный взглядъ на все польское. Онъ уже не смѣшивалъ понятіе объ иновѣрцѣ съ понятіемъ о „нехристѣ“, не обзывалъ поляковъ огуломъ „ворами“ и злодѣями. Между ними онъ весьма разумно отличалъ теперь людей достойныхъ и не враждебныхъ къ Россіи, въ родѣ благородныхъ пановъ пословъ, отъ шляхетной „шумовины“—сволочи, предводимой Неборскимъ и ему подобными разбойниками, поддерживавшими на Руси смуту изъ корысти и личной выгоды. Открытый, хотя горячій характеръ Дворжицкаго, его великодушное сердце, щедрость и замѣчательно красивая наружность даже домашнюю челядь расположили въ его пользу. Князь Иванъ не замедлилъ перевести гостя къ себѣ, въ свою горницу съ отдѣльнымъ ходомъ и отдѣльной прислугой. Иную ночь напролетъ бесѣдовали они между собой, раздѣвшись и уже лежа въ постеляхъ. Много передавалъ панъ Пржемыславъ своему русскому другу о своемъ дѣтствѣ, о своихъ прошлыхъ радостяхъ и прошломъ горѣ. Само собою, что „постельничья дѣвка“ старой княгини съ

свойственною ей изобрѣтательностью выводила изъ этой дружбы молодого князя съ молодымъ паномъ свои заключенія, начинавшія безпокоить княгиню. Она втихомолку пеняла сыну: де „обусурманился, польскіе порядки въ домѣ заводить, сестру, княжну Марью, съ полякомъ сводить. Не выданное де дѣло—дѣвица благородная съ иноземцемъ молодымъ наединѣ разговариваетъ, худую де на себя славу беретъ“.

— Кабы знала ты его, матушка, какъ я его знаю, не брала бы меня за мою къ нему дружбу! — оправдывался передъ матерью сынъ,—а сестра моя взрослая дѣвица — не монашка, чтобы ей отъ людей бѣгать. Отъ встрѣчъ тѣхъ съ паномъ ея не убудеть. Это только у насъ, русскихъ, женскій полъ по теремамъ запираютъ, до вѣнца въ затворѣ держатъ, а послѣ вѣнца того крѣпче. Въ Польшѣ образованные паны живутъ: панянки сами себѣ мужей выбираютъ; по согласію, не по насилію замужъ идутъ, не такъ, какъ у насъ дураковъ.

— Да ты ужъ не папѣ ли римскому вѣруешь? не безъ гнѣва говорила сыну княгиня.—Вотъ-то грѣхи мои! родной сынъ ополчился.

Княгиня съ плачемъ уходила къ себѣ на чердакъ, т. е. въ теремъ. Попробовала она пожаловаться на сына Ивана мужу, съ просьбой дать ему „отцовской напругай“, не срамилъ бы молодой княжны, сестрицы своей, не сводилъ бы ее съ паномъ на разговоры „да на поглядки“; только ничего изъ этой жалобы не вышло. Разумный князь, выслушавъ плачущую жену, спокойно замѣтилъ ей, что отъ разговору глупой дѣвки съ умнымъ парнемъ бѣды еще нѣтъ, только пожалуй, дѣвка поумнѣетъ. Панъ же—парень душевный, бывалый, очень онъ ему, князю, любъ.—А стрѣлокъ, увлекаясь добавилъ князь,—еще не видалъ я такого! Безъ промаха!

Такъ и не далъ князь сыну „отцовскаго напругая“, а сынъ, по прежнему, не уклонялся отъ того, чтобы доставить своему пріятелю пану случай встрѣтиться съ сестрой-красавицей, понимая, что подобныя встрѣчи пану очень по сердцу.

По истинѣ, нелегко было тогда чувствовать себя въ старозавѣтной русской семьѣ молодому русскому человѣку, уже сознававшему не только ненужность, но и вредъ многихъ отжившихъ русскихъ обычаевъ, и понимавшему всю отсталость русской жизни отъ жизни иноземной. Было еще рано, несвоевременно замѣнять въ тогдашней русской жизни худое русское хорошимъ не русскимъ. Учащались столкновенія княгини съ сыномъ по поводу его, какъ она говорила, „глухихъ затѣй“. Впрочемъ, столкновенія эти не мѣшали княгинѣ относиться къ молодому польскому пану съ снисходительностью гостепріимной хозяйки и доброй женщины. Сама она находила бесѣду его занимательною и охотно его слушала, конечно, многого не понимая въ его разсказахъ и удивляясь, какъ это Господь терпитъ—„жить де люди не по нашему, православному“? Княжескій дворецкій

Суббота, не перестававшій коситься на „полячка“, замѣчалъ однако домочадцамъ: „какъ-де такого молодчика бабамъ не любить“? Скромная княжна держалась замѣтно одалъ отъ этого блестящаго пана. Впрочемъ, съ женскою чуткостью слышала она въ немъ благородное мужское сердце, то и дѣло заговаривавшее, и по достоинству оцѣнила его умъ и любезность. Ей даже неловко становилось съ нимъ иногда, когда она убѣждалась въ превосходствѣ его разносторонняго образования, обогащеннаго личнымъ опытомъ, образованіемъ, съ которымъ никакъ не могло равняться даже образование грамотѣя брата Ивана. Ее удивляло, что онъ находить пріятнаго въ разговорѣ съ такою глупою, неученою боярышнею, какою она себя считала? Тѣмъ не менѣе она понимала, что именно съ нею, глупою, неученою боярышнею находить удовольствіе встрѣчаться и разговаривать этотъ умный, образованный, красивый панъ, и это сознаніе, конечно, не могло быть ей непріятно.

Разъ, въ глухомъ бору, ведомые старымъ лѣсникомъ, охотники неожиданно для себя наткнулись на страшнаго, матерова медвѣдя „овсянника“. Охотники шли вразбродъ. Прежде чѣмъ они опомнились, медвѣдь съ глухимъ, зловѣщимъ ревомъ поднялся на заднія ноги и, переваливаясь въ своей пушистой бурой шубѣ, прямо навалился на ближайшаго къ себѣ охотника. То былъ бѣдный молодой князь Иванъ. Шедшій съ нимъ рядомъ отецъ растерялся, увидѣвъ, какъ въ мгновеніе ока разъяренный лѣсной силачъ, съ огнемъ горѣвшими глазами и глухимъ ревомъ смялъ подъ себя сына. Крикъ ужаса вырвался изъ груди злополучнаго отца, но охотники и рогатники рассыпались по лѣсу. Вдругъ, вблизи, грянулъ выстрѣлъ и прокатился по лѣсу. Страшный медвѣдь сдѣлалъ большой прыжокъ назадъ, перекувырнулся съ отчаяннымъ ревомъ черезъ свою голову, и вытянулся. Молодой князь былъ спасенъ, отдѣлавшись царапинами и страхомъ. Изъ чащи вышелъ панъ Пржемыславъ, заряжая дымящійся еще мушкетъ. Его мѣткая пуля ударила звѣрю прямо въ глазъ и положила его на мѣстѣ. Радостной благодарности, выражаемой отцемъ княземъ и спасеннымъ сыномъ радостному же спасителю не было конца. Этотъ случай еще болѣе сблизилъ молодаго пана съ семьей князя Ростовскаго. Молодой князь, по обычаю времени, обмѣнялся съ паномъ крестами, послѣ чего они стали „крестовыми братьями“. Княгиня не мѣшала болѣе красавцу „полячку“ видаться съ дочерью, конечно при братѣ ея, или подъ своимъ материнскимъ глазомъ. Иногда же, наблюдая, съ какимъ живымъ удовольствіемъ глядитъ на красавицу дочку и съ нею говоритъ красавецъ полячекъ, грустно вздыхала, сожалея, что онъ невѣрный еретикъ, а не нашего закона, не русскій „господинъ“...

Вотъ и въ Москвѣ семья князя Ростовскаго, въ своемъ домѣ, на Разгуляѣ; къ святцамъ зимнимъ еще пріѣхала, а ничего не измѣнилось въ отношеніяхъ молодой княжны Марьи къ пану Пржеми-

славу. По прежнему холодна къ нему, далека отъ него. Если бы онъ могъ проникнуть въ сердце гордой красавицы, въ это глубокое женское сердце, если бы онъ сумѣлъ уловить улыбку ея прекрасныхъ алыхъ губъ, исполненную нѣжности и сомнѣнiя, если бы онъ сумѣлъ прочесть въ большихъ черныхъ глазахъ тихую тоску — онъ понялъ бы ея холодную недоступность; онъ понялъ бы, что за нею скрывалась душевная борьба, онъ понялъ бы, что страсть молодаго красавца не радовала ее не потому, что нелюбъ онъ ей, а потому что она „не должна“ любить его, какъ иновѣрца, какъ челоуѣка народа, враждебнаго Россiи, вносящаго въ ея отечество гибель и раззоренiе.

Погруженный въ такія воспоминанiя, которыя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ его не сулили ему ничего отраднаго, задаваясь вопросами, которыхъ самъ онъ разрѣшить никакъ не могъ, панъ Дворжицкiй только тогда замѣтилъ, что онъ уже на усадьбѣ князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго, когда горячiй рыжiй конь его, по привычкѣ, остановился у крѣпкихъ, желѣзомъ обитыхъ воротъ, какъ всегда запертыхъ со двора запоромъ. Усадьба князя Ростовскаго, какъ большая часть тогдашнихъ усадебъ богатыхъ московскихъ бояръ, напоминала широкое приволье деревенскихъ боярскихъ усадебъ. Она раскидывалась на берегу Лузы, за Разгуляемъ, на Гороховомъ полѣ. Огромныя брусныя хоромы съ узорочьемъ, хитро рѣзаннымъ изъ дерева и цестро раскрашеннымъ по окнамъ, по карнизамъ и надъ дверями, возвышались на каменномъ основанiи, подъ шатровою зеленою крышею, среди обширнаго двора, кругомъ обставленнаго службами и жилыми связями для челядинцевъ. Рѣшетчатыя зеленыя ворота вели со двора въ старiй, пространный садъ съ темными березовыми родами надъ крутымъ берегомъ Лузы. Хотя тогдашняя Москва тянулась еще гораздо далѣе, но улица, огибавшая княжескую усадьбу, имѣла пустынный видъ, такъ какъ, по старому обычаю, на улицу выходили заднiя „глухiя“ стѣны приспѣшенъ, конюшенъ и сараевъ. Постоявъ съ минутой у запертыхъ воротъ, молодой панъ, словно раздумавъ, осадилъ коня и повернулъ его назадъ. По узкому, глухому переулку, отдѣлявшему княжескую усадьбу отъ сосѣдней, вившемуся круто внизъ, подъ гору, онъ съѣхалъ къ рѣкѣ и слѣзъ съ коня. Затѣмъ, привязавъ чумбуромъ коня къ толстому суку рябины, свѣсившейся съ глубокой канавы, легкимъ прыжкомъ перескочилъ ее и очутился въ березовой княжеской рошѣ.

Онъ задыхался отъ охватившаго его чувства и остановился въ нерѣшимости. Куда онъ идетъ? зачѣмъ? Положенiе его, казалось ему, невыносимымъ. Будь на мѣстѣ княжны Марьи польская панна, дѣвушка его понятiй, онъ зналъ бы, что ему дѣлать. Но тутъ эти полутатарскiе, варварскiе обычаи, не допускающiе свиданiй между тѣми, кто другъ друга любятъ. Но любить ли она его? Она постоянно ясно выражаетъ ему невозможность сближенiя между ними. Развѣ это любовь? Порывы самыхъ противоположныхъ чувствъ смѣнялись въ его

взволнованномъ сердцѣ. Разсудокъ вмѣшивался въ дѣло сердца, но въ этой борьбѣ, какъ всегда, сердце оставалось побѣдителемъ; какъ всегда, тѣмъ сильнѣе порывалась къ молодой княжнѣ его страстная душа, чѣмъ дальше отъ него она держалась... Онъ пошолъ...

V.

Туманно красно солнышко, туманно,
 Что краснаго солнышка не видно,
 Кручинна красная дѣвица, печальна;
 Никто ея кручинушки не знаетъ,
 Ни батюшка, ни матушка родные,
 Ни бѣлая голубушка сестрица.
 Печальна душа красная дѣвица, печальна,
 Не можешь ты злу горю пособить,
 Ни денною порою, ни ночью,
 Ни утренней зарею, ни вечерней.
 Въ тоскѣ своей возговорить дѣвица:
 „Я въ тѣ поры мнѣ друга забуду,
 Когда подломятся мои скоры ноги,
 Когда опустятся мои бѣлы руки,
 Засыплются глаза мои песками,
 Закроются бѣлы груди досками..“

(Русскія пѣсни. И. Сахарова).

Непонятное чувство, не то тяжелое, не то сладкое, чаще посѣщало теперь молодую княжну Марью Петровну. Какъ бы въ наказаніе себя за это „грѣшное“ чувство, она усидчивѣе чѣмъ когда нибудь вышивала цвѣтными шелками роскошный бархатный орарь въ свою приходскую церковь. Короткія весеннія ночи не спалось ей въ своемъ высокомъ дѣвичьемъ терему; молитва въ голову ей не шла, молодое тѣло горѣло внутреннимъ жаромъ и, сбивая на полъ покровы, капризно и сладострастно разметывалась на постели. Голубоватый мѣсячный свѣтъ съ своими причудливыми ночными тѣнями, съ своей мечтательной, разлитой въ дремлющей природѣ, тишиной—подымалъ въ ея душѣ желанія и вопросы, которыхъ она еще не знала до сихъ поръ. Она заслушивалась какого-то нѣжнаго, глубоко проникавшаго въ ея сердце мужскаго голоса, звавшаго ее за собой въ прекрасную, хотя туманную даль. Тамъ хорошо, тамъ правда, тамъ сердечное успокоеніе! Какое ей дѣло до того, что „онъ“ не русскій, не православный? Развѣ люди не всѣ дѣти единого Творца? Развѣ папистъ не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ? Красивая наружность блестящаго польскаго пана и въ темнотѣ ласкала ея молодые глаза; его умная, часто горячая рѣчь, всегда убѣждала ея молодой умъ; его сердечные порывы находили отзвучіе себѣ въ ея душевной глубинѣ... Она знаетъ, что родная мать проклянетъ ее за

одну мысль выйти за иноземца; противорѣча своему женскому чувству и, во имя долга, отталкивая отъ себя милаго ей человѣка, куда идетъ она? Довольно съ нея днемъ, при всѣхъ, обходиться съ нимъ гордо, казаться ему недоступной. Здѣсь, ночью, наединѣ съ собой и Богомъ всевидящимъ, можетъ ли она притворяться; нельзя обмануть самое себя и Бога, любящаго человѣка, свое созданіе... Въ этой ночной прелести, что словомъ объяснить нельзя, въ тьмѣ темъ ясныхъ звѣздъ, въ теплотѣ благоухающей—развѣ не любовь все Сотворившаго? Что-жъ такое, если она полюбила молодого иноземца? Сердцу нельзя вѣдѣть. Кому отъ этого зло? Вѣдь она не будетъ женой иноземца, изъ материнской воли не выйдетъ, покура на свой честной княжескій родъ не положить, про любовь свою дѣвичью никому, кромѣ подушки, не скажетъ. Отдаетъ она себя во власть Божью и на родительскую милость. Иногда, оплакивая горькими слезами свою молодую жизнь, казавшуюся ей почему-то грустной, она рвалась высказать свою тоску, свои сомнѣнія; но кому же? Матери она боялась, хотя мать баловала ее и души въ ней не слышала... Эта мѣсячная ночь пуще бередитъ ея наболѣвшее сердце... Сама бы она разлилась соловушкой-душой! Ишь его, изнываетъ въ черемухѣ... Развѣ не любовь въ нѣжной и сладкой соловьиной пѣснѣ? Всю ноченьку темную, съ зари до зари, соловушку свою утѣшаетъ, забывая самъ себя. Диво! Брызнувшій изъ-за темной полосы дальняго лѣса первый лучъ восходящаго солнца не разъ и не два заставалъ молодую княжну у раскрытаго окна. Радость несущій, полный роскошныхъ красокъ и звуковъ, лѣтній восходъ сейчасъ же врачевалъ и согрѣвалъ смятенную дѣвичью душу надеждой, сладостью жизни. Она снова тянулась душой за этимъ горячимъ, всеильнымъ лучемъ... Изъ боярышнинаго высокого теремнаго окна открывался чудный просторъ. Внизу садъ съ рощами, въ прозрачномъ голубомъ, дрожащемъ парѣ, темнѣвшимися и спалзывавшими по косогору къ самой Яузѣ. А дальше Москва бѣлѣетъ и блестятъ всюду. Воронье карканье, воробьиное чиликанье, жужжанье мухи, мелодическій зеленый шумъ лѣса, далекій плескъ волны на рѣкѣ, протяжный, унылый стонъ церковнаго колокола,—все ее радовало въ этотъ ранній часъ утра, правда, часто тихую, грустною, словно бы безнадежною радостью. Познавая въ живой природѣ „Бога-жива“ она забывалась, уходила невѣсть куда помыслами. Она подолгу просиживала у окна, восхищенная, грустная, неподвижная: и вдругъ, внѣ себя, глотая слезы и скрывая ихъ отъ домашнихъ, бѣжала въ садъ, гдѣ садилась на свою лавочку. Она ушлялась здѣсь звуками и образами окружающей природы, которой торжественному, живому спокойствію она завидовала и не всегда находила теперь отзвучіе въ своей чуткой женской душѣ... Надъ нею теплое, голубое небо съ серебряными, тихо ползущими облаками, слегка подернутыми нѣжнымъ пурпуромъ восхода. Легкіе столбы дыма, то голубаго, то розоваго, поднимаются кругомъ по всѣмъ обрывамъ, спу-

скающимся къ рѣкѣ, надъ высокими тесовыми и соломенными крышами посадскихъ домовъ. Иные изъ нихъ картинно висятъ надъ меловыми и глинянными обрывами берега, окруженные цвѣтущими въ бѣломъ душистомъ молокѣ яблоновыми и вишневыми садами. А внизу еще лучше. Она сидитъ безъ словъ, безъ силы выразить порывы души своей, и тихо вздыхаетъ. Въ эти минуты ея грусть граничитъ съ ея счастьемъ; вернуться въ теремъ—нѣтъ силъ! нѣтъ, лучше здѣсь, въ этомъ нерукотворенномъ храмѣ, безъ словъ, сердцемъ помолиться, попросить Матерь Божію объ утишеніи ея дѣвичей тревоги грѣховной!

Однажды молодая княжна гуляла въ своемъ саду. Какъ хорошо и привольно ей тутъ! Въ этихъ прохладныхъ тѣняхъ, набросанныхъ крутою горою, таинственно толпятся могучіе дубы; колодный, чистый какъ слеза, горный ключъ пріятно журчитъ по камешкамъ, выливаясь изъ переполненнаго колодца, котораго мшистый обручъ вровень съ сырой землей; рѣка быстро и беззвучно течетъ и зыбится подъ дубовою тѣнью, не отражая тутъ въ себѣ свѣтлаго неба...

Шумъ какъ бы раздвигающихся вѣтокъ заставилъ княжну выйти изъ овладѣвшаго ею мечтанія. Передъ нею стоялъ красавецъ польскій панъ, почтительно кланяясь ей, съ магеркой въ рукѣ. Улыбка не скрыла его смущенья, но напротивъ, какъ бы выдала его.

Первымъ движеніемъ княжны было отъ него уйти. Но онъ такъ хорошо, покорно на нее глядѣлъ; столько молчаливой мольбы не уходитъ отъ него, остаться съ нимъ, прочла она въ его красивыхъ голубыхъ глазахъ, что ее въ жаръ бросило; голова ея закружилась, туманъ застлалъ ей глаза. Она, къ ужасу своему, чувствовала, что бессильна тронуться съ мѣста, что блѣднѣетъ и можетъ себя уронить въ его глазахъ; она—княжна Марья Ростовская.

— Я счастливъ, княжна, видѣть тебя! заговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Княжна овладѣла собою, гордо скрестила руки на своей высокой груди и строго, какъ бы не одобряя смѣлости пана, взглянула на него своими большими черными глазами.

— Я долженъ былъ тебя видѣть, чтобы сказать тебѣ, прекрасная княжна, какъ я тебя люблю! продолжалъ еще съ большимъ волненіемъ Дворжицкій, видимо повинувшись своему сильному внутреннему чувству.—Если бы ты знала, какъ я несчастенъ...

— Ты не имѣешь права говорить мнѣ о своей любви, благородный панъ, съ достоинствомъ, никогда ее не покидавшимъ, замѣтила княжна.—Я не могу тебя любить, пойми ты это и забудь меня! вырвалось у нея съ выраженіемъ душевной боли въ голосѣ и въ лицѣ, вызванной сознаніемъ необходимости навсегда покончить съ смѣлымъ паномъ.

Она повернулась и пошла отъ него прочь.

— Въ твоихъ словахъ—мой приговоръ, княжна! сказала онъ тихимъ, словно надтреснутыхъ голосомъ, поразившимъ дѣвушку и заставившимъ ее остановиться;—ты русская дѣвица и, быть можетъ, ты права, удаляясь, по обычаю своей страны, отъ иноземца, отъ поляка; но ужели чувство народной и религіозной вражды можетъ перейти въ твои личныя отношенія ко мнѣ? Ужели за мою любовь ты, Марія, мнѣ заплатишь ненавистью?

— Благородный панъ! сказала княжна, не подымая на него глазъ и сосредоточиваясь на рѣшимости не уклониться отъ этого тяжелаго для нихъ обоихъ и, какъ она думала, послѣдняго съ нимъ объясненія.—Точно, я выросла и воспиталась въ понатіяхъ моего народа. Вмѣстѣ съ молитвою и вѣрою въ Бога мнѣ внушены чувства, руководяція мною и моею жизнью. Отъ нихъ я не отступлюсь.

— Ты дочь своего народа! Ты, княжна, такъ же какъ русскій народъ, враждебно глядишь на польскую рыцарскую націю; вражда племенная и религіозная, а не сердце отталкиваютъ тебя отъ меня! воскликнулъ Дворжицкій, и глаза его заблестѣли внутреннимъ огнемъ.—Иди за своимъ женскимъ, прекраснымъ сердцемъ, княжна, оно тебя не обманетъ! Не умствуй, Бога ради, въ вопросахъ, мало тебѣ доступныхъ. Помни, что отъ твоего слова зависитъ жизнь чело-вѣка!..

— Но что скажу тебѣ? грустно прошептала княжна.—Пути наши разные: тебѣ—прославить свое имя и свою націю храброю, всему свѣту извѣстною; мнѣ—скромная доля женская въ терему, да въ семьѣ. Не такую жену, простую, мало ученую, какъ я, надо тебѣ, блестящему польскому вельможѣ. Не смущай моего сердца! Удались отъ меня, какъ я отъ тебя удаляюсь, и вѣрь, благородный панъ, память о тебѣ останется у меня навсегда! Прощай!

Княжна послѣдшне пошла въ гору, какъ бы гонимая собственнымъ опасеніемъ уступить этому убѣдительному и нѣжному голосу. Она чуть не бѣжала, унося свои слезы. Дворжицкій молча, не трогаясь съ мѣста, проводилъ ее печальнымъ взоромъ. Теряя навсегда эту прекрасную княжну, онъ любилъ ее больше чѣмъ когда нибудь. Въ этомъ послѣднемъ свиданіи она показалась ему во всей прелести женской нравственной природы.—О, сколько въ ней душевной чистоты, скромности и высокихъ помысловъ!.. думалъ отвергнутый влюбленный, и еще въ первый разъ, баловень польскихъ красавицъ, онъ почувствовалъ себя несчастнымъ и впалъ въ отчаяніе. Невыносимо показалось ему теперь посѣщать княжескую семью, несмотря на ея гостепримство и на дружбу молодого князя Ивана.

Онъ вскочилъ на своего горячаго рыжаго скакуна и помчался въ поле, куда глаза глядѣли, куда жеребецъ несъ. Ему было все равно, лишь бы скакать, забыться; подъ гнетомъ душевной горести, ко всему онъ былъ равнодушенъ. Лѣтній проливной дождь освѣжилъ

его. Когда онъ опомнился, наступила ночь. Шелъ дождь. Кругомъ лѣсъ темнѣлъ и шумѣлъ. Мѣсяцъ, разорвавъ массы сдвинувшихся, мрачныхъ, глухо гремѣвшихъ тучъ, освѣщалъ вершины лѣса, зароняясь въ его гущу. Мокрые листья блестяли кругомъ, обдавая всадника дождемъ при малѣйшемъ движеніи вѣтра; онъ выхалъ на опушку. Блѣдный мѣсячный лучъ, не заслоняемый здѣсь густолиственнымъ березами, падалъ на темную фигуру человѣка, повидимому укрывшагося подъ деревомъ отъ дождя. Дворжицкій невольно остановилъ коня, не зная, живой ли это человѣкъ съ костями и плотью, или призракъ, пугающій по ночамъ людей. Храбрость не исключала въ то время суевѣрія. Тѣмъ не менѣе обнажилъ, на всякій случай, саблю и воскликнулъ:

— Если ты человѣкъ, не духъ, скажи, кто ты?

— Я человѣкъ и христіанинъ! глухо отвѣтила темная неподвижная фигура.—Довѣряюсь больше лѣсу, чѣмъ людямъ.

— На такое недоувѣріе къ людямъ ты, конечно, имѣешь причину? продолжалъ спрашивать заинтересованный Дворжицкій.

— Да, къ несчастію. Отвѣчаю на твои вопросы потому, что, кажетъся, вижу поляка?

— Не ошибаешься, я полякъ, который не сдѣлаеть тебѣ зла.

— O. Mater Dei! oga pro nobis peccatoribus, sanctissima!

— Ты католикъ! съ живою радостью воскликнулъ Дворжицкій.

— Я вѣрный сынъ святѣйшаго римскаго отца.

— Кто-жь ты? откуда? какъ сюда попалъ?

— Я монахъ святаго Августина, Николо-де-Мело, миссіонеръ восточной Индіи, если слыхалъ. Двадцать лѣтъ я просвѣщалъ страны великаго могола...

— Какъ не слыхать! слава твоя, проповѣдникъ слова Божія, облетѣла христіанскій міръ. Отъ кого-жь скрываешься ты, блаженный отецъ?

— Отъ варваровъ, отъ коварныхъ москалей. По порученію моего короля и по благословенію святѣйшаго папы, я возвращался изъ Индіи, черезъ Персію, и отъ шаха персидскаго везъ королю и папѣ письма. Обстоятельства принудили меня слѣдовать черезъ Московію. Здѣсь-то постигли меня бѣдствія, которыхъ разсказать я не въ силахъ. Умершій царь Борисъ сослалъ меня, въ оковахъ, въ Соловецкій монастырь, на Бѣлое море, въ страну снѣговъ и льдовъ. О, что я тамъ вынесъ!

— За что же? нетерпѣливо спросилъ Дворжицкій, слѣзая съ сѣдла и приближаясь къ почтенному незнакомцу съ добрымъ намѣреніемъ помочь ему и не бросить его одного ночью въ лѣсу.

— Москвиты—враги папства, они во мнѣ заподозрили проповѣдника, совращающаго православныхъ въ католичество. Изъ писемъ шаха, отобранныхъ у меня, они усмотрѣли уваженіе его къ католической религіи. Дмитрій царь велѣлъ меня освободить и доставить

въ Москву. Но въ Москвѣ я, къ горю своему, узналъ о московскомъ мятежѣ народномъ. Дмитрія царя убили москвиты, обвиняя его въ самозванствѣ, а съ нимъ погибло множество католиковъ.—Незнакомецъ вздохнулъ и продолжалъ:—Правда ли это, что Дмитрій царь—самозванецъ?

— Его выставила Польша въ своихъ политическихъ цѣляхъ, и за него сама поплатилась, печально со вздохомъ подтвердилъ Дворжицкій, съ понятнымъ любопытствомъ стараясь ближе рассмотреть почтеннаго Августина.

— На другой день смерти Дмитрія царя, я объяснялъ свою невинность боярамъ черезъ переводчика, такъ какъ я по-русски говорю плохо, а бояре не знаютъ ни одного европейскаго языка, не исключая польскаго, на которомъ я свободно говорю, какъ ты видишь. Бояре, по совѣту здѣшнихъ англійскихъ купцовъ, тоже ненавистниковъ католичества, послали меня въ Борисовъ монастырь, что близъ Ростова. Мнѣ удалось бѣжать съ дороги. Но дальше что будетъ со мною—не знаю, трепещу!.. Трудно пробраться къ польской границѣ...

— Я провожу тебя въ Москву къ королевскимъ посламъ, блаженный мужъ! рѣшительно сказалъ Дворжицкій.—Изъ уваженія къ польскому посольству, которое возьметъ тебя подъ свое покровительство, бояре не тронутъ тебя.

Старый монахъ вздохнулъ и молчалъ.

— Ужели ты колеблешься принять мои услуги? нетерпѣливо спросилъ молодой панъ.

— Нѣтъ, великодушный юноша! но дѣло не во мнѣ одномъ, грустно добавилъ старикъ.—Со мною слѣдовалъ молодой индеецъ, мой неопитъ, единственный сынъ знатнаго и могущественнаго раджи, для представленія къ испанскому двору. Онъ заточенъ въ Москвѣ въ тотъ день, какъ меня выслали въ монастырь... Съ моей стороны было бы грѣшно и легкомысленно вернуться въ Испанію одному. Я взялъ на свою отвѣтственность молодаго раджу. Что скажу его благородному отцу? Могу ли заснуть, или съѣсть кусокъ хлѣба спокойно, пока не освобожу своего индійскаго воспитанника, или самъ опять не попаду въ плѣнъ къ этимъ схизматикамъ, варварамъ? Вотъ въ какомъ положеніи нахожусь я, сынъ мой!

— Положеніе скверное! замѣтилъ Дворжицкій, котораго великодушное сердце и пылкое воображеніе уже рисовали себѣ заманчивую картину рыцарскихъ подвиговъ и отчаянныхъ попытокъ освободить изъ московской неволи юнаго индійскаго раджу.—Но твое положеніе мало улучшится, если мы съ тобой заночуемъ въ этомъ лѣсу, почтенный отецъ, благоразумно пояснилъ онъ. Что до меня—слуга покорный. Промокнувъ насквозь, я не вижу особеннаго удовольствія оставаться дольше въ этомъ лѣсномъ оврагѣ... Не отставай отъ меня, падре Николо! Богъ, спасавшій тебя столько лѣтъ среди американ-

скихъ дикарей, бенгальскихъ тигровъ и бѣлыхъ медвѣдей, конечно, не предать тебя снова въ руки коварныхъ москалей.

— Въ Богѣ одномъ мой щитъ и мечъ! замѣтилъ старый монахъ, совсѣмъ лысый, съ большою бѣлою бородой, босой, въ жалкомъ рубищѣ, перепосанномъ веревкой, съ нищенскимъ мѣшкомъ за плечами, съ палкой въ рукѣ и широкополою самодѣльною шляпою въ другой.—Мои старыя глаза плохо видятъ, мои старыя ноги спотыкаются и отказываются идти...

— Въ такомъ случаѣ садись въ сѣдло, а я поведу коня, padre Nicolo, въ благородномъ сочувствіи къ страдальцу старику замѣтилъ Дворжицкій;—иначе ты рискуешь наткнуться на колоду, или разбить себѣ голову о сукъ. А о судьбѣ твоего индійскаго раджи подумаемъ тогда, когда сами уцѣлѣемъ.

Молодой панъ хотѣлъ посадить старика на сѣдло, но тотъ отказался изъ боязни свалиться и пошелъ, слабою рукою придерживаясь за гриву лошади. Слѣдуя троной, проложенной стадами лосей къ водѣ, Дворжицкій и его спутникъ ежеминутно боялись потерять этотъ слѣдъ — свою надежду выбраться на дорогу. Мелкій дождь шумѣлъ по листьѣ, а ночной вѣтеръ пронизывалъ ихъ въ мокромъ платьѣ, невольно напоминая обоимъ ночлегъ въ горницѣ, послѣ сытнаго ужина. Старый монахъ только охалъ отъ боли въ окровавленныхъ ногахъ и шепталъ свои латинскія молитвы, отдаваясь мрачнымъ мыслямъ. И, правду сказать, ему было о чемъ задуматься, было отъ чего трепетать за свою жизнь. Съ нею была связана жизнь его молодаго воспитанника, новообращеннаго индійскаго католика. Невесело было и на душѣ Дворжицкаго. Онъ не могъ забыть, какъ ни старался, своего послѣдняго свиданія съ княжной. Красота и душевная прелесть недоступной дѣвушки зажигали его молодую кровь, мутили его голову. Онъ убѣдился, что это лучшая женщина, какую онъ встрѣтилъ и встрѣтитъ въ жизни. Она сотворена для него, и никто, ни одинъ мужчина въ свѣтѣ, не можетъ любить и цѣнить ее, какъ онъ ее цѣнитъ и любить.

Шумъ и ревъ потока, вздувагоса отъ проливнаго дожда, бѣшено бившаго въ каменистый берегъ и рвавшася черезъ повалившіяся березы, напомнили несчастному въ любви пану о необходимости обратить свое вниманіе на переправу. Мѣсячный лучъ, пробившійся сквозь тучи, палевымъ пятномъ дрожалъ въ потокѣ, ухидившемъ въ сырое мракѣ лѣса.

— Гдѣ жъ конецъ моего страданія, Боже? съ глубокимъ вздохомъ замѣтилъ августинецъ, вступая босыми ногами въ бурную воду вслѣдъ за своимъ проводникомъ и уходя въ нее по поясъ. Выбравшись изъ потока, старый монахъ съ глухимъ стономъ повалился на траву, тяжело переводя дыханіе, какъ человѣкъ совсѣмъ обезсилѣвшій. Весь онъ лихорадочно дрожалъ.

— Padre, ты не можешь идти? съ ужасомъ спросилъ Дворжицкій, нагибаясь къ нему.

— Не могу, прошепталъ бѣдный старикъ, — ноги мнѣ измѣнили...

— Садись на коня, не мѣшай, падре! ночь коротка, а днемъ мы съ тобой не проберемся къ посольскому двору.

Августинецъ сдѣлалъ надъ собою отчаянное усиліе и, съ помощью хоруужаго, поднялся и взвѣзъ на сѣдло.

— Червь я передъ моимъ Господомъ! прошепталъ онъ, набожно крестясь. — Что значить человекъ предъ волею Божіею?

Хоруужій велъ коня; скоро они выбрались въ поле, и затѣмъ на проселочную дорогу. Монахъ съ трудомъ держался на сѣдлѣ и стоялъ. Усердно шагавшій Дворжицкій вдругъ остановился и безпокойно осмотрѣлся: звукъ какъ бы сабли явственно донесся до ушей путниковъ. Не было болѣе сомнѣній, — приближались многіе голоса и глухой конскій топотъ... Кто такіе?.. На дорогѣ, ярко освѣщенной мѣсяцемъ, показался казакъ, за которымъ стройными рядами ходко шла цѣлая казачья сотня, то-есть „вольница“, съ сверкавшими при мѣсяцѣ пиками за плечомъ и саблями у бедра, глухо звякавшими.

— О, Іезусъ—Марія! Москва! вырвалось у Дворжицкаго, недоумѣвавшаго, какъ ему поступить при этой встрѣчѣ.

— Oga pro nobis, peccatoribus, sanctissima! прошепталъ бѣдный августинецъ, со страха закрывая ослабѣвшіе глаза.

Казачій эсаулъ не замедлилъ подсказать къ нашимъ путникамъ съ громкимъ окрикомъ:

— Что вы за люди?

Хотя онъ спросилъ по-русски, но съ такимъ сильнымъ польскимъ выговоромъ, что путники сейчасъ же признали въ немъ поляка. Его видъ и вооруженіе только подтвердили эту догадку, очень ихъ обрадовавшую.

— Мы съ тобою, кажется, одной націи! отозвался по-польски Дворжицкій.

— Врядъ ли! рѣзко, съ усмѣшкой, тоже по-польски, замѣтилъ эсаулъ, и внимательно разсматривая стараго монаха и его молодаго путеводителя, повернулъ своего коня и продолжалъ путь рядомъ съ ними.

— Какъ и ты, казакъ, мы добрые католики, вѣрные сыны святѣйшаго римскаго папы! добавилъ августинецъ, набожно крестясь.

— Ну, ужъ это нѣтъ, старикъ, ошибся ты! съ рѣзкимъ смѣхомъ замѣтилъ эсаулъ польскихъ казаковъ. — Твоего святѣйшаго римскаго папу я чту не болѣе вельможнаго пана Вельзевула и гораздо менѣе чѣмъ моего добраго коня!

Сказавъ это со смѣхомъ, эсаулъ, здоровый, плотный дѣтина въ сѣромъ суконномъ кунтушѣ, съ черными шелковыми жгутами по груди, въ сѣрой бараньей шапкѣ и въ длинныхъ со шпорами сапо-

гахъ, ласково хлопалъ рукой тонкую шею своего поджарого, рослаго степнаго коня.

— Святые Петръ и Павелъ! какой же ты религіи, храбрый воинъ? съ недоумѣніемъ, исполненнымъ строгаго неодобренія къ дерзкимъ и легкомысленнымъ словамъ начальнаго пана, спросилъ августинецъ, торопливо крестясь и цѣлуя кипарисный крестъ, висѣвшій у него на груди, и настойчиво повторилъ свой вопросъ:

— Какой же ты религіи?

— Никакой! спокойно отвѣтилъ казачій эсауль.— Для свободнаго и свободно мыслящаго человѣка, какъ я, нѣтъ религіи пріятнѣе и выгоднѣе той, что истекаетъ изъ его вкусовъ и привычекъ. Я не знаю, какаѧ моя религія, но она не стѣсняетъ меня, и никогда не ссорится съ моею совѣстью.

— Какъ? О, всѣ святые! Ты язычникъ! Безбожникъ! простоналъ августинецъ, рукою закрывая свои старые глаза, какъ бы не желая глядѣть на такого грѣшника,—и тебя родила женщина?

— Такъ же, какъ и тебя, старикъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія! явно потѣшаясь надъ старымъ богословомъ продолжалъ начальннй панъ.

— Но гдѣ же добылъ ты подобное отрицаніе всякой религіи, а слѣдовательно Бога, несчастный? строгимъ, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ спрашивалъ старый миссіонеръ, какъ бы задавшійся благою мыслью обратить нечестивца на путь истинный;—гдѣ?

— Немножко въ иезуитскомъ коллегіумѣ въ Вильно, гдѣ, впрочемъ, я больше дрался на шпагахъ и лечился отъ ранъ, полученныхъ мною отъ этого благороднаго оружія, и весьма мало изучалъ религіозныя системы; опытъ жизни лучше всего убѣдилъ меня, что слѣдуетъ или держаться всѣхъ религій, по мѣрѣ надобности, или отказаться отъ всякой. Я выбралъ послѣднее и, въ добрый часъ связать, не раскаяваясь.

— Слѣпецъ, блуждающій во мракѣ! съ укоромъ и въ то же время съ сожалѣніемъ замѣтилъ старый августинецъ, все время бормотавшій свои молитвы: — Грѣшная душа, непримиренная съ небомъ!

Дворжицкій съ свойственнымъ молодости легкомысліемъ едва удерживался отъ смѣха при сопоставленіи этого искреннаго старческаго сокрушенія о грѣхахъ безбожника съ насмѣшливымъ спокойствіемъ самаго безбожника, явно потѣшавшагося надъ христіанскимъ негодованіемъ и ужасомъ почтеннаго падре.

— Если ты, старецъ, изучалъ, подобно мнѣ, классиковъ Эллады и Рима, весело продолжалъ первый,— то согласишься, что поклонники Эпикурова ученія жили, уподобляясь богамъ. Не выгоднѣе ли, вмѣсто того чтобы поклоняться тому, чего не вѣдаемъ, чего на землѣ нѣтъ, и гдѣ оно — ни кто не знаетъ, поклониться тому, чѣмъ можно на землѣ пользоваться? не думаешь ли ты, старый дурень, что вмѣстѣ съ твоею червивою плотью не все съ тобою кончится?..

— Замолчи, или будь проклять, безбожники! вѣ себя, трясся отъ негодованія, вскричалъ августинець.— Не самъ ли ты Вельзевулъ?

— Почти что такъ! весело подтвердилъ панъ; — а вольный ротмистръ Лисовскій! вѣрно слыхали?

— Лисовскій! тихо повторили старикъ и Дворжицкій, изумленные и вовсе неожиданныя видѣть передъ собою этаго отважнаго наѣздника и жестокаго военачальника, имя котораго въ послѣднее время съ ужасомъ и отвращеніемъ произносилось по разнымъ мѣстамъ обширной Русской земли.

— Теперь, зная въ чьихъ вы лапахъ, скажите, кто вы? по прежнему весело сказалъ ротмистръ, не спуская насмѣшливыхъ глазъ съ Дворжицкаго.

— Я дворянинъ въ свитѣ королевскихъ пословъ, панъ Пржемыславъ Дворжицкій! съ сознаниемъ собственнаго своего достоинства сказалъ молодой хорунжій.

— Не важная птица! замѣтилъ Лисовскій съ рѣзкостью, явно рассчитанно оборвать самолюбиваго юношу. Онъ достигъ своей цѣли.

Дерзкое замѣчаніе вольнаго ротмистра вскипятило молодую кровь Дворжицкаго и вывело его изъ себя. Онъ воскликнулъ:

— Какъ смѣешь ты, именующій себя вольнымъ ротмистромъ, такъ неуважительно отзываться о посольскомъ дворянинѣ своего наисвѣтлѣйшаго короля польскаго и великаго князя литовскаго Сигизмунда?

— У меня нѣтъ короля, и ничьей власти я не признаю надъ собой, съ тѣмъ же насмѣшливымъ и невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ Лисовскій.— У меня также нѣтъ и отечества. Твое высокое званіе посольскаго дворянина, въ моихъ глазахъ, даетъ тебѣ только право быть вздернутымъ выше простыхъ смертныхъ на самое высокое дерево;— оно ни мало не избавляетъ меня отъ пріятной обязанности, согласно нашего обычая „вольныхъ лисовчиковъ“, облегчить твой дворянскій карманъ отъ кошелька. Давай-ка его сюда, ясновельможный дворянинъ!

— Но это насиліе! это разбой на дорогѣ! вскричалъ молодой панъ.

Негодованіе, охватившее Дворжицкаго, заставило его остановиться. Первымъ его внутреннимъ движеніемъ было схватиться за саблю и защищать отъ этого придорожнаго разбойника и свой кошелькъ, и свою воинскую честь; но онъ сейчасъ же одумался, вспомнивъ, что находится вполнѣ въ его власти, что требованіе предъявленное имъ ночью, на дорогѣ—отдать кошелькъ, достойно негодяя, преступная голова котораго опѣнена въ Польшѣ и который гнуснымъ злодѣйствомъ порочить польскую націю въ Россіи. Не возражая болѣе, съ глубокимъ презрѣніемъ онъ бросилъ ему свой тяжелый шелковый кошелькъ, который Лисовскій ловко подхватилъ налету и передалъ своему хорунжему, слѣдовавшему съ нимъ рядомъ.

— Намъ, вольнымъ лисовчикамъ, никто не платитъ жалованья, сказалъ Лисовскій, считая, повидимому, нужнымъ пояснить Дворжиц-

кому законную сторону своего требованія кошелька; — поэтому все, что намъ попадаетъ, въ полѣ ли, въ городѣ ли, — наша добыча, поступающая въ общую „сумку“; кажется, обычай почтенный, отчасти напоминающій монашескія братства съ общей кружкой, — скромно добавилъ ротмистръ, поправляя рукой свою баранью шапку.

— О, святые Петръ и Павелъ! могъ только простонать августинецъ, въ глубинѣ своей христіанской души вновь оскорбленный такимъ наглýmъ сравненіемъ монашескихъ орденовъ съ шайкой грабителей.

— Теперь, пане хоронжій, — продолжалъ Лисовскій, какъ ни въ чемъ не бывало, — на дѣлѣ доказавъ тебѣ, что званіе польсваго дворянина вольными лисовчичами ни мало не уважается и что законы польскаго королевства для лисовчичовъ не обязательны, тѣмъ болѣе въ чужой сторонѣ, я спрошу тебя: на кой чортъ сидишь ты съ своими вельможными королевскими послами въ Москвѣ?

— Бояре не выпускають! долженъ былъ сознаться Дворжицкій, какъ это ни было ему неприятно.

Лисовскій безцеремонно расхохотался.

— Ну, а на кой чортъ ты, польскій дворянинъ, презрѣвъ свой высокій санъ, сбѣжился и провожаешь это старое чучело, уподобляясь Іосифу, провожавшему Марію, Матерь Божию, во время бѣгства изъ Египта?

— О, sanctissima! взмолился бѣдный августинецъ, затыкая себѣ пальцами уши, чтобы не слышать такого богохульства.

— Это достойный служитель нашей католической церкви, счель своимъ долгомъ, насколько могъ внушительнѣе, свазать Дворжицкій. — Быть можетъ слыхалъ ты о славномъ проповѣдникѣ слова Божія на дальнемъ Востокѣ, августинскомъ монахѣ Николо-де-Мело?

— Ни о какихъ монахахъ я никогда ничего не слышу, да и слышать не хочу, смѣясь замѣтилъ Лисовскій. — Признаюсь, такому бравому молодцу, какимъ ты мнѣ кажешься, панъ хоронжій, неприятно ползти черепашинымъ шагомъ въ обществѣ этого стараго, ошалѣвшаго сыча. На что онъ тебѣ, этотъ миссіонеръ, искалѣченный ханжа? Сбрось его съ своего сѣдла на дорогу, пусть его вороны доклюють! Ты мнѣ нравишься, панъ, несмотря на то, что служишь дрянному королю своему, Сигизмунду. Я хочу, чтобы ты провелъ со мной остатокъ ночи въ веселомъ обществѣ, свободномъ отъ всякихъ предрасудковъ и понимающемъ всю прелесть кутежа на распахку. Это цѣна твоего освобожденія изъ моего плѣна. Не возражай, ты долженъ завернуть со мной въ этотъ лѣсъ. Мы, польскіе вольные ротмистры, стоимъ теперь съ своими хоренгвами на ближнемъ посадѣ...

— Опять насиліе! вспыхнувъ воскликнулъ Дворжицкій.

— Можетъ быть, спокойно согласился Лисовскій; — права мои приказывать тебѣ въ эту минуту — въ саблѣ, да въ сотнѣ моихъ казаковъ. Кажется, ясно?

— Ясно, долженъ былъ согласиться молодой хорунжій съ негодованіемъ въ душѣ;—отъ веселаго общества и военнаго кутежа я не прочь; но только не тогда, когда меня туда тащугъ на веревкѣ. Я въ твоей власти, вольный ротмистръ, и понимаю, что ты крутъ въ своихъ капризахъ, но мнѣ необходимо надо эту ночь быть въ Москвѣ... Ты видишь, на рукахъ моихъ безпомощный старикъ.

— Я готовъ охотно помочь тебѣ сію же минуту отъ него избавиться; но что жъ эта за необходимость такая тебѣ быть нынче въ Москвѣ?

— Надо укрыть стараго padre въ польскомъ дворѣ. Тамъ онъ будетъ безопасенъ...

Лисовскій расхохотался и замѣтилъ:

— Хороша безопасность у твоихъ вельможныхъ королевскихъ пословъ, которые сами взаперти, подъ карауломъ, у московскаго „шубника“ (такъ Шуйскаго прозвали его враги). Не мѣшало бы имъ самимъ подумать о своемъ освобожденіи: боаре ихъ ни за что не выпустятъ...

— Не выпускай, невесело подтвердилъ Дворжицкій.

— На извѣстныхъ условіяхъ я, пожалуй, выведу королевскихъ пословъ изъ Москвы и провожу до литовскаго рубежа, сказалъ Лисовскій съ увѣренностью, поправившеюся молодому пану хорунжему и вдругъ оживившею его надежды.

— Твои условія, панъ вольный ротмистръ?

— Шестьдесятъ тысячъ злотыхъ, и, конечно, отмѣна постановленія сейма, воспрепятствующаго мнѣ вернуться въ Польшу, скромно и обстоятельно высказалъ свои требованія Лисовскій. Умѣренность — мой девизъ, какъ ты видишь, панъ хоронжій. — Другой на моемъ мѣстѣ загнулъ бы втрое!

— Сообщу о твоихъ условіяхъ вельможнымъ посламъ, сказалъ Дворжицкій, живой умъ котораго цѣлко ухватился за мысль, брошенную Лисовскимъ и дававшую ему надежду поскорѣе оставить Москву, пребываніе въ которой послѣ недавняго свиданія его съ княжной становилось ему невыносимымъ.

— Могу ли, покоряясь твоему требованію, вольный ротмистръ, просить тебя оказать покровительство этому слабому padre, пока тебѣ угодно будетъ продлить мое пребываніе въ твоемъ веселомъ обществѣ?.. Глотокъ воды, да конская попонка, на которой онъ могъ бы согрѣться у костра—вотъ все, что я рѣшаюсь просить у тебя для бѣднаго монаха.

— Вепе! усмѣхаясь по своему, согласился Лисовскій, круто сворачивая съ своей казацкой сотней въ темный сосновый боръ, покрывавшій пески.

Отдаленный звонъ въ одномъ изъ подмосковныхъ монастырей, призывающій монаховъ къ полунощницѣ, убѣдилъ Дворжицкаго въ близости Москвы.

— Кто идет? громко спросилъ изъ лѣсу невидимый, скрывавшійся за толстыми соснами караульный, щелкнувъ куркомъ своего ружья.

— Свои! спокойно, не обращая вниманія на опросъ, отвѣтилъ Лисовскій.

— Лозунгъ? требовательно крикнулъ изъ лѣсу другой, тоже невидимый караульный, уже съ другой стороны дороги.

— „Жиду порхатый!“ отвѣтилъ Лисовскій условный по своему лагерю лозунгъ.

Въ ту же минуту толпа пѣшихъ жолнеровъ, звеня саблями, съ заряженными ружьями на-готовѣ, высыпала изъ лѣсу на дорогу и пропустила мимо себя лисовчиковъ. Дворжицкій сейчасъ же замѣтилъ, что караульные жолнеры порядкомъ подъ-хмѣлькомъ. Они принялись обмѣниваться съ лисовчиками остроуміемъ самаго кабацкаго сорта, преимущественно насчетъ стараго монаха.

В. Марковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО.

(Род. 1813 г., † 1879 г.).

ДНА изъ оригинальныхъ личностей, связанныхъ съ началомъ нашего общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, личность Виктора Ипатьевича Аскоченскаго представляетъ немало сторонъ, любопытныхъ въ историко-психологическомъ отношеніи. Но главное, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ имя Аскоченскаго историческую любознательность, это—превратность судьбы, постигшей писателя. Публицистъ съ сильнымъ дарованіемъ, съ разностороннимъ образованіемъ, съ огромнымъ запасомъ энергіи—во всемъ этомъ Аскоченскому никто даже изъ враговъ его никогда не отказывалъ,—такой публицистъ не оставляетъ по себѣ иной памяти, кромѣ той, которая съ именемъ его связываетъ репутацію обскуранта и фанатика. Какъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, что личность, обладавшая всѣми задатками на уваженіе и современниковъ, и потомства, личность, проникнутая самой искренней готовностью посвятить свои силы на честное служеніе общественной пользѣ, попадаетъ въ разрядъ „отверженныхъ“ и въ завершеніе своей дѣятельности становится мишенью неотразимыхъ издѣвательствъ со всѣхъ сторонъ? Втаптываніе въ грязь личности, столь же поспѣшное, какъ и возведеніе ея въ кумирь—такое явленіе зачастую наблюдается въ условіяхъ русской дѣйствительности; но, по отношенію къ Аскоченскому, этой чертой нашихъ нравовъ можно уяснить не многое. Направленіе, какое приняла его журнальная дѣятельность, создавшая ему помянутую репутацію, явилось неизбежнымъ послѣдствіемъ болѣе сложныхъ и неотвратимыхъ причинъ. Весьма существенную важность въ настоящемъ случаѣ имѣетъ фактъ, что Аскоченскій сталъ публицистомъ именно въ то время, когда жестокіе удары жизненныхъ неудачъ успѣли уже надломить сильную на-

туру, а тяжкія нравственныя испытанія—оставить неизгладимый слѣдъ болѣзненности на душевномъ состояніи. Задавленный безысходной нуждой, доходившей временами до нищеты, потерпѣвъ неудачи всюду, куда ни кидался, онъ вступилъ, наконецъ, на тернистый путь журналиста. Влеченіе къ такой дѣятельности въ немъ жило съ-молоду, но въ эту пору пылкихъ порывовъ, когда талантъ его могъ бы найти дѣйствительно плодотворное примѣненіе, мы видимъ его или въ безплодной тоскѣ среди окружавшихъ его пошлости и пустоты, или же въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами, борьбѣ не менѣе безплодной, но гораздо болѣе сокрушительной для благородныхъ увлеченій, прекрасныхъ упованій и надеждъ. Въ этомъ отношеніи участь, постигшая Аскоченскаго, нисколько не разнится отъ той, какая тяготѣла и тяготѣетъ надъ лучшими изъ нашихъ писателей. Еще Добролюбовъ отиѣтилъ грустный фактъ такой аналогіи въ обстоятельствахъ ихъ внутреннего развитія. Въ начальной дѣятельности писателя замѣтны смѣлне порывы, широкія мечты, благороднѣйшія, сильныя стремленія; затѣмъ на смѣну имъ мало-по-малу прокрадывается и наполняетъ душу горькое сознание своего безсилія передъ судьбою, сознание собственнаго ослабленія и сожалѣнія о напрасно растраченныхъ силахъ молодости. Такъ было съ Пушкинымъ въ позднюю пору его дѣятельности, съ Лермонтовымъ, Кольцовымъ, Полежаевымъ, Гоголемъ, Помяловскимъ, та же исторія повторилась и съ менѣе крупными дарованіями, въ ихъ числѣ и съ Аскоченскимъ. Какъ увидимъ ниже, въ молодые годы самоувѣренность въ собственныхъ силахъ, готовность служить обществу, прекрасныя упованія на жизнь, не покидаютъ его;—противъ житейскихъ дразгъ и людскихъ предрасудковъ онъ вооружается юморомъ и сатирою. Но плетью обуха не перешибешь. Благородные порывы гаснутъ въ смрадной атмосферѣ провинціальной сплетни и злобнаго невѣжества. Страстность природы не даетъ, однако, успокоиться Аскоченскому. Онъ ищетъ себѣ утѣшенія въ товарищескомъ кругу, предаваясь временами разгулу. Но и это увлеченіе не надолго занимаетъ его. Къ юмору уже замѣтно примѣшивается желчное недовольство и тоска, безысходная тоска. Куда дѣваться отъ нея, гдѣ скрыться, и чѣмъ наполнить жизнь? Академическая среда не удовлетворяетъ Аскоченскаго, да ему и тѣсно тамъ,—негдѣ развернуться живымъ силамъ души, а роднигъ ихъ бьетъ наружу. Общественная жизнь вращается около пустыхъ развлеченій и личныхъ интересовъ; явленія, важныя въ общественномъ смыслѣ, не пользуются сочувствіемъ: не съ кѣмъ путнаго слова сказать; о томъ же, чтобы ожидать участія или добраго совѣта, и думать нельзя. Въ такой-то обстановкѣ Аскоченскій отдается мало-по-малу мысли о женитьбѣ, надѣясь найти въ ней себѣ тихое пристанище. Но не успѣлъ онъ привести въ исполненіе свой планъ, какъ уже надъ нимъ разразился ударъ беспощадной судьбы. Другъ его, „ангелъ хранитель“ его, какъ называетъ онъ свою первую жену, покидаетъ его. За смертью жены слѣдуетъ цѣлный рядъ жизнен-

ныхъ неудачъ, которыя къ засѣвшему твердо въ душѣ Аскоченскаго недовольству жизнью прибавляютъ мрачное настроеніе, равнодушіе ко всему и покорное отчаяніе. Но и тутъ оказалась въ Аскоченскомъ чуткая натура. Восприимчивость къ вѣянію жизни не изсякла въ немъ, желаніе возрожденія не пропало совсѣмъ. Представилась возможность борьбы, и Аскоченскій ринулся въ нее. Полемику для этой борьбы явилась журналистика.

Къ несчастію, Аскоченскаго уже сильно помяла жизнь, онъ слишкомъ поздно пробился на свою дорогу сквозь кору общественныхъ несправедливостей, онъ оказался, что называется, слишкомъ отсталымъ отъ вѣка, слишкомъ состарѣлся, чтобы вѣрно понять зародившіяся тогда въ обществѣ потребности. Позднѣе его ожидала тѣмъ болѣе печальная участь, чѣмъ съ большей страстностью отдавался онъ дѣлу. Его пытливый умъ, необыкновенно склонный къ скептицизму, не удовлетворялся, конечно, ролью наблюдателя, ролью „умѣреннаго и аккуратнаго“ отиѣтчика явленій, порожденныхъ новыми запросами жизни. Для натуры дѣятельной, подобной Аскоченскому, лучше пасть въ борьбѣ, нежели безмятежно и пассивно отречься отъ собственной личности и самостоятельности. Но гдѣ же было найти выходъ силамъ, хоть и порядкомъ надорваннымъ?

Кипучая жизнь была ключемъ лишь подъ лучезарнымъ свѣтомъ идей и порывовъ,—увы!—уже превышавшихъ кругозоръ запоздалаго публициста. А куда не успѣли проникнуть лучи этого благодѣтельнаго свѣта, тамъ журналисту, понятно, приходилось въ потьмахъ бродить ощупью. Аскоченскій напрягалъ всѣ усилія, чтобы стать на твердую почву и найти доступъ къ свѣту, но въ томъ-то и бѣда, что онъ хотѣлъ достигнуть этого, не покидая мрака, который его окружалъ, иными словами,—не умѣя хорошенько взглянуть въ свѣтлыя стороны новой своей обстановки. Этому, отчасти, конечно, мѣшало самолюбіе Аскоченскаго, болѣзненно развившееся въ немъ въ долгій періодъ жизненныхъ испытаній. Въ школѣ онъ шелъ первымъ, въ академической карьерѣ своей онъ выдѣлялся изъ среды товарищей, въ общественной жизни онъ искалъ высшихъ интересовъ, привыкъ выдвигаться и умомъ, и образованіемъ. А тутъ на поприщѣ журналиста, послѣ всего пережитаго, ему пришлось все-таки быть новобранцемъ и встрѣтить на первыхъ же порахъ своей дѣятельности неособенно лестный пріемъ въ мірѣ журнальномъ. Въмѣсто того, чтобы, замѣтивъ въ своихъ статьяхъ фальшивую ноту, не повторять ее больше, Аскоченскій уклонялся въ полемику и, въ пылу спора, вдаваясь въ диалектическія увертки, на которыя онъ былъ мастеръ, упускалъ изъ виду нерѣдко прямыя интересы истины.

Но чѣмъ гуще становилась застилавшая ему глаза тьма личныхъ пререканій, тѣмъ мрачнѣе была его дѣятельность, тѣмъ сильнѣе въ немъ росло недовольство, но уже не на себя самого, не на эту непроглядную тьму, а на свѣтъ, къ которому онъ такъ

тщетно стремился. Подъ гнетомъ такого недовольства, природы, подобныя Аскоченскому, не знаютъ удержу личному раздраженію. И дѣйствительно, его журнальная дѣятельность, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, вполне подчинилась внушеніямъ этого раздраженія на всѣхъ и на все. Упрямство замѣняло убѣжденія на страницахъ блаженной памяти „Домашней Бесѣды“, а зачастую и заглушало всякіе доводы разсудка. Не даромъ же самъ Аскоченскій говорить о себѣ: „разольется желчь въ моемъ сердцѣ, и тогда прочай послѣдній остатокъ приличія“. Или вотъ еще одно характерное признаніе его: „обдумывать и углубляться я никакъ не умѣю. Богъ ее знаетъ, какъ у меня устроена натура! Другіе съ какимъ-нибудь тамъ сомнѣніемъ носятся, точно курица съ яйцомъ... У меня бываетъ вовсе не такъ. Часто, садясь за столъ и принимаясь за перо, я не знаю, чѣмъ начать, и сиротинка — мысль не знаетъ, гдѣ пріютиться, гдѣ стать. Спроси она у меня, я и самъ бы не указалъ ей мѣста. Но тронется перо — и пошли мысли бѣжать вольною струей, и цѣлая вереница посылокъ и отсылокъ рвется и таетъ и опутываютъ мысль-сиротинку. Не прерывайте такого моего экстаза, и я въ одинъ присѣсть кончу вамъ мое gelehrter'sкое издѣліе“. Также съ легкимъ сердцемъ Аскоченскій быстро порѣшалъ и съ публицистическими вопросами, кидаясь въ полемику и посылая громы небесныя на головы своихъ противниковъ. Немудрено, что и убѣжденія и взгляды его мѣнялись съ тою же быстротой, какъ эпитеты, крѣпкія слова и проклятія, въ изобиліи разсыянные въ „Домашней Бесѣдѣ“.

Печальный конецъ, постигшій Аскоченскаго, извѣстенъ. Журнальная дѣятельность, направляемая духомъ оппозиціи, увлекла его на борьбу въ защиту злобствующаго обскурантизма, а болѣзненная страстность, какую проявилъ Аскоченскій въ этой борьбѣ, завершилась душевнымъ страданіемъ.

Послѣ всего сказаннаго, невольно возникаетъ вопросъ: заслужилъ ли Аскоченскій, на самомъ дѣлѣ, тотъ суровый приговоръ, какой произнесли надъ нимъ его современники и повторяютъ доселѣ потомки? Какой бы мрачной ни представлялась по своему направленію дѣятельность писателя, но приговоръ исторіи не долженъ основываться лишь на знакомствѣ съ одностороннимъ проявленіемъ этой дѣятельности. А надъ Аскоченскимъ тяготѣетъ именно такого рода несправедливость. Выставляя мрачную сторону его журнальной дѣятельности, обыкновенно забываютъ объ его истинныхъ достоинствахъ и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя были причиною гибели этой талантливой и энергической личности. Мы имѣемъ возможность пополнить такой пробѣлъ, пользуясь поступившимъ въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ „Дневникомъ“ В. И. Аскоченскаго. Это — откровенная исповѣдь покойнаго писателя передъ собственною совѣстью; въ ней нѣтъ ни фальши, ни прикрасъ. Тутъ вполне обрисовывается живая и оригинальная личность Витора Ипатьевича со всѣми ея недостатками и достоинствами.

Дневникъ этотъ начать съ 1835 года, когда Аскоченскій былъ еще студентомъ кievской духовной академіи, и служить вѣрнымъ отраженіемъ душевнаго состоянія, испытаннаго авторомъ подъ гнетомъ обстоятельствъ, въ какія бросала его судьба втеченіе послѣдующихъ двадцати лѣтъ. Въ четырнадцати томахъ „Дневника“ тщательно отмѣчено все, что такъ или иначе имѣло вліяніе на жизнь будущаго публициста. Въ особенности пора разцвѣта юныхъ силъ, пора увлеченій и порывовъ, яро выступаетъ въ записяхъ, которыя аккуратно ведутся въ это время изо дня въ день. Себя самого не щадитъ Аскоченскій въ своихъ признаніяхъ: „Я самъ строгій себѣ судья“, пишетъ Аскоченскій подъ 1-мъ января 1857 года, „и сдѣлавъ какую нибудь глупость, вытерпѣвъ огорченіе или даже оскорбленіе, я прежде всего задаю самъ себѣ вопросъ: „не виноватъ ли я тутъ чѣмъ нибудь? Не подалъ ли съ своей стороны какого либо повода къ оскорбленію меня?“ И что-жъ! Ни разу не случилось, чтобы я вышелъ изъ этого суда чистымъ и правымъ. Тогда у меня начиналась казнь за ошибку или глупость, мной сдѣланную, и какая казнь, если бъ знали! Вся душа моя занывала нестерпимой болью; въ дразнящихъ призракахъ проносились передо мною явленія того или другаго обстоятельства, и я терялъ послѣднее слово утѣшенія, которое до того елеяно успокоивало тревожное сердце мое. Тяжеле этой пытки ничего придумать нельзя“. Но если Аскоченскій былъ строгъ къ себѣ, то не щадилъ онъ и другихъ. Въ его отзывахъ о лицахъ, съ которыми сталкивала его жизнь и многія изъ которыхъ получили впослѣдствіи извѣстность, проглядываетъ иногда непостоянство, но это объясняется чisto впечатлительностью его натуры, отчасти же недоувѣрчивостью, подозрительностью и наклонностью къ скептицизму и сатирѣ. Рѣзко отзываясь сегодня о комъ нибудь, Аскоченскій искренно каялся въ неправотѣ своей, какъ скоро случай или болѣе близкое знакомство съ тѣмъ же лицомъ доставляли возможность ему убѣдиться въ поспѣшности своего отзыва. Зато, если авторъ „Дневника“ разъ проникался уваженіемъ къ другому, никакія личныя огорченія, испытанныя отъ этого лица, не могли измѣнить мнѣнія Аскоченскаго. Въ данномъ случаѣ характерный примѣръ читатели найдутъ ниже, когда будетъ рѣчь объ отношеніяхъ его къ кievскому генераль-губернатору Д. Г. Бибикову, который, строго говоря, и былъ главнымъ виновникомъ бѣдственнаго матеріальнаго положенія, въ какое попалъ Аскоченскій, бросивъ профессуру въ кievской духовной академіи.

Помимо отзывовъ о современникахъ и сослуживцахъ Аскоченскаго, въ „Дневникѣ“ изложены его взгляды на общественные и литературные вопросы той эпохи, взгляды, въ которыхъ трудно узнать будущаго издателя „Домашней Бесѣды“. Ниже мы извлекаемъ все, что сколько нибудь выдается въ разсматриваемомъ отношеніи.

Что касается, наконецъ, личной жизни автора, тутъ видное мѣсто

въ „Дневникѣ“ отведено сердечнымъ дѣламъ и, съ другой стороны, испытаніямъ семейнаго горя. Эта часть „Дневника“ полна живаго интереса для оцѣнки психическаго состоянія Аскоченскаго. Пылая кровь заставляетъ его искать разсѣянія, удовольствій и сильныхъ опущеній. „Богъ знаетъ, что я такое дѣлаю“, пишетъ Аскоченскій 14-го марта 1845 г., „и что со мною дѣлается; ни во вѣки вѣковъ не думалъ я вдаться въ такой вертящійся вихрь свѣтской разсѣянности. Наступитъ день—и работа тяжело поднимается ослабѣвшей рукой моей; умъ усталъ; воображеніе отупѣло. Приходитъ вечеръ—и я, словно околдованный, лечу куда нибудь, чувствуя всю бѣду отъ моей разсѣянной жизни“. Но на этомъ скользкомъ пути Аскоченскій недолго остается; разсѣянная жизнь не только прискутила ему, но и истомила его скоро своею пустотою и безсодержательностью. „Странное дѣло!“ читаемъ подъ 16-мъ января 1846 г.— „Неужели мнѣ такъ скоро могли опротивѣть всѣ эти развлеченія большаго свѣта? Неужели моя опытность должна идти ускореннымъ шагомъ, чтобъ стать въ ровень съ тѣми лѣтами, которыя уже сказываются въ головѣ моей небольшою сѣдиной? Вотъ передо мною открыты салоны лучшихъ аристократическихъ домовъ,—но я не иду въ нихъ. Вотъ спектакль съ оперою,—но и это не занимаетъ меня. Вотъ купеческія общества, полныя хорошенеккихъ блондиночекъ и соблазнительныхъ брюнетокъ; но и тутъ зѣвается. Чего же ты просишь, душа? Уединенія? Возьми его,—только видно, что и уединеніе не по тебѣ: ты скучна, тебѣ тяжело. Занятій? Глади—вотъ они передъ тобою. Отчего жъ ты такъ вяло берешься за нихъ? Эхъ, братцы, братцы! Худо, когда оторвешься отъ берега и уронишь весло въ глубь моря жизни... Несетъ тебя отъ берега и нѣтъ силъ остановиться и плывешь себѣ наудачу, куда вынесетъ судьба,—и къ берегу не хочется, и даль не манитъ!“ Черезъ три дня Аскоченскій отиѣчаетъ въ „Дневникѣ“: „Мною овладѣло уныніе. Я не хочу ничего; мнѣ отъ всего грустно; всѣ развлеченія и удовольствія, которыя представляетъ свѣтъ поклонникамъ своимъ, до того мнѣ наскутили, что радъ бы бѣжать отъ нихъ, куда глаза глядятъ. Двадцать разъ я рѣшаюсь на что нибудь и двадцать разъ отиѣняю мое рѣшеніе. На столѣ моемъ уже горѣли свѣчи; склонивъ задумчиво голову, я бессмысленно глядѣлъ на кучи книгъ, разбросанныхъ по моему письменному столу, и не могъ уловить ни одной опредѣленной идеи, которая бы могла направить дѣятельность души моей, заснувшей въ какомъ-то летаргическомъ снѣ“. На другой день Аскоченскій только и записалъ въ дневникѣ: „Тоска, тоска! Батюшки мои, тоска! Научите меня, какъ убѣжать отъ этой змѣи? Охъ, Боже мой!..“ Насколько похождения автора „Дневника“ въ свѣтскихъ кружкахъ напоминаютъ провинціального повѣсу, безпечно отдающагося забавамъ и подъ часъ нелишены комизма, настолько глубоко трагическимъ въ его положеніи представляется безысходный гнетъ тоски, неоднократно сопровождавшейся сильными

потрясеніями. Такъ, смерть первой жены, затѣмъ неудачное сватовство за Балабухой, исторія котораго приведена ниже въ полномъ видѣ, какъ прослѣжена она изо дня въ день въ „Дневникѣ“ и, наконецъ, смерть второй жены—все событія, слѣдовавшія одно за другимъ быстро и непрерывно,—произвели дѣльный переломъ въ жизни Аскоченскаго. Самый „Дневникъ“ съ 1847 года, когда умерла вторая его жена, ведется уже неаккуратно. Подъ 23 декабря этого года авторъ силится объяснить причину такой неаккуратности. Но объясненіе похоже скорѣе на вопль отчаяннаго путника, утерьявшаго свой путь и не вѣдающаго, какъ и куда ему брести. „Не дивитесь никто“ — пишетъ Аскоченскій,— „кому придется взять въ руки эту часть моего „Дневника“, что я уже не съ прежнею аккуратностью веду его. Это потому, во-первыхъ, что внутренняя жизнь моя рѣдко бываетъ сосредоточена въ самой себѣ; я самъ разрушаю эту гармонію чувствъ и мыслей моихъ, потому что страшно заглянуть въ глубь души моей. А другое и то, что вѣдъ меня вездѣ и всюду такая пошлость, что невольно умъ порывается на одни злыя насмѣшки, а сердце болить досадою. Откровенно долженъ, наконецъ, сказать я, что въ итогѣ каждаго дня всегда приходится ставить нуль“. Въ слѣдующемъ году записи „Дневника“ становятся еще скуднѣе. Еще годъ и Аскоченскій признается, что одна тоска только водить рукой его. Вотъ его собственныя слова, помѣченныя 8 іюня 1849 г.: „Сколько разъ въ жизни моей испытывалъ я тоску отъ совершеннаго бездѣйствія, и какъ тяжело на душѣ моей, привыкшей къ обуревающей дѣятельности. Васъ удивляетъ терпѣніе мое, такъ непонятно открывающееся въ безконечномъ продолженіи моего „Дневника“. Это—тоска водить и управляетъ рукой моей. Вы не знаете, какъ и когда находилъ и нахожу я время писать и то, и другое, составлять планы и проекты, готовить дѣльныя книги. Я и самъ не знаю, друзья мои, знаетъ грудь, да подошлека моя, гдѣ сидитъ вѣчная злодѣйка моя тоска. Вы—дѣловые люди—смѣтаетесь надъ моими, иногда, въ самомъ дѣлѣ, пусташными занятіями; но вы не видите, гдѣ исходное начало такой безпокойной неуимчивости моихъ силъ, порывающихся на работу. Вы осудите меня, пережившіе свои желанья, разлюбившіе свои мечты, за мое мнимое волокитство, за мою любовь къ прекраснымъ созданіямъ, друзья мои! Не бросайте рано на меня камня. Это душа, бѣдная душа моя ищетъ пищи для себя. Вижу, вы мнѣ указываете громаду дѣловыхъ бумагъ,—да придвиньте-жъ ихъ ко мнѣ, обложите ими меня: я весь погружусь въ этотъ омутъ будничныхъ сплетней, я насквозь пропитаюсь чернилами и ябедями и, можетъ быть, загашу горящій, не ожигающій душу мою огонь дѣятельности разумной. Но, Боже мой! Ужели жъ я пройду тернистый путь моей жизни рядомъ съ толпою, знающей только будничныя потребности бытія, и забудеть имя мое разумный помощекъ мой? Зачѣмъ же Ты вложилъ въ меня эту жажду неумирающей памяти? Зачѣмъ я живу? Грустно!“ Записи

подъ 1850 годомъ ведутся съ значительными пропусками. Въ это время Аскоченскій находился на службѣ въ Каменецъ-Подольскѣ. Послѣдующіе два года въ „Дневникѣ“ вовсе пропущены, точно Аскоченскій не жилъ. Подъ 1853 годомъ отмѣчено лишь, что скука довела автора до того, что ему вздумалось собрать подробныя свѣдѣнія объ имѣнныхъ, принадлежавшихъ монастырямъ до введенія штатовъ 1764 года. И затѣмъ слѣдуетъ самый перечень этихъ свѣдѣній. Съ 1854 года опять находимъ нѣсколько записей съ большими перерывами.

Положеніе Аскоченскаго въ это время было самое критическое. „Съ вялою и усталою душой сижу я въ убогой моей квартирѣ, и ни одна отрадная, утѣшительная мысль нейдетъ мнѣ ни въ умъ, ни въ сердце. Самъ добрый мой геній, внушающій мнѣ въ такія минуты или тайну вдохновенныхъ прѣснопѣній, или раздумчивыя сказанія о вопросахъ, волнующихъ современное человѣчество, какъ будто оставилъ меня. Я чувствую себя способнымъ только къ механической работѣ; но этого нѣтъ, потому что не имѣю средствъ, говоря просто: у меня не на что купить бумаги!.. Вотъ до чего дошелъ человѣкъ, котораго Господь Богъ не обидѣлъ ни толкомъ, ни смысломъ!.. О, Господи! гдѣ же предѣлъ твоему наказанію?..“ Комментаріи, разумѣется, излишни къ подобнымъ признаніямъ. Но какое чувство долженъ испытывать каждый, въ комъ не перестало еще биться сердце, читая слѣдующее, проникнутое безотрадною ироніею, призваніе: „Ноября 1-го (1854 г.), 11 часовъ вечера. Коллежскій совѣтникъ, бывшій и то, и то, и пятое, и десятое, сейчасъ всталъ изъ-за работы. Слово всталъ прошу понимать какъ можно буквально, потому что вышеозначенный чиновникъ работалъ на полу съ иглой въ рукѣ. Онъ, извольте видѣть, мастерилъ себѣ изъ ваточнаго тряпья что-то въ родѣ матраца, на которомъ будетъ почивать нынѣшнюю ночь. Удивляюсь, какъ это можетъ унижаться человѣкъ, обладающій такимъ важнымъ чиномъ? Могъ бы заставить лакея. — Гмъ, да если у коллежскаго совѣтника лакея-то нѣту? — Ну, такъ попросилъ бы кого-нибудь другаго? — Попросилъ, хорошо это сказать! А ну, какъ коллежскому совѣтнику-то откажутъ? Что тогда? Честь коллежскаго совѣтника рѣшительно скомпрометирована. — А кто-жъ постель ему сдѣлалъ? — Кто? Да самъ. — А платье кто чиститъ? — Все самъ же. — А сапоги? — Да все же коллежскій совѣтникъ. — Тѣфу, пропасть! Да кто-жъ онъ такой? — Магистръ богословія и словесныхъ наукъ, бывшій профессоръ академіи, потомъ литераторъ немножко, далѣе совѣтникъ губернскаго правленія, еще далѣе — совѣстный судья и временно предсѣдатель гражданской палаты, а еще далѣе — ничто, то есть, вашъ поворнѣйшій слуга Викторъ Ипатьевъ сынъ Аскоченскій. Знаете вы его? Преглуный человѣкъ! Я слышу—вотъ онъ вздохнулъ почти со стономъ. А кто-жъ ему виновать? Имѣлъ возможность нажитья, да захотѣлъ своею честностъю удивить Европу. Вотъ и уди-

вить! Преглупый человекъ!“ Здѣсь разумѣется время служенія Аскоченскаго въ Житомирѣ и Каменецъ-Подольскѣ, когда, по должности принадлежа къ „особамъ“ провинціального правительства, онъ не имѣлъ частенько на что пообѣдать. Подъ гнетомъ такой нужды, влеченіе къ освѣжающей душу работѣ, конечно, не могло быть сильнымъ. Подъ 3-мъ декабря 1854 г. мы находимъ на этотъ счетъ недоумѣвающее заявленіе. „Скажите мнѣ, отчего я, всегда неутомимо дѣятельный, всегда раздумчивый и мыслящій, вдругъ, ни съ того ни съ сего, становлюсь такъ глупъ, такъ лѣнивъ, что ничего не кончаю, за что ни примусь, все бросаю, къ чему потянется утомленная рука и о чемъ задумываетъ моя побѣдная головушка? Одна изъ такихъ эпохъ наступила теперь. Я бросаюсь то къ тому, то къ другому, и даже не имѣю силъ сердиться на самого себя. И тутъ лѣнь одолеваетъ“.

Такое душевное состояніе усиливается дагѣ съ каждымъ днемъ, отъ котораго успѣлъ только сохраниться слѣдъ въ „Дневникѣ“. И 1855 годъ уже открывается замѣткою: „Написавъ эти два слова (т. е. „1855 годъ“), я горько и глубоко задумался. Боже мой! Какъ много промелькнуло въ минувшіе дни событій, отмѣченныхъ въ исторіи не такой бѣдной, какъ моя, а въ исторіи міра! Какъ сознательно живущій членъ всего человѣчества, я долженъ былъ бы все это вписать въ мой дневникъ, но... буду послѣ продолжать, а теперь я глупъ до безконечности, потому что въ цѣлыя сутки спалъ только три съ половиною часа, и даже долженъ справиться и по справкѣ написать, чтѣ теперь“. Аскоченскій, однако, не собрался навести справку раньше 11-го мая. Съ этого числа втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлано немного записей. Наконецъ, остается еще упомянуть, что отъ 1857 г. только за январь имѣются отмѣтки. Но по нимъ видно уже, что въ Аскоченскомъ совершился тотъ безотрадный нравственный переворотъ, который погубилъ у насъ немало даровитыхъ натуръ. Авторомъ „Дневника“ овладѣваетъ холодное разочарованіе, мрачное настроеніе, отчаяніе за себя, словомъ, онъ принимаетъ себя хоронить заживо.

Что прежде живо затрогивало и возбуждало сильныя движенія души, то теперь окрещивается названіемъ „пошлости“. Общительный и энергическій человекъ хочетъ уйти въ самого себя, подальше отъ предательскихъ увлеченій своей лучшей поры жизни, выставляя эти увлеченія въ видѣ предостереженія юной неопытности—молодому поколѣнію. „Жизнь моя есть полная драма“ — раскаивается Аскоченскій,—„со всѣми глупостями, заблужденіями и даже мерзостями, къ какимъ только способенъ человекъ, и съ частичкой добраго, истиннаго и честнаго, посылаемой отъ Вышней благодати, дабы не со всѣмъ пропалъ человекъ. Съ ужасомъ и горькимъ сожалѣніемъ оглядываюсь я на мое прошедшее, исполненное нелѣпостей и поражающихъ глупостей, подсказанныхъ мнѣ моею растлѣнной природой; съ тревожнымъ духомъ стараюсь я проникнуть въ будущее, чтобы уга-

дать тамъ себя — каковъ-то я буду черезъ десять лѣтъ, если Господь Богъ потерпитъ грѣхамъ моимъ и позволить помолиться на бѣломъ свѣтѣ... Въ справедливомъ негодованіи на себя, я хотѣлъ сжечь всѣ томы моего 'дневника, опасаясь, чтобъ они не принесли вреда кому нибудь впослѣдствіи; но потомъ раздумалъ. Пускай молодые люди, а всего болѣе сынъ мой, изъ заблужденій своего отца поучатся быть умнѣе, благочестивѣе и осторожнѣе. Фальшиво взятая нота чувствительна даже для необразованнаго уха". Аскоченскій, очевидно, уже потерялъ всякій слухъ и самъ не чуялъ фальши въ своей похоронной пѣснѣ... Но пусть рѣшаютъ читатели, ознакомившись съ приводимыми ниже признаніями изъ „Дневника“ Аскоченскаго, о чемъ надо сожалѣть больше, — о томъ ли, что въ душѣ его горѣлъ огонь смѣлыхъ порывовъ и пылкихъ увлеченій, которыя не давали ему поработить себя людскимъ предразсудкамъ и возбуждали такое негодованіе къ нимъ, или же о томъ, что этотъ огонь, по слову поэта,

...въ безплодной тоскѣ
...сгорѣлъ и погасъ?

Въ заключеніе два слова объ извлеченіяхъ изъ „Дневника“. Это — по нашему мнѣнію, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ историческихъ мемуаровъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательный необыкновенной фактичностью и искренностью. Каждая черта въ немъ на своемъ мѣстѣ и съ той или другой стороны имѣетъ общественное значеніе. Не говоря уже объ автобіографическихъ чертахъ, изъ остальныхъ однѣ проливаютъ свѣтъ на провинціальную жизнь того времени, другія представляютъ интересъ для историка русскаго просвѣщенія и русскаго литературы, инныя же могутъ быть весьма любопытны педагогу. Изучающій исторію театра найдетъ въ „Дневникѣ“ прекрасныя, обстоятельныя рецензіи объ игрѣ кievскихъ актеровъ, одно время писанныя изо дня въ день, и очеркъ искусной рукой составленный кievскаго театра. Композиторъ встрѣтитъ тутъ цѣлый рядъ замѣтокъ о музыкѣ и въ особенности о нашемъ церковномъ пѣніи, — въ этихъ областяхъ Аскоченскій считался знаткомъ и самъ немало писалъ пьесъ. Ученый богословъ не могъ бы оставить безъ вниманія эту тему по предмету академической специальности Аскоченскаго. Короче сказать, дневникъ представляетъ цѣлую энциклопедію, какаю только достижна силамъ одного человѣка. Къ сожалѣнію, намъ не позволяютъ предѣлы журнальной статьи воспользоваться извлеченіями изъ дневника въ той мѣрѣ, какъ бы это было желательно. Пришлось ограничиться крупными явленіями и сосредоточить главный интересъ цитатъ на выясненіи личности самого автора. Факты, относящіеся къ однороднымъ обстоятельствамъ его жизни и дѣятельности, но разбѣянные подъ разными числами, мы старались, разумѣется, по возможности привести къ единству, а равнымъ образомъ дѣлали то же и съ сужденіями Аскоченскаго объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, отъ себя добавляя только нѣсколько словъ для связи.

Ө. Вулгаковъ.

I.

Дѣтство Аскоченскаго.—Происхожденіе его фамиліи.—Домашнее воспитаніе.— Поступленіе въ школу.—Родительскіе проводы.—Первые дни въ школѣ.— Знакомство съ архіереемъ.—Учеба того времени въ духовныхъ училищахъ.— Школьная среда.—Наказанія.—Аскоченскій „четверто-классный“.—Розговая дисциплина.—Отецъ Иннокентій.—Грубость школьныхъ правовъ.—Проявленія любознательности у Аскоченскаго.—Аскоченскій „словесникъ“.—Первые опыты въ стихотворствѣ.—Ректоръ воронежской семинаріи Евтихійанъ.—Что помѣшало Аскоченскому поступить въ университетъ?—Общая характеристика духовной школы.

В. И. Аскоченскій ¹⁾, по собственному его показанію, родился 1-го октября 1813 года. „Судьбѣ угодно было“, пишетъ онъ подѣ 21-мъ мая 1841 года, „чтобы я былъ первенцемъ между моими братьями и сестрами. Разумѣется, первыя дѣти всегда утѣха родителей,—это цѣпь, которая соединяетъ двухъ супруговъ крѣпче и крѣпче, это—елей, которымъ помазуются первые дни семейнаго быта; это—первое знаменіе Вышняго благословенія, которое принимается

¹⁾ Въ „Дневникѣ“, подѣ 20-мъ мая 1842 года, находимъ не лишнюю интереса генеалогическую замѣтку о происхожденіи фамиліи Аскоченскихъ. „Генеалогія мол“, говоритъ авторъ „Дневника“, „вовсе не состоитъ изъ тѣхъ лицъ, которыя пузаты и знаменитость, и богатствомъ. Мой прадѣдушка былъ поизъ; Господь благословилъ его обзавестись дѣтками; одинъ изъ сыновъ его, по имени Иванъ, родился въ селѣ Аскошномъ, Землянскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Дѣдушки мои, которыхъ числомъ, кажется, было до десятка, подѣ скромнымъ прозваніемъ Поповыхъ, разошлись по разнымъ селамъ въ качествѣ небольшихъ, весьма небольшихъ сановниковъ церковной іерархіи, а родной мой дѣдушка Иванъ Ивановичъ остался въ томъ же Аскошномъ въ должности стихарнаго дѣлца. Прошло нѣсколько времени, жена его, а моя бабушка, Матрена, родила между прочимъ сына Ипата. Это былъ мой покойный родитель. Изъ благодарности къ мѣсту, видѣвшему рожденіе какъ самаго о. Ивана, такъ и дѣтей его, мой дѣдушка переимѣнилъ фамилію Поповыхъ на Аскошныхъ и повелѣлъ впередъ именоваться такъ всему своему потомству...“ „Первоначально наша фамилія была Аскошныи; но бабушка мой, какъ человекъ грамотный, замѣтилъ тутъ слишкомъ незначущую народность,—взвните, онъ не зналъ настоящихъ теорій объ этомъ предметѣ и, слѣдуя правиламъ правописанія, которое тогда иначе и не называли, какъ ореографія, переимѣнилъ Аскошныи въ Аскоченскій. Не знаю, какъ это случилось, только съ теченіемъ времени бабушка стала подписываться: Отскоченскій. Съ этимъ громкимъ прозвищемъ я и братъ вступили въ школу. Прошло немного времени, и насъ стали дразнить „отскочками“; я бранился, ссорился, плакалъ и дрался, разумѣется съ кѣмъ могъ сладить, а избѣжать насмѣшекъ не могъ. Съ досады я рѣшился еще разъ изуродовать свое фамильное прозваніе—и вслѣдствіе такого рѣшенія я сталъ подписываться: Аскоченскій. Братъ, ни въ чемъ не отстававшій отъ меня, послѣдовалъ моему примѣру. Покойникъ сердился, бранилъ насъ, пачкалъ наши тетради, нанедалъ на репетиторовъ, позволяющихъ намъ такую вольность въ такомъ важномъ дѣлѣ; но мы, и особенно я, оставались непреклонными. Учители, привыкнувъ видѣть на тетрадяхъ выдуманную мною подпись, отстали отъ несноснаго для меня: Отскоченскій. Потомъ и бабушка мало-по-малу приставалъ къ моей сторонѣ, и такимъ образомъ, я былъ послѣднимъ преобразователемъ моего фамильнаго прозванія“.

всегда ощутительнѣе уже потому, что оно первое. Какъ первое дитя, я былъ предметомъ нѣжныхъ попеченій и предупредительной заботливости моихъ родителей; на меня не давали упасть, что называется, синь-пороху; всѣ прихоти мои, всѣ капризы были выполняемы, какъ что нибудь законное. Это избаловало меня совершенно, я требовалъ невозможнаго, горячился, топалъ ногами, падалъ на землю, кричалъ, если мнѣ говорили, что того-то нельзя для меня сдѣлать. Мать моя сказывала, что меня даже накормить было трудно: если даютъ мнѣ пищу, я плачу, зачѣмъ мнѣ даютъ; если дожидаются моей просьбы, я плачу опять, зачѣмъ не догадаются накормить меня. Словомъ, я былъ прекапризное дитя. Братъ мой Аристархъ, родившійся годомъ послѣ меня, былъ постояннымъ предметомъ моихъ нападеній.

„Но эти годы проведены мною почти безсознательно. Помню только, — и то какъ будто сѣвостъ сонъ, старый домъ нашъ; помню большую кухню, свѣтлую, чистую горенку, лѣтнюю холодную комнату, обыкновенно на зиму служившую складочнымъ мѣстомъ всякихъ жизненныхъ припасовъ; помню нѣсколько картинъ съ англійскою подписью, висѣвшихъ по стѣнамъ и изображавшихъ исторію блуднаго сына; помню Авдотью, добрую нашу крестьянку. Она умерла, бѣдная; ее похоронили поздно вечеромъ; я еще, въ ту пору, ребенокъ, видѣлъ, какъ сколачиваютъ ея гробъ, какъ владутъ ее туда, и мнѣ ее стало жалко, крѣпко жалко; но я боялся заплакать, потому что маменька, по какому-то старинному капризу, разсердилась бы за эти слезы, не дѣлавшія чести, по тогдашнему ея мнѣнію, малому баричу, какъ я.

„Я еще не умѣлъ ни читать, ни писать, а пѣть уже умѣлъ мастерски. Отецъ мой былъ наставникомъ въ нотномъ пѣніи всѣхъ церковнослужителей обширной Воронежской губерніи, заключавшей тогда въ себѣ и Ново-Чернаскъ со всѣми станицами и слободами. Пѣніе этого неотесаннаго клира, собиравшагося обыкновенно въ банѣ, такъ врѣзалось въ ребяческую мою голову, что я безъ всякаго труда и съ возможною вѣрностію выполнялъ все, что требовалось отъ церковнаго пѣвца. Ребяческому моему самолюбію весьма льстило то, что меня выбирали иногда наставникомъ въ томъ, чего я не зналъ классически, но что очень хорошо было знакомо мнѣ по-наслышкѣ. Чистый, звонкій голосъ мой раздавался серебрянымъ колокольчикомъ посреди нескладнаго рева дьяконовъ, дьячковъ и прочаго причта церковнаго.

„Дали мнѣ въ руки церковную азбуку и указку, отслужили молебень св. Науму и посадили за столъ. Домашняго учителя нанять было не на что. Отецъ мой получалъ жалованья всего 60 рублей ассигнаціями въ годъ. Дѣлать нечего, надо было взяться самому за ферулу учителя.

„Ну вотъ посадили и за латынь. Достали букварь; въ одинъ присѣсть я выучилъ его. Учитель далъ мнѣ Евтропія; я началъ читать его съ восхищеніемъ; моему дѣтскому честолюбію ужасъ какъ нравилось то, что я понимаю болѣе, чѣмъ кто нибудь вотъ изъ этихъ, ко-

торые каждое утро горланять у насъ въ банѣ богородичные на восемь гласовъ.

„Однажды какъ-то родителей моихъ не было дома,—я остался полнымъ хозяиномъ. Въ это время уже была у насъ сестра Капочка. Вдругъ ни съ того, ни съ сего я затѣялъ сыграть похоронн. По моему зову сбѣжались къ намъ на дворъ сосѣдніе ребятишки. Сестра моя должна была играть роль умершей. Мы положили ее на доску, приказавъ какъ слѣдуетъ сложить руки и закрыть глаза. Я взялъ на себя роль священника, а для полноты церемоніи далъ четыремъ изъ нашего погребальнаго кортежа ободранныя ольховыя палки, принявшія отъ солнца желтый цвѣтъ и много походившія на восковыя свѣчи. Процессія была хоть куда, я шель впереди и пѣлъ. Вдругъ моему мертвецу что-то соскучилось лежать неподвижно; ему захотѣлось посмотреть на церемонію. Движеніе, произведенное мнимо-умершею сестрою, заставило носильщиковъ нарушить балансъ — и моя мертвая брякъ! прямо ъземъ. Въ минуту все испугалось, побѣжало; державшіе свѣчи побросали ихъ, самъ священникъ ударился на утекъ, а умершая наша сидитъ и воесть волкомъ.

„Для меня ничего не было пріятнѣе, какъ пустить змѣй какъ можно выше и держать его на ниткѣ, постоянно искушавшей мое терпѣніе и тревожившей меня своею непрочною. Боже мой! какъ завидовалъ я тѣмъ, которые пускали свои змѣи на голландской бичевѣ и могли спокойно держать его впродолженіе свѣтлой іюльской ночи! Я ничего не могъ вообразить себѣ восхитительнѣе, какъ прислуживаться къ реву и глухому говору этихъ змѣевъ, которые, признаюсь, и теперь люблю слышать. Воля ваша, а тутъ что-то есть поэтическое. Вообразите безмолвіе лунной ночи, тишину утомившагося города, изрѣдка прерываемую глухимъ лаемъ собакъ—вообразите на чистомъ, усѣянномъ звѣздами небѣ чуть замѣтную точку, которая повинуется малѣйшему движенію вашей руки,—и теперь вообразите среди этого безмолвія отдаленный ревъ чего-то, несущійся къ вамъ съ вышины, то стихающій, то будто стонущій, то раздающійся громкимъ forte, и въ минуту перемѣняющійся въ самое тонкое piano, о—воля ваша, тутъ есть поэзія. Конечно, все это дѣтское, не стоящее того, чтобы и вспоминать о немъ; но, Боже мой! кто изъ насъ снова не захотѣлъ бы быть дитятею.

„Курсъ домашняго нашего воспитанія кончился—пришла пора вести насъ въ школу; но напередъ надо было представить начальству. Тогдашнимъ префектомъ училищъ былъ знаменитый въ Воронежѣ таинственною своею ученостію Иванъ Яковлевичъ Зацѣпинъ. Въ дѣтскую мою голову такъ много напумѣла молва объ немъ, что я всходилъ на ступени крутой лѣстницы со страхомъ и трепетомъ. Зацѣпинъ жилъ въ томъ корпусѣ, гдѣ и теперь еще (1842 г., апрѣль) помѣщается бурса и консисторія; комнаты его были самыя крайнія къ Спасовской церкви. Съ какою-то величавою осанкою, которая всегда такъ шла къ его

умному и благородному лицу, онъ принявъ батюшку и насъ. Взявъ меня за голову, онъ сталъ что-то щупать у меня на затылкѣ и потомъ сказалъ: „это быстрый ребенокъ“. Не понявъ хорошенько всей его операціи и незнакомый съ системою Галля, я заключилъ, что Зацѣпникъ или видѣлъ когда нибудь мои шалости, или изъ невѣжливаго наклоненія головы моей, которой смерть хотѣлось не поддаваться этой пробѣ, составилъ обо мнѣ такое дурное понятіе. „Быстрый, вишь ты, быстрый!“ подумалъ я и чуть не заплакалъ съ досады. Мы вышли отъ префекта—я сердитый, а братъ довольный тѣмъ, что ему не сдѣлано такого-жъ замѣчанія.

— Ну, дѣти, сказалъ нашъ родитель,—теперь къ отцу Иларію.
 „Я повеселѣлъ. Этотъ отецъ Иларій былъ предметомъ дѣтскаго моего любопытства. Нашъ учитель домашній такъ много говорилъ объ немъ съ товарищами своими смѣшнаго; я все подслушалъ: на-примѣръ, какъ онъ заставлялъ на рекреаціи семинаристовъ пѣть:

„Ахъ, сякой такой комаринскій мужикъ,
 Онъ безчинно такъ по улицѣ бѣжить“;

какъ они обкрадывали библіотеку, находившуюся подъ его присмотромъ, ползая въ ногахъ его и заставляя пятиться къ шкафамъ, гдѣ стояли на полкахъ книги; какъ вали ему въ клобукъ сухари.—Что это за отецъ Иларій? думалъ я,—должно быть чудакъ: непремѣнно захохочу, какъ взгляну на него. Не тутъ-то было. Шагъ черезъ порогъ, и вся охота смѣяться пропала. Батюшка вошелъ, а за нимъ вползли и мы. Показалась (сколько помню) тощая, низенькая фигура въ камилавкѣ и завопила дрожащимъ возлинымъ голоскомъ: „а, отецъ Ипатій! это ваши дѣтки!“ Мы поклонились. Чѣмъ кончилась эта аудіенція, право забылъ; помню только, что отецъ Иларій далъ намъ „Ксенофоновы Достопамятности“ на греческомъ языкѣ. Батюшка скомандовалъ намъ домой — и мы съ братомъ чуть не подрались за подарокъ. Вечеромъ объявили намъ рѣшеніе, что завтра мы должны собраться въ школу. Всю ночь не спали мы. Тревоги, тревоги, Боже упаси!

„Вотъ забрежидилось утро, мы ужъ на ногахъ. Маменька хлопочетъ о завтракѣ и чуть не плачетъ, разлучаясь такъ надолго съ любезными своими дѣтками. Мы умылись, Богу помолились и сѣли за кашу. Батюшка все ходилъ кругомъ стола и твердилъ: „Эй, дѣти, ѣшьте поменьше: *plenus venter non studet libenter*.“ Онъ, изволяте видѣть, дошелъ до поэзіи и зналъ прекрасно нѣсколько пословиць. Любимыя его были она я и сія, *Deus gaudet imragi*—по-русски „Богъ любитъ нечетъ“. Поймите-ка, что это такое? То-то и есть—трудно; слушайте же: „Богъ любитъ троицу“. Вотъ батюшка и твердитъ все оную пословицу, а мы, не понимая хорошенько смысла ея, слушаемъ да ѣдимъ, ѣдимъ да слушаемъ. Глядишь, ужъ мисочка-то пуста. „Голодны, батюшки мои“, заговорить маменька, глядя то того, то другаго по го-

ловеѣ. „Нѣжь, нѣжь на свою голову“, зашумить бывало покойниѣ,
„будеть проѣтъ“.

— Да ужъ ты...

— Ну, что ты?..

„Тутъ батюшка, бывало, приметъ грозную позу и маменька оставить насъ и пойдетъ къ колыбели, которая ужъ непремѣнно каждый годъ содержала въ себѣ какое-нибудь живое существо. Вотъ мы ужъ одѣты, маменька сама повязала намъ галстуки, надѣла картузы... Мы готовы. Книгъ еще у насъ нѣтъ, по весьма простой причинѣ: купить не на что. Батюшка идетъ впередъ—мы за нимъ.“

„Первыя школьныя двери отворилъ намъ о. Василій Дольскій. Какъ теперь вижу его. Онъ все ходитъ мимо насъ и вѣчно ужъ въ зубахъ держалъ свою косу. Ну, такъ мы вошли и остановились, какъ новобранцы, у порога.“

— А что вы знаете? спросилъ о. Василій.

„Онъ былъ регулярнѣйшій и строгій человѣкъ.“

„Я взглянулъ на брата; въ глазахъ его свѣтился отвѣтъ: ничего; толкнулъ себя въ башку—тамъ тоже ничего; не желая, однако жъ, такъ скомпрометировать себя на первый разъ, мы оба смолчали. Вѣроятно, молчаніе наше принято было за удовлетворительный отвѣтъ, потому что насъ посадили—и мы стали отъ нечего дѣлать глазѣть на учениковъ, а я такъ ужъ сталъ и пошаливать. Кончился классъ. Боже мой! съ какимъ шумомъ полетѣли мы домой. Съ радости забыли даже шапки надѣть и трепали ихъ въ рукахъ, летя сломя голову домой. Маменька утерла намъ носы, поцаловала и давай кормить. Ну, ужъ и аппетитъ у насъ былъ—дай Богъ здоровья! Въ пору русскому мужику. Дорогою сказали намъ, что послѣ обѣда нѣтъ ученья. Это, видите ли, какъ я очень хорошо помню, было въ среду. Мы сказали это маменькѣ. Та и вѣрить не хочетъ. „Ахъ, вы такіе слякіе,—меду не ѣлъ, а ужъ воскомъ...“ (маменька иногда употребляетъ непечатныя пословицы). Ступайте-ка! И прогнала. Мы пошли, классы были закрыты, надо было воротиться домой; мы и воротились, боясь, однако же, попасть въ бѣду за оплошность.“

„Не прошло и двухъ недѣль съ поступленія моего въ школу, какъ я успѣлъ уже напроказить такъ, что строгій мой менторъ вынужденнымъ нашелся оштрафовать меня лишеніемъ обѣда и заключеніемъ въ классъ. Я рыдалъ, бился, метался ницъ—не помогало. Строгій Катонъ былъ безжалостливъ. Нечего было дѣлать,—я рѣшился быть дезертиромъ; вырываюсь вмѣстѣ съ толпою и лечу сломя голову. Меня ловятъ, я кричу. Учитель строго обѣщался наказать меня, лишь бы только меня поймали. А я употребляю всѣ усилія, чтобы не даться въ руки моимъ алгвазиламъ. Никогда не выйдетъ у меня это изъ памяти. Смотрю, по садику (тогда около архіерейскаго дома былъ палисадникъ, въ которомъ были даже фруктовыя деревья) ходить какой-то старичекъ въ камилавкѣ. Стремглавъ я бѣгу мимо него.“

— Постой, сказалъ онъ.

„Не знаю, почему—но и въ самомъ испугѣ своемъ я остановился.

— Чей ты? спрашивалъ меня старичекъ.

— Ипата Ивановича, сказалъ я, всхлипывая.

— А, знаю. Зачѣмъ же ты бѣжишь?

— Меня хотятъ запереть въ классъ.

— За что?

— Не знаю, отвѣчалъ я, поглядывая изъ-подлюбыя на подходившаго ко мнѣ учителя. Я изумился, когда увидѣлъ, что мой страшный педагогъ идетъ къ намъ безъ шапки и даже косы въ зубахъ не держитъ.—Э, подумалъ я, этотъ старичекъ должно быть выше учителя, и вовсе не боится его, даромъ, что тощенькій и сѣденькій. Мнѣ, видите, казалось, что выше и важнѣ моего учителя нѣтъ и человѣка на бѣломъ свѣтѣ.

— За что ты хотѣлъ запереть его въ классъ?

— Онъ большой шалунъ, ваше преосвященство.

„Это былъ Епифаній, епископъ нашъ. Я взглянулъ съ любопытствомъ на этого старичка, передъ которымъ такъ спасовалъ мой учитель, и радъ былъ униженію сего послѣдняго.

— О, когда такъ, то запереть его.

„Я опять въ слезы.

— Не будешь шалить?

— Нѣтъ, ей Богу, нѣтъ.

— То-то же, ну, ступай домой.

„Онъ протянулъ мнѣ руку. Отъ восторга, что я уже теперь воленъ, и не поцаловалъ ее, какъ слѣдуетъ, и опрометью пустился бѣжать, отирая слезы и стараясь не показать родителямъ вида, что я было попалъ подъ опалу. Впрочемъ, старанія мои увѣнчались не полнымъ успѣхомъ. На другой день о. Василий сказалъ батюшкѣ о моемъ свиданіи съ архіереемъ и покойникъ такъ перепугался смѣлыхъ моихъ отвѣтовъ, что даже забылъ наказать меня.

„Не знаю, вслѣдствіе чего, только насъ не захотѣли держать во второмъ низшемъ отдѣленіи, а низвели въ третій классъ. Это былъ классъ предуготовительный. Мы были страшные романтики, книгъ у насъ не было, уроковъ намъ не задавали, предоставляя, такимъ образомъ, полную свободу развивать идеи. Бывало, отецъ Иванъ (онъ поступилъ послѣ того въ монашество и назывался Иннокентіемъ, умеръ архимандритомъ и настоятелемъ Черногорскаго и Екатеринолебяжьяго монастыря),—такъ, бывало, отецъ Иванъ съ усмѣшкой спроситъ насъ: „А вы что“? Мы поднимаемся.—„Прочтите-жъ чтонибудь“. Намъ дадутъ книжку „Eritome sacrae historiae“ Ломонда. Кое-какъ, съ грѣшкомъ поцоламъ, переведемъ,—и квитъ. Теперь уже нѣтъ ни Ломонда, ни классовъ тѣхъ, въ которыхъ мы отличались. На томъ мѣстѣ стоятъ монашескія кельи, вновь передѣланныя. Залы съ ея свѣтлыми окнами, съ каеэдрю, окрашенною дикою краскою, и съ амфитеатромъ, воз-

вышавшимся на первомъ планѣ залы, комнаты, гдѣ было поставлено много-много партъ, порѣзанныхъ ножичками и облитыхъ подѣ мраморъ чернилами, той лѣстницы, которая вела на чердакъ и пугала дѣтское мое воображеніе, — всего этого теперь ужъ нѣтъ. Тутъ-то, въ этой-то квадратной комнатѣ, примыкавшей къ залу, начали мы учиться заурядъ съ прочими. И что за науки тогда были! Ужасъ вспомнить, какъ много погибло времени по-пустому. Ребенку не давали никакой живой мысли, ничего, что могло бы интересовать золотое въ эти годы его любознательство. Мы учились латыни, не зная хорошо по-русски, толковали о единицахъ и дробяхъ, не умѣя при порядочномъ чело-вѣкѣ не стыдѣясь, безъ застѣчивости, пересчитать свои пять пальцевъ; учили уставъ церковный, ломая голову надъ бессмыслицей, которой не могли живымъ образомъ растолковать намъ наши учителя; переводили съ латинскаго на какой-то дикій, варварскій, не-русскій языкъ, и плакали съ горя, когда не могли вбить въ голову какого-нибудь толпа, или грамматическаго правила; а между тѣмъ, не видя хорошихъ примѣровъ и боясь одной только школьной ферулы, росли маленькими негодяями. Экое, подумаешь, время было! Признаюсь, что наше духовное воспитаніе хуже всѣхъ воспитаній въ свѣтѣ.

„Прошелъ годъ, насъ перевели въ первое отдѣленіе къ Д. А. Прохорову. Тутъ началось повтореніе того же самого. Смутно представляются мнѣ эти два года, не ознаменованные ничѣмъ особеннымъ. Помню только Левку Данилова, нашего Рипельё, который правилъ цѣлымъ классомъ, и сильный силою своего учителя и протектора, заставлялъ всѣхъ насъ трепетать предательскаго пера своего. Только я одинъ былъ у него какъ спица въ глазу. Вѣчная вражда: онъ запишетъ, а я отниму да изорву; онъ въ доносъ, а я въ волосы ему; онъ въ драку, а я и подавно. Помню еще Ублинскаго и Елисея Владимірова, аудиторовъ моихъ взяточниковъ. Помню верилу Богомолова, котораго однажды велѣно было мнѣ отодрать за уши, но такъ какъ это было сдѣлать нельзя по причинѣ неодинаковаго нашего роста, то мы только насмѣшили своими штуками разпутившагося учителя. О tempora! О mores! И какъ не прибавить: о resora! о boves! Въ третьемъ классѣ или, какъ говорили во время оно, въ нижнемъ, мы просидѣли два года. Я даже до сихъ поръ помню мѣсто, которое занималъ въ школѣ. Это было къ окну, выходявшему на теперешній монастырскій дворъ; окно это послѣднее въ Вознесенской церкви. Тутъ-то я поучался той премудрости, которую съ теченіемъ времени непремѣнно надо было забывать, чтобы не остаться вѣчно дуракомъ. Та-варищи, окружавшіе меня, были такая грязь, ихъ понятія (если только были у нихъ какія-либо понятія) такъ гадки, ихъ поведеніе такъ сѣро и подозрительно-смирно, что надо благодарить Бога, если малютка изъ этого омута грязи и нравственной тины вынесетъ сердце свое чистымъ, незапачканнымъ навѣки; не было мерзости, о которой бы не толковали между собою оборванные мальчишки. Это была циническая

школа негодяевъ и шалуновъ. Благодарительное начальство мало обращало вниманія на эти пороки, которые ржавью въѣдались въ характеръ дѣтей. Учители смотрѣли только за тѣмъ, чтобы передъ ними шапку скидали, да въ классѣ смиренно сидѣли. За проступки противъ этихъ двухъ заповѣдей казнили по-Нероновски. Сто ударовъ лозами — нипочемъ; доходило подъ часъ и до двухъ сотъ, а когда менторъ былъ не въ духѣ, то и до трехъ сотъ. Но все это сливалось съ насъ, какъ съ гуся вода. Чувство грубѣло болѣе и болѣе, и въ дѣтяти, вмѣстѣ со страхомъ и ненавистью къ тирану-учителю, развивались скрытность и плутовство, доходившія, наконецъ, до такой законсѣлости, что никакія тиранства не могли вымучить у мальчика искренняго признанія въ какомъ либо проступкѣ.

„Само собою разумѣется, что между нами много было порядочныхъ плутовъ. Мы гуртомъ ходили на воровство къ торговкамъ, продававшимъ яблоки, арбузы, и кто ловче всѣхъ обкрадывалъ бѣдную бабу, тому и почетъ, и названіе молодцомъ.

„Въ эту пору домашнимъ учителемъ у насъ былъ ученикъ словесности, Стратонъ Тимофеевичъ Гравировскій. Не знаю, чѣмъ онъ съ нами занимался, помню только, что частенько приходилъ онъ какъ-то не въ себѣ. Такой, бывало, странный отъ него запахъ! Отзывается какъ будто немножко водкой и немножко какимъ-то корнемъ. Онъ обыкновенно въ такія критическія минуты ложился спать, чему и мы съ радостью слѣдовали, инстинктивно угадывая то премудрое изреченіе, что хоть все узнай отъ кедра до иссона, а когда придется идти спать, то непременно скажешь: „суета суетствій и всяческая суета!“

„Помню я очень хорошо то время, когда, послѣ публичнаго экзамена стали вызывать лучшихъ учениковъ къ награждѣ книгами. Между этими лучшими былъ и я. На катехизисѣ Платона написано было: „Виктору Аскоченскому за хорошіе успѣхи и прилежаніе“. Я схватилъ книгу и опрометью бросился домой. Братъ Аристархъ, не получившій такой же награды, бѣжалъ за мною съ недовольнымъ видомъ. По дорогѣ мы за что-то поссорились, я жестоко назвалъ его глѣнтаемъ; братъ, какъ и слѣдовало, притаскалъ меня. Но мнѣ было не до слезъ и не до таски. Я вбѣжалъ во дворъ. Маменька (очень хорошо помню) чистила сама рыбу близъ погребицы. Я прямо къ маменькѣ и громко читаю, чтѣ написано въ подаренной мнѣ книгѣ. Маменька съ вопросомъ къ брату, — „А тебѣ ничего не дали?“ Братъ заплакалъ, мнѣ стало жаль его; я и самъ заплакалъ. Пришелъ батюшка, похвалилъ меня, похвалилъ и брата. Мы повеселѣли. „Четвертоклассные, четвертоклассные!“ кричалъ я, прыгая съ книгою моею по двору.

„Да, точно—это была радость непритворная. Добиться четвертаго класса, или синтаксиса, по тогдашнему, было не поле вспахать. И что за важные люди были тогда эти четвертоклассные! Это то же, что

patres conscripti въ училищѣ. Они уже съ пренебреженіемъ смотрѣли на инфилитовъ, а приходскіе были у нихъ на-посылкахъ; они уже дерзали курить трубку и подь часъ ходить въ шинелѣ спуста рукава и закутывая носъ по журавлиному, что удивительно какъ много придавало имъ вѣсу. Они небрежно снимали шапку передъ какимъ нибудь третьекласснымъ учителемъ, а со второклассными уже вступали въ споръ. Осипъ Иванычъ и Иванъ Савичъ (учители втораго и перваго класса) имъ были ни по чемъ.

Къ такой-то категоріи важныхъ людей применилъ и я съ братомъ. Нашими учителями были о. Иннокентій (вышеупомянутый) и Яковъ Фирсовичъ Покровскій, умершій лишеннымъ протоіерейскаго сана по злобѣ и долготсильной ненависти воронежскаго святоши Антонія. На время болѣзни какого либо изъ нашихъ учителей къ намъ прислали студентовъ семинаріи изъ богословскаго класса. Такихъ я помню двухъ: Киселевскаго, умершаго архимандритомъ при китайскомъ посольствѣ, и Палищева, выѣшняго Пантелеймона, инспектора, кажется, астраханской семинаріи. Предметы, преподаваемые у насъ, были: греческій языкъ. Для упражненія въ немъ мы переводили вторую часть извѣстной греческой хрестоматіи (Якобса?) и, надо сказать, переводили чудесно. Съ русскаго на греческій мы перекладывали, не спрашивая словъ у учителя, а выдумывали ихъ сами и рѣдко дѣлали ошибки противъ грамматики. Къ чести своей скажу, что я поступилъ въ училище, не зная по гречески ни іоты. Въ два года я выучился и сталъ наравнѣ съ самыми лучшими учениками. Преподавателемъ греческаго языка у насъ былъ упомянутый Иннокентій, отличный знатокъ его. За Иннокентіемъ оставались славянский языкъ, катехизисъ, уставъ церковный и нотное пѣніе. Славянский языкъ мы изучали по какой-то старинной грамматикѣ, впрочемъ, очень хорошо написанной. Лучше меня никто не могъ изъ всего класса разбирать филологически славянскую грамоту. Катехизисъ у насъ читался по руководству Платона, а потомъ Филарета. Тутъ я не опережалъ другихъ. Уставъ церковный преподаваемъ былъ такъ же бессмысленно, какъ и въ низшемъ классѣ. По этому предмету я не смыслилъ ничего. На классъ нотнаго пѣнія я и братъ не ходили, ибо въ качествѣ пѣвчихъ мы избавлялись отъ необходимости драть горло по этимъ кавыкамъ.

Яковъ Фирсовичъ Покровскій читалъ намъ латинскій языкъ, арифметику, географію и... кажется только. Самъ онъ, не въ укоръ ему будь сказано, зналъ свои предметы плоховато; но за то мы помирились со смѣху на его лекціяхъ. Все такъ мастерски умѣлъ онъ представить, что любо. Громовой хотеть раздавался въ залѣ, когда онъ, закутавшись въ свою рясу, копировалъ семинариста, представляющаго изъ себя Хемницерова метафизика. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы преподаваніе латинскаго языка шло у насъ безуспѣшно. Нѣтъ, мы отлично переводили Корнелія Непота, а нѣкоторые изъ насъ могли

à livre ouvert ¹⁾ — читать какую-угодно латинскую книгу. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и я. Какъ дорого заплатилъ бы я теперь за переводъ, дѣланный и писанный моею рукою съ Квинта Курція... Переводы съ русскаго на латинскій мы дѣлали легко и свободно. Мои occupationes еще и теперь цѣлы, и я по нимъ читаю мои первыя, лучшія ощущенія безразсчетнаго самодовольства своими успѣхами. Арифметики я въ зубъ, что называется, не зналъ и всѣми силами отвливалъ отъ нея. Географію зналъ тоже плохо, да и преподавали-то ее, прости Господи, дрянно. Бывало, заучишь названіе городовъ, рѣкъ и проч., отдерешь, какъ говорится, съ зуба—и дѣло съ концомъ, а гдѣ эти города, гдѣ эти рѣки, и чѣмъ они замѣчательны, словомъ, все, что требуется отъ знатока географіи,—мы и знать не знали, и вѣдать не вѣдали. Учители выслушивали у насъ уроки, водили пальцами по открытымъ картамъ, размежевывали черезполоснымъ образомъ города и горы — и квитъ, а мы думали, что это такъ и надо, и въ простотѣ сердца не простирали въ даль своихъ претензій.

„Должность инспектора училищъ въ то время неразлучна была съ званіемъ смотрителя. То и другое держалъ о. Иннокентій. И грозень, суровъ и подь-часъ кровожадно-жестокъ онъ былъ, прости ему Господи. Понедѣльникъ каждой недѣли былъ для насъ сущюю грозю. Въ этотъ день дѣлалась расправа всѣмъ, кто или не былъ въ церкви, или, бывши, не чинно стоялъ. Послѣднимъ доставалось больше всего. Страшно было видѣть Иннокентія, когда онъ, закусивъ бороду и сдвинувъ кlobуку на сторону, закричитъ не своимъ голосомъ домашнимъ палачамъ: „пори“. Кровью обливается несчастный преступникъ, а тирану все мало. Страшнѣе всего для насъ былъ зовъ въ бібліотеку. Это—любное мѣсто домашнихъ преступниковъ. „Архангелы, сюда!“ закричитъ, бывало, Иннокентій, и изъ дальнихъ кутовъ или, какъ у насъ говаривали, изъ „камчатки“ вылазятъ, бывало, человекъ три самыхъ дюжихъ для исправленія должности палачей. И горе бѣдняку, понавшемуся въ ихъ руки! Но когда хладнокровіе позволяло Иннокентію сдѣлать предварительныя приготовленія къ наказанію преступниковъ, то обыкновенно являлись солдаты въ качествѣ алгвазильовъ. Этимъ молодцамъ однажды попался и я. Не помню, за что, знаю только, что за самую малость, взбѣшенный Иннокентій приказалъ солдату отвести меня и одного изъ товарищей моихъ, четырнадцативершковаго верзилу въ карцеръ. Насъ повели. Дорогою я размышлялъ о томъ, что дальше съ нами будетъ, и мнѣ страхъ захотѣлось улизнуть отъ казни.

— Полянскій, сказалъ я, обращаясь къ товарищу моему;—давай уйдемъ.

— Да какъ тутъ уйдешь—вишь, за нами солдатъ.

— Экой дуракъ! Да свисни его въ ухо, а тамъ тягу.

¹⁾ Въ подлинникѣ „ouverte livre“.

„Дурачина послушался. Бѣдный служитель свалился съ ногъ; мы убѣжали. Но этимъ не спаслись нисколько отъ бѣды. Насъ привели снова. Ну, плохо было моему Полянскому, и мнѣ не хорошо, да ужъ все легче, потому что Иннокентій, какъ говорится, сорвалъ сердце на товарищѣ моемъ.

„Но, не смотря на такое Нероновское обращеніе съ нами, мы были ужасные шалуны и негодяи. Въ самомъ классѣ у насъ бывали рыцарскіе потѣхи, отъ которыхъ у иного являлась жазурь подъ глазами и носъ принималъ фигуру разносторонняго триугольника. Бывало, за часъ до прихода учителя мы сберемся и идемъ на кулачки стѣна на стѣну. Это жестокое побоище кончалось тѣмъ, что одна какая-нибудь сторона давала тылъ и побѣдители гнали побѣжденныхъ по корридорамъ училища, свирѣпствуя надъ ними не хуже татаръ. Другая дикая забава состояла у насъ вотъ въ чемъ. Партія выходитъ на партію, имѣя вмѣсто оружія или платки съ завязанными на одномъ концѣ узелками, или просто край халата, — этимъ оружіемъ мы щелкали другъ друга, не боясь выстегнуть глаза. Часто пораженный сваливался со стола, ибо битва всегда происходила на партахъ, и громъ паденія его былъ призывнымъ знакомъ къ лютѣйшему сраженію. Ужасная грубость, что и говорить. Но гдѣ-жъ взять лучше развлеченіе, когда наши менторы сами не понимали, чѣмъ можно занять ребятъ въ минуты досуга. Подъ неумолимою ферулою домашнихъ палачей ожесточались душа и тѣло, и мы становились дикарями, для которыхъ такія побоища были самымъ лучшимъ *dolce far niente*.

„Дома мы съ братомъ занимались большею частью переводами съ латинскаго языка. Педагогомъ нашимъ былъ нѣкто Петръ Ефремовичъ Устиновскій, съ ужасными бакенбардами и съ глупою головою. Не знаю, почему, но я его терпѣть не могъ. Какъ жаль, что для моей охоты къ ученю не было никакой пищи, что мнѣ никто ничего не могъ указать. По нѣскольку разъ я переписывалъ тексты, выбираемые учителемъ для ежедневнаго повторенія, — меня и за это бранили, говоря, что я по-пусту трачу бумагу; перечислалъ мои классическія задачи — и то украдкой, чтобъ батюшка не замѣтилъ. Я радъ былъ бы душою прочесть какую нибудь книгу; но мнѣ не давали, да, въ правду сказать, и дать было нечего. Одно и единственное мое наслажденіе было читать какую-то древнюю исторію, у которой не было ни начала, ни конца, да еще сказки лубочной печати. Вотъ все, чѣмъ должна была ограничиться моя литературная дѣятельность. А любопытство страшно кнѣло въ ребенкѣ. Я читалъ философскія лекціи моего педагога и завидовалъ ему, что онъ учитъ вещи гораздо умнѣе тѣхъ, которыми тиранилъ я въ ту пору память свою. Не помню, какъ и какимъ образомъ попалась мнѣ „Піитика“ Платона. Я съ радости почти выучилъ ее наизусть. Помѣщенные тамъ при концѣ „Овидіевы превращенія“ заинтересовали меня болѣе всего; я нѣсколько разъ обращался съ просьбою объяснить мнѣ эти рассказы;

но мой педагогъ важно прогонялъ меня прочь, замѣчая мнѣ, что я все пустяками занимаюсь. Тутъ еще успѣлъ я выучить одно старинное стихотвореніе о цѣтукѣ и лисицѣ, которое (до сихъ поръ помню) начиналось такъ:

Дивная исторія и чудная вѣсть,
Какъ однажды лисица захотѣла вѣсть.

„Я декламировалъ его мастерски, и меня по нѣскольку разъ заставляли читать и перечитывать его, постоянно осыпая похвалами. Въ это время, не знаю, по какому случаю, я познакомился съ стихотвореніями Державина, Капниста, Николева и Жуковского и моею дѣтскою рукою списалъ многія изъ нихъ. Подражаніе Іову Ломоносова я зналъ наизусть, и сердце во мнѣ трепетало отъ восторга, когда я читалъ неслыханныя никогда мною строфы этого отца нашей поэзіи. Самъ батюшка поглаживалъ иногда меня по головѣ и приговаривалъ: „Хорошо, сынокъ, только, смотри, береги у меня бумагу“. Богъ знаетъ, не было ли это предвѣщательнымъ предостереженіемъ, чтобъ я не брался впослѣдствіи времени за перо стиходѣя. Грѣшенъ, что жъ дѣлать, не исполнилъ завѣта отцовскаго и даже влѣзъ съ стихами моими въ печать.

„Я былъ въ училищномъ хорѣ; пѣлъ альтомъ. Еще до поступленія моего въ школу, я охотно бѣжалъ въ церковь и громко распѣвалъ на клиросѣ стихиры. Звонкій голосъ мой нравился всѣмъ; но я боялся попасть въ архіерейскій хоръ, ибо вовсе потерялъ бы въ общемъ мнѣніи. Тамъ было сборище самыхъ отчаянныхъ шулуновъ и лѣнтяевъ. Хоромъ, къ которому принадлежалъ и я, завѣдывалъ Я. Ф. Покровский, и мы—экая смѣлость! дерзали даже пѣть концерты. Около этого времени послѣдовала кончина Епифанія, епископа воронежскаго и черкаскаго... Съ пріѣздомъ нынѣшняго Антонія я посвященъ въ стихарь въ качествѣ лампадника къ его пресвященству. Никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое произведено было на меня блестящимъ стихаремъ, впервые надѣтымъ на мои плечи. Мнѣ казалось, что всѣ смотрять и любуются мною, и это, конечно, отъ того, что я не могъ налюбоваться самъ собою... Принимался я и за рисованіе. Разумѣется, учителя у меня не было никакого, а перенималъ все у товарищей. Главный секретъ рисованья состоялъ у меня въ слѣдующемъ: взять какуюнибудь картину, пришилить къ ней бумагу булавками и приставить къ стеклу, рисовать сначала карандашемъ, а потомъ размазывать красками. Картины мои вовсе не годились бы на выставку.

„Брался я за музыку, но безуспѣшно. У моего домашняго педагога были гусли, на которыхъ онъ преудивительно игрывалъ. Урывками я, бывало, побренчу собственную фантазію и убѣгу, чтобъ не увидалъ меня злой Петръ Ефремовичъ.

„Вотъ одна страница моей жизни,—переверните ее и будете читать на другой, гдѣ я уже пишу съ словесникомъ, т. е. ученикомъ словесности, а паче „хитростей шитическихъ“.

Отрывокъ изъ этой страницы находится въ „Дневникѣ“ подъ 1845 годомъ. Вотъ что читаемъ мы тамъ:

„Я сказалъ уже, что читатели мои (если только будутъ у меня читатели) должны теперь не иначе воображать себѣ меня, какъ словесникомъ. О, не шутите этимъ! Въ мою пору это было совершенно то же, что тоненькій эполетъ для прапорщика, первый выѣздъ на балъ для институтки. Мы гордо проходили мимо училища, уже не боясь, чтобы насъ отодрали за уши, если мы не скинемъ шапки передъ какимъ нибудь учителемъ. Мы уже смѣло носили шинель спустя рукава, нисколько не воображая, какъ это было смѣшно, особенно для фризовой яркаго цвѣта шинели. Прошу помнить, что носить шинель спустя рукава наше начальство строго запрещало, находя въ этомъ что-то богопротивное. Словесники и такъ далѣе были въ этомъ случаѣ немножко вольнодумцы и уже позволяли себѣ все, что запрещалось ученикамъ уѣзднымъ.

„Я съ братомъ попалъ во второе отдѣленіе словесности. Профессорами у насъ были: по словесности Алексѣй Петровичъ Лебедевъ, по исторіи—Антонъ Ивановичъ Собкевичъ, а по прочимъ предметамъ лекторы, назначаемые изъ лучшихъ учениковъ богословскаго класса. Я помню ихъ: одного, который читалъ у насъ греческій языкъ, звали Петровымъ, а преподавателя французскаго языка — Мезецкимъ. Нѣмецкій языкъ читалъ А. А. Николаевскій. О послѣднихъ нечего говорить. Это были такіе же семинаристы, какъ и я и всѣ мои товарищи, не обозначаемые особеннымъ типомъ. Но о профессорахъ можно и даже должно сказать.

„А. П. Лебедевъ былъ у насъ заслуженнымъ профессоромъ и однимъ изъ важнѣйшихъ диктаторовъ въ семинарскомъ арсеналѣ. Болѣе двадцати лѣтъ обучая ребятъ реторикѣ, онъ, какъ говорится, набилъ руку; но, собственно говоря, онъ не умѣлъ приспособляться къ понятіямъ ребятишекъ. Всегда важный, гордый, онъ говорилъ съ нами языкомъ не педагога, а оратора, декламирующаго передъ публикою заранѣе обдуманную лекцію. Онъ не любилъ долго вбивать въ голову ребенка условныя правила составленія рѣчи,—оттого теорію мы знали плохо. Лебедевъ обыкновенно училъ насъ примѣрами. Онъ возьметъ, бывало, какое нибудь сочиненіе, положимъ, Анастасія, Карамзина или Теофана, и начнетъ его разбирать по суставчикамъ, указывая намъ, гдѣ тутъ порядочная хрія, гдѣ несовсѣмъ порядочная, гдѣ тутъ винословный, гдѣ раздѣлительный періодъ, гдѣ тамъ торчитъ синекдоха, гдѣ метонимія. Къ концу такого анатомическаго анализа, бѣдное сочиненіе до того бываетъ истрепано, что на немъ лица не видно. Впрочемъ, нельзя не поблагодарить Лебедева за такой методъ преподаванія, — не всѣ, но многіе изъ насъ, выбитые самимъ наставни-

комъ изъ привычной колеи риторическихъ правилъ, рано начали писать тѣмъ языкомъ, который тогда впервые показался въ „Письмахъ русскаго путешественника“. Благодаренъ я Лебеву и за то еще, что онъ не привязывался къ школьнымъ приемамъ условной рѣчи, а позволялъ писать свободно, прямо, не растягивая рѣчи на прокрустово ложе ретирики. И—странное дѣло—мы учились сочинять по-русски по руководству латинской ретирики Бургія, безтолковѣе которой я доселѣ еще не читывалъ ни одной ретирики. Что за глупая была мысль убивать въ ребенкѣ всякую живую мысль этою аптечною мертвечиною... А насъ заставляли учить и непременно отъ слова до слова. Новое варварство! Но вѣчная память моему доброму наставнику. Первые начатки писать я вынесъ изъ его школы. Медленно развергивались мои способности и односторонне ихъ было направленіе, но я не виноватъ былъ въ томъ. Намъ читали только проповѣди, строго запрещающія чтеніе повѣстей, которыхъ тогда было слишкомъ небольшое число. А энциклопедическихъ свѣдѣній и требовать нельзя было отъ насъ, ибо сами учителя ихъ не имѣли, простодушно довольствуя насъ уроками о смиреніи и суетѣ сего міра. Но вотъ что странно. По-русски мы не умѣли писать, зато по-латыни были такіе мастера, какихъ теперь трудно поискать. Я самъ въ настоящую пору (въ 1845 году) не сумѣю написать того, что выходило во время оно изъ-подъ дѣтскаго моего пера... А сказать ли, что меня заставило заниматься латинскою поэзіею? Былъ у меня въ ту пору товарищъ Н. К. Смысловъ. Его рано похитила смерть; но такихъ талантовъ, какіе имѣлъ этотъ человекъ, я во всю жизнь мою не встрѣчалъ. Онъ былъ могучимъ соперникомъ моимъ въ школѣ, всегда и во всемъ перебивая мнѣ дорогу. Это меня бѣсило. Но я успѣлъ опередить его въ знаніи русскаго языка и еще кое въ чемъ. Вдругъ, слышу, Лебевъ читаетъ чьи-то латинскіе стихи съ такою похвалою, что у меня уши загорѣлись. Кончивъ чтеніе, онъ отдалъ тетрадь Смыслову. Я чуть не заплакалъ. „Постой же ты, злодѣй, думалъ я, не опередить тебѣ меня и въ этомъ“. Тотчасъ же я взялся за просодію, началъ учить Овидія, читать Вергілія и Горация, и черезъ двѣ недѣли первый опытъ моего стиходѣйства былъ уже въ рукахъ нашего ментора. Но каково же было мое огорченіе, когда профессоръ въ какихъ нибудь сорока стихахъ нашелъ правильнымъ только одинъ коротенькій стихекъ: „*labitur omne*“. Я готовъ былъ растерзать себя. Смысловъ торжествовалъ. Не испугавшись, однако жъ, первой неудачи, я усилилъ мои старанія, зная очень хорошо, что „*gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo, sic bene doctus eris non vi, sed saepe studendo*“. Успѣхъ убѣждалъ мои старанія, и я сталъ наравнѣ съ моимъ противникомъ. Въ эту же пору рука моя впервые вооружилась тростію стихописца,—и смѣшно и досадно мнѣ это воспоминаніе. Затѣмъ тогда же не вырвали у меня пера и бумаги,—сколько бы уцѣлѣло ея? Самое первое мое стихотвореніе, помню хорошо, написано было мною къ празднику

Рождества, для моихъ сестеръ. Я пробылъ тогда въ реторикѣ только первую треть учебнаго года. Стихотвореніе это забыто мною. Оно было контрабанда, потому что мы еще не слышали отъ нашего профессора никакихъ наставленій о „хитростяхъ пѣтическихъ“. Наконецъ, мы дождались сего вождѣннаго часа съ подабающею въ таковыхъ случаяхъ важностью. Профессоръ приказалъ намъ записаться „пѣтикою“ Аполлоса и въ первой же лекціи доложилъ намъ, что „позія или стихотворство есть наука всякую вещь или данную матерію описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ къ пользѣ и уваженію слушающихъ или читающихъ“, что на таковой конецъ въ позіи есть героическія поэмы, нравственныя, и очень душеспасительныя оды, водится даже лирической восторгъ, отпускаются, по требованію надобности, богатныя и бѣдныя рѣмы, и пр. и пр. Съ благой руки мы пустились писать. Такъ какъ пѣтика пришла къ намъ въ нагольномъ тулупѣ зимою, то намъ дана была для перваго стихотворенія: Зима. Вотъ ужъ какъ мы ее отдѣляли, разбойницу! Вотъ что особенно хорошо было у насъ: у каждаго непременно въ стихахъ упоминался морозъ съ непременною рѣмою кустъ розъ; свирѣли съ рѣмою трели. А пальцы — бѣдныя пальцы! У меня мозоли были на суставахъ отъ этого провлятаго каданса, къ которому надо было приучаться по милости этого пѣты Аполлоса. Послѣ „Зимы“, намъ задаваемы были разныя темы, большую часть которыхъ я уже забылъ, а помню только двѣ, изъ которыхъ намъ приказано было сдѣлать рондо. Первая тема: Тотъ счастливо живеть, а вторая — Антоній нашъ отецъ. Въ такихъ мудреныхъ казусахъ мы поступали вотъ какъ. Сначала подбиралъ рѣму, а тамъ уже мысль, какая придется, и выходитъ рондо. Плачь, потомство! Завистливое время отняло у тебя эти перлы моего поэтическаго таланта...

„А вотъ это какъ вамъ покажется? Замѣтите, что я чуть было не уронилъ тогда славу Крылова тремя сохранившимися доселѣ басенками: 1) Дятель и Голубь; 2) Левъ, Медвѣдь и Волкъ; 3) Страусъ и прочія птицы. Лебедь въ этихъ басняхъ положилъ такую резолюцію: „studium versus et fabulas struendi laudatur maximore; coeterum perfectiones fabulae firmioni memoria tenere debes. Cuius“. Но я не послушался напраснаго совѣта моего наставника и не сдѣлался баснописцемъ, за что премного себѣ благодаренъ.

„Но это все были стихи по казенной надобности. Нельзя было не ожидать, чтобы не принесъ я посильной дани и красотѣ. Мнѣ попалась одна дѣвочка, которой ужъ теперь нѣтъ на свѣтѣ. Я влюбился въ нее, какъ обыкновенно влюбляются мальчики въ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, которую воспѣлъ незабвенный Кольцовъ въ своемъ „Косарѣ“. Онъ хорошо пѣлъ, а я — увы! довольно скверно на первый разъ... Съ тѣхъ поръ, какъ я научился различать размѣренныя строки отъ сплошной прозы, самовластно переходящей съ одного конца строки на другой, стихокропанье стало

лучшимъ моимъ farniente. Подъ вечеръ, уединясь въ свой маленький садикъ, я усаживался на большихъ камняхъ близъ бани и писалъ съ такимъ наслажденіемъ, какое только могъ испытывать мальчикъ моего возраста...“

На этой послѣдней тирадѣ, занесенной въ дневникъ въ 1846 году, прерываются, къ сожалѣнію, автобіографическія воспоминанія Аскоченскаго. О дальнѣйшемъ пребываніи его въ воронежской семинаріи попадаетъ только подъ 30-мъ іюля 1854 года весьма любопытная замѣтка о ректорѣ Евтихіанѣ и о занятіяхъ послѣдняго съ семинаристами, замѣтка, пополняющая отчасти этотъ пробѣлъ въ „Дневникѣ“.

„Это былъ оригиналъ въ своемъ родѣ. Одинъ изъ ученѣйшихъ людей тогдашняго времени и въ высшей степени своенравный и неуступчивый, онъ былъ въ постоянной враждѣ съ могущественнымъ Антономъ, архіепископомъ воронежскимъ, и ни въ какомъ случаѣ не покорялся его капризамъ. Зато жъ и не усидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ. Всего только одинъ годъ пробылъ Евтихіанъ ректоромъ, но въ это короткое время онъ чуть было не уронилъ тогда цвѣтущей семинаріи. Нарушая общепринятый порядокъ чтенія лекцій, Евтихіанъ являлся рано въ аудиторію и просиживалъ въ ней, сколько ему заблагоразсудится. Профессоръ, являвшійся на перемѣну, очень часто уходилъ домой съ своей лекціей. Что же, вы думаете, дѣлалъ у насъ ректоръ? Развертывалъ библію, которую онъ зналъ съ изумительною подробностью и вѣрностью, толковалъ первопопавшійся текстъ, прискивалъ соответствующіе ему тексты, и непременно смѣялся и кощунствовалъ надъ нѣкоторыми мѣстами священнаго писанія. Помню много такихъ его выходокъ, непростительныхъ Евтихіану и неприличныхъ ни сану его, ни званію, ни лѣтамъ, ни, наконецъ, болѣзненному состоянію. Замѣчу въ скобкахъ, что Евтихіану было подъ 60 лѣтъ; разбитый параличемъ, онъ едва волочилъ ноги и съ трудомъ выговаривалъ нѣкоторыя слова. Впрочемъ, все это не мѣшало ему отпускать кощунственныя шутки, подобныя слѣдующимъ. Въ Книгѣ Бытія (гл. XXI, ст. 14) сказано, что Авраамъ „возложи на плечи Агари отроча его (Измаила)“. По сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ и по вычисленію выходитъ, что Измаилу тогда было лѣтъ восемнадцать. Евтихіанъ, растолковавши это намъ, вдругъ обратился къ одному изъ бывшихъ моихъ товарищей—Иванову.

— Петръ Ивановичъ! Естественно ли это? Ну что, если бы ты навалился на бабу какую-нибудь?

„Громкій хохотъ обыкновенно бывалъ отвѣтомъ такой кощунственной выходкѣ неблагоразумнаго старика.

„Въ первой Книгѣ Царствъ (гл. XVIII, ст. 27) сказано, что Давидъ, по желанію царя Саула, принесъ ему сто иноплеменническихъ крашнообрѣзаний, какъ искупительную плату, какъ калымъ за дочь, на которой послѣ этого Давидъ женился. Не трудно догадаться, какъ

пластично были изъяснены эти слова, такъ цѣломудренно у насъ истолкованные чудачкомъ Евтихіаномъ. Отличавшійся между нами и успѣхами, и благопріеміемъ Ефимъ Егоровичъ Свѣтозаровъ, поднявшись, возразилъ ректору, что здѣсь разумѣются уши, которыя и теперь еще обрѣзываютъ у убитыхъ восточные народы, какъ документъ своей побѣды.

— Полно, Іофимъ! Какія тамъ уши! сказалъ ректоръ.—Просто, Давидъ поднесъ царю сотню хорошихъ филистимлянскихъ... на вотъ, молю, тебѣ, а мнѣ давай дѣвчу!..

„Въ такихъ-то занятіяхъ мы проводили золотое время. Хотѣть не умѣвалъ въ аудиторіи. На другой день Евтихіанъ являлся съ новыми шутками и кощунственными прибаутками, острилъ надъ лѣнтяками, сидѣвшими, какъ водится, въ заднихъ рядахъ, называлъ ихъ „тулушниками“, придавалъ каждому изъ любимыхъ слушателей своихъ имена; напримѣръ меня, не знаю ужъ почему, называлъ „девятый бѣсъ“, покойнаго Колтунова „Колпаковымъ“, Иванова „мадамъ графія“, Козловскаго „мадамъ исторія“, брата Аристарха „всесвѣтній учитель“, Акимова „Носовымъ“, урода Александровскаго „красотю“, и такъ далѣе. Само собою, что съ такимъ наставникомъ наука не пойдетъ далеко, и мы, дѣйствительно, ровно ничего не знали изъ богословія. Экзаменовъ въ продолженіе цѣлаго года собственно у насъ, въ высшемъ отдѣленіи, не было. На этотъ счетъ Евтихіанъ отозвался, что онъ самъ всѣхъ своихъ учениковъ знаетъ, а другимъ до того дѣла нѣтъ.

„Странно и жаль, что этотъ человѣкъ не оставлялъ кощунства своего и въ храмѣ Божиѣмъ. Онъ не становился ни въ церкви, ни въ алтарѣ, а всегда за дверью, какъ разъ за правымъ клиросомъ. Оттуда-то онъ говорилъ разныя шутки и непристойныя насмѣшки надъ пѣвчими. Помню, однажды онъ заставилъ оба хора—правый и лѣвый—пѣть посреди церкви осьмигласный концертъ. Тогда было въ обычаѣ кричать напрапалу. Это былъ какой-то торжественный день. Въ семинарской церкви, кромѣ учениковъ, почти никогда никого не было. Басы изъ кожи лѣзли, выкрикивая forte и fortissimo, а Евтихіанъ, выставившись въ дверь, восклицалъ: „хорошенько, ребята, хорошенько!“ Рѣдко онъ самъ отправлялъ богослуженіе, но нельзя не сказать, что онъ былъ благоговѣнъ въ священномъ одѣяніи архимандрита. Высокій ростомъ, съ сѣдой окладистой бородой, умнымъ и серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ, онъ въ эту минуту заставлялъ насъ забывать недавнія его кощунства и шутки, такъ несвойственныя его сану. При всемъ томъ Евтихіана любили и даже уважали. Съ профессорами онъ всегда не ладилъ и былъ у нихъ спицей въ глазу.

„Ему, между прочимъ, обязанъ я тѣмъ, что не поѣхалъ въ университетъ. Когда я принесъ къ нему просьбу объ увольненіи меня изъ духовнаго званія, уже скрѣпленную резолюціей преосвященнаго, Евтихіанъ изорвалъ ее въ клочки и бросилъ къ моимъ ногамъ, оби-

женный, конечно, тѣмъ, что я повелъ это дѣло мимо ближайшаго моего начальства. На вопросъ обо мнѣ Антонія, онъ вотъ что отвѣчалъ его высокопреосвященству: „Извольте распорядиться вашими попами, дьячками и дьяконами, а моихъ студентовъ предоставьте мнѣ. Аскоченскій мнѣ нуженъ для академіи“. Это мнѣ сказывалъ самъ Евтихіанъ, котораго я былъ любимцемъ“.

Къ сожалѣнію, воспоминаній о дальнѣйшемъ ходѣ образованія Аскоченскаго мы не нашли въ „Дневникѣ“. Но и изъ приведенныхъ ясно уже, какова та суровая школа стараго закала, которую проходилъ Аскоченскій съ природными задатками, съ натурою, требовавшей дѣятельности. Что могла она дать ему, какими знаніями и нравственной подготовкой снабдить — не трудно собѣ представить. Но пусть самъ авторъ „Дневника“, вынесши на собственной спинѣ вліяніе прежней духовной школы, скажетъ намъ, что это за расадникъ просвѣщенія.

„Въ свѣтѣ нѣтъ хуже того воспитаанія“ — съ горечью писалъ Аскоченскій уже по выходѣ изъ академіи—„которое получаютъ молодые люди въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Убитый характеръ, неразвитаго понятія, ожестѣлое сердце, склонность къ грубымъ порокамъ,—вотъ что получаетъ въ наслѣдство юноша, попавшійся въ эту инвизицію мысли и добраго, непритворнаго чувства. Посмотрите-же, что выходитъ изъ такого питомца? Житейскій бурсакъ, съ сѣрою, суконною фізіономією, съ педантизмомъ вмѣсто человѣческаго ума-разума, съ кускомъ теплой грязи вмѣсто добраго, чувствительнаго сердца, безъ малѣйшаго сочувствія къ прекрасному, съ устарѣлыми, фарисейскими понятіями о чистой нравственности, съ телачьей скромностью и съ медвѣжьей неразвязностью... Но, Боже сохрани, раздражить эту сѣрую скотину. Онъ замолчитъ, глухая его рожа выразитъ глубоко-сокрытую злобу,—и прощай тогда признательность и благодарность. Ихъ и въ помину не будетъ. Грустно, а такъ оно и есть...“

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Графъ Клейнмихель и студентъ.

ВЪ ІЮНѢ 1847 года, по окончаніи переводныхъ курсовыхъ экзаменовъ въ университетѣ, я, по обыкновенію, отправился путешествовать по Россіи. Цѣлью поѣздки было проѣхать изъ Петербурга на Волгу, но не почтовымъ путемъ, а по одной изъ системъ водянаго сообщенія столицы съ внутренними рѣками. Я избралъ Тихвинскую искусственную систему, потому что этимъ путемъ выходили въ то время на Волгу легкія барки (тихвинки) съ сахаромъ петербургскихъ заводовъ. На подобныхъ тихвинкахъ я выигрывалъ время, могъ свободно и удобно изучить ходъ торговыхъ каравановъ изъ Петербурга на Волгу и обратно, и ознакомиться на мѣстѣ съ одною изъ нашихъ искусственныхъ системъ сообщенія, пока еще нигдѣ не описанныхъ.

По возвращеніи въ августѣ въ Петербургъ, я составилъ „Описаніе Тихвинской системы“, почти исключительно руководствуясь своими наблюденіями. Свою статью я принесъ Амплію Николаевичу Очкину, бывшему тогда единственнымъ издателемъ-редакторомъ (безъ соучастія и содѣйствія еще Андрея Александровича Краевскаго) „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, взятыхъ имъ съ 1847 года въ аренду у императорской академіи наукъ. А. Н. Очкинъ согласился напечатать мой трудъ въ своей газетѣ, подъ условіемъ предварительнаго дозволенія на то со стороны главноуправляющаго путями сообщенія, генералъ-адъютанта, графа Клейнмихеля. „Безъ разрѣшенія графа Клейнмихеля, какъ состоялось нынѣ распоряженіе“, сказалъ А. Н. Очкинъ, „цензура не дозволяетъ ничего печатать о вѣдомствѣ путей сообщенія,

а ваша статья непосредственно до него касается. Но такъ какъ имѣть дѣло съ графомъ Клейнмихелемъ я не желаю, да и цензура избѣгаетъ сношеній съ нимъ, особенно потому, что имъ все безусловно воспрещается, то, если вамъ желательно видѣть вашу статью напечатанною, остается одно средство: самимъ добиться требуемаго цензурою дозволенія отъ графа Клейнмихеля. Получите дозволеніе—принесите мнѣ вашу статью“.

Трудъ многихъ мѣсяцевъ пропалъ. Съ одной стороны рассказы о недоступности тогда всемогущаго графа Клейнмихеля не общали возможности получить отъ него разрѣшеніе на напечатаніе статьи, но съ другой стороны увѣренность молодого студента въ правотѣ своего домогательства побудила меня добиваться всѣми средствами требуемаго дозволенія. Запасшись необходимымъ тогда для того согласіемъ попечителя петербургскаго округа, Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, я подалъ, 9 февраля 1848 года, прошеніе въ особенную канцелярію главноуправляющаго путями сообщенія, съ приложеніемъ статьи о Тихвинской системѣ, и просилъ разрѣшить ее къ печати.

Недѣли черезъ двѣ я пришелъ въ особенную канцелярію за справокою о моей статьѣ и обратился къ первому чиновнику. Меня немедленно пригласили къ директору канцеляріи Н. И. Заикѣ, привѣтливому, умному малороссу. Онъ объявилъ мнѣ, что, по докладѣ моего прошенія графу Клейнмихелю, послѣдній оставилъ мою статью у себя, прочиталъ ее и желаетъ меня видѣть лично. Оказалось, что приемъ у министра бываетъ утромъ, кажется, по субботамъ. „Участь вашей статьи“, прибавилъ ласково г. Заика, „зависитъ исключительно отъ графа, а не отъ меня. Просите его“. Эти слова оправдались на дѣлѣ.

Графъ Клейнмихель жилъ на Фонтанкѣ, у Обуховскаго моста, въ томъ домѣ, гдѣ и теперь отводится помѣщеніе для министровъ путей сообщенія и который со стороны Большой Садовой улицы окруженъ былъ такъ называемымъ Юсуповымъ садомъ, впоследствии уступленнымъ безвозмездно въ пользу города. Большая бѣлая подъ мраморъ отдѣланная зала, окнами выходящая въ садъ, наполнилась желавшими видѣть министра въ то утро, когда я туда явился. Пришлось ждать очень долго, пока графъ Клейнмихель, окончивъ приемы въ своемъ кабинетѣ, вышелъ къ остальной публикѣ въ залу. Я стоялъ въ концѣ посѣтителей, выстроившихся рядомъ вдоль трехъ сторонъ залы. Подойдя ко мнѣ, министръ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я объяснилъ.

— Съ какою цѣлю вы ѣздили на Тихвинскую систему?

— Желалъ лично ознакомиться съ искусственною водяною системою и изучить ходъ товарнаго движенія, отвѣчалъ я.

— Другихъ цѣлей не было? продолжалъ допытываться графъ Клейнмихель.—Васъ нигде туда не посылалъ?

— Какія же другія цѣли могутъ быть у молодого студента, продолжающаго свое ученіе?

— Скоро вы кончаете университетскій курсъ?

— Черезъ годъ.

— Гдѣ вы намѣрены служить?

— Буду готовиться на университетскую касседу, по естественнымъ наукамъ.

— Приходите ко мнѣ; я васъ опредѣлю на службу по своему вѣдомству; статью вашу я прочелъ съ удовольствіемъ. Я прикажу ее рассмотреть; если возможно, она будетъ напечатана. Не забудьте—я приму васъ съ удовольствіемъ на службу. До свиданія!

Изъ особенной канцеляріи главноуправляющаго путей сообщенія статья моя переслана была на рассмотрениеъ въ департаментъ искусственныхъ сооружений (если не ошибаюсь въ названіи департамента, такъ какъ они неоднократно мѣняли свои названія въ министерствѣ путей сообщенія). Начальникомъ отдѣленія, куда попалъ мой трудъ, былъ инженерный подполковникъ, дрожавшій при одномъ имени графа Клейнмихеля. Онъ меня принялъ очень сухо. Я ему не нравился уже потому, что изъ-за меня на него возложили порученіе, мѣшкотное и отвѣтственное, именно рассмотрение моего труда. На этомъ подполковникъ и могъ изучать тотъ трепеть и ту нелюбовь, которые графъ Клейнмихель возбуждалъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ. До гѣта, то есть до окончанія переводныхъ экзаменовъ, я не могъ часто ходить въ департаментъ за справками. Сверхъ того, непривѣтливость начальника отдѣленія не давала мнѣ надежды на успѣхъ ходатайства. Но появленіе сильной холеры въ Петербургѣ измѣнило расположеніе ко мнѣ подполковника. Оказалось, что онъ боится холеры не менѣе чѣмъ графа Клейнмихеля; а же раздѣлялъ другой образъ мыслей. Однажды гѣтомъ, при моемъ появленіи въ департаментъ въ комнатѣ начальника отдѣленія, онъ спросилъ меня, что слышно о холерѣ. Я отвѣчалъ ему въ успокоительномъ тонѣ, не зная его боязни. Мы разговорились о болѣзни. Многія приведенныя мною данныя успокоили моего собесѣдника, и вмѣсто прежняго нерасположенія съ его стороны явилось ко мнѣ расположеніе. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, онъ наконецъ показалъ мнѣ, какъ разсматривалась моя статья. Моя рукопись была расшита; противъ каждой ея страницы была вшита бѣлая бумага. На ней выставлялась справка начальника отдѣленія о каждой фразѣ моей статьи. Нѣкоторыя справки были до крайности курьезны, напримѣръ, вотъ одна дословная: „Что въ этомъ мѣстѣ въ Неву впадаетъ рѣка Ижора—это вѣрно, но происходила ли въ этомъ мѣстѣ битва Александра Невскаго со шведами—объ этомъ свѣдѣній въ департаментъ не имѣется“.

Понятно, что, при такой свѣркѣ чуть не cadaго слова моей статьи съ дѣлами департамента, рассмотрение ея должно было затянуться. На мои возраженія и заявленія, что, сколько мнѣ извѣстно, цѣль рассмотренія, или цензуры не въ томъ заключается, подполковникъ, получивъ уже ко мнѣ довѣріе изъ-за холеры, разговоръ о ко-

торой возобновлялся при каждом моем посѣщеніи и продолжался иногда болѣе часа, причемъ занятія начальника отдѣленія приостанавливались, сказалъ мнѣ: „Батюшка, да вы не знаете графа Клейнмихеля. Онъ обратилъ вниманіе на вашу статью и на васъ; если окажется, что я не рассмотрѣлъ ее въ подробности, какъ у меня ведется теперь это дѣло, я могу лишиться мѣста; съ нимъ шутить нельзя“. Оставалось покориться подобной необходимости и ждать терпѣливо конца.

24 ноября 1848 года, я представилъ въ особую канцелярію главноуправляющаго путями сообщенія вторую статью (какъ продолженіе первой) „О судоходствѣ на Волгѣ“. Графъ Клейнмихель приказалъ, по примѣру „Описанія Тихвинской системы“, рассмотреть ее въ надлежащемъ департаментѣ. Вторая статья попала въ руки другаго начальника отдѣленія, Ивана Петровича Тарнава-Боричевского (впослѣдствіи директора особенной канцеляріи), который не расшивалъ моей рукописи, не свѣрлялъ каждой фразы съ дѣлами департамента и потому не замедлилъ рассмотрѣніемъ и одобреніемъ моего труда. И. П. Тарнава-Боричевскій не трепеталъ, подобно инженерному подполковнику, при одномъ имени графа Клейнмихеля и посодѣйствовалъ съ своей стороны ускоренію окончанія вышеописанныхъ мѣтарствъ съ „Описаніемъ Тихвинской системы“.

Обѣ статьи были возвращены изъ департамента съ одобрительными отзывами въ особенную канцелярію только въ 1849 года, но мнѣ не давали никакого извѣстія о нихъ. Занятый выпускнымъ экзаменомъ изъ университета, я только весной явился въ Н. И. Заикѣ съ вопросомъ объ участи моихъ статей.

— Статьи возвращены къ намъ, сказалъ онъ,—одобрены, но безъ особаго разрѣшенія графа я не могу вамъ ихъ выдать для напечатанія; зайдите надняхъ.

Когда я явился спустя нѣкоторое время, по этому приглашенію, то былъ встрѣченъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Намѣрены ли вы поступить къ намъ на службу, какъ вамъ предложено было графомъ?

— Но я намѣренъ посвятить себя ученому поприщу; я буду готовиться къ экзамену на магистра—отвѣчалъ я Н. И. Заикѣ.

— Графъ вамъ дастъ время на это приготовленіе.

— А мои статьи?

— Графъ мнѣ объявилъ, что подобныя статьи могутъ появиться въ печати только составленныя чиновниками его министерства.

— Но вѣдь статьи одобрены департаментомъ.

— Тѣмъ болѣе. Или эти статьи будутъ напечатаны чиновникомъ нашего вѣдомства, или онѣ не будутъ напечатаны.

— Но если я не желаю вовсе поступать на службу?

— Почему же вы такъ упорно не соглашаетесь служить въ нашемъ вѣдомствѣ? Вы можете составить себѣ карьеру. Повторяю вамъ

дружескій совѣтъ, изъ желанія вамъ добра. Графъ не измѣнитъ своего рѣшенія. Если вы мнѣ не довѣряете, явитесь къ нему въ пріемный день. Обдумайте, и если согласитесь поступить къ намъ на службу, то приходите ко мнѣ.

Мы разстались. Я не рѣшился поступить подъ начальство все-сильнаго министра, деспотически распоряжающагося свободою чело-вѣка. Поэтому я не появлялся болѣе въ особенной канцеляріи графа Клейнмихеля, не видѣлся болѣе съ добрымъ, привѣтливымъ Н. И. Зап-ков. Статьи остались ненапечатанными, въ архивѣ канцеляріи. Когда графа Клейнмихеля, въ самомъ началѣ царствованія ¹⁾ Александра II, не стало во главѣ вѣдомства путей сообщенія, мои статьи устарѣли уже и не могли быть напечатанными.

II.

Графъ Клейнмихель и англичанинъ Эдуардъ Кейли.

Около того же времени произошло неважное обстоятельство, харак-теризующее однако энергическую распорядительность, которую сла-вился графъ Клейнмихель. Я слышалаъ рассказъ о томъ отъ г. Кейли. Отъ одного русскаго купца N. (онъ еще живъ) здѣшній англійскій тор-говый домъ Кейли (имѣвшій собственный домъ на Англійской набереж-ной, нынѣ принадлежащій г. Гвайеру) купилъ, съ выдачею части денегъ впередъ, партію льнянаго сѣмени, со сдачею его покупателю не позже по-слѣднихъ чиселъ августа. Наступилъ срокъ сдачи, зафрахтованный ко-рабль ждетъ груза, запроданнаго въ свою очередь въ Англію, а ку-пецъ N. не сдаетъ товара. Кейли неоднократно посылалъ къ нему, ѣздилъ самъ на Калашниковскую пристань и, наконецъ, убѣдился лично, что у купца N. нѣтъ запроданнаго имъ товара. Кейли купилъ льняное сѣмя у другихъ лицъ и предъявилъ искъ въ коммерческомъ судѣ къ N., требуя возврата денегъ и убытковъ. Тогда N. представилъ накладныя на льняное сѣмя, прописанныя въ ближайшихъ къ Петербургу судоходныхъ дистанціяхъ и тѣмъ доказывалъ, что сѣмя льняное, проданное имъ фирмѣ Кейли, пришло въ надлежащій срокъ въ Петербургъ, но что у англійскаго дома не оказалось денегъ на уплату за товаръ, а потому онъ и не былъ ему данъ. Кейли, лично убѣдившись въ концѣ августа, что партію товара, имъ купленной, не была на лицо, возмущенъ подобною ложью, а еще болѣе нане-сеннымъ его торговой состоятельности оскорбленіемъ, именно, что у него не было денегъ для уплаты. Кейли заподозрилъ, что представ-ленныя N. засвидѣтельствованныя накладныя фальшивыя. Извѣстный графу Клейнмихелю еще ранѣе того, такъ какъ былъ однимъ изъ

¹⁾ Онъ уволенъ 15 октября 1855 г.

трехъ учредителей пароходнаго общества по Волгѣ 1843 г., Кейли испросилъ у него себѣ аудиенцію и изложилъ все дѣло. „Не говорите никому, что вы у меня были и что вы просили меня по вашему дѣлу“, былъ отвѣтъ графа Клейнмихеля на просьбу Кейли о помощи.

Графъ Клейнмихель, подозрѣвая подкупъ дистанціонныхъ смотрителей со стороны купца Н., немедленно послалъ своего товарища, генералъ-лейтенанта Э. И. Герсфельда, провѣрить книги дистанціонныхъ смотрителей, ближайшихъ къ Петербургу. Дѣйствительно, оказались въ книгахъ подчистки и подлогъ, то-есть прописеа накладныхъ заднимъ числомъ. Дистанціонные смотрители лишились мѣстъ и отданы были подъ судъ. Дѣло Кейли и Н. изъ гражданскаго сдѣлалось уголовнымъ, но, при тогдашнихъ судебныхъ порядкахъ, купцу Н. удалось достигнуть того, что его оставили только въ „сильномъ подозрѣніи“.

III.

Передъ обнародованіемъ положенія 19-го февраля 1861 года.

Въ № 39-мъ „Сѣверной Пчелы“ (17-го февраля 1861 г.) и въ другихъ тогдашнихъ газетахъ появилось слѣдующее официальное заявленіе: „С.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, вслѣдствіе разнесшихся слуховъ, объявляетъ, что 19-го сего февраля никакихъ правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу обнародовано не будетъ“. Въ исходѣ четвертаго часа пополудни того же 17-го февраля, въ пятницу, курьеръ изъ государственной канцеляріи привезъ мнѣ слѣдующее приглашеніе въ конвертѣ, запечатанномъ печатью канцеляріи: „Министръ внутреннихъ дѣлъ покорнѣйше проситъ редактора газеты „Сѣверная Пчела“, П. С. Усова, пожаловать къ нему сегодня между 4 и 5 часами пополудни“. Курьеръ просилъ отвѣта, буду ли я въ назначенное время. Я отвѣчалъ утвердительно.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Сергѣй Степановичъ Ланской (тогда не былъ еще графомъ), жилъ въ домѣ своего министерства, у Александринскаго театра, въ бель-этажѣ. Кабинетъ его, оклеенный свѣтлыми голубыми обоями (если не ошибаюсь, шелковыми), выходилъ окнами на площадь, ближе къ той сторонѣ, гдѣ теперь выстроены домъ городскаго кредитнаго общества. Я пріѣхалъ за четверть часа до назначеннаго срока и былъ немедленно принятъ С. С. Ланскимъ въ его голубомъ кабинетѣ. Откровенно, просто, онъ изложилъ причину приглашенія меня къ нему. Правительство желало статью въ газетѣ успокоить понятное нетерпѣніе народа, ожидавшаго обнародованія положенія объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. С. С. Ланской произвелъ на меня крайне пріятное впечатлѣніе. Онъ

мнѣ сказалъ, что статья должна появиться непременно на слѣдующій день, въ субботу, и что онъ проситъ привести ее къ нему готовою къ 8 часамъ вечера, чтобы онъ могъ ее предварительно прочитать. „Предоставляю вамъ полную свободу въ изложеніи статьи; прошу только, чтобы она была успокоительнаго свойства“, сказалъ С. С. Ланской.

— Могу ли я сказать въ ней о срокѣ обнародованія манифеста? спросилъ я министра.

— Можете, но не опредѣляя въ точности дня, а намекая на него. Кто будетъ писать статью?

— Я самъ, такъ какъ вами данъ такой короткій срокъ, что мнѣ не къ кому обратиться.

— Тѣмъ лучше. Я жду васъ къ восьми часамъ.

Къ назначенному сроку я снова былъ у С. С. Ланского. Подписавъ статью къ печати, онъ сказалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ съ нею къ государственному секретарю, Владимиру Петровичу Буткову, такъ какъ, согласно существовавшему тогда повелѣнію, всѣ статьи, касавшіяся крестьянскаго дѣла, до утвержденія ихъ обыкновенною цензурою, посылались на предварительный просмотръ В. П. Буткова.

— Надѣюсь, сказалъ на прощанье С. С. Ланской, — что ваша статья достигнетъ своей цѣли, хотя я не изъ тѣхъ, которые опасаются безпорядковъ по поводу отиѣны крѣпостнаго состоянія. Народъ, которому дадутъ свободу, не бунтуетъ.

В. П. Бутковъ жилъ на углу Литейной улицы и Пантелеймоновской, въ домѣ Риттера (№ 21). Хотя очевидно было, что онъ ждалъ моего пріѣзда, но я его засталъ въ тревожномъ состояніи. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, лошади въ экипажѣ его жены взбѣсались, повесели, разбили карету, и супруга его лежала въ постели, не столько ушибленная, сколько испуганная и нервно потрясенная этимъ несчастнымъ случаемъ. Получивъ и его разрѣшеніе на напечатаніе статьи, я возвратился поздно вечеромъ домой и выпустилъ слѣдующій номеръ „Сѣверной Пчелы“ (№ 40, 18-го февраля) только съ одною передовою статьею:

„Бываютъ дни, когда всѣ помыслы, всѣ рѣчи сосредоточены на одной идеѣ, направлены къ мысли объ одномъ какомъ нибудь событіи, и когда всѣ посторонніе вопросы отступаютъ на второй планъ. Для большинства это дни недоумѣній, догадокъ, толковъ. Чѣмъ важнѣе представляется ожидаемое событіе, тѣмъ разнообразнѣе о немъ говоръ. Мы теперь живемъ въ такую эпоху; вся Россія ждетъ съ нетерпѣніемъ вѣсти о крестьянскомъ дѣлѣ.

„Мы, съ своей стороны, послѣдили освѣдомиться о настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса, и узнали, изъ достовѣрнаго источника, что это многозначительное для всей Россіи дѣло приводится къ окончанію. На это важное народное дѣло потребовались продолжительныя ежедневныя обсужденія въ высшихъ государственныхъ

установленіяхъ. Обсужденія эти приближаются къ концу и можно надѣяться, что въ седьмой годъ царствованія Александра II, въ предстоящіе дни молитвы и поста, свершится давно ожидаемое народное событіе“.

Подобное возвѣщеніе предстоящаго манифеста о положеніи 19-го февраля появилось только въ одной „Сѣверной Пчелѣ“. Черезъ нѣкоторое время я узналъ дальнѣйшія подробности, сопровождавшія приглашеніе меня къ С. С. Ланскому 17-го февраля. Вышеприведенное краткое объявленіе с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, П. Н. Игнатьева, было найдено высшимъ правительствомъ недостаточнымъ. Такъ какъ слухи объ обнародованіи положенія о крестьянахъ, въ день восшествія на престолъ Александра II (19-го февраля), усиливались болѣе и болѣе, то на совѣщаніи, 17-го февраля, между министрами и выдающимися членами государственнаго совѣта, въ залѣ этого учрежденія, было рѣшено обнародовать въ частной газетѣ успокоительное для публики извѣстіе. Выборъ на этомъ совѣщаніи палъ на меня и на „Сѣверную Пчелу“, и вотъ почему я получилъ приглашеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ не изъ его канцеляріи, а изъ государственной канцеляріи съ ея курьеромъ. По избраніи меня на совѣщаніи для составленія означенной статьи, немедленно было отправлено ко мнѣ и приглашеніе. Мнѣ остались неизвѣстны причины, почему такой выборъ палъ на меня, а не на другихъ редакторовъ. Очень возможно, что въ высшемъ правительствѣ имѣли своего рода вліяніе безпорядки, происходившіе въ Варшавѣ 13-го и 15-го февраля, причемъ войска вынуждены были стрѣлять, такъ что оказалось шесть человѣкъ убитыхъ и шесть раненыхъ. Хотя 17-го февраля спокойствіе не было нарушено въ Варшавѣ, но уже было заявлено, что при первыхъ новыхъ безпорядкахъ этотъ городъ будетъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Осторожность и предусмотрительность никогда не бываютъ излишними, и С. С. Ланской долженъ былъ, повидимому, уступить желанію тѣхъ, которые опасались безпорядковъ по поводу освобожденія крестьянъ, или до обнародованія манифеста о томъ, вслѣдствіе понятнаго нетерпѣнія.

18-го февраля, въ конторѣ „Сѣверной Пчелы“ было куплено значительное количество экземпляровъ ¹⁾ № 40-го, болѣе обыкновеннаго. Вслѣдствіи уже, по обнародованіи положенія 19-го февраля, я узналъ, изъ достовѣрнаго источника, что № 40 съ означенною статьею былъ розданъ въ большомъ числѣ экземпляровъ по фабрикамъ въ Петербургѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, а также въ трактиры и харчевни, гдѣ по воскресеньямъ скоплялся рабочій народъ. Какъ мнѣ было сообщено, статья „Сѣверной Пчелы“ произвела на народъ, ее читавшій или слушавшій, благопріятное успокоительное впечатлѣніе.

¹⁾ Продажа „Сѣверной Пчелы“ по номерамъ начата была съ 10-го мая 1858 г.

Первымъ отозвался на статью мою № 40-го Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Изъ Москвы, отъ 21-го февраля, онъ писалъ, между прочимъ: „Невѣжество и пошлость опасаются беспорядковъ и замѣшательства. Это значитъ—не имѣть понятія о коренныхъ свойствахъ русскаго народа, кои обнаруживаются преимущественно въ важнѣйшія минуты его жизни, обыкновенно столь покойной, безпечной, равнодушной“. Длинная статья М. П. Погодина, въ которой онъ совпалъ своими мыслями съ взглядомъ С. С. Ланского и другихъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, появилась въ „Сѣверной Пчелѣ“ черезъ недѣлю послѣ моей статьи.

Манифестъ 19-го февраля 1861 года былъ обнародованъ въ послѣдній день масленицы, въ воскресенье, 5-го марта, черезъ двѣ недѣли послѣ появленія моей статьи. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ обнародованіе совершилось въ тотъ же день, все обошлось, какъ извѣстно, спокойно. Одинъ изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣвшій во всякое время доступъ къ С. С. Ланскому и чаще всего бывавшій у него по воскресеньямъ, явился къ нему и 5-го марта, послѣ полудня, когда уже во всѣхъ церквяхъ прочитанъ былъ манифестъ и совершены были благодарственные молебствія. Я слышалъ отъ этого чиновника, что С. С. Ланской, въ разговорѣ съ нимъ, ходилъ по своему голубому кабинету и, подходя къ окнамъ, выходившимъ на Александринскую площадь, вглядывался черезъ нее на Невскій и говаривалъ: „А бунта-то вѣдь нѣтъ!“

Извѣстно, что первая официальная вѣсть о рѣшеніи императора Александра II приступить къ отмѣнѣ крѣпостной зависимости была сообщена публикѣ обнародованіемъ, въ концѣ 1857 года, высочайшихъ рескриптовъ на имя генераль-губернатора сѣверо-западныхъ губерній и с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора. Они были разрѣшены къ перепечатанію въ газетахъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Александромъ Михайловичемъ Горчаковымъ. Вотъ какого рода официальное увѣдомленіе изъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, отъ 16-го декабря 1857 года, за № 673-мъ, было получено въ тотъ же день въ редакціи „Сѣверной Пчелы“: „Господину редактору „Сѣверной Пчелы“. По приказанію г. министра иностранныхъ дѣлъ, имѣю честь увѣдомить, что помѣщенные въ ноябрьской книжкѣ (№ 11) „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ высочайшіе рескрипты, данные 20-го ноября виенскому военному, гродненскому и ковенскому генераль-губернаторамъ и 5-го сего декабря с.-петербургскому военному генераль-губернатору, а также отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому же генераль-губернатору, отъ 5-го декабря, за № 41, объ учрежденіи въ означенныхъ губерніяхъ особыхъ комитетовъ для составленія проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ тамъ крестьянъ,—могутъ быть перепечатаны въ издаваемой вами газетѣ, не допуская

только при этомъ никакихъ разсужденій и толкованій по сему предмету. Директоръ канцеляріи Вестманъ“.

По ходившимъ тогда слухамъ, князь А. М. Горчаковъ передалъ въ редакціи газетъ высочайшее новелѣніе, имъ полученное, почему и произошло его вмѣшательство въ неподвѣдомственную ему обыкновенную цензуру.

IV.

Статья Л. В. Дубельта и письмо П. И. Якушкина.

Вслѣдъ за обнародованіемъ положенія 19-го февраля 1861 года, существеннѣйшимъ вопросомъ явилось ожиданіе—какъ крестьяне примутъ его и какъ оно будетъ вводиться въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Я пригласилъ Павла Ивановича Якушкина объѣхать и обойти центральныя губерніи Россіи и сообщить въ „Сѣверную Пчелу“ все замѣчательное по этому дѣлу. П. И. Якушкинъ своими хожденіями въ народѣ не имѣлъ въ то время равнаго себѣ въ этомъ отношеніи. Къ несчастію, пагубная страсть, присущая многимъ русскимъ, преждевременно свела его въ могилу и не дала ему возможности изложить и напечатать собранный имъ богатѣйшій матеріалъ о нашемъ народѣ. Въ письмѣ своемъ изъ Орла, отъ 11 мая 1861 года, сверхъ своихъ статей для печати, онъ сообщалъ мнѣ слѣдующую, по его словамъ, достовѣрную „исторію“, которую въ то время напечатать цензура не позволила:

„Графъ Тонинъ (свиты его величества генераль-маіоръ графъ Толъ, прозванный крестьянами Тонинимъ) пріѣхалъ мужиковъ съчь. Работники были на полѣ; услышали, что Тонинъ міръ пореть, отпрягли лошадей, сѣли на нихъ верхомъ, да въ деревню.

— Куда вы ѣдете?

— Съчься: міръ порютъ!

„Пріѣхали; ихъ переноролли; они поклонились, сказали „спасибо“ и поѣхали опять на работу“.

Большая часть такъ называемыхъ „крестьянскихъ бунтовъ“ произошла въ 1861 году не отъ злой воли мужиковъ, а отъ непониманія положенія 19-го февраля, неумѣлаго имъ истолкованія его, а еще больше отъ нераспорядительности и нерадивости низшихъ административныхъ властей.

12-го іюня я получилъ безъ подписи слѣдующее сообщеніе: „Въ редакцію „Сѣверной Пчелы“. Съ сокрушеннымъ сердцемъ читаемъ мы, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, употребивъ во зло оказанное имъ государемъ императоромъ благодѣаніе, пытались выйти изъ должнаго повиновенія и обратить дарованную имъ свободу въ своевольство; дайте же намъ прочесть въ вашемъ журналѣ

и о тѣхъ добрыхъ, честныхъ чувствахъ, которыя выказали нѣкоторые крестьяне Тверской губерніи, Вышневолоцкаго и Новоторжскаго уѣздовъ. Вотъ что сдѣлали обязанные крестьяне сельца Рыскина и деревень, Горина, Васильева, Кулаковки, Будовки, Вѣшекъ, Заболотья, Никиткина, Толмачей и Костемина: они, по собственному своему желанію, предложили своему помѣщику вспахать всѣ господскія вашины, что и исполнили усердно; потомъ прибыло въ господскую усадьбу 150 человѣкъ крестьянъ съ ихъ женами, на 90 конныхъ подводахъ, для удобренія полей навозомъ. Такое дѣйствіе истинно добрыхъ, благоразумныхъ крестьянъ, питающихъ въ сердцахъ своихъ благоговѣнную привнательность къ царю и преданность къ помѣщику, заслуживаетъ быть доведено до всеобщаго свѣдѣнія. 9-го іюня 1861^а.

Такъ какъ статьи отъ неизвѣстныхъ авторовъ, безъ подписи, не печатаются, то и означенное сообщеніе подверглось такой же участи. Между тѣмъ, отъ 26-го іюня того же года, получено было слѣдующее письмо отъ г. Турчанинова, бывшаго тогда директоромъ Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся: „Генералъ отъ кавалеріи Леонтій Васильевичъ Дубельтъ (онъ былъ главнымъ попечителемъ Демидовскаго Дома), въ началѣ сего іюня, препроводилъ въ редакцію „Обверной Пчелы“ для напечатанія статейку о поступкѣ добрыхъ и преданныхъ крестьянъ Тверской губерніи Вышневолоцкаго и Новоторжскаго уѣздовъ, но не вида, чтобы она была напечатана въ газетѣ, прислалъ ко мнѣ копію съ оной и просилъ учинить справку. Поворѣйше прошу оказать съ своей стороны благосклонное содѣйствіе къ напечатанію этой статьи въ газетѣ, только безъ означенія имени Леонтія Васильевича“.

Сообщеніе, присланное въ редакцію, оказалось собственноручно написаннымъ Л. В. Дубельтомъ. Кажется, это былъ его единственный литературный трудъ.

V.

Полученіе иностранныхъ періодическихъ изданій безъ цензуры.

Для редактора ежедневной газеты полученіе изъ почтамта выпи-сываемыхъ имъ иностранныхъ газетъ немедленно по привозѣ ихъ въ Петербургъ, не ожидая просмотра ихъ установленнымъ для того порядкомъ,—составляетъ жизненный вопросъ. Освобожденные отъ такой цензуры, газеты получаютъ редакторомъ полусутками, а иногда и ранѣе обычной раздачи ихъ почтамтомъ. Сверхъ того, подобное преимущество даетъ право выписывать такія заграничныя періодическія изданія, которыя не бывають внесены въ списокъ, составляемый газетною экспедиціею. Въ настоящее время подобное право по-

лучается безъ особыхъ затрудненій подачею прошенія, съ приложеніемъ списка желаемыхъ газетъ и журналовъ, въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, которое въ большинствѣ случаевъ даетъ утвердительный отвѣтъ на подобную просьбу. Не то было въ прежнія времена.

Редакторъ „Сѣверной Пчелы“, Николай Ивановичъ Гречъ (но не Ѳ. В. Булгаринъ), получалъ всѣ иностранныя періодическія изданія безъ предварительнаго просмотра ихъ цензурою еще во время царствованія императора Николая. Въ 1853 и 1855 годахъ, на время отъѣзда Н. И. Греча за-границу на шесть мѣсяцевъ, я былъ утверждаемъ правительствомъ редакторомъ „Сѣверной Пчелы“, но въ это время не получалъ иностранныхъ газетъ безъ цензуры. Когда, съ 1-го января 1860 года, я сдѣлался единственнымъ редакторомъ и половиннымъ собственникомъ „Сѣверной Пчелы“, начальство почтамта не дало мнѣ права полученія газетъ безъ цензуры. Н. И. Гречъ обратился съ просьбою къ тогдашнему шефу жандармовъ, генералъ-адъютанту князю Василю Андреевичу Долгорукову, и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ, отъ 11 января 1860 года: „Милостивый государь Николай Ивановичъ! Получивъ письмо вашего превосходительства, отъ 7-го сего января, въ которомъ вы изволите просить меня о предоставленіи преемнику вашему по изданію „Сѣверной Пчелы“, Павлу Степановичу Усову, даннаго вамъ въ 1840 году права получать иностранныя газеты, удерживаемыя газетною экспедиціею,—имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить, что право это предоставлено было, какъ видно изъ дѣлъ вѣреннаго мнѣ управленія, лично вамъ, вслѣдствіе изъявленнаго вами тогда желанія помѣщать въ германскихъ журналахъ статьи, въ опроверженіе печатавшихся за границею несправедливыхъ толковъ противъ Россіи. Такъ какъ въ подобныхъ статьяхъ, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, надобности не предстоить, то продолженіе означеннаго права въ пользу преемника вашего по редакціи „Сѣверной Пчелы“ я считаю излишнимъ, тѣмъ болѣе, что онымъ не пользуется ни одна изъ редакцій другихъ газетъ. Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Князь Василій Долгоруковъ“.

Изъ русскихъ газетъ дѣйствительно ни одна не пользовалась этимъ преимуществомъ, какъ писалъ князь Долгоруковъ, но французская газета „Journal de St. Pétersbourg“ получала всѣ иностранныя періодическія изданія безъ цензуры. Вѣроятно они выписывались для ея редакціи чрезъ посредство канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ. Такъ продолжалось до августа 1862 года, когда совершенно неожиданно, безъ всякаго ходатайства съ моей стороны, я получилъ означенное право при содѣйствіи тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Александра Васильевича Головнина, при которомъ состоялась передача цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Полагаю, что не совершаю нескромности, печатая письмо, по-

лученное мною отъ 13 августа 1862 года, за № 1502, слѣдовательно почти за двадцать лѣтъ тому назадъ: „Милостивый государь Павелъ Степановичъ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему о просвѣщенномъ направленіи издаваемой вами газеты и неоспорномъ талантѣ редактора, высочайше соизволилъ разрѣшить вамъ получать безъ цензуры выходящіе за-границей на русскомъ и иностранныхъ языкахъ всякія книги, брошюры и періодическія изданія, въ увѣренности, что вы воспользуетесь этимъ дозволеніемъ, чтобы, согласно вашимъ убѣжденіямъ, опровергать тѣ ученія, которыя признаете ложными и которыя, проникая тайными путями въ Россію и оставаясь безъ возраженій, имѣютъ вредное вліяніе на людей молодыхъ и недоучившихся.

„Сообщивъ сіе высочайшее разрѣшеніе для зависящаго исполненія г. главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ и предсѣдательствующему въ комитетѣ цензуры иностранной, мнѣ остается просить васъ покорнѣйше имѣть наблюденіе, чтобы сочиненія, которыя будете получать и которыя не дозволены для пубрики, не ходили изъ вашего дома по городу. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. А. Головинъ“.

Подобныя письма, какъ я тогда слышалъ, получили, сверхъ меня, еще нѣкоторые изъ другихъ редакторовъ, слѣдовательно подобное привилегированное положеніе было обобщено. А. В. Головинъ, какъ стоявшій въ главѣ цензурнаго управленія того времени, нѣтъ сомнѣнія, сохранилъ о себѣ добрую память у всѣхъ, кто имѣлъ тогда дѣло съ печатью. Полная доступность къ нему во всякое время дня для редактора или литератора облегчала до крайней степени сношенія съ правительственными сферами. Готовность министра, даже всеподданнѣйшими докладами, спрашивать разрѣшеніе на появленіе въ свѣтъ того или другаго сочиненія или даже журнальной статьи, — явилась небывалымъ явленіемъ въ нашей печати. Сближеніе редакторовъ и писателей, у себя на дому, съ правительственными лицами также принадлежало къ почину А. В. Головнина. Хотя я не пользовался въ такой степени его расположеніемъ, какъ, напримѣръ, А. А. Краевскій, однако сохранилъ объ этомъ министрѣ самое пріятное воспоминаніе изъ моей продолжительной журнальной дѣятельности.

А. В. Головинну обязана также русская журналистика уничтоженіемъ монополіи „С.-Петербургскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ на печатаніе газетныхъ объявленій. Онъ исходатайствовалъ эту отиѣву. До того газеты и журналы, кромѣ вышеупомянутыхъ и „Полицейскихъ Вѣдомостей“ обѣихъ столицъ, имѣли право помѣщать у себя только библиографическія объявленія. Даже газета военнаго министерства, „Русскій Инвалидъ“, не составляла въ этомъ отношеніи исключенія до марта 1861 года¹⁾.

¹⁾ По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія (А. В. Го-

Я имѣю основаніе полагать, что и по передачѣ цензуры министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ высшему полицейскому органу въ имперіи, и по оставленіи поста министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головиниъ не переставалъ принимать живѣйшій интересъ въ участи печати въ Россіи.

А. В. Головиниъ не долго сохранилъ цензуру въ своемъ вѣдомствѣ. 10 марта 1862 года, было упразднено главное правленіе цензуры, причемъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ произведеніяхъ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, возложено было на министерство внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, цензура раздѣлилась. Дозволеніе къ печати давали цензурные комитеты, оставшіеся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, а контроль надъ этими разрѣшеніями и высканіе за несоблюденіе цензурныхъ правилъ предоставлены были министерству внутреннихъ дѣлъ. На практикѣ оказались пререканія и столкновенія между двумя вѣдомствами. Конецъ имъ положенъ былъ высочайшимъ указомъ, 14-го января 1863 года, о передачѣ цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ: съ 1-го марта 1863 года всѣ цензурные комитеты перешли въ послѣднее управленіе.

Вскорѣ по окончательномъ принятіи въ свое вѣдомство цензуры, какъ разрѣшающаго къ печати органа, такъ и одновременно карающаго періодическия изданія за статьи, одобренные цензорами, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о дарованіи министру внутреннихъ дѣлъ права какъ разрѣшать получение заграничныхъ журналовъ безъ цензуры, такъ и лишать этого преимущества тѣмъ, кому оно будетъ дано. Въ день подписанія государемъ императоромъ этого новаго повелѣнія, я получилъ увѣдомленіе официальнымъ порядкомъ, что у меня отнято право полученія безъ цензуры заграничныхъ изданій. Такимъ образомъ, я менѣе года пользовался преимуществомъ высочайшаго разрѣшенія, исходатайствованнаго мнѣ А. В. Головининымъ. Причины, почему я былъ лишенъ этого преимущества министромъ внутреннихъ дѣлъ, мнѣ не было сообщено, и я не знаю ее до нынѣ. Но объ этомъ когда нибудь послѣ.

24 мая 1863 года, состоялось запрещеніе изданія ежемѣсячнаго журнала „Время“ (Достоевскаго) за статью „Роговой вопросъ“. Въ томъ же маѣ прекращено было министромъ изданіе ежедневной газеты „Современное Слово“, редактировали и издавали которую Николай Григорьевичъ Писаревскій и Владиміръ Николаевичъ Леонтьевъ.

ловнина), 12-го мая 1862 года, разрѣшено было всѣмъ печатать частныя объявленія, а чрезъ годъ, 12-го мая 1863 года, по всеподданнѣйшему докладу тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валуева), „высочайше предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, по его личному усмотрѣнію, прекращать въ періодическихъ изданіяхъ, получившихъ право печатанія объявленій 12-го мая 1862 года, помѣщеніе таковыхъ объявленій на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ“.

24-го же мая 1863 года, состоялось увольнение отъ должности председателя цензурнаго комитета, тайнаго совѣтника Василя Андреевича Цеэ, права котораго въ то время были почти равными правамъ начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати—должности, созданной въ 1865 году. В. А. Цеэ былъ назначенъ председателемъ цензурнаго комитета при А. В. Головинѣ послѣ снятія этой обязанности съ попечителей учебныхъ округовъ.

VI.

Кто избралъ сюжетъ для оперы „Жизнь за царя“?

Оеофилъ Матвѣевичъ Толстой (скончавшійся въ февралѣ 1881 года), занявшись музыкальною критикою подъ псевдонимомъ Ростислава (рости слава), первоначально сталъ писать свои статьи на французскомъ языкѣ. Если не ошибаюсь, то онъ впервые испробовалъ свои критическія силы на русскомъ языкѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“, въ которой сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ по музыкальной части съ 1853 года. Статьи его приобрѣли въ то время обширный кругъ читателей. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ ихъ автора было его крайнее самолюбіе и щепетильная обидчивость. Эти два качества по временамъ не только затрудняли сношенія съ нимъ по редакціи и по общей журнальной работѣ, но и отражались въ его статьяхъ, почти всегда добросовѣстно обработанныхъ.

Видя успѣхъ своихъ музыкальныхъ критическихъ обзорѣй, особенно въ томъ свѣтскомъ кругу, въ которомъ О. М. Толстой обращался по своимъ родственнымъ связямъ и по своему общественному положенію, онъ предпринялъ разобрать подробнымъ образомъ оперу Глинки „Жизнь за Царя“. Семь статей (изъ которыхъ первая появилась въ № 180 „Сѣверной Пчелы“, 13 августа 1854 года) посвятилъ онъ этому труду, который заслужилъ лестное одобреніе такого знатока музыки и критика, каковъ былъ Александръ Дмитріевичъ Улыбишевъ (авторъ извѣстнаго сочиненія о Бетховенѣ), жившій въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ (гдѣ онъ скончался въ началѣ 1858 года). Во второй статьѣ своей (въ № 185, 19 августа), О. М. Толстой, между прочимъ, выразился: „Къ счастью, въ то время (въ 1836 году), когда М. И. Глинка писалъ дивную свою оперу, ученіе реалистовъ не было еще въ большомъ ходу, а то, чего добраго, и его уговорили бы заставить Сусанина выражаться по-мужицки и говорить таперича, энтаго, мужикъ онъ экой ражій“. Эта фраза, въ сущности пріятная извѣстнымъ воззрѣніямъ ея автора, но къ дѣлу не имѣвшая почти никакого отношенія, вызвала протестъ со стороны автора либретто оперы, барона Е. О. Розена.

Въ возраженіи своемъ, озаглавленномъ „О странномъ похищеніи авторства“, помѣщенномъ въ № 137 „Сѣверной Пчелы“ (3 сентября), баронъ Розенъ писалъ, что изъ вышеприведенной фразы Ѳ. М. Толстого видно, что „Ростиславъ считаетъ М. И. Глинку авторомъ и поэтической части оперы. Нѣтъ! Каждое слово текста, созданіе оперы, какъ драмы, принадлежитъ исключительно мнѣ, барону Розену“. По словамъ барона Розена, сюжетъ для оперы избралъ не Глинка и не Розенъ, а Василій Андреевичъ Жуковский, но вскорѣ послѣдній почувствовалъ, что драма, да еще оперная, не его дѣло, и изъ всѣхъ жившихъ тогда поэтовъ избралъ барона Розена. Текстъ оперы приобретенъ былъ дирекціею императорскихъ театровъ отъ г. Розена за 1500 руб. ассигнаціями.

А. Д. Улыбышевъ, авторитетъ въ дѣлѣ музыкальной критики, писалъ, что М. И. Глинка самъ избралъ сюжетъ для своей оперы. Авторство же текста этой оперы никто не отнималъ отъ барона Розена, но дубоватые его стихи, своеобразныя выраженія, вызвали въ тогдашнее время волкія замѣчанія въ литературномъ мѣрѣ у знатковъ русскаго языка и поэзіи, какъ, на примѣръ:

„Не розанъ въ саду, въ огородѣ,
Цвѣтетъ Антонида въ народѣ“.

или:

„Мы на работу въ лѣсъ,
А къ вечеру домой;
Мы на работу въ лугъ,
А къ вечеру къ тебѣ“.

Баронъ Е. Ѳ. Розенъ, уроженецъ прибалтійскихъ губерній, въ молодости писалъ на своемъ родномъ, нѣмецкомъ, языкѣ. Онъ вполнѣ ознакомился и освоился съ русскимъ языкомъ только впослѣдствіи, когда поступилъ въ военную службу. Но даже въ пятидесятыхъ годахъ, когда я съ нимъ познакомился, при всей правильности его русскаго рѣчи, выговоръ его выдавалъ въ немъ нѣмца. Это былъ рыцарь въ душѣ, прямой, честный, но съ непомятымъ самолюбіемъ. Въ этомъ отношеніи баронъ Е. Ѳ. Розенъ и Ѳ. М. Толстой могли протянуть другъ другу руку. Самолюбіе барона Розена было еще болѣе уязвлено, когда, послѣ неравнаго брака, онъ былъ вынужденъ удалиться изъ прирожденнаго ему общества и поселился со своею супругою на тогдашней окраинѣ Петербурга, въ Выборгской части, на новыхъ мѣстахъ (въ 1 кварталѣ, въ собственномъ домѣ, № 5).

Въ день появленія въ „Сѣверной Пчелѣ“ (3 сентября) возраженія барона Розена на статью Ростислава, авторъ текста оперы „Жизнь за Царя“ прислалъ слѣдующее письмо въ редакцію „Сѣверной Пчелы“, изъ котораго яснѣе всего видно его обидчивое самолюбіе (баронъ Розенъ не читалъ еще своей статьи въ газетѣ): „Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! 26 минувшаго августа отпривилъ я, по городской почтѣ, въ редакцію „Сѣверной Пчелы“ статью: „О странномъ похищеніи

авторства“. Дѣло для меня очень важное; вашъ Филька-Ростиславъ ¹⁾ отнимаетъ у меня авторство поэтической части оперы „Жизнь за Царя“; стало быть онъ текстъ, напечатанный съ моимъ именемъ, объявляетъ мистификацію. Моя статья *verfasst saeuberlich mit dem Klappen*—но до сихъ поръ нѣтъ ея въ печати! Покорнѣйшее прошу васъ поспѣшить или тисненіемъ ея въ вашей газетѣ, или возвращеніемъ мнѣ, для помѣщенія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, разумѣется передѣланную и гораздо злѣйшую какъ на Фильку, такъ и на „Пчелу“, не помѣстившую оправдательнаго отзыва такого поэта, каковъ я!

„Гаддей ²⁾ вашъ завирается уже по-кадетски: не довольно того, что онъ Грибоѣдова ставитъ наравнѣ съ Мольеромъ и Пушкинымъ... буднишнюю писательницу Ростопчину называетъ онъ первымъ лирическимъ поэтомъ въ Европѣ! Никакъ онъ съ ума сошелъ? Подобныя эксцентрическія выходы вредятъ вашей газетѣ, какъ и надобла до-смерти читателямъ эта всякая всячина ³⁾, которая когда-то была очень интересна. Исписался добрый молодецъ!

„Повторяю свою просьбу о скоромъ либо помѣщеніи моей статьи, либо о возвращеніи ея мнѣ. Честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Баронъ Розенъ“.

Возраженіе въ газетѣ барона Розена не заключало въ себѣ ничего обиднаго для Ѳ. М. Толстого, но послѣдній, по своему самолюбію и своей щепетильности, не допускалъ возможности замѣчаній въ печати на его статьи, особенно въ томъ изданіи, въ которомъ онъ принималъ участие своимъ литературнымъ трудомъ. Ѳ. М. Толстой вообразилъ, что помѣщеніе письма Е. Ѳ. Розена (напечатать которое слѣдовало не столько ради его протеста, сколько по интересу его содержанія) влечетъ за собою пріостановку печатанія его дальнѣйшихъ статей объ оперѣ „Жизнь за Царя“, а потому и прислалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Павелъ Степановичъ. Къ крайнему моему сожалѣнію, я прочелъ недѣльное, напыщенное отвратительнымъ самолюбіемъ и самохвальствомъ письмо барона Розена (на которое буду отвѣчать). Если бы Николай Ивановичъ Гречъ удостоилъ меня предварительнымъ извѣщеніемъ, то конечно не напечаталъ бы его. Неужели продолженіе статей остановлено по этому случаю? Надняхъ я приѣду въ Петербургъ, но нынѣ прошу васъ всепокорнѣйше увѣдомить меня, отъ чего задержаны статьи о Глинѣ. Преданный вамъ Ѳ. Толстой“.

Разумѣется, возраженіе барона Розена не могло имѣть вліянія на дальнѣйшее помѣщеніе статей объ оперѣ Глинки, и слѣдующая же (четвертая) появилась въ „Сѣверной Пчелѣ“ 6 сентября.

¹⁾ Уменьшительное отъ Теофиль.

²⁾ Ѳ. В. Булгаринъ.

³⁾ Еженедѣльный (по субботамъ) фельетонъ Ѳ. В. Булгарина.

VII.

Начало политическихъ передовыхъ статей въ русскихъ газетахъ.

До поступления въ петербургскій университетъ, я воспитывался въ англійскомъ пансіонѣ Гирста, въ свое время бывшемъ въ числѣ лучшихъ учебныхъ заведеній въ столицѣ. Англійскія привычки невольно усвоивались его воспитанниками. Имѣя своими товарищами по пансіону сыновей здѣшнихъ англійскихъ и нѣмецкихъ негоціантовъ, годы юности и даже студенчества я проводилъ въ ихъ семьяхъ. Поступивъ, 1 июня 1849 года, въ редакцію „Сѣверной Пчелы“, я пристрастился преимущественно къ чтенію англійскихъ газетъ и журналовъ, которые редація получала безъ помарокъ и вырѣзокъ почтовой цензуры. Въ 1858 году я сдѣлалъ даже попытку участвовать въ англійской журналистикѣ. Я послалъ, на англійскомъ языкѣ, небольшую статью о торговлѣ въ Россіи саломъ въ лондонскій журналъ „Economist“. Статья была напечатана. Редакторъ его (editor) просилъ меня продолжать мое сотрудничество, но предупредивъ, что за подобныя статьи (не передовыя) и не заказанныя редакцію, гонораръ у него не полагается. Существова литературнымъ трудомъ, я прекратилъ по этому мои сношенія съ журналомъ „Economist“.

Когда, съ половины 1856 года, по заключеніи парижскаго мирнаго трактата, въ нашемъ журнальномъ мѣрѣ стало чувствоваться немного свободнѣе и вольнѣе послѣ бывшаго цензурскаго гнета, и самая цензура стала становиться снисходительнѣе, я неоднократно помышлялъ о введеніи передовыхъ статей въ „Сѣверной Пчелѣ“. Впечатлѣніе отъ чтенія англійскихъ leading articles, укореняясь во мнѣ болѣе и болѣе, побуждало сдѣлать попытку въ томъ же родѣ. Зналъ нелюбовь Н. И. Греча ко всякаго рода нововведеніямъ въ газетѣ, я не сказалъ ему ни слова о моемъ планѣ, но написалъ передовую статью для № 1-го 1857 года, приказалъ въ типографіи набрать ее циперо и начать ею верстку номера. Статья начиналась словами: „Минувшій 1856 годъ оставилъ 1857 году много нерѣшенныхъ вопросовъ“ и т. д. Вечеромъ, при чтеніи послѣдней корректуры, Н. И. Гречъ пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ (мы жили въ одномъ домѣ, № 90, на Мойкѣ, но на разныхъ концахъ его, имѣвшихъ сообщеніе между собою внутренними комнатами) и сказалъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ помѣщенія подобной статьи моей, но не можетъ пустить ее въ началѣ номера. „Пока я остаюсь главнымъ редакторомъ „Пчелы“, она будетъ начинаться высочайшими приказами, какъ это дѣлалось дониндѣ“, сказалъ мнѣ Н. И. Гречъ. Поэтому статья была перебрана корпусомъ и сверстана въ началѣ заграничныхъ новостей. Въ этомъ отведенномъ мнѣ мѣстѣ газеты я сталъ съ тѣхъ поръ ежедневно помѣщать свои передовыя статьи по предметамъ внѣшней политики.

Черезъ нѣсколько дней, тогдашнія „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (А. Н. Очкина и А. А. Краевского) послѣдовали моему примѣру. Въ № 5-мъ (6-го января 1857 года) этой газеты, во главѣ „иностран-ныхъ извѣстій“, также появилась первая передовая статья по внѣшней политикѣ. Съ № 6-го эти статьи стали въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ появляться въ томъ же отдѣлѣ, но подъ заглавиемъ „Общее обозрѣнiе“.

Политическiя передовыя статьи произвели свое впечатлѣнiе въ обществѣ. Теофилъ Матвѣевичъ Толстой (братъ котораго, Иванъ Матвѣевичъ, впоследствии графъ, министръ почтъ и телеграфовъ, былъ тогда товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ) первый обра-тился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Кто разрѣшилъ редакцiи „Сѣверной Пчелы“ ввести у себя подобныя политическiя обозрѣнiя?

— Ни у кого не спрашивали, отвѣчалъ я,—а какъ статью поли-тического содержанiя послали на одобренiе къ цензору министерства иностранныхъ дѣлъ и получили отъ него необходимое разрѣшенiе.

— Вамъ необходимо было испросить, во всякомъ случаѣ, особое предварительное разрѣшенiе на введенiе подобныхъ статей, замѣтилъ Ѳ. М. Толстой.

— Какъ вы видите, прошло уже нѣсколько недѣль; статьи печатаются съ разрѣшенiя цензуры министерства иностранныхъ дѣлъ и редакцiи не было дѣлаемо особыхъ замѣчанiй или запросовъ по этому предмету.

— Во всякомъ случаѣ, на нихъ обращено вниманiе, закончилъ Ѳ. М. Толстой.

Тѣмъ кончился нашъ разговоръ. Ѳ. М. Толстой тогда еще не былъ членомъ совѣта главнаго управленiя по дѣламъ печати, кото-рымъ онъ былъ назначенъ впоследствии.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ редакцiю ко мнѣ явился человекъ небольшого роста, плотнаго сложенiя, коротко обстриженный, и на мой вопросъ, съ кѣмъ имѣю удовольствiе говорить, отвѣчалъ:

— Дѣйствительный статскiй совѣтникъ Пржецлавскiй ¹⁾, членъ главнаго правленiя цензуры, но по совершенно частному дѣлу.

— Чѣмъ же я могу вамъ быть полезенъ? былъ мой вопросъ.

— Въ „Сѣверной Пчелѣ“ помѣщаются съ начала нынѣшняго года политическiя обозрѣнiя, своего рода передовыя статьи. Онѣ обратили на себя вниманiе. По своей опредѣлительности, по точности выраженiй, по выбору ихъ, я догадываюсь, что онѣ должны принадлежать перу кого либо изъ государственныхъ людей, а потому вы не удивляйтесь, если я обращусь къ вамъ съ просьбою назвать мнѣ автора этихъ статей. Моя просьба совершенно личная; я пришелъ

¹⁾ Скончался 16-го декабря 1870 г. Его воспоминанiя были помѣщены въ „Русской Старинѣ“ и въ „Русскомъ Архивѣ“, въ послѣднемъ подъ псевдонимомъ „Пчелюса“ (карна): въ гербѣ Пржецлавскаго находится рыба, карпъ.

къ вамъ изъ собственного любопытства и не выполняю въ настоящій моментъ каковаго либо официальнаго порученія.

— Могу васъ увѣрить, отвѣчалъ я члену главнаго правленія цензуры,—что означенныя статьи писать не государственный человѣкъ и не дипломатъ.

— Если васъ удерживаетъ отъ сообщенія мнѣ имени автора принятое въ редакціяхъ обыкновеніе, то могу васъ завѣрить честнымъ словомъ, что открытая вами тайна не будетъ никому передана.

На эту тему разговоръ продолжался довольно долго. Я едва удерживался отъ смѣха. Пржецлавскій, видимо, сердился, что члену высшей цензуры не желаютъ сдѣлать пріятное въ редакціи газеты, но бесѣда кончилась тѣмъ, что онъ ушелъ изъ редакціи, не убѣдившись моими доводами, что статья пишеть простой смертный, а не важный государственный дѣятель. Понятно, что, при такой постановкѣ вопроса, я не назвалъ себя авторомъ статей.

Осенью того же года послѣдовало особое распоряженіе по этимъ передовымъ статьямъ, именно—получено было слѣдующее увѣдомленіе изъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, отъ 21-го октября 1857 года, за № 619: „Въ редакцію газеты „Сѣверная Пчела“. По приказанію г. министра иностранныхъ дѣлъ, покорнѣйше прошу, независимо отъ посылаемыхъ гг. цензорамъ корректуръ, присылать на имя мое „Политическія обзорѣнія“, помѣщаемыя въ издаваемой вами газетѣ въ началѣ иностранныхъ извѣстій, и не печатать ихъ иначе, какъ по подписаніи директоромъ канцеляріи, или помощникомъ цензора, г. Гамбургеромъ. Директоръ канцеляріи Вестманъ“.

Дѣло въ томъ, что Владиміръ Ильичъ Вестманъ (впослѣдствіи товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ) и Андрей Ѳеодоровичъ Гамбургеръ (нынѣ тайный совѣтникъ и русскій посланникъ при швейцарскомъ союзѣ) имѣли ежедневный доступъ во всякое время къ министру, князю Александру Михайловичу Горчакову, а А. Ѳ. Гамбургеръ имѣлъ свое помѣщеніе въ одномъ зданіи съ нимъ и, если не ошибаюсь, подлѣ самой квартиры будущаго канцлера.

Всѣ извѣстія и статьи, касавшіяся внѣшней политики, дозволялись къ печати въ тогдашнихъ газетахъ не обыкновенною цензурою, но назначенными для этой цѣли чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ. Они чередовались по недѣлямъ. Обыкновенно для того назначались два чиновника. Ѳеодоръ Ивановичъ Тютчевъ (извѣстный поэтъ) пропускалъ къ печати все, что ни посылалось ему на одобреніе. По своимъ большимъ связямъ, имѣя доступъ къ графу Нессельроде и къ князю Горчакову, онъ разрѣшалъ гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенный чиновникъ министерства. Получалъ ли Ѳ. И. Тютчевъ за свой цензурный либерализмъ замѣчанія, редакторы не знали, потому что онъ никогда не являлся въ редакціи съ упреками, что его „подвели“. Это была въ высшей степени благородная личность. А. Ѳ. Гамбургеръ цензировалъ справедливо, умно, основательно. Съ его исключеніями и по-

правками въ большей части случаевъ приходилось соглашаться и мириться. Г. Маленинъ, не долго бывши цензоромъ иностранныхъ дѣлъ, также отличался добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своему порученію. Съ нимъ можно было вести переговоры, какъ съ разсудительнымъ, умнымъ человѣкомъ. Безпощаднѣ всѣхъ были баронъ Бюлеръ и г. Жерве. Съ ними нельзя было добиться никакой уступки. Г. Жерве уничтожалъ въ корректурахъ самыя невинныя извѣстія. Баронъ Бюлеръ находилъ въ статьяхъ такой смыслъ, какой никогда даже и не снился ихъ авторамъ.

Ө. И. Тютчевъ былъ цензоромъ той недѣли, когда пришлось выпускать № 1-й „Сѣверной Пчелы“ 1857 года съ первою передовою статьюю. Онъ ее подписалъ безъ всякаго затрудненія, одобрилъ слѣдовавшія затѣмъ статьи и, такимъ образомъ, далъ имъ права гражданства въ русской печати. Вотъ почему не понадобилось исправивать особаго разрѣшенія на этотъ починъ, какъ полагалъ Ө. М. Толстой, спрашивавшій меня о томъ съ своего голоса, или повторавшій слышанное имъ отъ другихъ.

Несмотря на особую цензуру, установленную для „Политическихъ обозрѣній“, они продолжали безостановочно появляться въ газетѣ. В. И. Вестманъ не принадлежалъ къ числу завзятыхъ враговъ литературы и журналистики. Въ своей молодости онъ былъ самъ сотрудникомъ „Сѣверной Пчелы“. У меня сохранилось въ бумагахъ слѣдующее письмо его къ Н. И. Гречу, отъ 11-го іюня 1859 года: „Милостивый государь Николай Ивановичъ. Стихи были посланы мною въ Царское Село къ министру. Отвѣтъ неблагопріятный. Князь Александръ Михайловичъ желаетъ, чтобы они не были напечатаны, и удивляется, что гражданская цензура разрѣшила; позвольте мнѣ удержать до завтра пробный листъ,—грѣшенъ, хочется списать ¹⁾. Не сердитесь на министерство иностранныхъ дѣлъ, почтенный мой Николай Ивановичъ, и будьте увѣрены, что оно, и я въ особенности, какъ и прежде, ваши преданнныя и всегда готовы къ услугамъ. Вестманъ“.

Пав. Усовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Я не помню, что это были за стихи, тѣмъ болѣе, что корректурный ихъ листъ не сохранился въ моихъ бумагахъ.

РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ МИНУВШИХЪ ТРЕХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ.

(Графъ П. Д. Киселевъ).

НЕМНОГИМЪ изъ русскихъ государственныхъ людей удавалось совмѣщать въ своей многообразной дѣятельности столько симпатичныхъ сторонъ и поучительныхъ чертъ, и понинѣ не утратившихъ своего значенія, сколько находимъ мы ихъ въ биографіи графа Павла Дмитриевича Киселева, прекрасно составленной г. Заблоцкимъ-Десятовскимъ ¹⁾. Графъ Киселевъ—исполнитель воли трехъ императоровъ, искусный военначальникъ, даровитый администраторъ и замѣчательный дипломатъ — внушаетъ симпатіи къ себѣ не за одни усовершенствованія и улучшенія, введенныя имъ или по его инициативѣ въ разныхъ частяхъ государственнаго управленія. Гораздо важнѣе нравственное достоинство его дѣятельности. Оно живетъ тѣмъ долговѣчнѣе въ памяти потомства, чѣмъ полнѣе выражается неизмѣнное постоянство добрыхъ и свѣтлыхъ стремленій во всѣхъ дѣйствіяхъ данной личности, чѣмъ глубже проникаетъ въ нихъ неуклонная послѣдовательность направленія, враждебнаго всему злему и безчестному. А въ такомъ именно цѣльномъ образѣ обрисовывается передъ нами личность П. Д. Киселева на поприщѣ своего долговременнаго служенія родинѣ. Ниже читатели увидятъ на фактахъ, на сколько стремленія его были чисты, безкорыстны, имѣя своимъ источникомъ твердое, сознательное убѣжденіе и горячее желаніе принести пользу отечеству. Здѣсь же замѣтимъ только, что при всѣхъ удачахъ, окружавшихъ большую

¹⁾ „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“. С. П. Б. 1881. 4 тома.

часть служебной карьеры Киселева, онъ не переставалъ работать надъ собою, не переставалъ такъ или иначе расширять кругъ своей опытности и наблюдений, чтобы съ пользою приложить ихъ къ дѣлу, какъ скоро открывалась возможность. Съ другой стороны, не было такой житейской неудачи, которая въ состояннн была бы подорвать его энергію или убить вѣру въ правду и свѣтъ, заставивъ его въ разочарованнн сидѣть сложа руки и питать въ себѣ лишь бесплодное недовольство на безобразія дѣйствительности. Это свойственно неудовлетвореннымъ самолюбіямъ, а у Киселева интересы личнаго свойства не стояли впереди пользы и нужды государственныхъ и общественныхъ. Бывали, конечно, моменты и въ карьерѣ Киселева, когда для всякаго живаго дѣла и честной дѣятельности обстоятельства слагались неблагопріятно. Но онъ и тогда не падалъ духомъ, не таилъ въ себѣ глухаго ропота на царившее кругомъ зло, берегъ себя отъ бесполезной борьбы съ нимъ и просто удалялся отъ него въ ожиданнн, пока не измѣнятся условія, чтобы съ новой энергіей приняться за плодотворную работу.

Какъ умѣлъ пользоваться Киселевъ въ подобныхъ случаяхъ тѣми средствами, какія представлялись ему въ его время, раскрываетъ предъ нами г. Заблоцкій-Десятовскій, и въ этомъ отношенн въ особенности поучительна его монографія. Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на три части, обозрѣвая дѣятельность Киселева въ хронологической послѣдовательности по военному управленн, по крестьянскому вопросу и по дипломатической службѣ. Желая сгруппировать результаты этой дѣятельности, на основанн документальнаго матеріала, въ изобилн собраннаго авторомъ, и мы не будемъ отступать отъ принятаго имъ порядка въ изложенн. Но прежде всего приведемъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣнн о началѣ служебной карьеры Киселева.

I.

Начало служебной карьеры графа П. Д. Киселева.

Біографическія свѣдѣнн о Киселевѣ.—Сближенн его съ императоромъ Александромъ I.—Командировка его на югъ Россіи.—Аудіенція съ императоромъ по этому поводу.—Разсѣдованн Киселева по дѣлу о беспорядкахъ во 2-й арміи.—Подготовка войскъ этой арміи къ высочайшему смотру.—Назначенн Киселева начальникомъ штаба 2-й арміи.—Интриги противъ него.—Предостереженн и совѣты друзей насчетъ служебной угодливости и необходимости „смирить свой нравъ“.

Родился Киселевъ въ Москвѣ, 8 января 1788 года, воспитанн получилъ домашнее, какъ и бѣольшая часть дворянъ того времени. Въ 1805 г. онъ поступилъ на службу „коллегіи юнкеромъ“, а въ слѣдующемъ переведенъ въ Петербургъ корнетомъ въ кавалергард-

скій полкъ. Большинство офицеровъ этого полка принадлежало тогда къ высшему обществу; впоследствии многіе изъ нихъ приобрѣли извѣстность: А. И. Чернышевъ, В. В. Левашевъ, М. О. Орловъ 1-й и С. П. Ланской 1-й. Къ сожалѣнію, о первыхъ годахъ службы Киселева въ матеріалахъ, имѣвшихся въ распоряженіи г. Заблоцкаго-Десятовскаго, сохранилось весьма немного свѣдѣній, а между тѣмъ изъ автобіографической замѣтки самого Киселева видно, что онъ „былъ 10 лѣтъ офицеромъ въ кавалергардахъ, сдѣлалъ съ своими товарищами всю Фридландскую кампанію и Отечественную до потери Москвы, постоянно пользуясь ихъ уваженіемъ и дружбою“. Первый случай выдвинуться впередъ представился Киселеву во время кампаніи 1812 года, когда онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Милорадовичу. Въ этой должности ему приходилось довольно часто лично видѣться и бесѣдовать съ государемъ и отсюда же начинается его сближеніе съ Александромъ Павловичемъ. 2-го апрѣля 1814 г., Павелъ Дмитріевичъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ. Ему исполнилось тогда всего 26 лѣтъ и съ этихъ поръ государь отличаетъ его своимъ особеннымъ довѣріемъ.

„Черезъ двѣ недѣли послѣ вступленія моего въ новую должность“—говоритъ Киселевъ въ своей автобіографической замѣткѣ— „государь далъ мнѣ весьма щекотливое порученіе. Король французскій Людовикъ XVIII говорилъ о жалобахъ на безпорядки, произведенные русскими войсками въ Брестѣ; фельдмаршалъ Барклай не могъ открыть виновныхъ; я былъ посланъ на мѣсто и, по нѣкоторымъ указаніямъ, исполнилъ порученіе государя, который выразилъ мнѣ свою благодарность“.

Затѣмъ Киселевъ въ свитѣ русскаго императора присутствовалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. По словамъ г. Заблоцкаго-Десятовскаго, „онъ не могъ еще тогда принимать никакого участія въ дѣятельности политической; зато пытливый умъ проходилъ въ это время практической курсъ труднѣйшей науки—изученія людей; для этого никогда не было такой благопріятной обстановки, какую представляло тогдашнее собраніе политическихъ людей въ Вѣнѣ“.

Въ 1815 г. Киселевъ, произведенный уже въ полковники, на пути своемъ изъ-за границы, получаетъ командировку на югъ Россіи для выбора нижнихъ чиновъ въ кавалергардскіе полки, а также для осмотра нѣкоторыхъ полковъ 2-й арміи. вмѣстѣ съ тѣмъ, Аракчеевъ поручаетъ ему захватить въ Крымъ для разслѣдованія злоупотребленій по винному откупу. „Этою командировкою и начинается рядъ порученій, поставившихъ Киселева въ непосредственныя отношенія съ тою средою, въ которой пришлось ему развить свою государственную дѣятельность“. Служебная обстановка его въ то время вполне благопріятствовала успѣшному развитію этой дѣятельности. Дежурнымъ генераломъ назначенъ былъ тогда генераль-адъютантъ Закревскій, чело-
вѣкъ весьма близкій къ Киселеву: они были на „ты“ и вели не-

прерывную переписку самаго душевнаго содержанія. Въ такихъ же отношеніяхъ съ Киселевымъ былъ князь А. С. Меншиковъ, правитель дѣлъ при князѣ П. М. Волконскомъ, начальникъ главнаго штаба, съ которымъ Киселевъ сблизился со времени назначенія своего флигель-адъютантомъ, а равно и А. Θ. Орловъ, котораго уже и тогда императоръ Александръ отличалъ и приблизилъ къ себѣ. „Такая обстановка“—замѣчаетъ г. Заблоцкій-Десятовскій—„способствовала тому, что всѣ представленія Киселева получали ходъ, а это, въ известной степени, развивало въ немъ пытливость, съ которою онъ, въ послѣдующую службу, всматривался во все, что встрѣчалось ему замѣчательнаго; эта пытливость поддерживалась въ немъ увѣренностью, что результаты его изслѣдованій не пропадутъ даромъ, а принесутъ пользу какъ дѣлу, такъ и лично ему. При этомъ должно сказать, что онъ весьма легко изучалъ разнородные предметы, затѣмъ обыкновенно составлялъ предположенія о необходимыхъ измѣненіяхъ или преобразованіяхъ; каждое исполненное имъ порученіе, кромѣ должной отчетности, сопровождалось рядомъ докладныхъ записокъ“.

Киселеву удалось вполне разслѣдовать поманутыя злоупотребленія. Интересна, между прочимъ, аудіенція, полученная по этому поводу Киселевымъ у государя по возвращеніи его въ Петербургъ. О ней сохранилась автобіографическая записка Киселева, изъ которой приводимъ слѣдующія мѣста, характеризующія и тогдашнее настроеніе императора, и рвеніе Киселева къ живому дѣлу на общую пользу. Аудіенція происходила 4-го мая 1816 г.

„Государь сидѣлъ у стола и по входѣ моемъ въ комнату, обернувшись ко мнѣ, приказалъ на приготовленномъ стулѣ сѣсть близъ себя; разговоръ начался сими словами:

„Государь. Я хотѣлъ съ тобою видѣться и объясниться лично насчетъ твоего путешествія; порученіями, которыя ты уже имѣлъ, я доказалъ довѣренность свою. Я съ удовольствіемъ долженъ тебѣ отдать справедливость; ты оправдалъ ее во всѣхъ отношеніяхъ; письма твои къ Волконскому, которыя я всѣ читалъ, еще болѣе меня въ томъ увѣрили. Я теперь прошу тебя быть со мною такъ, какъ ты былъ; не забывай мои слова, въ Парижѣ тебѣ сказанныя; у тебя кромѣ моей протекціи другой нѣтъ.

„Я. Государь, мнѣ другой и не нужно, но дѣла, о которыхъ долженъ говорить, вводятъ меня въ сношеніе со многими, и я только того боюсь, чтобы, рано или поздно, правда, которую конечно отъ васъ не скрою, не навлекла величайшія мнѣ непріятности отъ васъ самихъ, по внушенію тѣхъ.

„Государь. Будь покоенъ и веди себя какъ я желаю, ayez de la confiance en moi, c'est tout ce que je vous demande. Дай же твои бумаги.

„Я. Вотъ, государь, дѣло Платоновича по винному откупу; до-

ность, который онъ вамъ сдѣлалъ, большею частью справедливъ; я сдѣлалъ краткую записку, изъ которой усмотрѣть вы можете, въ чемъ состоитъ дѣло и кто болѣе по оному виноватъ.

„Государь взялъ тетрадь и началъ читать; при объясненнѣхъ злоупотребленіяхъ, а особенно при описаніи изслѣдованія, сдѣланнаго гражданскими чиновниками, пожималъ нерѣдко плечами и спрашивалъ часто поясненій. Я, дѣло зная твердо, на каждый вопросъ отвѣчалъ какъ слѣдовало. По прочтеніи всей бумаги, государь сказалъ: „Такія мерзости дѣлаются вездѣ и, право, непостижимы; эти господа будутъ наказаны какъ заслуживаютъ“.

„Я. Осмѣливаюсь просить ваше величество по сужденію моему— хотя въ справедливости его и увѣренъ—наказанія не исполнять. Я, государь, въ первый разъ по гражданской части былъ употребленъ; молодъ, неопытенъ и могъ ошибиться; все сіе вправѣ будутъ сказать и васъ обвинить тѣмъ болѣе, что законъ—да безъ суда не накажется—у всѣхъ насъ въ понятіи; прикажите нарядить комиссію и рассмотрѣть какъ дѣло Платоновича, такъ и множество другихъ злоупотребленій, которыя нужно искоренить во всемъ Новороссійскомъ краѣ. Я думалъ, что не лишнее будетъ сдѣлать въ проѣздѣ моему замѣчанія о всемъ томъ, что казалось мнѣ вреднымъ и на что болѣе тамъ жаловались. Вотъ записка, которую съ тѣмъ только представляю вашему величеству, чтобы приказали людямъ опытнымъ и честнымъ на мѣстахъ рассмотрѣть и вамъ сдѣлать докладъ; къ тому же, государь, управленіе Дюка Ришелье вначалѣ могло быть полезно, теперь же сдѣлалось отяготительнымъ и даетъ поводъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ; новое положеніе и общія правила мнѣ кажутся необходимы. Южная Россія не то, что была; нынѣ она заселилась русскими и можетъ имѣть уже одинаковое съ Россією управленіе. Странно видѣть, что въ одномъ государствѣ, у одного народа на каждомъ шагу права и управленія разныя. Если бы я не былъ тому очевиднымъ самъ свидѣтелемъ, вѣрить бы конечно не хотѣлъ; и вотъ, я полагаю, причина затрудненій для управляющихъ: всѣ жалуются, всѣ ропшутъ!

„Государь. Всего сдѣлать вдругъ нельзя; обстоятельства до нынѣшняго времени не позволили заняться внутренними дѣлами, какъ было бы желательно; но теперь мы занимаемся новою организаціею. Смерть императрицы не позволила ей азіатскіе обычаи и многое въ правленіи, по желанію ея, переимѣнить. Мы должны теперь идти равными шагами съ Европою; въ послѣднее время она столько просвѣтилась, что, по нынѣшнему положенію нашему, оставаться назади мы уже не можемъ; но на все надо время, всего вдругъ сдѣлать нельзя; уменьшать злоупотребленія конечно должно, но одинъ всего не успеешь сдѣлать,—помощниковъ нѣтъ, кругомъ видишь обманъ; что ты говорилъ о Беннигсенѣ, я всякій день вижу; придетъ человекъ съ умомъ, съ способностями и представляетъ дѣло не такъ, какъ онъ

самъ видѣль, но по наущенію секретаря, и согласиться въ правдѣ не хочетъ. Я знаю, что въ управленіи большая часть людей должна быть переимѣнена, и ты справедливъ, что зло происходитъ какъ отъ высшихъ, такъ и отъ дурнаго выбора низшихъ чиновниковъ; но гдѣ ихъ взять? Я и 52-хъ губернаторовъ выбрать не могу, а надо тысячи; лучше менѣе, но съ хорошимъ содержаніемъ и строгимъ выборомъ—конечно, но чѣмъ платить? Ты въ своемъ чинѣ хорошо ли содержанъ? Армія, гражданская часть, все не такъ, какъ я желаю,—но какъ быть? вдругъ всего не сдѣлаешь, помощниковъ нѣтъ. Я знаю, что способы есть чрезмѣрные. Россія можетъ много, но на все надо время.

„Государь, продолжая читать записку мою, на всякомъ пунктѣ останавливался и спрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ; я говорилъ какъ бы съ своею совѣстью, ничего не скрылъ, и съ душевнымъ восхищеніемъ видѣль сколько участія принималъ государь во всемъ, что къ народу относилось; благодарилъ нѣсколько разъ, бралъ меня за руку, говоря: „Я очень тобою доволенъ; ну, что ты видѣль и слышалъ, когда ѣхалъ уже въ С.-Петербургъ?“

„Я. Государь, жалуются; въ Малороссіи, напримѣръ, недовольны новымъ предположеннымъ формированіемъ уланскихъ полковъ; казаки по нынѣшнему положенію блаженствуютъ и переимѣны всякой боятся, да кажется и справедливо; мнѣніе же общее противно всякому умноженію войскъ; всѣ удивляются числу, которое вы теперь имѣете, и всѣ ропшутъ; миръ заключенъ, а расходы тѣже, и войско прибавляется; къ тому же считаютъ, что теперь кавалеріи у насъ множество, 70 т. регулярной и 100 полковъ казачьихъ.“

„Государь. Вотъ какъ всѣ судятъ! Я казаковъ не считаю въ составѣ арміи, а регулярная кавалерія не превышаетъ соединенной прусской и австрійской кавалеріи. Россія въ такомъ положеніи, что должна содержать армію въ равномъ числѣ противъ соединенныхъ войскъ Пруссіи и Австріи; я другихъ нашихъ сосѣдей въ счетъ не полагаю.“

„Я. Но, ваше величество, извѣстно, что сосѣди наши арміи свои убавили.“

„Государь. Да и я убавить ее хочу, но должно взять за правило никогда устроенной части не разстраивать; я не могу публиковать въ газетахъ мои намѣренія и какимъ образомъ желаю достигнуть до своей цѣли. Я расчелъ, что содержаніе полковъ на Чугуевскомъ положеніи выгоднѣе и способнѣе; уланы, о которыхъ ты говоришь, не будутъ новые полки, но только кантоны для старихъ, которыхъ въ нихъ поселю; но вдругъ всего сдѣлать невозможно. Я хотѣлъ попробовать и помѣстить прежде украинскіе полки. Но вѣдь и это дѣло будетъ пересмотрѣно 20 разъ. Мало ли что хочетъ В... (?) Я все читалъ и ни на что еще не рѣшился; ты правъ, пусть другіе разсмотрятъ; а у насъ всѣ судятъ по слухамъ.“

„Я. И по тому, что видятъ. Мысли вашего величества не всѣ знаютъ, а видятъ прибавленіе арміи—и недовольны. Я самъ, государь, до вашего истолкованія обвинялъ васъ; да къ тому еще люди, которые должны были бы защищать васъ, которые часто сами кругомъ виноваты, васъ же обвиняютъ и выставляютъ наружу. Васъ, государь, не всѣ берегутъ, и мнѣніе падаетъ на васъ, а оно не то, что было 30 лѣтъ тому назадъ: теперь всѣ говорятъ, о всемъ судятъ, и какъ-то въ обычай вошло всѣмъ быть недовольну; напримѣръ, назначеніе губернаторовъ въ Тулу и Калугу сдѣлало дурное впечатлѣніе: думаютъ, что вы, государь, не любите дворянъ, и даже русскихъ.

„Государь. Почему же это? Если бы я далъ поляка, либо лифляндца—о полякѣ не говорю, но увѣренъ, что лифляндецъ были бы болѣе довольны.

„Я. Мы привыкли себя считать выше хохловъ,—а двѣ старія рускія губерніи поручены двумъ выходцамъ канцелярскимъ. Простите, ваше величество, мою дерзость, но вамъ угодно знать правду, а ея не скрываю.

„Государь. Надо взойти и въ мое положеніе: за одного просилъ неотступно брать, за другаго фельмаршалъ, ругаясь, что лучшаго выбора сдѣлать не могу; какъ же отказать? Я согласился, но глаза на нихъ будутъ открыты, и при первомъ случаѣ... А очень недовольны?

„Я. Очень, государь, и болѣе отъ того, что полагаютъ вашу въ томъ немилость къ коренному русскому.

„Государь. Вотъ всегдашній вздоръ; я тысячу разъ это слыхалъ и понять не могу, что дало тому поводъ.

Эта бесѣда даетъ намъ понятіе о томъ, какъ вѣрно смотрѣлъ Киселевъ на обязанности гражданина на первыхъ же порахъ своей служебной карьеры. Онъ воспользовался своею близостью къ государю, чтобы раскрывать правду во всей ея наготѣ, представлять факты дѣйствительности въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, неподкрашенномъ заботами о личномъ благополучіи и собственныхъ выгодахъ. Императоръ Александръ I счумѣлъ оцѣнить такое прямодушіе и открытый характеръ молодаго сотрудника. Въ слѣдующемъ же году государь, въ знакъ особаго довѣрія къ Киселеву, возложилъ на него новое порученіе. Дѣло шло о безпорядкахъ во 2-й арміи. Порученіе заключалось въ томъ, чтобы „ислѣдовать въ точности несогласія, происшедшія между главнокомандующимъ (графомъ Беннигсеномъ), его начальникомъ штаба (Рудзевичемъ) и генераль-интендантомъ арміи (Жуковскимъ), который обвинялъ ихъ въ преступленіяхъ по должности (prévarication), и въ то же время осмотрѣть всѣ войска и передать имъ нововведенія, которыя были приняты послѣ войны не только въ гвардіи, но и въ войскахъ 1-й арміи“, и Киселевъ исполнилъ это порученіе съ обычнымъ усердіемъ и безпристрастіемъ. 7-го декабря 1817 года, Киселевъ лично доложилъ императору о справедливости жалобъ генераль-интенданта, но добавилъ при этомъ: „что же касается до генераль-интенданта,

то въ виду того, что онъ нападалъ на начальниковъ съ такой силой и относился къ нимъ такъ неумѣренно, можно было бы заключить, что его честность не могла подвергнуться сомнѣнiю и что онъ весь преданъ общему благу. Но, съ другой стороны, между бумагами, приложенными къ слѣдствию, нашлось болѣе одной, заставившей подозрѣвать, что усердiе, выказанное имъ при защитѣ интересовъ его величества, имѣло цѣлью лишь удаленiе всѣхъ постороннихъ влiянiй въ сдѣлкахъ, которыя онъ имѣлъ съ подрядчиками“. Киселевъ обратилъ вниманiе государя на то, что главнокомандующiй Беннигсенъ допускалъ злоупотребленiя, не имѣя должнаго попятiя о постановленiяхъ и принятыхъ формальностяхъ въ подобныхъ случаяхъ, „но что, съ другой стороны, занимаемый имъ постъ, его долгая служба и преклонная лѣта не позволяютъ строго поступить съ нимъ“... „Наконецъ—пишетъ Киселевъ о той же аудiенциі—я доложилъ его величеству, что генералъ Беннигсенъ въ интимномъ со мной разговорѣ нѣсколько разъ выражалъ желанiе удалиться отъ службы, лишь бы ему оставили его содержанiе по должности главнокомандующаго, и что, по моему мнѣнiю, это желанiе стараго генерала было и справедливо само по себѣ, и выгодно для пользы службы. Государь одобрилъ мою мысль и приказалъ мнѣ дать понять Беннигсену, что желанiе его можетъ осуществиться послѣ осмотра арміи, который его величество намѣревался произвести весною слѣдующаго года“. Приготовить войска 2-й арміи къ высочайшему смотру назначенъ былъ опять Киселевъ, который только что успѣлъ представить свои отчеты по разслѣдованiю беспорядковъ во 2-й арміи и вообще о результатахъ командировки на югъ Россiи. „Какъ ни кажется страннымъ“—замѣчаетъ г. Заблоцкiй-Десятовскiй по этому поводу— „назначенiе Киселева (не занимавшагося съ 1814 г. фронтовою частью) для ознакомленiя войскъ 2-й арміи съ требованiями вновь вышедшихъ тогда уставовъ (изъ которыхъ пѣхотный и артиллерійскiй ему, какъ кавалерійскому офицеру, были вообще весьма мало знакомы), но выборъ государя имѣлъ свои основанiя. Ему видимо хотѣлось найти 2-ю армію вообще въ хорошемъ состоянiи, а для того надо было послать туда человека, близко знакомаго со всѣми слабыми ея сторонами, который, зная хорошо начальствующихъ лицъ, безъ особаго полномочiя, обиднаго для старшихъ, сумѣлъ бы устроить все къ лучшему. Выказанное Киселевымъ, при первой командировкѣ во 2-ю армію, умѣнье такъ распутать узелъ самыхъ тонкихъ интригъ, чтобы все осталось цѣлымъ, не смотря на то, что на каждомъ шагу можно было возбудить скандальную исторiю, не могло не нравиться государю, искавшему правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ желавшему щадить самолюбiе своихъ недавнихъ сподвижниковъ, во главѣ которыхъ онъ прошелъ Европу.“ Киселевъ оправдалъ желанiя императора,—онъ остался всѣмъ доволенъ и назначилъ главнокомандующимъ вмѣсто Беннигсена графа Витгенштейна, а Киселеву приказано было встрѣтить прусскаго короля,

котораго въ то время ожидали въ Москвѣ. Во все пребываніе королевской фамилии въ Россіи, Киселевъ находился при наслѣдномъ принцѣ.

Въ матеріалахъ, собранныхъ г. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, по его словамъ не имѣется, къ сожалѣнію, свѣдѣній, по которымъ можно было бы судить о непосредственныхъ отношеніяхъ Киселева къ наступившему затѣмъ времени Ахенскаго конгресса. Въ этотъ періодъ въ характерѣ императора Александра стали обнаруживаться симптомы реакціоннаго направленія „въ смыслѣ толкованій мистиковъ и въ формѣ грозныхъ своею жестокостію дѣйствій графа Аракчеева.“ Государь отправился на конгрессъ въ Ахенъ въ концѣ августа 1818 года и возвратился въ Петербургъ 23 декабря. Киселевъ оставался все это время въ Россіи, и изъ письма его къ Закревскому, отъ 15 ноября 1818 г., видно, что онъ тогда жилъ въ Москвѣ и собирался пріѣхать въ Петербургъ къ возвращенію государя.

Въ слѣдующемъ же году Киселева ожидала новая обстановка, гдѣ ему открывалось обширное поле самостоятельной организаторской дѣятельности. 22 февраля 1819 г., онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й арміи. Поддерживаемый и ободряемый личнымъ довѣріемъ государя, съ обильнымъ запасомъ уже пріобрѣтенной опытности, знаній и мыслей, Киселевъ имѣлъ возможность теперь примѣнить къ дѣлу свои дарованія. И дѣйствительно, такое назначеніе внушало свѣтлые надежды лучшимъ и знающимъ положеніе 2-й арміи людямъ, но, съ другой стороны, оно не могло не поднять на ноги скрытыхъ враговъ Киселева, не успѣвшихъ еще забыть о безопадномъ его безпристрастїи въ сферѣ интересовъ службы. Пущена была въ ходъ интрига, начавшая было дѣйствовать чрезъ посредство самого главнокомандующаго. Довѣрчивый и вспыльчивый Витгенштейнъ увидѣлъ себя оскорбленіе въ назначеніи Киселева, именно въ томъ, что оно послѣдовало непосредственно по выбору императора безъ отзыва главнокомандующаго и, слѣдовательно, будто бы этимъ выражалось недовѣріе государя къ Витгенштейну. Императоръ успокоилъ послѣдняго и не принялъ просьбы его объ отставкѣ. Тѣмъ временемъ друзья Киселева успѣли предупредить его до пріѣзда въ главную квартиру 2-й арміи о возникшей интригѣ, давая совѣты молодому начальнику штаба, какъ слѣдуетъ ему поступать, чтобы отелонить отъ него всякіе поводы къ столкновеніямъ, которые не преминетъ устроить враждебная интрига. Эти предостереженія весьма характерны и тѣмъ болѣе любопытны, что не потеряли своего значенія и въ наше время. Вотъ что, между прочимъ, Закревскій писалъ Киселеву, находившемуся тогда въ Москвѣ (1 мая 1819 г.): „Изъ Тульчина (главная квартира 2-й арміи) получили отвѣтъ на извѣстныя тебѣ бумаги, не слишкомъ-то для тебя пріятный (рѣчь идетъ о вышеупомянутомъ письмѣ Витгенштейна къ государю). Почему умоляю тебя умѣрять свой нравъ и какъ можно лучше поддѣлаться къ главнокомандующему, безъ чего

будетъ у васъ война ужасная. Ты увидишь изъ посланныхъ къ тебѣ бумагъ, что тебя поддержали славно. Слѣдовательно, все теперь отъ тебя зависитъ, и доброе, и дурное. Ты умёнъ, можешь во всёмъ подладиться. Не забудь выбрать въ дежурные генерала знающаго дѣло молодца, а безъ того не дадутъ тебѣ ни минуты покоя. Мнѣ кажется, въ нынѣшнее междуарствіе въ нашей арміи дѣла потеряютъ настоящій ходъ, который должно тотчасъ исправить." Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ 22 мая, Закревскій пишетъ: „Повторяю тебѣ мою просьбу обворозить своего начальника, и покажи ему особенное свое къ нему уваженіе, а безъ того не достигнешь нужной для службы довѣренности, безъ которой дѣла у васъ пойдутъ навыворотъ... Мошенниковъ удали отличнымъ манеромъ изъ главной квартиры; это также будетъ небезполезно.“ Въ то же время Рудзевичъ, на мѣсто котораго былъ назначенъ Киселевъ, предостерегалъ его такъ: „Желаю вамъ душевно и того, чтобы вы избѣгнули всёхъ тѣхъ неприятностей, какія иногда бывають неразлучны съ званіемъ симъ, и были покойны душою. Я зналъ хорошо и видѣлъ даже на опытъ, какъ я неоднократно подвергалъ себя гнѣву монаршему, но, не чувствуя себя виновнымъ, переносилъ всегда хладнокровно, хотя и болѣло сердце мое. Съ вами, кажется, ожидать сего не должно; но совѣтъ дружескій вамъ—узнать напередъ людей, съ коими бы вы могли быть откровенны, и тогда показать къ нимъ довѣріе ваше“.

Самъ же Киселевъ довѣрчиво смотрѣлъ на свое будущее, и первая встрѣча съ фельдмаршаломъ укрѣпила еще болѣе эти надежды. Въ письмѣ къ Закревскому, отъ 17-го мая 1819 г., онъ замѣчаетъ между прочимъ: „Я не знаю, что будетъ впередъ, но если судьба продолжитъ нѣсколько уже счастливое начало, то благородство души его (Витгенштейна) и характера со мною въ томъ раскисаваться не будутъ; не только о дѣлахъ арміи говорилъ со мною откровенно, но даже о своемъ положеніи и намѣреніяхъ... Прими благодарность за дружескіе совѣты твой; я знаю ихъ искренность и умѣю цѣнить; стараюсь сколько могу улыбаться всёмъ, но признаюсь, что иногда смѣшно, а иногда скучно маскарадное характера моего положеніе; однако-жъ пылкость хладѣетъ съ лѣтами и я надѣюсь приобрѣсть нужныя качества“.

Закревскій на это отвѣчалъ слѣдующее: „Радъ душевно, что ты ладишь съ главнокомандующимъ. Это необходимо и для твоего спокойствія, и для спокойствія тѣхъ, кто тебя любитъ. Князь Волконскій велѣлъ тебѣ сказать, чтобы какъ можно вѣжливѣе обходился съ графомъ, чтобы всё подчиненные могли брать съ тебя примѣръ. Опять надочуаю тебѣ: умѣръ свой нравъ... Право, все пойдетъ хорошо, но въ довѣренность главнокомандующаго надо вкрасѣться непременно, въ чемъ, я полагаю, навѣрное успѣешь. Доброта твоего сердца всёмъ извѣстна. Здѣсь говорятъ, что Пестель—адъютантъ его—все изъ него дѣлаетъ; возьми свои мѣры. Государь о немъ мнѣнія не перемѣнялъ

и не переѣнить. Онъ его хорошо, кажется, знаетъ... Форму, къ кому какъ писать, послаю, но во многихъ случаяхъ непремѣнно употребляй „по волѣ главнокомандующаго“, — это необходимо для пользы служебной...“ Закревскій старался при этомъ охладить желаніе Киселева: „всего разомъ поправить нельзя, но ты пачи съ запрещенныхъ частей, и понемногу все приведешь въ порядокъ... Усердныхъ поощрай, а гнѣбныхъ брани порядочно и никакой вины не спускай. Прощай, пиши чаще, только съ вѣрными оказіями; а по почтѣ писемъ не пиши“.

При содѣйствіи такихъ преданныхъ и вліятельныхъ друзей, какъ Закревскій, Киселевъ смѣло могъ приняться за улучшенія въ состояніи 2-й арміи. О томъ, что сдѣлано имъ по этой части, даетъ понятіе отчетъ Киселева объ управленіи 2-ю арміею съ 15-го мая 1819 г. по 1-е января 1824 г., отчетъ, изложенный въ IX-й главѣ біографіи г. Заблоцкаго-Десятковскаго. Для насъ же интересно указать на условія, въ какихъ приходилось работать Киселеву, на обстоятельства, окружавшія его дѣятельность. Тутъ не только выказываются дарованія молодого начальника штаба, его организаторскій тактъ и умѣнье выбирать себѣ сотрудниковъ, но и рѣзко обрисовывается цѣльная симпатичная личность Киселева.

II.

Киселевъ—начальникъ штаба въ царствованіе Александра I.

Внутренній бытъ 2-й арміи по письмамъ ген.-лейт. Сабанѣва къ П. Д. Киселеву.—Недовольство военной молодежи.—Сотрудники Киселева.—Близкія отношенія его къ Пестелю.—Бурцевъ.—Объ участіи его въ „Сюзѣ благоденствія“.—Письмо объ этомъ Бурцева Киселеву.—Упорство Киселева въ работѣ.—Помѣхи его дѣятельности извнѣ.—Дѣло интенданта Жуковскаго.—Отказъ Киселеву въ просьбѣ о сотрудникахъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба.—Отзывъ Закревскаго о дѣятельности Киселева.—Переѣмна въ характерѣ императора Александра I.—Усиленіе фронтовыхъ занятій въ войскахъ.—Аракчеевскія назначенія въ командованіи полками.—Семеновская исторія.—Недовольство Закревскаго положеніемъ дѣлъ въ государствѣ.—Удаленіе изъ арміи офицеровъ, заподозренныхъ въ вольнодумствѣ.—Маіоръ Раевскій.—Происшествіе въ Камчатскомъ полку.—Разочарованный взглядъ Закревскаго.—Обстановка неблагоприятная для дѣятельности Киселева.—Его душевное настроеніе въ то время.

Въ какомъ состояніи находилась 2-я армія до назначенія Киселева начальникомъ штаба, сколько предстояло сдѣлать, чтобы поднять ея значеніе, объ этомъ можно судить по письмамъ къ нему командира 6-го корпуса, генералъ-лейтенанта Сабанѣва. Этотъ генералъ указывалъ на зло, царившее въ то время по всѣмъ частямъ военнаго управленія—зло, существованіе котораго подтверждалось многочисленными претензіями нижнихъ чиновъ о недодатѣ имъ денегъ и провіанта, о жестокомъ обращеніи и проч., слѣдствіемъ чего бывали частые побѣги

со службы, упадокъ дисциплины и т. п. Величайшее зло, способствовавшее нравственному разложенію арміи, Сабанѣевъ видѣлъ въ установившемся съ давнихъ поръ порядкѣ „украшать полки на счетъ экономіи, получаемой полковыми командирами отъ обмундированія“. Новая кройка платья, совершенно уничтожившая эту экономію, повела, по его мнѣнію, къ тому, что „дальнѣйшее украшеніе полковъ будетъ дѣлаться на счетъ солдатскаго мамона“. Сообщая свое мнѣніе объ организаціи нашей арміи, Сабанѣевъ говоритъ, что „такихъ порядковъ нѣтъ въ европейскихъ арміяхъ“, что „у насъ все дѣлай и все какъ нибудь. Нигдѣ столько не марается бумага и не выдумано формъ, рапортовъ, какъ у насъ. Ничто не соображено ни со способностями, ни съ силами человѣческими. У насъ солдатъ для амуниціи, а не амуниціи для солдата... Офицеровъ почти нѣтъ. Если выбросить негодныхъ, то пополнять будетъ нечѣмъ. Какой источникъ? Изъ корпусовъ и отъ производства въ унтеръ-офицеровъ?! Что это за корпуса! Что за народъ, идущій служить въ армію унтеръ-офицерами! Изъ 1000 одинъ порядочный!...“

Всѣ эти недостатки, вызывавшіе горькія сѣтованія даже въ старомъ генералѣ, по справедливому замѣчанію г. Заблоцкаго-Десятовскаго, не могли не возбуждать еще большаго негодованія въ восприимчивыхъ, свѣжихъ силахъ молодежи, видѣвшей лучшее за-границею. Сабанѣевъ прямо указывалъ на то, что злоупотребленія, господствовавшія въ то время въ арміи, должны имѣть плохой конецъ, если кореннымъ образомъ не будутъ измѣнены условія ея быта. „Тираниство—писалъ онъ—есть необходимое слѣдствіе фронтоваго педантизма, а уныніе войскъ, отъ того происходящее, предвѣстникъ большихъ несчастій. Пора, давно пора (приступить къ реформамъ). Иначе черныи духъ Семеновскаго полка осѣнитъ всю армію. Исторія Кексгольмскаго полка родила исторію Семеновскаго, а Семеновская родитъ урода“. Ясно отсюда, что Киселевъ, принимаясь за дѣло реформированія арміи, долженъ былъ дѣйствовать съ большимъ искусствомъ и тактомъ, чтобы успѣшно бороться съ мрачною силой невѣжества и злонамѣренности и въ то же время не подогрѣвать страстей недовольной молодежи, въ средѣ которой иные готовы были „на всякія крайности для торжества истины“. Для этого ему нужно было прежде всего подыскать себѣ умѣлыхъ, энергическихъ и дѣйствительно преданныхъ дѣлу сотрудниковъ. Но такихъ было мало тамъ, гдѣ, по отзыву его, послѣ перваго осмотра арміи, „видны были во всѣхъ чинахъ сонливость, равнодушіе ко всему и закоснѣлая неисполнительность“. Изъ этихъ немногихъ лицъ, понимавшихъ и полюбившихъ Киселева, который дѣйствовалъ на нихъ обаяніемъ своей личности, его вниманіе обратилъ на себя въ особенности Пестель. Бывшій камеръ-пажъ и офицеръ лейбъ-гвардіи Литовскаго (нынѣ Московскій) полка, участникъ Отечественннй войны, во время которой, на Бородинскомъ полѣ, былъ раненъ пулею въ ногу, Пестель въ 1813 и 1814 гг. былъ

уже адъютантомъ при графѣ Витгенштейнѣ, съ которымъ и прѣехалъ во 2-ю армію, когда послѣдній назначенъ былъ главнокомандующимъ. Киселевъ сблизился съ нимъ, не смотря на предостереженія, въ избиліи получавшіяся имъ изъ Петербурга. Пестель былъ человекъ талантливый, образованный и обладалъ большою энергіею; понятно, что Киселевъ, нуждавшійся въ сотрудникахъ, уже по одному этому не легко разстался бы съ такою личностію. Вотъ какъ онъ, между прочимъ, отзывался о Пестелѣ въ письмѣ Закревскому въ отвѣтъ на вышеприведенныя предостереженія послѣдняго: „Ты мнѣ пишешь о Пестелѣ, и для меня извѣстіе весьма сожалительное; изъ всего здѣшняго синклита онъ одинъ, и совершенно одинъ, могущій съ пользою быть употребленъ; малый умный, со свѣдѣніями, и который до сихъ поръ ведетъ себя отлично хорошо; я его употребляю только потому, что онъ весьма употребителенъ и отъ дѣла не удаляется. Пестель такого свойства, что всякое мѣсто займетъ съ пользою; жаль, что чинъ не позволяетъ; но дежурный ли генераль, начальникъ ли штаба въ корпусѣ—вездѣ собою принесетъ пользу, ибо голова хорошая и усердія много. Я личностей не знаю, и забываю до прѣезда моего дѣйствіе, о которомъ извѣстился; но, отдавая справедливость способностямъ его, я полагаю служить тѣмъ государю; впрочемъ, говорю о томъ, что вижу, за будущее не отвѣчаю“. „Радуюсь—писалъ Закревскій ¹⁾—, что ты отъ Пестеля въ восхищеніи. Но прошу имѣть его въ томъ мнѣніи, какъ къ тебѣ писалъ. Время все отрываетъ, а не минутное удовольствіе“. Киселевъ отвѣчалъ на это: „Въ Пестелѣ не душевныя качества хвалю, но способности ума и пользу, которую извлечь отъ того можно; впрочемъ, объ моральности не говорю ни слова“ ²⁾.

При отъѣздѣ графа Витгенштейна въ Петербургъ, Киселевъ писалъ Закревскому 13 ноября 1819 года: „Приласкай ѣдущаго съ графомъ адъютанта. Я ему надѣлъ узду и такъ ловко, что онъ къ ней привыкъ и повинуется. Конь выѣзженъ отлично, но онъ съ головою, и къ дѣлу очень способенъ; сверхъ того, я не желаю, чтобы помимо или черезъ меня онъ что либо потерялъ; твое же обхожденіе, хорошее или дурное, будетъ ему чувствительно, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, что верховная власть заключаетъ объ немъ не отличнымъ образомъ. Я его совершенно удалилъ отъ дѣлъ, дабы не приучить старика къ прежнему заведенному нерегулярному ходу оныхъ. Но по слѣдствіямъ Сталя и Жуковскаго онъ работалъ, и хотя съ излишнею злостью, но всегда съ умомъ“.

И вслѣдъ затѣмъ, 27-го ноября 1819 года: „Пестель неотступно просилъ къ тебѣ письма, и я въ настоящихъ обстоятельствахъ не могъ просьбы не удовлетворить. Покорность его заслуживала воздаянія, и признаться, что потерялъ совершенно въ дѣлахъ влияніе, было,

¹⁾ Письмо 1 августа 1819 года.

²⁾ Письмо 14 августа 1819 года.

конечно, ему прискорбно; тѣмъ еще болѣе, что предмѣстникъ мой (Рудевичъ) находился у Пестеля въ точномъ подданствѣ, и что я взялъ совсѣмъ противный тому ходъ. Однакожъ должно сказать, что онъ человѣкъ, имѣющій особенныя способности и не корыстолюбивъ, въ чемъ я имѣю доказательства. Вотъ достаточно, по моему мнѣнію, чтобы все прочее осталось безъ уваженія“. На это сближеніе смотрѣли неблагопріятно и даже, какъ видно, насчетъ Киселева начали распространяться недобрые слухи. Закревскій еще разъ предупредилъ его: „До меня слухи доходятъ, что тебя въ арміи не любятъ, и что ты свободное время проводишь большею частью съ Пестелемъ. Не вѣря сему, я желалъ бы знать отъ тебя истину. Неужли ты не укротилъ порывистый нравъ свой, о чемъ я нѣсколько разъ уже писалъ тебѣ, по пріѣздѣ твоёмъ въ Тульчинъ? И какая связь дружбы соединила тебя съ Пестелемъ, о характерѣ и нравственности котораго ты писалъ мнѣ неоднократно? Любя тебя, не могъ-сего скрыть, и потому можешь судить, что я дружбу цѣнить умѣю ¹⁾“.

Несмотря на предостереженія, можно сказать, даже настоянія Закревскаго, Киселевъ не удалялъ отъ себя Пестеля.

Это обстоятельство придаетъ особенный интересъ близкимъ отношеніямъ Киселева къ Пестелю. Но, къ сожалѣнію, г. Заблоцкій-Десятовскій не разъяснилъ ихъ вполне, хотя, по его словамъ, въ бумагахъ Киселева сохранились письма къ нему Пестеля за пять лѣтъ (съ 1819 по 1823 годъ). Изъ того же, что приведено авторомъ въ видахъ помнутаго разъясненія, видно только, что Пестель былъ очарованъ личностью своего начальника и весьма дорожилъ его мнѣніями. Когда Киселевъ въ 1822 году былъ въ отпуску за-границею и разнеслась вѣсть, что онъ уже не пріѣдетъ во 2-ю армію, Пестель писалъ ему: „Вы теперь въ Берлинѣ и свободны на нѣкоторое время отъ дѣлакъ кипѣ дѣловыхъ бумагъ, которыя васъ въ Тульчинѣ осаждали каждое утро. Но если эти занятія были трудны, часто не интересны и иногда даже непріятны, то вы не можете же не вспомнить безъ чувства истиннаго удовольствія и вполне законной гордости о томъ времени, когда вы заправляли дѣлами 2-й арміи; вы такъ много сдѣлали добра службѣ вообще и множеству лицъ въ частности, что не иначе какъ съ благодарностью и уваженіемъ 2-я армія будетъ васъ вспоминать. Немногіе начальники приобрѣли такое расположеніе, а потому оно должно васъ вполне удовлетворить. Я убѣжденъ также и въ томъ, что вы съ своей стороны любите 2-ю армію и должны быть увѣрены, что она имѣетъ искреннюю къ вамъ привязанность за ваши добродѣтели и рѣдкія качества. Итакъ, возвращайтесь поскорѣе къ намъ; конечно, удовольствія свободной жизни замянутся для васъ скучною заботою, но плоды ея прочны и привязываютъ къ вамъ сердца храбрыхъ воиновъ, участь которыхъ вы

¹⁾ 28 сентября 1820 года.

такъ часто облегли, улучшали, и которые даже въ вашей большой строгости видѣли лишь доказательства высокой справедливости и любви къ общественному благу. Мнѣ пріятно все это сказать вамъ потому, что оно есть выраженіе моихъ чувствъ къ вамъ“.

Этотъ пробѣлъ у г. Заблоцкаго-Десятовскаго въ разъясненіи отношеній Киселева къ Пестелю весьма естественно открываетъ широкое поле догадкамъ. Правда, самъ біографъ старается увѣрить насъ, что близость Киселева къ Пестелю не простиралась такъ далеко, чтобы начальникъ штаба могъ быть посвященъ въ планы тайнаго общества, въ которомъ его подчиненный и сотрудникъ былъ одинъ изъ главныхъ коноводовъ. Но это только личное мнѣніе г. Заблоцкаго-Десятовскаго, быть можетъ, вытекавшее изъ побужденія какъ-нибудь не набросить тѣни на честную дѣятельность Киселева на пользу отечества. На самомъ же дѣлѣ, факты оправдываютъ возможность и совсѣмъ инаго предположенія. Если самому государю было извѣстно о существованіи тайнаго общества, то отъ Киселева, который зорко видѣлъ все, что дѣлается вокругъ него, который хорошо зналъ о господствовавшемъ въ то время недовольствѣ вездѣ, гдѣ только ощущался гнетъ мертвящей аракчеевщины — въ книгѣ г. Заблоцкаго приведено много тому доказательствъ—разумѣется, трудно было бы скрыть подобный фактъ. Конечно, зная о тайномъ обществѣ, Киселевъ могъ не раздѣлять и, дѣйствительно, не раздѣлялъ мнѣнія членовъ этого общества. Онъ оспаривалъ эти мнѣнія въ дружескихъ бесѣдахъ съ своими сотрудниками, не вѣря въ осуществимость ихъ идейныхъ стремленій. Преслѣдовать же ихъ за это было и не въ личномъ характерѣ Киселева, и значило бы содѣйствовать торжеству происковъ Аракчеевской системы. Гнетъ этой системы привелъ къ тому, что правда укрывалась подальше, чтобы не всплыть на свѣтъ Божій, а поборникамъ ея не было мѣста у подножія престола. Мы видимъ отсюда, что полное и правдивое разъясненіе отношеній Киселева къ Пестелю тѣмъ болѣе желательно, что тутъ ярко выступаетъ наружу одна изъ характерныхъ чертъ царенія временщиковъ. Мы видимъ отсюда, что даже такіе честные дѣятели, какимъ рисуется Киселевъ, такіе преданные благу своего отечества и умѣющіе сознательно служить ему государственные люди, во имя этого блага, вынуждены бывають насиліемъ обстоятельствъ таить въ себѣ самихъ правду, не рѣшаясь раскрывать ее безъ ущерба ея интересамъ. Но удовольствуемся пока тѣмъ, что даетъ намъ въ этомъ отношеніи книга г. Заблоцкаго-Десятовскаго.

Другою личностью, пользовавшеюся расположеніемъ Киселева, былъ его адъютантъ Бурцевъ. Это—прямой, честный и хорошо образованный человѣкъ и усердный сотрудникъ Павла Дмитриевича. Сохранилось письмо Бурцева къ Киселеву отъ 14 декабря 1820 г. изъ Москвы, гдѣ „онъ былъ въ отпуску по поводу какихъ-то служебныхъ

недоразумѣній“. Тутъ личность писавшаго представляется весьма симпатичною и преданной Киселеву. Письмо оканчивалось такъ:

„Вотъ, ваше превосходительство, совершенно откровенное изложение моего поведенія во все протекшее время. Осудите меня, если сего заслуживаю, но единственно за то, что не умѣлъ постигнуть васъ, а не потому, чтобъ не былъ способенъ цѣнить ваше расположение и чувствительность. Почитая верховнымъ благомъ нравственныхъ отношенія людей, принадлежа всею душою друзьямъ моимъ, вѣчно чувствуя все добро, каждымъ мнѣ оказываемое, могу ли быть осужденнымъ за недостатокъ чувствительности? Предаюсь вполне на ваше собственное заключеніе“... „Опасаясь наскучить вашему превосходительству слишкомъ уже пространнымъ изложеніемъ руководившихъ мною правилъ, я скажу въ заключенію, что, не ища въ службѣ ничего, кромѣ пользы моихъ согражданъ, я почитаю первымъ условіемъ оной сохраненіе моего достоинства, и что на всѣ будущія неизвѣстныя мои къ вамъ отношенія, въ кои можетъ поставить меня прерратность обстоятельствъ, я буду неизмѣнно уважать васъ, какъ одного изъ почтенныхъ, рѣдкихъ людей, которыхъ дѣйствія могутъ доставить отечеству величайшую пользу; а время служенія моего при васъ почитать буду поучительнѣйшимъ и счастливѣйшимъ донинѣ временемъ моей жизни“.

Характеризуя Бурцева, г. Заблоцкій-Десятовскій приводитъ отзывъ Дениса Давыдова о немъ, какъ критикѣ его „Опыта веденія партизанской войны“, который онъ послалъ для прочтенія Киселеву и Сабанѣву ¹⁾: „За присылку замѣчаній (Сабанѣва) благодарю, хотя онѣ и не могутъ мнѣ ни къ чему послужить. Ты справедливо называешь ихъ бреднями. Я съ будущею почтою пришлю отвѣтъ на нихъ и ты увидишь, кто правъ изъ насъ, кто виноватъ. Не могу того же сказать о Бурцевѣ. Отвѣтъ мой на его замѣчанія онъ увидитъ въ новомъ тисненіи. Я не только что почти все исправилъ по его желанію, но даже цѣлыя періоды его включилъ въ новое изданіе. Вотъ критикъ истинный. Если когда нибудь вздумаю еще писать, ни къ кому другому не прибѣгну и прошу его не отказать мнѣ въ своихъ замѣчаніяхъ, основанныхъ на логикѣ, — а не на желчи, какъ замѣчанія Сабанѣва. Пусть это останется между нами, ибо я душевно его почитаю. Слабости эти свойственны человекѣ, который, какъ ни говори, а все прожилъ лучшую часть жизни не въ 19-мъ, а въ 18-мъ столѣтіи“.

Какъ оказалось впоследствии, Бурцевъ былъ членомъ „Союза благоденствія“, но вышелъ изъ общества ранѣе 1825 года, вслѣдствіе чего избавился отъ суда ²⁾. Его продержали 6 мѣсяцевъ въ Бобруйской крѣпости, а потомъ, лишивъ полка, отправили на Кавказъ.

¹⁾ 27 декабря 1821 года.

²⁾ Воспоминанія Басаргина. Деятнадцатый вѣкъ. Кн. I. стр. 73.

Онъ тамъ отличился, получилъ опять полкъ, былъ произведенъ въ генералы и славно погибъ подъ Байбуртомъ въ 1829 году. „Его тяготила мысль объ участи товарищей, изъ коихъ многіе были его друзьями и имъ приняты въ общество.“

Это—показаніе Басаргина. Самъ Бурцевъ отрицаетъ свое участіе въ тайномъ обществѣ. Въ IV томѣ разсматриваемой біографіи приведено слѣдующее любопытное письмо Бурцева П. Д. Киселеву, которое проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, какъ легко тогда молодежь становилась жертвою клеветы и подозрительной злонамѣренности:

„Ваше превосходительство объявили мнѣ, что государь императоръ изволилъ меня считать принадлежащимъ къ какому-то тайному обществу, происками коего, въ 1821 году, учреждена была подписка на вспоможеніе жителямъ Смоленской губерніи, страдавшимъ отъ случившагося въ то время голода. Извѣстіе сіе повергаетъ меня въ самую глубочайшую печаль: поставивъ цѣлю жизни моей устремлять на пользу службы всѣ мои силы, я неожиданно вижу себя въ самомъ горестномъ положеніи, подвергаясь неблаговоленію все милостивѣйшаго монарха.

„Удаленъ будучи отъ малѣйшаго участія въ какихъ-либо зловерднихъ намѣреніяхъ, я изложу съ чистою откровенностію вашему превосходительству тѣ поводы, кои (по мнѣнію моему) могли на меня навлечь сіе несчастіе и о коихъ я имѣлъ честь вамъ докладывать за два года передъ симъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, чтобы дѣйствія мои могли показаться предосудительными. Проѣзжая, въ 1821 году, изъ отпуска чрезъ Смоленскую губернію, я заѣхалъ къ поселившемуся въ Рославскомъ уѣздѣ отставному подполковнику Муравьеву, съ коимъ нѣсколько лѣтъ служилъ вмѣстѣ въ гвардейскомъ штабѣ и коего достоинства всегда отлично цѣнились были начальствомъ и самимъ княземъ Петромъ Михайловичемъ. Сего стараго товарища я нашелъ въ хлопотахъ по случаю бывшаго голода въ окрестностяхъ г. Рославля; съ нимъ вмѣстѣ былъ я въ семь городѣ, когда уѣздное дворянство собиралось для избранія средствъ къ отклоненію грозившей гибели; лично видѣлъ я толпы нищихъ, наполнявшихъ городскія улицы и бродившихъ по уѣзду безъ пропитанія. Зрѣлище сего бѣдствія сильно меня встревожило: пособія правительства не могли быть послѣшно оказаны, ибо земское начальство не имѣло ни денегъ, ни хлѣбныхъ запасовъ, и надлежало ожидать оныхъ изъ министерства, а крайность побуждала дѣлать немедленно закупки хлѣба для продовольствія голодныхъ. Я самъ видѣлъ отчаяніе дворянъ и самихъ уѣздныхъ чиновниковъ, опасавшихся непокорства отъ крестьянъ и всѣхъ слѣдствій ихъ жестокаго положенія. Здѣсь съ восторгомъ услышалъ я, что нѣкоторые частные люди соглашались сдѣлать зависящія отъ нихъ пособія для отелоненія на первый случай угрожавшей бѣды, доколѣ нужныя мѣры не будутъ приняты правительствомъ, и что на сей

предметъ составлялась добровольная подписка. Я съ особеннымъ удовольствіемъ помѣстилъ въ оной мое имя и внесъ, помнится мнѣ, 200 рублей; но въ то же время пламенное чувство добра заставило меня сдѣлать болѣе: я даже рѣшился написать письма въ Москву, въ коихъ ревностно защищалъ необходимость предпринятой подписки и въ точности излагалъ тѣ несчастія, коихъ я самъ былъ личнымъ свидѣтелемъ. Пробывъ не болѣе недѣли въ Рославскомъ уѣздѣ, я отправился въ Тульчинъ и съ тѣхъ поръ не имѣлъ ни разу извѣстія о томъ, что сдѣлалось съ нашею подпискою, какъ равно и не находился болѣе въ сношеніяхъ съ г. Муравьевымъ, коего, судя по долготнѣшему знакомству, всегда почитать буду самымъ достойнѣйшимъ и честнѣйшимъ человекомъ.

„Если злобная клевета возмогла очернить предъ его императорскимъ величествомъ мои намѣренія и дѣйствія—я ничего не могу представить въ защиту свою, кромѣ отзыва начальниковъ о моей службѣ и поведеніи: ваше превосходительство лучше нежели кто другой можете дать имъ настоящее опредѣленіе. Быть можетъ, что въ пылкой молодости вырывались у меня иногда сужденія, коихъ важности я самъ не понималъ; но вотъ уже 4 года, какъ я служу при васъ, и въ продолженіе сего времени, всѣ мои помышленія постоянно и единственно устремлены были къ тому, чтобы исполнять въ точности ваши приказанія и, по мѣрѣ возможности, быть полезнымъ службѣ.

„Горестная вѣсть, нынѣ мнѣ вами сообщенная, лишаетъ меня по истинѣ всѣхъ силъ. Готовъ величайшими пожертвованіями доказать непоколебимую преданность мою его императорскому величеству и счастливымъ почту себя, когда представится къ тому первый блестящий случай“.

Киселевъ, очевидно, былъ увѣренъ въ правдивости признанія Бурцева, такъ какъ письмо его было представлено въ томъ же году государю, во время его пребыванія въ Орлѣ.

Если прибавить къ названнымъ лицамъ имена Басаргина, отчасти князя С. Г. Волконскаго, корпусныхъ командировъ Рудзевича и Сабанѣева, то и составитъ малочисленный кружокъ силъ, которыя были въ распоряженіи Киселева для его организаторской дѣятельности. Немудрено поэтому, что ему приходилось усиленно работать, чтобы достигнуть серьезныхъ результатовъ. „Я себя убою“ — пишетъ онъ Закревскому 13 іюля 1819 г., „дьявольской военной работой; продолжаю только потому, что надѣюсь привести все въ порядокъ и тогда отдохнуть“. Въ другомъ письмѣ Киселевъ говоритъ: „Я устроилъ себѣ комнату, изъ которой почти не выхожу; съ бумагами провожу часовъ 10, остальное время съ книгами“. Но при всей своей энергіи, онъ не въ силахъ былъ сдѣлать многого, ибо встрѣчалъ неустрашимыя помѣхи со стороны. Такъ, онъ тщетно старается улучшить составъ высшихъ чиновъ во 2-й арміи. „Я тебѣ повторю“ — пишетъ онъ Закревскому — „касательно генералитета нашего—что за несчастная

богодѣльня сдѣлалась изъ 2-й арміи! Имеретинскіе, Масоловы, Шевандины и толпа тому подобныхъ наполняютъ списокъ; перестаньте давать намъ калѣкъ сихъ, годныхъ къ истребленію“. Тщетно старался Киселевъ привести къ окончанію и вышеупомянутое дѣло генералъ-интенданта Жуковскаго. Объ этомъ онъ писалъ Закревскому:

„Меня увѣряютъ здѣсь (но я этому вѣрить не хочу), что сколько бы ни обвиняли Жуковскаго, онъ въ Петербургѣ не обвинится, и что всё его плутни послужатъ ему оправданіемъ. Если такъ, то лучше все оставить, и тѣмъ болѣе, что дѣйствительно трудно взятки доказать, ибо слово заемъ прикрываетъ воровство; а еще труднѣе потерянные казноу миллионы возвратить. Можно-ли было полагать, что старый и длинный Беннигсенъ также займетъ 17 т. руб. у подрядчика, и что факторъ его сознается, что былъ къ тому посредникомъ? Вотъ чудеса, которыми, не выдавъ бумагъ, вѣрить не хотѣлъ! Весьма желательно было бы знать, съ какою цѣлію заставляютъ отрывать всё вонючія сіи дѣла? Возвратить потерянное невозможно! Наказать преступниковъ? но главный въ Ганноверѣ и суду болѣе не подлежитъ, а безъ него судъ для прочихъ ничтоженъ, ибо подпись его все прикрываетъ... Вамъ, господамъ управляющимъ, должно съ точностью узнать о цѣли государя; если хочеть открыть, чтобы строго и безъ изъятія виновныхъ наказать, то не щадя ни времени, ни способовъ, ни денегъ, стараться открывать и способомъ мною предложеннымъ, какъ найдѣйствительнѣйшимъ, а потомъ изобличенныхъ уничтожить. Если же, узнавъ виновныхъ, намѣрены ихъ простить, то лучше не узнавать и оставить ихъ въ толпѣ воровъ живущихъ“. Таковъ взглядъ на бесполезность, если не на рѣшительный вредъ, преслѣдовать злоупотребленія и казнокрадство заднимъ числомъ обличаетъ въ Киселевъ большой тактъ государственнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, правительство, „отрывающее“ „вонючія дѣла“ и въ то же время не имѣющее средствъ и возможности раскрыть зло во всей его наготѣ, въ результатѣ только подрываетъ свое достоинство. А тѣмъ болѣе это необходимо, когда правительство, обнаруживая энергію въ преслѣдованіи зла въ прошломъ, попускаетъ его господство въ настоящемъ. Такъ именно и было во времена Аракчеева. Но принося въ жертву свое достоинство, оно бесплодно вызываетъ тревогу въ обществѣ. Зло обнаружено, общество заинтересовано въ томъ, чтобы оно не осталось безнаказаннымъ, а на повѣрку выходитъ, что наказать его невозможно.

Напрасно искалъ себѣ сотрудниковъ Киселевъ и въ генеральномъ штабѣ. На его запросъ по этому поводу Меншиковъ отвѣчалъ ему: „Ты требуешь могучаго моего вліянія, но я долженъ тебѣ напомнить, что у всякаго барона своя фантазія, а наша состоитъ въ томъ, чтобы отвергать всё предложенія, относящіяся до управленія квартирмейстерскою частію“. Замѣчаніе Меншикова относилось къ князю Волконскому, какъ это видно изъ слѣдующаго письма Закревскаго

(2 марта 1820 г.), къ которому Киселевъ обращался съ такою же просьбою: „Насчетъ съемокъ и вообще касающагося квартирмейстерской части, князь П. М. все видитъ своимъ манеромъ, и я по симъ дѣламъ никогда ему ничего не говорю, видя его совершенное упрямство по сей части. Вообще нерѣшительность по всему государству удивительная и, конечно, дѣлаетъ болѣе вреда, нежели пользы всякаго рода службъ; но помочь сему мы съ тобою не въ состояніи. Непріятности по службъ всегда были и должны быть, а наипаче съ такими людьми, которые пламенное желаніе имѣютъ быть полезны по службъ“.

Встрѣченныя затрудненія въ отысканіи дѣльныхъ сотрудниковъ не охладили дѣятельности Киселева вообще; строгій судья всѣхъ его дѣйствій, Закревскій, писалъ ему: „Порядки въ дѣлахъ и скорый ходъ оныхъ весьма замѣтенъ со времени вступленія твоего въ должность начальника главнаго штаба; ты принялся славно и всѣ недостатки исправилъ; какіе существуютъ — на это надо нѣкоторое время... Ты много открываешь запутанностей и злоупотребленій по арміи; это намъ извѣстно, и будь увѣренъ, что къ нимъ писали втеченіе пяти лѣтъ; ты вообразить себѣ не можешь, но они терпеливѣе были нѣмцевъ и все сносили хладнокровно; скажи же, что съ такими въ ихъ званіи можно было сдѣлать? У нихъ всѣ чувства охладѣли; но, желая поддержать себя въ мнѣніи, сами о себѣ и трудахъ своихъ много говорили; какая же отъ сего могла быть польза службъ? Хорошо дѣлаешь, что обратилъ особое вниманіе на артельныя солдатскія деньги и на судную часть; за послѣднюю примись, пожалуйста, хорошенъко; она у насъ въ большомъ упадкѣ отъ нерадѣнія начальниковъ, а несчастные томятся подъ судомъ долгое время, тогда какъ въ это же время, по наказаніи, могли бы исправить въ нижнихъ чинахъ нѣсколько свое поведеніе“.

Но въ то время, какъ Киселевъ полагалъ всѣ усилія свои на обновленіе внутренняго быта арміи, въ характерѣ императора произошла перемѣна. „Въ душу его“—говоритъ г. Заблоцкій-Десятовскій—„получилъ доступъ мракъ мистицизма, за которымъ стоялъ уже обскурантизмъ. Либеральныя стремленія замѣнились реакціею; мѣсто добѣрчивости заступила подозрительность, поддерживаемая вліяніемъ Меттерниха. При такомъ расположеніи духа у государя, естественно, въ отношеніи къ войску возбуждалось опасеніе за нарушеніе дисциплины, которое, казалось, всего скорѣе могло быть слѣдствіемъ вторженія мыслей извнѣ и возбужденія размышленія въ средѣ солдатъ и офицеровъ. Необходимо было поставить физическую препону тому и другому. Въ мирное время главное занятіе войскъ составляетъ караульная служба; но какъ ни многочисленны были караулы, все же оставалось у солдатъ и офицеровъ свободное время; его-то и надо было у нихъ отнять. Прямымъ къ тому средствомъ, въ виду имѣвшейся цѣли, представлялось усиленіе фронтовыхъ занятій, хотя бы

они были вовсе бесполезны для боевого образованія войска. Люди здравомыслящіе не раздѣляли такого мнѣнія; натуры мелкія и честолюбивыя, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка, въ виду личныхъ своихъ цѣлей, изощрялись въ изобрѣтеніи разныхъ ружейныхъ приемовъ и учебныхъ маршей, требовали отъ солдата артистическаго ихъ исполненія и находили въ томъ свою выгоду, такъ какъ, къ несчастію, самъ государь усвоилъ себѣ мысль о необходимости, для поддержанія дисциплины въ войскѣ, не давать отдыха ни солдатамъ, ни офицерамъ. Еще въ началѣ года, въ мартѣ, по волѣ императора, въ гвардіи были сдѣланы нѣкоторыя назначенія въ командованіи полками, показывавшія, что государь хотѣлъ, что называется, подтянуть войска.

Объ этихъ назначеніяхъ Закревскій писалъ: ¹⁾ „Посылаю тебѣ три высочайшіе приказа съ 11-го числа; изъ приказа 19-го числа увидишь порядочное производство въ генералы; не знаю, куда мы ихъ готовимъ и что съ ними будемъ дѣлать. Признаться тебѣ долженъ, что не понимаю нынѣшняго назначенія полковыхъ командировъ, или командующихъ полками, въ гвардіи: въ Семеновскій—Шварца, въ Преображенскій—Порха, въ Измайловскій—Мартынова, въ Московскій—Фридерикса, а въ Лейбъ-Гренадерскій—Стюрлера. Я говорилъ о семъ Васильчикову, и онъ мнѣ ничего не могъ отвѣтить кромѣ, что государю угодно.

„Ни въ чье командованіе гвардейскимъ корпусомъ не назначали такихъ командировъ, какъ теперь, и полагаю, что съ сего времени гвардія будетъ во всѣхъ отношеніяхъ упадать, кромѣ ногъ, на кои особенное обращаютъ вниманіе. Скажите по совѣсти: что ноги безъ головы, и куда годятся! Ты долженъ мнѣ на сіи замѣчанія сказать свое мнѣніе. Я думаю, что никогда не должно было такъ заниматься, какъ теперь, гвардіею, и имѣть хорошихъ начальниковъ, къ которымъ бы имѣли уваженіе. Война—и гвардія наша будетъ несчастная“.

Киселевъ, какъ и Закревскій, не сочувствовалъ системѣ усиленныхъ фронтовыхъ занятій и, спустя 1½ года, рѣшительно возсталъ противъ нея; но въ то время, о которомъ идетъ нашъ рассказъ, именно въ 1820 г., онъ видѣлъ необходимость не показывать равнодушія, а тѣмъ болѣе пренебреженія къ фронтовой службѣ.

Не показывая равнодушія къ фронтовой части, Киселевъ старался сколь можно ослабить требованія, посылавшіяся изъ Петербурга,—и въ этихъ видахъ преднамѣренно возбуждалъ множество вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ восходило до государя, находившагося за границею, такъ какъ ни Закревскій, ни князь Волконскій, не были поборниками принятой системы. Государь, какъ кажется, понялъ намѣреніе Киселева и упрекалъ его въ пуризмъ. Не безынтересно упомина-

¹⁾ 30-го марта 1820 года.

нуть при этомъ, что Киселевъ былъ обойденъ наградою послѣ высочайшаго смотра, на которомъ государь остался несовсѣмъ доволенъ фронтовою частью.

Недовольство Аракчеевскимъ произволомъ становилось общимъ. Военныя мѣры, имъ придуманныя, только обостряли это недовольство. Последнее проявлялось и на дѣлѣ. Такъ, результатомъ одного изъ числа назначеній въ командиры гвардейскихъ полковъ вышла извѣстная семеновская исторія, о которой Загребскій увѣдомлялъ графа Витгенштейна слѣдующимъ письмомъ ¹⁾: „Ночью съ 16-го на 17-е число, Семеновскаго полка, роты его величества всѣ рядовые встали, одѣлись въ шинели и вышли въ корридоръ казармъ. Сколько фельдфебель ни уговаривалъ ихъ возвратиться на свои мѣста, они никакъ не хотѣли этого сдѣлать и требовали своего ротнаго командира. По прибытіи послѣдняго, они объявили, что вынуждены къ сему притѣсненіями полковаго командира П. Шварца, непопулярною его строгостью, взискательностью, которыхъ они болѣе переносятъ не въ силахъ, почему и просятъ его довести о семъ до свѣдѣнія начальства. Послѣ же сего, по приказанію капитана, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. На другой день, когда объ этомъ происшествіи было донесено по командѣ, командующій гвардейскимъ корпусомъ, найдя эту роту заслуживающею строгаго наказанія за своевольство, приказалъ посадить ее въ здѣшнюю крѣпость и судить военнымъ судомъ. Первый баталіонъ сего полка, узнавъ о мѣрахъ, принятыхъ съ поманутою ротою, требовалъ возвращенія ея. Онъ вышелъ изъ казармъ на плацъ-парадное полковое мѣсто въ однихъ шинеляхъ безъ всякаго оружія, въ ночь съ 17-го на 18-е число, и не хотѣлъ возвращаться, пока не удовлетворятъ его требованій. При выходѣ изъ казармъ, онъ принудилъ большую половину 2-го и 3-го баталіоновъ пристать къ нему, а не хотѣвшихъ идти съ ними они насильно выталкивали изъ казармъ. При невозможности уговорить ихъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ, приказано всѣмъ идти въ здѣшнюю крѣпость, куда они отправились и тамъ были рассажены. Командующій корпусомъ рѣшился для наказанія ихъ отправить 2-й и 3-й баталіоны, какъ менѣе виновные, въ Финляндію, куда они отправлены вчерашняго числа (19-го); 2-й баталіонъ въ Свеаборгъ, а 3-й въ Кексгольмъ; 1-й же баталіонъ остался въ здѣшной крѣпости и, какъ болѣе виновный и болѣе оказавшій неповиновенія, преданъ военному суду. Причина всему единственно строгость П. Шварца и неумѣнье обращаться съ солдатами. Впрочемъ, дальнѣйшихъ послѣдствій сіе не имѣло. Во всѣхъ прочихъ полкахъ совершенно спокойно. Я нужнымъ счелъ объ этомъ происшествіи довести единственно до свѣдѣнія вашего, въ предупрежденіе могущихъ дойти до васъ фальшивыхъ слуховъ, зная, сколько вездѣ праздныхъ людей, занимающихся един-

¹⁾ 14-го декабря 1820 года.

ственно распространением ложных толковъ "... А Киселеву вотъ что онъ писалъ: „Тебѣ исторія Семеновскаго полка извѣстна изъ письма моего къ вамъ. Жаль, что это случилось, но дѣлать нечего, и государь принялъ это, вѣроятно, къ сердцу. Поджидаемъ съ нетерпениемъ отъ него отвѣта. Впрочемъ, побочныхъ причинъ, кромѣ Шварца, никакихъ нѣтъ, и остальные войска въ тишинѣ. Въ городѣ говорятъ много вздора, какъ обыкновенно бываетъ“¹⁾... „Участь Семеновскаго полка рѣшена довольно милостиво; но офицеры сего не заслуживаютъ. Они всему причиною и преждее доброе и слабое управленіе. Объ этомъ приключеніи переговоримъ лично, а описывать на бумагѣ признаю неприличнымъ“... „Изъ бунтовщиковъ вамъ никого не дадимъ; велѣно распредѣлить въ нѣкоторыя дивизіи 1-й арміи и въ Финляндію. Жаль сего полка! Но зная всѣ подробности, не должно жалѣть вмѣстѣ съ офицерами“.

Петербургскіе друзья и совѣтники также неоднократно высказывали недовольство на водворявшійся тогда порядокъ вещей, благодаря вліянію Аракчеева, котораго Закревскій мѣтко величалъ „единственнымъ государственнымъ злодѣемъ“. „Не бѣда, если бы Аракчеевъ только дѣлалъ ошибки, которыя поставляютъ на видъ. Онъ въ государственныхъ дѣлахъ еще хуже поступаетъ и притомъ къ совершенному вреду Россіи. Сіе пережить можетъ только одна его могила“. Это писалъ Закревскій. Киселевъ, котораго, по его словамъ, „опытъ заставилъ подчинять дѣйствія не внушеніямъ собственнымъ, но обстоятельствамъ, нами управляемымъ“, считалъ необходимымъ въ то время удалить изъ арміи офицеровъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ. Но и здѣсь, въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, онъ обнаружилъ симпатичныя стороны своей личности, — мягкость вмѣстѣ съ разумной предусмотрительностью.

Какъ онъ смотрѣлъ на этотъ предметъ, видно изъ слѣдующаго его письма Закревскому:

22-го января 1822 года. Тульчинъ.

„Отставьте Шаховскаго (адъютанта главнокомандующаго) и удалите отъ военной службы всѣхъ тѣхъ, которые не дѣйствуютъ по смыслу правительства; всѣ они въ англійскомъ клубѣ безопасны, въ полкахъ чрезмѣрно вредны; духъ времени распространяется повсюду и нѣкое волненіе въ умахъ замѣтно; радикальные способы къ исторженію причинъ вольнодумства зависятъ не отъ насъ; но дѣло наше — не дозволить распространяться оному и укрощать сколько можно зло. Неумѣстная и безпрерывная строгость возродитъ его, а потому остается зараженныхъ удалить и поступать съ ними какъ съ чумными: лечить сколько возможно, но сообщеніе воспрещать. Вотъ, по мнѣнію моему, чѣмъ обязаны прямыя слуги государя и вѣрные сыны отече-

¹⁾ 1-го ноября 1820 года.

ства, призванные къ охраненію общества отъ бѣдъ и напастей; вотъ чѣмъ мы обязаны; чѣмъ же обязаны столпы государственныя—не подлежить моему сужденію, и я о семъ молчу и молчать буду“.

Въ это время довольно часто высылались въ армію офицеры изъ гвардіи въ видѣ наказанія. Киселевъ по своей натурѣ, основную черту которой составляла гуманность, былъ далекъ отъ того, чтобы относиться къ нимъ сурово, не обращая вниманія на сущность проступковъ, и потому въ одномъ изъ писемъ ¹⁾ къ Закревскому онъ проситъ „предварять его о всѣхъ тѣхъ, которые выписываются во 2-ю армію, объяснивъ именно за что, дабы по нравственности солданаго и присмотръ за нимъ могъ быть приличный“.

Киселеву были извѣстны нѣкоторые сомнительныя или неблагонадежныя лица въ арміи, между дѣйствіями которыхъ онъ не видѣлъ, однако, ничего общаго или систематическаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его въ письмѣ къ Закревскому, отъ 22-го января 1822 года: „Касательно арміи я долженъ тебѣ сказать, что въ общемъ смыслѣ она, конечно, нравственнѣе другихъ; но въ частномъ разборѣ несомнѣнно найдутся лица неблагомыслящія, которыя стремятся, но безъ успѣха, къ развращенію другихъ; мнѣнія ихъ и дѣйствія мнѣ извѣстны, и потому, слѣдя за ними, я не боюсь какой либо вневпадности и довершу издавна начатое. Сабанѣевъ мнѣ помощникъ отличный, — насчетъ его ошибаются“. Упомянувъ о лицахъ, неблагомыслящихъ въ арміи, Киселевъ разумѣлъ главное—Раевского, майора 32-го Егерскаго полка, котораго начальникъ 16-й дивизіи, М. Орловъ, приблизилъ къ себѣ и поручилъ ему завѣдываніе ланкастерскими школами. Раевскій навлекалъ на себя подозрѣніе въ учрежденіи масонской ложи и въ распространеніи между офицерами либеральныхъ идей, а между солдатами внушеній, способствующихъ къ ослабленію дисциплины. Онъ находился уже подъ наблюденіемъ секретной полиціи. „Давно я имѣлъ подъ надзоромъ“—писалъ Киселевъ Закревскому ²⁾—„нѣкоего Раевского, майора 32-го Егерскаго полка, который извѣстенъ мнѣ былъ вольнодумствомъ, совершенно необузданнымъ; нынче, по согласію съ Сабанѣевымъ, производится явное и тайное изслѣдованіе о всѣхъ его поступкахъ, и, кажется, суда и ссылки ему не миновать. Грустно мнѣ, что Орловъ не только терпѣлъ его при себѣ, но не переставалъ защищать поведеніе его“. Одновременно Сабанѣевъ наблюдалъ и за М. Орловымъ, покровителемъ Раевского, ревностно заботившимся о гуманномъ обращеніи съ солдатами и о распространеніи между ними образованія.

Въ концѣ 1821 года, въ дивизіи Орлова, именно въ Камчатскомъ полку, случилось нарушеніе дисциплины тремя или четырьмя солдатами, воспрепятствовавшими капитану наказать каптенармуса. Орловъ

¹⁾ Отъ 22-го января 1822 года.

²⁾ Изъ Клишичева, 27-го февраля 1822 года.

простилъ солдатъ и старался вообще скрыть это происшествіе; но агенты секретной полиціи донесли Сабанѣву, а онъ извѣстилъ Киселева.

Павелъ Дмитріевичъ, съ своей стороны не придавая особой важности этому дѣлу, распорядился, однако, произвести слѣдствіе, увѣдомилъ князя Волконскаго и въ то же время писалъ Закревскому:

24 января 1822 года. Тульчинъ.

„При смѣнѣ полковниковъ начались расчеты и тутъ оказались злоупотребленія. Полковныя, какъ и ротныя командиры, повидимому, желали прикрыть утраченныя деньги собственностью солдата; всѣ вѣроятно успѣли; но одинъ Камчатскаго полка капитанъ вздумалъ вмѣсто изворотливости употребить палки и роту противъ себя поставить; отказали деньги, отказали провіантъ, и, наконецъ, когда глупый и корыстолюбивый начальникъ вздумалъ за то наказывать кадетармуса, то рота просила помилованія, а трое солдатъ, не видя успѣха въ просьбахъ, отняли палки у унтеръ-офицеровъ, вѣроятно на то согласныхъ, и доказали, что командиръ, потерявшій нравственную силу противъ подчиненныхъ, вовсе остается безсиленъ. Вотъ происшествіе, которое законнымъ порядкомъ слѣдуется, но которое побуждаетъ меня забраться на нѣсколько времени въ Бессарабію, куда лазутчики мои меня приглашаютъ и гдѣ я пристальнѣе и строже дѣйствовать буду. Конечно, дѣло сіе пустое и армейскимъ полкамъ не новое (ибо двѣ трети ротныхъ командировъ нигуда не годны), но оно тѣмъ важно, что случилось въ Камчатскомъ полку. Главнокомандующій желаетъ знать всѣ подробности и поступить съ виновными строго. Сабанѣвъ сердится ужасно и на ротнаго командира, и на Адамова, и на трехъ солдатъ, и на турокъ, и на Ланжерона, и на всѣхъ; но со мною живетъ въ ладу и въ ужасной перепискѣ, отнимающей у меня много времени, но которую я не прекращаю, ибо, при всѣхъ странностяхъ его, правила его честны и непоколебимы; опытность имѣетъ большую и просвѣщеніе непонятное для человѣка, родившагося въ Ярославлѣ — тому 56 лѣтъ. Прочитай письмо мое князю Петру Михайловичу, дабы не вздумали у васъ, что мы скрываемъ вздоръ сей, какъ дѣло важное или какъ повтореніе семеновской исторіи. Сколько я разумѣю, то мнѣ кажется, тутъ болѣе всѣхъ виновенъ Адамовъ, который въ ссорѣ съ капитанами, и теорикъ Орловъ, коему слѣдовало бы знать и предупредить денежные сія расчеты. Между нами сказать, въ 16-й дивизіи есть люди, которыхъ должно уничтожить и которые такъ не останутся; я давно за ними смотрю, и скоро громъ грянетъ...“

Закревскій, въ отвѣтъ на это письмо, одобряя, что подобныя происшествія не скрываются, писалъ Киселеву 1 февраля 1821 года

„Признаться надо, что не только ротные командиры у насъ дрянн, но и полковыхъ хорошихъ не имѣется: вотъ въ какомъ состояніи наша армія; надо брать мѣры и придумывать способы къ удлучшенію; эта филантропія не приведетъ насъ къ добру“.

Происшествія въ Камчатскомъ полку окончателно взорвали Сабанѣва; онъ разразился гнѣвомъ на М. Орлова. „Сабанѣвъ рѣшительно требуетъ другаго дивизионнаго командира“, писалъ Киселевъ Закревскому 13 февраля; „главнокомандующій съ нимъ согласенъ, и сколько мнѣ ни больно дѣйствовать противъ него (Орлова), но обязанность свою исполню и совѣты дамъ ему благіе; кажется, что Орлову должно будетъ ѣхать къ водамъ“.

Но Орловъ совѣтовъ не слушалъ; онъ не хотѣлъ признать себя виновнымъ во вводимыхъ на него обвиненіяхъ Сабанѣвымъ; онъ требовалъ суда.

Положеніе Павла Дмитріевича было затруднительное: Сабанѣвъ не уступалъ, а оправдать совершенно Орлова Киселевъ не видѣлъ возможности. Онъ желалъ устранить себя отъ этого дѣла; но обѣ враждующія стороны и самъ главнокомандующій требовали настоятельно, чтобы это дѣло было ведено Киселевымъ. „Ты не повѣришь, любезный другъ“—писалъ онъ Закревскому¹⁾,—„сколь тяжело мнѣ дѣйствовать противъ пріятели и товарища давнихъ лѣтъ; я просилъ отстранить меня отъ посредничества между Орловымъ и Сабанѣвымъ, но они и главнокомандующій требовали настоятельно, чтобы я продолжалъ заниматься симъ дѣломъ, и я обязанность свою исполню, какъ слѣдуетъ и какъ приглашаюсь къ тому довѣріемъ государя. Исслѣдованіе по разговорамъ Раевского продолжается и поручено Черемисинову и Вахтену, послѣ нарядимъ судъ, и дѣло будетъ съ концомъ; но Орлову 16 дивизією командовать болѣе не можно,—вотъ мое послѣднее и неизмѣнное заключеніе“.

Дѣло кончилось переводомъ Орлова въ другой корпусъ.

Мы нарочно привели вкратцѣ все, что только имѣется въ книгѣ г. Заблоцкаго-Десятковскаго о томъ періодѣ времени, когда стали явно обнаруживаться безпорядки въ полкахъ. Изъ этихъ цитатъ ясно, кажется, что Киселевъ зналъ о таившемся въ полковыхъ кружкахъ недовольствѣ, но въ то же время понималъ и неустранимость его. По долгу службы, однако, онъ не задумался, когда это понадобилось, прибѣгнуть къ искусственнымъ мѣрамъ, какія находились въ его распоряженіи, для того, чтобы помѣшать распространенію недовольства въ средѣ солдатъ. Такимъ образомъ и тутъ онъ сдѣлалъ что только былъ въ состояніи и, слѣдовательно, его образъ поведенія далеко отъ упрека въ сочувствіи проискамъ недовольства, равно какъ и едва ли можетъ служить оправданіемъ догадки, будто онъ не зналъ о существованіи помянутыхъ происковъ. Онъ зналъ это, но и сознавалъ все

¹⁾ 15 марта 1822 года.

бессиліе частныхъ мѣръ для искорененія недуга, становившагося общимъ въ силу неустранимыхъ причинъ.

Въ началѣ 1823 г., Киселевъ ѣздилъ въ Варшаву на представленіе императору. Внимательность государя очаровала Киселева. Но Закревскій не такъ свѣтло смотрѣлъ на успѣхи Киселева въ объясненіяхъ съ государемъ. 31 января 1823 г., онъ писалъ Киселеву: „Письмо твое, любезный другъ Павелъ Дмитриевичъ, отъ 10 января изъ Варшавы съ кн. Меншиковымъ, я получилъ исправно. Многие ты говоришь государю и даже о такихъ предметахъ, которые до тебя не касаются; все слушано, а сдѣлано ничего, слѣдовательно—лучше бы о семъ ничего не говорить, ибо пользы отъ сихъ разговоровъ никакой быть не можетъ... Ты сею поспѣшностью меня удивилъ, ибо извѣстенъ тебѣ скорый ходъ дѣлъ и обѣщанія; исполненіе же всегда тяжело и не скоро. Пора побывать въ Петербургѣ и видѣть вещи, какъ прежде ты ихъ видѣлъ, и какъ всегда мы оныя теперь видимъ. Все вышеписанное оставь между нами. Дѣла наши очень трудно сходять съ рукъ, и отъ того несчастные страдаютъ, а я помочь не въ силахъ. Мнѣ кажется, что порядокъ дѣлъ въ нашемъ государствѣ никогда не улучшится, и потому трудно служить честнымъ, которые думаютъ не объ личныхъ выгодахъ, а о благоденствіи своего отечества. Впрочемъ, какъ ни дурно, но дай Богъ, чтобы государь пережилъ всѣхъ насъ; а безъ него какая будетъ надежда, и что за происшествія могутъ постичь Россію? Какъ подумаешь о семъ, то сердце содрогается!..“ Закревскій оказался правъ: многое, что было обѣщано Киселеву, осталось безъ исполненія. Въ томъ же году государь произвелъ смотръ и въ награду Киселевъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Но его уже не восхищало его мѣсто. Онъ считалъ, что, приведя армию въ должный порядокъ, онъ сдѣлалъ все, что отъ него требовали и ожидали, и что ему болѣе ничего не оставалось дѣлать. Къ тому же его прежняя благопріятная обстановка мало-по-малу измѣнилась. Усилившееся вліяніе Аракчеева и мрачное настроеніе духа государя отражались холодомъ и застоємъ въ дѣлахъ; никакой мысли объ улучшеніяхъ не было хода; вмѣсто теплаго участія, которое П. Д. находилъ постоянно въ кн. Волконскомъ и Закревскомъ (они получили другія назначенія), онъ встрѣчалъ равнодушіе или бездѣйствіе начальства; въ Тульчинѣ уже не было прежнихъ его товарищей. О душевномъ настроеніи Киселева при такихъ обстоятельствахъ можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ письма его къ Закревскому, отъ 18 февраля 1825 г.: „О своей жизни мнѣ трудно что-либо сказать новаго; я продолжаю трудиться за другихъ и воображаю, что могу быть полезнымъ нѣкоторымъ. Дѣятельность моя усумнилась или, лучше сказать, притупилась бездѣйствіемъ начальства, которое меня съ учтивостью терпитъ и, кажется, желаетъ, чтобы душевные и умственные стремленія я оставилъ для себя и для другихъ текущихъ дѣлъ. Убѣжденіе въ бесполезности заставить сложить

яро, которое 6 лѣтъ ношу и которое при васъ и отъ васъ, любезные друзья мои, меня не тяготило; но теперь честолюбіе—безъ пищи, и пожертвованія — безъ цѣли; остается ожидать приговора судьбы, который кончитъ суетную жизнь, химеръ посвященную, для начатія другой, менѣе блистательной, но болѣе полезной“... Въ другомъ письмѣ (1 ноября) онъ пишетъ: „Я продолжаю жить въ Тульчинѣ и часъ отъ часу скучнѣе; занимаюсь много — по привычкѣ, но признаюсь, что душа охладѣла, потому что, кажется, принято обезоочивать людей усерднѣйшихъ... Я оглубѣлъ отъ безлюдья, ибо, кромѣ фронтовиковъ и писцовъ, никого не вижу и ничего не знаю“.

Такое настроеніе какъ бы служило предвѣстіемъ печальныхъ для Киселева событій, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшихъ—кончины императора и исторіи декабристовъ.

Ө. Вулгаковъ.

(Продолженіе отъ слѣдующей книжки).

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

(Записка очевидца Д. М. Наумова ¹⁾).

О ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, въ апрѣль 1850 года, ко всѣмъ служившимъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку были разосланы приглашенія отъ великаго князя цесаревича Александра Николаевича присутствовать на празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея со дня назначенія императора Николая Павловича шефомъ этого полка. Губернаторамъ предписано было розыскать старыхъ измайловцевъ, проживающихъ по губерніямъ, и передать имъ высочайшее приглашеніе, чтобы они также прибыли въ Петербургъ. День юбилея приходился на 26 мая, но такъ какъ императоръ отбылъ за-границу, то для праздника назначенъ былъ день св. Троицы, 11 іюня, — день полковаго праздника. 9 іюня, по предварительному приглашенію отъ цесаревича, всѣ съѣхались къ 10 часамъ утра въ Зимній дворецъ, на половину его императорскаго высочества. Цесаревичъ встрѣтилъ всѣхъ благосклоннымъ привѣтствіемъ, обошелъ всѣхъ, со всѣми говорилъ и, ставъ посреди собравшихся, сказалъ: „Вышла „Исторія Измайловскаго полка“; пріятно ее прочесть, ибо, со дня основанія этого полка, не было ни одной важной эпохи въ російской исторіи, гдѣ бы этотъ полкъ не ознаменовалъ себя усердіемъ и преданностью царямъ и отечеству; не было войны, въ которой онъ не участвовалъ бы, и всегда пожиналъ неувядаемые лавры; остается желать, чтобы новое поколѣніе поддерживало честь и славу полка, въ чемъ я и увѣренъ“. Съ этими словами цесаревичъ обернулся къ полковому командиру и подалъ ему руку.

¹⁾ Записка эта обязательно сообщена въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ Павломъ Степановичемъ Усовымъ.

Въ шесть часовъ вечера того же 9 июня, всѣ служившіе въ Измайловскомъ полку собрались въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца, куда къ тому же времени явились всѣ служащіе офицеры полка, взводъ его гренадеръ и знаменныя унтеръ-офицеры, для присутствія при прибывѣ новыхъ знаменъ, которыя были пожалованы императоромъ взаменъ прежнихъ, обветшалыхъ. Старыхъ измайловцевъ собралось 108 человекъ. Въ этомъ числѣ оказалось нѣсколько человекъ времени Екатерины II, Павла I и много изъ эпохи Александра I. Большинство было изъ числа служившихъ съ начала назначенія императора Николая шефомъ полка и во все время его царствованія.

Въ половинѣ седьмаго часа вечеромъ, императоръ Николай Павловичъ, въ сопровожденіи всѣхъ великихъ князей, вступилъ въ Георгіевскую залу. Остановившись передъ собравшимися, онъ приветливо поклонился всѣмъ и сказалъ: „Благодарю васъ, господа, что не поклонились ко мнѣ прѣхать; благодарю васъ отъ души. Вы сдѣлали меня съ праздникомъ, ибо для меня истинный праздникъ васъ видѣть. Смотри на васъ, я вспоминаю славныя эпохи службы вашей въ полку; вспоминаю и мою службу съ вами и мою молодость. Прошу васъ встать такъ, чтобы я могъ подойти къ каждому изъ васъ и прошу васъ себя не называть. Я могу всякаго изъ васъ самъ вспомнить, и если кого не узнаю, то, извините, я уже старъ и память слаба.“

Всѣ присутствовавшіе старослуживые выстроились въ одну шеренгу, на большомъ протяженіи. Императоръ подходилъ къ каждому и съ каждымъ говорилъ. Сказанное государемъ было слышно только сосѣдямъ того, съ кѣмъ онъ говорилъ. Я стоялъ между Норовымъ и бывшимъ полковымъ докторомъ Каменецкимъ. Подойдя къ Норову, императоръ Николай сказалъ:

— Постой, не называй себя, я тебя сейчасъ вспомню. Призадумавшись немного, государь продолжалъ:—Ахъ, Норовъ! Здравствуй! Гдѣ же твои братья? Вѣдь васъ было четверо?

— Точно такъ, ваше величество, насъ служило четверо въ полку, но всѣ мои братья померли.

— У насъ, братъ, съ тобою, возразилъ императоръ,—одинаковая горькая участь: и насъ было четверо, а остался я одинъ. Очень радъ тебя видѣть.

Взглянувши на меня, императоръ Николай Павловичъ сказалъ:

— Этого нечего называть: этой мой старый юнкеръ моей старой школы. Здравствуй, Наумовъ! Въ которомъ году ты вышелъ изъ полка? причѣмъ взялъ меня за плечо.

— Въ 1833 году, ваше величество.

— Кажется, я тебя перевелъ изъ пажей?

— Точно такъ, ваше величество.

Увидавъ старика Каменецкаго, императоръ сказалъ:

— Что это за старикъ? Ахъ, Каменецкій! Какъ я радъ тебя ви-

дѣтъ! и взялъ его за руку. Каменецкій намѣревался поцѣловать руку государя, но императоръ его обнялъ. По выраженію лица Николая Павловича видно было, что императоръ очень радъ былъ увидать семидесятилѣтняго старца, нѣсколько разъ лечившаго государя и неоднократно помогавшаго ему.

— Какъ ты постарѣлъ! сказалъ императоръ.

— Да и вы, ваше величество, не помолодѣли.

— Спасибо, что говоришь правду; а помнишь ли, какъ ты меня вылечилъ отъ чирьевъ? Недавно я хотѣлъ за тобою послать; онятъ было они меня замучили.

— Ваше величество, отвѣчалъ Каменецкій,—куда я уже теперь похужу; я старъ, а у васъ столько хорошихъ медиковъ и безъ меня.

— Нѣтъ, братъ, какъ придется плохо, то безъ тебя не обойдется. А каковъ у меня языкъ?

— Хорошъ, ваше величество.

— А пульсъ? причежь императоръ подалъ Каменецкому руку.

— Сильнѣе прежняго, ваше величество.

Государь засмѣялся и пошелъ къ слѣдующимъ старымъ измайловцамъ, одаривъ каждого милостивымъ привѣтствіемъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ служащимъ въ полку офицерамъ. Видно было, что они были довольны словами императора, потому что не переставали ему кланяться. Во все время обхода императоромъ собравшихся въ Георгиевской залѣ, за нимъ ходилъ новый гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, въ первый разъ подходившій въ этотъ день къ государю на ординарці. То былъ великій князь Николай Александровичъ, старшій сынъ наследника цесаревича, въ полной формѣ рядоваго, въ солдатскомъ мундирѣ, въ каскѣ, въ португезѣ и въ перевязи, съ ружьемъ. Когда великій князь Николай Александровичъ явился 9 іюня въ первый разъ къ своему дѣду на ординарці, то императоръ Николай Павловичъ спросилъ его:

— Какъ тебя зовутъ?

— Николай Романовъ, ваше императорское величество.

— Давно ли ты на службѣ?

— Седьмой годъ, ваше императорское величество.

— Въ какомъ ты баталіонѣ?

— Въ первомъ и въ ротѣ вашего императорскаго величества.

— Какой ты губерніи?

— Петербургской и уроженецъ царскосельскій, ваше императорское величество.

— Служи хорошо!

— Радъ стараться, ваше императорское величество.

Государь пригласилъ старыхъ измайловцевъ прибывать въ дренкамъ новыя знамена и самъ прибилъ первые гвозди ко всѣмъ тремъ знаменамъ. Старики-измайловцы прибывали знамена тѣхъ баталіоновъ, въ которыхъ прежде служили. Прибивка знаменъ продолжалась до

десятого часа вечера. Во все это время императоръ оставался въ Георгіевской залѣ, разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, шутилъ, вспоминалъ старое время. Казалось, что онъ сложилъ съ себя на нѣкоторое время царское свое величіе и принималъ старослуживыхъ съ радушіемъ гостепріимнаго хозяина и товарища. Онъ, повидимому, радовался, видя себя окруженнымъ старыми своими сослуживцами.

Новыя знамена, по окончаніи церемоніи прибавки, были приняты унтеръ-офицерами, причѣмъ на часы къ знамени перваго баталіона сталъ великій князь Николай Александровичъ, затѣмъ были отнесены въ Портретную галлерей и положены къ подножію изображенія императора Александра I. Старыя знамена были присланы въ Измайловскій полкъ, для храненія въ соборѣ св. Троицы передъ алтаремъ, съ тѣмъ, чтобы они выносились одинъ разъ въ годъ, 25 декабря, на торжество избавленія Россіи отъ нашествія враговъ въ 1812 г.

Въ полночь съ 9 на 10 іюня, командиръ Измайловскаго полка, генералъ-маіоръ Ковловъ, получилъ отъ дежурнаго генерала письмо съ извѣщеніемъ, что государю императору угодно имѣть къ шести часамъ утра списокъ дѣтей старослуживыхъ Измайловскаго полка, не поощренныхъ еще въ казенныя заведенія. Для собранія этихъ свѣдѣній, въ распоряженіе генералъ-маіора Козлова были командированы четыре расторопные фельдъ-егера, которые должны были ночью объѣхать всѣхъ прибывшихъ въ Петербургъ старыхъ измайловцевъ и собрать требуемыя данныя. Въ семь часовъ утра, дѣйствительно, списокъ дѣтей былъ представленъ императору.

Въ девять часовъ утра, въ воскресенье, 10 іюня, всѣ старослуживые Измайловскаго полка, согласно съ словеснымъ приглашеніемъ, выраженнымъ имъ наканунѣ вечеромъ самимъ императоромъ, собрались на площади передъ соборомъ св. Троицы. Имъ отвели мѣсто противъ праваго фланга полка, выше всѣхъ генералъ-адъютантовъ, генераловъ и даже министровъ. Объѣхавъ полкъ, императоръ повернулъ къ старослуживымъ и, остановившись въ двухъ шагахъ отъ нихъ, сказалъ, всѣмъ извѣстнымъ въ свое время громкимъ, звучнымъ голосомъ: „Здравствуйте, друзья-товарищи; спасибо, что пріѣхали на праздникъ къ старому вашему товарищу! Благодарю васъ! Вы видите, я тронуть!“ Слезы покатались изъ глазъ государя. Указывая рукою на сердце, онъ продолжалъ: „Повѣрьте! я умѣю чувствовать“. Всѣ старослуживые отвѣчали вмѣстѣ вдругъ государю то, что всякій изъ нихъ чувствовалъ. Всѣ плакали. Пріѣтствіе государя, исходившее изъ глубины его сердца, всѣхъ поразило.

За бывшими офицерами Измайловскаго полка расположились отставные нижніе чины, старые, заслуженные, израненные ветераны, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи. Государь подѣхалъ къ нимъ, очень многихъ узналъ и называлъ по имени, долго говорилъ съ ними и, замѣтивъ въ задней шеренгѣ старика-гренадера съ ребенкомъ на рукахъ, спросилъ его: „Кого ты держишь на рукахъ?“ Старикъ от-

вѣчалъ: — Виновать, ваше императорское величество. Знаю, что въ фронтѣ это не дозволено, но это мой внукъ. Я пришелъ издалека и его притащилъ съ собою; пускай помнитъ, что имѣлъ счастье видѣть ваше величество.—Видно было, что этотъ отвѣтъ ветерана произвелъ пріятное впечатлѣніе на императора.

Послѣ освященія новыхъ знаменъ и окончанія богослуженія въ соборѣ, императоръ посѣтилъ казармы, причѣмъ произвелъ фельдфебеля своей роты въ подпоручики армии, остальнымъ фельдфебелямъ пожаловалъ по 50 р. с. каждому, унтеръ-офицерамъ по 10 р., а рядовымъ по 3 р. на каждого и по 1 р. на обѣдъ. До того, прибывъ къ полку передъ соборомъ, императоръ поздравилъ своими флигель-адъютантами полкового адъютанта Дренякина и командира первой гренадерской роты Чебышева, всѣхъ офицеровъ полка, старшихъ въ чинахъ, произвелъ въ слѣдующіе чины, а полкового командира назначилъ въ свиту его величества. Отставнымъ нижнимъ чинамъ, явившимся на празднованіе юбилея, были выданы прогоны на счетъ императора до мѣстъ, откуда они прибыли, и сверхъ того, унтеръ-офицерамъ выдано было по 15 р., а рядовымъ по 10 р. на каждого. Всего въ этотъ день на полкъ было роздано около двадцати тысячъ рублей. Многіе изъ старослуживыхъ офицеровъ также удостоились особенныхъ наградъ и милостей. Пятеро, старшіе по лѣтамъ, получили дорогіе подарки, а именно золотыя табакерки и перстни съ портретами или съ брилліантовыми вензелями императора. Многимъ выданы были денежные вспомошествованія. Одинъ изъ лучшихъ и храбрыхъ офицеровъ Измайловскаго полка, выйдя въ отставку, впалъ въ бѣдность, долги, не находилъ себѣ занятій, а потому явился на праздникъ, какъ говорится, „въ неисправной аммуничкѣ“. Императоръ, замѣтивъ его бѣдное одѣяніе, подозвалъ къ себѣ, узналъ его бѣдственное затруднительное положеніе, вызванное препятствіями, ему поставленными для вступленія вновь на службу, приказалъ опредѣлить его полиціймейстеромъ въ Петербургъ сверхъ штата, до открытія вакансіи, съ производствомъ ему полного содержанія и съ сохраненіемъ получаемой имъ пенсіи. На другой день послѣ этого разговора, императоръ прислалъ ему 1500 р. сереб.

Къ четыремъ часамъ пополудни, 10-го іюня, всѣ съѣхались къ обѣденному столу въ Зимній дворецъ, гдѣ старослуживымъ офицерамъ объявлена была высочайшая милость, а именно, что всѣ ихъ сыновья опредѣлены на казенный счетъ въ учебныя заведенія. За столомъ императоръ сидѣлъ противъ императрицы, имѣя по правую руку подлѣ себя наслѣдника цесаревича, а по лѣвую командира полка, которому во все время обѣда, наравнѣ съ членами императорской фамиліи, служилъ камеръ-пажъ. Во время обѣда императоръ, вставъ съ мѣста, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, сказалъ: „За ваше здорье, друзья-товарищи! Еще разъ благодарю васъ!“ и чокнулся бокаломъ съ командиромъ полка. Другихъ тостовъ за этимъ обѣдомъ

не было. За обѣденнымъ столомъ сидѣло также пять самыхъ старыхъ рядовыхъ ветерановъ Измайловскаго полка. Двое изъ нихъ были времяемъ Екатерины Великой и были тяжело ранены въ одну изъ тогдашнихъ турецкихъ войнъ. Государь пожаловалъ ихъ по золотой медали на Андреевской лентѣ; на одной сторонѣ медали изображенъ былъ вензель императрицы Екатерины II съ надписью „въ память“, а на другой вензель императора Николая съ надписью „за усердіе“.

Послѣ обѣда въ Петровской залѣ, всѣ старослуживые офицеры были представлены государемъ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, которая каждому сказала какое нибудь привѣтствіе.

Черезъ два дня одни старослужившіе въ Измайловскомъ полку офицеры получили приглашеніе къ обѣденному столу императора въ Петергофъ на 14-е іюня. Для отвоза туда приглашенныхъ назначенъ былъ придворный пароходъ, а въ Петергофъ на пристани ждали ихъ придворные экипажи. Бывшему измайловскому офицеру Кожевникову, чиновнику придворной конторы, приказано было императоромъ показать приглашеннымъ Петергофъ, для чего ему былъ присланъ собственноручно написанный государемъ маршрутъ о томъ, что слѣдуетъ смотрѣть. Послѣ великолѣпнаго завтрака въ Монплеазирѣ, приглашенные измайловцы отправились въ придворныхъ экипажахъ по Петергофу. У Островковъ измайловцы встрѣтили императрицу, которая установила свой экипажъ. Измайловцы подошли къ ней и услышали слѣдующее привѣтствіе, сказанное по-французски: „Господа, я поѣхала къ вамъ на встрѣчу, чтобы узнать, довольны ли вы всѣмъ? Не были ли вы обезпечены на пароходѣ вѣтромъ, который очень сильно дулъ?“ Всѣ были тронуты такимъ милостивымъ вниманіемъ.

Когда всѣ приглашенные къ обѣду собрались въ Большомъ дворцѣ, то дежурный генераль-адъютантъ объявилъ имъ, что императоръ проситъ ихъ къ себѣ въ кабинетъ. Государь обратился къ старымъ измайловцамъ съ слѣдующими словами: „Надѣюсь, господа, что вы на меня не въ претензіи, что я васъ еще разъ обезпечилъ, пригласивъ васъ отобѣдать ко мнѣ въ Петергофъ? Мнѣ истинное удовольствіе васъ видѣть, а когда мы еще увидимся—Богъ знаетъ. Знаете ли вы, что это за комната? Это кабинетъ Петра Перваго. Въ немъ ничего не перемѣнено съ его времени; это былъ кабинетъ моего дѣда, моего батюшки, а теперь мой кабинетъ. Вы видите, сколько въ этой комнатѣ дорогихъ для меня воспоминаній, а теперь прибавится еще новое, сердечное воспоминаніе: то, что я васъ здѣсь принимаю. Право, глядя на васъ, мнѣ кажется, что у меня тридцать лѣтъ съ костей долой! Все ли вы видѣли въ Петергофѣ? я думаю, многіе изъ васъ его не узнали? Я приказалъ вамъ все показать и для того съ вечера самъ написалъ для васъ маршрутъ. Все ли вы видѣли? Всѣмъ ли довольны?“ Государь бесѣдовалъ съ старыми измайловцами болѣе получаса. Вдругъ сзади послышались шаги: то былъ наследникъ це-

срешить, только что прїѣхавшїй изъ Царскаго Села. Императоръ пошелъ къ нему навстрѣчу, нѣжно его объялъ и сказалъ своимъ гостямъ: „Господа, мнѣ нужно съ нимъ поговорить: я прошу васъ къ императрицѣ, на балконъ“. Императрица Александра Федоровна ждала измайловцевъ одна, на балконѣ, безъ всякой свиты. Императрица бесѣдовала съ измайловцами, пока государь не вышелъ изъ своего кабинета. 4

За столомъ по одну сторону императора, сидѣвшаго противъ императрицы, размѣстились старые измайловцы, а по другую сторону офицеры лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, праздновавшіе въ тотъ день свой годовой праздникъ. За обѣдомъ государь еще разъ произнесъ тостъ за здоровье своихъ „товарищей-друзей“. Когда послѣ обѣда подали кофе, то императоръ пригласилъ старыхъ измайловцевъ послѣдовать за нимъ на балконъ. „Господа,—сказалъ онъ—въ память дней, проведенныхъ мною съ вами, примите отъ меня „Исторію Измайловскаго полка“; мнѣ жаль, что не успѣли напечатать достаточное для васъ число экземпляровъ; но если кому изъ васъ теперь не достанется по экземпляру, тѣмъ я самъ вышлю; оставьте только ваши адреса“. Затѣмъ императоръ началъ собственноручно раздавать книги. На лицо измайловцевъ оказалось человекъ шестьдесятъ, а книгъ было не болѣе сорока. Вначалѣ государь раздавалъ безъ разбора всѣмъ, стоявшимъ подлѣ него; но когда количество книгъ сильно уменьшилось, то сталъ вызывать по именамъ.

Императоръ и императрица простились съ старыми измайловцами въ самыхъ лестныхъ для нихъ выраженїяхъ. Послѣдними словами государя были: „Готовьте вашихъ рекрутиновъ, я хочу, чтобы они всѣ были въ Измайловскомъ полку, чтобы вашъ духъ сохранился въ полку“.

Д. Наумовъ.

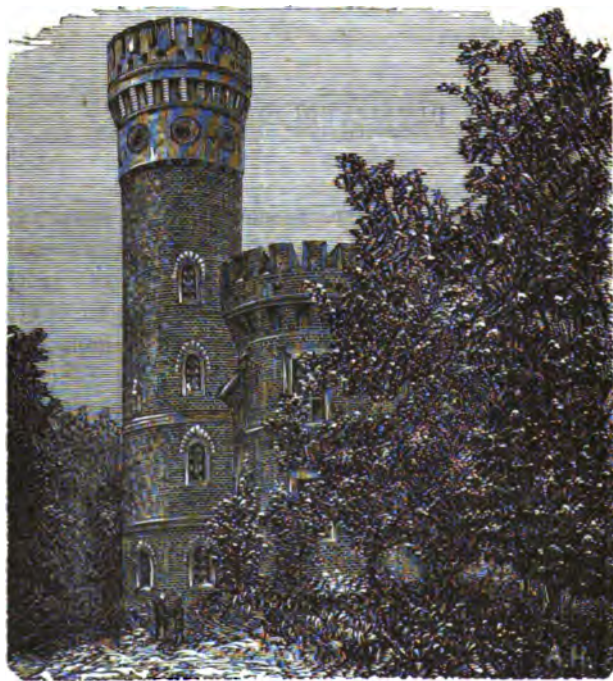
РАУДАНСКИЙ ЗАМОКЪ.

НА ПОЛПУТИ между гг. Ковно и Тильзитомъ, въ 60-ти верстахъ отъ послѣдняго, на правомъ возвышенномъ берегу Нѣмана, лежитъ замокъ Рауданъ, игравшій нѣкогда немаловажную роль въ исторіи Литвы и получившій извѣстность тѣмъ, что подъ стѣнами его палъ смертельно раненный Гедиминъ, могила котораго находится въ окрестностяхъ. Вся долина р. Нѣмана на 40 верстѣ въ окружности видна съ громадной 15-ти саженой башни стараго замка, окруженнаго вѣковыми каштановыми, дубовыми и ясеневыми парками.

Во времена Гедимина, долина рѣки Нѣмана была усѣяна литовскими деревянными укрѣпленіями, защищавшими жителей Жмуди отъ набѣговъ нѣмцевъ. Полвѣка длилась упорная борьба азычниковъ литовцевъ съ христіанскими рыцарями.

Въ 1337 году, Теодорикъ Альтенбургскій, гросмейстеръ рыцарей тевтонскаго ордена, снарядилъ крестовный походъ на Жмудь. Главнокомандующимъ былъ избранъ Іоаннъ, король чешскій; но онъ дошелъ лишь до Вислы и передалъ начальство юному Генриху Баварскому, племяннику императора Людовика. Этотъ доблестный вожь остановился на Нѣманѣ и построилъ на маленькомъ островѣ, лежащемъ почти на серединѣ рѣки, крѣпостцу, которую назвалъ Ромайне-Вердеръ. Въ трехъ верстахъ ниже по Нѣману, на правомъ его берегу, расположено было большое деревянное укрѣпленіе, называвшееся Веліона. Оно было хорошо укрѣплено и считалось главнымъ оплотомъ литовцевъ, но не могло устоять противъ огнестрѣльнаго оружія рыцарей тевтонскаго ордена, неизвѣстнаго еще жмудскимъ защитникамъ. Веліона скоро пала и была сожжена, а на мѣстѣ ея было построено каменное укрѣпленіе Фридебергъ, нынѣ не существующее.

Воспользовавшись отсутствиемъ Гедимины, находившагося въ то время въ походѣ противъ татаръ, Генрихъ Баварскій рѣшился выстроить нѣсколько ниже Фридеберга, на горѣ, новый укрѣпленный замокъ, съ 15-ти саженною башнею, съ которой далеко въ обѣ стороны были видны берега и вся долина р. Нѣмана. Громадный замокъ строился весьма поспѣшно, подъ личнымъ наблюдениемъ Генриха, и черезъ два года былъ оконченъ и названъ въ честь строителя Непгук-Вауегп. (Замокъ сохранился до сего времени и извѣстенъ подъ своимъ жмудскимъ названіемъ Рауданъ, отъ жмудскаго слова gaudone, — красный).

Башня Рауданскаго замка.

Генрихъ Баварскій, вскорѣ послѣ постройки замка, покинулъ Жмудъ и всё свои владѣнія вмѣстѣ съ постройками, въ томъ числѣ и замокъ Рауданъ, продалъ гротмейстеру тевтонскихъ рыцарей Теодорику, который, 17-го декабря 1337 года, получилъ отъ императора германскаго Людовика грамоту на владѣніе Литвою и Жмудью вмѣстѣ съ замкомъ Рауданомъ, возведеннымъ на стѣпенъ столицы новаго государства Теодорика Альтенбургскаго. Между тѣмъ Гедиминъ, окончивъ свой татарскій походъ, вернулся въ г. Вильну въ началѣ 1338 года и тотчасъ же началъ готовиться къ войнѣ противъ новыхъ сосѣдей тевтовцевъ.

Угрюмый, печальный сидѣль Гедиминъ въ своей ставкѣ, придумывая, какъ бы завладѣть грознымъ Рауданомъ. Вдругъ къ нему въ ставку вошелъ молодой жемудинъ, выходець съ границы Пруссіи, проживавшій вмѣстѣ съ братомъ своимъ въ Рауданѣ въ качествѣ хранителей тайниковъ (потайныхъ ходовъ). Братъ его остался въ замкѣ, а онъ темной ночью пробрался въ лагерь къ Гедимину и предложилъ ему за кошель золота предать замокъ, указавъ тайные ходы, и при помощи брата убить или взять живымъ Теодорика. Гедиминъ радостно принялъ предложеніе, и подъ предводительствомъ сына своего Ольгерда двинулъ на Рауданъ свои полчища. 15-го іюня того же года, литовцы появились у замка, но вмѣсто отворенныхъ воротъ увидѣли въ башенномъ окнѣ повѣшеннаго пруссака,—его выдалъ братъ, не захотѣвшій нарушить присяги крещенія мечемъ. Ольгердъ не упалъ духомъ и началъ осаду. Двадцать два дня длилась она безъ всякаго результата; наконецъ Ольгердъ, во главѣ своей отборной дружины, бросился на штурмъ замка и достигъ уже стѣнъ его, но храбрецы, поражаемые градомъ пуль, устлали путь своими трупами и должны были отступить. Рауданъ устоялъ, но ряды тевтонцевъ сильно порѣдѣли, а множество труповъ у стѣнъ замка, вслѣдствіе гнѣвныхъ жаровъ, стали быстро разлагаться и производить невыносимое зловоніе, отчего среди защитниковъ началась страшная смертность.

7-го іюля, на зарѣ, въ Рауданѣ услышали звуки трубъ—это шелъ на выручку рыцарь Генрихъ Дусмеръ-фонъ-Арбергъ съ новыми дружинами тевтонцевъ. Ольгердъ со всѣми войсками двинулся навстрѣчу пришельцамъ. Закипѣла жестокая битва, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Ольгерда.

Въ началѣ слѣдующаго 1339 года, Гедиминъ собралъ новыя дружины и, самъ ставъ во главѣ ихъ, быстро двинулся на Рауданъ и штурмовалъ его. Рауданцы встрѣтили враговъ жестокимъ огнемъ; артиллерія тевтонцевъ и германцевъ произвела столь страшное опустошеніе въ рядахъ нападающихъ, что они поколебались. Тогда престарѣлый Гедиминъ, сойдя съ коня и опираясь на свой мечъ, пошелъ впереди, одушевляя воиновъ своимъ примѣромъ. Но едва онъ приблизился къ стѣнамъ замка, какъ изъ окна башни грянулъ выстрѣлъ и Гедиминъ упалъ смертельно раненный. Кликъ радости раздался за стѣнами. Рыцари привѣтствовали мѣткій выстрѣлъ, вырванный искусною рукою начальника башни, рыцаря Тилемана фонъ-Зумпаха.

Неописанное смятеніе распространилось въ войскахъ Гедимина. Раненаго и находившагося въ обморокѣ князя отнесли на щитѣ въ безопасное мѣсто. Гедиминъ открылъ въ послѣдній разъ глаза, въ которыхъ свѣтилась непреклонная воля, не покинувшая и теперь истекавшаго кровью старца, твердымъ голосомъ выразилъ желаніе, чтобы его похоронили въ Виліонѣ, затѣмъ приказалъ сыновьямъ во

чтобы то ни стало взять Рауданъ, но пощадить жизнь своего убійцы, и заклиналъ ихъ жить въ вѣчной дружбѣ и согласіи. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого онъ скончался.

Литовскія войска отступили отъ Раудана и, нетревожимыя неприятелемъ, въ безмолвіи, торжественно понесли бездыханное тѣло своего вождя въ Виліону. Здѣсь на громадномъ кострѣ трупъ былъ сожженъ. Войска вырыли могилу у подошвы такъ называемой замковой горы, опустили туда пепель и насыпали громадную земляную насыпь въ 40 футовъ вышиною, которая и зовется съ тѣхъ поръ Гедиминовою горою.

Гедиминова могила.

Похоронивъ отца, Гедиминовичи собрались въ г. Ковно и на большомъ военномъ совѣтѣ рѣшили исполнить волю отца, и продолжать военныя дѣйствія противъ тевтонцевъ и германцевъ. Главнымъ вождемъ былъ избранъ старшій братъ Монтевидъ. Послѣдній энергически взялся за дѣло. Владѣя громадной казною, онъ скоро могъ достать огнестрѣльное оружіе и набрать хорошихъ стрѣлковъ.

Съ 40.000 арміею и огромною артиллеріею Монтевидъ подступилъ къ Раудану. Многодневный бой подъ стѣнами замка рѣшилъ участь Раудана въ пользу Монтевида. Замокъ палъ и уцѣлѣвшій гарнизонъ сдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ рыцаремъ Зумпахомъ. Гедиминовичъ не исполнилъ предсмертнаго приказанія отца. Несчастный Тилеманъ-фонъ-Зумпахъ былъ повѣшенъ въ томъ самомъ окнѣ башни, изъ ко-

того застрѣлилъ Гедимина. Затѣмъ Монтевидъ двинулся далѣе по р. Нѣману, разбилъ новыя войска германцевъ и тевтонцевъ, шедшія на выручку Раудана, взялъ города Рагнитъ и Тильзитъ, и заключилъ чрезвычайно выгодный миръ. Но въ 1343 году германцы, узнавъ о раздорахъ, возникшихъ между Гедиминовичами, объявили имъ войну и, напавъ врасплохъ на Рауданъ, овладѣли имъ и разрушили его. Вмѣсто разрушеннаго Раудана, тевтонцы построили въ 9-ти верстахъ ниже по р. Нѣману новый замокъ, названный Бейербургомъ, который сохранился до нашего времени и извѣстенъ на Жмуди подъ именемъ замка Гелгуда.

Дальнѣйшія извѣстія о Рауданѣ относятся уже къ XVI столѣтію, когда король польскій Жигмонтъ II Августъ пожаловалъ замокъ и его окрестности Кристину-фонъ-Киршенштейну, который возобновилъ его и устроилъ. Съ того времени, втеченіе болѣе двухъ столѣтій, замокъ находился во владѣніи рода Киршенштейновъ, давшаго Литвѣ многихъ воеводъ и епископовъ.

Гербъ Киршенштейновъ на замкѣ сохранился до сего времени и красуется на башнѣ съ восточной стороны замка.

Въ 1810 году, Рауданъ былъ купленъ княземъ Платономъ Александровичемъ Zubовымъ, пожелавшимъ присоединить его къ своимъ громаднымъ помѣстьямъ, пожалованнымъ ему императрицей Екатериной II на Жмуди послѣ третьяго раздѣла Польши. Въ 1812 году, замокъ былъ разрушенъ пожаромъ; уцѣлѣлъ лишь главный фасадъ съ башнею, но вскорѣ онъ былъ возобновленъ съ такою небывалою роскошью, что могъ затмить всѣ сосѣдніе, не только германскіе и литовскіе, но и знаменитыя польскіе замки богачей Радзивилловъ, Потоцкихъ и т. п. магнатовъ. Князь Zubовъ отдалъ Рауданъ въ приданое за своей дочерью Софією Платоновною, вышедшей замужъ за барона Пирча. Въ 1831 году, замокъ вторично сгорѣлъ и оставался въ развалинахъ болѣе двадцати лѣтъ. Баронъ Пирчъ умеръ, а владѣлица Рауданъ вышла замужъ за сенатора П. С. Кайсарова и въ 1844 году поселилась въ Рауданахъ, въ старомъ готическомъ домѣ, расположенномъ на сѣверной окраинѣ обширнаго парка, окружающаго замокъ. Въ 1854 году, владѣлица приступила къ перестройкѣ замка по новому плану, значительно его расширившему. Пристройки съ западной стороны образовали громадный залъ въ два свѣта съ балконами и террасой, съ которой открывается Нѣманъ въ очаровательной перспективѣ. Знаменитая 15-ти саженная башня, послѣ самой тщательной реставраціи, украсилась новымъ мраморнымъ гербомъ бароновъ Пирчъ. Главный фасадъ (на востокъ) снабженъ новой стѣной и украшенъ широкими итальянскими окнами и тремя раздѣльными башнями. Фасадъ этотъ изумителенъ по своему великолѣпію и грандіозности; онъ превзошелъ въ архитектурномъ отношеніи все, что до того времени существовало въ замкѣ. Самый замокъ имѣетъ три фасада. Въ сѣверной части устроена православная церковь Рождества

Христова, оконченная и освященная въ 1857 году, замѣчательная по своему иконостасу изъ цѣльнаго рѣзнаго дуба, работы извѣстнаго рѣзчика Скворцова, и живописи извѣстныхъ русскихъ художниковъ 60-хъ годовъ, въ томъ числѣ академика А. С. Богомолова. Въ замкѣ есть также и католическій костелъ, отдѣланный въ готическомъ стилѣ—необыкновенно роскошный. Къ сожалѣнiю, несовсѣмъ удачная архитектура колокольни православной церкви идетъ въ разрѣзъ съ общимъ стилемъ замка (замокъ перестраивался и реставрировался по планамъ архитектора покойнаго принца Ольденбургскаго, Штегемана).

Послѣ 1861 года, эпохи освобожденiя крестьянъ, и затѣмъ польскаго мятежа 1863 г., работы въ замкѣ шли медленно, и съ 1877 г., когда пожаръ истребилъ старыя дома, остановились вовсе. Съ 1880 года, послѣ смерти г-жи Кайсаровой, внука ея, наследовавшая Рауданы, снова возобновила работы по устройству замка и продолжаетъ ихъ до сихъ дней.

А. Норовлевъ.

КАРТИНА ИЗЪ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКАГО ТЕРРОРА.

(Une famille noble sous la Terreur. Alexandrine des Echerolles. Paris. Plon. 1879).

ПЕРЕВОРОТЪ, совершившійся во Франці въ концѣ прошлаго столѣтія, всегда будетъ однимъ изъ самыхъ поучительныхъ событій въ исторіи. Онъ постоянно будетъ привлекать общее вниманіе и своимъ всемірно-историческимъ значеніемъ, и въ то же время своей индивидуальной, драматической стороной. Къ французской революціи 1789—1799 года будутъ обращаться, чтобы изучить причины ее вызвавшія, чтобы выяснитъ историческіе законы въ ней проявившіеся и оцѣнить вліяніе, которое она имѣла на жизнь французскаго народа и культурное развитіе человѣчества; но вмѣстѣ съ тѣмъ ею будутъ интересоваться потому, что она представляетъ собой одну изъ величайшихъ и потрясающихъ драмъ, въ которой играли свою роль, сталкиваясь между собой, идеалы и заблужденія одного изъ самыхъ плодотворныхъ культурныхъ вѣговъ, подъ ихъ вліяніемъ пришла въ движеніе и заколыхалась многомилліонная масса, воднялись и гасли какъ метеоры сотни политическихъ дѣятелей, оставившихъ послѣ себя добрую или худую память, когда тысячи человѣческихъ сердецъ переполнялись такими надеждами, иллюзіями и страстями и переносили такія страданія, какія едва ли совмѣщало въ себѣ какое нибудь иное десятилѣтіе въ исторіи человѣчества. Для оцѣнки всемірно-историческаго значенія революціи, нужна продолжительная научная работа; болѣе того, нуженъ—опытъ вѣговъ, который когда-бы раскрылъ бы предъ нами ея вліяніе и ея результаты и далъ бы возможность потомству съ болѣе зрѣлостью судить объ этомъ событіи, подобно тому, какъ мы теперь лучше понимаемъ катастрофу, постигшую римскую республику, чѣмъ современники этого переворота. Но для того, чтобы вникнуть въ драматическую сторону француз-

ской революціи, ея нравственный обликъ, чтобы понять, какимъ образомъ она отразилась на человѣкѣ какъ индивидуальномъ, нравственнымъ существѣ, и какую роль игралъ въ ней человѣкъ—для этого намъ важнѣе всего свидѣтельство и исповѣдь современниковъ революціи, необходимо, такъ сказать, личное ознакомленіе съ ними. Въ виду этой цѣли для насъ драгоцѣненъ всякій новый памятникъ, который расширяетъ наше знакомство съ современниками, даетъ намъ возможность перенестись въ ихъ эпоху и среду, переживать ихъ ощущенія и взглянуть въ ихъ душу; и онъ будетъ тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ болѣе непосредственна заключающаяся въ немъ исповѣдь, чѣмъ безискусственнѣе изложеніе и чѣмъ менѣе общая, политическая сторона затмѣяетъ частный, психологическій элементъ. Въ этомъ отношеніи представляютъ особенный интересъ изданныя два года тому назадъ въ Парижѣ и печатаемыя теперь въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ въ русскомъ переводѣ „Записки Александрины дез-Ешероль“¹⁾, описывающія судьбу одного изъ многочисленныхъ семействъ, разбитыхъ въ водоворотѣ-революціи, и изображающія одну изъ самыхъ чистыхъ жертвъ эпохи, на жизни которыхъ такъ тяжело отразилось это роковое событіе. Революція захватила автора Записокъ счастливымъ ребенкомъ; дѣтская душа ея развертывалась лишь для того, чтобы болѣзненно ощущать на себѣ и на близкихъ страшный ростъ общей смуты, чтобы нравственно ерѣпнуть въ шквалъ самыхъ тяжелыхъ испытаній и среди нравственной грязи и разгула дикихъ инстинктовъ развивать въ себѣ благородныя задатки, вложенныя въ нее природой. Ея рассказъ переноситъ насъ въ самую глубь провинціальной глуши старой Франціи, куда сначала достигали только отдаленныя плески революціоннаго водоворота, но уже достаточно сильныя, чтобы совершенно замутить и этотъ тихій уголокъ. Отсюда читатель слѣдуетъ за семьей невольныхъ эмигрантовъ въ Ліонъ и переживаетъ тамъ съ нею всю эпоху террора съ ея возмутительными и захватывающими душу пережитіями; зрѣлище террора въ Ліонѣ тѣмъ интереснѣе, что, за исключеніемъ Ванден, этотъ большой промышленный городъ былъ главнымъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ оппозиція мирнаго населенія противъ насилій якобинцевъ была настолько сильна, что привела къ открытому дружному возстанію и временному торжеству. Правда, тѣмъ ужаснѣе былъ терроръ, когда онъ снова водворился въ Ліонѣ. Парижскимъ якобинцамъ, совершенно поработившимъ Конвентъ послѣ изгнанія изъ него жирондистовъ и ихъ приверженцевъ, пришлось лѣтомъ 1793 г. вести правильную осаду Ліона, и когда онъ былъ взятъ приступомъ войсками Конвента, террористы неистовствовали въ немъ съ удвоенной яростью, какъ политическіе фанатики,

¹⁾ „Записки дез-Ешероль“ были напечатаны въ первый разъ въ 1843 году подъ другимъ заглавіемъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, предназначенныхъ только для близкихъ автору лицъ.

желаніе искоренить своихъ противниковъ, и какъ ожесточенные сопротивленіемъ побѣдители. Во время этого террора молодая дѣвушка потеряла на эшафотѣ свою тетку, замѣнявшую ей мать, отца и всю семью, и оставшись въ полномъ одиночествѣ, обобранная муниципальными комиссарами, избѣгла сама гильотины лишь благодаря своей крайней молодости и хилости и участію къ ней добрыхъ людей. Долго затѣмъ пришлось ей, когда послѣ паденія Робеспьера стихнулъ терроръ и давалъ себя чувствовать только отдѣльными судорожными движеніями, скитаться по Франціи, увидѣть свой родной кровъ, который присвоили себѣ чужіе, и искать пріюта то у друзей, потерявшихъ свое благосостояніе, то у старой, выжившей изъ ума родственницы, которую обирали хитрые слуги и интриганы, пока наконецъ ей не удалось, хотя и на чужбинѣ, подобно многимъ изъ ея соотечественниковъ, собственнымъ трудомъ обезпечить свое положеніе. Приглашенная воспитательницей къ виртембергскому двору, Александрина дез-Ешероль, сама воспитанная и образованная лишь тяжелымъ опытомъ жизни, нашла, благодаря своимъ душевнымъ качествамъ и серьезному отношенію къ жизни, всеобщее уваженіе и преданныхъ друзей. Она записала свои воспоминанія для своей племянницы, которую воспитала и хотѣла познакомить съ прошлой судьбой ея семьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ заявить свою благодарность тѣмъ лицамъ, которыя самоотверженно являлись на помощь къ ней и къ членамъ ея семьи въ тяжелые года террора— или по крайней мѣрѣ почтить ихъ память. Изъ этого видно, что въ Запискахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, преобладаетъ личный элементъ. Это свойство придаетъ воспоминаніямъ дез-Ешероль ту душевную теплоту и, прибавимъ, ту жизненную правду и реальность, которыя очаровываютъ читателя и приковываютъ его вниманіе, хотя Записки по своему содержанію не представляютъ интереса историческихъ мемуаровъ въ строгомъ смыслѣ. Революція съ ея главными, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстными перенитіями, составляетъ какъ бы только грозный фонъ картины; читателю Записокъ представляется какъ бы только ея отраженіе въ душѣ и въ судьбѣ современныхъ ей людей; но рѣдкій романъ съ искусной, драматической завязкой, съ глубокимъ психологическимъ анализомъ, можетъ въ такой степени завладѣть вниманіемъ читателя и вызвать въ пользу вымышленныхъ героевъ такое участіе, какъ эти биографическія записки молодой дѣвушки о своей семьѣ, потерявшей крушеніе въ революціонной пучинѣ. Интересъ, который представляютъ Записки въ этомъ отношеніи, даетъ себя чувствовать читателю съ первыхъ же страницъ; но мы не станемъ его здѣсь касаться и останавливаться на чрезвычайно занимательныхъ биографическихъ подробностяхъ разсказа. Мы хотимъ поговорить здѣсь только объ историческомъ интересѣ Записокъ, о значеніи, которое онѣ имѣютъ для исторіи революціи. Въ этомъ отношеніи важенъ прежде всего психологическій моментъ, который въ

них высказывается, душевное настроеніи современниковъ революціи, которое онѣ передъ нами рисуютъ.

Мы судимъ теперь о революціи 1789 г. на большомъ разстояніи, правда—очень удобномъ для исторической перспективы, но чрезвычайно скрадывающемъ реальный характеръ событія. Но еще болѣе отдаляютъ насъ отъ нея общераспространенныя сочиненія, идеализирующія революцію, подобно исторіи Мишле, или представляющія ее, напримѣръ у Тьера и Минье, въ видѣ отвлеченнаго процесса, развивавшагося по законамъ внутренней логики и исторической необходимости. Если читатель, нѣсколько отуманенный этой исторической диалектикой, возьметъ въ руки книгу, подобную запискамъ дез-Ешероль, онъ какъ будто выйдетъ на свѣжій воздухъ; съ его глазъ спадеть пелена, и онъ во многомъ измѣнитъ свои сужденія. Онъ пойметъ и оцѣнитъ замѣчаніе, сдѣланное Александриною дез-Ешероль въ предисловіи къ своимъ запискамъ: „кто не былъ задѣтъ, не былъ раздавленъ революціонной смутой, не долженъ слишкомъ рѣшительно судить о ней. Это значило бы то же самое, какъ бы подъ безоблачнымъ небомъ, среди мирной долины, желать постигнуть силу бури, которая вдали вздымаетъ океанъ“.

Кромѣ большой осмотрительности и безпристрастія въ сужденіяхъ о революціи, внимательный читатель записокъ Ал. дез-Ешероль внесетъ еще другой результатъ: онъ убѣдится, что ключъ къ объясненію тогдашнихъ событій и образа дѣйствій людей революціонной эпохи нужно искать не въ одномъ только вліяніи идей XVIII вѣка и историческихъ условий, вызвавшихъ переворотъ и опредѣлившихъ его общее направленіе, но что подкладку дѣйствительности составляли—какъ вѣрно замѣчено въ предисловіи—„вихрь политическихъ страстей, властолюбіе во что бы то ни стало, овладѣвшее одними, и безпредѣльный ужасъ, который обуялъ другихъ“. Передъ читателемъ раскроется реальная сторона революціи, та, которая была всего ощутительнѣе для ея современниковъ, и онъ согласится съ авторомъ Записокъ, что непосредственнымъ результатомъ переворота, который имѣлъ цѣлью уничтоженіе всѣхъ сословныхъ и мѣстныхъ различій, было распаденіе французскаго народа на два новыя сословія,—классъ „палачей и жертвъ“. Усвоятъ себѣ этотъ коренной фактъ, дать себѣ отчетъ о вызвавшемъ его „вихрѣ страстей“, который охватилъ отдѣльныхъ лицъ и массу—есть, конечно, главное условіе, чтобы вѣрно понять революцію; читатель, который поставитъ себѣ такую задачу, найдетъ въ запискахъ дез-Ешероль много матеріала, драгоценнаго для политическаго и для культурнаго историка.

Начало Записокъ вызываетъ участіе въ читателѣ контрастомъ между семейной идилліей и разрушающими ее порывами революціонной бури. Въ одной изъ центральныхъ провинцій Франціи, около города Мулена, стоялъ замокъ дез-Ешероль, давно уже принадлежавшій старинному дворянскому роду Жиро, утратившему, подобно многимъ

другимъ дворянскимъ фамиліямъ, значительную часть своего прежнего благосостоянія, но за то эта семья сохранила всѣ типическія черты воинственнаго дворянскаго сословія Франціи; одно поколѣніе этого рода за другимъ вырастаетъ и старѣется въ лагерѣ и на поляхъ сраженія. Такъ и отецъ Александрины, вступивъ 9 лѣтъ въ полкъ своего отца, дослужился до генеральскаго чина и по завѣту предковъ посвятилъ своихъ двухъ сыновей военной службѣ съ самаго дѣтскаго возраста, такъ что старшій уже тринадцати лѣтъ былъ кавалерійскимъ офицеромъ и стоялъ съ полкомъ въ гарнизонѣ. Семья жила въ ладахъ съ своими арендаторами и пользовалась полнымъ уваженіемъ жителей сосѣдняго города.

Для читателя любопытно найти на первыхъ страницахъ Записокъ подтвержденіе факта, обнаруживающагося и изъ другихъ провинціальныхъ намятниковъ, что первымъ признакомъ совершившейся въ центрѣ государства политической революціи, первымъ результатомъ, которымъ она дала себя почувствовать провинціи, — была какая-то странная смута умовъ, паническій страхъ, невѣдомо къмъ вызванный и эпидемически распространявшійся. Какъ въ другихъ мѣстностяхъ, такъ и въ Муленѣ, вдругъ сталъ распространяться слухъ, что гдѣ-то появились какія-то шайки вооруженныхъ людей, какіе-то разбойники и грабители (brigands). Толпа заволновалась, схватилась за оружіе, образовала изъ себя народную стражу, избрала дяденя офицеровъ — и революція организовалась. Пожилой уже генералъ дез-Ешерель, прогуливавшійся по улицамъ, былъ окруженъ толпой и провозглашенъ командиромъ. И въ этомъ случаѣ, какъ видно, толпа довѣрчиво отнеслась къ своимъ старымъ вождямъ, къ мѣстной аристократіи, и нашла съ ея стороны сочувственное расположеніе. Но этотъ первый слой революціоннаго потока, состоявшій изъ людей стараго режима, благосклонно отнесшихся къ новому движенію, былъ быстро снесенъ революціей. Происшествія въ Муленѣ и въ этомъ случаѣ представляютъ намъ типическія черты эпохи. И въ Муленѣ поводомъ къ раздору была старая, наболѣвшая рана до-революціонной Франціи — подозрительная ненависть къ хлѣбнымъ торговцамъ вообще, какъ къ виновникамъ дороговизны. Плохіе пути сообщенія, законы, стѣснявшіе внутреннюю и заграничную торговлю хлѣбомъ, вызвали при старомъ порядкѣ частыя и несоразмѣрныя колебанія цѣнъ на этотъ товаръ, поощряли спекуляцію и постоянно тревожили населеніе, которое приписывало зло одной только спекуляціи и въ минуту паники готово было видѣть кровопійцу (affameur) въ каждомъ хлѣбномъ торговцѣ. Подъ вліяніемъ такого настроенія, жители одной общины, сосѣдней съ Муленомъ, напали на хлѣбнаго торговца Ноальи, связали его и повлекли въ городъ. Это было повтореніемъ въ сотый разъ кровавой сцены на Парижскихъ улицахъ съ Фулономъ и Бертье, арестованными и замученными толпой на глазахъ муниципальныхъ властей. Новый командиръ муленской національной гвардіи съ опасностью жизни

обязанность—отстоять, не смотря на свои лета, рости и доставил арестанта въ городскую тюрьму, буря утихла, выпустилъ его на свободу. Муленскій въ. проникшаяся революціоннымъ фанатизмомъ часть на- никогда этого не простилъ, обманувшему его избраннику лу и вскорѣ дез-Ешероль самъ былъ заключенъ въ тюрьму и подвергся суду.

Одной изъ причинъ, почему начальникъ народнаго ополченія такъ скоро утратилъ свою прежнюю популярность, была эмиграція его сыновей. Много было сказано для характеристики эмиграціи, много доводовъ и фактовъ приведено въ осужденіе или въ оправданіе ея; но все это должно быть сведено въ одной основной чертѣ указаннаго явленія, которая можетъ быть выражена однимъ понятіемъ—честь. L'honneur, это могущественное нѣкогда слова, представляетъ собою существенную черту стараго, феодальнаго строя Франціи; недаромъ построилъ на немъ Монтескье свое опредѣленіе монархіи. Главнымъ блистателемъ этого древне-французскаго понятія было дворянство; его понятіе о чести сложилось при условіяхъ давно минувшаго быта, оно кристаллизовалось втеченіе дальнѣйшей исторической жизни и получило силу преданія; поэтому въ концѣ XVIII в. оно уже находилось въ противорѣчій съ реальными условіями жизни, но при столкновеніи съ революціей ожило съ новой силой среди того сословія, которое было хранителемъ рыцарскаго преданія, и вызвало эмиграціи. „L'honneur comptait autant que la patrie“, сказалъ объ эмигрантахъ Шатобрианъ, который самъ былъ въ ихъ числѣ; записки дез-Ешероль вполне подтверждаютъ это объясненіе и мѣтко изображаютъ то настроеніе, которое овладѣло тогда французскимъ дворянствомъ и которое слагалось изъ романтическаго увлеченія, лихорадочнаго пыла сангвиническаго самообольщенія подъ вліяніемъ деспотической силы общественнаго мнѣнія и особенно вліянія женщины, побуждавшаго многихъ уѣхать въ лагерь подъ Кобленцемъ, чтобы уйти отъ ихъ насмѣшекъ.

Полный контрастъ съ этимъ движеніемъ, въ которомъ сословный духъ сталкивается съ національнымъ чувствомъ, представляетъ революціонное возбужденіе массы, враждебной къ эмиграціи и своимъ не доброжелательствомъ во всѣмъ, кого она подозрѣвала въ сочувствіи къ эмигрантамъ, увеличивавшей ихъ число. Характеристическимъ знаменемъ этой эпохи была политическая невѣжественность и суевѣрность массы населенія, крайняя податливость, съ которой она принимала и распространяла самыя дикіе, несообразныя слухи и клеветы. Талантливый историкъ-психологъ революціоннаго общества—Тэнъ собралъ нѣсколько яркихъ примѣровъ для изображенія этого болезненнаго симптома; авторъ Записокъ изъ своихъ воспоминаній сообщаетъ новые факты, доказывающіе повсемѣстность этого народнаго суевѣрія и однообразіе дѣйствовавшей подъ его вліяніемъ фантазіи:

въ Муленѣ, напр., распространялся слухъ, что старикъ дез-Ешероль велѣлъ сдѣлать подкопъ подъ соборомъ, чтобы его взорвать во время всенощнаго служенія, и вся семья его послѣшила отправиться въ соборъ, чтобы своимъ присутствіемъ опровергнуть клевету. Въ другой разъ прошелъ слухъ, что мина проложена подъ главной улицей и будетъ взорвана во время народнаго гулянья и что въ густомъ саду одного изъ сосѣднихъ домовладѣльцевъ запрятаны пушки, изъ которыхъ будутъ стрѣлять послѣ взрыва въ смущенную толпу.

Заключеніе въ тюрьму дез-Ешероль не положило конца такимъ слухамъ. Одинъ учитель, заключенный вмѣстѣ съ нимъ, предложилъ давать его молодой дочери уроки географіи и физики и для этой цѣли велѣлъ принести въ тюрьму электрическую машину. Въ это время стояли сильныя жары и каждый день надъ городомъ и окрестностями собиралась гроза; одного изъ гражданъ-патріотовъ, сдѣлавшихъ доносъ на дез-Ешероль, убило молніей, когда онъ свалился въ грозу во весь опоръ; толпа приписала его смерть мести и колдовству стараго командира, орудовавшаго изъ своей высокой башни смертельными снарядами, чтобы губить жителей Мулена; опасная машина была унесена и всякіе уроки строго воспрещены.

Такія черты, которыми слишкомъ пренебрегали патетическіе историки, рисуютъ намъ главнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неуловимаго и безответственнаго дѣятеля революціи — такъ называемый народъ, т. е. неопредѣленную и безразличную людскую массу, которая то даетъ чувствовать свою силу глухимъ давленіемъ на мнѣнія и событія, то, встревоженная какимъ нибудь слухомъ или возбужденная страстью, набѣгаетъ какъ волна, и является на сцену въ видѣ уличной толпы, жгивѣрной, раздражительной и „жестокій какъ ребенокъ“.

Жестокость этого ребенка авторъ Записокъ имѣлъ случай не разъ испытать. Дез-Ешероль опасно заболѣлъ въ тюрьмѣ; въ день суда онъ былъ не въ силахъ держаться на ногахъ и только съ помощью тюремщика дотащился до выхода. Видѣ больнаго старика, однако, нисколько не смягчилъ толпы, которая съ воплями и ругательствами требовала, чтобы онъ шелъ пѣшкомъ и не смѣлъ садиться въ приготовленные носилки. Мѣстомъ суда служила церковь одного изъ конфискованныхъ монастырей, которая быстро наполнилась разъяренной толпой. Женщины, „подобныя тигрицамъ“, кидались на подсудимаго, чтобы растерзать его, и во время допроса военный караулъ былъ нѣсколько разъ принужденъ прицѣливаться въ нападавшихъ, чтобы ихъ сдержать. Читатель Записокъ такимъ образомъ какъ бы самъ присутствуетъ при возникновеніи террора: онъ видитъ, какъ запуганная безсмысленными слухами и бесовѣстной агитаціей толпа начинаетъ сама запугивать другихъ — муниципальныя власти, судей и пр., какъ страхъ порождаетъ терроръ. Терроръ постепенно становится системой и даетъ себя чувствовать въ провинціи задолго до начала эры официального террора въ Парижѣ — 10 августа 1792 года. Онъ

обнаруживается прежде всего въ произвольныхъ арестахъ по нелѣпому подозрѣнію, въ мелочныхъ притѣсненіяхъ заключенныхъ, въ давленіи публики на судъ и запугиваніи судей.

Жертвами террора были, впрочемъ, съ самаго начала не одни только дворяне и богатые торговцы. Въ Запискахъ приведенъ интересный фактъ, показывающій, какимъ способомъ новая власть обращалась съ народомъ и буквально применяли къ мирному сельскому населенію теоретическія разсужденія автора „Общественнаго договора“, истолковывавшаго всякое насиліе надъ гражданами, неогласными „съ общей волей, — приневоленіемъ къ свободѣ“¹⁾ Въ одной изъ деревень уничтоженіе дворянскихъ привилегій выразилось въ томъ, что церковная сѣмья помѣщика была предана сожженію; на ея мѣстѣ появилась однако новая почетная сѣмья для общиннаго мэра и мэрессы, но крестьяне не хотѣли потерпѣть, чтобы ихъ „мэресса разыгрывала даму“, и за это попали въ муленскую тюрьму, какъ противники народной воли.

Приговоръ суда, оправдавшій дез-Ешероль, „не былъ ратифицированъ народомъ“. Хотя онъ тотчасъ выѣхалъ въ свое помѣстье, это не успокоило толпы. Въ Муленѣ происходили многочисленныя сборища, на которыхъ говорили о томъ, чтобы пойти на Ешероль, сжечь замокъ и снова захватить измѣнника. Съ помощью одного преданнаго фермера, дез-Ешероль удалось тайно выѣхать изъ своей провинціи, и такъ какъ дорога въ Парижъ вела черезъ Муленъ, то онъ отправился въ Лионъ, во второй изъ большихъ городовъ Франціи, гдѣ въ массѣ населенія легче было скрыться. Туда послѣдовали за нимъ сестра и дочь. Но вмѣсто покоя и спасенія бѣглецовъ ожидала въ Лионѣ кровавая драма широко разливавшагося революціоннаго террора. То было начало сентября 1792 года. Сентябрьскія убійства въ Парижѣ, т. е. систематическое избіеніе заключенныхъ въ парижскихъ тюрьмахъ 2—4 сентября вызвали тотчасъ подобныя же сцены въ остальной Франціи. Въ Лионѣ рѣзня въ тюрьмѣ (massacre) происходила 9 сентября, и хотя это не было такимъ организованнымъ, политическимъ дѣйствіемъ, какъ въ Парижѣ, гдѣ главными виновниками были многіе члены революціонной коммуны и въ числѣ убійцъ были наемные исполнители; но и въ Лионѣ бесовѣстная и сумасбродная агитація вождей играла существенную роль. Возвращаясь изъ Парижа послѣ 10 августа (разгромъ Тюльерійскаго дворца и сверженіе Людовика XVI), пресловутый Шалье, выставленный въ исторіи Мишле какимъ-то вдохновеннымъ пророкомъ и героическимъ мученикомъ, — на самомъ же дѣлѣ фанатикъ, политическій бредъ котораго отличался явными признаками

¹⁾ „...quiconque refusera d'obéir à la volonté générale y sera contraint par tout le corps; ce qui ne signifie autre chose si non qu'on le forcera d'être libre“. Cont. Soc. L. I, ch. 7.

пожѣнательства, по дорогѣ въ Лионъ съ имперіала длинѣнса возбуждалъ толпу неистовыми рѣчами и ругательствами. „Братья и друзья“, кричалъ онъ, „вы разрушили проклятую Бастилію, но вы низвергли однѣ только стѣны; васъ ожидаетъ болѣе достойная работа: снимайте головы. Да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ свобода!“ Какъ въ Парижѣ, обезумѣвшей толпѣ были и здѣсь нанередъ приготовлены и указаны жертвы; нѣсколько офицеровъ Польскаго полка (Royal Pologne), арестованныхъ солдатами какъ измѣнники и нѣсколько священниковъ, не давшихъ присяги на конституцію, были на главахъ всего города заключены въ отдѣльномъ, плохо защищенномъ фортѣ Лиона. Въ Запискахъ дез-Ешероль чрезвычайно живо изображены разгромъ форта Пиер-Сиза и страшныя, отвратительныя сцены, бывшія его послѣдствіемъ.

И дальнѣйшее повѣствованіе автора представляетъ большой интересъ для исторіи Лиона въ революціонную эпоху. Особенно яркое впечатлѣніе выносить читатель изъ описанія осады Лиона войсками Конвента, во время которой дез-Ешероль, какъ опытному военному, была поручена муниципальнымъ правительствомъ защита воротъ св. Иренея. Послѣдовавшее послѣ взятіе Лиона бѣгство отца дез. Ешероль, обыски въ его квартирѣ, арестъ его сестры за то, что она не указывала его мѣста жительства, ея пребываніе въ тюрьмѣ, ея казнь и другіе эпизоды изъ исторіи семьи дез-Ешероль хорошо освѣщаютъ положеніе дѣлъ въ Лионѣ и въ остальной Франціи въ 1793 г. На этомъ общемъ фонѣ выступаютъ нѣсколько историческихкихъ личностей, съ которыми пришлось столкнуться четырнадцатилѣтней дѣвушкѣ, наирагивавшей всѣ усилія, чтобы облегчить участь своей тетки. И хотя эти лица являются въ разсказѣ только на одинъ моментъ, на нихъ въ эту минуту падаетъ такой яркій свѣтъ, что читатель получаетъ полное и неизгладимое впечатлѣніе. Въ числѣ комиссаровъ Конвента, руководившихъ осадой и разореніемъ Лиона, который предполагалось „срыть съ лица земли“, былъ и извѣстный Дюбуа-Крансе, родственникъ Александрины дез-Ешероль. Вслѣдствіе этого, ея тетка повела ее къ нему. Правительственный комиссаръ принялъ просительницъ за своимъ туалетомъ; онъ брлся и предъ нимъ держали великолѣпный серебряный тазъ. „Вотъ какъ!—подумала про себя молодая дѣвушка,—серебряная посуда, которую отнимаютъ у насъ граждане-депутаты, находится въ ихъ владѣніи“. Жена Дюбуа-Крансе жила въ провинціи скромной пенсіей, а ея мѣсто заступала очень красивая женщина, которая любезно приняла дамъ и забавно шутила надъ скакавшей по улицамъ кавалеріей изъ овернскихъ крестьянъ безъ сѣделъ, въ деревянныхъ башмакахъ и съ громадными котомками за спиной, которыя они надѣялись наполнить при разграбленіи Лиона. Когда туалетъ былъ оконченъ, Дюбуа-Крансе подошелъ къ дѣвушкѣ и спросилъ ее: „Кто ты?“ Получивъ отвѣтъ и узнавъ о причинѣ ея прихода, онъ сказалъ: „Ты очень молода; но, по моему, у тебя видъ

аристократки; знаешь ли, что я заставляю дрожать всѣхъ аристократовъ"? Затѣмъ онъ прочелъ прошеніе и объявилъ, что онъ безъ полномочій, такъ какъ отозванъ Конвентомъ.

Любопытна также встрѣча съ Марино, членомъ временной комиссіи, управлявшей Лиономъ, или, вѣрнѣе, тиранившей этотъ несчастный городъ. Отъ этого Марино зависѣло между прочимъ разрѣшеніе посѣщать заключенныхъ въ тюрьмахъ, и потому передняя или приемная его канцеляріи была всегда наполнена народомъ. Три дня сразу, отъ 10 до 6 часовъ вечера, молодая дѣвушка напрасно прождала въ этой толпѣ. Для избѣжанія просителей, Марино входилъ въ свою канцелярію и уходилъ оттуда особымъ ходомъ; иногда же, когда швейцаръ приходилъ жаловаться ему, что приливъ публики слишкомъ великъ и что онъ не можетъ справиться съ ней, комиссаръ выскакивалъ изъ канцеляріи и самъ разгонялъ просителей. Такого рода сцена произошла къ концу третьяго вечера. Грозный комиссаръ, высокій и плечистый мужчина, съ громовымъ голосомъ, напустился на публику съ вошедшими тогда въ моду республиканскими ругательствами и проклятіями и объявилъ, что разрѣшенія будутъ выдаваться только тѣмъ, кто представитъ медицинское свидѣтельство о болѣзни заключеннаго. „Замѣйте, однако“, прибавилъ онъ, „что если врачъ дастъ свидѣтельство вслѣдствіе подлой снисходительности, онъ будетъ посаженъ въ тюрьму вмѣстѣ съ просителемъ, а арестантъ отправленъ на гильотину“. Послѣ этого толпа стала расходиться, побуждаемая криками и жестами Марино. Одна только дама рѣшилась обратиться къ нему съ своей просьбой. Онъ спросилъ ея имя и, узнавъ его, закричалъ: „Какъ у тебя хватило дерзости произнести въ этомъ мѣстѣ имя измѣнника? Вонъ отсюда!“ Затѣмъ, толкая ее руками и ногами, онъ вышвырнулъ ее за дверь.

Сколько было напускнаго и фальшиваго въ этой грубости и въ этомъ изувѣрствѣ тогдашнихъ правителей Франціи, доказываетъ между прочимъ примѣръ Марино. Этотъ звѣръ, два дня спустя, принимая у себя на дому молодую дез-Ешероль, обошелся съ ней вѣжливо и ласково и снабдилъ ее драгоценнымъ для нея разрѣшеніемъ.

А вотъ поведеніе того же Марино во время осмотра одной изъ тюремъ, гдѣ онъ являлся во всемъ блескѣ новой нравительственной системы, которая изъ всей мочи подражала псевдо-классическому идеалу республиканской и демократической доблести. „Сколько вась здѣсь?“ спросилъ онъ скороговоркой и суровымъ голосомъ, вошедши въ комнату, гдѣ содержалась тетка дез-Ешероль. Получивъ отвѣтъ, онъ сталъ осматривать корзинки, въ которыхъ арестантки сохраняли свою провизію—онѣ должны были содержать себя на свой счетъ, что было очень жестоко, такъ какъ между ними было много бѣдныхъ, жившихъ только своимъ трудомъ, а болѣе состоятельныя были лишены всѣхъ средствъ, вслѣдствіе ареста, наложеннаго на все ихъ имуще-

ство, не исключая домашнихъ вещей. „Пусть богатые кормятъ бѣдныхъ“, сказали онъ, замѣтивъ крестьянку, стоявшую около г-жи дез-Ешероль; затѣмъ, обращаясь къ первой, онъ сказалъ: „Если ты имѣешь какую нибудь жалобу на этихъ дворянъ, то говори“, и произнесши для назиданія арестантовъ нѣсколько „краснорѣчивыхъ республиканскихъ фразъ“, онъ вышелъ.

Такіе мелкіе штрихи имѣютъ большую цѣну для всякаго, кто желаетъ представить себѣ людей революціонной эпохи. Но главное значеніе Записокъ дез-Ешероль заключается въ глубокомъ и полномъ впечатлѣніи, которое оставляетъ въ читателѣ изображеніе террора. Нерѣдко можно встрѣтить у историковъ и въ литературѣ какое-то недовѣріе ко всякому описанію террора во французской революціи; одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ критиковъ ¹⁾ встрѣтилъ, напряміръ, почтенное сочиненіе Мортимера-Терно съ несправедливымъ упрекомъ, будто-бы авторъ видитъ во французской революціи одинъ только терроръ. Подобный упрекъ очевидно внушенъ страхомъ, чтобы внимательное изученіе террора не заслонило историческаго значенія того переворота, отъ котораго ведетъ свое начало современная Франція. Но прежде чѣмъ оцѣнивать значеніе извѣстнаго событія, нужно знать его дѣйствительную исторію, а исторія французской революціи непонятна безъ изученія террора. Терроръ означаетъ собой извѣстную систему и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное настроеніе; для однихъ это была особая политическая организація и орудіе власти, для другихъ это слово заключало въ себѣ все несказанное горе, которое только можетъ вмѣстить въ себѣ человеческое сердце. Эта послѣдняя сторона террора нашла себѣ краснорѣчивое и правдивое изображеніе въ воспоминаніяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. „Терроръ давалъ себя чувствовать—сказано въ Запискахъ дез-Ешерель—въ самыхъ уединенныхъ убѣжищахъ; никакой крѣпости не укрывалъ отъ него; онъ проникалъ въ самыя отдаленныя помѣщенія, стучался во всѣ двери. Какимъ способомъ я могла бы описать терроръ, какая кисть будетъ когда либо въ состояніи изобразить его! Этого слова впрочемъ достаточно, чтобы дать понять всѣ разнородные страхи, заботы и мученія, которыми оно наполняло тогда сердца порядочныхъ людей. Домовые обыски, повторявшіеся все чаще и чаще, нарушали во всякій часъ спокойствіе гражданъ. Этотъ новый родъ пытки едва позволялъ несчастнымъ скрывать свое горе и свои слезы въ уединеніи своего убогаго жилища. Ночь, еще болѣе благоприятствовавшая террору, удвоивъ его силу, всего чаще избиралась для этихъ страшныхъ посѣщеній. Мракъ усиливалъ ужасъ ихъ и какъ будто увеличивалъ самую опасность. Часовые, разставленные на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, внезапно пробуждали жителей глухими криками, которые, повторяясь, долго раздавались по плохо освѣщеннымъ улицамъ: начи-

¹⁾ Vapereau. L'Année Littéraire. IX an. p. 347.

нался учащенный стукъ въ двери. Малѣйшее промедленіе со стороны тѣхъ, которые должны были ихъ отворить, вызывало нетерпѣніе и гнѣвъ; голоса комиссаровъ слышались сквозь крики солдатъ. Ужасныя ночи, которыя во всѣмъ бѣдствіямъ того времени еще прибавляли для каждаго грозную неизвѣстность предстоящей ему судьбы со всѣми ея тревогами. Всякій недоумѣвалъ—остаться ли въ постели, или встать, чтобы встрѣтить комиссаровъ; первое могло показаться слишкомъ добѣрчивымъ, а второе быть принято за признакъ слишкомъ большой тревоги“.

Для многихъ, однако, эти ужасныя ночи были только началомъ другихъ болѣе тяжелыхъ бѣдствій—тюрьмы съ ея ужаснымъ помѣщеніемъ и удушающей атмосферой, съ грубостью и произволомъ тюремщиковъ, съ всевозможными лишеніями, съ мучительной тревогой, внушаемой заботами о близкихъ лицахъ, и наконецъ съ неотвязчивою мыслью о предстоящемъ судѣ и о гильотинѣ. Тюрьма представляла самое наглядное осуществленіе того идеала равенства, о которомъ такъ много мечтали и говорили въ ту эпоху. Въ одной, напр., изъ Ліонскихъ тюремъ помѣщались въ общей комнатѣ: „дворянки и пуассардки, монахини и публичныя женщины, богачки и служанки, крестьянки и торговки, 4-хъ лѣтняя англичанка съ своей няней, не знавшей ни одного слова по-французски, и среди этой толпы нѣсколько граждановъ, которыя инкогнито играли роли шпионовъ“.

Судьба тѣхъ жертвъ террора, которыя не попадали въ тюрьму, была также не легка. Среди ихъ тревогъ первое мѣсто занимала забота о томъ, чтобы повидаться съ заключенными и облегчить ихъ положеніе. Но съ какими трудностями, хлопотами, оскорбленіями и опасностями было это сопряжено! Сколько настойчивости, присутствія духа и самоотверженія нужно было 14-ти лѣтней дез-Ешероль, чтобы получить разрѣшеніе посѣтить свою тетку въ тюрьмѣ, и сколько мученій она переносила, когда ей не удавалось получить разрѣшеніе и она должна была ограничиться тѣмъ, что къ дверямъ тюрьмы приносила корзиночку съ припасами, за передачу которыхъ приходилось платить послѣднія деньги.

„Мнѣ случалось—разсказываетъ она—приходить уже въ десять часовъ къ воротамъ тюрьмы, а въ двѣнадцать мы все еще стояли тамъ съ нашими корзинами, которыя никто не хотѣлъ принять отъ насъ. Въ 12 часовъ тюремщикъ запиралъ ворота на два часа—это было время, которое онъ посвящалъ своему обѣду. Въ два часа ворота снова отпирались. Привратники и ихъ жены подходили тогда къ толпѣ, торговались съ нами и отказывались принять корзины, если были недовольны предлагаемой имъ платой. Нерѣдко инымъ приходилось унести назадъ обѣдъ по невозможности согласиться на слишкомъ обременительныя условія, ибо въ числѣ заключенныхъ было много очень бѣдныхъ людей.

„Бывало также, что сторожа увеличивали лишенія заключенныхъ

своею небрежностью или дурнымъ расположеніемъ къ нимъ; корзины оставались ими во дворѣ и передавались заключеннымъ только на другой день. Наконецъ, случилось, что у воротъ тюрьмы они на нашихъ глазахъ раскрывали эти корзины и сѣдали то, что въ нихъ было уложено, прибавляя къ нашему горю оскорбительную насмѣшку и желая, вѣроятно, дать намъ понять, что при такомъ способѣ надзора всякая попытка передать заключеннымъ между присланной провизіей письма или какія нибудь сообщенія была бы совершенно напрасна*.

Хорошо было еще стоять въ томительномъ ожиданіи цѣлые часы передъ тюрьмой при хорошей погодѣ; но нерѣдко ожидавшимъ приходилось при этомъ подвергаться ненастью и стоять въ зловонной слякоти отбросковъ и нечистотъ, которые какъ нарочно скопляли передъ воротами тюрьмы. Понятно, что послѣ такихъ мученій самая тюрьма казалась раемъ для счастливыхъ, которымъ удалось туда проникнуть съ своимъ приношеніемъ. А эти приношенія, необходимыя, чтобы поддержать жизнь заключенныхъ—съ какими неимоверными затрудненіями приходилось ихъ доставать! Въ каждомъ городскомъ участкѣ было опредѣленное число пекарей, которымъ однимъ было предоставлено право продавать хлѣбъ. Лавки ихъ были совершенно закрыты. Покупатели поочереды придвигались къ маленькому окошечку, которое было сдѣлано въ двери, и подавали черезъ него полицейское свидѣтельство, разрѣшавшее купить столько-то золотниковъ хлѣба... Хлѣбникъ, провѣривъ свидѣтельство, возвращалъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ отпускалъ за деньги указанное въ немъ количество хлѣба. Вереница покупателей часто тянулась вдоль нѣсколькихъ улицъ, такъ что послѣднимъ приходилось ожидать своего завтрака до 5 часовъ вечера.

Однако и эти свидѣтельства на право купить скудное количество хлѣба не всѣмъ давались. Послѣ заключенія въ тюрьму тетки разсказщицы и наложенія ареста на ихъ имущество, къ которому былъ приставленъ особый стражъ, содержавшійся на ихъ счетъ, молодая дѣвушка отправилась въ участокъ, чтобы выхлопотать разрѣшеніе купить хлѣба. „Ты не получишь разрѣшенія“, былъ отвѣтъ, „это противно закону“.—Но, гражданинъ, вы сами знаете, что я не могу добыть себѣ хлѣба, не имѣя разрѣшенія, что же мнѣ дѣлать?—„Дѣлай, что знаешь“.—Что же, мнѣ умереть съ голода?—„Небось, ты не умрешь съ голода; у всѣхъ бывшихъ дворянъ есть средства; ты изъ этой породы аристократовъ, которые всегда умѣютъ выйти изъ бѣды; ты унаслѣдуешь отъ нихъ духъ интриги и не умрешь съ голода“.—Однако, если вслѣдствіе вашихъ распоряженій мнѣ нечѣмъ будетъ питаться, то вы не можете и съ меня взмскивать, если я не стану давать хлѣба стражу, котораго я должна кормить.—„О, это другое дѣло; онъ получить для себя разрѣшеніе, онъ хороший республиканецъ, пусть онъ придетъ; ты же не безпокойся; ты слушайшь выпутаться“.

Во всемъ, чего мы до сихъ поръ касались, обнаруживается впрочемъ только одна сторона террора—страшный гнѣтъ тогдашнихъ властителей Франціи и мучительная тревога ихъ беззащитныхъ жертвъ. Но терроръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ обширной и организованной правительственной системой; эта система опиралась не на одинъ только беззавѣтный фанатизмъ—но на интересы и житейскій расчетъ многихъ тысячъ людей. Подкладкой яacobинскаго террора была цѣлая система эксплуатаціи и наживы; для цѣлой массы людей, всплывшихъ въ то время на поверхность общества, терроръ былъ просто карьерою хлѣба; для многихъ изъ нихъ кромѣ того—средство сдѣлать карьеру, получить выгодное мѣсто, добыть себѣ власть и вліяніе. Эта житейская, будничная сторона террора историками революціи большею частью оставляется безъ вниманія;—записки дез-Ешероль и въ этомъ отношеніи содержатъ въ себѣ много интересныхъ чертъ, указывающихъ, какую пользу извлекали многочисленные агенты террора изъ своего положенія. Терроръ вызвалъ къ существованію цѣлой рои комиссаровъ разныхъ наименованій и назначеній и всѣ они весьма безцеремонно спѣшили сдѣлать изъ республиканскаго террора доходную статью для себя. Такъ напр., комиссары, которые послѣ взятія Ліона войсками Конвента ходили по домамъ и налагали арестъ на имущества безъ всякихъ околичностей, въ присутствіи владѣльцевъ этого имущества говорили между собой о томъ, какія изъ севестрованныхъ предметовъ имъ по вкусу и входили по этому поводу въ соглашеніе между собой. Также безцеремонно поступали комиссары, выдававшіе паспорта и свидѣтельства въ благонадежномъ поведеніи. Когда молодой дез-Ешероль понадобился паспортъ и ей послѣ казни ея тетки опасно было самой явиться въ участокъ, то это щекотливое дѣло было улажено съ помощью стофранковой ассигнаціи, переданной черезъ третье лицо одному изъ комиссаровъ. Послѣ этого молодая дѣвушка могла смѣло появиться въ участкѣ и на глазахъ у всѣхъ подала комиссару какой-то листъ бумаги, который былъ прочитанъ комиссаромъ какъ будто съ большимъ вниманіемъ и тщательно спрятанъ въ столъ; получивъ, такимъ образомъ, мнимое свидѣтельство о благонадежномъ поведеніи, комиссаръ тутъ же выдалъ молодой дѣвушкѣ паспортъ, гдѣ она была обозначена прачкой.

Немецкіе пользы извлекали изъ своего положенія тюремщики; имъ нужно было платить за всякаго посѣтителя, за всякій предметъ, который они дозволяли пронести, даже за всякую кружку воды, которую они обязаны были доставлять заключеннымъ. Мало того, они по отношенію къ заключеннымъ играли роль содержателей „буфетовъ и гостинниц“, которые конечно могли назначать на все произвольныя цѣны. Такъ напр., главный смотритель тюрьмы, находившейся въ монастырѣ „Реклюзъ“, устроилъ въ своей квартирѣ „общій столъ“, гдѣ за очень дорогую цѣну желающимъ давали очень плохой обѣдъ.

Однако же многіе изъ заключенныхъ, которые были въ состояніи уплачивать требуемую сумму, усердно добивались права „сидѣться за узкій, длинный и грязный столъ“ тюремщика, въ надеждѣ, что м-г Fillon во время трапезы проронитъ нѣсколько словъ о текущихъ событіяхъ дня, которыя бы сколько нибудь освѣтили положеніе арестантовъ. Тотъ же тюремщикъ, снабдивъ заключенныхъ за хорошую цѣну необходимыми предметами—кроватьями, тюфяками, соломой, одѣялами, бѣльею и т. п., не позволялъ имъ, когда часть изъ нихъ была отправлена въ другую тюрьму, вывести свои вещи. Съ трудомъ наконецъ онъ согласился разрѣшить каждому захватить съ собою маленькой ручной узелокъ; что же касается до тюфяковъ, одѣялъ и простынь, то все это онъ оставилъ за собой, равно какъ и проданную заключеннымъ мебель,—конечно съ той цѣлью, чтобы продать это еще нѣсколько разъ новымъ гостямъ, которыхъ онъ къ себѣ ждалъ.

Пока подобныя сцены происходили въ городахъ, деревня представляла такое же удобное поприще для эксплуатаціи террора. Когда Александрина дез-Ешероль, послѣ полуторагодоваго скитальчества, возвратилась сиротой и нищей въ имѣніе своихъ предковъ, она нашла свою большую сестру съ ея вѣрной няней въ кухнѣ замка. Кромѣ кухни и чердака все было секвестровано. Секвестръ этотъ не мѣшалъ, однако, фермерамъ и ихъ многочисленнымъ знакомымъ занимать помѣщеніе въ замкѣ и устраивать тамъ шумныя роскошныя пирушки, которыя быстро поглощали ихъ легкую наживу отъ прекращенія арендной платы и паденія курса ассигнацій. Эта нажива ихъ однако не удовлетворяла. Нисколько не стѣсняясь присутствіемъ наследницы настоящихъ владѣльцевъ, арендаторы разсуждали о раздѣлѣ помѣстій эмигрантовъ, на что они разсчитывали съ самаго начала революціи. Эти арендаторы любили молодую дѣвушку, которая выросла на ихъ глазахъ, жалѣли объ ней, и между тѣмъ, растанувшись на газонѣ около скамейки, гдѣ она сидѣла съ своей больной сестрой, спокойно разсуждали о своихъ будущихъ надеждахъ. „Я удовлетворюсь своей фермой“, говорилъ каждый, „и не потребую лишняго“. Въ числѣ этихъ фермеровъ былъ и крестьянинъ, жена котораго, по тогдашнему обычаю, выкормила въ своемъ домѣ Александрину дез-Ешероль (ея рѣге поуггісіег).

Однако, даже такое трагическое явленіе, какъ эксплуатація террора, не было лишено комической стороны. Последняя между прочимъ проявлялась въ многочисленныхъ попыткахъ устроить себѣ подъ покровомъ террора выгодную женитьбу. На одной изъ Лионскихъ улицъ стоялъ великолѣпный домъ, принадлежавшій очень богатой старой дѣвѣ. Богатство это прельстило одного молодого патріота. Не желая имъ завладѣть не всегда вѣрнымъ путемъ доноска и секвестра, онъ опуталъ старушку интригой. Ее напугали, убѣдили, что ея имуществу и ей самой грозитъ опасность, что единственное средство сохранить и то и другое—это найти покровителя;

бракъ съ какимъ нибудь хорошимъ республиканцемъ послужить ей вѣрнымъ спасеніемъ. Старая дѣва приходитъ въ ужасъ, а молодой человѣкъ является ея самоотверженнымъ спасителемъ. Ее влекутъ въ муниципалитетъ, брачный договоръ изготовленъ; его подписываютъ, и она возвращается женою своего мнимаго избавителя. Но уже черезъ нѣсколько дней брачная жизнь оказалась для обѣихъ сторонъ невыносимымъ бѣдствіемъ, и жена предложила своему молодому мужу значительную сумму съ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ всякихъ притязаній на нее и на ея имущество. Мужъ принялъ сумму и исчезъ безслѣдно.

Такия аферы, впрочемъ, не всегда кончались такъ успѣшно для предприимчивыхъ патріотовъ. У Ал. дез-Ешероль была богатая восьмидесятилѣтняя тѣтка, которая уединенно жила въ своемъ имѣніи и уцѣлѣла среди общаго разгрома. Ей при этомъ чрезвычайно содѣйствовало то обстоятельство, что у нея былъ ловкій управляющій, который давно уже распоряжался ея имѣніемъ какъ своимъ собственнымъ и, не желая подѣлиться съ націей, искусно отводилъ глаза революціоннымъ комитетамъ. Однажды, когда старушка сидѣла за обѣдомъ съ этимъ управляющимъ, ей пришли сказать, что какой-то крестьянинъ желаетъ ее немедленно видѣть. Она приказала его принять. „Вы знаете“, сказалъ вошедшій, „что теперь всѣ стали равны, и я поэтому пришелъ подвергнуть васъ реквизиціи“—это былъ официальный терминъ, въ силу котораго комиссаръ Конвента и правительственные агенты отбирали у частныхъ лицъ все, въ чемъ по ихъ заявленію нуждалось государство—хлѣбъ, припасы и одежда для войска, серебро, лошади и пр. и пр.—Что? спросила старая дѣва, которая не понимала новаго языка. „Я говорю, что теперь, когда мы свободно пользуемся нашими правами, я васъ подвергаю реквизиціи“.—Но что же это значитъ,—переспросила госпожа де-Мелонъ, уже терявшая терпѣніе. „А то значитъ, что вы должны выйти за меня замужъ“. Въ ту же секунду старуха вскочила, схватила свою трость и начала ея колотить неожиданнаго жениха, приговаривая: „А ты хочешь на мгнѣ жениться, вотъ я тебѣ справлю свадьбу“. Пятясь назадъ къ дверямъ, крестьянинъ бормоталъ: „сударыня! гражданка, вѣдь говорили“...—А! я теперь стала гражданкой, погоди же, вотъ тебѣ и еще за гражданку.—Трудно представить себѣ болѣе забавное столкновеніе своеобразныхъ представителей двухъ историческихъ эпохъ—старой помѣщицы—этого отжившаго обломка феодальнаго строя, совсѣмъ не сознававшей, что кругомъ ея творилось, и этого крестьянина, по-своему понимавшаго права человѣка и гражданина, обнародованнаго Національнымъ Собраніемъ.

Значеніе, которое имѣютъ Записки дез-Ешероль для исторіи террора не ограничиваются общимъ описаніемъ этого общественнаго паразизма, нагляднымъ и правдивымъ изображеніемъ вызванныхъ имъ бѣдствій; для историка представляютъ особый интересъ обще-

ственные типы того времени, которые выводятся на сцену авторомъ, изображеніе разныхъ лицъ, которыя могутъ служить представителями разныхъ классовъ тогдашняго общества, образчиками того отпечатка, который наложила революціонная эпоха и въ особенности терроръ на разные разряды людей. Въ самомъ началѣ читатель встрѣчается съ лицомъ, на которомъ отразилась чрезвычайно выдающаяся черта того времени — чувствительность. Чувствительность, начавшаяся съ литературы, проникла въ послѣднюю треть XVIII вѣка повсюду; она завладѣла между прочимъ и бюрократіей, проникла, по замѣчанію Токвиля, въ officialный канцелярскій языкъ, въ донесенія интендантовъ, даже въ правительственные указы. Въ Запискахъ Ешероль мы видимъ передъ собой чувствительнаго тюремщика. Онъ не только добрый, сострадательный человѣкъ, какіе бывають между тюремщиками во всякую эпоху; онъ не только облегчалъ положеніе лицъ, ему порученныхъ, насколько это отъ него зависѣло; но его глаза наполняются слезами, когда онъ провожаетъ по корридору тюрьмы дочь къ отцу; когда онъ принесъ отцу дез-Ешероль оправдательный приговоръ муленскаго суда, онъ, какъ рассказываетъ дочь, шатался, плакалъ, не могъ проронить ни одного слова, не былъ въ состояніи держаться на ногахъ и сѣлъ. Не принесъ ли онъ смерть? „Что случилось, г. Брюссель?“ — спросилъ арестантъ, — „что это за бумага?“ — „Вы свободны, сударь, — проговорилъ наконецъ этотъ добрякъ, возвысивъ голосъ и едва переводя духъ отъ душившихъ его радостныхъ слезъ, — вы свободны. „Отецъ мой схватилъ его въ свои объятія“...

Затѣмъ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ благородныхъ представителей и того военного класса, которому Франція гораздо болѣе обязана своимъ спасеніемъ при вторженіи непріятеля и своимъ первыми военными успѣхами, чѣмъ терроризму своихъ якобинскихъ правителей. Не смотря на эмиграцію, увлекшую за собой столько офицеровъ, не смотря на то, что многіе изъ послѣднихъ были вынуждены деморализованными солдатами покинуть свой полкъ, множество изъ бывшихъ королевскихъ офицеровъ продолжали службу въ республиканской арміи. Благодаря имъ, Франція сохранила свои военные кадры, среди нихъ находила она отважныхъ и способныхъ исполнителей, прежде чѣмъ завершилась новая военная организація и подросли молодые республиканскіе генералы. Положеніе такихъ офицеровъ было очень трудное; въ глазахъ людей, сочувствовавшихъ старому порядку, и нерѣдко близкихъ родственниковъ и друзей, они были измѣнниками; а со стороны патріотовъ и особенно террористовъ они постоянно подвергались нападкамъ и подозрѣніямъ и часто становились ихъ жертвами. Къ числу такихъ офицеровъ принадлежалъ де-Геріо, начальникъ артиллеріи въ Лионѣ. Когда въ этомъ городѣ вспыхнуло возстаніе притѣсненныхъ жителей противъ муниципалитета, которымъ завладѣли террористы, де-Геріо получилъ приказаніе

отъ своего начальства выступить съ артиллерійскимъ паркомъ въ Гренобль, для того, конечно, чтобъ лѣнцы не могли воспользоваться имъ для своей обороны. Де-Геріо исполнилъ приказаніе, и во время осады Ліона войсками Конвента долженъ былъ примкнуть къ послѣднимъ и взять на себя руководство при бомбардировкѣ Ліона. Изъ этого видно, что де-Геріо былъ изъ числа точныхъ исполнителей военной дисциплины, ставившихъ военный долгъ или военную честь выше всякихъ политическихъ соображеній. Но онъ изъ-за этого не забывалъ соображеній чисто человѣческихъ. По взятіи города, де-Геріо не разъ рисковалъ своей жизнью и жизнью своей семьи, спасая жертвы террора. Онъ предоставлялъ военные мундиры или давалъ порученіе по службѣ постороннимъ лицамъ, которыя только этимъ путемъ могли спастись отъ преслѣдованій и бѣжать изъ Ліона; водворившись снова въ арсеналъ, де-Геріо имѣлъ даже смѣлость принять въ свое помѣщеніе и сажать за свой столъ отца дез-Ешпероль, т.-е. офицера, который на глазахъ всего города руководилъ обороной его противъ войскъ Конвента. Только это отчаянное средство—пробываніе въ главной квартирѣ среди офицеровъ, съ которыми онъ только что воевалъ, но которые не знали его въ лицо,—спасло стараго генерала, который палъ бы первой жертвой мести террористовъ безъ геройскаго самоотверженія своего товарища.

На ряду съ подобными лицами находимъ мы однако типы совершенно другаго рода. Извѣстно, что среди классовъ, сильнѣе другихъ проникнутыхъ страшныхъ радикализмомъ и наклонностью къ террору, послѣ адвокатовъ особенно выдавались врачи и аптекаря. Эти классы поставили особенно много членовъ „революціонныхъ комитетовъ“, представителей мѣстнаго террора. И въ провинціи, служившей сценой событіямъ, рассказаннымъ въ Запискахъ, встрѣчаемъ мы дѣвчаря, который, будучи приглашенъ къ больной дѣвушкѣ, отвѣчаетъ: „я не хожу къ аристократамъ“; а въ самомъ Муленѣ мы знакомимся съ аптекаремъ, промѣнявшимъ свое ремесло на болѣе выгодное званіе члена революціоннаго (т. е. полицейскаго) комитета. Узнавши, что молодая дѣвушка возвратилась въ Ешпероль, онъ явился туда въ четыре часа утра и произвелъ ей строгій допросъ, выпытывая отъ нея, гдѣ скрываются ея отецъ и ея братья и что ей было извѣстно о козняхъ „подлаго города Ліона“. Покончивъ допросъ и недовольный его результатомъ, онъ прибавилъ громкимъ и грознымъ голосомъ: „Слушай внимательно, что я тебѣ скажу, и смотри, повинуйся этому. Ты имѣешь несчастье принадлежать къ семьѣ измѣнниковъ отечеству и должна смыть съ себя это пятно, дать возмездіе за преступленія твоей семьи и очистить скверную кровь, которая течетъ въ твоихъ жилахъ; ты можешь это сдѣлать только служа народу, работая на него. Работай на солдатъ и, что всего важнѣе, доноси на измѣнниковъ; раскрывай ихъ преступные замыслы, обнаруживай изъ злодѣянія: вотъ какимъ способомъ ты искупишь позоръ

твоего имени, вотъ какимъ способомъ ты можешь служить республикѣ". Уходя онъ еще кричалъ издали: „доноси, доноси“.

Интереснымъ представителемъ общественныхъ типовъ, на которые наложилъ свою печать революціонная эпоха, можетъ служить и священникъ, встрѣченный г-жей дез-Ешероль у ея старой тетки де Мелонъ. Онъ принадлежалъ къ тому меньшинству духовенства, которое согласилось подчиниться новому церковному уставу и дать присягу въ этомъ. Среди этого меньшинства были убѣжденные люди и честные мечтатели, подобные извѣстному Грегуару, которые считали возможнымъ преобразовать католицизмъ въ духъ революціи, но было также много людей, нравственно неустойчивыхъ и сообразовавшихся въ дѣлахъ совѣсти съ своими житейскими вкусами и потребностями. И священникъ, о которомъ идетъ рѣчь, съумѣлъ своею податливостію снискать къ себѣ снисхожденіе террористовъ въ опасное время, когда церкви были закрыты или превращены въ храмъ Разума. При такомъ положеніи церкви, онъ, конечно, бѣдствовалъ и отчасти жилъ на счетъ старушки, которую развлекалъ своими разговорами. Тѣмъ не менѣе мечтой его жизни была женитьба, и хотя всѣ попытки его оканчивались отказомъ, онъ не терялъ надежды, что счастье ему когда-нибудь улыбнется. Молодая дѣвушка его избѣгала, но онъ пользовался временемъ, которое она должна была ежедневно проводить въ обществѣ своей тетки, и тутъ, полагаясь на глухоту старушки, говорилъ племянницѣ такія вещи, которыя она при другихъ условіяхъ не позволила бы себѣ сказать. Жаловаться теткѣ было невозможно, такъ какъ Кюре пользовался ея полнымъ довѣріемъ. Когда старушка привязалась къ своей племянницѣ и это вызвало зависть и интриги со стороны другихъ лицъ, сдѣлавшія Ал. дез-Ешероль невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ, Кюре предложилъ ей не только опять настроить въ ея пользу старушку, но и убѣдить послѣднюю завѣщать ей все свое значительное состояніе помимо другихъ родственниковъ.

Болѣе вредный типъ, чѣмъ этотъ ничтожный служитель гражданской церкви, представляетъ собой Парсенъ, плацъ-комендантъ Лиона и президентъ революціоннаго трибунала, приговорившаго къ казни тетку дез-Ешероль. Прежде чѣмъ сдѣлаться виднымъ террористомъ, онъ былъ, какъ говорили про него, смиреннымъ и шокимъ башмачникомъ; онъ былъ родомъ изъ Ниверне и часто бывалъ въ самѣ дез-Ешероль, но это не помѣшало ему быть безпощаднымъ, болѣе того—кроважоднымъ по отношенію къ безпомощной и безвинной женщинѣ. Ее привлекли къ суду и приговорили къ гильотинѣ за то, что она была сестрой человѣка, сражавшагося противъ Конвента, и не могла указать, куда онъ скрылся. Къ самымъ потрясающимъ мѣстамъ Записокъ принадлежатъ страницы, на которыхъ молодая дѣвушка описываетъ неоднократныя попытки свои разжалобить президента революціоннаго трибунала и добиться у него, чтобы онъ

пощадилъ дорогую ей жизнь. Она отыскиваетъ его и на дому, гдѣ находитъ его отупѣвшимъ отъ пьянства, съ полузакрытыми красными и опухшими глазами, и останавливаетъ его на улицѣ; задыхаясь бѣжить она за нимъ и умоляющимъ голосомъ объясняетъ ему свою просьбу, пока онъ ее не оттолкнулъ отъ себя и она уже не въ силахъ догнать его. Когда она въ послѣдній разъ встрѣтилась съ нимъ, онъ отдѣлался отъ нея своей обычной фразой: „какъ частный человѣкъ, я принимаю участіе въ твоемъ горѣ; но какъ человѣкъ общественный, я ничего не могу сдѣлать“. Молодая дѣвушка въ то время еще не знала, что именно онъ былъ главнымъ виновникомъ несправедливаго приговора, поразившаго ея тетку. Когда въ засѣданіи революціоннаго трибунала ему замѣтили: „противъ твоей землячки нѣтъ никакихъ уликъ“, онъ воскликнулъ: „она должна погибнуть; надо очистить отъ нея почву республики, она чудовище аристократизма“ (*un monstre d'aristocratie*).

Эти слова рисуютъ человѣка, рисуютъ трибуналъ и эпоху; подобные факты изъ эпохи террора могутъ послужить отрезвляющимъ комментариемъ къ изложенію тѣхъ историковъ, которые смотрятъ на революцію только съ высоты историческаго фатализма.

Всѣ до сихъ поръ нами отмѣченныя личности принадлежать болѣе или менѣе къ образованнымъ классамъ, руководившимъ революціоннымъ движеніемъ во Франціи, съ настроеніемъ и образомъ мысли которыхъ легко познакомиться при помощи богатаго историческаго и литературнаго матеріала того времени; тѣмъ болѣе интереса представляютъ въ Запискахъ мѣткія характеристики нѣсколькихъ типическихъ личностей изъ тѣхъ слоевъ простаго народа, на которые опирались террористы и въ среду которыхъ историкъ гораздо труднѣе проникнуть, такъ какъ ему здѣсь рѣдко приходится дѣлать наблюденія надъ лицами, отдѣлившимися отъ массы. Именно такого рода личности, превосходно характеризующія цѣлую массу себя подобныхъ, представляютъ въ Запискахъ гражданинъ Форе, его жена и его сынъ. Гражданинъ Форе—маленькій старичекъ, въ парикѣ, одѣтый въ сѣрый сюртукъ, держа въ рукѣ трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, принимая важную осанку, явился въ квартиру семьи дез-Ешероль въ Лионѣ съ комиссарами, наложившими арестъ на ихъ имущество. Окончивши свое дѣло, комиссары оставили Форе на квартирѣ въ качествѣ стража печатей и обращаясь къ госп. дез-Ешероль, объявили: „Гражданинъ Форе долженъ обѣдать съ тобой, находиться въ твоей комнатѣ и грѣться у твоего камина“.

Кто былъ этотъ хранитель печатей лионскаго муниципалитета? Форе, какъ большинство Лионскихъ рабочихъ, былъ твачемъ шелковыхъ матерій; въ прежнее время онъ усердно работалъ цѣлую недѣлю, а по воскресеньямъ тратилъ свой недѣльный заработокъ; часто онъ на это посвящалъ, какъ и многіе изъ его товарищей, и понедѣльникъ. Когда во время революціи богатые обдѣли, онъ остался безъ ра-

боты. За это всё обвиняли аристократовъ и онъ считалъ себя въ полномъ правѣ требовать, чтобы аристократы возвратили ему заработокъ. Теперь онъ достигъ своей цѣли; охраненіе печати было выгоднымъ ремесломъ, притомъ очень неутомительнымъ и невиннымъ.

Въ первые дни онъ въ своей новой должности держалъ себя очень чинно; онъ былъ у себя въ полномъ парадѣ, т. е. въ своемъ сѣромъ костюмѣ и въ тщательно завитомъ парикѣ и, не выпуская изъ рукъ своей трости, старался принимать холодный и чванный видъ, который рѣдко отличался отъ безцеремонной манеры комиссаровъ. „Я думаю также—прибавляетъ разскащица—что онъ боялся лютыхъ звѣрей, около которыхъ ему приходилось жить. Этими именемъ насъ обозначали. Но при всемъ томъ онъ сохранилъ отъ своей долгой жизни прежнее уваженіе къ дворянамъ, отъ котораго онъ не всегда былъ въ состояніи освободиться, несмотря на свое желаніе быть якобинцемъ“.

Немного времени спустя, онъ однако приручился и открылъ, что мы не люди. Въ туалетѣ его исчезла прежняя чинность; онъ пересталъ надѣвать свой парадный парикъ, носилъ сѣрый колпакъ и такія же сѣрыя туфли; весь день онъ проводилъ у камина, усѣвшись въ покойное кресло; ему еще никогда не приводилось сидѣть такъ удобно. Отъ времени до времени онъ оборачивался назадъ, ощупывалъ спинку кресла и приходилъ въ восторгъ; затѣмъ вѣрнѣе опирался о спинку, чтобы вполнѣ понѣматься; онъ говорилъ съ довольнымъ видомъ: „это однако хорошее изобрѣтеніе—кресло!“ и снова подавлявая подушки, прибавлялъ: „какъ это отлично придумано!“

Послѣ этого, протянувши ноги и откинувшись назадъ, онъ полу-лежа наслаждался невѣдомымъ ему до того комфортомъ. Это былъ человѣкъ тупой по натурѣ, болѣе склонный къ добру чѣмъ къ злу, но дѣлавшій зло, повинуясь другимъ, какъ вещь необходимую или неизбежную; онъ имѣлъ отвращеніе къ казнямъ, но не смѣлъ признаться въ этомъ женѣ и сыну, которые накричали ему, что нужно стоять на высотѣ времени и быть открытымъ республиканцемъ, что означало на ихъ языкѣ—нещадно праливать человѣческую кровь.

„Я не могу къ этому привыкнуть,“ сказалъ онъ однажды разскащицѣ, ближе съ ней познакомившись. „Они меня разъ принудили присутствовать при казни; меня послѣ этого три дня и три ночи была лихорадка и долго еще затѣмъ я не могъ заснуть при видѣ всѣхъ этихъ головъ, которыя меня преслѣдовали. Хорошо имъ говорить, я не могу себя приучить къ этому. Можно ли любить такое зрѣлище? Но я не смѣю сказать это моему сыну; онъ находитъ это превосходнымъ, а жена моя безъ ума отъ казней.“

„Въ прежнее время прибавилъ онъ, — съ этимъ нельзя не согласиться, было легче жить на свѣтѣ. Правда, приходилось работать, но мнѣ хорошо платили и я преспокойно ѣлъ свой хлѣбъ. Помню я, что мнѣ пришлось вытѣать жилетъ для Людовика XV. Какъ эта вещь была красива, и я получилъ хорошія деньги; надо сказать, что все-таки это было хорошее время.“

Что же касается до моей жены—прибавилъ онъ тихимъ голосомъ,—она всегда любила казни; когда кого-нибудь собирались вѣшать, она всякій разъ первая туда бѣжала. Какъ я ее ни запиралъ на ключъ, она всегда находила средство исчезнуть и во-время постѣть на казнь.“

Эта жена появлялась каждый вечеръ въ тѣсной квартирѣ дез-Ешероль и сообщала въ присутствіи этой семьи своему мужу новости дня, т. е. подвиги террористовъ и казни. Она все видѣла и не пропустила въ своемъ разсказѣ ни одной подробности. Она повѣствовала объ этомъ съ такимъ усердіемъ, что все лицо ея разсвѣтало и обнаруживало, какую прелесть таили для нея эти зрѣлища. Старикъ очень побаивался этой жены, которую почтительно называлъ: гражданка Форе. У нихъ былъ сынъ, который въ то время попалъ въ члены лионскаго муниципалитета; это былъ обыкновенный злодѣй, алчный и кровожадный, ничѣмъ не выдававшійся изъ среды своихъ товарищей; отецъ относился съ почтеніемъ къ своему могущественному сыну и съ тордой осанкой говорилъ про него: „мой сынъ, муниципалъ“. Однако къ этому восхищенію примѣшивался нѣкотораго рода ужасъ, и это было совершенно понятно. Однажды, во время болѣзни разсказщицы, муниципалъ навѣстилъ своего отца; изъ-за занавѣсокъ своей постели она видѣла его красный колпакъ и слышала его отрывистый и сухой голосъ. „Отецъ, если бы ты не былъ хорошимъ республиканцемъ, если бы я въ тебѣ подозрѣвалъ аристократа, я бы донесъ на тебя и завтра велѣлъ бы тебя гильотинировать“.—Однако, мой сынъ, это очень жестоко; сынъ мой, это слишкомъ жестоко.—„Какъ жестоко! Знай, что у настоящаго республиканца нѣтъ ни отца, ни семьи; онъ знаетъ только одну республику, онъ любитъ только республику, онъ приноситъ ей все въ жертву и предпочитаетъ сдѣлать это сегодня, чѣмъ отложить завтра“. Послѣ этого разговора отецъ Форе еще вечеромъ весь дрожалъ.

Вотъ такіе-то факты, такія личности и такія побужденія къ террору слѣдовало бы имѣть въ виду историкамъ, выставлявшимъ терроръ какою-то отвлеченною необходимостью для спасенія Франціи, какимъ-то патріотическимъ долгомъ, грустнымъ, но неизбѣжнымъ—историкамъ, осуждавшимъ Жиронду, какъ напр., молодой Тьеръ—за ея борьбу противъ террористовъ въ то время, „когда усилившаяся опасность сдѣлала насиліе болѣе настоятельнымъ (plus urgente) и умѣренность менѣе возможной (moins admissible) ¹⁾“.

Какой хаосъ въ чувствахъ и понятіяхъ господствовалъ въ массѣ французскаго населенія, увлеченнаго терроромъ, обнаруживается между прочимъ еще изъ слѣдующей черты гражданъ Форе. Возвращаясь изъ темницы, гдѣ содержалась ея тетка, Ал. дез-Ешероль не разъ заставляла Форе сидящимъ за каминомъ и читающимъ молитвенникъ ея тетки. Крупная печать этой книги давала ему возможность читать

¹⁾ Thiers. H. de la Rév. Fr. T. IV, p. 78.

въ ней безъ очковъ и онъ проводилъ за этимъ занятіемъ цѣлыя часы. Это обстоятельство внушило молодой дѣвушкѣ смѣлость по вечерамъ читать въ слухъ молитву „о дарованіи мира“, и во время этого чтенія не только старикъ Форэ молился съ полнымъ усердіемъ, но даже и его жена принимала въ этомъ участіе. Такой поступокъ со стороны молодой дѣвушки былъ довольно безрассуденъ въ виду текста молитвы; стоило только кому либо изъ гражданъ Форэ проронить одно слово къ сыну муниципалу—и аристократка неминуемо была бы отправлена на эшафотъ. Но они не только не донесли на нее, а старикъ Форэ даже самъ не разъ просилъ ее, чтобы она прочла ему эту молитву. Это впрочемъ нисколько не помѣшало ему, когда молодая дѣвушка послѣ казни тетки уѣхала изъ Ліона, присвоить себѣ съ помощью жены значительную часть вещей, порученныхъ его охранѣ и на которыя онъ давно привыкъ смотрѣть какъ на свои собственныя.

Эпоха террора представляетъ собой не только потрясающую историческую драму, но и драму психологическую, во время которой подъ давленіемъ событій сильнѣе развиваются и ярче обнаруживаются дурныя и добрыя задатки человѣческой природы. И въ этомъ также отношеніи Записки дез-Ешероль даютъ читателю интересный матеріалъ для наблюденій. Помимо рѣзкихъ проявленій человѣческихъ пороковъ—корысти, зависти, злобы и жестокости, въ связи съ политическими страстями, помимо систематической эксплуатаціи жертвъ террора со стороны его органовъ, мы постоянно встрѣчаемъ въ нихъ доказательство того, какъ легко человѣкъ падаетъ нравственно, когда распатакъ общественный порядокъ, потрясены обычныя понятія и нравственныя преданія, когда бурныя событія влекутъ за собой необычайныя искушенія и сильнѣе возбуждаютъ эгоистическіе инстинкты. Мы видимъ, напр., жену богатаго торговца хлѣбомъ, которая, взявъ впередъ деньги, немилосердно и грубо выгоняетъ отъ себя семью, нажившую у нея квартиру, пользуясь беззащитностью пріѣзжихъ и невозможностью обратиться къ суду при наступившемъ террорѣ. Мы видимъ другую даму, отказывающуюся выдать изъ вещей, оставленныхъ у нея на храненіе—матрасъ и подушки, которыя понадобились владѣлицѣ этихъ вещей, когда ее заключили въ тюрьму. Мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ людей, которые берутся доставить деньги— послѣднія крохи, которыхъ лишаютъ себя жертвы террора, чтобы облегчить на чужбинѣ участь своихъ родственниковъ,— и оставляютъ эти деньги за собой. Передъ нами старикъ слуга, съ малолѣтства облагодѣтельствованный людьми, принявшими участіе въ его судьбѣ, который при наступленіи революціи—*imbut des principes* *poiveaux*—покидаетъ домъ, относится къ членамъ семьи, которые выросли на его рукахъ, какъ къ зараженнымъ, и встрѣчаясь съ ними, не кланяется. Мы уважемъ, наконецъ, на секретаря ліонскаго коменданта во время осады, выдающаго послѣ взятія города одного изъ вѣнныхъ офицеровъ, котораго въ Ліонѣ не знали, въ надеждѣ спасти

свою собственную жизнь, но напрасно рассчитывавшаго на великодушные террористовъ.

Но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ примѣры высокаго благородства и самоотверженія. Мы видимъ людей, съ опасностью собственной жизни бросающихся спасать незнакомыхъ, какъ напр., гѣкто Барръ, который почти на глазахъ разъяренной толпы, окружившей гостиницу, увелъ подъ покровомъ своего мундира національнаго гвардейца и перевезъ черезъ Сону полковника Кор. Польскаго полка. Новые принципы не всёми помѣшали сохранить человеческое чувство къ своимъ противникамъ. Интересенъ въ этомъ отношеніи рассказъ одного вандейца, обозначаемого въ Запискахъ только подъ именемъ Александръ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, какъ шпионъ, въ сосѣдній городъ, гдѣ его ожидала быстрая казнь. По дорогѣ онъ убѣдилъ провожатыхъ дозволить ему войти въ кабачокъ, чтобы подкрѣпить себя виномъ. Ему удалось такъ напоить старшаго изъ жандармовъ, что тотъ заснулъ и свалился подъ столъ. Младшій однако пилъ умѣренно и сохранилъ полную бодрость. Александръ съ безпокойствомъ взглядывалъ на него. Но вдругъ жандармъ, замѣтивъ, что его товарищъ крѣпко спитъ, обратился къ арестанту съ словами: „я вижу, что вы задумали; я не помѣшаю вашему бѣгству и хочу даже помочь вамъ. Подождите здѣсь моего возвращенія“. Онъ вышелъ и вернулся съ плохимъ крестьянскимъ армякомъ и съ парой голубей въ корзинѣ. „Возьмите это“, сказалъ онъ; „въ этомъ видѣ васъ вездѣ будутъ принимать за крестьянина изъ сосѣдней деревни“. И дѣйствительно, плѣннику удалось добраться до окрестностей Ліона, гдѣ онъ нашелъ новыхъ покровителей.

Полный контрастъ съ поведеніемъ слуги, о которомъ мы говорили, представляетъ образъ дѣйствія няни, приставленной къ больной дочери генерала дез-Ешероль. Въ началѣ революціи она также прониклась новыми политическими страстями и рѣзко высказывала ихъ; но когда семья дез-Ешероль принуждена была бѣжать, эта женщина не покинула больной—съ дѣтства страдавшей помѣшательствомъ,—и продолжала тщательно ходить за ней, не смотря на секвестръ замка и на всѣ лишенія и неприятели, которыя были слѣдствіемъ этого положенія. Когда вернулась въ замокъ сестра больной, она приняла ее и оберегала какъ родную дочь; тайкомъ отъ нея бралась шить рубашки для республиканскихъ солдатъ и щипать корпию для нихъ и доставляла это въ городъ отъ имени молодой дѣвушки, чтобы отвлечь отъ нея злобу революціоннаго комитета. Когда послѣдняя переѣхала жить къ мадамъ де-Мелонъ, добрая женщина послала ей туда свои скудные заработки, скрывая ихъ источникъ.

Если во время бѣдствій, обрушившихся на семью дез-Ешероль, многіе изъ ея прежнихъ знакомыхъ прервали всякое общеніе съ ней и обнаружили крайнюю жесткость, зато другіе оказались вѣрными

друзьями въ несчастіи. Между послѣдними заслуживаетъ особеннаго вниманія одна муленская дама—Гримо. Когда Ал. дев-Ешероль послѣ казни своей тетки вернулась въ Муленъ, тамошній революціонный комитетъ постановилъ арестовать ее; но, не желая помѣстить ее въ общую тюрьму, гдѣ содержались между заподозрѣнными въ аристократизмъ различные родственники и друзья ея, комитетъ предвскалъ заключить пятнадцатилѣтнюю дѣвушку въ такъ называемое дено, т. е. мѣсто заключенія проститутокъ, обвиненныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ. Узнавши объ этомъ, г-жа Гримо, находившаяся подъ домашнимъ арестомъ, стала хлопотать, хотя ей пришлось бы покинуть свою собственную семью, о своемъ переводѣ въ дено, „чтобы молодая дѣвушка не была тамъ одна“.

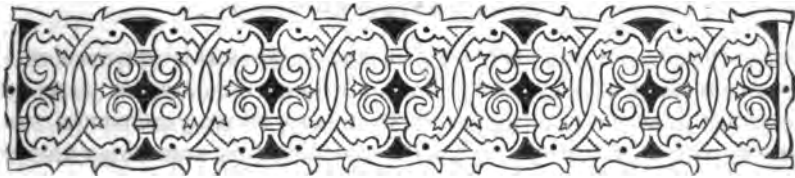
Но самые трогательные эпизоды въ этомъ отношеніи, настоящую идиллію среди страшной драмы, представляютъ тѣ главы Записокъ, которыя посвящены описанію крестьянской семьи Шозьеръ, гдѣ находилъ себѣ гостепріимное убѣжище, совѣтъ и утѣшеніе всѣ жалкіе сироты и бѣглецы, заброшенные туда счастливой звѣздой. Любопытное лицо этотъ Шозьеръ, крестьянинъ бапмачникъ, нѣсколько трусливый, скрывающій у себя бѣглецовъ, но затѣмъ, возвратившись изъ сельскаго кабака, гдѣ онъ подпилъ и наслушался яростныхъ демократическихъ рѣчей, объявляющій женѣ, что завтра же всѣ чужіе должны оставить его домъ; интересна сцена, когда онъ однажды, возвратившись домой, объявляетъ съ рѣшительностью, но не безъ нѣкотораго волненія, что воскресенье отмѣнено и не будетъ болѣе праздноваться, а вмѣсто этого назначено декади, что онъ будетъ работать по воскресеньямъ, а чистую сорочку будетъ надѣвать по декадамъ,—сцена, которая однако кончилась торжествомъ воскресенья надъ декадами. Но если отецъ Шозьеръ нѣсколько комиченъ, то его жена и его дочь, Магдалина, чрезвычайно почтенны и симпатичны. У этихъ простыхъ людей, подъ вліяніемъ христіанскаго чувства долга и природной сострадательности, развилась такая сила любви, такая деликатность и тонкость чувства, такая находчивость и такой самоотверженный, притомъ совершенно наивный и не знающій себѣ цѣну героизмъ, что читатель разстается съ ними почти съ такимъ же сожалѣніемъ, какъ и лица, испытавшія на себѣ ихъ гостепріимство. Но мы не станемъ здѣсь касаться подробностей, и отсылая читателей въ этомъ отношеніи къ самымъ Запискамъ, ограничимся въ заключеніе однимъ только замѣчаніемъ.

Всѣмъ извѣстно, какой громаднй успѣхъ имѣло въ свое время сочиненіе Шатобріана—*les Martyrs*—историческій романъ изъ эпохи первобытныхъ христіанъ, преслѣдуемыхъ язычниками. Этотъ успѣхъ, конечно, нельзя объяснить однимъ только писательскимъ талантомъ Шатобріана и „реакціей противъ принциповъ революціи 1789 г.“, какъ это, напр., еще дѣлаетъ даровитый критикъ Брандесъ. Романъ Шатобріана заключалъ въ себѣ глубокую историческую правду, кото-

рая за живое захватывала современниковъ, и многие изъ тогдашнихъ читателей романа находили въ немъ сцены и впечатлѣнія, которыя были пережиты ими самими въ недалекомъ еще прошедшемъ. Въ Запискахъ дез-Ешероль описано, какъ крестьянки деревни Фонтенъ, близъ Лиона, собирались по вечерамъ молиться въ кѣлти тетки Шозьеръ, которая при свѣтѣ лампадки, повѣшанной къ балкѣ, читала имъ Житія Святыхъ, а по воскресеньямъ запрещенную обѣдню. Эти сцены ничто иное какъ повторенія того, что 15 вѣками раньше происходило въ той же мѣстности въ эпоху „мучениковъ“, а съ другой стороны показываютъ, насколько поэтическіе образы и вымыслы Шатобриана имѣли основанія въ современной ему дѣйствительности. Но историческая правда въ романѣ Шатобриана подернута фальшью, происходящей отъ аффектаціи и претенціозности автора; его христіанскіе герои поставлены на ходули; въ Запискахъ же дез-Ешероль религиозное чувство, одушевлявшее значительныя массы французскаго народа, изображено во всей его искренности и простотѣ—съ полной правдивостію и безыскусственнымъ реализмомъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, Записки дѣвушки, желавшей сохранить память о судьбѣ своей семьи въ эпоху террора, представляютъ собой вѣрное отраженіе этой злополучной эпохи и лучше объясняютъ многія стороны въ исторіи и въ характерѣ революціи, чѣмъ инныя извѣстныя сочиненія съ авторитетными именами.

В. Герье.

ЗАПИСКИ КАРОЛИНЫ БАУЭРЪ ¹⁾.

II.

Послѣдній томъ „давнозабытыхъ сердечныхъ исторій“.—Причины его появленія.—Откровенность и разочарованность автора.—Жизнь въ Реджентс-паркѣ.—Ragilage.—Важное занятіе королевскаго принца.—Monsieur tout doucement.—Лондонскія развлеченія.—Свадебный контрактъ.—Поѣздка въ Парижъ.—Французскій театръ.—M-me Марсъ.—Нѣмецкія актрисы.—Дорваль.—Лемётръ.—M-me Жоржъ.—Дворъ Карла X.—Герцогиня Беррійская.—Принцъ въ Парижѣ.—Жизнь въ Клэрмонтѣ.—Ссоры и разочарованія.—Принцесса Шарлота.—Принцъ Уэльскій.—Каролина Брауншвейгская.—Первая ночь.—Первый джентльменъ Англіи.—„Деликатное изслѣдованіе“.—Примѣрный мужъ и отецъ.—Регентство.—Общественное мнѣніе и литература.—Стихи Байрона.—Преслѣдованія матери и дочери.—Принцъ Оранскій.—Неудавшіяся женихъ.—Дипломатія Екаторины Павловны.—Бракъ Шарлоты съ Леопольдомъ и смерть ея послѣ родовъ.—Королева Каролина въ Германіи и въ Лондонѣ.—Стаканъ лимонада.—Двѣ глушыя страсти.—Леди Элленбороу.—Австрійскій князь, баденскій баронъ, греческій графъ и арабскій шейхъ.—Греческая корона.—Трусливый эгоистъ.—Смерть Георга IV.—Разрывъ съ принцемъ.—Закулисная сторона политическихъ дѣятелей.—Исторія и мемуары.—Придворное лавейство.—Послѣдніе годы и смерть Штокмара.—Послѣдніе дни Леопольда I.—Бракъ во время паузы.—Оригинальное признаніе издателя „Записокъ Бауэръ“.

ОУЧИ совершенно незамѣтно, безъ шума и безъ журнальныхъ рекламъ, вышла въ свѣтъ недавно въ Берлинѣ третья и послѣдняя часть „Записокъ“ Каролины Бауэръ. Не считала ли нужнымъ нѣмецкая печать поднимать вновь, по случаю появленія этой части, тревогу, возбужденную первыми признаніями и обличеніями даровитой артистки; хотѣла ли журналистика снять съ себя упрекъ въ преднамѣренномъ возбужденіи литературнаго скандала, по поводу нѣкоторыхъ, довольно пикантныхъ разоблаченій

¹⁾ См. „Истор. Вѣсти.“, Т. III, стр. 372.

писательницы, не щадившей въ своихъ заграничныхъ откровеніяхъ ни себя, близкихъ къ ней лицъ? Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ окончаніе „Записокъ“, надѣлавшихъ такого шума, удостоилось весьма немногочисленныхъ рецензій, написанныхъ какъ бы вскользь и неохотно. А между тѣмъ, именно эта третья часть значительно превосходить интересомъ содержанія двѣ первыя части и, отдавъ объ нихъ въ прошломъ году сжатый отчетъ читателямъ „Историческаго Вѣстника“, мы считаемъ, напротивъ, неизлишнимъ съ большою подробностью разобрать послѣднюю часть „Записокъ“, имѣющую гораздо болѣе значенія, нежели ихъ начало. Въ эпитафій въ этой части Бауэръ говоритъ прямо, что составленіе этихъ „Записокъ“ придаетъ ей новыя силы къ продолженію борьбы съ жизнью. Добросовѣстный отчетъ въ прошедшемъ, честныя отношенія ко всему пережитому, облегчаютъ и укрѣпляютъ ее. „Мнѣ кажется“, говоритъ она, „что я умру спокойно, когда выскажу, объясню передъ свѣтомъ всѣ свои мысли, чувства, поступки“.

И она, дѣйствительно, объясняетъ ихъ откровенно, не рисуясь, не скрывая своихъ заблужденій и ошибокъ, не щадя своего самолюбія, не стараясь извинять ни себя, ни другихъ. Это желаніе быть вполне правдивой составляетъ исключительную и самую важную сторону „Записокъ“ Каролины. Не всегда вѣрно рисуетъ она характеры извѣстныхъ лицъ и оцѣниваетъ историческія событія, но не старается за то нисколько прикрашивать ихъ и выставляетъ именно въ томъ свѣтѣ, какъ они казались ей и другимъ, близкимъ къ нимъ лицамъ. Въ этой части „Записокъ“ артистка является въ тройномъ видѣ: какъ графиня Монгомери въ Англіи и Парижѣ, какъ Каролина Бауэръ въ Россіи и въ Германіи и какъ графиня Платеръ въ Швейцаріи. Въ первой части ея походовъ, какъ подруги принца Леопольда Кобургскаго, принадлежитъ эпитафій изъ Платена: „всякое земное явленіе—только сновидѣніе, всякая любовная связь—только заблужденіе, и то, что называютъ истинною, — одно только мнѣніе“. Когда Каролина оставила Берлинъ, Фарнгагенъ фонъ-Энзе сказалъ въ своемъ журналѣ, что Бауэръ оставила сцену, чтобы слѣдовать въ Англію за другою, счастливою звѣздой. „Эти слова—говоритъ она—заставляютъ меня и теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, горько улыбаться и горько плакать: моя счастливая звѣзда, напротивъ, закатилась навсегда въ туманахъ юнскихъ дней 1829 года, проведенныхъ мною въ Лондонѣ“. И дѣйствительно, жизнь ея въ роскошной виллѣ Реджентс-парка была жизнью птицы въ золотой клеткѣ. Съ полною довѣрчивостью, отвѣчая на призывъ принца Леопольда Кобургскаго, подъ ручательствомъ своего двоюроднаго брата, барона Христіана Штокмара, оставила она берлинскую сцену и отправилась съ своею матерью инognito въ Англію, чтобы заключить тамъ сердечный союзъ передъ лицомъ Бога, если не передъ людьми, которыхъ принцъ боялся больше Бога. И что же нашла она въ Англіи? Сухого, холоднаго, педантическаго, недовѣрчиваго обожателя, являвшагося къ ней ежедневно

часа на два, въ полномъ парадѣ, распѣвавшаго иногда съ ней итальянскіе дуэты, но обыкновенно и ежедневно заставлявшаго ее играть на фортепіано и серьезно занимавшагося въ это время страннымъ, вовсе не мужскимъ, руководѣемъ — выдергиваньемъ золотыхъ и серебряныхъ ниточекъ изъ эполетъ, темляковъ, галуновъ и кистей. Это занятіе было въ большой модѣ при дворѣ Людовика XVI, не задолго до революціи. Придворныя дамы выпрашивали у кавалеровъ ихъ блестящія украшенія — галуны, позументы, кисти, эполеты и на вечерахъ занимались распускаемъ ниточекъ изъ этихъ вещей. Занятіе это называлось *ragfilage*, а дамы, усердно предававшіяся ему, *ragfileuses*. Напрасно возставали противъ этого дикаго занятія благо-разумные люди. Г-жа Жанлисъ осмѣяла его въ своемъ романѣ „Аделъ и Теодоръ, или письма о воспитаніи“. Эмиграція, возникшая во время революціи, перенесла это занятіе въ Англію; но что оно сдѣлалось любимымъ препровожденіемъ времени принца Леопольда — было, дѣйствительно, странно и необъяснимо. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ, въ прекрасные іюньскіе дни, выдергивая золотыя и серебряныя ниточки изъ разныхъ бахромъ и позументовъ, въ то время, когда Каролина играла ему на фортепіано или читала романы. Долго выносить подобное странное положеніе было невозможно. „Я не выдержу“, писала она кузену Христіану, „я умру отъ скуки въ этой золоченой клеткѣ. Никогда принцъ не говоритъ со мной ни о своей любви, ни о томъ, когда будетъ заключенъ нашъ союзъ. Никогда не предложитъ онъ мнѣ даже пройтись по саду, изъ опасенія, что его узнаютъ прохожіе. Присутствовать долге при распусканіи галуновъ и выдергиваніи золотыхъ ниточекъ — я не въ состояніи“.

— Да, конечно, это не весело, отвѣчалъ Штокмаръ, но необходимо еще нѣсколько времени имѣть терпѣніе. Пусть этотъ іюнь будетъ мѣсяцемъ испытанія. Я надѣюсь, что іюньское солнце растопитъ ледъ и принцъ самъ будетъ просить о заключеніи болѣе тѣснаго союза, освященнаго церковью. Во всякомъ случаѣ, я настою на томъ, чтобы онъ принялъ какое нибудь рѣшеніе. Если бы я могъ предвидѣть, что этотъ „господинъ мало-по-малу“ и „маркизь потихоньку“ (*monsieur peu à peu et marquis tout doucement*), какъ его называютъ, будетъ поступать такимъ образомъ, я бы не согласился быть участникомъ этой глупой исторіи. Но я надѣялся, что онъ возродится къ новой жизни въ присутствіи молодого, любящаго созданія, а тебѣ и твоей матери я хотѣлъ доставить обезпеченную будущность, вдали отъ всѣхъ интригъ и волненій опасной сценической жизни...“

— Которая все-таки сносите той, какую я веду теперь, отвѣчала Каролина.

Кузень долженъ былъ согласиться съ этимъ и общалъ употребить всѣ усилія, чтобы заставить принца измѣнить свои странныя отношенія къ Каролинѣ. Съ своей стороны, Штокмаръ доставлялъ ей,

хоть рѣдко, нѣкоторыя развлечения: онъ бралъ ее съ собою на прогулки въ Реджентс-паркъ, занимающій болѣе 450 десятинъ, окруженный великолѣпными зданіями, гдѣ была устроена панорама Лондона, діорама Дагера, обширный зоологическій садъ. Она была съ Штокмаромъ и въ итальянской оперѣ, и въ Геймаркетскомъ театрѣ, гдѣ играла, пѣла и танцевала англійская Дежазе,—мистрисъ Вестрисъ, кумиръ тогдашней лондонской молодежи. Она видѣла и знаменитаго Чарльса Кэмбля, хотя, вообще, была очень недовольна англійской драмой; ее удивляло также, что англійскіе актеры играютъ безъ суфлера и суфлерской будки вовсе нѣтъ въ англійскихъ театрахъ. Но всего болѣе антипатична была ей англійская публика,—эти господа въ чулкахъ, башмакахъ и бѣлыхъ галстукахъ, эти дамы въ бальныхъ костюмахъ, съ открытыми плечами, въ прическѣ, утыканной на затылкѣ страусовыми перьями—съ ихъ холодными, неподвижными фізіономіями, точь въ точь восковыя куклы въ витринѣ парикмахера. Всего болѣе раздражало Каролину, что эти лица ржутъ, когда имъ приходится смѣяться. Въ это время въ итальянской оперѣ пѣли Зонтагъ и Малибранъ; на Дрюриленскомъ театрѣ давали концерты Мошелесъ и Мендельсонъ; но съ ними была очень хорошо знакома въ Берлинѣ Каролина Бауэръ и поэтому ей нельзя было явиться въ театрѣ, изъ боязни, чтобъ они не узнали ее. Въмѣсто этого, принцъ посылалъ къ ней своего фактотума, который показывалъ ей рѣдкости Тоуера—эшафотъ и топоръ, которымъ отрубили голову Аннѣ Болейнъ, Джени Грей и графу Эссексъ,—бочку, въ которой утопили герцога Кларенскаго, сына Эдуарда IV. Проводя вдвоемъ съ матерью долгіе, скучные часы, Каролина вспоминала о томъ, какъ ей весело жилось въ Берлинѣ; но слухи о ея заключеніи дошли, наконецъ, и до этого города: она получила оттуда письма; даже король спрашивалъ, нѣтъ ли извѣстій о его любимицѣ. Штокмаръ увидѣлъ, что дольше нельзя скрывать двусмысленнаго положенія его кузины; онъ приступилъ къ принцу съ требованіемъ положить этому конецъ, и 2-го іюля 1828 года былъ подписанъ между принцемъ и Каролиной Бауэръ свадебный контрактъ, по которому она получила титулъ графини Монгомери и опредѣленное содержаніе. За этимъ послѣдовала медовая недѣля. Принцъ какъ будто переродился: его меланхолическая фізіономія просвѣтлѣла, онъ сдѣлался живѣе, любезнѣе, развязнѣе, даже болтливѣе, совершенно оставилъ тонъ педанта и даже свой *parfilage*. „Я воображала, что люблю его“, прибавляетъ Каролина. Въ сопровожденіи кузена, она посѣтила Клэрмонттоузъ—замокъ, гдѣ жилъ принцъ Леопольдъ очень короткое время съ своею женою, принцессою Шарлоттою, и гдѣ онъ въ одинъ день потерялъ и молодую жену, и новорожденнаго сына.

Въ концѣ іюля, принцъ долженъ былъ ѣхать въ Карлсбадъ и выдержать тамъ курсъ леченія. Чтобы не оставаться въ Лондонѣ одной, Каролина придумала поѣхать на это время съ матерью въ Парижъ,

къ своему брату Людвигу. Принцъ разрѣшилъ это, съ условіемъ не знакомиться ни съ кѣмъ въ Парижѣ и не возобновлять берлинскихъ знакомствъ. Пять мѣсяцевъ провела графиня Монгомери въ Парижѣ, живя въ отелѣ Риволийской улицы, противъ Тюльери. Послѣ лондонской скуки, парижская жизнь показалась, конечно, раемъ для Каролины. Въ первый же вечеръ, послѣ своего приѣзда въ Парижъ, она была уже во „Французскомъ театрѣ“. Прежде всего увидѣла она въ фойе мраморную статую старика, сидящаго въ мраморномъ креслѣ, съ руками худыми, какъ у скелета, впившимися въ ручки кресла. Выраженіе его старческаго, исхудалаго, покрытаго морщинами лица, съ ироническою улыбкою беззубаго рта — поразило Каролину. „Кто это?“ спросила она почти въ испугѣ. — Вольтеръ, — отвѣчалъ ей братъ. Въ театрѣ удивило ее также прежде всего холодное молчаніе разодѣтой публики, находившей неприличнымъ всякое выраженіе удовольствія, или сочувствія артистамъ. И актеры на этой сценѣ играли такъ же холодно и вало, потому что были обязаны играть декретомъ Наполеона, давшимъ „Французскому театру“ привилегію требовать поступленія въ его труппу лучшихъ провинціальнхъ артистовъ. Такимъ образомъ, въ нее поневолѣ вступали лица, получившія въ провинціи до пятнадцати тысячъ франковъ, а здѣсь принужденныя довольствоваться тремя тысячами жалованья. Въ этотъ вечеръ давали „Цинну“ Корнеля. Въ старыхъ костюмахъ, при отрѣпанныхъ декорацияхъ, трагедія исполнялась пятью старыми актерами, читавшими старыя стихи удивительно правильно, но и удивительно монотонно и неестественно. Чистѣйшій французскій языкъ, безъ малѣйшей ошибки въ интонаціи и удареніи, вмѣстѣ съ тѣмъ блисталъ отсутствіемъ чувства и выразительности. Ни одного рукоплесканія не раздалось во все время этого отчетливаго классическаго исполненія. Тальма уже былъ въ гробу; Дюшенуа, исхудалая какъ скелетъ, сдѣлалась безобразна до невозможности; красавица Сент-Жоржъ растолстѣла, напротивъ, какъ мучной мѣшокъ, и перешла на театръ Одеона, гдѣ былъ директоромъ ея мужъ Гарель. На „Французскомъ театрѣ“ осталась только одна звѣзда — m-lle Марсъ, но и та свѣтила на немъ уже тридцать восемь лѣтъ. Каролина видѣла ее въ драмѣ „Валерія или Слѣпая“. Смотри въ этой пьесѣ на знаменитую актрису, можно было забыть, что ей уже пятьдесятъ второй годъ; она играла просто, естественно, безъ заученныхъ жестовъ, хотя и безъ особеннаго чувства. Марсъ была въ то же время и законодательницею моды: въ салонахъ и на сценѣ туалеты ея были образцовыя. Каролина смѣется только надъ ея костюмомъ въ пьесѣ Коцебу — „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“. По мнѣнію французовъ, нѣмки должны были одѣваться самымъ безвкуснымъ образомъ. Сѣрое узкое платье и огромный бѣлый чепецъ, конечно, смѣшны на сценѣ, но въ своемъ патріотическомъ уличеніи Каролина утверждаетъ, что, играя просто, естественно, горячо и прочувствованно, Марсъ играла совершенно по-нѣмецки (echt

deutsch). Кто же не знаетъ, что и въ наше время отсутствіе именно этихъ качествъ составляетъ особенность игры нѣмецкихъ артистовъ. Каролина сознается, что впоследствии, когда она исполняла въ этой пьесѣ роль Евлалии, она старалась подражать Марсъ.

Каролина хвалитъ еще нѣсколькихъ французскихъ артистовъ, которыхъ она видѣла впоследствии. Сильное впечатлѣніе произвела на нее Дорваль, въ роли Шарлоты Корде, несмотря на неправильныя черты лица и нѣсколько грубый голосъ. Марата игралъ Леметръ, который также привелъ въ восторгъ Каролину. Дорваль была всю свою жизнь истинною артисткою; какъ женщина, она имѣла много сходныхъ чертъ съ Жоржъ-Зандъ, называвшей ее своею подругой. Обѣ были беспокойныя, страстныя натуры, обѣ стремились къ эмансипаціи женщины, обѣ много любили. Дочь бѣднаго страствующаго комедіанта, Дорваль пѣла сначала какъ хористка въ „Іосифъ Прекрасномъ“ Мегюля. Выйдя замужъ въ очень молодыхъ годахъ за актера Дорвала, она сдѣлалась матерью троихъ дѣтей и должна была заботиться объ ихъ воспитаніи. Прибывъ въ Парижъ, она съ трудомъ находила въ немъ средства къ существованію. Роль мельничихи въ тогдашней модной мелодрамѣ „Два галерныхъ невольника“—выдвинула ее впередъ. Потомъ она художественно олицетворила типъ Жанны Вобернъ (Дюбарри). Впоследствии лучшія роли ея были въ драмахъ „Маріона Делормъ“, „Анжело“, „Чатертонъ“, „Антоній“. Жоржъ-Зандъ, посвятившая ей отдѣльную главу въ своихъ „Запискахъ“, говоритъ, что она увлекалась во всемъ: въ любви къ дѣтямъ, къ искусству, — въ самопожертвованіи, въ религиозныхъ стремленіяхъ. Дорваль сама говорила, что страсти состарили, изнурили ее до времени, что она нуждается въ спокойствіи, въ отдохновеніи—и никогда не могла успокоиться ни въ жизни, ни въ искусствѣ, ни въ любви. Не смотря на это, она привлекала къ себѣ многихъ, даже автора Маріоны Делормъ. Она не могла успокоиться даже подъ старость и, въ 1848 году, должна была играть для того, чтобы заработать кусокъ хлѣба. Въ слѣдующемъ году она умерла 57-ми лѣтъ, отъ горя и лишеній.

Вмѣстѣ съ Дорваль громкой извѣстностью пользовался Фредерикъ Леметръ, также сынъ комедіанта, въ молодости танцовавшій на канатѣ. Въ Парижѣ онъ выступилъ въ роли Робертъ-Макера и потомъ въ драмѣ „Тридцать лѣтъ или жизнь игрока“. Это былъ порядочный циникъ и гуляка, умершій 78-ми лѣтъ, также въ нуждѣ и бѣдности; зато ему устроили великолѣпное погребеніе: Форъ и Дюпре пѣли „реквиемъ“ на его похоронахъ; Викторъ Гюго читалъ надъ его гробомъ рѣчь, въ которой назвалъ его величайшимъ драматическимъ артистомъ нашего вѣка и всѣхъ вѣковъ. Леметръ былъ представителемъ народной драмы.

Еще печальнѣе было положеніе m-lle Жоржъ, раздѣлявшей нѣкогда съ Тальмою восторги публики и коронованныхъ лицъ, видѣвшей въ числѣ своихъ поклонниковъ безстрастнаго Наполеона, а въ то

время игравшей на Одеонѣ всевозможныя роли, чтобъ не умереть съ голоду. Дочь музыканта и театральной субретки, она рано вышла на сцену и приобрѣла любовь публики. Явись въ роляхъ Дюшенуа, она скоро побѣдила свою соперницу. Жоржъ долгое время отвергала предложенія всѣхъ своихъ обожателей и, послѣ ролей Семiramиды, Kleopatры, Дидоны, ужинала въ своемъ скромномъ уголку блудомъ чечевицы. Польскій графъ Сантъга предложилъ ей богато меблированное помѣщеніе, брилліанты, кружева, кашемиры, не требуя за это ничего, кромѣ дружескаго пожатія руки. Ее преслѣдовалъ своей любовью Луціанъ Бонапартъ; но однажды утромъ Парижъ узналъ пикантную новость: въ эту ночь первый консулъ потребовалъ къ себѣ въ Сен-Клу m-lle Жоржъ, и она должна была отправиться. Жозефина не показала вида, что знаетъ о невѣрности своего мужа, и на другой же день прислала торжествующей актрисѣ, игравшей Федру, дорогую золотую мантию для этой роли. Въ 1808 году, по приказанію императора Наполеона, Жоржъ играла на Эрфуртскомъ конгрессѣ передъ партеромъ императоровъ и королей. Вернувшись въ Парижъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда она должна была играть въ трагедіи „Артаксерсъ“, Жоржъ неожиданно скрылась изъ Франціи и очутилась въ Вѣнѣ, откуда, сыгравъ съ успѣхомъ нѣсколько ролей, отправилась въ Петербургъ, гдѣ императоръ Александръ осматривалъ ее богатыми подарками. Ее часто можно было встрѣтить на улицахъ столицы, въ великолѣпномъ экипажѣ четверкой, но когда, послѣ пожара Москвы, Наполеонъ бѣжалъ изъ Россіи, принявшей его такъ негостеприимно, всѣ окна Петербурга заблистали огнями яркой иллюминаціи; только окна дома Жоржъ были темны и за ними сидѣла и плакала надъ померкшею звѣздою Наполеона и его любви прекрасная артистка. Только строгое приказаніе императора Александра охранило ее отъ оскорбленія возбужденныхъ петербургскихъ жителей. Больная и разстроенная скрылась она въ Стокгольмъ, гдѣ ее привѣтливо встрѣтили Бернадотъ и г-жа Сталь. Въ послѣдній разъ въ Дрезденѣ играла она передъ Наполеономъ, вмѣстѣ съ Тальмою, незадолго до Лейпцигскаго сраженія, въ „Циннѣ“. Императоръ возвратилъ ей всѣ права общницы „Французскаго театра“, но, по возвращеніи Бурбоновъ, она имѣла смѣлость выйти на сцену въ костюмѣ, украшенномъ не королевскими лиліями, а имперялистскими фіалками, и была за это выслана изъ Парижа. Только впоследствии Людовикъ XVIII позволилъ ей возвратиться въ столицу, и она поступила на театръ Одеона; потомъ играла въ провинціи, посѣтила еще разъ Германію и Россію и умерла въ званіи учительницы драматической декламаціи при парижской консерваторіи.

Каролина говоритъ еще о другихъ замѣчательныхъ артистахъ того времени: Буфѣ, Дежазе, Леонтинѣ Фе, Одри, о первомъ представленіи Вильгельма Телля Россини, о Маріи Тальони, тенорѣ Нурри, Сабинѣ-Гейншфеттерѣ, Маріи Малибранъ. Всѣ эти артисты и пьесы, въ кото-

рыхъ они появлялись на сценѣ, возбуждали въ Каролинѣ горькія сожалѣнія о покинутаго ею поприщѣ. Не смотря на строгое запрещеніе принца Леопольда, она не могла отказаться отъ приѣма нѣкоторыхъ изъ ея берлинскихъ поклонниковъ, видѣвшихъ ее въ театрѣ; но она не могла признаться имъ, что была гораздо счастливѣе на сценѣ, нежели въ своемъ новомъ положеніи. Кузенъ Штокмаръ совѣтовалъ ей навсегда забыть прошлое и помнить, что Каролина Бауэръ умерла окончательно. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ ей, что ея пребываніе въ Парижѣ должно продлиться болѣе, чѣмъ рассчитывали прежде, и потому необходимо уменьшить, сколько можно, издержки ея туалета и даже всѣдневнаго содержанія. Каролина должна была отпустить наемный экипажъ, переѣхать изъ бель-этажа отеля въ третій этажъ, ограничить себя во всемъ, даже въ посѣщеніи театра.

Изъ парижской королевской фамиліи Каролина набрасываетъ, между прочимъ, очень живой и вѣрный портретъ герцогини Беррійской, прозванной галантными парижанами *la jolie laide*. Каролина находитъ, что она была просто очень дурна собой, особенно съ перваго взгляда: въ глазахъ свѣтилось непріятное выраженіе, цвѣтъ лица отливался желтизною, нижняя толстая губа рѣзко выдавалась впередъ, шея чрезвычайно худощава; но зато у нея была удивительно маленькая ножка; парижане были отъ нея въ восторгѣ и вездѣ перевозносили *le pied de Madame*. И герцогиня сама очень хорошо знала это, стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ выставить свою ножку; она ввела въ моду короткія платья и ажурныя шелковые чулки. Когда она гуляла по высокой терассѣ Тюльерійскаго сада, внизу собиралась публика и удивлялась ногѣ герцогини. Эсцентрическая въ своихъ поступкахъ, она объѣхала однажды всѣ парижскіе бульвары въ омнибусѣ, въ костюмѣ парижской гризетки, въ сопровожденіи камергера, также переодѣтаго; но на площади Согласія кондукторъ, помогавшій ей взойти въ омнибусъ, при видѣ ея ножки, обутой въ розовый шелковый чулокъ и черныя атласныя башмачекъ, вскричалъ изумленный: „Ah! le pied de Madame!“ и почтительно снялъ шапку. Парижъ увѣрялъ также, что онъ не разъ узнавалъ эту ножку на балахъ маскарада Большой оперы. Злые языки говорили даже, что они видѣли, какъ эта ножка не разъ взбѣгала по темнымъ лѣстницамъ Латинскаго квартала, гдѣ жили нѣкоторые изъ молодыхъ артистовъ театра, носившаго названія „*Théâtre de Madame*“. Мелькала эта ножка не разъ и въ увеселительномъ замкѣ Марсанъ, резиденціи герцогини, и въ купальняхъ Дьенна. Герцогиня была также неутомимая наѣдница и никогда не выходила изъ долговъ; но все это ей прощалось за ея доброту, грацію, блестящую, остроумную болтовню. Дочь неаполитанскаго короля, она была настоящей французенкой, совершенной парижанкой и самой интересной особой при скучномъ дворѣ Карла X. Уже и въ то время Парижъ былъ очень недоволенъ этимъ дворомъ, полнымъ ханжей и иезуитовъ. Парижъ скучалъ и говорилъ: *ça ira*

mal. И дѣйствительно пошло худо, и гораздо скорѣе, чѣмъ ожидали. Не прошло и года, какъ изгнанный Карлъ X съ своимъ семействомъ нашелъ убѣжище въ Прагѣ, гдѣ въ часовнѣ Градчина семидесяти-восьми-лѣтній король съ золоченымъ молитвенникомъ въ дрожащихъ рукахъ попрежнему механически шепталъ блѣдными губами іезуитскія молитвы, не предохранившія его отъ потери короны. Подлѣ этой печальной руины земного величія молились герцогъ и герцогиня Ангулемскіе, — онъ былъ такимъ же безжизненнымъ, безхарактернымъ существомъ, какъ и прежде, сумрачная жена его отличалась такимъ же фанатизмомъ. Съ ними не было только герцогини Беррійской, матери будущаго короля Франціи, Генриха V: она была удалена отъ двора изгнаннаго Карла X за то, что скомпрометировала Бурбоновъ, послѣдовавъ влеченію своего сердца, а не предписаніямъ политики. Въ то время, когда королевская фамилія искала убѣжища сначала въ Англіи, потомъ въ Чехіи, герцогиня Беррійская была „единственнымъ твердымъ мужемъ между Бурбонами“, какъ ее называлъ Луи-Филиппъ. Въ апрѣлѣ 1832 года, герцогиня съ нѣсколькими приверженцами высадилась на берега Франціи и, переодѣтая крестьянкой, явилась въ вѣрной Вандеѣ, развернувъ бѣлое съ лиліями—знамя Генриха V, и собирая подъ это знамя защитниковъ законной династіи, подвергалась ежеминутно опасности, преслѣдуемая полиціей. Она была, наконецъ, продана въ Нантѣ за 30,000 франковъ кельнскимъ жидомъ Дейтцемъ, выдавшимъ себя за приверженца Бурбоновъ и открывшимъ полиціи тайное убѣжище герцогини. Ее вытащили изъ-за камина, гдѣ былъ разведенъ огонь, почти задыхавшуюся отъ дыма и съ обгорѣвшими платьемъ, не разъ вспыхивавшемъ на ней въ то время, когда она пряталась отъ полицейскихъ сыщиковъ. Плѣнницу привезли въ крѣпость Блей, но вскорѣ же выпустили на свободу, такъ какъ она сдѣлала признаніе, что уже съ годъ какъ соединена тайнымъ бракомъ съ итальянскимъ маркизомъ, Лужеки Палли, и должна скоро разрѣшиться отъ бремени. Это признаніе отголенуло отъ нея всѣхъ легитимистовъ и Бурбоновъ; даже сыну ея, которому она хотѣла возвратитъ престолъ, рискуя своей жизнью, не позволено было ни обнять, ни видѣть мать свою. И все это герцогиня принесла въ жертву красавцу, но весьма мало развитому авантюристу, вдобавокъ еще не разъ ее обманывавшему, за что ревнивая и вспыльчивая супруга не разъ давала ему чувствовать всю силу своихъ раскодившихся августѣйшихъ ручекъ. Не разъ доставалось отъ нея и особамъ, за которыми ухаживалъ ея супругъ. Она дала ему титулъ герцога де-ла-Грація и имѣла отъ него сына и трехъ дочерей. Живя большею частью въ своемъ замкѣ въ Бруззее, въ южномъ Штейермаркѣ, она только по смерти Карла X помирилась съ графомъ Шамборомъ. Но и подъ старость герцогиня была также расточительна, какъ и въ молодости, и графу Шамбору не разъ приходилось уплачивать значительные долги своей матери. Герцогъ де-ла-Грація умеръ въ 1864 году. Герцогиня,

слѣпая и глухая въ послѣдніе годы, сошла въ могилу въ 1870 году, не дождавшись воцаренія своего сына. У легитимиста герцога Ларошфуко Додевиля хранится чрезвычайно маленькій, пожелтѣвшій отъ времени атласный башмачекъ, на которомъ замѣтны слѣды нѣсколькихъ капель крови; этотъ башмакъ былъ на ногѣ герцогини Беррійской 14 февраля 1820 года, когда она выходила изъ оперы съ герцогомъ, павшимъ подъ ножомъ Лувела.

Въ концѣ октября, пріѣхалъ въ Парижъ Штокмаръ, недовольный цѣлымъ свѣтомъ и въ особенности своимъ принцемъ, который, по своей безхарактерности, никакъ не могъ принять какого нибудь рѣшенія въ вопросѣ о предложенной ему коронѣ Греціи. Онъ надѣялся почему-то, что Каролина понудитъ принца на что нибудь рѣшиться. Въ началѣ ноября явился и самъ кандидатъ на греческій престолъ, но остановился въ другомъ отелѣ и дѣлалъ Каролинѣ всякій день визитъ, между тремя и четырьмя часами, привозя съ собою неизбѣжный ящичекъ для рагіlage. Онъ казался больнымъ, жаловался постоянно на свое здоровье и занимался имъ гораздо болѣе, чѣмъ Каролиною. Карлсбадъ, по его словамъ, принесъ ему вредъ. Въ присутствіи принца, жизнь въ Парижѣ потекла такая-же скучная, какъ и въ Лондонѣ. Леопольдъ общался ей, однако, что зимою они будутъ жить вмѣстѣ въ Клермонтѣ. Нѣсколько разъ посѣщалъ онъ въ это время и Тюльери. Уже позже Каролина узнала, что эти посѣщенія были сдѣланы съ цѣлью разузнать, можетъ ли принцъ Леопольдъ получить руку герцогини Беррійской, если онъ сдѣлается греческимъ королемъ. На это былъ данъ короткій и дипломатическій отвѣтъ: „если греческая корона, то и французская герцогиня; нѣтъ короны — не будетъ герцогини“. Каролину болѣе всего возмущало, что эти дипломатически-матримоніальные планы обдумывались въ то время, когда принцъ посѣщалъ Каролину и спокойно бесѣдовалъ съ ней. Это положеніе было, дѣйствительно, возмутительно, но не сама-ли она изъ честолюбія и желанія земныхъ благъ согласилась играть такую роль? Она жалуется, что была только игрушкой, которую принцъ не хотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ, пока не получитъ корону, или принцессу королевской крови. Но кто же заставлялъ артистку сдѣлаться такою игрушкой? Тутъ не было ни любви, ни увлеченія, а одинъ холодный, явный расчетъ, и обвинять въ этомъ одного принца, — нелогично и несправедливо!

Въ началѣ декабря, принцъ и Штокмаръ уѣхали изъ Парижа, но Каролина должна была еще остаться тамъ и только послѣ Рождества получила разрѣшеніе вернуться въ Англію, прямо въ Клермонтъ, въ четырнадцать миляхъ отъ Лондона. Самъ принцъ, однако, жилъ въ Лондонѣ, по причинѣ скопленія важныхъ дѣлъ — какъ говорилъ онъ. Новый 1830 годъ мать съ дочерью встрѣтили одиѣ, въ большомъ холодномъ салонѣ Клермонтскаго замка, съ сѣрыми обоями, опущенными портьерами, съ старомодными неуклюжими дубовыми

стульями и такимъ же диваномъ, обтянутымъ жесткою кожею. Въ громадномъ каминѣ горѣли огромныя полѣнья, но они не могли нагрѣть обширной залы. Мать встрѣчала новый годъ вздохами и толками о характерѣ принца, котораго безъ церемоніи называла безсердечнымъ эгоистомъ, думающемъ только о своемъ дорогомъ я; дочь горько жаловалась на судьбу. Не логичнѣе-ли ей было жаловаться на самое себя? Въ Клэрмонтскомъ замкѣ продолжалась для нея та же жизнь, какъ и въ Реджентс-паркѣ. Принцъ прїѣзжалъ акуратно въ четыре часа къ обѣду, передъ которымъ съ полчаса проводилъ съ Каролиною, сидя у камина и грѣясь въ то время, когда она играла на фортепіано и пѣла романсы. О любви не было и помину. Послѣ обѣда начиналось чтеніе романа, межъ тѣмъ какъ принцъ занимался своимъ рагіlage,—и уѣзжалъ ровно въ семь часовъ. Такъ проходили дни и недѣли въ убійственномъ однообразіи. Штокмаръ не показывался и отговаривался нездоровьемъ. Тогда Каролина написала къ нему: „если ты завтра не прїѣдешь и не объяснишь нашего невыносимаго положенія, послѣ завтра я съ матерью бросаю Клэрмонтъ и уѣзжаю: наши силы, наше терпѣніе истощились“. Кузенъ прїѣхалъ, скучный, разстроенный, сердитый на принца, на короля Георга IV, на англійскихъ министровъ, даже на пребываніе Каролины въ Англїи.

— Но вѣдь ты же самъ виноватъ, что мы здѣсь, замѣтила она.— Безъ твоего совѣта я бы никогда не оставила сцену и мою веселую, свободную жизнь.

— Я думалъ, что близъ тебя принцъ возвратится къ новой, дѣятельной жизни. Теперь я убѣдился, конечно, что это была напрасная надежда; а все-таки долженъ совѣтовать тебѣ одно: терпѣніе и еще разъ терпѣніе. Надо ждать, чѣмъ рѣшится этотъ вопросъ о греческой коронѣ; черезъ мѣсяць, два — все должно объясниться; вы можете тогда разойтись безъ скандала, безъ шума, и греческій король останется твоимъ вѣрнымъ другомъ“.

Чтобы доставить кузинѣ какое нибудь развлеченіе, Штокмаръ началъ учить ее верховой ѣздѣ. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, принцъ изъявилъ желаніе сопутствовать ей въ прогулкѣ верхомъ. На маленькомъ пони высокій, худощавый Леопольдъ казался совершенно Дон-Кихотомъ. Обыкновенныя прогулки Каролина совершала въ сопровожденіи кузена, но скоро лишилась и этого удовольствія. Однажды они встрѣтили красиваго и стройнаго наѣздника, дружески раскланявшагося съ Штокмаромъ, который представилъ его своей спутницѣ, какъ графа Соммерсетъ. Онъ ѣхалъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ ними, въ оживленной бесѣдѣ и, прощаясь, выразилъ надежду снова встрѣтиться съ ними на прогулкѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени. На слѣдующій разъ онъ, дѣйствительно, поджидалъ ихъ въ лѣсу на перекресткѣ, но кузенъ, завидѣвъ его, быстро поспѣвалъ въ другую сторону, сказавъ: „не доставало еще, чтобъ этотъ

романтической герой, которымъ бредятъ всѣ наши лэди, началъ ухаживать за графиней Монгомери. Онъ, пожалуй, вздумаетъ сдѣлать ей визитъ: тогда прощай вся тайна! Положенію принца въ Англіи будетъ угрожать опасность. Мы должны прекратить наши прогулки". Принцъ на другой же день явился, еще болѣе встревоженный: Соммерсетъ уже распустилъ при дворѣ слухъ о нѣмецкой красавицѣ, похожей на принцессу Шарлоту. „Всему виною эти глупыя поѣздки верхомъ“, прибавилъ принцъ.

— Вы желаете, значить, чтобъ я жила здѣсь въ совершенномъ заключеніи, какъ государственная преступница? спросила Каролина. — Развѣ для этого звали вы меня въ Лондонъ? Развѣ такую жизнь обѣщали мнѣ? Не прикажете-ли, чтобы я, для совершеннаго спокойствія вашего, носила желѣзную маску?

Выходка эта поразила принца; съ принужденнымъ смѣхомъ онъ вздумалъ обратить ее въ шутку. „Мнѣ кажется, прекрасная графиня начинаеть возмущаться“, сказалъ онъ.

— Да, и есть отъ чего! Я вѣдь не невольница ваша! вскричала она, убѣгая въ слезахъ въ свою комнату.

— Я не думалъ, что у артистокъ такія горячія натуры, замѣтилъ спокойно принцъ ея матери.—Она, конечно, успокоится до завтра, но сегодня мнѣ все-таки остается пожалѣть, что я не услышу продолженія романа, который она вчера начала читать мнѣ.

И бѣдная мать должна была замѣнить свою дочь и заняться чтеніемъ, въ то время какъ принцъ занимался выдергиваньемъ своихъ золотыхъ ниточекъ.

Въ одно прекрасное утро, Штокмаръ объявилъ кузинѣ, что она скоро будетъ свободна, такъ какъ принцу положительно предложена греческая корона. Онъ, однако же, не получилъ ее, и Каролина, для объясненія этого обстоятельства, рисуетъ цѣлую серію портретовъ и сценъ англійской королевской фамиліи, (основываясь во многомъ на разсказахъ Штокмара) членомъ которой сдѣлался принцъ Кобургскій, женившись на принцессѣ Шарлотѣ. Прежде всего Каролина разсказываетъ мало извѣстныя подробности объ этой принцессѣ, память о которой была еще такъ свѣжа въ Клармонтѣ. Такъ, Каролина нашла въ одной комнатѣ стараго попугая, любимца принцессы; онъ былъ очень грязенъ и покрытъ насѣкомыми, никто о немъ не заботился, и Каролина, изъявивъ желаніе ходить за нимъ, получила его въ подарокъ. Принцъ былъ даже радъ избавиться отъ стараго крикуна. Его вымыли, вычистили и онъ скоро привыкъ къ своей новой хозяйкѣ, которая возила его съ собою въ Россію, Австрію, Дрезденъ. Въ замѣкъ былъ также портретъ принцессы въ русскомъ костюмѣ—голубомъ съ серебромъ, подарокъ великой княгини Еватерины Павловны, впоследствии королевы Виртембергской, прибывшей въ Лондонъ тотчасъ послѣ войны за освобожденіе и много содѣйствовавшей заключенію брака принцессы съ Леопольдомъ. Случайно сохранился

у Каролины подобный же національный костюмъ, въ которомъ она танцевала „русскую“ въ Петербургѣ. Она надѣла его на другой же день и сама удивилась поразительному сходству своему съ портретомъ принцессы. Принцъ также поблѣднѣлъ немного, увидя ее въ этомъ костюмѣ, но тотчасъ же началъ разбирать ихъ сходство: у принцессы Шарлоты былъ нѣсколько тоньше носъ, но ротъ не такъ красивъ, она была полнѣе, а Каролина граціознѣе, бѣлокурые волосы и свѣжій цвѣтъ лица одинаковъ у обѣихъ. Однимъ словомъ, наружность была разобрана до того подробно, что Каролина замѣтила ему: „вы забыли, принцъ, что въ груди обѣихъ бились сердца, одинаково любившія васъ“.

Участъ бѣдной принцессы была, однако же, тяжелѣе участи актрисы. Шарлота говорила сама: „Мать моя была дурная женщина, но она не была бы такою, еслибъ отецъ мой не былъ еще гораздо хуже ея“. Эти горькія слова были совершенно справедливы: отецъ ея былъ принцъ Уэльскій, родившійся въ 1762 году, старшій изъ двѣнадцати сыновей слѣпого, полоумнаго короля Георга III и принцессы Мекленбургъ-Стрелицкой. Принца Уэльскаго лъстецы называли „первымъ джентльменомъ Англіи“ за то, что онъ издерживалъ на свой туалетъ 20,000 фунт. стерлинговъ и, получая ежегодно 50,000 фунт. стерл. годового содержанія, былъ постоянно по уши въ долгахъ. Въ то же время онъ былъ игрокъ, пьяница, гуляка, развратный и безсовѣстный человѣкъ. Весьма вѣроятно былъ слухъ, что онъ покушался отравить жену свою, которую всю жизнь преслѣдовалъ самымъ жестокимъ и низкимъ образомъ. 24-хъ лѣтъ онъ уже надѣлалъ долговъ на 160 тысячъ фунтовъ. Король, выведенный изъ себя поступками своего сына, отказался уплатить этотъ долгъ. Тогда друзья и собутыльники принца посоветовали ему обратиться къ парламенту. Они хотѣли возбудить скандалъ публичными преніями и достигли своей цѣли: министръ Питтъ угрожалъ въ нижней палатѣ сдѣлать такія открытія, которыя поставятъ вопросъ даже о томъ, можетъ ли принцъ Уэльскій наслѣдовать престолъ своего отца. Всѣ знали, что принцъ тайно женатъ на католичкѣ, мистрисъ Фицгербертъ, у которой еще былъ живъ мужъ. Еслибъ этотъ бракъ признанъ былъ законнымъ, то онъ исключалъ принца изъ престолонаслѣдія, такъ какъ, по англійскимъ законамъ, жена наслѣднаго принца не можетъ быть католичкою. Фоксъ и Шериданъ требовали официальнаго изслѣдованія этого обстоятельства, и первый джентльменъ Англіи съ циническою улыбкою показалъ, что бракъ его съ мистрисъ Фицгербертъ не законный и фиктивный. Сверхъ того, онъ, какъ школьникъ, далъ обѣщаніе парламенту, что не будетъ впредь дѣлать долговъ; ихъ уплатили, а черезъ нѣсколько лѣтъ новый долгъ принца возросъ до 1½ милліоновъ фунтовъ. Тогда прибѣгли къ обычному средству образумить молодого человѣка—женить его. Несчастная жертва была скоро найдена—принцесса Каролина Брауншвейгская. Это была 26-ти

лѣтняя высокая блондинка, съ правильными чертами лица, открытымъ взглядомъ, но съ дурными манерами, весьма небольшимъ образованіемъ, легкомысленная, хотя и добродушная. При первомъ же свиданіи съ нею, когда она, по принятому этикету, опустилаcь передъ принцемъ на одно колѣно, онъ холодно обнялъ ее и потомъ, обратившись къ лорду Мальмсбери, сказалъ: „мнѣ что-то нездоровится; дайте-ка рюмку водки!“—и тотчасъ ушелъ. На слѣдующій день онъ имѣлъ дерзость представить своей невѣстѣ, въ качествѣ придворной дамы, леди Джерсей, одну изъ своихъ любовницъ. Во время брачной церемоніи, въ капеллѣ Сент-Джемскаго дворца, принцъ нѣсколько разъ оборачивался спиной къ своей супругѣ и дѣлалъ знаки въ ложу, гдѣ сидѣла мистрисъ Фицгербертъ, которой онъ далъ обѣщаніе считать ее своею единственною законною супругою. Конецъ этого печальнаго дня былъ еще возмутительнѣе: за свадебнымъ обѣдомъ принцъ былъ уже совершенно пьянъ; принцесса же его друзья и любовницы подмѣшали въ вино чего-то наркотическаго и рвотнаго и крѣпко заперли за ними дверь спальни. Напрасно несчастная стучалась въ дверь, прося помощи... Принцъ провелъ конецъ этой ужасной ночи, лежа на полу у камина безчувственно пьяный. На другой же день принцъ объявилъ королю, что онъ не можетъ жить съ такою женой. Несмотря на это, ее заставили жить съ нимъ въ Карльтон-гоузѣ подъ одною кровлею. Они видѣлись, правда, только за обѣдомъ; но и тутъ безсердечный палачъ ежедневно осмѣивалъ и оскорблялъ ее, вмѣстѣ съ леди Джерсей и своими прихлебателями. Даже королева относилась къ ней самымъ непріязненнымъ образомъ. Черезъ девять мѣсяцевъ у принцессы Уэльской родилась дочь Шарлота, будущая наслѣдница престола. Бѣдная мать надѣялась, что этотъ ребенокъ примиритъ ее съ мужемъ, но принцъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прекратить официально свое сожителство съ принцессой. Ей выпала на долю одна радость: король рѣшилъ, что до восьми лѣтъ дочь будетъ воспитываться у матери. Она уѣхала отъ мужа на виллу Шрусбери, тогда какъ супругъ ея остался въ Карльтон-гоузѣ съ своими любовницами: леди Джерсей, маркизами Тоусгендъ и Гертфордъ, графинями Хольмонделей и Карнавоиъ и др. Эти восемь счастливыхъ для матери лѣтъ пролетѣли быстро. Король постановилъ, чтобы принцесса Шарлота жила въ Виндзорскомъ паркѣ. Къ ней приставленъ былъ епископъ, который долженъ былъ учить ее религіи и латинскому языку и ежедневно читать съ нею молитвы; другіе учителя преподавали ей исторію, географію, литературу, французскій языкъ, чистописание, музыку и танца. Кромѣ того, къ ней приставлено было нѣсколько гувернантокъ. Принцесса помѣстилась въ отдѣльномъ замкѣ, но близъ своей дочери, чтобы чаще видѣть ее. Принцъ Уэльскій протестовалъ противъ этого, желая совершенно освободить дочь отъ вліянія матери, но король принялъ ея сторону. Тогда первый джентльменъ Англіи, изъ ненависти къ женѣ, при-

обънулъ къ самымъ низкимъ средствамъ: онъ обвинилъ ее открыто въ связи съ адмираломъ Сидней Смитомъ, капитаномъ Менби и известнымъ красавцемъ, живописцемъ Томасомъ Лауренсъ. Мальчижь Билль Аустинъ, принятый принцессою, чтобы раздѣлять игры ея дочери, былъ, по словамъ принца, плодомъ тайныхъ связей принцессы. По этому обвиненію, король назначилъ четырехъ своихъ министровъ для „деликатнаго изслѣдованія“ (delicate investigation). Принцесса доказала, что ребенокъ рожденъ въ законномъ бракѣ и былъ сынъ паруснаго мастера изъ Чарльтона. Обвиненіе было опровергнуто, но принцесса получила замѣчаніе за свои непредусмотрительные поступки. Безсовѣстный отецъ заставлялъ даже свою десятилѣтнюю дочь свидѣтельствовать противъ матери, но дѣвочка не высказала ничего, что могло бы компрометировать принцессу. Во все время изслѣдованія, принцессѣ было запрещено являться ко двору и видѣться съ дочерью. Это оскорбительное и жестокое запрещеніе не было отменено даже послѣ ея оправданія. Только угрозою — предать гласности и суду общественнаго мнѣнія всѣ постыдныя интриги и преслѣдованія, принцесса добилась того, что ей позволили разъ въ недѣлю посѣщать свою дочь. Принцъ Уэльскій говорилъ открыто, что принцесса все-таки нарушила супружескую вѣрность, но что—такъ какъ по законамъ Англій подобное преступленіе члена королевской фамиліи наказывается смертію — король и велѣлъ оправдать принцессу, не желая подвергать ее смертной казни. Изъ друзей принцессы—Эльдона, Канинга и Парсевала, послѣдній далъ принцу Уэльскому хорошій урокъ: обличилъ всѣ его низкіе поступки въ тайно напечатанной книгѣ подъ простымъ названіемъ— „The book“. Негодяй успѣшилъ скупить и уничтожить всѣ экземпляры, такъ что книга эта принадлежитъ къ числу величайшихъ литературныхъ рѣдкостей; но она сдѣлала все таки свое дѣло: англійскій народъ принялъ открыто сторону несчастной, такъ нагло и систематически преслѣдуемой принцессы Уэльской, противъ ненавистнаго всѣмъ наслѣдника престола. Нѣкоторые историки полагаютъ, что принцесса была безупречна въ супружеской жизни (то же мнѣніе высказалъ и принцъ Леопольдъ Кобургскій), но надо вспомнить, что за существо былъ супругъ ея, тогда можно понять и даже оправдать ея поступки.

Въ октябрѣ 1810 года, слѣпой и давно уже слабоумный Георгъ III впасть въ неизлечимое помѣшательство. Принцъ Уэльскій былъ назначенъ регентомъ королевства и, конечно, тотчасъ же началъ еще болѣе преслѣдовать принцессу. Прежде всего, онъ отнялъ у нея воспитаніе дочери, которая достигла уже пятнадцати лѣтъ. Это была добрая, неглупая дѣвушка, получившая весьма поверхностное образованіе, но выказывавшая по временамъ въ характерѣ большую твердость и рѣшимость. Однажды за обѣдомъ, отецъ ея выбралилъ самымъ площаднымъ образомъ предводителя оппозиціи въ парламентѣ, лорда

Грея; дѣвушка встала изъ-за стола со слезами на глазахъ и отправилась въ первый разъ въ оперу, гдѣ публика приняла ее восторженно. Увидя въ одной изъ ложъ лорда Грея, бывшаго всегда защитникомъ ея матери, она быстро поднялась съ своего мѣста и, въ виду всего театра, послала рукой поцѣлуй удивленному лорду. Этотъ случай сдѣлалъ принцессу героинею дня; газеты приняли ея сторону противъ ея отца, и молодой лордъ Байронъ, уже прославившійся только-что вышедшими двумя первыми пѣснями „Чайльд-Гарольда“, написалъ ей прекрасное стихотвореніе, въ которомъ представилъ ее оплакивавшую паденіе королевства и позоръ отца. Принцъ-регентъ пришелъ въ бѣшенство и выпустилъ на поэта стаю продажныхъ пасквилянтовъ. Байронъ отвѣчалъ ругателямъ новымъ стихотвореніемъ, въ которомъ отозвался съ презрѣніемъ о Георгѣ, поставивъ его ниже Карла I, короля безъ головы, и Генрика VIII, короля безъ сердца. Парламентъ также принялъ съ восторгомъ посѣтившую его принцессу. Вскорѣ же принцесса написала къ первому министру, лорду Ливерпулю, что ей скоро будетъ семнадцать лѣтъ и что она требуетъ себѣ, вмѣсто гувернантокъ, придворный штатъ, приличный званію англійской королевской принцессы. Принцъ-регентъ отвѣчалъ на эту выходку созваніемъ семейнаго совѣта, на которомъ принцесса подверглась жестокимъ выговорамъ королевы и всего семейства, а взбѣшенный папенька называлъ ее упрямю, ожесточенною и глупою дѣвчонкой, которая должна быть благодарной за то, что ее не запрутъ на всю жизнь. „Нивакого отдѣльнаго двора и штата она не получить, пока не выйдеть замужъ“. Ей принуждены были, однакоже, дать двухъ придворныхъ дамъ и отдѣльное помѣщеніе въ Варвик-гоузѣ, избавлявшее ее отъ жизни въ одномъ дворцѣ съ своимъ отцомъ и его любовницами. Матери позволено было видѣться съ дочерью только разъ въ двѣ недѣли, не иначе, какъ въ присутствіи придворныхъ дамъ—шпіонокъ регента. Поэтому мать тайно переписывалась съ дочерью, пересылая ей письма въ башмакахъ и бѣльѣ. По обычаю, принцессу слѣдовало представить двору при ея совершеннолѣтіи. Это должна была сдѣлать ея мать, но регентъ, конечно, не согласился на это, и принцесса отказалась вовсе отъ представленія. Тогда ея мать отправила регенту письмо, въ которомъ жаловалась, что дочь отдаляютъ отъ матери именно въ такое время, когда необходимо имѣть вліяніе на ея сердце и образованіе, и что дѣвушка еще до сихъ поръ не получила конфирмаціи. Письмо это принцесса получила обратно нераспечатаннымъ, съ словеснымъ отвѣтомъ, что принцъ-регентъ не желаетъ получать никакихъ писемъ отъ принцессы. На это же письмо, отправленное къ лорду Ливерпулю, англійскій премьеръ отвѣчалъ, что онъ, къ сожалѣнію, ничего не можетъ сдѣлать въ этомъ случаѣ. Тогда оскорбленная мать рѣшилась предать гласности это письмо, и оно появилось въ печати въ газетѣ „Morning Chronicle“. Это было искрою, брошенною въ порошокъ: весь Лондонъ, вся Англія возмутились. Въ Сити открыто собирались митинги, на

которых составлялись адреса съ изъявленіемъ принцессѣ Уэльской уваженія и преданности всей націи. Уайтбриджъ, предводитель оппозиціи, предложилъ въ парламентѣ изъявить принцу-регенту осужденіе и требовать, чтобы правительство приняло во вниманіе жалобы принцессы Уэльской и ея дочери. Регентъ отвѣчалъ новою низостью, приказавъ начать вторичное слѣдствіе надъ принцессою и объявивъ своей семнадцатилѣтней дочери, что ея мать обвиняется въ нарушеніи супружеской вѣрности, подробно перечислилъ ей всѣ пункты позорнаго обвиненія и запретилъ ей видѣться съ матерью на все время, пока будетъ производиться слѣдствіе. Возмущенная этимъ, принцесса Шарлота объявила, что если она не можетъ видѣть мать свою, то не будетъ видѣться ни съ кѣмъ. Она отказалась даже отъ прогулокъ и заперлась въ своемъ Варвик-гоузѣ. Тогда изъ кружка регента сталъ распространяться слухъ, что принцесса Шарлота въ тайной связи съ капитаномъ Фицкларенсъ и что очевидныя для всѣхъ послѣдствія этой связи не позволяютъ принцессѣ показываться въ публикѣ. „Яблоко недалеко падаетъ отъ яблони“, прибавляли распространители этой чудовищной клеветы. Принцесса Шарлота, ни разу даже не встрѣчавшаяся съ Фицкларенсомъ, принуждена была являться на общественныхъ гуляньяхъ и въ театрѣ. Возобновленное слѣдствіе не могло, конечно, найти никакихъ новыхъ уликъ противъ принцессы Уэльской и оправдало ее; но вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія объявила, что принцъ-регентъ имѣетъ полное право запрещать всякое сношеніе между матерью и дочерью. Это рѣшеніе снова возмутило всю Англію. Составились новые миттинги, посыпались новые адреса; въ парламентѣ раздались новыя рѣчи въ защиту принцессы и ея дочери. Онѣ встрѣчались только въ Гайд-паркѣ, во время прогулки въ экипажахъ, и обмѣнивались только изъ оконъ каретъ знаками, взглядами и нѣсколькими словами. Но вскорѣ кучеру принцессы Шарлоты было приказано, подѣ страхомъ быть выгнаннымъ изъ службы, не останавливаться ни на минуту при встрѣчѣ съ экипажемъ принцессы Уэльской, хотя бы ему даже и приказывали это.

Наконецъ, нашелся женихъ для принцессы. Это былъ наслѣдный принцъ Оранскій. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ ко дню рожденія регента и, послѣ параднаго обѣда, когда дамы ушли изъ-за стола, нашілся съ регентомъ и его братомъ, герцогомъ Йоркскимъ такъ, что ему было не до певѣсты. Онъ былъ адъютантомъ Веллингтона въ Испаніи, и регентъ былъ очень радъ отдать за него свою дочь, такъ какъ онъ увезъ бы ее въ Нидерланды изъ Англіи, гдѣ ея популярность была очень неприятна нѣжному родителю. Но Шарлота отвѣчала отцу, что она любитъ своего дядю, герцога Глочестерскаго. Регентъ поклялся, что онъ никогда не согласится на этотъ бракъ. Однажды, на большомъ вечерѣ, гдѣ былъ и принцъ Оранскій, регентъ, необыкновенно любезный съ своей дочерью, спросилъ ее: „неужели принцъ ей вовсе не нравится?“—Я не скажу этого, отвѣчала она,—

онъ довольно привлекателенъ. Тогда регентъ схватилъ ея руку, быстро вложилъ ее въ руку принца Оранскаго и представилъ ихъ собранію, какъ жениха съ невѣстой. Шарлота была почти готова примириться съ этою неожиданностью, чтобы только выйти изъ своего ужаснаго положенія при дворѣ отца. Начались формальные переговоры о бракѣ. Шарлота дала свое согласіе и приняла подарки отъ жениха. Вильгельмъ, король нидерландскій, объявилъ официально генеральнымъ штатамъ о предстоящемъ бракѣ наслѣднаго принца съ англійской принцессой; но когда въ пунктахъ брачнаго договора принцесса увидѣла параграфъ, обязывавшій ее послѣдовать за своимъ мужемъ въ Голландію, она поставила условіемъ—не оставлять Англии иначе, какъ по своему собственному желанію. Чѣмъ больше узнавала она своего жениха, тѣмъ меньше чувствовала къ нему расположенія, находя, что онъ и на принца не походитъ съ своими замашками кавалерійскаго генерала.

Въ мартѣ 1814 года, вступили въ завоеванный ихъ войсками Парижъ императоры русскій, австрійскій и прусскій король. 7 іюня они пріѣхали оттуда въ Лондонъ, по приглашенію принца-регента отъ имени англійской націи. Въ свитѣ ихъ былъ 24-хъ лѣтній красивый принцъ Леопольдъ Кобургскій, явившійся съ намѣреніемъ поискать счастья въ Англии. Носились слухи, что намѣреніе это было внушено ему одною англійскою придворною дамою, по порученію русской великой княгини Екатерины Павловны, вдовы герцога Ольденбургскаго, съ которой принцъ Леопольдъ состоялъ въ родствѣ. Онъ былъ также подъ покровительствомъ императора Александра I. Въ мартѣ великая княгиня пріѣзжала въ Лондонъ; утверждали, что пріѣздъ ея имѣлъ дипломатическую цѣль—разстроить семейный союзъ между Англійей и Нидерландами для того, чтобы Англія не получила слишкомъ большого преобладанія надъ континентальными державами. Для Россіи во всякомъ случаѣ было гораздо выгоднѣе, чтобы наслѣдный принцъ Оранскій соединился бракомъ съ русскою принцессою, а наслѣдница англійскаго престола вышла за незначительнаго нѣмецкаго принца, вполнѣ преданнаго русскому императору. Принцесса Шарлота было очень привязана къ великой княгинѣ и чрезъ нея познакомилась съ принцемъ Леопольдомъ. Ему не трудно было вытѣснить изъ сердца принцессы принца Оранскаго, но нѣсколько труднѣе—молодого и статнаго принца Фридриха прусскаго, который произвелъ на Шарлоту сильное впечатлѣніе. Но великая княгиня убѣдила ее, что въ политическомъ отношеніи бракъ ея съ прусскимъ принцемъ положительно невозможенъ. Принцесса объявила письменно своему жениху, что ни въ какомъ случаѣ, даже на короткое время, не оставитъ Англию и свою мать, которой она служитъ единственною защитой. Дворецъ ея долженъ быть всегда открытъ для ея матери, а принцъ Оранскій даже не счелъ нужнымъ посѣтить принцессу Уэльскую, поэтому о бракѣ съ нимъ не можетъ быть и рѣчи. Регентъ

пришелъ, конечно, въ бѣшенство, узнавъ объ этомъ отказѣ. Онъ еще сдерживался во время пребыванія въ Англіи союзныхъ монарховъ; но когда они уѣхали, онъ явился въ сопровожденіи Салисбурійскаго епископа къ дочери и объявилъ ей, что весь ея придворный штатъ распускается, а сама она будетъ сейчасъ же отвезена въ уединенный замокъ въ Виндзорскомъ лѣсу, гдѣ будетъ имѣть время раскаяться въ своемъ управствѣ. Принцесса, не сказавъ ни слова, пошла одѣваться, но въ то время, когда отецъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ ея возвращенія, она другимъ ходомъ; въ наемной каретѣ, уѣхала къ своей матери. Въ ту же ночь регентъ собралъ на совѣтъ министровъ съ лордомъ-канцлеромъ и потребовалъ, чтобы бѣглянка тотчасъ же вернулась. Ея друзья совѣтовали ей исполнить волю отца, и когда она упомянула о томъ, что за нее стоитъ англійскій народъ, Брумъ, отвѣчалъ: „вамъ стоитъ сказать слово, чтобы народъ вступился за васъ, но тогда призваны будутъ войска и прольется кровь, а вы не захотите быть причиной такого несчастья“. Принцесса подписала протестъ, въ которомъ еще разъ и рѣшительно изъявляла свое несогласіе на бракъ съ принцемъ Оранскимъ, и отправилась къ отцу, который послалъ ее въ заключеніе въ Карльтон-гоузъ, гдѣ ей было запрещено съ кѣмъ бы то ни было видѣться или переписываться. Сильный ропотъ поднялся въ Лондонѣ при этомъ новомъ актѣ тиранства; даже братъ регента, герцогъ Суссексъ, произнесъ въ парламентѣ сильную рѣчь противъ заключенія своей племянницы. Палата лордовъ рѣшила, однако, что не имѣетъ ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ это дѣло. Регентъ объявилъ своему семейству, что считаетъ герцога Суссекса личнымъ врагомъ и не хочетъ видѣть его. Въ то же время принцессу постигло новое горе: вопреки совѣта своихъ друзей, ея мать рѣшилась покинуть Англію. Дочь видѣлась съ нею передъ ея отъѣздомъ и простилась—навсегда. Въ концѣ августа, регентъ, уступая совѣтамъ докторовъ и общественному мнѣнію, позволилъ своей дочери отправиться на морскія купанья. Вернувшись съ нихъ, она вела прежнюю жизнь въ заключеніи—могла выѣзжать только въ закрытомъ экипажѣ, а въ театрѣ должна была сидѣть въ ложѣ съ рѣшеткою и не показываться публикѣ.

Въ 1816 году, принцъ Кобургскій былъ объявленъ женихомъ Шарлоты. Регентъ неохотно далъ свое согласіе и придумалъ назначить принца главнокомандующимъ ганноверскихъ войскъ; но принцесса объявила, что она скорѣе не выйдетъ замужъ, нежели согласится ѣхать въ Ганноверъ. Тогда, въ маѣ назначенъ былъ день свадьбы. Парламентъ далъ 60 тысячъ фунтовъ на первое обзаведеніе молодыхъ и столько же годового содержанія. Для нихъ былъ купленъ также особый дворецъ въ Лондонѣ и въ его окрестностяхъ, замокъ Клэрмонтъ. Въ одинъ день съ принцессою вѣнчались въ Великобританіи 674 свадьбы. Но прежнія непріязненные отношенія между отцомъ и дочерью остались и послѣ брака. Народъ принималъ молодыхъ вездѣ

восторженно, что еще больше возбуждало гнѣвъ регента. Въ августѣ молодые переѣхали въ Клэрмонтъ, гдѣ началась спокойная, тихая жизнь. Принцесса дѣлала много добра и занималась цвѣтоводствомъ, въ чемъ ей помогалъ супругъ. Они вмѣстѣ ѣздили на охоту. Они не любили лести и низкопоклонства. Однажды принцесса спросила своего учителя музыки, какого онъ мнѣнія объ исполненіи ею одной арии. „Вы играли восхитительно и пѣли очаровательно“, отвѣчалъ тотъ. На другой же день получилъ онъ отставку, съ увѣдомленіемъ, что если она такое совершенство, то ей незачѣмъ и продолжать учиться. Весною 1818 г., принцесса убѣдилась въ томъ, что она находится въ интересномъ положеніи. Въ октябрѣ придворные врачи засвидѣтельствовали, что она даже слишкомъ здорова, и потому необходимо избытокъ соковъ уменьшить кровопусканіемъ и строгою діетой. Это леченіе повело къ тому, что несчастная, послѣ 52-хъ-часовыхъ страданій, родила, въ ноябрѣ, мертвого ребенка и, черезъ пять часовъ послѣ этого, сама умерла. Въ послѣдніе три дня принцъ ни на минуту не оставлялъ своей супруги; послѣ ея родовъ, онъ пошелъ отдохнуть и не видалъ, какъ она умерла. Горе его было неподдѣльно. Принцесса и ея ребенокъ были похоронены въ Виндзорской церкви. Исполняя желаніе покойной, принцъ приказалъ оставить для себя мѣсто подлѣ ея гроба. Онъ не предполагалъ, что будетъ лежать въ бельгийской землѣ, подлѣ своей второй супруги, королевы Луизы Орлеанской. Въ публикѣ распространился слухъ, что принцесса умерла не своею смертію. Черезъ два дня послѣ ея кончины, регентъ прислалъ письменную официальную благодарность доктору Крофту за его старанія при освобожденіи отъ бремени принцессы и за выказанныя при этомъ глубокія медицинскія познанія. Между тѣмъ, другіе врачи утверждали, что смерть произошла оттого, что не употребили всѣхъ нужныхъ мѣръ при рожденіи ребенка. Черезъ три мѣсяца послѣ смерти принцессы, докторъ сэръ Ричардъ Крофтъ застрѣлился. Двѣнадцать лѣтъ прожилъ Леопольдъ въ Клэрмонтѣ, вспоминая о своей супругѣ. Ему назначили 50 тысячъ фунт. стерл. содержанія. Женатые сыновья Георга III были бездѣтны; тогда женили 52-хъ-лѣтняго герцога Кентскаго на принцессѣ Викторіи, вдовѣ князя Лейнингенскаго, и ихъ дочь Викторіа наследуетъ теперь англійскій престолъ.

Мать покойной принцессы Шарлоты, оставивъ Англію, вела въ Италіи слишкомъ веселую жизнь. Въ обществѣ итальянца Бергами, сдѣланнаго ею камергеромъ, обер-гофмейстеромъ, барономъ и гротмейстеромъ основаннаго ею ордена св. Каролины въ Палестинѣ,—пріѣхала она, въ 1817 году, въ Карлсруэ. Она явилась ко двору управлявшей страной великой герцогини Стефаніи—въ турецкомъ костюмѣ. Ее приняли довольно холодно. Въ публику она являлась въ странныхъ, театральныхъ нарядахъ и держала себя черезъ-чуръ непринужденно. Недовольная приѣмомъ своихъ родственниковъ, она вернулась въ Италію, гдѣ только изъ газетъ узнала о смерти своей

дочери; но это не помѣшало ей вести по прежнему далеко не прикѣпчивый образъ жизни.

Когда пришло извѣстіе о смерти Георга III и восшествіи на престолъ Георга IV, 29-го января 1820 года, Каролина Брауншвейгская, несмотря ни на какія препятствія и на совѣты друзей, отправилась въ Англію требовать признанія своихъ королевскихъ правъ. Възбѣшенный Георгъ IV приказалъ архіепископу Кентерберійскому вычеркнуть имя королевы Каролины изъ церковныхъ молитвъ, и прелать повиновался. Тогда Карлъ Гросвеноръ сказалъ ему, что онъ долженъ былъ скорѣе бросить молитвенникъ въ голову Георга, нежели поступить противъ закона и совѣсти. По пріѣздѣ Каролины въ Англію, встрѣченной съ восторгомъ народомъ, ее ожидало уже въ третій разъ, какъ принцессу Уэльскую, обвиненіе въ нарушеніи супружеской вѣрности, поданное королею въ парламентъ и дополненное новыми матеріалами объ итальянцѣ Бергами. Пять мѣсяцевъ судили лорды свою королеву и въ третій разъ оправдали ее, по недостатку доказательствъ. Это оправданіе было принято съ радостью всей Англіей. Три вечера сряду Лондонъ зажигалъ иллюминацію въ честь оправданной королевы, вездѣ встрѣчаемой криками восторга. Она рѣшилась даже явиться въ соборъ въ день коронаціи, но ее не пустили въ церковь, такъ какъ она не могла представить пригласительнаго билета. Черезъ одиннадцать дней послѣ коронаціи, королева была въ Дрюриленскомъ театрѣ и выпила тамъ стаканъ лимонаду. Вдругъ она закричала: „меня отравили!“—и ее привезли домой въ страшныхъ страданіяхъ. Черезъ недѣлю она умерла. Тѣло ея было отправлено въ Брауншвейгъ. Гробъ, двигавшійся по улицамъ Лондона, встрѣчали слезами и криками: „бѣдную королеву убили, какъ и ея дочь!“ Экипажъ короля, слѣдовавшій за гробомъ, встрѣчали проклятіями.

Принцъ Леопольдъ жилъ въ это время въ Клэрмонтѣ, удаляясь отъ двора. Онъ рѣшился, однако, сдѣлать одинъ визитъ королевѣ Каролинѣ, рискуя возбудить этимъ гнѣвъ Георга, который запретилъ принцу показываться ему на глаза. Леопольдъ отправился въ Кобургъ и вернулся въ Англію только въ 1823 году. Визитъ свой королевѣ Леопольдъ оправдывалъ тѣмъ, что ему явилась въ видѣніи принцесса Шарлота, смотрѣвшая на него съ печалью и укоризной. Съ тѣхъ поръ же, какъ онъ побывалъ у ея матери, видѣніе больше не показывалось. Втеченіи этого времени, у Леопольда были „двѣ глупныя страсти“, какъ ихъ называлъ кузень Штокмаръ; одна изъ нихъ была графиня Фивельмонтъ, жена австрійскаго посланника при петербургскомъ дворѣ. Это была разбитная вѣнка, стоившая немало даже экономному принцу Леопольду; другая была извѣстная своими похождениями леди Элленбороу. Когда принцъ потребовалъ отъ нея, чтобы она отказалась отъ шумной лондонской жизни и жила только для него въ тихомъ уединеніи, леди разсмѣялась ему въ глаза и приняла предложеніе другого обожателя, князя Феликса Шварценберга, члена

австрийскаго посольства при сент-жемскомъ дворѣ, нисколько не покусавшагося удалить ее отъ праздниковъ и удовольствій этого двора. Связь эта, которую они не думали скрывать, сдѣлалась скоро предметомъ толковъ въ Лондонѣ. Когда же леди отправилась за княземъ въ Базель, куда его послали по дипломатическимъ дѣламъ, лордъ Элленбороу началъ противъ нея процессъ, по обвиненію въ супружеской невѣрности. Скандальныя подробности процесса занимали въ то время Европу не меньше процесса королевы Каролины. Супруги были разведены. Леди послѣдовала за княземъ Шварценбергомъ сначала въ Парижъ, потомъ въ Мюнхенъ, гдѣ поклонникъ красавицы, король Людвигъ, приказалъ снять портретъ съ очаровательной леди—для своей специальной „галереи красавицъ“. Портретъ этотъ до сихъ поръ можно видѣть въ королевской галереѣ, откуда исчезъ только портретъ Лолы Монтезъ. Года черезъ два, непостоянная леди бросила Шварценберга. Онъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь изъ пистолета, но остался живъ и удалился съ своимъ маленькимъ сыномъ въ уединенный замокъ, въ Богемскихъ горахъ. Впослѣдствіи онъ совершенно излечился отъ своей раны и любви и продолжалъ дипломатическую карьеру, поставившую его потомъ въ главѣ австрийскаго министерства. Онъ продолжалъ ухаживать и за женщинами, но не любилъ ни одну изъ нихъ долго и постоянно. Леди Элленбороу убила въ немъ вѣру въ женщинъ. Въ нее же влюбился потомъ богатый баденскій аристократъ, баронъ Бенингенъ; онъ оставилъ свое придворное званіе, своихъ друзей и предложилъ леди свои богатства, свое честное имя и вѣчную вѣрность. При послѣднемъ предложеніи англичанка разсмѣялась.

— Надѣюсь, что взаимнѣе всего этого вы не потребуете вѣчной вѣрности отъ леди Элленбороу? замѣтила она смѣясь.—Или, можетъ быть, вы не знаете ея жизни? Такъ я расскажу вамъ ее. У леди Элленбороу есть по крайней мѣрѣ одна добродѣтель: она никогда не лгала.

И леди, дѣйствительно, рассказала ему все подробно, ничего не скрывая, и потомъ спросила:

— Что же, вы и теперь хотите на мнѣ жениться?

— Хочу и долженъ, отвѣчалъ баронъ,—хотя бы эта любовь стоила мнѣ жизни.

— Eh bien, cher baron, à votre risque, отвѣчала леди,—попробуйте! Вы мнѣ тоже нравитесь—въ настоящую минуту, но я предупредила васъ; теперь уже ваше дѣло не заставить меня скучать. Только что вы мнѣ наскучите, я начну искать другого развлечения для своего сердца. Бракъ для меня не болѣе, какъ извѣстная форма; я тотчасъ же сброшу его съ себя, какъ только онъ въ чемъ нибудь помѣшаетъ мнѣ. Еще разъ, баронъ, предостерегаю васъ отъ леди Элленбороу.

Всѣ предостереженія были однако же напрасны: баронъ женился на

ней и она оставалась ему вѣрною три года, впродолженіе которыхъ родила ему сына и дочь. На четвертый годъ она бросила его и уѣхала съ молодымъ грекомъ, графомъ Теотоки, въ Аѳины, гдѣ вышла за него замужъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ промѣняла и его на дикаго предводителя паликаровъ. Потомъ она отправилась въ Сирію и тамъ, во время путешествія на верблюдѣ изъ Бейрута въ Вавилонъ, понравился ей арабскій вожакъ верблюдовъ шейхъ Абдулъ. Она послѣдовала за нимъ въ пустыню, жила въ его гаремѣ вмѣстѣ съ другими женами, раздѣляла съ нимъ его кочевую жизнь, лишенную всякаго европейскаго комфорта; сама готовила ему пищу, доила верблюдицъ. Черезъ годъ они разстались друзьями. У подножія Ливана, близъ Дамаска, выстроила она себѣ маленькій домикъ съ роскошнымъ садомъ и пріѣхала въ Лондонъ только въ концѣ пятидесятихъ годовъ для устройства своихъ дѣлъ по наслѣдству; потомъ она вернулась въ Дамаскъ, гдѣ умерла въ 1873 году. Баронъ Бенингенъ пережилъ ее только однимъ годомъ. Дочь ихъ Берта до сихъ поръ живетъ въ домѣ умалишенныхъ. Она помѣшана на томъ, что ее околдовали.

Въ то время, когда принцъ Леопольдъ терялъ любовь Каролины Бауэръ, отъ него ускользала и греческая корона. Россія и Франція сильно желали, чтобы корона эта досталась принцу. Принцъ требовалъ, чтобы Греція формально выразила передъ великими державами желаніе свое видѣть его королемъ. Президентъ временнаго правленія, Каподистрія, требовалъ, чтобы въ составъ королевства вошли острова Кандія и Самось. Принцъ, конечно, не могъ исполнить этого желанія. Въ февралѣ 1830 года, Россія, Франція и Англія предложили ему корону Греціи безъ всякихъ условій. Но и онъ съ своей стороны не долженъ былъ предлагать никакихъ условій. Лордъ Абердинъ писалъ ему сухо и строго: „О Кандіи не должно быть и рѣчи. Вы можете во всякое время отказаться отъ сдѣланнаго вамъ предложенія, если оно почему либо вамъ не нравится; державы не имѣютъ намѣренія съ вами торговаться; онѣ ожидаютъ простого принятія ихъ предложенія и примутъ всякое условное предложеніе съ вашей стороны—за отказъ“. И все-таки принцъ продолжалъ дѣлать разныя условія, хотя въ то же время тотчасъ же прибавлялъ, что готовъ взять ихъ назадъ, если они не нравятся лондонской конференціи. Въ апрѣлѣ 1830 года, онъ отправился въ Парижъ, въ поиски за невѣстою и, въ концѣ мая, прислалъ неожиданно въ конференцію извѣщеніе, что ему невозможно явиться въ Грецію въ званіи короля съ условіями, которыя поставлены державами, но не нравятся народу; поэтому, онъ благодарить державы, но отказывается отъ предложеннаго ему трона. Ясно, что причина отказа, приведенная принцемъ и существовавшая при самомъ началѣ переговоровъ, была только предлогомъ; дѣйствительною же причиною было извѣстіе объ опасной бо-

лѣзни тестя принца, короля Георга IV. Принцъ почему-то рассчитывалъ на регентство надъ своей малолѣтней племянницей Викторіей. Дипломаты и министры объясняли отказъ Леопольда его безхарактерностью и нерѣшительностью. Всѣ были того мнѣнія, что онъ не долженъ былъ сначала принимать предложенія, или обязанъ былъ бороться со всѣми интригами, чтобы сдержать обѣщаніе, данное имъ грекамъ.

Отказъ отъ короны поразилъ Каролину: она должна была, слѣдовательно, оставаться въ Англіи, прикованною къ этому бездушному эгоисту, выводившему изъ терпѣнія даже такого преданнаго и низкопоклоннаго слугу, какъ Штокмаръ. Въ то время, когда Каролина ждала каждую минуту рѣшенія своей участи, онъ явился къ ней однажды встревоженный и осыпалъ Леопольда рѣзкою бранью. Въ два часа ночи принцъ послалъ за Штокмаромъ, и когда увидѣлъ его у своей постели, то объявилъ, что умираетъ и умолялъ спасти его. „Вы знаете“, говорилъ онъ, „что я на ночь кладу себѣ на коренные зубы двѣ золотыя пластинки для того, чтобы, скрипя во снѣ зубами, не портить ихъ эмали. Сегодня со мной случилось страшное несчастіе: проснувшись, я нашелъ у себя только одну скобочку, а другую, вѣроятно, проглотилъ во снѣ. Между тѣмъ, ея края довольно остры и могутъ повредить желудокъ или кишки. Я погибну, если вы не спасете меня“. Штокмаръ бросился къ придворному врачу, и принцу начали давать каждый часъ по ложкѣ слабительнаго; онъ все это время былъ въ неопisanномъ страхѣ и только твердилъ, что непременно умереть, пока камердинеръ, убирая постель, не нашелъ въ перинѣ злосчастную скобочку. Когда греческій вопросъ окончательно сошелъ со сцены, принцъ, не говоря ни слова Каролинѣ, продолжалъ по прежнему прѣзжать къ ней и заставлялъ ее читать и пѣть въ то время, когда самъ занимался тѣмъ же невыносимымъ *ragillage*'мъ. Это возмущало и оскорбляло Каролину, и она объявила Штокмару, что хочетъ во что бы то ни стало быть свободною и бросить своего деревяннаго принца. Кузенъ противился этому рѣшенію, говорилъ, что оставить принца въ то время, когда онъ испыталъ столько разочарованій и неприяностей, было бы жестоко, что теперь онъ болѣе, чѣмъ когда либо, нуждается въ участіи. Штокмаръ взялъ съ нея слово не рѣшаться ни на что до того времени, какъ принцъ уѣдетъ въ Карлсбадъ. Множество мелкихъ неприяностей дѣлали между тѣмъ положеніе Каролины невыносимымъ. Въ Клэрмонтскомъ паркѣ встрѣтила она однажды, гуляя съ матерью, герцогиню Кентскую съ своею маленькою дочерью, принцессою Викторіей. На поклонъ Каролины они отвѣчали удивленнымъ взглядомъ и быстро повернули отъ нея въ сторону. Смерть Георга IV могла также имѣть большое вліяніе на переимѣну въ судьбѣ Каролины; но этотъ король, ослабленный дурною жизнью, изнуренный всевозможными болѣзнями — подагрой, во-

дьякою, одышкою, ожирѣніемъ сердца — все еще не умиралъ. Силы его поддерживали ромъ и водка, которыхъ онъ выпивалъ по одиннадцати бутылокъ въ день. Вскорѣ онъ ослѣпъ на оба глаза. Министры подписывали за него, въ его присутствіи, всѣ бумаги. 26-го іюня 1830 года онъ умеръ, наконецъ, сидя на стулѣ, отъ разрыва артерій; и въ то время, когда Лондонъ встрѣчалъ веселыми криками это извѣстіе, Каролина съ матерью навсегда покинули Лондонъ. Окончательный разрывъ съ принцомъ произошелъ, однако, не изъ-за любви, а изъ-за денегъ: къ Каролинѣ пріѣхалъ ея братъ Карлъ и объявилъ, что она должна поручиться за него въ 16-ти тысячахъ гульденовъ, которые онъ далъ честное слово внести, чтобы жениться на любимой имъ дѣвушкѣ. Денегъ у Каролины не было и она обратилась къ Штокмару, но тотъ высказалъ обидное для нея предположеніе, что все это одинъ обманъ. Тогда она обратилась къ принцу, но и тотъ очень холодно отказалъ ей. Каролина не выдержала: она высказала имъ въ глаза, что они обманули ее, заставивъ блестящими общаніями пріѣхать въ Лондонъ для того, чтобы усладить скуку уединенія безсердечнаго принца; что они оторвали ее отъ артистической, спокойной жизни и поставили въ двусмысленное положеніе; что принцъ все это время думалъ не объ ней, а о греческой коронѣ, которая все-таки должна была разлучить ихъ навсегда; что ее держали взаперти, какъ государственную преступницу, и осыпали всякаго рода оскорбленіями.

Такимъ образомъ, Каролина разсталась съ принцемъ Леопольдомъ и своимъ кузеномъ Штокмаромъ. Никогда болѣе не видала она этихъ лицъ и не писала имъ ни строчки. Дорого стоили ей эти тринадцать мѣсяцовъ лондонской жизни, и горько оплакиваетъ она ихъ въ своихъ „Запискахъ“, при чтеніи которыхъ нельзя, однако же, не сознаться, что часть вины падаетъ и на нее самое. Леопольдъ, король бельгійцевъ, и баронъ Штокмаръ, авторъ подробныхъ записокъ объ этомъ королѣ и о событіяхъ его жизни, извѣстны въ исторіи, какъ твердые характеры и благоразумные политики. Каролина представляетъ ихъ въ другомъ свѣтѣ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго: характеристика многихъ государственныхъ и политическихъ дѣятелей явилась бы совсѣмъ другою въ исторіи, если бы исторія рассказывала ихъ закулисныя отношенія, жизнь ихъ, какъ частныхъ людей. Только въ послѣднее время исторія начинаетъ обращать вниманіе и на эту сторону жизни, искать въ частныхъ свойствахъ и характерахъ лицъ причины ихъ дѣйствій. Официальная исторія говоритъ только, что Георгъ IV былъ несчастливъ въ семейной жизни, что Леопольдъ Бельгійскій никогда не нарушалъ конституціи, которой принесъ присягу; но мемуары, въ родѣ „Записокъ Каролины Бауэръ“ и современныхъ ей писателей, представляютъ намъ этихъ королей не въ ихъ официальномъ величіи, а какъ частныхъ

лицъ, съ ихъ слабостями и недостатками, одинаково свойственными какъ королямъ, такъ и поденщикамъ. И только изъ такихъ современныхъ мемуаровъ узнаемъ мы настоящія причины многихъ историческихъ событій — несчастій Георга IV, благородныхъ поступковъ Леопольда I. Англійскій король и не могъ быть счастливъ, благодаря своему отвратительному образу жизни и своему злону, мстительному характеру. Бельгійскій король и не могъ, если бы и хотѣлъ, нарушить конституцію, такъ какъ у него не было вовсе никакого характера. Что касается до Штокмара, то Каролина относится къ нему даже очень снисходительно. Это былъ не болѣе какъ придворный, вся жизнь котораго была посвящена одной цѣли — прислуживанію своему государю, лакейству во всѣхъ видахъ и званіяхъ, какими онъ былъ облеченъ. Такихъ лакеевъ, иногда очень образованныхъ и даже весьма порядочныхъ во многихъ отношеніяхъ, можно встрѣтить немало у всякаго трона и во всякое время. Они не хуже другихъ безпристрастныхъ людей сознаютъ недостатки своихъ властителей, но никогда не рѣшатся сказать имъ правду, изъ опасенія потерять свое мѣсто и званіе. Благо страны и народа имъ чуждо, собственная выгода—единственный стимулъ ихъ жизни; добра другимъ они не дѣлаютъ не изъ злобы, а отъ лѣни, изъ эгоизма; несчастія другихъ ихъ не трогаютъ; всякая попытка улучшить общественное положеніе нарушаетъ ихъ консервативные интересы; ихъ безпокоитъ всякое обнаруженіе зла, потому что монаршее благоволеніе бываетъ наградою только за пріятныя извѣстія.

О своемъ кузенѣ Штокмарѣ Каролина отзывается рѣзко и желчно, считая его главнымъ виновникомъ своей несчастной поѣздки въ Лондонъ. Она упрекаетъ его въ томъ, что, принявъ сторону возлюбленнаго принца, онъ до конца жизни не входилъ съ нею ни въ какія сношенія и, вмѣстѣ съ принцемъ, былъ страшно оскорбленъ тѣмъ, что послѣ разрыва она не скрылась въ какое нибудь уединеніе, гдѣ жила бы, какъ графиня Монгомери, а осмѣлилась опять выйти на сцену, какъ Каролина Бауэръ. По мнѣнію Штокмара, это было преступленіе. Въ то время, когда на нее сыпались въ мелкихъ журналахъ клеветы и оскорбленія, когда писали, что она не заботится о своихъ трехъ сыновьяхъ, рожденныхъ отъ принца („должно быть, это были тройни“, замѣчаетъ Каролина), Штокмаръ не сказалъ ни одного слова въ ея защиту; а между тѣмъ—по ея словамъ—когда она готовилась разойтись съ принцемъ, по принятіи имъ греческой короны, кузенъ говорилъ, что самъ бы женился на ней, если бы когда нибудь сдѣлался вдовцомъ. „Ты была законнымъ и честнымъ образомъ спутницею жизни принца—прибавлялъ онъ—и никто не имѣетъ права сказать, что баронъ Штокмаръ представилъ свою кузину въ любовницы принца. Если бы кто нибудь осмѣлился марать твое имя и твою честь, я сумѣю всѣми силами, всѣмъ моимъ влияніемъ, вступиться за

тебя". И, однако же, онъ ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, втеченіе всей ея послѣдующей жизни. Отправившись за своимъ господиномъ въ Брюссель, въ качествѣ друга и совѣтника, хотя и безъ всякаго официального званія при королевскомъ дворѣ, онъ имѣлъ при немъ большое вліяніе на истинно конституціоннаго короля Леопольда I, хотя и непродолжительное время, такъ какъ уже въ 1837 году король отправилъ его въ Англію, тоже въ качествѣ интимнаго совѣтника, къ восшедшей на престолъ его племянницѣ, Викторіи. Штокмаръ много содѣйствовалъ браку Викторіи съ ея кузеномъ, принцемъ Альбертомъ Кобургскимъ. Бракъ королевской принцессы Викторіи съ наслѣднымъ принцемъ прусскимъ также устроился при его содѣйствіи.

Въ 1857 году, Штокмаръ рѣшился, наконецъ, пережънить придворную жизнь на жизнь частнаго человѣка. Ему было уже 70 лѣтъ. Онъ искалъ успокоенія, хоть подъ конецъ жизни, но въ 1863 году писалъ къ королю Леопольду, что проводить самую печальную и тяжелую старость; что болѣе всего мучило его—это супруга, грубая, безсердечная, скупая женщина. Почти не живя съ нею во все время своей молодости и придворной жизни, онъ теперь дорого платилъ за то, что пренебрегалъ семейною жизнью. Нѣкогда всевластный при королевскихъ дворахъ, онъ не имѣлъ никакой власти подъ старость въ своемъ домѣ, которымъ безгранично управляла скупая хозяйка, отказывавшая ему часто даже въ ершомъ бульонѣ, необходимомъ для поддержанія его слабѣющихъ силъ. Характеръ баронесы Штокмаръ всего лучше обрисовываетъ то обстоятельство, что она была присуждена кобургскимъ судомъ къ уплатѣ 15 талеровъ штрафа за то, что кормила свою прислугу гнилыми и испорченными припасами. Смерть Штокмара (въ 1863 году) была самая печальная: когда онъ испускалъ послѣднее дыханіе, жена сняла съ него фланелевую фуфайку для того, чтобы ею не воспользовались, по обычаю, тѣ, кто обмываютъ тѣло усопшаго. Зато по смерти монаршая благодарность воздвигла ему на кобургскомъ кладбищѣ великолѣпный мраморный памятникъ, по проекту наслѣдной принцессы прусской, съ надписью: „Памяти барона Христиана Штокмара посвящаютъ его друзья въ царствующихъ домахъ Бельгіи, Кобурга, Англіи и Пруссіи“. Штокмаръ самъ говорилъ о себѣ: „мнѣ кажется, что я живу на землѣ для того, чтобы заботиться о другихъ, а не о себѣ. И я очень доволенъ этимъ назначеніемъ“. „Странность моего положенія—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ—состоитъ въ томъ, что я всегда старался ступешиваться (zu effasigen), и лучшія мои намѣренія долженъ былъ передавать для осуществленія другимъ. То, что я задумывалъ хорошаго, почти всегда приписывалось другимъ“.

Развѣ это не идеаль утонченнаго придворнаго лакейства? Серьезные политическіе люди не были никогда, впрочемъ, высокаго мнѣнія о дарованіяхъ и заслугахъ Штокмара.

И царственный другъ его также невесело кончилъ свою долготѣнную жизнь: потерявъ вслѣдствіе собственной безхарактерности греческую корону, онъ нашелъ вскорѣ другую — въ Бельгіи. Незначительный нѣмецкій принцъ былъ не опасенъ для Европы на вновь воздвигнутомъ тронѣ. Англія охотно согласилась признать его королемъ бельгійцевъ. Луи-Филиппу не позволили возвести на этотъ тронъ сына своего, герцога Немурскаго, и онъ, признавъ Леопольда, выдалъ за него дочь свою Луизу, въ рукѣ которой отказалъ ему прежде, какъ будущему греческому королю. Уѣзжая изъ Англіи, Леопольдъ отказался, конечно, отъ пенсіона въ 50 тысячъ фунт. стерл., выдаваемыхъ ему Англіей. Онъ просилъ только министра, лорда Грея, выплачивать въ счетъ этой суммы всѣ пенсіи и все содержаніе лицамъ, состоявшимъ при немъ во время пребыванія его въ Англіи. Остатокъ отъ этихъ выдачъ долженъ былъ возвращаться въ государственную кассу; онъ былъ, однако же, очень невеликъ, судя потому, что пенсіи барону Штокмару и графинѣ Монгомери выдавались также изъ этой суммы. Въ очень естественномъ отказѣ бельгійскаго короля отъ англійской субсидіи лордъ Грей, даже Веллингтонъ и другія лица, хотѣли видѣть актъ какого-то необыкновеннаго великодушія. Каролина, какъ мы видѣли, вообще отзывалась очень неестно какъ о физическихъ, такъ и о нравственныхъ свойствахъ Леопольда. Ее возмущала его постоянная заботливость о своей персонѣ—черный парикъ, который онъ началъ носить въ молодые годы, чтобы казаться еще моложе, подошвы въ три пальца толщиной, чтобы казаться еще выше, стараніе говорить всегда тихо, никогда не волноваться, ѣздить на самыхъ маленькихъ, смиренныхъ лошадяхъ; вообще, избѣгать всякихъ сильныхъ ощущеній. „Мнѣ смѣшно было—говорить она—встрѣчать въ газетахъ восторженные возгласы о благородномъ характерѣ Леопольда, его изумительной твердости, мудрости, проникательности, храбрости, энергіи и великодушія“. Но онъ все-таки былъ основателемъ свободы въ Бельгіи, и городъ Монсъ не напрасно воздвигъ ему статую съ надписью: „Свобода совѣсти — свобода обученія — свобода сходакъ — свобода печати — независимость — миръ — благосостояніе — порядокъ и свобода“. А между тѣмъ, изъ самыхъ послѣднихъ дней его жизни Каролина рассказываетъ слѣдующій характеристическій случай, о которомъ упоминалось и въ парижскихъ газетахъ 1865 года, когда умеръ Леопольдъ. Онъ былъ любителемъ игры на фортепiano; съ утра до вечера въ кабинетѣ, отдѣленномъ отъ королевскаго легкою драпировкою, игралъ пианистъ. Замѣчательно, что король даже никогда и не думалъ взглянуть на музыканта, доставлявшаго ему удовольствіе своею игрою; каждое утро гофмейстеръ передавалъ пианисту программу пьесъ для исполненія. Черезъ пять лѣтъ такой тяжелой обязанности, пианистъ заявилъ однажды о желаніи воспользоваться днемъ отпуска. „На цѣлый день?—спросилъ гофмейстеръ—о,

это очень серьезный вопрос! и вряд ли вы получите дозволеніе". — Но я женюсь, и потому... — „Да, конечно, это важная причина, но все-таки — цѣлый день!“ — Однако, пятилѣтнія занятія, безъ перерыва... — „Конечно, конечно, я доложу его величеству, но все-таки не надѣюсь“. И на другой же день объявленъ былъ положительный отказъ несчастному пианисту, который долженъ былъ найти возможность совершить брачный обрядъ во время паузы между исполненіемъ двухъ пьесъ.

Въ этомъ мѣстѣ „Записокъ Каролины Бауэръ“ издатель ихъ, Арнольдъ Вельмеръ, дѣлаетъ очень странную выноску. Въ виду обвиненія Каролиною Леопольда и Штокмара, онъ говоритъ, что необходимо выслушать и другую сторону: *audiatur et altera pars*—и приводитъ письмо, полученное имъ отъ сына Штокмара, черезъ три дня послѣ смерти Каролины, въ октябрѣ 1877 года. Въ письмѣ этомъ молодой баронъ проситъ „удалить легкою рукою“ (*mit leiser Hand entfernen*) все, что въ запискахъ покойницы могло бы быть неприятно для принца и его друга. „Я хотя не самымъ честнымъ образомъ исполнилъ желаніе барона — говоритъ Вельмеръ (но чтѣ осталось бы въ такомъ случаѣ отъ „Записокъ“, гдѣ лондонская исторія Каролины занимаетъ половину тома?) — потому что считалъ ее своею пріятельницей (*Freundin*), но вскорѣ же пришелъ къ горькому убѣжденію и несомнѣнной увѣренности, что она была тщеславной ложью, обманомъ и самолюбіемъ (*eitel Lug, Trug und Selbstsucht*)“. Послѣ этого, весьма оригинальнаго, признанія со стороны издателя книги, убѣждающаго публику, что въ книгѣ его все ложь и обманъ, Вельмеръ очень развязно прибавляетъ: „Послѣ этого я не имѣлъ уже никакого повода смягчать рѣзкость ея выраженій“. Затѣмъ онъ приводитъ второе письмо сына Штокмара, въ которомъ баронъ увѣряетъ, что, несмотря на газетныя утвержденія, онъ никогда не слыхалъ ни о бракѣ Каролины съ Леопольдомъ, ни о ихъ разводѣ, когда онъ сдѣлался королемъ бельгійцевъ. Бракъ, по обрядамъ какой бы церкви онъ ни былъ совершенъ, нельзя скрыть отъ всѣхъ, и Каролина, дѣйствительно, говоритъ объ немъ только вскользь и въ весьма темныхъ выраженіяхъ, а о разводѣ не упоминаетъ ни слова. Но на титулѣ графини Монгомери должны же были у нея быть какіе нибудь документы, если она подъ этимъ именемъ ѣздила въ Парижъ и жила тамъ. Да дѣло и не въ законномъ или незаконномъ бракѣ, а въ ея отношеніяхъ къ Леопольду, которыя нельзя же называть ложью и обманомъ, какъ это дѣлаетъ издатель, оскорбленный тѣмъ, что Каролина не пощадила и его въ своихъ посмертныхъ признаніяхъ. Многія подробности ихъ до того естественны и дышатъ такою правдою,

что автора ихъ невозможно подозрѣвать въ преднамѣренномъ обманѣ.

Въ слѣдующей книжкѣ мы расскажемъ пребываніе Каролины Бауэръ въ Петербургѣ и послѣдніе годы ея дѣятельности, какъ артистки и женщины.

Вл. З — въ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

За старообрядцевъ. Листокъ, приложение къ 169 № газеты „Минута“. Калужскаго старообрядца Ѳ. Ѳалѣва.

РУССКІЕ старовѣры стяжали себѣ добрую славу за многія свои хорошія свойства, и между прочимъ за свою характерность, стойкость и массовое умѣнье дѣйствовать сообща въ общихъ интересахъ. Въ послѣднемъ отношеніи они своею энергіею и быстротою дѣйствій иногда просто удивляютъ. Тутъ нѣтъ ни тѣни нашей, будто бы, „прирожденной“ русской вялости и тѣхъ формальныхъ „волокуть“, безъ которыхъ мы не можемъ ничего въ ходъ пустить. У старовѣровъ это совсѣмъ иначе. Это какіе-то янки, окрыленные страстною релігіозною кипучестью и готовые вступать въ дѣло сію же минуту: они могутъ появляться и появляются въ ту пору, когда вы ихъ не видите и не чувствуете. Тѣмъ, кто на нихъ ополчается тяжелымъ ополченіемъ, кажется, что они гдѣ-то „на сторонѣ, далече“, а эти вдругъ выскакиваютъ и становятся передъ ними какъ листъ передъ травой и опять спорять, вѣщаютъ и „разглазольствуютъ...“ Но мало этого; къ крутой и неустанной энергіи на помощь приходятъ мастерство обойти своего противумысленника, и тамъ, гдѣ онъ успѣлъ дать одинъ отповѣдный листочекъ, сунуть вдвое болѣе жаркую отповѣдь, чуть не въ несмѣтномъ количествѣ, въ руенъ всѣмъ и каждому.

Такой именно случай опять недавно послѣдовалъ съ листкомъ, заглавіе котораго мы выше выписали: листокъ старовѣра Ѳалѣва появился быстро и неожиданно вслѣдъ за исторіею съ московскою книгою въ защиту старообрядцевъ, которая изъята изъ обращенія, и за брошюрою г-на Субботина, написанною противъ старообрядцевъ. Случай этотъ стоитъ вниманія. Калужскій старовѣръ Ѳ. Ѳалѣвъ въ своемъ „листѣ“ (о численномъ распространеніи котораго ходятъ невѣроятные слухи), увѣряетъ, что расколу „способствуетъ“ поведеніе духовенства. „Народу (будто бы) прискорбно видѣть въ лицѣ священника, вмѣсто наставника, утѣшителя и покровителя—чиновника «истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

полиціи и акцизнаго сборщика. Поборы духовенства отвлекают паству от духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ церкви“. Огалѣвъ указываетъ на прошлое время, когда духовному „воину господствующей церкви“ были даны всѣ средства одождать расколъ, и эти „воины не сьумѣли“ ни чѣмъ воспользоваться. Теперь расколъ самъ уже „вызываетъ ихъ на состязаніе“ и вызываетъ голосно и очень бойко, а тѣ уже отмалчиваются „показывая равнодушный видъ пренебреженія“, но это, по мнѣнію пылаго состязателя, „непристойно и неоправдательно“. По понятіямъ Огалѣва, котормя, вѣроятно, раздѣляютъ многие люди его убѣжденій, дѣло теперь имѣетъ такой видъ: „Которая сторона настойчиво вызываетъ на состязаніе, та, стало быть, приготовилась къ нему, а безмолствующая своею нѣмотою высказываетъ или свое малосііе, или неприготовленность“. И затѣмъ, „что до сей поры большинство духовенства господствующей церкви не приготовилось къ вступленію въ аннонотическое состязаніе съ старообрядчествомъ на открытомъ полѣ равночестной свободы; это, конечно, вина не старообрядцевъ“. На этотъ вызовъ, конечно, могутъ отвѣчать только тѣ, къ кому онъ относится и кто считаетъ себя призваннымъ докончить эту двухвѣковую борьбу рѣшительнымъ coup de main. Для насъ этотъ вопросъ въ теоріи рѣшенъ безповоротно: мы думаемъ, что бы это ни затѣвалъ и на чемъ бы ни настаивалъ—вопросъ о свободѣ совѣсти въ Россіи все-таки разрѣшится въ томъ же духѣ, какъ онъ рѣшенъ во всѣхъ странахъ, опередившихъ Россію въ историческомъ ростѣ. Намъ болѣе занимаетъ дружный натискъ и приподнятый до открытаго вызова тонъ послѣднихъ книгъ и листовъ старовѣрскаго издѣлія. Это, безъ всякаго сомнѣнія, знаменіе времени и проба силъ, котормя очевидно чувствуютъ себя въ такомъ избыткѣ, что къ вызову уже прибавляютъ иронію: „Можетъ быть вы не приготовились, а мы де уже совсѣмъ готовы...“ Моментъ, послѣ двухвѣковой распри съ тупыми пережежками, снова обостряется и получаетъ для историческаго наблюдателя очень живой интересъ. Одинъ историческій писатель годъ тому назадъ справедливо замѣтилъ, что „расколъ за двѣсти лѣтъ не ослабѣлъ отъ борьбы съ церковью, но въ немъ пришло силѣ“. Теперь къ этому уже надо прибавить, что въ новой своей фазѣ онъ обнаруживаетъ отиѣну въ своихъ отношеніяхъ къ борбѣ: прежде расколъ ея не боялся, „красуясь язвами скорбей“,—теперь онъ уже начинаетъ ея шутить...

Н. Л.

Примиреніе русскихъ съ поляками. Воспоминаніе прошлаго. Историческая брошюра, основанная на документахъ XVI вѣка и составленная, по поводу столѣтней годовщины въ 1872 году перваго раздѣла Польши, Ф. А. Весоловскимъ. Спб. 1881 г.

Если эта брошюра по содержанію и не вполне можетъ быть отнесена къ области исторической литературы, представляя собою скорѣе политическій памфлетъ, то, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія какъ по своей темѣ, такъ и по нѣкоторымъ своимъ внѣшнимъ особенностямъ.

Написана она, какъ значится въ концѣ книги, на Волыни, въ декабрѣ 1872 года, т. е. девять лѣтъ назадъ, но опубликована только въ текущемъ году съ самыми небольшими прибавками. Редакція „Ист. Вѣстника“ получила

брошюру съ письменнымъ на самой книгѣ пожеланіемъ— „когда-либо покончить русско-польскую вѣковую вражду, отъ которой всю пользу и выгоду извлекаютъ враги славянъ, враги Россіи“. На оберткѣ брошюры изображены двѣ руки, положенныя одна въ другую. Въ отдѣльномъ письмѣ г. Весоловскій выражалъ желаніе напечатать брошюру на страницахъ нашего журнала, посягая, что въ продажѣ брошюры не будетъ. Таковы вѣшнія обстоятельства появленія на свѣтъ труда волинскаго публициста, не оставляющія сомнѣнія въ полномъ преобладаніи у этой брошюры публицистическихъ цѣлей надъ историческими, научными изысканіями. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ читателя также посвященіе книжки „русскому народу въ знакъ глубочайшаго уваженія за его сердечное и братское сочувствіе дѣлу освобожденія сербовъ и болгаръ“. Характеръ и направленіе книжки уже опредѣляются въ извѣстной степени приведенными посвященіями, пожеланіями и заглавіями. Разумѣется, не можетъ быть рѣчи о напечатаніи на страницахъ историческаго журнала этой брошюры, хотя и не находящейся въ продажѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ, вѣроятно, не претендуетъ на научную цѣнность своего труда. У него даже найдутся фактическія ошибки, какъ-то: наименованіе Фридриха Великаго вторымъ королемъ прусскимъ и смыномъ Фридриха I, который, на самомъ дѣлѣ, приходится дѣдомъ виновника раздѣла Польши и отцомъ втораго прусскаго короля, Фридриха Вильгельма I. Но не въ томъ дѣло. Цѣль автора чисто практическая: создать „modus vivendi между двумя соплеменными народами не на основаніи теорій, а исторіи, наставницы народовъ“.

Въ сферѣ историческаго вѣдѣнія, конечно, нельзя отрицать и этой стороны. Была даже цѣлая историческая школа (Шлоссера и Гервинуса), которая главное значеніе исторіи видѣла въ ея тѣсной связи съ современностью, но, къ сожалѣнію, подобное значеніе исторіи, понятное въ твореніяхъ поименованныхъ нами столповъ науки, съ трудомъ могло бы быть приложимо къ болѣе слабымъ рукамъ и къ мелкимъ случаямъ. Не отрицаемъ поучительности и даже отрезвляющаго вліянія историческихъ справокъ относительно польскаго вопроса. Въ книжкѣ г. Весоловскаго тщательно подобраны историческіе факты, долженствующіе говорить въ пользу сближенія польской и русской народностей, добросовѣстно указаны недостатки самодержавной „шлякетской общины“ и основаннаго на ея господствѣ политическаго устройства Польши, съ *liberum veto*, избирательной системой правленія и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ указываются и заслуги Польши на пользу цивилизаціи,—заслуги, въ силу которыхъ поляки не могутъ отречься отъ своей народности и сохраняютъ право на политическую жизнь. Приписывая упадокъ Польши ея несчастному внутреннему устройству, наряду съ невыгоднымъ географическимъ положеніемъ, авторъ въ раздѣлѣ ослабѣвшаго государства винить не только Фридриха II, но также и коварную политику Франціи, которая чрезъ своихъ дипломатическихъ агентовъ противилась всякому улучшенію польскаго государственнаго устройства. Отношенія Франціи къ полякамъ, долго видѣвшимъ въ ней свою защитницу, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательны и послѣдовательны: при Людовикѣ XV французскія интриги раздували въ несчастной странѣ духъ анархіи, при Наполеонѣ I поляки ему служили просто игрушкой, или „мясомъ для пушекъ“, а Наполеонъ III своимъ дипломатическимъ платоническимъ вѣщательствомъ, въ 1863 году, только подливалъ масла въ разгоравшійся тогда огонь польскаго возстанія. Въ высшей степени безжалостное отношеніе двухъ западныхъ державъ (Франціи и Англіи) къ полякамъ въ эпоху возстанія

1831 года также хорошо очерчены в известной книгѣ г. Лисицкаго о маркграфѣ Велепольскомъ, о которой мы въ свое время представили отчетъ на страницахъ „Ист. Вѣстника“.

Мысль автора, при ожесточенныхъ обвиненіяхъ Франціи за раздѣлъ Польши, выясняется изъ слѣдующаго, не лишенаго характерности, хотя парадоксальнаго вывода: „Сто лѣтъ назадъ послѣднее слово раздѣла Польши сказала Пруссія подъ Седаномъ. Такова рука исторической Немезиды. Въ столѣть послѣ перваго раздѣла Польши совершился первый раздѣлъ Франціи потомками Фридриха II“. Оставимъ въ сторонѣ заблужденіе автора относительно возможности „раздѣловъ“ современной республиканской Франціи. Республиканское начало въ исторіи выражается различно: оно ведетъ и къ процвѣтанію, на пути къ которому находится республика Гамбетты, оно же ведетъ страну и къ паденію, если, какъ въ Польшѣ, въ Венеціи, является въ извращенномъ, олигархическомъ видѣ. Что касается Немезиды, то почему бы ей не поразить скорѣе главнаго виновника раздѣла Польши—Пруссію? Объ этомъ авторъ умалчиваетъ. Исторія совершается не велѣніями мстящихъ или благосклонныхъ божествъ, а дѣлью причинъ и послѣдствій, которую обыкновенно называютъ логикой событій, исторической необходимостью. Въ виду этого, перечисленіе заслугъ Польши дѣлу цивилизаціи съ исторической точки зрѣнія не имѣетъ другаго значенія, кромѣ эпитафіи.

По мнѣнію г. Весоловскаго, Польша была представительницею идеи братства (уніи) народовъ и, въ случаѣ собирательной группировки славянскихъ народностей, подобно народностямъ германской и итальянской, Польша призвана будетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ, въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей. Пусть такъ, хотя это дѣло будущаго, а въ прошломъ заслуги Польши въ дѣлѣ уніи или федераціи народностей крайне проблематичны: одна унія Литвы съ Польшей, происшедшая благодаря слабости литовскаго племени, ничего еще не доказываетъ. Но кромѣ того, историческій характеръ современныхъ национальныхъ агломераций, повидимому, несовѣмъ благоприятствуетъ уніи или федераціи народовъ въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ авторъ. Характеръ этотъ состоитъ или въ политическомъ единствѣ, полномъ, какъ въ Италіи, гдѣ за двадцатилѣтній періодъ времени воспоминаніе о какомъ-нибудь неаполитанскомъ королевствѣ успѣло даже изгладиться,—или въ единствѣ подвѣшней только формою союза мелкихъ автономій, какъ въ Германской имперіи. Во всякомъ случаѣ, судя по этимъ образцамъ, Польша, при всемъ уваженіи къ ея исторіи и культурѣ, должна была бы, въ будущей (быть можетъ, химерической) славянской федераціи довольствоваться ролью если не неаполитанскаго королевства, то Баваріи—самое большее—чего нибудь въ этомъ родѣ. Мелкія историческія единицы, какъ ни почтенно ихъ прошлое, не приобретаютъ тѣмъ правъ на политическую самобытность, если этой послѣдней не способствуютъ, кромѣ внутренней, культурной жизненности, еще и чисто-внѣшнія, напримѣръ, географическія обстоятельства. Но какъ-бы ни рѣшался вопросъ о политической самостоятельности въ тѣсномъ смыслѣ для подобной исторической народности, предъ ней открыто, въ глазахъ исторіи, еще важное поприще—содѣйствіе развитію общей культуры человѣчества; поляки могли бы увѣковѣчить себя въ исторіи такого рода успѣхами, даже въ настоящемъ положеніи. Вотъ мысли, на которыя наводятъ брошюра г. Весоловскаго.

Н. С. К.

Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Соч. И. Иванюкова. Спб.
1882 года.

Крестыанская реформа не имѣетъ еще исторіи. До сихъ поръ собирались только сырые матеріалы, приведены въ извѣстность документы, освѣщающіе ту или иную сторону крестыанскаго вопроса, напечатаны мнѣнія участившихъ реформы, но общей и всесторонней обработки предмета далеко еще не сдѣлано. Нѣтъ ея и въ вышеназванной книгѣ г. Иванюкова. Задача, какую поставилъ себѣ и прекрасно выполнилъ авторъ, весьма ограничена. Въ книгѣ выясняется роль правительства, дворянства и литературы въ крестыанской реформѣ, и потому ходъ самой реформы авторъ излагаетъ лишь въ ея основныхъ чертахъ, а отношеніе къ ней помянутыхъ факторовъ прослѣживаетъ на самыхъ центральныхъ вопросахъ ея, опредѣлившихъ всѣ остальные, какъ логическое изъ нихъ слѣдствіе. Въ предѣлахъ такой задачи г. Иванюковъ воспользовался всѣмъ, что только издано у насъ по крестыанскому дѣлу, и на основаніи этого матеріала приходитъ къ выводу, что крестыанская реформа служитъ поучительнымъ урокомъ, какую пользу можетъ оказать правительству просвѣщенное русское общество, когда его привлекаютъ къ участию въ разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ. И въ самомъ дѣлѣ, правительство переходило отъ одного плана къ другому, временами подчиняясь вліянію сильной реакціи, употреблявшей всѣ усилія, чтобы направить реформу сообразно основнымъ интересамъ дворянства; литература была стиснута въ узкихъ рамкахъ; вопросы такой громадной важности, какъ крестыанскія переселенія, а также судьба податной реформы, разрѣшались въ канцеляріяхъ и чиновничьихъ кабинетахъ. Какой исходъ могла бы получить реформа, задуманная покойнымъ императоромъ, если бы свѣтлыя мысли, преслѣдовавшіяся въ литературѣ, не нашли себѣ выраженія въ губернскихъ комитетахъ, а потомъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ? Г. Иванюковъ доказываетъ, что даже самое проведеніе реформы въ томъ улучшенномъ видѣ, какъ она явилась на свѣтъ, было возможно, лишь благодаря содѣйствію просвѣщенного меньшинства въ губернскихъ комитетахъ. А это меньшинство, создавшее опору волѣ императора, преслѣдовало тѣже цѣли, какія съ самаго начала поставила литература. Какъ скоро ей разрѣшалось говорить о преобразованіи крестыанскаго быта, такъ всѣ журналы единодушно принимались за выясненія началъ возможно лучшаго разрѣшенія крестыанскаго вопроса. По словамъ г. Иванюкова, всѣ они сходились въ томъ, во-первыхъ, что освобожденіе крестыанъ отъ власти помѣщиковъ должно быть совершено въ полной мѣрѣ и, во-вторыхъ, что крестыане должны получить въ собственность, путемъ выкупа, не только усадебную землю, но и полевныя угодья. Въ этомъ же предоставленіи правъ собственности крестыанамъ авторъ, если не ошибаема, первый отмѣтилъ важную относительную сторону крестыанскаго вопроса, крайне усложнившую его разрѣшеніе. Это—необходимость нарушить право собственности помѣщиковъ въ видахъ удовлетворенія крестыанскихъ интересовъ. У помѣщиковъ, вопреки желанію большинства ихъ, отнимали право собственности на обязательный трудъ крестыанъ, безъ всякаго вознагражденія, и право собственности на часть ихъ земли за вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣлялся правительствомъ. Статьи объ экспроприаціи, имѣвшіяся въ Сводѣ Законовъ, не подходили для обоснованія такой экспроприаціи, а это въ свою очередь отрывало значительный про-

сторь мнѣніямъ по всѣмъ вопросамъ преобразования. Всѣ органы печати признавали право государства совершить экспроприацію, не взирая на то, что она не могла быть поставлена на юридическую почву, какъ всѣ они раздѣляли мысль о вознагражденіи землевладѣльцевъ за отходящія отъ нихъ земли. Расходились только насчетъ размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ, величины повинностей и выкупа. При обсужденіи относившихся сюда вопросовъ, элементъ чувствъ весьма естественно получалъ немалую долю участія. Наибольшаго въ имущественномъ отношеніи въ интересахъ крестьянъ желали „Современникъ“, „Сельское Благоустройство“ и „Атеней“; въ меньшей мѣрѣ, хотя и незначительно, „Русскій Вѣстникъ“ и „Отечественныя Записки“; послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ „Библиотека для Чтенія“ и „Экономическій Указатель“. Но въ общемъ заслуга литературы въ крестьянскомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что она внесла въ его обсужденіе просвѣщенный умъ и искреннее изслѣдованіе общаго блага.

Такая роль литературы въ эпоху преобразования невольно заставляетъ задаться вопросомъ: кто же тогда были сотрудники въ журналахъ? Р. Ивановъ говоритъ на это, что сотрудники и авторы статей по крестьянскому вопросу были большею частью дворяне-помѣщики. Откуда же такое теченіе, увлекшее дворянство на самоотверженное пожертвованіе своими привилегіями, собственными интересами? Подробно разобравъ этотъ вопросъ авторъ общаетъ въ особомъ трудѣ, а пока только намѣчаетъ тѣ мысли, которыя впоследствии онъ намѣренъ подтвердить фактами. Эти мысли, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ полнаго вниманія, ибо онѣ касаются вопроса, нерѣдко поднимавшагося нашей печатью, но остававшегося безъ всякаго разрѣшенія. Постараемся передать ихъ по возможности собственными словами г. Иванюкова.

Какъ извѣстно, пропаганда и работа интеллигентнаго меньшинства русскаго дворянства, направленная на уничтоженіе привилегій своего сословія, проявилась не единственно въ эпоху крестьянской реформы. Она течетъ живою струею со времени царствованія Александра I, вызвана вліяніемъ гуманно прогрессивныхъ идей. Въ 40-хъ годахъ образуется уже интеллигентный слой, не уступающій развитіемъ самой передовой умственной средѣ на Западѣ. Этотъ слой пережилъ мыслью и сердцемъ страданія, неудачи, опыты европейской жизни, и они послужили ему такимъ же урокомъ, какъ и для западно-европейской мысли. Появивъ противорѣчіе современныхъ западно-европейскихъ порядковъ съ общепризнанными правовыми идеями нашего времени, съ послылками французскаго переворота, онъ пересталъ слѣпо восхищаться западною цивилизаціею и сталъ солидаренъ только съ критическимъ направленіемъ западной мысли. Въ то же время этотъ интеллигентный слой, состоявшій преимущественно изъ дворянъ, всецѣло посвятилъ себя на проведеніе путемъ литературы выработанныхъ имъ идей въ общественное сознаніе. Съ этого времени русская литература является первостепеннымъ цивилизующимъ элементомъ; на ней воспитываются молодая поколѣнія. Литература расширяетъ общественный кругозоръ, указываетъ обществу идеалы и ближайшія цѣли дѣятельности, воспитываетъ чувство человѣческаго достоинства. Крѣпостное право было первымъ камнемъ, который надо было сдвинуть, чтобы расчистить путь къ свободной жизни и дальнѣйшему прогрессу. И вотъ на устраненіе этого колоссальнаго, вѣковаго тормазы и были, главнымъ образомъ, направлены всѣ усилія литературы 40-хъ и 50-хъ годовъ. Съ паденіемъ крѣпостнаго права

пересоздался весь общественный строй и расширились задачи русской жизни. И здѣсь, въ преслѣдованіи новыхъ, поставленныхъ русскою жизнью задачъ, жизненный опытъ и научные выводы Запада представляютъ богатый матеріалъ для руководства. Итакъ, по словамъ г. Иванюкова, „не личный интересъ, а идея вліяла на образъ мыслей и поступки образованнаго меньшинства“, идея и прогрессъ просвѣщенія оказали сильнѣйшее вліяніе на измѣненіе правовыхъ понятій въ средѣ господствующаго класса. Причина этого факта очевидна: доказанная чужимъ опытомъ удобоприимчивость и благотворность новыхъ социальныхъ формъ жизни парализуетъ бессознательное вліяніе на воззрѣніа личнаго интереса и измѣняетъ ихъ. Этимъ путемъ просвѣщеннаго сознанія разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, этотъ же путь вѣрнѣйшій и для всякой реформы, потребность въ которой вытекаетъ изъ усложнившихся условій общественной жизни. Г. Иванюковъ разъясняетъ, что именно такой путь признается единственно плодотворнымъ и социальной наукою, и въ этомъ отношеніи его книга является не только цѣннымъ вкладомъ въ литературу крестьянскаго дѣла, но и лучшимъ доказательствомъ осазательной пользы отъ серьезнаго изученія социальной науки, освѣщающей значеніе жизненныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ ходомъ новѣйшей исторіи и ожидающихъ своего разрѣшенія.

Ө. В.

Спорная область между двумя мірами. Наблюденія и изысканія въ области мѣдунмическихъ явленій, съ рисунками. Соч. Роберта Дель Оуэна, переводъ съ англійскаго. Спб. 1881 г.

Одинъ наблюдательный и остроумный газетный фельетонистъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, замѣтилъ странную особенность спиритскихъ книгъ въ Россіи: онѣ появляются у насъ всегда въ такую пору, когда въ обществѣ ощущается особенно тяжелое утомленіе тупою и мертвѣющею скукою. Это замѣчаніе намъ кажется вѣрнымъ и мы, въ виду появленія новыхъ книжекъ о вопросахъ, стоящихъ между небомъ и землею, готовы думать, что наше общество снова находится въ области большой и очень сильной скуки. Это такъ и есть: хлѣбъ книжный годъ зародилъ, по всѣмъ не о хлѣбѣ единомъ сытне — скучаютъ безмѣрно. Но въ силахъ ли спиритская литература сколько нибудь облегчить скуку, или наоборотъ — не въ состояніи ли она еще болѣе усилить ея несносную истому? И да, и нѣтъ.

Тѣ спиритскія книги, которыя въ дни особенной, усугубленной скуки выходятъ въ Россіи, — очень скучны, но это потому, что наша спиритская литература, въ силу особыхъ, мѣстныхъ условій, вынуждена все повторять зады. Въ нихъ мы не встрѣчаемъ почти ничего иного, кромѣ реестровки отрывочныхъ проявленій и репортнжъ о какихъ-то „стукахъ“ и „прикосновеніяхъ“; воровъ къ этому присовокупляется что нибудь о видѣніяхъ, являвшихся гдѣ-то, кому-то и когда-то; но все это вѣчно одно и то же, и скучно, какъ нѣмецкая пѣсня о „Liber Augustin“, или русская „докучливая басенка“ о Кутылѣ и Журавлѣ, которые „накосили стожекъ сѣнца, поставили его посреди поляца, и не сказать ли вамъ объ этомъ опять съ конца“. Если при описаніи явленія духовъ иногда и бывають обозначены инициалы, или даже полностью на-

званы имена тѣхъ, кому открывались явленія — все это мало измѣняетъ дѣло, ибо, какъ бы ни велико было число подобныхъ разсказовъ, они всегда имѣютъ то удивительное свойство, что поводы къ сомнѣніямъ въ ихъ реальности никогда не исчезаютъ. Вѣчно въ нихъ дѣло начинается и кончается „за занавѣскою“, или дѣйствующій духъ ежится какъ „страпчій подъ столомъ“. При этомъ описаніе всѣхъ этихъ явленій бываетъ всегда какое-то сухое, однообразное, лишенное всякаго художественнаго впечатлѣнія, но за то съ претензіями на научность, не имѣющую, впрочемъ, ни законовъ, ни метода. Отъ того читать спиритскія книги, дѣйствительно, очень скучно. Господа спириты обыкновенно жалуются на презрительный тонъ „людей, преданныхъ исключительно физическимъ изысканіямъ“, и въ самомъ дѣлѣ такая презрительность несовсѣмъ понятна, ибо едва ли у ненавистниковъ спиритизма есть основаніе утверждать, что вся суть вопроса о причинѣ вещей находится въ завѣдованіи партизановъ „силы и матеріи“. Конечно, еще „есть вещи, которыми не снились нашимъ мудрецамъ“... Не болѣе справедливы и другіе противники спиритизма, которые утверждаютъ, что спириты „даютъ одно безуміе Богу“. Самый ревностный борецъ въ этомъ послѣднемъ направленіи, петербургскій протоіерей Иванъ Полисадовъ, говорилъ о спиритахъ съ каедрой и писалъ книжицы, которыхъ ему, къ большой его досадѣ, долго, Богъ вѣсть почему, не дозволяли печатать. Но ни тѣмъ, ни другимъ способомъ о. Полисадовъ не обнаружилъ ни пониманія предмета, ни умѣнья спорить о мнѣніяхъ съ соблюденіемъ вѣжливости и приличій, отъ которыхъ умнаго человѣка, кажется, не должно бы освобождать даже и духовное званіе. О. Полисадовъ относился къ спиритамъ какъ къ людямъ дурнымъ и вреднымъ, на что ни кто и ни гдѣ не жаловался. Въ числѣ спиритовъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть люди извѣстнаго ума, большой честности и настоящей образованности, шельмовать которыхъ можетъ позволить себѣ только умъ необразованный и повадка нахальная. Когда завѣдомо честные и несомнѣнно ученые люди открыто увѣряютъ, что они сами слышали и видѣли нѣчто всѣми относимое къ „области внѣмировыхъ явленій“, то тутъ уже потребна не плащадная брань и клеветы; сближающія спиритовъ даже съ ересьяными, а при такихъ обстоятельствахъ, какъ бы они ни казались странными и невѣроятными, долгъ разума состоитъ въ томъ, что бы сумѣть проникнуть въ эти явленія, а не отдѣлываться насмѣшкою, или злословіемъ, которыя въ дѣловомъ спорѣ ничего не доказываютъ. Между тѣмъ, съ спиритами обращаются именно только такимъ образомъ, и благодаря тому за все время полемики выдѣлилось одно, — что на сторонѣ противниковъ спиритизма материалистической фракціи болѣе литературной бойкости и таланта, чѣмъ у гг. спиритистовъ, а у противниковъ другаго сорта — вся сила въ непобѣдимомъ „авторитетномъ“ невѣжествѣ. Слѣдять за такою борьбою, которая съ одной стороны ведется средствами чрезвычайно слабыми, а съ другой слишкомъ неразборчивыми и подъ часть пошлыми, конечно ни мало не занимательно, но помочь дѣлу вылить на болѣе чистую воду едва ли возможно. Во-первыхъ, этому всего болѣе противятся сами духи, которымъ проявить себя какъ будто „и хочется, и колется“. Повидимому, иначе имъ и быть нельзя. Нынѣшняя спиритская книга не только этого не скрываетъ, но она заявляетъ, что такова именно природа духовъ, или, лучше сказать, таковы условія, въ которыхъ духи себя чувствуютъ среди нашей земной природы. Протить этого, конечно, можно бы возразить многое изъ другихъ примѣровъ, выставленныхъ тѣми же спиритами, но *comparaison n'est pas raison*, и споры

этого рода въ концѣ концовъ всегда будутъ бесполезною тратой времени, которое стоитъ поберечь даже среди скуки. Пусть подпольные страдичіе спиритизма изловчатся, и когда ихъ шнурокъ станетъ менѣе коротокъ, такъ что кого нибудь изъ нихъ можно будетъ показать, устранивъ всё сомнѣніе что это духъ, т. е. „житель вѣдмической области“, тогда можно будетъ поинтересоваться этимъ, а теперь достойно обратить вниманіе на ту сторону спиритизма, которая у насъ обыкновенно „пускается въ нѣтъхъ“, между тѣмъ какъ она-то и способна дать поводъ къ очень интересному обмѣну мыслей. У спиритизма есть его собственныя философы, которыхъ полою рясы о. Полисадова не прикроешь. Ихъ навсегда утаить отъ людей не возможно, тѣмъ болѣе, что по ту сторону нашей западной границы давно никто не заботится дѣлать изъ этого какое бы то ни было подобіе тайны. Философы спиритизма ни мало не касаются политики, но онѣ дѣлаютъ огромныя величныя вопросительныя знаки „призваннымъ“ знатокамъ и толковникамъ библіи, что яри именьшемъ возбужденіи религиозныхъ вопросовъ очень важно и очень интересно. Это и есть та другая сторона, которую медаль у насъ въ Россіи до сихъ поръ лежитъ плотно прижатою къ столу. Книга Роберта Дель Оуэна въ полномъ ея англійскомъ оригиналѣ интересна именно этою философскою своею частью, которой въ русскомъ переводѣ нѣтъ. Вотъ почему она была прочтена въ Англіи съ любопытствомъ и съ удовольствіемъ людьми образованными, которыхъ не можетъ не занимать всякая, болѣе или менѣе серьезная попытка новой критики о старыхъ но до сихъ поръ не уясненныхъ матеріяхъ.

Еще области заповѣднаго, до чего русскій переводъ не договаривается, находимъ въ немъ только подходы: притаившіяся, напримѣръ въ эпиграфѣ гл. II, „И увидѣла ослица ангела Господня, стоящаго на пути“. Числ. XXII, 28 и. о проявленіи тайныхъ дѣятелей въ движеніе вѣскихъ тѣтъ: „И пошелъ съ ними, и пришли къ Иордану, и стали рубить деревья. И когда одинъ валилъ бревно, топоръ его упалъ въ воду. И закричалъ онъ и сказалъ (Елисею): „ахъ, господинъ мой!“ а топоръ взять былъ на поддержаніе. И сказалъ человекъ Божій:—Гдѣ онъ упалъ?— Онъ указалъ ему мѣсто. И отрубилъ онъ кусокъ дерева и бросилъ туда, и всплылъ топоръ“. IV Цар. VI, 4—6. Или въ главѣ III о возможности письма рукою духа. „Въ тотъ самый часъ вошли персты руки человѣческой, и писали противъ лампы на извѣсти стѣны чертога царскаго и царь видѣлъ кисть руки, которая писала“. Кн. пророка Давида V, 5. Такія напоминанія въ книгѣ Оуэна встрѣчаются не рѣдко, и конечно, они сдѣланы для убѣжденія невѣрующихъ посредствомъ наведеній изъ библіи, что вещи невѣроятныя возможны и не опровергаются авторитетомъ св. писанія. Въ этомъ бесспорно есть почва для объясненій очень живыхъ и любопытныхъ, при чемъ и о. Иванъ Полисадовъ, если у него есть запасъ знаній, которыхъ онъ до сихъ поръ не обнаружилъ,—могъ бы съ пользою для истины ихъ обнаружить. Онъ могъ бы доказать, что тамъ, гдѣ Крукъ и Гегинсъ, Вагнеръ, Бутлеровъ и Александръ Аксаковъ предполагаютъ участіе какихъ-то достойныхъ изученія силъ, просто на просто есть одно бѣсовское наводненіе, противъ котораго лучше всего дѣйствуетъ кропило. Но все, что можетъ прямо поставить этотъ вопросъ и сдѣлать его доступнымъ для обсужденія, у насъ, къ сожалѣнію, устраняется. Заботамъ объ уничтоженіи спиритизма въ Россіи это, разумѣется, не помогаетъ, потому что перодовые люди кутья читаютъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ писать объ этомъ не сочтено опаснымъ, а прочимъ, людямъ болѣе простымъ, духи непосредственно „высту-

квиваютъ“ безцензурнымъ способомъ такіа философема, которыя самое смѣлое перо едва ли рѣшилось бы передать бумагѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ одинъ не лишенный интереса фактъ о лицѣ, которое имѣетъ мѣсто въ исторіи какъ превосходный гуманистъ и добросовѣстный примѣнитель на практикѣ чисто социалистическихъ (не революціонныхъ) теорій въ Нью-Ленаркѣ. Мы говоримъ о Робертѣ Оуэнѣ, которымъ рѣдко кто изъ насъ—молодежи сороковыхъ годовъ—не вдохновлялся до упенія. Получая о немъ контрбандныя извѣстія, преимущественно по изданіемъ А. И. Герцена, большинство молодыхъ людей нашего времени считали Роберта Оуэна съ одной стороны „неисправимымъ социалистомъ“, а съ другой — поклонникомъ культа богини „Цереры, Помоны и сродникоу ихъ“; но каково же должно быть удивленіе многихъ, когда въ книгѣ сына покойнаго учредителя Нью-Ленарка находимъ, что Робертъ Оуэнъ „послѣднія семь или восемь лѣтъ своей жизни непоколебимо вѣрилъ въ спиритуализмъ и до послѣдняго часа говорилъ о будущей жизни съ такою ясною увѣренностію, точно о какомъ нибудь земномъ событіи, скорого наступленія котораго ожидаешь“ (106). Читая такое извѣстіе, поневогѣ скажешь, что вѣдь вѣроятно же въ этомъ ученіи, или въ этомъ культѣ—есть что нибудь, кромѣ пустяковъ и нелѣпостей! И сдается, что въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто есть какая-то убѣждающая сила, но какая же именно? Вотъ это-то и хотѣлось бы знать, да конечно и можно бы знать, если бы не боязнь, что пойдетъ какой-то говоръ и застанетъ по обыкновенію „не вириготовѣ“ тѣхъ, кому надо бы „быть всегда готовымъ давать отвѣты“.

Къ этому прибавимъ еще одну замѣточку историко-анекдотическаго свойства. Извѣстно, что покойный государь Николай Павловичъ, въ бытность свою въ Лондонѣ, видѣлся съ знаменитымъ социалистомъ, посѣтивъ его въ его собственномъ домѣ, и что Робертъ Оуэнъ при этомъ „представилъ государю своего сына“, а государь будто сказавъ: „Какой молодецъ! и какой бы изъ него вышелъ превосходный гвардеецъ!“ Тотъ гвардеецъ и нынѣшній спиритъ—очевидно одно и то же лицо, потому что, какъ помнится, у Роберта Оуэна было только одинъ сынъ.

Вотъ какіе бываютъ обороты!

Н. Л.

Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Валетомана. Спб. 1882 г.

Балетъ въ томъ видѣ, какъ онъ выполняется нынѣ, въ смыслѣ самостоятельнаго рода сценическихъ представленій, развился въ сравнительно недавнее время. Но, подобно всѣмъ прочимъ видамъ искусства, и начатки зарожденія балета теряются въ глубинѣ незапамятной древности, а выработка его совершалась въ зависимости отъ измѣнявшихся народныхъ обычаевъ и въ связи съ развитіемъ другихъ отраслей изящнаго, входящихъ въ составъ балета основными элементами. Г. Балетоманъ, не претендуя писать ученую историческую монографію объ этомъ предметѣ, въ бойкомъ и живомъ изложеніи сгруппировалъ важнѣйшія данныя, касающіяся сущности балета, измѣненій его формы въ разныя времена, его значенія, техническихъ особенностей и, наконецъ, его исторіи. Это, сколько извѣстно, первая попытка популярной

книги о балетѣ на русскомъ языкѣ, и попытка весьма удачная. Пользуясь авторитетами, г. Балетоманъ вполне подтверждаетъ сдѣланное имъ опредѣленіе балета, какъ своего рода драмы, развитой во всѣхъ подробностяхъ, съ необходимою завязкою, съ интереснымъ ходомъ дѣйствія и съ эффектною развязкою; драмы, выраженной, за отсутствіемъ живаго слова, мимикою, краснорѣчивымъ жестомъ, выразительностію взгляда и лица, граціею движеній, знаменательными позами и, наконецъ, танцами. Далѣе г. Балетоманъ подвергаетъ критику сужденія знатоковъ дѣла объ эстетическихъ сторонахъ балетнаго искусства. Технику балетныхъ танцевъ онъ изложилъ преимущественно по сочиненію Блазиса „L'Art de la danse“, а затѣмъ особая, остроумно составленная глава посвящена „физиологій балетной танцовщицы“. Тутъ авторъ мимоходомъ, но весьма кстати затрогиваетъ нѣкоторые вопросы соціальной морали, связанные съ искусствомъ танцованія. Въ остальной части книги, наиболѣе обширной, изложена исторія балета въ Западной Европѣ и въ Россіи. Здѣсь исторія балета въ Парижѣ и въ Петербургѣ составляетъ главное содержаніе. И это понятно: ею исчерпываются важнѣйшіе факты изъ исторіи хореографическаго искусства въ новѣйшее время.

Найдутся, безъ сомнѣнія, ошибки и промахи въ частностяхъ, подробностяхъ—кое-гдѣ цитата, можетъ быть, неточно приведена, въ иномъ мѣстѣ невѣрно показана дата представленія балета; но едва-ли подобныя погрѣшности должно ставить въ упрекъ автору, если въ общемъ задача его выполнена безупречно. А именно это слѣдуетъ сказать о книгѣ г. Балетомана,—большинство образованной публики изъ нея получаетъ ясное и вѣрное понятіе объ особенностяхъ балетнаго искусства и объ его культурномъ значеніи. Жаль только, что авторъ слишкомъ сгузилъ предѣлы своей задачи. Дѣло въ томъ, что сфера балета, какъ показываетъ его исторія, въ нѣкоторомъ родѣ сопрягается съ политикою. „Каждое царствованіе можно опредѣлить по тѣмъ танцамъ, которые были тогда въ модѣ“, говоритъ одинъ китайскій философъ. На эту сторону авторъ обратилъ мало вниманія, хотя и самъ говоритъ, что „исторія танцевъ вообще и балета въ особенности не менѣе поучительна, чѣмъ исторія войнъ или дипломатическихъ сношеній“.

Ө. В.

Образцы новой русской словесности, примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Пушкинскій періодъ, до Гоголя включительно. Собралъ А. Цвѣтковъ. С.-Петербургъ, 1881.

Многіе не только сомнѣваются въ пользѣ издаваемыхъ у насъ новыхъ хрестоматій и сборниковъ по русской словесности, но даже большую часть ихъ считаютъ положительно вредными для учащихся. Составить дѣльную хрестоматію, съ цѣлью ли дать изящные образцы разныхъ видовъ словесныхъ произведеній, или сгруппировать статьи для изученія исторіи литературы,—весьма не легко. Въ первомъ случаѣ составитель долженъ обладать несомнѣннымъ вкусомъ и эстетическимъ тактомъ, во-второмъ—умѣнемъ выбрать изъ массы литературнаго матеріала такіе памятники, которые въ достаточной степени опредѣляли бы историческій ходъ литературы. Все это требуетъ не только основательныхъ знаній, но положительнаго таланта. Между тѣмъ, со-

ставители наших хрестоматій смотрятъ на это дѣло гораздо проще. Рѣдкій преподаватель словесности, не довольствуясь существующими, болѣе или менѣе удовлетворительными изданіями, не считаетъ долгомъ преподнести учащимся новый сборникъ своихъ собственныхъ трудовъ. Фабрикація такихъ руководствъ производится весьма незатѣпливымъ способомъ. Изъ сочиненій писателей, признанныхъ образцовыми, вырѣзываются стихотворенія небольшого объема, а изъ обширныхъ поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій берутся части; все это сшивается по отдѣламъ или перетасовывается въ какомъ-нибудь порядкѣ—и учебная литература обогащается новымъ руководствомъ. Оказывается, что это руководство съ одной стороны даетъ стихотворенія, напечатанныя уже въ прежнихъ изданіяхъ, а съ другой заключаетъ такія новыя пѣсны, которыя ненужны, или неумѣстны въ подобныхъ сборникахъ.

Г. Цвѣтковъ, въ послѣсловіи къ своей книгѣ, заявляетъ, что онъ понялъ неудобство нашихъ учебныхъ хрестоматій. Онъ нашелъ ихъ неудовлетворительными потому, что онѣ представляютъ коротенькіе отрывки изъ извѣстныхъ произведеній, часто не дающіе никакого понятія о характерѣ дѣлага сочиненія, а тѣмъ болѣе о его содержаніи, и рѣшился устранить этотъ недостатокъ своимъ собственнымъ трудомъ, который, по его мнѣнію, избавитъ преподавателя отъ необходимости обращаться къ хрестоматіямъ Галахова, Филонова, Буслаева и др. Какъ же составитель новаго сборника задумалъ достигнуть такой, во многихъ отношеніяхъ, важной и полезной цѣли? Очень просто. Онъ рѣшился помѣстить въ своей хрестоматіи „болѣе или менѣе объемистыя произведенія, въ возможно полномъ, законченномъ видѣ“, т. е. говоря иначе, вырвать изъ нашихъ классическихъ писателей какъ можно больше мелкихъ стихотвореній, а изъ крупныхъ ихъ сочиненій взять безъ церемоніи цѣлыя ряды объемистыхъ отрывковъ, напримѣръ, нѣсколько главъ изъ „Капитанской Дочки“ и „Мертвыхъ Душъ“ и чуть не цѣлые акты изъ „Ревизора“ и „Бориса Годунова“. И вотъ, онъ вырѣзалъ и перепечаталъ изъ Лермонтова 80 страницъ, изъ Гоголя 170, а изъ Пушкина болѣе 200 страницъ большого формата своего изданія. Къ этому онъ прибавилъ около 150 страницъ вырѣзокъ изъ немногихъ другихъ писателей Пушкинской эпохи и, такимъ образомъ, пополнилъ нашу учебную литературу новымъ сборникомъ, который, по его мнѣнію, устранитъ недостатки прежнихъ хрестоматій и избавитъ преподавателей и учащихся отъ необходимости прибѣгать къ другимъ подобнымъ сборникамъ.

Къ сожалѣнію, мы вовсе не согласны со взглядомъ г. Цвѣткова на значеніе и пользу его ученаго труда. Во-первыхъ, сборникъ его не отличается полнотою, на которую онъ претендуетъ. Если составитель нашелъ нужнымъ помѣстить въ немъ пѣсни Цыганова и отрывки изъ сказки Ершова, то едва ли было какое-нибудь основаніе не взять ни одной строки изъ Подолінскаго, Полежаева, Дениса Давыдова, Лажечникова, Загоскина, Вельмана, которыхъ нельзя игнорировать при изученіи Пушкинскаго періода нашей литературы. Конечно, это было невозможно при задачѣ помѣщать „болѣе или менѣе объемистыя произведенія“, но благодаря именно этой самой задачѣ, новая хрестоматія вышла крайне не полною. Г. Цвѣтковъ не можетъ отговориться и тѣмъ, что останавливался на избранныхъ и самыхъ крупныхъ талантахъ: помѣщенная имъ въ книгѣ пѣсня Цыганова далеко ниже многихъ стихотвореній Давыдова и Полежаева. Во-вторыхъ, смѣемъ увѣрить составителя новаго сборника, что его намѣреніе дать произведенія въ такомъ законченномъ видѣ, чтобы можно было составить полное понятіе о характерѣ и содержаніи ихъ, также

оказывается несостоятельнымъ. Какъ ни усердно трудился онъ надъ вырѣзкою возможно большаго количества страницъ изъ „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“, а все-таки содержаніе ихъ вполне можно узнать только по прочтеніи всего произведенія. Г. Цвѣтковъ, повидимому, не сознаетъ той простой истины, что урѣзка хотя немногихъ частей художественнаго произведенія искажаетъ его и не позволяетъ судить о его полномъ значеніи. Можно взять изъ него часть, имѣющую какое-нибудь самостоятельное значеніе, напримѣръ, монологъ Пимена изъ „Бориса Годунова“, или рассказъ о капитанѣ Копейкинѣ, или сонъ Обломова; но нельзя думать, что изъ десятка набранныхъ главъ изъ романа, или сценъ изъ драмы, съ пропускомъ десятка остальныхъ, можно представить произведеніе „въ законченномъ видѣ“. Вотъ почему хрестоматіи, которыя довольствовались небольшими отрывками, имѣютъ значеніе, а сборникъ, претендующій замѣнить даже для учениковъ VIII класса гимназій чтеніе полныхъ сочиненій избранныхъ писателей, по нашему мнѣнію, нисколько не достигаетъ цѣли.

Г. Цвѣтковъ приписываетъ своему сборнику ту особенность, будто онъ „при непремѣнномъ участіи преподавателя въ дѣлѣ распредѣленія матеріала по классамъ“ можетъ быть годенъ для учениковъ всѣхъ классовъ гимназій, за исключеніемъ двухъ младшихъ. Но если это и справедливо, то развѣ въ этомъ смыслѣ не болѣе годны другія, рациональнѣе составленныя хрестоматіи, напримѣръ, Галахова или Филонова? Составитель сборника заявляетъ еще, что его книга заключаетъ матеріалъ для заучиванія на память, для письменныхъ работъ, для упражненія въ устномъ рассказѣ. И въ этомъ мы не видимъ ничего особеннаго, такъ какъ при нѣсколькомъ умѣломъ преподавателѣ для этого пригодна всякая другая хрестоматія. Не можемъ мы согласиться съ г. Цвѣтковымъ и въ томъ, будто его сборникъ „можетъ быть предложенъ для употребленія и внѣ школы желающимъ познакомиться съ русскою литературою“. Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь сталъ покупать дорогую книгу съ цѣлью ознакомиться съ нашей литературою по отрывкамъ, какіе угодно было автору вырвать изъ выбранныхъ имъ писателей.

Въ заключеніе, г. Цвѣтковъ дѣлаетъ оговорку насчетъ высокой цѣны своей книги, которая продается по 2 руб. 50 коп. Онъ говоритъ, что желалъ бы купить ее дешевле, но долженъ былъ уступить издателю, „вѣра его званію печатнаго и книгопродавческаго дѣла“. И мы охотно вѣримъ желанію составителя и книгопродавческимъ званіямъ издателя его, но полагаемъ, что имѣ во всякомъ случаѣ слѣдовало бы принять во вниманіе недостаточность большинства учащейся молодежи и не слишкомъ высоко цѣнить трудъ, который съ одной стороны требовалъ только работы ножницами и карандашомъ, а съ другой—бумаги и печати, безъ всякаго риска. Кто знакомъ съ положеніемъ большинства учениковъ нашихъ гимназій, тому извѣстно, какъ затрудняются они покупать даже необходимыхъ книгъ, а не такихъ, которыя могутъ быть полезны только составителю и знакомому съ книгопродавческимъ дѣломъ издателю.

А. М.

**Исторія православнаго монашества въ сѣверо-восточной Россіи со
временъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Составилъ діаконъ
Матей Кудрявцовъ. Москва. 1881.**

Содержаніе этой небольшой книги вовсе не соответствуетъ ея громкому, но не вполне опредѣленному заглавію: въ ней мы не находимъ ничего другаго, кромѣ ряда болѣе или менѣе краткихъ біографій русскихъ подвижниковъ XIV и XV столѣтій, именно: Сергія Радонежскаго, его ученика Никона, Андроника и Теодора, основателей московскихъ Андроникова и Симонова монастырей, Аванасія Высоцкаго, Меодія Пѣсношскаго, Саввы Сторожевскаго, Сильвестра Обнорскаго, Павла Комельскаго, Сергія Нуромскаго, Димитрія Прилудскаго, Стефана Махрищскаго, Діонисія Грушицкаго, Александра Куптскаго, Евфимія Сянжемскаго, Феодосія Тотемскаго, Стефана Озерскаго, Авраамія Чухломскаго, Іакова Желѣзоборскаго, Теодора и Павла Ростовскихъ, Ѳерапонта Можайскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Пафнутія Боровскаго и Іосифа Волоколамскаго; всѣ эти біографіи, будучи изложены на основаніи общезвѣстныхъ источниковъ, не представляютъ ничего достойнаго вниманія ни по новизнѣ сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ, ни по ихъ критической обработкѣ. Исторіи монашества, о которой говорится въ заглавіи, въ этой книгѣ вовсе не имѣется.

Единственное, что мы нашли въ ней любопытнаго,—это взглядъ автора на преподобнаго Сергія. Онъ думаетъ, что въ XIV вѣкѣ „монашество въ Россіи, которое, казалось, повержено было какъ разбитый трупъ предъ всеокрушающимъ мечомъ татарскимъ, снова возстало въ лицѣ препод. Сергія Радонежскаго“, что подъ руководствомъ этого послѣдняго „воспитались многіе подвижники, которые по всѣмъ концамъ сѣверной Россіи основали многія обители и въ нихъ внесли новый духъ иночества, пробужденный ихъ великимъ учителемъ“, и что, такимъ образомъ, „преп. Сергій былъ для монашества сѣверо-восточной Россіи тѣмъ же, чѣмъ преп. Антоній былъ въ Кіевѣ для монашества юго-западной Россіи“ (стр. 5). Къ сожалѣнію, авторъ не потрудился привести никакихъ доводовъ въ подтвержденіе своего взгляда, и остается совершенно неизвѣстнымъ, въ чемъ состоялъ „новый духъ иночества“, внесенный преп. Сергіемъ, и чѣмъ этотъ духъ отличался отъ того духа, который жилъ въ русскомъ монашествѣ до Сергія.

А. С—скій.

Археологическій путеводитель по Тифлису. Составилъ Ю. Проценко. Тифлисъ. 1881 года.

Археологическій путеводитель по Тифлису своимъ появленіемъ обязанъ пятому археологическому сѣзду, бывшему 8—21 сентября 1881 года въ Тифлисѣ. Предварительный комитетъ этого сѣзда нашелъ необходимымъ снабдить археологовъ, ожидавшихъ на сѣздѣ, путеводителемъ, изъ котораго они могли бы ознакомиться съ судьбами этого города и его достопримѣчательностями. Комитетъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, г. Проценко, составить этотъ путеводитель, что не представляло большихъ затрудненій, благодаря существо-

ванію множества статей и изданій, посвященных изученію Тифлиса во всѣхъ отношеніяхъ.

Вслѣдствіе послѣдности, съ какою связано было составленіе путеводителя до Тифлису, г. Проценко составилъ только „археологическій“ путеводитель, и составилъ, нужно отдать ему справедливость, довольно удовлетворительно въ отношеніи точности и подробностей описаннаго. Книжка г. Проценко (77 страницъ въ 16 долю листа) раздѣлена на 5 главъ: въ 1-й говорится о времени основанія Тифлиса, во 2-й о происхожденіи имени города, въ 3-й сообщается краткій перечень историческихъ судебъ Тифлиса, въ 4-й краткій очеркъ древностей его, и 5 глава посвящена перечню авторовъ, писавшихъ или упоминавшихъ о Тифлисѣ.

Тифлисъ основанъ былъ персами, какъ крѣпость-соперница Мхета, бывшаго столицей Грузіи. (Теперешній Мхетъ—село, отстоящее отъ Тифлиса въ 21 верстѣ и составляющее узелъ соединенія военно-грузинской и поти-тифлисской жезвнзныхъ дорогъ). Время основанія Тифлиса съ точностью не опредѣлено. Г. Проценко находитъ, что время основанія Тифлиса относится къ 379—397 году послѣ Р. Хр. Вахтанга Гургастана, котораго грузинскіе историки называютъ основателемъ Тифлиса, г. Проценко считаетъ только возобновителемъ этого города, относя возобновленіе его къ 485 или 486 году. Такимъ образомъ, выходитъ, что Тифлисъ существуетъ или 1500 лѣтъ, или около этого. Древность почтенная! Втеченіе своего 1500 лѣтняго существованія, Тифлисъ не менѣе 15 разъ подвергался разореніямъ со стороны тѣхъ народовъ, которые домогались владычества надъ нимъ. На каждое столѣтіе среднимъ числомъ приходится по одному разоренію. Благодаря этому, Тифлисъ, по справедливости называемый „многострадальнымъ“, разумѣется, не могъ развиваться и совершенствоваться. Опасаясь нападений со стороны непріятелей своихъ, Тифлисъ, сдѣлавшійся послѣ Мхета столицей Грузіи въ V столѣтіи, влчилъ жалкое существованіе до времени своего присоединенія къ Россіи въ 1801 году. Что былъ Тифлисъ во время присоединенія къ Россіи и чѣмъ онъ теперь сталъ, слуха 80 лѣтъ по присоединеніи къ ней—разница громадная. „Россія“, говоритъ г. Проценко, „Тифлисъ достался въ видѣ развалинъ, посреди которыхъ оставалось изъ разбѣжавшагося населенія только нѣсколько десятковъ семействъ. Потомкамъ ихъ княземъ Воронцовымъ было искодѣйствовано званіе почетнаго гражданства. Такихъ фамилій по разслѣдованіи оказалось не болѣе 60“. Вотъ въ какомъ видѣ достался Россіи многострадальный Тифлисъ, выстроенный теперь на костяхъ и развалинахъ предшествовавшихъ поколѣній. Въ какіе нибудь 80 лѣтъ Тифлисъ выросъ такъ, какъ онъ никогда не выросалъ въ предшествовавшія 1400 лѣтъ. Раскинувшійся на обширномъ пространствѣ, хорошо обстроенный, считающій въ себѣ болѣе 120.000 жителей, Тифлисъ теперь является однимъ изъ значительныхъ центровъ умственной жизни и торговли не только въ Закавказьи, но и въ Россіи.

Историки производятъ названіе Тифлиса отъ грузинскаго слова тбили, что значить, теплый, и предполагаютъ, что „къ подобному наименованію дали поводъ находящіеся въ Тифлисѣ минеральныя воды“. Г. Проценко находитъ, что слово тбили едва ли грузинское и во всякомъ случаѣ не персидское: на основаніи Volpey, Вивьенъ де-Сенъ Мартена, Иосифа Флавія, онъ приходитъ къ тому заключенію, что „нѣмѣ тифлисской мѣстности въ своемъ корнѣ Тифлисъ или Тфилисъ могло существовать и до времени построенія на этой мѣстности крѣпости или города“ (стр. 17).

Изъ памятниковъ временъ языческихъ въ Тифлисѣ остается квадратная кирпичная постройка, называемая въ народѣ капищемъ, а также жертвенникомъ огнепоклонниковъ. Изъ христіанскихъ памятниковъ описываются въ путеводителѣ православные храмы, въ томъ числѣ и церкви св. Давида, около которой похороненъ А. С. Грибоѣдовъ и его супруга. Храмы относятся къ IV вѣку и позже, а нѣкоторые неизвѣстно какаго вѣка. Храмы армяно-григоріанъ относятся къ XVI вѣку. Храмы армянъ-католиковъ и лютеранъ новѣйшей постройки. Изъ мусульманскихъ памятниковъ не сохранилось ничего, кромѣ могилъ, которыя до сего времени остаются неразслѣдованными. Изъ другихъ памятниковъ древности г. Проценко указываетъ на крѣпость, сохранившуюся и теперь, на мосты, дворцы и пещеры. Послѣднія тоже остаются до сего времени не изслѣдованными.

Книжка г. Проценко даетъ довольно ясное представленіе о судьбахъ Тифлиса и памятникахъ древности, сохранившихся въ немъ. Разумѣется, путеводитель могъ бы быть полнѣе и подробнѣе, но это первый опытъ въ этомъ родѣ, и при томъ слѣдственный.

В. И. В—новъ.

Разсказы изъ римской исторіи пятаго вѣка по Р. Х.—Несторій и Евтихіій ересіархи. Соч. Амедея Тьерри, члена французскаго института, дополненное и переработанное профессоромъ кievской духовной академіи Д. Поспѣховымъ. Выпускъ первый, 1880 г.

Кievскія книги почему-то ужасно не скоро доходятъ до вѣдома критики, и потому съ отзывами о нихъ очень часто рискуешь впасть въ недоразумѣніе: глядя на выходную помѣтку иной кievской книги, считаешь ее уже не новостью, а между тѣмъ оказывается, что еще не ушло время отнести къ ней какъ-нибудь новость, т. е. высказать о ней сильное мнѣніе. Въ такомъ точно положеніи находится и русскій переводъ названнаго, превосходнаго сочиненія Амедея Тьерри, которое принадлежитъ къ блестящимъ произведеніямъ этого чрезвычайно много знающаго и чрезвычайно даровитаго члена французскаго института. Мы уже давненько имѣли досугъ и случай ознакомиться съ тѣмъ, что предпочелъ сдѣлать съ этимъ прелестнымъ сочиненіемъ профессоръ кievской духовной академіи, г-нъ Поспѣховъ, который Амедея Тьерри „дополнилъ и переработалъ“; только намъ все думалось, что теперь уже поздно говорить объ этой кievской „переработкѣ“, однако недавнее появленіе отзыва о трудѣ г-на Поспѣхова въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ (1881 г. № 137) измѣнило наше мнѣніе. Очевидно, нѣтъ бѣды, если и мы дадимъ нѣсколько заочный отзывъ о книгѣ, которая ранѣе какъ-то словно укрывалась отъ общаго вниманія, довольствуясь, можетъ быть, вниманіемъ лишь тѣхъ, кому она можетъ быть предвѣщена ко благоугожденію... А потому не сочтемъ за излишнее сказать для свѣдѣнія любителей исторической литературы—въ чемъ собственно заключается главная суть пользующагося заслуженнымъ вниманіемъ сочиненія Тьерри, и къ какимъ цѣлямъ клонитъ произведенная надъ нимъ „переработка“ кievскаго профессора, ученая значительность котораго, впрочемъ, пока еще не заслоняла блеска Тьерри.

Амедей Тьерри въ своемъ сочиненіи представляетъ изложеніе обстоятельствъ и условий, вызвавшихъ и сопровождавшихъ дѣятельность третьяго вселенскаго собора, созваннаго въ Ефесѣ противъ Несторія, который, какъ извѣстно, отрицалъ возможность рожденія Бога отъ смертной и называлъ это подражаніемъ языческихъ ученій, обыкновенно сочинявшихъ матерей своимъ богамъ. Исходя изъ такихъ положеній, Несторій устранялъ Дѣву Марію отъ несоотвѣстнаго, по его понятіямъ, чествованія ея, какъ смертную женщину, которая не могла породить Бога, того самаго Бога, который еще ранѣе создалъ саму Дѣву Марію въ числѣ всего прочаго, что имъ создано. Даже самое слово „Богородица“ казалось Несторію столь страннымъ, что онъ признавалъ оное неблагочестивымъ и недостойнымъ христіанина, обязаннаго, по его мнѣнію, имѣть гораздо высшія и совершеннѣйшія понятія о вѣчности и вездѣприсутствіи Творца вселенной. Взглядъ Несторія у многихъ встрѣтилъ большое сочувствіе, но нашелъ и рѣзкихъ порицателей, и послѣднимъ удалось одержать верхъ, въ силу разныхъ complicаций, сколько многосложныхъ, столько же и интересныхъ. То они анаематствовали несторіанъ, то несторіане ихъ анаематствовали; и та и другая сторона стремилась уничтожить другъ друга и обидѣли при этомъ черты, достойныя увѣковѣченія. Вотъ эта-то борьба и разоблаченіе ея тайнъ, маскированныхъ „ревностію по Бозѣ“, но на самомъ дѣлѣ зависѣвшихъ гораздо болѣе отъ соображеній чисто земнаго, плотскаго и даже очень неизменнаго свойства и составляетъ главный интересъ книги, увлекательно написанной Амедеемъ Тьерри. Въ этомъ произведеніи большое мастерство автора особенно счастливо соединено съ полнымъ безпристрастіемъ, которое, конечно, не только дѣлаетъ честь настоящему ученому, но и должно составлять непремѣнное свойство историческаго труда. Послѣдствіемъ такого чисто научнаго пріема получились результаты, расходящіеся съ тѣмъ, что долго было принимаемо за истину. Люди, которорые не столько дорожатъ самою истинною, сколько удобствомъ приспособленія ея къ цѣлямъ, намѣченными церковными авторитетами той или другой, болѣе или менѣе отдаленной эпохи, найдя, что послѣ труда А. Тьерри многія изъ лицъ, которыхъ издавно принято прославлять, оказываются какъ бы несовсѣмъ достойными созданной имъ репутаціи, и наоборотъ—другія, которыхъ давно сослали въ адъ на вѣчное мученіе, теперь, по болѣе точнымъ и тонкимъ оцѣнкамъ ихъ характеровъ и поступковъ, оказываются достойными лучшей участи. Такъ напримѣръ, вмѣсто злобы и ненависти, какія къ нимъ доселѣ внушались, они вызываютъ теперь у добросердечныхъ и справедливыхъ людей не только сожалѣніе, но во многомъ и сочувствіе. Личности Несторія и Евтихія, и главнаго ихъ гонителя и вождя собора, Кирилла александійскаго, въ мастерскихъ изображеніяхъ Тьерри, встаютъ изъ своихъ могилъ какъ живыя; интриги и страсти снова кипятъ, и борьба ихъ, освѣщенная критикою побужденій, одушевлявшихъ борцовъ, являетъ картину полную жизни и захватывающаго историческаго интереса. Читатель, отдѣленный вѣками отъ времени событій, ясно видитъ, какъ догматическая сторона постоянно подавлялась личными побужденіями Кирилла александійскаго и служила, гдѣ нужно, предлогомъ, что бы имѣть случай уронить авторитетъ константинопольской церкви Несторія передъ александрійскою церковью Кирилла; читатель до такой степени поражается пущенными тогда въ ходъ интригами и махинаціями, что когда тѣни, вызванныя умѣніемъ Терри изъ ада и изъ рая, снова должны разойтись по мѣстамъ назначенія, какія указаны имъ церковью то сердце трепещетъ, а разумокъ недоумѣваетъ—

нѣтъ ли въ этомъ отводѣ какого-то прискорбнаго недоразумѣнія. Весь старинный приговоръ кажется исполненнымъ такихъ грубыхъ ошибокъ, которыя болѣе смягченная совѣсть страстно стремится пересмотрѣть и исправить. И требованіе это внушается отнюдь не разрушительною страстью къ ниспроверженію авторитетовъ старины и не легкомысленнымъ стремленіемъ къ произведенію хаоса въ общественномъ представленіи объ историческихъ лицахъ, кодифицировавшихъ постановленія церкви, а оно вызывается именно самымъ законнѣйшимъ чувствомъ—требованіемъ доброй совѣсти, съ глазъ которой искусною рукою Тьерри бережно снята мертвымъ узломъ затянутая повязка. Таково впечатленіе французскаго историческаго труда о Несторіи. Кіевскій же профессоръ „переработалъ“ этотъ этюдъ такимъ образомъ, что отсѣкъ въ сочиненіи Тьерри нѣчто неподходящее представленіямъ, обязательно содержимымъ учеными кіевской духовной академіи, и „дополнилъ“, т. е. влилъ сюда нѣчто заимствованное изъ тѣхъ давнихъ литературно-богословскихъ нагроможденій, которыя всегда успѣшно мѣшали видѣть историческіе факты въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Нынѣ усиліями г-на Пospѣхова они еще разъ призваны къ дѣлу для исполненія того же вреднаго исторической наукѣ, но благоудительнаго прислужничества. Однако мы сомнѣваемся, что бы теперь это на что нибудь пригодилось... „Церковно-Общественный Вѣстникъ“, хватившійся въ довольно запоздалый слѣдъ за рекомендацію этой книги, „желаетъ ей полнаго успѣха“. Конечно сейчасъ — это въ духѣ времени, но намъ кажется болѣе сообразнымъ посоветовать читателямъ лучше читать правдивое сочиненіе Тьерри, чѣмъ тенденціозную „переработку“ г. Пospѣхова, который, поправляя члена французскаго института, очевидно, забылъ русскую пословицу, что „ученаго учить—только портить“.

Н. Л.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Загадочный арестъ Петра Федоровича Сиверса, секретаря великаго князя.

КАЗЬ ея императорскаго величества кабинетъ-курьеру Воронину.

„Предъ нѣсколькими днями высланъ отсюда его императорскаго величества великаго князя секретарь Сиверсъ въ Голштинію и для провозанія онаго секретаря посланъ до курляндской границы одинъ солдатъ изъ лейбъ гвардіи Измайловскаго полку, князь Гагаринъ. Онаго секретаря ея императорское величество указала возвратить сюда въ Петербургъ, и для онаго, по указу ея императорскаго величества, ѣхать тебѣ сего часу на почтовыхъ подводахъ верхомъ, какъ возможно скорѣе, чтобъ онаго, ѣдущаго отсюда секретаря догнать, и гдѣ его догонишь, тутъ его арестовать и всѣ при немъ находящіяся письма, обыскавъ его вездѣ и осмотря, не зашито-ль гдѣ въ платьѣ что, обобрать, и везти его сюда въ Петербургъ бережно и какъ возможно тайно, чтобъ по дорогѣ о немъ, что возвращень, никто не вѣдалъ, а пріѣхавъ, не заѣзжая никуда, прямо ѣхать въ крѣпость с.-петербургскую и онаго секретаря и взятыя у него письма и прочія вещи, что при немъ будутъ, объявить и отдать въ тайной канцеляріи, а чтобъ солдатъ, приставленный къ нему для провозанія, былъ тебѣ послушенъ, о томъ ты имѣешь ему объявить ея императорскаго величества имявной указъ, и то все учиня, явиться съ репортомъ въ кабинетъ ея императорскаго величества, а чтобъ въ Нарвѣ, Дерптѣ и Ригѣ, такожъ и на почтахъ комиссары въ потребномъ случаѣ вспоможеніе чинили, о томъ данъ ея императорскаго величества отверстыи указъ, а особливо ежели до Риги онаго секретаря догнать не можешь, то ѣхать чрезъ Курляндію до прусской границы, не доѣзжая до Мемеля четыре мили: а для того требовать подвощъ, денегъ и всякаго къ тому способу отъ генераль-губернатора и генерала-фельдмаршала графа Леси, по силѣ отверстаго ея императорскаго величества указу.

„Баронъ Иванъ Черкасовъ.“

„Въ 25 день марта 1746 г.

„Въ С.-Петербургѣ.

9-го апрѣля получено въ кабинетъ слѣдующее сообщеніе отъ фельдмаршала Леси, отъ 4-го апрѣля изъ Риги:

„Сего числа посланный изъ онаго кабинета курьеръ Василій Воронинъ отъ Мемеля обратно сюда возвратился и кого надлежало по указу съ соборъ привезъ, точію за иденіемъ на Двинѣ рѣкѣ великаго льда еще на той сторонѣ, а какъ сюда переправится, о томъ обстоятельно репортовать будетъ.“

12-го апрѣля послано изъ кабинета курьеру Воронину предписаніе:

„Сего апрѣля въ 9 день отъ генерала-фельдмаршала графа Леси изъ Риги чрезъ нарочнаго присланнаго изъ рижскаго гарнизона Эзелскаго полку сержанта Петра Баравшинскаго получено извѣстіе о прибытіи твоемъ къ Ригѣ, и уповательно, что теперь находишься въ дорогѣ, и какъ пріѣдешь на Горькой Кабачекъ, тогда съ симъ посланнымъ вышеписаннаго сержанта Петра Баравшинскаго напередъ сюда съ извѣстіемъ о прибытіи твоемъ туда отправь; а самому тебѣ и со всѣми при тебѣ обрѣтающимися ѣхать прямо на Калинкину деревню и, не переѣзжая рѣчки, въ пристойномъ мѣстѣ остановиться и дожидаться присланнаго изъ кабинета ея императорскаго величества который тебя проводить, и гдѣ быть надлежитъ—укажетъ мѣсто: токмо смотришь тебѣ того, чтобъ ты къ Калинкиной деревнѣ не могъ прежде пріѣхать, какъ въ восемь часовъ пополудни, а для того къ такому времени пріѣздомъ тебѣ и наровить.“

„Баронъ Иванъ Черкасовъ.“

„Въ 12 д. апрѣля 1746 г.“

Но въ этотъ же день, 12-го апрѣля, курьеръ Воронинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ:

„Что за кѣмъ онъ былъ посланъ, догнавъ его 30-го марта, то есть въ день св. Пасхи, въ корчмѣ жидовской Канделе, отъ почты, именуемой Шкрунде, въ трехъ миляхъ, а отъ Митавы въ 18-ти, а отъ Риги въ 25-ти миляхъ, въ наемномъ венигсбергскомъ фурманѣ, въ которомъ съ нимъ сидѣла одна дѣвка, а на томъ фурманѣ было трое фурманщиковъ; а какъ скоро нагналъ оный фурманъ, то возвратилъ опять до помянутой корчмы Канделе и, высади его, повезъ въ коляскѣ о 6 лошадахъ, а дѣвка съ фурманщиками на томъ же фурманѣ возвратились въ путь свой.“

Куда представленъ или отправленъ былъ Сиверсъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ дѣлѣ; но послѣ записки Воронина о его пріѣздѣ въ Петербургъ, въ дѣлѣ находится еще одна послѣдняя загадочная бумага:

„На адмиралтейской вахтѣ дежурному совѣтнику, или кто вмѣсто его въ должности его обрѣтается, изъ кабинета ея императорскаго величества приказъ:

„Ворота, кои ко дворцу, съ сего часа держать заперты и никому изъ адмиралтейскихъ и прочихъ ни входу ни выходу не позволять, дондеже иной о томъ указъ будетъ, токмо сего числа до десяти часовъ быть у онаго поста совѣтнику экипажной экспедиціи Василью Ларионову для исполненія того, что ему приказано, а впредь въ день и въ ночь присланныхъ изъ кабинета ея императорскаго величества съ знакомъ 3 кабинетныхъ печатей пропускать, и то не дажѣ, гдѣ была сарваерская контора.“

„Сей приказъ токмо до однихъ на вахтѣ главныхъ принадлежить, а кромѣ ихъ никому иному не объявлять и никому о семъ кромѣ кабинета ея императорскаго величества не репортовать и въ журналъ не записывать; но отдавать

одному, другому, при смѣнахъ, дабы при окончаніи потребности сіе паки возвращено было въ кабинетъ, а на ономъ постѣ, что во дворцу, имѣть изъ морскихъ солдатъ безсмѣнныхъ и съ ихъ унтеръ-офицерами.“

„Въ 12 день апрѣля 1746 г.

Сообщено Г. В. Еопповичъ.

Историческіе анекдоты.

1) Военская повинность евреевъ.

Извѣстно, что въ началѣ царствованія императора Николая, евреи легко могли обходить натуральную военскую повинность, расплачиваясь деньгами за рекрутовъ и записываясь въ гильдіи. Не разъ возникалъ вопросъ, что несправедливо налагать исключительно на русскихъ самую тяжелую службу—солдатскую, а евреямъ давать возможность уклоняться отъ нея въ натурѣ; но большинство вліятельныхъ лицъ доказывали, что израильское племя—хилое и слабое, изъ евреевъ не выйдетъ сносныхъ служаекъ, и они только составятъ лишнюю обузу и бремя для подковъ; да и народъ они трусливый отъ природы, ненадежной нравственности, жадный и корыстолюбивый, потому легко могутъ быть измѣнниками и дезертирами въ горячей борьбѣ съ врагами. Долго это мнѣніе брало верхъ; но графъ Мордвиновъ, извѣстный честнѣйшій дѣятель государственной, рѣшился, во что бы-то ни стало, убѣдить государя въ необходимости—брать съ евреевъ солдатъ натурою. Онъ представилъ неотразимыя убѣжденія, что это самая справедливая и законная мѣра правительства должна быть приведена въ исполненіе, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Государь предписалъ повести это дѣло формально.

Съ величайшимъ ужасомъ прослышали евреи объ этихъ, горькихъ для нихъ, замыслахъ административныхъ; съ быстротой молніи разнеслась по всѣмъ кагаламъ Россіи вѣсть объ опасности и о концѣ безпечальнаго житія, какъ бы во дни Соломоновы. Всюду наложенъ былъ самый тяжелый постъ и добровольныя пожертвованія. Этоть оригинальный постъ состоялъ въ томъ, чтобы каждый сократилъ расходъ на свои ежедневныя издержки на три четверти; если еврей тратилъ обыкновенно 1 рубль въ день, онъ долженъ довольствоваться 25 коп., а 75 коп. остальныхъ вносить въ общую сумму кагала; то же самое слѣдовало продѣлывать со свѣчами въ день шабаша, т. е. зажигать ихъ въ 4 раза болѣе обыкновеннаго. Такой чрезвычайный постъ итеченіе мѣсяца образовалъ громадную цифру въ нѣсколько сотъ тысячъ изъ свободныхъ остатковъ отъ еврейскаго продовольствія, изъ пожертвованій и свѣчнаго сбора. Эта сумма назначалась на подкупы вліятельныхъ лицъ въ Петербургѣ, которыя постарались бы не допустить рекрутской повинности съ евреями натурою. Еврейскіе богачи-вожаки взяли эти деньги и отправились обдѣлывать свои дѣлишки; въ большинствѣ случаевъ они были довольны, потому что ихъ хлопоты были удачны.

Но вотъ они встрѣтили главное препятствіе въ безкорыстномъ и неподкупномъ графѣ Мордвиновѣ, на сторонѣ котораго былъ государь. „Если онъ хоть немного поддастся на вашу руку, или по болѣзни не пріѣдетъ въ государственный совѣтъ, или просто будетъ молчать въ засѣданіи,—тогда несомнѣнно

ваша возьметъ“. Такъ всё утверждали царедворцы,—и еврейскіе представители обдумали, какимъ образомъ удобнѣе подступить къ адмиралу Мордвинову; а время засѣданія государственнаго совѣта по воинской повинности евреевъ приближалось. Вотъ являютя ходоки къ графу и просятъ удѣлить имъ четверть часа времени; вышелъ російскій Аристидъ и началъ внимательно выслушивать ихъ. Какъ тонкіе знатоки сердца человѣческаго, они сначала затронули его со стороны гуманности и, между прочимъ, убѣждали: „Какая особая заслуга будетъ для вашего сіятельства, когда милліоны подданныхъ императора на пространствѣ цѣлой Россіи поднимутъ плачь и гвалтъ и станутъ посылать проклятія виновнику своего несчастія?“

— Пускай лучше сыплются на мою голову проклятія евреевъ—сказалъ съ улыбкой Мордвиновъ,—а то теперь приходится выслушивать отъ своихъ собратій православныхъ, которые хозяева русской земли и заслуживаютъ всякаго облегченія.

Тогда евреи приступили къ главному, по ихъ мнѣнію, убѣдительному практическому средству и стали предлагать графу громадныя деньги, чтобы онъ не прешатствовалъ проведенію доказательствъ въ ихъ пользу въ государственномъ совѣтѣ.

— Я доселѣ не торговалъ ни правдой, ни совѣстью!.. гордо отрѣзалъ Мордвиновъ.

— Ваше сіятельство! Кому неизвѣстна неподкупность ваша и Сперанскаго? Неужели вы насъ считаете столь низкими и презрѣнными, что мы смѣемъ просить васъ продавать и покупать неоцѣненные сокровища вашей души? Мы предлагаемъ вамъ 200.000 рублей единственно за то, чтобы вы молчали въ государственномъ совѣтѣ; а на эту сумму вы можете много оказать благодѣяній и сдѣлать добра.

— Такъ 200.000 руб. за то только, чтобы я молчалъ? переспросилъ адмиралъ.—Такъ ли я васъ повялъ?

— Совершенно вѣрно, исключительно только за молчаніе, и никакой тутъ кривды не должно быть съ вашей стороны.

— Если такъ, давайте деньги: во все засѣданіе государственнаго совѣта по вопросу, васъ интересующему, не выскажу ни одного слова ни въ вашу пользу, ни противъ васъ.

— Шутить изволите, ваше сіятельство? съ чувствомъ подобострастія говорили представители кагала.

— Какія тутъ шутки! Общаю вѣрно и даю вамъ честное слово, что поступлю, какъ сказалъ.

Весьма быстро и точно рассчитались евреи съ Мордвиновымъ и въ восторгѣ отправились домой, считая заранѣе выиграннымъ свое дѣло.

Собрался въ засѣданіе въ полномъ составѣ государственный совѣтъ и прибылъ самъ императоръ Николай Павловичъ. Начались разсужденія по вопросу о натуральной воинской повинности евреевъ; большинство членовъ наперерывъ одинъ за другимъ стали доказывать съ сильнымъ одушевленіемъ и жаромъ, какой громадный вредъ для военной русской дисциплины произойдетъ отъ привлеченія евреевъ на службу въ солдаты. Мордвиновъ внимательно слушаетъ и упорно молчитъ...

Еще сильнѣе разгораются пренія и споры и опять-таки сводятся въ пользу евреевъ. Мордвиновъ сидитъ по прежнему—ни возраженія, ни слова. Точно вопросъ спорный совсѣмъ его не касается. Императоръ не разъ упорно посма-

привалъ на него, вызывая на разговоръ и опроверженія высказанныхъ мнѣній членовъ совѣта; графъ сталъ уклоняться отъ взглядовъ государя и посмагивалъ въ сторону. Наконецъ, Николай Павловичъ прямо и рѣзко замѣтилъ Мордвинову:

— Ты главнымъ образомъ настаивалъ, чтобы евреи несли рекрутскія повинности натурой; теперь рѣшается вопросъ такой важный; ты слышишь, многіе несогласны на это и говорятъ произойдетъ вредъ отъ приведенія въ исполненіе этой мѣры. Что же ты ничего не говоришь?

— Не могу, ваше императорское величество!

— Какъ „не могу?“ удивился государь.—Что это значитъ?

— Я далъ честное слово не говорить и обязанъ сдержать его.

Еще больше изумился государь и забросалъ вопросами адмирала: „Кому далъ слово? Почему?“ и т. д. Мордвиновъ отвѣчалъ:

— Чтобы я молчалъ по еврейскому вопросу въ государственномъ совѣтѣ, мнѣ дали большія деньги.—Онъ досталъ изъ портфеля 200.000 руб. и передалъ государю.—Тутъ ровно двѣсти тысячъ, продолжалъ Мордвиновъ;—если мнѣ еврей за одно молчаніе дали такую почтенную сумму, то сколько же получили тѣ члены совѣта, которые съ великимъ краснорѣчіемъ ораторствовали въ защиту ъголь еврейскихъ?..

Государь захохоталъ, приказалъ 200.000 рублей обратить въ инвалидный капиталъ и закрыть засѣданіе совѣта.

2) Обращеніе въ христіанство еврея.

Императоръ Николай Павловичъ не любилъ, когда богатые купцы изъ евреевъ исповѣдывали вѣру Авраама и не переходили въ христіанство; особенно ему хотѣлось, чтобы крестились занимавшійся откупамъ и подрядами казенными с.-петербургскій купецъ Ицка. Много разъ онъ дѣлалъ порученія приближеннымъ своимъ лицамъ убѣждать Ицку, какъ-будто мимоходомъ, доказывать ему всю выгоду для него самого и особенно для дѣтей его перемѣны вѣры. При такихъ представленіяхъ купецъ выражалъ мысль, что онъ былъ бы вполне согласенъ въ личныхъ для него расчетахъ и семейныхъ принять православіе, но онъ руководствуется на этотъ разъ высшими убѣжденіями и соображеніями.

Получая такіе отвѣты, государь обыкновенно подсмѣивался и говорилъ:

— Давно я знаю, какія у него высшія соображенія!. Захотѣлъ, каналья, прямо изъ ерусалимскихъ дворянъ прыгнуть въ русскіе бояре...

Время отъ времени Николай Павловичъ придумывалъ другіе способы убѣжденія и предлагалъ, разумѣется чрезъ другихъ, прямыя выгоды и награды Ицкѣ; но онъ не подавался впередъ и твердилъ одно и то же о высшихъ соображеніяхъ.

— Ну, должно быть, теперь мнѣ самому придется быть жидовскимъ миссіонеромъ,—говорилъ со смѣхомъ государь. Прошло однако немало времени, и Николай Павловичъ ни разу не вспомнилъ объ Ицкѣ, словно забылъ объ его существованіи; но вдругъ приказалъ ему явиться въ Зимній дворецъ на другой день Пасхи по дѣламъ казенныхъ подрядовъ. Зналъ за собой много шельмовскихъ выходовъ по подрядамъ, Ицка ужасно перетрусилъ и не сомнѣвался, что государю сдѣлались извѣстными его плутни. „Ой, вай миръ, вай миръ! Помяни, Иегова, Давида и всю кротость его...“ приговаривалъ онъ, собирався

во дворець къ назначенному сроку. Тамъ попросили его подождать выхода государя.

— Здравствуй! вдругъ услышалъ голосъ приближавшагося государя оторопѣвшій Ицка.—Христось воскресе!..

— Воистину воскресе, ваше императорское величество! отвѣчаетъ еврей.

Николай Павловичъ похристосовался съ нимъ, надѣлъ на него крестъ, т. е. орденъ, и сказалъ:

— Вотъ, меня увѣряли придворные, будто ты не вѣруешь во Христа, а я доказывалъ противное, и весьма доволенъ, что я остался правъ.

— Если угодно вашему императорскому величеству, я сегодня же подамъ прошеніе о переходѣ въ православіе со всѣмъ моимъ семействомъ.

Это заявленіе скоро исполнилъ Ицка на самомъ дѣлѣ.

3) Случайные кантонисты.

С.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ обыкновенно рано утромъ являлся съ докладомъ о благосостояніи столицы и привозилъ рапортъ императору Николаю Павловичу о разныхъ беспорядкахъ и происшествіяхъ, какія замѣчены по городу. Тутъ же государь, прочитывая списокъ, дѣлалъ распоряженія и отмѣтки на полѣ карандашемъ. Однажды во время доклада оберъ-полиціймейстеръ довелъ до свѣдѣнія императора, что въ прошлую ночь чиновникъ департамента, титулярный совѣтникъ, пьяный безобразничалъ, буйствовалъ и вступилъ въ драку съ полиціей, когда стали его брать въ часть. Государь очень строго отнесся къ чиновнику и написалъ карандашемъ: „Разжаловать въ солдаты и послать на Кавказъ“. Оберъ-полиціймейстеръ тотчасъ распорядился исполнить высочайшее приказаніе, захватъ въ часть, велѣлъ при себѣ остричь и обрить лобъ новому рекруту и одѣтъ въ солдатское платье. Протрезвившійся чиновникъ, не ожидавшій такой страшной и быстрой расплаты за свои похождения, былъ женатъ и имѣлъ двухъ сыновей, старшему 7 лѣтъ и младшему—пять. Когда блюститель городского порядка отдалъ приказъ тотчасъ препроводить его на Кавказъ съ первой партіей арестантовъ, онъ христомъ-богомъ сталъ просить позволенія проститься съ женой и дѣтьми. Можно себѣ представить, какое убійственное впечатлѣніе произвело на супругу появленіе ея мужа, бывшаго титулярнаго совѣтника, съ бритымъ лбомъ и въ солдатской сѣрой шинели! Она чуть не умерла отъ неожиданнаго горя и увѣрена была, что мужъ ея совершилъ какое-либо ужасное преступленіе, въ родѣ убійства, въ пьяномъ видѣ. Дали часъ времени новобранцу побыть въ семьѣ, распровститься съ милыми на-вѣки и отправили на Кавказъ.

Титулярная совѣтница съ двумя сыновьями осталась безъ куска хлѣба и не знала, чтд ей дѣлать: нашлись добрые люди, которые охотно дали ей совѣтъ просить о помощи государя, по пословицѣ: „чужую бѣду руками разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу“. Посовѣтовали ей обратиться лично къ царю, взять сыновей съ собою и просить о провормленіи ихъ. Когда императоръ пріѣхалъ на разводъ на Марсово поле, титулярная совѣтница съ двумя сыновьями протолкалась за цѣпь и подвигалась по направленію къ государю, который обратилъ на нее вниманіе и приказалъ вывести вонъ. Но она не унималась и нѣсколько разъ опять прорывалась за цѣпь, такъ что государь послалъ адъютанта спросить: „Кто эта дама, зачѣмъ она такъ настойчиво лѣзетъ и что ей нужно?“ Адъютантъ разспросилъ женщину и доложилъ,

что „это жена титулярнаго совѣтника, котораго вы приказали недавно разжаловать въ солдаты; у ней двое сыновей, кормить нечѣмъ, и она говоритъ: „Если государь отнял у меня мужа, пускай возьметъ и дѣтей!“

— Взять обоихъ въ кантонисты, закричалъ всплывчиво государь,—чтобы ихъ послѣ не разжаловали въ солдаты, какъ ихъ отца!

4) Побочныя дочери.

Въ 184... году, осенью, пріѣхала въ Петербургъ среднихъ лѣтъ дама съ двумя воспитанницами необычайной красоты; одна была брюнетка, а другая блондинка; наняла она отличную квартиру въ Столярномъ переулкѣ, отдѣлала и меблировала ее съ большимъ шикомъ и вкусомъ. Потомъ на парѣ лихихъ лошадей въ коляскѣ каждый день каталась по Невскому и Большой Морской; красота воспитанницъ и модные ихъ прелестные наряды сразу привлекли вниманіе удалыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Тотчасъ они прослѣдили, что блондинка и брюнетка завернули въ Столярный переулокъ и вошли въ квартиру въ бель-этажѣ; наведены были справки у дворника и посредствомъ трехъ-рублевки добыты свѣдѣнія, что дама-квартирантка Марья Ивановна привезла изъ Швейцаріи двухъ питомокъ, гдѣ онѣ учились; бѣлобрысую, которая старше, сестра, звать Юлія, а черномазую младшую—Лидія. Но что особенно важнаго сообщилъ дворникъ,—это достовѣрное извѣстіе, что обѣ онѣ побочныя дочери извѣстнаго барона и петербургскаго банкира Ш., что Марья Ивановнѣ поручено выискать имъ отличныхъ жениховъ, потому что баронъ за каждой даетъ приданнаго по полтора милліона. Это неожиданное открытіе поразило гвардейскихъ офицеровъ и они наперерывъ бросились знакомиться съ Марьей Ивановной, въ надеждѣ чрезъ нее попасть въ женихи милліонеры. Воспитательница охотно знакомилась съ желающими, прекрасно всѣхъ принимала и угощала, старалась сближать своихъ питомицъ съ гвардейцами, чтобы короче узнали другъ друга молодые люди, но очень зорко слѣдила и строго наблюдала за ихъ поведеніемъ: чтобы они не позволяли себѣ вольностей, не оставались вдвоемъ и не уходили въ отдаленныя комнаты. Она по секрету нѣкоторымъ сообщила, что блондинка и брюнетка—обѣ родныя сестры, побочныя дочери банкира и весьма выгодныя невѣсты, что воспитывались онѣ пять лѣтъ въ Швейцаріи, что ей поручено выискать и рекомендовать хорошихъ жениховъ, а главный выборъ и рѣшеніе будутъ зависѣть отъ отца. Чтобы заручиться рекомендаціей Марьи Ивановны, гвардейцы другъ передъ другомъ старались задобрить ее, начали возить ей дорогіе подарки; она скоро стала суживать кругъ знакомства, отказывая нѣкоторымъ, побѣднѣе, или потому, что они не могли счастья поправиться невѣстамъ, или отецъ желаетъ фамилія жениха богѣе извѣстной. Началось настоящее состязаніе между остальными довольно состоятельными офицерами; подарки воспитательницѣ посыпались чаще и крупнѣе; наконецъ, она выбрала двоихъ, которые особенно по душѣ прились Юліи и Лидіи, фамиліи одобрены самимъ барономъ, и повезла ихъ вмѣстѣ съ воспитанницами въ театръ, чтобы банкиръ познакомился съ ихъ наружностью. Всѣ они заняли богатую ложу и офицеры замѣтили, что баронъ весьма усердно и безцеремонно осматривалъ ихъ въ бинокль втеченіе всего спектакля; на другой день Марья Ивановна уже прямо заявила, что оба они произвели самое благопріятное впечатлѣніе на родителя блондинки и брюнетки. Прошло дня три, и она шепнула молодымъ людямъ, что пора бы съ банкиромъ сдѣ-

латъ окончательное и формальное условіе. Какъ сваха и главная посредница молодыхъ людей, какъ виновница ихъ будущаго довольства и богатства, она желала бы съ нихъ получить теперь процентикъ изъ приданаго и рѣшительно назначила круглымъ счетомъ по пяти тысячъ рублей съ персоны, иначе отказывалась представить ихъ отцу, какъ достойныхъ жениховъ. Молодцы за деньгами не стояли, въ надеждѣ будущихъ благъ, признали и сколотили кое-какъ по пяти тысячъ и привезли Марьѣ Ивановнѣ, которая съ восторгомъ приняла ихъ и назначила на другой день въ два часа визитъ къ барону, чтобы сблизить ихъ, какъ будущихъ родныхъ, и рѣшить всѣ дѣловыя условія.

Пріѣзжаютъ они на другой день въ назначенный часъ къ Марьѣ Ивановнѣ, зовятъ—никто не отпираетъ двери, зовятъ въ другой разъ, въ пятый—не слышно даже шороха въ квартирѣ.—Что за штука? подумали женихи и пошли отыскивать дворника. Какъ завидѣлъ ихъ дворникъ, подбѣжалъ къ нимъ съ удивленіемъ и быстрымъ вопросомъ:

— Развѣ вы не уѣхали съ Марьей Ивановной и питомками?

— Да развѣ онѣ уѣхали куда?

— Вечоръ расцѣтъ полный отдали и уѣхали за-границу, сказали, что ѣдутъ вмѣстѣ съ вами. Вотъ оказія-то!.. Такъ и твердили, что съ женихами дорогой имъ весело будетъ.

Тогда офицеры поняли, что обмануты и одурачены совсѣмъ; нельзя ли хоть мебель и обстановку продать въ счетъ 10 тысячъ,—мелькало у нихъ въ головѣ. Они попросили дворника отпереть квартиру Марьи Ивановны, но кромѣ рваной бумаги и клочковъ соломы въ ней ничего не осталось.

— Гдѣ же мебель и вся шикарная обстановка? Куда все это дѣвалось?

— Да онѣ все брамши на-прокатъ на два мѣсяца, вчера все приказали взять обратно, расчитались и уѣхавши вечеркомъ.

Съ горемъ и досадою побрели офицеры и рѣшили дорогой непремѣнно направиться къ банкиру Ш.; пришли,—онъ принялъ ихъ очень любезно и узналъ съ удивленіемъ, что его именемъ отлично умѣла воспользоваться какан-то ловкая женщина. Чѣмъ подробнѣе рассказывали офицеры, тѣмъ неуждержимѣе становился его хохотъ. Когда полюбопытствовали офицеры, почему во время спектакля онъ смотрѣлъ на нихъ такъ внимательно, банкиръ со смѣхомъ замѣтилъ:

— Я завидовалъ вамъ, господа, что вы сидите съ такими красавицами; я смотрѣлъ все время на нихъ, а совсѣмъ не на васъ.. Удивляюсь только, какъ вы могли повѣрить, что онѣ мои побочныя дочери: если бы такая прелесть, такіа душень были мои—о!.. да развѣ бы я по полтора милліона имъ бросилъ? Я бы ихъ озолотилъ, я бы тогда, господа, такимъ довеннѣмъ красавицамъ-женихамъ, какъ вы, по пяти милліоновъ отсчиталъ чистоганомъ!.. Однако, мнѣ болтать съ вами некогда. Прощайте!

И онъ съ хохотомъ раскланялся съ ними.

Доложили о такомъ ловкомъ обманѣ гвардейцевъ императору Николаю Павловичу; онъ строго приказалъ непремѣнно розыскать проиходъ-женщинъ. Но Марья Ивановна словно въ воду канула съ своими красавицами питомками. Только случайно зимой обнаружено было мѣстопробываніе мнимыхъ побочныхъ дочерей богача-барона: гвардейцы, пріѣхавшіе изъ Петербурга въ Кронштадтъ, увидѣли Юлію и Лидію въ домѣ терпимости у содержательницы Марьи Ивановны.

Когда довели до свѣдѣнія государя объ арестѣ обманщицъ, онъ приказалъ и воспитательницу, и блондинку, и брюнетку, висѣть розгами, а убытки гвардейскихъ офицеровъ взыскать изъ ихъ имущества.

Сообщено Н. Я. Аристовымъ.

Участь мундира маршала Даву въ Россіи.

Въ ризницѣ села Холма-Агарева, принадлежавшаго слѣшкомъ 100 лѣтъ фамиліи Карновичей и отстоящаго отъ Ярославля въ 35-ти верстахъ по направленію къ Москвѣ, можно видѣть священническую ризу, отдѣланную изящнымъ золотымъ шитьемъ, состоящимъ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ, перемѣшанныхъ съ причудливыми арабесками. Происхожденіе этой ризы заслуживаетъ вниманія. Въ войну 1812 года, двое Карновичей, Петръ и Николай Петровичи, будучи офицерами лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, участвовали въ пораженіи, нанесенномъ французамъ, 6-го ноября, подъ Краснымъ. Въ этомъ сраженіи Николай Карновичъ взялъ жезлъ маршала Даву, внесенный, по повелѣнію императора Александра I, съ особымъ торжествомъ, въ с.-петербургскій Казанскій соборъ, гдѣ онъ и нынѣ хранится среди трофеевъ Отечественной войны. Въ числѣ военной добычи, на долю молодыхъ прапорщиковъ пришелся мундиръ маршала Даву. Мундиръ этотъ былъ отправленъ въ Ярославль и затѣмъ матерью Карновичей употребленъ на украшеніе упомянутой ризы. Странная превратность: великолѣпное одѣяніе одного изъ знаменитѣйшихъ французскихъ маршаловъ, герцога Давиангскаго, было заготовлено въ Парижѣ для того, чтобъ обратиться въ Россіи въ облаченіе православно селскаго священника.

Сообщено Е. П. Карновичемъ.

СМѢСЬ.

Вѣтъ обязанъ Шлиманъ Россіи. Имя Генриха Шлимана и счастливые результаты его неутомимыхъ изысканій настолько извѣстны во всемъ образованномъ мірѣ, что не представляется уже надобности доказывать права его на вниманіе и русскихъ читателей къ замѣчательнымъ изслѣдованіямъ открытыхъ имъ остатковъ воспѣтой Гомеромъ Трои. Но для насъ ученая дѣятельность Шлимана имѣетъ особенный интересъ. Русскому читателю, безъ сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что среди насъ, въ Петербургѣ, этотъ ученый приобрѣлъ тѣ необходимыя средства, которыя дали возможность ему посвятить свои силы, дарованія и необычайную энергію усилѣннымъ открытіямъ. Этотъ эпизодъ въ жизни замѣчательнаго изслѣдователя разсказанъ въ вышедшей недавно въ Лейпцигѣ книгѣ „Hios, Stadt und Land der Trojaner“. Рядомъ съ обширнымъ описаніемъ всего, что сдѣлано и открыто до сихъ поръ Шлиманомъ, тутъ помѣщена автобіографія энергичнаго изыскателя, впервые указана связь нашей столицы съ его плодотворною карьерою.

Вся молодость Шлимана прошла въ трудовой борьбѣ съ враждебными обстоятельствами. Онъ переходилъ отъ одной профессіи къ другой, пока не вышелъ, наконецъ, на свою настоящую дорогу. Даль прошлаго увлекала его фантазію еще съ малыхъ лѣтъ, когда Шлиманъ проживалъ въ родной мекленбургской деревнѣ въ мирной сельской обстановкѣ. Гомеръ производилъ уже тогда сильное впечатлѣніе на юнаго Шлимана, хотя увлеченію классической поэзіею совсѣмъ не благоприятствовали условія его жизни. На 15 году онъ, по окончаніи курса въ реальномъ училищѣ, долженъ былъ искать себѣ пропитаніе самъ. Болѣе пяти лѣтъ онъ проводитъ въ грязной мелочной лавчонкѣ сидѣльцемъ, продавая сахаръ и зелень, селедки и спиртные напитки. Только одна случайная встрѣча оставила свѣтлое воспоминаніе въ Шлиманѣ объ этомъ мрачномъ періодѣ его жизни. Сидѣлецъ познакомился съ лицомъ, знавшимъ наизусть нѣкоторыя главы Гомера и продекламировавшимъ при немъ одно поэтическое мѣсто. „Три раза“, разсказываетъ Шлиманъ, „долженъ былъ этотъ человекъ повторить божественные стихи, и я отдалъ ему за это все, что у меня было—нѣсколько пфенинговъ, на которые я угостилъ его водкою“. Отъ тогдашняго тяжелаго и подневольнаго его положенія Шлимана избавила болѣзнь. Затѣмъ онъ отправился пѣшкомъ въ Гамбургъ, гдѣ ему удалось достать мѣсто корабельнаго юнга на бригѣ „Доротея“. Въ ноябрѣ 1841 г., корабль ушелъ въ море, но черезъ нѣкоторое время сталъ на мель, близъ береговъ Голландіи. Шлиманъ пробрался, въ жестокой морозъ, до Амстердама, гдѣ, подъ влияніемъ нужды и лишеній, притворился больнымъ, чтобы добиться хоть временнаго пріюта въ госпиталѣ. Тамъ нашлась у него протекція, доставившая ему мѣсто разсыльнаго въ одномъ торговомъ домѣ. Съ этихъ именно поръ совершается переломъ въ его жизни. Изъ получаемыхъ имъ тогда 800 франковъ

доходу, половина шла на самообразование. Усовершенствовавъ свой почеркъ, онъ сталъ изучать языки, особенно англійскій и французскій; каждый изъ нихъ былъ усвоенъ имъ въ шестимѣсячный срокъ изученія; по шести недѣль употребилъ онъ на усвоеніе языковъ голландскаго, испанскаго, итальянскаго и португальскаго. Шлиманъ получилъ, наконецъ, должность бухгалтера и корреспондента въ торговомъ домѣ Шредера и комп. Сношенія этой фирмы съ Россією вызвали потребность въ знаніи русскаго языка. Шлиманъ принялся за дѣло, по обыкновенію безъ учителя, съ плохимъ старымъ переводомъ Телемака въ рукахъ. „Мнѣ казалось“, говоритъ онъ, „что дѣло пойдетъ скорѣе и успѣшнѣе, если я буду разсказывать кому либо приключенія Телемака по-русски; я нанялъ одного бѣднаго еврея, который за четыре франка въ недѣлю приходилъ ко мнѣ ежедневно вечеромъ и втеченіе двухъ часовъ выслушивалъ мои непонятныя ему декламаци“. Такія упражненія стѣсняли сосѣднихъ жильцовъ, и нѣсколько разъ приходилось мѣнять ради этого квартиру, но за то, черезъ шесть недѣль, онъ уже написалъ свое первое русское дѣловое письмо.

Знаніе русскаго языка положило начало самостоятельной торговой карьерѣ Шлимана. Въ 1846 г. названная фирма послала его агентомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ быстро составилъ себѣ независимое положеніе. Значительныя коммерческія удачі достигнуты были имъ въ торговлѣ колоніальными товарами,—съ условіями доставки и сбыта ихъ онъ основательно ознакомился еще въ Амстердамѣ. Вся его энергія уходила тогда на приобрѣтеніе торговыхъ выгодъ. Съ 1853 г. онъ велъ дѣла въ широкихъ размѣрахъ. Торговля же нѣкоторыми военными матеріалами во время Крымской войны удвоила его состояніе втеченіе одного года; по его словамъ, за все это время онъ не имѣлъ никакого досуга и не успѣвалъ читать даже газетъ, не говоря о книгахъ.

Но тотчасъ по заключеніи мира, онъ вновь приступилъ къ изученію языковъ. Не имѣя уже при этомъ практическихъ цѣлей, онъ обратился къ древнимъ языкамъ—греческому и латинскому. Въ 1858 году, видя себя вполне обеспеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, онъ почувствовалъ охоту къ путешествіямъ; онъ пробѣгалъ черезъ всю Европу въ Египетъ, Сирію (гдѣ изучилъ арабскій языкъ) и въ Малую Азію. Изъ Аѳинъ думалъ онъ отправиться на островъ Итаку; но въ то время возникъ процессъ, который заставилъ его возвратиться въ Петербургъ. Процессъ тянулся долго, и тѣмъ временемъ Шлиманъ возобновилъ свое приостановленное торговое дѣло, на этотъ разъ уже въ громадныхъ размѣрахъ. Съ мая до октября 1861 года, цѣнность выписанныхъ имъ для Россіи товаровъ превышала десять милліоновъ марокъ. Сверхъ индigo, главныхъ предметами его оборотовъ были чай и хлопчатая бумага. Въ 1863 году, Шлиманъ обладалъ уже капиталомъ, который по величинѣ превосходилъ все, о чемъ онъ могъ мечтать когда-либо: въ настоящее время его ежегодный доходъ, при самомъ умѣренномъ процентѣ съ капитала, опредѣляется въ 200.000 марокъ. Вслѣдствіе счастливымъ окончаніемъ своего процесса, Шлиманъ ликвидировалъ свои торговые дѣла, чтобы предаться на свободѣ заветнымъ идеаламъ юности. Онъ совершилъ свое первое путешествіе вокругъ свѣта, послѣ чего появилось его первое сочиненіе о Китаѣ и Японіи. Въ 1866 году, онъ поселился въ Парижѣ для серьезныхъ приготовленій къ предпріятіямъ въ области классической древности. Вся дѣловая часть его жизни была закончена и какъ бы вычеркнута; началась совершенно новая жизнь—на почвѣ первоначальныхъ научныхъ плановъ и стремленій.

Какъ человѣкъ положительный, практическій, Шлиманъ надѣялся отыскать и опредѣлить фактическую подкладку древне-греческой поэзіи; онъ не допускалъ мысли, что поэтическіе образы Гомера, его живописныя описанія мѣстъ и событій, суть только вымыслы, и ничего больше. Въ 1868 году, онъ заходилъ уже въ Малой Азіи, объѣзжалъ прибрежныя острова, изучалъ почву Итаки, Микенъ и Троянскія равнины. Сопоставляя описанія Гомера съ дѣйствительными условіями мѣстности, онъ убѣдился, что слѣды древней Трои необходимо искать на холмѣ Гиссарикъ. Осенью 1871 г. началось раскопаніе. Особо подуроста рабочихъ, подъ руководствомъ Шлимана, постоянно участвовало въ работахъ. Черезъ два года обнаружены были части ерѣвостнаго вала, затѣмъ вымощенная улица и, наконецъ, большое зданіе, которое Шлиманъ считалъ „дворцомъ Приама“; а нѣсколько времени спустя, напали на слѣды цѣлаго клада, который удалось своевременно скрыть отъ толпы рабо-

чихъ. Рабочіе, наткнувшіеся на большой твердый предметъ, повидному изъ мѣди, были быстро отозваны къ общему обѣду, а Шлиманъ и его сотрудница-жена поспѣшили выкопать и разобрать значительную массу бронзовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей. Это былъ знаменитый „кладъ Пріама“—прямое подтвержденіе гомеровскихъ сказаній, краснорѣчивое свидѣтельство отдаленныхъ событій, относившихся дотогѣ къ мнѣстескимъ, баснословнымъ временамъ. Открытіе древней Трои и особенно этихъ драгоценныхъ сокровищъ въ высшей степени заинтересовало весь образованный міръ и сразу прославило имя Шлимана. Турецкое правительство требовало половины всего найденнаго въ свою пользу; начался процессъ, который окончился добровольною уплатою Портѣ соотвѣтственной суммы изъ средствъ изслѣдователя. Гиссарликъ былъ въ разныхъ направленіяхъ прорытъ шахтами и галереями; на неодинаковой глубинѣ оказались семь отдѣльныхъ поселеній, изъ которыхъ самыя нижнія имѣли вполне первобытный характеръ. Въ окрестностяхъ обнаружены могилы Гомеровскихъ героевъ, съ военными принадлежностями, щитами и оружіемъ. Словомъ, цѣлая эпопея, казавшаяся созданіемъ фантазій, выросла предъ взоромъ образованнаго человѣчества, благодаря энергіи и предпримчивости Шлимана. Последнія трояскія раскопки производились въ 1879 году, и общіе ихъ результаты изложены подробно въ упомянутой выше книгѣ. Подобныя же изслѣдованія начались въ другихъ мѣстахъ Малой Азіи и на прибрежныхъ островахъ; при этомъ, въ Мивенахъ найдены роскошныя гробницы, гдѣ сохранилась одна замѣчательная могила, въ которой, по догадкѣ Шлимана, былъ погребенъ Агамемнонъ.

Всѣми этими открытіями наука обязана Шлиману только благодаря тому матеріальному положенію, какое онъ успѣлъ составить себѣ торговыми сношеніями съ Россіей.

Собирание памятниковъ народной поэзіи. Г. Фаминцынъ, занимаясь изслѣдованіемъ вопроса о музыкѣ древнихъ славянъ, остатки которой несомнѣнно сохраняются и въ нынѣ еще распѣваемыхъ славянами пѣсняхъ, преимущественно въ обрядныхъ, обращается къ любителямъ славянской старины съ просьбою о сообщеніи ему неизданныхъ еще великорусскихъ, малорусскихъ, белорусскихъ и галицкорусскихъ, а также западно и южно-славянскихъ пѣсень. Г. Фаминцынъ желалъ бы собственно получить тексты съ относящимися къ нимъ мелодіями и воспользоваться ими въ задуманномъ имъ трудѣ. Вотъ подробный перечень видовъ пѣсень, какія проситъ доставить ему изслѣдователь: пѣсни свадебныя, похоронныя, причитанія надъ покойниками и на могилахъ, закладки, пѣсни, исполняемыя при гаданіи вѣнками, въ Ивановскую ночь (купальскія), въ праздникѣ обжинокъ, семиціи и хороводныя вообще (включая сюда и исполняемыя при пляскѣ южно-славянскаго „коло“ и болгарскаго „оро“), пѣсни сопровождающія обрядъ „опахиванія“ (воробей смерти) и другіе обряды, каковы: встрѣча весны (веснянки), масляницы, и проч., проводы зимы (смерти), ярилы, масляницы, заклинаніе дожда, и т. п., кромѣ того, былинны (сказателей), думы (бандуристовъ), героическія пѣсни (гусярловъ-слѣпцовъ), пѣсни нищихъ, и т. п., а также мелодіи, играемыя на инструментахъ во время народныхъ плясокъ и разыгрываемыя пастухами. „Всякое сообщеніе пѣсень (текстовъ съ мелодіями) и инструментальныхъ мелодій, принадлежащихъ къ поименованнымъ категоріямъ—говоритъ г. Фаминцынъ,—будетъ принято съ глубокою благодарностью. Я покорнѣе просилъ бы присылать пѣсни въ заказныхъ письмахъ по адресу: Александру Сергѣевичу Фаминцыну, Слб., Еватерингофскій пр., 33.“

Небезынтересно упомянуть при этомъ, что обращеніе г. Фаминцына возобновило въ памяти кіевлянъ весьма характерный фактъ касательно даннаго вопроса. Оказывается, что закрытый отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества въ Кіевѣ, обладавшій богатѣйшими этнографическими, историческими, экономическими и другими научными матеріалами, имѣлъ въ своемъ распоряженіи многое множество матеріаловъ, нужныхъ для г. Фаминцына. Собирались эти матеріалы массою лицъ, передавались кіевскимъ профессорамъ, но, по независящимъ обстоятельствамъ, остались неизданными. Чтобы судить о томъ, сколько цѣннаго научнаго матеріала хранится гдѣ-то подъ спудомъ, приведемъ слѣдующія указанія изъ отчета „Отдѣла географическаго общества“.

Въ 1874—1875 году, г. Манжура доставилъ громаднѣйшій сборникъ матеріаловъ, заключающій въ себѣ до 500 пѣсень, 172 загадки, 49 сказокъ, и

т. п. Тутъ, между прочимъ, заключается масса пѣсенъ, необходимыхъ для рѣшенія вопроса о музыкѣ древнихъ славянъ, именно: пѣсни веселыя, дѣтскія, веснянки, котелъ, забавки, колядки, мандривки и проч., и проч. Г. Носъ отдалъ въ распоряженіе „Отдѣла“ громадное количество всевозможнаго этнографическаго матеріала: пѣсенъ 1.173, начиная отъ думъ до причитаній; изреченій 4.873, сказокъ, загадокъ, словъ для лексикона болѣе 1.000 Мѣм. Чтобы судить о богатствѣ и разнообразіи матеріаловъ С. Д. Носа, необходимо указать на тотъ фактъ, что матеріалы эти составляютъ результатъ неуспѣшнаго семнадцатилѣтняго изученія южно-русскаго народнаго быта. Кромѣ того, поступило множество рукописей отъ г. Кричанки, Залюбовскаго, Комарова, Кандыбы, Лысенка, отъ многихъ мировыхъ посредниковъ, земскихъ управъ, и проч., и проч.; тутъ были экономическіе (о кустарныхъ промыслахъ), метеорологическіе, сельско-хозяйственные, и множество другихъ матеріаловъ. Но самый богатый былъ, такъ называемый, „Пѣсенный отдѣлъ“. Кіевскіе ученые предполагали (въ 1876 г.) издать его въ 15—20 томахъ, въ которые должны были войти: 1) пѣсни культа, какъ оставшіяся отъ эпохи язычества, такъ и христіанскія, имѣя пріуроченныя къ тѣмъ или инымъ праздникамъ, или временамъ года, т. е. пѣсни періодическія, и духовные стихи; 2) пѣсни жизни личной, выражающія любовь, развлечения (между прочимъ, пьянство и водокитство), печальное настроеніе; 3) пѣсни семейныя, т. е. свадебныя, семейно-родственныя и дѣтскія; 4) пѣсни экономическія и сословныя, какъ-то: чумацкія, бурлацкія, заводскія, косарскія, гребецкія, жнивныя; 5) пѣсни политическія (историческія), изображающія какъ историческія событія и лица общественныхъ дѣятелей, такъ и цѣлыя общественныя типы, напр. пѣсни казацкія, солдатскія, рекрутскія, о крѣпостномъ правѣ, разбойничкія, и др. 6) искусство и поученіе въ пѣсняхъ: баллады, пародіи, сатиры, и проч. Приготовленіе такого огромнаго, по своимъ размѣрамъ, изданія научнаго этнографическаго матеріала распредѣлено было между 12 кіевскими профессорами и другими изслѣдователями народной жизни; оно уже близилось къ концу, какъ вдругъ—, „независація обстоятельство“ прекратили работу,— и изъ 15—20 предположенныхъ томовъ вышла только часть пѣсенъ историческихъ и часть экономическихъ (Рудченко, „Чумацкія пѣсни“); всѣ остальные матеріалы хранятся гдѣ-то подъ спудомъ, и неизвѣстно, скоро ли увидитъ образованный міръ цѣльное, систематическое научное произведеніе кружка кіевскихъ ученыхъ...

Замѣтка о портретѣ княгини Орловой.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ портретъ княгини Екатерины Николаевны Орловой, рожденной Зиновьевой, жены извѣстнаго любимца императрицы Екатерины II, князя Григорія Григорьевича Орлова, есть копія съ весьма рѣдкой гравюры нашего первокласснаго гравера Берсенева. Гравюра эта, одна изъ лучшихъ работъ Берсенева, сдѣлана имъ въ 1784 году, и одинъ оттискъ ея, которымъ мы пользовались для нашего снимка, находится въ собраніи русскихъ гравюръ П. Я. Дашкова.
Ред.

Объ изданіи иллюстрированной исторіи Петра Великаго.

У насъ нѣтъ до сихъ поръ популярной исторіи Петра Великаго, основанной на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ и архивныхъ документахъ, въ такомъ общій разсѣянныхъ въ разныхъ специальныхъ изданіяхъ и журналахъ. „Исторія Россіи“ С. М. Соловьева, заключающая въ себѣ также и царствованіе Петра, во многихъ отношеніяхъ драгоценна; но по своей многотомности, догматичности и сухости изложенія, мало доступна обыкновенному читателю. „Исторія Петра“ Устрялова, отчасти панегиристическая и односторонняя, хотя и живо написанная, осталась далеко не конченной. „Дѣянія Петра Великаго“ Голикова имѣютъ теперь значеніе лишь для лицъ, специально занимающихся исторіей. Существуютъ еще исторіи Петра: Берхмана, Галема, Катифора, Теофана Прокоповича, Туманскаго, Ламбина, и др., но онѣ, въ сущности, не заслуживаютъ даже упомнанія.

Между тѣмъ, въ послѣднее время, за-границей начали появляться исторіи Петра, издаваемые людьми, серьезно относящимися къ дѣлу. Такъ, въ Германіи, въ прекрасномъ изданіи Онгена „Allgemeine Geschichte“ напечатана обширная монографія о Петрѣ, написанная знатокомъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ этой эпохи, профессоромъ русской исторіи Дерптскаго университета, А. Г. Брикверомъ, а въ Америкѣ, въ весьма распространенномъ иллюстрированномъ журналѣ „Scribner's Magazin“ помѣщается біографія Петра, составленная г. Скайлеромъ. Компильтивный текстъ этой біографіи, написанной, впрочемъ, довольно удовлетворительно для иностранца, не представляеть, конечно, для насъ особеннаго интереса; но зато біографія сопровождается превосходными рисунками. Правда, большая часть ихъ не имѣетъ никакого отношенія къ исторіи Петра Великаго; здѣсь, рядомъ съ фигурой Царя Преобразователя помѣщены „Бурлаки“ Рѣпина, „Русская тройка“ Соколова, „Деревенскія похороны“ Маковского и т. п. Кромѣ того, встрѣчаются забавныя промахи, напр., портретъ столбника Потемкина выданъ за изображение царя Алексѣя Михайловича. Такое изданіе имѣетъ значеніе исключительно для иностранцевъ; но тѣмъ не менѣе, мысль оживить исторію Петра рисунками заслуживаетъ сочувствія. Подобная попытка была сдѣлана и у насъ, даже весьма недавно, г. Гоппе, издавшимъ въ 1872 г. „Альбомъ 200-лѣтняго юбилея императора Петра Великаго“ (отрывочный текстъ для котораго, по указанной издателемъ программѣ, написанъ мною, совместно съ П. Н. Петровымъ); но въ „Альбомѣ“ г. Гоппе рисунки подобраны безъ всякой системы и притомъ исполнены неудачно и съ плохихъ подлинниковъ.

Такимъ образомъ, иностранцы опередили насъ въ популяризаціи исторіи величайшаго изъ русскихъ государей. Въ настоящее время, А. С. Суворину пришла счастливая мысль предпринять такое изданіе исторіи Петра, которое, соединяя въ себѣ популярный, составленный по новѣйшимъ и критически провереннымъ источникамъ, очеркъ его царствованія, вмѣстѣ съ портретами, картинами и другими достовѣрными рисунками, относящимися исключительно къ Петровской эпохѣ, могло бы въ живомъ изложеніи и художественныхъ образахъ воспроизвести это знаменательное для русской исторіи и жизни время. Для осуществленія своей мысли, г. Суворинъ обратился къ моему содѣйствію и я охотно согласился помогать ему, хотя вполне понимая всѣ трудности и случайности, сопряженныя съ исполненіемъ столь сложнаго издательскаго предпріятія, которое потребуетъ затраты значительнаго капитала.

Составленіе текста для этой „Иллюстрированной исторіи Петра Великаго“ принялъ на себя профессоръ Брикверъ, работы котораго въ области русской исторіографіи XVIII столѣтія достаточно извѣстны, чтобы о нихъ нужно было говорить. Текстъ займетъ не менѣе 40 печатныхъ листовъ убористаго прифта. Что касается рисунковъ, то изъ нихъ будутъ выбираться только имѣющіе прямое отношеніе къ царствованію Петра Великаго и притомъ преимущественно сдѣланные въ его время. Портреты сподвижниковъ Петра (числомъ до 60) будутъ воспроизводиться съ наиболѣе достовѣрныхъ подлинниковъ; виды городовъ, зданій, костюмовъ, бытовыхъ сценъ и проч.,—съ оригиналовъ современныхъ Петру; изъ картинъ новѣйшихъ художниковъ будутъ избраны лишь тѣ, которыя исторически вѣрны эпохѣ. Кромѣ того, къ изданію будутъ приложены факсимиле и планы. Рисунки будутъ исполненыксилографическимъ способомъ лучшими граверами за-границей и въ Россіи. Изданіе предполагается начать въ текущемъ году, выпусками, которыхъ будетъ отъ 25 до 30, и назначить ему цѣну, по возможности, доступную для каждаго.

Теперь уже приступлено къ собранію рисунковъ, и въ однихъ только коллекціяхъ русскихъ гравюръ П. Я. Дашкова и Д. А. Ровинскаго, при ихъ любезномъ содѣйствіи и указаніяхъ, уже отобрано около 150 экземпляровъ, въ томъ числѣ много очень рѣдкихъ. Пополненіе продолжается непрерывно; но я считаю долгомъ обратиться къ любителямъ отечественной старины, живущимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились еще до нашихъ дней памятники Петровскихъ временъ, съ просьбой—сообщить мнѣ снимки съ нихъ (по адресу редакціи „Историческаго Вѣстника“) въ фотографіяхъ, или карандашныхъ наброскахъ. Я буду весьма имъ признателенъ и съ удовольствіемъ возмѣщу тѣ расходы, которые они понесутъ при этомъ.

С. Шубинскій.

СУДЬБА ОДНОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬИ

ВО ВРЕМЯ ТЕРРОРА.

ЗАПИСКИ А. дез-ЕШЕРОЛЬ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. ИВАНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

1882

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

ВВЕДЕНІЕ.

РЕДЛАГАЕМЫЯ публикѣ въ русскомъ переводѣ Записки Александрины дез-Ешероль представляютъ для читателя интересъ содержанія и прелесть новизны. Онѣ относятся ко времени французской революціи 1789 года и изображаютъ судьбу семейства разсказщицы, которая была еще очень молодой дѣвушкой, когда надъ ея семьей разразилась страшная катастрофа; а что можетъ быть интереснѣе отраженія великаго историческаго событія на судьбѣ и въ душѣ современныхъ людей, соединенія высшей исторической драмы съ житейскимъ, реальнымъ эпосомъ. Записки дез-Ешероль не походятъ на тѣ мемуары, которые имѣютъ значеніе лишь для историка, знакомящаго при помощи ихъ съ подробностями изучаемыхъ имъ событій и заслуживаютъ вниманія какъ дополненіе къ другимъ историческимъ матеріаламъ; читатель Записокъ выноситъ изъ нихъ не одни только лишнія свѣдѣнія, но получаетъ болѣе полное и вѣрное представленіе объ общемъ характерѣ и значеніи для современниковъ революціи 1789 года и все время находится подъ обаяніемъ захватывающаго интереса, внушаемаго участіемъ къ лицамъ, которыя становятся ему близки, по мѣрѣ того какъ онъ знакомится съ ихъ трагической судьбой. И по содержанію Записокъ, и по цѣли, которую имѣлъ въ виду ихъ авторъ, въ нихъ преобладаетъ біографическая, частная сторона надъ обще-исторической; но при тѣсной связи этихъ личныхъ

воспоминаній съ общимъ ходомъ революціи и вслѣдствіе задушевности разсказа, на которомъ отпечатлѣлся благородный и симпатичный образъ автора,—Записки дез-Ешероль имѣютъ двойную цѣну—историческаго памятника и увлекательной семейной хроники. Александрина дез-Ешероль составила свои Записки на чужбинѣ для племянницы, которую она взяла къ себѣ на воспитаніе. Она хотѣла познакомить эту молодую дѣвушку съ судьбой, которую претерпѣла ея семья во время террора, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла въ виду нравственную и воспитательную цѣль. Въ своемъ посвященіи она говоритъ, обращаясь къ своей племянницѣ: „Не тщеславіе побудило меня такъ долго заниматься собой; не желаніе познакомить другихъ съ печальными событіями моей жизни заставляетъ меня ихъ описать; я пишу только для тебя, дитя моего сердца и моихъ попеченій. Я не могу оставить тебѣ иного наслѣдства, какъ воспоминанія о несчастяхъ твоей семьи. Ты найдешь въ нихъ опору для того, чтобы перенести невзгоды твоей собственной жизни, если тебѣ суждено ихъ испытать, и ты не станешь тогда сѣтовать на судьбу. Тебя ожидаетъ скромная доля; по всему можно видѣть, что блага міра сего не будутъ твоимъ удѣломъ. Если бы ты вздумала пожалѣть объ этомъ, перечитай эти страницы и ты перестанешь роптать на Провидѣніе. Все на этомъ свѣтѣ скоротечно. Всѣ эти бѣды, которыя намъ кажутся столь продолжительными, такъ быстро мелькаютъ и проходятъ. Когда ты будешь читать эти строки, я сама, можетъ быть, буду для тебя не болѣе какъ воспоминаніе, которое скоро изгладится. Если же счастье улыбнется тебѣ въ этомъ мірѣ, опять-таки помни, что оно скоротечно, и перенеси твою привязанность на тѣ блага, которыя вѣчны“.

Несмотря, однако, на эту чисто личную цѣль, которой руководилась составительница Записокъ, послѣднія имѣли такой общій интересъ, что обнародованіе ихъ было только вопросомъ времени. Александрина дез-Ешероль рѣшилась напечатать ихъ еще при своей жизни, и повидимому ее побуждало къ этому желаніе выразить этимъ способомъ свою благодарность разнымъ лицамъ, которыя оказали ей или членамъ ея семьи помощь и утѣшеніе въ годы тяжелыхъ испытаній; въ то же время она, вѣроятно, чувствовала потребность объяснить потомкамъ того поколѣнія, которое произвело или пережило революцію, — чувства, настроеніе и образъ дѣйствія современниковъ революціонной эпохи, во многомъ уже сдѣлавшейся непонятной. Въ

краткомъ предисловіи, которое Александрина дез-Ешероль предпослала своимъ Запискамъ, она говоритъ: „Настоятельныя побужденія, которыя имѣютъ важность лишь для меня, заставили издать эти страницы, большая часть которыхъ написана уже много лѣтъ тому назадъ. Хотя я опустила много ненужныхъ подробностей, которыя могли бы показаться скучными для равнодушной публики, я опасалась, что ихъ осталось еще слишкомъ много и взываю къ снисходительности читателей. Я составила эти записки не для нихъ, онѣ предназначались только для близкаго лица, и, хотя это первоначальное измѣненіе измѣнено, я не могла изложить иначе этого разсказа, который вылился изъ сердца. Несчастія и чувства, здѣсь представленныя, составляютъ одно; я переживала то, что описываю, разсказъ мой безыскусственный. Съ юности заброшенная и предоставленная самой себѣ, я усвоила привычку записывать мысли и впечатлѣнія, которыя меня тяготили.

„Мнѣ приходилось слышать различныя сужденія о той эпохѣ, которая теперь уже такъ далека отъ насъ. Многіе думаютъ, что они дѣйствовали бы умнѣе, чѣмъ ея современники. Я отвѣчу имъ словами, которыя повторяла, можетъ быть, слишкомъ часто въ моемъ повѣствованіи: кто тогда не жилъ, не можетъ судить о тѣхъ смутныхъ временахъ, когда бредъ властолюбія во что бы то ни стало и безпредѣльный ужасъ раздѣлили всю Францію всего на два класса: палачей и жертвъ. Объяснить это невозможно; воспротивиться этому было еще труднѣе. Быстрота, съ которой событія сдѣлались и на двигались надъ нами, часто не давала времени для малѣйшаго размышленія.

„Повторяю, кто не былъ задѣтъ, не былъ раздавленъ революціонной смутой, не долженъ такъ рѣшительно судить о ней. Это значило бы подъ чистымъ небомъ, среди мирной долины, желать повянуть бурю, вдали поднимающую океанъ“.

Хотя Записки, такимъ образомъ, были напечатаны въ 1843 году самимъ авторомъ, онѣ были предназначены только къ обращенію въ кругу близкихъ лицъ и той личности, откуда была семья дез-Ешероль, и мало проникли въ публику. Поэтому перепечатка ихъ въ 1879 году подъ новымъ заглавіемъ въ Парижѣ равняется какъ бы первому обнародованію ихъ. Предлагаемый переводъ сдѣланъ съ этого втораго изданія: при этомъ опущены нѣкоторыя повторенія и лири-

ческія мѣста, которыя могли бы показаться неумѣстными въ переводѣ на чуждый автору языкъ; послѣднія же главы **Записокъ**, уже не относящіяся къ исторіи революціи и касающіяся только личной судьбы автора, переданы въ краткомъ изложеніи.

Г Л А В А I.

Семейныя подробности. — Дѣтство моего отца. — Его женитьба. — Тетка моя, сестра отца, поселится вмѣстѣ съ нами.

ДѢДА моего, капитана Шуатусскаго полка, было двѣ преобладающихъ страсти: война и охота. Когда онъ прѣвѣжалъ въ отпускъ, тотчасъ же отправлялся рыскать по лѣсамъ, гдѣ проводилъ дни и ночи, воюя съ волками и дикими кабанамн. Онъ называлъ это „отдыхать“. Такой образъ жизни сильно разстроилъ его состояніе.

По счастью, бабка моя, одаренная большимъ умомъ и сильной волей, исправляла сколько могла дѣла мужа, разстроеннаго его безпорядочнымъ образомъ жизни. Ея благоразуміе и рассудительность, соединенныя съ большою дѣятельностью, спасли семью отъ неизбежнаго разоренія, и дѣдъ мой, который не хотѣлъ ничего знать, кромѣ своихъ удовольствій, довольный обстановкой, созданной вокругъ него благодаря предусмотрительной экономіи жены, спокойно наслаждался благосостояніемъ, которымъ вполне былъ ей обязанъ.

Его единственному сыну едва минуло девять лѣтъ, когда онъ взялъ его съ собою въ армію. Онъ хотѣлъ рано приучить его къ лишениямъ и суровой жизни лагеря; онъ тутъ обучилъ и образовалъ не только этого маленькаго воина, но еще присоединилъ къ нему съ десятокъ сверстниковъ изъ его родни, которыхъ также старался закалить. Этотъ маленькій отрядъ, исполненный отваги, весело бросался на встрѣчу опасности. Всѣ они со временемъ вышли честными людьми и храбрыми воинами.

Я знала нѣкоего г. де Сенъ-Леже, который не могъ говорить о моемъ дѣдѣ безъ восторга; онъ самъ былъ изъ этой роты удалыхъ дѣтей. „Мы хорошо дрались“, говаривалъ онъ мнѣ; „наша отвага не знала никакой опасности. Вашъ дѣдъ любилъ насъ, какъ родныхъ синовей, но держалъ насъ строго. Я ему обязанъ многимъ; вотъ видите ли, я ему обязанъ и за эту ногу. Она была раздроблена пулей, фельдшеръ уже готовъ былъ ее отнять—вѣдь тамъ не долго рассу-

даютъ. „Нѣтъ“, сказала вапъ дѣдушка, „я отвѣчаю за эту ногу“.—И вотъ она цѣла по сю пору“. Я очень сожалѣю, что упустила множество подробностей о своей семьѣ, которая въ свое время могла бы собрать. Событія революціи вырвали меня изъ семьи раньше того возраста, когда пробуждается дѣйствительный интересъ къ происхожденію семьи. Съ тѣхъ поръ семейныя бумаги были сожжены, имѣнія конфискованы и проданы. Лишенная всякихъ средствъ и находясь въ продолженіе многихъ лѣтъ своей юности въ постоянныхъ тревоженіяхъ, я сохранила очень мало воспоминаній. Сожалѣніе объ этомъ заставило меня записать то, что сохранилось въ моей памяти, и выдающіяся событія того времени, для того чтобы мои племянники нашли въ прошедшемъ какіе нибудь слѣды, которые могли бы служить имъ связью съ предками, и чтобы продолжительныя невзгоды ихъ отца и ихъ дѣда, умѣвшихъ сдерживать свои желанія, научили ихъ довольствоваться своей судьбой. Даже и моя жизнь можетъ представить имъ не одинъ полезный урокъ: они увидятъ изъ нея, съ какою благостію Господь руководилъ мною и охранялъ меня. Пусть сохраняютъ они въ своей памяти имена благодѣтельныхъ людей, оказавшихъ помощь ихъ роднымъ, и если имъ когда нибудь случится встрѣтить дѣтей ихъ или друзей, пусть они примутъ ихъ любовно и воздадутъ имъ должную благодарность!

Легко понять, что воспитаніе моего отца сильно пострадало отъ этихъ преждевременныхъ походовъ и что ребенку его возраста невозможно было при возвращеніи на зимнія квартиры успѣшно приняться за ученіе; поэтому нужно гораздо болѣе удивляться тому, что онъ зналъ, чѣмъ тому, чего не зналъ. При всемъ этомъ онъ нашелъ средство приобрести много познаній. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ раненъ саблей въ лѣвую щеку и былъ взятъ въ плѣнъ. Этотъ маленькій офицерикъ былъ обмѣненъ и скоро вернулся домой, гордясь славнымъ шрамомъ на лицѣ, весьма замѣтнымъ, такъ какъ онъ простирался полукругомъ отъ уха до самой верхней губы. Его военная карьера была вполне достойна такого начала; онъ получилъ семь ранъ и, будучи еще очень юнымъ, былъ награжденъ крестомъ св. Людовика.

Около тридцати шести лѣтъ онъ женился на дѣвицѣ де-Торрадъ, сиротѣ, жившей вдали отъ свѣта при одномъ парижскомъ монастырѣ. Ей было 26 лѣтъ; привычки у нея были скромныя; уединеніе, гдѣ она посвящала свое время на образованіе своего ума, приучило ее къ серьезному труду. Для своихъ друзей она была очаровательна, и отецъ мой нашелъ близъ нея безмятежное и прочное счастье. Сестра моего отца отказалась отъ всѣхъ предлагаемыхъ ей партій и не вышла замужъ. По смерти бабушки она поселилась отдѣльно отъ насъ и мать осталась одна съ мужемъ, раздѣляя свое время между городомъ и деревнею и предпочитая послѣднюю.

Проведши двадцать одинъ годъ въ уединеніи, она любила тишину; свѣтъ и общество не имѣли для нея никакой прелести. Разсѣянная, молчаливая, неискusstная въ свѣтскихъ развлеченияхъ, она не могла имѣть успѣха въ обществѣ. Но рѣдкія качества ея сердца и ума дѣлали ее драгоцѣнной для друзей. Ея благотворительность привязывала къ ней сердца бѣдняковъ, а ея искреннее благочестіе внушало каждому чувство глубокаго уваженія. Я не встрѣтила ни одного лица изъ знавшихъ ее, кто бы, говоря о ней, не выразилъ живѣйшаго сочувствія. Она была рано разлучена съ своей юной семьей. Мнѣ было тогда всего только семь лѣтъ. Она оставила четырехъ дѣтей: двухъ сыновей и двухъ дочерей. Съ умиленіемъ припоминаю я слезы, которыя окружавшіе проливали у ея гроба. Она была обожаема всѣми крестьянами въ Ешероль, каждый изъ нихъ оплакивалъ ее, какъ родную мать; и это было заслужено. Прощанье ея со всѣми было очень трогательно и, несмотря на мой возрастъ, произвело на меня такое впечатлѣніе, что время никогда не могло изгладить его. Она создала насъ всѣхъ вокругъ своей кровати, благословила насъ и дала намъ благочестивыя наставленія; она поручила меня братьямъ, просила ихъ оказывать покровительство и заботиться съ любовью объ Одилліи, моей старшей сестрѣ, которая была лишена разсудка и подвержена постояннымъ страданіямъ. Она запретила много тратить на свои похороны, назначила деньги, которыя пришлось бы употребить на нихъ, на увеличеніе суммы, оставленной ею для раздачи нуждающимся, и велѣла одѣть множество бѣдныхъ.

Чѣмъ болѣе я въ послѣдствіи размышляла объ этой потерѣ, тѣмъ болѣе стало мнѣ понятно все ея значеніе. На какой произволъ брошены дѣти, лишеныя матери, не знающія заботъ и предусмотрительности этого сердца, которое никогда не дремлет!

Я не знаю причины, почему мой отецъ не исполнилъ послѣдней воли матери. Меня не отдали въ монастырь, какъ она того желала. Можетъ быть, онъ искалъ утѣшенія своему горю въ присутствіи дѣтей, которыхъ она ему оставила. Сестра моего отца, взявшая на себя мое воспитаніе, вернулась жить съ нами: мы покинули Ешероль и переехали въ сосѣдній городъ Муленъ, потому что тетуська моя не любила деревни.

Марсіаль, мой старшій братъ, несмотря на то, что ему было всего только 13 лѣтъ, былъ уже кавалерійскимъ офицеромъ. Если вспомнить, что отецъ мой самъ еще раньше поступилъ на службу, то станетъ понятно его желаніе видѣть сына въ эполетахъ въ такомъ юномъ возрастѣ. Мой меньшой братъ, Шамболь, былъ отправленъ въ военную школу въ Мецъ; такъ какъ полкъ, въ которомъ служилъ старшій братъ, вскорѣ былъ переведенъ въ самый Муленъ, то онъ снова вернулся подъ отеческій кровъ, гдѣ оставалась и я съ сестрой; болѣзненное состояніе послѣдней внушало намъ большія опасенія и не давало никакой надежды на выздоровленіе ея.

Тетюшка моя скоро привязалась ко мнѣ горячо; ея чисто материнская нѣжность, казалось, росла съ каждымъ днемъ. И теперь еще я не могу подумать безъ грусти объ огорченіи, которое ей причиняла, выражая желаніе поступить въ монастырь; мнѣ была извѣстна послѣдняя воля матери, и сердце мое, оскорбленное невниманіемъ къ этой волѣ, настоятельно требовало ея исполненія. Ни подарки, расточаемые мнѣ, ни развлеченія моего возраста, ни самыя нѣжныя заботы,—ничто не могло заставить меня забыть этого. Часто, конечно слишкомъ часто, я просила ее исполнить этотъ завѣтъ моей матери. „Развѣ я тебѣ не та же мать?“ говорила она мнѣ. „Я не могу съ тобою разстаться“. Видѣ подругъ, которыхъ я навѣщала въ монастырской приѣмной, пробуждалъ во мнѣ снова желаніе поступить въ монастырь и увеличивалъ мое сожалѣніе; я завидовала ихъ образованію и ихъ успѣхамъ въ искусствахъ. Прелестныя розетки, приколотыя у нихъ на плечахъ, свидѣтельствуя о ихъ успѣхахъ, растревляли мое горе. Пренебрегая тѣмъ, что было хорошаго вокругъ меня, я непрерывно повторяла: „Отчего я не въ монастырѣ! Только тамъ я могу быть счастливой!“

Тетюшка моя, любя общество, вывозила меня съ собою, не смотря на мой дѣтскій возрастъ. Я и теперь еще съ ужасомъ вспоминаю объ этихъ длинныхъ визитахъ, во время которыхъ, сидя или стоя неподвижно и молчаливо, я для развлеченія считала стекла въ окнахъ, или цвѣты на вышитой мебели. Имѣя уже въ своемъ распоряженіи украшенія моей матери, очень нарядная для своихъ лѣтъ, предупреждаемая во всѣхъ моихъ желаніяхъ, до малѣйшихъ прихотей, и часто выдаясь съ подругами,—я все-таки не была счастлива. Озабоченная моею грустью, тетюшка спрашивала меня съ нѣжной лаской: „Что съ тобою? Чего тебѣ недостаетъ?“ А я отвѣчала одно: Мнѣ хотѣлось бы въ монастырь! Этотъ отвѣтъ надрывалъ ей сердце. Я не сомнѣваюсь теперь, что это было единственной причиною, побудившей ее составить планъ переѣзда въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы нанять квартиру при монастырѣ, гдѣ бы я могла, не разлучаясь съ ней, раздѣлять всѣ занятія пансіонерокъ. Надо знать ея любовь къ свѣту и обществу, чтобы оцѣнить по достоинству жертву, какую она хотѣла принести мнѣ. Она нарушила бы всѣ свои привычки, отрекшись отъ пріятнаго общества и всѣхъ удобствъ независимаго положенія; она готова была подчиниться изъ любви ко мнѣ монастырской жизни, со всей ея монотонностью: вотъ какъ она любила меня! Сколько разъ съ тѣхъ поръ я упрекала себя за то, что огорчала ее своими постоянными жалобами! Шамболъ въ это время вернулся изъ Меца. Мы всѣ уѣхали бы въ Парижъ, если бы не революція, быстрее успѣхи которой заставили всѣхъ французовъ думать только о ней одной.

ГЛАВА II.

Ожиданіе разбойниковъ. — Мой отецъ назначенъ начальникомъ національной гвардіи въ Муленѣ. — Отъѣздъ братьевъ за-границу. — Арестъ Ноальи. — Отецъ спасаетъ его. — Ненависть народа. — Общественная смута растетъ. — Отецъ подаетъ въ отставку.

Эта революція открылась для меня пресловутымъ днемъ разбойниковъ (*journée des brigands*). Я была такъ мала, что не могла понять значенія его, а могла лишь, если смѣю такъ выразиться, наслаждаться шумомъ и движеніемъ. Въ безпорядкѣ есть своего рода разнообразіе, которое нравится дѣтямъ. Разразился онъ неожиданно. Отовсюду появлялись одновременно вѣстовщики, сообщавшіе, что къ городу приближаются шайки разбойниковъ: они уже близко, ихъ видѣли, они идутъ, нужно вооружаться для защиты ¹⁾. Жители собираются на площади, назначаютъ офицеровъ, чтобы вести гражданъ противъ разбойниковъ, — вотъ и національная гвардія готова. Требуютъ начальника и выбираютъ моего отца. Онъ въ это время прохаживался по Корсо (главной улицѣ); его окружаютъ, провозглашаютъ полковникомъ. Онъ отказывается; но съ другой стороны стоятъ на своемъ, убѣждаютъ его, и послѣ нѣкотораго колебанія отецъ мой сдается. Тетушка моя была этимъ недовольна. Я помню, что она уговаривала отца отказаться отъ такой опасной чести; но было уже поздно. Она не могла удержаться отъ слезъ, когда увидѣла, что отца, при возвращеніи домой, сопровождаетъ огромная толпа и что у его двери поставленъ почетный караулъ. Онъ вернулся домой, но съ этой минуты не принадлежалъ уже болѣе себѣ; когда онъ сдѣлался общественнымъ дѣятелемъ, интересы дѣтей, семьи, отступили на второй планъ; все было отложено, — теперь не было и рѣчи ни о поѣздѣ въ Парижъ, ни о прежнихъ планахъ; мы остались на мѣстѣ.

Нашъ городъ Муленъ былъ въ смятеніи, какъ и всѣ другіе города Франціи, въ которыхъ, подѣ влияніемъ паническаго страха, поднимались народныя массы противъ этихъ невидимыхъ разбойниковъ, бывшихъ не болѣе какъ призракомъ, измышленнымъ для того, чтобы вооружить народъ. Тѣ, которые такимъ образомъ пустили въ ходъ эту страшную силу, скоро не были въ состояніи умѣрить ея движеніе и сами погибли подѣ ея гнѣтомъ. Революція развивалась и росла съ ужасающей быстротой. Съ самаго начала во всѣмъ ея радостямъ всегда примѣшивался ужасъ. Но могла ли она произвести что-либо иное, будучи сама порожденіемъ смуты и раздора?

Отецъ мой всецѣло преданъ своимъ новымъ обязанностямъ. Федерация отравила его въ Парижъ (на празднество годовщины взятія

¹⁾ Эта панника была до того обща, что со всѣхъ сторонъ стали стекаться многочисленные толпы крестьянъ, вооруженныхъ косами, вилами, съ тѣмъ, чтобы идти противъ разбойниковъ, и просившихъ указать, гдѣ они.

Бастилии, 14 июля 1791 г.) во главѣ депутаціи отъ новаго департамента Аллье; онъ вернулся оттуда въ отчаяніи. Онъ льстилъ себя надеждой, что въ этотъ знаменитый день присяги на Марсовомъ полѣ король станетъ во главѣ депутацій и пойдетъ на Национальное Собраніе, чтобы распустить его. „Такое поведение“, говорилъ отецъ, „спасло бы Францію и короля, не умѣвшаго воспользоваться энтузіазмомъ, который онъ еще внушалъ тогда“. Вскорѣ послѣ того начались самыя страшныя смуты; народу внушали разныя опасенія съ намѣреніемъ взбунтовать его; обвиненія противъ скупщиковъ хлѣба усиливались; распространяли тревожныя слухи о голодѣ, причиняемомъ, какъ говорили, злонамѣреніемъ враговъ народа, и этотъ народъ, всему вѣрившій, сталъ вездѣ видѣть враговъ.

Нѣкій Ноальи, богатый хлѣботорговецъ, жившій въ Друагюрѣ, былъ схваченъ и связанъ жителями мѣстечка Ляпались, возглашавшими, что онъ аристократъ, кровопійца (affameur)... Его отвели въ Муленъ, чтобы отдать на жертву черни, наученной заранѣе, что ей дѣлать, и тайно подстрекаемой на самыя страшныя буйства. Отецъ мой тотчасъ поставилъ на ноги отрядъ войска, вышелъ на встрѣчу Ноальи и, подъ предлогомъ, что беретъ его подъ личный надзоръ, посадилъ его къ себѣ въ карету; но тотъ оставался въ ней не долго: скоро лошади были отпряжены, колеса переломаны. Отецъ выскакиваетъ изъ кареты, обращается къ раздраженной толпѣ, увѣряетъ ее, что онъ вовсе не желаетъ, чтобы Ноальи отъ нихъ ушелъ, но что онъ хочетъ самъ отвезти его въ тюрьму именно для того, чтобы предать его въ руки правосудія и подвергнуть всей строгости законовъ. Ухвативъ несчастнаго за воротникъ, отецъ самъ идетъ среди этихъ изступленныхъ, едва ограждаемый окружавшимъ его конвоемъ, каждую минуту рискуя погибнуть вмѣстѣ съ несчастнымъ плѣнникомъ, котораго онъ, наконецъ, имѣлъ счастье доставить невредимымъ на мѣсто, испытавши впродолженіе длиннаго пути всѣ ужасы смерти. Онъ удвоилъ тюремную стражу, а толпа, въ надеждѣ, что въ другой разъ эта жертва не уйдетъ отъ нея, разошлась. Дѣло это потомъ затянулось; время дало умамъ успокоиться и забыть этого несчастнаго Ноальи, который былъ тайно выпущенъ и ночью скрылся. Впослѣдствіи было опубликовано, что не было никакого основанія къ судебному преслѣдованію, такъ какъ все, въ чемъ его обвиняли, было вымышлено. Но народъ не простилъ моему отцу того, что былъ имъ обманутъ, и съ этихъ поръ расположеніе, которымъ отецъ прежде пользовался, перешло въ непримиримую ненависть; не будучи въ состояніи противиться народу, ни быть полезнымъ, онъ подалъ въ отставку. Мой дѣтскій возрастъ помѣшалъ мнѣ запомнить подробности политическаго переворота этой эпохи, которыя были выше моего пониманія; но я отлично помню, что твердость моего отца надѣлала ему много сильныхъ враговъ. Его усилія поддержать миръ и бороться противъ безурядицы, порождаемой анархическими идеями, которыя

были распространяемы среди народа,—эти-то усилія и навлекли на него грозу. Какъ скоро онъ былъ лишень должности, ничто не могло болѣе предохранять его отъ насилія; все, что только клевета въ состояніи изобрѣсти нелѣпаго, все было пущено въ ходъ противъ него; онъ сталъ жертвой того добра, которое осмѣлился сдѣлать, и самая черная неблагодарность была ему за то наградою.

Немало уже было говорено объ эмиграціи, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи, поэтому я ограничусь лишь однимъ краткимъ замѣчаніемъ.

Теперь, когда много лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ этой эпохи броженія, когда страсти, двигавшія тогда людьми, исчезли вмѣстѣ съ ними, когда извѣстно, что успѣхъ не увѣнчалъ усилій эмигрантовъ и не вознаградилъ ихъ за принесенныя ими жертвы, справедливо ли осуждать съ такой строгостью одушевленіе, съ которымъ многіе изъ французовъ устремились по слѣдамъ нашихъ принцевъ? Все, что было доблестнаго и вѣрнаго королю, считало это исполненіемъ своего долга. Это движеніе было непосредственно и внезапно. Старые воины, мирные люди, отцы семействъ, отозвались на этотъ великодушный призывъ и не колеблясь покидали радости семейнаго очага, мѣняя ихъ на трудную и полную превратностей жизнь рядоваго солдата. Иныя страсти занимаютъ настоящее поколѣніе и оно не хочетъ понять чувствъ другой эпохи. А слѣдующія за ними поколѣнія отнесутся такимъ же образомъ къ намъ.

Трудно было устоять противъ господствующаго настроенія, а это настроеніе опиралось на чувство чести и—сказать ли прямо—скоро превратилось въ принудительную моду и стало властвовать надъ умами съ полной нетерпимостью; надо было эмигрировать, или потерять уваженіе въ глазахъ общества. Я отлично помню возбуденіе въ средѣ знакомыхъ намъ семействъ, тайныя собранія и переговоры, посѣщенность, съ какой сообщались извѣстія изъ-за Рейна. „Когда вы уѣзжаете?“ спрашивали другъ друга. „Вы пріѣдете слишкомъ поздно, спѣшите. Они вернутся безъ васъ. Вѣдь это такъ не надолго!“ Словно какая-то горячка чести заставляла кровь кипѣть въ жилахъ. Тѣ, которые противились, униженные въ глазахъ дворянства, были, такъ сказать, отвержены изъ его среды. Другіе, которые еще колебались, преслѣдуемые насмѣшками и страхомъ быть смѣшными и полагая, что найдутъ покой только въ Кобленцѣ, спѣшили туда ради этого. Женщины, слишкомъ часто склонныя усвоивать себѣ крайности той партіи, къ которой пристають, безжалостно подзадоривали людей съ нерѣшительнымъ характеромъ. Послѣдніе отовсюду получали ночные колпаки, куклы, веретена; эти таинственныя послылки сопровождались анонимными письмами, исполненными самой язвительной ироніи. Наконецъ все, что только можетъ вызвать энергію и снова пробудить у мужчинъ разныхъ возрастовъ любовь къ славѣ,—все было искусно пущено въ ходъ для того, чтобы ихъ подвинуть

изъ Франціи, а таинственность, необходимая въ этомъ дѣлѣ, придавала еще болѣе прелести этому рыцарскому предпріятію. Офицеры полка Руаяль, и Гюэнь эмигрировали; мой старшій братъ послѣдовалъ за ними, и меньшей отправился вскорѣ послѣ нихъ съ однимъ изъ моихъ родственниковъ.

Отъѣздъ моихъ братьевъ скоро сдѣлался извѣстенъ и это было вѣнено въ вину моему отцу. Тетушка моя, видя до какой степени противъ него были озлоблены, настоятельно убѣждала его удалиться изъ Мулена; она предвидѣла, что ненависть, какую питали къ нему, приведетъ рано или поздно къ насильственнымъ мѣрамъ, которыхъ онъ сдѣлается жертвой. Но она не могла его убѣдить. Можетъ быть, онъ не успѣлъ собраться, или же, презирая нелѣпныя клеветы, онъ не считалъ ихъ опасными для себя.

Уже за послѣднее время его службы, въ городѣ ходили самыя смѣшныя обвиненія противъ него; невозможно было бы повѣрить, что онъ могли производить на кого нибудь впечатлѣніе, если бы не извѣстно было, что толпа невѣжественнѣе и легковѣрнѣе самихъ дѣтей.

Такъ, напримѣръ, рассказывали, будто по приказанію моего отца была подведена мина подъ соборомъ, чтобы его взорвать во время полуденной службы. Мы всѣ отправились туда для опроверженія этой клеветы. Другую мину, какъ говорили, предполагалось взорвать на улицѣ Берси во время народнаго празднества, устроеннаго по случаю не знаю какого важнаго событія; пушки, спрятанныя тутъ же по близости за густыми аллеями сада, принадлежавшаго г. де-Гомену, должны были въ то же время, какъ произойдетъ взрывъ, стрѣлять въ растерянную толпу и довершить ея гибель; наконецъ, домъ моего отца былъ наполненъ ящиками съ оружіемъ и желѣзными ящиками, чтобы зацѣплять и вѣшать патріотовъ на деревьяхъ городского сада.

Невозможно, конечно, придумать ничего безсмысленнѣе этихъ слуховъ. Не знаю, кто бралъ на себя трудъ ихъ сочинять; знаю только одно, что это жестокое дитя, называемое народомъ, входило во вкусъ этихъ нелѣпныхъ басенъ, само запугивало себя ими и хотѣло во что бы то ни стало мстить. Мало-по-малу эти глупыя выдумки, переходя изъ устъ въ уста, приобрѣтали отъ этого самаго все болѣе силы и убѣдительности. Довѣріе, которымъ такъ долго пользовался мой отецъ, было подорвано, и народъ, который никогда не размышляетъ ни о чемъ, но живо ощущаетъ радость и злобу, съ жадностью бросился на эти небылицы, не задавая себѣ вопроса, правдоподобны ли онѣ. Такимъ образомъ, отецъ мой незамѣтно сдѣлался предметомъ ненависти народа и причиной его страховъ.

Въ это время общаго броженія я въ первый разъ приобщалась въ страстной четвергъ 1792 года, въ церкви Сестеръ Креста. Я была еще слишкомъ молода для этого, но аббатъ Риццъ, мой духовникъ, бывшій также духовникомъ моей матери, уговорилъ мою тетку не от-

кладывать этого долбе. „Ей всего 11 лѣтъ“, сказалъ онъ, „и вамъ кажется, что она недостаточно зрѣла для того, чтобы быть допущенной къ св. причастію; но будемъ надѣяться, что обученіе, которое ей дано, дастаточно для настоящей минуты; несчастье дополнить остальное. Приближаются тяжелые дни; ей нужно приобщиться святыхъ таинъ, это дастъ людямъ силу; скоро, можетъ быть, я уже не буду въ состояніи призывать къ алтарю для вкушенія отъ тѣла Христова; скоро пастырѣ и овцы его будутъ разсѣяны, храмы осквернены, или пусты; великія бѣдствія разразятся надъ нами!“ И въ самомъ дѣлѣ, уже много церквей, въ которыхъ служили священники, не принявшіе присяги, было закрыто. Въ нѣкоторыхъ церквахъ они еще продолжали тайно служить обѣдню на разсвѣтѣ. Г. де-Латуръ, нашъ епископъ, отказавшійся дать присягу, уѣхалъ въ Римъ. Его мѣсто занялъ какой-то самозванецъ; этотъ новый епископъ во время служенія при алтарѣ надѣвалъ вмѣсто митры красную шапку. Множество духовныхъ обратились въ бѣгство; всѣ эти обстоятельства слишкомъ очевидно подкрѣпляли совѣтъ аббата Рипу; отецъ и тетушка согласились исполнить его желаніе. Я приобщалась рано утромъ на зарѣ и совершенно одна. Многія изъ моихъ подругъ, которыя должны были вмѣстѣ со мною приобщаться, были принуждены принять такія же предосторожности, боясь навлечь на свои семьи недоброжелательство. Очень скоро послѣ этого всѣ церкви были закрыты, исключая тѣхъ, въ которыхъ служили священники, принявшіе присягу.

Около этого времени разныя обстоятельства, случайно совпавшія, увеличили подозрѣнія противъ моего отца, или, выражаясь точнѣе, были употреблены его врагами на то, чтобы выставить его виновнымъ. Нѣкій Г..., потерявшій большое состояніе въ неудачныхъ спекуляціяхъ, придумалъ новую несчастную аферу: выписать изъ Нормандіи лошадей, съ тѣмъ чтобы перепродавать ихъ съ барышомъ. Отецъ мой, еще будучи командиромъ національной гвардіи, предложилъ образовать эскадронъ изъ зажиточныхъ гражданъ города для содѣйствія общественному спокойствію, какъ средство сдержать разрушителей порядка. Много лицъ изъ лучшихъ семействъ записались было въ этотъ эскадронъ, который никогда не былъ сформированъ на дѣлѣ. Но проектъ этотъ сдѣлался извѣстенъ и имъ воспользовались противъ отца, когда въ послѣдствіи арестовали человѣка, который везъ деньги его сыновьямъ. Человѣка этого звали Робенъ; онъ долго былъ у насъ въ услуженіи. Его схватили и привели назадъ въ Муленъ. Я до сихъ поръ не знаю, былъ-ли тутъ съ его стороны умыселъ и онъ дѣйствовалъ по недоброжелательному наущенію, или же онъ только случайно попалъ въ бѣду. Всѣ эти отдѣльные факты были сопоставлены для улики противъ отца. Лошади Г... были приготовлены, какъ говорили, для этого новаго эскадрона аристократовъ, тайною цѣлью которыхъ было уничтоженіе свободы. А Робенъ, отправленный въ армію герцога Конде, везъ будто-бы туда проектъ контръ-ре-

волюции, и проч. Отцу было трудно устоять противъ столькихъ обвиненій. Въ началѣ Іюня 1792 года былъ изданъ приказъ арестовать его, но еще по какому-то остатку уваженія, которое впрочемъ не долго сохранялось, его пощадили и не отвели въ тюрьму, а объявили, чтобъ онъ самъ туда отправился. Онъ получилъ этотъ приказъ съ сдержанною яростью. „Меня въ тюрьму“? повторилъ онъ, прохаживаясь большими шагами, „меня, покрытаго славными ранами! Меня, который никогда не сидѣлъ подъ арестомъ! Въ тюрьму!“ Тюрьма тогда еще не была облагорожена и освящена, какъ впоследствии; тогда лишь начинались тяжкія испытанія, которыя должны были нравственно обновить Францію; безчестье, связанное съ этой мрачной обителью, въ то время еще внушало отвращеніе.

ГЛАВА III.

Отецъ мой въ тюрьмѣ.—Онъ помѣщенъ въ секретномъ отдѣленіи.—Допросъ.—Его жизнь въ опасности.—Преслѣдованіе.—Арестованный крестьянинъ.—Обнаружена невиновность одного осужденнаго.—Благородное поведеніе Конвинде-ля-Фе, предсѣдателя суда.—Отецъ мой ему обязанъ свободой и жизнью.

Отецъ обнялъ насъ и отправился въ тюрьму одинъ; это было вечеромъ. Слуга его, который не могъ бы прислуживать ему, оставаясь на свободѣ, добровольно подвергся заключенію. Этотъ честный человѣкъ и вѣрный слуга назывался Брюньонъ. Огорченіе моей тетки было тѣмъ сильнѣе, что она понимала всю опасность, угрожавшую отцу. Впродолженіе пяти дней его продержали въ одиночномъ заключеніи и въ это время онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ; намъ было отказано въ разрѣшеніи пригласить къ нему доктора, или оказать помощь, необходимую въ его положеніи. Въ этой же тюрьмѣ содержались Робенъ и Форъ, привлеченные по тому же дѣлу. Форъ прежде служилъ въ полку Руаяль-Гюенъ, куда вступилъ простымъ солдатомъ, и достигъ высшаго изъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ. Покинувши службу, онъ воспользовался полученнымъ имъ порядочнымъ образованіемъ, чтобы сдѣлаться школьнымъ учителемъ. Я не знаю вовсе, какимъ образомъ онъ былъ скомпрометированъ по обвиненію, возведенному на моего отца.

Едва разнеслось извѣстіе о заключеніи моего отца въ тюрьму, какъ все общество бросилось къ тетускѣ, чтобы выразить ей свое участіе по случаю столь печальнаго событія. Въ особенности женщины, у которыхъ состраданіе сильнѣе обнаруживается и которыя менѣе мужчинъ способны склоняться предъ слѣпымъ страхомъ,—женщины всѣми способами заявляли о своемъ сочувствіи. Тетуска моя, конечно сильно тронутая этими доказательствами расположенія, пользовалась ими, чтобы увеличить число сторонниковъ своего брата и

принять дѣятельныя мѣры для противодѣйствія его врагамъ. Враги эти были многочисленны. Живостью и пылкостью своего права отецъ нажилъ себѣ много недоброжелателей. Они желали погубить его и всѣми средствами добивались этой цѣли. Нужно было много благо-разумія, чтобы предупредить или отвратить ихъ козни.

Послѣ нѣсколькихъ дней одиночнаго заключенія, отцу было объявлено, что онъ будетъ отведенъ для допроса въ церковь францисканцевъ и что пойдетъ туда въ цѣпяхъ, между Форомъ и Робеномъ. Церковь эта была очень далеко отъ тюрьмы; нужно было пройти значительную часть города, чтобы добраться до нея. Тетуха моя въ совершенномъ отчаяннѣи объясняла, что братъ ея, постигнутый серьезною болѣзнію, втеченіе пяти дней не вставалъ съ постели, что онъ, вѣроятно, не въ состояннѣи даже держаться на ногахъ, а тѣмъ менѣе пройти пѣшкомъ такой длинный путь. Послѣ многихъ просьбъ она добилась наконецъ, что было разрѣшено его нести вслѣдъ за его товарищами въ бѣдѣ. Отецъ мой тутъ всталъ въ первый разъ со дня заключенія его въ тюрьму; онъ до тѣхъ поръ не принималъ никакой пищи; отъ слабости онъ не могъ сдѣлать шага, ни держаться на ногахъ, и принужденъ былъ сѣсть. Тюремщикъ далъ ему теплаго вина, потомъ кое-какъ дотащилъ его до носилокъ, на которыхъ должны были доставить его къ францисканцамъ; не будучи въ состояннѣи одѣться, онъ отправился въ халатѣ. Видъ человѣка совсѣмъ больного не тронулъ однако никого изъ этой изстуженной толпы, которая, увидя моего отца, разразилась самыми ужасными ругательствами; гнѣвъ придалъ отцу силу, когда онъ услышалъ крики этого народа, такъ ожесточенно жаждавшаго его гибели. „Долой съ носилокъ! Пусть идетъ пѣшкомъ!“ Отецъ предупредилъ насиліе—онъ самъ всталъ и пошелъ. Шествіе было очень бурное. Когда достигли, наконецъ, францисканскаго монастыря, — церковь, которая служила залой для правосудія того времени, была наполнена бѣшеною толпой, требовавшей своей жертвы.

Женщины, новая порода тигровъ, хотѣли ухнуть его кровью, и нѣсколько разъ втеченіе допроса стража должна была въ нихъ прицѣпляться, чтобы сдержать ихъ. Допросъ былъ публичный; къ великому счастью, болѣванъ почти лишила отца голоса; его рѣзкіе и исполненные горечи отвѣты, подсказываемые гнѣвомъ, могли-бы погубить его, если бы присутствовавшіе ихъ разслушали. Но отецъ говорилъ очень тихо, а шумъ былъ ужасный вокругъ него. Секретарь, какъ мы узнали позднѣе, записывая его отвѣты, придавалъ имъ болѣе благоприятный оборотъ. Нѣкоторые изъ судей были за моего отца, другіе были противъ него, или давали поводъ сомнѣваться, посмѣются ли они вступить за невиннаго.

Во время этого ужаснаго допроса насъ окружали многіе изъ знакомыхъ тетухки и намъ часто доставляли изъ суда извѣстія то успокоительныя, то снова тревожныя. Носильщики, которые долж-

ны были доставить отца въ судъ, рассказывая о пережитомъ ими страхѣ, сообщили его и намъ; представляя себѣ живо ярость этой безумной толпы, мы едва осмѣливались надѣяться снова увидѣть дорогое намъ лицо, бывшее предметомъ всѣхъ нашихъ заботъ. Одинъ изъ нашихъ родственниковъ, присутствовавшій при этой дикой сценѣ, замѣшанный въ толпѣ, вернулся, наконецъ, сообщить намъ, что отецъ мой, подвергавшійся самой крайней опасности, только что возвратился въ тюрьму. Всѣ наши желанія въ эту минуту сводились къ тому, чтобъ онъ былъ возвращенъ въ темницу. Какъ только тетушка моя получила разрѣшеніе повидаться съ нимъ послѣ допроса, мы тотчасъ отправились къ нему. Мы нашли его сидящимъ у камина въ сильномъ ознобѣ, происшедшемъ скорѣе отъ гнѣва, чѣмъ отъ лихорадки, и совершенно подавленнымъ терзавшими его ощущеніями. Невозможно описать этого перваго свиданія; радость при видѣ насъ пролила нѣкоторое утѣшеніе въ его душу. Онъ былъ намъ возвращенъ! Но среди этого невыразимаго счастья, мы все чувствовали надъ собою остріе меча, который могъ еще поразить насъ каждую минуту, и гибель отца была можетъ быть лишь отсрочена!..

Мы застали у него аббата Папона; желая успокоить раздраженнаго отца, онъ усердно обращалъ его вниманіе на утѣшенія, которыя даетъ религія. Этотъ благочестивый священникъ былъ самъ узникомъ, приговореннымъ на годъ заключенія за то, что принималъ и распространялъ въ публикѣ папское посланіе. Впослѣдствіи онъ заплатился за это жизнью. Такъ какъ оппозиціонные ¹⁾ священники были посажены въ тюрьму раньше, чѣмъ истекъ срокъ его заключенія, то онъ попалъ въ число этого опаснаго класса и умеръ въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ водворилось болѣе умѣренное правительство.

Я не должна забыть здѣсь отдать справедливость добродѣтели тюремнаго смотрителя, который назывался Брюссель. Его доброта и гуманность никогда не измѣняли ему; онъ облегчалъ, насколько могъ, участь довѣренныхъ ему узниковъ: всѣ они находили въ немъ сострадательное сердце, вѣрнаго и преданнаго друга. Имя такого тюремщика должно перейти къ потомству. Глаза его наполнились слезами, когда онъ ввелъ насъ къ отцу, у котораго была просторная и чистая комната. Окно съ желѣзной рѣшеткой выходило на открытое поле. Но для того, чтобы достигнуть до этой комнаты, нужно было долго идти узкими и темными корридорами, въ которыхъ воздухъ былъ зараженъ зловоніемъ отъ госпиталя, переполненнаго больными.

Въ эти первые дни намъ предоставили свободу видѣть нашего дорогаго узника во всякое время и даже обѣдать съ нимъ. Онъ предложилъ свой обѣдъ аббату Папону, который помѣщался въ малень-

¹⁾ т. е. не согласившіеся дать присягу въ вѣрности новому церковному уложенію, установленному Национальнымъ Собраніемъ безъ согласія папы.

комъ уголкѣ, отгороженномъ въ этой же комнатѣ. Форъ также приходилъ раздѣлять ихъ трапезу. Всѣ наши знакомые приходили навѣщать отца; страхъ не успѣлъ еще парализовать добрыхъ чувства и каждый стѣнилъ выказать отцу живѣйшее участіе. Если бы стѣны этой комнаты постоянно не напоминали блуждавшимъ по нимъ взорамъ, что это тюрьма, то можно было бы подумать, что находишься въ блестящемъ салонѣ. Дамы города Мулена находили своего рода славу въ публичномъ заявленіи своего уваженія къ жертвѣ несправедливости.

Однако отецъ мой не могъ выносить своей судьбы; онъ съ горечью раздумывалъ о неблагодарности народа и о звѣрскихъ замыслахъ, въ которыхъ его обвиняли; онъ рѣзко выражалъ свое раздраженіе и заставлялъ насъ трепетать отъ страха каждый разъ, какъ муниципальные чиновники приходили спрашивать его, хорошо ли ему и не имѣеть ли онъ какихъ либо жалобъ. „Я жалуясь лишь на то, что я здѣсь!“ отвѣчалъ онъ разгнѣваннымъ голосомъ. Всякій день тотъ же самый вопросъ вызывалъ такой же отвѣтъ и причинялъ намъ тѣ же опасенія. Отецъ мой, прохаживаясь большими шагами по комнатѣ, не удостоивалъ даже взгляда муниципаловъ, которые всякій разъ уходили болѣе прежняго недовольные.

Доказательства участія, такъ гласно заявляемаго отцу, не замедлили внушить недовольство, и скоро не только посѣщенія постороннихъ были запрещены, но самый доступъ въ тюрьму былъ разрѣшенъ только по одному лицу на каждый день. Я отправлялась туда обыкновенно въ 7 часовъ утра. Часовые, которые часто смѣнялись, болѣею частію забывали, что я вошла. Было ли то по недостатку памяти, или по ихъ доброму расположенію, но тетюшка моя, являвшаяся около 12 часовъ, всегда допускалась ими безъ затрудненія. Мы обѣдали вмѣстѣ и уходили изъ тюрьмы очень поздно. Не могу выразить грустнаго чувства, какое я испытывала при возвращеніи въ нашъ одинокій и запустѣлый домъ, гдѣ не было слышно другаго звука, кромѣ криковъ и жалобъ моей сестры. Одишлія не могла принимать участія въ нашемъ положеніи, каково бы оно ни было; ея собственное состояніе не могло измѣниться; ей жизнь давала о себѣ знать лишь одними страданіями и отсутствіе разсудка лишало ее сознанія какъ ея собственнаго, такъ и нашего несчастія.

Старый слуга, по имени Саапа, оставилъ насъ тотчасъ послѣ ареста моего отца. Зараженный новыми идеями, онъ смотрѣлъ на насъ какъ на чудовищъ и, чтобъ избѣжать заразы аристократизма, онъ покинулъ нашъ домъ и даже пересталъ кланяться намъ при встрѣчѣ. Пресловутая свобода того времени для многихъ состояла только въ томъ, что давала право быть неблагодарнымъ или жестокимъ. Исторія этого Саапа, называвшагося также Петромъ, довольно странная. Онъ былъ сынъ Венеціанскаго дворянина, который, вслѣдствіе неравнаго брака, заключеннаго противъ желанія родителей, былъ принуж-

день искать убѣжища во Франціи, гдѣ онъ и поселился въ провинціи Ниверне. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ надеждѣ на примиреніе съ родственниками, онъ отправился въ родину, оставивши двухъ сыновей своихъ людямъ, которыхъ онъ считалъ вполне достойными довѣрія, и вручилъ имъ при этомъ довольно значительную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы дать дѣтямъ образованіе, соотвѣтствующее ихъ званію. Но эти лица употребили во зло ввѣренный имъ залогъ: они присвоили себѣ деньги, а мальчиковъ заставили пасти поросать. Умерли ли родители, или же бракъ ихъ былъ расторгнутъ, только дѣти болѣе не слышали о нихъ и остались въ положеніи слугъ. Оба они поступили въ солдаты. Петръ совершилъ свой первый походъ подъ начальствомъ моего дѣда. Бабка моя, узнавши исторію Петра, разсмотрѣла и другимъ дала на просмотръ его бумаги и предложила ему похлопотать о возстановленіи его правъ. А такъ какъ она была знатномъ въ такихъ дѣлахъ, то можно предположить, что его притязанія были основательны. Но холопство принизило духъ этихъ двухъ братьевъ; и тотъ и другой предпочли жить и умереть слугами, чѣмъ заводить процессъ, который только нарушилъ бы ихъ покой и исходъ котораго имъ, можетъ быть, казался сомнительнымъ. Неблагодарный Саала умеръ въ госпиталѣ. Этотъ человѣкъ находился въ нашемъ домѣ около 50 лѣтъ; всѣ мы къ нему относились со вниманіемъ, на которое имѣетъ право старый слуга, сдѣлавшійся почти членомъ семьи; къ тому же его дворянское происхожденіе мѣшало смотрѣть на него, какъ на обыкновеннаго слугу. Его неблагодарность крайне огорчила насъ.

Я испытала въ это время сильное горе—отдаленіе лучшей моей подруги; не то, чтобы я обвиняла ее въ охлажденіи ко мнѣ, но я была оскорблена поведеніемъ ея родителей, которые изъ страха скомпрометировать себя запретили ей видѣться со мной: дверь ея осталась для меня закрытой. До какой степени я чувствовала себя оскорбленной! Это была первая рана, нанесенная моему сердцу. Отецъ моей подруги, часто посѣщавшій мою тетушку въ счастливые дни ея жизни, употреблялъ всѣ старанія, чтобы избѣгать ея, какъ только на насъ обрушилась бѣда. Его дочь Юлія должна была послѣдовать его примѣру. Новое подтвержденіе истины, извѣстной всѣмъ людямъ, но всегда новой, потому что всѣ объ ней забываютъ: въ несчастіи бываетъ мало друзей.

Имѣлось въ виду перевести моего отца въ Орлеанъ¹⁾, гдѣ уже было собрано множество заключенныхъ, занимавшихъ прежде видное

¹⁾ Национальное Собраніе учредило особый верховный судъ по политическимъ преступленіямъ—Haute Cour Nationale, который долженъ былъ засѣдать въ Орлеанѣ, и потому самія важныя лица, преданныя суду по политическимъ дѣламъ, какъ напр., министръ Делессаръ, д'Абанкуръ, герц. Вриссакъ и др. были отправлены туда.

Прим. пер.

положеніе, которые позднѣе были переведены въ Версаль и перерѣзаны тамъ въ королевской оранжереѣ. Тетусва моя, предчувствуя ихъ судьбу, употребила въ дѣло все, для того чтобы отца судили въ Муленѣ, надѣясь, что участіе, которое сохраняли еще къ нему нѣкоторые изъ судей и изъ жителей города, послужитъ въ его пользу. Насколько я могу припомнить, взгляды моей тетуски были большою частію вѣрны, а ея предусмотрительность замѣчательна; она рѣдко ошибалась въ своихъ сужденіяхъ о тогдашнихъ событіяхъ. У этой свѣтской женщины, остроумной и извѣстной своимъ тонкими и колкими шутками, въ это время развился замѣчательный характеръ и, отбросивъ суетныя достоинства, которыми такъ дорожить свѣтъ, она предстала предъ всѣми въ своемъ истинномъ душевномъ величіи. Мы были уже многимъ ей обязаны. Ея преданность семьѣ была безгранична, какъ и ея великодушіе. Впослѣдствіи мы жили исключительно на счетъ ея благодѣяній; мы пользовались не только ея доходами, но и деньгами, вырученными ею за одно имѣніе, которое она не колеблясь продала, чтобы поддерживать насъ.

Для того чтобы сдѣлать время, проводимое въ тюрьмѣ, менѣе скучнымъ и длиннымъ и съ пользою употребить его, Форъ давалъ имъ уроки географіи, математики и физики. Желая ввести разнообразіе въ монотонныя занятія, наполнявшія мои часы въ этомъ печальномъ мѣстѣ, онъ досталъ электрическую машинку, чтобы производить для меня различныя опыты. Эти невинныя забавы возбудили подозрѣніе, или, лучше сказать, они послужили страннымъ средствомъ преслѣдованія, которымъ не замедлили воспользоваться, и скоро онъ былъ запрещенъ. Жара стояла ужасная; впродолженіе 8 дней подъ рѣдъ были сильныя грозы; нѣсколько разъ молнія падала въ самомъ городѣ; нѣкій Г..., доносившій на моего отца, былъ убитъ молніей въ то время, какъ скакалъ верхомъ по большой дорогѣ; онъ былъ ревностный патриотъ. Его похоронили съ большими почестями, особенно потому, что онъ былъ врагомъ отца. Но откуда же столько несчастныхъ случаевъ? Кто навлекалъ столько бѣдъ на городъ и на гражданъ?—Все мой отецъ, который, производя физическіе опыты, не имѣлъ другой цѣли, какъ направить молнію на Муленъ и навлечь бѣду на его жителей. Такая басня была во вкусѣ народа; въ ней было что-то чудесное и для него непостижимое. Съ этихъ поръ въ народѣ установилось убѣжденіе, что ему грозитъ опасность; никто не думалъ о томъ, что отецъ мой, жившій въ башнѣ, въ самой возвышенной части города, болѣе всѣхъ подвергался опасности отъ грозъ; но за этотъ слухъ всѣ ухватились съ жаромъ, такъ какъ онъ подавалъ поводъ къ новому притѣсненію. Электрическую машину у насъ отняли. Всякаго рода опыты и занятія были строжайше запрещены. Нищіе, сидѣвшіе подъ окномъ тюрьмы, обвиняли отца въ томъ, будто онъ бросалъ имъ деньги сквозь рѣшетку, чтобы склонить ихъ исполнять его тайныя порученія. Приходилось отказываться

и отъ подавнiя милостыни бѣднымъ, и со страхомъ подходитъ къ окну, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Кто не знаетъ теперь, что такое пребыванiе въ тюрьмѣ и какъ въ ней длится каждая минута? Болѣе стѣсненный, чѣмъ когда либо, отецъ мой съ грустью считалъ каждый часъ, когда одно непредвидѣнное событiе принесло съ собой необычайную радость, свѣтлую, безкорыстную, и я не могу отказаться отъ удовольствiя озарить отраднымъ лучемъ эти печальныя страницы.

Не припомню хорошенъко, въ какомъ именно селѣ нашего департамента найденъ былъ среди ночи крестьянинъ возлѣ приходскаго священника, который оказался смертельно раненымъ. Священникъ успѣлъ только протянуть къ нему свою слабѣющую руку и умеръ, произнося его имя. Въ этомъ единственномъ словѣ заключался смертный приговоръ. Этотъ человѣкъ держалъ еще въ рукахъ окровавленный ножъ, платье его было все въ крови; дѣло было ночью, священникъ самъ его назвалъ; сколько уликъ соединилось противъ него! Его арестуютъ тотчасъ, дѣлаютъ допросъ: онъ говоритъ, что пришелъ на помощь своему пастырю, что онъ боролся съ убийцей, и утверждалъ, что онъ невиненъ.

Всякій, кто зналъ этого человѣка, сожалѣлъ о немъ и вѣрилъ его невинности. До этого онъ всѣмъ былъ извѣстенъ своею честною жизнью. Но всѣ обстоятельства обвиняли его; напрасно упорствовали онъ, отрицая справедливость обвиненiя. Чрезвычайно расположенный въ пользу подсудимаго всѣми заявленiями о его добронравности, судъ не рѣшился приговорить его къ смерти, но не посмѣлъ и оправдать его. Не даромъ правосудiе изображается съ завязанными глазами. Онъ былъ приговоренъ къ 20 лѣтнему заключенiю въ кандалахъ. Двадцать лѣтъ! Этотъ несчастный предпочелъ бы смерть; онъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства, и теперь поворъ сдѣлался не только его собственнымъ удѣломъ, но и наслѣдiемъ, которое онъ оставлялъ своимъ дѣтямъ. Онъ томился въ тяжелыхъ страданiяхъ и отчаянiи, пораженный жестокою болѣзнию, которая до сихъ поръ предохраняла его отъ тюрьмы, гдѣ онъ долженъ былъ медленно умирать втеченiе 20 лѣтъ. Онъ изнемогъ бы подъ бременемъ столькихъ страданiй безъ попеченiй и человѣколюбiя тюремщика, безъ духовнаго утѣшенiя аббата Папона, и безъ хорошей, укрѣпляющей пищи, которую онъ получалъ со стола моего отца. Но вдругъ насталъ день, котораго я никогда въ жизни не забуду: ему была возвращена честь и семья, онъ будетъ жить, онъ можетъ жить, его невинность признана! Такое громадное счастье, столь неожиданное, было чуть не выше его силъ. Римскiй судъ незадолго передъ этимъ приговорилъ къ смерти одного преступника, уличеннаго во многихъ злодѣянiяхъ. Передъ самой казнию онъ объявилъ, что прежде чѣмъ умереть, хочетъ осчастливить одного человѣка; что въ тюрьмахъ Мулена находится одинъ невинный, осужденный вмѣсто него, и который дѣй-

ствительно приобъжалъ, чтобъ защитить своего священника въ ту минуту, какъ онъ его убилъ. Какими словами передать блаженное чувство, охватившее наши сердца? Только сердцемъ и возможно это понять. Честный человѣкъ этотъ, который едва былъ въ состояннн пережить потрясеніе отъ такого неожиданнаго счастья, вскорѣ выздоровѣлъ и вернулся домой, щедро надѣленный дарами и благословеніями всѣхъ.

Въ тюрьмѣ еще сидѣло много крестьянъ, приговоренныхъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ ареста за оскорбленіе сельскаго старосты и за то, что они выбросили изъ церкви его скамью. „Вишь ты“, говорилъ молодой и красивый крестьянинъ, „они сожгли скамью нашего добраго господина, а сами хотятъ имѣть свои скамьи. А я не хотѣлъ, чтобъ старостиха (maïresse) чванилась въ церкви, какъ барыня; мо- жетъ и постоять, какъ и мы!“

Не помню теперь, въ какомъ именно сосѣднемъ городѣ одинъ крестьянинъ былъ приговоренъ за подобнаго же рода проступокъ про- стоять нѣсколько часовъ у поворнаго столба. Бѣдняга былъ въ отчаяннн, что будетъ выставленъ предъ всѣмъ населеніемъ, какъ негодный преступникъ. Среди молодежи нашлись молодцы, которые, узнавъ о его горѣ, приняли въ немъ участіе. Едва крестьянинъ по- казался у позорнаго столба, какъ послушные часы пробили 12,—часъ, когда должно было кончиться его наказаніе. Тогдашнн судебныя власти закрыли глаза на эту невинную продѣлку и крестьянинъ былъ уведенъ.

День, назначенный для суда надъ моимъ отцомъ, приближался, а вмѣстѣ съ нимъ и самыя мучительныя опасенн; мы сомнѣвались въ справедливости этого суда. Всѣ извѣстнн, которыя тогда получались, были весьма тревожныя; смятеніе умовъ было всеобщее. Франція, надъ которой висѣли грозовыя тучи, таила въ своихъ нѣдрахъ людей, полныхъ преступныхъ замысловъ, нетерпѣливо ожидавшихъ случая ихъ осуществить. Всѣ жили точно на волганѣ. Мы проводили тре- вожныя дни и безсонныя ночи. Въ числѣ судей было нѣсколько вра- говъ отца, и услужливые люди, которые всегда находятся въ такихъ случаяхъ, дали ему знать, что нѣсколько голосовъ будетъ за смерт- ную казнь. Такимъ образомъ прошелъ второй мѣсяць его заключеннн.

Это было въ первыхъ числахъ августа; мы сидѣли у отца въ тем- ницѣ, утомленные тяжелыми думами, и глядѣли, какъ заходило солнце, или скорѣе, какъ угасалъ свѣтъ. Было уже довольно поздно и темно, когда къ намъ вошелъ тюремщикъ съ бумагою въ рукахъ. Онъ ша- тался, плакалъ и, не будучи въ состоянн ни говорить, ни держаться на ногахъ, присѣлъ. Неужели онъ принесъ смертнн приговоръ? „Что случилось, г. Брюссель? Что это за бумага?“ спросилъ отецъ.—Вы свободны, сударь, проговорилъ наконецъ этотъ добрякъ, возвышая голосъ и едва находя слова отъ радостныхъ слезъ; — вы свобод- ны! — Отецъ мой сжалъ его въ своихъ объятняхъ. Его первымъ

словомъ, послѣ благодарности Богу, было выраженіе признательности смотрителю тюрьмы за его добрыя попеченія. Потомъ, простившись со своими товарищами, отецъ оставилъ тюрьму и вернулся домой.

Какое сладкое и вмѣстѣ грустное воспоминаніе сохранилось у меня объ этомъ возвратѣ подъ родной кровью, во мракѣ ночи и чуть не украдкой! На другой день, какъ только разнеслась вѣсть объ освобожденіи отца, всѣ явились къ нему съ поздравленіями.

Мы были обязаны этимъ торжествомъ г. Конни де-ля-Фе, председателю суда; это былъ человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ, всѣми признанной честности, во всѣхъ отношеніяхъ достойный занимаемой имъ должности и пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Этотъ непокупный судья безъ страха возвысилъ свой краснорѣчивый голосъ въ пользу невинной жертвы, уже обреченной на закланіе.

Въ своей заключительной рѣчи онъ сумѣлъ тронуть всѣ сердца и убѣдить всѣ умы. Въ эту торжественную минуту какъ нарочно разразилась страшная гроза; онъ тотчасъ взываетъ къ небу, какъ свидѣтелю своей любви къ справедливости и своего усердія отстаивать ее; грозитъ небеснымъ гнѣвомъ сердцамъ, готовымъ измѣнить правдѣ; насильно вырываетъ у этихъ слабыхъ или развращенныхъ людей жизнь и свободу того, чья гибель они замыслили. Отецъ былъ оправданъ... Г. де-ля-Фе спасъ невиннаго. Въ нашихъ сердцахъ сохранится вѣчная благодарность за его подвигъ, за который одинъ Богъ можетъ вознаградить его.

Какъ я измѣнилась за эти два мѣсяца! Дѣтство мое разомъ кончилось. Куда дѣвались безпечныя забавы, игривыя мечты и веселый смѣхъ; возрастъ мой еще требовалъ ихъ, но я уже не могла находить въ нихъ удовольствія; мой разсудокъ, преждевременно развитый, увлекалъ меня за предѣлы моихъ дѣтскихъ силъ. Миѣ не доставало извѣстнаго равновѣсія и моя вѣра въ будущее была поколеблена; несчастье настигло меня.

ГЛАВА IV.

Отецъ мой отправляется въ Лионъ.—Арестъ офицеровъ Королевско-Польскаго полка. — Мы поселемся въ предмѣстѣи Везъ. — Отецъ принужденъ бѣжать. — Убіиства 9 сентября 1792 г. по случаю прохода марсельцевъ.

Тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы, отца моего принудили удалиться. Ему дано было три дня, чтобы привести свои дѣла въ порядокъ и оставить Муленъ. Находили, что его присутствіе могло нарушить спокойствіе города.

Такъ какъ народъ выражалъ неудовольствіе по случаю его освобожденія, то стража, данная ему для охраны, была удвоена. Не дож-

давнись даже положенныхъ трехъ дней, мы отправились въ свое помѣстье Ешероль, находившееся въ двадцати верстахъ отъ Мулена, гдѣ отецъ надѣялся дожидаться своихъ вещей и составить планъ путешествія; но едва успѣли мы пріѣхать на мѣсто, какъ вслѣдъ за нами прибыли нѣкоторые изъ нашихъ друзей, чтобы предупредить насъ о господствовавшемъ броженіи въ народѣ. Собирались многочисленныя толпы; говорили о томъ, что нужно идти на Ешероль, сжечь замокъ и снова овладѣть узникомъ, котораго вырвали у нихъ. Такъ какъ нельзя было предвидѣть послѣдствій этого движенія, то осторожность требовала не дожидаться его. Но куда дѣваться? Теперь уже не могло быть и рѣчи о поѣздкѣ въ Парижъ, потому что пришлось бы ѣхать черезъ Муленъ. Отецъ мой остановился на Лионѣ и не медля отправился въ путь, въ повозкѣ, со своимъ фермеромъ Аликсомъ, который сѣлъ рядомъ съ нимъ. Подъ вечеръ они проѣзжали черезъ маленькій городокъ Варенъ; настроеніе здѣсь было неблагонадежное и отецъ легъ вдоль повозки; Аликсъ прикрылъ его своею шинелью и, выдвинувшись нѣсколько впередъ, благодаря своей полнотѣ и толстому пальто могъ легко скрыть отца отъ любопытныхъ взоровъ. Онъ имѣлъ видъ, будто ѣдетъ одинъ; отвѣчалъ непринужденно на вопросы, съ которыми обращались къ нему, и такъ какъ всѣ уже привыкли, что онъ во всякое время проѣзжалъ здѣсь по своимъ дѣламъ, то его не задержали.

Отецъ мой благополучно прибылъ къ тому самому Ноальи, которому онъ спасъ жизнь, и былъ принятъ съ признательностію, на которую имѣлъ полное право, но которая не всегда встрѣчается. Мы догнали его здѣсь на другой день, но, боясь компрометировать Ноальи своимъ пребываніемъ, отправились въ городъ Роанъ, гдѣ отцу пришлось прожить нѣкоторое время въ ожиданіи важныхъ бумагъ, которыя онъ не успѣлъ захватить съ собою вслѣдствіе быстрого отъѣзда. Пребываніе въ этомъ городѣ было не безопасно, по близости его отъ Мулена, но мы не знали еще, куда намъ направиться; беспорядки, обнаружившіеся со всѣхъ своронъ, заставляли отца колебаться въ выборѣ пути, потому что отъ этого рѣшенія зависѣла наша безопасность. Общее броженіе росло съ часу-на-часъ; ходила молва о трагическихъ событіяхъ. Кровь уже лилась въ Парижѣ; глухіе, отдаленные слухи доходили до насъ, не разрѣшая нашихъ недоумѣній. Опасность чувствовалась повсюду, гроза гремѣла уже у насъ надъ головою; почва колебалась подъ нами. Куда бѣжать? Едва отецъ пріѣхалъ въ Роанъ, какъ нѣсколько офицеровъ Пантьеврскаго полка, стоявшаго гарнизонъ въ этомъ городѣ, явились къ нему. Настояція невзгоды и то, что еще готовило впереди будущее, занимали всѣ умы. Всѣ совѣщались между собою о трудныхъ обстоятельствахъ времени. Во многихъ полкахъ офицеры были убиты солдатами; тѣ, которые явились къ моему отцу, ожидали и себѣ подобной же участи. „Новые принципы подавляютъ въ основаніи дисциплину“, говорилъ одинъ изъ нихъ,

Нетанкуръ. „Всякое повиновеніе исчезаетъ и намъ не остается другаго убъжища, какъ Кобленцъ“. Такимъ образомъ, все наталкивало на эмиграцію.

Наконецъ, событіе 10-го августа ¹⁾ 1792 года прогремѣло по всей Франціи. Слишкомъ извѣстный Шалье ²⁾, возвращаясь въ Ліонъ изъ Парижа, воспользовался своимъ быстрымъ проѣздомъ въ Роагѣ для проповѣдыванія въ немъ новаго ученія; съ высоты имперіала дилижанса онъ громко разлагольствовалъ и жестикулировалъ, призывая народъ къ познанію благодѣяній 10-го августа. Уста его извергали проклятія и богохульства; словно кровавая лава лилась съ его нечестивыхъ устъ и сообщала его пылъ волнующейся кругомъ толпѣ. Какъ теперь слышу еще страшныя слова, которыми заканчивалась рѣчь этого бѣсноватаго: „Братья и друзья! Вы уничтожили позорную Бастилію, но вы разорили только однѣ стѣны; васъ ожидаетъ работа прекраснѣе первой. Снимайте головы, и вы будете свободны. Долой королей, смерть тирану! Да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ свобода!“ Дилижансъ уже двинулся, а онъ все еще кричалъ: „Смерть тирану!“ Подобная сцена заставила моего отца понять опасность долгого пребыванія въ такой близости отъ Мулена въ маленькомъ городкѣ, гдѣ мы были слишкомъ на виду. Лучше было искать спасенія въ толпѣ, чтобы потеряться въ ней. Множество семействъ, покинувшихъ свой кровъ, искали убъжища въ Ліонѣ; отецъ мой также предпочелъ отправиться туда. Мы встрѣчали по дорогѣ много родныхъ, знакомыхъ, которые бѣжали отъ преслѣдованій, угрожавшихъ имъ дома. Г-жа де-ля-Рошфуко была въ этомъ числѣ; путешествуя подъ именемъ кормилицы своихъ дѣтей, она держала передъ собою на подушкѣ двухъ дѣвочекъ-близнецовъ, которыхъ сама кормила,—трогательное зрѣлище, вызывавшее участіе и служившее защитой для матери и дѣтей.

Въ Ліонѣ мы остановились въ гостинницѣ „Миланѣ“, на площади Террѣ, и на другой день отецъ мой отправился въ ратушу, чтобы представить наши паспорта и просить разрѣшенія поселиться въ Ліонѣ. „Для чего вы сюда пріѣхали?“ спросили его.—Для того, чтобы обратиться за совѣтомъ къ здѣшнимъ искуснымъ медикамъ. „Что-жь! Вы можете завтра просить совѣта, а послѣ завтра уѣхать“. Было бы гораздо лучше, можетъ быть, если бы мы исполнили это приказаніе. Отецъ мой вышелъ, ничего не сказавши въ отвѣтъ и спрашивая себя: „Что дѣлать? Куда направиться?“ Весь день прошелъ въ этой неизвѣстности; вечеромъ, желая показать мнѣ до отъѣзда залу театра, которая славилась своею архитектурой, отецъ взялъ меня съ собой

¹⁾ Когда парижская чернь захватила силой Тюльери и заставила Законодательное Собраніе провозгласить низложеніе Людовика XVI.

Прим. пер.

²⁾ Шалье былъ яростнымъ якобинцемъ въ Ліонѣ. Онъ былъ однимъ изъ виновниковъ несчастій этого города.

Прим. авт.

на представлѣніе. Давали „Павла и Виргинію“. Г-жа Шевалье, которая вполнѣдствіи составила себѣ имя въ Россіи, исполняла роль Виргиніи съ талантомъ и граціей. Я никогда не видѣла такого чудснаго представленія и до того любовалась имъ, что забыла про все остальное, какъ вдругъ зала была потрясена громовыми звуками „Марсельезы“. Весь партеръ былъ наполненъ пресловутыми марсельцами. Прибывъ въ Ліонъ наканунѣ, они отправились въ Парижъ, сами не зная, можетъ быть, какому кровавому дѣлу они предназначены были содѣйствовать. Кому неизвѣстенъ этотъ чудный марсельскій гимнъ, его мужественная сила, его могущество вселять въ сердца отвагу. Мы вернулись домой объятые трепетомъ.

На другой день послѣ этой сцены мы увидѣли возлѣ ратуши столпившуюся массу народа, а вскорѣ мимо нашихъ оконъ провели офицеровъ Польскаго-Королевскаго полка, арестованныхъ ихъ собственными солдатами, къ которымъ присоединились солдаты Вексинскаго полка, уже извѣстные своими буйствами. Ихъ вели въ замокъ Пьеръ-Сизъ, государственную тюрьму. Безчисленная толпа, въ одно и то же время радостная и жестокая, сопровождала несчастныхъ. Этотъ бѣшеннй потокъ уже пронесся мимо, а мы все еще стояли безмолвно, оцѣнивъ отъ ужаса. Каждый день, каждое мгновеніе вскрывало новую опасность; становилось какъ-то жутко жить. Ни одной минуты нельзя было имѣть увѣренности, что доживешь до слѣдующей.

Двое изъ офицеровъ, посѣтившихъ насъ въ Роанъ, Нетанкуръ и де-Боскъ, находились у моего отца въ ту минуту, когда ихъ несчастные товарищи проходили мимо, сопровождаемые разъяренною солдатчиной; они были встревожены участіемъ своихъ друзей между офицерами Польскаго-Королевскаго полка. Задумавшись надъ собственнымъ положеніемъ, они предвидѣли, что ихъ постигнетъ такая же участь, и рѣшились, не ожидая ея, эмигрировать.

Между тѣмъ необходимо было рѣшить, куда намъ дѣваться, и надо было рѣшить это немедленно. Не зная, что предпринять, отецъ отправился къ сыну Ноальи, чтобы спросить его совѣта и довѣриться его предусмотрительности, надѣясь найти въ немъ участіе въ память того, что онъ сдѣлалъ для его отца; и онъ не ошибся въ этомъ. Сынъ Ноальи принялъ моего отца съ любовью и употребилъ всѣ усилія, чтобы доказать на дѣлѣ свою признательность. Онъ жилъ въ предмѣстьѣ Везъ и сейчасъ же предложилъ отцу остаться здѣсь. Въ то время каждое предмѣстье имѣло свое особенное муниципальное управленіе; въ предмѣстьѣ Везъ оно состояло изъ очень порядочныхъ людей. Согласно съ просьбой Ноальи, который поручился за насъ, оно разрѣшило отцу поселиться здѣсь, и мы, такимъ образомъ, обошли приказъ уѣхать изъ Ліона. Нашъ переѣздъ ограничился этимъ предмѣстьемъ, гдѣ намъ удалось найти хорошенъкое помѣщеніе у г. Серізіо, богатаго хлѣбнаго торговца. Квартиру на-скоро мебелировали и мы

поспѣшили переѣхать въ нее, чтобы укрыться отъ недоброжелательнаго вниманія, съ какимъ слѣдили за каждымъ шагомъ вновь пріѣзжихъ. Г. Ноальи и жена его, хорошенькая и милая особа, были очень пріятнымъ знакомствомъ для отца и тетушки, часто проводившихъ у нихъ вечера. Тамъ же мы познакомились съ г-мъ и г-жей Гишаръ, чья дружба впоследствии оказалась великимъ благомъ, за которое мы были обязаны нашимъ бѣдствіямъ. Близкое сосѣдство, наше одиночество, а болѣе всего ихъ ласковый пріемъ, заставляли насъ часто посѣщать ихъ. Такъ образовалась связь, которая впоследствии была для насъ истиннымъ счастьемъ.

Прошло всего нѣсколько дней, какъ мы устроились въ нашемъ новомъ жилищѣ, когда отецъ мой получилъ письмо отъ маркиза Шюланъ, жившаго въ Шамбери, который, предполагая, что мы еще въ Муленѣ, просилъ моего отца пріютить его дочерей, оставшихся въ этомъ городѣ безъ крова и безъ защиты. Онѣ были помѣщены въ монастырѣ ордена визитандинокъ, въ томъ самомъ, гдѣ и ихъ часто навѣщала, гдѣ я такъ любовалась знаками отличія на нихъ, свидѣтельствующими о ихъ благоразуміи и уснѣхахъ, гдѣ, наконецъ, мнѣ самой такъ хотѣлось быть вмѣстѣ съ ними. Въ то время эти мирныя обитатели, вовлеченныя въ общую смуту, уже не представляли болѣе убѣжища для благочестивыхъ дѣвушекъ, жившихъ въ нихъ. Насильственно изгнанныя изъ своей обители, монахини уже не были въ состояніи защитить дѣтей, порученныхъ ихъ попеченіямъ. Благодаря одной пріятельницѣ, которая взялась замѣнить въ этомъ случаѣ моего отца, наши двѣ маленькія пансіонерки были доставлены въ намъ въ Лионъ въ дилижансѣ. При видѣ Агаты и Дезирѣ мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ ними вернулась и моя юность, — говорю вернулась, потому что, несмотря на мои двѣнадцать лѣтъ, во мнѣ не было не только ничего дѣтскаго, но даже и молодого. Воспоминанія дѣтства были еще такъ близки, что они живо проснулись во мнѣ. Мы провели три очень счастливыхъ дня, желая отъ всей души, чтобы человекъ, который долженъ былъ за ними пріѣхать, былъ задержанъ въ дорогѣ.

Домъ Гишара былъ какъ разъ напротивъ нашего; мы отправлялись туда каждый вечеръ, и пока наши родители бесѣдовали о невзгодахъ того времени, мы весело бѣгали по обширному саду съ Анетой, дочкой г-жи Гишаръ, бывшей почти однихъ лѣтъ со мною. 9 сентября, желая воспользоваться хорошею погодою, мы собрались въ саду ранѣе обыкновеннаго и весело прыгали подъ великолѣпными деревьями, украшавшими этотъ садъ, какъ вдругъ наши игры неожиданно были прерваны. На всѣхъ лицахъ изобразилось смущеніе и испугъ, раздались какіе-то дикіе крики; подобно свирѣпой бурѣ сталъ доноситься до насъ гулъ и ревъ народа и наполнилъ страхомъ наши сердца. Г. Гишаръ съ моимъ отцомъ поднялись на скалу, находившуюся въ возвышенной части этого большого сада, чтобы посмотрѣть вокругъ, чтó случилось. Они сошли внизъ въ невыразимъ

комъ ужасъ: въ это время происходило избіеніе заключенныхъ въ тюрьмѣ Пьеръ-Сизъ. Пьеръ-Сизъ—замокъ, служившій государственной тюрьмой, былъ построенъ на уединенной и довольно возвышенной скалѣ, которая была впоследствии взорвана. Тамъ содержались и офицеры Польскаго-Королевскаго полка. Они уже ранѣе были обречены въ жертву народной ярости и теперь толпа требовала себѣ этихъ несчастныхъ съ громкими криками. Увѣряютъ, будто ліонскій городской голова еще за два дня до того получилъ приказъ ихъ выпустить на свободу, но что онъ считалъ ихъ смерть необходимой для успѣха революціоннаго движенія. Я не стану входить въ разсужденія по этому поводу и ограничусь лишь повтореніемъ того, что я слышала отъ самаго маркиза де-Бельсиза, бывшаго въ то время комендантомъ форта.

Вите, бывший ліонскимъ мэромъ въ эту роковую эпоху, явился разъ утромъ къ де-Бельсизу предупредить его о дурномъ настроеніи умовъ и о своемъ опасеніи, чтобы не сдѣлано было попытки вырвать арестантовъ изъ ихъ убіища. Де-Бельсизъ, котораго подагра дѣлала безпомощнымъ, несомнѣнно на носилкахъ, осматрѣлъ вмѣстѣ съ мэромъ всѣ части замка, особенно важныя для обороны, увѣряя мэра, что при помощи нѣсколькихъ лишнихъ пушекъ и усиленнаго гарнизона онъ отвѣчаетъ за замокъ и за арестантовъ. Мэръ все наобѣщавъ и не прислалъ ничего.

Къ вечеру народъ сталъ собираться у стѣнъ Пьеръ-Сиза¹⁾; толпа была несмѣтная; она грозила, кричала, хотѣла проникнуть за ограду; поговаривали о томъ, чтобы взлѣзть на стѣны. По ступенькамъ, высѣченнымъ въ скалѣ, этотъ бѣшенный людъ взбирается вверхъ, требуетъ ключей крѣпости, грозя взломать ворота. Де-Бельсизъ, не получившій никакой помощи, не имѣя никакихъ средствъ защиты, былъ подавленъ ужасомъ своего положенія; не будучи въ силахъ ходить, слишкомъ хорошо предвидя послѣдствія насилія, которому онъ не въ состояніи былъ противиться, этотъ слабый и несчастный старикъ, удрученный столькими страданіями, не могъ показаться самъ народу. Вѣсто него дочь его приняла этотъ опасный вызовъ. Эта молодая дѣвушка, обладавшая необыкновеннымъ мужествомъ, явилась одна передъ толпою и объявила громкимъ и твердымъ голосомъ, что она передастъ ключи только тому, кто имѣетъ право ихъ требовать. Молчаніе, водворившееся при ея первыхъ словахъ, продолжалось еще нѣсколько минутъ отъ чувства изумленія, которое внушила этой раздраженной толпѣ спокойная энергія слабой женщины. Когда же требованіе ключей снова возобновилось, она выступила впередъ, чтобы передать ихъ городскому головѣ, находившемуся тутъ же. Эти ключи какъ-то выскользнули у нея изъ рукъ и упали на землю; она подняла

¹⁾ Надо замѣтить, что марсельцы отложили свой отъѣздъ въ Парижъ, чтобы принять участіе въ этихъ неистовствахъ.

ихъ съ величайшимъ хладнокровіемъ и, кладя ихъ въ руку мэра Вите, стала говорить ему объ обязанности, которую онъ беретъ на себя, о святости вѣримаго ему залога, о помощи, которую онъ долженъ оказывать несчастнымъ... Запомнилъ ли онъ все это?

Между тѣмъ несчастныхъ арестантовъ, которымъ грозила гибель, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пересчитали и заперли въ одну комнату по приказанію мэра, подъ предлогомъ, что такимъ образомъ легче будетъ предохранить ихъ отъ опасности. Самъ мэръ заперъ дверь комнаты, гдѣ находилось 9 жартвъ, обѣщанныхъ послѣдователямъ Шалье. „Снимайте головы“, сказалъ онъ имъ—и эта кровожадная орда стала требовать ихъ.

Какъ только ключи форта очутились въ рукахъ мэра Вите, ворота были открыты, и толпа, ворвавшаяся вслѣдъ за этимъ угодливымъ мэромъ, разлилась во всѣ стороны горючей лавой, отгѣчая вездѣ свое теченіе разрушеніемъ и убійствами. Она безъ труда нашла жертвы, приготовленныя заранѣе; лишь одна изъ нихъ ускользнула. Это былъ де-Плантъ. Предчувствіе ожидаемой участи заставило его искать выхода изъ этой роковой комнаты; онъ выпрыгнулъ изъ окошка и упалъ въ маленькій дворикъ, съ давнихъ лѣтъ предоставленный одному сумасшедшему, заключенному въ Пьеръ-Сизѣ. Этотъ сумасшедшій, оказавшійся кстаті очень благоразумнымъ, спряталъ де-Планта въ водяномъ стоѣ, потомъ, снова задвинувъ отверстіе камнемъ, продолжалъ свои обычныя безумныя выходки. Толпа посмотрѣла на него и пронеслась мимо. Всѣхъ этихъ несчастныхъ офицеровъ вырвали изъ тюрьмы, тащили, терзали и избивали; нѣкоторые погибли на самыхъ ступенькахъ скалы Пьеръ-Сиза. Еще хуже была участь тѣхъ, которыхъ добились только на площади Терро.

Одинъ изъ этихъ несчастныхъ какъ-то укрылся при первыхъ поискахъ толпы; когда она отхлынула съ своими жертвами, его вѣрный слуга сталъ уговаривать его бѣжать и отыскать болѣе безопасное мѣсто, „потому что они могутъ еще вернуться сюда“, убѣждалъ онъ.—Они меня не нашли здѣсь, такъ я ужъ тутъ останусь.—Нахлынула новая волна, захватила его съ собой и унесла.

М-ле де-Бельсизъ была героиней этого дня. Она не могла спасти жертвъ, отмѣченныхъ властной рукой, но она оказывала сопротивленіе, насколько была въ состояніи, просьбами и мольбами. Голосъ ея неустранимо раздавался въ защиту несчастныхъ. Когда ее ранили въ ногу пикой, она только обвязала рану платкомъ и продолжала употреблять всѣ усилія, чтобы спасти арестантовъ; она поспѣвала всюду. Непостижимо, какимъ образомъ она не подверглась одинаковой участи съ арестантами и какъ этотъ день не сдѣлался послѣднимъ въ ея жизни. Одну минуту ее стѣснили въ узкомъ проходѣ и она сама слышала, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея обсуждался вопросъ, не лучше ли поскорѣе отдѣлаться отъ ея докучныхъ просьбъ. Этотъ день однако оставилъ въ ея жизни тяжелые слѣды. Одинъ

солдатъ такъ грубо оттолкнулъ ее прикладомъ, что переломилъ ей два ребра. Увѣряютъ даже, будто бы мэръ ударомъ кулака далъ ей почувствовать, что находить ея усердіе по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ. Продолжительныя страданія были для Фелисите де-Бельсизъ наградою за этотъ день, когда любовь къ ближнему подняла ее выше ея силъ. Если бы мэръ Вите имѣлъ благородство и мужество этой молодой дѣвушки, неповинная кровь не была бы пролита въ его глазахъ и не вопила бы противъ него ¹⁾. Семья Бельсизъ провела остальную часть дня въ состояніи, которое невозможно описать. Фортъ былъ разграбленъ, открытъ для всякаго проходящаго; онъ ни кому не представлялъ болѣе убѣжища; бурный потокъ, промчавшійся черезъ него, могъ снова возвратиться за девятой жертвой, ускользнувшей отъ него; осторожность требовала какъ можно скорѣе покинуть это злополучное мѣсто. Какъ только наступившая темнота заставила толпу разойтись, комендантъ Бельсизъ, не желая дожидаться слѣдующаго дня, когда она могла снова вернуться въ замокъ, около полудня оставилъ этотъ опасный постъ. Опираясь на руку своей жены и поддерживаемый вѣрнымъ слугою, онъ молча сошелъ по ступенькамъ, на которыхъ еще не высохла пролитая на нихъ кровь. Хотя жена и слуга болѣе чесли, чѣмъ поддерживали старика въ то время, какъ дочь освѣщала дорогу, все же онъ сходилъ очень медленно. Предоставляю всякому вообразить себѣ, что должны были они пережить въ это время, когда каждая минута стоила многихъ часовъ, когда самое пустое обстоятельство могло снова привести эту разъяренную чернь, отдаленный ревъ которой еще доносился до нихъ.

¹⁾ Считаю нужнымъ сопоставить съ этими воспоминаніями, основанными въ данномъ случаѣ, по признанію самого автора, на слухахъ и рассказахъ другихъ, рассказъ ученаго и безпристрастнаго изслѣдователя исторіи террора, Мортимера Терно, объ убійствахъ въ тюрьмѣ Пьеръ-Сизъ, въ которомъ поведеніе ліонскаго мэра Вите представлено совершенно въ иномъ свѣтѣ: по Мортимеру Терно, мэръ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, для предотвращенія убійствъ. Авторъ ссылается на актъ, составленный въ самый день убійствъ, 9 сентября; ліонскими муниципальными властями, на донесеніе объ этомъ событіи министру внутреннихъ дѣлъ, посланномъ 11 сентября отъ имени соединенныхъ городскихъ властей муниципалитета, округа и департамента; наконецъ, на письмо самого мэра въ военному министру Сервану, кю изображающее тяжелое состояніе души этого честнаго общественнаго дѣятеля, сознаваемаго всю бесплодность своихъ усилій остановить въ родномъ городѣ быстро разивавшійся потокъ демагогій. Письмо это помѣчено 10 сентября; вотъ оно: „Вчерашній день былъ самый ужасный, какой Ліонъ когда либо видѣлъ; восемь офицеровъ, содержавшихся въ Пьеръ-Сизъ, были безжалостно умерщвлены негодами, которые вами отяжеленные враги подстрекали на всякія нечестива, несмотря на присутствіе муниципальных чиновниковъ, тысячу разъ подвергавшихъ опасности свою жизнь, чтобы тѣхъ спасти; пожалѣйте о нашемъ положеніи, оно ужасно; мы надѣемся теперь только на честныхъ и храбрыхъ гражданъ, чтобы остановить грабежъ и всѣ преступленія, идущія рядомъ съ нимъ. Примите увѣреніе и пр.

„Вите, мэръ“.

Прим. пер.

Мортимеръ-Терно, Т. III, кн. XIII, стр. 340—348.

Подъ горою ихъ ждалъ экипажъ. Де-Плантъ, слѣдовавшій за ними и переодѣтый въ статское платье, легъ въ экипажъ у ихъ ногъ. Они двинулись, но не успѣли проѣхать и нѣсколько шаговъ, какъ обходный патруль остановилъ ихъ. Г-жа Бельсизъ высовывается изъ дверей и называетъ себя: у нея нѣтъ болѣе крова, ей приходится искать гдѣ нибудь пріюта. При столь уважаемомъ имени остановившій ихъ караульный почтительно кланяется. „Друзья, это г-жа Бельсизъ“. — Пропустить. — Они доѣхали безъ дальнѣйшихъ приключеній до помѣщенія, которое заранѣе приготовили себѣ, давно уже предвидя то, что теперь случилось. Де-Плантъ былъ отправленъ въ болѣе вѣрное убѣжище и вскорѣ скрылся изъ Ліона.

На другой день m-lle де-Бельсизъ отправилась въ ратушу и, формально обратившись къ покровительству города, требовала поддержки и помощи, для того чтобы отыскать вещи ея отца, разграбленныя въ Пьеръ-Сизъ, и просила позволенія взять то, что еще оставалось тамъ. Ея просьбу нашли законной и дали конвой для сопровожденія ея туда. Можно представить себѣ, каково ей было проходить сквозь эту дерзкую толпу, покрывавшую еще площадь Терро и которая до сихъ поръ не расходилась, чтобы лучше насладиться своими подвигами, совершенными наканунѣ. Толпа разступилась передъ нею, не оскорбляла ея, однако заставила пройти мимо труповъ несчастныхъ офицеровъ, днага обобранныхъ и изувѣченныхъ и валявшихся по ступенькамъ ратуши ¹⁾. У нея достало силы совладать съ охватившимъ ее чувствомъ ужаса и негодованія, и ничто въ эту минуту не выдало ея волненія. Занятая мыслью объ успѣхѣ, увѣнчавшемъ тягостныя хлопоты, она быстро оторвалась отъ этого ужаснаго зрѣлища и немедленно отправилась въ Пьеръ-Сизъ, гдѣ безъ всякаго препятствія могла собрать тѣ изъ вещей, которыми пренебрегла чернь. Впослѣдствіи полиціи удалось розыскать и возвратить ей нѣсколько драгоценныхъ предметовъ.

Какъ провели мы этотъ злосчастный вечеръ 9-го сентября 1792 года? Къ общему смятенію присоединялись еще наши личныя опасенія за самихъ себя. Близость Мулена давала возможность легко отыскать насъ тѣмъ, которые сожалѣли, что отецъ ускользнулъ отъ нихъ. Не разъ уже приходили развѣдывать, нѣтъ ли его у г-жи Гишаръ. Названіе аристократа, подозрительнаго чужака, не разъ вырывалось изъ устъ людей зловѣщаго вида; наконецъ мы получили предупрежденіе, что отцу грозитъ личная опасность. Поэтому мы очень поздно рѣшились уйти отъ нашихъ добрыхъ сосѣдей въ тотъ вечеръ, безъ шума, безъ свѣта, убѣдившись, что никто не можетъ ни увидѣть, ни услышать насъ. О свѣтѣ не могло быть и помину. Де-ля-Барръ, полковникъ

¹⁾ Кромѣ восьми офицеровъ, тогда погибшихъ, трое изъ неприсягнувшихъ священниковъ были найдены убитыми, подобно имъ; головы ихъ, посаженныя на пикъ, носили по всѣмъ улицамъ города.

УБИЕНІЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

Картина академика Плѣшанова. Гравировалъ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 января 1882 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2

ЖЕНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ И ЕГО ПРОТИВНИКИ.

(Характеристическая подробность русской исторіи XVIII столѣтія).

I.

ВЗВѢСТНО, что втеченіе почти сплошь трехъ послѣднихъ четвертей XVIII столѣтія русскимъ государствомъ неограниченно правила женщина. Пять женскихъ личностей (императрицы: Екатерина I, Анна, Елизавета и Екатерина II, и правительница регентша Анна Леопольдовна) почти безъ перерывовъ въ ряду царствуютъ одна за другою, такъ что весь этотъ періодъ могъ бы назваться въ нашей исторіи періодомъ бабьяго правленія, выражаясь терминомъ современной ему оппозиціи.

Самъ по себѣ, этотъ примѣръ—результатъ стеченія историческихъ случайностей, представляетъ собою едва ли не единственное въ своемъ родѣ явленіе въ исторіи всѣхъ, когда нибудь и гдѣ нибудь царствовавшихъ, династій. Но, по отношенію къ русской исторіи, онъ имѣетъ, кромѣ того, значеніе факта довольно важнаго по своимъ совершенно специальнымъ, многоразличнымъ послѣдствіямъ, отражавшимся весьма существенно какъ на ходѣ нашей внѣшней и внутренней политики того времени, такъ и на современныхъ общественныхъ нравахъ. И это вполне понятно.

Въ Россіи всегда, а въ XVIII столѣтіи въ особенности, личность государя, при неограниченной монархической власти, играла огромную, безпредѣльно-господствующую роль во всѣхъ сферахъ государственной, общественной и отчасти даже частной, индивидуальной жизни, всегда оказывала на неѣ руководящее вліяніе, давала ей складъ, тонъ и направленіе въ ту или другую сторону. Оттого-то исторія, быть можетъ, нигдѣ не въ большемъ правѣ, какъ въ Рос-

сіи, приписывать ея государямъ все, чѣмъ ознаменовывается царствованіе вѣждаго изъ нихъ въ жизни страны...

По этой причинѣ, появленіе на престолѣ женщинъ-государынь втеченіе такого долгаго промежутка времени не могло не запечатлѣться рельефнымъ оттискомъ особеннаго, чисто-женскаго вліянія на всей исторіи означеннаго періода, не могло пройти безслѣдно и въ области отношеній народа и общества къ престолу и его авторитету. Все это было бы не трудно доказать, хотя вопросъ этотъ, если не ошибаемся, до сихъ поръ у насъ не изслѣдованъ спеціально и обстоятельно, по существу. А стоило бы! Въ виду указанныхъ здѣсь основаній, въ виду феноменальности самого факта, установившагося, по видимому, въ разрѣзъ съ традиционными взглядами на женщину и съ ея положеніемъ въ старо-московскомъ мірѣ, крѣпкіе корни котораго такъ еще прочно жили въ тогдашнія „новыя“ времена,—такого рода изслѣдованіе пролило бы свѣтъ на многое, что остается неяснымъ въ нашей исторіи прошлаго столѣтія, а многое освѣтило бы съ совершенно новыхъ точекъ зрѣнія. Но это—задача большая. Съ своей стороны, мы беремъ на себя только ея частицу, имѣя намѣреніе, въ предѣлахъ настоящей статьи, обрисовать, разновременно и разнородно проявлявшуюся, оппозицію „бабьему правленію“ и, главнымъ образомъ, оппозицію принципиальную, вытекающую изъ консервативныхъ, домостроевскихъ взглядовъ на женщину вообще, и на женщину-царицу, правящую царствомъ, въ особенности.

Такая оппозиція, въ большинствѣ или меньшемъ размѣрѣ и съ той или другой степенью напряженности, проходитъ почти чрезъ весь періодъ царствованія женщинъ-государынь. Въ недовольныхъ „бабьимъ правленіемъ“ не было недостатка во все это время, и хотя, въ большинствѣ случаевъ, недовольные цѣплялись къ нему съ протестомъ и осужденіемъ по поводу другихъ нажившихъ, болѣе существенныхъ обидъ и кривдъ, какъ бы ужъ для вѣщшаго подрѣзвенія своихъ жалобъ; но было не мало между ними и чисто-принципальныхъ протестовъ, которые потому только оуждали „бабье правленіе“, что оно бабье, и — ни почему больше. Отдѣлить однихъ отъ другихъ, конечно, трудно, какъ не менѣе трудно теперь обозначить съ точностью роль и мѣсто этой спеціальной струны недовольства, звучащей въ раду другихъ его мотивовъ, которыхъ въ тѣ времена общей „тяготы неудобноносимой“ было такъ много. Мы хотимъ только сказать, что эта струна несомнѣнно звучала тогда, хотя, разумѣется, господствующаго значенія въ поводахъ къ недовольству складывавшимся порядкомъ вещей она не имѣла и имѣть не могла. Это была только лишняя привѣска къ ощущенію сложной и грузной „тяготы“, навалившейся на плечи русскаго человѣка, не симпатизировавшаго новымъ петровскимъ порядкамъ.

Обыкновенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваемая оппозиція носила характеръ принципиальный, была лишь результатомъ сознанія

нарушеннаго обычая, освященнаго стариной и дорогаго сердцу, она не шла дальше словеснаго протеста. Проявлялась она чисто по-русски, т. е. пассивно, безъ опредѣленныхъ цѣлей, безъ активныхъ попытокъ перевернуть порядокъ вещей по своему. Являлись, правда, Мировичи и Пугачевы, поднимавшіе знамя бунта противъ „бабьяго правленія“, во имя поправленныхъ, яко бы, правъ на престолъ мужскаго начала, въ лицѣ несуществовавшихъ, яко бы, подлинныхъ государей; но эти попытки были очень сложнымъ явленіемъ, особенно пугачевскій бунтъ, гдѣ мятежное знамя прикрывало собой совсѣмъ не тѣ стремленія и цѣли, которыя были на немъ написаны, и, конечно, народъ не поднялся-бы изъ-за того только, что на престолѣ сидѣла „царь-баба“...

Оппозиція „бабьему правленію“ выражалась, главнымъ образомъ, въ „неудобъсказуемыхъ поношеніяхъ“, въ „пустопыныхъ“ и „продерзостныхъ“ разговорахъ, и—много, много—въ подметныхъ письмахъ и „паншевилахъ“. Очень многія изъ „дѣлъ“ о такой злоязычной болтовнѣ и суесловномъ фронтдерствѣ только потому возникали и сдѣлались достояніемъ отечественной исторіи, что ихъ очень ужъ ревностно „всякими съиски съискивали“, въ тѣ нетерпѣливыя и скорныя на пытки и казни времена, неразборчивые блюстители и криминалисты страшнаго „тайнаго канцелярія“. Для поддержанія и развитія своей человѣконенавистной практики, „тайная канцелярія“ пустила разгуливать по Руси за добычей грозное „слово и дѣло“, которое, сдѣлавшись орудіемъ травли и возмутительныхъ злоупотребленій, безмѣрно плодило и растило таковаго рода „дѣла“, нерѣдко совершенно влязныя, либо не стоившія, по своему ничтожеству, траты казенныхъ чернилъ на ихъ производство. А тайная канцелярія не скупилась проливать не только чернила, но и кровь человѣческую.

Но, съ другой стороны, самое обиліе такихъ „дѣлъ“ и непрерывная, втеченіе долгихъ лѣтъ, ихъ повторяемость ясно указываютъ, что неодобрительное мнѣніе о сидѣніи на престолѣ женщины раздѣлялось многими, быть можетъ—большинствомъ. И мы будемъ видѣть, что къ женскому правленію относились отрицательно и въ принципѣ, и изъ недовольства личными качествами той или другой государыни, люди различныхъ сословій и состояній, различнаго образа мыслей и образованія. Какой нибудь темный, невѣжественный изувѣръ съ аскетическими взглядами на женщину, какъ на существо слабое и грѣховное, сходился въ этомъ пунктѣ съ просвѣщеннымъ по-европейски мыслителемъ. Чтобы понять это, нужно знать господствовавшіе въ XVIII столѣтіи взгляды на женщину вообще, у насъ и въ западной Европѣ, нивелировавшей тогда наше домостроевское міровоззрѣніе подъ уровень со своимъ.

Какъ бы кому ни показалось страннымъ, но несомнѣнно, что съ старомосковскими моралистами во взглядахъ на женщину во многомъ сходились знаменитѣйшіе западные мыслители не только предшествовавшаго времени, какъ Лютеръ, Пуффендорфъ, Гуго Гроцій

и друг., проповѣдывавшіе подчиненность женщины мужчйнѣ, какъ существа низшаго высшему, но и современные обозрѣваемой эпохѣ двигатели умственнаго прогресса XVIII вѣка: Ж. Ж. Руссо, Монтескье, Фенелонъ и друг. О возрѣніяхъ на этотъ предметъ европейской массы того времени и говорить уже нечего, какъ излишне указывать на общественное безправіе европейской женщины, обусловленное патриархально-буржуазными обычаями и законами, что составляетъ еще несовсѣмъ рѣшенный вопросъ на Западѣ даже и по наши дни...

Ж. Ж. Руссо, напримѣръ, совершенно въ духѣ попа Сильвестра проповѣдывалъ, что основная добродѣтель женщинъ есть „послушаніе, въ которомъ онѣ нуждаются во всю свою жизнь, потому что женщины никогда не перестанутъ подчиняться или мужчйнѣ, или людскому толку, и что стать выше этой власти для нихъ немислимо“. Не сталъ бы оспаривать нашъ мудрый Сильвестръ и другую основную, по женскому вопросу, мысль Руссо, что „ученая женщина есть бичъ своего мужа, своихъ дѣтей, своихъ слугъ, всего свѣта“. Въ этомъ съ нимъ вполнѣ согласны и другіе мыслители, въ томъ числѣ Фенелонъ, допуславшій обученіе женщины только въ тѣхъ границахъ, поскольку это нужно ей, какъ хозяйкѣ дома и матери — не болѣе. Вообще, большинство философовъ того времени замыкали весь кругъ правъ и обязанностей женщины семейнымъ очагомъ, а весь ея гражданскій долгъ исчерпывали воспитаніемъ дѣтей въ патриархально-классическихъ понятіяхъ истины и добродѣтели. Самые либеральные изъ нихъ, за немногими исключеніями, даже и не помышляли о правомъ и политическомъ уравниеніи мужчины съ женщиной.

Были, разумѣется, и въ тѣ времена смѣлые реформаторы, въ родѣ Кондорсе, настаивавшаго на проведеніи полнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, равноправія между мужчиной и женщиной; были и эманципированныя женщины, въ родѣ мадамъ Жанлисъ, Анны Шурманъ и друг., съ перомъ въ рукахъ старавшихся низвергнуть „владычество мужчинъ надъ женщинами“, возвысить права своего пола и доказать одинаковость умственныхъ способностей обоихъ половъ. Пропаганда эта не осталась безплодной, а еще больше помогала эманципациі женщинъ освободительный духъ самого времени.

Дѣйствительно, многія образованныя женщины XVIII столѣтія умѣли снять съ себя путы своего подчиненнаго положенія, нерѣдко принимали дѣятельное участіе въ высшихъ интересахъ, умственныхъ и политическихъ, а въ лицѣ своихъ наиболѣе талантливыхъ представительницъ пользовались иногда большимъ вліяніемъ и играли видную роль въ общественной жизни. Но это была особая женская эманципациія, носившая отпечатокъ своего вѣка и имѣвшая очень мало общаго съ нынѣшней, выработанной гуманитарно-либеральнымъ движеніемъ XIX столѣтія.

Женщина прошлаго вѣка достигала свободы и вліянія, главнымъ образомъ, кокетствомъ, интригой, салонными талантами и отнюдь

не облагораживающимъ стремленіемъ возвысить въ себѣ человѣка подчиненіемъ ему своей половой индивидуальности, а—напротивъ—развитіемъ въ себѣ, какъ замѣтилъ Риль, „чрезмѣрной женственности“ (Ueberweiblichkeit). Поэтому-то Шлоссеръ, говоря объ эманципированной французкѣ XVIII вѣка, имѣлъ основаніе замѣтить, что отъ ея вліянія „жизнь французскаго общества потеряла серьезный характеръ и французы пріучились относиться ко всему какъ-то слегка и поверхностно“.

Словомъ, какъ положеніе женщины, такъ и господствовавшіе взгляды на нее не стояли въ то время на Западѣ на слишкомъ большой высотѣ, сравнительно съ тѣми, которые у насъ завѣщала петербургскому періоду старо-московская жизнь. Воспринимая европейскія воззрѣнія по этому предмету, русскому передовому человѣку не приходилось производить слишкомъ рѣзкую ломку въ своихъ старыхъ понятіяхъ. Отворивъ настежь теремъ, выбросивъ или припрятавъ, про всякій случай, „шелковую плетъ“, и выведя разряженную въ заморскій модный костюмъ спутницу своей жизни въ свѣтъ—„себя показать, людей посмотреть“ и принять участіе въ общественныхъ развлеченіяхъ,—русскій передовой человѣкъ этимъ самымъ вполне вкопалъ, такъ сказать, въ Европу по рѣшенію „женскаго вопроса“. Европа почти ничего больше отъ него не требовала по данному пункту, развѣ только еще усвоенія салонной галантности, вышней рыцарской вѣжливости и „любезности“ въ обращеніи съ представительницами прекраснаго пола, которыя, съ своей стороны, выйдя изъ терема, должны были воспринять, соотвѣтствующій ихъ новому положенію, лоскъ европейскаго образованія. На этомъ было и покончено съ эманципаціей русской женщины на первыхъ порахъ. Что же касается основныхъ воззрѣній на личность женщины и ея права, то въ этомъ отношеніи, повторяемъ, русскому человѣку почти нечему было тогда научиться у Европы. Какъ тамъ, такъ и у насъ, исповѣдывались, въ сущности, домоостровскіе принципы о томъ, что женщина, по самой природѣ, ниже мужчины и не можетъ имѣть одинаковыхъ съ нимъ правъ, что, вслѣдствіе этого, она обязана быть рабой мужчины и во всемъ ему подчиняться, что все ея назначеніе—быть женой и матерью и, на лучшій конецъ, служить „украшеніемъ“ общества... Со стороны Европы была сдѣлана тогда, въ этомъ отношеніи, одна лишь услуга: у нея мы позаимствовали для владычества надъ женщиной бархатныя перчатки, взаимнѣ „ежевыхъ“ старо-московскаго неуязвимаго покроя... Вотъ и все!

Отсюда становится понятнымъ, почему въ критикѣ женскаго правленія, въ отрицаніи, съ точки зрѣнія принциповъ, самаго воцаренія на престолѣ женщины—сходились нерѣдко наши просвѣщенные „европейцы“ прошлаго вѣка съ темными людьми старо-московскаго закала, отрешивавшимися и пестомъ и крестомъ отъ всякаго общенія съ Европой. Разница была только въ томъ, что послѣдніе, въ чести

ихъ, были искреннѣе и безкорыстно становились въ ряды оппозиціи, тогда какъ покладистый, мундирный „европеецъ“ нерѣдко кривилъ душою, шелъ на сдѣлки и лучше умѣлъ держать языкъ за зубами...

II.

Несмотря на то, что Петръ Великій приучилъ правительство и своихъ „птенцовъ“ вовсе и ни при какихъ случаяхъ не церемониться съ народнымъ и общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ не менѣе, когда впервые возникла мысль возведенія на русскій престолъ женщины, въ лицѣ императрицы Еватерины I, мысль эта заставила крѣпко задуматься ея инициаторовъ и исполнителей, хотя были они люди рѣшительные и закаленные въ производѣ.

До той поры не бывало примѣра, чтобы на русскомъ престолѣ сидѣла женщина, да это считалось и немислимымъ по основнымъ народнымъ понятіямъ о престолонаслѣдіи, о роли и значеніи государя, которыя не укладывались въ раму женской личности и ея правоспособности, съ традиціонной точки зрѣнія. Бывали на Руси „правительницы“, державшія царскую власть въ рукахъ до совершеннолѣтія преемниковъ престола въ мужскомъ колѣнѣ: была великая княгиня Елена Глинская, была царевна Софья; но роль ихъ, по смыслу нашего обычнаго права и писанныхъ уложеній (напр., „Русской Правды“), ограничивалась лишь материнскими правами опеки надъ малолѣтними государями, и въ такихъ тѣсныхъ границахъ, что правительница во всѣхъ дѣйствіяхъ царской власти могла обнаруживать свою волю только отъ имени и отъ лица опекаемаго ею малолѣтняго государя—не иначе. Самостоятельной роли и личнаго представительства ея officio она не имѣла. Когда честолюбивая Софья „учала писаться съ государями обще самодержицею“, а потомъ замыслила возложить на себя и царскій вѣнецъ, то такое неслыханное притязаніе возбудило „недоумѣніе и разномысліе“ даже среди преданныхъ ей стрѣльцовъ, и „только немногіе изъ нихъ“, какъ говоритъ Устряловъ, „изъявили рѣшительную готовность исполнить ея желаніе“, а „нѣкоторые смѣло отказывались отъ всякаго участія“. Тѣмъ менѣе, разумѣется, могли сочувствовать замыслу царевны русскіе люди, не стоявшіе въ рядахъ ея сторонниковъ...

Все это хорошо помнилось и понималось петровскими „птенцами“, задумавшими, послѣ смерти великаго царя, посадить на престолѣ вдову его, при живомъ внуцѣ, которому принадлежало наслѣдство по праву. Самъ Петръ, измѣнившій старинный порядокъ престолонаслѣдія законодательнымъ путемъ, несмотря на это, до самой кончины безпокоился этимъ вопросомъ и находилъ нужнымъ всякими мѣрами считаться съ коренными народными воззрѣніями на это дѣло. Съ цѣлью разубѣжденія консерваторовъ еоократическаго начала была

написана, между прочимъ, извѣстная „Правда воли монаршей“. По той же причинѣ Петръ такъ долго не рѣшался короновать любимую супругу, а когда коронація состоялась, то, въ оправданіе этого совершенно новаго на Руси акта (если не считать коронаціи Марини Мнишекъ) въ глазахъ народа, манифестъ, о немъ объявлявшій, ссылался не на права, а на личныя заслуги и „тяжкіе труды“ Екатерины, да на примѣръ западныхъ „потентатовъ“. Поучительно и важно, что признавалось нужнымъ соглашать народъ на подобную новизну и предупреждать его недовольство ею витіеватой аргументаціей, на силу которой тогда очень ужъ много полагались. Была ли мысль у Петра оставить по себѣ на престолѣ супругу или одну изъ дочерей своихъ—неизвѣстно и сказать трудно. Достоверно, что въ этомъ вопросѣ онъ былъ на сторонѣ консервативныхъ взглядовъ и, со времени разрыва съ царевичемъ Алексѣемъ и его смерти, крайне былъ озабоченъ тѣмъ, что у него нѣтъ наслѣдника мужскаго пола отъ брака съ Екатериной... Такъ съ этой неразрѣшенной заботой онъ и умеръ.

Извѣстно, что избраніе на царство императрицы Екатерины I состоялось безъ участія народа. Это было дворцовое дѣло, послужившее первымъ опытомъ и поощрительнымъ примѣромъ для послѣдующихъ, въ аналогичномъ родѣ, воцареній Анны, Елизаветы и Екатерины II. Задуманное въ тѣсномъ кругу придворныхъ приверженцевъ государыни, заботившихся, впрочемъ, не столько объ ея интересахъ, сколько о цѣлости своихъ головъ и о собственной выгодѣ, поддержанное гвардіей, а еще болѣе—апатичнымъ безучастіемъ общества, дѣло этого избранія совершилось божъ особенныхъ тревогъ и потрясеній. Вели его энергическія руки и сдѣлали быстрымъ, рѣшительнымъ образомъ дѣйствій связать руки противной себѣ придворной партіи, которая, будучи застигнута врасплохъ и не имѣя въ рядахъ своихъ людей твердаго и предпримчиваго характера, вынуждена была покориться предъ совершившимся фактомъ.

Тѣмъ не менѣе, по счастливо исполнившемся воцареніи, ни Екатерина, ни ея избиратели не чувствовали себя вполне обезпеченными и спокойными. Они понимали, что дѣло ихъ—не болѣе, какъ смѣло, „на счастье“, сорванная ставка, которая, при дальнѣйшей игрѣ, —почемъ знать?—можетъ быть еще легко и проиграна. Подъ ногами у нихъ не было твердой почвы ни въ писанномъ юридическомъ правѣ, ни въ практикѣ престолонаслѣдія прошлыхъ временъ, ни въ рѣшеніи воли народной. Напротивъ—всѣ эти пункты составляли слабыя, легко уязвимыя стороны совершившагося ех abrupto воцаренія. Главное, безпокоило и пугало—что скажетъ народъ на такое небывалое, неслыханное и неожиданное для него событіе, какъ восшествіе на престолъ женщины? Тогда дѣло такое было вновь и еще не была испытана вся глубина безучастія и отчужденія обезличенной народной массы ко всему, что происходило надъ ней сверху, въ далекомъ Петербургѣ...

Въ первые дни по воцареніи, были приняты всѣ мѣры для предупрежденія народнаго протеста. Въ Петербургѣ, по всѣмъ улицамъ, ходили отряды войскъ и разставлены были повсюду караулы; но особенно боялись за Москву. Туда былъ посланъ генералъ Дмитріевъ-Мамоновъ специально для принятія „способныхъ и безопасныхъ мѣръ“ къ отвращенію народныхъ волненій и „шалостей“. Но эта неувѣренность въ своемъ правѣ предъ лицомъ народа и боязнь его неодобрительнаго голоса въ совершившемся „избраніи“ всего ярче и краснорѣчивѣе выразилась въ изданномъ о воцареніи Екатерины манифестѣ.

Дѣло въ томъ, что въ манифестѣ этомъ, говоря словами Соловьева, „избравшіе не хотѣли прямо объявить Россіи объ избраніи“, а, путемъ велегрѣчивыхъ казуистическихъ оборотовъ, „коронованіе Екатерины выставили какъ назначеніе ея наслѣдницей престола“. Инаго манифеста, впрочемъ, и написать было нельзя, ибо „избраніе“ было сдѣлано несправильно во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно противорѣчило не только старому порядку престолонаслѣдія, но и закону Петра, мотивированному „Правдой воли монаршей“, по смыслу которыхъ, если ужъ должна была на престолѣ сѣсть женщина, то, въ данномъ случаѣ, никакъ не вдова умершаго государя, а одна изъ дочерей его; во-вторыхъ, манифестъ былъ изданъ отъ имени сената, синода и генералитета, которые „согласно приказали“ объявить о воцареніи Екатерины, тогда какъ ни такая группировка высшихъ чиновъ, ни самое право подобнаго „приказа“ вовсе и никѣмъ не были узаконены, да, напримѣръ, „генералитетъ“ вовсе и не означалъ собою какого нибудь высшаго государственнаго учрежденія. Все это было совершенно произвольно и крайне шатко; но — повторяемъ — въ тѣ наивныя времена слишкомъ ужъ много полагались на убѣдительность риторической казуистики, мало заботясь о логикѣ и правдѣ...

Впрочемъ, народъ не вдавался въ разборъ этихъ мало понятныхъ для него тонкостей и въ массѣ спокойно и равнодушно, безъ всякихъ „шалостей“, принялъ воцареніе, какъ совершившійся фактъ; но единичныхъ случаевъ протеста и оппозиціи наступленію „бабьяго правленія“ было немало со всѣхъ сторонъ — изъ среды и народа, и общества.

Прежде всего, какъ сказано выше, противъ избранія Екатерины была цѣлая партія при дворѣ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, состоявшая изъ первостепенныхъ вельможъ. Это были „родословные люди“ знатнаго происхожденія, тянувшіе къ Москвѣ и къ реакціи, ненавидѣвшіе иноземцевъ, а также петровскихъ „птенцовъ-высочекъ“, тайные приверженцы царевича Алексѣя при его жизни, а теперь — открытые сторонники его сына, какъ законнаго наслѣдника престола, связывавшіе съ его воцареніемъ надежды на господство своей партіи и на возвращеніе къ старинѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ, къ Екатеринѣ они относились крайне враждебно.

Самый даровитый и вліятельный представитель этой партіи, князь Д. М. Голицынъ, когда, послѣ смерти Петра II, возникъ вопросъ объ избраніи ему преемника, отозвался въ верховномъ совѣтѣ о Екатеринѣ I и ея дочеряхъ такимъ презрительнымъ образомъ:

— „Нечего думать о дочеряхъ Петра I, рожденныхъ до брака съ Екатериной; забѣщаніе Екатерины I не можетъ имѣть для насъ никакого значенія. Эта женщина низкаго происхожденія (князь выразился гораздо рѣзче) не имѣла никакого права возсѣсть на российский престолъ, тѣмъ менѣе располагать короной российской“.

Такъ думали всѣ „родословные люди“ этого отгѣнка, и вражда ихъ къ Екатеринѣ простиралась до того, что, въ виду кончины Петра I, они серьезно замыслили заточить ее и ея дочерей въ монастырь. Вопреки Екатеринѣ они покорились поневолѣ, но она все время побаивалась ихъ и—имѣла на то основаніе, если вѣрить извѣстіямъ о составлявшихся противъ нея заговорахъ въ пользу царевича Петра Алексѣевича.

Страхъ такого заговора могъ питаться еще неувѣренностью въ расположеніи къ императрицѣ украинской арміи, находившейся подъ начальствомъ весьма популярнаго въ ней другаго князя Голицына—фельдмаршала, тоже стоявшаго въ рядахъ враждебной Екатеринѣ вѣрноподданной партіи.

Гвардія вся была на сторонѣ Екатерины и послужила ей главной опорой при восшествіи на престолъ; но настроеніе армейскихъ полковъ внушало опасенія. Положимъ, опасенія эти ничѣмъ не подтверждались, тѣмъ не менѣе духъ оппозиціи, безъ всякаго сомнѣнія, проникалъ въ той или другой мѣрѣ и въ ряды войска.

Что касается народной массы, т. е., точнѣе сказать, городской черни, которая была ближе къ совершавшимся государственнымъ событіямъ и менѣе безучастна къ нимъ, чѣмъ деревенскій крестьянинъ, то, по обыкновенію, изъ этой среды наиболѣе сангвиническіе выразители „гласа народа—гласа Божья“ стали одни расплачиваться своими боками за всѣхъ, державшихъ быть недовольными. Съ ихъ-то „показаній“, испытанныхъ любовнательной „тайной канцеляріей“, мы и узнаемъ о ходившихъ въ массѣ толкахъ, неблагопріятныхъ императрицѣ.

„Нестаточное дѣло женщины быть на царствѣ, она же иноземка!“— вотъ къ чему сводились всѣ толки и въ чемъ заключался основной аргументъ и мотивъ оппозиціи. Находились ослушники, которые смѣло и открыто говорили, что Екатерина „не прямая царица“, а были и такіе, что простирали свою „неподобную адскую замерзѣлость“, по выраженію слѣдователей, до рѣшительнаго отказа идти къ присягѣ въ вѣрноподданствѣ.

Въ Москвѣ объявились въ такой „замерзѣлости“ два брата, изъ „подлыхъ людей“, уроженцы пригорода Судислава, Костромской губерніи, которые напрямки сказали начальству, что они „къ присягѣ

не пойдуть, императрицу за государыню себѣ не признають, и прежде не признавали, и никогда вѣрными не были, потому что они по указамъ въ двойной платежъ раскольниковыми подписались, и этимъ платежомъ денегъ свободу себѣ получили и, разъ объявивши себя раскольниками, вѣрными имъ быть нельзя“.

Твердое убѣжденіе въ правильности такого оригинальнаго пониманія раскольниковѣй подати, какъ выкупа отъ вѣрнопопданническаго долга, ослушники подкрѣпили тѣмъ, что перенесли жестокою пытку, закусивъ языки и не окнувъ; только, когда ихъ вторично стали жечь вѣнниками, они повинились въ ошибкѣ.

Другіе изъ отказывавшихся присягать аргументировали свое ослушаніе съ примѣсю даже юмора.

— Креста цѣловать не будемъ, говорили они;—если женщина царемъ, то пусть и крестъ цѣлуютъ женщины.

Но и среди самихъ женщинъ находились такія, которыя были на это несогласны, и съ немалымъ азартомъ, чѣмъ мужчины, возставали противъ „бабьяго правленія“. Какая-то монахиня была изблечена въ такихъ „неподобныхъ“ рѣчахъ:

— Я, говорила она,—за царицу Бога не молю, молю Бога за царевича: какая-де она царица?

Кромѣ кореннаго убѣжденія, что „недостаточное дѣло женщинѣ быть на царствѣ“, недовольные воцареніемъ Екатерины ссылались еще на то, что она иноземка и неправо завладѣла престоломъ.

Еще при жизни Петра, многіе поклонники старины осуждали его за то, что онъ повѣнчался съ иноземкой и отъ нея пошелъ „иноземный родъ“.

— Взлѣлъ за себя шведку—толковали они,—и та царица дѣтей не родить, и онъ сдѣлалъ указъ, чтобъ за предбудущаго государя крестъ цѣловать, и крестъ цѣлуютъ за шведа, одноконечно станутъ царствовать шведѣ.

Такіе разговоры были вызваны указомъ Петра о новомъ порядкѣ престолонаслѣдія. Теперь они возобновились. Какой-то попъ сталъ говорить, что „похваляютъ-де мудрость покойнаго императора, а какая это мудрость?—Вручилъ государство нехристіанскому роду и указалъ молиться за невѣрныхъ... Что хорошаго?“ Попъ винилъ въ этомъ „большіхъ бояръ“ и предсказывалъ, что „вкоротѣ будетъ не безъ смятенія“...

Относительно неправаго, будто бы, вступленія Екатерины на престолъ рассказывались цѣлыя басни совершенно фантастическаго свойства. Толковали, во-первыхъ, что Екатерина „испортила“ Петра. Это, какъ извѣстно, классическій и неизбѣжный припѣвъ подобныхъ толковъ. Затѣмъ стала ходить и другая, характеризующая смутныя времена, фикція, что, будто бы, царь Петръ живъ, не думалъ умирать и скрывается. Нѣкій монахъ Варлаамъ весьма тому удивлялся, отчего

„онъ и понинѣ не объявляется?..“ А сокрытіе Петра, по его разсказу, совершилось такъ:

— Ходилъ царь Петръ въ турецкую землю посломъ, а изъ той земли пошелъ въ городъ Стеггольмъ, а тотъ городъ держитъ царица, и къ той царицѣ отписалъ турокъ: пошелъ къ тебѣ посолъ русскій царь... А та царица его не отпустила, посадила подъ карауль, и вмѣсто его избрала такого жъ молодца и послала его въ Россію на царство. И по прїѣздѣ своемъ началъ бороды брить и платья рѣзать по своему, и жаловалъ своихъ невѣрныхъ въ высокіе чины, и никто его не позналъ, токмо познала царица, и онъ ее отъ себя отринулъ, и взялъ себѣ иную, а самъ пошелъ на службу, а царевичъ остался на царствѣ... А по отѣздѣ его на службу царевичъ началъ невѣрныхъ гнать, чтобъ ихъ не было на царствѣ, и, услыша, онъ (т. е. мнимый царь) возвратился назадъ и царевича уходилъ самъ, а потомъ и самъ умеръ, а ее (т. е. опять-таки мнимую царицу) пожаловалъ на царство.

Далѣе, въ сказаніи повѣствовалось о необычайно остроумномъ и счастливомъ избавленіи подлиннаго царя Петра изъ плѣна у шведской царицы, и повѣствователь заключалъ свой разсказъ выраженіемъ увѣренности, что этотъ настоящій, законный царь долженъ „объявиться“ и сѣсть на царство, свергнувъ съ него неправо завладѣвшую имъ поддѣльную царицу; дивился только простодушно: отчего онъ медлитъ „объявиться?“

Далѣе такихъ „продерзостныхъ“ розсказней и толковъ, да немногихъ, одиночныхъ случаевъ „замерзѣлаго“ ослушанія, недовольство со стороны народной массы новымъ и „недостаточнымъ“ дѣломъ вступленія на престолъ женщины—на этотъ разъ не пошло. Съ другой стороны, и стоявшіе вверху, у кормила правленія, вельможные противники Екатерины, „родословные люди“, считавшіе ее „непрямой царицей“ по такимъ же, но усложненнымъ еще сторонними интересами побужденіямъ, затаили въ себѣ свое недовольство и наружно примирились съ совершившимся оборотомъ исторической судьбы, не пытаясь ее переиначивать по своему.

Царствованіе Екатерины Алексѣевны прошло благополучно, и даже благополучнѣе, чѣмъ разсчитывали вначалѣ тѣ, кто его устраивалъ и ставилъ на ноги. Проба никогда не бывалаго прежде возведенія на престолъ, въ санъ самодержавнаго государя, женщины была сдѣлана съ полнымъ успѣхомъ и стерывала легкой путь для повторенія такихъ же опытовъ на дальнѣйшее время.

III.

Отрицательное отношеніе къ женщинѣ въ роли государыни, мысль что она—существо слабое, ограниченное и малоспособное, и что „не-

статочное дѣло“ ей на царствѣ сидѣть, находили себѣ рельефное (хотя косвенное) выраженіе не только въ фактахъ оппозиціи „бабьему правленію“, но и въ актахъ его утвержденія и отстаиванія преданными сторонниками той или другой воцарившейся государыни. На первый взглядъ это кажется страннымъ и несообразнымъ, а между тѣмъ, ничего не можетъ быть естественнѣе и достовѣрнѣе этой истинны, вполне подтверждаемой всей исторіей царствованія женщинъ въ Россіи.

Исторія эта убѣждаетъ насъ въ томъ, что главнѣйшимъ условіемъ успѣха „неправаго“, по понятіямъ законниковъ, воцаренія женщины-государыни (какъ, напримѣръ, Екатерины I, Елизаветы), и, вообще, главнѣйшей опорой женскаго правленія у насъ въ прошломъ столѣтіи было то обстоятельство, что для людей сильныхъ и вліятельныхъ такое правленіе представлялось наиболѣе выгоднымъ, наиболѣе отвѣчавшимъ ихъ властолюбивымъ, эгоистическимъ стремленіямъ. На чемъ же могъ основываться такой расчетъ? Ясно само по себѣ, да мы и увидимъ это изъ фактовъ, что онъ основывался, въ существѣ дѣла, на традиціонномъ презрѣніи къ женщинѣ, въ крайне невыгодномъ мнѣніи о ея способностяхъ, о силѣ ея ума и характера. Во всѣхъ почти случаяхъ сторонники возведенія на престолъ той или другой государыни, люди вельможные и сильные, или добивавшіеся силы и вліанія, руководились, главнымъ образомъ, тѣмъ соображеніемъ, что при ней, какъ женщинѣ, имъ нетрудно будетъ забрать всю власть въ свои руки, что ихъ честолюбію и хищности откроется полный просторъ, и это потому только, что отъ государыни-женщины нечего опасаться ни царской грозы, ни близкаго участія ея въ государственныхъ дѣлахъ.

Это былъ очень простой расчетъ и имъ руководились въ тѣ времена представители всѣхъ придворныхъ партій, съ тою только разницей, что воцарившаяся государыня, угодная одной партіи и ея поддержанная при вступленіи на престолъ, не удовлетворяла ту или другую, противную ей почему либо, партію, которая поэтому и становилась ей въ оппозицію.

Такъ было, какъ мы видѣли, при воцареніи Екатерины I, когда впервые былъ по достоинству оцѣненъ и принятъ въ руководство сейчасъ указанный расчетъ—расчетъ на слабохарактерность, ограниченность и легкомысліе прекраснаго пола, вообще.

Птенцы Петра Великаго и особенно князь Меншиковъ прямо шли къ тому, чтобы, пользуясь женскою слабостью императрицы, ея именемъ управлять государствомъ. Это даже не скрывалось и, какъ извѣстно, соблазнительный примѣръ Меншикова, достигшаго при Екатеринѣ неслыханной силы, ставшаго на Руси какимъ-то самовластнымъ „прегордымъ Голиафомъ“, какъ его называли современники, долго находилъ себѣ подражателей...

Случай для подражанія скоро представился. Умираетъ импера-

торъ—отрокъ Петръ II, не оставивъ послѣ себя ни завѣщанія, ни прямого наслѣдника въ мужскомъ родѣ. Снова открывается доступъ къ престолу женщинамъ царствующей семьи и, такъ какъ ихъ было нѣсколько съ одинаковыми почти правами на престолонаслѣдіе, то снова повторяется та же борьба придворныхъ партій и тотъ же опытъ произвольнаго распоряженія короной, изъ видовъ властолюбія и эгоизма вельможныхъ людей, помимо воли народа и опять-таки въ расчетъ не встрѣтить отпора этимъ видамъ со стороны женщины-государыни, потому только, что она—женщина.

Оставалось только выбрать изъ наличныхъ кандидатовъ на престолъ наиболѣе удобную для данныхъ цѣлей. Выборомъ этимъ распоряжались тогда знаменитые „верховники“ и, дѣйствительно, вся забота ихъ заключалась въ томъ, чтобы предоставить корону не наиболѣе способной и угодной народу кандидаткѣ, а наиболѣе для нихъ самихъ удобной, стоворчивой и наименѣе общавшей противодѣйствіе ихъ властолюбію. Въ этомъ отношеніи они до того не стѣснялись, какъ извѣстно, что наиболѣе предприимчивые изъ нихъ не остановились даже передъ подлогомъ, съ цѣлью возвести на престолъ самую для нихъ подходящую, хотя и самую сомнительную кандидатку, въ лицѣ княжны Долгорукой, нарѣченной невѣсты умершаго императора...

Это было очень ужъ смѣло и безцеремонно даже на взглядъ искушенныхъ тогда во всяческомъ произволѣ вельможъ, да и такое избраніе, очень выгодное для семьи князей Долгорукихъ съ ихъ присяжными, никакъ не могло нравиться другимъ „родословнымъ людямъ“. Тѣмъ не менѣе, всѣ они, въ чьихъ рукахъ было тогда избраніе, дружно сходились въ мысли — воспользоваться случаемъ „прибавить себѣ какъ можно воли“, по выраженію одного изъ нихъ, возведеніемъ на престолъ наиболѣе подходящаго для этого персонажа. И при этомъ было сдѣлано даже намѣренное предпочтеніе въ пользу избранія, именно, женщины, вопреки старому обычаю и закону Петра Великаго, требовавшимъ отдавать старшинство прежде всего наслѣдникамъ мужскаго пола, хотя бы и не въ прямомъ колѣнѣ.

„Верховники“ начали съ того, что совершенно и единодушно устранили такія кандидатуры, съ которыми была связана возможность передачи скипетра въ мужскія руки если не самого государя, то его родныхъ. Кандидатуръ такихъ было двѣ и онѣ имѣли за собой, во всѣхъ отношеніяхъ, наибольшія права: во-первыхъ, Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, какъ старшей изъ дочерей царя Ивана Алексѣевича, и, во-вторыхъ, Петра-Ульриха (впослѣдствіи Петра III), сына старшей дочери Петра Великаго, герцогини голштинской.

Если бы „верховники“ твердо стояли на юридической почвѣ, то они, не колеблясь, отдали бы и должны были бы отдать полное и безусловное предпочтеніе кандидатурѣ Петра-Ульриха, какъ единственнаго въ то время наслѣдника мужскаго пола, въ прямомъ колѣнѣ,

хотя и младшей линіи (у Екатерины Ивановны, представительницы старшей линіи въ родѣ, сыновей не было). Во всякомъ случаѣ, они не должны были обойти эти двѣ кандидатуры; но они менѣе всего на нихъ останавливаются и только для того, чтобы единодушно отвергнуть ихъ, единственно изъ опасенія подчиниться мужской власти на престолѣ, въ лицѣ ли мужа Екатерины Ивановны, герцога мекленбургскаго, котораго считали человѣкомъ самовластнымъ и грубымъ, или въ лицѣ отца малолѣтняго Петра-Ульриха, герцога голштинскаго Фридриха-Карла, заявившаго себя въ дни Екатерины I довольно безцеремоннымъ образомъ дѣйствій.

Положимъ, опасенія эти не лишены были основанія и даже патриотической подкладки, такъ какъ, конечно, Россіи не поздоровилось бы отъ управленія любого изъ этихъ двухъ нѣмецкихъ герцоговъ: но „верховниками“ въ этомъ случаѣ руководили чисто личные расчеты. Они, напримѣръ, все равно не выбрали бы Екатерины Ивановны, потому что она сама по себѣ, по своимъ личнымъ качествамъ, была для нихъ наименѣе угодна. „Настоящая причина исключенія (изъ числа кандидатовъ на престолъ) Екатерины Ивановны заключалась—пишетъ одинъ наблюдательный современникъ-иностранецъ—въ опасеніи, которое возбуждалось твердостью ея характера и ея рѣшительнымъ умомъ“... А этихъ-то качествъ и не желали „родословные люди“ видѣть въ государынѣ, имѣя въ виду „прибавить себѣ какъ можно воли“, и въ такомъ-то расчетѣ повели избраніе!

„Дальновиднѣйшіе“ изъ нихъ,—какъ свидѣтельствуетъ князь Щербатовъ,—желали возвести на російскій престолъ царицу Евдокію Ѳеодоровну, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго совѣта (т. е. верховнаго) сопротивляться не можетъ, а чрезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ, въ предосужденіе власти монаршеской“.

Вотъ чего хотѣлось „дальновиднымъ“ „верховникамъ“! Впрочемъ, кандидатура столь удобной, по своему „весьма слабому разуму“, Евдокіи Ѳеодоровны не могла быть принята изъ-за боярскаго соперничества, такъ какъ съ воцареніемъ Евдокіи Ѳеодоровны государствомъ стали бы править Лопухины, а всѣ другіе знатные роды не въ авантажѣ остались бы. По той же причинѣ была отвергнута и кандидатура Прасковьи Ивановны, находившейся въ бракѣ съ И. И. Дмитриевымъ-Мамоновымъ. Отвергли, наконецъ, „верховники“ и единственную, оставшуюся въ живыхъ, дочь Петра Великаго, Елизавету Петровну, подъ предлогомъ ея молодости и рожденія до брака, но на самомъ дѣлѣ изъ ненависти въ памяти Екатерины I и во всему петровскому режиму съ его представителями — „высочками“ и „нѣмцами“. Московская знать не любила Елизавету Петровну потому, что видѣла въ ней носительницу и преемницу несимпатичныхъ „родословнымъ людямъ“ идей и порядковъ ея отца и матери, а кромѣ того, цесаревна внушала опасенія своей популярностью въ

гвардейскихъ полкахъ и въ низшихъ классахъ народа, на которые она могла, слѣдовательно, опереться, чтобы дать отпоръ властолюбію вельможъ.

Выборъ „верховниковъ“ палъ, совершенно неожиданно для современниковъ, на Анну Ивановну, герцогиню курляндскую, и хотя въ этомъ случаѣ, какъ показали послѣдствія, „дальновидность“ имъ измѣнила, но расчетъ у нихъ былъ задуманъ тонко и въ прямомъ намереніи прежде всего „прибавить себѣ какъ можно воли“.

Выбрали они Анну Ивановну, помимо другихъ, съ большимъ правомъ, наслѣдниковъ, потому, что она казалась всѣхъ ихъ удобнѣе: „всѣ одинаково были увѣрены“, какъ говоритъ г. Корсаковъ, „что обездоленная вдовица приметъ какія угодно условія и согласится на все— лишь бы царствовать. Главный агитаторъ въ ея пользу среди верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ, а за нимъ князь В. Л. Долгорукій, были убѣждены, что она безпрекословно подпишетъ „пункты“. (Послѣдній къ тому жъ мнилъ“, какъ утверждаетъ князь Щербатовъ, „отгнавъ Бирона, его мѣсто заступитъ“).

Эти достопамятные „пункты“ хорошо извѣстны, а чѣмъ руководились ихъ авторы — это рельефно выразилось въ первомъ же совѣщаніи „верховниковъ“ о престолонаслѣдіи, послѣ кончины Петра II.

Анну Ивановну первый предложилъ князь Д. М. Голицынъ, а, впрочемъ, заключилъ свою рѣчь такъ:

— Ваша воля — кого изволите, а только надобно себѣ полегчить.

— Какъ это полегчить? спросилъ Головкинъ.

— Такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить, отвѣтилъ Голицынъ.

— Хотъ и зачнемъ, да не удержимъ этого, усомнился князь В. Л. Долгорукій.

— Право, удержимъ! стоялъ на своемъ Голицынъ, и всѣ „верховники“ (за исключеніемъ извѣстнаго хитреца Остермана) подписали тутъ же сочиненные имъ „пункты, чтобы не быть самодержавствію“.

Изъ этого чрезвычайно характеристическаго разговора ясно видно, что вопросъ шелъ не о томъ, кого избрать достойнѣйшаго и по закону наиболѣе правоспособнаго — это было рѣшительно все равно: „кого изволите“, а о томъ только, чтобы избранная личность наименѣе могла оказать сопротивленія стремленію вельможъ „воли себѣ прибавить“. Анна Ивановна представлялась самой для этого подходящей кандидаткой: съ нею можно было поторговаться, вручить ей скипетръ на какихъ угодно условіяхъ, и въ такомъ расчетѣ, что если бы она отказалась ихъ принять или, принявши, нарушила, то и избраніе ея не состоялось бы, такъ какъ „верховники“ считали себя полновластными хозяевами этого дѣла. „О государынь такъ положено — говорилъ одинъ изъ ихъ сторонниковъ уже въ то время, когда Анна Ивановна вступила на престолъ и находилась въ Москвѣ,—

что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, выпшлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня россійская: полно и того!“

Поначалу, все такъ, дѣйствительно, и сложилось, какъ предположили и разочли „верховники“. Анна Ивановна безпрекословно подписала „кондиціи“ и согласилась на все, и если бы избравшіе ее не были ослѣплены узкими, сословно-эгоистическими вождельніями, если бы они преслѣдовали обще-народные интересы, или съумѣли бы, по крайней мѣрѣ, къ нимъ поддаваться,—то замысли ихъ могли бы увѣнчаться совсѣмъ инымъ результатомъ, чѣмъ тотъ, который потомъ случился на ихъ бѣду.

Избраніе Анны Ивановны было сдѣлано совершенно произвольно, помимо всякихъ юридическихъ правъ и обычаевъ, безъ всякаго спроса народной воли. Верховный совѣтъ, никѣмъ не уполномоченный, взялъ на себя роль самозваннаго представителя Россіи и рѣшилъ важный вопросъ о престолонаслѣдіи сообразно лишь со своимъ видами и цѣлями или, по поговоркѣ, „какъ ему Богъ на душу положилъ“...

Вышеупомянутый г. Корсаковъ, авторъ недавняго вышедшаго въ свѣтъ обстоятельнаго изслѣдованія—„Воцареніе императрицы Анны Ивановны“, говоря о произвольныхъ дѣйствіяхъ при этомъ верховнаго совѣта, оправдываетъ его тѣмъ, что онъ только „подразжалъ въ этомъ случаѣ генералитету и сенату при воцареніи Екатерины I“. Совершенно справедливо! Примѣръ для подражанія былъ до того свѣжъ и заразителенъ, по своему удачному опыту, что трудно было имъ не соблазниться. Онъ былъ у всѣхъ передъ глазами, на него даже ссылались, какъ на образецъ и оправданіе властолюбивыхъ попытокъ. Вліятельный иностранецъ, датскій посланникъ Вестфаленъ, напримѣръ, категорически внушалъ князьямъ Долгорукимъ вступить на путь этого подражанія. Если „послѣ кончины Петра Великаго—писалъ онъ князю В. Л. Долгорукому—двѣ знатныя персоны, а именно Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу удержали, то и по вашей знатной фамиліи учинить можно, ибо вы больше силы и славы имѣете“. Рѣчь шла о смѣлой попыткѣ возведенія на престолъ княжны Долгорукой—невѣсты Петра II...

Неменѣе справедливъ и выводъ, сдѣланный г. Корсаковымъ изъ обобщенія всѣхъ этихъ фактовъ и вѣрно характеризующій всю эпоху фигурированія женщинъ на русскомъ престолѣ въ прошломъ столѣтіи. Онъ говоритъ, что разъ сдѣланное при воцареніи Екатерины I „нарушеніе“ правоваго порядка престолонаслѣдія „имѣло громадныя послѣдствія: оно служило прецедентомъ избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію“.

Вполнѣ соглашаясь съ выводомъ г. Корсакова, мы думаемъ, однако, что это еще не все и что онъ упустилъ изъ виду одинъ изъ глав-

ныхъ мотивовъ узаконнаго „нарушенія“, въ его многократныхъ повтореніяхъ. Впрочемъ, почтенному изслѣдователю до этого мотива не могло быть и дѣла, такъ какъ опредѣленіе послѣдняго не входило въ его задачу.

Во-первыхъ, кромѣ указанныхъ „громальныхъ послѣдствій“, опытъ „нарушенія“ законнаго порядка престолонаслѣдія долженъ былъ повести еще, и повелъ на самомъ дѣлѣ, къ развитію олигархическихъ стремленій въ „группѣ высшихъ должностныхъ лицъ“, распоряжавшихся короной „по ихъ усмотрѣнію“. Это было совершенно естественное послѣдствіе такого положенія вещей, и мы видимъ, что „верховники“, одушевленные подобными стремленіями и притязаніями, пытаются уже санкціонировать ихъ на законномъ основаніи, чрезъ ограниченіе „самодержавствія“ монархической власти, жаждутъ плотно встать между этой умаленной властью и народомъ въ посреднической, всеподавляющей роли „прегордыхъ Голиафовъ“, уже не временныхъ и случайныхъ, а постоянныхъ, упроченныхъ и вооруженныхъ нерушимыми конституціонными полномочіями. „Право, удержимъ!“ — ручался князь Голицынъ, трагую съ товарищами-„верховниками“ объ этихъ полномочіяхъ, и своими словами весьма краснорѣчиво выразилъ созрѣвшее въ нихъ намѣреніе законно упрочить свои олигархическія стремленія.

Во-вторыхъ, о мотивѣ—что для насъ самое главное. Спрашивается, откуда вытекали и на чемъ опирались, съ одной стороны, эти опыты произвольнаго „нарушенія“ правильнаго порядка престолонаслѣдія и, съ другой—эти притязанія вельможныхъ и вообще „высшихъ должностныхъ лицъ“ ограничить „самодержавствіе“ и самимъ себѣ „привавить воли“?

Мы возвращаемся къ тому, что ранѣе сказали. Мы полагаемъ, что причину этихъ явленій надо искать, главнымъ образомъ, въ томъ сдѣленіи историческихъ случайностей, въ силу которыхъ на русскомъ престолѣ, втеченіе такого долгаго промежутка времени, непрерывно, одна за другой, царствовали женщины, не выдвигавшія до воцаренія Екатерины Великой изъ ряда обыкновенныхъ. Вспомнимъ, что самый верховный совѣтъ, какъ центральный органъ высшей государственной власти, забравшій потомъ такую огромную силу и начавшій распоряжаться короной „по своему усмотрѣнію“, возникаетъ впервые въ царствованіе женщины (Екатерины I), для помощи ей и вслѣдствіе именно сознанія, что государевъ скипетръ женщинѣ одной держать не подѣ силу, какъ существу слабому и малоспособному. Это сознавалось всѣми. Даже противники „верховниковъ“, въ моментъ воцаренія Анны Ивановны, простое „шляхетство“, преданное ей и способствовавшее разрушить замыслы „родословныхъ людей“ ограничить „самодержавствіе“, тѣмъ не менѣе раздѣляли это коренное убѣжденіе относительно того, что женщина къ государственнымъ „трудамъ неудобна“.

«Истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей „пшакетства“, рѣшительный сторонникъ монархическаго начала, рѣзко выступившій противъ „верховниковъ“ и ихъ олигархической „затѣйки“, по выраженію Ѳеофана Прокоповича, В. Н. Татищевъ, въ своемъ проектѣ государственнаго преобразованія, подписанномъ многими лицами, говоритъ объ Аннѣ Ивановнѣ слѣдующее:

„...хотя мы ея мудростію, благонавіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однако жъ, какъ есть персона женская, къ такимъ многимъ трудамъ неудобна: паче-жъ ей знанія законовъ недостаетъ, для того, на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить“.

Намъ ненужно здѣсь знать, въ чемъ заключалось это „нѣчто“, по мысли Татищева. Слова его для насъ важны, во-первыхъ, какъ вѣрное отраженіе тогдашнихъ взглядовъ на личность женщины въ санѣ государыни, а, во-вторыхъ, какъ вѣское указаніе того, откуда могли возникать и въ чемъ находить для себя почву властолюбивыя стремленія, напр., „верховниковъ“, и, вообще, идеи ограниченія „самодержавствія“.

Если положительные сторонники неограниченнаго „самодержавствія“, какимъ былъ Татищевъ, находили необходимымъ, въ сознаніи „неудобства“ къ государственнымъ трудамъ „женской персоны“, временно учредить „нѣчто“ вспомогательное для монархической власти и, конечно, ее ограничивающее, „доколѣ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ“, то становится ясной вся важность млінія на современныя политическія понятія и на самый ходъ историческихъ событий факта воцаренія женщинъ.

Все сознавали „неудобство“ „женской персоны“ къ управленію государствомъ и что „недостаточное дѣло ей на царствѣ сидѣть“: но въ то время, какъ люди благонамѣренныя, въ родѣ Татищева, видѣли въ этомъ печальную случайность, съ которой необходимо примириться до вождедѣннаго ниспосланія Всевышнимъ на престолъ „мужеской персоны“,—властолюбивыя вельможи пользовались этой случайностью для осуществленія своихъ олигархическихъ замысловъ и на женской слабости государыни основывали свои надежды „вои себѣ прибавить“, а также забрать кормило правленія въ свои руки.

Какъ бы тамъ ни было, но приведенные факты и, вообще, вся исторія царствованія женщинъ на русскомъ престолѣ въ прошломъ столѣтіи представляютъ намъ очевидную, непосредственную зависимость и параллельность слѣдующихъ важныхъ историческихъ явленій: во-первыхъ, неоднократнаго—немыслимаго ни прежде, ни послѣ, но постоянно почти сопровождающаго воцареніе женщинъ за данный періодъ—нарушенія правоваго порядка престолонаслѣдія придворными „должностными лицами“, изъ расчета пользоваться женской слабостью

государствъ для своихъ властолюбивыхъ цѣлей; и, во-вторыхъ, причинаго и одновременнаго съ появленіемъ женскихъ личностей на престолахъ возникновенія идей ограниченія монархической власти конституціоннымъ „нѣчто“, въ той или другой формѣ.

Положимъ, ни олигархическая „затѣйка“ „верховниковъ“, ни „нѣчто“ Татищева и его единомышленниковъ, проектировавшихъ государственное преобразование въ духъ „общенародія“, для вспомогательнаго содѣйствія монархической власти, не осуществились ни тогда, ни послѣ. Общественныя силы были слишкомъ для этого разрознены и неподготовлены. Но причины, вызвавшія эти замыслы и стремленія, находившія себѣ почву и оправданіе въ „неудобствѣ“ къ управленію „женскихъ персонъ“, остались во всей силѣ и повели къ народженію чего-то гораздо худшаго, чѣмъ даже „затѣйки“ „родословныхъ людей“, ибо можно ли было придумать что нибудь хуже наступившей вслѣдъ затѣмъ Бироновщины?

IV.

Мы, конечно, не можемъ раздѣлять отрицательнаго и отчасти презрительнаго взгляда на женщину нашихъ предковъ, столь характерично проявлявшагося въ рассматриваемой сферѣ историческихъ переворотовъ и отношеній; но нельзя не сказать, что невыгодное мнѣніе современниковъ данной эпохи о способностяхъ „женскихъ персонъ“ къ государственнымъ трудамъ довольно часто и краснорѣчиво подтверждавалось на практикѣ самими убѣдительными фактами.

То, о чемъ мечтали, при воцареніи Анны Ивановны, „верховники“, замишляя облечь свои мечтанія въ прочныя легальныя формы, и то, противъ чего вооружались благонамѣренныя патріоты—Татищевы, въ огражденіе неприкосновенности монархическаго начала, нашло себѣ рельефное и полное отождествленіе въ фаворитизмѣ, составляющемъ отличительную и самую печальную черту эпохи женскаго правленія.

Дорого заплатили „верховники“ за свои властолюбивыя притязанія, но съ ихъ казнями и ссылками отнюдь не упразднилась возможность появленія на Руси новыхъ, болѣе счастливыхъ и нерѣдко болѣе антипатичныхъ, „прегордыхъ Голиаеовъ“, въ лицѣ безконечнаго ряда временщиковъ и фаворитовъ, эксплуатировавшихъ слабохарактерность, малоспособность и бездѣятельность благоволившихъ къ нимъ „женскихъ персонъ“, сидѣвшихъ на престолахъ...

„Челобитчики о самодержавіи не думали не гадали,—говорить г. Корсаковъ,—что изъ монархической власти Анны Ивановны вырастетъ та нѣмецкая олигархія, которая извѣстна подъ именемъ Бироновщины; не думали русскіе шляхтичи, что слово „русскій“ станетъ въ царствованіе Анны Ивановны чуть не позорной кличкой,

не предполагали они, что тѣ внутреннія нестроения, поправить которыя они хотѣли средствами, предложенными ими въ проектахъ, еще болѣе усилятся въ правленіе Анны Ивановны“.

Съ первыхъ же годовъ царствованія Анны Ивановны неудовольствіе охватило всѣми. „Народное чувство—говоритъ Соловьевъ—было сильно оскорблено, когда увидали небывалое явленіе—фаворита иностранца; когда увидали перваго кабинетъ-министра—иностранца, двоихъ дѣйствующихъ фельдмаршаловъ—иностранцевъ, президентовъ коллегій—иностранцевъ. Съ этимъ явленіемъ не могли помирить никакіе таланты, никакая благонамѣренность, никакой блестящій успѣхъ въ дѣлахъ внутреннихъ и вѣдшихъ; а тутъ, какъ нарочно, главное лицо, фаворитъ, былъ человѣкъ безъ достоинствъ, бесплодно для Россіи кормившійся на ея счетъ“.

Дѣйствительно, оскорбленіе это было почувствовано въ одинаковой степени всѣми русскими людьми, какъ вверху, такъ и внизу, особенно, когда гнетъ иноземной олигархіи сталъ выражаться нестерпимыми жестокостями, подозрѣніями и гоненіями противъ всякаго, кто позволялъ себѣ обнаружить малѣйшій признакъ недовольства и протеста. Болѣе мрачнаго періода въ новѣйшей исторіи нашей не было, потому что, за исключеніемъ бироновскихъ клеветовъ и, вообще, нѣмцевъ, люди всѣхъ классовъ и партій ходили съ понижутыми головами, единодушно сходясь въ чувствѣ страха и скорби за себя лично и за родину.

Все это опять, естественнымъ путемъ, должно было поддерживать въ русскихъ людяхъ традиціонное предубѣжденіе къ женщинѣ вообще, и къ женской власти на престолѣ въ особенности. Въ этой именно власти—въ ея слабости и углости—видѣли коренную причину удручающаго всѣхъ тяжелаго порядка вещей и вотъ—опять, то тамъ, то здѣсь, начинается слышаться ропотъ лично на государыню, какъ на женщину, которой-де вовсе „недостаточное дѣло на царствѣ сидѣть“. А одновременно съ неумолимой свирѣпостью начинается работать страшная тайная канцелярія, тщетно стараясь жестокими пытками унять голоса недовольныхъ и пресѣчь „неудобъсказуемыя поношенія“...

Неудовольствіе въ царствованіе Анны Ивановны питалось, главнымъ образомъ, безграничнымъ самовластіемъ Бирона и преобладаніемъ иноземцевъ въ дѣлахъ управленія, затѣмъ—широкимъ развитіемъ системы фискальства, жестокостями и несправедливостями судебно-полицейской власти и, наконецъ, невиданной дотогѣ расточительной роскошью двора, требовавшей громадныхъ издержекъ и сопровождавшейся безпощадными поборами съ разореннаго народа.

Могли быть и бывали такія невзгоды и въ царствованіе государей мужскаго пола, но теперь объ этомъ не разсуждали и всю причину бѣды видѣли въ томъ, что на престолѣ сидитъ женщина.

— Гдѣ ей столько знать, какъ мужской полъ? Будетъ вѣрвать боярамъ,—говорили люди простые, въ безхитростной формѣ выражая

ходящее общее мнѣніе:—Бабы городы никогда не стоятъ, бабы сѣни высоко не стоятъ. Хлѣбъ не родится, потому что женскій полъ царствомъ владѣтъ... При первомъ императорѣ намъ житье было добро, а нынѣ намъ стало что годъ, то хуже; какое нынѣ житье за бабою?

Такъ разсуждали плательщики податей подъ гнетомъ непомерныхъ поборовъ, вынуждаемыхъ, притомъ, жестокимъ пражежомъ.

Тягость „житья за бабою“ усугублялась для простаго народа широко развившейся системой откуповъ и безграничностью сопровождавшихъ ее злоупотребленій.

На это указывалось въ замѣчательномъ доносѣ, поданномъ при Аняѣ Ивановнѣ, гдѣ прямо говорилось, что „неусмотрѣніемъ сената продано все земледѣльчество и купечество безъ положеннаго цѣны, первое на расхищеніе... второе на разореніе и великое разграбленіе всего народу откупщикамъ и компанейщикамъ“. Доносъ винилъ послѣднихъ въ томъ, что они спаиваютъ народъ въ кабакахъ и— „многіи въ пьянствѣ своемъ проговариваются, и къ тѣмъ празднымъ словамъ примешиваются приказные и прочіе чины, и отъ того становятся великіе изъязы“... „Многія тысячи дѣльныхъ и годныхъ людей смертію казнены, а другихъ множество народа бьютъ кнутаомъ и посылаютъ на вѣчную работу“.

Рѣчь шла о многочисленныхъ жертвахъ шпіонства и оговора „словожъ и дѣломъ“, какъ результатъ чрезмѣрной подозрительности правительства, имѣвшаго, впрочемъ, довольно основаній считать себя особенно популярнымъ въ народѣ.

Недовольство было распространено и въ войскѣ. Солдаты жаловались на притѣсненіе начальниковъ—нѣмцевъ, на изнуреніе суровой муштрой и трудностями походной жизни въ непрерывномъ почти рядѣ войнъ. Начальствовавшій надъ русскими войсками Минихъ похваляется въ своихъ „Запискахъ“, что его русскіе воины величали „столбомъ престола“ и „соколомъ“; но изъ дѣлъ тайной канцеляріи узнаемъ, что ходили на его счетъ въ средѣ солдатъ и далеко не столь лестные отзывы.

Въ 1732 году былъ такой случай:

Въ Петергофѣ, осенью, находились на казенной работѣ солдаты „Володимірскаго“ пѣхотнаго полка. Видно, работа была нелегкая и неприятная, наводившая на мрачныя мысли о солдатскомъ житьѣ-бытьѣ вообще. На эту-то тему и завелъ „тихий“ разговоръ съ товарищами гренадеръ Илья Вершининъ.

— Нынѣ-де, говорилъ онъ,—умножилось работъ, и таскатни и смотровъ солдатамъ, а все это отъ генераль-фельдмаршала графа фонъ-Миниха. Потому-де много дѣла, коли оной фонъ-Минихъ во всемъ волю взялъ, то-де онъ живетъ съ ея императорскимъ величествомъ...

Только и рѣчей было, но ихъ оказалось слишкомъ достаточно для объявленія страшнаго „слова и дѣла“ однимъ изъ слушателей, а тайной канцеляріи для начатія розыска. Сообщилъ объ этихъ рѣчахъ

товарищъ Вершинина, Погуляевъ, солдату Воронкову, а тотъ довелъ ихъ до ушей инквизиторовъ тайной канцеляріи. Потянули рабовъ божіихъ въ застѣнокъ.

На пытѣхъ Погуляевъ покался, что онъ выдумалъ на Вершинина, а выдумалъ, въ надеждѣ избавиться отъ предстоящаго ему наказанія за кражу показаньемъ „слова и дѣла“.

На этомъ основаніи, канцелярія освободила Вершинина, Погуляева присудила, за ложный доносъ, къ отсѣченію головы, а Воронкова постегала батогами за то, что онъ, яко бы, не всѣ, относившіяся до дѣла, рѣчи, какія отъ Погуляева слышалъ, довелъ до свѣдѣнія любителей дѣлопроизводителей канцеляріи ¹⁾.

Трудно сказать, когда лгаль Погуляевъ—до пытки ли, въ своемъ доносѣ, или на пытѣхъ, при дознаніи? Изъ дѣла видно только, что онъ очень былъ озабоченъ спасеніемъ своей грѣшной души, вслѣдствіе чего, при совершеніи надъ нимъ казни, завѣщалъ, черезъ секретаря тайной канцеляріи Хрущова, свой „выслуженный полковой мундиръ, а именно: кафтанъ суконный зеленый, камзолъ суконный же красный, съ пуговицами мѣдными, отцу своему духовному, церкви верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, что въ с.-петербургской крѣпости, священнику Григорію Ѳедорову, для поминовенія его души“.

Сама тайная канцелярія очень рѣдко знала, гдѣ правда и гдѣ ложь въ показаніяхъ попадавшихъ въ ея руки клиентовъ, дѣлавшихъ изъ-подъ мучительной пытки такія иногда признанія, которыя имъ до того и во снѣ не снились.

Дѣйствительно, ложные доносы были тогда вещь весьма обыкновенной, но уже по ихъ содержанію можно судить о настроеніи умовъ, о томъ—въ какую сторону и на какіе предметы обращалось бродившее въ массѣ неудовольствіе. А что въ средѣ солдатъ не было недостатка въ недовольныхъ сложившимся порядкомъ вещей и относившихся отрицательно къ „бабьему правленію“, доказывается слѣдующимъ крупнымъ фактомъ, имѣвшимъ мѣсто въ концѣ царствованія Анны Ивановны.

Убѣжденіе въ незаконности женской власти на престолѣ, подкрѣпляемое наглядно бѣдствіями, притѣсненіями и несправедливостями, исходившими сверху отъ приближенныхъ къ государынѣ иноземцевъ, послужило благодарной почвой для обычнаго въ такихъ случаяхъ появленія смутной фикціи о пришествіи на царство законнаго государя въ мужскомъ полѣ. Это былъ естественный выводъ изъ сознанія неправости и ненормальности женской власти на престолѣ.

Въ массѣ стали ходить фантастическіе толки, рассказы и пророчества о предстоящемъ низверженіи Анны Ивановны и о явленіи на ея мѣсто законнаго государя. Въ Москвѣ, въ 1733 г., былъ пойманъ

¹⁾ Государствен. архивъ, VII, № 299. (Изъ портфеля редакціи „Историческ. Вѣстника“).

какой-то раскольнической пророкъ, который предсказывалъ, что на Благовѣщеніе будетъ на Руси страхъ великъ и гнѣвъ Божій, и сама Анна Ивановна будетъ призвана въ Москву на судъ, чего ради она изъ Москвы и удалится, „какъ бы ей того отбить“...

Затѣмъ, стали ходить слухи о существованіи царевича—наслѣдника престола. Уже вскорѣ по воцареніи Анны, недовольные наступленіемъ „бабыго правленія“ винили Долгорукихъ въ томъ, что они, будто-бы, „извели“ императора Петра II отравой; но, какъ всегда, къ этому присоединилась молва, что царевичъ избѣжалъ смерти и скрывается. Расли и ширились эти розсказы, питаемныя общимъ нерасположеніемъ къ царствовавшей государницѣ, пока, наконецъ, не нашли себѣ классическаго воплощенія въ появившихся самозванцахъ.

Въ 1734 году, почти одновременно, близъ Тамбова, объявилось два самозванца — Стародубцевъ, назвавшійся царевичемъ Петромъ Петровичемъ, и Тимофей Труженикъ, наименовавшійся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Большой смуты имъ не удалось совершить, какъ не удалось этого и смѣнившему ихъ въ 1738 г. новому самозванцу, болѣе предприимчивому. Это былъ польскій шляхтичъ Иванъ Миницкій изъ города Поддубны; онъ вышелъ въ Россію и лѣтъ двадцать бродилъ по монастырямъ, въ которыхъ нерѣдко заявлялъ себя „изступленіемъ ума“. Къ самозванству побудило его видѣніе; явился ему Христосъ и сказалъ: „Поди, явись мірови и объяви о себѣ, что ты царь Алексѣй Петровичъ, ты на это родился“... Миницкій такъ и сдѣлалъ. Въ селѣ Ярославцѣ, находясь среди рабочихъ, позвалъ въ себѣ мѣстнаго священника и сказалъ ему: „Я царь Алексѣй Петровичъ и хожу многіе годы въ нищенствѣ; поди, объяви это въ церкви предъ всѣмъ народомъ; хотя мнѣ смерть или животъ будетъ, только бъ всѣмъ явно было, что я царь Алексѣй Петровичъ подлинно“...

Повѣрилъ ли священникъ, или испугался угрозъ, но только во всемъ послушалъ самозванца. На другой день Миницкій позвалъ мѣстныхъ солдатъ и, объявивъ себя царемъ, требовалъ отъ нихъ „послужить ему вѣрою и правдою“. Солдаты пали на землю и со слезами влялись „постоять“ за мнимаго царя, который зналъ, чѣмъ можно обольстить ихъ.

— Вставайте, сказалъ онъ имъ:—я вашу нужду знаю, будетъ скорѣ радость: съ турками заключу миръ вѣчный...

Когда мѣстное начальство, узнавъ о самозванцѣ, послало казаковъ схватить его, солдаты и крестьяне вооружились на его защиту и не отдали. Самозванецъ пошелъ въ церковь и торжественно былъ встрѣченъ признавшимъ его священникомъ, съ крестомъ и хоругвями. Въ церкви, при огромномъ стеченіи народа, ему пропѣли „многая лѣта“, какъ воцарившемуся государю Алексѣю Петровичу, самъ онъ сталъ въ царскихъ вратахъ съ крестомъ, и народъ подходилъ къ нему, прикладывая ко кресту и цѣловалъ ему руки... Начальство мѣстное

догадалось во-время потушить искру: оно ворвалось въ церковь съ значительной казачьей командой и успѣло арестовать самозванца.

Узнавъ объ этомъ случаѣ, петербургскія власти очень встревожились. Дѣло сочли важнымъ по усердію, какое оказали солдаты къ самозванцу, и, чтобъ произвести сильное впечатлѣніе, предали виновныхъ страшной казни. Министръ и священникъ были посажены на колъ, многимъ изъ ихъ соучастниковъ отрубили головы, другихъ четверговали...

Такимъ-то образомъ выразилась оппозиція „бабьему правленію“ при Аннѣ Ивановнѣ, внизу—въ средѣ простонародья и солдатчины. Посмотримъ теперь, что думали и какъ выражали свое мнѣніе „вверху стоящіе“.

V.

Безъ сомнѣнія, заносчивый произволъ Бирона и вообще гнетъ иноземной олигархіи болѣе всего чувствовали близко стоявшіе къ престолу и къ государственному управленію русскіе люди высшаго, чиновнаго класса. Прежде всѣхъ почувствовали это „родословные люди“, такъ или иначе примыкавшіе къ партіи „верховниковъ“, сдѣлавшихся предметомъ непримиримой ненависти Анны Ивановны и ея любимца, къ которому они отнесли недавно съ такимъ презрѣніемъ. Длинный рядъ опалъ, ссылокъ и казней, обрушившихся на ихъ головы, хорошо извѣстенъ...

Русская старинная знать и чиновничество, воспитанное въ духѣ петровской политики, дававшей всюду преобладающее господство русской національности, были глубоко оскорблены и прониклись затаеннымъ нерасположеніемъ къ императрицѣ.

— Какая она государыня: она шведка! говорилъ, по показанію канцеляриста Тишина, опальный князь И. Долгорукій въ ссылкѣ, порицая отношенія государыни къ Бирону и жалуясь на то, что она „разорила фамилію и родъ ихъ весь“.

Жаловались на императрицу и тѣ вельможи, которые оставались при дворѣ и не подвергались ни „разоренію“, ни открытой опалѣ, пользуясь, повидимому, милостью Анны.

— Государыня мнѣ говорила, жаловался извѣстный кабинетъ-министръ, князь А. М. Черкасскій: „Богъ тебя не оставитъ, также и я, пока буду жива, тебя не оставлю“, а какою я отъ нея милость вижу? Вотъ бездѣлица: пожаловали было намъ троемъ китайскіе товары—Головину, Остерману и мнѣ; когда Головинъ умеръ, тогда изволила сказать: „вотъ вамъ и его часть даю“; а послѣ того изъ тѣхъ товаровъ лучшіе выбрала себѣ на 30,000 рублей, а остальные велѣла раздѣлить на нѣсколько частей; а теперь не подарила мнѣ доимки на моихъ крестьянахъ... Выйду въ отставку.

Черкасскій винилъ въ этихъ обидахъ и Бирона, называя его злымъ человѣкомъ; но тутъ руководила имъ личная корысть. Другіе недо-

вольные изъ высшаго класса общества порицали Анну Ивановну изъ-за побужденій болѣе чистыхъ и широкихъ. Главнымъ образомъ, винили ее за слабость къ иноземцамъ. По этому предмету стали слгаться даже весьма характеристическія легенды.

Въ толгѣ распространилась молва, что государыня простерла свое благоволеніе къ иноземцамъ до того, что назначила, будто бы, на слѣдникомъ престола своего любимца Легольда (Левенгольда, оберъ-штальмейстера). Говорили, что князь В. В. Долгорукій возсталъ противъ этого и за то подвергся опалѣ. Его начали превозносить въ обществѣ, какъ героя-обличителя, граждански пострадавшаго за пользу родины и правду. Такимъ образомъ, недовольство стало получать патріотическую окраску, и когда началось гоненіе на всѣхъ бывшихъ „верховниковъ“, то еще недавно возбужденная противъ нихъ вражда въ „шляхетскомъ“ обществѣ смѣнилась теперь единодушнымъ сочувствіемъ. Въ нихъ видѣли русскихъ патріотовъ, падающихъ жертвами враговъ Россіи—иноземцевъ, облеченныхъ властью и довѣріемъ слабой женщины, которой, по несчастію, судьба судила сѣсть на русский престолъ. А неизбѣгшій той же участи Волинскій превознесенъ былъ, какъ извѣстно, въ народныя герои, и память о немъ съ такимъ ореоломъ перешла въ потомство.

Ропоть былъ всеобщій.

— Нынѣ силу великую имѣють оберъ-камергеръ Биронъ и фельд-маршалъ Минихъ, которые что хотятъ, то и дѣлають, и всѣхъ насъ губяють, говорили вельможные люди.

Особенно возмущалъ ихъ Биронъ своимъ наглымъ высокомѣріемъ, доходившимъ до того, что онъ однажды сказалъ сенаторамъ въ лицо, что „велить ихъ, вмѣсто мостовинъ, для исправленія мостовъ положить“.

— Биронъ взялъ силу и государыня безъ него ничего не сдѣлаетъ, жаловалось „шляхетство“; — всѣмъ нынѣ овладѣли иноземцы. Лещинскій изъ Данцига уѣхалъ мильонахъ на двухъ, не даромъ его графъ Минихъ упустилъ. Графъ Ягужинскій обо всемъ писалъ къ государынѣ; а когда Минихъ пріѣхалъ въ Петербургъ и повидался съ Бирономъ, то и нѣтъ ничего и все пропало: знать, что подѣлился съ нимъ. Вотъ какія фигуры дѣлаются у насъ! Государыня безъ Бирона ничего не сдѣлаетъ—все дѣлаетъ Биронъ. Нѣтъ у насъ никакого добраго порядка...

Еще рѣзче высказывалось противъ фаворитовъ Анны Ивановны и иноземцевъ духовенство, движимое интересами православія.

— Нынѣ увидѣхомъ, разсуждали ревнители церкви,—что они (Биронъ, Минихъ и вообще нѣмцы) яко эмиссаріи дьявольскіе влѣзли въ Россію со своимъ сонникомъ, имъ же попустившу Богу богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо обѣтова имъ сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго служенія государству російскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи православіе и благочестіе не только превратяють и, искореня, истребляють.

Людей аскетическаго образа мыслей, поклонниковъ строгаго благочестія, возмущала пышность и расточительная роскошь двора Анны Ивановны.

— Какъ не боготворять чрево—говорили въ монастыряхъ,—когда, тирански собирая съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати, употребляютъ на объяденія и пьянства, и какъ сатанѣ жертвы не приносятъ, когда слезныя и кровавыя сборы употребляютъ на потѣхи? А на все это государыню приводятъ иноземцы, понеже у нихъ крестьянъ нѣтъ и жалѣтъ имъ некого, хоть всѣ пропади... Чай, хуже собакъ почитаютъ. Пропавшее наше государство!

Раздраженіе противъ Вирона и нѣмцевъ расло съ каждымъ днемъ и внушило одному наблюдательному современнику-иностранцу опасеніе, „чтобъ русскіе не сдѣлали того же съ ними, что сдѣлали съ поляками при Лжедмитріи, хотя поляки и не подавали такихъ сильныхъ причинъ къ ожесточенію“.

Объемъ и силу этого ожесточенія лучше всего свидѣлствуютъ безчисленныя дѣла тайной канцеляріи о проявленіяхъ ропота противъ иноземцевъ и противъ императрицы за то, что она имъ покровительствовала.

У насъ подъ рукою имѣются два дѣла по этому предмету, возбужденныя уже въ царствованіе Елизаветы Петровны, но по своей сущности и характеру, непосредственно относящіяся ко времени Анны Ивановны ¹⁾. Это какъ бы запоздалые отклики господствовавшаго тогда настроенія умовъ, показывающіе до какой степени было глубоко въ русскомъ обществѣ недовольство Вироновщиной. Иначе нельзя объяснить живучесть этого недовольства, проявлявшагося по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того, какъ его причина уже исчезла. Впрочемъ, дѣла эти характеризуютъ, съ другой стороны, и ту деморализацію, которая посѣяна была въ русскомъ обществѣ во время Анны Ивановны необыкновеннымъ развитіемъ наушничества и ябедничества. Переходимъ къ ихъ изложенію.

Въ 1745 году содержались въ крѣпости св. Анны, въ числѣ другихъ арестантовъ, Козловскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Иванъ Буровъ, за кражу „изъ вѣдѣнія своего разныхъ фортификаціонныхъ матеріаловъ и за прочіе непорядочные поступки“, рядовой того же полка Василій Пичугинъ, за дезертирство и „утраченіе мундирнаго камзола“, да Федоръ Уголковъ, кондукторъ инженернаго корпуса, „за непорядочный его поступокъ, что въ ночное время тайно взоселъ въ крѣпость св. Анны, перелѣзши чрезъ городовую стѣну“...

Всѣ трое были уже осуждены и приговорены: Буровъ—къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, Пичугинъ—къ наказанію кнутомъ до 50 ударовъ и, съ вырываніемъ ноздрей передъ полкомъ, къ ссылкѣ въ каторжную работу на галеры, и Уголковъ—къ наказанію кнутомъ

¹⁾ Государствен. арх., VII, 994. (Изъ портфеля ред. „Историческаго Вѣстника“).

„безъ пощады“ и къ ссылкѣ въ „вѣчную работу“, опять-таки съ неизбежнымъ вырываніемъ ноздрей.

Имѣя въ близкой перспективѣ такую жестокою и сугубую эзекцию, арестанты, конечно, не были расположены къ беззаботному и ясному взгляду на текущія дѣла и событія въ отечествѣ. Свѣдала къ также мысль—нельзя ли какъ нибудь отвлечь, если не избыть, грозившую кару? Средство для того напрашивалось само въ руки— средство испытанное и вѣрное, хотя и хлопотливое.

Какъ-то, въ одно прекрасное утро, Пичугинъ, выйдя на дворъ, увидѣлъ сидящихъ на лавкѣ Бурова и Уголкива и непримѣтно сѣлъ позади—къ нимъ спиною. Очень его заинтриговала разговоръ товарищей по заключенію.

— Вотъ, всемилостивѣйшая государыня Елизавета Петровна,— говорилъ Буровъ,—изволила сѣсть на царство и милость показала до военныхъ людей, также до черни...

— А какъ государыня Анна Ивановна здравствовала, возразилъ Уголковъ,—и милости никому не изволила казать, кромѣ иноземцевъ, а нашихъ русскихъ все ссылала и думала думу, чтобъ наше государство разорить.

— Кто думу-то думалъ, тому Богъ долго вѣку не продлилъ! займѣлъ наставительно Буровъ.

Уголковъ свернулъ разговоръ на щекотливую тему о наследникѣ престола.

— Ежели, сказалъ онъ,—Богъ сочетаетъ бракомъ благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳедоровича, то недолго дадутъ пожить—тотчасъ, какъ грибка молоденькаго, скушать...

Вымолвивъ эти „непристойныя слова“, легкомысленный кондукторъ оглянулся и только тутъ примѣтилъ, что его слушаетъ третье лицо.

— Кто тутъ сидитъ? встревоженно опросилъ онъ Пичугина.

— Я сижу, спокойно отвѣтилъ тотъ.

— Давно ли ты здѣсь?

— Недавно... Пришелъ съ работы.

— Гдѣ ты былъ на работѣ?

— Былъ на работѣ у господина бригадира Вырубова (коменданта крѣпости).

Буровъ привязался къ этому и сталъ осуждать Вырубова.

— Вотъ, сказалъ онъ,—указъ ихъ величествъ есть, чтобъ солдаты въ собственную работу не употребляютъ, а онъ, несмотря на то, употребляетъ, да еще въ высокаторжественные дни тезоименитства ея императорскаго величества и его императорскаго высочества...

— Не что дѣлать здѣсь въ камышахъ... Генералитета нѣтъ—некому доносить! промолвилъ Уголковъ.

— Дай-ка мы объ этомъ донесемъ! предложилъ вдругъ эскъ-прапорщикъ.

— А какъ намъ донести?

— Очень просто: я закричу за собою „слово и дѣло“, а ты у меня будешь въ свидѣтеляхъ.

— Изволь! Доноси—я согласенъ...

И, порѣшивши на этомъ, пріятели разошлись.

Но Пичугинъ—травленный ходокъ по части доносовъ,—быстро сообразивъ, какая отгѣнная оказія выслужиться представляется ему самому, предупредилъ Уголкува и Бурова въ объявленіи „слова и дѣла“. По обычному порядку, всѣхъ трехъ взяли на допросъ „съ пристрастіемъ“. Пытали ихъ и въ Воронежѣ, пытали и въ Москвѣ, и, наконецъ, допытались до истины. Уголковъ и Буровъ подтвердили справедливость доноса и повинились въ „непристойныхъ“ словахъ. Очень характеристично, при этомъ, объясненіе Буровымъ его словъ относительно Анны Ивановны: „а кто думу-то думалъ, тому-де Богъ вѣку долго не продлилъ“.

— Говорилъ онъ ихъ въ такой-де силѣ, что въ російскомъ государствѣ опредѣленъ былъ регентомъ бывший герцогъ курляндскій, и имѣлъ правленіе російскаго государства, и потомъ за непорядочные и нерадѣтельные его къ государству поступки отъ регентства отрѣшенъ, а не въ другой какой силѣ.

Биронъ и его близкіе дѣлаются центромъ кружившихъ въ обществѣ разговоровъ о внутренней политикѣ, о дворѣ и объ отношеніяхъ входившихъ въ его составъ лицъ. Бирономъ поглощено все до того, что самое общество разбивается на двѣ господствующія партіи—его сторонниковъ и поклонниковъ, и его антагонистовъ. На Биронѣ, какъ на символѣ вѣры, люди либо сходятся и дружелюбно объединяются, какъ одномысленники, либо враждуютъ и ссорятся изъ-за того только, что одному Биронъ любя, а другому—аѣтипатичны. Въ высшей степени поучительная, въ этомъ отношеніи, влязшая ссора вышла между гвардейскими офицерами Палембахомъ, Нащокинымъ и Сумароковымъ, въ 1745 году, въ Петербургѣ.

Этотъ фактъ опять-таки показываетъ, до какой степени живуча была въ памяти современниковъ Бироновщина, если, спустя уже нѣсколько лѣтъ по паденіи Бироновъ, они продолжаютъ служить однимъ изъ циркулирующихъ интересовъ въ обществѣ, и настолько еще напряженно, что изъ разногласія по этому предмету возникаетъ цѣлая ссора, доходящая до судебно-полицейскаго разбирательства.

Былъ іюльскій день. Капитанъ гвардіи Нащокинъ сидѣлъ дома и ждалъ къ себѣ гостей—князя Шаховскаго, Сергѣя Строганова и Петра Сумарокова, обѣщавшихъ пріѣхать къ нему, „по дружеству“, обѣдать. Въ это время заходитъ къ нему товарищъ, Измайлловскаго полка капитанъ Густавъ Палембахъ, и заявляетъ, что пришелъ къ нему отобѣдать запросто—незваннымъ.

— Весьма кстати, говоритъ гостепримный хозяинъ:—у меня сегодня обѣдаетъ нѣсколько человѣкъ.

— Кто къ тебѣ будетъ? спросилъ Палембахъ.

Нащокинъ назвалъ гостей поименно.

Услышавъ имя Сумарокова, Палембахъ вспыхнулъ и, „съ великимъ сердцемъ, ходя по свѣтлицѣ“, говорилъ:

— Я его (т. е. Сумарокова) за каналію почитаю... Онъ—нигишій прыщъ (sic!), надѣлъ ленту, и такой недобрый человѣкъ, что подговариваетъ государыню Бирона въ ссылку послать въ гварнизонъ— въ прапорщики, какъ онъ отъ нихъ посланъ былъ... Я бы за Бирона кою шпагу всегда окрасилъ, только придворные—они трусы...

Какъ на грѣхъ, въ эту самую минуту подѣхалъ къ дому Нащокина легкій на поминѣ Сумароковъ. Увидѣвъ его въ окно, храбрый капитанъ, за минуту угрожавшій „окрасить“ свою шпагу въ его крови, вдругъ спасовалъ и поспѣшно отретировался изъ дома хозяина, „чрезъ задніе покои, чтобъ не встрѣчаться“ съ „трусомъ“... Впослѣдствіи Палембахъ объяснялъ свое бѣгство тѣмъ, что онъ просто бѣжалъ отъ самого себя, боясь, что при видѣ Сумарокова „вступить съ нимъ въ ссору, зачѣмъ онъ бѣднаго человѣка (Бирона) такъ обидѣлъ“. Видно, капитанъ былъ храбръ съ оглядкой...

Интересныя мотивы раздраженія Палембаха противъ недоброжелателя Бироновъ. Онъ былъ нѣмецъ и, очевидно, принадлежалъ, по духу и по связямъ, къ бироновской иноземной партіи, еще недавно господствовавшей при дворѣ. Съ ея паденіемъ и съ возвышеніемъ въ дни Елизаветы коренныхъ русскихъ людей, всѣ нѣмцы, конечно, повѣсили носы и выражали недовольство. Но кромѣ этого общаго для всѣхъ нѣмцевъ мотива раздраженія, Палембахъ имѣлъ еще личные поводы дорожить памятью Бироновъ и негодовать на ихъ торжествующихъ недоброхотовъ. Онъ служилъ въ Измайловскомъ полку, который, при Аннѣ Ивановнѣ и послѣ, командовалъ Густавъ Биронъ, братъ герцога курляндскаго. Палембахъ состоялъ при немъ адъютантомъ—былъ, слѣдственно, приближеннымъ лицомъ и считалъ его своимъ благодѣтелемъ. Естественно, что паденіе благодѣтеля должно было сильно тронуть чувствительное сердце его фаворита и земляка.

— Я объ Биронѣ имѣлъ сожалѣніе потому, что онъ былъ ко мнѣ добръ,—оправдывался впослѣдствіи въ тайной канцеляріи Палембахъ въ своемъ злословіи на Сумарокова.

Эта, въ сущности вздорная, исторія дошла до вѣдѣнія властей, благодаря, съ одной стороны, болтливости Нащокина и, съ другой—чрезвѣрной обидчивости и влязничеству Сумарокова. Все это, впрочемъ, очень хорошо характеризуетъ тогдашніе нравы.

Не успѣлъ Палембахъ скрыться изъ гостепримнаго дома Нащокина, а на его мѣсто войти Сумароковъ, какъ предупредительный хозяинъ „тогда же все случившееся и объявилъ“ сему послѣднему. Слетня упала на благодарную почву и невдолѣ изъ нея выросло дѣло государственное дѣло „о непристойныхъ словахъ“.

Шуваловъ именемъ императрицы приказалъ тайной канцеляріи начать „ислѣдованіе“. Прежде всего позвали къ допросу Нащокина, но такъ какъ онъ на ту пору заболѣлъ, то Шуваловъ лично ѣздилъ къ нему на домъ снимать допросъ. Очевидно, дѣло сочли экстреннымъ и важнымъ.

Кромѣ вышеизложеннаго разговора съ Палембахомъ, Нащокинъ прибавилъ еще одинъ обвинительный эпизодъ.

...„По сущей совѣсти, еще ей-ей! въ правду вашему превосходительству доношу, — писалъ онъ въ своемъ показаніи, — что оной Пальбахъ, когда я ѣхалъ мимо его квартиры, остановясь спрашивалъ, что, ему за причина, что онъ такъ на Сумарокова злится? На что онъ сказалъ: „Я-де тебѣ сказалъ, что кто Бирону непріятель, противъ того я самъ непріятель“.

На вопросъ же, отчего онъ къ нему, Нащокину, пересталъ ѣздить. Палембахъ отвѣчалъ:

— Къ тебѣ-де ѣздить придворные.

„И болѣе ничего не говорилъ“.

Дѣло тянулось почти полгода и окончилось довольно благополучно для Палембаха. Онъ сознался во взведенномъ на него, по доносу, обвиненіи, но оправдывался тѣмъ, что „непристойныя слова“ о Сумароковѣ вырвались у него „съ простоты“, безъ „злаго намѣренія“, единственно изъ состраданія къ Бирону. 14 декабря 1745 г. тайная канцелярія объявила ему высочайшій указъ, въ которомъ было сказано, что „хотя онъ, Палембахъ, „по силѣ государственныхъ правъ“, подлежалъ-бы строгому взысканію, но ея императорское величество изъ природнаго милосердія всемілостивѣйше оное ему оставить и его, Палембаха, отдавъ ему шпагу, изъ подъ ареста свободить попрежнему повелѣтъ соизволила, токмо съ такимъ обязательствомъ, чтобы онъ отъ такихъ и тому подобныхъ непристойныхъ словъ имѣлъ воздержаніе и предосторожность, а о чемъ въ тайной канцеляріи былъ онъ спрашиваемъ и что показывалъ, о томъ бы ни съ кѣмъ никогда разговоръ онъ не имѣлъ и никому ни чрезъ что не сообщалъ и содержалъ-бы все то въ вышнемъ секретѣ“... „А ежели впредь противно сему въ чемъ либо хотя мало онъ окажетъ, и тогда уже по-ступлено съ нимъ будетъ, по силѣ указовъ, безъ всякаго упущенія“.

В. Михневичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

„ЛИХОЛѢТЬ“.

(Смутное время).

Историческій романъ ¹⁾.

VI.

Гулай душа
Безъ кунтуша!
Нема пана
Безъ жулана!

(Старая польская пѣсня).

Такъ называвшаяся „пятиторская“ хоругвь пана ротмистра Непомука Алоизія Неборскаго, принимавшая столь рѣшительное участіе въ боевыхъ подвигахъ Лжедмитрія и своею отчаянною храбростью наиболѣе способствовавшая ему къ достиженію имъ своей цѣли — сѣсть на московскій престоль, — была царскими приставами расположена, съ самаго своего прибытія въ бѣлокаменную столицу, за Московю рѣкою, въ пригородныхъ посадахъ, тянувшихся далеко за Серпуховскою заставой во всѣ стороны. Этому обстоятельству храбрый ротмистръ и его не менѣе храбрая „хоренгвь“ были обязаны возможностью удрать безъ оглядки по проселку изъ негостепріимныхъ пригородныхъ посадовъ, въ тотъ ужасный день, когда, подъ набатъ колоколовъ и барабанный бой, московскій народъ и стрѣльцы, предводимые боярами, справили по убитомъ воровскомъ царѣ кровавыя поминки поголовнымъ истребленіемъ поляковъ. Тѣмъ не менѣе, старый воробей Неборскій, отойдя по смоленской дорогѣ верстъ на десять отъ Москвы и встрѣтясь съ казацкимъ отрядомъ вольнаго ротмистра Лисовскаго,

¹⁾ Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VII, стр. 29—78.

согласился съ нимъ дѣйствовать за-одно и на свой страхъ. Стали лагеремъ на зеленыхъ лугахъ москворѣцкихъ, у Кузькиной слободы. Вольные ротмистры считали здѣсь себя въ безопасности, такъ какъ отъ Москвы лагерь ихъ прикрывался рѣкою съ однимъ мостомъ, день и ночь охранявшимся сильною стражею; съ тылу сосновый боръ, далеко тянувшійся, оберегаемый разѣздами, представлялъ смѣлой конницѣ удобное отступленіе къ литовскому рубежу, въ случаѣ крайности. Ротмистры не хотѣли удалаться отъ Москвы потому, что поджидали отряды польскихъ пановъ, шедшихъ сюда съ разныхъ сторонъ. По-видимому, эти хищные вѣроны стали смотрѣть на русскій столичный городъ какъ на мертвый трупъ, всецѣло обреченный ихъ клювамъ и когтямъ, а на Русь—какъ на свое достояніе. Разлакомила ихъ первая удача.

„Тлустый“ панъ Неборскій предавался своему любимому вечернему препровожденію времени — попойкѣ. Просторныя горницы торговаго человѣка Фандейки Разумова, занятія ротмистромъ, еще никогда, разумѣется, не видѣли такого безобразія, какое происходило теперь въ этихъ мирныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ. Несмотря на раскрытыя двери и окна, духота въ горницахъ стояла страшная. Хозяина, Фандейку Разумова, конечно, прогнали изъ слободы въ шею, предварительно исписавъ ему нагайками спину, а жену его, краснощекую и смазливую Васютку, взявъ къ себѣ „на постель“, какъ тогда говорились, красивый хоронжій Ромуальдъ Голынский. Такое распоряженіе состоялось съ-вѣдома „тлустаго довуцы“, пана Неборскаго, давно уже забывшаго любовныя вождельнія и потерявшаго охоту приносить жертвы богинѣ Венерѣ. Богамъ болѣе мужественнымъ, Марсу и Бахусу, предался онъ на старость лѣтъ. Отъ „тлустаго“ пана „регентаря“, какъ товарищи и жолнеры уже давно называли сѣдоловсаго ротмистра Неборскаго, смердило табакомъ, виномъ и тѣмъ прокислымъ духомъ, тою зловонною застарѣлою изгарью, что является неизмѣнною спутницею долговременнаго и добросовѣстнаго пьянства. Этотъ кислый душокъ такъ и садилъ изъ тяжело дышавшаго рта тучнаго ротмистра, прохладявшагося добрыми глотками крѣпкаго венгерскаго, добытаго его „хлопами“, конечно, грабежомъ. Поглаживая трясущеюся съ пьянства рукою свой длинный сѣдой усъ, иногда попадавшій въ большой серебряный стаканъ, тлустый ротмистръ молча посматривалъ на темную теперь улицу слободы, ни мало не беспокоясь, что „взятая на копьѣ“ дорогая венгуровка стоила жизни московскаго купца и извозчика. На такихъ пустякахъ не останавливался храбрый панъ. Мертвые не встаютъ, хвала Богу! О, если бы мертвые вставали, панъ Неборскій, по всей вѣроятности, имѣлъ бы удовольствіе очутиться въ весьма людной и враждебной себѣ компаніи.

Въ шелковой, малиновой какъ кровь, рубашкѣ съ засученными рукавами, обнажавшими жилистыя мохнатяя руки, покрытыя старыми

и новыми рубцами, съ огромной лысой головой, словно дымящейся отъ хмѣльнаго угара, въ гусарскихъ синихъ „чичирахъ“ и желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ съ огромными серебряными шпорами, звенѣвшими при малѣйшемъ движеніи, Неборскій былъ душою всякаго кутежа. Среди шума, хохота, безтолковыхъ криковъ, задорной брани, угрозъ, пѣсенъ и легкомысленнаго хвастовства, неизмѣннаго спутника попойки поляка, „глухой“ ротмистръ сохранялъ величавое спокойствіе. Окруженный преклонявшеюся предъ нимъ толпой, сидя на своемъ складномъ походномъ кожаномъ стулѣ, съ грознымъ взглядомъ и важностью никому неподсуднаго владыки, онъ могъ послужить для живописца живымъ изображеніемъ веселаго и задорнаго божка Ваха, конечно, при тогдашнихъ военныхъ нравахъ. Какъ слѣдуетъ опытному „шусу“, Неборскій потягивалъ густое токайское изъ серебрянаго стакана съ круглымъ дномъ, и потому не стоявшаго. Эта неспособность стакана стоять давала Неборскому поводъ къ болѣе или менѣе удачнымъ остротамъ, въ родѣ того, что онъ несчастный человѣкъ— козеломъ пить, такъ какъ налитый стаканъ поставить нельзя.

— Вивать Польска! Смерть москалямъ! не имѣя силъ подняться со стула, торжественно съ бокаломъ въ рукѣ провозгласилъ довуца тость хриплымъ рѣзкимъ голосомъ и махнулъ волосатой ручищей въ окно.

— Вивать Польска! Смерть москалямъ! гаркнула пьяная шляхта, неистово зазвенѣвъ саблями и шпорами. По знаку довуцы, полукругомъ стоявшіе у окна трубачи, на мѣдныхъ трубахъ которыхъ весело блестялъ свѣтъ горѣвшей смоляной бочки, грянули обычный въ подобныхъ случаяхъ тушь.

— Вивать Польска! Побіемо москалей! подхватили жолнеры на улицѣ, ярко озаренной въ эту минуту нѣсколькими вспыхнувшими смоляными бочками. — Вивать нашъ довуца! орали жолнеры, густой толпой приступая на улицѣ къ бочкѣ водки, выкаченной маркитантомъ Янкелемъ Дуделемъ.

А Неборскій пѣлъ:

„Дайце вудки, дайце вудки,
Дайце на желондекъ!“

Изъ его широкой, высоко вздымавшейся груди вырывались хриплые звуки, напоминавшіе ревъ разъяреннаго быка. Бычачій сумрачный взглядъ его красныхъ, круглыхъ на-выкатъ, хищническихъ глазъ медленно вращался по буйной толпѣ. Самые отчаянные „товарищи“ пѣтигорской хоренгви не выдерживали этого безпощадно суроваго, молчаливаго взгляда съ сверкающими бѣлками въ красныхъ опухшихъ вѣкахъ.

— Слухай, панове-коллеженство! всѣмъ въ уши врѣзался металлическій какъ воронье карканье голосъ Неборскаго, заглушаемый хрипотю. Онъ снова затапулъ, тараща глаза:

„Дайце вудки, дайце вудки,
Дайце на желондекъ!“

А хоръ „уписовъ“ съ пьянымъ одушевленіемъ еще оглушительнѣе и безтолковѣе подхватилъ:

„Боло бжуща, завжуща,
Велькій непожондекъ!“

— Жиды! хриstopродавца Янкеля! рѣзко каркнулъ Неборскій, и страшный кулакъ, заканчивавшій волосатую жилистую руку, хватилъ по столу такъ, что зазвѣяли пустыя бутылки, а менѣе храбрые изъ подгулявшей шляхты вздрогнули.

— Жиды, маркитанта ясневельможнаго пана региментаря Алоиза Непомува Неборскаго съ Подлясья! передъ пански очи! передалъ корунжій Голыньскій.

— Теразь жиды передъ пански очи! подхватила толпа.

Нѣсколько сильныхъ рукъ незамедлили втащить въ горницу одного изъ злополучныхъ, хотя весьма корыстныхъ сыновъ Израиля, дѣйствительно „пархатаго“ Янкеля Дуделя.

Сухопарая, вертлявая фигура жиды съ трясущеюся отъ страха головой, украшенной двумя тощими пейсами, по одному за каждымъ ухомъ, оттопыреннымъ какъ у осла, предстала передъ грознаго ротмистра. Смѣшна и жалка казалась эта трясущаяся фигура въ длиннополомъ лапсердакѣ, въ хлопающихъ по пяткамъ туфляхъ, въ сплывшихся съ ногъ шерстяныхъ чулкахъ, съ замазаною ермолкой въ рукахъ. Раскѣсые плутоватые глазки робко поглядывали на „довуцу“ изъ понятнаго въ его положеніи желанія узнать: въ чемъ дѣло? не грозитъ ли опасность его жидовской шкуру отвѣдать плети?

Обидный для жидовскаго самолюбія смѣхъ и враждебный всему жидовскому племени говоръ подкутившей шляхты стоялъ въ ушахъ Янкеля. Пугаютъ его громъ сабель, шпоръ, угрозы шляхты, явно расположенной по-своему обойтись съ нимъ, жидомъ; но этотъ ужасный довуца! Глаза кровью налились, какъ у быка — ой, вей миръ! тѣмъ не менѣе, жидкій на росправу и вѣрный своему древнему божеству — золотому тельцу — Янкель благоразумно придерживалъ оба безконечные кармана своего вытертаго по швамъ лапсердака, замѣтно не пустые. Съ пріятнѣйшею изъ своихъ жидовскихъ уламбочекъ, согнувшись въ три погибели, Янкель въ пятый разъ поклонился Неборскому и въ пятый разъ произнесъ, какъ бы напоминая о себѣ грозному пану: „Падамъ до ногъ, вельможный панъ!“

— Бенедектынувки старки бутельку, альбо сто плетей жиду! кратко, но внушительно приказалъ Янкелю Неборскій, моча длинный сѣдой усъ въ серебряномъ ставанѣ съ знаменитымъ круглымъ дномъ.

— Теразь, наияснѣйшій панъ, теразь! видимо обрадовался Янкель, что дѣло можетъ благополучно окончиться и для его спины, и для его глубовихъ холщевыхъ кармановъ.

— Мамъ найлѣпшу бутельку! теразь!

Шлепая по пяткамъ своими стоптанными туфлями и придерживая руками отдувшіеся карманы лапсердака, Янкель поспѣшилъ исчез-

нуть изъ этого безпокойнаго собранія, изъ среды коего многіе, быть можетъ, имѣли понятное желаніе новнакомиться съ содержаніемъ его глубокихъ холщевыхъ кармановъ. Кажется, самую пивку природа не въ такой степени одарила способностью высасывать изъ тѣла кровь, въ какой одарила Янкеля тайной очищать чужіе карманы въ пользу своихъ глубокихъ, холщевыхъ. Переводъ въ нихъ чужихъ кербелей, грошей и золотыхъ онъ совершалъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Всѣ его презирали и всѣмъ онъ былъ нуженъ.

Благоразумный сынъ гонимаго племени не замедлилъ предстать предъ грозныя очи пана ротмистра съ бутылкой, обросшей мохомъ сыраго погреба, гдѣ она пролежала, быть можетъ, десятки лѣтъ, ожидая своей очереди попасть или въ уютную келью отца бенедиктинца, орденъ которыхъ, славясь ученостью, прославился и изготовленіемъ этого знаменитаго ликера, или въ княжескій чертогъ, или, наконецъ, въ лагерь головорѣзовъ.

— Це, це! не безъ гордости присмакивалъ Янкель, прицапкивалъ языкомъ и прищелкивалъ пальцами въ то время, какъ Неборскій съ глубокомысліемъ стараго питуха вертѣлъ въ рукахъ бутылку и убѣждался, что мохъ на ней, точно, послѣдствіе долгаго пребыванія въ спромъ погребѣ, а не плутовство жидовское.

— Тень ливерь—вай мирь!—смачный! хвалился Янкель, таинственно подкатывая глаза подъ лобъ и согнувшись, а потому оставивъ ту сухую и, по правдѣ сказать, совсѣмъ незамѣтную часть своего тѣла, на которой, вообще, сидитъ родъ человѣческій.

Чья-то тяжелая рука шлепнула именно по этой части жидовскаго тѣла, которая у Янкеля, какъ и у большинства людей, менѣе всѣхъ повинна, а болѣе всѣхъ терпѣть. Хотѣе поднялся насчетъ жида.

— Ой, вей! Але-жъ то глупство, панове! взвизгнулъ Янкель, выпрямляясь и оборачиваясь;—то шкода!

— То тебѣ за карбованцы наши шляхетскіе! смѣялись „товарищи“.—Ховайся, жиду, съ карбованцами! ховайся, лайдакъ!

— Яки тамъ карбованцы? растерянно озирался Янкель. — Нема ни якихъ карбованцевъ, панство! естемъ бѣдачка зидокъ! Янкель раскосыми глазами косился на пана Неборскаго; мохнатая ручища пьянаго ротмистра схватилась вдругъ за свою широкою кривую карабелю—дамасскій клинокъ, съ золотыми арабскими буквами, добытый цѣной жизни турецкаго паши въ кровавой сѣчѣ. Янкель страшно боялся видѣть эту кривую саблю, рубившую другія сабли какъ рѣдкю, въ рукѣ пьянаго силача-ротмистра, и съ пронзительнымъ крикомъ:—ай! гвульть! Ай вей мирь! подобравъ подлы истасканнаго лапсердака и растерявъ по пути сбитыя туфли, обратился въ бѣгство, провожаемый дружнымъ шляхетскимъ хохотомъ и криками: „Прендзей, жиду, рущай!“

— О, то дурень! нехъ его дзябли вшисци возьмо! спокойно про-

хрипѣлъ Неборскій и ловкимъ взмахомъ турецкой сабли отрубилъ запечатанное горло бутылки.

— Рувность и неподлежность, коллеженство! громко привѣтствовалъ веселую компанію Лисовскій, входя съ Дворжицкимъ въ горницу и не давая себѣ труда снять съ головы бараньей шапки. — Гостямъ бокалы!

Неборскій молча наполнилъ два стакана дорогою, густою какъ деревянное масло, золотистою влагою благочестивыхъ отцовъ бенедиктинцевъ и, любуясь ею какъ истый питухъ, дрожавшими съ переноса руками передалъ стаканы обоимъ вошедшимъ, не любопытствуя освѣдомиться, кого это привелъ къ нему Лисовскій.

— А ну же, братику, пане Лисовскій, выпіемъ старкой наше побратимство! обратился къ пришедшему ротмистръ Неборскій, подымая свой бокаль.

— Добже, пане региментажу! охотно отозвался Лисовскій, — то по-нѣмецкому — „брудершафтъ“.

Оба вольные ротмистра съ полными чарками въ правыхъ рукахъ сцѣпились руками и въ такомъ положеніи, не торопясь, глотокъ за глоткомъ, выпили чарки до дна. Со стукомъ поставивъ ихъ на столъ, причемъ, конечно, чарка Неборскаго свалилась на-бокъ, ротмистры взяли свои шелковые платки и осторожно, съ взаимнымъ уваженіемъ, обтерли другъ другу усы и ротъ. Потомъ обнялись крѣпко и поцѣловались. Все это они продѣлали весьма серьезно, словно бы священнодѣйствовали. Пьяные вытаращенные глаза Неборскаго глядѣли еще сердитѣе. Пустую бутылку онъ выбросилъ за окно.

— Теперь мы „побратимы“, коханку Лисовскій! каркнулъ рѣзко Неборскій. — Вивать! за того выпіемъ, а кто наипершій въ Кремль бенде—вивать!

— Вивать! подхватила шляхта, мало даже разслышавшая тостъ, но готовая орать, гремѣть саблями и рубить ими по слову доуцы.

— Вивать! пронеслось по толпѣ жолнеровъ на улицѣ, весело освѣщенной мѣсяцемъ и пылавшими смоляными бочками.

Загремѣлъ тушъ трубачей:

„Улане, улане, малеваны дзѣти,
Не една панянка за вами полеци!“

Хрипло и рѣзко ревѣлъ Неборскій, упершись мохнатыми руками въ бока, отчего широкія плечи его поднялись и усатая рожа поси-нѣла, а самъ онъ смахивалъ на быка, опустившаго рога съ тѣмъ, чтобы броситься на человѣка... И вдругъ старый „глухой“ ротмистръ очутился на рукахъ расходящейся шляхты, какъ перо подбрасываемый подъ потолокъ. Тѣснившіеся „товарищи“, нѣчто въ родѣ оруженосцевъ, передавали его на рукахъ къ двери. Тамъ жолнеры передали его „хоренгви“. Далекое по рѣкѣ пронеслось дружное „вивать, доуца!“

При торжественномъ звукѣ мѣдныхъ трубъ, безъ шапки, въ одной рубашкѣ, съ открытою мохнатою грудью и мохнатыми голыми руками, въ гусарскихъ „чивчирахъ“ и сапогахъ съ огромными шпорами, толстопузый и лысый ротмистръ, усатый, красноносый, высоко залеталъ надъ красными магерками своей хоругви.

— Выше! Выше! До неба, жолнежи! въ пьяномъ увлеченіи командовать, словно въ бою, Неборскій, котораго малиновая роза потемнѣла отъ неловкаго летанья пузомъ кверху и отъ сильныхъ толчковъ.

— Выше, рунность и неподлеглость!

Улица Кузькиной слободы, брошенной жителями, кишѣла пьяными жолнерами. Къ бору запылала изба, зажженная ими ради потѣхи. Зарезо пожара высоко подымалось въ свѣтломъ небѣ яркимъ кровавымъ свѣтомъ. Оттуда неслись польскія пѣсни, отчаянные бабьи крики, бой барабана, нестройный шумъ лагеря; временами покрывалъ все это протяжный окликъ стражи. Веселились, повидимому забывая, сколько такъ еще недавно собратій ихъ погибло въ одинъ день на Москвѣ, не думая, сколько ихъ можетъ погибнуть въ одинъ часъ завтра, или послѣзавтра. Старый „сарматскій“ духъ разбушевался во всей своей боевой мощи и шири; кутила вольница, избалованная годами кровопролитія, насилия, грабежа и всяческой необузданности.

Панъ Лисовскій, сбросивъ съ себя красный казакинъ, пригласилъ охмѣлѣвшаго гостя своего, Дворжицкаго сдѣлать то же и весело пропѣть.

„Гуляй душа
Безъ кунтуша!
Немá пана
Безъ жупана!“

Коллеженство, живо освобождаясь отъ кунтушей, кричало:

„Гуляй душа,
Безъ кунтуша!“

Въ старопольскихъ попойкахъ это было знавомъ, что кутежъ идетъ на всю ночь. Венгуровка—пяти-ведерный боченокъ, была покончена. Коллеженство, безъ излишней въ такихъ случаяхъ спеси, перешло къ большой бочкѣ крѣпкаго русскаго меда, благоразумно припасенной въ другой свѣтлицѣ предусмотрительнымъ хозяиномъ, Неборскимъ. Для удобства верхнее дно бочки было выбито. Шляхетные „уписы“ и „мочиморды“, какъ ихъ величали Неборскій, черпали медъ ковшами и яндовами. Шла круговая. Было положено всѣмъ пить ровню, безъ фальши, пока бочка не осушится. „Московскій медъ крѣпокъ, а мы крѣпче его! хвалились „товарищи“. Вдругъ крики: „ушелъ, ушелъ! шпегъ!“ (шпіонъ) взволновали пьяную компанію.

— Кто! какъ! Давай его на кругъ! заорали пьяные голоса, перебывая другъ друга. Пьяная толпа грозно надвинулась къ сѣнямъ. Оттуда два „товарища“ насильно вытащили тощую и долговязую, какъ висѣлица, но воинственную фигуру пана Януарія-жихъ-Херболюбича на Зарембѣ Зарембскаго.

Неистовый вопль негодованія потрясъ обѣ горницы; обиажились сабли, слышались угрозы и проклятiя. „Шпегы!“—то есть „шпiонъ“, кричали въ глаза невозмутимому пану Януарiю, котораго одинаково терпѣть не могли и пятигорцы, и лисовчики.

— Къ довуцамъ! къ суду! горланила толпа, плотно замкнувъ оробѣвшаго воина въ своемъ живомъ кругѣ.

— Пршепрашамъ, ласковый пане региментаже! какъ только могъ вкрадчивѣ съ „найнижайшимъ“ поклономъ, къ какому только былъ способенъ, засюсюкалъ панъ Зарембскiй съ Зарембы, съ свойственною трусамъ чуткостью понявъ, что дѣло его тутъ северно и удрать нельзя.—Я до вѣтру, пане региментаже, якъ пана Бога кохамъ, до вѣтру!... Бо мамъ слабъ желондежъ, панове! Далибукы!... Вѣмъ, коллеженство, цд естемъ колдега, панове добродзѣи! то вѣмъ досканально!

— Якъ песь лаеть! шпегъ! перебивали его пьяные голоса:—къ довуцѣ!...

Довуца, панъ Неборскiй, сдѣлалъ попытку встать и стоя произнести надъ паномъ Зарембскимъ съ Зарембы свой приговоръ за нарушение имъ стараго, почтеннаго обычая доброй товарищеской попойки; но старыя ноги наотрѣзъ отказались поднять тлустое панское „бжушко“ и охмѣлѣвшую панскую голову. Пунцовая рожа и красныя глаза выражали полное осужденiе стараго „мочиморды“ легкомыслию, съ какимъ панъ Зарембскiй осмѣлился отнестись къ обязанности добраго „упiуса“ и товарища по попойкѣ. Убѣдясь, что венгерское и „старувка“ сдѣлали свое дѣло, Неборскiй не повторилъ болѣе своей попытки произнести приговоръ надъ виновнымъ стоя.

— Раздѣть эту вѣшалку, коллеженство, рѣшилъ кратко и безапелляционно Неборскiй подъ внушенiемъ своего пьянаго вдохновенiя.— Въ бочку съ медомъ его!

— Въ бочку его! обрадовалась толпа.

Въ минуту долговязый панъ Зарембскiй очутился въ своемъ натуральномъ видѣ, не могшемъ похвастаться избыткомъ чего-либо, кромѣ костей и кожи.

Толпа дико расхохоталась и потащила его къ огромной бочкѣ съ медомъ.

— Топите его въ меду! кричали одни.

— Эта селедка намъ медъ изгадитъ! кричали другiе.—Лучше выгнать его голымъ на улицу.

Оскорбленный такимъ грубымъ насилiемъ, изумленный такимъ нелестнымъ для его шляхетнаго достоинства сравненiемъ съ селедкой, панъ Януарiй Зарембскiй съ Зарембы громко запротестовалъ и вопилъ: „Але-то глупство, панове! Але-то не гжечне!“ тѣмъ не менѣе онъ проворно взлетѣлъ надъ бочкой, для того чтобы погрузиться съ головой и ногами въ сладкую и липкую влагу.

— Пей, дурень! пей! хрипѣлъ Неборскiй и дико завылъ:

„А кто не выпіе
Тегове два кія!“

А „ушусы“ подхватили:

„Цупу—лупу!
Лупу—цупу!
Тегове два кія!“

— Сарматы! любимые сыны бога Марса! воскликнулъ Лисовскій желавшій отвлечь шумѣвшую шляхту отъ несчастнаго Зарембскаго, жизни котораго грозила опасность, и имѣвшій слабость во хмѣлю блеснуть своимъ несовѣмъ еще забытымъ образованіемъ, полученнымъ имъ у отцовъ іезуитовъ.—Выпіемъ за польску доблесть, гремящую на весь свѣтъ съ славнаго круля Стефана Баторія! Вивать!

— Вивать! вивать гусарь! вивать улань! подхватили хоронжіе и товарищи, бросая злополучнаго пана Зарембскаго и одушевляясь порывомъ хвастливой пьяной храбрости.—Вивать доуцамъ! на Москаля! на москаля теразь!

Неборскій, въ отвѣтъ на этотъ шляхетскій вызовъ, безнадежно пожалъ плечами и многозначительно усмѣхнулся, поясняя, что ноги въ эту минуту отказались ему служить.

— Сиддай портки, давай воня! захрипѣлъ онъ и захохоталъ.

Горницы огласились шляхетскимъ смѣхомъ.

Вмѣсто того чтобы, по требованію „ушусовъ“, идти „теразь на москаля“, папъ Неборскій рѣзко выкрикивалъ любимую жолнерскую пѣсенку:

„Дивчина коханна, коханна,
Покажь ми коляна, коляна,
Покажь ми обои, обои—
Чи таки, якъ мои, якъ мои!...“

— Такъ есть! одобрилъ доуцу Лисовскій,—не слѣдуетъ мудрому полководцу мѣшать опасность съ наслажденіемъ. Всему свое время.

— Меня такъ же трудно оттащить отъ недопитаго стакана, какъ и отъ не взятаго непріятельскаго города, замѣтилъ Неборскій, бессильно уронивъ голову на грудь и закрывъ глаза... онъ явно перебралъ.

Лисовскій выразительно вивнулъ Дворжицкому, успѣвшему познаться съ красивымъ хоронжимъ Ромуальдомъ Голынскимъ и чокнуться съ нимъ стаканами. Дворжицкому оставалось только подъ шумокъ выбраться изъ пьяной компаніи въ сѣни, гдѣ его ждалъ Лисовскій.

VII.

„До ми доброго да коспіюль,
Альбо тенъ свищони попіюль?
Воляль си бичъ за снидане,
Ниць то тамъ попіоловане“.

„Что хорошаго мнѣ дастъ костель, или тотъ чтимый пещль? Лучше бы мнѣ дать завтракъ, чѣмъ это посыпаніе главы пещомъ“.

(Разговоры польскіе. Вита Корчевскаго. 1553).

— Изученіе классиковъ, при всемъ отвращеніи къ наукѣ вообще, какое она во мнѣ поселила, оставило во мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, говорилъ Лисовскій своему молодому не то гостю, не то пѣвнику, провожая его къ себѣ въ шатерь.—Такъ' вотъ, мнѣ извѣстно, что въ Евлидѣ, въ Греціи, три каменные урны, посвященныя Бахусу, сами собой наполнялись виномъ. Поэтому я полагаю, что древніе люди были счастливѣе насъ, по крайнѣй мѣрѣ счастливѣе тѣхъ изъ насъ, которые любятъ выпить...

— Не хуже пана Неборскаго, весело замѣтилъ подкутившій и раскраснѣвшійся Дворжицкій, на время забывшій княжну и свою безнадежную любовь, и свое невольное веселье у вольныхъ ротмистровъ.

— Древніе люди не знали, какъ мы знаемъ, проклятыхъ жидовъ, поставляющихъ намъ въ долгъ, конечно, за жидовскіе проценты, вино, продолжалъ ученикъ отцовъ іезуитовъ, которому ученье не пошло въ прокъ.—Плиній рассказываетъ о фонтанѣ, на островѣ Андросѣ, бившемъ виномъ... Въ такой благодатной странѣ жидамъ нечего было дѣлать... Нѣтъ гешефта!.. Что же касается древнихъ прославившихся пьяницъ, то не забудемъ воздать должную хвалу и нынѣшнимъ... Тиверій Пизонъ съ братомъ Люціемъ могли, не вставая изъ-за стола, пить двое сутокъ; я же знаю польскаго ротмистра, которому доводилось по мѣсяцу не вставать изъ-за стола съ бутылками, считая въ мѣсяцѣ тридцать одинъ день и столько же ночей.

— Хотя нѣтъ основанія предполагать, чтобы твой польскій ротмистръ не пожелалъ остаться за веселымъ столомъ всю свою жизнь, не вставая, смѣясь и явно намекая на пана Неборскаго замѣтилъ Дворжицкій.

— Не возражаю! согласился съ нимъ Лисовскій:—подобное желаніе во вкусѣ моего ротмистра.

— Повидимому, пане Лисовскій, ты изъ знакомства съ классиками почерпнулъ только свѣдѣнія о древнихъ пьяницахъ? весело замѣтилъ Дворжицкій.

— Я еще изучалъ Цицерона и его „Oratio pro lege Manilia“—рѣчь, кажется начинающуюся такъ: „pro Dii immortales! то есть, о безсмертныя Боги! знаю наизусть... правда, въ жизни мнѣ еще не приходилось ни разу извлечь какую нибудь пользу изъ знанія наизусть

этой знаменитой рѣчи. Латинскій языкъ я поспѣшилъ промѣнять на боевого коня, а Цицероново краснорѣчье на грубую, но прямую рѣчь жолнера...

— Но куда жъ мы идемъ? спросилъ Дворжицкй, вида, что Лисовскй, оставя кипѣвшую пьяными солдатами деревенскую улицу, держится песчаного берега рѣки, отражавшей въ своей тихой водѣ красное зарево пожара.

— Въ мой шатеръ, отвѣчалъ Лисовскй.—Мои лисовчики съ пятигорскою коругвию не мѣшались... Наши порядки строгіе; пятигорцы же — самъ ты видѣлъ — разбалованы, за-понибрата съ доуцей. Не товарищи мы съ ними въ лагерѣ.

Разговаривая такъ, вольный ротмистръ и его гость подходили къ сосновому бору, отъ котораго отдѣлилась и поползла по землѣ тѣнь. За нею вслѣдъ выступила и освѣтилась фигура караульнаго лисовчика съ блеснувшей сабельной полоской въ рукахъ. Изъ мрака, царившаго подъ соснами, до слуха Дворжицкаго доносились ясно звуки и шумъ кавалерійскаго бивака: конское фырканье, топотъ копытъ, визгъ схватившихся кусаться жеребцовъ и грубый окрикъ на нихъ жолнеровъ; нѣсколько сотенъ лошадей жевало въ навѣшанныхъ торбахъ овесъ. Ни одного востра, ни пѣсни, ни голоса.

Вольный ротмистръ остановился и, прислушавшись къ шуму конскихъ зубовъ, жующихъ овесъ, успокоился на мысли, что усталыя лошади его за ночь выкормятся и отдохнутъ.

— Въ этомъ бору ночуетъ тысяча человѣкъ и столько же коней! замѣтилъ онъ Дворжицкому.—Но чтобы открыть ихъ, надо на нихъ натѣнуться, не правда-ли?

— Правда, согласился съ нимъ Дворжицкй, удивленный, что такой многочисленный отрядъ конницы спрятался такъ умно, что его присутствіе обнаруживается только караульнымъ, да облѣвшимися шатромъ ротмистра, возлѣ котораго темнѣлась укладистая повозка.

— Мои барсуки зорко дозираютъ кругомъ, пояснилъ Лисовскй, — а потому мы съ тобой, панъ хоронжй, можемъ спокойно отдохнуть эту ночь, которой, впрочемъ, остается не много! добавилъ онъ, зѣвнувъ и взглянувъ на мѣсяцъ и на блѣднѣвшее созвѣдіе Большой Медвѣдицы. — Шатеръ—мой домъ, точно такъ же какъ война—моя жизнь. Единственная моя боязнь—это умереть не въ полѣ, а на постели! но, кажется, этого не будетъ, если только меня не повѣсятъ! Что ты, Бевзюкъ? обратился онъ у входа въ шатеръ къ подошедшему караульному жолнеру, по озабоченному виду котораго онъ понялъ, что тотъ желаетъ нѣчто сообщить ему.

— Старый монахъ плохъ, все стоналъ и просилъ есендза, пане ротмистръ, почтительно доложилъ жолнеръ.—Что-то смолкъ, не умеръ-ли?

— Закопаемъ, спокойно замѣтилъ Лисовскй съ понятнымъ равнодушіемъ человѣка, привычнаго ежедневно закапывать людей и недожарящаго ни своею жизнью, ни чужою. И приподнявъ грубую хол-

щевую полсть, замѣнявшую дверь, ротмистръ вошелъ въ шатеръ, пропустивъ въ него сперва, какъ того требовало польское приличіе, молодого гостя.

Большая, толстая бѣлая восковая свѣча, перевитая золоченою ниткой, явно церковная, и въ церковномъ посеребренномъ подсвѣчникѣ, попавшая къ вольному ротмистру по праву грабежа, поставленная на гладко разчищенной и посыпанной пескомъ землѣ, освѣщала просторную круглую палатку; по серединѣ высокой, врытый въ землю столбъ, обвѣшанный оружіемъ, служилъ ея основаніемъ. Отъ желѣзнаго кольца на верхушкѣ столба шли внизъ туго натянутыя веревки, привязанныя къ вбитымъ въ землю колышкамъ въ равномѣрномъ разстояніи одинъ отъ другаго. По этимъ веревкамъ гладко, безъ морщинки, лежали холщевыя клиномъ полотнища, изъ которыхъ была спита палатка. Все ея убранство состояло изъ охапки душистаго сѣна, прикрытаго широкимъ бѣлымъ войлокомъ, и кожаной сѣдельной подушки въ головахъ, да двухъ большихъ кожаныхъ перекидныхъ черезъ заднюю луку сѣдла сумокъ, туго набитыхъ драгоценностями, золотомъ и серебромъ, которыя всегда могли неотлучно слѣдовать при хоругви, во всѣхъ ея движеніяхъ и быстрыхъ налетахъ. Это была та самая полковая сумка лисовчиковъ, которую вольный ротмистръ, къ ужасу падре де-Мело, осмѣлился сравнить съ братской кружкой монастырскихъ орденовъ. Бѣдный августинецъ, издавая слабыя стоны, недвижимо лежалъ на огромномъ медвѣжьемъ мѣху, брошенномъ въ углу палатки, вытянувшись на спинѣ, со сложенными на груди руками, крѣпко державшими кипарисовый крестъ, висѣвшій у него на шеѣ. Мертвенно-блѣдное, изможденное долгимъ страданіемъ и лѣтами, строгое южнаго типа лицо его съ закрытыми глазами и бѣлой большой бородой рѣзко выдѣлялось вмѣстѣ съ глянцевитою лысой головой на густой бурой медвѣжьей шерсти съ красноватымъ отливомъ. Въ головахъ у него лежала его нищенская котомка. Слабость старика, повидимому умирающаго, испугала Дворжицкаго при мысли—что будетъ съ его крещенымъ индійскимъ раджей? Молодость великодушна и забываетъ свое собственное несчастье, свою собственную судьбу, отдаваясь заботамъ о чужомъ несчастіи, о чужой судьбѣ. Въ этомъ забвеніи себя ради другихъ, быть можетъ, заключается источникъ той силы, облагораживающей человѣческую жизнь на ея зарѣ утренней, что сообщаетъ молодости безспорное преимущество передъ прочими возрастами человѣка, болѣе бѣдными самоотверженіемъ и великодушіемъ, хотя и болѣе благоразумными.

— Пить! прошептали поблѣвшія, чуть замѣтно дрожавшія губы августинца, когда участливо нагнувшійся къ нему Дворжицкій тихо спросилъ его, не нужно ли ему чего.

Дворжицкій подаль ему бутылку съ водой, стѣявшую возлѣ нищенскаго изголовья его, и помогъ ему глотнуть нѣсколько разъ. Освѣженный водой, августинецъ медленно открылъ слабыя глаза и вздох-

нуль; потомъ сдѣлала напрасное усиліе поднять голову и присѣсть. Дворжицкій опять ему помогъ. Августинецъ присѣлъ, поддерживаемый сильными молодыми руками и, шепча латинскую молитву, набожно поцѣловалъ свой кипарисный крестъ.

— Благословеніе Божіе да сопутствуетъ тебѣ во всѣхъ путяхъ жизни твоей, благородный юноша! тихо съ усиліемъ обратился онъ къ Дворжицкому.—Въ добромъ сердцѣ твоёмъ посѣяно зерно христіанской вѣры; возрасти его, не дай дурнымъ плеведамъ заглушить его, какъ заглушено оно въ сердцѣ сего богоненавистника, сего разбойника и многихъ ему подобныхъ. Не за себя говорю, недостойнаго, часы котораго сочтены, не отъ своего лица благодарю тебя, но именемъ Бога всемогущаго, прославленію его же послужилъ я всю свою жизнь до сего часа... Именемъ же Бога жива прошу тебя доставить меня въ Москву. Я не долженъ умереть прежде, чѣмъ увижу моего юнаго индійскаго воспитанника свободнымъ и внѣ опасности... Положи меня на сѣдло, привяжи,—но только доставь въ Москву!

Рѣчь стараго августинца становилась убѣдительнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ на молодомъ лицѣ Дворжицкаго живое сомнѣніе въ возможности исполнить требованіе его, умирающаго старика.

— Не бойся! я ослабѣлъ, но я не умираю! Достань мнѣ изъ котомки пузырь съ эссенціей, и я тебѣ покажу на себѣ ея чудесную животворную силу. Индійскіе лекаря—волшебники; передъ ними наши европейскіе не боги какъ коновалы. Восточная врачебная наука познала тайныя силы природы еще съ библейскихъ временъ.—Говоря такъ, больной старикъ глотнулъ осторожно изъ фарфороваго пузырька, поданнаго ему Дворжицкимъ, тщательно заткнулъ его пробкой и передалъ своему молодому пріятелю, съ просьбой спрятать его опять въ котомку. Дворжицкому, дѣйствительно, пришлось быть очевидцемъ своего рода чуда: глотокъ индійской эссенціи, на его глазахъ, не замедлилъ оказати свое волшебное дѣйствіе: старый августинецъ оживился и поднялся на ноги безъ помощи хорунжаго.

Дворжицкій только плечами пожалъ и взглянулъ на Лисовскаго, молча улегшася на своей походной постели. Тотъ равнодушно слушалъ „изъ ума выжившаго“, какъ онъ утверждалъ, стараго ханжу. Августинецъ настойчивѣе повторилъ свою просьбу ѣхать немедля въ Москву.

— Зачѣмъ же тебѣ сейчасъ, ночью, радге? возразилъ Дворжицкій.

— Боюсь умереть прежде, чѣмъ эта нищенская котомка попадетъ туда, куда слѣдуетъ, понизивъ голосъ, чтобы не услышалъ Лисовскій, и бросивъ на него боязливый взглядъ, сказалъ августинецъ.

— Стало быть, въ котомкѣ своей ты несешь нѣчто важное для католическаго міра? не утерпѣлъ спросить Дворжицкій, тоже въ-полголоса. Августинецъ утвердительно кивнулъ головой и снова боязливо взглянулъ на Лисовскаго.

— Но куда-жъ доставлю я тебя, гдѣ бы ты могъ быть безопасенъ, радге? возразилъ Дворжицкій.—Королевскіе послы сами въ плѣну.

— Доставь меня въ слободу „Пріѣздную“, къ нѣмецкому торговому гостю, Августу Вернеру, добрый мой панъ, и я умру спокойно.

— Ладно! согласился Дворжицкій.—Только за паномъ Лисовскимъ теперь дѣло, какъ еще онъ? Слышь, пане ротмистръ? что скажешь?

— Бхать сейчасъ, какъ монахъ говорить,—отозвался, не перемѣняя своего положенія на войлокѣ, Лисовскій,—и я съ вами. Кстати, съ послами поведемся:—переговоримъ насчетъ ихъ освобожденія.

— Но тебя могутъ узнать и схватить, пане ротмистръ?

— Никогда, хладнокровно возразилъ Лисовскій.—Тебя бояре знаютъ: выдай меня, коли будетъ нужно, за королевскаго дворянина, присланнаго съ депешами къ посламъ. Я доставлю монаха живымъ въ Пріѣздную слободу и его нищенскую сумку собственноручно сдамъ нѣмецкому торговцу, Августу Вернеру. Эй, Бевзюгъ! Давай коней! Живо!

— О, святые Петръ и Павелъ! съ глубокимъ вздохомъ отчаянія прошепталъ августинецъ, слабыми глазами недовѣрчиво слѣдя за страшнымъ вольнымъ ротмистромъ, вышедшимъ изъ шатра и торопившимъ караульнаго жолнера сѣдлать коней.

Вольный ротмистръ панъ Александръ-Іосифъ Лисовскій ни въ чемъ не походилъ на своего собрата по оружію—„глустаго“ ротмистра Неборскаго. Наружность его располагала въ свою пользу, чего нельзя было сказать о Неборскомъ. Мужественная фигура лихаго наѣздника бросалась въ глаза своею молодцоватостью и стройностью, несмотря на его сорокъ лѣтъ. Лицо его, загорѣлое, румяное, съ черными, какъ вспыхивающіе уголья, глазами, изъ подъ черныхъ, дугой, бровей, съ черными завивающимися усами и бритымъ подбородкомъ, подыстать нивко остриженной, щегинившейся черноволосой головѣ, сейчасъ же выдавало въ немъ литвина. Какъ многіе изъ тогдашнихъ польскихъ военнопольныхъ, посвятившихъ свою жизнь бранному ремеслу и прославившихся отчаянною храбростью, панъ Лисовскій любилъ щеголять своимъ костюмомъ. Его сѣрая литовская коротенькая чемарка тонкаго сукна, „помереженная“, то есть расшитая чернымъ шелкомъ, весьма красиво застегивалась серебряными застѣжками въ родѣ бубенчиковъ, а зимняя „лесюрка“, или чемарка на лисьемъ мѣху, была черная бархатная. Во всѣ времена года, ежедневно, онъ носилъ длинные изъ толстой кожи, впрочемъ мягкіе и удобные, кавалерійскіе сапоги на толстой буйволовоу подошвѣ съ стальными шпорами. Въ своихъ раструбахъ сапоги совершенно скрывали штаны, всегда изъ краснаго сукна. Подъ колѣнками сапоги застегивались тонкими ремнями. Уже и въ то время Польша славилась выдѣлкою кожъ и своими сапожниками. Лисовскій рѣдко снималъ сапоги—онъ и спать въ нихъ, всегда готовый выбѣжать на тревогу. Глядя на него, весело осушающаго съ Неборскимъ стаканы и желающаго подѣ

хмѣлькомъ похвастать передъ грубыми сотоварищами своимъ остроуміемъ и ученіемъ у отцовъ іезуитовъ,—Дворжицкій готовъ былъ усумниться въ томъ, что это тотъ самый Лисовскій, имя котораго наводило ужасъ на русскіе города и села; что это тотъ негодяй Лисовскій, котораго голова оцѣнена въ Польшѣ, куда ему нельзя вернуться иначе, какъ подъ опасеніемъ очутиться на висѣлицѣ, къ чему присудилъ его сенать и король за многія тяжкія преступленія его и убійства. Польскіе и литовскіе ротмистры и паны держались отъ него въ приличномъ отдаленіи; только сбившійся съ панталыку Неборскій могъ связаться съ нимъ. Съ молодю Лисовскій служилъ въ „казачьемъ“, то есть „вольномъ“, полку пана Яна Бобовскаго. Братья Янъ и Яковъ Бобовскіе славились отвагою и начальствовали надъ полками изъ „охочихъ“ людей Великой и Малой Польши, Украйны и Дона. Служили у нихъ и иностранцы. Названіе „лисочиковъ“ казаки Лисовскаго получили по его фамиліи. Припомнилъ себѣ Дворжицкій одну тогдашнюю брошюру: „Zywot kasasów lisowskich“. На одномъ рисункѣ изображается битва съ татарами, а на другомъ сидитъ казакъ на бочкѣ съ кружкою и стаганомъ. О лисовчикахъ тамъ такъ говорится: „Пою воинственныхъ мужей, которыхъ кровавый Марсъ кормилъ съ алмаза для своей забавы, наливъ его густо сраженіями и побѣдами, и сдѣлалъ ихъ наслѣдниками своего мужества. Отчизна ихъ—весь свѣтъ, домъ—русская страна, нивозье—отецъ родной, мать—Украйна. Татары ихъ школа. У нихъ-то выучились на память писать на лицахъ, имѣя у пояса рогатые силлогизмы, убѣждал обухомъ, когда просятъ о чемънибудь. Ни одинъ ректоръ не разсѣчетъ такъ хорошо человѣка, какъ казакъ“. Припомнивъ себѣ это печатное восхваленіе лисовчиковъ, Дворжицкій вдругъ заподозрилъ самого пана Лисовскаго въ авторствѣ брошюры. Не даромъ же вольный ротмистръ смѣшиваетъ свои разбойничьи похождения съ воспоминаніями о классической древности, изучавшейся имъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ, а свою попойку украшаетъ обрывками Цицероновыхъ рѣчей. Въ глазахъ благороднаго хорунжаго подвиги отважнаго Лисовскаго, прославившіе его храбрость, безслѣдно уничтожались злодѣйствами его; варварское кровопролитіе, грабежъ, унижаетъ, въ понятіяхъ молодости особенно, достоинство честнаго воина. На „хорентвѣ“ вольнаго ротмистра Дворжицкій имѣлъ теперь полное основаніе смотрѣть какъ на правильно организованную и отлично вышколенную суровымъ атаманомъ шайку алчныхъ разбойниковъ. Молодой панъ понималъ, что вторженіе въ Русь въ это смутное время, вызванное самозванцемъ, представляло неукротимому духу такого бездѣльника, какъ Лисовскій, просторъ и богатую добычу. Жаль ему стало простоватыхъ москалей и при этомъ невольно онъ вспомнилъ о своей красавицѣ княжнѣ, о свиданіи съ нею. Занятый подобными мыслями, Дворжицкій подвигался къ Москвѣ рядомъ съ Лисовскимъ такъ скоро, какъ только позволялъ слабый

августинецъ, ѣхавшій верхомъ на „заводной“ лошади и, благодаря своей индiйской эссенціи, державшійся на сѣдлѣ довольно твердо. Они торопились, рассчитывая на разсвѣтъ вѣхатъ въ „Прiвздную“. Нѣкоторая короткость, сама собою установившаяся между Лисовскимъ и Дворжицкимъ, несмотря на отвращеніе послѣдняго къ Лисовскому, внушила молодому пану доброе желаніе обратиться къ вольному ротмистру съ такимъ вопросомъ:

— Неужели съ твоимъ умомъ, панъ ротмистръ, ты никогда не останавливался на мысли—достойно ли честнаго человѣка твое ремесло? Воинъ не можетъ быть грабителемъ.

— Понятіе о честности, по моему, слишкомъ условно, чтобы я съ моимъ умомъ, какъ ты говоришь, останавливался на подобномъ вопросѣ, разсудительно отвѣчалъ Лисовскій, — не все ли равно, какъ умереть: въ королевской ли опочивальнѣ, или на висѣлицѣ? Но не все равно, какъ прожить немногіе годы, назначенные намъ судьбой: свободнымъ ли человѣкомъ, какъ я, или рабомъ, какъ ты, панъ хоронжій!

— Я рабъ? въ непритворномъ изумленіи спросилъ Дворжицкій, явно задѣтый за-живое. По крайней мѣрѣ, скажи: чей рабъ благородный польскій дворянинъ, панъ Пржемыславъ Дворжицкій? Скажи, буду знать!

— У тебя много господъ, панъ Пржемыславъ, смѣясь продолжалъ Лисовскій:—ты рабъ предразсудковъ, называемыхъ религіею, рабъ всѣческихъ законовъ, избобрѣтенныхъ человѣчествомъ для поддержки силы противъ слабости, богатства противъ бѣдности; рабъ ходячихъ, тысячеклѣтіе пущенныхъ и давно уже не вѣрныхъ, изолгавшихся нравственныхъ истинъ, оберегая которыя человѣчество все глубже впадаетъ въ противорѣчія самому себѣ, а слѣдовательно—все дальше удаляется отъ своей завѣтной и общей цѣли—достигнуть счастья! Вѣрь, молодой панъ, что, въ сущности, между такими кажущимися человѣческими крайностями, какъ я и ты, нѣтъ никакой разницы. Ты такой же разбойникъ и грабитель, какъ и я; твоя жизнь, какъ и моя,—постоянное насиліе, вѣчный грабежъ. Только твое насиліе, твой грабежъ, съ болѣе общимъ характеромъ: искони утвердившаяся неправда узаконена человѣчествомъ. Не только ты, да я, не только человѣчество, весь живой міръ держится насиліемъ и грабежомъ. Разбери-ка:—хищный звѣрь питается звѣремъ же, хищная птица—птицею, хищная рыба—рыбой... Вотъ коршунъ надъ нами взмыль, крылья звенятъ—добычи ищетъ, голубя! А коршуна орелъ задереть; а орла человѣкъ. Развѣ не грабишь ты своихъ подданныхъ, крестьянъ, и жизнь каждого изъ нихъ не въ твоей власти? Развѣ не тысячи тебѣ подобныхъ обречены отъ колыбели и до своей могилы на безконечный трудъ, благодаря которому ты имѣешь возможность тунеядствовать и предаваться Амуру и Бахусу всю жизнь? Нѣтъ, панъ королевскій дворянинъ, всѣ вы лжецы и вамъ не понять такого откровеннаго человѣка, какъ я!

Для меня у васъ одно названіе—разбойникъ! Право, лучше совсѣмъ порвать всѣ гнилыя связи съ отжившимъ старымъ порядкомъ и объявить ему войну, какъ я это сдѣлалъ, чѣмъ пресмыкаться, подобно вамъ, въ нечестіи и во мракѣ и хвалиться своей религіей, своимъ совершенствомъ. Вы фарисей священнаго писанія и не вамъ упрекать меня, мытаря! Въ королѣ, вотъ, вы бережете себя же, свои панскія вольности и права. А такъ какъ мнѣ не предоставлено никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія я возьму саблей, то король вашъ мнѣ ни на чорта не нуженъ! Я самъ себѣ король! но я не хочу быть такимъ слюнявымъ королемъ, какъ вашъ Сигизмундъ! Шведъ по рожденію, нѣмецъ по образу мыслей, римлянинъ по слабости къ іезуитамъ—и ни въ чемъ не полякъ!

Дворжицкій помолчалъ и подумалъ, прежде чѣмъ сказалъ:

— Ты умѣешь зло говорить, панъ ротмистръ, но твои злыя слова невольно заставляютъ задуматься. Въ нихъ слышна доля правды... Чѣмъ больше узнаю тебя, тѣмъ мнѣ грустнѣе убѣждаться, что такая богато одаренная натура, какъ твоя, погибаетъ безславно, направляя свои силы не во имя Бога, а противъ него. Смѣшеніе въ тебѣ ума и низости—поразительно! Не смѣйся, панъ Лисовскій! настанетъ день, когда ты вспомнишь мои слова, и дай Богъ, чтобы скорѣе настала этотъ день!

— Проповѣдь твоя, панъ хоронжій, была бы приличнѣе въ устахъ твоего стараго августинца! смѣясь замѣтилъ Лисовскій;—кстати, живъ ли онъ?

— Если бы святое чувство любви смягчило твое очерствѣлое сердце! участливо продолжалъ Дворжицкій,—если бы ты встрѣтился въ своей жизни съ женщиной, которой бы отдался,—такая встрѣча облагородила бы тебя, пересоздала; чувство—великая сила!

— Сабельный звонъ плохой акомпанементъ сердечнымъ вздохамъ! возразилъ Лисовскій смѣясь и продолжалъ: — Жизнь свободного поляка—поле, не домъ, конь—не жена! по истинѣ, панъ хоронжій, ты болтаешь вздоръ, заставляющій меня предполагать, ужъ не влюбленъ ли самъ ты? А, ты покраснѣлъ!

Дворжицкій отвѣтилъ тихимъ вздохомъ.

— Кажется, я отгадалъ? сказалъ Лисовскій и не безъ любопытства взглянулъ на Дворжицкаго съ своею насмѣшливою улыбкой.

Колотушки и трещетки ночныхъ сторожей давно стихли и послѣдніе сладко спали у своихъ воротъ и дворовъ, на утренней зарѣ, теплой и погожей, обѣщавшей чудесный день, когда наши путники благополучно вѣхали въ слободу „Пріѣздную“. Раннее время было выбрано ими какъ нельзя больше удачно. Стрѣлецкіе дозоры и разѣзды уже собрались къ сѣвѣ и югу; на пустыхъ улицахъ рѣдко встрѣчался имъ запоздавшій въ „царевомъ кружалѣ“ пьяница, да встрѣчались деревенскіе мужики съ скригѣвшими возами сѣна, муки и прочаго, торопившіеся къ базару. Слобода „Пріѣздная“, впослѣдствіи

„Прїѣздна“, нынѣ часть Москвы, извѣстная подъ именемъ „Прїѣсни“. Тутъ, и нигдѣ больше, имѣли право останавливаться „прїѣзжіе гости“, то есть иногородные и иностранные купцы. Отъ иностранцевъ особыми приставами отбирались показанія по крестному цѣлованью: какъ, зачѣмъ, по какому дѣлу прїѣхалъ гость на Русь православную? Гости Новгорода, смоленскіе нѣмцы, люди отъ свейскаго народа, не имѣли на Москвѣ „мѣсть безъ договора“.

VIII.

Голова-ль ты моя, головушка,
 Голова ты моя, послушная,
 Послужила моя головушка
 Ровно тридцать лѣтъ и три года,
 Съ добра коня не слѣзаячи,
 Изъ стремянъ ногъ не вынимаючи.
 А не выслужила головушка
 Ни корысти себѣ, ни радости,
 Какъ ни слова себѣ добраго,
 И ни славы высокія.

(Русская пѣсня. Сказ. русс. нар.
 И. Сахарова).

Въ свѣтлицѣ, прибранной съ замѣтнымъ желаніемъ временнаго хозяина придать ей возможное удобство, еще догорала восковая свѣча на столѣ, у котораго писалъ письмо человекъ уже пожилой, въ нѣмецкомъ кафтанѣ, чулкахъ и башмакахъ. Полное, блѣдное, безъ кровинки, тщательно выбритое лицо невольно бросалось въ глаза строгою правильностью своихъ чертъ и благородствомъ выраженія. Большой лобъ казался еще выше отъ плѣши подъ черной бархатной шапочкой. Изъ-подъ нея темнѣлось кольцо когда-то какъ смоль черныхъ волосъ, теперь посѣдѣвшихъ. Большой съ горбинкой носъ чрезвычайно изящнаго очертанія напоминалъ характерные римскіе носы; нижняя губа, тоже красивая и характерная, плотно охватывала верхнюю губу въ тѣ минуты, когда въ глубокихъ черныхъ глазахъ загорался огонь чувства или мысли. Просторный бархатный коричневый кафтанъ не скрывалъ его виднаго роста и сильнаго тѣлосложенія. Онъ писалъ скоро, красивымъ почеркомъ, видимо не успѣвая излагать на бумагу мысли, толпившіяся въ его головѣ. Поправляя порой на носу большія очки, онъ писалъ:

„Небезызвѣстно вашей эминенціи, какъ кардиналу римской куріи, мнѣніе святѣйшаго нашего римскаго отца и его высокаго конклава, что близится время (если оно уже не наступило) для обращенія схизматической Московіи въ лоно католицизма. По обязанности вѣрнаго католика и служителя единой истинной и нелогрѣшимой церкви, сочувствуя вполне изъясненнымъ

намѣреніямъ апостолическаго намѣстника, не скрою отъ мудрости вашей всю трудность въ достиженіи, въ настоящее время, нашей общей католической цѣли. Московиты ненавидятъ чуждые имъ обычаи и еретиками считаютъ всѣхъ не православныхъ, то есть всѣхъ не греческаго исповѣданія. Привязанность ихъ къ вѣрѣ и обычаямъ предковъ исполнена фанатизма. Вспомните унию—какіе ничтожные результаты добыты цѣною всевозможныхъ усилій? Въ неумѣлости или недостаткѣ доброй воли нельзя упрекнуть людей, потрудившихся въ святомъ дѣлѣ униі... Нынѣшній духъ времени не тотъ, что тогда. Вамъ, прелату католичества, вѣдомо общее волненіе умовъ, вызванное реформаціей и гусситскимъ движеніемъ. Иеронимъ пражскій проповѣдывалъ въ русскихъ земляхъ польской короны и доходилъ до Пскова. Онъ нашелъ полное сочувствіе своей реформатской проповѣди въ западно-русскомъ православіи. Иначе не могло быть, такъ какъ основы православія и ученія Гусса тождественны. Не заблуждайтесь: почва для славянской церкви готова не только въ Литвѣ, гдѣ народъ и дворянство православны, но и въ самой Польшѣ. Лучшіе люди Польши, духовные и мірскіе, высказываются за то, чтобы приблизить свою вѣру къ ея первоначальной чистотѣ, хотя окатоличившійся православный король Ягелло, боясь сближенія западно-русской православной церкви съ гусситствомъ, порѣшилъ на Констанцскомъ соборѣ быть униі русскаго православія съ католичествомъ; тѣмъ не менѣе, литовцы и понынѣ пребываютъ твердыми въ своемъ православіи. Насиліе въ дѣлѣ вѣры народной ведетъ только къ напрасному кровопролитію и никогда не достигаетъ своей цѣли. Іезуиты — способнѣйшіе служители святаго римскаго отца—давно это поняли и ведутъ свою всемірную пропаганду съ мудростію змія и незлобивою голубя. Знаменитыя наставленія іезуитизма, цѣль которыхъ—господство церкви надъ князьями и народами міра, во всемъ своемъ блескѣ выразились въ „*Monita secreta societatis Iesu*“. Только іезуиты смогутъ предотвратить реформацію въ Польшѣ, то-есть совершить то именно, чего не достигъ Тридентскій соборъ. арианизмъ проникъ въ польское дворянство. Польскіе католики требуютъ причащенія подѣ обоими видами—*sub utraque*, богослуженія на польскомъ языкѣ, установленія брака для духовныхъ. Давно-ли польскій ксендзь Оржеховскій не только женился, но даже заставилъ своими еретическими сочиненіями святѣйшаго нашего отца папу дать санкцію на его бракъ. И эта папская санкція дана вопреки каноническихъ правилъ, вопреки древнихъ соборовъ: въ Эльвирѣ, въ Анцирѣ, въ Ниццѣ, освятившихъ „целибатъ“, то-есть безбрачье католическаго духовенства, подтвержденное папами Сиріемъ, Львомъ, Бенедиктомъ и Григоріемъ VII. Такіе католическіе писатели, какъ панъ Морджеевскій, требующій участія мірянъ въ дѣлахъ церкви, подкапываются подѣ основы римской церкви, а такіе католическіе короли, какъ польскій король Сигизмундъ Августъ, и такіе примасы королевства, какъ польскій примасъ Уханскій, готовы своимъ потворствомъ испроверженію не только католичества, но общественнаго и государственнаго порядка. Богу, тому, кто судитъ своихъ помазанниковъ, дастъ отчетъ король Сигизмундъ за дарованіе свободы исповѣданій, за терпимость къ диссидентамъ. Въ сенатѣ католической Польши нѣтъ католиковъ, кромѣ епископовъ. Полагаю, что въ нынѣшней Польшѣ можно примѣнить слова пророка Іереміи: „Пастыри заблуждаются въ законѣ, мудрые—въ совѣтѣ, и пророки поучаютъ неправдѣ“. Вольнодумство въ дворянствѣ польскомъ ужасающее. Знатнѣйшія фамиліи: Мнишекъ, Фирлей, Тарло и прочіе совращены съ семьями въ заблужденіе Арія; панъ Михаилъ Олесницкій, королевскій посолъ въ Москвѣ, ярый арианецъ.

„Я изложилъ дѣйствительное состояніе умовъ въ Польшѣ для того, чтобы ваша эминенція изволила усмотрѣть, ошибаюсь-ли я, утверждая, что римской куріи нельзя рассчитывать на содѣйствіе Польши въ дѣлѣ возвращенія Московіи панскому престолу. Новый крестовый походъ, возвѣщенный съ высоты Ватикана — *ad majorem Dei gloriam* — завоевать Московію, то есть возсоеди-

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

4

нить къ западному христіанству восточное, отторгнутое беззаконнымъ мудрствованіемъ патріарха Фотія, преданнаго за то анаемѣмъ папою Николаемъ, — только обнаружить безсиліе католицизма. Повидимому, безвозвратно прошло время, когда, по апостоліческому всемірному слову, двигались за Орифламою съ крестомъ народы и государи. Вѣра, ихъ двигавшая, изсякла. Теперь пуритане мрачно утверждаютъ, что возбуждать братоубійственную войну—не есть призваніе церкви; что легче проповѣдовать, чѣмъ исполнять проповѣдь. Аріанскіе паны, стоящіе нынѣ у кормила королевства, не скрываютъ, что король и Посполитая Рѣчь хотятъ воспользоваться смутнымъ временемъ русскаго государства, чтобы возвратить себѣ литовскіе города и области, отнятыя у нихъ царемъ Иваномъ-Грознымъ. Королевскіе послы объявили мнѣ здѣсь, что причина борьбы Польши съ Московіей можетъ быть только политическая, что о постройкѣ костеловъ и объ увнѣ въ Московіи они думать не хотятъ, да и вообще не намѣрены преслѣдовать какія бы ни были интересы римской курии на Востоцѣ. Мало того, послы жалуются на вмѣшательство въ нынѣшнее столкновеніе Польши съ Московіей іезуитовъ и папскаго нунція. Они утверждаютъ, что бояре московскіе непрочъ видѣть своимъ царемъ польскаго королевича Владислава, но что подозрѣнія, внушаемыя боярамъ интригами іезуитовъ, наславшихъ самозванцевъ на Россію, вредятъ дѣлу Польши. Итакъ: дѣло польской политики не есть дѣло католицизма. Знаю, что безъ земнаго Іерусалима нельзя достигъ Іерусалима небеснаго, но не крестовою ратью, не польскими хоругвями, достигнемъ мы желаемаго. Время, терпѣніе—и іерусалимскій орденъ съ своею осторожною, ласкающею политикою приведутъ насъ въ Москву, и къ числу семидесяти кардиналовъ, учрежденныхъ папой Сикстомъ, прибавится семьдесятъ-первый, московскій!

— Хотѣлось бы быть этимъ московскимъ кардиналомъ! подумалъ онъ, положивъ перо и снявъ съ римскаго носа очки и слегка откинувшись на спинку своего стула.—Свое личное честолюбіе и властолюбіе я прикрываю, какъ всѣ мы, прелаты, ревностью къ распространенію духовной власти апостоліческаго намѣстника. Каноническое право, обѣты смиренія, нищеты, духовное краснорѣчіе—это, въ моихъ глазахъ, только средства, а не цѣль. Всемірное вліяніе папы останется пустымъ звукомъ, если католическій монахъ не станетъ преслѣдовать мірскія выгоды. Да! мы, іезуиты, правы! День, когда папская булла наименоуетъ меня кардиналомъ Москвы и всей Сарматіи, будетъ заслуженною наградою моихъ многолѣтнихъ трудовъ во славу католицизма! Но для того, чтобы этого дня дожидаться, я долженъ связать свою судьбу съ судьбой московскихъ самозванныхъ царей! Король польскій уклоняется отъ вмѣшательства въ московскія дѣла подъ предлогомъ, что Польша въ мирѣ съ Московіей; въ сущности же—отъ того, что король польскій самъ менѣе каждаго изъ своихъ свободныхъ подданныхъ безопасенъ въ своемъ государствѣ и еле управляется у себя дома съ мятежными панскими „рокошами“. Затѣмъ, дѣло Марины Мнишекъ, вдовы самозванца Димитрія, погибло безповоротно. Нуженъ новый самозванецъ, котораго бы привели въ Москву дерзкіе паны. И, кажется, новаго Лжедимитрія уже ведутъ. Князя Льва Сапѣгу я убѣдилъ помочь подставному царю. *Divide et impera!* Въ Краковѣ и Вильнѣ мои горячія воззванія съ каедръ церковныхъ къ религіозному чувству и доблести народа и къ рыцарству

нановъ подвинули на Московію тысячи безпокойной, обѣдѣвшей шляхты... Короля и сенаторовъ я убѣдилъ въ принципѣ, по которому Краковъ и Москва должны быть столицами одного великаго славянскаго государства. Польша должна завоевать Московію, или наступитъ время, когда сама будетъ поглощена Москвою. Нѣтъ, князья міра! Вамъ еще рано избавитися отъ князей церкви! Счеты государства съ церковью начались не съ нынѣшняго дня. Но въ церковной власти еще долго будетъ нуждаться свѣтская власть, и не ошибается римская курія, какъ думаете вы, вмѣшиваясь въ политическія дѣла государствъ, особенно тѣхъ, которыхъ народы исповѣдуютъ ея ученіе.

Конскій топотъ у воротъ и звонъ сабли заставили мнимаго кушца вздрогнуть и поспѣшно сунуть свое длинное письмо въ одинъ изъ кожаныхъ чемодановъ, стоявшихъ на лавкѣ. Только теперь онъ увидѣлъ, что совсѣмъ разсвѣло и первый солнечный лучъ вотъ-вотъ брызнетъ изъ-за озолотившагося горизонта. Съ недоумѣніемъ, полнымъ страха, онъ услышалъ скрипъ отворившихся воротъ и увидѣлъ молодцеватаго казака, поддерживающаго убѣленнаго сѣдинами, почтеннаго старца, едва передвигающаго ноги.

— Кого передъ собой вижу? ты ли это, padre Nicolo de-Meld? своимъ глазамъ не вѣря, воскликнулъ называвшійся цесарскимъ купцомъ Августомъ Вернеромъ, поддерживавъ ослабѣвшаго старика въ ту минуту, когда онъ готовъ былъ упасть, и сажая его на лавку. — Благословенъ твой приходъ подъ мой кровъ, блаженный нищенствующій старецъ, котораго ремень отъ сандалій недостойны развязать всѣ прелаты римской куріи, ходящіе въ кардинальскихъ шапкахъ и пурпурныхъ мантияхъ!

— Я не привыкъ къ лести, замолчи! еле слышно, не подымая своихъ полузакрытыхъ глазъ на хозяина, замѣтилъ старый августинецъ, тяжело переводя духъ отъ усталости и прося негоціанта освободить его отъ котомки, привязанной у него за плечами.

— Я, вольный ротмистръ, проводилъ этого стараго монаха, по его просьбѣ, къ тебѣ, подданный его цесарскаго величества, герръ Августъ Вернеръ!—счелъ нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ стоявшій у двери Лисовскій, нарочно сдѣлавшій удареніе на имени и фамиліи негоціанта.

— Ничего пріятнѣе для меня ты не могъ сдѣлать, панъ ротмистръ! Прими отъ меня сердечную благодарность за содѣйствіе, оказанное тобой этому достойному старику!.. Я самъ вѣрный католикъ и мнѣ дорого видѣть вождя себя испытаннаго поборника католицизма именно теперь, когда даже въ нѣдрахъ католическаго міра возникаютъ легионныя стремленія всячески ограничить власть святѣйшаго отца папы и исказить сущность римскихъ догматовъ... Съ падре Николомъ давно знакомы...

— Дѣло ваше! сказалъ Лисовскій, усмѣхнувшись и окинувъ своими хитрыми глазами нѣмецкаго негоціанта, который бросилъ нищенскую

котому старика въ уголь, подъ лавку, какъ вещь не заслуживающую лучшаго мѣста.

— Надѣюсь, ты непрочь, храбрый ротмистръ, промочить горло виномъ, которое неперемѣнно похвалишь? обратился къ Лисовскому герръ Вернеръ, ставя на столъ стеклянный боченокъ, полный аркорозоваго вина и три стакана; — присядь, ротмистръ, вотъ твой стаканъ!

Онъ налилъ до краевъ всѣ три стакана и подвинулъ ихъ каждому изъ присутствующихъ, не исключая себя.

— Вино превосходное! долженъ былъ сознаться Лисовскій, присѣвшій на лавку и съ наслажденіемъ смакуя густое, благоухающее вино маленькими, глотками и любуясь на свѣтъ его чуднымъ рубиновымъ блескомъ.—Еще не пиваль такого.

— Это славное итальянское—*Lacrime Cristi*.

— Не пилъ ничего подобнаго, клянусь рогами дьявола!—единственнаго божества, въ которое я вѣрю! повторилъ Лисовскій, вновь подставляя свой пустой стаканъ, съ молчаливой просьбой, чтобы хозяинъ его наполнилъ.

— Ты богохульникъ! не выдержавъ, воскликнулъ въ негодованіи хозяинъ, въ черныхъ глазахъ котораго сверкнулъ огонекъ, а самъ онъ еще больше поблѣднѣлъ.

— Я не богохульникъ, а просто человекъ, стоящій внѣ предразсудковъ, спокойно замѣтилъ Лисовскій, самъ себѣ наливая вино, такъ какъ хозяинъ отъ него отстранился. — Моя религія — независимость.

— О, *sanctissima!* прошепталъ, полулежа на лавкѣ, старшій августинецъ, подерѣвленный стаканомъ вина.

— Странная религія — независимость! воскликнулъ иронически купецъ.

— Не признавая никакой религіи, я врагъ той, которую украшаетъ *il santissimo bambino*,—кукла въ папской тиарѣ! по прежнему, спокойно продолжалъ Лисовскій, принимаясь за третій стаканъ.

— Ты порицаешь намѣстника Христа, несчастный! горячился купецъ.

— А ты защищаешь этого избранника Божія не такъ, какъ купецъ, поданный его цесарскаго величества, герръ Августъ Вернеръ, а скорѣе, какъ его эминенція, монсиньеръ римской курии, нунцій свѣтѣйшаго отца, Бруно Брамантини!..

Словно пораженный ударомъ, безъ словъ, безъ движенія, замеръ на своемъ мѣстѣ герръ Вернеръ.

— Не дивись, что я тебя знаю, монсиньеръ, спокойно продолжалъ Лисовскій, закуривая свою коротенькую трубочку, — вспомни арианскаго мыслителя, Вицента Фетюковича, обратившагося къ твоей мудрости для поученія и утвержденія въ католичествѣ.

Вмѣсто отвѣта, прелать, немного пришедшій въ себя, въ глубо-

комъ изумленіи всматривался въ отважнаго казацкаго есаула и, къ своему ужасу и негодованію, узналъ въ немъ того самаго негодяя, который года два назадъ, подъ именемъ Вицента Фетюковича, жаждущаго перейти изъ заблужденій аріанизма въ лоно римской церкви, вкрался въ довѣріе прелата, жилъ больше мѣсяца въ его вельможныхъ покояхъ при доминиканскомъ кляшторѣ, въ Краковѣ, и ушелъ ночью, обокравъ его на весьма почтенную сумму.

— Чтобы помочь твоей памяти, монсиньеръ Бруно, я скажу, что экономку твою зовутъ Тереза, что у нея смазливая рожица съ блудливыми глазами, и что „целибашъ“ римскаго духовенства не помѣшалъ тебѣ имѣть отъ нея дѣтишекъ... продолжалъ нагло Лисовскій;—впрочемъ, я припоминаю только, а не осуждаю... Здѣсь большая разница, монсиньеръ. По господину и слуги. Оставилъ же послѣ себя папа Іоаннъ XXIII тринадцать человѣкъ дѣтей, за что отъ благодарныхъ современниковъ прозванъ: „pater patriae“, то-есть „отецъ отечества“.

Старый августинецъ Николо съ отчаяніемъ заткнулъ себѣ уши и страдальчески вздохнулъ.

— Кстати, монсиньеръ, замѣчу тебѣ, что и твоя смазливая экономка, панна Тереза, подобно большинству дочерей Еввы, падка къ лести молодыхъ мужчинъ и непрочъ вкусить отъ запрещеннаго плода...

— Довольно! сказалъ, съ трудомъ сдерживая себя и дрожа весь отъ гнѣва, прелатъ.—Если тогда, въ Краковѣ, ты проникъ подъ мой кровъ, какъ татъ, то, конечно, не лучшія цѣли привели тебя ко мнѣ и теперь. Говори же, чего тебѣ отъ меня нужно?

— Добраго выкупа за голову мирнаго негоціанта, подданнаго его цесарскаго величества, герра Куно Вернера, пріѣхавшаго въ Московію торговать драгоцѣнными тканями, — твердо, съ разстановкой и удареніемъ на словахъ отвѣчалъ Лисовскій съ своимъ нахальнымъ смѣхомъ. — Я постараюсь быть краткимъ и опредѣлительнымъ, какъ слѣдуетъ человѣку, дорожащему временемъ и заработкомъ: положи на этотъ столъ, не медля, одну тысячу талеровъ нѣмецкихъ, герръ Вернеръ, или я выдамъ тебя москалямъ... Понятно-ли?

Бѣдный герръ Вернеръ только глубоко вздохнулъ и пожалъ плечами, въ сознаніи сквернаго и безысходнаго своего положенія. На минуту онъ задумался, потомъ взглядъ его черныхъ выразительныхъ глазъ вонзился въ смѣлые глаза Лисовскаго, какъ бы проникая въ тайники его души.

— Если тебѣ, вольный ротмистръ, извѣстно мое настоящее званіе, то меня удивляетъ твое неуважительное обращеніе съ довѣреннымъ лицомъ твоего первосвященника,—на сколько могъ строго замѣтилъ Лисовскому прелатъ, рѣшившійся попытаться угрозой подѣйствовать на этого предводителя головорѣзовъ, прославившагося даже въ нѣмецкой имперіи своею жестокостью и дерзостью.

— Пршепрашамъ! смѣясь замѣтилъ Лисовскій:—о какомъ моемъ первосвященникѣ говоришь? Моя религія—повторяю—независимость. Я человекъ, стоящій внѣ предрасудковъ, освященныхъ вѣками. Я ничего не имѣю противъ послѣдователей Магомета, талмуда или идоловъ; но я заклятый врагъ той куклы, что называется *il santo padre*; не Богъ, а конclave кардиналовъ, такихъ же лжецовъ, какъ ты, избираетъ изъ своей среды старость, соединенную съ тѣмъ притворствомъ всей жизни, что вы, итальянцы, называете „inganno“

— Еретичество, достойное трибунала святой инквизиціи! тихо замѣтилъ прелатъ, поставленный въ необходимость выслушивать оскорбленія, наносимыя римской церкви Лисовскимъ.

— Достойнѣ ауто-да-фѣ! мрачно прошепталъ августинецъ.

Лисовскій стукнулъ о полъ своей тяжелой саблей и глубокое презрѣніе выразилось въ его дерзкихъ глазахъ и наглой усмѣшкѣ.

— Побывалъ я въ дьявольскихъ когтяхъ святѣйшей вашей инквизиціи, сказалъ онъ, —но не объ этомъ рѣчь! Золото на столѣ, ваша эминенція, монсиньеръ Бруно Брамантини, вельможный нунцій святѣйшаго римскаго отца, чтобы его черти побрали! къ дѣлу: не задерживай вольнаго ротмистра, раскошеляйся!—и сабля Лисовскаго снова внушительно звякнула, обнаруживъ его нетерпѣливое движеніе. Что-то мрачное и злобщее блеснуло въ его глазахъ. Прелатъ всталъ, и, доставъ изъ большого чемодана буйволовою кожи съ мѣдными застежками тяжелый свертокъ, въ замшевомъ мѣшечкѣ, бросилъ его на столъ.

— Пршепрашамъ, монсиньеръ, сказалъ Лисовскій, засовывая дорогой свертокъ въ глубокій карманъ своего казакина.

Улыбка презрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы удовольствія промелькнула на губахъ прелата. Онъ сѣлъ рядомъ съ Лисовскимъ и началъ говорить ласковымъ, мягкимъ голосомъ:

— Первый разъ еще въ своей жизни встрѣчаю я такого безбожника, негодя и вмѣстѣ съ тѣмъ таковаго умнаго, какъ ты, панъ ротмистръ. Умные люди, подобныя намъ, могутъ не сходиться во мнѣніяхъ, но должны понимать другъ друга; ты, кажется, человекъ, который мнѣ нуженъ въ эту минуту. Въ тебѣ совмѣщаются именно тѣ качества, на которыя можно рассчитывать: корысть и настойчивость въ достиженіи цѣли, какава бы она ни была.

— Ты вѣрно меня понялъ, монсиньеръ, скромно замѣтилъ Лисовскій.

— Лучшаго исполнителя своихъ замысловъ я не найду, а потому я буду съ тобой говорить не тѣмъ языкомъ, какимъ говорю обыкновенно съ другими. Ты поймешь меня. Не время намъ укорять другъ друга здѣсь, въ враждебной обоемъ намъ странѣ. Я представитель интересовъ римской куріи, ты—представитель искателей наживы. Подадимъ другъ другу руки — и мы многого достигнемъ. Присками іезуитовъ и мятежнымъ духомъ шляхетства Польша вовлечена въ

борьбу съ своимъ сосѣдомъ, русскимъ государствомъ. Едва покончили съ однимъ Лжедмитріемъ, какъ уже готовится другой. Королевскіе послы строго порицаютъ эту, будто бы, незаконную борьбу съ схизматическою Москвою знатныхъ польскихъ пановъ, вторгнувшихся въ дружеское Польшѣ государство съ огнемъ и саблѣй. Но устами ихъ говорить государственный расчетъ. Напротивъ, интересы римской курии требуютъ энергическаго вмѣшательства въ дѣло завоеванія Московіи; теперь удобный моментъ ввести въ нее унию. Намъ все равно, что дѣло переви католической ничѣмъ здѣсь не связано съ дѣломъ католическаго государства, и даже интересы ихъ взаимно исключаютъ другъ друга. У церковной власти найдутся средства, которыхъ нѣтъ у свѣтской. Въ Московіи все возможно, если бродяга могъ сѣсть на царскій престолъ. Помоги мнѣ, ротмистръ, добыть Риму Московію, и я озолочу тебя...

— Я искатель приключеній и добычи, монсиньеръ, сказалъ Лисовскій, внимательно выслушавъ прелата. — Мое ремесло называютъ разбоемъ и, правду сказать, я разбойникъ. Все, что я могу ждать отъ судьбы — это быть убитымъ на полѣ битвы, или же, что вѣроятнѣе, быть повѣшеннымъ. На что бы я ни рѣшился, съ чьей бы судьбой ни связалъ свою судьбу—хуже не будетъ; потому я готовъ помогать тебѣ подчинить Москву власти римскаго отца, какъ не прочь помогать Москвѣ живьемъ добыть этого же самаго папу, и даже посадить его на московскій колъ; я возьмусь за всякое дѣло, лишь бы оно сулило мнѣ выгоды. Что получу я за свою службу монсиньеру и его грандіознымъ планомъ?

— Если будущее насъ не обманетъ, панъ Лисовскій, ты получишь свое по заслугамъ! сказалъ съ одушевленіемъ прелатъ,—а теперь я готовъ ежемѣсячно платить тебѣ за вѣрную службу по одной тысячѣ имперскихъ талеровъ.

— Bene! согласился Лисовскій.—Я привыкъ къ числу, вѣсу и мѣрѣ. Договоръ—тѣ же деньги.

Съ этими словами онъ протянулъ свою грубую мускулистую руку прелату, который слегка, не безъ нѣкоторой гадливости, дотронулся до нея своей бѣлой, мягкой, красивой рукой съ розовыми ногтями.

— Я не честолюбивъ, монсиньеръ, замѣтилъ Лисовскій, — но, каюсь—золото мой кумиръ. Хочу умереть или на висѣлицѣ, или богатымъ...

— Многое, если не все, отъ насъ самихъ зависитъ! философствовалъ прелатъ;—такой азартный игрокъ, какъ ты, ротмистръ, не ставитъ пустыхъ кушей. Голова человѣка, ежедневно стоящаго у смерти, оцѣнена. Лучше продать ее дороже.

Затѣмъ прелатъ досталъ изъ своего большого чемодана другой свертокъ золота въ замшѣ и, положивъ его передъ Лисовскимъ, внушительно сказалъ:—Итакъ, съ этой ночи ты нашъ, ротмистръ?

— Пока буду получать тысячу талеровъ впередъ за мѣсяцъ, я вашъ, монсиньеръ, отвѣчалъ Лисовскій.

— Однако, ты не на шутку корыстенъ, любезный ротмистръ, замѣтилъ прелать, наливая стаканы дорогимъ розовымъ виномъ.

Въ эту минуту на улицѣ послышался глухой шумъ и топотъ какъ бы приближавшагося коннаго отряда. Прежде чѣмъ прелать успѣлъ сообразить, въ чемъ дѣло, Лисовскій, воскликнувъ „до ведзенья монсиньеръ!“ быстро выбѣжалъ на крыльцо и вскочилъ на своего коня. Такъ какъ ворота были заперты, то онъ бросился на задній дворъ и черезъ открытую калитку понесся по обширнымъ пустырямъ къ выѣзду, избѣгая улицы. Осѣдланнй конь, привезшій стараго августинца, съ обмотаннымъ по шеѣ поводомъ скакалъ у хвоста Лисовскаго. Даже лошади, не только казаки, были „вымуштрованы“ въ его regimentъ.

— Помни, достойный padre Nicolo, говорилъ прелать августинцу, прислушиваясь съ беспокойствомъ къ приближавшемуся конскому топоту по улицѣ и пряча нищенскую сумку монаха подъ лавку въ коникъ,—помни, что ты мой приказчикъ, Отто изъ Вюрцбурга; твой паспортъ у меня, твоего хозяина, герра Куно Вернера, изъ Вюрцбурга же,—кажется, padre, наступило время выказать намъ мудрость змѣи и незлобіе голубя.

Старый монахъ только вздохнулъ, слабымъ движеніемъ головы изъявивъ свою готовность въ точности исполнить приказаніе своего патрона.

У воротъ послышалось конское ржанье, звукъ сабель и затѣмъ нетерпѣливые голоса—„отворите!“ сопровождаемые сильнымъ стукомъ.

Взглянувъ въ окно, прелать увидѣлъ конныхъ стрѣльцовъ. Собравъ все свое мужество, онъ поднялъ оконную раму и кротко обратился къ стрѣльцкому головѣ съ вопросомъ—что ему надо?

— Отвори скорѣе ворота! приказалъ тотъ.

Бормоча „Ave“, прелать безпрекословно пошелъ исполнять приказаніе.

— Не русскимъ духомъ пахнетъ! козлинымъ! ослабляясь во весь свой широкій ротъ, кругомъ обросшій тощими, свѣтлыми какъ пенька волосами, повторялъ, слѣдуя за прелатомъ въ его горницу, неуклюжий, на ходу переваливавшійся по гусиному, толстакъ, стрѣлецкій сотникъ Елизаръ Демаковъ. Дрожавшій нервною дрожью августинецъ, несмотря на сознаніе необходимости подчиниться требованію прелата— пребыть наружно спокойнымъ и встрѣтить новую опасность какъ слѣдуетъ мужу, предавшемуся во власть Божию,—тѣмъ не менѣе почувствовалъ при видѣ сотника такую слабость, близкую къ обмороку, что повалился на лавку, на которой сидѣлъ. Сотникъ Елизаръ Демаковъ отличался въ своемъ „стремянномъ“ полку тремя качествами: непомѣрною тучностью, сообщавшею ему, при небольшомъ ростѣ и широкихъ плечахъ, видъ кормнаго борова, трогательнымъ приррастіемъ къ хмѣльнымъ напиткамъ, вслѣдствіе чего его жирныя,

подушкой, щеки и носъ — картофелемъ, всегда алѣли, и глупостью, прешаствовавшей ему, заслуженному и старѣйшему въ полку сотнику, подняться по службѣ выше.

— Не русскимъ духомъ пахнетъ! козлинымъ! повторилъ сотникъ Елизарь, одуваясь какъ кузнечный мѣхъ и, судя по плутоватому выраженію его маленькихъ, веселыхъ глазъ, заплывшихъ жиромъ, рассчитывая на впечатлѣніе, какое должно возымѣть его замѣчаніе на иноземцевъ, посѣщенныхъ имъ по его служебной обязанности. Какъ многіе глупые люди, почтенный служивый сотникъ имѣлъ самъ о себѣ весьма высокое мнѣніе и часто удивлялся глубокомыслію и хитроумію своихъ изреченій. Онъ не заботился о нелестномъ мнѣніи людей о его личныхъ достоинствахъ. Природа, повидимому, предусмотрительно распредѣляетъ между людьми свои дары и взаимнѣ одного надѣляетъ другимъ. Глупый, но убѣжденный въ своемъ умѣ человѣкъ можетъ преспокойно прожить свой вѣкъ, въ самоувѣренной простотѣ своей, не подозревая даже, что онъ глупъ. Не счастье-ли это? И можно-ли назвать счастливымъ умнаго человѣка, сознающаго свое несовершенство, и поэтому всю свою жизнь сокрушающагося о немъ? Что толстопузый сотникъ Елизарь Демаковъ, грузно опустившійся на коня, чтобъ перевести духъ, постоянно оставался собою доволенъ и ни разу въ своей жизни не смущался мыслью о своемъ человѣческомъ несовершенствѣ—это было ясно. Напротивъ, самоувѣренный и самодовольный взглядъ его заплывшихъ глазъ выражалъ подозрительность и недоувѣріе только къ другимъ. Безграмотный, какъ большая часть тогдашнихъ стрѣльцкихъ урядниковъ, онъ въ то же время былъ большой плутъ и лучше иного грамотя умѣлъ извлекать пользу изъ своего служебнаго положенія. Твердо держась правила—„не зѣвай!“ и считая его „одинадцатою заповѣдью“, сотникъ Елизарь ни разу не возвращался изъ своихъ ночныхъ объѣздовъ по городу съ пустыми карманами. То добросовѣстно обереть мертвецки-пьянаго жителя, попавшагося по пути, причемъ, дабы „схоронить концы“, никогда не подымалъ пьянаго и не доставлялъ его, какъ было „указано“, въ сѣзжую избу для „отверзенія и сохраня“, то „сорветъ“ денежку, если больше нечего, съ деревенскаго мужика, запоздавшаго съ базара. „Ничѣмъ не гребуетъ“, отзывались о немъ его подначальные стрѣльцы: „радъ, молъ, человѣка голымъ пустить“. И въ настоящую минуту все вниманіе заплывшихъ глуповатыхъ глазокъ сотника Елизара Демакова было обращено на объемистые чемоданы нѣмецкаго торговаго гостя, который самъ, а равно и его хворый товарищъ, ни мало не интересовали корыстнаго служилаго человѣка.

— Не русскимъ духомъ пахнетъ! козлинымъ!—повторилъ онъ свои слова, повидимому, очень ему нравившійся, и хитро прищурясь, подмигнувъ нѣмецкому гостю съ выраженіемъ, какъ бы говорившимъ: „что-жь ты? аль не знаешь нашихъ московскихъ порядковъ? Объѣздной сотникъ службу свою править, а ты поплатись малую толику:

спокоенъ останешься“. Но такъ какъ нѣмецкій торговый гость только вопросительно смотрѣлъ на него, то онъ счелъ нужнымъ „пристрасовать“ гостя, и незамедлилъ принять на себя начальнический видъ, по правдѣ сказать, мало къ нему шедшій и дѣлавшій его болѣе смѣшнымъ, чѣмъ грознымъ. Строго вытаращивъ на нѣмецкаго гостя свои плутовскіе, заплывшіе глазки, откинувъ назадъ голову въ мѣдномъ шишагѣ, упершись обѣими руками въ колѣни такъ, что голова на короткой шеѣ ушла въ поднятыя плечи, сотникъ Елизаръ Демаковъ повелъ такую рѣчь, не предполагая даже, что иноземецъ не понимаетъ ея:

— Кто ты еси, гость? и какъ тебѣ имя будетъ? и изъ какой ты земли, иноземецъ? и зачѣмъ ты на Москвѣ? и по какому ты пропуску? скажись!

Нѣмецкій купецъ невольно улыбнулся, не понимая сдѣланнаго ему вопроса, и съ находчивостью человѣка, не разъ выпутывавшагося изъ трудныхъ обстоятельствъ, досталъ свою „пропускную грамоту“ и подалъ ее сотнику. При этомъ въ глазахъ послѣдняго блеснула радостнымъ блескомъ новой чеканки червонецъ. Нѣмецкій гость зналъ „московскіе порядки“.

— Печать царская! уже миролюбиво, ослабѣя отъ удовольствія и сунувъ проворно червонецъ въ карманъ своего истасканнаго, вонючаго кафтана, замѣтилъ сотникъ, возвращая пропускную грамоту гостю и поглядывая на его большіе, явно не пустые чемоданы.

— А все-таки, нѣмчура, возьму я тебѣ съ собою въ сѣзжую избу: велѣно—человѣкъ ты, похоже, сумнительный.

Нѣмецкій торговый человѣкъ, по выразительнымъ движеніямъ сотниковой руки, указывавшей ему на ворота и на стоящій за ними стрѣлецкій разѣздъ, понялъ въ чемъ дѣло. Нескрываемая радость, съ какою московскій воинъ принялъ червонецъ, объяснила побужденія, приведшія къ нему сотника. Онъ налилъ ему изъ хрустальнаго боченка стаканъ своего превосходнаго вина и положилъ передъ нимъ пять свѣтлыхъ серебряныхъ имперскихъ талеровъ. Удовольствіе, съ какимъ сотникъ сунулъ талеры въ свой карманъ, было равносильно удовольствію нѣмецкаго гостя, теперь вздохнувшаго свободнѣе и убѣдившагося, что онъ спасенъ. Кормить, какъ по опыту зналъ гость, такая человѣческая слабость, посредствомъ которой достигаются часто трудно достижимыя цѣли. Не отрывая своихъ толстыхъ губъ отъ стакана, сотникъ опорожнилъ его; но плутовскіе глаза хищнически перебѣгали съ одного чемодана на другой. Нѣмецкій гость начиналъ смекать дѣломъ. Сотникъ, безцеремонно налившій себѣ другой стаканъ вина и выпившій его также залпомъ, облизнулся съ наслажденіемъ лакомки и прямо обратился къ гостю съ просьбой подарить ему нѣмецкаго суконца на кафтанишко.

— Износился мой-то, видишь—дыра на дырѣ, съ плечъ не скидаю, служба все! толковалъ сотникъ съ убѣдительною безсовѣстнаго по-

прошайки, задавшася мыслью вернуться домой съ новымъ кафтаномъ; причемъ, боясь, что иноземный гость не пойметъ его, сотникъ добросовѣстно и наглядно познакомилъ его со всѣми изъянами и со всею плохостью своего истасканнаго, полинявшаго на солнцѣ и дождѣ кафтанишка. Гость, не говоря ни слова, досталъ изъ чемодана остатокъ тонкаго сиваго сукна и подаль его сотнику.

— На кафтанъ и на штаны! ай да нѣмчур! не утерпѣвъ, воскликнулъ счастливый попрошайка и, съ трудомъ поднявшись съ коника, повисъ гостю на шеѣ, лобызая его слюнявыми губами. Напрасно изнѣженный прелать римской курии пытался устранить свое классически-правильное лицо отъ этого грубаго изъявленія признательности корыстнаго москвича; сивушный душокъ и вонь истасканнаго кафтана пуще всего неспособенъ былъ переносить монсиньеръ Брамантини. Затѣмъ, бережно завернувъ дорогое сукно въ большой платокъ, повидимому, украшавшій женщину и, всего вѣроятно, снятый съ нея этимъ почтеннымъ охранителемъ общественной безопасности въ стольномъ градѣ Москвѣ, во время объѣзда въ эту ночь, — сотникъ Елизаръ Демаковъ налилъ себѣ еще стаканъ, выпилъ и врянулъ съ выразительностью и самодовольствіемъ человѣка, на славу обдѣлавшаго дѣльце.

— Благонадеженъ буди, купчина! счелъ своимъ долгомъ успокоить торговаго иноземца сотникъ, направляясь къ дверямъ и снова отдуваясь какъ кузнечный мѣхъ: — шабашъ теперь; никому, слышь, ни единой денежки не давай; особливо ярыжкамъ этимъ земскимъ; потому, они христопродавцы, мошенники... Буди здравъ! А Елизаръ Демаковъ всѣ дѣла знаетъ и покроетъ, коли что... Потому, хоша ты нѣмецъ, а вижу — простецкой ты человѣкъ, душевный, и я тебя за то даже люблю... не гордый нѣмецъ.

Въ дверяхъ сотникъ остановился, какъ бы что вспомнивъ и, повернувшись назадъ, взялъ со стола хрустальный боченокъ съ рубиновымъ виномъ подъ мышку.

— Забылъ было вино твое, нѣмчур! какъ бы въ поясненіе своего поступка замѣтилъ онъ торговому гостю, похихикивая весьма добродушно. — Спасибо, вспомнилъ! И вино же... Бабенкѣ своей сведу, самъ пить не буду; не по насъ; намъ перегаръ хлѣбный, водочкой сыты... А бабенка, слышь, у меня важнецкая, нѣмчур!

Монсиньеръ Брамантини, не понимая рѣчи корыстнаго сотника, во вполнѣ понимая его дѣйствія и отбывая ихъ по достоинству, проводилъ его за дверь взглядомъ, исполненнымъ презрѣнія.

— Mater Dei, ora pro nobis, peccatoribus, o sanctissima! чуть слышно прошепталъ старый августинецъ, убѣдясъ, наконецъ, что опасность миновалась.

— Уфъ! изъ глубины своей души вздохнулъ прелать, котораго наружное спокойствіе стоило ему напряженія всѣхъ нравственныхъ силъ, а потому утомило его. Онъ опустился на свой складной стулъ.

То было не физическое утомленіе. Впрочемъ, сознание побѣды, одержанной имъ сейчасъ надъ „московскимъ коварствомъ“, надъ этимъ полудикимъ врагомъ, „москалѣмъ“, живо выражалось на его подвижномъ южномъ лицѣ. Да! Если теперь, принужденные скрываться подъ вымышленными именами, преслѣдуемые по пятамъ опасностью, они сильнѣе духомъ этихъ варваровъ, они побѣждаютъ ихъ коварство золотомъ, а ихъ глупость умомъ—что жъ ждетъ дальше ихъ, іезуитовъ, всесвѣтныхъ завоевателей, въ этой схизматической Московіи? Конечно — побѣда, слава, владычество, богатство... Если обстоятельства пока сильнѣе орденовой настойчивости, то, нѣтъ сомнѣній, это только вопросъ времени. Честолюбивый прелать испытывалъ полное внутреннее удовлетвореніе. На его тонкихъ итальянскихъ губахъ играла презрительная улыбка. Не могъ онъ не презирать этого почтеннаго московскаго воина, только что такъ дешево продавшаго государственные интересы своего отечества. Захвати-ка онъ секретныя бумаги монсиньера!.. Такую продажную страну нетрудно поработить. Государство безъ гражданской доблести — немислимо. Да и не такія государства, какъ эта продажная Московія, подпали іезуитскому вліянію. Въ сосѣдней Польшѣ, вотъ, вмѣсто обновленія церкви въ національномъ духѣ, какъ того хотятъ польскіе патриоты, снова господство іезуитовъ, внесшее въ Польшу „религіозную безнравственность“. Въ польскомъ сенатѣ засѣдаютъ паны—аріане, друзья свободы, христіане, желающіе, по ихъ словамъ, мертвую религію догматовъ замѣнить живою религіею Господней любви; но рядомъ съ ними сидятъ іезуиты; іезуиты вездѣ, во всѣхъ странахъ Европы; пусть Франція, Голландія и Англія гордо хвалятся, что изгнали іезуитовъ изъ своихъ земель; какое заблужденіе! іезуитизмъ не только орденъ, корпорація, іезуитизмъ—извѣстная сторона человѣческаго духа. Европа не должна забыть, что Жакъ Клеманъ — убійца Генриха Валуа — іезуитъ; что трое, посягавшихъ на жизнь Елизаветы Англійской, — іезуиты; Барьеръ и Жанъ Шатѣль, покушавшіеся на жизнь Генриха Бурбона—іезуиты; докторъ Гиньяръ, повѣщенный за апологію царубійства — іезуитъ. Кто убилъ Морица Нассаускаго? — Іезуитъ. Чей питомецъ и посланецъ Лжедмитрій? — Іезуитовъ. Истинный іезуитъ служить дѣлу, въ которое не вѣрять, побуждая вѣрять въ него весь міръ! Двигатель іезуита честолюбіе, скрытое религіознымъ фанатизмомъ. Іезуитизму нужна церковь только какъ средство забрать въ свои руки совѣсть и имущество вѣрующаго, поработить себѣ князей и сильныхъ міра сего. „*Monita secreta societatis Jesu*“—уже далеко не фанатическій уставъ Игнатія Лойолы.

Такъ думалъ прелать римской курии, тайный секретарь папы и капелланъ Святой Маріи, папскій нунцій въ Польшѣ, монсиньеръ Бруно Брамантини, и думалъ вполне искренно. Въ сущности, въ основѣ своихъ вѣрованій, онъ мало отличался отъ безбожника Лисовскаго. Онъ вовсе не былъ такимъ фанатикомъ своего исповѣданія,

какимъ себя выдавалъ. Талантливый апологетъ католицизма, горячій проповѣдникъ съ церковной каеэдри папской непогрѣшимости, онъ, пожалуй, вѣрилъ въ эту папскую непогрѣшимость менѣе другихъ невѣрующихъ и про себя смѣялся надъ святостью канонизированныхъ римскою церковью угодниковъ. Онъ не вѣрилъ въ добродѣтель чело-вѣческую вообще. Двойственность и противорѣчiе его внутренняго міра съ его внѣшнимъ положеніемъ не вызывали въ немъ душевной борьбы. Его мысль давно овладѣла его сердцемъ. Одно существо въ мірѣ онъ обожалъ—себя. Если бы судьба толкнула его на иной путь, онъ, вѣроятно, готовъ былъ бы обожать солнце, огонь, женщину, силы природы, явныя и тайныя. Фанатикъ наружно, онъ по убѣжденіямъ былъ остроумный, подчасъ и насмѣшливый философъ, стоящій внѣ какой либо религіи, въ типѣ своей кельи, а потомъ въ своемъ кардинальскомъ дворцѣ предпочитавшій Мэтра Франсоа Раблэ—библи. Глазъ на глазъ съ самимъ собою, съ своею совѣстью, онъ осуждалъ многое изъ тѣхъ самыхъ началъ, которымъ служить публично, во имя которыхъ торжественно провозглашалъ „анаемумъ“. Онъ не былъ врагомъ ни Лютера, ни Кальвина, ни Виклефа. Съ реформаціонной идеей онъ былъ исторически знакомъ и не могъ не сочувствовать ей, какъ философъ.

Таковъ былъ прелатъ у себя, за книгой. Но въ красной мантии, въ пурпуровой кардинальской шапкѣ, въ бѣлой сутанѣ, подъ величественными сводами и Мивель Анжеловскимъ куполомъ базилики св. Петра, при торжественныхъ звукахъ мелодическаго органа и громогласномъ пѣніи „Te Deum laudamus!“ среди благоговѣйной молитвы многихъ тысячъ вѣрующихъ католиковъ,—это былъ строгій послѣдователь Игнатія Лойолы, готовый возвести, во славу Бога, на костерь Саванароллы и Гусса всякаго дерзкаго новатора, посягающаго на „формальный“ католицизмъ.

В. Марковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО.

II *).

Въ сферѣ духовно-академической и монашеской.

Взглядъ Аскоченскаго на монашество.—Старанія его отклонить молодежь отъ посвященія въ монахи.—Куда ведетъ академическое образованіе?—Скользкій путь нынѣшняго отшельничества.—„Грѣхи монашескіе“.—Торгашество святыней.—Критика обрядовъ—анаематствованія и поста.—Академическая латынь.—Ненависть Аскоченскаго къ сочинительству проповѣдей.

ВЪ воронежской семинаріи Аскоченскій поступилъ въ кievскую духовную академію. Немало интересныхъ страницъ „Дневника“ относятся къ этому времени. Тутъ мы впервые встрѣчаемся съ зарождающимся и мало-по-малу соврѣвающимъ недовольствомъ юнаго студента. Академическая атмосфера многими своими сторонами вызывала пытливый умъ на критику и порождала въ пылкой натурѣ недовольство. Извращенность направленія духовнаго образованія, суетность стремленій къ пользованію благами монашеской жизни, недостатки специально-академическаго образованія,— вотъ предметы, занимавшіе въ то время Аскоченскаго и вызывавшіе его филиппики. Онъ не жалѣлъ красокъ для изображенія аномалій монашества. Самое стремленіе молодыхъ людей къ монашеству ему представлялось неестественнымъ и непонятнымъ. Вотъ, на примѣръ, что онъ пишетъ о постриженіи въ монахи бакалавра польскаго языка Кульчицкаго.

„Я не могъ вытерпѣть, чтобы не уйти изъ церкви, не могъ равнодушно смотрѣть на этотъ печальный обрядъ, разлучающій несчастнаго навсегда съ міромъ, отнимающій всякую надежду на удоволь-

*) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VII, стр. 79.

ствія и очаровательные успѣхи.—Боже мой, подумалъ я, выходя изъ церкви,—на что же ты создалъ этотъ мѣръ такимъ великолѣпнымъ, такимъ очаровательнымъ, если тѣ, коимъ ты вручилъ владычество надъ нимъ, оставляютъ, пренебрегаютъ имъ? Не лучше ли бы было сотворить тебѣ для этихъ міроненавидцевъ темную, освѣщаемую тусклымъ полусвѣтомъ пещеру? На что жъ было давать людямъ твой драгоценный подарокъ, если они бросаютъ его? Не постигаю судьбъ Премудраго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу понять и сердца человѣческаго. Не странное ли дѣло проститься съ міромъ, отринуть прелести природы, насмѣяться надъ прекрасными твореніями ея,—и для чего это? Для монашескаго клобука, который, по моему, ничѣмъ не лучше коробки, въ которой продаютъ всякія овощи. Другое дѣло, если бы просилъ этого чина старецъ, убѣленный сѣдинами, несчастливецъ, убитый безотраднымъ, скорбнымъ отчаяніемъ; отецъ, потерявшій дѣтей своихъ—единственное въ мѣрѣ утѣшеніе. А то—молодой, еще неопытный въ дѣлахъ безвѣчнаго монашескаго искуса, въ самой порѣ пылкихъ лѣтъ, рискуетъ всѣмъ, что украшаетъ нашу здѣшнюю жизнь, рискуетъ неописанными, восхитительными удовольствіями семейственной жизни, безжалостно хоронитъ молодой восторгъ, горячую любовь, которыми, конечно, пламенѣетъ иногда его сердце. И, конечно, эти великія, неизчислимыя пожертвованія не ту имѣютъ цѣль, чтобы рѣшительно воздержаться отъ грѣховнаго прегрѣшенія, не туда мѣтять, чтобы купить этимъ спасеніе,—этому я ни за какія блага въ свѣтѣ не повѣрю. Пускай мнѣ говорятъ, что бывали и теперь есть такіе люди, которые съ юныхъ лѣтъ посвящали себя на служеніе Богу, которые отказывались отъ міра и удовольствій его не изъ какой либо корыстной цѣли; я не буду спорить съ этимъ, но скажу, что эти времена были, да прошли. Не стану утверждать того, чтобы и теперь не было безкорыстныхъ любителей уединенной монашеской жизни; но это очень, очень рѣдко. Большею же частію, по моему мнѣнію, надѣваютъ длинные капюшоны на себя для того, чтобы удобнѣе было прикрыть честолюбіе, нескромно обнаруживающееся въ поступкахъ обрекающихъ себя въ этотъ орденъ; чтобы прикрасить ученое чело свое золотой шапкою „отъ камней честныхъ“. Если не вѣрите мнѣ, спросите у каждаго анахорета, не гадалъ ли онъ, хотъ иногда, въ часы задумчивости объ этой обольстительной тиарѣ, не мечталъ ли когда нибудь, хотъ невзначай, о пастырскомъ жезлѣ? Вѣрно каждый изъ нихъ скажетъ внутри себя: „да“, хотя высказать намъ это и посовѣстится“.

Такой взглядъ на монашество не разъ повторяется въ „Дневникѣ“. Подъ 15 февраля 1841 г., читаемъ, между прочимъ:

„Сегодня, воротаясь отъ утрени, Константинъ извѣстилъ меня, что тамъ происходило постриженіе въ монахи патерыхъ студентовъ академіи. Прости меня, Господи, но я отъ души порадовался, что не видѣлъ своими глазами этой убивающей меня церемоніи. Я пони-

маю, совершенно понимаю всю важность отшельническаго служенія Богу, понимаю и то, если несчастный служитель алтаря, лишившійся лучшей половины своего существа, надѣваетъ монашескій кукуль и растерзаемое сердце свое врачуетъ молитвою и постничествомъ; понимаю, хотъ и не вполне вѣрю этому особенному, сверхъестественному какому-то призванію на подвиги, но рѣшительно не понимаю вотъ чего: по какимъ побужденіямъ молодой человѣкъ, въ цвѣтъ лѣтъ, полный жизни и силъ, съ прекрасными способностями, съ явнымъ призваніемъ на общественные труды и заботы, съ блестящими видами впереди, съ образованнымъ умомъ (я не скажу: сердцемъ, это—еще вопросъ), надежда семейства, дѣятельный членъ общества, еще не умершій ему ни одною своею частию корень, посаженный рукою Промысла на доброй землѣ человѣчества съ тѣмъ, чтобы дать въ свое время отпрыски святыне, освящаемые самимъ Богомъ,—по какимъ, говорю, побужденіямъ таковой человѣкъ дѣлается такъ рано хилымъ старикомъ, убиваетъ въ себѣ животворный духъ, — элементъ высокой гражданственной дѣятельности, тащитъ въ узкое отверстіе односторонности свои прекрасные таланты, которые готовы были раскинуться широко, залетѣть высоко; уединяется въ свою бездомную келью, какъ птица въ чужое гнѣздо, закрываетъ глаза отъ всего, что имѣетъ прекраснаго прекрасный міръ Божій... Боже мой! по какимъ это побужденіямъ дѣлаются люди такими! Господи, будь на мнѣ святая воля Твоя! но я не повѣрю, что эти люди не были маленькими честолюбцами, пародіями на непостижимаго, чуднаго лицемеріемъ, притворствомъ и постоянствомъ Монмальто. Я не повѣрю, чтобы они въ этомъ страшномъ рискѣ не рассчитывали на золотую шапку, на прекрасный экипажъ, на богатые доходы, на прелюды, на житье сибаритское; я не повѣрю, чтобы здѣсь не было ужаснаго святокупства, страшной симоніи. Не о всѣхъ я говорю: есть люди и въ клубукахъ—Баярды своего рода, рыцари христіанскаго міра безъ порока и упрека; но много этихъ званныхъ, да мало избранныхъ. Я знаю одну причину, одно еще побужденіе, заставляющее нѣкоторыхъ молодыхъ людей идти по этому скользкому, опасному пути: „Я—говорять и даже пишутъ они иногда въ своихъ прошеніяхъ,—давно себя чувствую склоннымъ къ этому образу жизни; я имѣю неудержимое желаніе оставить сей міръ и посвятить себя служенію Богу въ чинѣ ангельскомъ“.

— Очень хорошо, но скажите мнѣ, спрашивалъ я не разъ этихъ несчастныхъ, приходившихъ ко мнѣ зачѣмъ нибудь,—скажите мнѣ, давно ли вы почувствовали такую склонность къ монашеству?

— Давно, очень давно, какъ скоро я началъ сознавать себя.

— А чѣмъ, позвольте узнать, обнаружилась въ васъ эта бѣдственная склонность?

— Охотою моею быть наединѣ, чуждаться людей, плакать даже, если родитель зоветъ меня къ себѣ тогда, когда въ комнатѣ есть гости.

— Такъ-съ, но признайтесь мнѣ откровенно, не любили ли вы играть въ простыя игры съ крестьянскими ребятишками?

— Нѣтъ-съ.

— О! такъ вашъ батюшка былъ, видно, престрогій человѣкъ!

— Напротивъ, очень снисходительный.

— Позвольте теперь узнать, кто онъ теперь былъ такой чиномъ,—чиномъ?

— Священникъ, отвѣчалъ иной, гордо поднимая голову, — дьяконъ, говорилъ другой, взявъ на два тона пониже, — дьячекъ, сквозилъ черезъ зубы бѣднякъ, попавшійся ко мнѣ въ тиски съ своимъ монашествомъ.

— Ну, положимъ, кто бы тамъ ни былъ, а гдѣ жилъ вашъ батюшка? Гдѣ вы родились?

— Въ деревнѣ.

— Кто жъ такіе бывали у васъ гости?

— Разумѣется, попы...

— Извольте, я помогу вамъ докончить: попадьи старозавѣтныя, которыя во время оно любили побродить о святкахъ со двора на дворъ, чтобъ служить въ собственномъ смыслѣ несѣдальны-авааисты своему мамонѣ; дьякона, дьячки съ своими пьяными половинами и прочій весь причтъ церковный. Ну-те-съ. А, можетъ быть, заѣзжалъ къ вамъ иногда и толстобрюхій помѣщикъ съ дюжиной собакъ, да съ толпою доморощенныхъ егерей, только что взятыхъ отъ сохи, съ глупымъ чванствомъ, съ безтолковою рѣчью въ зубахъ, съ ослиною смышленостью въ глазахъ; а, можетъ, еще заѣзжала къ вамъ и помѣщица въ накрахмаленномъ чепцѣ, со связкою ключей за поясомъ, съ лоснящеюся кошкою и прясною надписью на лбу: „жиръ, сало, плоть и кровь“. Послѣ этого, знаете ли, чтò я вамъ скажу? Охота ваша плакать, когда васъ тащили на показъ такимъ гостямъ, очень, очень естественна, только вы не принимайте ее за выраженіе склонности вашей къ одиночеству; эти слезы выжимало у васъ ваше свѣтлое, чистое, невинное дѣтское чувство; оно еще не залило грязью этихъ гадкихъ деревенскихъ оргій; его еще не залили водкою, какъ это очень похвально дѣлаютъ многіе отцы по деревнямъ; ему еще больно смотрѣть на это скотоподобное униженіе достоинства человѣческаго, инстинктуально, но еще безсознательно вами угадываемаго. Вы плачете, потому что васъ тащатъ не въ вашу сферу; вы даже желтѣете, становитесь дикимъ, если въ васъ много посяно семанъ чувства человѣческаго, если вы не состояніи заглушить ихъ терніемъ грубостей и пороковъ, образцы которыхъ такъ часто вертятся передъ вами.

— Но, помилуйте, въ нашемъ домѣ никогда не бывало такихъ пьяныхъ обществъ и, однако, я все-жъ-таки боялся ихъ, все плакалъ отъ нихъ.

— И вамъ, конечно, легче было, когда вы хорошенько поплачете?

«истор. вѣстн.», годъ III, т. VII.

— Да, потому что я оставался тогда одинъ.

— Не правда, не потому, а потому, что вы видѣли тамъ чужихъ людей, и потому, что вамъ не съ кѣмъ тамъ было подѣлиться откровенно дѣтскою мыслью, что васъ даже не научили, какъ это дѣлать, что съ вами не умѣли, не хотѣли говорить, какъ съ дитятею; что вамъ пѣли постоянно сухія, ничтожныя моральныя тирадки; что каждое ваше слово клеймили названьемъ глупости; что вы боялись сказать чтонибудь, не заслуживъ... извините... титула дурака. Я говорю вамъ откровенно. Поставьте васъ въ другомъ мѣстѣ, окружите васъ людьми съ другими понятіями, съ другимъ образомъ мыслей, съ умѣньемъ приспособляться, наклоняться, какъ бы, къ вамъ,—и ваши способности дѣтскія развернулись бы свѣжо, какъ благоуханный цвѣтокъ, и вамъ бы весело было и привольно, и вашъ мрачный взглядъ на вещи прояснился бы самъ собой, и вы бѣ не бѣгали тогда отъ людей, отъ самихъ себя,—и вы бы не сказали теперь, что чувствуете давно наклонность къ одиночеству, къ монашеству.

— Но теперь ужъ поздно ворочаться назадъ. Данное мнѣ направленіе глубоко пустило во мнѣ корни свои,—оно вошло въ мой характеръ и рѣшительно измѣнило меня...

— „Теперь поздно“; а по мнѣ не такъ: *mieux tard que jamais*. Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ думаете, что это несчастное направленіе таки вовсе измѣнило вашъ характеръ? Да еще позвольте васъ опросить—напередъ прошу не обижаться,—есть ли у васъ характеръ? Гдѣ вы его сыскали? Какъ онъ забрался въ вашу душу, занятую въ дѣтствѣ ферулою приходскаго дьячка, или швольнаго учителя, а теперь, когда вы начали сознавать себя, исключительно посвятившую себя схоластическимъ, сухимъ, часто, и очень часто, неудобоприложимымъ къ жизни, занятіямъ? Нѣтъ, *mon cher*, характеръ приобрѣтается не тамъ, подъ руководствомъ родителей, и не тутъ, подъ звонкомъ училищнаго регламента. Я говорю—приобрѣтается, потому что онъ не есть чтонибудь намъ врожденное, какъ какія нибудь идеи,—это вздоръ, батюшка. На этомъ основаніи, пожалуй, холерикъ сталъ бы извинять себя въ томъ, что онъ мстителенъ, золъ; сангвиникъ—что онъ сладострастенъ; меланхоликъ—что онъ лѣнивъ ко всему, даже къ спасенію души своей; „виноватъ, скажутъ они, въ такомъ случаѣ врожденный намъ характеръ, а не мы“. Нѣтъ, вздоръ, почтенные! Ваши характеры, или, пожалуй, темпераменты, какъ субстратъ характеровъ—своимъ чередомъ, а законъ и дѣло—тоже своимъ чередомъ. Нѣтъ, не такъ. Темпераментъ, положимъ, хоть отъ природы; но это только почва; характеры ваши—собственное ваше сѣяніе; а снискиваются, приобрѣтаются, изолируются, вырастаютъ, такъ сказать, въ наше естество они посреди враждующихъ себѣ стихій добра и зла, посреди самодѣтельнаго, сознательнаго, разумнаго, мужественнаго участія въ этой страшной борьбѣ на жизнь, или на смерть. Изъ-за академической парты вы выходите, не погнѣвайтесь, самими невин-

ными бурсаками; я самъ былъ въ нѣкоторой степени такимъ же. Мiръ намъ представляется или обширною залюу, залитою потокомъ свѣта, разукрашенною всѣми призматическими цвѣтами упоенья и роскоши, или пустынею, гдѣ чувству вашему, какъ голубицѣ Ноевой, негдѣ прiютиться, негдѣ отыскать оливковую вѣтвь мира и утѣшенiя. Тотъ и другой взглядъ есть слѣдствiе заранѣе полученнаго вами направленiя; тотъ и другой взглядъ, само собою разумѣется, невѣренъ. Боже жѣ васъ сохрани послѣдовать какому нибудь одному изъ этихъ раннихъ вашихъ предубѣжденiй. Упитанные мечтатели, взвихрившись въ порывахъ наслажденiй, вы сломите, непременно сломите, себѣ шею, оттого что вы еще не умѣете держаться на скользкомъ паркѣтѣ свѣта; но, опять, сохрани васъ Боже принять мрачный вашъ взглядъ на мiръ въ тусклую космораму вашего студенчества, одинокаго быта, за дѣйствительный эскизъ того, что тамъ совершается; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вы—пропащiй человѣкъ. Принявъ минутную прихоть разстроеннаго одиночествомъ вашего воображенiя за норму всей будущей вашей дѣятельности, вы (отъ чего да сохранить васъ Творецъ небесный) надѣнете кукуль, возьмете четки и заслонитесь мантиею отъ этого мiра, который о васъ и слыхомъ не слыхалъ, и видомъ не видалъ, и на который вы разсердились Богъ знаетъ за что. Только смотрите, чтобъ вы и въ этомъ даже случаѣ не остались въ проигрышѣ; смотрите, кто кого отвергъ, кто кого бросилъ: вы ли мiръ; или мiръ васъ, вы ли узнали его негодность, или онъ васъ призналъ негоднымъ членомъ для общества, для всего человѣчества.

— Да мiръ когда же признавалъ...

— Понимаю, что вы хотите сказать. Мiръ, правда, безсовѣстенъ, но бѣжать отъ него, бѣжать безъ выстрѣла,—воля ваша, а это пахнетъ чѣмъ-то неловкимъ. Знаю, были люди, которыхъ не былъ достоинъ весь мiръ и которые между тѣмъ скитались и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ; но то были другiя времена, другiе нравы; то была, какъ говорится, старина—то и дѣянье. И однако жъ, помните, что Спаситель ни самъ не бѣгалъ отъ скорбей, ни другихъ не училъ этому; а заповѣдь—аще гонять васъ во градѣ, бѣгите въ инъ—относилась собственно къ апостоламъ. Имъ не надобно было слишкомъ рано и неразумно рисковать своею жизнью; имъ надо было сдѣлать много, учить всѣ языки, крестить и жидовъ, и эллиновъ; а ихъ, между тѣмъ, гнали; дѣлать нечего—надо было бѣгать изъ одного города въ другой. Спаситель для того-то и оставилъ имъ эту предостерегательную заповѣдь. Зато жъ никто изъ нихъ и изъ истинныхъ исповѣдниковъ Христовой вѣры не отрѣкся умереть въ пыткахъ и истязанiяхъ лютейшей смерти, никто не бѣжалъ, когда этого не нужно было, въ пустыни, дрожа и тѣломъ и душою за животъ свой. Но, повольте, мы отклонились отъ главнаго предмета нашей длинной рѣчи. О чемъ, бишь, мы говорили?

— Я говорилъ, что мiръ...

— Да, да-съ, — неблагодаренъ, безсовѣстенъ. Очень хорошо. Да для васъ-ли однихъ, для тѣхъ ли, которые грозятъ ему кукулемъ да мантией? Батюшки мои, да поглядите, Бога ради, для кого онъ менѣе всего готовитъ награды, какъ не для своихъ же тружениковъ, т. е. я говорю не о миролюбцахъ, а о тѣхъ, которые живутъ въ мѣрѣ и трудятся для общества, или, какъ говорятъ монахи, — для міра. Повѣрьте мнѣ, всѣ награды, всѣ почести добрымъ, безкорыстнымъ этимъ миролюбцамъ достаются легко только въ проповѣдяхъ, да въ бесѣдахъ; не всякій бы лежебокъ-монахъ согласился промѣнять свою теплую берлогу, пожалуй, хоть на порядочный домикъ, который надо натопить, жену, дѣтей — накормить, да и самому чего-нибудь перекусить. Какъ хотите, а красота монашеская полноцѣнѣе и сытнѣе, чѣмъ кусокъ, заработанный потомъ и службою. Знаете ли, что я скажу вамъ? Первые въ свѣтѣ монахи, первые въ мѣрѣ подвижники — это солдаты. Вотъ, батюшка мой, люди, которые кладутъ, по заповѣди Спасителя, душу за други и недруги своя, вотъ тѣ праведники, которымъ Господь Богъ дастъ съестъ одесную славы своей; вотъ страдалцы, которые кровью омываютъ грѣхи свои, для которыхъ самъ Божественный Голгофскій Страдалецъ готовитъ вѣнцы на небесахъ. А эти тунеядцы, эти лежебоки... Но простите меня; я надѣюсь, даже знаю, что вы не относитесь къ этому классу двуногихъ животныхъ въ глобулахъ.

— Конечно, каждый изъ студентовъ, поступающихъ въ сословіе монашеское, долженъ занимать училищное мѣсто и служить обществу...

— Ну-те, ну-те! продолжайте. Что-жъ вы остановились? Я жду, не скажете ли вы и тутъ чего-нибудь о неблагодарности этого пресвернаго міра, который мы съ вами разругаемъ когда-нибудь на досугѣ, — такъ, знаете — въ проповѣди, передъ лицомъ такъ называемыхъ „благочестивыхъ слушателей“? А? что, mon cher? Видно, тутъ ужъ прильпне языкъ къ гортани? Да, признаться, и есть отъ чего. Я вамъ скажу вотъ что: академія, какъ и всякое высшее заведеніе вообще, отерываетъ смѣтливому, оборотливому, съ маленькимъ толкомъ человѣку прекрасную карьеру; но, вотъ видите ли, у насъ идутъ дороги въ разныя стороны. Самая плохая, изрытая ухабинами, промоями, усыпанная репейникомъ и терномъ, неблагодарная и не дающая средствъ и возможности составить „благопріобрѣтенное имѣніе“, — это есть дорога собственно ученая. Мало избранныхъ, которые бы съ охотою, съ самоотверженіемъ пустились въ этотъ тѣсный, не ровный путь; они велики для меня, если гдѣ есть; велики такъ же, какъ великъ воинъ, жертвующій жизнью за то, что не можетъ даже въ половину окупить этой единственной драгоценности человѣка. Гдѣ бы я ни встрѣтилъ такихъ людей, я имъ уступлю мѣсто, я сниму передъ ними шапку и поклонюсь до лица земли. Благоговѣйте передъ ними, — это святые труженики истины! Другой путь, это — священный санъ блага духовенства (я иду ab infimo ad summum); тутъ есть кое-какія выгоды,

большія передъ классомъ ученыхъ; но вообще и эта дорога не слишкомъ выгодна. По моему, вовсе не надобно учиться такъ долго и такъ много, чтобъ послѣ того забыть все это за приходскими хлопотами, да алтынничать по могиламъ да похоронамъ. Правда, здѣсь лучше можно узнать высокое назначеніе этого сана, лучше можно выучиться держать себя; но можно остаться безъ куска хлѣба. Развѣитое и облагороженное сознаніе собственнаго достоинства запретить человѣку употреблять низкія, грязныя средства къ обогащенію себя; а работа, къ которой тѣло и руки вовсе не приучены, само собой, не принесетъ пользы, если за нее взяться не умѣютъ; такимъ образомъ, и съ умомъ да будешь въ кулаки дуть. Этакія вещи бывають склонны да рядомъ; исключенія рѣдки. Третья дорога—въ палаты, въ департаменты, въ сенатъ, въ синодъ,—просторная дорога и вмѣстѣ трудная, особенно человѣку безъ имени, безъ протекцій, безъ кузинъ и тетусекъ. Кажись бы, тутъ-то и земля наша обѣтованная,—анъ вонъ и нѣтъ. Если гдѣ, то именно между нами, воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, трудно найти служаку, который, знаете, способенъ былъ бы на всякія этакія, говоря слогомъ армейскихъ остривковъ, экивоки, и если какъ нибудь укусить грѣха и смахнетъ нечисто, то, того гляди, и подмѣтятъ, что рыльце въ пушку — и подпишутъ „въ чистую“. А это, знаете, не больно ловко. Оно — „грѣхъ не бѣда, молва не хороша“. Есть еще дорожка, на которой блестятъ всевозможныя звѣзды, начиная отъ прапорщичьей, украденной съ млечнаго пути на небѣ, до генеральской звѣзды—первой величины; но эта дорожка давнымъ-давно заросла частымъ ельничкомъ-березничкомъ. Нашему брату, выступающему изъ-за парты обыкновенно на 25 году, какъ-то и не пристало вздѣвать на себя португю прапорщика и щеголять мундиромъ, такъ привлекательнымъ для военныхъ Нарциссовъ съ нафабранными усиками. А вотъ, mon cher, дорога, такъ дорога—укатанная, гладкая, просторная, сытная для брюха, и для честолюбія, и для роскоши. Это—дорога, которая ведетъ прямо къ монашеству. Что вамъ угодно? Вниманія къ вашимъ самымъ мелочнымъ услугамъ (я не говорю: „заслугамъ“,—это много чести этимъ анахоретамъ)? Есть. Поощренія ли? Тутъ, со всѣми ощутительными его признаками. Орденовъ? Боже мой! да сколько угодно. Наградъ, стипендій? Извольте получать полными руками! Золотой шапки? Черезъ шесть-восемь лѣтъ непременно будетъ. А замѣтите, что шапка архимандритская равна полковничьимъ эполетамъ и что черезъ шесть лѣтъ нѣкто и во снѣ не гадалъ быть полковникомъ въ военной службѣ, а въ статской, будь хоть семи пядей во лбу, такъ раньше десяти лѣтъ и въ усъ себѣ не дуй быть коллежскимъ совѣтникомъ. Есть пословица: „не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки“; у монаховъ нѣтъ этой пословицы—у нихъ такъ журавль журавлемъ, а синица синицей. Все ихъ; они, какъ баснословныя драконы, сѣли на золотѣ, сами имъ не въ состояніи пользоваться, зато и другимъ не даютъ.

— Но вѣдь и они трудятся. Высшія семинарскія должности кѣмъ другимъ заняты, какъ не ими?

— Покорнѣйше благодарю! Да кто жъ ихъ просить брать на себя это, по ихъ допотопнымъ словамъ, многопечительное иго? Не они ли сами навязали его на себя? Нѣтъ, почтеннѣйшій, они знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Представьте теперь какое нибудь маленькое Монтальто, вырвавшееся на свободу, на просторъ, пропѣвшее уже „Te Deum“, гордо протянувшее хищническую руку къ жезлу ректора семинаріи. Человѣкъ онъ безъ гроша, безъ состоянія, съ гордымъ титуломъ начальника, попечителя, съ добрымъ желаніемъ блага — на словахъ, съ жаждою добычи въ сердцѣ, прѣзжаетъ въ разтрепанную уже предшественнику его аренду. Съ перваго раза не науки, а экономію подавай ему; и видить—надо обревизировать: плутъ плута по очерку знаетъ. Ладно—все исправно; это въ переводѣ значить—мнѣ осталось; и вотъ онъ принимается судить и ридить; если экономъ монахъ, такъ и дѣло въ шляпѣ,—воръ вора не выдастъ; если, къ несчастію, экономъ во фракѣ, ну, такъ держи жъ ухо остро. Зажмурь глаза, гдѣ не надо видѣть, оглохни, гдѣ не надо слышать; вези хоть на себѣ, когда ѣхать хотять; стань самъ на четвереньки вмѣсто кресла, когда требуютъ мебели. А кушанье? Разумѣется, казенное, да самое лучшее, на что жъ они и начальники! Пускай тамъ профессору, какъ хотять; имъ достанетъ и жалованья на все и на вся; ну, а ректору—иное дѣло; ему надо экипажъ, по крайней мѣрѣ, три человѣка для прислуги, по крайней мѣрѣ, десять комнатъ для помѣщенія собственной его персоны. Боже мой! да мало ли чего ему надобно? Люди все они такіе важныя „въ семь вертоградъ просвѣщенія“, все такіе умныя „въ семь храмъ музъ“,—какъ же имъ не распоряжаться всѣмъ по своему благоусмотрѣнію! О! иго, иго „многопечительное!“ Какъ легко тебя носить этимъ подъяремникамъ! Когда настанетъ та блаженная пора, что эти черныя гении улетятъ съ вихремъ въ бездны неизвѣстности, откуда вызвалъ ихъ на поприще свѣта лукавый духъ!..

— Позвольте вамъ сказать, что если гдѣ, то здѣсь-то именно открываются всѣ удобства жить ученою жизнью...

— Да, это правда. Нечего грѣха таить: брошенъ бисеръ предъ свиньями, и они дѣлаютъ свое дѣло—попираютъ его ногами и, помните, что даже не замѣчая того. Я не повѣрю, да и вы не вѣрьте, тому, кто вамъ скажетъ, что въ монахѣ нынѣшняго времени есть, или можетъ быть, любовь къ наукѣ, любовь чистая, безкорыстная, святая. Она, знаете, и во всякомъ-то человѣкѣ все до поры до времени, а въ монахѣ это диво не виданное, слыхомъ не слыханное. Наука есть сама себѣ цѣль, а у нихъ вѣдь не такъ—у нихъ свое я—цѣль; а всѣ науки въ свѣтѣ больше ничего, какъ средство, и, повѣрьте, всѣ эти „насадители вертограда просвѣщенія“ презрительно себѣ посмѣиваются въ клубокъ надъ тѣми, которые вѣрують въ ихъ умъ и просвѣщеніе. Но обратимся къ вашей склонности. Вы гово-

рили мнѣ, что стремленіе къ монашеской жизни въ васъ и теперь довольно сильно, что оно въ вашемъ характерѣ, ну, и проч. Я уже, кажется, доказалъ вамъ, что у молодаго человѣка вашихъ лѣтъ и находящагося въ вашихъ обстоятельствахъ,—нѣтъ характера, и что слѣдовательно, стремленіе, склонность, или назовите, какъ угодно,—просто вздоръ, дѣло небывалое. Но если вы со мной еще не согласны, то вотъ вамъ мой совѣтъ... или нѣтъ, не хочу его выдавать за свой; расскажу про одного моего товарища, подобно вамъ проповѣдывавшаго о склонности своей къ монашеству, порою съ жалкой миной фарисея, вздыхавшаго о покойной рясѣ и высокому кукулѣ, а иногда безъ церемоній обѣщавшаго себѣ мѣсто митрополита кievскаго и галицкаго. Отецъ этого фанатика, человѣкъ благоразумный, поступившій въ орденъ монашій по смерти жены своей, замѣчая въ сынѣ своемъ эту глупую ревность, говорилъ ему: „Николай, подожди! пробудь года два на должности; и если твое намѣреніе останется въ тебѣ твердо—ну, тогда съ Богомъ! а до тѣхъ поръ нѣту тебѣ моего отцовскаго благословенія!“ Вотъ прямой, умный, откровенный совѣтъ молодому энтузіасту такому, каковъ вы. Пробудьте съ людьми года два-три,—да, я говорю—съ людьми, которые умѣютъ жить и понимать жизнь, а не съ такими получеловѣками, которые ѣдятъ, пьютъ-спятъ и опять спятъ, пьютъ и ѣдятъ, и тогда, если вы...

— Странное дѣло! Если я, вы хотите сказать, выду изъ котла, наполненнаго копотью и сажею, не помаравшись, то могу идти въ гости. Не такъ-ли?

— Остроумно! Да только кто жъ васъ просить садиться въ этотъ котель? Богъ съ вами! Я только сейчасъ вамъ говорилъ объ этомъ. Берегитесь его, бѣгите отъ него; найдите, говорю, людей съ душою, съ умомъ, постигающимъ долгъ службы, съ сердцемъ, знающимъ священныя обязанности любви и дружбы,—и тогда вы будете не только не въ сажѣ, но даже свѣтлѣе и чище, чѣмъ какой нибудь монахъ, даже хорошій монахъ. Вѣдь не тотъ, *mon cher*, добрый человѣкъ, кто любовь къ себѣ и къ ближнимъ сосредоточилъ въ самомъ себѣ безъ выраженія ея на дѣлѣ, а тотъ, отъ кого лучи ея изливаются на всѣхъ, кто согрѣваетъ ими и друга, и недруга.

— Но такихъ людей, о какихъ вы говорите, ужасно трудно найти...

— Да, не легко; такъ что жъ?

— Скорѣе можно напасть на злыхъ и развратиться.

— Фи, какъ старо! Знаете ли, на это ваше опасеніе я сказалъ бы вамъ одну сентенцію, на которую вы, вѣрно, писали какую нибудь хрю, хоть, пожалуй, хрю Аванасьевну; она вотъ что гласитъ: *grava consortia vitanda*. Да эта мораль и будетъ больше ничего, какъ пуфъ дыму. Ну, Богъ съ вами! да простить вамъ Аллахъ это невольное согрѣшеніе противъ общаго человѣческаго смысла. Такъ—пожалуйте! вы боитесь развратиться? Что жъ? тѣмъ лучше! Не пугайтесь, я про-

повѣдую не развращеніе! Если вы развратились, такъ вы еще не пропали; напротивъ, я поздравляю васъ со спасеніемъ. Вы упали—ничего, подниметесь. А въ монахахъ, батюшка, не то; тамъ ужъ упали разъ, такъ и въ другой, а тамъ и въ третій, а тамъ и въ десятый, а тамъ подъ штрафъ, да подъ пьяный искусь, а тамъ въ Соловецкій, а тамъ, по счастливому выраженію Иннокентія,—въ адъ. Вотъ вамъ и счетъ конченъ! Да постоитъ, шоп cher! Какъ же это вы пали? то-есть развратились-то? Вѣдь вы жъ говорили, что имѣете сильное, непреборимое, непобѣдимое, непостижимое желаніе вести одинокую, строгую, подвижническую жизнь? гдѣ жъ дѣлось ваше желаніе? гдѣ жъ это характеръ, который былъ для васъ такимъ point fixe? То-то, любезнѣйшій! Видно, всѣ ваши планы-то разлетѣлись, какъ разлетаются мыльные пузыри при прикосновеніи соломѣнки! Я очень радъ, если съ вами это случится здѣсь, въ мірѣ. Страсти, которыя теперь спятъ въ васъ такимъ глубокимъ сномъ, будьте увѣрены, проснутся въ свое время и заговорятъ страшно. Онѣ взволнуютъ вашу кровь, вскипятятъ ее, какъ огненную лаву, разобьютъ сердце ваше объ холодный камень отчаянія, разгрызутъ душу вашу тоскою и уныніемъ, и тогда—горе, горе вамъ! Вы пожелаете возвратиться назадъ, — нельзя: міръ васъ будетъ ждать съ достойными оскорбленіями; онъ забросаетъ васъ грязью насмѣшекъ и ругательствъ, и вы уже не будете имѣть чести даже быть гонимымъ. Вы воротитесь въ опостылѣвшую вамъ келью, броситесь на жесткую, одинокую вашу кровать, вопьетесь зубами въ подушку, подслушавшую тайные ваши вздохи, станете молиться—и молитва неспокойнаго духа, волнуемаго страстями, упадетъ къ вамъ назадъ въ тяжелыхъ капляхъ холоднаго пота. Вы обомрете отъ терзанія, отъ ужаса; стаканъ, другой, третій водки или рому, и вы будто утушили внутренней жаръ вашъ. Но страсти ваши раскинулись еще больше, похоть плоти требуетъ непременно удовлетворенія, женщины нѣтъ,—какъ быть? Знаете ли, я не хочу говорить о тѣхъ гнусныхъ картинахъ, которыя такъ наивно и такъ откровенно рассказываются кое-гдѣ, а замѣчу только, что есть грѣхи человѣческіе, есть грѣхи скотскіе, и есть грѣхи хуже всѣхъ грѣховъ—монашескіе. Sapienti sat“.

Такъ или почти такъ, по признанію Аскоченскаго, онъ говорилъ не разъ „несчастнымъ молодымъ людямъ“, увлекаемымъ дурнымъ примѣромъ на скользкій путь нынѣшняго отшельничества. „И слава тебѣ, Господи! замѣчаетъ онъ при этомъ. Успѣлъ въ нѣкоторыхъ поколебать, если не совсѣмъ истребить, это намѣреніе ихъ, враждебное Богу, людямъ, себѣ самимъ, всему человѣчеству“. Не разъ возвращается Аскоченскій къ нападкамъ на монашество. Такъ, онъ считалъ вреднымъ поручать имъ руководство просвѣщеніемъ молодежи.

„Когда это—воскликаетъ онъ—власть анахоретовъ перейдетъ въ руки людей, которые знаютъ свѣтъ и требованія просвѣщенія! Миѣ кажется, что покуда бородатые философы будутъ ораторствовать съ устарѣлыхъ своихъ каедръ, пока не истребитъ Господь этотъ нечи-

стый духъ односторонности и закоренѣлаго беззубаго квіэтизма, пока не дадутъ воли чувству и простора уму, а главное, пока не отнимутъ грозную, безтолковую ферулу у этихъ черныхъ геніевъ, которые, не во гнѣвъ имъ будь сказано, ужасно какъ близоруки,—до тѣхъ поръ отъ нашей академіи не жди добра. Все въ ней будетъ грязно, темно, пошло, и наше просвѣщеніе черезъ десять, а много-много черезъ двадцать лѣтъ, станетъ страшнымъ анахронизмомъ“.

Поятно, что, усвоивъ себѣ такой взглядъ на монашество, Аскоченскій всячески отрещивался отъ карьеры, какая ему могла бы открыться на поприщѣ подвижничества, рѣшися онъ послѣдовать свѣту академическаго начальства, дорожившаго даровитымъ студентомъ. Въ одномъ мѣстѣ „Дневника“, упоминая объ обѣдѣ, который давался ректоромъ академіи тогдашнему кievскому митрополиту, авторъ заявляетъ, что, если бы еще разъ пришлось „нашему брату“ такъ откушать, то нормальное состояніе его желудка разстроилось бы такъ, что его не поправить ни крѣпительными, ни слабительными.

„Сидя за столомъ, я“, говоритъ Аскоченскій, „признаться, не разъ вспоминалъ обычай нашихъ предковъ, которые за третьимъ блюдомъ преспокойно отстегивали свои пояса и давали прожорству своему самый натуральный просторъ... Но это въ сторону, а главное вотъ что. Митрополитъ такъ меня озадачилъ, что я сталъ, просто выпучивъ на него глаза. Послѣ обѣда, когда всѣ стали принимать у него благословеніе, я съ другими также подошелъ къ старику. Вдругъ опъ правою рукою беретъ мою руку, а лѣвую кладетъ на мою голову и съ усмѣшкою говорить: „Ну, что, братъ, ты скоро въ монахи?“ Я сталъ въ пень отъ этого неожиданнаго привѣтствія и, высвободивъ мою руку, бѣжалъ отъ старика въ залу.—Убилъ бобра, подумалъ я на досугѣ. Если бъ ваше высокопреосвященство сняли съ себя всѣ ордена вмѣстѣ съ бѣлымъ клобукомъ и придали ко всему этому всѣ выгоды и всѣ богатства вашей лавры; если бъ, говорю, вы надѣлили меня, кромѣ этого, всѣми благами міра, которымъ вы удивительно какъ славно улыбаетесь,—то и тогда бы я не согласился принять ни вашего клобука, отъ котораго такъ пахнетъ одиночествомъ, ни вашихъ орденонъ, которые такъ неловко сидятъ на вашей шеѣ, ни вашихъ богатствъ, коими вы такъ же сладко пользуетесь, какъ лисица сѣномъ; короче, ничто въ свѣтѣ не можетъ заставить меня надѣтъ эту мантию, которая прикрываетъ своею черною тѣнью столько ужасовъ и тиранствъ во имя религіи. Dixi!“

Болѣе рьянаго противника „грѣховъ монашескихъ“, чѣмъ Аскоченскій, въ бытность его студентомъ и въ первые годы его профессорской дѣятельности, трудно было бы найти. Онъ не пропускалъ случая, чтобы не подчеркнуть фальши и изувѣрства анахоретовъ. Вотъ, напримѣръ, какъ его возмущаетъ спекуляція монастырской святыней:

„Сколько разъ я ни былъ въ Софійскомъ“, пишетъ онъ, „всегда, подходя къ гробницѣ, заключающей въ себѣ частицы многихъ святыхъ, приходилъ въ смущеніе отъ печатнаго повазанія, что, будто бы, тутъ же есть капля крови Іисуса Христа. Господи, Боже мой! Какими ужасными вещами спекулируетъ шарлатанство! Кровь Іисуса Христа! Да откуда же она взялась? Кто могъ ее собрать подъ крестомъ, отъ котораго или бѣжали съ робостью, или плакали горько, безутѣшно плакали, не сводя очей съ Божественнаго Страдальца и вовсе не думая о томъ, чтобы сберечь каплю крови его, его, котораго считали почти всѣ добрымъ, благочестивымъ человѣкомъ, рѣшившимся на неудачную попытку учить людей и заплатившимъ за это поносною смертью? Позволили ли бы римскіе воины, а еще болѣе—ожесточенные іудеи оказывать такіе знаки благоговѣйнаго почитанія распятому, какъ они называли его, лъстецу? Опять,—если даже и возможно было взять и унести съ собою каплю Спасителевой крови кому нибудь изъ близкихъ къ нему, то объясните мнѣ, какимъ чудомъ могла она, черезъ столько столѣтій, перейти, — куда же? въ Кіевъ! Я говорю чудомъ, ибо безъ этого невозможно вовсе пріобрѣтеніе такой драгоценности. Далѣе—чудо; всякое чудо имѣетъ извѣстную, святую цѣль; тутъ какую бы оно имѣло, если бы дѣйствительно было? Вѣрно, и сами наши представители-то духовные очень хорошо понимаютъ этотъ ужасный подлогъ, ибо такъ называемая кровь Спасителя помѣщена въ одной гробницѣ съ грѣшными (хоть и святыми) остатками праведниковъ. Пусть всякій знаетъ и вѣдаетъ, что тѣлу, и истинному тѣлу и крови Спасителя не нашлось и не можетъ найтись мѣста на землѣ. Спаситель все съ собою взялъ на небо, оставивъ намъ только то, что далъ ему міръ для прикрытія телѣсной его наготы и потомъ для умерщвленія его плоти съ тѣмъ, чтобы одухотворить ее страданіями!.. Велико, Господи, долготерпѣніе твое!“

Помимо монашества, Аскоченскаго поражали отжившіе свой вѣкъ церковные обряды. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранился отзывъ его въ „Дневникѣ“. Вотъ что онъ писалъ объ обрядѣ анаематствованія еще въ 1841 году:

„Сегодня, 16-го февраля, у насъ такъ называемая недѣля православія. Обрядъ православія совершается на святой Руси давнымъ давно; но въ настоящемъ своемъ видѣ онъ существуетъ со временъ Петра Великаго. Цѣль этого, разумѣется—укоренѣніе и огражденіе правъ, подъ страхомъ анаемы, высокихъ истинъ религіи. Цѣль прекрасная, но, кажется, уже не по духу времени; нынѣ страхомъ ничего не сдѣлаешь; нужно возбудить разумное, сердечное убѣжденіе, а не боязнь; изъ подъ палки служить только осель, да рабъ, а не дѣти. Притомъ обрядъ этотъ обратился теперь въ посмѣхъ людямъ образованнымъ и въ потѣху празднои черни. Очень хорошо помню, какъ интересовалось дѣтское мое любопытство услышать оглу-

шительный ревъ протодьякона. Мнѣ чудо какъ весело было слышать какое-то завываніе моего родителя, постепенно возвышавшееся и вдругъ переходившее изъ а-моля въ ц-дуръ и вдругъ раздражавшееся громовымъ: „анаеема“, отъ котораго дрожали стекла и плясалъ фарфоръ и хрусталь въ шкафѣ. Съ какимъ-то трепетомъ я смотрѣлъ въ церкви на эти „старинныя кисти греческой“ иконы Спасителя и Богоматери, только разъ въ году на этотъ день выставляемыя среди церкви на особенныхъ налояхъ; съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣлъ я на протодьякона, снаряжавшагося точь въ точь, какъ римскій гладиаторъ, на выличку разныхъ разностей. Отъ восторга я не слышалъ ногъ подъ собою и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, какъ станутъ проклинать Гришку Отрепьева, Ваньку Кайна и Ивана Мазепу, и въ общему восхищенію глашатай, вполне обыкновенно раздѣляющій мнѣніе толпы, бывало, какъ нарочно погромче грянетъ это мѣсто. И куда, подумаешь, было весело! ушки на макушкѣ! Я такъ думалъ дитятею, такъ думали и думаютъ теперь многія дѣти съ бородами и даже безъ бородъ, не „происходившіе, знаете, науку“. Я говорю, что этотъ обрядъ теперь также лишній, какъ лишніи сдѣлались, напримѣръ, сожженіе въ печи тріехъ отроковъ, вшествіе на ослѣ патриарха въ Іерусалимъ, и проч. и проч. Защищать святая истины человѣческою анаеемою, воля ваша, и смѣшно, и грѣшно. Нынѣ ужъ времена не тѣ. Изъ разности мнѣній насчетъ того или другаго догмата—нѣтъ драки: ты вѣришь такъ, а я вѣрю иначе, ты принимаешь это, а я—нѣтъ; что жъ тутъ? Вольному—воля, спасенному—рай, а драться намъ не изъ чего и ругаться тожъ. Ты не навязываешь мнѣ собственнаго убѣжденія? нѣтъ? Ну, хорошо! Такъ давай же мнѣ руку,—мы съ тобой братья. Въ этомъ обрядѣ есть еще пунктикъ такой, что по милости его всѣ до одного человѣка выходятъ изъ церкви анаеемами, не исключая ни одного и изъ лицъ духовныхъ. Тамъ, помню, говорится о томъ, что если кто не исполняетъ во всей строгости правилъ святыхъ отецъ, тотъ—анаеема. Покорнѣйше благодарю! Перечтите-ка мнѣ всѣ эти правила. Перечтите хоть отцовъ, которыхъ я долженъ слушать! Да помилуйте, Бога ради, за что жъ такая напасть? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, и за то, что я во время шестопсалмія осмѣлюсь немножко „зѣвнути или харкнуть“, или и за то, что я во время чтенія извѣстныхъ молитвъ не помолюсь по командѣ въ одинъ темпъ, или и за то, что я назову монаховъ тунеядцами?

„Меня всегда оскорбляло это анаеematствованіе несчастныхъ Отрепьева и Мазепы. Это ужъ изъ рукъ вонъ, какъ плохо. Судъ Божій совершился надъ ними,—зачѣмъ же трогать ихъ кости? Положимъ, они были злодѣи, но вѣдь они—люди; пощадите жъ, люди, ихъ! Не трогайте тѣхъ, надъ коими уже почила страшно отомстившая имъ десница Божія. Отрепьевъ—вѣдь это сфинксъ, котораго до сихъ поръ еще никто не разгадалъ, и, Богъ знаетъ, можетъ быть, кровь

его лежить неистребимымъ пепломъ на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Показаніе бездупнаго Шуйскаго, убійство Битяговскаго и товарищей его, истребленіе угличанъ, даже мощи царевича Димитрія, — еще ничего не доказываютъ. Есть страшное доказательство и противъ убійства Гришки. Прочтите только хотъ исторію преосв. Платона, прочтите Устрялова, Погодина, — и передъ вами откроется картина, отъ которой содрогнется сердце ваше и мысль невольно остановится неподвижно на этомъ нерѣшенномъ вопросѣ о Гришкѣ: кто онъ и кого убили русскіе? Я много бы поговорилъ объ этомъ, но тутъ не мѣсто. О Мазепѣ, — эхъ, батюшки, какъ скверно. Пойдите! дайте сказать нѣсколько словъ объ этомъ дивномъ, замѣчательномъ человѣкѣ. Мазепа еще можетъ быть названъ измѣнникомъ дружбы Петровой; но, мнѣ кажется, между ними секретной дружбы вовсе не могло быть; они хитрили, и только; Мазепа надулъ Петра — и дѣло съ концомъ. Теперь, чтобы отвратить напередъ подобныя попытки надувательства себя, Петръ рѣшился подѣйствовать на умы и совѣсти страхомъ анаемы. Такъ называемая церковь, или, правильнѣе, представители церкви, были всѣ въ рукахъ его; главою этихъ представителей вмѣсто патриарха былъ собственный кортикъ ¹⁾ Петра, а синодъ, созданный имъ изъ тѣхъ же представителей, былъ просто горшокъ, который держалъ только то, что въ него угодно было влить этому дивному человѣку съ желѣзною волею. Тотчасъ оскорбленный, Петръ повелѣваетъ внести въ обрядъ православія имя несчастнаго Мазепы, а послушные отцы, забывъ всѣ пожертвованія, забывъ даже то, что они будутъ противорѣчить себѣ, молясь въ одномъ мѣстѣ за Мазепу, какъ за создателя и благотворителя храмовъ, а въ другомъ — проклинать его, какъ бунтовщика и измѣнника, подписали опредѣленіе, начертанное перомъ досады и личнаго обманутаго чувства политической привязанности.

„Прошло полтора столѣтія, а это несчастное имя до сихъ поръ оглашается анаемой отъ нѣкоторыхъ архіереевъ, которые далѣе своего носа ничего не видятъ. Скверно и стыдно!

Изъ другихъ обрядовъ всего болѣе возмущали Аскоченскаго посты.

„Охъ, ужъ эти мнѣ посты, посты!“ — пишетъ онъ подъ 24-мъ ноября 1840 г., — „Богъ судья тому, кто выдумалъ ихъ! И съ чего это вздумали люди безусловно поверяться толкамъ двухъ-трехъ тощихъ головъ? Тамъ, гдѣ-то въ Сири или въ Египтѣ, выдумали не ѣсть мяса, изъ опасенія умноженіемъ питательныхъ соковъ возбудить въ большей степени любострастіе жителей юга, — ни съ того, ни съ сего перенеслось это обыкновеніе и къ намъ на сѣверъ. Если сказать правду, то самый климатъ тамошній требовалъ постовъ, а иначе

¹⁾ Такое чтеніе слова подчеркнуто въ рукописи; мы не выдаемъ за кѣрное, но его иначе и прочесть трудно по неразборчивости. Ѡ. Б.

просто люди гибли бы отъ постояннаго употребленія горячительныхъ животныхъ соковъ; но, Бога ради, то же ли у насъ на сѣверѣ? Нѣтъ спора, что установленіе постовъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, и въ первобытномъ ихъ видѣ, и въ первобытномъ ихъ мѣстѣ очень могло содѣйствовать успѣхамъ нравственности; но у насъ, по замѣчанію медиковъ, мясоистіе, замѣняемое рыбою, вовсе не достигаетъ своей цѣли. На востокѣ вмѣсто мяса ѣли финики, оливы, а у насъ кушаютъ рыбу, а рыба, какъ извѣстно изъ медицины, ужасно возбуждаетъ нервы, и вслѣдствіе этого — похоть, которой тамъ боялись и избѣгали установители поста. Право, съѣвши крылышко курицы или сочный котлетъ, я меньше почувствую требованія плоти, чѣмъ какой нибудь постникъ, угощающій свой мамонъ ухомъ стерляжьей и отличнымъ фазаномъ съ прибавкою доброй красосули вина. Притомъ, что тутъ особеннаго для нравственности, если вы кушаете грибы, а я индѣйку? Неужели въ самомъ дѣлѣ можетъ кто нибудь подумать, что Богъ именно благословить того, кто всталъ изъ-за стола съ тощимъ, сжавшимся какъ мокрая подошва, желудкомъ? Неужели вы, господинъ постникъ, вѣрите, что Богу, кромѣ вашей мамы, и заниматься нечѣмъ? Пожалуйста, не говорите мнѣ, что Богъ самъ установилъ постъ еще въ рай: это, вотъ видите ли, дѣло спорное, темна вода во облацѣхъ, и если мы соглашаемся на ваше толкованіе, то потому только, что вы облачаете все это авторитетомъ вѣры. Вы мнѣ скажете, что Спаситель нашъ самъ постился. Знаю, да ему и некогда было пировать. Втеченіе сорока дней онъ приготовлялся къ Божественному, великому служенію; онъ былъ занятъ благомъ всего челоувѣчества, и спешаго во адъ, и жившаго и имѣвшаго жить на землѣ: до пищи ли, до питія ли ему тутъ было? Если мы, ничтожныя созданія въ сравненіи съ великимъ Совершителемъ нашего спасенія, замышляя какое нибудь, по мнѣнію нашему, важное дѣло, отказываемся часто отъ хлѣба, не спимъ дней и ночей, то что жъ мудренаго, если Господь нашъ, исхотившій на брань съ міромъ, людьми, дьяволомъ, постился сорокъ дней? И неужели можно вѣрить, что постъ этотъ принять былъ имъ съ единственною цѣлью — показать намъ примѣръ? Оно, если угодно, и такъ, но только въ томъ смыслѣ, что и мы, предпринимая важное какое нибудь дѣло, не должны гулять да бражничать, а бдѣть и трудиться, обдумывать и соображать. Повѣрьте, не чрево и не брашно, по выраженію апостола, поставляютъ насъ правыми предъ Богомъ, а вѣра въ Спасителя и добрыя дѣла. Не спасется Гарпагонъ, питающійся гнилымъ хлѣбомъ, не спасется и Факиръ, который кушаетъ во славу Аллаха коренья и свиной пометъ. Вы чувствуете въ себѣ вѣяніе Духа Божія, — не думайте же, что это отъ того, что вы кушали рыбное — это отъ другой, болѣе благородной, возвышенной причины. Благодать вышняя, можетъ быть, бываетъ и на томъ челоувѣкѣ, который ѣстъ свинину, даже лошадей и, пожалуй, всякую падаль. Мы не жиды; для насъ раздѣляющія

и не раздѣляющія, отрыгающія и не отрыгающія жвачку—вещи зѣло не важныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже самый недостатокъ въ животныхъ отнимаетъ у человѣка возможность дѣлать это тонкое желудочно-святое различіе. Пустяки, братцы, кушайте-ка все, что ни дадутъ вамъ. „Предлагаемое ядимъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ“—вотъ какъ говорилъ великій, постоянно вдохновляемый Богомъ, Учитель языковъ. Видите—онъ даже не велитъ осуждать, а нетолько что предавать анаемѣ“.

Послѣ приведенныхъ замѣтокъ Аскоченскаго, уже легко себѣ представить, какъ долженъ онъ былъ относиться съ такимъ свѣтскимъ образомъ мысли къ господствовавшей тогда системѣ духовнаго воспитанія и академическому преподаванію.

Отъ академической латыни, проповѣдей и прочихъ непріятностей Аскоченскій искалъ нерѣдко спасенія въ товарищескихъ пирушкахъ съ „пуншемъ“ и картами, да еще въ погонѣ за „шляпками“, которыхъ отыскивалъ нашъ студентъ, рыская по кievскимъ церквямъ.

„Сейчасъ только (21-го декабря 1835 г.) отъ разсужденія, коекакъ сбитаго мною изъ самой дубовой латыни. Охъ мнѣ эти проклятые римляне! Когда они перестанутъ насъ беспокоить своимъ мертвымъ, непонятнымъ языкомъ? Эдакіе злодѣи! Мало того, что прахъ ихъ разнесенъ уже вѣтрами, — нѣтъ, не перестаютъ насъ донимать своею дребеденью. Да ужъ, признаться, и мы ихъ угощаемъ. Если бы кости Цицерона, Виргилія, Горация, связались опять жилами и облеклись плотію, если бы, говорю, эти великіе любители латинской прозы и поэзіи прочли наши творенія, то, право, они за счастье почли бы себѣ опуститься въ самыя подземныя пропасти мрачнаго тартара, нежели услаждаться нашимъ краснорѣчіемъ по части любимаго ими діалекта“.

Но занятіе латынью все-таки не доучало Аскоченскому въ такой степени, какъ проповѣди и свои, и чужія, которыя давались ему на рецензію. „Слава Богу! пишетъ онъ, окончилъ про...“ Аскоченскій отъ омерзѣнія не въ состояніи былъ видимо дописать это противное слово—онъ какъ будто гадливо бросилъ прочь перо, или уснулъ отъ скуки, каковую наводило на него сочиненіе проповѣдей. „Чортъ ихъ поberi, всѣхъ этихъ проповѣдниковъ, которые мучатъ православныхъ пошлостями и дичью. Навязалъ же мнѣ лукавый этокое горе: шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, просидѣть за рецензію одной каковой нибудь проповѣди два съ половиною часа. Это просто убійство и времени, и здоровья“.

Въ „Дневникѣ“ не разъ попадаются и другіе знаки, обнаруживающіе подобное же настроеніе и состояніе духа автора,—иныя страницы залиты его слезами; мѣстами строки выведены дрожащею рукою. Недовольство окружающей средой рано запало въ душу Аскочен-

скаго; оно разрослось, въ бытность его въ академіи, въ озлобленіе и не покидало его и впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался профессоромъ академіи.

III.

По окончаніи академическаго курса.

Свѣтлый періодъ въ жизни Аскоченскаго. — Духовно-академическій кругъ, въ которомъ вращался онъ въ началѣ 40-хъ годовъ. — Отзывъ его объ академическихъ преподавателяхъ. — Характеръ лекцій Аскоченскаго. — Кіевское духовенство. — Свиданіе съ А. В. Кольцовымъ.

Наиболѣе свѣтлымъ періодомъ въ жизни Аскоченскаго были 1840 и 1841 годы. Въ 1840 году онъ впервые почувствовалъ себя свободнымъ отъ школьныхъ обязанностей, „мучившихъ его“, по его собственному выраженію, „слишкомъ 15 лѣтъ“. Въ томъ же году онъ получилъ и дипломъ свой на степень магистра. Но главное — говорить авторъ — въ томъ, что „я въ первый разъ почувствовалъ тутъ истинную, крѣпкую, какъ смерть, привязанность къ милому, единственному въ цѣломъ мірѣ существу“. Рѣчь идетъ о знакомствѣ съ его первой женой. Большая половина „Дневника“ за 1840 и 1841 годы, когда Аскоченскій женился, переполнена изліяніями чувствъ его, тревогами по поводу устройства, семейной жизни и сѣтованіями на свое безденежье, которое положительно отравляло ему покой. Но и здѣсь личныя заботы не успѣли поглотить его вполне. Проводя большую часть времени то на лекціяхъ въ академіи, то на частныхъ урокахъ, Аскоченскій не перестаетъ, однако, провѣрять себя самого наединѣ съ своею совѣстью и время отъ времени заносить въ „Дневникъ“ сужденія свои о всемъ, что такъ или иначе можетъ имѣть общественный интересъ. Безъ сомнѣнія, академическая сфера всего болѣе занимаетъ автора и служить за это время главнымъ предметомъ его критической наблюдательности. Замѣтки его въ данномъ случаѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. Въ одной изъ нихъ авторъ представляетъ въ сжатомъ видѣ тогдашній духовно-академическій кругъ.

„Сегодня (29-го апрѣля) началъ я снова, — пишетъ Аскоченскій, — свои патрологическія лекціи. Добрые студенты собрались всѣ и слушали меня съ возможнымъ вниманіемъ. Не знаю, какъ теперь (т. е. въ 1842 году), а въ наше время это было для преподавателя достойнымъ ручательствомъ того, что онъ знаетъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ, и ведетъ уроки свои ревностно и добросовѣстно. Не хвалю себя пишу это, а только ободряю свою лѣность на новые труды и хлопоты. При-

знаюсь, люблю послушать стороною объ отзывахъ студентовъ касательно преподающихъ въ академіи разныя науки. Мѣра всему—вниманіе слушателей. У насъ не заставишь неволею идти студента въ классъ. Угрозы, эпитиміи, штрафъ—не пугаютъ его; равнодушно идетъ онъ въ часы занятій за городъ и къ обѣду является непременно, какъ ни въ чемъ нигдѣ не бывалъ. Это велось при насъ, ведется и теперь. И потому-то нѣкоторые наставники академіи часто не досчитываются десятками своихъ слушателей. У ректора—нечего сказать—бываютъ всѣ не отъ того, чтобы они боялись власти его; нѣтъ, ректоръ вовсе не обращаетъ вниманія на то, много ли, или мало сидящихъ въ аудиторіи. Онъ знаетъ только свое дѣло, безъ умолку говорить битыхъ полтора часа, изумляетъ всѣхъ разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, необъятностью своей памяти, энциклопедическимъ знаніемъ всего, что входитъ какъ нибудь въ сферу богословія и, кончая необъятную свою лекцію, выходитъ самъ съ своими слушателями утомленнымъ, измученнымъ. Инспекторъ Іоанникій мало интересуется студентовъ своею моралью. Его нравственное богословіе такъ нравственно, что не смѣетъ шагу ступить далѣе предѣла, указаннаго какимъ-то нѣмецкимъ руководствомъ. Скученъ, Господь съ нимъ, этотъ отче. Замѣчательно, что этотъ инспекторъ есть уже вторая ошибка нашего митрополита. Старикъ думалъ, что кто въ семинаріи хорошъ, тотъ будетъ такимъ же и въ академіи—анъ вотъ и нѣтъ... Другія части богословія нѣсколько уже лѣтъ читаетъ бакалавръ Серафимъ, и нѣсколько уже лѣтъ читаетъ прескверно. Вотъ человекъ, который такъ ловко посмѣялся надъ неудачнымъ лафатерствомъ Иннокентія (Борисова?)! Мы думали, что изъ Аретинскаго, который въ студенчествѣ бросалъ взгляды выше черемухи, что стоитъ подлѣ академической столовой, мы, говорю, думали, что онъ будетъ однимъ изъ свѣтилъ нашего доморощеннаго музея; не тутъ-то было. Безъ всякихъ свѣдѣній, безъ ученаго такта, съ одною пустонорожною идеею, онъ уже пятый годъ путаетъ, какъ говоритъ, бабушку, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: византизма гибель, а толку ни крошки. Зато-жъ и студенты отдѣлываютъ его. Изъ пяти десятковъ рѣдко бываетъ одинъ десятокъ—и тотъ зѣваетъ до ушей, и при повтореніи—обыкновенномъ приближишѣ преподавателей-лѣнтяевъ, разбѣгаются вѣждо по единому. Священное писаніе толкуетъ о. Фотій, и толкуетъ, Богъ съ нимъ, тоже очень, очень плохо, а все отъ того, что учиться не хочетъ. Не зная ни одного живаго языка, не имѣя охоты и терпѣнія копаться въ мертвыхъ фоліантахъ, онъ, какъ выражаются студенты, готовитъ лекціи свои подъ одѣяломъ, и оттого-то при чтеніи ихъ такъ и тянетъ подъ одѣяло. А вотъ послушайте молодаго монаха Макарія,—какъ хорошо, съ какимъ энтузіазмомъ импровизируетъ онъ свои уроки изъ исторіи русской церкви. Послушайте, говорю, его всѣ слушаютъ“.

Такъ отзывается Аскоченскій объ академическихъ наставникахъ-

монахахъ; но и о свѣтскихъ преподавателяхъ онъ не позабылъ. Вотъ, наприимѣръ, Я. К. Амфитеатровъ:

„Было время, когда этотъ чудесный профессоръ говорилъ лекціи свои съ такимъ энтузіазмомъ, которому нельзя было не симпатизировать: мы слушали его, не переводя духу. Бывало—войдетъ, сядетъ, утрется платкомъ—все это такъ неловко; заговорить себѣ подъ носъ, а тамъ, тѣмъ дальше, тѣмъ живѣе, а тамъ и пошелъ, и пошелъ. Славно, умно, правильно! А теперь... онъ ослабѣлъ; ревностныя занятія и неизлечимая болѣзнь убили его здоровье, потушили прежній жаръ, и отъ прежняго восторженнаго импровизатора остался скучный читатель старозавѣтныхъ уроковъ. Но прошлое совершенство искупаетъ настоящіе недостатки его преподаванія. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, создалъ науку—пусть ужъ молодежь теперь развиваетъ и горачится надъ нею.

„Д. И. Макаровъ, преподаватель церковной исторіи, читаетъ, какъ бы это сказать... Случалось ли вамъ слушать стараго проповѣдника, который боится на кафедрѣ говорить по модному, а ломаетъ бѣднѣйшій языкъ по письменному? Или случалось ли вамъ слышать чтеніе повѣсти Марлинскаго отъ какого нибудь сельскаго попа, или отъ чего нибудь въ родѣ этого? Если случалось, то вы поймете, какъ досадно и скучно слышать хорошую лекцію, исковерканную какою-то фанатическою набожностью къ цѣлости буквъ и положенную на какія-то жалкія ноты монотоніи. Не знаю, какъ теперь, а въ наше время многіе внимательные слушатели уроковъ Макарова съ четверть часа не могли наладить рѣчи своей на складъ человѣческой. А, впрочемъ, Д. И. дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно. Онъ трудится много, крѣпко много, лишь трудъ его и не видѣтъ.

„За Макаровымъ слѣдую я съ своей патрологіей. Ну, ужъ извините, говорить о себѣ какъ-то не приходится. Перехожу къ преподавателямъ языковъ и напередъ замѣчу, что эта часть во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ крайне запущена. Читатъ мертво, сами преподаватели не имѣютъ хорошихъ свѣдѣній по своему предмету, и потому студенты весьма простительны въ небреженіи своемъ на этотъ разъ. Еврейскій языкъ читаетъ И. П. Максимовичъ и постоянно ссорится съ пустыми партами. Языкъ Гомера и Пиндара достался подъ опеку И. М. Бобровницкаго, который столько же знакомъ съ греческими діалектами, сколько я съ китайскою азбукою. Приготовится дома по латинскому переводу, прищепитъ слова въ лексиконѣ Ивашковскаго, придетъ въ классъ, переведетъ; на него и его переводъ позѣвываютъ долготерпѣливые студенты, и довольный собою, прилзанный и примазанный, бакалавръ идетъ съ великой своей лекціи въ сопровожденіи двухъ-трехъ, а много-много десяти студентовъ. Вотъ вамъ и всѣ преподаватели по классу богословія“.

„Классъ философскій былъ счастливѣе. Въ регентствѣ Иннокентія
«истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

философія дошла до высшей степени своего совершенства. Отличные преподаватели (Новицкій, Карповъ, Михневичъ, и потомъ Авсеневъ) держали ее въ такомъ видѣ, что Иннокентій безъ хвастовства могъ сказать, что нигдѣ въ Россіи не читается лучше философія. Но то было и прошло,—что теперь? Ветеранъ философіи, ординарный профессоръ И. М. Свворцовъ, и до сихъ поръ еще подвизается на давней своей аренѣ. Иннокентій толкнулъ его, и отскочилъ отъ Винклера, Свворцовъ въ иную пору и въ добрый часъ говорилъ и говорить дѣльно. Какъ бы то ни было, но двадцатипятилѣтняя служба заставляетъ смотрѣть снисходительно на нѣкоторыя странности нашего ветерана и даже уважать его за многое. Авсеневъ, экстраординарный профессоръ, нѣсколько уже лѣтъ дѣлаетъ свое дѣло мастерски, и студенты умѣютъ цѣнить и понимать его. Весь углубленный въ нѣмецину, онъ, однако же, строго держится духа православія и мирить философію съ ученіемъ вѣры, дѣлая это безъ насилія той и другой. Этому человѣку можно и должно сказать большое спасибо. Третій преподаватель философіи есть В. Н. Курковскій. Если надобно опредѣлить значеніе этого человѣка, то стоитъ только выпустить пухъ дыму и, указавъ на него, промолвить: се онъ! О немъ можно сказать: если бы онъ не былъ дурень, то непременно былъ бы хорошъ. Страсть пускать пыль въ глаза, какая-то натянутость, хвастовство маленькими свѣдѣніями и буфы, постоянные буфы — понятны всякому и сдѣлали изъ него чудака, надъ которымъ смѣются не боясь грѣха. Математическія науки читаютъ двое: ординарный профессоръ В. П. Чеховичъ и бакалавръ Д. А. Подгурскій, и читаютъ, должно быть, хорошо, потому что имѣютъ довольно охотниковъ для слушанія своихъ сухопарыхъ лекцій.

„Всеобщая исторія... постойте, дайте перевести духъ... Когда-то давно, еще въ первомъ курсѣ здѣшней академіи былъ одинъ студентъ, отличавшійся аккуратностью и классическою точностью. Студентъ этотъ хорошо училъ уроки, подавалъ во время задачи, регулярно ходилъ въ столовую, въ церковь и былъ *pes plus ultra* исправный ученикъ. За таковыя похвальныя качества его присудили оставить бакалавромъ, кажется, французскаго языка. Прошло нѣсколько времени и ему отдали въ жертву исторію, и съ тѣхъ поръ онъ вымучиваетъ изъ нея дыханіе и жизнь. Взявъ въ помощники себѣ Кайданова (т. е. разумѣется, учебникъ), онъ тиранитъ ее, анатомируетъ и сѣчетъ, какъ живорызь-Мажанди бѣдное животное, и за это далъ ему пряжку съ римскими цифрами XV. Страхъ послушать, какъ онъ начнетъ рассказывать о событіяхъ древняго міра: ни одной живой мысли, ни одной идеи, которая бы проникала мертвые факты, названные какъ попало, на удачу. Для этого человѣка какъ будто нѣтъ ни Гертера, ни Нибура, ни Погодина, ни Шафарика. Бѣдная исторія, бѣдная академія, бѣдные студенты! Губить вась А. Д. Граниковъ! Учи, учи, учи наизусть, тверди всякій вздоръ, даже и о

томъ, какая случилась окаянiя съ Копронимомъ въ купели, какъ Аргонавты похитили золотое руно, или... виноватъ, спутался. Да развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не все равно? Сказка—не былъ: истина не пострадаетъ. А какъ важенъ этотъ нашъ отсталый профессоръ,—иной разъ подумаешь, что онъ съ неба звѣзды хватаетъ, а приглядишься поближе, анъ и выйдетъ тринь-травя. Въ параллель ему можно и даже должно поставить экстраординарнаго профессора С. Θ. Соловьева. Братцы мои! Гдѣ это слыхано, чтобъ до сихъ поръ держаться, какъ за послѣднюю доску послѣ кораблекрушенiя, Бати и Лагарпа? Боже мой! Что, если бы какой нибудь литераторъ послушалъ лекцiи нашего Тредьяковскаго? Онъ обмеръ бы со страху, а мы—отъ стыда. Вотъ ужъ попалъ не въ свою колею. Я каждый разъ принуженъ сидѣть какъ на иголкахъ, когда бѣдные студенты, по наряду своего профессора, начинаютъ корчить словесниковъ. Ужасъ да и только! Вообразите, для него и теперь Россiада Хераскова—*chef d'oeuvre* русской эпической поэмъ; для него и до сихъ поръ Ломоносовы рѣчи—образецъ прозаическаго краснорѣчiя; для него и теперь Пушкинъ еще не поэтъ, Хомякова—какъ не было, Баратынскiй—мигъ, Лермонтовъ—сказка, Грибоѣдовъ—темна вода во облацѣхъ. Ахъ, батюшки мои, и это въ академiи? И это въ высшемъ учебномъ заведенiи?.. Бѣдная словесность! Бѣдные слушатели! бѣдный горемыка профессоръ!

„Перейдемъ теперь къ самому гадкому отдѣленiю академической учености—къ языкамъ. Начнемъ съ французскаго, или нѣтъ—лучше не начинать. Довольно сказать, что его читаетъ Минервинъ—человѣкъ, у котораго если не телячья голова, то я, право, уже не знаю, какая, только увѣренъ въ томъ, что не человѣчья. Нѣмецкiй языкъ остается за Гогоцкимъ. Исполняя ех *officiu* свою Сизифову работу, онъ глядеть въ дѣсь, и потому, окончивъ съ пренебреженiемъ несносную лекцiю, спѣшитъ къ болѣе важнымъ, домашнимъ ученимъ занятiямъ. По крайней мѣрѣ, онъ иногда забавляетъ слушателей своихъ разсказами о нѣмецкой литературѣ. Дѣлалъ когда-то и я съ своимъ польскимъ языкомъ, но теперь, изъ уваженiя къ патрологии, я бросилъ прежнюю свою любовницу—литературу польскую...“

Въ дневникѣ подъ 23 января 1846 г. Аскоченскiй упоминаетъ и о характерѣ своихъ лекцiй.

„Несмотря на то, что предметомъ ихъ служатъ лица, которыхъ почитать повелѣваетъ намъ святая наша церковь, и которыхъ въ минуты смиренной молитвы для меня самого служатъ предметомъ благоговѣнiя, — несмотря, говорю, на это, я на кафедрѣ профессорской рѣшился оторваться отъ той мысли, что у меня имѣется дѣло съ святымъ человѣкомъ. Что мнѣ за надобность, думалъ я, пиша во время оно свои лекцiи, до святости такого-то; на благоговѣйное усмотрѣнiе высокихъ подвиговъ угодника Божiя суть особенныя времена, особые случаи, особые приемы. Передо мной пусть онъ станетъ человѣкомъ, съ своею разумною рѣчью, съ своими сердечными убѣж-

деніями, даже съ своими человѣческими взглядами и ошибками, какъ слѣдствіями того или другаго направленія. Я читаю его сочиненія, разбираю ихъ, какъ критикъ, а не безотвѣтнѣйшій поклонникъ прославленной Богомъ и людьми святѣйши. И вотъ причина, отчего читатель мой найдетъ въ моихъ запискахъ столько смѣлости и заподозритъ меня, быть можетъ, въ кощунствѣ. Въ полномъ убѣжденіи, что я не виноватъ въ этомъ грѣхѣ, я говорю теперь и оставляю моему потомству записки мои, и не боясь самохвальства, скажу: *exegi monumentum aere perennius*. Да, Богъ одинъ видѣлъ, сколько поднято было мною трудовъ для составленія вотъ этихъ двухъ фоліантовъ, которые покоятся на этомъ столѣ, подавивъ свою тяжестью мелочныя книжки и брошюрки. Я шелъ непробитою дорогою, шелъ одинъ—безъ руководителя; впереди меня былъ дремучій лѣсъ; вилля изъ стороны въ сторону, я проложилъ, однако жъ, въ этомъ лѣсу просѣку и теперь уже лучше и вѣрнѣе будетъ идти моимъ послѣдователямъ. Благодарю Тебя, Господи, что Ты подаль мнѣ силъ и способностей выполнить это служеніе на пользу добрыхъ и юныхъ моихъ братій! „Тщательно, однако жъ, скрываю я лекціи мои отъ неразумной ревности нашихъ инквизиторовъ-монаховъ, которыхъ и безъ того уже бѣситъ нескрываемый восторгъ моихъ слушателей. Преподаваніе мое идетъ двумя путями: исторически и эсotericически. Въ аудиторіи, оставаясь глазъ на глазъ съ студентами, я говорю имъ все, что идетъ мнѣ въ голову, и что уже пало подъ перо мое вслѣдствіе заранѣе подготовленнаго истиннаго убѣжденія. Это историческое преподаваніе, къ которому я не допускаю никого изъ непосвященныхъ и не преданныхъ мнѣ. Когда же приходятъ экзамены и ареопагъ монашескій судить меня, студентовъ и мои лекціи,—тутъ мои записки становятся неукоризненны, какъ первыя четыре правила ариметики, уступчивы, какъ воздухъ, и невинны, какъ рѣчная вода. Это немножко по іезуитской логикѣ, но что жъ дѣлать?“

Небезынтересно здѣсь же привести отзывъ Аскоченскаго о кievскомъ духовенствѣ, который высказанъ имъ въ дневникѣ 1845 г. по окончаніи курса въ академіи, на основаніи долговременныхъ личныхъ наблюденій.

„Въ Кіевѣ оно болѣе чѣмъ гдѣ либо раздѣляется на черное и бѣлое. Къ первому отдѣленію принадлежатъ ученые, состоящіе въ училищной службѣ монахи, и тѣ, которые живутъ по монастырямъ. Монахи, относящіеся къ ученому классу, рѣзко отличаются отъ прочихъ своихъ братій. Свободны отъ скитскихъ обязанностей, они ведутъ жизнь болѣе вольную и во многихъ случаяхъ позволяютъ себѣ *licentiam vitalem**). Иннокентій нѣкогда и вовсе нечаянно хорошо опредѣлилъ ихъ значеніе въ составѣ общества. „Зачѣмъ вы“, говорилъ онъ одному изъ студентовъ академіи, убѣждая его вступить въ монаше-

*) Такъ-сказать, житейскія вольности.

ство, „воображаете себѣ тутъ что нибудь особенное? Это ни больше, ни меньше, какъ отдѣльная каста людей, точно также, какъ сословіе дворянъ, купцовъ и прочая“. Слова эти явно относятся только къ лицамъ монашествующимъ ученымъ. Это, точно, каста людей, которые водятся тѣми же правилами, тѣмъ же образомъ мыслей, какъ и всѣ порядочные въ свѣтѣ люди. Они мастера покутить, любятъ хорошіе экипажи, одѣваются въ шелковыя платья и предпочтительно предъ другими лицами своего сословія втораго разряда вѣжливы и уклончивы. Послѣднее свойство—уклончивость—они простираютъ немножеко далеко. Передъ своимъ владыкою (такъ обыкновенно они называютъ митрополита) они падаютъ ницъ, и поклоны, отвѣщаемые ими передъ его высокопреосвященствомъ, свидѣтельствуютъ о необыкновенной гибкости ихъ позвоночнаго столба. Не скажу, чтобъ они совершенно были чужды видовъ честолюбія,—это невозможно, особливо въ ихъ быту, гдѣ только и есть пища для ихъ души,—но не согласенъ опять и съ тѣми, которые увѣряютъ, что единственная цѣль ихъ жизни есть достиженіе высшихъ іерархическихъ степеней. Ученые монахи очень хорошо знаютъ, что все это придетъ само собою, и потому не слишкомъ заботятся о томъ, чтобы стать скорѣе на важный постъ служенія. Поэтому между ними не видно ни интригъ, ни сплетней. Они спокойно выжидаютъ, пока кого нибудь сведутъ съ своего поста или смерть, или неудача,—тогда уже навѣрняка каждому изъ нихъ повышеніе. Въ соблюденіи правилъ монашества они не слишкомъ строги; въ образѣ мыслей свободнѣе прочихъ, потому что образованнѣе, но эта свобода все-таки не мѣшаетъ имъ быть строгими блюстителями православнаго ученія вѣры. Мнѣ много разъ случалось пробовать ихъ въ этомъ отношеніи—и я всегда съ удовольствіемъ находилъ въ ученыхъ монахахъ твердость и устойчивость въ догматахъ и вѣрованіяхъ, занятыхъ отъ древняго православія.

„Не таковъ второй разрядъ монаховъ, проживающихъ въ здѣшнихъ монастыряхъ. По большей части монахи эти бываютъ изъ низшаго класса людей—и потому грубость и невѣжество остается всегдашнею отличительною чертою, общою почти всѣмъ имъ; по степени и важности монастырей и сами монахи придаютъ себѣ болѣе или менѣе важности. Монахъ лаврскій господствуетъ надъ всѣми. Онъ опрятнѣе одѣтъ, выше носить голову и говоритъ всегда отъ божественнаго. Покойный митрополитъ Евгеній въ эниграматическомъ анекдотѣ умѣлъ опредѣлить разность между кievскими монахами. „Изъ какого вы монастыря, батюшка?“—Съ Братскаго, смиренно отвѣчаетъ черноризецъ въ запяленной рясѣ и съ загорѣлыми руками безъ перчатокъ. „А вы изъ какого?“—Зъ Михайлівскаго, говоритъ протяжно отецъ святой, скидая перчатку и открывая бѣлую и полную руку, чтобъ благословить спрашивающаго. „А вы, отче святой, изъ какого монастыря?“—Снытай у хлопца.—Это, изволите видѣть,

монахъ лаврскій, всегда почти тучный и бѣлый, не щедрый на разговоры и очень хорошо умѣющій оцѣнить блаженство квіетизма; не думайте, однако же, чтобы эти всѣ монахи точно были лежебоками и лѣвтяями. Нѣтъ, ихъ работа трудная. Тогда какъ ученое монашество отдыхаетъ въ пуховикахъ послѣ вечерней пирушки, монахъ монастырскій стоитъ въ церкви и тянетъ безконечную утреню. Съ охотою, или нѣтъ это дѣлаютъ они—не мнѣ судить; по крайней мѣрѣ, безпричинныя опущенія этой обязанности здѣсь невозможны. Замѣчательно, между прочимъ, что чѣмъ выше по значенію монастырь, тѣмъ меньше въ немъ грубыхъ пороковъ, но чѣмъ ниже, тѣмъ больше въ немъ пьянства и прочаго. Объ лаврскихъ монахахъ разсказываютъ (равумѣется, съ исключеніями), что многіе изъ нихъ имѣли и имѣютъ у себя на содержаніи женщинъ. Навѣрное утверждать этого не могу. По крайней мѣрѣ, судя по мѣрамъ строгости, недавно введенной митрополитомъ теперешнимъ, можно думать, что въ этомъ случаѣ точно было не безъ грѣха. А при покойномъ Евгеніи Лавра таки порядочно кутила на свой паѣ. Этому много способствуетъ богатство монаховъ и молодость большей части ихъ.

„Бѣлое духовенство здѣсь вовсе не на такомъ счету, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Несмотря на заслуги свои, щедро награждаемыя монаршими милостями, оно мало пользуется уваженіемъ, особенно высшаго класса людей. Простолудины, правда, уважаютъ духовныхъ, но и то не искренно, не отъ души. Причина этому прежде всего—давняя свычка съ католическимъ духовенствомъ, не въ примѣръ нашему образованнѣйшимъ и умѣющимъ держать себя; наши дѣшковые, по большей части, погрязли въ семейныхъ, жизненныхъ разчетахъ и во многихъ случаяхъ играютъ роли ростовщиковъ, что, само собою разумѣется, отнимаетъ у нихъ по нѣскольку золотниковъ уваженія отъ прихожанъ. Мнѣ не случилось встрѣтить въ Кіевѣ священника, который бы сътотатственно не считалъ храма Божія арендою, съ которой онъ всѣми зависящими отъ него средствами собираетъ доходъ себѣ. Цинизмъ въ одѣяніи, неумѣстное простодушіе, прикрывающее ненасытную жажду наживаться, малороссійскія шутки и паясничество—вотъ сѣверныя стороны, которыми портитъ свою репутацію кіевское духовенство. Я не могу безъ отвращенія смотрѣть, какъ протоіереи даже, надѣвъ эпитрахиль, бродятъ по церкви, насильно зазывая богомольцевъ, чтобы выманить у нихъ алтынъ. Случалось видѣть мнѣ протоіереевъ въ камилавкѣ и съ наперстнымъ крестомъ, сидящихъ на порогѣ и потѣшающихъ наивными разсказами праздную толпу. Подчиненности въ ея благородномъ видѣ здѣсь не ищите. Дьяконъ преспокойно себѣ сидитъ развалившись, когда мимо его проходитъ протопопъ; дьячекъ въ изорванномъ или засаленномъ сюртукѣ, съ чудовищными бакенбардами, съ взерошенными волосами и съ прешьяною рожею хохочетъ съ какою нибудь бабою въ то время, когда мимо его проходитъ особа, гораздо выше

его въ чину іерархическомъ. Къ слову сказать, хуже этого отребія, челоуѣчества я нигдѣ не встрѣчалъ. Грубость и невѣжество—это самыя обыкновенныя свойства причта; неопрятность, нечистота—это второстепенныя ихъ качества; пьянство и развратъ клеймятъ ихъ деревянныя рожи такою гадкою печатью, что нѣтъ силъ смотрѣть. Словомъ сказать, кіевское бѣлое духовенство по справедливости не пользуется тѣмъ уваженіемъ, какое приличествуетъ священному сану“.

Вскорѣ по выходѣ изъ академіи, Аскоченскому удалось побывать на родинѣ. Сама по себѣ поѣздка въ Воронежъ не заслуживала бы вниманія, если бы съ нею не было связано въ дневникѣ воспоминанія о свиданіи съ А. В. Кольцовымъ. Вотъ какъ описано это свиданіе, происходившее 12 іюля 1841 года:

„Длинная, винтообразная лѣстница привела, наконецъ, меня къ уютному жилью любимца моего. Съ какимъ-то тихимъ замираніемъ сердца взялся я за ручку двери, за которою было передумано такъ много думъ, святыхъ мыслей, за которою такъ сильно и звучно билось сердце общечелоуѣческой любовью. Замокъ щелкнулъ. Я вошелъ въ переднюю, сбросилъ шинель и, ставъ передъ поэтомъ, сказалъ:

— Здравствуйте, Алексѣй Васильевичъ. Вы, конечно, меня не знаете.

— Нѣтъ, не имѣю чести, отвѣчалъ онъ удушливымъ, синоватымъ голосомъ.

„Я отрекомендовался. Онъ просилъ меня сѣсть. Съ минуту я смотрѣлъ на него, не сводя глазъ. Мнѣ хотѣлось изучить это чело, въ которомъ зарождалось столько высокихъ, міровыхъ идей; мнѣ хотѣлось насмотрѣться на этого челоуѣка, для котораго природа была единственною книгою, который сталъ мастеромъ, не бывъ никогда труженникомъ науки. Это, думалъ я, помазанникъ Божій, и этотъ челоуѣкъ уже чуть дышетъ. Онъ говоритъ почти неслышнымъ голосомъ, за каждымъ словомъ переводитъ духъ. Съ непритворнымъ участіемъ я спросилъ его о здоровьѣ.

— Слава Богу, отвѣчалъ онъ,—теперь... мнѣ лучше... а прошлый годъ... приходилось плохо.

— Живите Алексѣй Васильевичъ, живите для нашей родной литературы. Мы и такъ уже несчастливы, лишившись великаго представителя нашей народной...

— Меня, прервалъ онъ,—избаловали неумѣренныя похвалы нашихъ критиковъ... Избавьте меня отъ похвалъ.

— Умѣйте различать какуюнибудь безотчетную, восторженную похвалу фельетониста отъ искренней привязанности и уваженія къ вашимъ талантамъ людей, которые знаютъ, какъ понимать васъ. Что касается до меня, то скажу вамъ прямо: я влюбленъ въ васъ.

„Поэтъ мой улыбнулся.

— Да, продолжалъ онъ,—во мнѣ хотятъ видѣть мѣщанина... Я прошу всѣхъ, чтобы на меня смотрѣли, какъ на челоуѣка... Я имѣ

даю фактъ... Что имъ за надобность, съ неба ли беру я мое вдохновеніе, или отъ земли...

„Удушливый кашель прервалъ его рѣчь. Я просилъ его успокоиться.

— На васъ, Алексѣй Васильевичъ, сказалъ я,—надобно смотрѣть, отвлекаясь отъ всѣхъ условий общественнаго быта. Вы поэтъ,—и выше этого титла я не знаю и не хочу знать ничего.

— Благодарю васъ.—Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Мнѣ тутъ тяжело, сказалъ онъ,—нѣтъ человѣка, который бы могъ подарить хоть... одной свѣтлой мыслью... Здѣсь пустыня.

— Такъ вамъ не нравится здѣшнее общество?

— Боже мой! Да развѣ здѣсь люди?.. И баранъ—прекрасное твореніе Божіе, онъ даетъ волну, мясо... онъ полезенъ... Но людямъ унижаться до барана, быть только матеріально полезными... это какъ-то... неловко... Они смотрятъ на меня, какъ на потеряннаго человѣка... оттого, что я не приношу имъ волны и сала... Здѣшніе чиновники—мандарины... простой народъ—китайцы... дамы — настоящіе куконы.

— Вотъ вамъ рука моя, я съ вами согласенъ. Однако жъ, извините, вамъ надобенъ покой.

— Беру съ васъ слово, что это не послѣднее ваше посѣщеніе.

— Если только не наскучу вамъ...

— Я человѣкъ больной... и если я скажу вамъ напрямки, что мнѣ дурно... то вы не обидитесь... и не назовете меня каннибаломъ...

— Такъ, стало быть, этикетъ въ сторону?

— Непремѣнно.

— Въ такомъ случаѣ я вашъ.

„Онъ проводилъ меня до дверей, изъявивъ желаніе поговорить со мною объ академіи, и простился до свиданія. Я былъ радъ его приглашенію и, однако жъ, по обстоятельствамъ, при всемъ желаніи моемъ не могъ воспользоваться имъ...“

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

VIII.

Н. И. Гречъ, его связи и знакомства.

ПРОЖИВЪ съ Н. И. Гречемъ въ одномъ домѣ около четырнадцати лѣтъ и имѣя съ нимъ ежедневныя сношенія по дѣламъ редакціи, особенно до 1860 года, я невольно былъ свидѣтелемъ того множества лицъ, которыя его посѣщали въ періодъ времени съ 1850 года. Изъ приведенныхъ въ предыдущихъ главахъ нѣкоторыхъ письменныхъ документовъ видно то вниманіе, которое ему оказывали въ томъ или другомъ правительственномъ вѣдомствѣ. Передъ вступленіемъ, съ 1 января 1860 г., въ полное завѣдываніе изданіемъ и редакціею „Сѣверной Пчелы“, я просилъ Н. И. Греча представить меня министру иностранныхъ дѣлъ, князю А. М. Горчакову, и тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, Евграфу Петровичу Ковалевскому. У князя Горчакова, чрезъ директора канцеляріи министерства, В. И. Вестмана, было испрошено предварительное на то разрѣшеніе. Мы явились въ назначенное время, утромъ въ девять часовъ, въ декабрѣ, и застали министра за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ, у окна, за чтеніемъ, какъ онъ намъ сказалъ, сборника депешъ относившихся до восточныхъ дѣлъ. Кабинетъ помѣщался въ верхнемъ этажѣ дома министерства иностранныхъ дѣлъ, на Дворцовой площади. Послѣ моего представленія, князь А. М. Горчаковъ сказалъ мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ о предстоящемъ мнѣ редакторствѣ и заговорилъ съ Н. И. Гречемъ о литературѣ. Изъ этого разговора, въ которомъ министръ высказалъ свои глобокія познанія въ ней, я увидалъ на дѣлѣ, какимъ вниманіемъ и

¹⁾ Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VII, стр. 107.

расположеніемъ пользовался у него Н. И. Гречъ. Я увѣренъ въ томъ, что, только благодаря посредничеству г. Греча, я былъ принятъ княземъ А. М. Горчаковымъ.

Около того же времени, то есть въ декабрѣ 1859 года, мы поѣхали къ Е. П. Ковалевскому, жившему у Чернышева моста, въ нижнемъ этажѣ того зданія министерства, гдѣ теперь помѣщается гимназія. Въ этой обширной квартирѣ проживали министры народнаго просвѣщенія: графъ Уваровъ, князь Ширинскій-Шихматовъ, Норовъ, Ковалевскій, адмиралъ графъ Путятинъ. Съ назначеніемъ министромъ А. В. Головнина, онъ нашелъ неудобнымъ для себя жить чуть ли не въ сорока комнатахъ и остался первоначально на своей прежней квартирѣ въ одномъ частномъ домѣ, на Литейной улицѣ, близъ Пантелеймоновской, а потомъ переѣхалъ на Гагаринскую набережную, близъ Прачешнаго моста. Къ Е. П. Ковалевскому мы поѣхали безъ предваренія его о нашемъ посѣщеніи. Министръ встрѣтилъ насъ рѣзкимъ замѣчаніемъ по поводу появившагося передъ тѣмъ, въ № 264 „Сѣверной Пчелы“, извѣстія о несостоятельности одного московскаго фабриканта, оказавшагося невѣрнымъ. Е. П. Ковалевскій замѣтилъ, что подобныя невѣрныя извѣстія заслуживаютъ строгаго преслѣдованія, что объ этомъ была рѣчь передъ тѣмъ въ государственномъ совѣтѣ и что „Сѣверную Пчелу“ ожидаютъ дальнѣйшія неприятели по этому дѣлу. Для Н. И. Греча этотъ разговоръ былъ очень огорчителенъ, такъ какъ, по его многолѣтней дружбѣ съ Е. П. Ковалевскимъ, онъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Я объяснилъ дѣло, какъ оно было. Извѣстіе передано было въ газету сотрудникомъ (Н. Бобровымъ), давно участвовавшимъ въ ней своими трудами, доставлявшимъ постоянно свѣдѣнія съ петербургской биржи и которому редація не имѣла основанія не довѣрять. Московскій биржевой комитетъ, по просьбѣ фабриканта, возбудилъ было большую переписку по этому дѣлу, но оно окончилось безъ всякихъ послѣдствій, въ январѣ 1860 года, объясненіемъ, напечатаннымъ г. Бобровымъ въ „Сѣверной Пчелѣ“.

По окончаніи официального выговора, Е. П. Ковалевскій измѣнилъ тему разговора и явился въ немъ давнишнимъ другомъ Н. И. Греча. Послѣдній также вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія и мы разстались очень довольные нашимъ посѣщеніемъ, обѣщавъ министру исправить невѣрное сообщеніе, появившееся въ газетѣ.

Тогдашній (до назначенія М. К. Рейтерна) министръ финансовъ, Александръ Максимовичъ Княжевичъ, тоже любитель литературы, считалъ Н. И. Греча своимъ другомъ. Такъ какъ я былъ уже знакомъ съ нимъ и бывалъ у него по пятницамъ вечеромъ, по назначеннымъ днямъ, то и не ѣздилъ представляться къ нему, какъ къ князю Горчакову и Е. П. Ковалевскому.

Начальникъ штаба корпуса жандармовъ, Леонтій Васильевичъ Ду-

бельтъ (въ 1856 году замѣненный въ этой должности генераль-маіоромъ свиты его величества А. Е. Тимашевымъ), неоднократно при мнѣ выказывалъ Н. И. Гречу знаки глубокаго, искренняго уваженія. Л. В. Дубельтъ (жившій въ собственномъ домѣ, на Захарьевской улицѣ, если не ошибаюсь) по утрамъ ѣздилъ съ докладомъ къ шефу жандармовъ, графу Орлову (жившему на Мойкѣ, у Краснаго моста, въ домѣ бывшемъ Таля, одноэтажномъ, во дворѣ, отдѣляемомъ и по нынѣ рѣшеткою отъ улицы), а оттуда, послѣ доклада, заѣзжалъ часто къ Н. И. Гречу (на Мойкѣ же, у Почтамтскаго мостика) и сообщалъ ему все то, что необходимо было знать редактору ежедневной газеты, чтобы не надѣлать промаховъ, особенно въ тѣ нелегкія времена. Поэтому Н. И. Гречь былъ постоянно, что называется, „въ курсѣ дня“. Нѣтъ сомнѣнія, что Л. В. Дубельтъ не заѣзжалъ бы къ Н. И. Гречу, если бы не было на то согласія графа А. Ѳ. Орлова, выказывавшаго постоянно свое вниманіе къ нему. Л. В. Дубельтъ, по званію своему начальника штаба корпуса жандармовъ и управляющаго третьимъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи, былъ членомъ главнаго правленія цензуры. Когда, во время моего уже сотрудничества въ „Сѣверной Пчелѣ“, именно въ 1853 и 1855 годахъ, Н. И. Гречь уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ за-границу, для поправленія своего здоровья и оставлялъ меня отвѣтственнымъ редакторомъ газеты, то онъ поручалъ мнѣ письма его изъ-за-границы, которыя онъ будетъ присылать, для напечатанія въ газетѣ, до отправки ихъ въ обыкновенную цензуру, посылать предварительно, начисто переписанныя, на просмотръ Л. В. Дубельту. Онъ возвращалъ ихъ въ редакцію чрезъ сутки съ очень небольшими измѣненіями, но этотъ просмотръ члена главнаго правленія цензуры служилъ руководствомъ для цензора и статья легко пропускалась въ печать. Поэтому, въ тогдашнее время, въ заграничныхъ своихъ письмахъ, Н. И. Гречь свободно касался текущихъ политическихъ вопросовъ, чего не пропускала цензура въ другихъ статьяхъ. Цензоры часто мнѣ говорили, что безъ просмотра Л. В. Дубельта они должны были бы иногда на половину сокращать заграничныя письма Н. И. Греча. Точно также Н. И. Гречь поступалъ и до моего участія въ редакціи, когда, передъ февральскою революціею 1848 года, неоднократно годы и мѣсяцы проводилъ за-границею и когда редакціею газеты завѣдовалъ его сынъ, Алексѣй Николаевичъ Гречь, скончавшійся, въ мартѣ 1850 года, отъ чахотки, на пути на островъ Мадеру, и погребенный въ волнахъ Атлантическаго океана. Болѣзнь А. Н. Греча и вызвала приглашеніе мое, въ 1849 году, въ сотрудники „Сѣверной Пчелы“. Когда, въ 1853 году, по полученіи перваго письма Н. И. Греча изъ-за-границы, я отвезъ его лично къ Л. В. Дубельту, то онъ, принявъ его, сказалъ мнѣ: „Не трудитесь привозить сами; присылайте въ конвертѣ на мое имя; для Николая Ивановича я готовъ сдѣлать все пріятное, даже быть для него цензоромъ“.

Такимъ же расположеніемъ и вниманіемъ пользовался Н. И. Гречъ у Якова Ивановича Ростовцева, бывшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Я неоднократно видѣлъ Я. И. Ростовцева въ кабинетѣ Н. И. Греча. Когда, въ 1855 году, Н. И. Гречъ уѣзжалъ за-границу, то сказалъ мнѣ, чтобы, въ случаѣ затрудненій или не-приятностей по изданію „Сѣверной Пчелы“, я обращался къ Я. И. Ростовцеву отъ его имени, но пустяками не беспокоилъ бы его. Я воспользовался только однажды этою рекомендаціею, и съ полнымъ успѣхомъ. Лѣтомъ 1855 года, въ самый разгаръ Крымской войны, состоялось по цензурѣ распоряженіе, чтобы, несмотря на существовавшій тогда военно-цензурный комитетъ, просматривавшій отдѣльно отъ общей цензуры всѣ статьи, касавшіяся войны и арміи, въ газетахъ печатали только тѣ извѣстія и корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій, которыя появятся въ „Русскомъ Инвалидѣ“. Подобное монопольное право нарушало интересы публики, читателей, родные и знакомые которыхъ принимали участіе въ войнѣ. Я протестовалъ противъ такого распоряженія и подалъ о томъ докладную записку Я. И. Ростовцеву, прося его ходатайства передъ военнымъ министромъ. Я. И. Ростовцевъ согласился съ моими доводами, принялъ мою записку, и чрезъ нѣсколько дней стѣснительная цензурная мѣра была отиѣнена, къ неудовольствію тогдашняго редактора „Русскаго Инвалида“, полковника Петра Семеновича Лебедева.

Наиболѣе замѣчательное посѣщеніе Я. И. Ростовцевымъ Н. И. Греча было въ послѣдней половинѣ октября (до 25-го числа) 1855 года. Я. И. Ростовцевъ пріѣхалъ къ нему прямо изъ Зимняго дворца, послѣ доклада, объявилъ Н. И. Гречу, что рѣшено заключить миръ, что будутъ начаты предварительные неофициальные переговоры съ Наполеономъ III и что потому въ газетахъ необходимо прекратить нападки на правительство Наполеона III, вообще на Францію и на французевъ, но что англичанъ, турокъ, сардинцевъ, нѣтъ надобности подводить къ одному знаменателю съ галлами. Дѣйствовалъ ли въ этомъ случаѣ Я. И. Ростовцевъ по своему почину, или нѣтъ,—я не знаю. Для переговоровъ о мирѣ прибылъ потомъ въ Петербургъ саксонскій посланникъ при французскомъ правительствѣ, баронъ Зебахъ, женатый на дочери тогдашняго нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, и, слѣдовательно, извѣстный русскому двору.

Когда, при коронаціи императора Александра Николаевича, манифестомъ 26-го августа 1856 г., декабристы получили окончательное помилованіе и появились затѣмъ въ Петербургѣ, то почти всѣ они, особенно бывшіе знакомые съ Н. И. Гречемъ до событія 1825 года, посѣтили его. Чаше другихъ бывали у него Николай Ивановичъ Тургеневъ, прибывшій изъ за-границы, и Батениковъ. Посѣщеніе декабристами Н. И. Греча убѣдило меня въ нелѣпости слуховъ и басней, которые одно время были распространены въ обществѣ, именно, что Н. И. Гречъ предалъ своихъ друзей и знакомыхъ въ 1825 году.

Несчастныя жертвы увлеченія и заблужденія, поплатившіяся за то годами каторги и ссылки, не явились бы, по водвореніи своемъ въ общество, откуда они были исторгнуты, на поклонъ къ своему предателю.

IX.

Патріотическія стихотворенія въ 1854 и 1855 годахъ. Дополненіе къ біографіи Федора Николаевича Глинки ¹⁾.

Когда, въ исходѣ 1853 года, война съ Франціею и Англіею становилась болѣе и болѣе неизбежною, Федоръ Николаевичъ Глинка, несмотря на свои годы (ему было шестьдесятъ пять лѣтъ), былъ въ числѣ первыхъ поэтовъ, поднявшихъ свой голосъ. „Замѣчательно (писалъ онъ Н. И. Гречу въ письмѣ изъ Петербурга, гдѣ онъ тогда жилъ, отъ 3-го марта 1854 года), что съ первою угрозою отечеству первые засвистали соловьи-поэты“. Еще въ Твери, 3-го декабря 1853 года, онъ написалъ, по поводу войны съ тремя державами, стихотвореніе подъ заглавіемъ „Ура“, но его позволили напечатать въ „Сѣверной Пчелѣ“ только въ первыхъ числахъ февраля 1854 года, когда разрывъ съ Франціею и Англіею сталъ совершившимся фактомъ. Стихотвореніе это начиналось:

„Ура!.. На трехъ ударимъ разомъ,
Не даромъ же трехгранный штмкъ!
Ура отгрянетъ надъ Кавказомъ,
Въ Европу гранетъ тотъ же кликъ!“ и т. д.

Стихотвореніе „Ура!“ въ то время произвело большое впечатлѣніе. Оно было изъ „Сѣверной Пчелы“ перепечатано отдѣльнымъ изданіемъ и быстро разошлось. Ф. Н. Глинка писалъ, отъ 11-го мая 1854 года, Н. И. Гречу: „Позвольте поблагодарить васъ за доброе слово объ „Ура!“ Съ вашей легкой руки этой брошюры разошлось 9000 экземпляровъ. Въ одномъ Петербургѣ, въ первые десять дней, разошлось нѣсколько тысячъ. Лавочники, харчевники, саечники и цирюльни были самыми ревностными покупателями. Затѣмъ пошли требованія (черезъ почту) изъ городовъ. Собранную за изданіе сумму я уже отправилъ къ военному министру и получилъ въ отвѣтъ высочайшую благодарность его императорскаго величества“. „Сѣверная Пчела“ во время Крымской войны имѣла до десяти тысячъ подписчиковъ, но это обстоятельство не помѣшало стихотворенію „Ура!“ разойтись по Россіи въ такомъ же количествѣ экземпляровъ.

¹⁾ Помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 г. Т. II, стр. 472—481.

Вслѣдъ за „Урал“, въ № 37-мъ „Сѣверной Пчелы“ (15-го февраля) появилось стихотвореніе подъ заглавіемъ „На нынѣшнюю войну“, неизвѣстнаго автора, которое было напечатано въ газетѣ по высочайшему повелѣнію. Оно было прислано въ редакцію при слѣдующемъ отношеніи изъ канцеляріи министерства императорскаго двора, за № 69-мъ: „Министръ императорскаго двора, препровождая при семь въ редакцію „Сѣверной Пчелы“ стихи, объявляетъ, что государю императору угодно, чтобы оныя были напечатаны въ означенной газетѣ. За директора, начальнигъ отдѣленія Свѣчинъ“. Это стихотвореніе въ свое время надѣлало много шума. Оно приписывалось разнымъ лицамъ, но истинный авторъ остался мнѣ неизвѣстнымъ. Произведеніе было доставлено непосредственно императору Николаю Павловичу. Вотъ начало его:

„Вотъ, въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновенъ его отвагой,
И французъ за нимъ туда жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричить: Aïons, courage!“ и т. д.

Предсказаніе въ этомъ стихотвореніи англичанамъ —

„Какъ высокое давленіе
Ихъ покажутъ безъ паровъ!“

не оправдалось на дѣлѣ исходомъ начатой тогда войны и въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе оказались стихи Ивана Аевнасьевича Кованьки, предсказавшаго, въ первой книжкѣ „Сына Отечества“ 1812 года, когда Москва занята была французами, ихъ погибель. Стихотвореніе это, по словамъ тогдашнихъ людей, выученное наизусть чуть ли не всюю Россією, оканчивалось слѣдующимъ образомъ:

„Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги
И теперь получать честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ—слава,
Но умѣемъ мы отицать:
Знаетъ крѣпко то Варшава
И Парижъ то будетъ знать!“

Если бы исходъ Крымской войны былъ одинаковъ съ результатомъ Отечественной войны, то и стихотвореніе „На нынѣшнюю войну“ получило бы одинаковое историческое значеніе со стихами И. А. Кованьки.

Успѣхъ „Урал“ вызвалъ у Ѳ. Н. Глинки въ 1854 г. рядъ стихотвореній. Онъ напечаталъ стихи на рожденіе великой княжны Вѣры Константиновны (4-го февраля 1854 года) и на 12-е февраля 1854

года (день февральской революціи въ 1848 г. и сѣвернаго сіянія въ 1854 г.). Въ № 54-мъ онъ помѣстилъ переводы съ сербскаго двухъ пѣсень, вызванныхъ его стихотвореніемъ „Ура!“ и присланныхъ изъ Сербіи чрезъ посредство графини Антонины Николаевны Блудовой. Изъ нихъ одно—„Пѣснь Побѣды“ начиналось:

„Земля шумить, земля дрожать!“

а другое—„Пора!“:

„Полки кричатъ: ура! ура!“

Въ № 61-мъ Ѳ. Н. Глинка помѣстилъ стихотвореніе „Пожаръ Россіи“, въ которомъ приводилъ слѣдующее сравненіе:

„Такъ нѣкогда верхи Синая
Горѣли въ молнійныхъ вѣнцахъ
И Бога мощные глаголы,
Грозами потрясая домы,
Далеко разсыпали страхъ“.

Въ № 83-мъ (15-го апрѣля) появилось его же стихотвореніе—„Христость Воскресъ“, написанное тотчасъ по услышаніи высочайшаго манифеста 11-го апрѣля 1854 года, когда Ѳ. Н. Глинка не могъ еще знать о бомбардированіи въ страстную субботу Одессы и въ которомъ онъ восклицаетъ:

„Въ святые дни, ядромъ каленнымъ
Мы похристосуемся съ нимъ!“

Въ № 86-мъ „Сѣверной Пчелы“ напечатано было его стихотвореніе—„Къ Богу, защитнику правыхъ“ (На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки!), въ № 104-мъ—„Голосъ Кронштадту“, въ № 110-мъ—„Часовня Благовѣщенскаго моста“ (въ день св. Николая и, наконецъ, послѣднее, въ № 125-мъ—„В. Ѳ. Тимму, отъ автора „Ура!“ (В. Ѳ. Тиммъ былъ издателемъ „Русскаго Художественнаго Листва“, имѣвшаго громадный успѣхъ во время Крымской войны и расхвалившійся во многихъ тысячахъ экземпляровъ). Болѣе въ 1854 году не появлялось въ печати стихотвореній Ѳ. Н. Глинки, уѣхавшаго въ маѣ въ свою деревню, село Кузнецово, въ сорока верстахъ отъ Твери, по большой бѣжецкой дорогѣ, въ такъ называемой „тверской Корели“, гдѣ у крестьянъ кореловъ, по словамъ письма Ѳ. Н. Глинки, можно было въ то время „найти въ каждой избѣ пироги пяти сортовъ“. Его стихотвореніе „Голосъ Кронштадту“ начиналось слѣдующимъ образомъ:

„Держись, Кронштадтъ! Молитесь, люди!
Гори, свѣча, у алтара!..
Не расшибуть гранитной груди
У нашего богатыря!“

а оканчивалось слѣдующимъ смѣлымъ возгласомъ:

„Когда же гордый не смирится,
Готовыхъ види насъ къ войнѣ,
Монументальный самъ помчится
Царь Петръ на бронзовомъ конѣ!“

При такой дѣятельности, не всѣ стихотворенія Ѡ. Н. Глинки были вполне удачны, но въ массѣ публики они принимались восторженно и вызвали со всѣхъ сторонъ новыя стихотворенія, массами поступавшія въ редакцію и остававшіяся не напечатанными по своей неудовлетворительности. Глинка самъ строго относился къ своимъ произведеніямъ. Такъ, онъ писалъ, отъ 11-го мая: „Вчера отправить я къ вамъ стихи— „Часовня на Благовѣщенскомъ мосту“. Вчера мнѣ казалось, что, можетъ быть, они годятся къ напечатанію, но сегодня, прочтя ихъ еще разъ, нахожу, что они, какъ скороспѣлые, могутъ остаться и ненапечатанными. Это будетъ зависѣть отъ вашего взгляда“.

Изъ другихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ газетѣ въ 1854 году, выдаются два произведенія князя Петра Андреевича Вяземскаго— „Андрею Карамзину“ (въ № 107-мъ), писанное во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и „Одесса“ (въ № 121-мъ), сочиненное въ Дрезденѣ, въ которомъ поэтъ называетъ Наполеона III „Жилбазомъ втораго декабря“. Орестъ Ѡедоровичъ Миллеръ, въ № 61-мъ (15-го марта), помѣстилъ свое произведеніе подъ заглавіемъ— „Молитва у гроба Кутузова“ (въ февралѣ 1854 года), начинающееся словами:

„Въ твой мракъ таинственный, подъ сѣнь твоихъ знаменъ“..

Какъ Пушкинъ, въ своемъ посланіи къ Ѡ. Н. Глинкѣ, назвалъ его „Аристидомъ“, „великодушнымъ гражданиномъ“ и тѣмъ охарактеризовалъ эту благородную личность, такъ Бенедиктовъ, въ посланіи своемъ къ „Ѡедору Николаевичу Глинкѣ“ („Сѣверная Пчела“, № 113, 1854 года), вѣрно очертилъ его слѣдующими стихами:

„Несъ въ величѣи онъ спокойномъ
Тяжесть дальняго креста;
Пѣлъ ли радость гимномъ стройнымъ—
Онъ глумленьемъ непристойнымъ
Не кривилъ свои уста.

„И не мнитъ онъ обезпечить
Беззаконный произволъ,
Въ русскомъ словѣ чужерѣччю,
Рвать языкъ родной, увѣчить
Богомъ данный намъ глаголъ“.

Въ 1855 году, Ѡ. Н. Глинка помѣстилъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ только четыре стихотворенія, изъ которыхъ два— „Наши поведѣльники“ (въ № 31-мъ), гдѣ говорилось о его приѣмныхъ дняхъ по вечерамъ и по поводу посѣщенія семейства Штакеншнейдера (извѣстнаго зодчаго, профессора архитектуры), не касались современныхъ событій. Въ № 42-мъ появилось его стихотвореніе— „Первое чувство при вѣсти о неожиданной кончинѣ государя“ (императора Николая Павловича),

зъ въ № 92-мъ „Туманъ и заря у Севастополя“ (посвящено Прасковѣ Ивановѣ Орловой, отъѣзжавшей въ Крымъ). Въ этомъ же году онъ написалъ небольшое стихотвореніе А. А. Горяйнову, оставшееся не напечатаннымъ въ моемъ архивѣ. Каммергеръ А. А. Горяйновъ, участникъ войны 1812 года, помѣстивъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, въ 1855 году, рядъ патріотическихъ политическихъ статей по поводу тогдашнихъ событій и, познакомившись съ семействомъ Ѡ. Н. Глинки, послалъ ему свои прозаическія произведенія. За эту присылку Ѡ. Н. Глинка отблагодарилъ его слѣдующимъ стихотвореніемъ:

А. А. ГОРЯЙНОВУ.

(За вчерашній подарокъ).

„Благодарю и разъ, и два,
За ваши милые подарки;
Свѣжа у васъ и голова,
И строки бойки, рѣчи ярки!
Могучъ и грозенъ правды громъ!
Громите жъ имъ враговъ хвастливыхъ,
Пиратовъ дерзкихъ, нечестивыхъ,
Громите русскимъ ихъ перомъ
И дерзкимъ галамъ не спускайте!..
Печатайте и разсылайте
Свои возванья въ нашъ народъ!
Хвала вамъ! Вашимъ бойкимъ слогомъ
Вновь поднять ужъ рѣшенный Богомъ
Дванадцатый славный годъ.
Падуть, какъ тѣ, и эти рати
И сей, какъ тотъ, Наполеонъ.
И встрѣтимъ праздникъ благодати
Мы, отстоявъ алтарь и тронъ!“

Въ 1861 году, Ѡ. Н. Глинка прислалъ мнѣ свое стихотвореніе— „Дѣя жизни Россіи“, которое по какимъ-то причинамъ,—не помню ихъ теперь,—осталось не напечатаннымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Вотъ оно:

„Надъ древнею Русью повѣялъ духъ Божій,
Владиміръ Великій народъ свой крестилъ:
Онъ свергнулъ кумиры съ ихъ гордыхъ подножій
И новою жизнью народъ возродилъ!..

„Въ дни затѣмъ невзгодъ, боренья,
Въ дни кроваваго крещенья,
Русь, сквозь бури и волненья
(Вѣрой правую свѣтла),
Съ честью крестъ свой пронесла;
Но, любя слова Христовы,
Все на дѣлѣ не могла
Съ меньшихъ братій снять оковы!
Духъ ея въ бѣдахъ не слабъ,
Чуждъ былъ смуть и святотства;

Но не чуждъ былъ слова „рабъ“!—
Не было Христова братства!

Такъ прошелъ за вѣкомъ вѣкъ!..
Но, въ коронѣ Мономаха,
Выше ропотнаго страха,
Всталъ монархъ и человѣкъ!..

„Надъ новою Русью повѣялъ духъ Божій,
Повѣялъ духъ жизни, духъ кроткій Христовъ,
И, древнихъ условій съ гранитныхъ подножій,
Мгновенно исчезло названье „рабовъ!“
Отъ Лены и Оби до Крыма народы,
Проникнуты чувствомъ однимъ,
Крестилися наки—крещеньемъ инымъ
Въ купели разумной гражданской свободы“!..

Тверь,
Марта 12-го
1861 г.

Х.

Последній изъ дворянъ.

Манифестъ 19-го февраля 1861 года вызвалъ присылку въ редакцію „Сѣверной Пчелы“ множества стихотвореній по поводу этого великаго для гражданской жизни Россіи событія. Одинъ неизвѣстный авторъ прислалъ мнѣ стихотвореніе— „Последній изъ дворянъ“, которое въ то время цензурою не могло быть разрѣшено. Если я не ошибаюсь и если наведенныя мною справки не пропустили какого либо сборника или періодическаго изданія, то это забавное стихотвореніе и доннѣ нигдѣ не появлялось на свѣтъ. Полагаю, что его прочтутъ не безъ смѣха:

„Чортъ возьми! Совсѣмъ не спится,
Отъ клоповъ покоя нѣтъ;
Чуть заснешь,—исправникъ снится,
Депутаты, комитетъ.

„Что и дѣлать—самъ не знаю,
Видно, надобно вставать...
Яшка, мыться! Гришка, чаю!
Федька, повара позвать!

„Протрубили англичане,
Что у нихъ, молъ, всѣ равны:
И что баре, что крестьяне
Для свободы рождены.

„И у насъ пошли драть глотки
И печатать и писать.
Ванька, рѣдьки! Кузьма, водки!
Семка, кушать подавать!

„Гдѣ ужъ нашему народу
Брать примѣры съ англичанъ...
Дай-ка Филькѣ я свободу—
Черезъ часъ онъ будетъ пьянъ.

„Эй! сказать отцу Макару,
Въ дурачки чтобъ шелъ играть;
Борька, карты! Васька, мѣлу!
Ларька, ужинъ подавать!

„Вотъ и дожилъ, что безъ спросу,
У себя, въ землѣ своей—
Не обрѣжешь дѣвкѣ косу,
Парню лобъ забрать не смѣй!

„А задашь, бывало, лупку,
Просто божья благодать...
Оська, квасу! Демка, трубку!
Тышка, клюквы мнѣ подать!

„Говорятъ—пора приспѣла,
Нѣтъ спасенья! говорятъ,
Эхъ! когда бъ все это дѣло
Повернуть на старый лахъ?

„Все труднѣе, часъ отъ часу...
Завалиться съ гора спать!
Юрка, Пчелку! Прощка, квасу!
Степка, Машку мнѣ позвать!“

XI.

Собирателямъ русскихъ псевдонимовъ.

Брошюры по современнымъ русскимъ вопросамъ, выпеднiя въ 1859 и 1860 годахъ на французскомъ языкѣ за-границею, и изъ которыхъ нiя дозволены были, съ высочайшаго разрѣшенiя, къ продажѣ въ Россiи, и подписанныя псевдонимомъ „Шедо-Феротти“, принадлежали курляндскому дворянину, барону Фирксу, бывшему офицеру корпуса путей сообщенiя. По выходѣ въ отставку, онъ проживалъ преимущественно въ Ригѣ и за-границею и только по временамъ бывалъ въ Петербургѣ. Издателемъ его брошюръ за-границею былъ преимущественно берлинскiй книгопродавецъ Эмиль Бокъ. Въ 1860 году, баронъ Фирксъ принадлежалъ къ числу постоянныхъ сотрудниковъ „Сѣверной Пчелы“. Его заграничныя брошюры въ то время читались съ жадностью русскимъ обществомъ и обратили вниманiе на автора.

„Въ 1857, 1858 и 1859 годахъ, фельетоны въ „Сѣверной Пчелѣ“ за подписью „Эрмионъ“ были составляемы Н. И. Гречемъ.

Въ прибавленіяхъ къ „Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ“ 1864 года, подъ псевдонимами: „Баронъ фонъ-Бокъ“, „Послѣдній Трубадуръ“, „Странствующій Рыцарь“ писалъ Иванъ Григорьевичъ Руденко.

XII.

Губернское правленіе, вымогающее деньги на подписку на губернскія вѣдомости.

Графъ Гейденъ, одоевскій помѣщикъ, хорошо тогда со мною знакомый, препроводилъ ко мнѣ, отъ 25 мая 1859 года, слѣдующую копию съ печатнаго указа тульского губернскаго правленія: „Указъ его императорскаго величества, самодержца всероссійскаго, изъ тульского губернскаго правленія приставу втораго стана Одоевскаго уѣзда. Губернское правленіе слушало рапортъ одоевскаго земскаго исправника, отъ 31-го января за № 57, коимъ доносить, что, при всемъ его стараніи раздать присланные губернскимъ правленіемъ билеты на получение губернскихъ вѣдомостей, желающихъ взять оныя никого не оказалось. Справка: по распоряженію губернскаго правленія, къ одоевскому исправнику, въ числѣ другихъ, было препровождено пять билетовъ на получение губернскихъ вѣдомостей и предписано было озаботиться раздачею отсылаемыхъ билетовъ, въ особенности тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ торговые обороты или содержатъ различныя заведенія, гостинницы и постоялые дворы, равно и въ конторы помѣщичьихъ имѣній. Приказали: рапортомъ одоевскій исправникъ доносить, что желающихъ на получение губернскихъ вѣдомостей во вѣренномъ ему уѣздѣ никого не оказалось, тогда какъ изъ дѣла губернскаго правленія по сему предмету видно, что нѣкоторые исправники уже представили деньги за всѣ отосланные къ нимъ билеты на получение губернскихъ вѣдомостей. А потому, усматривая изъ этого донесенія исправника явное уклоненіе отъ исполненія предписанія начальства, тогда какъ свѣдѣнія, помѣщаемыя въ губернскихъ вѣдомостяхъ, относятся до всеобщей извѣстности и не могутъ не приохотить жителей Одоевскаго уѣзда къ полученію губернскихъ вѣдомостей, которыя, по цѣнѣ за оныя, ни для кого не могутъ быть обременительны, особенно же для помѣщиковъ, вотчинныхъ конторъ, и для проживающихъ въ уѣздѣ разнаго рода торговцевъ; имѣя все это въ виду, губернское правленіе не ожидало, чтобы во всемъ Одоевскомъ уѣздѣ не оказалось единаго подписчика, что нельзя иначе относить, какъ къ необращенію вниманія исправника на сдѣланное ему порученіе, а потому, поставивъ все это въ виду одоевскаго исправника и давъ знать о его нераспорядительности, прочимъ исправникамъ, городничимъ и становымъ приставамъ подтвердить, чтобы они позабо-

телись объ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій о приглашеніи подписчиковъ на губернскія вѣдомости; возвращенные же одоевскимъ исправникомъ билеты препроводить въ становымъ приставамъ Одоевскаго уѣзда и строго подтвердить о раздатѣ ихъ во вѣранныхъ имъ станахъ и слѣдующія за нихъ деньги представить бы въ губернское правленіе немедленно. Февраля 25-го дня 1859 года. Ассессоръ губернскаго правленія Авдуловскій*.

XIII.

Возобновленіе временъ Потемкина въ 1860 году.

Въ концѣ іюля 1860 года, мнѣ доставлено было въ подлинникѣ слѣдующее распоряженіе полиціи по Гродненскому уѣзду:

М. В. Д.

Пристава

4-го стана

Гродненскаго уѣзда.

№ 1553.

11 іюля 1860.

„Дворовому управленію имѣнія Котра, помѣщика Богатко.

„Г. Гродненскій земскій исправникъ, предписаніемъ отъ 27-го іюня за № 1127, далъ мнѣ знать, что господинъ генераль-губернаторъ здѣшняго края и начальникъ Гродненской губерніи, имѣя въ виду пріѣздъ государя импера-

тора, совершиться имѣющей въ концѣ наступающаго августа или въ самомъ началѣ сентября мѣсяца, приказать его высокоблагородію извѣстили, дабы не только дороги, мосты, гати и все прочее, по виленскому почтовому тракту находящееся, было совершенно и благовидно устроено, но корчмы и другія строенія непременно выбѣлены и около нихъ была соблюдена чистота, высыпано болѣе краснымъ пескомъ, украшены зелями, а въ случаѣ проѣзда его величества въ ночное время, были иллюминированы, и какъ можно почаше, бочки съ дегтемъ; самые же жители были одѣты въ нарядныхъ костюмахъ, не позволяя шататься бѣднымъ и нищимъ.

„О чемъ извѣщая оное дворовое управленіе, прошу, чтобы выдѣленный оному имѣнію по почтовому тракту дорожный участокъ, съ состоящими на ономъ мостами, гатами и прочимъ, отнынѣ до самаго высочайшаго проѣзда былъ всегда совершенно и благовидно устроенъ и засимъ слѣдить постоянно всякій разъ, и какъ только окажется испорченнымъ и негоднымъ, тоже, не ожидая начальственнаго приказанія, самимъ исправлять, корчму и другія строенія выбѣлить и соблюдать при оныхъ чистоту; на высылку при строеніяхъ приготовить желтый песокъ, а на украшенія зелья. Въ случаѣ же проѣзда его величества въ ночное время на иллюминированіе приготовить, какъ можно почаше, бочки съ дегтемъ. Жителямъ приказать, дабы въ тотъ день, когда совершится высочайшій проѣздъ, были одѣты при-

лично и опрѣтно, обыкновенно какъ они одѣваются по праздникамъ, съ строгимъ воспрещеніемъ, дабы бѣдные и нищіе не шатались по дорогамъ“.

Не доставало только, чтобы чрезъ мѣру усердствующій становой предписалъ помѣщикамъ приказать крестьянамъ быть веселыми, съ радостными, довольными лицами. Три четверти столѣтія прошло со времени поѣздки Екатерины Великой по Новороссіи, однако уѣздная полиція не отрѣшилась все еще отъ усвоеннаго образа дѣйствій.

XIV.

Къ біографіи Ивана Ивановича Давыдова.

Сенаторъ Ив. Ив. Давыдовъ, скончавшійся въ Москвѣ 15 ноября 1863 года, былъ, до назначенія въ сенатъ, директоромъ главнаго педагогическаго института въ Петербургѣ, а также ординарнымъ академикомъ по русскому отдѣленію. Про него говорили, что онъ на службѣ нажилъ большое состояніе. Но Петръ Васильевичъ Хавскій, извѣстный своими хронологическими трудами, человекъ правдивый и честный, писалъ мнѣ изъ Москвы, отъ 22 апрѣля 1864 года, препровождая списокъ многочисленныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ И. И. Давыдова: „У И. И. Давыдова было три кума: я, министръ народнаго просвѣщенія, Сергій Семеновичъ Уваровъ, и почетный опекунъ Гавріилъ Степановичъ Поповъ. Моею лептою и деньгами, сбереженными супругою покойнаго и дѣтьми, похоронили И. И. Давыдова, Креза по мольбѣ народной. Царь земной наградилъ вдову и защитилъ ее отъ преслѣдованія заимодавцевъ“.

XV.

Къ біографіи Алексѣя Михайловича Максимова.

Славившійся въ свое время артистъ Александринскаго театра, А. М. Максимовъ былъ человекъ искренно набожный. Вотъ что писалъ мнѣ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ (г. Богдановъ), отъ 11 сентября 1861 года: „Въ бытность мою въ Новгородѣ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, я имѣлъ счастье познакомиться со всѣми уважаемымъ артистомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Максимовымъ. Это было въ великій постъ, въ монастырѣ Деревеницкомъ, лежащемъ отъ Новгорода въ двухъ верстахъ между монастырями Антіевымъ и Хутынскимъ. Говорю „имѣлъ счастье“ именно потому, что я встрѣтилъ человека по занятіямъ артиста (многіе почтенные люди еще донинѣ не иначе зовутъ

ихъ, какъ комедіантами), но который душевными своими качествами и религіозностью превосходить многихъ, о которыхъ говорится, что „это ангелъ, а не человѣкъ“. Въ этой обители, гдѣ А. М. Максимовъ былъ етиторомъ, я прогостилъ двѣ недѣли, неоднократно видѣлъ его въ церкви за службою во всѣ дни моего пребыванія, а также и внѣ церкви при бесѣдахъ съ настоятелемъ монастыря, священно-архимандритомъ Амѣилогіемъ. Бесѣды эти продолжались за полночь. А. М. Максимовъ увлекалъ своихъ слушателей неизъяснимою живостью своей рѣчи, богобоязненностью и пламеннымъ усердіемъ въ церкви Божіей. А. М. Максимовъ, любя эту обитель, устроилъ въ ней вѣчную опочивальню для своихъ бранныхъ останковъ. Обитель будетъ вѣчно поминать своего етитора, такъ какъ въ ней очень многое устроено трудами и пожертвованіями А. М. Максимова“.

XVI.

Къ похоронамъ А. Е. Мартынова.

Кончина А. Е. Мартынова въ Харьковѣ, въ 1860 году, произвела глубокую скорбь среди почитателей его таланта. Тѣло его привезено было изъ Харькова и, по прибытіи на петербургскую станцію Николаевской желѣзной дороги, внесено было въ церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, на углу Невскаго и Знаменской улицы. Въ день, назначенный для погребенія, 13 сентября, собралась такая многочисленная толпа, что я, прибывъ до выноса покойнаго изъ церкви, не могъ пробѣхать по Невскому далѣе угла Владимірской улицы, но и пѣшкомъ, несмотря на всѣ усилія, не протискался къ церкви. Къ началу погребальнаго шествія изъ церкви толпа еще болѣе увеличилась. Тутъ были лица изъ всѣхъ сословій, русскіе и иностранцы, на сколько я могъ бѣгло обозрѣть толпу по множеству знакомыхъ. На похоронахъ Василя Андреевича Каратыгина ¹⁾ (изъ церкви Благовѣщенія, на Конногвардейскомъ бульварѣ) была сплошная масса отъ этого храма до Николаевского моста, а также на набережной Васильевского острова до 10 линіи, но на погребеніе А. Е. Мартынова, по моему мнѣнію, явилось еще болѣе. Публика въ Петербургѣ сдѣлалась тогда впечатлительнѣе, отзывчивѣе къ интересовавшимъ ее явленіямъ и событіямъ. Полиція, присутствуя на погребеніи А. Е. Мартынова, устранилась отъ всякаго вмѣшательства въ подробности похороннаго шествія. Поэтому погребальную колесницу повезли на себѣ присутствовавшіе. Передъ Александринскимъ театромъ рѣшено было направить ее вокругъ зданія, въ которомъ покойный увлекалъ публику своимъ

¹⁾ Скончавшагося 13 марта 1853 года.

талантомъ. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), отличавшійся тогда живостью, горячностью своего характера, своею впечатлительностью ко всѣмъ проявленіямъ въ жизни русскаго народа, самъ русскій въ полномъ смыслѣ этого слова, невольно какъ-то очутился во главѣ похоронъ Мартынова и сдѣлался какъ бы распорядителемъ ихъ. По его ли почину, или по указаніямъ другихъ, я не знаю, совершился поворотъ шествія къ Александринскому театру. Но, подойдя къ нему, многіе изъ публики стали требовать, чтобы отслужена была литія. Священникъ, шедшій передъ гробомъ, не согласился служить литію передъ театромъ. Произошелъ затруднительный моментъ. Съ одной стороны требованія публики, не понимавшей основаній отказа священника, съ другой стороны—несогласіе послѣдняго. Находчивый умъ П. И. Мельникова положилъ конецъ недоумѣнію и сматенію. Подойдя къ священнику, онъ шепнулъ ему, что если онъ сдѣлаетъ небольшой поворотъ, то очутится передъ храмомъ Божиимъ, такъ какъ въ угловомъ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ существуетъ домовая его церковь. Литія была отслужена, спокойствіе возстановилось и похоронное шествіе направилось далѣе къ Смоленскому кладбищу.

Какъ ближайшій участникъ и невольный распорядитель похоронъ А. Е. Мартынова, П. И. Мельниковъ обѣщаль мнѣ доставить, для напечатанія въ „Сѣверной Пчелѣ“, подробное ихъ описаніе. Поэтому въ № 203 газеты (14 сентября) появилось слѣдующее краткое извѣстіе: „13 сентября, во второмъ часу дня, происходилъ выносъ тѣла А. Е. Мартынова изъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы на Смоленское кладбище, при огромномъ стеченіи лицъ всѣхъ сословій. Погребальная колесница везена была почитателями его таланта“.

П. И. Мельниковъ замедлил составленіемъ обѣщанной статьи, а между тѣмъ, 17 сентября, я получилъ слѣдующую записку отъ правителя канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера, статскаго совѣтника Мокрицаго: „Его превосходительство Александръ Львовичъ ¹⁾, получивъ свѣдѣніе, что г. Мельниковъ изготовилъ статью о похоронахъ покойнаго Мартынова, съ похвалою полиціи, покорнѣйше проситъ васъ убѣдить автора, чтобы статья эта не была напечатана. Покорнѣйшій слуга И. Мокрицкій“.

Въ статьѣ предполагалось не расхвалить полицію, но указать на то, что своимъ невмѣшательствомъ она дала возможность публикѣ свободно выразить свое уваженіе къ таланту Мартынова. Но дѣло заключалось не въ вопросѣ о похвалѣ полиціи, а вообще въ громадности демонстраціи, которая не понравилась, несмотря на то, что прошла спокойно, и въ неумѣніи полиціи предупредить ее.

¹⁾ А. Л. Потаповъ, бывшій тогда с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ.

XVII.

Стихотвореніе, отпечатанное въ одномъ экземплярѣ.

Прасковья Ивановна Орлова, рожденная Куликова, по своему таланту, занимала одно изъ первыхъ мѣстъ среди труппы Александринскаго театра въ пятидесятыхъ годахъ. Она перешла съ московской сцены на петербургскую. Это была женщина умная, образованная, державшаяся въ обществѣ съ необыкновеннымъ тактомъ, безукоризненная. Въ 1855 году она отправилась въ качествѣ сестры милосердія въ Крымъ, ухаживала въ тамошнихъ госпиталяхъ за ранеными, получила севастопольскую медаль. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, она сошла со сцены и, овдовѣвъ (бракъ ея съ г. Орловымъ былъ не изъ счастливыхъ супружествъ), вышла вторымъ бракомъ за богатаго купца, городского голову въ Осташковѣ, члена извѣстнаго русскаго торговаго дома, г. Савлана. Я не знаю, жива ли она еще, или уже скончалась. Н. И. Гречъ, большой поклонникъ женскихъ талантовъ, находилъ, какъ онъ мнѣ неоднократно говорилъ, большое для себя удовольствіе въ умной бесѣдѣ съ П. И. Орловой. Съ нею я часто встрѣчался въ семействѣ г. Греча, гдѣ ее принимали съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ. 1-го марта 1855 года, Н. И. Гречъ поднесъ П. И. Орловой, если не ошибаюсь, экземпляръ своего романа „Черная Женщина“ и приложилъ къ нему, напечатанное только въ одномъ экземплярѣ (въ его типографіи), слѣдующее стихотвореніе (у меня сохранился корректурный оттискъ съ поправками Греча):

П. И. О.

„Отъ дружбы искренней прими сей скудный даръ,
Воспоминанья дней прошедшихъ,
Листки цвѣтовъ, давно поблекшихъ,
И вдохновенья прежнихъ чаръ!“

„Когда я рисовалъ Наташи⁴⁾ образъ милый,
И жизнью облекалъ твореніе мечты,
Мое мнѣ сердце говорило,
Что въ свѣтъ существуешь ты“.

„Николай Гречъ“.

1-го марта 1855 г.

⁴⁾ Героиня романа „Черная Женщина“.

XVIII.

Къ биографіи Елены Ивановны Андреяновой.

Е. И. Андреянова, въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ, считалась первокласною балериною и съ успѣхомъ танцевала даже на главныхъ балетныхъ сценахъ Европы. Городскіе слухи приписывали ей близкое знакомство съ тогдашнимъ директоромъ императорскихъ театровъ, Александромъ Михайловичемъ Геденовымъ. Въ Москвѣ, вслѣдствіе этихъ слуховъ, въ одно изъ представлений, бросили изъ одной ложи къ ногамъ Е. И. Андреяновой дохлую кошку. Съ 24-го ноября 1853 года она танцевала въ Одессѣ. Въ № 16 „Сѣверной Пчелы“ 1854 года, появилась статья объ ея успѣхахъ въ Одессѣ. Статья эта была составлена Н. И. Гречемъ по поводу слѣдующаго къ нему письма А. М. Геденова: „Общая наша знакомая прислала мнѣ изъ Одессы четыре нумера тамошнихъ журналовъ, прося передать ихъ вашему превосходительству, въ надеждѣ, что, по всегдашней благосклонности вашей къ ней¹⁾, вы признаете, можетъ быть, возможнымъ извлечь что либо изъ сихъ листовъ для „Пчелы“. Исполняя порученіе этой талантливой артистки, мнѣ пріятно воспользоваться случаемъ возобновить вамъ, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и искренней преданности. А. Геденовъ. 6-го января 1854 г.“.

Во всякомъ случаѣ это письмо указывало на близость Е. И. Андреяновой къ А. М. Геденову.

Пав. Усовъ.

(Продолженіе съ слѣд. книжки).

¹⁾ Н. И. Гречъ бывалъ въ домѣ Е. И. Андреяновой. Въ 1850 году, при посѣщеніи дома умалишенныхъ (на петергофской дорогѣ), мнѣ показывали, въ числѣ тамошнихъ больныхъ, мать Е. И. Андреяновой.

ДНЕВНИКЪ ЗАКЛЮЧЕННОГО.

Отъ редакціи.

В 1862 ГОДУ, въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, расположенномъ близъ Варшавы, служили два молодые офицера, поручикъ Арнольдтъ и подпоручикъ Сливцкій, оба юные, очень симпатичные и любимые товарищами. Увлечшись сочиненіями и идеями Герцена, эти юноши вздумали распространять ихъ среди солдатъ, которымъ начали читать и толковать „Колоколъ“, „Полярную Звѣзду“ и другія подобныя сочиненія. Разумѣется, начальство скоро узнало о замыслахъ Арнольдта и Сливцкаго. Въ другое время они, безъ сомнѣнія, поплатились бы за свои увлеченія довольно легко; но тогда, при начавшихся волненіяхъ въ царствѣ Польскомъ, было признано нужнымъ выказать необычайную строгость. Несчастные юноши были разстрѣляны въ Новогеоргиевской крѣпости. Нѣкоторые изъ товарищей разстрѣлянныхъ, подчиняясь побужденіямъ сердца, отслужили панихиду. Такому поступку было придано политическое значеніе и виновные понесли тяжкія наказанія. Одинъ изъ участниковъ панихиды, поручикъ 6-го стрѣлковаго баталіона О—въ, сидя долгое время въ казематахъ, велъ дневникъ, переданный теперь въ наше распоряженіе. Дневникъ этотъ, веденный урывками, подъ страхомъ быть каждую минуту обнаруженнымъ, конечно, не имѣетъ литературной обработки и отражаетъ на себѣ тогдашнее душевное настроеніе и взгляды автора, который, естественно, не могъ сохранить при такихъ обстоятельствахъ хладнокровія и безпристрастія, но, не смотря на это, въ дневникѣ находится немало любопытныхъ свѣдѣній. Считаемъ необходимымъ оговорить, что, печатая дневникъ, мы, по разнымъ соображеніямъ, должны были сдѣлать въ немъ значительныя пропуски.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ ДЕСЯТОМЪ ПАВИЛЬОНѢ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЦИТАДЕЛИ.

I

Арестъ.

24-го іюня 1862 года, нѣсколько офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился и я, уговорили священника Виноградова отслужить панихиду по разстрѣляннымъ товарищамъ своимъ, офицерамъ 4-го стрѣльцоваго баталіона—Сливицкомъ 2-мъ и Иванѣ Арнольдтѣ.

Походная церковь Ладожскаго пѣхотнаго полка, расположенная на „Повонзкахъ“ (что подъ Варшавою), едва вмѣщала насъ. Духота была страшная. Открыть же полы палатки не рѣшались—хотѣли помолиться келейно, такъ какъ наканунѣ еще корпусный командиръ, генералъ Хрулевъ, до котораго дошелъ слухъ о затѣваемой панихидѣ, грозилъ „стрѣлять“ въ тѣхъ, которые дерзнули бы сдѣлать это открыто.

Помолились тихо и также тихо разошлись.

Въ 7 часовъ вечера я зашелъ къ одному офицеру 7-го стрѣльцоваго баталіона, корпусному товарищу.

— Слышалъ? встрѣтилъ онъ меня встревоженно.—Когда Виноградовъ возвращался съ панихиды, нашъ аудиторъ Некрасовъ и одинъ капитанъ нашего же баталіона пошли на встрѣчу ему и посоветовали немедленно донести Хрулеву на тѣхъ, которые просили отслужить панихиду. При этомъ Некрасовъ прибавилъ, что въ случаѣ розыска распорядителя—укажутъ на тебя... Кажется, не миновать тебѣ цитадели.

Обойдя еще нѣсколько офицерскихъ бараконъ, я съ двумя пріятелями поѣхалъ въ „Огрудекъ къ Мейзеру“. ¹⁾ Не успѣли мы пройтись по тѣснымъ аллеямъ его, какъ наткнулись на ординарца Хрулева, поручика Розова, видимо иссавшаго кого-то.

— Позвольте васъ арестовать, сказалъ онъ, вперивъ въ меня холодный взглядъ.

— Покажите предписаніе.

— Вотъ-съ, извольте.—И онъ поднесъ къ моимъ глазамъ бумагу, не давая ее мнѣ въ руки.

Пробѣжавъ предписаніе, я хотѣлъ переговорить съ своими товарищами, которые окружили насъ, но Розовъ съ важностью замѣтилъ, что теперь разговаривать со мною никто не имѣетъ права, и попротислъ меня слѣдовать за собою.

— Тутъ адъютантъ вашего баталіона, прапорщикъ Шелихъ,—

¹⁾ Въ Варшавѣ при нѣкоторыхъ кафе-ресторанахъ есть садикъ—„огрудекъ“, гдѣ иногда играетъ музыка и всегда можно поѣсть, попить чаю и пр. Офицеры съ „Повонзокъ“ наиболѣе посѣщали кафе-ресторанъ Мейзера.

также пріѣхалъ розыскивать васъ, проговорилъ онъ, всматриваясь впередъ.

Шелиха нашли мы у оркестра и всѣ трое направились къ выходу, гдѣ поджидали насъ два верховыхъ казака и извощичій фаятонъ.

— Позвольте вашу саблю, сказалъ Розовъ, усаживаясь со мной въ фаятонъ.

— На эти формальности будетъ еще время, отвѣтилъ я.

Онъ велѣлъ ѣхать шагомъ. Одинъ казакъ, уступивъ свою лошадь Шелиху, вскочилъ на козлы къ кучеру, другой слѣдовалъ за нами.

— Вѣроятно, вы везете меня въ цитадель? спросилъ я Розова.

— Нѣтъ, на Повонзки. Вѣроятно, васъ продержатъ день подъ арестомъ и—выпустятъ... И нужно жъ было вамъ служить панихиду! Вѣдь это одно фатовство.

— Оставайтесь при своемъ убѣжденіи.

Далѣе мы ѣхали молча.

За Повонзковскою заставою извощикъ остановился передъ „царскимъ баракомъ“. На крыльцо безъ шапки вышелъ генераль-маіоръ Менгенъ—начальникъ войскъ, расположенныхъ на Повонзкахъ.

— Поручика О—ва привезъ, ваше превосходительство, доложилъ Розовъ.

Генераль пригласилъ насъ рукой слѣдовать за собою.

Вхожу въ залу и вижу тамъ священника Виноградова, блѣднаго, съ горящими глазами. Неожиданное появленіе мое и смутило его, и обрадовало. Генераль молча указалъ ему глазами на меня. Тотъ какъ-то судорожно кивнулъ въ отвѣтъ головою.

— Да, это я былъ на панихидѣ, возбужденно заговорилъ я, не дожидая вопроса.—Я изъявилъ желаніе помолиться за тѣхъ, которые заслуживаютъ сожалѣнія. Меня удивляетъ только, зачѣмъ онъ служилъ панихиду, если сейчасъ же и донесъ на насъ?!

Генераль возразилъ, что можно было бы и дома помолиться за нихъ. На это я промолчалъ и, обратившись къ Виноградову, спросилъ, такъ ли аккуратно онъ возвратилъ деньги за панихиду, какъ донесъ на насъ.

— И деньги отдали, отвѣтилъ тотъ, смутившись еще болѣе.

Генераль знакомъ руки вызвалъ Розова въ переднюю и, вернувшись минуты черезъ двѣ, кивнулъ мнѣ головою на дверь: можете молъ, отправляться съ Розовымъ.

Сѣли въ тотъ же фаятонъ и въ сопровожденіи тѣхъ же казаковъ поѣхали... въ „Александровскую варшавскую цитадель...“

Было уже темно, когда мы остановились у подъѣзда комендантскаго дома. Тутъ сказали, что комендантъ, генераль-маіоръ Ермоловъ, еще въ комиссіи, засѣдающей въ десятомъ павильонѣ.

— Пойдемте, обратился ко мнѣ Розовъ, выгѣзая изъ фаятона.

Впереди насъ шла какая-то темная фигура, сзади—казаки.

— Кто идетъ? окликнулъ часовой у желѣзныхъ воротъ и, удовле-

творенный отвѣтомъ провожатаго, впустилъ насъ. Черезъ нѣсколько шаговъ—опять ворота, но уже заперты: они непосредственно ведутъ въ такъ называемый десятый павильонъ. На легкій стукъ Розова открылось круглое окошечко въ нихъ и кто-то, вѣроятно караульный жандармъ, проговорилъ: „подите, сейчасъ самъ генералъ выйдетъ“.

Дѣйствительно, минутъ черезъ десять ворота отворились и Ермоловъ, въ сопровожденіи какого-то полковника (коменданта форта Сливницаго, что на противоположномъ берегу Вислы, какъ я потомъ узналъ), подошелъ къ намъ.

— Кто такой?

— Привезъ поручика О—ва къ вашему превосходительству, отвѣтилъ Розовъ.

— Я никакихъ свѣдѣній о поручикѣ О—вѣ не получалъ!

— Вѣроятно, вашему превосходительству послана особая бумага насчетъ ареста поручика, а я имѣю, кромѣ того, предписаніе; вотъ-съ оно.—И Розовъ вручилъ ему пакетъ.

Ермоловъ, не проронивъ ни слова, пошелъ дальше.

— Отведите пока поручика на Александровскую гауптвахту, распорядился полковникъ и поспѣшилъ за комендантомъ.

Меня отвели и заперли.

Черезъ полчаса Ермоловъ прислалъ за мною.

— Садитесь, указалъ онъ мнѣ на кресло, слегка кивнувъ головой, и продолжалъ писать что-то.—За что васъ вѣдно посадить?

— За панихиду.

Продолжительная пауза.

— Къ Жучковскому! передалъ онъ бумагу писарю, кончивъ писать, и раскланялся со мною.

„Къ Жучковскому! къ Жучковскому!“ звучало въ моихъ ушахъ возмутительно неприятно. О Жучковскомъ, властвовавшемъ въ десятомъ павильонѣ, куда сажали только важныхъ политическихъ преступниковъ, ходило немало ужасныхъ слуховъ.

Когда мы подошли къ вышеупомянутымъ запертымъ массивнымъ деревяннымъ воротамъ, я вспомнилъ надпись надъ вратами ада „Данта“ и громко произнесъ: „Оставь надежду навсегда!“

На стукъ Розова, въ окошечко выглянула та же усатая физиономія, пробурчала что-то и опять скрылась. Писарь пошелъ въ правый флигель, расположенный около десятаго павильона, вызвалъ жандармскаго вахмистра и сообщилъ о распорядженіи коменданта. Тотъ постучался въ окошечко и немедленно былъ впущенъ. Прошло четверть часа; ворота опять заскрипѣли.

— Пожалуйста, проговорилъ вахмистръ.

— А я уже сдалъ своего, шеннулъ Розову столкнувшійся съ нимъ другой ординарецъ Хрулева, корнетъ Сироткинъ.

— Г—скаго-Д—ча?

— Да...

Ворота захлопнулись за нами.

Темною лѣстницей поднялись мы въ чуть освѣщенный однимъ фонаремъ коридоръ. Длинные ряды замкнутыхъ номеровъ, жандармы и часовые, особенный запахъ и мертвая тишина, мрачно подѣйствовали на меня: я почувствовалъ себя оторваннымъ отъ чего-то дорогаго, роднаго—отъ жизни! Въ это время изъ ближайшаго номера вышелъ пожилой жандармскій капитанъ. Внутренній голосъ сказалъ мнѣ: вотъ твой опекунъ, Жучковскій. (И теперь еще эта фамилія бросаетъ меня въ дрожь).

— Мое почтеніе-съ, произнесъ онъ необычайно нѣжно, съ какою-то сладкою улыбкою, оглядывая меня.—Какъ ваша-съ фамилія?

— Поручикъ О—въ.

— Сдѣлайте одолженіе, подождите вотъ въ этомъ покоѣ, указаль онъ на сосѣдній съ тѣмъ, изъ котораго вышелъ;—я сейчасъ кончу одно дѣло.

Я вошелъ, дверь затворилась.

— Прощайте, послышался за нею голосъ Розова.

Спустя минутъ двадцать, вахмистръ повелъ меня въ „канцелярію“.

За большимъ столомъ сидѣлъ надъ толстою шнуровою книгою вооруженный серебряными очками Жучковскій; въ сторонкѣ стоялъ какой-то плотный субъектъ въ синемъ нанковомъ сюртукѣ безъ погонь.

— Вы, пожалуйста, извините, заговорилъ первый, не отрывая глазъ отъ книги и уже безъ улыбочки;—у насъ такой порядокъ, такой законъ, чтобы осматривать поступающихъ сюда. Пожалуйста, потрудитесь раздѣться.

Я снялъ съ себя все, кромѣ бѣлья. Субъектъ въ нанковомъ сюртукѣ началъ привычно ощупывать мой костюмъ по порядку; отыскалъ деньги, спрятанныя мною дорогою въ обшлагъ пальто, отыскалъ ножичекъ, и когда вынулъ изъ кармана и положилъ на столъ портмоне, набитое разнаго рода невинными замѣтками,—маленькіе глаза Цербера (такова была кличка, данная Жучковскому) разгорѣлись. Съ какою-то жадностью пересматривалъ онъ каждую бумажку и затѣмъ тщательно вписывалъ въ книгу... Но, увы! поиски были неудачны; глаза опять потухли, по лицу разлилось неудовольствіе.

— Вы изъ корпуса? спросилъ онъ меня, снимая очки.

— Да.

— Какого?

— Началь въ Новгородскомъ, кончилъ въ Константиновскомъ.

— Я и самъ имѣю въ корпусѣ двухъ сыновей, растянута произнесъ онъ въ глубокой задумчивости. И эта дума отразила на его лицѣ что-то человѣческое; но это былъ одинъ только моментъ.

— Вообразите, заговорилъ я,—какъ неожиданно арестовали меня! Гулялъ у Мейзера, и вдругъ...

— Какъ вдругъ арестовали, такъ вдругъ и выпускаютъ, перебилъ онъ меня, дѣлая удареніе на слова „арестовали“ и „выпускаютъ“...—

Если вамъ что понадобится, то вы только постучитесь въ дверь, закончили онъ и поклонился.

Я вышелъ за вахмистромъ, и только что перешагнувъ порогъ указанного мнѣ номера, какъ дверь за мной захлопнулась и щелкнувъ замокъ. Было уже три часа пополудни. Утомленный, я быстро уснулъ... Вдругъ слышу грубо-повелительный голосъ: „Нехъ панъ встаетъ—прендзей, прендзей!“¹⁾ Открываю глаза—на порогѣ стоитъ вахмистръ:

— Прендзей, прендзей!

Я удивленно таращу на него глаза и безпрекословно одѣваюсь.

— Не нужно, ваше благородіе,—оставайтесь, махнулъ онъ рукой, пошептавшись съ дежурнымъ жандармомъ.

Дверь захлопнулась. „Вѣрно—ошибка“, подумалъ я и снова заснулъ какъ убитый.

— Какъ спали?.. Какъ ваше здоровье?..

Съ-просонья я не могъ вдругъ дать себѣ отчета—гдѣ я? и смотрѣлъ удивленными глазами на Жучковскаго, задававшего мнѣ эти вопросы.

— Вы не хотите отвѣчать?

— Здоровъ, отвѣтилъ я, и попросилъ позволенія курить.

Жучковскій сказалъ, что спросить объ этомъ коменданта, и вышелъ. Онъ ежедневно по утрамъ обходилъ съ бумажкою и огрызкомъ карандаша въ рукахъ всѣхъ заключенныхъ, и тѣхъ, у кого были деньги, конечно отбираемыя при осмотрѣ, и кому разрѣшено было курить,—спрашивалъ: „что желаете купить?“ у прочихъ же имѣлъ обыкновеніе справляться о здоровьяхъ.

Черезъ нѣсколько времени инвалидъ въ засаленномъ до-нельзя кепи, подъ наблюденіемъ жандарма, принесъ въ маленькомъ, въ 1¹/₂ стакана, каменномъ кувшинчикѣ „кава“ (кофе) съ тремя миниатюрными, твердыми какъ камень, круглыми булочками.

Послѣ этого отвратительнаго „кава“, я занялся разсматриваніемъ своей конурки, въ 7 шаговъ длины и 6 ширины. Зеленныя стѣны исписаны, изцарапаны. Много было тутъ фамилій, но одна удивила меня: „Козугаска, рапа, ша lat 16“ (дѣвица Козырацкая, 16-ти лѣтъ). Неужели и это молодое, неопытное созданіе могло совершить какое-либо важное политическое преступленіе?!.. Окно, кромѣ чуть-чуть открытой снизу вверхъ жестяной форточкы вверху, тоже густо замазано зеленою краской; за нимъ мелкая желѣзная рѣшетка. Въ дверяхъ круглое стеклышко съ жестяною заслонкой снаружи, и жандармъ частенько отодвигаетъ ее, „чтобы наблюсти за вами“. Койка (съ тюфячкомъ, грубою простыней и подушкой) и маленькій засаленный столикъ, да табуретка, на которую по утрамъ становилась

¹⁾ Вставайте—скорѣе, скорѣе!

глиняная или деревянная миска и бутылка съ водою для умыванія— вотъ и вся обстановка. Полутьма и спертый воздухъ были слишкомъ ощутительны, чтобы не соблазниться форточкой, и я по столу взлѣзъ на подоконникъ, приподнялся до послѣдней возможности и увидѣлъ на маленькомъ, замкнутомъ (съ трехъ сторонъ десятимъ павильономъ въ видѣ буевы п, а съ четвертой—высокимъ деревяннымъ заборомъ) дворикѣ двухъ штатскихъ, которые подъ присмотромъ жандарма и двухъ часовыхъ прохаживались по аллеѣ изъ грушъ и яблонь. Эта аллея тянулась по всему дворнику (въ 50 шаговъ дл.), но арестованные доходили только до голубятни, возвышавшейся по срединѣ ея, и—назадъ. Минуть черезъ десять ихъ увели, а еще черезъ пять привели другихъ двухъ: офицера и какого-то штатскаго. Не успѣлъ я всмотрѣться въ послѣдняго, какъ вдругъ раздался сильный стукъ въ двери; оборачиваюсь—въ окошечкѣ блестятъ глаза, спускаюсь на полъ—дверь распахивается и на порогѣ появляется багровый отъ бѣшенства Жучковскій.

— У насъ окна не для того, чтобы лавить! Я отберу у васъ и койку, и столъ! Непремѣнно отберу, если еще разъ увижу на окнѣ! проговорилъ онъ, точно получилъ кровную обиду, и скрылся.

Но что же дѣлать? Тоска страшная!.. Походилъ я изъ угла въ уголь, пока не закружилась голова, потомъ началъ по примѣру предшественниковъ, вырѣзать на дверяхъ фамилію свою, потомъ памятникъ Сливцовому и Арнольдту. Инструментомъ служилъ мнѣ штифтикъ отъ пряжки брюкъ.

Въ 12 час. пополудни принесли обѣдъ безъ ножа и вилки; ложка—деревянная. Первое блюдо—„крупникъ“ (супъ), вѣрнѣе—мутная теплая водица, съ двумя тоненькими претоненькими, отдающими всѣми цвѣтами радуги ломтиками до-нельзя вывареннаго мяса; второе—„французскій красный соусъ“ или, точнѣе, поджаренная вода съ мукою и лукомъ; третье—„жаркое“, такое жъ, какъ и въ супѣ мясо, только еще болѣе высушенное, и четвертое—вареная морковь. Все это было приготовлено такъ безвкусно и грязно, что я, несмотря на сильнѣйшій аппетитъ, могъ проглотить только нѣсколько ложекъ „крупника“ и охотно промѣнялъ бы эту стряпню Жучковскаго на тарелку солдатскихъ щей. А между тѣмъ, на содержаніе заключенныхъ въ десятомъ павильонѣ отпускалось не мало: на меня 45 коп. въ день, на штатскихъ—по 35 коп., помимо какихъ-то добавочныхъ денегъ отъ города. Иногда обѣдъ разнообразился: вмѣсто „крупника“ подавались сѣрыя щи, или подобіе борща; вмѣсто моркови—рѣпа, вареная кислая капуста, каша, или очищенная картошка, съ грязными отпечатками пальцевъ.

Все время послѣ обѣда я провозился съ памятникомъ; работа шла медленно, ибо жандармъ поминутно заглядывалъ въ окошечко.

Я уже ложился спать, когда Жучковскій прислалъ мнѣ папироску, отобранную отъ меня вчера при осмотрѣ; значить, курить мнѣ разрѣшено.

Дѣйствительно, утромъ (26 іюня) онъ, послѣ обычныхъ, стереотипныхъ фразъ: „День добрый; какъ ваше здоровье?“—спросилъ: „не желаете ли чего?“

— Пачку крѣпкихъ папирозъ.

— Хорошо... Еще?

— Нельзя ли книгу какуюнибудь, или пера, бумаги...

— Этого нельзя,—и онъ, повернувшись круто, исчезъ.

Этого нельзя, того нельзя, въ окно смотрѣть нельзя, въ комиссію не зовутъ. Что же дѣлать одному, взаперти, при такой обстановкѣ? Что я буду дѣлать сегодня, завтра, мѣсяцъ, и Богъ знаетъ сколько еще времени? тревожно и желчно размышлялъ я, шагая послѣ обѣда по своему склепу. Мало-по-малу тревога и желчь улеглись; ихъ смѣнила дума о будущемъ... Блеснула надежда—этотъ вѣрнѣйшій другъ человѣка, не покидающій его въ самомъ безвыходномъ положеніи, и воображеніе мое тихо перелетѣло въ кружокъ друзей...

— Извольте одѣваться, точно рѣзнулъ меня чей-то голосъ. Я вздрогнулъ, обернулся,—вахмистръ подаетъ пачку папирозъ и повторяетъ:—извольте одѣваться.

— Куда?

— Въ другой „покой“ пойдемте.

Обрадовался—хоть по коридору пройдуся. За мной послѣдовала и койка. Новый „покой“ оказался ни чуть не лучше; только стѣны его были больше изцарапаны. Началъ читать. Все польскія фамиліи... Нѣтъ, вотъ Монастырскій—мой товарищъ по баталіону, арестованный раньше, по другому дѣлу; вверху—ноты. „Артистъ—вездѣ остается артистомъ“, подумалъ я и сталъ всматриваться въ одну зачернутую фамилію... Сливницкій 2-й?! Такъ вотъ гдѣ сидѣлъ Сливницкій! Горечью отозвалось въ душѣ воспоминаніе о немъ...

Вырѣзалъ я и тутъ памятникъ юнымъ энтузіастамъ... Потомъ постучалъ отъ скуки въ боковую стѣну; черезъ минуту раздался отвѣтный стукъ. Какъ я обрадовался, что хоть за стѣной есть живой человѣкъ! Бѣдный, онъ также томится... А, можетъ быть, свылся съ своимъ положеніемъ? Постучалъ еще, жадно прислушиваясь, но отвѣта не послѣдовало. Вварабкался на окно. Вдругъ слышу, что кто-то точно сидится отодвинуть заслонку въ дверномъ окошечкѣ—стремительно назадъ, но, уви ступилъ ногой на край стола, и онъ, вмѣстѣ съ стаканомъ и бутылкою съ водой, полетѣлъ на полъ, а за нимъ, конечно, и я. „Ну—думаю—доставилъ случай Жучковскому пожить нѣсколько минутъ“, и взглянулъ на окошечко,—улыбается кто-то. Это былъ дежурный жандармъ, какъ оказалось потомъ—самый лучшій и добрѣйшій изъ своей всей братіи для заключенныхъ. Есть много человѣчныхъ жандармовъ, но немало и такихъ, которые имѣютъ всѣ права называться чадами Жучковского.

Черезъ день (28-го іюня) этотъ самый жандармъ, войдя ко мнѣ послѣ обѣда, съ тою же свѣтлою улыбкой, разливавшеюся по лицу, проговорилъ: „Извольте одѣваться на шпацеръ“ (на прогулку).—Какой сюрпризъ! Почти бѣгомъ пустился я по коридору, но жандармъ, опередивъ меня, слегка сдержалъ мой порывъ. Сзади шли двое часовыхъ изъ армейскихъ... Только десять минутъ дали подышать воздухомъ, и—„домой“. На лѣстницѣ увидѣлъ я кошку—обрадовался ей, взялъ на руки, принесъ въ номеръ и удивился... смѣлости жандарма, позволившаго кошке быть глазъ на глазъ съ преступникомъ—говорю это не шутя. Впрочемъ, не прошло и двухъ минутъ, какъ на зовъ своихъ подругъ она, царапнувъ меня по рукѣ, прыгнула на окно, отсюда въ форточку и скрылась.

II.

Слѣдствіе.

29-го іюня. Входитъ Жучовскій.

— День добрый. Не желаете ли чего?

— Сегодня я именинникъ, а поэтому прошу купить мнѣ обѣдъ изъ трактира—вашего есть не могу,—да бутылку хорошаго вина.

— А—а, вы именинникъ... Какой въ губерніи?

— Петербургской, нарочно сказалъ я.

Онъ помолчалъ и вышелъ.

Послѣ его посѣщеній я всегда чувствовалъ себя нехорошо, точно принялъ порядочную дозу микстуры самаго отвратительнаго вкуса и запаха.

Черезъ часъ является вахмистръ.

— Извольте одѣваться.

Полагая, что на прогулку, я надѣлъ пальто и хотѣлъ идти безъ кепи.

— Извольте шапку взять и одѣться совсѣмъ.

— Зачѣмъ?

— Въ комиссію поѣдете.

Обрадовался: наконецъ-то началось дѣло, а на него я смотрю теперь легко...

Въ коридорѣ меня встрѣтилъ какой-то подполковникъ, и наилюбезнѣйше справившись о благосостояніи моей особы, пригласилъ съ собою. „Кажется, порядочный человекъ“, подумалъ я.

Вышли за ворота десяятаго павильона, гдѣ поджидалъ насъ извощичій фэтонъ. Сѣли только вдвоемъ и поѣхали безъ конвоя. Право, точно нѣсколько лѣтъ былъ взаперти—такую для меня прелесть имѣлъ міръ Божій.

— Куда это мы ѣдемъ?

— На Повонзки. Тамъ засѣдаетъ слѣдственная комиссія.

Втеченіе всей дороги, Амосовъ—такъ звали подполковника—не переставалъ вызывать меня на разговоръ о панихидѣ, и „искренно“ высказался, что онъ на это дѣло смотритъ очень легко, что, вѣроятно, меня „выпустятъ“ очень скоро, и т. под. Я все это принималъ за чистую монету, отвѣчалъ коротко, но довольно откровенно, впрочемъ нѣсколько остерегался этого, какъ потомъ оказалось, порядочнаго гуся.

Наконецъ, за „царскимъ бараккомъ“, передъ деревяннымъ домомъ, стоявшимъ на большой дорогѣ совершенно особнякомъ, мы остановились. По открытому двору его прохаживалось нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ. Въ первой комнатѣ вокругъ столовъ сидѣли и что-то писали тоже артиллеристы, бывшіе на панихидѣ.

— Что вы дѣлаете? спросилъ я двухъ пріятелей.

— А вотъ, всѣмъ намъ дали „запросные пункты“...

Въ это время вошелъ генераль-лейтенантъ Гечевичъ, въ качествѣ президента назначенной по этому дѣлу слѣдственной комиссіи.

— Здравствуйте, обратился онъ ко мнѣ.—Вамъ дадутъ запросные пункты,—пожалуйста, напишите все откровенно, чтобы потомъ не беспокоить васъ вторично запросами.

— Генераль, я объясню здѣсь то, что сказалъ генералу Менгдену.

Онъ поклонился и вышелъ; аудиторъ подалъ мнѣ листъ съ вопросами. На najważнѣйшіе изъ нихъ—съ какою цѣлью панихида была устроена, кто былъ распорядителемъ, и почему она совершалась именно въ тотъ день, когда назначено было молебствіе о чудесномъ избавленіи намѣстника царства Польскаго, великаго князя Константина Николаевича, отъ угрожавшей ему опасности,—я отвѣчалъ, что, пріѣхавъ 24 іюня на Повонзки изъ города (гдѣ жилъ, какъ прикомандированный къ корпусному штабу, для вторичнаго поступленія въ военную академію генеральнаго штаба) и увидавъ передъ бараками священника Виноградова, окруженнаго офицерами, подошелъ къ нему—разговоръ шелъ о панихидѣ; я вспомнилъ о своихъ разстрѣлянныхъ товарищахъ и попросилъ его отслужить по нимъ панихиду; распорядителя же—не знаю. Далѣе, на вопросъ—кто отдавалъ священнику деньги (25 рублей) за панихиду? отвѣтилъ: я,—и пояснилъ это обстоятельство довольно въ шутовомъ тонѣ, полагая, что тѣмъ дѣло и кончится. Но это было только начало: гроза еще только собиралась на горизонтѣ моей молодой, безпечно-бурной жизни.

Отдавъ аудитору исписанный листъ, я вышелъ на дворъ и разговорился съ товарищами, выражавшими самое глубокое участіе ко мнѣ. Нѣкоторые незнакомые артиллеристы спрашивали другихъ: „который О—въ?..“ Это любопытство нѣсколько удивляло меня, но было пріятно моему самолюбию; можетъ быть они и слышали что нибудь обо мнѣ, но вѣроятно не дурное, и можетъ быть не по поводу панихиды.

Въ это время Амосовъ привезъ изъ цитадели поручика 5-го стрѣльцоваго баталіона, Г—скаго-Д—ча, и откуда-то привели его четырехъ

юныхъ товарищей, арестованныхъ тоже за участіе „въ политической демонстраціи“, какъ окрестили власти нашу скромную панихиду. Всѣхъ ихъ усадили за „запросныя пункты“. Улучивъ минуту, я подошелъ къ Г—скому.

— Ну, попъ! проговорилъ онъ блѣднѣя.

— Да.

— Когда Сироткинъ арестовалъ меня и мы уже садились въ экипажъ,—онъ подбѣгаетъ къ намъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, умоляетъ: „Бога ради возьмите меня съ собою! Теперь темно—боюсь, чтобъ не убили офицеры. Они непремѣнно убьютъ меня!“ Сироткинъ взялъ его и говоритъ мнѣ: „ну, если бъ я зналъ, кто заказывалъ панихиду, или видѣлъ, какъ кто заказывалъ! Взялъ бы этого господина безъ церемоніи за шиворотъ и притащилъ бы куда слѣдуетъ... Вѣдь я многимъ обязанъ правительству и совѣсть моя заставляетъ меня такъ дѣйствовать.“

Въ 4 часа по полудни Амосовъ отвезъ меня и Г—скаго обратно въ десятый павильонъ, а въ 9 часовъ утра на слѣдующій день опять пріѣхалъ за нами. На этотъ разъ онъ „не заглядывалъ намъ въ душу“—всю дорогу промолчалъ.

Увидавъ на дворѣ священника Виноградова, пугливо сторонившагося отъ всѣхъ, я подошелъ къ нему съ нѣсколькими офицерами и шутиливо сказалъ:

— Вы попадете туда, иде же...

— Червь не умираетъ и огонь не угасаетъ, докончилъ кто-то.

— Презрѣнный, прошепталъ третій.

Жаль было смотрѣть на „презрѣннаго“—такъ онъ перетрусилъ! Я отвелъ его въ сторону.

— Не сказали ли вы чегонибудь лишняго обо мнѣ?

— Я сказалъ только, что, идя со мною на панихиду, вы говорили о составленной для Польши конституціи, которою поляки недовольны, и о намѣреніи государя дать конституцію и Россіи.

— Только?

— Еще, что, по поводу выстрѣла въ великаго князя Константина Николаевича, вы сказали: „нельзя судить о поступкѣ чловѣка, не зная побужденій его къ нему“.

— Только?

— Ей-Богу только.

— Зачѣмъ же вы это приплели къ панихидѣ?

— Да Хрулевъ велѣлъ непремѣнно все сказать и напугалъ меня, покраснѣвъ Виноградовъ.

— Васъ спрашиваютъ, сказалъ, подходя ко мнѣ, какой-то офицеръ, и указывая на аудитора, стоявшаго съ листомъ бумаги на крыльцѣ.

Я поспѣшилъ къ нему.

— Вотъ вамъ еще нѣсколько вопросовъ, подалъ онъ мнѣ бумагу.

Читаю—и не вѣрю глазамъ. Виноградовъ не постыдился показать на меня такія вещи, за которыя—прямая дорога въ Сибирь. По его словамъ, я не только сочувствую, но и принадлежу къ революціонной партіи, выстрѣлъ въ великаго князя Константина Николаевича и пожары въ Петербургѣ—одобряю, и т. п. И откуда онъ это выкопалъ, положительно не зная меня до панихиды?! Очевидно, тутъ дѣйствовало постороннее вліяніе.

Чувство самосохраненія заговорило во мнѣ громко; бѣшенство на доносчика неудержимо рвалось наружу:

— Генераль! почти крикнулъ я въ сильномъ раздраженіи, входя къ Гечевичу. — Я не буду отвѣчать на эти пункты!.. потому что здѣсь одна ложь... Ложь одна!. Гдѣ у попа доказательства въ справедливости обвиненій?!

— Успокойтесь, сказалъ Гечевичъ, съ участіемъ взявъ меня за руку;—васъ никто и не обвиняетъ. Вы напишите прямо, что ничего такого не говорили священнику... если только дѣйствительно не говорили. Успокойтесь же; положите бумагу на столъ, прогуляйтесь, а потомъ—чистосердечно отвѣтите на пункты.

Я съ бумагою въ рукахъ выскочилъ на дворъ и при всѣхъ сунулъ ее подъ носъ Виноградову:

— Посмотри, что ты такое напелелъ на меня! А еще имѣешь смѣлость называться священникомъ?!. Доносчикъ презрѣнный.

Онъ убѣжалъ и пожаловался на меня.

— Зачѣмъ вы затрогиваете священника, сказалъ мнѣ Гечевичъ.— Помните, что вы арестованы, что вамъ ни съ кѣмъ нельзя говорить. Возьмите бумагу, сядьте... вотъ тутъ—указалъ онъ на пустую комнату,—и, пожалуйста, сейчасъ же напишите отвѣты.

Пока я отписывался, страшно блѣдный Виноградовъ одинокою сновалъ по сосѣдней комнатѣ и все вздрагивалъ. Это было олицетвореніе трусости во всей ея наготѣ.

Спустя день (2-го іюля), Амосовъ опять пріѣхалъ за мною, на этотъ разъ для очныхъ ставокъ съ Виноградовымъ и Г—скимъ—Д—чемъ. Ничего интереснаго не произошло. На обратномъ пути я высказалъ своему проводнику, что не въ состояніи болѣе сидѣть одинъ въ полутемной конурѣ и что легко могу помѣшаться, если меня не переведутъ къ комунибудь въ другой номеръ. Онъ обѣщалъ переговорить съ комендантомъ.

Послѣ обѣда является вахмистръ:

— Положите ваши вещи на кровать—въ другой покой пойдете. Въ минуту справился.

Другой „покой“, № 36, оказался гораздо свѣтлѣй и больше, по 12 шаговъ въ длину и ширину; но первое что бросилось мнѣ въ

глаза—это ягоды и лимонъ на-окнѣ и нѣкоторыя принадлежности штатскаго костюма на кровати. „Очевидно, здѣсь есть кто-то“, подумалъ я... Вслѣдъ затѣмъ входитъ штатскій—плотный, средняго роста, влается и рекомендуется: „Владиславъ Яповичъ“.

— Товарищъ по заключенію?

— Такъ, пане.

Обрадовались другъ другу, разговорились и быстро сошлись,—въ молодости, да еще въ горѣ, люди по большей части очень скоро сходятся.

Шпіоны донесли на Яповича, яко бы онъ тянулъ жребій—кому стрѣлять въ великаго князя Константина Николаевича и участвовать въ обществѣ, занимавшемся отправкою молодыхъ людей и политическихъ преступниковъ за-границу. И вотъ, въ ночь (съ 21-го на 22-е іюня) послѣ выстрѣла въ великаго князя Константина Николаевича, когда Яповичъ безмятежно спалъ въ объятіяхъ своей „Юзи“, сильный стукъ въ двери будить его,—является комиссаръ и говорить: „Вставайте, у васъ домъ горитъ“. Тотъ вскакиваетъ, наскоро одѣвается; входятъ еще двое комиссаровъ, полицейскій офицеръ и нѣсколько полиціантовъ (городовыхъ), осматриваютъ вещи и увозятъ его въ цитадель.—„Можетъ быть, васъ сейчасъ же и отпустить... Вѣроятно, не болѣе часу продержатъ и—домой“, утѣшалъ его дорогомъ комиссаръ.

— А сию до сихъ поръ, хоть нѣтъ ни одной улики противъ меня! развеялъ руками Яповичъ...

Вдругъ что-то громко ударилося объ полъ и откуда-то послышался глухой голосъ. Прислушиваемся, приглядываемся, и наконецъ замѣчаемъ между печкою и стѣной маленькое отверстіе, и тутъ же на полу пробку.

— Коллеги (товарищи)—уже явственно пронеслось изъ отверстія.

Яповичъ наклонился, приставилъ ухо къ нему, потомъ губы, и разговаривался.

Оказывается, что по сосѣдству съ нами слѣва сидятъ тоже двое—нѣкто Кржановскій и отставной саперный штабсъ-капитанъ Мицкевичъ; первый—за сотрудничество въ „Колоколѣ“ (въ качествѣ корреспондента) и за революціонную пропаганду; второй—за возбужденіе противъ епископа Фелинскаго въ костелѣ. Кржановскаго выдала нашимъ властямъ сама „делегация“ (временное національное правительство въ Варшавѣ, учрежденное въ бурное время демонстрацій въ 61 г.), говоря, что „если этого человѣка не арестуютъ—спокойствія въ городѣ нельзя ожидать“. Онъ томится здѣсь уже 15-й мѣсяць. Тяжела его доля! Только что вернулся, послѣ шестилѣтней ссылки, изъ Сибири, какъ опять лишенъ свободы и уже приговоренъ къ смерти. Теперь пишетъ „протестъ въ свою защиту“ и—надѣется—не безплодно.

Мицкевичъ же вотъ что рассказывалъ о себѣ. Во время демонстраціи противъ Фелинскаго въ костелѣ, онъ, Мицкевичъ, крикнулъ:

„Выходите изъ костела, не слушайте этого лайдака! А кто останется—тотъ врагъ отечества!“ По предварительному уговору, всѣ направились къ выходу, за исключеніемъ нѣсколькихъ женщинъ, которыя начали подходить подъ благословеніе къ „лайдаку“.—„Вы цѣлуете руку этому стороннику русскаго правительства, когда его нужно бить“, обратился онъ къ нимъ, и тутъ же былъ схваченъ переодѣтыми полицейскими, отъ которыхъ хотъ и „хорошо отбивался“, но все-таки не миновалъ десятаго павильона. Ему вышло рѣшеніе: „подъ присмотръ полиціи“.

По указанію Кржановскаго, Яповичъ отыскалъ отверстіе въ противоположной стѣнѣ и не замедлилъ войти въ сношеніе съ сидѣвшимъ за нею княземъ Четвертинскимъ. Послѣдній говорилъ, что, по случаю выстрѣла въ великаго князя Константина Николаевича, одновременно съ нимъ посажены въ цитадель: младшій братъ его, Бутный, Дехейдесъ, Шмитдебергъ (еврей) и Яповичъ (съ которымъ я сижу). Комиссія обвиняетъ ихъ въ томъ, что они на квартирѣ у старшаго Четвертинскаго тянули жребій—кому стрѣлять, а также занимались отправкою молодыхъ людей и политическихъ преступниковъ за-границу. Съ ними же былъ арестованъ и самъ стрѣлявшій въ великаго князя, нѣкто Ярошинскій—„челядникъ шевцъ 19-ти лѣтъ, но достаточно образованный и энергичный.“

Я сунулъ Четвертинскому нѣсколько папирозъ—ему еще не разрѣшили курить,—и улегся спать, довольный тѣмъ, что теперъ будетъ съ кѣмъ коротать время.

На слѣдующій день (3-го іюля)—опять въ комиссію на Повонзки. Получилъ предложеніе немедленно бѣжать за-границу: „все, молъ, готово—нужно только согласіе ваше“.—Отказался на-отрѣвъ. Отиславъ въ комиссію одного пріятеля, попросилъ передать по адресу письмо, приготовленное Яповичемъ къ матери еще съ вечера; затѣмъ засѣлъ отписываться на новыя запросныя пункты: не принадлежу ли я къ революціонной или какой нибудь другой противузаконной партіи, и не получалъ ли изъ Петербурга писемъ политическаго содержанія? Когда кругомъ исписанные листы были сданы аудиторю, Гечевичъ объявилъ мнѣ и Г—скому-Д—чу, что насъ еще разъ потребуютъ въ комиссію въ четвергъ, 5-го іюля, и очень любезно раскланявшись, что-то шепнулъ по-французски Амосову. Дорогою послѣдній не въ мѣру залиберальничалъ—мы молчали; тогда онъ заговорилъ о лицѣ, стрѣлявшемъ въ предшественника великаго князя Константина Николаевича, въ генералъ-адъютанта Лидерса. По словамъ его, подозрѣніе падаетъ на отставнаго юнкера Ковальскаго, схваченнаго на желѣзной дорогѣ на другой же день послѣ выстрѣла.

—Этотъ Ковальскій, продолжалъ Амосовъ,—жилъ съ старикомъ отцомъ, у котораго и укралъ нѣсколько тысячъ, вѣроятно, для обез-

неченія себя за-границей... Много уликъ! До выстрѣла его видали въ Саксонскомъ саду въ такомъ точно костюмѣ, какой былъ и на стрѣлявшемъ; вслѣдъ за выстрѣломъ—одинъ казацкій офицеръ видѣлъ, какъ онъ, блѣдный, перепуганный, быстро шелъ изъ сада въ цукерню (кондитерскую)... Вѣдь этакой подлець! не рѣшился стрѣлять прямо, а сзади. Мнѣ самъ графъ ¹⁾ говорилъ: „Прогуливаюсь. Вдругъ слышу звукъ взводимаго курка, и—выстрѣлъ; я схватился за карманъ, полагая, что выстрѣлилъ самъ собою мой револьверъ— въ первую минуту не чувствовалъ боли,—но, дотронувшись до уха, увидалъ на рукѣ кровь, обернулся и сказалъ: „подлецъ, трусь, стрѣляетъ сзади!..“

Но вотъ и десятый павильонъ.

Вечеромъ на слѣдующій день, впервые въ жизни своей, услышалъ звукъ пѣней.

— Вѣроятно, на Ярошинскомъ, замѣтилъ Яновичъ.

На комъ бы то ни было, но это подѣйствовало на меня сильно. Легъ рано, съ головною болью, а на утро всталъ совершенно больнымъ: боль въ головѣ, тяжесть во всемъ тѣлѣ, въ лѣвомъ боку колетъ.

Въ 11 часовъ утра явился Амосовъ. Отправились.

Ровно въ 12 часовъ Гечевичъ собралъ всѣхъ подслѣдственныхъ офицеровъ въ кружокъ на дворѣ и произнесъ:

— Господа! меня просилъ великій князь передать вамъ, что кто распоряжался панихидой—сознался бы; что онъ извинить ему этотъ поступокъ, происшедшій, можетъ быть, изъ христіанскаго побужденія. Господа, я не прошу васъ выдавать своего товарища, но прошу, чтобы онъ самъ вышелъ впередъ; обещаю, что ничего ему не будетъ, и я первый протяну ему руку.

Всѣ молчали.

— Жаль, проговорилъ генералъ и раскланялся.

Я до того разболѣлся, что не могъ ходить, и попросилъ Амосова скорѣе ѣхать, предварительно припрятавъ маленькій пакетъ къ Яновичу отъ матери, съ письмомъ, бумагою, ножомъ, сигарою и экземпляромъ прокламаціи.

Спустя пять минутъ, мы уже сѣли въ экипажъ.

„Не нашли распорядителя—такъ выдумаютъ его; свалить все на меня, если везутъ опять въ цитадель“, думалъ я, все болѣе и болѣе разстраиваясь; наконецъ, обращаясь къ Амосову, вспылилъ:

— Вездѣ навазываютъ только тогда, когда убѣдятся въ виновности,—вездѣ, только не у насъ! Да, теперь я самъ на себѣ позналъ, что правосудіа у насъ не существуетъ! Скажите, пожалуйста, есть ли улики, что я виновнѣе другихъ? Нѣтъ! Между тѣмъ меня держать въ десятомъ павильонѣ, какъ государственнаго преступника. Вы говорили, что насъ не замедлятъ выпустить, ну, что же?..

¹⁾ Лидеръ былъ возведенъ въ графское достоинство за нѣсколько дней до выстрѣла въ него.

Впродолженіе моего желчнаго монолога подполковникъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но послѣдняя фраза задѣла его за живое.

— Да чѣмъ же я виноватъ?! запѣнился было онъ и вдругъ стихъ;— о васъ опять напишутъ. Писали Рамзаю ¹⁾, но онъ отвѣтилъ, что не имѣеть права выпустить васъ: не онъ посадилъ. Ну, что жъ намъ дѣлать?

Доѣхали молча.

По моей просьбѣ, Амосовъ сказалъ Жучковскому, что я сильно болѣнъ, но въ госпиталь идти не хочу, почему и просилъ позвать доктора и, если можно, отпустить мнѣ госпитальную пищу.

Черезъ часъ явился докторъ, пораспросилъ, осмотрѣлъ и рѣшилъ, что у меня „сильное нервное расстройство“, происшедшее отъ недостатка воздуха и, вообще, отъ моего настоящаго положенія.

— О которомъ вы, вѣроятно, много думаете, добавилъ онъ.

— Не подѣйствовалъ ли на меня звукъ цѣпей?

— И это могло повліять. Какъ только я поступилъ сюда, продолжалъ докторъ,—сталъ наблюдать больныхъ и замѣтилъ, что почти всѣ заключенные здѣсь испытываютъ такую же болѣзнь, какая теперь у васъ. Но я вамъ пропишу противъ этой, такъ называемой мною, „мѣстной болѣзни десятаго павильона“ хорошее средство.

Когда докторъ ушелъ, я передалъ Яповичу посылку. Увидавъ прокламацію, онъ удивился моей смѣлости, съ большими предосторожностями прочелъ самъ и потомъ передалъ ее для прочтенія сосѣдямъ, послѣ чего сжегъ ее и пепель разметалъ по комнатѣ.

Этотъ добрый человѣкъ почти всю ночь просидѣлъ у меня на кровати. На другой день я чувствовалъ себя настолько хорошо, что уже не принималъ лекарства и только вмѣстѣ съ товарищемъ попросилъ Жучковскаго покупать намъ вино, закуски и трактирный обѣдъ, конечно, на наши деньги.

— Хорошо, согласился тотъ подумавъ немного, и согласился не потому, что могъ бы не присылать намъ своего обѣда и, такимъ образомъ, пользоваться львиною долею нашего содержанія, но по какимъ-нибудь инымъ соображеніямъ, ибо иначе не отказывалъ бы въ этомъ другимъ заключеннымъ, говоря: „и мой крупнѣе здоровъ, вкусенъ“.

Вечеромъ Кржановскаго перевели въ другой номеръ, а Мицѣвича отправили съ жандармами въ деревню къ роднымъ. Вмѣсто нихъ очутились молодые люди—Матѣевскій, 19-ти лѣтъ, и Бутный—очень общительный, веселый малый, о которомъ упоминалъ Четвертинскій, тоже переведенный сегодня куда-то внизъ, „въ цитадельные казематы“.

Матѣевскій посаженъ по случаю послѣдняго выстрѣла въ маркиза

¹⁾ Генералъ Рамзай только-что пріѣхалъ въ Варшаву на новый постъ начальника военнаго округа.

Велешпольскаго. Кто стрѣлялъ въ него теперь—онъ не знаетъ, но въ первый разъ — Людвигъ Рыль, который и повѣшенъ вмѣстѣ съ какимъ-то „жонцомъ“, тоже стрѣлявшемъ въ означеннаго маркиза.

Бутный уже вторично сидитъ въ десятомъ павильонѣ. Онъ не замедлилъ передать намъ черезъ отверстіе бумажку съ алфавитомъ для „пуканья“, т. е. разговора посредствомъ стука въ полъ и стѣны. Вотъ этотъ алфавитъ:

·	··	···	···	····
a	b	c	d	e
··	··	···	···	····
f	g	h	i	j
···	···	···	···	····
k	l	m	n	o
····	····	····	····	····
p	r	s	t	u
····	····	····	···	
w	y	z		

Польская азбука разбита на 5 рядовъ, въ каждомъ (за исключеніемъ послѣдняго) по 5 буквъ. Точки надъ ними означаютъ число ударовъ въ стѣну пальцемъ или палочкой, безостановочно въ горизонтальномъ направленіи и съ нѣкоторымъ перерывомъ—въ вертикальномъ. Напримѣръ, я желаю сказать сосѣду: dzien dobny (добрый день). Буква d— въ первомъ ряду на 4-мъ мѣстѣ, слѣдовательно, нужно стукнуть разъ (т. е. показать рядъ, въ какомъ находится буква), и послѣ краткой паузы — безостановочно еще четыре раза (т. е. показать мѣсто ея въ ряду); буква z — въ 5 ряду, на 3 мѣстѣ, слѣдовательно, нужно безостановочно стукнуть пять разъ (т. е. показать рядъ, въ какомъ находится буква), и послѣ краткой паузы—безостановочно еще три раза (т. е. показать мѣсто ея въ ряду) и т. д. Первый стукъ показываетъ, въ какомъ ряду находится буква, второй—мѣсто ея въ этомъ ряду. Запретное искусство бесѣдовать посредствомъ стука (пуканья) усваивается такъ легко, что новичекъ на другой день уже обходится безъ справокъ съ бумажкой.

Съ сегодняшняго дня я началъ отъ скуки учиться по-польски, главнымъ образомъ по книжкамъ, выдаваемымъ Яповичу изъ здѣшней бібліотеки. Эта бібліотека состоитъ исключительно изъ пожертвованныхъ разными лицами (больше—сидѣвшими тутъ же) польскихъ книгъ.

Вечеромъ вылѣпилъ изъ хлѣба шахматы, высушилъ ихъ и поло-

вину покрылъ стеариномъ, другую—вымазалъ жженою пробкою. Ничего, играть можно.

5-го іюля Жучковскій разсердился на Яповича за то, что онъ на одной книжкѣ написалъ свою фамилію.

— Больше не просите читать!.. Вы думаете, что я не пересматриваю книгъ; нѣтъ, я по цѣлымъ ночамъ перелистываю ихъ,—каждую страничку просмотрю...

— Позвольте мнѣ книгу, прошу его.

— Русскихъ нѣтъ, а польскихъ—нельзя: вы будете ему давать.

Такъ и не далъ. Положительно нечѣмъ занять мозгъ! Только и есть развлеченіе, что поиграешь нѣсколько минутъ въ „шахи“ (шашки), урывками „попукаешь“, да погуляешь (и то не каждый день) 10—15 минутъ. Впрочемъ, продолжительность прогулки много зависитъ отъ жандармовъ: дашь имъ папирось и мяса (отъ казеннаго стола)—случалось, и съ часъ погуляешь, не дашь—больше десяти минутъ не считывай. О, деньги! чего не дѣлаете вы!

На слѣдующій день (16 іюля) Яповичу въ первый разъ дозволили видѣться съ матерью,—вотъ счастливецъ! Эти свиданія происходятъ по понедѣльникамъ, въ особой комнатѣ, перегородженной до верху деревянною рѣшеткой; съ одной стороны стоятъ посѣтители, не болѣе двухъ за разъ, подъ наблюденіемъ стараго чиновника—низенькаго, червенькаго, съ подленькой фізіономіею и двумя крестами въ петлицѣ; съ другой стороны—узникъ подъ надзоромъ „самого Цербера“, или его помощника, какого-то подпоручика съ продыравленною, вѣроятно, болѣзнью щекой. Они осматриваютъ бѣлье, „гостинцы“, приносимые узникамъ, и „наблюдаютъ, чтобъ ничего политическаго не произносилось“. Такъ рассказывалъ мой товарищъ, вернувшійся съ свиданія, продолжавшагося не болѣе пяти минутъ.

Послѣ обѣда, изъ номера, въ которомъ сидѣлъ Четвертинскій, слышался легкій стукъ въ стѣну.

— Кто? громко спросилъ Яповичъ, прильнувъ губами къ отверстию.

— Ярошинскій, былъ отвѣтъ.

Изъ дальнѣйшей бесѣды оказалось, что до вчерашняго дня его держали въ цѣпяхъ, а теперь при немъ въ самомъ номерѣ безотлучно находятся жандармъ и 2 часовыхъ; жандармъ вышелъ куда-то, а „солдаты—добряки“, позволяютъ ему „пукать“. Но скоро все смолкло—вѣроятно, жандармъ вернулся.

На свое дѣло начинаю смотрѣть довольно серьезно и его результатъ представляется мнѣ во всевозможныхъ формахъ—отъ эшафота, Сибири и до совершеннаго оправданія.

Страшная тоска проникла, кажется, во всѣ поры души и тѣла (сегодня я болѣе чѣмъ когда нибудь узналъ, что такое тоска). Не-

смотря на утѣшенія товарища, она не оставляетъ меня... Шагаю взадъ и впередъ, напѣвая Рылѣва— „Не слышно шуму городского“...

Легъ расслабленнымъ.

III.

Полевой военный судъ и конфирмація.

17-го іюля. Всталъ больнымъ.

Въ 10 часовъ утра распахнулась дверь.

— Извольте сюртукъ надѣть, сказалъ мнѣ вахмистръ.

Надѣлъ.

— Пожалуйте...

И меня ввели въ большую комнату, въ которой сидѣли вокругъ стола: на предсѣдательскомъ мѣстѣ— „генераль-полиціймейстеръ 2-го армейскаго корпуса“, генераль-маіоръ Левицкій-Леонтьевъ, визави его— аудиторъ и по сторонамъ (съ каждой по три) шесть штабъ-офицеровъ!

Черезъ минуту привели и Г-скаго-Д-ча.

— Господа, обратился къ намъ генераль, — вамъ прочтутъ повелѣніе намѣстника.

Аудиторъ всталъ и прочелъ, что я, Г—скій-Д—чъ и поручикъ Оло-нецкаго пѣхотнаго полка З—нъ предаемъ полемому военному суду, какъ оказавшіеся, по слѣдственному дѣлу, распорядителями панихиды по казненнымъ государственнымъ преступникамъ; кромѣ того, я—за распространеніе вредныхъ идей, а З—нъ за то, что въ присутствіи своего полковаго командира назвалъ офицера, возившаго его на слѣд-ствіе, „подлецомъ“. Повелѣніе заключалось приказаніемъ окончить дѣло наше въ наискорѣйшемъ времени.

Левицкій-Леонтьевъ предложилъ намъ письменно засвидѣтельство-вать, что мы не имѣемъ никакихъ претензій и личностей къ членамъ суда. Затѣмъ начался судъ съ формальныхъ вопросовъ: сколько вамъ лѣтъ, какого вѣроисповѣданія и пр. и пр. По болѣзни, я не могъ даже пера въ рукахъ держать—за меня писалъ аудиторъ, вникая въ мои отвѣты, спрашивая и переспрашивая, „чтобы не ошибиться“.

На вопросъ—не имѣю ли я чего прибавить къ своимъ показаніямъ на слѣдствіи? я отвѣчалъ: такъ какъ священникъ обвиняетъ меня бездоказательно и такъ какъ судъ можетъ считать мои оправданія тоже бездоказательными — ни у него, ни у меня нѣтъ свидѣтелей, нѣтъ уликъ,—то посредникомъ между нами можетъ стать начальникъ войскъ на Повонзкахъ, генераль Менгденъ, въ присутствіи котораго, по показанію Виноградова, я будто бы произнесъ: „обманулъ священ-ника“, т. е. сознался самъ. Наглая ложь! И если Менгденъ, какъ по-велѣваетъ то совѣсть, опровергнетъ ее, то это будетъ служить важ-нымъ доказательствомъ лживости и прочихъ показаній Виноградова противъ меня.

Аудиторъ прочелъ наши добавочныя показанія вслухъ и насъ развели по своимъ номерамъ.

Я сообщилъ Яповичу, какой оборотъ приняло дѣло; поспыпались утѣшенія и предложеніе разныхъ услугъ.

Только 31 іюля насъ вторично позвали въ судъ. Аудиторъ подаль мнѣ листъ съ запросными пунктами, въ которыхъ судьи старались опровергнуть прежнія мои показанія, находя ихъ „незаслуживающими довѣрія“, и ставился вопросъ: какъ я рѣшился распорядиться панихидой, когда, при объявленіи царства Польскаго на военномъ положеніи, на всѣхъ улицахъ были вывѣшены печатныя выписки изъ закона, запрещающія, между прочимъ, панихиды по казненнымъ государственнымъ преступникамъ?

— Прошу васъ написать все откровенно, сказалъ мнѣ Левицкій-Леонтьевъ;—прежнія ваши показанія не заслуживаютъ довѣрія. Если не напишете правду, то, по закону, наказаніе вамъ увеличится.

— Удивляюсь, генераль, на какомъ основаніи вы находите мои показанія невѣроятными!.. Въ нихъ вездѣ здравый смыслъ и невѣроятнаго ничего нѣтъ.

Генераль, пробормотавъ что-то, удалился на свое предсѣдательское мѣсто.

— Кажется, рѣшились во что бы то ни стало обвинить меня, сказалъ я подсѣвшему ко мнѣ аудитору.—И почему это показанія Виноградова заслуживаютъ довѣрія, а мои нѣтъ? Вѣдь и подъ черною ризою можетъ быть черное сердце.

— Да оно по большей части такъ, отвѣтилъ онъ.

Въ это время къ намъ подошелъ одинъ изъ членовъ суда, подполковникъ Ренгартенъ (родственникъ, если только не родной братъ, бѣжавшаго за-границу, по политическимъ причинамъ, товарища моего), и вмѣстѣ съ аудиторомъ сталъ помогать мнѣ въ отвѣтахъ. По ихъ совѣту, на вопросный пунктъ:—почему я поступилъ противъ положенія военнаго времени? я написалъ: такъ какъ во время объявленія царства Польскаго на военномъ положеніи я былъ въ Петербургѣ, въ военной академіи генеральнаго штаба, то и не могъ видѣть вывѣшенныхъ на варшавскихъ улицахъ выписокъ изъ закона, запрещающихъ панихиды. Во всякомъ случаѣ, нашу панихиду нельзя относить къ запрещеннымъ, потому что она совершалась келейно, безъ всякой политической цѣли.

Затѣмъ я занялся опроверженіемъ поповскихъ показаній и только въ 4 часа пополудни кончилъ его.

8-го августа опять потребовали въ судъ, на этотъ разъ — всѣхъ трехъ: меня, Г—скаго и З—на.

Аудиторъ прочелъ вслухъ выдержку изъ всего дѣла. Навивность нѣкоторыхъ показаній священника возбуждала въ судьяхъ смѣхъ, что, конечно, немного ослабляло силу его доноса на меня. Такъ, въ одномъ мѣстѣ заявлялось: „Я (т. е. свящ. Виноградовъ) не хотѣлъ служить панихиды, но поручикъ О—въ подошелъ ко мнѣ съ такимъ угрожающимъ видомъ, что я перепугался, полагая, что онъ хочетъ убить меня. Онъ, дѣйствительно, могъ убить меня, потому что сочувственно относился къ политическимъ убійцамъ и дерзко судилъ о правительствѣ“. Въ другомъ мѣстѣ: „Терпѣніе и смиреніе поручикъ О—въ называетъ добродѣтелью барановъ“, и такъ далѣе — всѣ его показанія представляли одну сплошную нелѣпость, каковую даже школьникъ постыдился бы выставить въ судѣ.

Потомъ прочитаны были наши формуляры. Меня баталіонный командиръ, подполковникъ Пушкаревъ, не могъ аттестовать, ссылаясь на то, что я съ Рождества былъ прикомандированъ къ корпусному штабу для вторичнаго поступленія въ военную академію генеральнаго штаба и что онъ самъ недавно прибылъ въ баталіонъ. Корпусный штабъ тоже не могъ, „потому что трудно слѣдить за всѣми прикомандированными“ къ нему. Г—скаго-Д—ича аттестовали хорошо, но З—на полковой командиръ не пощадилъ.

— Господа, обратились затѣмъ къ намъ предсѣдатель, — не желаете ли добавить чтò въ свою пользу?

Г—скій и З—нъ отказались — они вообще держали себя очень степенно; я же добавилъ: „всѣ показанія священника Виноградова — нелогичность, нелѣпость и противорѣчіе“. Послѣ этого (въ 2 часа пополудни) насъ развели по конурамъ. Тутъ только въ первую же минуту представилась мнѣ „нелогичность, нелѣпость и противорѣчіе“ показанія священника съ такою очевидностью, что вдругъ явилось непреодолимое желаніе немедленно же высказаться передъ судомъ, и я, написавъ на клочкѣ папиросной бумаги: „мнѣ нужно сообщить суду нѣчто важное“ — нарочно такъ, чтобы не отказали, — послалъ эту записку съ двернымъ жандармомъ къ Жучковскому съ просьбою безъ задержки передать ее по принадлежности... Черезъ полчаса я былъ введенъ снова въ судъ. Судьи, о чемъ-то жарко спорившіе, умоляли и обратились во вниманіе.

— Показаніе священника, началъ я, — что онъ служилъ панихиду изъ боязни, въ противномъ случаѣ, быть убитымъ мною — безсмысленность, съ чѣмъ, вѣроятно, и вы, господа, согласны...

— Конечно, конечно.

— Безъ сомнѣнія, нельзя вѣрить всему, что показалъ священникъ.

— Мы сами понимаемъ это, слышались голоса.

— А почему онъ такъ показалъ, продолжалъ я, — не трудно догадаться. Чтобы выставить себя жертвою, ему необходимо было прежде

обвинить когонибудь въ крайнихъ политическихъ идеяхъ, а потомъ сказать, какъ онъ это и сдѣлалъ, что такой-то — на этотъ разъ я — заставилъ его служить панихиду, угрожая, въ противномъ случаѣ, смертью, и что онъ дѣйствительно отслужилъ ее только изъ опасенія быть убитымъ; въ подтвержденіе же основательности такого опасенія онъ говоритъ, что человекъ, сочувствующій политическимъ убійцамъ и пр. и пр., самъ способенъ на убійство.

Затѣмъ, я коснулся дальнѣйшихъ обвиненій и, изложивъ все это тутъ же на бумагѣ, удалился.

13-го августа Бутный сообщилъ, что Ярошинскаго повѣсили..

На слѣдующій день (14-го августа), въ четвертый и послѣдній разъ позвали меня въ судъ. Когда привели Г—скаго-Д—ича и З—на, председатель объявилъ, что намъ прочтутъ наказанія, опредѣленные судомъ, но что „дѣло“ еще пойдетъ въ „аудиторіатъ“ и на „конфирмацію“, и что „можно надѣяться на смягченіе“. Его тонъ и выраженія были таковы, какъ будто онъ стѣснялся опредѣлять намъ наказаніе согласно такой-то и такой-то статьѣ закона за недоказанную вину.

Настала тишина. Аудиторъ началъ читать—всѣ встали.

Вотъ сущность прочитаннаго имъ. Судъ нашелъ виновными: меня—въ главномъ распоряженіи панихидою съ цѣлью политической демонстраціи и въ передачѣ священнику Виноградову нѣкоторыхъ, большею частью ложныхъ и вообще вредныхъ, слуховъ о нѣнѣшнихъ событіяхъ въ Россіи и царствѣ Польскомъ; З—на—въ сборѣ денегъ для священника по окончаніи панихиды и въ томъ, что въ присутствіи полковаго командира назвалъ одного офицера подлецомъ; Г—скаго-Д—ича—въ участіи въ распоряженіи панихидою. За столь тяжкія преступленія: меня—разжаловать въ рядовые, не лишая дворянства; З—на—тоже; Г—скаго-Д—ича, оставивъ въ подозрѣніи, уволить въ отставку и отдать подъ надзоръ полиціи. Прочіе офицеры, участвовавшіе на панихидѣ, были раздѣлены на три категоріи: первую—въ отставку и подъ полиційскій надзоръ, вторую—перевести на службу внутрь Россіи и подъ присмотръ начальства, третью—выдержать подъ арестомъ, кажется, три дня. Преступное же дѣяніе Виноградова представить на разсмотрѣніе его духовнаго начальства.

И такое наказаніе опредѣлено мнѣ по голословному обвиненію священника, надъ показаніями котораго сами судьи смѣялись!

— Господа, обратился я къ нимъ, удивленный и еле-сдерживая себя,—позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ...

— Теперъ уже поздно, оборвалъ меня председатель.

— Теперъ уже нельзя, повторилъ Ренгартенъ мягко.

— Нужно было въ отвѣтахъ помѣстить все, продолжалъ первый.

— Господа, я не оправдываться хочу передъ вами, возвысилъ я

голосъ въ сильномъ волненіи. — Я уже достаточно исписалъ бумаги въ защиту себя!... Я хочу сказать, что вамъ нужно было кого-нибудь осудить; вы... не задумавшись, и осудили... Вы привели только осуждать, между тѣмъ какъ подсудимый, можетъ быть, и не преступникъ!.. Но вамъ это все равно... Если кого отдали подъ судъ, такъ того и осудимъ,—такъ?.. А гдѣ улики противъ меня?.. Вы поступили несправедливо!..

— Пожалуйста, оставьте, проговорилъ раскраснѣвшійся Левицкій. — Нѣтъ... раскрылъ было ротъ Ренгартенъ, но остановился.

Взбѣшенный, не дожидая распоряженія предсѣдателя, я вышелъ, мелькомъ взглянувъ на безгласныхъ товарищей, и такъ рванулъ себя за бортъ снизу вверхъ, что нѣсколько пуговицъ отскочили и на груди разовался скрутокъ—долой его! Давить онъ меня теперъ!..

— Что? робко встрѣтилъ меня Яповичъ.

— Ну, я—солдаты.

Онъ даже поблѣднѣлъ.

— Да за что же? За что? Уликъ нѣтъ...

Не слушая его, я разразился бранною критикою на наше правосудіе...

Но спустя часъ, успокоившись, я уже смѣялся:

— Вѣдь изъ меня выйдетъ дурной солдатъ... Нѣтъ, лучше буду поль мнѣ гдѣ нибудь въ Англіи, чѣмъ носить этотъ... мундиръ!..

Яповичъ началъ предлагать денежные услуги; я отъ души поблагодарилъ за сердечное участіе, но отказался: почему знать, что ждетъ меня впереди?.. Надежда опять возвращалась.

Вечеромъ пили пуншъ, и я былъ такъ веселъ, какъ ни разу еще въ цитадели...

Все послѣ обѣда слѣдующаго дня я писалъ возраженіе на бездоказательное обвиненіе суда и его приговоръ, и утромъ вручилъ этотъ протестъ Жучковскому для передачи Ермолову.

— Вѣроятно, комендантъ изъ человѣчности поможетъ вамъ и отдастъ его или въ аудиторіатъ, или лично намѣстнику, проговорилъ тотъ уходя.

„Изъ человѣчности!“ Долго звучало это слово въ моихъ ушахъ: Жучковскіе и человѣчность—вѣдь это противоположности, такъ какой же человѣчности можно ждать отъ нихъ! Не изъ этой ли человѣчности меня бездоказательно обвинили.

Яповичъ старался утѣшать меня: вотъ, молъ, 26-го августа, кажется, будутъ праздновать тысячелѣтіе Россіи и вамъ вѣрно „выйдетъ милость“. Я хочу правосудія, а мнѣ говорятъ о милости!..

Бутный „запукаль“. Это онъ разговариваетъ съ своей сосѣдкой, паней Заленской. Мы вылѣпили изъ хлѣба сифонъ, для передачи ему вина; хотѣли такимъ же путемъ „повеселить“ и другаго сосѣда,

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

но отверстіе въ стѣнѣ съ его стороны идетъ, вслѣдствіе какихъ-то препятствій, вигзагами — сифонъ нашъ сломался и вино пролилось. Нарѣзали тоненькими ломтиками „шинки“ (ветчины) и, завернувъ каждый особо въ бумажку, просунули къ нему, — доволенъ. Вѣдь Жучковскій, въ видѣ какого-то исключенія, только для насъ покупаетъ разные закуски: шинку, колбасу, сыръ, масло, которыми мы и дѣлимся (черезъ отверстія) съ сосѣдями.

Отъ нечего дѣлать я принялся лѣпить кальянь, подсвѣчникъ и прессъ-папье. Краски для послѣдняго — подъ рукой: черная изъ пепла, зеленая — со стѣнъ, красная — кирпичъ, бѣлая — изъ стеариновыхъ свѣчей, покупаемыхъ на нашъ счетъ „только для вечеровъ“; на ночь-же вносились казенная салъная свѣчка, воткнутая вмѣсто подсвѣчника въ кирпичикъ, который въ свою очередь ставился въ лучку песка ¹⁾, и слугитель поминутно шлялся снимать съ нея нагаръ.

Все это кончилъ 24-го августа и подарилъ Яповичу. Кальянь вышелъ удачно — мы курили изъ него, прессъ-папье — еще лучше: американскій купецъ, облокотившись на большую бочку (для папирозъ), указываетъ рукой на маленькую (для спичекъ).

Всѣ сосѣди, въ особенности мой товарищъ, съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждутъ 26-го числа; они надѣются, что, по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи, будутъ освобождены, а „Рапи Зеленка“ даже пригласила меня, черезъ Бутнаго, непременно быть у ней „послѣ завтра“, забывъ свою же польскую пословицу: „надежда (конечно, неосновательная) — мать глупыхъ“.

Въ утренній обходъ (25-го августа) Жучковскій сказалъ намъ: „Господа, приготовьтесь (Яповичъ весь обратился въ слухъ)... Послѣ обѣда переведутъ васъ въ другой покой, а этотъ будутъ красить. Только прошу не портить тамъ стѣнъ и дверей, какъ здѣсь, въ противномъ случаѣ — посажу васъ внизъ“, — и выходя онъ, съ упрѣкомъ покачивая головой, указалъ рукой на стѣны, на которыхъ мы изобразили четыре обыденныя сцены изъ жизни въ десятомъ павильонѣ: 1) его, т. е. самого Жучковского, записывающаго по утрамъ: „до мы себе жычемъ“ (что мы желаемъ); 2) процедуру „шпацера“ (прогулки); 3) кухонныхъ слугителей, подающихъ намъ обѣдъ, обыкновенно не снимаемъ съ себя кепи, причѣмъ съ Яповичемъ дѣлается отъ одного запаха, исходящаго отъ нихъ, дурно, а я прихожу въ раздраженное состояніе и 4) нѣмага цирюльника, который ни за что не будетъ брить заключенному подбородка и вовсе не брѣть выглядывающихъ уныло или мрачно.

Въ ожиданіи перехода, я началъ лѣпить распятіе для сестры Яповича, Сусанны, о которой онъ часто говоритъ, — какъ вдругъ вносятся ему чистое бѣлье и „гостинцы“ (что до сихъ поръ обыкновенно дѣлалось по понедѣльникамъ).

¹⁾ Вслѣдствіе для песка были сдѣланы большіе деревянные ящики.

— Вотъ видите, сказала я,—даже бѣлье прислали, чтобы вы могли явиться домой чистымъ.

Радуетса, гадаеть, сомнѣвается...

Послѣ обѣда насъ перевели въ другой номеръ, сильно отдававшій свѣжею краской отъ пола и сыростью, но довольно свѣтлый, благодаря чистымъ, точно граненымъ толстымъ стекламъ, черезъ которыя однако жъ, какъ и черезъ прежнія, замазанныя зеленою краской, ничего не было видно.

Сейчасъ же принялись „пукать“, и узнали только фамиліи сосѣдей: внизу подъ нами сидѣли Красинскій, Янковскій и Войткевичъ, слѣва—знакомый уже Матѣевскій, переведенный также по случаю поправки прежняго его номера; справа—отвѣта не получили (тамъ, какъ потомъ оказалось, былъ ходъ на чердакъ).

Послѣ чая, Яповичъ тотчасъ легъ спать и уснулъ съ самыми свѣтлыми надеждами на завтра.

Наконецъ, настало оно, это завтра, 26-е августа. Утромъ явился вмѣсто Жучковскаго помощникъ его.

— Пожалуйста, обратился я къ нему,—купите мнѣ сегодня шампанскаго. Хотя и при такой печальной обстановкѣ, но все-таки хочу отпраздновать тысячелѣтіе дорогой Россіи.

— Кажется, тысячелѣтіе отложено на 8-е сентября, отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ не покупайте...

Обманутый надеждой, Яповичъ впалъ въ уныніе, а Матѣевскій даже заболѣлъ. Да и какъ было не заболѣть молодому человѣку! Еще въ послѣднее свиданіе жена говорила ему: „знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что тебя непременно освободятъ 26-го числа“.

Она, а за нею и онъ, повѣрили „вѣрнымъ источникамъ“, конечно, не зная, что въ программу ихъ входитъ мучить узниковъ ожиданіями.

Потѣшивъ нѣсколько Яповича, я, подъ вліяніемъ хереса, присланнаго намъ вмѣсто шампанскаго, разостлалъ посреди пола халатъ, вооружился стеариною свѣчей и, растянувшись на немъ, принялся громко „пукать“, вызывая на бесѣду Красинскаго. Дежурный при дверяхъ былъ „глупый“—такъ мы называли между собою одного невѣроятно тупоумнаго жандарма, котораго, однако жъ, въ лицо величали (чтобы нѣсколько укротить его дикую ревность къ плохо-понимаемымъ имъ служебнымъ обязанностямъ) „вашимъ благородіемъ“ и „коханымъ“, причемъ „поштовали“ его чѣмъ придется. Заслышавъ „пуканье“, онъ все чаще и чаще сталъ заглядывать къ намъ въ окошечко, но, „попоштованный“ уже папирской и яблокомъ, не рѣшился замѣтить мнѣ самъ, а науськалъ для этого „кровожаднаго“. Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и послѣдній, весь багровый, захлебываясь отъ бѣшенства, прорычалъ:

— Панове (господа), я скажу коменданту, что вы пугаете!.. И внизу тоже пугаютъ!..

— Непременно донесетъ, замѣтилъ Яповичъ, когда дверь захлопнулась снова.

Утромъ, 27-го декабря, явился Жучковскій.

По обыкновенію, я лежалъ въ постели и промолчалъ на его вопросъ: какъ здоровье?

— Послушайте, обратился онъ ко мнѣ, на этотъ разъ замѣтно волнуясь;—я уже пожилой человѣкъ, позвольте сказать вамъ, что вы не умѣете держать себя... съ нижними чинами, что вы, наконецъ, вчера цѣлый день стучали, какъ школьникъ...

— Слушайте, перебилъ его я,—прежде всего, если хотите говорить со мною, то выражайтесь порядочнымъ языкомъ.

— Порядочный человѣкъ вездѣ порядочно держитъ себя: и въ б.....ѣ, и въ н.....ѣ, и подъ арестомъ...

— Не вамъ судить о порядочности!

Жучковскій быстро вышелъ... И придумалъ же онъ съ сегодняшняго дня „порядокъ“ въ отместку мнѣ. Спишь ночью—крѣпко, сладко спишь, вдругъ въ третьемъ часу входитъ служитель со шваброй и начинаетъ стучать, громыкать, такъ что и глухаго бы оглушилъ.

— Что ты дѣлаешь?

— Полъ мою.

— Въ полночь?

— Такъ приказано...

— Что жъ это такое? говорю Люциферу, два утра не показывавшемуся къ намъ.

— Здѣсь такой „законъ“, такой „порядокъ“,—нельзя-же для одного мѣнять ихъ, отвѣтилъ онъ и даже проглотилъ слюни отъ наслажденія.

Такъ до 8-го сентября онъ мучилъ насъ. Нервы страшно распатались.

Въ этотъ знаменательный для Россіи день, мы убрали столъ фруктами и винами. Затѣмъ были „выведены на шпацерь“, и только что ступили въ аллею, какъ изъ дверей главнаго корпуса десятаго павильона вышелъ комендантъ Ермоловъ, покосился на насъ и, спросивъ что-то у слѣдовавшаго за нимъ помощника Жуковскаго, громко сказалъ: „Яповичъ, вы свободны.“ Отъ радости Яповичъ долго не могъ говорить; наконецъ, у него развязался языкъ: обѣщаніямъ не было конца—обѣщалъ писать, обѣщалъ навѣщать меня по недѣльникамъ...

Пришелъ жандармъ, сложилъ вещи и проводилъ его „на свободу“—счастливецъ!

Сегодня освободили 16 человѣкъ. Оставшимся въ заключеніи тоже дали почувствовать этотъ праздникъ, именно—обѣдомъ, длившимся ровно два часа! Рознесли пустой „крупничекъ“ и затѣмъ—

только черезъ полтора часа остальные, замѣчательныя по составу своему блюда: вареную кислую капусту, сушеное мясо и хрѣнь подъ водою. Отпраздновали!

На третій день томительнаго одиночества, въ три часа по полудни, дверь распахнулась и ко мнѣ внезапно вошелъ, печально улыбаясь, съ влажными глазами Г—скій-Д—вичъ, доселѣ сидѣвшій съ евреемъ Шмитдебергомъ.

— Ужасно было непріятно съ нимъ! говорилъ онъ, прибирая свою новую постель.—Мы другъ друга подозрѣвали въ шпионствѣ.

— А у меня былъ товарищъ—рѣдкій человекъ!

— Кто?

— Владиславъ Яповичъ.

— Чѣмъ же онъ рѣдкій?

Я рассказалъ объ его добромъ сердцѣ, и пр. и пр.

Слушая, Г—скій-Д—вичъ по временамъ какъ-то загадочно улыбался.

По увѣренію его, здѣсь сильно развито шпионство: съ „новичками“, особенно—молодыми, обыкновенно довѣрчивыми, неосторожными въ словахъ, или по сосѣдству съ ними,—нарочно сажаютъ „опытныхъ, тонкихъ шпионовъ“, которые, прикидываясь жертвами за политическія идеи, или дѣянія, ловко вывѣдываютъ ихъ образъ мыслей, иногда вырываютъ даже прямое признаніе и затѣмъ—„предаютъ“. Объ этомъ онъ слышалъ еще до ареста, да и здѣсь его предупреждалъ одинъ „очень осторожный“ сосѣдъ французъ, нѣкто Бонгардъ—гувернеръ графа Старжинскаго, того самого, сынъ котораго убилъ изъ револьвера жандармскаго полковника и сильно ранилъ, двухъ жандармовъ когда тѣ пріѣхали арестовать его (отца); по этому-то случаю Бонгардъ и попалъ сюда.

Потолковавъ еще о чужихъ дѣлахъ, мы остановились на своемъ и никакъ не могли разгадать причины, почему насъ до сихъ поръ держатъ здѣсь. Чтобы сколько нибудь выяснить себѣ это, Г—скій-Д—вичъ незамедлилъ письменно просить о свиданіи съ комендантомъ.

На слѣдующій день Ермоловъ прислалъ за нимъ:

— Что скажете?

— Мои вещи остались въ баталіонѣ, а онъ на дняхъ выступаетъ; не зная конфирмаціи, я не знаю, какъ распорядиться ими: отправить ли съ баталіономъ, или велѣтъ сюда привести.

— Всѣ, всѣ ваши драгоценности забирайте; почему знать, можетъ быть васъ посадятъ на тележку и повезутъ куда нибудь.

— Но мнѣ вѣдь по суду—отставка, возразилъ Г—скій.

— А-а! такъ вы отправляйте вещи съ баталіономъ, съ усмѣшкою сказалъ Ермоловъ.

— Вѣроятно, по конфирмаціи вамъ зачислять арестъ въ наказаніе, и больше ничего, прибавилъ какой-то аудиторъ.

Г—скій, передавая мнѣ это, радостно улыбался, потиралъ себѣ руки, жаль и мои, короче сказать—торжествовалъ, весь пронизанный надеждами. Да и какъ было не проникнуться ими, послѣ послѣднихъ фразъ рѣшителей судебъ населенія десятаго павильона?... Но дѣло все таки оставалось не разъясненнымъ, и мы придумали сказатьсь большими, рассчитывая, что „добрый докторъ ничего не скроетъ отъ насъ.“

Явился на другой день докторъ; но такъ какъ при немъ, по обыкновенію, неотступно находился жандармъ-ищейка (осматривавшій вновь арестованныхъ), то мы могли только узнать, что „конфирмація давно состоялась и уже напечатана.“

Почему-жъ намъ не объявляютъ ее? Удивительно!

Чтобы узнать о своей участи, я прибѣгнулъ къ маленькой хитрости: говорю помощнику Жучковскаго, въ утренній обходъ его:

— Пожалуйста, промѣняйте мое офицерское пальто на солдатское—вѣдь я солдатъ.

— Нѣтъ, еще подождите; вѣрно вамъ смягчили наказаніе... Совѣтую не мѣнять: вамъ...

Тутъ онъ осѣлся и быстро вышелъ.

— Чуть не проговорился! улыбнулся Г—скій, теперь уже навѣрняка рассчитывавшій на добрый исходъ дѣла.

Да и у меня начинается проявляться увѣренность, что солдатчина будетъ замѣнена переводомъ въ другой батальонъ, или, много-много—отставкою.

На слѣдующій день, 14-го сентября, употребилъ другую хитрость: говорю тому же помощнику (Жучковскій что-то глазъ не кажетъ къ намъ):

— Купите мнѣ штатскій костюмъ.

— Не совѣтую покупать.

Только и сказалъ.

„Или онъ подло издѣвается, или, дѣйствительно, все пустякомъ кончится,“ подумалъ я, принимаясь за поданное имъ мнѣ письмо отъ матери.

Передъ самымъ обѣдомъ неожиданно вошелъ къ намъ плац-майоръ съ большимъ фіолетовымъ носомъ.

— Господа—прохрипѣлъ онъ,—мнѣ приказано прочесть вамъ конфирмацію, но я—слышите—охрипѣлъ, потрудитесь ктонибудь прочесть вслухъ.

Я принялъ отъ него бумагу, и громко прочелъ. Бѣдный товарищъ мой былъ пораженъ, удивленъ, но только легкая блѣдность, сжатые губы и нервное подергиваніе рукъ выдавали это.

Обвиненія оставались почти безъ переменъ, но наказанія измѣнены: меня и З—на, отставивъ отъ службы, выдержать въ Новогор-

гивской крѣпости, ¹⁾ въ казематѣ, годъ; Г—скаго-Д—вича, отставивъ отъ службы, выдержать тамъ же девять мѣсяцевъ! Такое рѣзкое увеличеніе наказанія ему, главнымъ образомъ, мотивировалось тѣмъ, что „его показанія не заслуживаютъ довѣрія“ ²⁾. Относительно прочихъ участниковъ панихиды приговоръ суда остался безъ перемѣны.

По окончаніи чтенія, плацъ-адъютантъ объявилъ, что насъ велѣно перевести 19-го сентября, въ 4 часа пополудни, въ ордонансъ-гаузъ и оттуда уже отправить въ Модлинъ (Новогеоргиевскъ).

— Когда состоялась конфирмація? спросилъ у него Г—скій.

— 19-го августа.

— Слѣдовательно, и заключеніе по конфирмаціи намъ будетъ считаться съ 19-го августа?

— Нѣтъ, со дня вашего прибытія въ казематы.

Сидѣли цѣлый мѣсяцъ послѣ конфирмаціи здѣсь, и этотъ мѣсяцъ не считается за арестъ!

— Нельзя ли намъ въ баню, въ три мѣсяца-то изгразнились, просили мы плацъ-маіора, когда онъ выходилъ.

Объщались похлопотать... Но тѣмъ и кончилось.

Занились письмами, извѣщая добрыхъ товарищей и знакомыхъ о предстоящемъ намъ переселеніи—можетъ быть, они и добьются свиданія съ нами. Одно изъ моихъ писемъ, въ баталіонъ къ товарищамъ Тимофееву и Раввѣ, было безъ задержки отправлено; о судьбѣ же прочихъ (въ томъ числѣ и къ Яповичу, о которомъ—ни слуху ни духу), ничего опредѣленнаго сказать не могу.

Вечеромъ насъ перевели въ другой номеръ, по сосѣдству съ канцеляріей Жучковскаго, и вслѣдъ затѣмъ служитель внесъ чай.

— Посмотрите, ваше благородіе, сказалъ онъ, ставя его на столъ,—положенъ ли сахаръ; это, можетъ, не вамъ.

Попробовали—дѣйствительно какой-то отвратительный напитокъ безъ сахару.

— Не сладокъ и гадокъ, замѣтилъ Г—скій отплеываясь.

— Значить, здѣсь не всѣмъ даютъ чай съ сахаромъ? спросилъ я.—Вѣрно онъ прилипаетъ къ рукамъ Жучковскаго,—а?

Служитель лукаво улыбнулся, но чай не перемѣнилъ..

¹⁾ Извѣстной больше подъ старымъ своимъ названіемъ—„Модлинъ“.

²⁾ Онъ показалъ, что просилъ Виноградова отслужить панихиду по давно умершему дядѣ своему, но, по мнѣнію аудиторіата, ему, какъ католику, не было надобности обращаться за этимъ къ православному священнику, а если онъ участвовалъ на панихидѣ, то не иначе, какъ по разстрѣляннымъ государственнымъ преступникамъ, и съ политическими цѣлями.

IV.

Изъ цитадели въ крѣпость.

19-го сентября. Въ 9 часовъ утра, вскарабкавшись на окно, я увидѣлъ за воротами (десятаго павильона) двухъ офицеровъ; всматриваюсь—Тимофеевъ и Равва. Добрые товарищи прѣехали проститься со мною, но ихъ, какъ видно, не допустили.

Спустя часъ, вошелъ Жучковскій, а за нимъ — жандармъ съ вещами Г—скаго; впрочемъ, тутъ былъ и мой узелокъ, заключавшій въ себѣ старое одѣяло, 4 сорочки, 3 платка, 2 полотенца и 1 кальсонъ—все мое наличное имущество, о которомъ я давно уже забылъ и которому теперь обрадовался. Дѣло въ томъ, что за пять дней до ареста нѣкоторыя обстоятельства побудили меня все продать, за исключеніемъ, конечно, того, что было на мнѣ, и вотъ этого, никому не нужнаго старья, которое я такъ и бросилъ на произволъ судьбы въ своей квартирѣ, а самъ не-легкѣ поселился временно у одного пріятеля... Какъ же было не обрадоваться, точно съ неба упавшей, хотя бъ и рвани, когда здѣсь, въ десятомъ павильонѣ, еще даютъ нѣкоторымъ заключеннымъ казенное бѣлье, смѣняя его два раза въ недѣлю, а тамъ, въ казематахъ—какъ говорили мнѣ,—хоть безъ сорочки ходи, если не имѣешь своей!

— Господа, приготовьтесь-же въ четыремъ часамъ, напомнилъ намъ Жучковскій выходя.

Нетерпѣніе наше поскорѣ вырваться изъ этой преисподней возростало съ часу на часъ и достигло, кажется, шакішп'а, какъ вдругъ является опять Жучковскій и объявляетъ, что сейчасъ „пришло приказаніе“ отправить насъ прямо отсюда, и не въ 4, а въ 7 часовъ вечера. Потомъ уже узнали мы, что много товарищей и знакомыхъ собрались въ цитадели, чтобы проститься съ нами, и вотъ тюремщики перемѣною часовъ отправки помѣшали этому... скорѣе, конечно, по своему жестокосердію, чѣмъ изъ страха, чтобы не произошло чего.

Наконецъ, въ половинѣ девятаго часа, раздался шумъ подѣзжающихъ экипажей и гдѣ-то вблизи затихъ; слышно было даже фырканье коней. Мы приготовились. Спустя нѣсколько минутъ, дверь распахнулась, вошли два жандарма и забрали наши вещи. Я громко стукнулъ бутылкой въ стѣну къ сосѣду и, выйдя въ коридоръ, крикнулъ во все горло: Жегнамъ васъ, коллеги! (прощайте, товарищи!)

— Что это за шумъ! Кто кричалъ? накинулся на насъ, наливаясь кровью, Жучковскій, высочившій изъ своей канцеляріи.

— Это я прощался съ заключенными.

— Что за школьничество! Вы все время больше всѣхъ позволяли себѣ!.. Непремѣнно надо всѣмъ дать знать, что такой-то вотъ уѣзжаетъ.

— Ничего нѣтъ особеннаго въ моемъ поступкѣ; я и со стѣнами, то бишь — съ жандармами простился, а тѣмъ болѣе имѣю право съ товарищами по заключенію...

— Такъ порядочные люди не ведутъ себя!

— Оставьте порядочность въ покоѣ, не вамъ судить о ней! И я отвернулся отъ него, мелькомъ взглянувъ на стоявшую въ сторонѣ группу: плацъ-адъютанта, прибывшаго спровадить насъ, четырехъ вооруженныхъ, по-дорожному одѣтыхъ, жандармовъ и вахмистра съ фонаремъ въ рукѣ—на дворѣ было уже совершенно темно. Въ сопровожденіи этой шестерки мы вышли за ворота десятаго павильона, гдѣ стояли двѣ почтовые телѣжки; въ одну сѣлъ Г—скій-Д—вичъ и съ нимъ два жандарма, въ другую—я, тоже съ двумя „небесными“ (какъ ихъ называютъ нѣкоторые заключенные); одинъ помѣстился съ ящикомъ, лицомъ ко мнѣ, другой—рядышкомъ со мною, и наша телѣжка, по распоряженію плацъ-адъютанта, тронулась первою. Вырвавшись изъ темной цитадели, поѣхали по городу, и свернувъ за замкомъ какимъ-то темнымъ переулкомъ на старыи мостъ, вскорѣ очутились за заставой. Отсюда—прямо дорога въ казематы.

— А что, трудна ваша служба? спросилъ я жандармовъ, подчужихъ папиросами.

— Не дай Богъ, какъ трудна! отвѣчалъ визави.—Ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою; за то жалованье больше полковыхъ.

— Кто везъ Сливицаго и Арнгольда? продолжалъ я.

— Нашъ капитанъ (Жучковскій) съ вахмистромъ... Ихъ везли очень строго: конвой изъ казаковъ—болѣе пятидесяти человекъ,—нигдѣ не останавливались и имъ не позволяли даже съ телѣги выходить.

Въ это время я замѣтилъ въ канавѣ зайчика, о чемъ и сообщилъ спутникамъ.

— Это нехорошо, проговорилъ визави.—А не видали, ваше благородіе, не перебѣжалъ ли онъ намъ дорогу?

— Перебѣжалъ, нарочно сказалъ я, желая знать его предразсудки на этотъ счетъ.

— Ну, это гадко: значить, или ось, или колесо сломается, а можетъ что и хуже будетъ.

— Ге, пустяки, возразилъ другой жандармъ, хохолъ, махнувъ съ важностью рукой.

— Ну, нѣтъ; говорить...

— Ге, пустяки, перебилъ опять съ тѣмъ же жестомъ хохолъ.

— Корчма, поворачиваясь къ намъ, возвѣстилъ ямщикъ и сталъ просить, чтобы я угостилъ его водкой.

— Съ удовольствіемъ, любезный другъ, но вотъ начальниковъ спроси... Я и самъ бы выпилъ, да и вы бы всѣ, отнесся я къ жандармамъ—выпили,—холодно.

Они согласились. Лошади остановились; ямщикъ вынесъ изъ корчмы кварту водки и колбасы. Я отпилъ глотокъ и передалъ жандармамъ.

— Что же вы, ваше благородіе, такъ мало? Извольте обижать себя, сказалъ визави.

— Не пью, любезный,—пейте.

И кварта мигомъ опорожнилась.

Жандармы сдѣлались разговорчивѣе, но не откровеннѣе (какъ я ни старался вызвать ихъ на это)—видно, напутствіе Жучковскаго дѣйствовало и на хмѣльные головы. Ежели одинъ проговаривался, то другой перебивалъ его: „Что ты, братъ, врешь,—развѣ это такъ было! Не вѣрете ему, ваше благородіе“, и начиналъ поправлять, но такъ неловко, что это вызывало у меня улыбку.

Видны огни станціи „Яблони“, отстоящей отъ Варшавы на 16 версть.

Не успѣла наша телѣжка остановиться передъ станціоннымъ домомъ, какъ оттуда выскочило нѣсколько молодыхъ людей и чуть не на рукахъ внесли меня, черезъ наполненную жандармами маленькую темную переднюю, въ ярко освѣщенную комнату, гдѣ З—нъ, развалившись на диванѣ передъ столомъ съ закусками и винами, громко разлагольствовалъ что-то; онъ былъ уже готовъ, т. е. порядкомъ подвыпивши. Г—скій-Д—ичъ, хозяйка съ семьей и двое какихъ-то проѣзжихъ, сидя на стульяхъ, внимательно слушали его. При моемъ появленіи всѣ встали; З—нъ порывисто подошелъ ко мнѣ и троекратно облобызалъ (хотя я положительно не былъ съ нимъ знакомъ и до паникиды, какъ и съ Г—скимъ, нигдѣ не встрѣчался). Хозяйка радушно пригласила закусить. Приемъ, оказанный намъ ею, безспорно истекалъ отъ чистаго сердца, но одно не понравилось мнѣ—это, когда она, обратясь къ З—ну, по-польски сказала:

— Можетъ быть, въ Россіи не заведено такъ встрѣчать бѣдныхъ гонимыхъ поляковъ, но здѣсь мы всегда угощаемъ отъ себя всѣхъ, безъ исключенія, политическихъ узниковъ...

Изрядно „упоштованные“ жандармы заявили З—ну, что „пора“. Спустя полчаса, выѣхалъ и Г—скій, а еще черезъ полчаса—и я.

— Такое правило, чтобы не вмѣстѣ ѣхать, пояснилъ мнѣ визави.

Въ часъ ночи прибыли на станцію „Новый дворъ“, расположенную въ 15-ти верстахъ отъ „Яблони“. Тутъ опять всѣ встрѣтились, но заспанный нѣмецъ-хозяинъ быстро выпроводилъ насъ, одного за другимъ, въ Модлинъ, до котораго отсюда всего три версты.

Наконецъ, въ исходѣ втораго часа, моя телѣжка въѣхала въ крѣпостныя ворота и тутъ остановилась, „чтобы не всѣмъ заразъ явиться въ ордонансъ-гаузъ“, какъ объяснилъ мнѣ „троихъ“ оглянувшій хохолъ.

— Здѣсь есть унтеръ-офицеръ ***? отнесся онъ затѣмъ къ караульному солдату, выѣзая изъ телѣги.

— Не можемъ знать, ваше благородіе, отвѣтилъ тотъ съ-просонья, или не разглядѣвъ въ темнотѣ спрашившаго.

— Экъ его!.. Все ему благородія мерещатся, замѣтилъ я шутливо.

— Нельзя... вѣдь солдатикъ.. въ день уморится... Тоже вѣдь человекъ, спать хочетъ, резонировалъ хохоль, все поправляя свое кепи, и, увидавъ караульнаго унтеръ-офицера, съ большою важностью продолжалъ:—Вотъ здѣсь письмо я привезъ... Умѣете ли вы грамотѣ?

— Разбираемъ-съ.

— Такъ вотъ, пожалуйста, отдайте унтеръ-офицеру ***... Это вотъ нашъ взводный написалъ... Такъ вы, пожалуйста, отдайте; скажите, что вотъ, молъ, нашъ взводный пишетъ... А завтра пусть и отвѣтъ дадутъ... Завтра пусть приходятъ въ ордонансъ-гаузъ—я тамъ буду... Такъ вотъ и скажите, что письмо отъ нашего взводнаго...

И вѣрно долго бы еще длился этотъ безсвязный монологъ, если бѣ ямщикъ по чьему-то приказанію не ударилъ по лошадямъ; разболтавшійся подѣ вліяніемъ пѣнника хохоль быстро вскочилъ въ телегу. Спустя нѣсколько минутъ, мы уже входили въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ застали только писаря. Принявъ отъ жандармовъ мой узелокъ и еще что-то завернутое въ тряпицу, вѣроятно—бумаги, онъ вышелъ и, вернувшись минутъ черезъ десять, молча сдѣлалъ намъ знакъ слѣдовать за собой. Пройдя шаговъ сто по улицѣ, спустились въ подземелье, къ деревянной рѣшеткѣ, за которою направо тѣснился караулъ, на лѣво стоялъ плацъ-маіоръ (Износковъ) съ какимъ-то длиннымъ офицеромъ и нѣсколькими жандармами.

— Войдите, сказалъ мнѣ плацъ-маіоръ.—Какъ васъ зовутъ?

— О—въ.

— Мы еще увидимся,—и онъ слегка кивнулъ головой.

Меня ввели въ номеръ—такъ и пахло сыростью и холодомъ. Нара вмѣсто кровати, маленькій столикъ и чадная лампочка. Промѣлъ—9 шаговъ длины и 4 ширины. Такъ вотъ они, казематы—мое новое жилище на годъ. Такъ сюда-то я рвался изъ ада Жучковскаго... Боже мой! Какъ все это тяжело подѣйствовало на меня; но было уже три часа пополудни, усталость взяла свое, и я заснулъ какъ мертвецъ.

О—въ.

(Продолженіе будетъ).

РОССІЯ ПОДЪ ПЕРОМЪ НОВѢЙШИХЪ РЕФОРМАТОРОВЪ.

I.

ПРОШЛЫЙ годъ будетъ надолго памятенъ современникамъ. Начало его обѣщало много хорошаго. Передъ первымъ марта многія изъ иллюзій, которыми питалось общество, перестали казаться не осуществимыми. Печать, подобно тому, какъ это было въ шестидесятихъ годахъ, осмѣливалась предлагать свои услуги для административныхъ и законодательныхъ работъ правительства. Земство ждало возврата утраченной самостоятельности. Съ уничтоженіемъ Третьяго отдѣленія ожидалось и уничтоженіе его функций: административной высылки и исключительнаго судопроизводства. Поговаривали объ отмѣнѣ военнаго положенія тамъ, гдѣ оно существовало, и объ окончательномъ успокоеніи общества. Только немногіе проницательные люди съ недоувѣріемъ выслушивали всѣ эти надежды. Имъ была извѣстна та шаткость и неустойчивость политики, которая то хоронитъ, то воскрешаетъ Лазаря. И дѣйствительно—ужасное событіе перваго марта вызвало значительное измѣненіе въ направленіи нашей внутренней политики; къ лучшему или нѣтъ—мы не беремся рѣшать. Мы укажемъ лишь на тотъ партійный духъ, который всегда пробуждается въ обществѣ, когда въ немъ совершается крупное событіе. Пробужденіе это сказывается какъ въ правительственныхъ перемѣнахъ, такъ и въ литературѣ. Мы избрали послѣднюю предметомъ нашей статьи. Цѣлая масса брошюръ и книгъ появилась за послѣднее время; множество новыхъ журналовъ возникаетъ, исчезаетъ и вновь нарождается. Нѣтъ ни денегъ, ни подписчиковъ, ни свободы слова,—а между тѣмъ каждый хочетъ внести свою лепту въ партійную борьбу. Мы объясняемъ это тѣмъ, что вопросы, волновавшіе общество еще ранѣе перваго марта, вызывали каждого мысля-

щаго человѣка въ Россіи, сказать свое мнѣніе о современномъ положеніи дѣлъ. Оно такъ и случилось: русскіе писатели не только у себя дома, но и за-границей успѣли выразить разнообразныя взгляды, которые по своимъ характернымъ особенностямъ могутъ быть, въ сущности, разбиты на двѣ группы.

Первая глава нашей статьи имѣетъ въ виду исключительно произведенія писателей, съ извѣстными дѣлами намѣренно извращающихъ истину. Мы относимъ къ числу ихъ докладъ г. Богушевича Вольно-Экономическому обществу по поводу изслѣдованій профессора Янсона— „О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, „Историческое призваніе русскаго помѣщика“ г. Неплюева, „Смута и ея настоящая причина“ г. Леонарда, политическую экономію г. Тизенгаузена для простаго народа подъ заглавіемъ „Бережь и трудъ“,—и многое другое въ этомъ же родѣ. За-границею, Берлинъ и Штутгартъ со своими придворными типографіями грозятъ сдѣлаться для Россіи мѣстомъ втораго изданія „Московскихъ Вѣдомостей“. Оттуда намъ шлютъ: „Нашу бѣдность“, „Бунтаря въ деревнѣ“, „Соціальныхъ реформаторовъ“ Г. Д. и „Что народу нужно?“ того же автора.

Другая глава нашей статьи будетъ посвящена произведеніямъ писателей, съ которыми можно не соглашаться, но честное отношеніе которыхъ къ дѣлу и основательное знакомство съ предметомъ находится внѣ подозрѣнія. Такими мы считаемъ г. Панаева—„Общинное землевладѣніе и крестьянскій вопросъ“, г. Новосельскаго—„Соціальныя вопросы въ Россіи“ и автора „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“. Мы не будемъ касаться ни журнальныхъ и газетныхъ партій, ни столь извѣстныхъ дѣятелей, какъ Самаринъ, кн. Васильчиковъ и немногіе другіе. Мы хотимъ говорить лишь о новыхъ публицистахъ, громко заявившихъ о себѣ въ 1881 году.

Писатели, сгруппированные нами въ первой главѣ нашей статьи, очевидно русскіе люди, хотя многіе изъ нихъ и не подписали своей фамиліи. Они знаютъ Россію, и нѣкоторые, несомнѣнно, знакомы съ европейскими порядками и наукою. Мы вправѣ требовать отъ такихъ людей политическаго идеала, разъ они недовольны существующими порядками и дѣятелями. А что они недовольны—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Посмотрите, какъ, напримѣръ, г. Неплюевъ относится къ реформамъ Петра I, къ наказамъ императрицы Екатерины II и къ 19-му февраля 1861 года: „Переѣнились отношенія, но измѣнились-ли мы, русскіе, въ людей „изъ игрушечнаго дѣла людшекъ“?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Крестьяне не имѣютъ достаточнаго надѣла; а гдѣ онъ есть, тамъ, по отсутствію агрономическихъ свѣдѣній и неимѣнію капитала, они истощаютъ землю и, пропившись, бросаютъ ее. Недоимки, неурожай, голодъ, эпидемическій падежъ скота, дифтеритъ и сифилисъ—всюду. „Таково экономическое положеніе крестьянъ послѣ 19 февраля“, по увѣренію г. Неплюева. Къ этому присоединилось еще „тлетворное

ученіе проходимцевъ“; привилегированные же классы артистически проживаютъ жизнь или рутинно убиваютъ время: „вино, карты, продажныя женщины—все это въ огромномъ излишествѣ, до пресыщенія, въ формѣ болѣе изящной въ столицѣ, болѣе грубой—въ провинціи“. Изъ такого-то контингента нравственно-падшихъ людей набираются чиновники государственной службы, гражданской или военной; точно такіе же господа занимаются и хозяйствомъ, и служатъ по выборамъ.

Такова печальная картина, въ которой г. Неплюевъ соединяетъ и чиновничество, и частное хозяйство, и земство—однимъ словомъ, все, о чемъ въ томъ же духѣ говорили „неблагонамѣренные люди“.

Г. Богушевичъ также обвиняетъ земства въ томъ, что всѣ земскіе отчеты и статистическія данныя тенденціозны, намѣренно подтасованы съ цѣлью доказать, что у насъ все идетъ худо и правительство ничего не смыслитъ въ дѣлѣ реформъ. Онъ доказываетъ, что такимъ поддѣльнымъ матеріаломъ пользовался г. Янсонъ, когда дѣлалъ выводы о малоземели крестьянъ и чрезмѣрности платежей. Г. Богушевичъ громитъ земства и направленіе г.г. Янсона, Энгельгардта, труды которыхъ доказываютъ, что частныя хозяйства рушатся, и потому печась о нихъ государству нѣтъ нужды. Г. Богушевичъ недоволенъ земствомъ и писателями аграрно-общиннаго отдѣла. Г. Леонардъ недоволенъ Вольтеромъ и тѣмъ умственнымъ движеніемъ конца XVIII вѣка, которымъ заразились высшіе классы Европы для салоннаго препровожденія времени, а разночинцы и простой народъ—для возбужденія смуты и покушеній. Это революціонно-философское направленіе, имѣвшее цѣлью не улучшеніе нравственной природы человѣка и измѣненіе вѣшнихъ условій его жизни,—до того испортило людей, что „имперіи и республики одинаково растлѣваются въ наше время ядомъ, сидящимъ въ современномъ человѣкѣ“. Недовольство г. Леонарда, ставшаго на такую точку зрѣнія, разумѣется, обрушивается и на правительство, и на имущіе классы, и на поповъ, купцовъ, науку, литературу,—на все существующее. Авторъ же „Соціальныхъ реформаторовъ“, подъ предлогомъ несостоятельности коммунистическихъ попытокъ Миноса, Лигурга, Платона, христіанскихъ монастырей, Томаса Мура, Компанелли, анабаптистовъ, Бабефа, Фихте, С. Симона, Фурье, Овена, Луи-Блана, Лассалля, Маркса и русскихъ революціонеровъ,—нападаетъ въ экономической сферѣ на все свѣтлое, прогрессивное, что сдѣлано у насъ, или теоретически намѣчено послѣднимъ двадцатилѣтіемъ. Имѣя самыя смутныя свѣдѣнія о коммунистическихъ попыткахъ, Г. Д. отчасти по незнанію, а, вѣроятнѣе всего, по тенденціозному отношенію къ предмету, намѣренно извращаетъ всѣ факты, безцеремонно подтасовываетъ карты противника и издаетъ соціально-экономическій трактатъ, полный тенденціознаго мрака. Онъ нападаетъ на тѣ экономическія начала, которыя противны нынѣшнему способу обогащенія хозяина и обезпеченія рабочихъ. Въ древнемъ мірѣ, коммуны держались рабствомъ, деспотизмомъ старшихъ и

вообще большинства надъ личностью; такъ и теперь, говоритъ Г. Д., „ассоціаціи, даже получившія даромъ (или съ правительственнымъ выкупомъ) машины и фабрику, могутъ еще менѣе обезпечить быть рабочихъ, чѣмъ существующій буржуазный строй“ (стр. 73). Древній Востокъ и современный Западъ служатъ Г. Д. предлогомъ для нападенія на Россію за ея стремленіе завести правильныя артели, улучшить и укрѣпить крестьянскую общину, создать налоги на роскошь и прогрессивный налогъ, ослабить административное давленіе на мѣстное самоуправленіе. „Въ Россіи—говоритъ Г. Д.,—гдѣ существуетъ много артелей рабочихъ, какъ-то—землекоповъ, плотниковъ, каменщиковъ и проч., мы видимъ между членами постоянныя ссоры, которыя часто ведутъ къ распаденію артели. Рядчикъ, обыкновенно смысленный крестьянинъ, собираетъ нѣсколько своихъ односельцевъ и ведетъ ихъ въ ту губернію, гдѣ онъ надѣется найти работу, заключаетъ условіе и требуетъ задатокъ, который обыкновенно пропивается артелью; когда приступаютъ къ работамъ, то оказываются лѣзвивые,—ихъ ругаютъ, потомъ бьютъ и, наконецъ, окончательно выгоняютъ изъ артели. Чаше же бываетъ, что члены артели, пріискавъ себѣ выгодную работу на сторонѣ, бросаютъ артель и уходятъ. Тогда рядчикъ остается одинъ и, конечно, не можетъ исполнить принятыхъ имъ условій. При крѣпостномъ правѣ артели лучше вели свои дѣла, потому что въ случаѣ ихъ неисправности наниматели жаловались помѣщику. Но нынѣ, когда съ артели ничего нельзя взыскать по случаю ея несостоятельности, ее менѣе охотно нанимаютъ, чѣмъ отдѣльныхъ рабочихъ; поэтому артели стали исчезать“.

„Съ нѣкоторыхъ поръ—продолжаетъ авторъ—распространились въ Россіи крестьяне-предприниматели, которые берутся исполнять работу, нанимаютъ отъ себя рабочихъ, слѣдятъ за ихъ трудомъ и прогоняютъ нерадивыхъ. Судя по успѣху подобнаго исполненія работъ, должно полагать, что рабочія артели скоро исчезнутъ въ Россіи. Это понятно,—ассоціація рабочихъ вводитъ анархію въ промышленность, столь же губительную, какъ анархія въ государственномъ строѣ, и оправдываетъ нашу пословицу: у семи нянекъ дитя безъ глаза“.

Итакъ: ассоціаціи рабочихъ—есть анархія въ промышленности, а кулацкая или крѣпостная артель будетъ порядкомъ и законностью!

На многихъ страницахъ читатель найдетъ любопытныя разсужденія о томъ, какъ осуществленіе идей Луи-Блана и Лассаля породило бы конкуренцію между рабочими ассоціаціями какъ одного и того же производства, такъ и различныхъ: капиталъ бѣжалъ бы за границу и рабочимъ пришлось бы эксплуатировать другъ друга еще ужаснѣе, чѣмъ это дѣлаютъ нынѣшнія отношенія труда и капитала. Капиталистическій способъ производства богатствъ болѣе гарантируетъ рабочаго, чѣмъ конкурирующія ассоціаціи, или сотрудничающія при помощи своихъ депутатовъ, рѣшающихъ вопросы коллективнаго

производства по большинству голосовъ: „горе тѣмъ промышленностямъ, которыя останутся въ меньшинствѣ!“ О крестьянской общинѣ Г. Д. разсуждаетъ еще оригинальнѣе, и для всякаго, кто хоть немного знакомъ съ литературою общины и артели, не остается сомнѣнія на счетъ того, пишетъ ли авторъ всю эту чепуху по невѣдѣнію, или сознательно жечь. Въ разныхъ мѣстахъ онъ говоритъ: „Наши революціонеры, съ своей точки зрѣнія, совершенно правы, основывая всѣ свои надежды на русской сельской общинѣ, такъ какъ они въ ней находятъ коммунистическое начало, выражаемое въ общемъ имуществѣ, въ полномъ властию схода надъ личностью и имуществомъ отдельныхъ лицъ и въ управленіи толпою; остается примѣнить трудъ сообща и дѣленіе урожая. Кажется въ Россіи необъяснимымъ сочувствіе къ общинному владѣнію, часто выражаемое людьми, считающимися образованными, которые отверещиваются отъ нигилизма. У насъ, напр., принято называть крестьянъ-общинниковъ, выкупающихъ общественную землю, крестьянами-собственниками, когда они, въ сущности, имѣютъ только право и обязанность пользованія неизвѣстнымъ имъ клочкомъ, на неопредѣленный срокъ и (по случаю недоимщиковъ) за неопредѣленную плату. Можетъ ли крестьянинъ располагать землею?—нѣтъ; поэтому онъ—не собственникъ.¹⁾ Собственникъ представляетъ вездѣ охранительное государственное начало, немущій—разрушительное, поэтому русскій крестьянинъ, личный собственникъ—охранитель, а общинникъ можетъ сдѣлаться разрушителемъ. Кроме того, общинное владѣніе подкапываетъ основу семейства, чего добиваются коммунисты, такъ какъ оно даетъ сыну право требовать на сходѣ отъ отца равную съ нимъ часть его состоянія. При такомъ порядкѣ, уваженіе къ родителямъ исчезаетъ. — Либерализмъ былъ всегда и вездѣ враждебенъ общинному владѣнію, потому что стремится къ наибольшей свободѣ дѣйствій отдельныхъ лицъ; община же дѣлаетъ человѣка рабомъ большинства на сходѣ; поэтому можно защитниковъ общины назвать ерѣшниками. Въ экономическомъ отношеніи объ общинномъ владѣніи говорить не стоитъ; кажется, всѣ согласны съ тѣмъ, что оно служитъ одной изъ главныхъ причинъ бѣдности нашего сельскаго населенія“.

Чѣмъ больше общественныхъ факторовъ затрогиваетъ Г. Д., тѣмъ недовольство его ими растетъ *crescendo*. Ему кажется страннымъ, что „нѣкоторые монархи даже въ XIX в. желаютъ придерживаться демократическаго направленія. Это въ нихъ остатокъ средневѣко-

¹⁾ Не могу не привести по этому вопросу мнѣнія г. Панаева, о которомъ мнѣ придется говорить въ другомъ мѣстѣ: „Господь далъ мнѣ руки; я ими пользуюсь и извлекаю изъ нихъ всевозможную выгоду, но продать, заложить, или совсѣмъ лишити себя ихъ—не могу (развѣ сойду съ ума и отрублю). Есть ли рука моя собственность, или нѣтъ? Что можетъ человѣкъ дѣлать съ руками, то же самое общинникъ можетъ дѣлать съ землею.“ (стр. 53—54. В. А. Панаевъ: „Общинное землевладѣніе и крестьянскій вопросъ“).

выхъ понятій, когда могущественный феодализмъ съ ними боролся; нынѣ это—анахронизмъ, опасный для самихъ монарховъ.“ Людовикъ XVI погибъ потому, что въ дворянствѣ видѣлъ соперника королевской власти, а въ мѣщанствѣ и въ народѣ—опору. Нынѣшніе либеральные государственные люди, также ведутъ страну къ гибели, если копируютъ изъ себя Бриенна, Неккера или Тюрго. Что касается мелкаго „служиваго міра или втораго дворянства,“ то оно вмѣстѣ съ журналистами, адвокатами и разночинцами, побуждаемое завистью къ имущимъ, всегда вызывало революціи. „Если бы во всѣхъ департаментахъ Франціи временъ 1789 года помѣщики руководили жителями, какъ въ Вандеѣ, то Людовикъ XVI остался бы на престолѣ. Чиновничество не только его не спасло, но еще доставило дѣятелей для революціи. Интересы бюрократовъ противны общественной пользѣ. Напримѣръ, чѣмъ болѣе правительство расходуетъ денегъ на государственное управление, тѣмъ лучше живетъ чиновникамъ, но зато тѣмъ болѣе взимается налоговъ съ производительнаго населенія, въ пользу непроизводительнаго.—А такъ какъ потребность населенія заключается въ томъ, чтобъ платить не много налоговъ, то вліяніе на законодательство бюрократовъ, ничего не производящихъ, но живущихъ на чужой счетъ, должно быть устранено. Чтобъ усилить народную производительность, здравый смыслъ намъ указываетъ, что законы должны согласоваться съ требованіями производителей, т. е. что они должны пользоваться преобладающимъ вліяніемъ“. На дѣлѣ же мы видимъ, что „разорительное чиновничье управленіе лишаетъ даже земство той популярности, которая ему необходима.“ Что касается голоднаго, но „обученаго пролетарія,“ то опасность отъ него обществу слишкомъ очевидна. Для доказательства этого, Г. Д. пользуется сочиненіями о Россіи Кюстина и Журдіе. Разсужденія этихъ господъ ничѣмъ не равняются отъ разсужденій г. Неплюева: „Какимъ бы геніемъ ни обладалъ пролетарій, какъ бы высоко образованъ онъ ни былъ, какъ бы ясно онъ не понималъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ,—все же ему доступна одна только проповѣдь своихъ убѣжденій; обращенная къ народу, это можетъ быть только революціонная проповѣдь мщенія, или ненависти, или гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Не имѣя ни капитала, ни матеріала, нужнаго для созиданія, они могутъ только разрушать...“ („Историческ. призывъ русск. помѣщика,“ 12 стр.) Дворянство русское, а) служилое, какъ и вездѣ, всегда революціонно, б) помѣстное же только то стойтъ „за собственность, законность и порядокъ,“ которое, имѣя большое недвижимое имущество, можетъ безвозмездно служить земству и только при этомъ условіи имѣть право требовать отъ правительства политическихъ правъ на мѣстное самоуправленіе. Мелкое же помѣстное дворянство, бьющееся въ земствѣ изъ-за хорошаго оклада, также какъ и городское чиновничество, хлопочетъ о политическихъ правахъ для народа, въ надеждѣ руководить толпою и съ ея помощью захватить въ свои

руки власть.—Общество наше также не достойно того, чтобы быть опорой спокойствія: „Когда правительство призывало общество къ содѣйствію противъ нигилизма, то оно оказалось безсильнымъ, потому что охранители лишены значенія въ уѣздахъ. Приключеніе съ председателемъ уѣздной управы Булюбашемъ доказываетъ, что это содѣйствіе даже наказывается по суду.“ „Охранительную силу“ конечно не можетъ быть обученный пролетарій, мелкій помѣщикъ, либеральный судья, купецъ или фабрикантъ, занятый по горло личными дѣлами; окрителями могутъ быть „лорды.“ Если у насъ ихъ нѣтъ,—надо озаботиться этимъ и создать ихъ искусственно, чтобы они, дѣйствуя за-одно съ центральнымъ правительствомъ, заправляли бы и мѣстными дѣлами, неся службу безвозмездно и обязательно. Судебное вѣдомство также подлежитъ коренному преобразованію. „Если у насъ мало охранительныхъ силъ, то нельзя допустить для судей то широкое выборное начало, которое практикуется у насъ. Мы видѣли, что это начало дѣлало составъ присяжныхъ таковымъ, что возможны были оправданія Вѣры Засуличъ“.

Относительно народнаго образованія, Г. Д. обвиняетъ государство, земство и думы въ воровствѣ и въ расадничествѣ социалистовъ и революціонеровъ. „Государство нуждается—говоритъ онъ—только въ опредѣленномъ числѣ лицъ съ внешнимъ обученіемъ, которое, конечно, можетъ быть набрано изъ числа состоятельныхъ семействъ. Эти семейства могутъ платить за обученіе то, что оно стоитъ государству. Кромѣ того, спрашивается—какое право имѣютъ люди, желающіе заниматься науками, требовать, чтобы другіе платили за осуществленіе ихъ желаній? Государство, земство и городскія думы на свои расходы имѣютъ только налоги, собираемые съ населенія. Справедливо ли, напримеръ, съ крестьянина или ремесленника брать деньги для того, чтобы дѣти титулярныхъ совѣтниковъ знали, какъ Аннибалъ воевалъ и какія есть бабочки въ Бразиліи? Только старость или болѣзнь даютъ человѣку право жить на чужой счетъ; сколько здоровыхъ, молодыхъ людей въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ живутъ подаеніемъ и обучаются на чужой счетъ, не находя подобное положеніе для себя унизительнымъ. Стипендіи и разнаго рода вспомошествованія—та же милостыня, которая развращаетъ человѣка, если она не вызвана его положеніемъ, при которомъ онъ не могъ бы заниматься физическимъ трудомъ. Нищенство преслѣдуется на улицахъ; почему же оно поощряется въ отношеніи къ учащейся молодежи? Довольно странно, чтобы государство, земство, думы и общества тратили деньги на образованіе социальныхъ революціонеровъ!“

Вѣдная университетски-обученая молодежь—это все кандидаты на революцію, особенно тѣ изъ нихъ, которымъ неудастся кончить курсъ. Г. Д. совѣтуетъ уничтожить стипендіи и возвысить стоимость высшаго образованія; тогда интеллигенція будетъ только изъ зажиточныхъ классовъ, могущая служить охраною вѣры, царя и отечества

Университеты, содержимыя правительствомъ, просто-на-просто закрыть и сказать зажиточнымъ классамъ, что если они хотятъ обучать своихъ дѣтей высшимъ наукамъ, то пусть на свои средства строятъ университеты, содержатъ профессоровъ и администрацію; потому что— „какое право имѣютъ люди, желающіе заниматься наукою, требовать, чтобы другіе платили за осуществленіе ихъ желаній?“ Еще болѣе несправедливо требованіе стипендій: „Конечно, люди имѣютъ право изъ своихъ денегъ выдавать стипендію кому имъ угодно, но государство, земство и думы не имѣютъ этого права, такъ какъ подобное дѣйствіе значило бы—взять у одного и передать другому; это своего рода нарушеніе права собственности“. Земство въ другомъ еще отношеніи посягаетъ на собственность—посредствомъ произвольнаго обложенія налогами земли помѣщиковъ. „Сельское хозяйство требуетъ вѣрнаго знанія дохода и расхода; но когда размѣръ расхода неизвѣстенъ, по случаю земскаго произвола, — предпріятіе дѣлается рискованнымъ и не привлекаетъ капитала“. Вотъ почему нѣтъ ни у кого охоты теперь покупать имѣнія, или даже устраиваться въ тѣхъ, которыя приобрѣтены раньше. Съ точно такимъ же отвращеніемъ Г. Д. относится къ народному хозяйству, къ крестьянскому самоуправленію, къ сельскому духовенству.

„Говорятъ—прибавьте жалованья священникамъ, тогда они будутъ хороши. Это чиновничье воззрѣніе не вѣрно“.—Духовенство обезпечено усадьбою и землею, требами и любовью крестьянъ, которые даромъ „батькишкѣ“ обрабатываютъ землю. Но духовенство хочетъ жить по-помѣщичьи, а не по-крестьянски; оттого оно бѣдствуетъ и теряетъ авторитетъ. „Чѣмъ богаче будетъ жить духовенство, тѣмъ болѣе оно удалится отъ крестьянина, который довѣряетъ только людямъ, живущимъ съ нимъ одною жизнью“.—Крестьянское самоуправленіе нуждается въ помѣщичьемъ контролѣ надъ сходомъ, чтобы оберегать права крестьянина отъ деспотизма и подкупа большинства. Безъ вотчиной полиціи уничтоженіе крѣпостнаго права замѣнилось общественнымъ крѣпостнымъ правомъ. Народное хозяйство, покоящееся на общинномъ землевладѣніи,—при которомъ хозяинъ и работникъ совмѣщаются въ одномъ лицѣ,—должно быть уничтожено или предоставленіемъ права домохозяину требовать выдѣла своего надѣла въ участковое пользованіе, или установленіемъ срока (примѣрно—черезъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ), къ которому бы каждый крестьянинъ обязательно съ общиннаго владѣнія перешелъ на участковое.

„Свободное распоряженіе своею личностью и своимъ имуществомъ составляетъ природную потребность человѣка; поэтому общинное владѣніе съ круговою порукою и произволомъ схода, этотъ остатокъ нашего крѣпостнаго права, долженъ исчезнуть. Только тогда человѣческая дѣятельность разовьется и Россія покроется мелкими собственниками, которые вездѣ и всегда развивали богатство края и служили опорой порядку и законности“. Г. Д., какъ и другіе его единомыш-

ленники, отрицающіе и бюрократію, и конституцію, и земство, и народный общинный духъ, владуть, какъ мы видимъ, въ основу политическаго строя экономическія начала. Временами у нихъ звучить нотка Достоевскаго: найди правду въ самомъ себѣ, а не въ экономическихъ и политическихъ порядкахъ; но общій духъ ихъ проповѣди тотъ, что нравственная выработка человѣка оказывается въ рукахъ того, кто имѣетъ капиталъ, или землю. А если это такъ, то и власть должна быть въ рукахъ „нравственныхъ“ крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Господа Неплюевы, Леонарды, Богушевичи, Г. Д. и др. держатъ гуманныя и просвѣщенныя рѣчи южно-американскихъ плантаторовъ, когда тѣ протестовали противъ освобожденія негровъ и въ особенности противъ дарованія имъ политическихъ правъ. Негръ бѣденъ и необразованъ,—можетъ ли быть рѣчь объ его гражданскихъ чувствахъ и политическомъ пониманіи? Если нужны реформы, то лишь для поднятія благосостоянія плантаторовъ, для закрѣпленія за ними всѣхъ прерогативъ и созданія новыхъ. Тогда плантаторы, имѣя капиталъ и знаніе, осуществили бы по отношенію къ неграмъ то, чѣмъ предстоитъ заняться русскимъ помѣщикамъ по отношенію къ крестьянамъ. „Если бъ представлялась возможность вести серьезное самостоятельное хозяйство на частныхъ земляхъ, нашлись бы и частныя капиталы, да и правительство не отказало бы въ своемъ содѣйствіи. Во всякомъ случаѣ легче улучшать готовое, въ которомъ всегда окажется много чего пригоднаго, чѣмъ обзаводиться новымъ, предавая все старое ломѣ и уничтоженію“. Такъ проповѣдуетъ г. Богушевичъ въ своемъ докладѣ Вольно-Экономическому обществу противъ мѣръ, предлагаемыхъ г. Янсономъ для улучшенія быта крестьянъ. „Почему помѣщичье хозяйство въ большей части Россіи не совершенствуется, а разрушается, и какими способами можно было бы поднять его и поддержать, — этимъ вопросомъ никто не занимается“, говоритъ г. Богушевичъ. „Но что именно въ этомъ вопросѣ лежитъ и разрѣшеніе вопроса о поднятіи крестьянскаго хозяйства, это для меня—увѣряетъ г. Богушевичъ—совершенно ясно, какъ я не сомнѣваюсь въ той истинѣ, что для преуспѣянія сельскаго хозяйства необходимы четыре фактора: земля, знаніе, трудъ и капиталъ“. А такъ какъ эти факторы въ рукахъ помѣщиковъ, а не крестьянъ, то для г. Богушевича совершенно логиченъ такой выводъ: слѣдовательно, правительство должно заботиться о частномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ, а не о крестьянскомъ малоземеліи. Когда въ селахъ упрочится самостоятельный богатый классъ помѣщиковъ, то—„это одно могло бы много содѣйствовать улучшенію крестьянскаго быта и въ экономическомъ, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ“.

Подобная идеализація вліянія зажиточныхъ классовъ на благосостояніе рабочаго у Г. Д. еще сильнѣе; мѣстами она не уступаетъ Шульце-Деличу. Оказывается, что капиталъ создалъ промышленность

и что земледѣльческій классъ болѣе живетъ доходомъ отъ труда, чѣмъ отъ земли, что надо способствовать довѣрью капитала въ труду, поощрять капиталъ на предпріятія. Для этого Г. Д. надо создать привилегіи, „угодить капиталу“. „Чѣмъ болѣе въ странѣ капиталовъ въ сравненіи съ числомъ рабочихъ, говоритъ онъ,—тѣмъ положеніе послѣднихъ лучше. Вотъ почему, нападая на капиталъ, Марксъ, Лассаль и др. его пугаютъ и отклоняютъ отъ промышленности и тѣмъ наносятъ ущербъ благосостоянію рабочихъ. Марксъ требуетъ возвышенія заработной платы, не зная—возможно-ли это? Въ Англіи рабочіе стачками добивались часто возвышенія платы; что же оказывалось? Фабрики стали давать убытокъ и закрывались; рабочіе тысячами стали голодать и, видя невозможность для хозяина продолжать производство, соглашались на уменьшеніе платы весьма значительное“. Въ Германіи было то же самое, когда рабочіе, бывши солдатами во время франко-прусской войны, отвыкли отъ труда и требовали уменьшенія рабочихъ часовъ. Увеличилось число нищихъ, портерныхъ, число преступленій, и промышленность замедлила свой ходъ. Чтобъ поощрить ее—дать фабрикантамъ возможность при высокой рабочей платѣ продолжать производство—правительство прибѣгло къ возвышенію таможенныхъ пошлинъ. „А покровительственная пошлина вызываетъ дороговизну предметовъ, потому жизнь рабочему будетъ стоять дороже, чѣмъ нынѣ, и онъ будетъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ когда получалъ меньшую плату и болѣе часовъ работая, но зато все покупалъ дешево“. Теперь всѣмъ извѣстно, что крестьянскіе платежи значительно превышаютъ доходность земли, которой владѣютъ крестьяне. Спрашивается, откуда же являются тѣ деньги, которыми крестьяне уплачиваютъ повинности, разъ эти повинности превышаютъ доходъ земли?—„Капиталисты, крупные землевладѣльцы, фабриканты, купцы, ремесленники и лица, получающія жалованье, нуждаются въ трудѣ крестьянъ, расходуя свои доходы въ Россіи; этотъ-то оплаченный трудъ и составляетъ главный доходъ рабочаго сословія, доходъ, который исчезнетъ въ мужицкомъ царствѣ, придуманномъ нашими революціонерами“. Этотъ будущій строй послѣ революціи похъ перомъ Г. Д. такъ оригиналенъ, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить съ нимъ читателей.

„Двѣнадцать милліоновъ жителей, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, какъ то: дворяне, чиновники, ремесленники, офицеры, купцы, мѣщане и пр., останутся безъ хлѣба и должны будутъ приписаться къ сельскимъ обществамъ. Но крестьяне, пользуясь случаемъ, заберутъ сосѣднія казенныя и частныя земли и между собою подѣлятъ; остальнымъ сословіямъ они, вѣроятно, надѣла дать не захотятъ, такъ что послѣднимъ придется идти въ деревенскіе батраки. Можно себѣ представить положеніе образованныхъ классовъ обоаго пола, когда ихъ подчинятъ сельскимъ сходамъ, считающимъ розги лучшимъ наказаніемъ. Неужели революціонеры образованныхъ сословій не видятъ

послѣдствіа ихъ подчиненія мужицкой безапелляціонной расправѣ? Науки и искусства въ Россіи исчезнуть и все образованіе ограничится грамотою“. („Соціальные реформаторы“).—Итакъ, исходъ революціи тотъ, что интеллигенцію будутъ сѣчь розгами, а заработокъ крестьянина, когда весь трудъ организованъ въ лицѣ общины, безъ хозяина и батраковъ, будетъ гораздо менѣе, чѣмъ при настоящемъ строѣ, гдѣ, кромѣ дохода отъ земли, крестьянинъ можетъ достать нѣсколько лишнихъ рублей въ наймѣ у помѣщика, или у сосѣдняго фабриканта. Г. Д. при этомъ пользуется расчетомъ изъ книги „Наша бѣдность“, гдѣ будущій заработокъ крестьянина, значительно ниже, чѣмъ теперешній.

„Намъ предстоитъ, во что бы то ни стало,—говоритъ Г. Д. въ книгѣ „Что народу нужно“?—угодить капиталу, направляющемуся на производительность края. Вотъ главная задача нашего времени въ Россіи, чтобы исправить наше бѣдственное положеніе. Напримѣръ, заставьте фабрикантовъ, или землевладѣльцевъ, кормить своихъ рабочихъ дорогою пищею, одѣвать ихъ, устраивать для нихъ госпитали, школы, бани, и пр.; конечно, это было бы очень хорошо, но многіе фабриканты бросятъ производство, какъ убыточное, а рабочіе будутъ голодать. Устройте для промышленности такую регламентацію, что начальство будетъ имѣть случай къ ней часто придираяться, и дайте предлогъ къ вымогательствамъ,—то вы, конечно, отобьете у важдаго охоту направить свои капиталы и свою дѣятельность на производительность. Пока мы не угодимъ капиталу, онъ будетъ отстраняться отъ полезнаго труда, а мы останемся безъ него нищими“. А капиталисты—съ ними что сдѣлается? Что предпримутъ зажиточные классы, если правительство создастъ фабричное законодательство, или всесловную волость, въ которой еще неизвѣстно, кому выпадетъ „угожденіе“—землевладѣльцу, или земледѣльцу? Зажиточные классы уйдутъ за-границу, явится голодъ, наростутъ неустойки по заграничнымъ займамъ, и Европа за долги отниметъ у насъ Финляндію, Остзейскія губерніи, Польшу, и т. д. Внутри же Россіи, правительство, не находя имущей, сильной партіи, готовой вступить за существующій строй, не въ силахъ будетъ подавить промышленную и государственную анархію, пока сама толпа не реставрируетъ прежнія преимущества капитала. „Бѣдные тогда сыты, когда находятъ себѣ прибыльную работу, работа же дѣлается прибыльною при довѣрїи капитала къ труду,—довѣріе капитала пріобрѣтается законодательствомъ, обезпечивающимъ исполненіе обязательствъ, принятыхъ на себя трудомъ. Вотъ почему неразумны тѣ, которые, подъ предлогомъ любви къ рабочему люду, враждебно относятся къ преобладающему вліянію собственниковъ на управленіе—они оказываютъ бѣднымъ классамъ медвѣжью услугу“. Чудное будущее намъ предстоитъ, если бразды правленія попадутъ въ руки зажиточнаго класса! И богаты и умны мы будемъ! Этотъ классъ со-

треть съ лица земли всякія общины, артели, „интеллигенцію“ создасть изъ зажиточныхъ семей; „общественное мнѣніе“ облагородить путемъ оригинальнѣйшей организаціи прессы. Объ этой организаціи стоить сказать нѣсколько словъ.

Какъ только создалось печатное слово, между прессою и правительствомъ установился „явный антагонизмъ“. Пресса наслѣдственно выработала въ себѣ „анархическій характеръ“. „Пресса во Франціи всегда нападала на правительство, каково оно ни было, и дѣлала его невозможнымъ. Люди, власть имѣющіе, это понимали, будь они консерваторы, радикалы, или коммунисты. Народный Конвентъ въ 1793 г., Директорія, Наполеонъ I, Наполеонъ III и, наконецъ, парижская коммуна не допускали свободу печати; даже чѣмъ либеральнѣе считало себя правительство, тѣмъ суровѣе оно душило прессу“ (308). „Несомнѣнно, что печать составляетъ грозную силу—она сама этимъ хвастается, — поэтому слѣдуетъ рассмотретьъ, въ какихъ рукахъ эта сила находится. Пишутъ статьи литераторы по ремеслу; людямъ, занимающимся сельскимъ хозяйствомъ, промышленностью, или торговлею, вообще людямъ дѣла, некогда заниматься газетнымъ писаніемъ; людямъ же ученымъ, не занимающимся политикой, нѣтъ для этого охоты; поэтому печать находится въ рукахъ учившагося пролетаріата, т. е. самаго революціоннаго элемента въ государствѣ. Простой здравый смыслъ указываетъ, что въ интересахъ государственнаго спокойствія и собственной безопасности правительство должно стремиться къ убавленію вражеской силы. Когда мы видимъ, что человѣческія общества процвѣтаютъ только при преобладающемъ влияніи собственниковъ, очевидно, что влияние пролетаріата вредно. Чтобы парализовать силу печати, правительству приходится или ее подкупать, какъ это дѣлается въ Германіи, или же стѣснять проявленіе разрушительныхъ началъ. Для подкупа печати нужно много денегъ, ихъ брать негдѣ, кромѣ какъ изъ налоговъ на населеніе. Справедливо ли съ народа брать подати, чтобы кормить постоянно увеличивающееся число литераторовъ? Очевидно нѣтъ! поэтому остаются стѣснительныя мѣры“.

Впрочемъ, Г. Д. въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ уступку прессѣ и удостоиваетъ защитой свободу печати, но подъ условіемъ „ежели послѣ каждой неосновательной статьи можно на томъ же листѣ прочесть возраженія“. Для такой свободы печати Г. Д. придумалъ слѣдующій способъ: „Въ каждомъ значительномъ городѣ правительство издаетъ потребное число газетъ; частныя періодическія изданія вовсе запрещаются. При каждой редакціи правительство назначаетъ образованныхъ сотрудниковъ, способныхъ возражать противъ неосновательныхъ статей. Первая страница предоставляется публикѣ—каждый на ней можетъ напечатать, чтѣ ему вздумается; такимъ образомъ предполагается установить свободу печати. На второй страницѣ редакція возражаетъ противъ неосновательности статей, помѣщенныхъ на первой страницѣ,

противъ лжи и клеветы. Такимъ образомъ, предполагается каждому дать возможность прочесть мнѣнія за и противъ и развить въ публикѣ способность къ анализу. Двѣ остальные страницы заключаютъ извѣстія и объявленія.“

Съ такой общественной философіей Г. Д. согласны гг. Тизенгаузенъ, Неплюевъ, неизвѣстный авторъ „Бунтаря въ деревнѣ“, г. Богусевичъ, г. Леонардъ и множество другихъ. Съ экономическимъ идеаломъ этихъ спасителей отечества мы покончили; политическій идеалъ ихъ также достаточно ясенъ; но мы еще не знаемъ, какими средствами они хотѣли бы его осуществить. Какія реальныя и конкретныя формы этого политическаго строя? Мы знаемъ его сущность, его экономическій фундаментъ, знаемъ его направленіе, но его форму, организацію, намъ предстоитъ еще выяснить. Г. Д. и въ этомъ случаѣ типичнѣе и смѣлѣе своихъ единомышленниковъ. Имъ мы преимущественно и будемъ пользоваться: лучшаго представителя партіи капитала и власти трудно найти.

Аргументація Г. Д. (въ книгѣ „Что народу нужно?“) распадается на примѣры исторіи, подтверждающіе его политическій идеалъ, на общія философско-плантаторскія разсужденія и разсужденія, касающіяся прямо Россіи. Дѣлая обобщеніе исторіи, Г. Д. приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Когда власть братается съ народомъ, какабы она ни была (королевская, или республиканская)—она гибнетъ въ концѣ концовъ. Примѣръ тому—монархія Людовика XVI и республики 1793 и 1848 годовъ. Единственная надежная поддержка власти—это имущіе классы, аристократія, для которой сохраненіе существующаго порядка всегда желательно. Если правительство это забываетъ, то оно вступаетъ на путь произвола. Беззаконіе же Людовиковъ, террористовъ, Наполеоновъ, въ свою очередь порождаетъ произволъ толпы. Беззаконіе правительства состоитъ въ томъ, что оно забываетъ своего союзника—аристократію, и потому гибнетъ. Въ этомъ беззаконіи погрѣшны всѣ правительства. Женева стала портиться съ тѣхъ поръ, какъ начала утрачивать аристократическій элементъ; Америка Вашингтона—съ тѣхъ поръ, какъ ознаменовалась всеобщей подачею голосовъ. Лучшіе люди заатлантической республики жаждутъ ограниченія избирательнаго права и стремятся доставить землевладѣльцамъ перевѣсъ на выборахъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ и имущественный цензъ, и нравственный. Безъ этого политика американскихъ штатовъ явится скоро примѣромъ паденія, интригъ, продажности и смуты. Въ составъ правительства должны входить высшіе классы. Король, который нарушаетъ эту законность, т. е. не исполняетъ обязанностей, данныя высшимъ классамъ, и вызываетъ на мѣсто ихъ толпу,—самъ создаетъ революцію. Всякая революція въ концѣ концовъ ведетъ къ диктатурѣ, и положеніе дѣлъ становится хуже стараго режима. Примѣръ тому—Франція: толпа всегда платила черной неблагодарностью тому правительству, которое заступалось за нее, нару-

шая интересы высшихъ классовъ. Для толпы необходимы Наполеонъ I, Кавеньякъ, Шангарнье, Наполеонъ III, Тьеръ и т. п. великіе мужи, умѣющіе найти рѣшительныя и вѣрныя средства для водворенія спокойствія и законности. Таковъ одинъ изъ исходовъ беззаконія власти, забывающей свою правую руку—дворянство. Другой исходъ заключается въ томъ, что встаютъ уже зажиточные высшіе классы противъ своего беззаконнаго правительства, призывающаго толпу, и тѣмъ внося анархію. Смуты въ Италіи, революціи во Франціи и Германіи, были восстаніями демократовъ и толпы, всегда пагубными для страны и завершившіяся диктатурою. Но восстанія Нидерландовъ противъ Филиппа II, восстаніе Англіи противъ Карла I и восстаніе Соединенныхъ Штатовъ Америки противъ Англіи—были законны, такъ какъ власть нарушила данныя ею обѣщанія. Филиппъ II уничтожилъ свободу вѣры, дарованную его предшественникомъ; Карлъ I взимаетъ налоги, не утвержденные парламентомъ, что противно было англійской конституціи. Соединенные Штаты отказываются платить налоги, установленные безъ согласія колоніи, на что она, по англійскимъ учрежденіямъ, имѣла право. Восстанія вызываются и поддерживаются образованными и зажиточными классами во имя законности". Теперь мы знаемъ, что законностью Г. Д. называетъ договоръ власти съ высшими, зажиточными, охранительными сословіями; нарушение этой законности вызываетъ или пагубное восстаніе толпы, или отрезвляющее восстаніе „зажиточныхъ и образованныхъ классовъ". Пристращаясь такимъ образомъ правительства примѣрами исторіи, Г. Д. взываетъ къ здравому смыслу: политическое вліяніе очень трудная задача; поэтому оно не есть прирожденное право человѣка. Чтобы пользоваться имъ, надо имѣть много гражданскаго чувства, образованія и обезпеченности, гарантирующей отъ подкупа. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ политическое участіе дано каждому, тамъ царитъ страшная шаткость и подкупъ. Примѣръ тому—русскіе крестьяне и Парижъ съ Ліономъ. Въ послѣднихъ стали выбирать представителями населенія каторжниковъ. „Въ каждомъ государствѣ находится болѣе бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ, болѣе необразованныхъ людей, чѣмъ образованныхъ; поэтому политическое преобладаніе, при всеобщей подачѣ голосовъ, передается всецѣло въ руки бѣдной и необразованной части народа". Политическое участіе должно быть пропорціонально налогу, а тѣ, которые совсѣмъ его не платятъ, должны быть устранимы отъ голосованія. „Ежели бы тѣ, которые не платятъ налоги, имѣли право голоса, то это было бы похоже на акціонерное общество, въ которомъ каждый прохожій могъ бы подавать свой голосъ. Но въ акціонерныхъ обществахъ мы видимъ, что право голоса соразмѣряется съ долей участія въ предпріятіи. Правительство похоже на страховое общество, гарантирующее каждому жителю охрану его личности и его имущества взаимѣнъ уплаты налоговъ. Но, чтобы правительство охраняло имущество каждого, въ немъ должны преобладать собственники, ко-

торыхъ интересы всегда тождественны съ интересами правительства, а не имущіе“. А чтобы собственники-аристократы были сильны и популярны, они должны быть очень богаты; „поэтому монархи должны бы были, изъ чувства самосохраненія, дорожить аристократіею, какъ единственною оградю противъ революцій, и поощрять учрежденіе маіоратовъ“.

Таковы идеалы „нашихъ новыхъ плантаторовъ“: имъ ненадо монархіи съ мѣстными, земскими, самостоятельными единицами; имъ ненадо монархіи съ бюрократіей и администраціей,—имъ подай монархію съ верхнею палатою. Верхняя палата тогда хороша, когда она несмѣняема и наследственна. „Для выраженія независимаго мнѣнія, часто непопулярнаго, нужно независимое положеніе и вліяніе въ странѣ; вотъ почему члены верхней палаты должны быть состоятельны. Эта цѣль достигается въ Англіи маіоратами, охраняя отъ дѣлежа или растраты недвижимое имущество старшихъ сыновей, поступающихъ въ палату лордовъ. Понятно, что при такомъ богатствѣ, нельзя подеупить англійскую верхнюю палату. Не то мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ акціонерныя общества подеупали верхнюю палату“.

„Кромѣ законодательной власти, нужна еще исполнительная, которая, чтобы быть дѣйствительною, должна быть единоличная. Въ республикахъ, при выборахъ, кандидаты на президентскую должность должны, для достиженія цѣли, интриговать, льстить большинству и обѣщать всевозможныя блага своимъ вліятельнымъ приверженцамъ. Гдѣ же тутъ ожидать безпристрастія отъ главы исполнительной власти! Наследственный же монархъ стоитъ выше партій, которыя для него безразличны; вотъ почему здравый смыслъ намъ указываетъ, что наследственная монархія болѣе соответствуетъ необходимымъ условіямъ человѣческихъ обществъ, нежели республика“. Подготовивъ, такимъ образомъ, читатели теоритически къ воспріятію монархіи съ верхнею палатою, Г. Д. становится на практическую почву, доказывая, что нижняя палата, т. е. вообще участіе народа въ политикѣ,—немыслима у насъ въ Россіи. „Вообще, когда бѣдный перестаетъ работать, то онъ дѣлается врагомъ общественнаго строя; привлекая его къ политикѣ, мы отвлекаемъ его отъ труда“. Крестьяне-общинники не имѣютъ рѣшительно времени думать о политикѣ и притомъ недозрѣли до политическихъ правъ; крестьяне личные собственники (проще—кулаки) болѣе способны ими пользоваться, но и они, по неразвитію, могутъ служить орудіемъ для нигилистовъ или для ловкихъ политическихъ спекулянтовъ, въ родѣ американскихъ. „Купцы, фабриканты и богатые крестьяне—личные землевладѣльцы, имѣя разнообразныя дѣловыя сношенія съ людьми разныхъ положеній, успѣли приобрести нѣкоторую опытность въ дѣлахъ управленія и сношеній между разными слоями населенія, а потому и способны пользоваться нѣкоторыми политическими правами, но ихъ не добиваются,

будучи заняты своими личными дѣлами.“ Остальные элементы русскаго населенія—мелкопомѣстное дворянство, чиновничество, „разночинцы“, промышленные пролетаріи, адвокаты и журналисты—представляютъ изъ себя столь политически-неблагонамѣренныхъ людей, что кто же пожелаетъ ихъ вліянія на судьбы родины? Россіи необходимо создать лордовъ, тогда правительство, опираясь на верхнюю палату, будетъ твердо и покойно править страной. Г. Д. не забылъ и тѣхъ русскихъ людей, которые видятъ спокойствіе и благоденствіе государства не въ столповомъ дворянствѣ, не въ бюрократіи, а въ развитіи всесловныхъ земскихъ учреждений и въ совѣщательномъ собраніи депутатовъ, выбранныхъ мѣстными земствами. Г. Д. говорить: „Съ перваго взгляда казалось бы, что мѣстныя провинціальныя собранія могли бы разумнѣе избирать достойныхъ людей для представительства, чѣмъ само населеніе. Но противъ этого замѣчаютъ весьма основательно, что земскіе гласные избраны заниматься хозяйственными дѣлами, а не политическими. Человѣкъ можетъ отлично наблюдать за мостами, дорогами и отчетностью, но не имѣть ни каковаго понятія о государственныхъ вопросахъ; кромѣ того, мѣстныя собранія обыкновенно дѣлятся на партіи, которыя часто не выражаютъ собою мнѣнія населенія. Мы это видимъ въ Россіи, гдѣ земство находится большею частью въ рукахъ слоченной партіи оплоченныхъ должностныхъ лицъ, живущихъ на счетъ населенія и вовсе не выражающихъ общественнаго мнѣнія. Кромѣ того, если бы провинціальныя собранія выбирали депутатовъ, то они требовали бы отъ своихъ представителей отчетъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, земскія собранія изъ хозяйственныхъ учреждений превратились бы въ политическія, что врядъ-ли желательно для спокойствія края. Сотня мѣстныхъ парламентовъ давала бы своимъ депутатамъ обязательныя инструкціи и поддерживала бы въ народѣ постоянную агитацію.“ Нѣтъ, Россія нуждается въ верхней палатѣ изъ лицъ, засѣдающихъ въ ней безвозмездно, такъ какъ они и безъ того очень богаты, и кромѣ того, несмѣняемы и наследственны. Этыхъ лицъ, новыхъ русскихъ лордовъ, надо создать маіоратами и другими искусственными мѣрами.

Договорившись до такихъ нелѣпостей, наши реформаторы проектируютъ для перевоспитанія „испорченнаго современнаго человѣка“ какія-то необыкновенныя школы. Такъ, напримѣръ, г. Неплюевъ „для начала рекомендуетъ—каждому помѣщику взять по одному ребенку отъ крестьянскаго семейства къ себѣ на воспитаніе“ и затѣмъ устроить „народныя читальни съ приманкою туманныхъ картинъ; незатѣйливые вокальные концерты съ живыми картинами въ исполненіи нашихъ воспитанниковъ и съ полнымъ доступомъ для всѣхъ; чайное заведеніе съ скромнымъ органчикомъ; все это, смотря потому, насколько умѣло мы поведемъ дѣло, можетъ послужить средствами отвлеченія крестьянъ отъ кабака.“ При чтеніи подобныхъ ребяческихъ проектовъ,

становится просто „за человѣка стыдно.“ Рядомъ съ ребячествомъ идетъ средневѣковый мракъ и жестокость.—Толпа преклоняется только передъ силой и потому строгіе законы и безусловное исполненіе ихъ дѣлаетъ правительство сильнымъ, а оппозицію и печать ничтожными. Уступки времени увеличиваютъ число бунтовщиковъ; вмѣсто словъ нужна картечь. „Кавеньягъ штыками доставилъ Франціи 22 года спокойствія“ (Г. Д.). Артиллерія Наполеона III во время „переворота“ охраняла страну отъ разрушительныхъ страстей и пагубности вѣчныхъ „уступокъ“ и компромиссовъ. „Правда, несмотря на благоприятныя обстоятельства, переворотъ не обошелся безъ кровопролитія. Нѣсколько сотъ любопытныхъ погибло, но спокойствіе скоро водворилось на 18 лѣтъ энергическимъ дѣйствіемъ арміи.“—„Тьеръ, во время коммуны, зналъ, что толпа преклоняется только передъ силою и сдерживается только страхомъ. Наученный опытомъ прежнихъ революцій, онъ не давалъ пощады: пушки, митральезы и ружья положили около 35.000 бунтовщиковъ; смертная казнь, каторга и ссылка нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ очистили Парижъ отъ самой вредной части населенія...“ Но довольно! Мы полагаемъ, что приведенныхъ нами выдержекъ совершенно достаточно для того, чтобы ознакомить читателей съ идеалами и взглядами „современныхъ реформаторовъ“ первой группы.

Въ слѣдующей главѣ мы разберемъ другихъ русскихъ публицистовъ: г. Новосельскаго („Соціальные вопросы въ Россіи“), г. Панаева („Общинное землевладѣніе и крестьянскій вопросъ“) и автора „Писемъ о современномъ состояніи Россіи.“

Намъ будетъ пріятно остановиться на людяхъ, можетъ быть и ошибочно смотрящихъ на дѣло, но призывающихъ къ нему всю Россію, а не однихъ только крупныхъ чиновъ съ дарованными имѣніями.

А. Фаресовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ГОРОДЪ.

(Статья Я. Фальке).

В А НЮРНБЕРГОМЪ съ давнихъ поръ утвердилась репутація средневѣковаго города. Если средніе вѣка считать за нѣчто совершенно противоположное новѣйшимъ временамъ, то это, пожалуй, и справедливо: Нюрнбергъ въ самомъ дѣлѣ производитъ впечатлѣніе чего-то уже отжившаго свой вѣкъ; онъ рѣшительно не похожъ на другіе германскіе города, возникшіе въ эпоху относительно болѣе близкую къ намъ.

Но сильно ошибется тотъ, кто вообразить, что Нюрнбергъ представляетъ собою совершенный типъ средневѣковаго города, выстроеннаго по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства того времени.

Его скорѣе можно сравнить съ богатой коллекціей различныхъ древностей. На каждомъ шагѣ въ немъ попадаются, точно какія священныя реликвіи, странныя на нашъ взглядъ дома и сооружеія, сохранившіеся отъ разныхъ эпохъ, пережитыхъ древнимъ Норисомъ. Между ними вы найдете памятники вѣковъ преобладанія въ Европѣ романскаго племени, когда Нюрнбергъ въ первый разъ выступаетъ изъ мрака неизвѣстности на поприще исторіи, найдете остатки и отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, лѣтописи которыхъ вовсе еще и не упоминаютъ имени Нюрнберга, т. е. отъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтія нашей эры. Впрочемъ, чтобъ отыскать ихъ, придется употребить немало труда и энергіи: ихъ такъ мало, что они положительно теряются въ массѣ другихъ древностей. Зато образцовъ готическаго стіля въ городѣ множество: всѣ почти церкви и капеллы выстроены въ этомъ стилѣ. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что религіозный, благочестивый Нюрнбергъ—городъ по преимуществу готическій, и если его уже называть средневѣковымъ, то именно въ этомъ смыслѣ.

Впрочемъ, въ немъ есть и кромѣ того много напоминающаго намъ среднѣе вѣка. Таковъ, на примѣръ, самый планъ города съ его узкими, разбѣгающимися во всѣ стороны отъ цитадели, улицами, съ извилистыми переулками, нерѣдко пересѣкаемыми крутыми спусками и подъемами. Таково даже и расположеніе домовъ, ступеньками выдвигающихся другъ изъ-за друга на улицу, такъ что линія ихъ фасадовъ—ломаная, въ видѣ лѣстницы. Но о самыхъ домахъ съ ихъ воро-

Часть города, прилегающая къ укрѣпленіямъ.

Домъ Дюрера.

тами, внутренними дворами, балкончиками и башенками сказать того же нельзя, да ихъ и трудно подводить подъ какія нибудь общія рамки: всѣ они были строены въ разное время и всѣ носятъ на себѣ отпечатокъ своей эпохи. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ „Нассаускій домъ“, должно отнести прямо къ среднимъ вѣкамъ, но другіе, и такихъ большинство,—къ шестнадцатому и семнадцатому столѣтію, когда готическій стиль началъ мало-по-малу переходить въ такъ называемый стиль renaissance, пока наконецъ совсѣмъ не уступилъ ему мѣста. То было время величайшаго благосостоянія Нюрнберга и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшаго развитія въ немъ искусствъ и ремеслъ. Главныя части зданій этой эпохи всегда въ стилѣ renaissance, тогда какъ детали въ готическомъ стилѣ.

Подобной же смѣшанной архитектуры и городская стѣна, увѣнчанная башенками. Съ теченіемъ времени измѣнялись способы и системы укрѣпленій, и такъ какъ нюрнбергцы не щадили издержекъ, чтобы получше оградить свое имущество отъ покушеній сильныхъ сосѣдей, то и городскія укрѣпленія постоянно перестраивались на другія, лучшія, болѣе отвѣчавшія требованіямъ современнаго фортификаціоннаго искусства.

Отъ семнадцатаго столѣтія, когда стиль renaissance сталъ уже вырождаться, сохранилось гораздо меньше зданій, а отъ восемнадцатаго—времени преобладанія стиля рококо—осталось такъ мало, что найти слѣды этого стиля, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ отыскать памятники одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣковъ.

Если, строго говоря, Нюрнбергъ и нельзя назвать средневѣковымъ городомъ, то онъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ названіе историческаго города. Помимо того ужъ, что онъ живой свидѣтель многихъ вѣковъ, далеко не безслѣдно пронесшихся надъ нимъ, самый общій характеръ его до такой степени оригиналенъ, его постройки такъ своеобразны и непохожи на наши прозаическія, шаблонныя домины съ гладкими, какъ доска, стѣнами, прямыми архитектурными линіями, что его уже никакъ нельзя отнести не только къ нашему, но даже и къ восемнадцатому столѣтію. Въ немъ есть много такого, что всякому можетъ дать обильную пищу для его ума и сердца.

Взойдите къ замку, который стоитъ на высокой скалѣ. Замокъ этотъ основанъ еще въ 1024 г. императоромъ Конрадомъ II, увеличенъ Фридрихомъ Барбаруссой и реставрированъ въ недавнее время. Взгляните отсюда внизъ на городъ, лежащій подъ вашими ногами. Взоръ вашъ безпрепятственно скользитъ по нескончаемому морю домовъ, которое только на мгновеніе пересѣкается рѣкою, чтобы еще шире разлиться по ея другую сторону. Безчисленныя башни и башенки высятся надъ нимъ и много прелести придаютъ онъ ему причудливостью своихъ очертаній. Рѣзки переходы темныхъ и яркихъ красокъ, чаще всего пурпура, позлащенныхъ лучами заходящаго солнца. Дикій кустарникъ пышно разросся въ трещинахъ стѣны и

Дворъ въ замкѣ.

свѣшивается съ нею надъ обрывомъ; деревья раскинули здѣсь свои темно-зеленые шатры; воздухъ чистый, привольный, напоенъ благоуханіями весны. Все это составляетъ такую поразительную картину, которая надолго вѣшивается въ памяти того, кто хоть разъ увидалъ ее. Много есть городовъ, превосходящихъ Нюрнбергъ красотой своего мѣстоположенія, но нѣтъ ни одного, который могъ бы сравниться съ нимъ своимъ видомъ à vol d'oiseau. Тутъ не одна архитектура плѣняетъ и очаровываетъ васъ, не одни эти древнія стѣны съ ихъ полу-истертой, но все еще яркой окраской,—здѣсь природа, искусство и время все вмѣстѣ дѣйствуютъ на душу.

Отъ замка можно выдти за городъ по корридору со сводами, а потомъ по мосту, перекинутому черезъ рѣку. На-право будетъ Пегницъ, раздѣляющійся въ этомъ мѣстѣ на два рукава, которые съ двухъ сторонъ окружаютъ городъ, а на-лѣво та же рѣка снова выходитъ изъ подъ городской стѣны. Здѣсь лучшая часть этой стѣны. Впрочемъ, и остальная половина ея очень замѣчательна, только, къ сожалѣнію, она сильно повреждена—не столько временемъ, сколько самими же нюрнбергцами.

Но сойдемте внизъ и, оставивъ на-лѣво замокъ и на-право неказистый на видъ домикъ Альбрехта Дюрера, величайшаго германскаго живописца XVI вѣка, вмѣшаемся въ толпу, кипящую на узкихъ улицахъ. Постепенное расширеніе города и неровности почвы, особенно въ его сѣверной части, называемой St. Sebald, по церкви, стоящей тамъ (Sebalduskirche); были причиной того, что улицы эти перекрещиваются между собой въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, безъ всякаго порядка; иныя такъ взбѣгаютъ чуть не по головоломнымъ крутизнамъ. На каждомъ шагу передъ путникомъ развертываются все новыя и новыя картины; каждый фасадъ, каждый фронтонъ, представляютъ собою нѣчто новое, отличное отъ только что видѣннаго имъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мало того, что улица вдругъ дѣлаетъ удивительное колѣно, но и самый средневѣковный обычай постройки домовъ увеличиваетъ ея неправильность. Нюрнбергскій бюргеръ хотя и сидѣлъ больше у себя взаперти, между четырьмя стѣнами, но былъ человекъ въ высшей степени любознательный: ему всегда хотѣлось знать, что такое творится внизу, на улицахъ, для чего онъ и выдвигалъ фасадъ своего дома фута на два впередъ за домъ сосѣда и на выгаданной такимъ образомъ боковой стѣнѣ продѣлывалъ окошко, откуда можно было окинуть однимъ взглядомъ всю улицу. Но позднѣе разныя строительныя комиссіи нашли такой обычай неудобнымъ и вкупѣ съ полиціей пытались вытануть все дома въ одну линію. Усилія ихъ далеко не вездѣ увѣнчались успѣхомъ, а положить предѣлъ любознательности обывателей имъ рѣшительно нигдѣ не удалось, такъ какъ вмѣсто боковыхъ окошекъ на домахъ появились балкончики, „die Choerlein“, какъ ихъ называютъ въ Нюрнбергѣ; изъ нихъ отрывается совершенно свободный видъ вверхъ и

внизъ на улицу. Всѣ такіе дома съ балкончиками почти безъ исключенія относятся въ шестнадцатому столѣтію.

Еще въ относительно недавнее время въ городѣ было довольно много домовъ, въ стѣны которыхъ снаружи были вѣданы деревянныя балки. Они имѣли видъ какой-то особенной древности, да и на самомъ дѣлѣ они были очень стары: большинству изъ нихъ считалось по пятьсотъ лѣтъ и болѣе. Но въ послѣднее десятилѣтіе лучшіе

Прекрасный фонтанъ.

изъ нихъ или были сломаны, или же такъ обвалились, что теперь уже не представляютъ ни особенной красоты, ни особеннаго интереса. Стоять еще нѣкотораго вниманія тѣ изъ нихъ, которые находятся въ прирѣчной части города, гдѣ Пегницъ выходитъ за его стѣны.

«Истор. вѣсти.», годъ III, томъ VII.

Широкой дугой поворачиваетъ здѣсь рѣка и обширный видъ открывается взорамъ. Прямо—свѣтлая вода рѣки, направо и налѣво—дома съ покатыми крышами и чердачками, „тропа палача“ и „башня голода“, а вдали—мостъ Карла съ прилегающими зданіями, надъ которыми высоко поднимаются, блистая на солнцѣ, башни церкви св. Лоренца. Вся эта картина такъ своеобразна и вмѣстѣ съ тѣмъ полна такой прелести, что съ нею едва-ли можетъ сравниться даже и чудесный видъ Праги съ Молдавскаго моста.

Нюрнбергъ весь почти выстроенъ изъ красноватаго песчаника, ломки котораго находятся тутъ же поблизости. Песчаникъ этотъ имѣетъ свойство съ теченіемъ времени, т. е. по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, мѣнять свой первоначальный красноватый цвѣтъ на черный. Конечно, это происходитъ не вдругъ и, прежде чѣмъ превратиться въ черный, онъ долженъ принять всѣ переходные желтоватыя и сѣроватыя оттѣнки, что придаетъ улицѣ значительное разнообразіе. Многія зданія и при томъ лучшія въ городѣ сохранили еще свой первоначальный красный цвѣтъ и нигдѣ онъ такъ не красивъ и не приятенъ для глазъ, какъ на городской стѣнѣ и на башняхъ. На старыхъ же церквахъ и особенно на соборѣ св. Себастьяна песчаникъ сдѣлался почти совершенно чернымъ отъ времени.

Нассаускій домъ.

Архитектура домовъ вообще красива и во всякомъ случаѣ оригинальна. Общепринятъ ихъ видъ читатели могутъ судить

по приложеннымъ рисункамъ. Обратимся къ частностямъ. О чердачкахъ и крытыхъ балконахъ мы уже говорили. Входъ съ улицы дѣлается иногда въ видѣ портала. Верхняя часть дверей, въ большинствѣ случаевъ или полузруглая, или остроконечная, забирается желѣзной, искусно выкованной рѣшеткой. Крутыя крыши, идущія всегда параллельно улицѣ, что составляетъ одну изъ особенностей Нюрнберга, унизаны множествомъ башенокъ и слуховыхъ оконъ. Нерѣдко эти башенки покрыты чрезвычайно затѣйливыми и многочисленными орнаментами. Тутъ также нельзя не упомянуть о рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеніяхъ на домахъ и на балконахъ, исполненныхъ подъ часъ просто художественно, о барельефахъ на свѣтскіе и духовные сюжеты, очень часто встрѣчающихся на стѣнахъ, о фигурахъ рыцарей, мадоннъ и разныхъ святыхъ, стоящихъ на столбикахъ по перекресткамъ; послѣднія иногда красить въ различные цвѣта, чаще же всего онѣ просто выбѣлены.

Какъ извѣстно, главныхъ типовъ жилого дома въ Европѣ два:

сѣверный и южный; первый характеризуется средней большой комнатой, возлѣ которой сгруппированы другія, меньшія, такъ что всѣ онѣ соединяются подъ одной крышей; во второмъ же мѣсто центральной комнаты заступаетъ дворъ, вокругъ котораго сосредоточены всѣ собственно жилыя помѣщенія. Таковы ихъ характерныя черты, въ частностяхъ же въ нихъ, весьма понятно, можетъ быть много разнообразія, соотвѣтственно тѣмъ историческимъ и этнографическимъ условіямъ, въ которыхъ приходится жить народу. Въ средніе вѣка такимъ историческимъ условіемъ были грабительства и самовластіе благородныхъ рыцарей, заставлявшія мирныхъ обывателей жаться поближе другъ къ другу, чтобы въ случаѣ нужды можно было прибѣгнуть къ помощи сосѣда. Происходившая отсюда скученность средневѣковыхъ поселеній не замедлила, конечно, сказаться и на самомъ способѣ стройки и расположеніи отдѣльныхъ частей дома.

Въ южной Германіи, какъ и вообще во всѣхъ промежуточныхъ странахъ между сѣверомъ и югомъ Европы, встрѣчаются оба типа; тамъ зачастую рядомъ съ домомъ съ внутреннимъ дворомъ стоитъ домъ, выстроенный по сѣверному типу. Нюрнбергъ не изъять изъ этого правила. Въ немъ простые граждане и ремесленники дома свои строятъ чаще всего по сѣверному типу, тогда какъ богатые классы больше предпочитаютъ южный, со дворомъ внутри. Дворъ этотъ очень напоминаетъ римскій атриумъ; въ иныхъ домахъ такъ онъ окруженъ рядами колоннъ и арками, какъ это дѣлалось въ древнемъ Римѣ. Такіе дворы, какъ напр., въ домѣ Функе, отдѣленный въ чисто помпейскомъ вкусѣ, затѣмъ въ домѣ Пеллера и Крафта по справедливости считаются лучшимъ украшеніемъ города. Колонны ихъ стройны и изящны, хотя и не высоки. Отлогіе своды нерѣдко украшены превосходной рѣзьбой изъ дерева и ажурными арабесками. Арки идутъ другъ надъ другомъ въ нѣсколько этажей, какъ это нѣкогда было въ римскомъ наемномъ домѣ. Какъ прохладно бываетъ подъ этими арками въ жаркій лѣтній день! Какъ живописно ложатся тогда тѣни на гладкомъ полу!

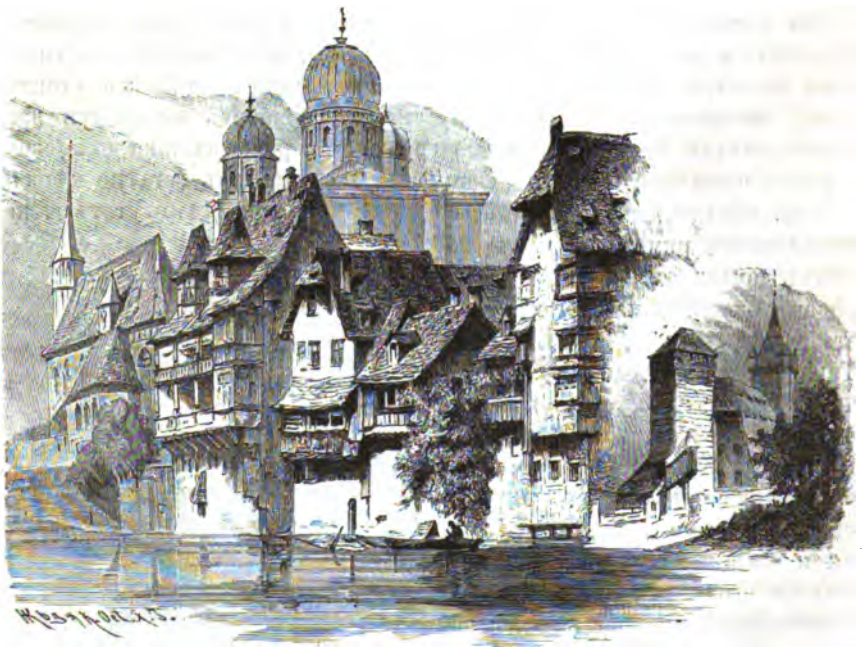
Тропа палача.

Въ купеческихъ домахъ нижній этажъ обыкновенно служилъ складочнымъ мѣстомъ для товара. Въ нихъ широкія ворота, ведутъ прямо въ обширную безъ всякихъ украшеній залу. Единственные

слѣды искусства въ ней—это массивныя желѣзныя скобы дверей, съ выгравированными на нихъ фигурами.

Немало было положено денегъ и таланта на внутреннюю отделку нюрнбергскихъ домовъ и церквей. Вотъ ужъ цѣлыхъ два столѣтїя, какъ многочисленныя музеи и любители рѣдкостей пополняютъ свои коллекціи, расхищая изъ этого города разныя древности, а его богатства все еще не истощились, въ немъ еще много осталось замѣчательныхъ произведеній искусства. Только въ послѣднее время стали на это обращать должное вниманіе и болѣе заботиться о сохраненіи того, что еще можно сохранить.

Кстати здѣсь скажемъ кое-что о нюрнбергской школѣ художниковъ, величайшимъ и талантливейшимъ представителемъ которой былъ Альбрехтъ Дюреръ (1471—1527). Обладая твердымъ и пря-

На Пегницѣ.

Пятиугольная башня въ замкѣ.

мымъ характеромъ и глубоко понимая фальшь окружавшей его жизни, онъ былъ горячимъ сторонникомъ реформаціи и искреннимъ другомъ Меланхтона. Еще раньше Лютера онъ задумалъ переводить евангеліе на нѣмецкій языкъ, чтобы его соотечественники могли сознательно вѣровать въ Христа, а не наобумъ, не со словъ только своихъ патеровъ. Его главная картина—знаменитые „четыре темперамента: „Апостолы Петръ, Павелъ, Іоанъ и Маркъ“; кромѣ того, онъ представилъ въ картинахъ главные моменты Апокалипсиса, житія Пресвятой Дѣвы и

Страстей; къ послѣднимъ есть даже цѣлыхъ три серіи рисунковъ. Послѣ него осталось также множество гравюръ на мѣди; здѣсь онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Конечно не безосновательны его горькія жалобы на скупость своихъ согражданъ и на равнодушіе ихъ къ искусству, и конечно совсѣмъ не то было въ Венеціи, гдѣ всякій талантъ находилъ себѣ и работу, и почетъ. Но развѣ можно было вообще и сравнивать нѣсколько мѣщанскій Нюрнбергъ съ пышной Венеціей или Флоренціей, его скромнаго бюргера—съ гордымъ и богатымъ патриціемъ великой Италіи. Начиная съ шестнадцатаго столѣтія, сохранилось множество портретовъ владѣтельныхъ особъ Нюрнберга. Всѣ они писаны художниками самыхъ различныхъ школъ, но мы напрасно стали бы искать въ этихъ мѣщанскихъ пошлыхъ и самодовольныхъ лицахъ того выраженія надменности и энергіи, которое такъ часто встрѣчается у итальянскихъ вельможъ. Въ этомъ виноваты, конечно, не художники: таковы уже были самые ихъ оригиналы.

Нюрнбергская школа живописи никогда не достигала той высоты и той степени вліянія, какой достигло искусство итальянское въ лицѣ Рафаэля, Микель Анджело и др.; до этихъ геніевъ далеко было Дюреру и его ученикамъ, какъ ни великъ и самобытенъ былъ этотъ талантъ, и мы не откроемъ Америки, если скажемъ, что иные и не особенно выдающіеся palazzo превосходятъ достоинствомъ находящіхся въ нихъ произведенія соборы св. Лоренца и св. Себастьяна, надъ созиданіемъ и украшеніемъ которыхъ трудились цѣлыя поколѣнія художниковъ.

Но пускай послѣднимъ недоставало блеска колорита и фантазіи, выпавшихъ на долю итальянцевъ; все же у нихъ были нѣкоторыя качества, присущія исключительно имъ, которыми они по справедливости могли гордиться; это—тонкость отдѣлки и стремленіе приблизиться къ дѣйствительной жизни, стремленіе, проглядывавшее у нихъ уже давно и положившее такую рѣзкую грань между Дюреромъ и его заальпійскими собратьями. Взгляните только на эти полныя жизни фигуры умныхъ и глупыхъ дѣвъ, изображенныя на дверяхъ собора св. Себастьяна—а онѣ были рѣзаны еще въ тринадцатомъ столѣтіи, если не раньше: онѣ принадлежатъ еще къ той эпохѣ въ исторіи искусства, которая характеризуется неизмѣнной стройностью фигуръ и вообще длинными, мягкими линиями рисунка. Несмотря на нѣсколько идеальное выраженіе лицъ дѣвушекъ, что впрочемъ обуславливалось самымъ сюжетомъ, сразу видно, что прототипы ихъ взяты изъ обыденной

Домъ Петерсена.

жизни. Всего болѣе реализмъ художника сказывается въ округленности этихъ юношескихъ головъ съ мелкими и пріятными чертами лица, точно какъ у мадоннъ и ангеловъ позднѣйшаго періода, когда реализмъ уже окончательно вступилъ въ свои права.

Такія лица, какія у праведниковъ Вольгемута, Дюрера и Адама Крафта, и такія фигуры, какія у ихъ крестьянъ, всякій изъ насъ неоднократно встрѣчалъ въ жизни. Пойдите какъ нибудь на базаръ и вы тамъ навѣрно увидите крестьянъ и крестьяночекъ, которые своей осанкой и общимъ типомъ лица напомнятъ вамъ гравюры Дюрера и его учениковъ. Очевидно, художникъ немало рисовалъ эскизовъ и этюдовъ съ натуры, прежде чѣмъ начать свою картину, въ которой онъ уже только копировалъ подмѣченное имъ на улицѣ.

Видъ части города.

Это все фигуры и лица сами по себѣ, пожалуй, вовсе и не интересны, но тщательная вырисовка, любовь къ дѣлу, просвѣчивающая въ каждомъ штрихѣ, стремленіе къ правдѣ—придаютъ имъ неизъяснимую прелесть и ставятъ ихъ далеко выше тѣхъ аллегорическихъ, всегда красивыхъ фигуръ, на которыя такой мастеръ былъ Юстъ Аммонъ, жившій во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія. Впрочемъ даже и онъ не могъ вполне отрѣшиться отъ реализма своихъ предшественниковъ.

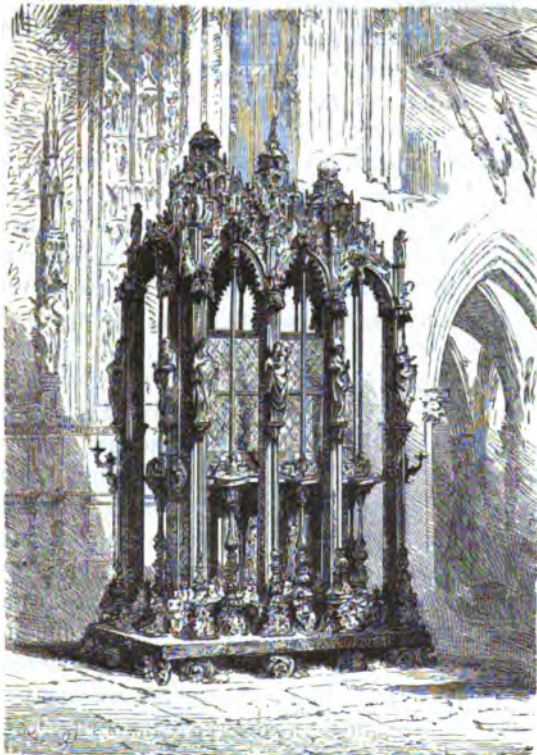
Реализмъ, поставившій цѣлью своей изображеніе всего окружающаго, развилъ въ нюрнбергцахъ стремленіе украшать это окружающее, т. е. улицы, церкви и дома, не пышными памятниками, а предметами полезными. Въ такомъ практическомъ взглядѣ на дѣло заключается лучшій, навѣрнѣйшій залогъ правильнаго развитія всякаго иску-

ства; что отвѣчаетъ потребностямъ человѣка, никогда не останется безъ поддержки. На улицахъ нѣтъ нужды въ саркофагахъ, нужны фонтаны—и вотъ Нюрнбергъ украсился въ высшей степени изящными и оригинальными фонтанами. Одинъ изъ нихъ, самый древній, до сихъ поръ еще называется—и по праву—„прекраснымъ фонтаномъ“; другой, такъ называемый „Gaensemaennlein“, представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ образцовъ реалистической школы, а „фонтанъ добродѣтели“ возлѣ собора св. Лоренца должно причислить къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ искусства, хотя его и сильно портятъ аллегорическія фигуры.

Въ церкви постоянно требовались алтари, усыпальницы, купели, разная священная утварь и картины на священные сюжеты. Съ распространеніемъ протестантизма число такихъ заказовъ, конечно, поуменилось, но спросъ на алтари не ослабъ, потому что они были такъ же необходимы для протестантской церкви, какъ и для католической; окна соборовъ по прежнему украшались расписными стеклами. Усыпальница св. Себальда—Петра Фишера—и дарохранительница Адама Крафта и теперь еще возбуждаютъ справедливое удивленіе всѣхъ знатоковъ и любителей изящнаго. Въ этой усыпальницѣ съ поразительной гармоніей готической стиль сливается со стилемъ renaissance; здѣсь они какъ будто дополняютъ другъ друга. У подножія колоннъ, поддерживающихъ балдахинъ, сидятъ Самсонъ, Геркулесъ, Немродъ и Тезей, истребители враговъ человѣчества; далѣе четыре фигуры главныхъ добродѣтелей, вокругъ нихъ нимфы и разныя мифологическія животныя и растенія. На серединѣ колоннъ двѣнадцать апостоловъ, а у капители ихъ столько же статуэтокъ пророковъ и проповѣдниковъ; на самомъ же верху—Предвѣчный Младенецъ. На одной сторонѣ самой усыпальницы художникъ изобразилъ праведника въ длинной одеждѣ—представителя идеальнаго въ жизни, а на другой себя самого, въ фартукѣ и колпагѣ, какъ представителя реализма.

Но той областью, гдѣ реализмъ выказался вполне, былъ, конечно, домъ, а не церковь. При нѣкоторой его прозаичности или, лучше сказать, практичности его направленія, домашняя быденная жизнь представляла ему гораздо болѣе подходящее поле дѣятельности, чѣмъ алтари величественныхъ соборовъ съ ихъ великолѣпной обстановкой; изображеніе „возвышеннаго въ прекрасномъ“ было вовсе не въ его характерѣ. Изъ всего дошедшаго до насъ особенно замѣчательны рѣзныя вещи изъ дерева, расписныя стѣны и потолки и еще—двери въ домахъ мѣстныхъ патриціевъ и купцовъ, богато украшенныя скульптурной работой. Самыя извѣстныя изъ нихъ и, если не ошибаемся, самыя древнія находятся въ домѣ Пеллера. Въ старину было не то, что теперь; тогда не любили врѣзывать желѣзныя части дверей глубоко въ дерево, такъ что ихъ вовсе и не видно, а старались ихъ сдѣлать такъ, чтобы онѣ служили украшеніемъ двери; отдѣлка скобъ ихъ и ключей часто бываетъ по истинѣ артистическая.

Рѣшетки вокругъ домовъ и въ окнахъ, кухонная посуда, колокола, подсвѣчники—все дѣлалось изъ желѣза и всему придавалась по возможности изящная форма; нѣкоторыя вещи домашняго обихода просто удивляютъ оригинальностью замысла и совершенствомъ работы. Медальеры и горшечники тоже не сидѣли безъ работы. У богатыхъ людей того времени было въ обычаѣ дѣлать въ комнатахъ высокіе съ выпуклыми орнаментами камины изъ изразцовъ и устанавливать полки буфетовъ красивой, пестро окрашенной посудой. Приготовленіемъ ея особенно славился нѣкій Гиршфогель. Впослѣдствіи, подъ

Усыпальница св. Себастьяна, работы Фишера.

вліяніемъ голландцевъ и знакомства съ Востокомъ, она замѣнилась утварью изъ свѣтло синяго фаянса.

Нюрнбергцы были умные люди. Они скоро поняли, какое значеніе со временемъ приобрететь въ домашнемъ обиходѣ стекло и устроили въ пфальцскихъ лѣсахъ нѣсколько стеклянныхъ заводовъ; ихъ промышленному гению собиратели рѣдкостей и обязаны этими большими стеклянными бокалами, которые они такъ высоко цѣнятъ. Впрочемъ, бокалы и кружки дѣлались и изъ цинка, а у богатыхъ людей такъ изъ золота и серебра. Если въ Нюрнбергѣ какое нибудь ремесло когда . и возвысилось до степени искусства, то это именно золотыхъ

дѣлъ мастерство въ XVI столѣтіи. Тонкость вкуса, богатство воображенія и совершенство исполненія соперничаютъ между собой въ произведеніяхъ нѣкоего Венцеля Ямицера и его современниковъ. Много ихъ находится въ коллекціяхъ и сокровищницахъ князей, но все это только незначительная часть того, что было и что составляло лучшее украшеніе домовъ нюрнбергскихъ гражданъ; нужда, войны заставляли отдавать золотые сосуды въ плавильню и чеканить изъ нихъ монету;

съ теченіемъ времени измѣнились и самый вкусъ, сталъ грубѣе и удовлетворялся мѣньшимъ, и легкіе изящные бокалы и подсвѣчники пошли въ плавильню для того, чтобы превратиться въ грубые массивные стаканы.

Но все-таки и того, что дошло до насъ, вполне достаточно, чтобы показать, на какой, въ самомъ дѣлѣ, высотѣ стояло тогда чеканное искусство и какъ далеко до него нынѣшнимъ нашимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ. Тогда были художники, а теперь ремесленники. Къ сожалѣнію, то же самое приходится сказать о нынѣшнемъ положеніи всѣхъ почти ремеслъ, процвѣтавшихъ въ былое время, — о слесарномъ, кузнечномъ, о рѣзбѣ изъ дерева, о выдѣлкѣ фаянса и изразцовъ и т. д. Всякій человекъ съ развитымъ вкусомъ легко можетъ понять и оцѣнить, что сдѣлалъ древній Нюрнбергъ и какъ велико значеніе завѣщаннаго имъ позднѣйшимъ временамъ.

ЗАПИСКИ КАРОЛИНЫ БАУЭРЪ.

III ¹⁾.

Каролина въ Россіи.—Истинно-нѣмецкій городъ Рига.—Польское возстаніе.—Пасторъ Муральтъ.—Графиня Ферзенъ.—Нѣмецкій театръ въ Петербургѣ.—Князь Гагаринъ.—Холера.—Константинъ Павловичъ.—Княгиня Ловичъ.—Сальныя свѣчи за обѣдомъ.—Императрица Александра Федоровна.—Семейная жизнь Николая I.—Живописецъ Крюгеръ и часы съ брилліантами.—16000 бутылокъ рому.—Столовые расходы императорской фамиліи.—Анекдоты о Николаѣ I.—Великія княжны Марія, Александра и Ольга Николаевны.—Елена Павловна.—Трагикъ Крюгеръ.—Шарлота Гагенъ.—Каратыгинъ.—Мальо и Зиберъ.—Шарлота Штиглицъ и ея мужъ.—Поклонники Каролины: полковникъ, генералъ и поручикъ.—Актеръ съ фizioноміей сапожника.—Вступленіе Геденова въ должность директора театровъ.—Король и маркизъ прогнанные со сцены.—Цензура, спектакли и публика въ Ригѣ.—Луиза Эккертъ.—Каролина въ Митавѣ.—Познанъ.—Вѣнская публика.—Графъ Шандоръ.—Театръ въ Пештѣ.—Императоръ Францъ и герцогъ Рейхштадтскій.—Австрійскіе эрцгерцоги и эрцгерцогини.—Князь и княгиня Меттернихъ.—Купальни въ Баденѣ.—Портной фон-Беръ.—Лудвигъ Тикъ.—Ангажементъ въ Дрезденѣ.—Сестры Гейнефетеръ.—Графиня Луксбургъ.—Наполеониды.—Великая герцогиня Софія.—Профессоръ Деларивъ.—Графиня Финкенштейнъ.—Лола Монтесть.—Графиня Ган-Ганъ.—Сестры Миланоло.—Коронація Фердинанда I.—Князь Феликсъ Лихновскій.—Новое неудачное сватовство.—Графъ Платеръ.—Польскій адъ.—Семидесятилѣтняя комедіантка.—Вельмеръ.—Послѣдняя ложъ.—Актеры на сценѣ и въ жизни.

ПОЛОЖЕНІЕ Каролины Бауэръ, по возвращеніи ея въ Германію, послѣ разрыва съ Леопольдомъ, было очень тяжелое, какъ положеніе почти всякой отставленной любовницы. Во всѣхъ глазахъ она видѣла вопросъ: „Ну, что же? Англійское-то величіе скоро кончилось? Хорошо-ли, по крайней мѣрѣ, успѣли пообстричь кобургскую овечку? Что же теперь будетъ дѣлать мамзель или мадамъ Бауэръ?“ Рѣшившись опять поступить на сцену, она не

¹⁾ Окончаніе. См. „Истор. Вѣсти.“, томъ VII, стр. 195.

могла сдѣлать этого въ Берлинѣ, гдѣ ее встрѣтили бы насмѣшки и журнальная неприязнь; да и вообще, показаться снова въ Германіи, передъ театральной публикой, было очень рисковано. Посоветовавшись съ своимъ братомъ Людвигомъ, Каролина рѣшилась написать въ Петербургъ князю Волконскому, всемогущему министру двора: можетъ ли она явиться тамъ на нѣмецкой сценѣ? Отвѣтъ былъ полученъ благопріятный; ее помнили въ Петербургѣ и пригласили туда на роли первыхъ любовницъ, оставшіяся вакантными послѣ г-жи Федерсенъ. Такимъ образомъ, въ началѣ февраля 1831 года, Каролина съ своею матерью, братомъ Людвигомъ, собакою Лизинькой и попугаемъ Коко, наслѣдствомъ принцессы Шарлоты, отправилась на „святую Русь“, какъ она сама ее называетъ. Братъ Людвигъ намѣренъ былъ занять въ Петербургѣ мѣсто гувернера и запастись рекомендаціей къ пастору Муральту, ученику Песталоцци. Путешественники переправились по льду черезъ Двину и пріѣхали въ Ригу, гдѣ артисты мѣстнаго театра приняли ихъ очень радушно. „Истинно нѣмецкій городъ Рига“ былъ въ то время очень печаленъ, потому что черезъ него по минутно проходили русскіе полки, отправлявшіеся „уничтожать Польшу, которая все еще не хотѣла умирать и боролась отчаянно“. Добрый нѣмецкій городъ высказывалъ полное сочувствіе инсургентамъ. Каролинѣ совѣтовали не ѣхать дальше и выждать, пока окончится передвиженіе войскъ, часто держивавшее путешественниковъ. Увѣдомивъ дирекцію театра о причинѣ остановки въ Ригѣ, Каролина сыграла тамъ нѣсколько пьесъ: „Леонору“ Гольтея, „Шестнадцатилѣтнюю королеву“, „Молодую крестную мать“ и др. Петербургскія газеты говорили, что восстаніе очень легко усмирить, а между тѣмъ полки все тянулись въ Польшу. Рижскую труппу актеровъ съ Каролиною Бауэръ приглашали на нѣсколько представленій въ Митаву, но послѣ перваго же спектакля актеры должны были поспѣшно вернуться въ Ригу, такъ какъ разнесся слухъ, хотя и не оправдавшійся впоследствии, что инсургенты хотятъ сдѣлать нападеніе на Митаву.

Въ концѣ поста Каролина пріѣхала въ Петербургъ и остановилась въ Малой Конюшенной, въ домѣ генерала Веригина. По протекціи Муральта, братъ ея, Людвигъ, получилъ мѣсто гувернера у князя Васильчикова. Каролина рассказываетъ подробно біографію Муральта, говорить о его предкахъ, о его стараніяхъ въ Петербургѣ къ развитію нѣмецко-реформатской общины. Онъ прославился здѣсь и какъ администраторъ, и какъ проповѣдникъ; въ обществѣ у него было также много друзей и поклонниковъ; дамы были отъ него въ восторгѣ, особенно прекрасная графиня Ферзенъ. Какъ опытный педагогъ, онъ основалъ въ 1811 году первое воспитательное заведеніе по методѣ Песталоцци, не смотря на сопротивленіе министра просвѣщенія, находившаго опаснымъ для національнаго русскаго элемента основаніе иностранцемъ частной школы. Пансіонъ Муральта

пользовался огромною извѣстностью и принялъ обширные размѣры, несмотря на значительную плату за воспитаніе (1100 руб.) въ немъ. Домомъ Муральта управляла графиня Ферзенъ, не вѣнчанная жена почтеннаго пастора. Его рекомендовалъ императору Александру и Маріи Федоровнѣ русский генералъ и нѣмецкій поэтъ Клингерь, другъ Гете и основатель литературной школы „періода бури и стремленій“ (Sturm und Drang Periode). Женатый на особѣ, близкой императору Александру, Клингерь доставилъ высокое покровительство и своему другу Муральту. Императрица Марія поручила ему преобразование воспитательнаго дома, но, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ труда и изслѣдованій, пасторъ отказался отъ этого порученія, находя невозможнымъ бороться съ интригами и злоупотребленіями, господствовавшими въ этомъ учрежденіи. Когда, въ 1816 г., въ Швейцаріи былъ большой голодъ, Муральтъ въ нѣсколько недѣль собралъ для своихъ земляковъ 20.000 р.. Когда онъ представилъ императору Александру подписной листъ, тотъ прибавилъ къ этой суммѣ еще 100.000. Муральтъ дѣлалъ очень много добра и помогалъ бѣднымъ, — конечно, больше всего иностранцамъ, за что находился въ постоянномъ подозрѣніи у полиціи. Каролина близко сошлась съ нимъ и графинею Ферзенъ. Нежеланіе его жениться на графинѣ она объясняетъ его любовью къ свободѣ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ швейцаркою Розетою Кастгоферъ, но, принятый въ высшемъ обществѣ, не могъ ввести въ него эту дочь природы и, разойдясь съ нею, остался ея другомъ до самой смерти. На другой дѣвушкѣ, дочери петербургскаго купца, онъ не женился по желанію своей матери, надѣявшейся, что сынъ ея вернется въ Швейцарію. Онъ и самъ никогда не терялъ этой надежды, хотя она и не исполнилась.

На нѣмецкой петербургской сценѣ Каролина выступила въ первый разъ въ комедіи Клауренса „Женихъ изъ Мексики“ и была принята публикою съ особеннымъ одушевленіемъ. Послѣ третьяго спектакля, она вступила въ число придворныхъ актрисъ, съ жалованьемъ въ 8000 и бенефисомъ, гарантированнымъ въ 3000 рублей. Нѣмецкая труппа была очень недурно составлена. Первые роли игралъ Вейландъ, благородныхъ отцовъ — Барловъ, субретокъ — Юлія Герстель. Директоромъ театровъ былъ князь Гагаринъ, съ достоинствомъ отставившій свое управленіе отъ самовольства, мало смыслившаго въ театральныхъ дѣлахъ, министра двора, Волконскаго. Онъ былъ строгъ и гордъ, но справедливъ и уменъ. Каролина вѣрно его оцѣниваетъ и отдаетъ полную справедливость благоразумному управленію театрами князя Гагарина. Только гордость его доходила до смѣшнаго. Такъ, считая актеровъ какими-то низшими созданіями, онъ никогда не обращался къ нимъ прямо, но всегда черезъ посредство управляющаго нѣмецкою сценою, Гельмерсена. Это нерѣдко подавало поводъ къ недоразумѣніямъ и даже къ столкновеніямъ съ артистами. Такъ, пѣвецъ и оперный режиссеръ Константинъ Голландъ, умный, обра-

зованный человекъ, бывший бреславльскій студентъ и счастливый поклонникъ хорошенькой Герстель, въ присутствіи князя не разъ обращался къ нему спиной и говорилъ Гельмерсену: „Сообщите, пожалуйста, князю Гагарину о томъ-то“. Только къ молодымъ актрисамъ князь удостоивалъ иногда обращаться съ вопросами и комплиментами. Петербургъ въ это время былъ сильно озабоченъ польскою войною, гвардія была въ походѣ, и участь ея, конечно, не могла не интересоватъ петербургское общество. Тревожное настроеніе усилилось еще болѣе съ появленіемъ холеры. Театры мало посѣщались публикою. Однажды, когда у Каролины былъ въ гостяхъ Муральтъ, общій знакомый сообщилъ имъ о печальной участи ихъ пріятеля, доктора Зеемана: выходя изъ госпиталя, онъ нюхалъ стклянку съ камфарой; на него напали мужики, избили и бросили черезъ перила въ каналъ, крича, что нѣмцы отравляютъ народъ. Несмотря на усиленіе холеры, приказано было не закрывать театры и давать спектакли по прежнему. Между тѣмъ холера похищала жертвы и изъ артистическаго круга. Капельмейстеръ Шреймецеръ, дирижируя наканунѣ въ „Преціозѣ“, на другой день уже лежалъ на смертномъ одрѣ. Въ конторѣ, во время присутствія, умерли два сторожа. Нѣсколько капельдинеровъ лежали также въ госпиталѣ, но спектакли продолжались какъ всегда, хотя въ день умирало по 500 человекъ. Простой народъ, объѣдаясь огурцами и напиваясь съ гора, грозилъ врачамъ и иностранцамъ. На Сѣнной разбили госпиталь, выкинули оттуда доктора изъ третьяго этажа и вытащили на улицу холерныхъ больныхъ. Императоръ пріѣхалъ изъ Царскаго Села въ коляскѣ, безъ свиты и началъ уговаривать народъ. Въ то же время раздался звонъ церковныхъ колоколовъ. Государь закричалъ, чтобы народъ молился Богу и—десятысячная толпа опустилась на колѣни. Только когда отъ холеры умерли два французскихъ актера, пришло приказаніе о закрытіи всѣхъ театровъ. Каролина переѣхала на дачу на Васильевскій островъ. Тамъ, въ тѣнистомъ саду, дышалось легко и прохладно; только тишину ночи нарушали безконечныя вереницы гробовъ, двигавшіяся по направленію къ кладбищу, такъ какъ мертвыхъ запрещено было хоронить днемъ. Изъ 300.000 тогдашняго населенія Петербурга умерло до десяти тысячъ.

Еще печальнѣе отозвалась въ Петербургѣ смерть великаго князя Константина, умершаго 27-го іюня 1831 года также отъ холеры и похороненнаго съ обычными почестями. Подъ сильнымъ дождемъ шли за гробомъ тысячи священниковъ въ черныхъ рясахъ; императоръ со своею свитой ѣхалъ верхомъ; онъ былъ мраморно блѣденъ и холоденъ; толпы народа равнодушно смотрѣли на процессію. Константина не любили въ Петербургѣ и не жалѣли. Онъ отказался отъ престола, чтобы жениться на избранной сердца, очаровательной полькѣ, графинѣ Грудзинской, переименованной въ княгиню Ловичъ. „Конечно, этотъ отказъ доказывалъ страсть и энергію; но и въ страсти, и въ энергіи,

Константинъ былъ тѣмъ же деспотомъ, часто до жестокости“. Его супруга, пожертвовавшая собою для того, чтобы сдѣлаться ангеломъ хранителемъ Польши, горько разочаровалась. Къ ней относились подозрительно и русскіе и ея земляки, и рѣдко случалось ей склонить на милость сердце своего супруга. При началѣ возстанія, Константинъ долженъ былъ отступить изъ Варшавы и едва не попалъ въ плѣнъ. Онъ гордился храбростью поляковъ, и когда самонадѣянные генералы увѣряли, что они въ нѣсколько дней подавятъ возстаніе, онъ отвѣчалъ съ иронической усмѣшкою: „Посмотримъ! вы увидите, какъ будутъ драться мои храбрые поляки“. Константинъ наслѣдовалъ вполнѣ неукротимый и непреклонный характеръ своего отца. Ребенкомъ онъ кусалъ своихъ учителей; четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ мучилъ сверстниковъ, которыхъ училъ военнымъ приемамъ. Съ первою женою своею, принцессою Юліаною Саксен-Кобургскою, онъ обращался такъ жестоко, что она вскорѣ же уѣхала отъ него въ Швейцарію, отказавшись наотрѣвъ отъ примиренія и возвращенія къ мужу. Даже за-границею—въ Берлинѣ, Тюрингенѣ и въ другихъ мѣстахъ—онъ не могъ сдерживать своего вспыльчиваго, деспотическаго характера, и вездѣ ходили расказы о его жестокости. Каролина приводитъ нѣсколько ужасныхъ примѣровъ, едва ли бывшихъ въ дѣйствительности. Онъ требовалъ отъ поляковъ безусловнаго, автоматическаго повиновенія. Французскій актеръ Левальянъ былъ высланъ за-границу за то, что смѣлъ сказать въ глаза князю о томъ, что народъ доведенъ до отчаянія. Каролина приводитъ даже невозможный анекдотъ, хотя и дѣйствительно повторявшійся всѣми въ то время. Поляки смѣялись надъ тѣмъ, что русскіе ѣдятъ салыныя свѣчи, и на большомъ обѣдѣ, на который были приглашены извѣстнѣйшія въ Варшавѣ лица изъ польскаго общества, гостямъ подали салыныя свѣчи, и намѣстникъ пригласилъ гостей попробовать вмѣстѣ съ нимъ этого лаковаго національнаго блюда. Ему приготовлена была заранѣе свѣча изъ марципана, и онъ началъ ѣсть ее, но въ ужасѣ остановился: сахарную свѣчу кто-то успѣлъ подмѣнить настоящею... Княгиня Ловичъ немногимъ пережила своего супруга: она умерла въ Царскомъ Селѣ, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ кончины великаго князя.

Въ половинѣ сентября взята была Варшава и прекратилась холера; Петербургъ закипѣлъ новою жизнью; спектакли стали вновь привлекать многочисленную публику; нѣмецкій театръ въ особенности дѣлалъ большіе сборы и, первый разъ еще въ концѣ года, принесъ доходъ казнѣ. „Репертуаръ его былъ очень разнообразенъ: играли „Эмилию Галотти“, „Короля Энцио“, „Элизу фон-Вальбергъ“, „Мельника и его ребенка“, „Невѣсту изъ Кинаста“, „Лихтенштейнеровъ“, „Марію Луизу Орлеанскую“, „Фридриха Августа въ Мадридѣ“ и др. Сама Каролина отличалась въ „Доннѣ Діанѣ“, „Препіозѣ“ и „Слѣпой Габріелѣ“. Труппа играла въ темномъ, грязномъ театрѣ у Семіоновскаго моста, передѣланномъ изъ цирка. Только бенефисы и экстрен-

ныя представленія давались въ Александринскомъ театрѣ. Въ бенефисъ Каролины театръ посѣтили императоръ съ супругою и бенефициантка получила, по обыкновенію, богатый подарокъ. Императрица пригласила ее къ себѣ въ ложу еще послѣ перваго дебюта и, когда артистка просила ее не оставлять нѣмецкій театръ своимъ посѣщеніемъ, государыня сказала, что она готова видѣть Каролину, но другія актрисы до того комичны, что не умѣютъ даже держать платка въ рукахъ. И она показала, какъ онѣ, вытянувъ руки впередъ, какъ автоматы, полагаютъ, что онѣ въ совершенствѣ изображаютъ придворныхъ дамъ. „Я едва могла удержаться отъ смѣха при этой пантомимѣ императрицы“, прибавляетъ Каролина, вообще отзывающаяся о ней съ восторгомъ. Такъ, имѣвъ случай видѣть ее танцующею, артистка говоритъ, что никто въ мірѣ не могъ сравниться съ нею граціозностью и пластичностью формъ. Императоръ обожалъ ее и былъ совершенно равнодушенъ къ другимъ женщинамъ. Одна изъ первыхъ красавицъ Петербурга, танцуя съ нимъ, сказала однажды: „О, какъ я счастлива, танцуя съ прекраснѣйшимъ кавалеромъ всей имперіи“. — „Я прекрасенъ только для моей жены“, холодно отвѣчалъ императоръ.

Придворныя новости Каролина узнавала черезъ пастора Муральта, друга министра Кангерина, и черезъ своихъ учениковъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи. Семейная жизнь монарха была полна простоты и задушевности. Вокругъ тринадцати-лѣтняго наследника, воспитывавшагося съ сыномъ генерала Паткуля, собирался также веселый кругъ мальчиковъ. Тогда начинала входить въ моду французская кадрилъ. Императоръ танцевалъ ее однажды съ своею старшею дочерью, великою княжною Маріей, визави съ императрицей и наследникомъ. Онъ держалъ на рукахъ своего маленькаго сына Михаила и, во время соло, передавалъ его государинѣ, осыпавшей его поцѣлуями. Подъ бюстомъ императрицы Николай I-й приказалъ подписать слова: „счастье моей жизни“, и когда, въ 1837 году, Зимній дворецъ пылалъ въ огнѣ, онъ говорилъ: „Оставьте, пусть все сгоритъ, достаньте мнѣ только изъ моего рабочаго кабинета портфель съ письмами, которыя жена писала мнѣ, бывши моею невѣстою“. Когда берлинскій живописецъ Крюгеръ рисовалъ портретъ императора, Николай I сказалъ художнику: „просите за него какъ можно больше, любезный Крюгеръ, потому что этотъ скряга (и при этомъ онъ указалъ на князя Волконскаго), который все боится, чтобы мы не сдѣлались нищими, непременно заставитъ васъ что нибудь сбавить съ цѣны“. Крюгеру, за его трудъ, было приказано выдать драгоцѣнные золотыя часы съ брилліантами, но, проходя черезъ руки чиновниковъ министерства двора, брилліанты улетучились, и когда Николай I-й увидѣлъ у Крюгера эти часы, онъ сказалъ ему: „видите ли, какъ меня обкрадываютъ! Но если бы я захотѣлъ по закону наказать всѣхъ воровъ моей имперіи, для этого было бы мало всей Сибири, а Россія превратилась бы въ такую же пустыню, какъ Си-

бирь". Однажды, просматривая счеты по содержанію стола наслѣдника, государь нашель, что ему всякій день подаютъ бутылку рому, а наслѣднику было всего двѣнадцать лѣтъ; но что еще поразительнѣе— бутылка эта ставилась на счетъ со дня его рожденія. Такая же бутылка показывалась и въ счетѣ наслѣдника Павла I-го, Александра Павловича, которому лейб-медикъ, 10-го декабря 1787 года, прописалъ чайную ложечку рома противъ зубной боли и, вслѣдствіе этого рецепта, втеченіе послѣдующихъ сорока трехъ лѣтъ, придворное вѣдомство заплатило за 16.000 бутылокъ рому. Это любопытное открытіе повело къ тому, что императоръ самъ пересмотрѣлъ расходы своего семейства и опредѣлилъ ежедневно на себя и императрицу сто рублей столовыхъ денегъ, на великихъ князей и княженъ по 25 руб., придворнымъ особамъ по 20 руб. и т. д., до 3 руб. включительно. Не забудемъ, что тогда считали на ассигнаціи.

Много анекдотовъ рассказываетъ Каролина объ императорѣ, но мы приведемъ только менѣе извѣстные. Однажды, гуляя съ своимъ адъютантомъ въ лѣсу, императоръ хотѣлъ перейти черезъ рѣчку, на которой не было моста. Встрѣтившійся мужикъ предложилъ перенести на себѣ генерала на ту сторону и благополучно переправилъ его, потомъ понесъ адъютанта. Вдругъ, стоя на другомъ берегу, государь закричалъ: „Сбрось этого господина въ рѣку и ты получишь пятьдесятъ рублей“. — „Получишь сто, если перенесешь меня! кричитъ адъютантъ.— „Пятьсотъ, только брось его!“ говоритъ Николай I-й.— Тысячу, только неси скорѣй! Мужикъ, оставшійся въ недоумѣніи во все время переговоровъ, перенесъ, наконецъ, адъютанта и получилъ, конечно, обѣщанную сумму. Адъютантъ этотъ былъ генералъ Салтыковъ. Въ 1834 году, въ Петербургѣ былъ такой страшный холодъ, что даже всѣ театры были закрыты, концерты и балы отменены, потому что кучера и лошади замерзали отъ стужи. На улицахъ почти не было видно прохожихъ, въ особенности бѣднякамъ приходилось плохо въ своихъ сырыхъ, промерзавшихъ насквозь подвальныхъ жилищахъ. Каролина рассказываетъ печальную исторію одного отставнаго актера Бреде, которому нѣмецкое благотворительное общество въ Петербургѣ два раза выдавало пособіе на обратное отправленіе въ Германію; но его удержала въ городѣ сначала болѣзнь дѣтей, потомъ жены, которая и умерла отъ холода и голода. Узнавъ объ ихъ положеніи, Каролина написала къ пастору Муральту, и тотъ, бывши въ Зимнемъ дворцѣ въ тотъ же день у великихъ княженъ, показалъ имъ это письмо. Марія Николаевна, прочтя его, вскричала: „это должна прочитать и мама!“ и выбѣжала изъ комнаты. Двѣ другія княжны отдали Муральту нѣсколько золотыхъ монетъ изъ своего рабочаго ящика. Вдругъ вошелъ императоръ съ супругою и великою княжною Маріей. „Это очень хорошо, пасторъ“, сказалъ онъ, „что вы даете дочерямъ моимъ случай дѣлать добро. Искренно радуюсь, потому что это дѣлаетъ ихъ счастливыми“. И Марія Николаевна

обняла своего родителя, Александра положила свою голову ему на грудь, а Ольга нѣжно поцѣловала его руку. Это была трогательная картина. Само собою разумѣется, что гѣмцу оказано было щедрое пособіе и собрана значительная сумма для возвращенія на родину. Изъ великихъ княженъ, старшая, Марія, болѣе всѣхъ походила на свою бабу, Екатерину II, даже характеромъ и наклонностями. Она вышла по собственному выбору, безъ всякаго вмѣшательства политики, за герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, незначительнаго полковника баварской службы, дѣдъ котораго погибъ на гильотинѣ, а отецъ былъ усновленъ Наполеономъ I, сдѣлавшимъ столько зла Россіи. Великая княжна Александра была настоящимъ ангеломъ не только по наружности; любимица отца, она очаровывала его своимъ пѣніемъ и не разъ пѣла дуэты съ пиемонтскою посланницею графинею Росси, знаменитою Генриеттою Зонтагъ. Александра Николаевна вышла за принца Фридриха Гессен-Дармштадтскаго. Въ 1844 году, когда императоръ былъ въ Лондонѣ для того, чтобы убѣдить королеву Викторію и ея министровъ въ безнадежномъ положеніи „большого человека“ и подѣлать его наслѣдство, безъ вмѣшательства Франціи и Австріи, пришла неожиданно ужасная вѣсть: великая княгиня Александра желаетъ проститься съ своимъ отцомъ передъ кончиною. Царь бросилъ переговоры о Турціи и послѣшилъ къ смертному одру своей дочери. Она родила ребенка, тотчасъ же умершаго, и вскорѣ же сама за нимъ послѣдовала. Похоронивъ ее въ церкви Петропавловской грѣбности, императоръ перелистывалъ глубокой ночью дневникъ своей дочери и прочиталъ въ одномъ мѣстѣ: „сегодня въ первый разъ пѣла для папа романсъ „Ты отцѣла уже, юная роза!“ Риданія помѣшали ему читать дальше. Въ царскосельскомъ паркѣ, на берегу озера, любила сидѣть великая княгиня и кормила шесть бѣлыхъ лебедей. На этомъ мѣстѣ императоръ воздвигъ часовню съ мраморнымъ изображеніемъ покойной; только бѣлыхъ лебедей замѣнили черными, но чрезъ нѣсколько дней и прежніе вернулись на старое, знакомое мѣсто. Императоръ, гуляя, часто самъ кормилъ ихъ, вспоминая о своей любимицѣ. Подъ ея портретомъ онъ написалъ слова, такъ часто ею произносимыя: „Я знаю, папа, что у тебя нѣтъ большаго удовольствія, какъ доставлять удовольствіе мамѣ“. Последняя дочь императора, во время пребыванія съ своею матерью въ Палермо, была обручена съ наслѣднымъ виртембергскимъ принцемъ; но дѣтей отъ этого брака не было. Быть дочерью императора не всегда значитъ— быть счастливою.

Странную и едва ли вѣроятную исторію рассказываетъ Каролина объ одной виртембергской принцессѣ, бывшей въ Петербургѣ въ царствованіе Екатерины II. Рожденная принцесса Брауншвейг-Вольфенбютельская, она была замужемъ за принцемъ Фридрихомъ Виртембергскимъ, служившимъ въ русской арміи, и матерью принцевъ Вильгельма, Павла, прославившагося въ войну за освобожденіе Герма-

ніи, и принцессы Екатерины, жены Иеронима Бонапарта, бывшего короля Вестфалии. Екатерина II любила сначала эту веселую Виртембергскую принцессу, но, вслѣдствіе какой-то темной любовной исторіи, сослала ее въ маленькую крѣпость на Балтійскомъ морѣ, а мужа ее отправила въ Германію. Комендантъ крѣпости успѣлъ утѣшить свою узницу, но былъ высланъ въ Сибирь. О принцессѣ всѣ забыли, и только при Николаѣ I найденъ былъ гробъ ея и новорожденнаго ребенка въ той же крѣпости.

Дочь герцога Виртембергскаго Александра, впоследствии герцогиня Кобургская, бывшая тогда при русскомъ дворѣ, часто посѣщала нѣмецкій театръ. Спокойная и холодная, она не выказывала никогда ни малѣйшаго знака одобренія. Великая княгиня Елена Павловна очень любила театръ, но посѣщала его рѣдко, такъ какъ супругъ ея Михаилъ Павловичъ не любилъ нѣмецкихъ спектаклей и вообще никакихъ искусствъ и наукъ, кромѣ военнаго искусства. Объ идеализмѣ онъ отзывался съ ѣдкою насмѣшкой. Еще Кюстинъ замѣтилъ, что великая княгиня Елена, кажется, скучаетъ (à l'air de s'ennuyer). Вообще дворъ посѣщалъ нѣмецкій театръ довольно рѣдко и въ исключительныхъ случаяхъ. Въ 1833 году, пріѣхалъ въ Петербургъ на гастроль берлинскій трагическій актеръ Вильгельмъ Крюгеръ. Онъ дебютировалъ въ Гамлетѣ; Каролина играла Офелію. Успѣхъ былъ огромный. Несмотря на іюньскіе жары, публика наполняла театръ. Въ бенефисъ Крюгера, онъ игралъ „Императора Фридриха“ и получилъ чистаго сбора 4.000 рублей. Не меньше сбора далъ и второй его бенефисъ — „Разбойники“; но уже на сценѣ Каролина, играя Амалию, замѣтила, что ея Карлъ Моръ сильно разстроенъ. Совершенно больной угощалъ онъ послѣ бенефисаужиномъ своихъ товарищей, и на другой же день долженъ былъ играть во дворцѣ. Черезъ недѣлю артиста увезли въ Берлинъ: онъ страдалъ глубокой меланхоліей, иногда заговаривался и нѣсколько разъ покушался на самоубійство. Душевно разстроенный, онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, и все-таки, обманувъ бдительный надзоръ, убилъ себя въ 1840 году. Въ томъ же 1833 году, въ Петербургъ пріѣхала опасная соперница для Каролины, первая берлинская актриса — Шарлота фон-Гагенъ. Она играла тѣ же роли, какъ и Каролина, и дебютировала въ ея лучшей роли — „Донна Діана“. Каролина сознается, что Шарлота была очень хороша собой, граціозна, кокетлива, привлекательна, что она была превосходная Юлія Капулетти, Мирандолина, но въ „Доннѣ Діанѣ“ играла хуже Каролины, а въ „Преціозѣ“ была гораздо слабѣе, особенно въ сценахъ танцевъ и пѣнія. Въ свои бенефисы она взяла „Коварство и Любовь“ и „Дон-Карлоса“, а Каролина должна была играть леди Мильфортъ и королеву Елизавету. Публика одинаково рукоплескала обѣимъ актрисамъ и вызывала ихъ вмѣстѣ. Вообще, онѣ жили очень дружно между собою, показывались вмѣстѣ въ публикѣ, но Каролина сознается, что обѣ играли въ это время комедію. Расхваливая свою

соперницу, Каролина приводитъ, однако, нѣсколько вовсе не лестныхъ для Гагенъ замѣчаній разныхъ критиковъ. Одинъ говоритъ, что у нея во всемъ заученный расчетъ, нѣтъ ни искренняго чувства, ни увлеченія. Другой подтверждаетъ, что въ роляхъ наивныхъ и невинныхъ дѣвушекъ, какъ Гретхенъ, она была очень слаба и выдавалась только въ роляхъ кокетокъ и холодныхъ, расчетливыхъ характеровъ. „Она была въ жизни, какъ и въ искусствѣ, красивая, но холодная змѣя“. Какъ Эмиль Девриентъ, никогда не игравшій злодѣевъ и мошенниковъ, Гагенъ никогда не выходила на сцену въ роляхъ дурныхъ женщинъ, чтобы не возбудить къ себѣ нерасположенія публики. Она однако же очень нравилась императору и онъ однажды сказалъ ей, что былъ бы радъ исполнить ея сердечное желаніе. Актриса потребовала его поцѣлуя. Газеты (конечно, заграничныя) того времени говорили, что желаніе актрисы осталось неисполненнымъ. Каролина утверждаетъ противное. Гагенъ пріѣзжала въ Петербургъ еще разъ, но когда уже тамъ не было Каролины. Артистки встрѣтились потомъ чуть ли не черезъ полстолѣтіе, когда Каролина была графиней Платеръ, а Шарлота госпожею Овенъ, разведенною послѣ несчастнаго брака. Шарлота пріѣхала въ швейцарское помѣстье Каролины. Это была толстая, обрюзгая женщина, волочившая за собою одну ногу, вслѣдствіе удара, со вставными зубами и даже ослабѣвшею памятью, за то въ великолѣпныхъ брилліантовыхъ серьгахъ и браслетахъ. Безъ родины, безъ любви, безъ пристанища, не имѣя подлѣ себя никого, кто бы о ней заботился подъ старость, Шарлота странствовала по Германіи, Швейцаріи, Италіи, съ однихъ водъ на другія, напрасно отыскивая друзей и поклонниковъ своихъ молодыхъ сценическихъ годовъ. Все это исчезло навсегда! Хорошо еще, что остались средства, возможность доживать безъ лишеній эту скучную, безотрадную жизнь.

Каролинѣ Бауэръ нельзя однако же вѣрить вполне, когда она выражаетъ сужденія о своихъ братьяхъ по искусству, какъ напримѣръ, въ ея приговорѣ объ игрѣ Шарлоты Гагенъ. Еще лучше это доказывается ея оцѣнкою игры трагика Каратыгина и его жены. Въ даровитомъ, но далеко не первоклассномъ актерѣ, въ которомъ не было ни естественности, ни увлеченія, она видитъ верхъ совершенства; даже по наружности она называетъ его полубогомъ, видитъ въ немъ Аполлона Бельведерскаго и восхищается даже его античнымъ профилемъ. Лучшаго Фердинанда въ „Коварствѣ и Любви“ она не видала даже въ Германіи; а въ этой-то именно роли въ немъ не доставало ни чувства, ни страсти. Жена его, также умная и талантливая актриса, но въ которой было много искусственности и гоманства, играла Луизу Миллеръ, по мнѣнію Каролины Бауэръ, гораздо лучше ея самой. Что петербургская публика приходила въ восторгъ отъ такихъ артистовъ—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: она не видала ничего лучшаго и была, вообще, неразвита въ эстетическомъ

отношеніи. Заговоривъ объ артистическомъ мірѣ, Каролина рассказываетъ печальную исторію даровитой актрисы французской петербургской сцены—Мальо. Она влюбилась въ тогдашняго итальянскаго тенора Николини и, несмотря на то, что ей оставалось всего два года до пенсіи, оставила Петербургъ и сцену, чтобы слѣдовать за своимъ возлюбленнымъ. Въ 1837 году, графиня Ферзенъ встрѣтила Мальо въ Ницѣ, въ страшномъ положеніи: Николини давно уже потерялъ голосъ и Мальо должна была зарабатывать деньги, чтобы содержать его. Все, что она получала, Николини пропивалъ, а когда у нея не было денегъ, билъ ее безпощадно. Когда же въ одну ночь нашли его трупъ у дверей кабака, съ нею сдѣлался ударъ и она умерла въ госпиталѣ. Не лучше была судьба другой артистки, пѣвицы Клары Зиберъ, дочери известнаго баритона. Въ петербургской оперѣ она получала 10.000 рублей жалованья. Каролина, оставивъ Россію, десять лѣтъ не имѣла никакихъ свѣдѣній о своей подругѣ, но однажды въ Дрезденѣ къ ней явился оборванный бѣднякъ и рекомендовался волторнистомъ, мужемъ Клары Зиберъ. Она была больна при смерти и просила свою бывшую подругу навѣстить ее и приобрести у нея ожерелье—остатокъ ея сценческаго туалета. Каролина нашла пѣвицу въ послѣдней степени чахотки, въ самой жалкой обстановкѣ. Умиравшая не могла уже говорить отъ слабости, но указала Каролинѣ на небольшое ожерелье съ голубыми камушками и запискою, въ которой была выставлена цѣна. Каролина тотчасъ же заплатила двойную сумму и ушла съ слезами на глазахъ. На другой день пѣвицы не стало.

О нѣмецкомъ обществѣ Петербурга Каролина отзывалась, конечно, съ полною благосклонностію; расхваливаетъ даже особенную любезность и танцевальное искусство надворнаго совѣтника Вульфберта, редактора нѣмецкой петербургской газеты, не забывая, однако, прибавить, что это былъ одинъ изъ самыхъ безобразнѣйшихъ людей; расхваливаетъ и барона Штиглица, этого петербургскаго Ротшильда, и отзывалась неодобрительно только о его племянникѣ, Гейнрихѣ Штиглицѣ, плохомъ, напыщенномъ поэтѣ. По наружности, это былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, съ черною бородою, темными глазами, смотрѣвшими какъ-то растерянно; онъ казался флегматичнымъ, думавшимъ болѣе о себѣ, и старавшимся всегда и вездѣ выказать себя человѣкомъ выше другихъ, настоящимъ поэтомъ, пренебрегающимъ обыкновенными смертными. Часто встрѣчая его у дяди банкира, Каролина замѣчала, что онъ постоянно рисуется, принимаетъ живописныя позы, устремляетъ неподвижные взоры на одну точку и что-то бормочетъ про себя,—конечно, стихи своего сочиненія. Жена его Шарлота была очень интересное, красивое существо, съ темными волосами и глазами, полными ума и жизни, съ прекраснымъ, пѣвучимъ голосомъ; но она слишкомъ заботилась о томъ, чтобы выдвинуть впередъ и выставить въ блестящемъ свѣтѣ своего мужа. Въ этомъ стараніи замѣтно было какое-то болѣзненное напряженіе, будто она сама насильно принуждала себя вѣрить въ своего флегматичнаго поэта. Когда Каролина оставила уже Россію, до нея до-

шло ужасное извѣстіе: Шарлота Штиглицъ, 29 декабря 1834 года, въ то время, когда ея мужъ былъ въ концертѣ, закололась. Говорили, что она сдѣлала это для того, чтобы вывести изъ слотворнаго бездѣйствія своего мужа и чтобы возбудить его вдохновеніе потрясающимъ сердце горемъ. Болѣе скеитическіе люди утверждали, что она убила себя, отчаявшись въ своемъ поэтѣ, убѣдясъ въ его ничтожествѣ, и что главною причиною самоубійства была ея любовь къ Теодору Мундту, который впоследствии написалъ объ ней трогательное воспоминаніе. Самопожертвованіе Шарлоты не принесло однако никакой пользы: супругъ ея впалъ въ еще большую умственную летаргію, такъ какъ подлѣ него не было уже лица, побуждавшаго его создавать и трудиться. Онъ спокойно жилъ въ Венеціи, ничего не дѣлая и получая содержаніе отъ своего петербургскаго дядюшки. Весною 1849 года онъ умеръ тамъ отъ холеры.

О своихъ петербургскихъ поклонникахъ Каролина говоритъ очень мало, упоминая въ числѣ ихъ только трехъ лицъ: полковника Львова, предлагавшаго ей свою руку; онъ былъ уже однажды женатъ на актрисѣ Федерсенъ, умершей незадолго до пріѣзда Каролины, и сначала все только и говорилъ о своей покойницѣ, оплакивая ее при всякомъ случаѣ, хотя, по словамъ знавшихъ лицъ, Федерсенъ въ семейной жизни не была вовсе образцомъ кротости и добродушія. Она умерла вскорѣ послѣ родовъ, какъ говорили отъ того, что неумѣренно поѣла кислой канусты, хотя полковникъ увѣрялъ, что на нее губительно подействовалъ испугъ, вслѣдствіе того, что лакей уронилъ цѣлый подносъ съ посудою. Другой обожатель былъ толстый и уже немолодой генералъ, адъютантъ принца Александра Виртембергскаго, вздыхавшій по Каролинѣ, какъ прапорщикъ. Въ своемъ вѣчномъ мундирѣ съ высокимъ краснымъ воротникомъ, безъ малѣйшаго признака талии, застегнутый на всѣ пуговицы, готовый лопнуть отъ генеральской полноты, съ краснымъ подбритымъ затылкомъ, являлся онъ къ ней, держа въ лѣвой рукѣ трехугольную шляпу съ высокимъ султаномъ изъ перьевъ, который онъ немилосердно терзалъ, конфузаясь и заикаясь въ бесѣдѣ съ Каролиной. Послѣ его визита горничная должна была постоянно подметать и убирать нащипанные имъ перья. Это генеральское ухаживанье также не имѣло никакихъ послѣдствій. Послѣ полковника и генерала, пламеннымъ поклонникомъ Каролины явился двадцатилѣтній инженерный поручикъ, Александръ Кѣннигъ-Толлертъ. Онъ бредилъ искусствомъ и въ особенности театромъ, уже въ то время собираясь бросить знамена Марса, чтобы посвятить себя Мельпоменѣ. Онъ писалъ Каролинѣ стихи, посылалъ букеты и ѣздилъ даже за нею въ Ригу, когда она тамъ, во время поста, исполняла гастролы. Прощаясь съ нею навсегда, такъ какъ его отправляли на Кавказъ, а она уѣзжала въ Германію, онъ выпросилъ у нея прощальный поцѣлуй. Она охотно исполнила желаніе юноши, но не могла удержаться отъ громкаго хохота, взглянувъ по-

томъ въ зеркало: пламенный поручикъ до того нафабрилъ себѣ усы, что они отпечатались и на губѣ Каролины. Онъ, конечно, сначала страшно сконфузился, потомъ расхохотался не меньше Каролины и они расстались, чтобъ никогда больше не встрѣчаться. Впослѣдствіи поручикъ, бывшій дерптскій студентъ теологическаго и филологическаго факультета, двадцать лѣтъ былъ режиссеромъ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ, и какъ умный и образованный человѣкъ, много содѣйствовалъ его процвѣтанію. Онъ былъ два раза женатъ и умеръ отъ удара въ 1880 году. Къ поклонникамъ Каролины принадлежалъ также актеръ Поллертъ, очень даровитый, но и очень некрасивый собою. Въ Вѣнѣ онъ вздумалъ играть идеальнаго короля Энцио, желая получить ангажементъ на тамошнюю сцену, но былъ встрѣченъ со смѣхомъ публикою и на другой день потребованъ къ директору императорскихъ театровъ, графу Фюрстенбергу. Графъ принялъ его, стоя посреди комнаты, и долго смотрѣлъ на поклонъ артиста, не говоря ни слова; наконецъ артистъ началъ самъ:—Ваше сіятельство приказали... Графъ прервалъ его движеніемъ руки и сказалъ: „Ну, можно ли съ такой фізіономіей, съ такой ужасной фізіономіей...“—Ваше сіятельство изволите находить... бормоталъ смущенный артистъ, но графъ схватилъ его за руку и подвелъ къ большому трюмо, повторяя: „И съ такою фізіономіей! Развѣ вы никогда не смотрѣлись въ зеркало? Съ такимъ лицомъ, которое ни одинъ порядочный человѣкъ не подниметъ, если найдетъ его на улицѣ... Играть короля Энцио съ лицомъ сапожника!“ Несчастный артистъ совершенно растерялся, такъ что директоръ, чтобы утѣшить его, взялъ за руку и сказалъ: „Пойдите получить ваши послепакляныя деньги и уѣжайте домой, но мой совѣтъ вамъ — не играйте никогда короля Энцио съ такою фізіономіей сапожника“.

Не смотря на свои успѣхи въ Петербургѣ, Каролина, по прошествіи трехъ лѣтъ, рѣшила его оставить: климатъ его былъ слишкомъ тяжелъ, и ей хотѣлось вернуться на родину. Къ тому же, князь Гагаринъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто былъ назначенъ Гедеоновъ. Надѣлавъ впослѣдствіи такихъ неоплатныхъ долговъ, что казна каждый годъ должна была приплачивать огромныя суммы на содержаніе театровъ, Гедеоновъ, какъ всякій новый начальникъ, началъ свое управленіе съ экономіи и сокращенія расходовъ. Онъ предложилъ Каролинѣ возобновить съ нею контрактъ еще на три года, но съ тѣмъ, чтобы уменьшить на три тысячи ея жалованье. „Вы вѣдь не помолодѣли за это время“, прибавилъ онъ не очень учтиво. — Нѣтъ, но приобрѣла больше опытности въ сценическомъ искусствѣ, отвѣчала артистка и отказалась возобновить контрактъ.

О томъ, какъ Гедеоновъ понималъ искусство, Каролина приводитъ слѣдующій анекдотъ: во время представленія „Дон-Карлоса“, въ присутствіи двора, въ превосходной сценѣ между королемъ Филиппомъ и маркизомъ Поза, еще задолго до словъ: „Государь! дайте свободу

мысли“, Гедеоновъ прибѣжалъ за кулисы и приказалъ режиссеру Барлову, чтобы тотъ кончилъ сейчасъ же сцену между королемъ и маркизомъ, болтовня которыхъ надоѣла двору. Барловъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на директора, не понимая, чего тотъ требуетъ. Но Каролина, стоявшая тутъ же въ костюмѣ королевы, приняла въ сердцу оскорбленіе, нанесенное Шиллеру и искусству, и сказала: „Что же, Барловъ, выйдите, какъ режиссеръ, передъ публикою и скажите: пошелъ, король Филиппъ! (И Каролина приводитъ это русское слово: расcholl!) Маршъ, маркизь Поза, съ твоими демократическими фразами и заботами о счастьи человѣчества! Убирайтесь со сцены. Вы надоѣли высокимъ особамъ своей болтовней, своей свободой мысли!“ Директоръ злобно взглянулъ на актрису, и высунувшись изъ-за кулисы, самъ закричалъ королю и маркизу: „уходите сейчасъ же! или я велю васъ съ солдатами выпроводить со сцены“. И они, не окончивъ діалога, ушли за кулисы. „Но выходка моя“, прибавляетъ Каролина, „сдѣлалась, конечно, извѣстна при дворѣ, потому что, при моемъ прощальномъ бенефисѣ, только придворныя ложи были пусты“. Каролина утверждаетъ, что ея холодность въ отношеніи къ лицамъ, имѣющимъ власть въ театрѣ, — къ князю Волконскому, Гедеонову и другимъ, еще выше поставленнымъ, привыкшимъ смотрѣть на актрису, какъ паша на своихъ рабынь, — была причиною того, что ее не удерживали въ Петербургѣ. Она уѣхала въ январѣ 1834 года, но по дорогѣ остановилась въ Ригѣ на нѣсколько времени. Тамъ она должна была исполнять не только свое амплуа, но и всевозможныя роли: пѣть въ опереткахъ и танцевать въ дивертисментахъ. Она подробно описываетъ, какъ танцевала „казачекъ“, которому выучилась въ Петербургѣ, плата по 25 руб. за урокъ балетмейстеру императорскаго двора. Что касается до пьесъ, то нѣмецкая цензура была къ нимъ не снисходительнѣе русской. Такъ, изъ комедіи „Человѣкъ въ огнѣ“ Каролина должна была играть только нѣкоторыя сцены, а вся пьеса была запрещена въ Петербургѣ для цѣлой Россіи за то, что въ ней майоръ вымываетъ на дуэль своего генерала, что могло быть очень дурнымъ примѣромъ для дисциплины русской арміи. Да чтобы сыграть и отрывки изъ комедіи, нужно было особое разрѣшеніе губернатора Паулучи. Съ другой стороны, для Риги, и вообще для Остзейскихъ провинцій, не существовало нелогичнаго и распространенаго на всю Россію запрещенія—играть въ посту. Каролина была довольна тѣмъ, что нѣмецкіе спектакли не давались, какъ въ Петербургѣ, два раза въ день на масляницѣ, которую она по этому случаю описываетъ, стараясь придать мѣстный колоритъ употребленіемъ русскихъ словъ, хотя совершенно неправильнымъ. Такъ, она пишетъ: „баланганы“, „блинты и другія сладкія кушанья“; увѣряетъ, что въ столицѣ всю масляницу звонятъ въ колокола, что русскіе кучера пропитаны запахомъ мускуса и пр. Она описываетъ подробно свои бенефисы въ Ригѣ и публику, являвшуюся къ ней на квартирѣ по-

купать билеты. Вмѣстѣ съ богатой и модной молодежью являлись и оригинальныя личности. Такъ, одна старуха принесла ей пару бѣлыхъ чулокъ, на которыхъ было вышито имя Каролины и Габріели, — роль, въ которой актриса произвела сильное впечатлѣніе на бѣдную женщину. Каролина дала ей даровой билетъ, а ея мать прибавила къ этому нѣсколько денегъ. „Добрая матушка“, говоритъ Каролина, „сколько разъ я бранилась съ нею за ея мягкое сердце, щедрость котораго была для насъ такъ невыгодна“. Въ этой фразѣ, сказанной мимоходомъ и совершенно простодушно, видѣнь однако-жъ весь характеръ актрисы. Явился за билетомъ и неуклюжій гимназистъ съ красными руками и розою, завернутою въ бумажѣ. Онъ взялъ смѣлость поднести Каролинѣ единственный имѣвшійся у него цвѣтокъ. Получивъ свой билетъ, гимназистъ вытащилъ еще какую-то бумагу, и Каролина призвала на помощь все свое терпѣніе, чтобы выслушать какое нибудь восторженное и безконечное стихотвореніе; къ счастью, это оказался альбомъ, въ который гимназистъ просилъ артистку вписать что нибудь на память. Каролина написала два стиха изъ „Колокола“ Шиллера: „Человѣкъ долженъ броситься во враждебную жизнь, долженъ трудиться и вѣчно стремиться“. Этого посѣтителя приняла очень дурно Лизинька, собака Каролины, такъ что почтенная матушка должна была взять ее на руки и сказать ей: „Лизинька, ты хочешь кусать добрыхъ людей, которые приносятъ намъ столько прекрасныхъ денегъ“. И умная Лизинька, по словамъ Каролины, поджавъ отъ стыда хвостъ, спряталась подъ диванъ, оцѣнивъ, вѣроятно, вполне практическое замѣчаніе экономной нѣмки. Въ бенефисѣ своей Каролина явилась, конечно, въ чулкахъ старухи и съ розою гимназиста.

Грустную исторію рассказываетъ Каролина объ одной изъ своихъ подругъ, рижской актрисѣ, Луизѣ Эккертъ. Молоденькая и хорошенькая собой, она пріѣхала изъ Берлина дать нѣсколько гастролей и остановилась у одной отставной актрисы, дававшей въ Ригѣ уроки пѣнія. Подружившись съ Каролиною, Луиза жаловалась ей, что ее преслѣдуетъ русскій полковникъ, котораго она терпѣть не можетъ и даже боится. О печальной участи, постигшей Луизу, Каролина узнала только въ Бреславлѣ, куда Эккертъ пріѣзжала также на гастролы. Послѣ перваго же спектакля, директоръ театра поручилъ одной изъ актрисъ своей труппы сказать Луизѣ Эккертъ, чтобы она не являлась болѣе на сцену, а взяла отпускъ и уѣхала обратно, куда хочетъ, такъ какъ въ ея положеніи, слишкомъ замѣтномъ даже для публики, нельзя исполнять ролей наивныхъ и невинныхъ дѣвушекъ. Луиза пришла въ ужасъ, когда ей передали слова директора, и увѣрала, что она ничего не знаетъ и не понимаетъ. Актриса, служившая посредницею между директоромъ и ею, совѣтовала ей увѣдомить отца ея будущаго ребенка о ея близкомъ разрѣшеніи. „Не понимаю, а ли сошла съ ума, или вы всѣ?“ отвѣчала растерявшаяся дѣвушка: „я не знаю за собой никакой вины“. Тогда актриса, зная о томъ, что Луизу

преслѣдовалъ въ Ригѣ русскій полковникъ, просила несчастную припомнить подробно всѣ обстоятельства послѣдняго свиданія съ нимъ. Та рассказала, что наканунѣ ея отъѣзда изъ Риги, къ ея хозяйкѣ, дававшей прощальный вечеръ, пришелъ и полковникъ. Когда Луиза хотѣла уйти изъ залы, онъ просилъ ее остаться и сказалъ, что зашелъ самъ только для того, чтобы проститься со всѣми, такъ какъ тотчасъ же уѣзжаетъ въ Москву; черезъ минуту онъ, дѣйствительно, уѣхалъ, и собравшіеся гости продолжали веселиться. Луиза помнила, что хозяйка заставляла ее много пить; въ особенности нѣсколько глотковъ какого-то крѣпкого пуншу такъ на нее подѣйствовали, что она должна была, съ сильнымъ круженіемъ головы, прилечь тутъ же на диванъ. Какъ съвозъ сонъ слышала она, какъ разошлись всѣ гости, какъ, чтобы не беспокоить ее, на этотъ же диванъ постлали ей постель и какъ потомъ видѣла она ужасный сонъ, что полковникъ обвинялъ и цѣловалъ ее. Когда она рассказала это, актрисѣ сдѣлалось все ясно; она утѣшала, сколько могла, несчастную Эккертъ и, уходя, обѣщала ей на другое утро принять какія нибудь мѣры, чтобы выйти изъ этого ужаснаго положенія; но на другое же утро къ актрисѣ прибѣжала горничная Эккертъ съ крикомъ: „Скорѣе! она умираетъ и хочетъ еще разъ видѣть васъ!“ Несчастная умерла на рукахъ актрисы, отравившись ночью и родивъ мертваго ребенка. Луизу Эккертъ похоронили на бреславльскомъ кладбищѣ. Такъ погибло молодое созданіе жертвою негодяевъ, оставшихся безнаказанными.

Изъ Риги Каролина отправилась въ Митаву, гдѣ также дала нѣсколько представленій. Курляндское дворянство приняло ее еще лучше губернаторъ, графъ Паленъ, баронъ Мальтицъ, помѣщики Бокъ, Гротгузенъ, Ренне, Ашеръ и др. въ честь ея давали балы и праздники. Графъ Медемъ велѣлъ снять съ нея портретъ въ видѣ дѣвушки, прижимающей къ сердцу голубка. Ей предлагалъ руку несовершеннолѣтній сынъ банкира Рейтера и поэтъ Аполоній Мальтицъ, уже и тогда извѣстный своимъ произведеніемъ „Признанія одной лошади, съ примѣчаніями ея кучера“. Баронъ однажды сказалъ ей прямо: „Вмѣсто того, чтобы вамъ ѣхать за-границу, не хотите ли отправиться съ мною навсегда въ мое курляндское помѣстье, хоть я не могу предложить вамъ блестящей участи: имѣніе мое не велико и коровы мои тощи“. — Если ихъ у васъ семь, какъ у фараона, отвѣчала смѣясь Каролина, „то позвольте мнѣ прежде подоить семь тучныхъ коровъ на театральномъ сценѣ“. Эта насмѣшка опечалила барона, но онъ остался другомъ Каролины, даже когда былъ посланникомъ въ Бразилію и потомъ въ Веймаръ.

Въ Германіи Каролина начала свои гастроли съ Мемеля и Кенигсберга. Въ Познань призвалъ ее старій знакомый, директоръ Фогтъ—помочь ему въ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Съ большимъ трудомъ выхлопоталъ онъ у короля позволеніе составить польскую труппу и давать представленія на польскомъ языкѣ; но познанская аристократія не под-

держивала національнаго театра, и директоръ просилъ Каролину сыграть роль нѣмого Викторина, въ переводѣ на польскій языкъ извѣстной драмы „Убийца и сирота“. Каролина согласилась, сборъ и успѣхъ пьесы былъ огромный. Въ другихъ городахъ Каролина собрала также немало денегъ. Довольно продолжительное время оставалась она въ Вѣнѣ, которою осталась, однако, несовсѣмъ довольна, въ особенности, вѣнской публикой, которая сѣзжалась въ театръ не для того, чтобъ смотрѣть пьесы, а чтобъ себя показывать. Дамы ѣздили въ театръ, какъ на выставку, въ роскошныхъ костюмахъ и занимались гораздо болѣе зрителями, чѣмъ сценою; бѣлыми, обнаженными ручками облокачивались онѣ на красный бархатъ барьеровъ ложъ, раскланивались со знакомыми въ партерѣ, подавали условные знаки вѣерами и лорнетами, обсуждали туалеты сосѣдокъ, толковали о новостяхъ, о своихъ дѣлахъ, и почти не обращали вниманія на самую пьесу. Гораздо выше таланта актрисы цѣнили умѣнье ея одѣваться по послѣдней парижской модѣ, и чѣмъ богаче и эксцентричнѣе былъ костюмъ, тѣмъ болѣе успѣха имѣла артистка. Чтобы соперничать съ любимицами вѣнской публики, необходимо было прежде всего явиться передъ нею въ блестящемъ костюмѣ, что прежде всего стоило, конечно, большихъ денегъ; и Каролина должна была подчиниться всѣмъ прихотямъ этой моды. Она рисуетъ нѣсколько типовъ тогдашняго вѣнскаго высшего круга. Къ нему принадлежалъ и графъ Шандоръ, представитель фешенебельной молодежи, удивительный ѣздецъ, славившійся своими лошадьми и экипажами, каждый день являвшійся въ Пратерѣ на изумительно скакунѣ, или въ экипажѣ, то въ формѣ древней римской колесницы, то въ какой нибудь фантастической коляскѣ, въ русской, мадьярской или англійской упряжи. Во всѣхъ скаковыхъ обществахъ онъ былъ президентомъ и лошади его вездѣ брали призы. Его гиппическими подвигами были наполнены столбцы всѣхъ газетъ; такъ, онъ выигралъ пари, поднявшись верхомъ на лошади въ третій этажъ и спустившись оттуда. Когда жѣ была открыта желѣзная дорога изъ Вѣны въ Пешть, онъ бился объ закладъ, что обгонитъ на своемъ скакунѣ локомотивъ на всѣхъ парахъ—и выигралъ пари. Въ то время онъ былъ женихомъ дочери всемогущаго канцлера — Леонтины Меттернихъ; а потомъ проводилъ часть года въ Офенѣ, гдѣ у него былъ великолѣпный дворецъ. Къ этому дворцу, послѣ паденія Меттерниха, собралась однажды огромная толпа, устроившая кошачью музыку зятю ненавистнаго всѣмъ канцлера. Вдругъ изъ толпы народа отдѣлился человекъ, поднявшійся на крыльцо дворца и кричавшій, свистѣвшій, шумѣвшій болѣе всѣхъ окружавшихъ его лицъ; это былъ самъ графъ Шандоръ. Узнавъ его, толпа вдругъ замолчала, потомъ разразилась неудержимымъ хохотомъ, и успокоенная отхлынула отъ дворца. И этотъ эксцентрическій графъ кончилъ печально свою карьеру: упавъ неудачно съ лошади, онъ получилъ сотрясение мозга и послѣднiе годы жизни провелъ полупомѣшанный. Дочь его,

Паулина, вышедшая за своего дядю, князя Рихарда Меттерниха, наследовала оригинальный характер своего отца. О ее похождениях при дворѣ Наполеона III и въ Вѣнѣ до сихъ поръ еще ходятъ разнообразныя и не всегда поучительныя рассказы.

Въ числѣ свѣтской молодежи блистала и князь Горчаковъ, первый секретарь русскаго посольства, очаровавшій своимъ обращеніемъ и разговоромъ Каролину. Директоръ театровъ, графъ Черникъ, принялъ ее довольно сухо и началъ расхваливать вѣнскую актрису Пехе, занимавшую то же амплуа, какъ и Каролина. Онъ прямо объявилъ ей, что драмы и трагедіи наскучаютъ ему и что, еслибъ не было комедій и водевилей, онъ не заглянулъ бы въ театръ. Онъ допытывался, не имѣетъ ли Каролина намѣренія поступить въ вѣнскую труппу, но когда узналъ, что она хочетъ сыграть только нѣсколько гастролей и вовсе не думаетъ соперничать съ фрейлейнъ Пехе, то сдѣлался къ ней гораздо благосклоннѣе. Но прежде чѣмъ дебютировать на вѣнской сценѣ, Каролина ѣздила въ Пештъ—дать тамъ нѣсколько представлений. Подъѣзжая къ столицѣ Венгрии съ почтальонами, которые гнали лошадей такъ же скоро, какъ и русскіе, она подверглась серьезной опасности, встрѣтивъ стадо бѣлыхъ пряморогихъ венгерскихъ быковъ, головъ въ пятьсотъ, встрѣтившихъ съ видимо враждебными намѣреніями ея воляску, которой съ трудомъ удалось проѣхать между разсерженными животными. Театръ въ Пештѣ поразилъ ее своею огромностью: голоса съ авансцены съ трудомъ доходили до половины залы, и актеры должны были напрягать всѣ усилія, чтобы ихъ слышала публика. Всего страннѣе былъ обычай студентовъ и офицеровъ брать въ театръ своихъ собакъ. „Конечно“, прибавляетъ Каролина, „надо быть благодарнымъ и за то, что имъ не вздумалось приводить съ собой и своихъ лошадей“. Но и собаки поднимали иногда лай въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ пьесы, и хотя ихъ, конечно, тотчасъ же выводили, но отъ этого происходилъ шумъ, мѣшавшій и актерамъ, и публикѣ. Нравы этой публики были такъ же довольно эксцентричны: на одной репетиціи первый любовникъ читалъ свою роль, закрывая платкомъ лѣвую сторону лица. — У васъ болятъ зубы? спросила съ участіемъ Каролина. „Не совсѣмъ“, отвѣчалъ онъ, отнимая руку отъ вздувшейся щеки и глаза съ огромнымъ синякомъ. — Какъ это вы такъ неосторожно упали? продолжала Каролина. „Я не падалъ“, отвѣчалъ актеръ, „а только разговаривалъ вчера вечеромъ въ трактирѣ о превосходствѣ австрійской цивилизаціи надъ мадьярскою. Ну, да и спорившему со мной студенту досталось отъ меня порядочно“. — Такъ вѣдь они васъ освищутъ за это сегодня вечеромъ. — „До этого времени мы успѣемъ еще помириться, и тотчасъ послѣ репетиціи отправляемся запивать наше недоразумѣніе хорошимъ венгерскимъ виномъ“. И вечеромъ побитаго артиста встрѣтили, дѣйствительно, громкими рукоплесканіями. Но театръ, вообще, не занималъ важнаго мѣста въ числѣ удовольствій венгерской жизни. Эта пылкая, энергичная нація тол-

ковала только о лошадяхъ, жёнщинахъ, собакахъ и трубкахъ. И несмотря на это, Каролина говоритъ, что имѣла большой успѣхъ въ Пештѣ.

Дебюты Каролины въ Вѣнѣ были такъ же очень успѣшны. Она понравилась даже императору Францу. Онъ часто бывалъ въ театрѣ, хотя дѣла имперіи были въ то время далеко не въ блестящемъ положеніи. Министры предвидѣли въ близкомъ будущемъ государственное банкротство и не разъ старались склонить императора къ жертвованію для общей помощи хоть частью его громаднхъ доходовъ, или того золота, которое онъ пряталъ въ бочкахъ, въ подвалахъ своего дворца. На всѣ просьбы и представленія по этому предмету престарѣлый монархъ отвѣчалъ: „Дѣлайте тамъ, какъ знаете, но ужъ бочекъ моихъ я не отворю“. Францъ умѣлъ всю жизнь довольно ловко выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ положеній. Когда однажды герцогъ Рейхштадскій, этотъ несчастный сынъ Наполеона, римскій король, бывши еще ребенкомъ, спросилъ дѣда: „Зачѣмъ ты отправилъ моего папѣ на этотъ скверный островъ и не позволяешь мнѣ видѣться съ нимъ?“ Францъ отвѣчалъ спокойно: „Потому, что твой папѣ поступалъ дурно, и если ты будешь тоже дурно поступать, то попадешь также на Святую Елену“. Ребенокъ, не удовольствовавшись этимъ, продолжалъ: „Скажи же мнѣ, дѣдушка, какъ надо дурно поступать, чтобы попасть къ моему папѣ, съ которымъ мнѣ лучше будетъ, чѣмъ здѣсь со всѣми вами?“ Но императоръ и на это нашелся отвѣтить: „Ну, ужъ о томъ, какъ надо худо поступать, спроси у своей матери: она это хорошо знаетъ“. Австрійскимъ императорскимъ домомъ Каролина вообще осталась очень недовольна; кромѣ статнаго эрцгерцога Карла, побѣдителя при Аспернѣ, всѣ остальные члены царствующей семьи не отличались красотой; въ особенности была непріятна у нихъ отвислая нижняя губа—этотъ отличительный признакъ Габсбургскаго дома. Почти всѣ эрцгерцоги страдали падучей болѣзнью, внесенною въ это семейство испанскою принцессою Людовикою; особенно некрасивъ былъ наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Фердинандъ, съ своею толстою головою, мутными глазами и лицомъ, лишеннымъ всякаго выраженія; онъ представлялъ разительный контрастъ съ своею идеально-красивою супругою Марією-Анною, въ блѣдныхъ чертахъ которой выказывалось страдальческое выраженіе. Припадки падучей болѣзни у Фердинанда стали особенно часто повторяться въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ въ него выстрѣлилъ полупомѣшанный капитанъ Рейндль, которому Фердинандъ отказалъ въ пособіи. Пулю, вынутую изъ легкой раны эрц-герцога, благочестивая Марія-Анна принесла какъ даръ на алтарь въ церкви Богородицы, за спасеніе мужа. Изъ женщинъ императорской фамилии была очень красива величавая эрцгерцогиня Софія, мать нынѣшняго императора, и очень некрасива—Марія-Луиза, бывшая супруга Наполеона I, гостившая тогда у своего отца; она походила на мумію

цвѣтомъ лица и худощавостью и была очень лѣнива. Уже и въ то время, какъ герцогиня пармская, она была женою своего кривого шталмейстера, графа Нейперга. Главнымъ лицомъ въ имперіи былъ князь Меттернихъ; его третья жена, графиня Меланія Зичи-Феррарисъ, была молодая, граціозная, пылкая, но гордая и тщеславная женщина. На одномъ придворномъ балу маркизъ Сент-Олеръ, посланникъ короля Луи-Филиппа, сказалъ ей: „Какая великолѣпная діадема украшаетъ ваше прекрасное чело, графиня!“—Она, по крайней мѣрѣ, не похищенная, какъ у нѣкоторыхъ королей! гордо отвѣчала княгиня. Маркизъ тотчасъ же подошелъ къ Меттерниху, передалъ слова его жены и сказалъ: „послѣ такого оскорбленія моего государя супругою австрійскаго канцлера, я долженъ писать въ Парижъ и просить о моемъ отозваніи“. Меттернихъ протянулъ руку посланнику и отвѣчалъ кротко, но съ достоинствомъ: „любезный маркизъ! я люблю мою жену, я ее выбралъ, но не я ее воспиталъ“. Этотъ отвѣтъ обезоружилъ маркиза. Канцлеру не разъ приходилось исправлять подобнымъ образомъ выходки своей жены. Однажды къ нему явился Францъ Листъ, но канцлеръ, чѣмъ-то занятый, просилъ его подождать нѣсколько минутъ и поговорить пока съ княгиней. Она бесѣдовала въ салонѣ съ другой дамой; при видѣ артиста, княгиня кивнула головою и продолжала разговоръ; только послѣ нѣсколькихъ минутъ бесѣды съ гостею, она обратилась къ Листу съ вопросомъ: „Вы давали концерты въ Италиі? выгодныя дѣла устроили?“—Я пишу музыку, княгиня, а не занимаюсь устройствомъ выгодныхъ дѣлъ, гордо отвѣчалъ артистъ и ушелъ послѣ легкаго поклона. Вслѣдъ за этой сценой, въ первомъ же концертѣ Листа, Меттернихъ пошелъ къ нему на сцену, пожалъ ему при всѣхъ руку, громко выразилъ удивленіе его таланту и тихо прибавилъ: „Надѣюсь, вы простите женѣ моей ея необдуманную фразу? вы знаете, что женщины рѣдко обдумываютъ свои выраженія“.

Каролина описываетъ также жизнь на водахъ въ Баденѣ, близъ Вѣны. Ее поразили въ особенности наружный видъ теплыхъ сѣрныхъ ваннъ. Въ огромномъ, роскошно убранномъ бассейнѣ сидѣло отъ двадцати до тридцати мушкетъ и женщинъ въ длинныхъ купальныхъ мантияхъ, погрузившись до подбородка въ теплую воду. Такъ какъ при этомъ были невозможны никакіе туалеты, то все искусство моды было обращено на головы купающихся, убранныя и причесанныя какъ на званый балъ. И эти расчесанныя головы, видѣвшіяся на поверхности воды, безъ умолку болтали между собою и съ посѣтителями, бродившими по галлерей вокругъ бассейна. Важнымъ лицомъ въ Вѣнѣ былъ въ то время портной фон-Беръ: онъ былъ законодателемъ моды и составлялъ туалеты для первыхъ вѣнскихъ красавицъ. У него былъ свой великолѣпный домъ, экипажи, онъ давалъ блистательные вечера, игралъ для своего удовольствія на скрипкѣ, былъ предсѣдателемъ общества садоводства и бралъ за шитье платья

громадныя суммы, хотя никогда не снималъ мѣрки съ своихъ заказчиць. Когда Каролина явилась къ нему съ просьбою сдѣлать ей модный туалетъ, Беръ только внимательно осматривалъ ее съ ногъ до головы и черезъ нѣсколько времени прислалъ ей платье, которое сидѣло на ней какъ вылитое. Конечно, оно стоило большихъ денегъ, а проспектальная плата не превышала въ то время двадцати червонцевъ, и несмотря на это Каролина должна была часъ о дѣлать себѣ новыя наряды, чтобы нравиться вѣнской публикѣ: чѣмъ роскошнѣе былъ костюмъ, тѣмъ больше нравилась артистка, по ея собственному сознанию. „Прежде всего—быть красивой, а потомъ естественной“, было девизомъ вѣнскихъ артистокъ, и Каролина должна была этому подчиниться. Гораздо лучше понимали искусство и принимали Каролину въ Прагѣ, гдѣ не было въ театрѣ ни блестящихъ мундировъ Петербурга, ни разодѣтыхъ дамъ Вѣны, ни принцевъ и принцессъ, какъ въ берлинскихъ придворныхъ ложахъ, но была любовь къ сценическому искусству и сочувствіе къ артистамъ.

Послѣ странствованій по разнымъ городамъ, Каролина рѣшилась принять ангажементъ въ Дрезденѣ. Прежде всего она отправилась къ извѣстному историку и критику искусства Бѣтигеру—просить его ходатайства о принятіи ее на дрезденскую сцену; но первыми словами стараго критика были: „Видѣли ли вы Тиеа?“—Нѣтъ еще. Я хотѣла, чтобы меня представилъ ему нашъ драматургъ, Винклеръ.— „Все зависитъ отъ Тиеа“, замѣтилъ критикъ. „Вы пріѣхали во-время: наша первая актриса Юлія Рѣттихъ оставляетъ Дрезденъ, поссорившись съ Тиеомъ. Кто затронетъ его самолюбіе, тотъ немедленно изгоняется; а чтобы пріобрѣсти его благосклонность, нужно много условій, и прежде всего быть чрезвычайно внимательной въ подругѣ его, графинѣ Финкенштейнъ“. Самъ Бѣтигеръ не могъ представить артистку Тиеу, потому что былъ съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Знаменитому писателю представилъ ее баронъ Штернбергъ. Тиеъ принялъ ее ласково, познакомилъ со своей семьей, дочерьми, графиней Финкенштейнъ и пригласилъ къ себѣ на вечеръ, на литературное чтеніе. Тиеъ былъ замѣчательный чтецъ, особенно драмъ романтическихъ и трагедій; но во время его чтенія, продолжавшагося по нѣсколько часовъ, дамы не смѣли даже заниматься своими рукодѣльями. Каролина присутствовала на многихъ подобныхъ вечерахъ и за то заключила съ дрезденскою сценою контрактъ, сначала на четыре года, потомъ возобновила его на такой же срокъ, съ жалованьемъ въ двѣ тысячи талеровъ и дѣсти на гардеробъ. Сначала любовь дрезденской публики раздѣляла съ Каролиною извѣстная пѣвица Сабина Гейнефеттеръ. Онѣ производили фуроръ, особенно въ роляхъ Ромео и Танкреда. Съ Сабинною вмѣстѣ дебютировала сестра ея, хорошенькая Катенька. Сабинѣ уже было тридцать лѣтъ и она много испытала въ жизни; бѣдною уличною пѣвицей провела она молодость въ Майнцѣ, играя на арфѣ и распѣвая по трактирамъ романсы. Ея

доставили средства выучиться серьезно пѣнію и она вскорѣ приобрѣла извѣстность, вступивъ на берлинскую оперную сцену. Большой успѣхъ имѣла она также въ Парижѣ. Обѣ сестры были въ это время невѣстами. Сабина собралась выйти замужъ за одного голландскаго офицера и оставить сцену. Женихъ Катеньки былъ французъ, съ которымъ она отправилась въ Парижъ и поступила тамъ въ Большую Оперу, гдѣ имѣла большой успѣхъ, но бросила своего жениха и сошлась съ адвокатомъ, Коммартеномъ; затѣмъ вскорѣ начала принимать исканія молодаго Штейнера. Между соперниками происходили ссоры и сцены. Мелкіе журналы передавали ихъ публикѣ; имя Катеньки начало сопровождаться весьма неместными эпитетами и, чтобы дать время замолкнуть скандальнымъ исторіямъ, она оставила Парижъ и приняла ангажементъ въ Брюсселѣ. Коммартенъ проводилъ ее туда и прожилъ съ нею нѣсколько времени въ этомъ городѣ, гдѣ она вскорѣ свела знакомство съ адвокатомъ Сире. Коммартенъ узналъ объ этомъ и хотѣлъ прервать съ нею всѣ сношенія, но Катенька написала ему нѣжное письмо и звала его снова въ Брюссель. Онъ поѣхалъ и посѣлъ къ концерту, въ которомъ она пѣла. Думая сдѣлать ей пріятный сюрпризъ, онъ отправился къ ней послѣ концерта и засталъ ее за ужиномъ съ Сире. Разговоръ соперниковъ превратился вскорѣ въ обоюдную брань, потомъ дѣло дошло и до оскорбленія дѣйствиємъ; Катенька упала въ обморокъ. Что произошло дальше—не совсѣмъ ясно. Коммартенъ говорилъ: „я далъ Сире оплеуху, тотъ ударилъ меня палкою, которая переломилась; я вскричалъ: завтра въ восемь часовъ мы деремся на шпагахъ!“—Будемъ драться сейчасъ же, отвѣчалъ Сире, и схвативъ со стола ножъ, бросился на меня; у меня въ рукахъ была палка съ кинжаломъ, я обнажилъ его, но Сире, вѣроятно, не замѣтивъ этого, въ слѣпой ярости натенулся на клинокъ; брызнула кровь, обагрившая его жилетъ; я бросился изъ комнаты за врачомъ, и когда вернулся съ нимъ, мнѣ сказали: Сире уже мертвъ. Тогда я сообщилъ обо всемъ представителямъ правосудія“. Судъ надъ Коммартеномъ занималъ нѣсколько времени всю Францію и Бельгію. Катенька, призванная свидѣтельницею старалась оправдать себя и обвиняла во всемъ Коммартена, но блистательная рѣчь его защитника, извѣстнаго адвоката Шекс-д'Эстанжа, произвела сильное впечатлѣніе, и подсудимаго оправдали. Но Катенька была осуждена общественнымъ мнѣніемъ. Кровавая трагедія въ Брюсселѣ сдѣлала невозможнымъ ея пребываніе въ этомъ городѣ и Парижѣ. Еще нѣсколько времени пѣла она въ маленькихъ городахъ, но вскорѣ должна была вовсе отказаться отъ сцены, въ полной силѣ таланта. Въ 1855 году умерла она въ Фрейбургѣ, отъ болѣзни сердца, на тридцать пятомъ году. Судьба старой сестры Сабини Гейнефетеръ, которою восхищался и Петербургъ, была также печальна: она умерла въ домѣ умалишенныхъ.

Послѣднія гастроли Каролины были на ея родинѣ—Карлсруэ. Ди-

ректоромъ тамошняго театра былъ графъ Луксбургъ, жена котораго была извѣстна своею связью съ Наполеономъ I. Первый мужъ ея былъ французскій офицеръ, присужденный къ смерти за нарушение военной дисциплины. Красавица жена его бросилась къ ногамъ императора, умоляя о прощеніи мужа, и купила жизнь его цѣною своей чести. Мужъ былъ отправленъ на войну въ Испанію, а жена, оставшись при дворѣ, родила сына, графа Лео, и получивъ извѣстіе о смерти мужа, вышла за графа Луксбурга. Вскорѣ, однако, это извѣстіе оказалось ложнымъ и мужъ явился къ графинѣ, но отказался отъ всѣхъ правъ на нее за значительное вознагражденіе. Она между тѣмъ начала въ Парижѣ процессъ, чтобы вытребовать завѣщанную Наполеономъ ей и ея сыну сумму и хладнокровно рассказала на судѣ всѣ подробности своей связи съ императоромъ. Процессъ она выиграла и была признана Наполеономъ III въ качествѣ родственницы, принадлежащей къ наполеонидамъ. Какъ не походила эта авантюристка на вдовствующую великую герцогиню Стефанію Баденскую, племянницу императрицы Жозефины! Она была нехороша собою, но чрезвычайно привлекательна и симпатична. Изъ трехъ дочерей ея старшая—супруга принца Вазы, вскорѣ же съ нимъ разведенная, была матерью саксонской королевы Каролины. Бравъ другой ея дочери съ принцемъ Монако былъ также несчастливъ, и принцесса должна была бѣжать съ своимъ сыномъ отъ грубаго обращенія мужа. Народная молва утверждала, что Стефанія была матерью таинственнаго Каспара Гаузера, но она отвергала это. Великая герцогиня Софія, правившая въ это время Баденомъ, была не похожа на Стефанію и, желая отличиться строгою нравственностью, запретила играть въ Карлсруэ драму „Кетхенъ фон-Гейльбронъ“, находя безнравственнымъ, что Кетхенъ слѣдуетъ повсюду за своимъ возлюбленнымъ и служить ему въ костюмѣ воюющаго. И между тѣмъ, эту же высоко-нравственную герцогиню Морицъ фон-Габеръ называлъ открыто во всѣхъ трактирахъ „моя Софія“. Его, правда, вызвали за это на дуэль, но на ней погибъ его противникъ, вмѣстѣ со своимъ секундантомъ и секундантомъ самого Габера, русскимъ офицеромъ Верекинымъ, а самъ Габеръ остался невредимъ.

Лѣтомъ 1836 года, Каролина отдыхала въ Шинцнахъ въ Швейцаріи, въ совершенномъ уединеніи. Тамъ она познакомилась съ женовскимъ естествоиспытателемъ, Теодоромъ Деларивъ, сдѣлавшимся впоследствии извѣстнымъ своими учеными трудами. Молодой профессоръ, знавшій ее только подъ именемъ дѣвицы Бауэръ, влюбился въ нее, хотя былъ уже обрученъ съ другою. Каролина сознается, что сама полюбила его, но не хотѣла навлекать на себя проклятіе родителей Деларива, строгихъ протестантовъ, за то, что разлучила его съ обрученною невѣстой; да и самъ Деларивъ, узнавъ, что она актриса, не могъ предложить ей свою руку и, прощаясь съ нею навсегда, написалъ ей слѣдующее четверостишіе: „Воспоминанье — не-

бесный даръ, тѣнь исчезнувшихъ благъ, остается единственнымъ счастьемъ послѣ всего, что мы потеряли“. Поступивъ на дрезденскую сцену, Каролина изучала каждую изъ своихъ ролей подъ руководствомъ Тика, очень благосклонно къ ней относившагося, хотя и неблагоприятнаго вообще къ женщинамъ, даже и къ такимъ выдающимся личностямъ, какъ Рахель Фарнгагенъ и Бетина фон-Арнимъ. Онъ называлъ ихъ „обезьянами, убѣжавшими изъ рая“, и утверждалъ, что Бетина сказала ему однажды: „Знаешь что, Тикъ? я должна во что бы то ни стало имѣть ребенка отъ Гёте: это будетъ, конечно, полубогъ“. И между тѣмъ, этотъ же Тикъ жилъ въ странныхъ отношеніяхъ со своею женою и графинею Финкенштейнъ, которая пріютила, еще въ 1818 году, писателя, кочевавшаго съ женою и сыномъ; послѣдовала потомъ за ними въ Дрезденъ и своими богатствомъ состояніемъ帮助他 устроить спокойную и независимую жизнь. Она управляла всѣмъ его хозяйствомъ, такъ какъ жена его, страдавшая водяною, ни во что не вмѣшивалась; принимала его гостей, сопровождала его въ театръ, ухаживала за нимъ во время мучившихъ его припадковъ подагры и въ сотый разъ слушала съ восторгомъ, какъ онъ читалъ на литературныхъ вечерахъ свои и чужія произведенія. Тикъ былъ однако же и въ литературѣ, какъ въ политикѣ „retrograde par excellence“, какъ онъ самъ себя называлъ. Онъ не любилъ современныхъ драматическихъ произведеній, хотя, какъ романтикъ, усердно хлопоталъ о томъ, чтобы поставить на дрезденскую сцену „Парижскаго звонаря“, передѣланнаго изъ романа Гюго „Notre Dame de Paris“. Нѣмецкая публика была, однако, въ этомъ отношеніи еще ретрограднѣе Тика и осмѣяла драму, которую даже Каролина называетъ пустою, жалкою піесой. Въ то время, когда лучшія роли ея были въ комедіяхъ, Тикъ заставлялъ ее играть такіа трагическія роли, какъ Екатерина II въ „Фаворитахъ“ г-жи Бирхифейферъ и Шекспировской — леди Макбетъ. Это происходило отъ того, что онъ считалъ свои приговоры о произведеніяхъ писателей и дарованіи артистовъ непогрѣшимыми. На вечерахъ его Каролина познакомилась со многими знаменитостями той эпохи.

Въ 1842 году, пріѣхала въ Дрезденъ еще мало извѣстная въ то время испанская танцовка Лола Монтесъ. Она пѣла также съ гитарою испанскіе романсы и отличалась эксцентрическими манерами. Когда ее спрашивали, какъ она рѣшается одна ѣздить по разнымъ городамъ, безъ всякаго покровителя, она вынула изъ корсета маленькій тонкій кинжалъ и сказала: „вотъ мой покровитель!“ При первомъ своемъ появленіи на дрезденской сценѣ, Лола была довольно холодно принята публикою, но потомъ успѣхъ ея былъ значительный. Дворъ, однако, не принялъ ее и тогда же начались толки о ея похожденияхъ. Тогда она отправилась въ Берлинъ и произвела тамъ фуроръ. Молодежь была отъ нея въ восторгѣ, и даже красивый, меланхолическій принцъ Вольдемаръ, такъ рано умершій, разошелся съ хорошенькою дочерью

Бетины для испанской танцовки, посѣщавшей его не разъ даже въ лагерѣ подъ Берлиномъ, гдѣ принцъ командовалъ войсками. Но пребываніе Лола въ Берлинѣ кончилось неожиданною катастрофой: въ то время въ столицѣ Пруссіи гостилъ императоръ Николай; въ честь его данъ былъ большой парадъ. Между тысячею зрителей была и Лола Монтезъ амазонкою на рѣзвомъ скакунѣ. Она хотѣла не только видѣть, но чтобъ и ее видѣли, и старалась пробраться какъ можно ближе къ высокому гостю, но ей загородилъ дорогу прусскій жандармъ; взбѣшенная амазонка ударила его по лицу хлыстомъ; ее тотчасъ же арестовали и только собственноручный приказъ короля избавилъ ее отъ суда, но не отъ высылки изъ Берлина. Дальнѣйшія похождения Лола сдѣлались достояніемъ исторіи. Ея прибытіе въ Мюнхенъ, возведеніе ея королемъ Людвигомъ въ званіе графини Мансфельдъ, низверженіе ею министерства Абеля, противившагося этому назначенію, революція въ Мюнхенѣ и бѣгство Лола оттуда, вынужденное отреченіе короля отъ престола, наконецъ, ея печальная, горькая участь въ Нью-Йоркѣ и смерть въ госпиталѣ—извѣстны всѣмъ. Каролина не знала только, что Лола пріѣзжала и въ Петербургъ—попытать здѣсь счастья, но была выслана на другой же день съ жандармами за-границу, по приказанію государя. Каролина познакомилась также у Тика съ извѣстною писательницею, графинею Идою Ган-Ганъ, пріѣзжавшею въ Дрезденъ съ своимъ мужемъ, курляндцемъ Бистромомъ, тайно съ ней обвиняннымъ. Каролина отзывается, впрочемъ, не весьма почтительно объ этой эксцентрической особѣ, въ жизни которой было столько романтическихъ походовъ и которая кончила свою бурную жизнь въ стѣнахъ монастыря. Въ Берлинѣ давали тогда концерты сестры Миланоло; старшей, Терезѣ, было не болѣе шестнадцати лѣтъ, младшей, Маріи—одиннадцать. Игра ихъ на скрипкѣ отличалась такою задумчивостію, такимъ ансамблемъ, что приводила въ изумленіе. Отецъ ихъ, скупой и ворчливый итальянецъ, страшно эксплуатировалъ своихъ даровитыхъ дочерей и, заставляя младшую играть черезъ силу, довелъ ее до того, что она умерла отъ чахотки въ Парижѣ, не достигнувъ шестнадцати лѣтъ. Ей не хотѣлось умирать, но набожный папенька, еще за нѣсколько дней до ея смерти, твердилъ ей, что она скоро отойдетъ къ Господу Богу и должна просить его, чтобы Онъ былъ покровителемъ ея родныхъ. „Смотри же, не забудь хорошенько попросить его, когда ты будешь у Господа Бога“, настаивалъ нѣжный отецъ. — Но неужели я должна умереть? вскричала бѣдная дѣвушка. Съ нею сдѣлались конвульсія и вскорѣ она была уже холоднымъ трупомъ. Старшую дочь свою папенька заставилъ играть въ концертѣ послѣ смерти ея сестры, уже черезъ нѣсколько дней и Тереза избавилась отъ своего чадолюбиваго родителя только тѣмъ, что вышла замужъ за инженернаго офицера Пармантъе и перестала играть въ театрѣ.

Еще о многихъ знаменитостяхъ говорить Каролина: о писателяхъ

Брунновъ, Гольтеъ, Мозенъ, Луизъ Мюльбахъ, Генриетъ Паальцовъ, пианисткѣ Плейель, Тальбергъ, Листъ, Гензельтъ, Робертъ Шуманъ, Рейстеръ, Кларъ Викъ, тенорахъ Тихачекъ и Мариани, пѣвицахъ: Унгер-Сабатъе и Вильгельминъ Шредеръ Девриентъ, наконецъ — о Рихардъ Вагнеръ, который въ то время ставилъ въ Дрезденъ своего „Риензи“ и не считалъ еще себя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ музыкальнымъ богомъ. Вскорѣ Тикъ уѣхалъ въ Берлинъ чтецомъ короля Фридриха Вильгельма IV, а у Каролины умерла мать и она осталась почти одинокою въ Дрезденъ. У нея нашелся утѣшитель, молодой англичанинъ Вильмотъ, посѣщавшій ее почти каждый день и писавшій къ ней страстныя письма. Его считали въ Дрезденъ женихомъ Каролины, но Вильмотъ оказался игрокомъ и негодяемъ. Цѣлыя ночи проигрывалъ онъ въ клубѣ, и однажды, задолжавъ молодому русскому князю Куракину сто фридрихсдоровъ, отдалъ ему въ залогъ уплаты этого долга письма Каролины, которыя она должна была потомъ выкупать. Отдѣльную, послѣднюю главу своихъ записокъ Каролина посвящаетъ своему поклоннику, князю Феликсу Лихновскому. Познакомилась она съ нимъ въ Прагѣ, куда была приглашена на торжественные спектакли, во время коронаціи Фердинанда I. Въ городѣ, переполненномъ пріѣзжими, въ гостиницѣ, за табльд'отомъ, встрѣтилась она съ молодымъ офицеромъ, обладавшимъ самою романтическою фizioноміей, но и самыми развязными манерами. Во время обѣда, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, онъ подошелъ къ сосѣдкѣ Каролины, пѣвицѣ Шредеръ-Девриентъ и, выпивъ за ихъ старое знакомство, попросилъ, чтобы она представила его Каролинѣ; потомъ началъ болтать съ нею о всякомъ вздорѣ, до того не стѣняясь въ выраженіяхъ, что Каролина принуждена была удалиться. Но Лихновскій пріѣхалъ къ ней на другой же день, продолжая вести себя въ отношеніи къ ней болѣе чѣмъ нецеремонно. Такъ, разговаривая съ нею, онъ взялъ два стула: на одинъ сѣлъ самъ, на другой положилъ свои ноги и закурилъ сигару; но разговоръ его былъ блестящъ, остроуменъ, и онъ прямо признавался, что ему надоѣла Шредеръ-Девриентъ и что онъ хотѣлъ бы сойтись ближе съ Каролиной. Она едва могла отдѣлаться отъ этого сердцеѣда, передъ которымъ не могла устоять ни одна женщина. Праздники коронаціи прошли не очень весело: болѣзненный императоръ ни въ комъ не возбуждалъ симпатіи. Его толстая, лишенная всякаго выраженія голова, казалась еще безобразнѣе подъ короною святаго Вячеслава. Праздники не прошли даже безъ кроваваго столкновения: пражскіе мясники, въ силу своихъ старинныхъ привилегій, хотѣли присутствовать при коронаціи со своимъ оружіемъ—большими ножами; войско, окружавшее Градчинъ, не пустило ихъ въ такомъ видѣ въ соборъ; произошла свалка, жертвою которой было нѣсколько раненыхъ и убитыхъ. Немало народу пострадало и въ то время, когда ему разрѣшили занять столы съ кушаньемъ, накрытые на главной улицѣ города, и бочки съ пивомъ,

выставленныя для угощенья: въ одну минуту столы и бочки были разнесены на части, и пьяная масса дралась между собою въ грязи и лужахъ пива. Театральныя представленія были также очень скучны, парадная публика толковала о своихъ дѣлахъ, о придворныхъ новостяхъ и не обращала вниманія на сцену. Вскорѣ разнеслась по городу страшная вѣсть: въ немъ появилась холера. Все обратилось въ бѣгство; дворъ убѣжалъ прежде всѣхъ; за нимъ послѣдовалъ развѣнчанный король Карлъ X съ герцогинею Ангулемскою и герцогомъ Бордосскимъ, присутствовавшій при коронаціи въ особой ложѣ за рѣшеткою. Бѣгство не спасло, однако, осмидесятилѣтняго короля и онъ умеръ отъ холеры въ Гёрцѣ.

Князь Лихновскій жилъ въ своемъ имѣніи, близъ Ратибора, и скандальная хроника не переставала передавать рассказы о его поведеніяхъ. Тамъ посѣщалъ его другъ его, Францъ Листъ; отсюда переписывался онъ съ Жоржъ-Зандъ; тамъ посѣтила его и Каролина. Лихновскій принималъ ее чрезвычайно любезно, показавъ ей свои владѣнія, свой паркъ, свой великолѣпный замокъ. Въ одной комнатѣ стѣны были увѣшаны портретами женщинъ. Тутъ были: Лола Монтессъ, Шредеръ-Девриентъ, Шарлота фон-Гагенъ, пианистка Плейель. „Это—всѣ, кого я любилъ, сказавъ князь, показывая свою галерею; тутъ нѣтъ только вашего портрета“. Постояннымъ гостемъ у князя былъ ландратъ Вичура, также увѣрившій Каролину въ своей любви и провожавшій ее вмѣстѣ съ княземъ, когда она возвращалась въ Дрезденъ. Лихновскій обѣщалъ скорѣ же увидѣться съ нею, но не могъ исполнить своего обѣщанія: въ 1848 году, выбранный членомъ франкфуртскаго парламента, онъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ народа, явно принявъ сторону ретроградовъ и австрійскаго правительства, задушившаго въ крови либераловъ стремленіе къ свободѣ. 18-го сентября, вмѣстѣ со старымъ генераломъ Ауервальдомъ, бѣжалъ онъ отъ мести народа въ Борнгеймскій лѣсъ, преслѣдуемый раздраженною толпою, къ которой онъ всегда относился съ презрѣніемъ. Оба бѣглеца скрылись въ домѣ садовника: князь Лихновскій въ темномъ погребѣ, а генералъ Ауервальдъ одѣлъ кафтанъ и шапку садовника, чтобы его не узнали преслѣдователи; но онъ не скрылся отъ толпы, вытщившей его въ садъ, гдѣ старика осыпали ударами палокъ, косъ и сабель. Напрасно просилъ онъ пощады во имя своихъ пятерыхъ дѣтей, оставшихся безъ матери и которые должны были теперь лишиться и отца,—разъяренная толпа безъ жалости добила его и долго издѣвалась надъ окровавленнымъ трупомъ, къ которому скорѣ притащили и Лихновскаго. Князь также умолялъ, чтобы ему оставили жизнь, обѣщая посвятить ее народу. „Поздно! Ты бы долженъ былъ объ этомъ раньше думать!“ отвѣчала толпа, осыпая его ударами. Принцъ Гогенлоэ явился поздно для спасенія своего друга. Онъ извлекъ его еще живаго изъ рукъ убійць, но черезъ нѣсколько часовъ блестящій князь былъ уже трупомъ. Онъ успѣлъ только поручить

сказать герцогинѣ Доротеѣ фон-Саганъ, что онъ любитъ ее и проситъ заплатить его долги.

Подъ конецъ своего восьмилѣтняго пребыванія въ Дрезденѣ, Каролина убѣдилась, что дальнѣйшая жизнь ея въ этомъ городѣ была невозможна. Она даже обрадовалась, когда другъ Лихновскаго, ландратъ Вичура, предложилъ ей свою руку. „Я не люблю его, но и не хотѣла отказать ему“, говоритъ она. Онъ предлагалъ ей ѣхать съ нимъ въ Силезію, въ его помѣстье, и она согласилась. Въ мартѣ 1844 года, назначена была ихъ свадьба. Фридрихъ-Вильгельмъ далъ позволеніе своему ландрату жениться на актрисѣ. Вдругъ отъ ратиборскаго бургомистра пришло письмо, что Вичура негодяй и обманщикъ, что у него нѣтъ никакихъ помѣстьевъ, а только одни долги, которые онъ хотѣлъ покрыть деньгами Каролины. Она, конечно, тотчасъ же прервала съ нимъ сношенія; онъ былъ выгнанъ изъ прусской службы, долженъ былъ уѣхать и въ скоромъ времени застрѣлился. Эта исторія сдѣлала еще болѣе неприятнымъ ея пребываніе въ Дрезденѣ. Она хотѣла видти изъ него во что бы то ни стало; ей нужна была рука, на которую она могла бы опереться. Руку эту ей протягивалъ графъ Владиславъ Платеръ, польскій эмигрантъ, еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ сдѣлавшій ей въ Берлинѣ признаніе въ любви. „Это былъ роковой часъ, говоритъ она, когда я доврчиво рѣшилась идти съ нимъ рука въ руку въ новую жизнь: всю свою жизнь я должна была раскаяваться въ этомъ“.

Этими словами оканчиваются „Записки Каролины Бауэръ“. Последняя заключительная глава ихъ принадлежитъ издателю, Арнольду Вельмеру. Глава эта носитъ названіе „Польскій адъ“ и представляетъ, дѣйствительно, тяжелую, безотрадную картину послѣднихъ лѣтъ жизни артистки. Здѣсь, въ очень сжатомъ, но рельефномъ видѣ изображена оборотная сторона медали. Вельмеръ говоритъ, что если бы онъ вздумалъ передать всѣ жалобы и сѣтованія Каролины на свою судьбу за это время, ему пришлось бы наполнить ими еще цѣлый томъ, что было бы и утомительно, и бесполезно. Графъ Платеръ родился въ 1808 году въ русской Литвѣ, гдѣ его семья владѣла большими помѣстьями. Въ 1827 году, еще бывши берлинскимъ студентомъ, онъ влюбился въ Каролину, но она отвергла тогда его исканія и онъ бросился въ польскую революцію. Послѣ паденія Варшавы, онъ бѣжалъ съ братомъ своимъ въ Парижъ. Имѣніе его было конфисковано, но оставшаяся въ Литвѣ графиня Платеръ находила средства пересылать въ Парижъ своимъ сыновьямъ часть ихъ доходовъ. Старшій графъ, живя въ Парижѣ, думалъ только объ удовольствіяхъ, но Владиславъ, мучимый честолюбіемъ, разыгрывалъ роль польскаго агитатора, патріота и мученика. Онъ постоянно рекламировалъ въ пользу Польши, хотя и на чужой счетъ. Тагъ, богатые

польскіе эмигранты дали ему значительную сумму на изданіе журнала „Le Polonais“, существовавшего съ 1833 по 1836 годъ. Онъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ Англію хлопотать о возстановленіи Польскаго королевства. Съ этою цѣлью пріѣзжалъ онъ и въ Дрезденъ, гдѣ встрѣтилъ свою прежнюю любовь и уѣхалъ вмѣстѣ съ нею въ Швейцарію, гдѣ они поселились, какъ графъ и графиня Платеръ. Гдѣ былъ заключенъ бракъ ихъ — неизвѣстно; и Каролина точно также говоритъ объ этомъ вскользь, какъ и о своемъ бракѣ съ принцемъ Леопольдомъ. Вилла графа на Цюрихскомъ озерѣ называлась Броэльбергъ, такъ какъ семейство Платера происходило изъ Вестфаліи, отъ дома Броэль. Въ этой виллѣ, на зеленой горѣ съ живописнымъ видомъ на Альпы, Платеръ скоро выказался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ и всегда для близкихъ ему лицъ: упрямымъ, грубымъ тираномъ и ревнивымъ Отелло. Устраивая свое польское хозяйство, онъ думалъ и съ свободными швейцарцами поступать, какъ съ своими крѣпостными крестьянами, дѣйствуя бранью и плетью, но ему очень скоро дали отпоръ и онъ началъ вымещать свою злобу на окружающихъ его лицахъ. Ханжа, какъ большая часть поляковъ, онъ ненавидѣлъ протестантовъ-швейцарцевъ, своихъ родовыхъ враговъ русскихъ и всѣхъ нѣмцевъ. Коренную нѣмку и протестантку, Каролину Бауэръ, заставлялъ онъ съ нимъ говорить не иначе, какъ по-французски, и слушать вмѣстѣ съ нимъ католическую обѣдню въ Цюрихѣ; но болѣе всего Каролина страдала отъ его страшной, баснословной скупости: каждый грошъ на хозяйство она должна была выпрашивать у него послѣ долгихъ препирательствъ. Пока у нея были собственные деньги, она изъ нихъ уплачивала большую часть расходовъ по дому. Ей много помогалъ братъ ея, Людвигъ, имѣвшій въ Парижѣ порядочное мѣсто. Нѣсколько разъ пробовала она вернуться снова на сцену, но всѣ попытки ея были неудачны: она могла играть уже только матерей и старухъ, а въ такихъ актрисахъ не нуждались германскія сцены, и вездѣ она получала отказъ. Нѣсколько разъ собиралась она бросить своего тирана и уѣхать къ брату. Въ 1862 г. она даже приготовила чемоданы, но получила телеграмму, которою братъ увѣдомлялъ, что онъ долженъ на время оставить Парижъ и увѣдомить ее о своемъ возвращеніи. Съ нетерпѣніемъ ждала она отъ него слѣдующей телеграммы, но черезъ три мѣсяца получила извѣстіе, что братъ умираетъ послѣ операции отъ каменной болѣзни. Каролина поспѣла только къ нему на похороны. Онъ оставилъ ей въ наслѣдство все свое имущество, но графъ Платеръ заставилъ ее укрѣпить за нимъ нотаріальнымъ актомъ все, что она получила.

Какою же силою, спрашиваетъ Вельмеръ, могъ дѣйствовать Платеръ на Каролину, безпрекословно повиновавшуюся такой невыносимой участи? Немногими словами: „Оставь меня, если хочешь; пусть свѣтъ узнаетъ, что ты никогда не была моей законной женою“. Эти слова, по мнѣнію Вельмера, не позволяли Каролинѣ оставить своего

деспота. Они, конечно, жестки, но чтобы изъ-за мнѣнія свѣта тридцать три года выносить всевозможныя униженія и лишенія—это тоже немислимо. Если Каролина не хотѣла вырваться изъ своего ада, на это должны были существовать другія, болѣе важныя причины. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ такая жизнь дѣлалась печальнѣе, безутѣшнѣе, невыносимѣе. Скупость графа не знала границъ. У Каролины не осталось, наконецъ, ничего: ни часовъ, ни одного кольца или браслета, никакой цѣнной вещи. И когда у несчастной не было уже ничего, что можно продать, она стала обкрадывать своего мужа. Съ помощью прислуги, она начала продавать запасы сѣна, вино изъ его погреба, плоды его сада, но все это не могло избавить ее отъ большихъ долговъ; она занимала, гдѣ могла, платила огромные проценты. Можно ли было пасть ниже этого? Да,—потому что въ такомъ тяжеломъ положеніи она рѣшилась на едва мыслимый, возмутительный обманъ: чтобы удержать у себя послѣднюю прислугу, нѣсколько разъ намѣревавшуюся оставить ее, она назначала ей въ своемъ завѣщаніи разныя суммы, очень хорошо зная, что послѣ нея не останется ни копѣйки. Такъ, своему кучеру завѣщала она 500 франковъ, столько же своей кухаркѣ и разныя суммы другимъ лицамъ. Все это было скрѣплено и удостовѣрено нотаріальнымъ порядкомъ; даже самому Вельмеру, издателю ея „Сценическихъ воспоминаній“ и „Переписки“, обработывавшему двѣ эти книги, осталась она должна 5000 франковъ, которые онъ, на основаніи многихъ писемъ ея, долженъ былъ получить послѣ ея смерти. Онъ приводитъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ. Съ 1869 года по 1877 составила она десять завѣщаній съ разными дополненіями и назначеніями суммъ разнымъ лицамъ, тогда какъ еще въ 1864 году передала графу Платеру все свое состояніе. И между тѣмъ она искренно и сильно ненавидѣла Платера, что доказываетъ множество выписокъ изъ ея корреспонденціи, приводимыхъ Вельмеромъ. Она язвительно осмѣивала даже его патриотическія стремленія, его друзей, эмигрантовъ и повстанцевъ. Такъ, она жалуется, что въ 1863 году должна была дать пристанище тридцати бѣжавшимъ изъ Россіи полякамъ, угощать ихъ и ухаживать за ними. Они заставили Платера сдѣлать еще одну неудачную литературную попытку: два года издавать въ Цюрихѣ газету „Бѣлый орелъ“. Генераль Боссакъ-Гауке жилъ у него съ женою и ребенкомъ цѣлый годъ; диктаторъ Лангевичъ—тоже; послѣдній, въ благодарность за гостепрѣимство, соблазнилъ племянницу Каролины, Марію, и увезъ ее съ собою въ Константинополь, гдѣ она вскорѣ умерла.

Въ этой тяжелой жизни ей оставалось только одно утѣшеніе: писать—и она писала страшно много ко всѣмъ своимъ старымъ друзьямъ, такъ какъ Платеръ не позволялъ ей видѣться съ ними. Вельмеръ приводитъ много цитатъ изъ ея писемъ къ Толлерту, полныхъ горькихъ жалобъ и глубокаго отчаянія и, въ то же время, упрекаетъ ее за то, что въ своихъ письмахъ она является двуличной и живой женщиной.

Приведа нѣсколько отрывковъ изъ ея писемъ къ нему, въ которыхъ она увѣряетъ своего дорогаго друга въ вѣчной благодарности и привязанности, онъ цитируетъ и письма ея къ драматургу Кальмбергу, гдѣ она бранитъ Вельмера за то, что онъ медленно издаетъ ея сочиненія, а Вельмеру пишетъ, что Кальмбергъ ребячески самолюбивъ и болтливъ. Конечно, писать въ одно время къ двумъ лицамъ, и одному бранить другаго—дѣло непохвальное, но письма, не предназначавшіяся къ печати, пишутся часто подъ минутнымъ впечатлѣніемъ и мнѣніемъ о людяхъ нерѣдко мѣняются, смотря потому, какъ мы узнаемъ ихъ ближе. Когда Людвигъ Брюнне издалъ панегирикъ въ честь актрисы подъ названіемъ „Каролина Бауэръ—картина жизни по ея письмамъ“, она, конечно, отнеслась къ автору съ живѣйшей благодарностью и похвалами, и если въ то же время посмѣялась надъ его восторженностью въ письмахъ къ Вельмеру—въ этомъ еще нѣтъ бѣды. Когда Толлертъ напечаталъ, передъ смертью, ея письма къ нему, полныя юношескаго увлеченія, и она высказывала ему за это, и по поводу случившагося съ нимъ удара,—самую горячую привязанность, а Вельмеру писала, что „неудрено было параличу прихлопнуть этого стараго франта въ парикъ и съ вставною челюстью, если онъ вздумалъ жениться на дѣвушкѣ, которая сорока годами моложе его“,—это еще не преступленіе, и нельзя выводить изъ этого заключенія, что Каролина всю жизнь лгала и всѣхъ обманывала. Скорѣе можно согласиться съ Вельмеромъ, что она никого не любила искренно: это весьма вѣроятно, если мы вспомнимъ, что она не разъ отказывалась раздѣлять судьбу свою съ людьми достойными и привязанными къ ней, а принимала исканія такихъ проходимцевъ, какъ мнимый графъ Самойловъ, англичанинъ Вильмотъ, негодяй Вичура, или такихъ безсердечныхъ эгоистовъ, какъ Леопольдъ и Платеръ. Самолюбіе, тщеславіе, желаніе блистать въ свѣтѣ, пользоваться благами жизни, носить громкій титулъ, быть предметомъ зависти—вотъ что погубило талантливую, впечатлительную, но не глубоко развитую и легко увлекающуюся женскую натуру. Что въ послѣдніе годы своей печальной жизни она стремилась къ извѣстности въ литературѣ—въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Мы не знаемъ, въ какой степени нуждалась она въ „обработкѣ“ Вельмеромъ ея произведеній и не находимъ ничего страннаго въ словахъ ея, обращенныхъ къ Кальмбергу: „Каролина Бауэръ должна доказать, что она и безъ помощи Вельмера можетъ что нибудь сдѣлать. Помогите же, добрый товарищъ, приобрести мнѣ какъ зеленые, такъ и золотые лавры; помогите вашему старому другу выйти изъ рабства Вельмера“. Пусть Вельмеръ увѣряетъ, что исправленные Кальмбергомъ повѣсти Бауэръ до сихъ поръ не могутъ найти издателя. Гораздо жестче и грубѣе слова Вельмера о Каролинѣ: „Нѣмецкій авторъ не живетъ для того только, чтобы писать: онъ долженъ также писать для того, чтобы жить. Мои средства не позволяютъ мнѣ работать только для васъ. У меня есть другія обязан-

ности и я долженъ стараться заработать своимъ перомъ что нибудь и для себя“. Если онъ брался обработывать и издавать ея произведенія, то незачѣмъ было ему напоминать ей, что онъ долженъ писать и для себя, и обвиненіе его Каролиною въ страсти въ наживѣ имѣло, конечно, основаніе, особенно если мы вспомнимъ, что, кромѣ изданія имъ трехъ сочиненій Каролины, самъ онъ написалъ только напищенно льстивые рассказы о молодости императора Вилгельма I (Als Kaiser Wilhelm jung war, preussische Hof und Herzengeschichte), да два тома студенческихъ и праздничныхъ очерковъ (Bruder Studio, Fröhliche Feste). Рѣзкій приговоръ Вельмера о женщинѣ, произведенія которой онъ взялся издать—не дѣлаетъ чести сердцу писателя, особенно, когда онъ увѣряетъ, что „семидесятилѣтняя комедіантка умирала съ ненавистью ко всѣмъ людямъ, радуясь, что она успѣла всѣхъ обмануть въ своемъ завѣщаніи“.

Вечеромъ 18-го октября 1877 года, Каролина, которой было предписано принимать для успокоенія по каплямъ хлораль, выпила всю стеклянку и на другое утро найдена была мертвою въ своей постели. Ничья близкая рука не закрыла ей глаза, ничьи родные уста не прошептали надъ умирающей предсмертную молитву. Подлѣ нея не было даже ни одной женщины. Вельмеръ увѣряетъ, что ее одѣвалъ въ гробъ—графскій коровникъ. Ее похоронили, какъ католичку, въ Раперсвилѣ, въ склепѣ Платеровъ, и на ея гробницѣ вырѣзана надпись: „Madame la comtesse de Bröel-Plater“—последняя загробная ложь...

Таковъ былъ конецъ этой нѣкогда блестящей жизни, которой многіе завидовали, и какъ бы ни была во многомъ виновата эта богато одаренная женщина и артистка, записки ея, гдѣ въ длинномъ рядѣ проходятъ художественно-очерченные портреты актеровъ, принцевъ, пѣвицъ, аристократовъ, юношей, писателей, гулякъ, коронованныхъ лицъ, темныхъ авантюристовъ и историческихъ дѣятелей, сцены артистической и придворной жизни, картины общественного быта тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нашего вѣка, типы выдающихся личностей,—записки эти, говоримъ мы, оставляютъ глубокое впечатлѣніе, рисуютъ въ ихъ настоящемъ, будничномъ свѣтѣ многія лица и событія, являющіяся изъ-за вулисъ исторіи въ яркомъ, но мишурномъ блескѣ. Если Каролина Бауэръ и была всю жизнь комедіанткою—простимъ ей это, вспомнивъ, какою тяжелою цѣною искупила она грѣхи своей молодости и какую жалкую роль разыгрывали часто окружающія ея лица, хотя ихъ мѣсто было и не на театраль-ныхъ подмосткахъ.

Вл. З—въ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

Эпоха паденія Пруссіи.

ЕРІОДЪ быстрого роста и усиленія Пруссіи, которому былъ посвященъ нашъ послѣдній обзоръ ¹⁾, круто обрывается со смертью великаго короля, наиболѣе способствовавшаго ея возвышенію. Правленіе преемника Фридриха Великаго, его племянника Фридриха-Вильгельма II, представляетъ собою эпоху застою во внутреннемъ развитіи Пруссіи и вырожденія тѣхъ формъ и учреждений, которымъ она была обязана своимъ успѣхомъ. Внутренняя слабость, къ которой Пруссія была приведена упомянутымъ застоємъ, рѣзко обнаружилась во время ея столкновенія съ революціонной Франціей и Наполеоновскаго разгрома. Но наступившая тогда критическая минута въ жизни Пруссіи сдѣлалась поворотнымъ пунктомъ къ новому возвышенію, благодаря возбужденію народнаго духа и дѣятельности цѣлаго ряда замѣчательныхъ личностей, какъ Штейнъ, Гнейзенау, Шарнгорстъ и друг. Съ этимъ періодомъ паденія Пруссіи знакомитъ насъ одно новое интересное сочиненіе, изображающее намъ царствованіе Фридриха Вильгельма II; оно написано Филиппсономъ и носитъ заглавіе: „Исторія прусской государственной жизни отъ смерти Фридриха Великаго до войнъ за освобожденіе“ ²⁾. Какъ видно изъ заглавія, авторъ названнаго сочиненія поставилъ себѣ главною цѣлью объяснить внутренній строй и характеръ политической жизни Пруссіи въ описываемое имъ время, чѣмъ

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“, т. V, стр. 629.

²⁾ Philippson, Martin, Geschichte des Preussischen Staatswesens vom Tode Friedrichs des Grossen bis zu den Freiheitskriegen. Erster Band. Leipzig. 1880. Veit u. Comp.

онъ удовлетворилъ настоятельной потребности современной исторической науки по отношенію къ данной области. Когда архивы начали дѣлаться доступными для историческихъ изслѣдованій, акты, касавшіеся высшей политики, первые привлекли къ себѣ любознательность изслѣдователей, между тѣмъ какъ обстоятельства внутренней жизни нѣкоторое время еще оставались въ тѣни; вѣдь и всегда разсказъ внѣшнихъ событій служилъ для историографіи темою болѣе близкой, нежели изображеніе внутреннего состоянія. Въ области прусской исторіи изученіе внутреннего развитія государственной жизни до сихъ еще поръ находится въ сравнительно запущенномъ состояніи. Для исторіи внѣшней политики Пруссія существуетъ обширный трудъ Дройзена; изложеніе, задуманное съ широкой точки зрѣнія и основанное на достовѣрныхъ документахъ, доведено здѣсь до половины прошлаго столѣтія. Для болѣе позднихъ эпохъ къ нему примыкаетъ рядъ отдѣльныхъ монографій. Напротивъ того, внутренняя политика, которую Дройзенъ по самому плану своего сочиненія скорѣе намѣчалъ, чѣмъ исчерпывалъ, до сихъ поръ подвергалась изслѣдованію только по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ: такъ Исааксонъ изучалъ исторію бюрократіи, Ридель—государственное хозяйство, Шмоллеръ—развитіе городскихъ учреждений, Максъ Леманнъ—отношеніе католической церкви къ Пруссіи. Настоящій трудъ Филипсона, бывшаго прежде профессоромъ въ Боннѣ, а теперь вотъ уже два года работающаго въ брюссельскомъ университетѣ, стремится восполнить этотъ пробѣлъ. Авторъ задался болѣе широкой задачей, чѣмъ его предшественники; онъ хочетъ изобразить намъ общую картину государственныхъ учреждений Пруссіи отъ 1786 до 1813 гг.—задача очень обширная и очень трудная, если принять въ соображеніе недостатокъ годныхъ подготовительныхъ работъ. Наряду съ печатнымъ матеріаломъ Филипсонъ могъ пользоваться массой рукописныхъ документовъ не только въ берлинскомъ тайномъ государственномъ архивѣ, но даже и въ королевскомъ домашнемъ архивѣ и архивѣ министерства юстиціи. Вслѣдствіе этого его книга представляетъ собой обильный источникъ для поученія знатковъ и любителей прусской исторіи. „Я считаю своей обязанностью“, говоритъ авторъ въ предисловіи, „ничего не прикрашивая и не утаивая, изложить прошедшее нашего отечества согласно съ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и сужденіемъ. Я не поклонникъ того патріотизма, который убажаетъ себя одностороннею обработкою историческихъ фактовъ. Притомъ же въ сущности, быть можетъ, гораздо патріотичнѣе показывать истинное изображеніе прошлаго своего отечества, нежели искажать лишь времени ослѣпительно-эффектнымъ освѣщеніемъ, бурной пристрастностью и поддѣлкой уроковъ исторіи“. Филипсонъ остался вѣрнымъ своему намѣренію: за немногими исключениями нужно признать безпристрастіе его изложенія и справедливость его приговоровъ. Покуда вышелъ только одинъ первый томъ, посвященный исторіи Фридриха-Виль-

гельма II; онъ обнимаетъ собой только четыре первые года его царствованія, представляющіе собой матеріалъ весьма обильный, несмотря на то, что событія вѣшной политики упоминаются только вскользь. Прежде всего пришлось возвратиться къ государству Фридриха II.

Филипсонъ совершенно вѣрно подчеркиваетъ выдающіяся качества великаго короля — вѣрность долгу, съ которой онъ жертвовалъ своею личностью цѣлямъ государственной жизни, и неутомимую дѣятельность, съ которой онъ руководилъ изъ своего кабинета всѣми вѣтвями управленія. Но рядомъ съ этимъ узнаешь и опасныя стороны такого исключительно личнаго правленія, подавлявшаго все болѣе и болѣе среди подданныхъ самостоятельность мышленія и дѣятельности. „Духъ Фридриха“, говоритъ авторъ, „первоначально мягкій, преданный всему прекрасному и доброму, идеалу и дружбѣ, очерствѣлъ впоследствии среди страшныхъ страданій и опасностей семилѣтней войны“. Онъ привыкъ глядѣть на людей, какъ на извѣстныя числа и орудія, которымъ можно предъавлять самыя крайнія требованія; поэтому черезъ послѣдніе годы его правленія проходитъ черта жесткости и недостатка человѣчнаго доброжелательства. Излишняя важность, которую придавали образованію войска, отымала порой у прочихъ вѣтвей управленія самое необходимое. Дѣла сельскихъ школъ находились въ самомъ печальномъ положеніи; слишкомъ часто „обязанности школьнаго учителя отправлялъ“, по словамъ докладной записки министра, „какой нибудь инвалидъ, не знавшій никакой другой системы, какъ за каждую ошибку въ отвѣтахъ по катехизису отсыпать извѣстное число ударовъ“. Для университетовъ дѣлалось только самое необходимое; съ нѣмецкимъ искусствомъ и литературой обходились съ пренебреженіемъ. Но въ особенности всё сословія раздражала французская регія (т. е. управленіе казенными монополіями) съ цѣлымъ войскомъ чужестранныхъ чиновниковъ. Правда, ея директора де-Лоне не могли впоследствии уличить въ нечестности и утайкѣ суммъ; но во всякомъ случаѣ его оправдательныя письма ясно указываютъ, что исключительный интересъ къ фискальнымъ выгодамъ не уравновѣшивался ни малѣйшимъ сочувствіемъ къ страданіямъ и потребностямъ населенія. Все это объясняетъ, почему на смерть великаго короля взглянули почти какъ на освобожденіе; вмѣстѣ съ тѣмъ задача его преемника облегчалась въ значительной степени.

Не имѣя возможности исчерпать богатое содержаніе книги Филипсона, мы отказываемся шагъ за шагомъ слѣдить за изложеніемъ автора, которое притомъ же не отличается, пожалуй, вполне цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ матеріала. Наша задача ограничится тѣмъ, чтобы, сопоставивъ однородныя свѣдѣнія, разбросанныя по отдѣльнымъ главамъ сочиненія, передать сжато выводы автора по важнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни въ первые годы правленія Фридриха Вильгельма II.

При строго-монархическомъ строе прусскаго государства въ концѣ

XVIII вѣка первое мѣсто, безъ сомнѣнія, принадлежитъ личной политикѣ самого короля. Личность Фридриха Вильгельма II Филиппсонъ беретъ подъ свою защиту противъ нѣкоторыхъ упреконъ, которые ей обыкновенно дѣлались. По его словамъ, королю нельзя такъ-таки безъ всякихъ оговорокъ поставить въ вину безсмысленное расточеніе государственныхъ суммъ, и его метресы только изрѣдка пользовались непосредственнымъ вліяніемъ на государственный дѣла; притомъ-же Ритцъ-Лихтенау, такъ часто подвергавшейся порицаніямъ, нельзя „прямо приписывать дѣйствительно дурныя качества“. Безъ сомнѣнія, Фридрихъ Вильгельмъ II обладалъ тѣми качествами, которыя могли-бы ему особенно пригодиться въ дѣлахъ государственнаго управленія. Когда въ бумагахъ того времени нерѣдко встрѣчаются замѣтки, сдѣланныя собственной рукой короля, то въ большинствѣ случаевъ въ нихъ проглядываютъ вѣрное пониманіе, справедливое сужденіе и рѣшительная склонность во внѣшнихъ сношеніяхъ открыто и честно приступать къ дѣлу. Но вообще теперь, когда, имѣя подъ руками документы, мы можемъ бросить общій взглядъ на всю правительственную дѣятельность Фридриха Вильгельма, какъ государя и какъ человѣкъ онъ представляется еще болѣе ничтожнымъ, слабымъ, нерѣшительнымъ. Выставляя на-показъ свое стремленіе направить государственное управленіе вновь по пути, указанному ему первымъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, и по возможности во многомъ стать въ противорѣчіе съ своимъ непосредственнымъ предшественникомъ, король не обладалъ ни способностью къ послѣдовательному мышленію, ни твердой выдержкой, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе поддавался вліянію отдѣльныхъ личностей и минутныхъ впечатлѣній. Въ значительной степени это объясняется обстоятельствами, среди которыхъ король провелъ свою молодость. Воспитаніе, данное принцу графомъ Боркомъ и молодымъ швейцарцемъ Николаемъ Бегеленомъ, какъ кажется, нельзя назвать совершеннымъ, а продолжительныя дурныя отношенія съ дядей повели къ тому, что онъ находился вдали отъ государственныхъ дѣлъ и тѣмъ легче поддавался вліяніямъ, которыхъ такъ рѣдко избѣгаютъ принцы. Среди этихъ вліяній наиболѣе пагубнымъ пользовался орденъ розенкрейцеровъ—тайный союзъ, широко распространившійся съ половины шестидесятихъ годовъ. „Что тайной пѣлюю ордена розенкрейцеровъ“, говоритъ Филиппсонъ, „исходившаго изъ католическихъ мѣстностей, была католическая пропаганда, это такъ же достовѣрно, какъ и то, что это обстоятельство не вполнѣ было ясно многимъ изъ его наиболѣе дѣятельныхъ протестантскихъ членовъ“; но, утверждая это, авторъ, собственно говоря, не приводитъ прямыхъ доказательствъ. Въ цѣломъ Филиппсонъ дѣлаетъ чрезвычайно важныя, отчасти неожиданныя разоблаченія касательно отношеній Фридриха Вильгельма къ ордену розенкрейцеровъ, куда король формально вступилъ еще 5 апрѣля 1781 года подъ именемъ Ормезуса Магнуса. По его мнѣнію, душой ордена былъ собственно Вэлль-

нерь, а не главы ордена въ Дрезденѣ, Герлицѣ и Регенсбургѣ, не имѣвшіе большого значенія. Въ цѣломъ разоблаченія автора производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто Бишофвердеръ и Велльнеръ, главные посредники между королемъ и розенкрейцерами, и не думали употреблять свое вліяніе на Фридриха Вильгельма, какъ средство для дальнѣйшихъ цѣлей ордена; наоборотъ, пуская въ ходъ всѣ эти грезы ордена о явленіяхъ духовъ и т. п., они, какъ будто, имѣютъ въ виду только одну цѣль—укрѣпить и сохранить это вліяніе. Къ чести Бишофвердера нужно сказать, что онъ соблюдалъ по крайней мѣрѣ виѣшнее приличіе и заранѣе не выказалъ ни навязчивости, ни жадности. Но Велльнеръ тотчасъ послѣ того, какъ 2 октября 1786 года добился возведенія въ дворянское сословіе, уже требуетъ новыхъ должностей и почестей. Съ удовольствіемъ замѣчаешь, какъ король нѣсколько разъ отстраняетъ наглаго выскочку, который именно вслѣдствіе своей пошлости считаетъ себя способнымъ ко всякой прельщавшей его должности. 7 октября 1786 года, нѣсколько недѣль спустя послѣ перемѣны царствованія, этотъ человекъ, не имѣя за собой ни малѣйшихъ заслугъ, отважился писать королю: „Мнѣ всегда очень хотѣлось сдѣлаться министромъ духовнаго департамента; если это не покажется слишкомъ смѣлымъ, я попросилъ бы ваше королевское величество предоставить мнѣ пока вакантное мѣсто министра финансовъ. Тѣмъ не менѣе я все-таки могъ-бы исполнять всѣ личныя порученія вашего королевскаго величества“. Что отвѣтъ не пришелся ему по вкусу, на это указываетъ письмо отъ 15 іюля 1787 года, гдѣ онъ, между прочимъ жалуется: „такъ было, когда я хотѣлъ сдѣлаться министромъ финансовъ... Его величество сочло меня тогда слишкомъ гордымъ“. Впрочемъ, ему было дано болѣе чѣмъ достаточное вознагражденіе, такъ какъ до поры до времени онъ получилъ титулъ тайнаго совѣтника финансовъ вмѣстѣ съ важной, независимой должностью главнаго интенданта придворныхъ построекъ. Наконецъ, 3 іюля 1788 года, благодаря старой склонности короля къ своему любимцу, онъ былъ назначенъ министромъ духовныхъ и учебныхъ дѣлъ.

Вообще главный дѣятель въ книгѣ Филиппсона—Велльнеръ. Въ главахъ автора все внутренне управленіе государствомъ попало подъ исключительное вліяніе этого человека: бывший сельскій пасторъ на дѣлѣ былъ первымъ министромъ. Сохранились подлинныя документы, бросающіе свѣтъ на приемы всемогущаго любимца брата короля въ свои руки. Это многочисленныя письма Велльнера, гдѣ онъ проситъ, льститъ, или даже взываетъ къ совѣсти короля, чтобы только добиться королевской подписи для составленныхъ имъ кабинетныхъ указовъ. Елейное смиреніе передъ королемъ рѣзко противорѣчитъ оскорбительной гордости по отношенію ко всѣму другимъ и задорному тону приложенныхъ тутъ же черновыхъ кабинетныхъ указовъ. Только признавъ въ Велльнерѣ бодрую силу къ работѣ и всегда дѣятельную бдительность къ выгодамъ минуты, можно объяснить себѣ, какъ та-

кой человекъ могъ отбить первое мѣсто у многихъ людей, которые были лучше и умнѣ его. Вѣльнера какъ розенкрейцера рисуютъ намъ сенсационныя письма, хранящіяся въ королевскомъ домашнемъ архивѣ въ Берлинѣ, который и предоставилъ ихъ въ пользованіе Филиппсона. Но весь тотъ отдѣлъ литературнаго наслѣдства Вѣльнера, который перешелъ во владѣніе къ семейству Итценплитцъ, остался недоступнымъ для автора, не смотря на всѣ его старанія. Впрочемъ еще раньше изъ этого источника черпалъ Прейссъ для своей статьи „къ характеристикѣ Вѣльнера“ въ „Временникѣ прусской исторіи“.

Послѣ личности короля главное значеніе въ государственной жизни Пруссіи при Фридрихѣ Вильгельмѣ II принадлежало бюрократіи: Опозиція чиновничества противъ королевскаго авторитета представляетъ собой выдающуюся черту внутренней исторіи этой эпохи. „Здѣсь берутъ свое начало“, говоритъ авторъ въ предисловіи: „стремленія ограничить абсолютную власть короля, стремленія, которыя первоначально наполняютъ собой только чиновничество, но вскорѣ въ болѣе обширныхъ кругахъ разрастаются въ требованіе конституціи“. Рѣшительнымъ пораженіемъ для абсолютнаго государства стараго образца авторъ считаетъ постановленіе государственнаго совѣта отъ 16 марта 1787 года: въ этотъ день въ государственное право Пруссіи вошло положеніе, что ни одинъ чиновникъ государственной службы не можетъ быть удаленъ безъ приговора суда. Мало того, вскорѣ послѣ этого верховный судъ постановляетъ рѣшеніе, чтобы директоръ главнаго управленія строевымъ лѣсомъ Треплингъ, чиновникъ, уволенный безъ дисциплинарнаго изслѣдованія по одному кабинетному указу, былъ снова опредѣленъ на должность. Въ указѣ отъ 31 марта 1790 г. король замѣчаетъ совершенно справедливо, что постановленіе одного законодательнаго трибунала безъ утвержденія со стороны правителя страны нельзя еще, пожалуй, тотчасъ же разсматривать какъ законъ. Но рѣшенія верховнаго суда нельзя было все-таки отмѣнить, и уволенного чиновника пришлось удовлетворить полюбовнымъ соглашеніемъ. Но оппозиція чиновничества школы Фридриха Великаго обнаруживалась не столько въ стремленіи къ обновленію, сколько съ своей отрицательной стороны, зачастую только въ упрямой приверженности къ старой рутинѣ. Впрочемъ строгій вообще приговоръ автора надъ этимъ поколѣніемъ чиновниковъ не можетъ быть во всякомъ случаѣ примѣненъ къ такимъ людямъ, какъ Кармеръ и Цедитцъ. Какъ-бы то ни было, попытки правительства Фридриха Вильгельма II—преобразовать административныя учрежденія и дать дѣятельности прусской бюрократіи иное направленіе—имѣли мало успѣха; новая инструкция для Генеральной Директоріи, изданная 28 сентября 1786 г., плохо оправдывалась на дѣлѣ. Главы департаментовъ по прежнему стремились къ той независимости отъ центра, которая принадлежала имъ отчасти въ предыдущее царствованіе, и при отсутствіи строгаго личнаго контроля со стороны монарха успѣшно добивались своей

цѣли. Чтобы положить конецъ несноснымъ преписательствамъ въ средѣ учрежденія, король издалъ 8 декабря 1787 года „Подробное наставленіе Генеральной Директоріи для единого управленія дѣлами“.

Какъ мало послѣдовательности впрочемъ было въ самыхъ планахъ правительства, всего лучше видно изъ его отношеній къ такъ называемой Королевской Диспозиціонной Кассѣ; сюда входили избытки государственныхъ доходовъ надъ штатными расходами и нѣкоторыя другія суммы, такъ что въ послѣдній годъ царствованія Фридрихъ II доходъ этой кассы составлялъ болѣе 8 милліоновъ талеровъ. Фридрихъ Вильгельмъ II не только сохранилъ это учрежденіе, но еще и освободилъ его отъ контроля Генеральной Директоріи; при этомъ, однако, король не взялъ на себя главное распоряженіе этой важной кассой, а передалъ ее въ завѣдываніе Велльнера. Расходы Диспозиціонной Кассы на содержаніе двора и дорогія сооруженія, на увеличеніе окладовъ и т. п. возрасли, и вскорѣ ничего не осталось для большихъ и важныхъ улучшеній въ странѣ. Обширный планъ шоссированія дорогъ было оставленъ, потому что иначе Велльнеръ былъ бы стѣсненъ въ своей свободѣ расходовъ, внесеннымъ впередъ на цѣлые годы въ смѣту Диспозиціонной Кассы. Разумное намѣреніе Генеральной Директоріи положить конецъ путаницѣ, господствовавшей во взносахъ серебромъ и золотомъ, превративъ послѣдніе во взносы серебромъ съ извѣстной приплатой за ажю, также рушилось вслѣдствіе мелочныхъ соображеній Велльнера: глава Диспозиціонной Кассы не хотѣлъ, чтобы Генеральная Директорія имѣла понятіе о величинѣ взносовъ золотомъ, поступавшихъ до тѣхъ поръ въ его вѣдѣніе. Расходы на улучшенія, достигшіе своего высшаго размѣра въ первый годъ царствованія, падаютъ затѣмъ годъ отъ года. Велльнеръ при каждомъ удобномъ случаѣ старался укрѣпить въ государѣ взглядъ, что суммы Диспозиціонной Кассы въ сущности составляютъ частную собственность государя.

Заодно со смѣтой расходовъ диспозиціоннаго фонда со времени перемѣны царствованія увеличились расходы и трехъ другихъ крупныхъ государственныхъ кассъ — Силезской Провинціальной Кассы и обѣихъ нѣкогда главныхъ государственныхъ кассъ (Кассы Государственныхъ Имуществъ и Генеральной Военной Кассы). Рядомъ съ увеличеніемъ расходовъ шло пониженіе сборовъ; сборы постепенно понижаются втеченіе первыхъ годовъ новаго финансоваго управленія и даже при болѣе благоприятной росписи сборовъ въ 1791 — 92 гг. все еще не могутъ равняться съ послѣднимъ годомъ прежняго управленія. Недоимки въ сборахъ объясняются обѣдѣніемъ населенія бывшимъ до извѣстной степени слѣдствіемъ ряда дурныхъ урожаевъ, затѣмъ перемѣнами въ управленіи, послѣдовавшими въ интересахъ лѣснаго хозяйства, и, наконецъ, уменьшеніемъ акцизныхъ сборовъ вслѣдствіе финансовыхъ преобразованій Фридриха Вильгельма II.

Уже 28 августа 1786 года, немного дней спустя послѣ смерти

Фридриха Великого, король назначил комиссию для ревизии введенного в 1766 году совершенно независимого от Генеральной Директории вѣдомства косвенныхъ налоговъ, или, такъ называемаго, акцизнаго управленія („регія“). Во главѣ комиссіи стоялъ министръ фонъ-Вердеръ; ея душой былъ Бейеръ, приверженецъ Велльнера. Начальникъ регіи Де-Лоне (De la Haye de Launay) былъ вполнѣ подчиненъ комиссіи. Королевскій указъ отъ 11 ноября 1786 года вмѣсто монополіи на табакъ и кофе, чистый доходъ съ которой составлялъ приблизительно одну одиннадцатую часть всѣхъ государственныхъ доходовъ, намѣтилъ „умѣренный, правильно распредѣляемый налогъ на кофе и табакъ“. Генеральная Директорія высказалась противъ отѣмны монополіи; она хотѣла, удаливъ ненавистныхъ французскихъ чиновниковъ регіи, сохранить тѣ сборы, которыми завѣдовало это учрежденіе. Вслѣдствіе этого между Генеральной Директоріей и комиссіей разгорѣлась систематическая война. Наконецъ, 6 января 1787 года, появилась деклараціонная грамота короля, оповѣстившая реформу, ввести которую намѣревались не поздиѣ 1 июня. Не касаясь подробностей новой системы налоговъ, укажемъ только главныя нововведенія. Такъ, постановленіе 11 августа, подвергнувшее табачное производство самымъ тяжелымъ ограниченіямъ, превратило прежнюю государственную монополію въ монополію нѣсколькихъ фабрикантовъ, получавшихъ концессию по произволу чиновниковъ. Затѣмъ, 31 января 1787 г., съ одобренія Бейера былъ учрежденъ „Генеральный Департаментъ Промышленности и Торговли, равно какъ и Акциза и Пошлинъ“ подъ предсѣдательствомъ фонъ-Вердера, послѣ чего послѣдовало распущеніе Ревизіонной Комиссіи. Новый сложный департаментъ, направленный данной ему инструкціей по пути боязливаго консерватизма, неособенно счастливо выступилъ для перваго раза съ вновь выработанными тарифами, которые должны были получить силу по уничтоженіи монополіи. Совершенно воспрещены были многочисленныя произведенія иностранной промышленности, равно какъ и вывозъ всевозможныхъ сырыхъ матерьяловъ; формальности при сборѣ налоговъ были увеличены и числомъ, и цѣнностью. Недовольство было всеобщее. Чтобы покрыть недоимки въ управленіи косвенными налогами, пришлось уже 24 ноября 1788 г. возвысить налогъ на кофе и табакъ, равно какъ и ввести акцизъ съ помола, отвергнутый было въ предшествующемъ году.

Нерѣшительность новой финансовой политики Пруссіи наиболее ярко сказывается въ законодательствѣ о хлѣбныхъ пошлинахъ. Уже въ 1786 г., еще до уничтоженія монополіи на кофе и табакъ, по настоятельному совѣту Генеральной Директоріи, хлѣбная торговля была объявлена свободной; только зерно изъ Познани, которое приходилось ввозить на судахъ, было обложено пошлиной по два прусскихъ гроша съ шеффеля, поступавшей въ военную кассу для закупки хлѣба. Донесенія провинціальныхъ палатъ единогласно свидѣтельство-

вали о хорошемъ вліяніи этой мѣры на интересы земледѣльческаго и торговаго населенія. Несмотря на это, по требованію военнаго департамента, заявившаго, что при закупкѣ хлѣба въ Польшѣ онъ не можетъ болѣе добиться прежнихъ штатныхъ цѣнъ, 10-го января 1789 г. послѣдовало запрещеніе вывоза какаго бы то ни было хлѣба, между тѣмъ какъ ввозъ былъ совершенно освобожденъ отъ пошлинъ, даже отъ взноса двухъ грошей. Черезъ нѣсколько недѣль (20-го Февраля), вслѣдствіе жалобъ со стороны представителей торговыхъ интересовъ, поддержанныхъ Генеральной Директоріей, вывозъ былъ вновь дозволенъ, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ полевыхъ продуктовъ, не полагавшихся военнымъ магазинамъ, какъ то—пшеницы, солода, гороха. Но уже 30-го сентября 1789 г. вывозъ былъ снова воспрещенъ, а 1-го октября 1790 г. вновь разрѣшенъ, но для одной только пшеницы.

Авторъ приводитъ также интересныя подробности относительно неудачныхъ опытовъ въ другихъ областяхъ финансовой политики, подробности, касающіяся безплодныхъ усилій поднять транзитную торговлю и неудачныхъ стремленій поддержать фабричное производство путемъ государственной помощи и посредствомъ торговыхъ договоровъ установить болѣе широкій кругъ для торговыхъ сношеній. Опуская все это, мы ограничимся только указаніемъ, что 6-го сентября 1791 г. король поручилъ Генеральной Директоріи произвести основательное изслѣдованіе касательно тѣхъ налоговъ, гнетъ которыхъ былъ особенно чувствителенъ; по этому случаю были наведены справки въ обширныхъ размѣрахъ, но въ концѣ концовъ все осталось по старому.

Для обсужденія прусскаго бюджета въ его совокупности, Филиппсонъ обращаетъ вниманіе на глубокое различіе тогдашнихъ смѣтъ съ теперешними, различіе, которое до сямъ поръ не принималось въ расчетъ: „Чистый доходъ государства“, говоритъ авторъ, „нельзя взвѣшивать съ точки зрѣнія нынѣшнихъ понятій. Содержаніе всѣхъ чиновниковъ, не принадлежавшихъ къ центральному управленію, множество пенсій, погашеніе долговъ, улучшеніе производительности страны, различные военные расходы и т. д. были прямо возложены на провинціальныя и департаментскія кассы; они слѣдовательно вовсе не проходили черезъ крупныя государственныя кассы, а вмѣстѣ съ тѣмъ не попадали и въ бюджетъ. Мы не очень ошибемся, если, соображаясь съ нынѣшнимъ временемъ, увеличимъ чистый доходъ прусскаго государства въ эту эпоху приблизительно на 9 милліоновъ противъ цифры, фигурирующей въ росписяхъ; такимъ образомъ, доходъ въ первые годы царствованія Фридриха Вильгельма II составить 27 милліоновъ талеровъ. Сообразуясь съ этимъ, нужно измѣнить свѣдѣнія, приводимыя всѣми историками, будто бы при Фридрихѣ Великомъ и при его наслѣдникѣ $\frac{3}{4}$ государственныхъ сборовъ шли на войско и только $\frac{1}{4}$ на гражданское управленіе“.

Но свой отличительный оттенок управление Фридриха Вильгельма II получило только тогда, когда 3-го июля 1788 г. Велльнеръ принялъ въ свое вѣдѣніе департаментъ духовныхъ и учебныхъ дѣлъ. Филипсонъ дѣлаетъ любопытныя разоблаченія относительно уловокъ, путемъ которыхъ Велльнеръ добился паденія своего предшественника вольфганца Цедлитца. Судя по всему, цѣлью Велльнера съ самаго начала былъ департаментъ духовныхъ дѣлъ, во главѣ котораго онъ всего успѣшнѣе могъ дѣйствовать на пользу своихъ идей. Еще до вступленія Велльнера въ должность, король издалъ 26-го июля 1787 года кабинетный указъ на имя предсѣдателя бреславльскаго провинціального правленія фонъ-Зейдлица, составленный Велльнеромъ и опубликованный въ тогдашнихъ газетахъ. Объявляя войну противъ „невѣрія, деизма и натурализма“, этотъ указъ задаетъ тему, на которую варьируютъ затѣмъ почти всѣ указы короля по духовнымъ дѣламъ. Пресловутый „религіозный эдиктъ“ Велльнера (9-го Іюля 1788 г.) былъ набросанъ, вѣроятно, еще до вступленія на престолъ Фридриха Вильгельма II; но крайней мѣрѣ еще въ то время онъ приготовилъ для наследника свою подробную докладную записку, такъ называемую имъ „Рукопись въ фіолетовомъ бархатѣ“. По этому поводу Велльнеръ замѣчаетъ: „Я уже тогда все разработалъ и приготовилъ на случай, если найдутъ нужнымъ доверить мнѣ главное начальство въ войнѣ противъ просвѣтителей“. И вотъ теперь властитель страны предписывалъ въ полицейскомъ указѣ, чему слѣдуетъ вѣрить, а чему нѣтъ. Однимъ словомъ, религіозный эдиктъ далъ почувствовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ зависимость церкви отъ свѣтской власти страны. Конечно, рационалистическое движеніе перешло къ этому времени границы умѣренности. Съ политической и религіозной точки зрѣнія протыводѣйствіе ему могло быть понятнымъ; болѣе того—при благо-разумномъ руководствѣ оно могло сдѣлаться даже полезнымъ; но неловкій, грубый образъ дѣйствія Велльнера, недостатковъ опыта, знаній и продуманности, обнаруживавшійся при каждомъ случаѣ, пріобрѣтали ему повсюду враговъ и противниковъ. Въ кругахъ теологовъ, въ высшихъ духовныхъ учрежденіяхъ, эдиктъ встрѣтилъ крайне сильное сопротивленіе. Рационалистически настроенный Спальдингъ, президентъ оберъ-консистоіи, просилъ и получилъ отставку. Послѣдовали возраженія, которыя Велльнеръ могъ встрѣтить только неловой грубостью. Къ этому присоединился почти единодушный протестъ образованныхъ классовъ, въ особенности сословія судей и литературы. Книжки, какъ „Откровенныя размышленія о религіозномъ эдиктѣ“ и „Отрывки о просвѣщеніи“ продавались въ тысячахъ экземпляровъ.

Филипсонъ приводитъ также много интересныхъ подробностей относительно борьбы Велльнера противъ печатнаго слова. Эдиктомъ о цензурѣ отъ 19-го декабря 1788 г. министръ пытался обуздать журналистику за то, что она подвергла строгой критикѣ его религіозный эдиктъ. Какъ на *pièces justificatives* къ этому отдѣлу сочи-

ненія Филиппсона можно указать на „Документы для исторіи прусской цензуры и журналистики при министрѣ Вёлльнерѣ“, опубликованные Каппомъ въ „Архивѣ нѣмецкой книжной торговли“. И театръ подвергся такой рѣшительной опалѣ, что Рейхардтъ и Энгель, первый въ 1792, второй въ 1794 г., сложили съ себя обязанности канцелямейстера и директора. Не обладая самъ богословскимъ образованіемъ, Вёлльнеръ хотѣлъ восполнить этотъ пробѣлъ союзомъ съ Гермесомъ, совѣтникомъ Бреславльскаго консисторіи; такъ, онъ поручилъ ему выработать новую схему для испытанія кандидатовъ на должность пастора, и ввелъ ее, не посоветовавшись съ оберъ-консисторіей. Въ апрѣлѣ 1791 г. Гермесъ былъ приглашенъ въ Потсдамъ для тайнаго совѣщанія; здѣсь шла рѣчь о принятіи мѣръ, путемъ которыхъ скорѣе всего можно было бы добиться уваженія и повиновенія по отношенію къ религіозному эдикту. Плодомъ этого совѣщанія было учрежденіе духовной экзаминаціонной комиссіи. Въ инструкціи, выработанной этой комиссіей для испытаній въ провинціи, король вычеркнулъ параграфъ, который рекомендовалъ экзаменаторамъ свисхожденіе къ кандидатамъ, обнаружившимъ на экзаменѣ правильный образъ мыслей въ вопросахъ религіи. Въ концѣ своего изложенія учебной и церковной политики Вёлльнера авторъ говоритъ о той благосклонности, съ которой министръ относился къ септамъ піетистовъ и мистиковъ, а также касается положенія католиковъ и евреевъ и вмѣшательства Вёлльнера въ дѣла университетовъ.

Наиболѣе свѣтлой стороной прусской государственной жизни за эту эпоху авторъ признаетъ судебную администрацію, во главѣ которой стоялъ фонъ-Кармеръ. Главнымъ предметомъ попеченія и задачей всей дѣятельности Кармера было изготавленіе всеобщаго свода законовъ (введенъ 1-го іюня 1792 г.). Къ сожалѣнію и здѣсь пагубно дали себя почувствовать дурныя вліянія, окружавшія короля. Вёлльнеръ, не обладавшій ни малѣйшимъ юридическимъ образованіемъ, былъ совѣтникомъ короля въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось дѣлать запросы мѣстнымъ и иностраннымъ ученымъ, или обсуждать ихъ предложенія и мнѣнія. Характеристикѣ свода законовъ Кармера посвященъ довольно значительный отдѣлъ книги Филиппсона. Если Кармеръ и положилъ своимъ „сводомъ“ начало правовому государству, то съ другой стороны онъ крайне рѣзко провелъ въ немъ раздѣленіе сословій. Эггерсъ и Суарець, сотрудники Кармера, не могли добиться благосклонности великаго канцлера и законодательной комиссіи для своего намѣренія предоставить крестьянину личную свободу и право свободнаго передвиженія.

Вообще, тотчасъ вслѣдъ за переменой царствованія начинается реакція противъ стремленій Фридриха II опредѣлить по справедливости отношенія между помѣщиками и подвластнымъ населеніемъ. Правительство жертвовало крестьянскимъ населеніемъ не только знати, но даже и городскимъ интересамъ. Какъ на измѣну гогенцоллерн-

свой политикѣ авторъ указываетъ на дарованіе сословнаго устройства рыцарямъ Западной и Восточной Пруссіи, которое возвратило имъ часть могущества, отнятаго было Великимъ Курфюрстомъ и Фридрихомъ Вильгельмомъ I.

Этого бѣглаго обзора достаточно, чтобы убѣдиться, съ какою многосторонностью авторъ ввелъ въ кругъ своего изслѣдованія различныя вѣтви государственной и соціальной жизни. Чуть ли не для каждой вѣтви онъ приводитъ новыя и притомъ любопытныя факты, почерпнутыя большею частью изъ актовъ, еще не тронутыхъ до него. Такое множество разнообразныхъ чиселъ, цифръ и выписокъ представляетъ собой, разумеется, матерьялъ неособенно удобный для историческаго изложенія; тѣмъ не менѣе автору удается держать любознательность читателя въ напряженномъ состояніи до самаго конца книги.

Иф...ль.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Источники русской агиографіи. Николая Барсукова. Изд. Общества любителей древней письменности. Спб. 1882.

Г. Барсуковъ далъ своей книгѣ греческій титулъ вмѣсто подобающаго русскаго, и тѣ, кто не свмыся еще съ излюбленною склонностью нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ употреблять античныя слова, могутъ, конечно, ожидать отъ нея большаго въ сравненіи съ тѣми, что въ дѣйствительности въ ней заключается. На первый взглядъ, по крайней мѣрѣ, многимъ должно показаться, что здѣсь разумѣется подъ „русскую агиографію“ какая-то исключительная наука, пользующаяся всѣми правами на самостоятельную обособленность, подобно русской географіи, русской исторіи и пр., наука, родниги которой впервые зондированъ г. Барсуковымъ. На самомъ же дѣлѣ это вовсе не такъ. Въ почтенномъ трудѣ г. Барсукова собраны и приведены въ единство свѣдѣнія о рукописяхъ житій русскихъ святыхъ, перечисленныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, свѣдѣнія, разбѣянные по каталогамъ разныхъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ. Житія святыхъ, разумѣется, не могутъ образовать изъ себя особую науку, будучи сами только однимъ изъ многихъ отдѣловъ древнерусской письменности. Значить, и подъ „агиографіей“ тутъ надо понимать нѣчто иное — что именно, мы не беремся объяснять, но во всякомъ случаѣ не тотъ смыслъ надо придавать этому неудачно придуманному термину—будто дѣло идетъ о новой области знанія. Г. Барсуковъ на этотъ счетъ нигдѣ не высказывается прямо, но за то изъ приведенныхъ въ его книгѣ цитатъ гг. Строева, Буслаева и Ключевского ясно, что житія святыхъ интересны для положительной науки постольку, поскольку они служатъ дополненіемъ свидѣтельствъ исторіи о внутреннемъ бытѣ народа, или же освѣщеніемъ добытыхъ исторіею данныхъ народной словесности. Съ этой точки зрѣнія, житія святыхъ, собранныя г. Барсуковымъ, вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію. Авторъ, повидимому, не пожалѣлъ времени и труда, чтобы представить по возможности подробныя свѣдѣнія о каждомъ изъ свя-

тѣхъ нашей церкви. Подъ именемъ почти каждаго изъ нихъ приведены биографическія данныя, указано время канонизаціи и празднованія церковью, затѣмъ перечислены рукописи, содержащія въ себѣ житіе, поученіе, слова и службы, а равно и сказаніе о мощахъ, если таковыя имѣются. Различіе между редакціями однихъ и тѣхъ же житій указано по отношенію только къ тѣмъ рукописямъ, которыя или изданы вполнѣ, или же подверглись критической разработкѣ другихъ изслѣдователей, а потому и всѣ промахи г. Барсукова въ настоящемъ случаѣ должны оставаться на отвѣтственности его первыхъ источниковъ. Словомъ, г. Барсуковъ весьма добросовѣстно сгруппировалъ въ своей книгѣ все, что съ 1877 года, когда ему было поручено ея составленіе княземъ П. П. Вяземскимъ отъ имени Общества любителей древней письменности, онъ успѣлъ найти въ каталогахъ и описаніяхъ рукописей житій, хранящихся въ сорока пяти общественныхъ и въ девятнадцати частныхъ библіотекахъ. За такой трудъ, безъ сомнѣнія, будутъ признательны автору всѣ, кто интересуется предметомъ, для знакомства съ которымъ „Источники“ служатъ прекрасно составленной справочной книгой. Пожелаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и наши составители книгъ для народа воспользовались этой книгой. Доселѣ они съ легкимъ сердцемъ брались за сочинительство „житій святыхъ“ для народа, Богъ вѣсть какими только вымыслами ни наполняя эти „житія“. Прежде имъ могло еще, пожалуй, служить нѣкоторымъ оправданіемъ полное отсутствіе сколько-нибудь компетентныхъ указаній на подлинныя источники для ихъ компилляцій; но теперь, съ появленіемъ труда г. Барсукова, и это оправданіе не имѣетъ силы.

Ө. В.

Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія. Исслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881.

Огромный трудъ г. Жмакина (всего около 800 страницъ) раздѣляется на три части: первая носитъ названіе „Жизнь и дѣятельность митрополита Даниила“, вторая имѣетъ своимъ предметомъ обзоръ его сочиненій, а третья занята приложеніями.

Что касается первой части, то ея названіе не вполнѣ согласно съ содержаніемъ: двѣ трети ея посвящены Іосифу Волоцкому, Нилу Сорскому, жидовствующимъ, Максиму Греку и Вассіану Косому и только одна треть удѣлена Даниилу. Нѣтъ сомнѣнія, что о Даниилѣ нельзя говорить, не упомянувъ объ Іосифѣ и Нилѣ и не сказавъ нѣсколькихъ словъ о жидовствующихъ и не коснувшись Максима и Вассіана, но мы думаемъ, что г. Жмакину не было никакой надобности слишкомъ распространяться объ нихъ, тѣмъ болѣе, что ему пришлось при этомъ повторить то, что уже давно всѣмъ извѣстно. Правда, онъ высказалъ здѣсь и кое-что новое, но, во-первыхъ, это новое могло бы быть предметомъ особой статьи или статей; во-вторыхъ, это не болѣе, какъ рядъ гипотезъ, которыя не подтверждаются никакими историческими данными. Такъ, г. Жмакину кажется, что „характеръ отношеній Іосифа Волоцкаго къ великому князю и его взглядовъ опредѣлялся мѣстомъ его воспитанія. Іосифъ долгое время подвизался у Пафнутія Боровскаго,—человѣка, отличавшагося твердою преданностью дому московскихъ князей и ихъ интере-

самъ. Та же черта перешла и къ Иосифу Волоцкому“ (стр. 24). Но отношенія Иосифа къ великому князю объясняются гораздо вѣрнѣе тѣмъ, что Иосифъ смотрѣлъ на великокняжескую власть точно такъ же, какъ и всѣ другіе книжные люди его времени, т. е. переносилъ на нее все то, что въ разныхъ переводныхъ произведеніяхъ древней русской литературы говорилось о власти византійскихъ императоровъ. Возникновеніе ереси жидовствующихъ, по мнѣнію г. Жмакина, тѣсно связано „съ трагическою судьбою, постигнутою во второй половинѣ XV вѣка Новгородъ, и со всѣми предшествовавшими ей историческими условіями и обстоятельствами и непосредственно слѣдовавшими за ними явленіями соціальной жизни вольнаго города“ (стр. 39). Послѣ паденія Новгорода, „новгородскіе свободолюбцы сошли на почву религиозную и здѣсь ихъ стремленіе къ свободомыслію нашло себѣ хорошую почву въ сохранившихся и разбившихся на множество мелкихъ толковъ фракціяхъ стригольничества“ (стр. 40); когда же въ Новгородѣ явился еврей Схарія съ товарищи, то „либеральная часть новгородскаго духовенства и общества... съ радостью ухватилась за ученое общество явившихся евреевъ“ и къ образовавшейся такимъ образомъ ереси „пристало все либеральное, все свободолюбивое въ Новгородѣ“ (стр. 42). Не говоря уже о логической и исторической путаницѣ въ приведенныхъ словахъ г. Жмакина, замѣтимъ, что намъ ничего неизвѣстно о политическихъ тенденціяхъ ни быстро промелькнувшихъ на историческомъ горизонтѣ стригольниковъ, ни жидовствующихъ, и что связь послѣднихъ съ первыми подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. О жидовствующихъ можно думать, что они вовсе не были страстными свободолюбцами и врагами Москвы; по крайней мѣрѣ, когда архіепископъ Геннадій открылъ въ Новгородѣ первые признаки ереси, то ея послѣдователи бѣжали не въ богѣе близкое и безопасное убѣжище—Литву, а въ Москву, подъ защиту великаго князя. Но г. Жмакинъ не ограничивается отождествленіемъ жидовствующихъ съ приверженцами новгородской старины и идетъ далѣе. Когда ересь проникла въ Москву, говоритъ онъ, то здѣсь она нашла для себя благоприятную почву: „въ московскихъ областяхъ шла сильная борьба между крѣпнущимъ единодержавіемъ и отживавшимъ свой вѣкъ удѣльно-вѣчевымъ порядкомъ“ (стр. 47). „Стремленіе къ абсолютизму менѣе всего раздѣлялось еретиками, представлявшими изъ себя не одно религиозное, но и политическое общество, симпатизировавшее традиціямъ старо-боярскаго партіи“ (стр. 49), и по этой причинѣ ересь сллилась съ этой партіей „въ одно гармоническое цѣлое“ (стр. 52). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, было ли что нибудь общее между свободолюбцами новгородцами и стремившимися къ послѣдственной олигархіи московскими боярами („старо-боярскаго партію“, по нѣскольکو странной терминологіи г. Жмакина), позволимъ себѣ указать, что о близости жидовствующихъ съ боярами намъ ничего неизвѣстно и мы не знаемъ ни одного еретика, который бы принадлежалъ къ знатной боярскаго фамиліи.

Объ Максимѣ Грекѣ г. Жмакинъ говоритъ: „Максимъ несочувственно относился къ только что установившемуся на Руси полному абсолютизму власти въ лицѣ одного великаго князя, или, по крайней мѣрѣ, онъ отрицательно смотрѣлъ если не на самый принципъ абсолютизма, то имѣлъ въ виду здѣсь тѣ аномальности и уклоненія, въ которыхъ онъ выражался въ его время“ (стр. 157). Но въ сочиненіяхъ Максима Грека мы не знаемъ ни одного мѣста, которое хотя сколько нибудь могло служить подтвержденіемъ приведенныхъ словъ. То, что онъ говоритъ о „дивномъ совѣтницѣ, доброхотномъ царствію“,

быть может, относится къ Вассіану Косому, стоявшему близко къ Максиму и въ то же время бывшему „временнымъ“ человекомъ при великомъ князѣ Василии Іоанновичѣ, и нѣкимъ образомъ не можетъ имѣть въ виду болѣе вообще.

Жизнь и дѣятельность митрополита Даніила изложена авторомъ съ достаточною полнотою, съ нѣкоторыми (очень немногими) неизвѣстными до сихъ поръ подробностями, но, по нашему мнѣнію, личность этого дѣятеля могла бы быть освѣщена нѣсколько ярче, чѣмъ это сдѣлалъ г. Жмакинъ.

Во второй части, самой большой по объему, излагается содержаніе литературныхъ произведеній Даніила, причемъ къ нимъ дѣлается обширный и разносторонній комментарий. Эта часть отличается большими достоинствами: она почти цѣликомъ основана на рукописномъ матеріалѣ, который авторъ отыскалъ и изслѣдовалъ въ разныхъ бібліотекахъ, и изъ нея читатель получаетъ гораздо болѣе свѣдѣній о сочиненіяхъ Даніила, чѣмъ изъ VII тома „Исторіи русской церкви“ высокопреосвященнаго Макарія (гдѣ ихъ содержаніе впервые изложено довольно подробно), и между прочимъ объ одномъ такомъ его посланіи (14-мъ въ сборникѣ посланій), которое высокопреосвященному Макарію осталось совершенно неизвѣстнымъ. Библиографическій указатель сочиненій Даніила, составленный г. Жмакинымъ, отличается замѣчательною полнотою, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія на списки неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ памятниковъ древне-русской литературы, — указанія, за которыя поблагодарятъ г. Жмакина многіе изслѣдователи русской старины.

Въ комментарий къ сочиненіямъ Даніила есть немало цѣннаго, но онъ слишкомъ многословенъ, растануть, часто повторяетъ одно и то же, такъ что его, безъ всякаго ущерба для пониманія, можно бы сократить по крайней мѣрѣ на половину. Кромѣ того, въ немъ попадаются иногда и несовсѣмъ вѣрныя объясненія. Напримѣръ, для того, чтобы объяснить нѣсколько фразъ Даніила, г. Жмакинъ цѣликомъ рядъ страницъ (595 — 598, 608) посвящаетъ изслѣдованію страсти русскихъ къ сплетничеству, или, какъ онъ выражается, — къ пересудамъ, причемъ развитіе этой страсти въ Руси XVI вѣка ставитъ въ связь: во 1-хъ съ борьбою между придворными партіями того времени (стр. 595), во 2-хъ — со враждою между Даніиломъ съ одной стороны и Максимомъ Грекомъ и Вассіаномъ Косымъ съ другой (стр. 598), и въ 3-хъ — съ отношеніями высшаго класса русскаго общества къ низшему (стр. 608). Мало этого, — онъ увѣряетъ даже, что „развитіе страсти къ пересудамъ... явилось послѣднимъ и однимъ изъ страшныхъ золъ, развѣдавшихъ современное (Даніилу) русское общество“! (ibid).

Третья часть — приложения — представляетъ дополненіе ко второй. Здѣсь мы находимъ въ подлинникѣ наиболѣе важныя въ томъ или другомъ отношеніи произведенія митрополита Даніила или въ цѣломъ ихъ объемѣ, или въ большихъ отрывкахъ, именно: первая части 8-го и 12-го словъ, „наказанія“, или послѣднія части, 2-го, 5-го, 7-го, 10-го, 12-го — 16-го словъ, 1-ое, 4-ое, 12-ое и 14-ое посланія, а также (изъ числа посланій, не вошедшихъ въ составъ сборника) посланія къ князю Юрію Іоанновичу и къ неизвѣстному. Сверхъ того, здѣсь изданы: посланіе волоколамскихъ инововъ къ старцу Іонѣ съ просьбою ходатайствовать за нихъ передъ Даніиломъ, тогда еще волоколамскимъ игуменомъ; посланіе неизвѣстнаго новгородскаго архіепископа къ неизвѣстному московскому митрополиту (г. Жмакинъ считаетъ его принадлежащимъ перу архіепис-

копа Макарія и адресованнымъ къ митрополиту Данилу, но доказательства его недостаточны, и можно думать, что авторомъ этого посланія былъ архі-епископъ Феодосій и что оно писано имъ къ митрополиту Макарію, нѣсколько русскихъ ученыхъ XV—XVI вѣковъ, изъ которыхъ одно—о брадобритіи—принадлежить Максиму Греку, другое—о разговаривающихъ въ церкви—писано митрополитомъ Макаріемъ, и наконецъ—два отрывка каноническаго содержанія, близко касающіеся древне-русской жизни. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній изъ труда г. Жмакина впервые дѣлаются извѣстными; другія, извѣстныя прежде по рукописямъ, въ трудѣ г. Жмакина впервые являются напечатанными.

А. С—скій.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1847 — 1881 г.). 4 тома. Изданіе третье, дополненное. С.-Петербургъ. 1882.

Въ короткій, сравнительно, періодъ времени появляется третье изданіе сочиненій Г. П. Данилевскаго; нѣкоторыя его произведенія переведены на нѣсколько иностранныхъ языковъ. Все это свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ успѣхѣ почтеннаго автора среди читателей, и мы едва едва-ли ошибемся, сказавъ что главная доля этого успѣха принадлежитъ его историческимъ разсказамъ и повѣстямъ. Нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время въ обществѣ все болѣе и болѣе развивается вкусъ къ историческому чтенію и читатели съ интересомъ встрѣчаютъ всякую обработку историческаго матеріала, къ которой слѣдуетъ отнести и историческій романъ.

Въ числѣ нашихъ современныхъ историческихъ романистовъ, г. Данилевскій занимаетъ видное мѣсто, отличаясь не только какъ талантливый разсказчикъ, но и какъ добросовѣстный изслѣдователь. Талантъ разсказчика г. Данилевскій проявилъ еще гораздо ранѣе въ небольшихъ своихъ разсказахъ, составившихъ въ собраніи его сочиненій семейную хронику; разсказы „Прабабушка“, „Дѣдовъ лѣсъ“, „Тѣнь прагѣда“ дышатъ правдой и написаны чрезвычайно живо. Таже манера разсказывать отличаетъ и позднѣйшія мелкія и крупныя произведенія г. Данилевскаго, о которыхъ въ свое время было достаточно говорено въ нашей критикѣ за и противъ.

Что же касается добросовѣстнаго отношенія автора къ историческимъ источникамъ, то добросовѣстность эта служитъ иногда даже во вредъ художественной сторонѣ его произведеній. Строго придерживаясь исторической почвы, г. Данилевскій выводитъ на сцену множество лицъ, хотя участвовавшихъ въ извѣстномъ историческомъ событіи, но мало интересныхъ, эпизодическихъ, лишь замедляющихъ ходъ дѣйствія и тѣмъ самымъ подрывающихъ цѣлостность впечатлѣнія. Въ этомъ состоитъ недостатокъ историческихъ романовъ и повѣстей г. Данилевскаго, недостатокъ, не мѣшающій, однако, отдать ему полную справедливость, какъ писателю, вполне заслуживающему тѣхъ симпатій, какими онъ пользуется среди читающей публики.

Б. Г.

Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя. Составилъ Я. Ящуржинскій. Варшава. 1881.

Цѣль автора этой книжки была сравнить лирическую свадебную поэзію малорусскаго и великорусскаго племени и, опредѣливъ индивидуальныя особенности тѣхъ и другихъ пѣсень, показать, какъ мало-по-малу происходило нравственное усювершенствование обоихъ племенъ. Задача обширная, требующая и большого знакомства съ источниками и значительной эрудиціи, и вполнѣ объективнаго отношенія къ предмету. Что касается матеріаловъ, необходимыхъ для подобнаго труда, то въ нихъ у насъ нѣтъ недостатка: въ послѣднее полу столѣтіе литература наша обогатилась значительнымъ количествомъ сборниковъ великорусской и малороссійской поэзіи, въ которыхъ помѣщена масса всякаго рода пѣсень, а въ томъ числѣ и много свадебныхъ, записанныхъ въ разныхъ углахъ сѣверной и южной Россіи. И по смысламъ, разъясненнымъ въ сочиненіи г. Ящуржинскаго, видно, что онъ знакомъ съ важнѣйшими изданіями по взятому имъ предмету: онъ не только пользовался сборниками великорусскихъ, украинскихъ и бѣлорусскихъ пѣсень, но также народными лирическими памятниками польскими, чешскими и сербскими. Разсматривая все это, согласно своему плану, въ бытовомъ отношеніи, авторъ пользовался и такими сочиненіями, въ которыхъ бытъ сѣверо-русскаго и южно-русскаго племени опредѣляется въ историческомъ и этнографическомъ значеніи. Изъ этого обширнаго матеріала авторъ взялъ ту часть, которая „относится къ браку, занимающему первое мѣсто среди торжествъ семейно-бытовой жизни народа“, чтобы, на основаніи свадебныхъ пѣсень и обрядовъ, представить результатъ сравненія малорусскаго и великорусскаго племени и, кромѣ того, показать еще на этомъ источникѣ степень смягченія народныхъ нравовъ. Къ какимъ же же результатамъ пришелъ онъ въ своемъ изслѣдованіи, такъ широко задуманномъ?

Прежде всего сравненіе малороссійскихъ свадебныхъ пѣсень съ великорусскими привело его къ заключенію, что какъ во внѣшней формѣ, такъ и во внутреннемъ содержаніи ихъ, очень много сходнаго, даже буквально тождественнаго, а это показываетъ степень близости этихъ племенъ. „Ни одно славянское племя“, говоритъ онъ, „не стоитъ въ такомъ близкомъ родствѣ съ великорусскимъ, какъ малорусское; ни одно изъ нихъ сравнительно съ послѣдними не обладаетъ такимъ богатымъ количествомъ сходныхъ чертъ въ нравахъ, обычаяхъ и возрѣніяхъ“. Мы думаемъ, что нѣтъ надобности сличать какія бы то ни было пѣсни для того, чтобы придти къ подобному выводу. Само собою разумѣется, что въ нравахъ и обычаяхъ тѣхъ племенъ, которыя историческими судьбами связаны въ одинъ народъ, должно быть болѣе общаго, чѣмъ между народами одного корня, но раздѣленными политически, а тѣмъ болѣе и различными по религіи. Развѣ можно допустить, чтобы чехи или поляки ближе были по своимъ возрѣніямъ къ великоруссамъ, нежели малороссіяне? Намъ кажется, объ этомъ не стоитъ распространяться, какъ о совершенно ясной аксіомѣ. Не требовало большихъ изысканій и заключеніе г. Ящуржинскаго о типѣ малорусскаго и великорусскаго племени, отразившемся въ ихъ свадебныхъ пѣсняхъ. „Индивидуальныя особенности, которыми обрисовывается тотъ и другой“, говоритъ онъ, „не представляютъ столь рѣзкихъ чертъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать выводъ о совершенной противоположности этихъ двухъ племенъ. Черты, различающія ихъ, въ общей слож-

ности своей, уступают количеству сходных сторонъ, которыми они соприкасаются между собою и составляютъ такимъ образомъ одно этнографическое цѣлое“. Это ясно для всякаго, кто мало-мальски знакомъ съ пѣснями сѣверной и южной Россіи.

Опредѣляя различіе малорусскихъ и великорусскихъ пѣсень, г. Ящуржинскій указываетъ на особенности въ ихъ формѣ и содержаніи. Со стороны формы онъ находитъ только, что великорусская лирическая поэзія отличается болѣе любовью къ отрицательнымъ сравненіямъ, но въ то же время видитъ подобныя сравненія и въ малороссійскихъ пѣсняхъ, и даже замѣчаетъ въ нихъ особый видъ, построенный по полной схемѣ для такихъ оборотовъ. Относительно внутренняго содержанія, авторъ вполне принимаетъ мнѣніе г. Костомарова, что „участіе природы въ великорусскихъ пѣсняхъ мало, и чрезвычайно сильно въ южно-русскихъ; любовное чувство, душа всякой народной поэзіи, рѣдко возвышается въ великорусской поэзіи надъ матеріальностью, въ малорусской же достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты нобужденія и граціи образовъ“. Къ этому авторъ прибавляетъ, что въ великорусской лирической поэзіи онъ находитъ болѣе мѣткого очертанія и силы выраженія, а въ малорусскихъ пѣсняхъ болѣе мягкаго, теплаго чувства. Изъ этого читатели могутъ видѣть, какъ мало новаго прибавляетъ сочиненіе г. Ящуржинскаго къ тому, что по данному предмету выработано уже другими изслѣдователями русскихъ свадебныхъ пѣсень и обрядовъ.

Но задача автора, какъ мы видѣли, не ограничивалась опредѣленіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей бытовыхъ пѣсень сѣвернаго и южнаго русскаго племени: онъ имѣлъ еще въ виду „прослѣдить тѣ перипетіи, черезъ которыя проходило нравственное усовершенствованіе этихъ племенъ, пока оно не достигло той точки развитія, на которой его застаемъ въ настоящее время“. Такія перипетіи авторъ и отыскиваетъ въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ. Плоды его труда въ этомъ отношеніи также не особенно обильны. Разбирая различные обряды, сопровождающіе русскую народную свадьбу и отразившіеся въ пѣсняхъ,—стговоръ, рукобитье, дѣвчичникъ, расплетаніе косы, вѣнчаніе, онъ указываетъ, какъ первобытное „умыканье“ дѣвицы смѣнилось сначала покупкою невѣсты, а потомъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ, и такимъ образомъ приходитъ къ заключенію, что въ свадебной поэзіи выразилось смягченіе нравовъ русскаго народа, и видно, черезъ какія оно проходило перипетіи. Несмотря однако на нравственное усовершенствованіе народа, авторъ сознается, что „на основаніи свадебныхъ пѣсень и обрядовъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что какъ у великоруссовъ, такъ и малоруссовъ, существовало и существуетъ подчиненіе женщины, переходящее иногда въ невыносимое положеніе крайняго загона послѣдней въ семьѣ“. Этимъ заканчиваются изслѣдованія автора.

Такимъ образомъ, сочиненіе г. Ящуржинскаго не представляетъ ничего новаго въ отношеніи къ его результатамъ: это только сводъ фактовъ, давно уже извѣстныхъ и проверенныхъ критически. Остается прибавить, что авторъ неособенно заботился о чистотѣ своего языка и, кромѣ того, издалъ книжку свою безъ буквы ѣ. Намъ кажется, если подобное правописаніе можно было допустить въ видахъ экономіи въ словарѣ Толя, то оно болѣе чѣмъ странно въ книгѣ филолога, который долженъ уважать законы, возникшіе исторически изъ самыхъ формъ языка и его письменности.

А. М.

Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. Составилъ Е. Д. Фелицынъ. Екатеринодаръ. 1881 года.

Г. Фелицынъ, секретарь кубанскаго областного статистическаго комитета, въ тѣсномъ кругу изслѣдователей Кавказа извѣстенъ за человека, глубоко преданнаго дѣлу изученія края, въ которомъ онъ живетъ, и хорошо его знающаго во всѣхъ подробностяхъ. В археологическій свѣдѣ, бывшій въ Тифлисѣ 8—21 сентября 1881 г., въ одномъ изъ общихъ своихъ собраній выразилъ ему благодарность за содѣйствіе, имъ оказанное при раскопкахъ, произведенныхъ въ Кубанской области. Г. Бентковский, авторъ „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи сѣвернаго Кавказа“, напечатанныхъ въ рассматриваемой нами книгѣ, говоритъ, что „многимъ, что имѣеть (по данному вопросу), онъ обязанъ Е. Д. Фелицыну“.

Всѣ эти данныя невольно заставляютъ предъявлять къ труду г. Фелицына болѣе серьезныя требованія, чѣмъ обыкновенно предъявляются къ памятнымъ книжкамъ, въ большинствѣ заключающимъ обыкновенно календарныя свѣдѣнія и сухой, всегда невѣрный, перечень должностныхъ лицъ.

Вся книга раздѣлена на IV отдѣла. I отдѣлъ заключаетъ въ себѣ времясчисленіе, астрономическія свѣдѣнія и мѣсяцесловъ. Этотъ отдѣлъ растянутъ на 55 стр. Можно только удивляться существованію этого отдѣла въ памятной книжкѣ на 1881 г., вышедшей не наканунѣ, не въ началѣ, а въ концѣ его; IV отдѣлъ, занимающій 48 страницъ, посвященъ адресъ-календарю, въ которомъ встрѣчается немало ошибокъ. II отдѣлъ заключаетъ въ себѣ справочныя свѣдѣнія,—и чего только тутъ нѣтъ?! Есть и о веселяхъ, и о гербовомъ сборѣ, и метрологія, и такса почтовыхъ сборовъ, и пр. Изъ всего II отдѣла, растянутаго на 275 страницахъ, въ крайнемъ случаѣ можно было бы оставить только „Списокъ станицъ, селеній, колоній, ауловъ и нѣкоторыхъ поселковъ Кубанской области съ показаніемъ числа жителей, количества земельнаго надѣла, числа дворовъ, зданій, рогатаго скота, лошадей, промышленныхъ и торговыхъ заведеній, училищъ и учащихся“. Этотъ списокъ занимаетъ всего 26 страницъ. III отдѣлъ содержитъ въ себѣ статистическія свѣдѣнія о городахъ и уѣздахъ Кубанской области (113 стр.), „Матеріалы для исторіи колонизаціи сѣвернаго Кавказа“ г. Бентковского (125 стр.) и статью „Наказные атаманъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска“ г. Кравцова (12 стр.). По нашему мнѣнію, только эти статьи и должны бы были войти въ памятную книжку.

Г. Кравцовъ въ своей статьѣ, на основаніи личныхъ наблюденій и воспоминаній, представляетъ краткую характеристику наказныхъ атамановъ линейнаго казачьяго войска—Верзилина, Николаева, Круковского, Эристова и Рудзевича и сообщаетъ немало характерныхъ фактовъ изъ дѣятельности этихъ генераловъ, напр. о Верзилинѣ, уволенномъ отъ службы только потому, что онъ былъ опредѣленъ на нее кн. Паскевичемъ-Эриванскимъ, а ко всѣмъ такимъ лицамъ командовавшимъ войсками генералъ Вельяминовъ питалъ антипатію, и пр.

Въ статьѣ „Статистическія свѣдѣнія о городахъ и уѣздахъ Кубанской области“ сообщаются историческія свѣдѣнія о Екатеринодарѣ, Ейскѣ, Темрюкѣ и Майкопѣ. Свѣдѣнія касаются времени, предшествовавшаго основанію этихъ городовъ, времени ихъ основанія, замѣчательныхъ событій ихъ жизни, ихъ замѣчательныхъ дѣятелей, имѣвшихъ вліяніе на жизнь этихъ городовъ. Самою капитальною статью памятной книжки является статья г. Бентковского, заглавіе которой выписано было нами выше.

Изъ предисловія г. Бентковскаго мы узнаемъ, что онъ задался почтеннымъ трудомъ собиранія матеріаловъ, на основаніи которыхъ можно бы было составить атласъ для исторіи распространенія русскаго владычества и колонизаціи на сѣверномъ Кавказѣ.

Настоящая статья и служитъ матеріаломъ для предполагаемаго имъ атласа. Въ 1776 году была уничтожена Запорожская сѣчь; въ 1788 году Екатерина II „пожаловала“ ей земли для поселенія въ Керченскомъ кутѣ или на Тамани; въ 1790 году она получила названіе Черноморскаго войска; въ 1792 году войску пожалованы были земли, нынѣ входяція въ составъ уѣздовъ Екатеринодарскаго, Ейскаго и Темрюкскаго, пространствомъ въ 30.691 кв. версту. Съ 1792 года начинается переселеніе Черноморскаго войска на Кубань, и въ 1808 году тамъ уже видимъ 2 города — Екатеринодаръ и Тамань и 42 куреня, въ которыхъ было 2763 двора. Тяжелая доля выпала переселенцамъ на первыхъ порахъ ихъ существованія въ новой землѣ: съ одной стороны, имъ всегда грозили своими нападеными закубанскіе горцы, а съ другой, надежъ скота, неурожан и т. п. подрывали экономическое ихъ состояніе. Существовало предположеніе заселять Кубань преступниками, но оно не осуществилось, и вмѣсто этого въ подареніе черноморцамъ выселены въ 1809—11 годахъ 25.000 душъ мужскаго пола изъ малороссійскихъ губерній, которые, т. е. новые переселенцы, и были распределены по существующимъ куренямъ. Въ перюдъ времени съ 1821—25 гг., во второй разъ изъ малороссійскихъ губерній выселено было 25.000 малороссіянъ, которые были распределены отчасти по существующимъ куренямъ, а отчасти вошли въ составъ новыхъ куреней, которыхъ вновь основано было 18. Последнее и третье переселеніе малороссіянъ въ числѣ 2000 душъ произошло въ 1848 г. Въ это же время основаны были двѣ новыя станицы. Статья г. Бентковскаго обильна интересными подробностями и дѣйствительно заключаетъ въ себѣ интересные матеріалы для задуманнаго имъ атласа.

В. В.—новъ.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ V. 28 января 1725—5 мая 1727. С.П.В. 1881.

Вышедшій недавно 5-й томъ „Собранія постановленій по духовному вѣдомству“ обнимаетъ собою царствованіе императрицы Екатерины I. Этотъ любопытный сборникъ, изданный подъ редакціею члена комиссіи при свѣтѣйшемъ синодѣ, г. Труворова, представляетъ нелишнюю характеристику картину разнообразныхъ отношеній духовенства и привосновенныхъ къ духовнымъ дѣламъ мірянъ за ту эпоху, когда впервые русскій тронъ былъ занятъ женщиной, и занятъ скорѣе номинально, чѣмъ въ дѣйствительности. (Извѣстно, что Екатерина I не знала даже грамотъ). Правильнѣе, поэтому, называть эти два года началомъ эпохи временщиковъ, столь памятно отозвавшихся на русской исторіи за вторую четверть прошлаго столѣтія. Документы по духовнымъ и церковнымъ дѣламъ, помѣщенные въ 5-мъ томѣ „Собранія“, показываютъ, что внутренняя политика тогдашнихъ русскихъ правителей въ этой сферѣ шла по направленію, указанному Петромъ I. Не разъ встрѣчаемъ, напримѣръ, указы

о преслѣдованіи и лишеніи монашескаго званія „плутовъ-чернецовъ“, которые самовольно отлучаются изъ своихъ монастырей и будутъ „волочитися“ безъ письменнаго вида по разнымъ мѣстамъ. Видны заботы о поддержаніи „благоустройства“ въ монастыряхъ и о благовидности монашествующихъ; одинъ архимандритъ даже отрѣшенъ былъ отъ настоятельства, „по случаю имѣющейся у него на лицѣ язвы и за горловую болѣзнь“. Характеристивой тогдашнихъ нравовъ по отношенію къ лицамъ изъ духовенства служитъ распоряженіе „о наказаніи плетми какъ игумены, отпустившей монахинь въ Петербургъ, такъ и отпущенныхъ ею монахинь, ежели онѣ не испросили себѣ отпуска отъ мѣстнаго архіепископа“.

Количество постановленій, направленныхъ противъ раскольниковъ „и бородачей“, весьма значительно. Всѣ они имѣютъ характеръ репрессивный, хотя иногда и повелѣвается духовнымъ лицамъ „увѣщевать раскольниковъ мѣрами кроткими, а не принужденіемъ“. Сборъ денегъ съ раскольниковъ „за расколъ“, какъ видно, и въ тѣ времена игралъ немаловажную роль въ житейской практикѣ; очень часто встрѣчаются предписанія духовнымъ лицамъ „не касаться до сбора за расколъ денегъ“. Раскольниковъ пытались преслѣдовать даже за предѣлами Россіи: такъ, русскій резидентъ при дворѣ герцогини курляндской, Анны Ивановны, доносилъ, что у нея нѣтъ власти къ тому, чтобъ выселять въ Россію проживающихъ въ Курляндіи раскольниковъ, и имъ тамъ „присяжна не давать“, и что по этому предмету должно сноситься съ курляндскимъ правленіемъ, въ которое „ея высочество мѣшаться не извольтъ“. Встрѣчаемся и съ проявленіемъ заботливости объ охраненіи православія; въ только что упомянутомъ документѣ говорится также объ огражденіи проживающихъ въ Курляндіи православныхъ отъ притѣсненія униатовъ и лютеранъ. То же встрѣчаемъ относительно притѣсненія православныхъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Воспрещалось православнымъ родителямъ отсылать своихъ дѣтей въ польскія латинскія школы — „для того, чтобъ они не были-бъ совращаемы за-границею въ католичество“.

По отношенію къ внутреннимъ, церковно-мірскимъ дѣламъ, небезынтересно то, что, напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ о расторгеніи брака, по неспособности мужа къ брачному сожитію, въ чемъ сознался самъ мужъ, дѣлается ссылка, на ряду съ прочими основаніями, на тогдашній воинскій уставъ. Для характеристикъ того подчиненнаго положенія, какое тогда занимала церковь, могутъ служить также строгія постановленія, встрѣчаемыя въ сборникѣ, противъ тѣхъ брачующихся, которые заключили брачный союзъ, несмотря на то, что у мужа оставалась еще въ живыхъ первая жена, насильно постриженная въ монашество. Второй бракъ расторгается и не признается законнымъ, а вторая жена „никогда не была и быть не можетъ“ женою своего мужа... Между тѣмъ, всѣ эти строгости предпринимались при Екатеринѣ I, которая сама была именно въ подобномъ положеніи при жизни Евдокіи Лопухиной, первой супруги Петра.

Вообще, разсматриваемый томъ представляетъ цѣнное приобрѣтеніе для всѣхъ не только занимающихся исторіею раскола и интересующихся внѣшнею стороною жизни русскаго духовенства, но также и вообще русскою исторіею.

Н. С. К.

**Мои семидесятилѣтнія воспоминанія. Н. Макарова. Три части.
Спб. 1882.**

Правдивая исповѣдь во многомъ, что пришлось видѣть г. Макарову въ периодъ 70-лѣтней жизни и во всемъ, что имъ перечувствовано лично за это время, составляетъ предметъ его „Воспоминаній“. Послѣднія, правда, написаны имъ съ цѣлью доказать несправедливость насмѣшекъ критики 60-хъ годовъ по поводу тогдашнихъ его литературныхъ дебютовъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему быть искреннимъ въ своихъ признаніяхъ. Г. Макаровъ къ тому же самъ причисляетъ себя къ категоріи вполне разочарованныхъ людей. „Прошедшее“—говоритъ онъ—„неутѣшительно, настоящее—еще менѣе; надежда на лучшее пока въ могилѣ, въ забвеніи....“ Автору, значитъ, нѣтъ основанія щадить себя передъ людскимъ судомъ,—предположеніе, долженствовавшее вызывать его на правдивое повѣствованіе. Г. Макаровъ, дѣйствительно, не пропускаетъ малѣйшихъ подробностей ни въ чертахъ характера, ни въ обстановкѣ своей обыденной жизни, ни въ привычкахъ своихъ, какъ бы опасаясь, что иначе читатель не составитъ себѣ полнаго понятія объ его личности. Конечно, для психолога подобныя исповѣди—чистый кладъ; пренебрегая скукою подбирать эти подробности по всей книгѣ, онъ сумѣетъ въ нихъ разобраться и, пожалуй, сдѣлать какое нибудь поучительное обобщеніе. Но для обыкновеннаго смертнаго такая работа затруднительна и едва ли можетъ показаться заманчивой при той манерѣ изложенія, какую мы видимъ въ „Воспоминаніяхъ“, гдѣ встаетъ и не встаетъ авторъ возвращается къ помннутымъ насмѣшкамъ противъ него критики. Это отнимаетъ охоту внимательно слѣдить за „исповѣдью“. Понятно, что въ ней значительно преобладаютъ субъективныя воспоминанія надъ объективными, и въ сущности г. Макаровъ не столько рассказываетъ о своихъ поступкахъ, сколько—позвоительно ли выразиться—копается въ душѣ своей, точно любуясь своими порывами и неособенно смущаясь недостатками. И судя по всему, что мы находимъ въ „исповѣди“, личность автора принадлежитъ къ категоріи такихъ натуръ, которыя никакъ не умѣютъ примириться съ обрѣтеннымъ назначеніемъ въ жизни и, не довольствуясь скромнымъ трудомъ, зачисляютъ себя въ разрядъ неоправданныхъ и несправедливо гонимыхъ. Такой герой—самъ себя кумиръ, онъ предъ собою преклоняется и, если ищетъ помѣриться съ кѣмъ нибудь ростомъ, то непременно съ великимъ человекомъ. Г. Макаровъ нашелъ себя по мѣрѣ одного только Руссо. Вотъ любопытныя страницы этой исповѣди неудовлетвореннаго самолюбія:

„Бездну чего-то роднаго, своего, находилъ я въ признаніяхъ женеваго философа. Росъ онъ безъ родительскаго надзора, я—тоже. Онъ укралъ потомъ какую-то ленточку, я—воровалъ сахаръ у бабушки. Его смолоду считали недалекимъ, ни къ чему неспособнымъ, меня—тоже. Послѣдующія событія моей жизни представляютъ еще болѣе сходства моей судьбы съ судьбою Руссо. Имя его стало извѣстно только тогда, когда было ему уже подъ сорокъ лѣтъ.... Мое имя стало извѣстно черезъ „Задушевную Исповѣдь“, когда мнѣ было подъ пятьдесятъ лѣтъ, а потомъ черезъ мой первый словарь, когда мнѣ было уже далеко за пятьдесятъ. Руссо написалъ „Исповѣдь“ гораздо ранѣе „Эмиля“, за котораго вытерпѣлъ жестокое гоненіе, я тоже—за мою „Задушевную Исповѣдь“.

Но и на этомъ не кончается еще сходство между г. Макаровымъ и Руссо. Самъ, повидимому, не замѣчая, до какихъ натяжекъ доводитъ его это искусственное сопоставленіе, авторъ добавляетъ: „Какъ и Руссо, переписывавшій ноты ради куска хлѣба, лишь бы никому не одолжаться, такъ и я готовъ былъ сидѣть на пищѣ св. Антонія, лишь бы не просить ни у кого денегъ взаимъ“. Въ поясненіе такого „родства душъ“ у г. Макарова и Руссо замѣтимъ только, что первый вовсе не нуждался въ „кускѣ хлѣба“, и потому ему легко было, конечно, добровольно подражать женевскому философу, которому невольно приходилось попадать на пищу св. Антонія. Эта выдержка изъ „Воспоминаній“ достаточно иллюстрируетъ характеръ всей субъективной исповѣди г. Макарова. Что касается объективныхъ воспоминаній, ихъ сравнительно немного во всѣхъ трехъ частяхъ книги и объ этомъ нельзя не пожалѣть, ибо г. Макаровъ былъ дѣятелемъ на разнородныхъ поприщахъ: военномъ, откупномъ, музыкально-артистическомъ, заводскомъ, коммерческомъ (былъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ самъ купцомъ), беллетристическомъ, журнально-корреспондентномъ и, наконецъ, учебно-литературномъ. И все, что сообщается имъ въ этой части „Воспоминаній“, представляетъ большой интересъ въ бытовомъ и историческомъ отношеніяхъ. Здѣсь знакомить онъ насъ съ нравами русскихъ дворянъ первой четверти нынѣшняго столѣтія, представляетъ цѣлую „галерею губернаторскихъ портретовъ“ и приводитъ весьма любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ литературѣ именахъ. Не безъ интереса прочтется, конечно, и „Исторія изданія моихъ словарей“, словарей, составившихъ извѣстность г. Макарову. Въ этой же „Исторіи“ рельефно выступаетъ душевное настроеніе его, подъ гнетомъ котораго писалась вся его книга.

Ө. В.

Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка, 1726—1880 г. Сост. Ф. Орловъ. Спб. 1881 г.

С.-Петербургскому гренадерскому полку приходилось участвовать чуть-ли не во всѣхъ главныхъ военныхъ дѣлахъ и кампаніяхъ русской арміи. Участвуя, подъ названіемъ полка фонъ-Лукьева, а затѣмъ „аджерацкаго“, въ походѣ 1726 года въ Персію, въ голландской экспедиціи 1799 года и въ высадкѣ на острова Джернсей и Герсей, также играя видную роль на гродненскомъ сеймѣ 1793 года и при усмиреніи польскихъ „посполитыхъ рушеній“ 1794, 1831 и 1863 годовъ, полкъ этотъ могъ бы имѣть весьма интересную частную исторію, еслибы архивы его были или, скажемъ правдивѣе, могли быть въ какомъ нибудь порядкѣ. Но именно вслѣдствіе частыхъ переимѣнъ въ его полковомъ составѣ, вслѣдствіе нѣсколькихъ переименованій, вслѣдствіе постоянныхъ походовъ во всѣ концы Европы и въ Малую Азію, и еще не всегда въ полномъ составѣ полка, письменные документы его, естественно, не могли сохраниться въ какомъ бы то ни было порядкѣ. Вотъ причина, почему трудъ г. Ф. Орлова самъ по себѣ весьма добросовѣстный и по изложенію и формѣ талантливый, мало цѣненъ съ общей исторической точки зрѣнія. Въ этой исторіи полка, затрогивавшей многія жгучія и интересныя страницы нашей общей исторіи, не только не встрѣчаются новые документы или новыя разъясненія интересныхъ фактовъ по частнымъ бумагамъ полка, но напротивъ, многія боевыя

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

дѣла самаго полка объяснены и освѣщены старыми, давно извѣстными документами всеобщей военной или политической исторіи.

За всѣмъ тѣмъ, въ числѣ работъ подобнаго же рода, книга г. Орлова безспорно должна занимать видное мѣсто по широкой разработкѣ приданной имъ своей темѣ, по массѣ источниковъ, которыми онъ пользовался и по общему литературному изложенію, которое дѣлаетъ чтеніе исторіи С.-Петербургскаго гренадерскаго полка — дѣломъ приятнымъ. Тутъ рядомъ съ описаніемъ большихъ и малыхъ сраженій, въ которыхъ полку приходилось участвовать, авторъ старался какъ можно болѣе освѣтить и внутреннюю жизнь полка въ разные моменты его существованія; почему кромѣ лицъ исторически извѣстныхъ, въ родѣ Барклая де-Толли, Циціанова и т. п., передъ нами проходятъ типическія фигуры и другихъ въ родѣ, напримѣръ, француза Эльмита, пострадавшаго „за злоумычіе“, несмотря на свои большіе военные таланты и военные заслуги. Вотъ одинъ изъ анекдотовъ, рассказанныхъ объ этомъ оригинальномъ шефѣ полка—его историкомъ.

„Однажды прислали въ полкъ изъ Петербурга штабъ-офицера изъ нѣмцевъ для обученія нижнихъ чиновъ по новому уставу. Этотъ штабъ-офицеръ слылъ за тактика и ученаго большой руки. Въ присутствіи Эльмита и всѣхъ офицеровъ, онъ производилъ ученія, и всякій разъ, повѣряя шагъ и равненіе, во весь голосъ повторялъ: „разъ, два“, не переставая по долгу выкрикивать и при этомъ размахивать палкой. Эльмитъ съ улыбкой смотрѣлъ на инспектора, краснаго какъ ракъ отъ увлеченія и натуги, и, обращаясь къ окружающимъ офицерамъ, ядовито замѣтилъ: „какой, однако, онъ великій тактикъ!“ Вдругъ Эльмитъ сверкнувъ взглядомъ, какъ бы что-то сообразивъ, подовалъ затѣмъ обучающаго штабъ-офицера и велѣлъ выйти ему изъ рядовъ. Поблагодаривъ его, фельдмаршалъ становится на его мѣсто, беретъ самъ въ руку палку, начинаетъ передъ фронтомъ маршировать, подымая какъ можно выше ногу, и вмѣсто команды „разъ, два“, въ тактъ начинаетъ кричать: „тикъ-такъ“, „такъ-тикъ, такъ-тикъ“... Тактикъ не выдержалъ оскорбленія, донесъ императору, и императоръ Павелъ, „за старостью“ Эльмита, ограничился только удаленіемъ его въ отставку“.

Другой анекдотъ также о другомъ шефѣ полка князѣ Голицынѣ, нѣсколько много характера:

„Съ княземъ Голицынымъ, въ декабрѣ 1794 года, произошелъ непріятный случай, вслѣдствіе котораго онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Стоя въ Ригѣ съ полкомъ, онъ однажды шелъ на разводъ и проходилъ съ музыкой мимо дома консула Трамповскаго, жена котораго въ то время лежала больною послѣ родовъ. Трамповскій кричалъ, чтобы музыка не играла, а Голицынъ, несмотря на то, „позволилъ къ оному консулу привести барабанщиковъ на квартиру и бить въ барабаны до тѣхъ поръ, что младенецъ отъ испугу умеръ, за каковую шалость — говорить приказъ о Голицынѣ — онъ былъ уволенъ въ отставку“. Это обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало князю Голицыну вступить въ слѣдующемъ году на службу“¹⁾.

Въ числѣ другихъ, рельефно и живо обрисована также фигура Фабіана Вильгельмовича Остенъ-Сакена, какъ во время плѣна у французовъ послѣ сраженія подъ Цюрихомъ, такъ особенно въ его столкновеніяхъ въ 1806 году, въ

¹⁾ Формулярные списки офицеровъ полка. Вороновъ. Исторія л.-гв. Павловскаго полка.

бѣдственную для насъ годину Прейсишъ-Эйлау и Фридланда, съ главнокомандующимъ Беннигеномъ—столкновѣнiя, заставившія императора Александра I два раза отдавать Сакена подъ военный судъ, за медленность передвиженій вѣрренныхъ ему войскъ въ дѣлѣ при Гутштадтѣ. Въ письмѣ Остенъ-Сакена къ кн. Ливену, мы находимъ также слѣдующія характерныя строки:

„Едва принимаетъ Беннигсенъ командованіе надъ арміею, какъ набираетъ шайку жидовъ, уничтожаетъ спасительную конвенцію, заключенную въ Петербургѣ, относительно продовольствія войска, прогоняетъ прусскихъ комиссаровъ; армія терпитъ голодъ, понуждена къ грабежу; а казну государственную отдаетъ на расхищеніе самыхъ адскихъ мошенниковъ когда-либо существовавшихъ. Я сему противлюсь. И вотъ какъ онъ думаетъ быть въ полномъ правѣ поступать со мною такъ, какъ потребуютъ того его ненависть и месть во мнѣ и корыстолюбіе!“

Съ воспоминаніемъ о фридландскомъ боѣ связано также воспоминаніе о славной смерти генерала Мазовскаго, дважды раненаго и, наконецъ, замученаго французами по оставленіи этого мѣстечка нашими войсками. Смерть этого генерала, командовавшаго Павловскимъ гренадерскимъ полкомъ, но павшаго во главѣ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка и гренадерами же вынесеннаго изъ боя, подало поводъ къ большому недоразумѣніямъ, только разъясненнымъ къ 1868 году, когда иждивеніемъ императора Александра II и короля Вильгельма I памятникъ Мазовскому былъ возобновленъ на Фридландскомъ кладбищѣ. До тѣхъ же поръ надъ его могилой возвышался памятникъ никогда не существовавшему командиру С.-Петербургскаго гренадерскаго полка генералу Мазовскому. Эпизодъ, какъ видите, маленькій, но характерный для обрисовки нашего хладнокровнаго отношенія къ памяти народныхъ героевъ. Надо было всю энергію вѣмедкаго школьнаго учителя г. Рейтера, чтобы побудить насъ вспомнить о геройской кончинѣ генерала Мазовскаго и восстановить его историческую память, въ подобающихъ ему блескѣ и чистотѣ.

Оканчивая этимъ рецензію книги г. Орлова, мы обращаемъ на нее вниманіе всѣхъ интересующихся частною исторіею полковъ нашей сравнительно молодой, но богатой воспоминаніями о славной боевой дѣятельности — арміи. Исторія с.-петербургскихъ гренадеръ, какъ мы сказали, особенно интересна, такъ какъ полкъ этотъ, кромѣ перечисленнаго выше, дважды занималъ караулы въ Берлинѣ, дважды входилъ въ Парижъ, и участвовалъ во всѣхъ большихъ дѣлахъ войнъ 1806 — 1815 года. Въ Польскую кампанію 1831 года ему выпала видная роль въ общей дѣятельности русскихъ войскъ при штурмѣ Воли, а въ это же время поселенные батальоны полка волновались въ бунтѣ новгородскихъ поселеній. Въ послѣднюю кампанію полкъ участвовалъ во многихъ большихъ дѣлахъ, какъ то: въ боѣ при Ташкисенѣ и Мечкѣ, въ обложеніи Плевны, и въ переходѣ черезъ Балканы, за что и получилъ георгиевскія знамена для всѣхъ своихъ четырехъ батальоновъ.

Къ книгѣ г. Орлова сдѣлано много приложений, которыя очень цѣнны для всякаго рода справокъ: о мѣстѣ расположеніи, обмундированіи, наградахъ и личномъ составѣ полка за время отъ 1756 до 1880 года.

В. П.

Старообрядческій синодикъ. А. Н. Пыпина. С.П.В. 1881.

Это—отдѣльный оттискъ изъ записокъ академій наукъ, заключающій въ себѣ описаніе одного изъ памятниковъ литературы старообрядчества, очень любопытнаго относительно церковности и историческихъ преданій раскола. Г. Пыпинъ, которому академія обязана сообщеніемъ такого памятника, полагаетъ, что синодикъ или „поминаніе“, какъ онъ называется въ самой рукописи, былъ въ значительномъ, быть-можетъ, обычномъ употребленіи въ расколѣ, причемъ онъ могъ, конечно, подвергаться передѣлкамъ. Любопытная своеобразность этого синодика заключается именно въ томъ, что онъ примѣнитъ специально къ кругу лицъ, памятныхъ для раскола и имъ поминаемыхъ. Кромѣ лицъ священной и церковной исторіи, это—или историческія лица тѣхъ временъ, когда въ русской жизни, по мнѣнію раскола, еще не было нарушено „древнее благочестіе“, или прямо дѣятели и подвижники самого раскола, память о которыхъ онъ желалъ сохранить и почитать. Русская исторія, признаваемая расколомъ, по „синодику“ оканчивается половиною XVII-го вѣка; послѣдній патріархъ, упоминаемый здѣсь, есть Іосифъ; послѣдній царь московскій—Михаилъ Федоровичъ. Подвижники раскола составили цѣлый мортирологъ, съ обозначеніемъ лицъ поименно, или въ общихъ числахъ и съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ подвижники пострадали. Названныя здѣсь мѣста простираются отъ Пустоверска и Холмогоръ до Дона и отъ „Питера“ до Сибири. Самое раннее хронологическое показаніе—1676 г., самое позднее — 1738. Г. Пыпинъ обращаетъ вниманіе еще на одну подробность стиля въ синодикѣ: въ одномъ мѣстѣ оригинально слышится народно-поэтической складъ.

Θ. В.

Die Leiden des Pastors Seider, von ihm selbst geschrieben. Nebst andern Seider betreffenden Mittheilungen. Herausgegeben von A. W. Fechner. Leipzig. 1881.

Между различными эпизодами царствованія императора Павла, русскимъ читателямъ отчасти извѣстна печальная судьба, постигшая лифляндскаго пастора Зейдера. Въ „Русской Старинѣ“ за 1878 годъ былъ помѣщенъ переводъ, пролежавшей много лѣтъ подъ спудомъ у дочери пастора Зейдера, рукописи его, озаглавленной—„Страданія пастора Зейдера“, и въ томъ же журналѣ напечатанъ былъ переводъ нѣмецкой брошюры 1813 года „Der Todeskampf am Hochgericht oder Geschichte des unglücklichen Dulders F. Seider“. Этотъ биографическій матеріалъ, достаточно подробно описывающій судьбу человѣка, невинно схваченнаго, опозореннаго и сосланнаго въ Сибирь, не касается того, насколько несправедливостию, жертвою которой сдѣлался пасторъ Зейдеръ, была возмѣщена, по возвращеніи его изъ Сибири, и нашимъ правительствомъ, и обществомъ. Вышедшая недавно въ Лейпцигѣ книжка г. Фехнера (изъ Москвы), заглавіе которой выписано выше, восполняетъ этотъ пробѣлъ, добросовѣстно и обстоятельно рассказывая біографію Зейдера во всемъ ея дѣломъ и подтверждая каждый фактъ ссылкой на официальные документы ¹⁾. Въ такомъ

¹⁾ Большую часть этихъ документовъ г. Фехнеръ помѣстилъ въ 1-й кн. „Русской Старинѣ“ за настоящій годъ.

видѣ эта біографія производитъ удручающее впечатлѣніе въ первой своей половинѣ, но облегчаетъ его во второй, а потому мы и познакомимъ читателя съ содержаніемъ книги Фехнера.

На рубежѣ настоящаго столѣтія, въ Ранденѣ, близъ Риги, мирно проживалъ пасторъ Зейдеръ. Онъ пользовался среди мѣстнаго населенія справедливой репутацией человѣка честнаго и замѣчательно образованнаго. Окрестные помѣщики отдавали къ нему учиться своихъ дѣтей; кромѣ того, они пользовались книгами изъ бібліотеки пастора; дѣло это мало-по-малу развивалось и, наконецъ, выработалась бібліотека для чтенія съ извѣстной платой за пользование книгами.

Между тѣмъ, съ водареніемъ императора Павла, начала свирѣпствовать цензура. Иностранныя книги, прежде безпрепятственно пропускаемыя черезъ нашу границу, теперѣ стали подвергаться конфискаціи. Такіе порядки были особенно тяжелы для Остзейскаго края; тяжелъ былъ и рижскій цензоръ, статскій совѣтникъ Ѳ. П. Туманскій, рвенію и усердію котораго пасторъ Зейдеръ обязанъ былъ всѣми своими несчастіями. Для характеристики цензурской дѣятельности Туманскаго достаточно сказать, что онъ не хотѣлъ пропустить въ Россію нѣмецкій переводъ „Писемъ русскаго путешественника“ Карамзина.

Походъ противъ пастора Зейдера Туманскій началъ, воспользовавшись слѣдующимъ пустымъ случаемъ. Зейдеръ помѣстилъ въ Дерптскихъ вѣдомостяхъ объявленіе, которымъ извѣщалъ, что при пересылкѣ ему книгъ отъ одного помѣщика утеряна первая часть сочиненія Лафонтена— „Сила любви“, и потому онъ проситъ эту книгу доставить ему, Зейдеру. Книга, дѣйствительно, была доставлена, но самое объявленіе попало въ руки Туманскому, который немедленно сообщилъ о немъ рижскому генераль-губернатору и въ Петербургъ — генераль-прокурору Оболяиннову. Спустя мѣсяць, Зейдеръ былъ арестованъ, бібліотека его опечатана, и хотя въ ней не оказалось недозволенныхъ книгъ, но найденъ былъ каталогъ дерптской бібліотеки, въ которомъ были указаны нѣкоторыя запрещенныя въ Россіи сочиненія. Въ Петербургѣ, втеченіе пяти дней суда и слѣдствія надъ пасторомъ Зейдеромъ, его ни разу не допрашивали, а только требовали отъ него письменное объясненіе, которое сводилось у Зейдера къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) въ Лифляндіи никогда не публиковался списокъ запрещенныхъ книгъ; 2) покупалъ Зейдеръ всѣ книги въ книжныхъ магазинахъ, и 3) въ Лифляндіи никогда не воспрещалось имѣть частныя бібліотеки.

Передъ юстицъ-коллегіей Зейдеръ предсталъ только за тѣмъ, чтобы выслушать жестокой приговоръ—съ лишеніемъ священническаго сана. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Раздѣтый пасторъ былъ привязанъ къ позорному столбу, но только присужденные ему 20 ударовъ кнута, въ силу чьего-то распоряженія, приходились по столбу, а не по тѣлу его. За этимъ послѣдовала нервная горячка, продолжавшаяся одиннадцать дней. Съ постели поднялъ Зейдера какой-то исполнительный офицеръ, обманувшій его извѣстіемъ о помилованіи. Но Зейдеръ всталъ только за тѣмъ, чтобы сѣсть въ кибитку и отправиться въ Нерчинскъ. Въ первыхъ числахъ мая 1801 года, когда пасторъ былъ въ Иркутскѣ, подъ гостеприимнымъ кровомъ тамошняго пастора, онъ получилъ радостное извѣстіе о своемъ помилованіи на ряду съ другими жертвами тайной экспедиціи: 12-го марта 1801 года скончался императоръ Павелъ, а 15-го марта изданъ былъ милующій манифестъ Александра I. Въ сентябрѣ того же года, Зейдеръ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ тогда находился государь.

Высочайшимъ приказомъ онъ повелѣлъ торжественно возвратитъ Зейдеру его пасторскій санъ, вознаградитъ всѣ его убытки и выдать ему одновременно тысячу рублей. Въ январѣ 1802 года, въ Петербургѣ, въ церкви св. Анны, происходило торжественное возвращеніе Зейдеру сана. Богослуженіе совершалъ и говорилъ проповѣдь тотъ самый пасторъ Рейнботъ, который годъ тому назадъ лишилъ Зейдера знаковъ священства; при этомъ торжественномъ актѣ присутствовали и члены юстицъ-коллегии, секретарь которой предъ началомъ церемоніи прочелъ высочайшій указъ о возвращеніи Зейдеру его правъ. При громадномъ стеченіи русскихъ и нѣмцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, Зейдеръ былъ возстановленъ въ санъ священника.

Между тѣмъ, Августъ Коцебу еще въ 1801 году напечаталъ свою книгу— „Замѣчательный годъ моей жизни“, въ которой, между прочимъ, разсказалъ и печальную судьбу, постигшую Зейдера. Этотъ послѣдній нашелъ въ повѣствованіи Коцебу о себѣ многое невѣрнымъ, о чемъ и заявилъ въ гамбургской газетѣ „Umpartheiischen Correspondenten“, обѣщая при этомъ разсказать со временемъ свою біографію. Но въ печати появилась только небольшая брошюра— „Der Todeskampf am Hochgericht oder Geschichte des unglücklichen Duldners F. Seider. Leipzig. 1803“. Брошюра эта представляетъ собою письмо Зейдера изъ Сибири въ Казань и была издана въ опроверженіе сообщеній Коцебу въ его „Замѣчательномъ годѣ“. Въ 1805 году, появилась въ Лейпцигѣ новая книжка: „Leben und Leiden des Pastors Seiders“, противъ которой Зейдеръ горячо возсталъ, напечатавъ статью въ томъ же „Гамбургскомъ корреспондентѣ“ и заявивъ, что, кромѣ него самого, никто не можетъ и не имѣетъ права разсказывать подробно его жизнь, самъ же онъ находитъ это пока несвоевременнымъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого заявленія Зейдера, онъ получилъ анонимное письмо такого содержанія: „Друзья благомыслящихъ людей съ удовольствіемъ замѣтили ту деликатность, съ какою пасторъ Зейдеръ высказался въ „Гамбургскомъ корреспондентѣ“ относительно изданія исторіи его страданій. Тѣ же друзья замѣтили, что, поступая такимъ образомъ, пасторъ Зейдеръ жертвовалъ своими личными выгодами и рѣшили вознаградить эту жертву пастора Зейдера, которая свидѣтельствуетъ о его благородствѣ. Вышеупомянутые друзья утверждаютъ за нимъ ежегодную пенсію въ пятьсотъ рублей и при семъ препровождаютъ слѣдующее за первый годъ“. По соображеніямъ Фехнера, подъ этими друзьями можно разумѣть только императрицу Марію Ѳеодоровну и ея царственнаго сына. Такъ какъ прежде мѣсто Зейдера въ Ранденѣ было уже занято, то, въ ожиданіи вакансіи, онъ занимался въ Петербургѣ частными уроками, которыхъ имѣлъ довольно много и притомъ въ лучшихъ домахъ столицы.

Въ 1811 году, Зейдеръ, благодаря высокому покровительству императрицы Маріи Ѳеодоровны и протекціи министра духовныхъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, получилъ мѣсто пастора въ Гатчинѣ и Павловскѣ, въ каковой должности и прожилъ до самой смерти своей въ 1834 году.

Е. Г.

**Письма Лафатера къ государынѣ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.
С.П.В. 1881.**

Марія Теодоровна, будучи еще великой княгиней, во время заграничнаго путешествія своего познакомилась въ 1782 г. съ Лафатеромъ, извѣстнымъ мистикомъ и пѣтистомъ. Впослѣдствіи Лафатеръ сталъ усерднымъ корреспондентомъ императрицы и, между прочимъ, въ 1798 г. прислалъ ей, въ формѣ письма, трактатъ о загробной жизни. Эти-то письма въ переводѣ на русскій языкъ и составляютъ содержаніе вышеприведенной брошюры. Рѣчь въ нихъ ведется о состояніи души послѣ смерти, о мірѣ невидимомъ, о связи блаженныхъ душъ съ оставшимися на землѣ друзьями, словомъ, о видѣніяхъ горнихъ,—предметы, о которыхъ намъ, живущимъ въ мірѣ низменной дѣйствительности, не подается разсуждать. По существу, слѣдовательно, сами по себѣ, въ отдѣльности взятая, письма эти не могутъ имѣть для насъ никакого интереса; все ихъ значеніе въ томъ, что писаны они къ русской императрицѣ, по ея просьбѣ. Такъ какъ Марія Теодоровна не переставала поддерживать переписки съ Лафатеромъ, а, напротивъ, давала ему разныя порученія за-границей, то и можно не безъ основанія утверждать, что и самой императрицѣ былъ доступенъ мистическій пѣтизмъ. Если бы такое предположеніе подтвердилось и другими, болѣе вѣскими данными, мы бы имѣли передъ собою выясненнымъ любопытный историческій фактъ непосредственнаго воздѣйствія материнскаго вліянія въ мистическомъ направленіи императора Александра I, направленіи, начало котораго приписывается до сихъ поръ чисто случайнымъ и постороннимъ обстоятельствамъ. А въ такомъ вопросѣ помянутымъ письмамъ Лафатера нельзя не придавать значенія.

Ө. В.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Оригинальная резолюція покойнаго государственнаго контролера В. А. Татаринова. (Изъ воспоминаній бывшаго чиновника контроля).

ОГДА В. А. Татариновъ, назначенный на постъ государственнаго контролера, приступилъ къ пересозданію на новыхъ началахъ ввѣреннаго ему вѣдомства, то онъ искалъ къ себѣ въ сотрудники лицъ изъ разныхъ учреждений, которыя своими выдающимися способностями могли бы удовлетворять его цѣлямъ. Такъ изъ числа чиновниковъ святѣйшаго синода, по рекомендаціи тогдашняго его оберъ-прокурора, былъ опредѣленъ въ государственный контроль одинъ молодой человекъ, выдвинувшійся вполгѣдствіи впередъ замѣчательнымъ образомъ. Бывшій синодальный чиновникъ отличался, однако, неспособностью писать дѣловыя бумаги, особенно, когда внимательство государственнаго контроля въ составленіе смѣтъ разныхъ вѣдомствъ и въ ревизію ихъ исполненія, требовало соображеній, умѣнья оберегать интересы государственнаго хозяйства, выискивать начеты и т. п., но зато бывшій чиновникъ синода отличался замѣчательнымъ умѣньемъ редактировать бумаги, написанныя другими. Составленные имъ самими бумаги очень часто возвращались В. А. Татариновымъ для передѣлки и для исправленій. Однажды В. А. Татариновъ, вѣроятно, выйдя изъ терпѣнія, написалъ на бумагѣ, составленной синодальнымъ чиновникомъ и ему возвращенной для передѣлки, слѣдующую резолюцію: „Вѣдь бумаги писать—не акаѣисты читать“.

Сообщено П. С. Усовымъ.

Анекдотъ объ Аракчеевѣ.

Я зналъ нѣсколько аракчеевскихъ служаекъ. Разсказовъ объ немъ было много. Вотъ одинъ, кажется, нигдѣ не напечатанный.

Когда Аракчеевъ лишился своего всемогущества и жилъ безвыѣздно въ Грузинѣ, къ нему уже не являлись на поклонъ. Зато, если кто являлся, Аракчеевъ былъ очень радъ.

Однажды молодому артиллерійскому офицеру путь лежалъ чрезъ Грузино. Паромъ подали не скоро. Молодой человекъ, уже не боясь прежде грознаго Аракчеева, горячился смѣло и обругалъ распорядившагося перевозомъ. Но, узнавъ, что это управитель Аракчеева, Шишкинъ, рѣшилъ, что на случай жалобы послѣдняго слѣдуетъ явиться къ Аракчееву съ почтениемъ. Графъ обрадовался артиллеристу. Артиллерія была его конекъ.

Аракчеевъ обнялъ и поцѣловалъ молодаго гостя. На бѣду, въ это же время является Шишкинъ и докладываетъ, что „этотъ офицеръ обругалъ его“.

— Ты ругалъ его? спросилъ Аракчеевъ офицера.

— Ругалъ, ваше сіятельство, былъ отвѣтъ.

— Читалъ ты евангеліе?

— Читалъ, ваше сіятельство.

— Читалъ ты, что другъ Христовъ Лазарь умеръ?

— Читалъ, ваше сіятельство.

— А читалъ ты, что Лазарь послѣ смерти воскресъ?

— Никакъ нѣтъ, не читалъ, что онъ воскресъ. Я остановился на томъ, что онъ умеръ.

Такой отвѣтъ огорошилъ Аракчеева. Онъ могъ только выговорить:

— Пошелъ вонъ.

Офицеръ, разумѣется, поспѣшилъ уѣхать изъ Грузина.

Сообщено М. П. Таркавой.

Инструкція жандармскому полковнику Вибикову.

„Стремясь въ точности выполнить высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ спомоществовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе во всѣхъ въ Россіи селовіяхъ, видѣть ихъ охранительными законами, и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, — я поставлю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

„1) Обратить особенное вниманіе на могущіе произойти, безъ изыатія, во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ мѣстахъ, злоупотребленія и законопротивные поступки.

„2) Наблюдать, чтобы спокойствіе и право гражданъ не могли быть нарушены чьею либо властію, или преобладаніемъ сильныхъ лицъ, или пагубнымъ направденіемъ людей злоумышленныхъ.

„3) Прежде нежели приступить къ обнаруженію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предвѣрять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судей, или тѣхъ лицъ, между коими замѣчены вами

будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваше домогательство будетъ тщетно; ибо цѣль вашей должности должна быть предупреждение и отстраненіе всякаго зла, на примѣръ: дойдуть до васъ свѣдѣнія о худой нравственности и другихъ поступкахъ молодыхъ людей—предварить о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и ввести ихъ на путь истинный, прежде нежели обнаружатся гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

„4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ приобрести уваженіе во всѣхъ сословіяхъ, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго, и беззащитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставитъ подъ высочайшую защиту государя императора. Сколько дѣлъ незаконныхъ и безконечныхъ тяжб посредствомъ вашимъ прекратиться могутъ; сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностію ближняго, устращаются производить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ правительству.

„На такомъ основаніи въ скоромъ времени приобретете вы себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами, и тѣмъ быть сотрудникомъ въ благихъ намѣреніяхъ своего государя.

„5) Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію сердца вашего, стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди, совершенно бѣдные или сирые, служащіе безкорыстно, вѣрою и правдою, не могущіе сами снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о таковыхъ имѣете доставить ко мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія имъ возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества.

„Отыскивать и отличать скромно-вѣрнослужащихъ.

„Вамъ теперь открыто ясно, какую общежительную пользу принесетъ точное и безкорыстное выполненіе вашихъ обязанностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительной цѣли дѣйствія; то, конечно, нѣтъ мѣры наказанія, коему подвергнется чиновникъ, который—чего Боже сохрани и чего даже помышлять не смѣю—употребить во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушите предметъ сего отеческаго учрежденія.

„Впрочемъ, нѣтъ возможности наименовать здѣсь случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы должны руководствоваться; но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а боже еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей.

„Подписалъ Г. А. Бенкендорфъ“.

Сообщено Т. В. Кибальничемъ.

Отповѣдь В. И. Аскоченскаго шефу жандармовъ.

Дневникъ В. И. Аскоченскаго, печатаемый въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ извлеченіяхъ Ѳ. И. Булгакова, воскресилъ живыми воспоминаніями въ тѣхъ, кто лично зналъ покойнаго издателя „Домашней Бесѣды“. На столбцы ежедневныхъ газетъ проникло уже немало замѣтокъ, свидѣтельствующихъ, что личность В. И. пользовалась большою извѣстностью и была не вполне понята при его жизни. Но изъ всѣхъ замѣтокъ наибольшій интересъ представляетъ напечатанная В. А. Васильевымъ выдержка изъ его собственной памятной тетради, куда занесена она была со словъ В. И. Аскоченскаго. Выдержка эта любопытна для характеристики отчасти личности В. И., частью же тѣхъ условій въ какихъ въ его время находилась печать. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ позволяемъ себѣ привести дѣликомъ воспоминанія В. А. Васильева, что они касаются именно того времени, о которомъ въ „Дневникѣ“ не сохранилось записей.

„Заходилъ сегодня въ Аскоченскому. Поднимаясь къ нему, встрѣтилъ на лѣстницѣ монаха; и затѣмъ, войдя въ кабинетъ, не успѣлъ я еще обратиться къ нему съ привѣтствіемъ, онъ уже ко мнѣ съ вопросомъ:

— Встрѣтилъ монаха, который предъ тобой отъ меня вышелъ?

— Да.

— Узналъ его?

— Нѣтъ.

— Это цензоръ мой, архимандритъ Фотій...

— Что же въ этомъ важнаго?

— Важнаго нѣтъ, а курьезное—есть.

— Секретъ?

— Слушай. Мѣсяцъ назадъ, довольно поздно вечеромъ, пріѣзжаетъ онъ и со страхомъ и трепетомъ рассказываетъ, что навязалась бѣда, и не знаетъ, какъ она разыграется.

— Если музыканты хороши,—говорю,—то должна и разыграться хорошо.

— Вамъ шутки, а мнѣ, право, не до нихъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Я вчера получилъ запросъ о томъ, что мною ли пропущенъ къ печати № 32 „Домашней Бесѣды“.

— Ну, конечно, вы отвѣтили, что вы пропустили.

— Ничего еще не отвѣчалъ, но завтра надо идти къ его высокопреосвященству съ повинной.

— Скажите, дѣло-то въ чемъ?

Тутъ о архимандритѣ вынулъ изъ кармана оффиціальное къ нему отношеніе съ вопросомъ, на верху котораго написано было: „секретно“. При отношеніи положенъ № 32, въ которомъ, по тому случаю, что послѣ высочайше утвержденаго проекта памятника тысячелѣтія Россіи кѣмъ-то исключень изъ барельефа св. Митрофаній,—напечатано было:

„...итакъ, угодникъ Божій, дѣятельно при жизни своей помогавшій и донынѣ предстательствомъ своимъ у Бога способствующій благосостоянію Россіи, оплаканный Петромъ I, возвеличенный самимъ Богомъ, сравненъ съ по-этомъ и актеромъ, какъ лицо малозамѣчательное“.

Противъ подчеркнутыхъ словъ красными чернилами написано чернымъ карандашомъ: „фраза возмутительная“.

— Что же, о. архимандритъ, и вы, какъ вижу, тоже возмущены?

— Знаете ли, что это идетъ отъ шефа жандармовъ къ товарищу оберъ-прокурору святѣйшаго синода? Дѣло можетъ быть худо. Научите, что отвѣтить...

— Оставьте эти бумаги у меня, а завтра, до предъявленія отъзыва вашего митрополиту, заѣзжайте ко мнѣ, я приготовлю вамъ отвѣтъ.

— Пожалуйста, В. И., чтобы это было между нами. Написано вѣдь—секретно,—сказалъ мнѣ архимандритъ на прощанье.

— Помните, отецъ, это секретъ для того, кто написалъ это знаменательное слово, а для насъ оно нуль, и мы будемъ дѣйствовать гласно,—и, по его уходѣ я тотчасъ же съѣхъ и написалъ князю Урусову письмо.

Объяснивъ въ началѣ письма суть дѣла, я продолжалъ:

что „я никогда не только не писалъ, но даже не мыслилъ и не мыслю ничего возмутительнаго; свидѣтель этому моя прежняя и теперешняя литературная дѣятельность, обратившая на себя вниманіе всей православной и царелюбивой Россіи, и потому такое замѣчаніе принимаю только за личное оскорбленіе меня и отъ души прощаю возмутившемуся фразой, въ которой ровно ничего нѣтъ возмутительнаго. Другое дѣло фактъ, вызвавшій эту фразу: онъ, точно, возмутителенъ. Меня засыпали письмами со всѣхъ сторонъ, настоятельно требуя отъ меня голоса въ защиту поруганной святни. Почему возмутившемуся фразой въ „Домашней Бесѣдѣ“ не показался возмутительнымъ самый фактъ, тѣми же словами опубликованный во всѣхъ нашихъ газетахъ? Видно, какъ говоритъ Грибоѣдовъ, „грѣхъ не бѣда, молва не хороша“.

„Св. Митрофаній не нуждается въ какомъ либо памятникѣ, а тѣмъ болѣе въ сопоставленіи съ такими личностями, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и другіе; даже хорошо было бы, если бы и всѣ святые мужи земли русской сошли съ Михѣшинскаго памятника: но дѣло въ томъ, чтобы ихъ не ославляли передъ міромъ православнымъ лицами малозначительнымъ. Если г. шефъ-жандармовъ счелъ своею обязанностію обратить вниманіе на мою скромную замѣтку, то почему же св. синодъ не спросилъ въ свое время, кого слѣдуетъ, какъ держали они св. угодника Божія поставить рядомъ съ актеромъ и поэтомъ?“

„Честь имѣю доложить вашему сіятельству, что статью писалъ я, а одобрилъ ее къ напечатанію о. архимандритъ Фотій,—и вотъ почему:

„1) По чувству вѣрнаго сына церкви православной, оскорбленному такимъ святотатственно-воцущественнымъ сопоставленіемъ личностей, отнюдь не похожихъ одна на другую.

„2) Потому, что такое заявленіе сдѣлано печатно, и слѣдовательно, требовало печатной же протестаціи.

„3) Потому, что невидю, чтобы снятіе съ барельефовъ св. Митрофанія состоялось вслѣдствіе какихъ либо высшихъ распоряженій, противъ которыхъ гласность безмолвна.

„4) Потому, что чувство человѣка православнаго оскорблено здѣсь, главное тѣмъ, что перемѣна барельефовъ въ памятникѣ опубликована такъ безцеремонно и дерзко. Сними они барельефы и замѣни тѣмъ угодно, но не говори объ этомъ въ слухъ всей Россіи—я не имѣлъ бы никакого литературнаго повода заявлять объ этомъ.

„5) Потому, что если бы хоть я не подалъ голоса противъ такого кощунственнаго поступка строителей Михѣшинскаго памятника, то православные во всей имперіи вправѣ были бы подумать, что въ Петербургѣ всѣ до единаго,

даже (простите Бога ради) св. синодъ раздѣляютъ образъ мыслей и убѣжденія этихъ строителей.

„Кстати: любопытно было бы узнать — былъ-ли Микѣшинскій проектъ памятника на разсмотрѣннн св. синода? Если былъ, то какимъ же образомъ допущено сопоставленіе такихъ личностей, какъ преподобный Сергій Родонежскій и Фонъ-Визинъ, Кириллъ Бѣлозерскій и Кокориновъ, строитель академіи художествъ? Какимъ образомъ пропущены великіе дѣятели Руси православной, св. митрополиты Петръ и Алексій, а между тѣмъ, стоятъ Ѳ. Прокоповичъ, князь Щеня и Марфа посадница, бунтовавшая новгородцевъ?.. Если не былъ, то съ какой же стати и по какому праву спрашиваютъ оберъ-прокурора св. синода: кто изъ духовныхъ цензоровъ пропустилъ статью въ „Домашней Бесѣдѣ“ объ этомъ нелѣпомъ, по сочиненію, памятникѣ? Статья вѣдь не памятникъ, увѣковѣчивающій тысячелѣтіе Россіи.

„Изложивъ все это предъ вашимъ сіятельствомъ, прошу оказать защиту какъ мнѣ, такъ и цензору, подневольному соучастнику въ моемъ дѣяніи. Прогрессисты и темные цивилизаторы дѣйствуютъ энергически и находятъ себѣ покровительство у сильныхъ земли: неужели же святая правда должна оставаться безпріютною? Пусть возмущившійся фразой моей докажетъ мнѣ, что я сказалъ ложь, — тогда я безмолвно подвергаю себя всей строгости закона. А пока этого нѣтъ, то я остаюсь совершенно покойнымъ, уповаю на Бога и заступничество поруганнаго угодника Божія, св. Митрофанія.—Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.“

— Что же далѣе? спросилъ я его, когда онъ кончилъ чтеніе письма.

— Ничего. Онъ сегодня пріѣзжалъ поблагодарить за благополучный исходъ дѣла.

СМѢСЬ.

† В. В. Григорьевъ. Скончавшійся недавно В. В. Григорьевъ получилъ высшее образование на историко-филологическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета въ 1834 году. Будучи еще студентомъ, онъ перевелъ съ персидскаго языка на русскій „Исторію монголовъ“, за что былъ всемилоостивѣйше награжденъ золотыми часами. По окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата, В. В. вступилъ въ службу въ учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1836 году, онъ перешелъ на службу въ с.-петербургскій университетъ, гдѣ поручено ему было преподавать персидскій языкъ. Затѣмъ, въ 1838 году, онъ былъ опредѣленъ исполняющимъ должность профессора восточныхъ языковъ въ одесскомъ рипельевскомъ лицѣ. Въ слѣдующемъ году покойный былъ командированъ въ Турцію съ разными порученіями отъ рипельевскаго лица и с.-петербургской академіи наукъ. Въ 1842 году, В. В. публично защищалъ въ московскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра историческихъ наукъ, — „О достовѣрности ярыковъ, данныхъ золотоордынскими ханами русскому духовенству“. Въ 1844 году, Григорьевъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и въ слѣдующемъ году назначенъ помощникомъ редактора по изданію „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“, а въ 1846 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Въ 1851 году, былъ откомандированъ въ распоряженіе оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора, гдѣ продолжалъ службу до 1863 года, исполняя многоразличныя порученія, касающіяся Внутренней киргизской орды. Въ ноябрѣ 1863 года, Василій Васильевичъ, находившійся въ то время въ отставкѣ, получилъ отъ совѣта с.-петербургскаго университета степень доктора восточной словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ с.-петербургскаго университета по кафедрѣ исторіи Востока. Въ декабрѣ 1868 г., г. Григорьевъ былъ назначенъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и былъ первымъ по времени главнымъ редакторомъ газеты „Правительственный Вѣстникъ“, съ ея основанія въ 1869 году до 13 го ноября 1870 года. Въ 1873 году, с.-петербургскій университетъ избралъ Василя Васильевича деканомъ факультета восточныхъ языковъ. Въ декабрѣ 1875 года, онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, затѣмъ былъ утвержденъ въ этой должности, и оставилъ ее въ мартѣ 1880 года; былъ членомъ многихъ ученыхъ русскихъ и заграничныхъ обществъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ и въ 1856 году академіею удостоенъ большою золотой медали за составленный, по порученію академіи, раз-

боръ сочиненія Небольсина—„Очерки торговли Россіи съ Средней Азією“. Императорское Русское Географическое Общество въ 1868 году также наградило его золотую медалью за его изслѣдованія по исторической географіи и этнографіи о Кабулѣ.

† А. П. Заблудинъ-Десятковскій. Недавно говорили мы о замѣчательномъ явленіи въ нашей исторической литературѣ — біографіи графа Киселева, написанной челоуѣкомъ, имя котораго стоитъ выше. Онъ скончался послѣ короткой болѣзни, на 74 году своей жизни. Малороссъ по происхожденію, уроженецъ Черниговской губерніи, Андрей Пареевичъ образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1827 г. съ золотой медалью. Самая дѣятельная и плодотворная часть его жизни прошла на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Какъ это видно изъ біографіи Киселева, учрежденіе этого министерства было собственно приступомъ къ освобожденію крестьянъ. А. П. сдѣлался самымъ ближайшимъ сотрудникомъ и другомъ Киселева; какъ административная, такъ и литературная дѣятельность покойнаго была направлена именно въ ту сторону, гдѣ можно было поспособить такъ или иначе крестьянамъ; вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ онъ издавалъ нѣсколько лѣтъ „Сельское чтеніе“, первый и единственный, можно сказать, и доселѣ журналъ, который удовлетворялъ своему назначенію, хотя издавался во время самое неблагоприятное для изданій подобнаго рода. Въ министерство М. Н. Муравьева, въ управленіе котораго перешли государственный имуществъ, А. П. былъ въ-загонѣ, какъ челоуѣкъ слишкомъ либеральный. Сдѣланный статъ-секретаремъ въ департаментѣ экономіи государственнаго совѣта, А. П. принималъ самое дѣятельное участіе въ законоположеніи объ отмінѣ откуповъ. Въ 1867 году, А. П. былъ опредѣленъ въ комитетъ при министрѣ финансовъ; затѣмъ, въ 1875 году, назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Обладая прекрасною бібліотекою, любя кабинетныя занятія, онъ никогда не оставался безъ дѣла: была административная дѣятельность—онъ предавался ей всею душою; суживалась она подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, не зависѣвшихъ отъ доброй воли и желанія работать,—А. П. предавался занятіямъ литературнымъ и историческимъ. Финансы обязаны ему почтеннымъ трудомъ, въ двухъ томахъ,—„Финансы Пруссіи“, гдѣ онъ проводилъ идею о здоровой государственной экономіи и указывалъ на тѣ преимущества финансоваго управленія, которыя имѣетъ передъ нами Пруссія. Вообще разбѣренная, экономная, точная Пруссія приходилась по душѣ А. П., челоуѣку порядка и скромной жизни, никогда не гнавшемуся не только за роскошью, но даже за удобствами. Его кабинетъ и вся обстановка поражали своей простотой, и лучшее, что въ ней было—это книги. А. П. занимался тоже статистикою и ему принадлежитъ одинъ изъ первыхъ трудовъ по статистикѣ Петербурга; ему-же принадлежатъ статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“, сороковыхъ годовъ, о колебаніяхъ цѣнъ на хлѣбъ, статьи, доказавшія вредъ крѣпостнаго права съ экономической стороны. Ему же обязанъ многимъ и уставъ нашего литературнаго фонда, надъ которымъ онъ работалъ; нѣсколько лѣтъ онъ былъ предсѣдателемъ этого фонда и принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ вспоможенія бѣднымъ Андреевскаго прихода, на Васильевскомъ островѣ.

† Дмонъ-Уильямъ Дреперъ. 23-го декабря скончался Джонъ-Уильямъ Дреперъ, американскій ученый физиологъ и историкъ, имя котораго хорошо извѣстно и въ Россіи. Дреперъ родился близъ Ливерпуля, въ 1811 году, первоначально образованіе и свои математическія и естественно-научныя познанія приобрѣлъ въ Лондонѣ, а затѣмъ, въ 1833 году, поступилъ въ пенсильванскій университетъ въ Америкѣ, откуда вышелъ, въ 1836 году, со степенью доктора медицины. По окончаніи этого курса, Дреперъ получилъ кафедру химіи и физиологіи въ коллегіи Гемптонъ-Сидней (въ штатѣ Виргиніи); три года спустя онъ былъ приглашенъ въ профессору физиологіи въ университетъ въ Нью-Йоркѣ, гдѣ вмѣстѣ съ другими учеными (Патисономъ, Бедфордомъ, Мартиномъ Пвномъ) основалъ университетскую медицинскую коллегію, которая послѣдствіемъ стала пользоваться репутаціей лучшей въ америкѣ медицинскій школы. Въ 1868 г., онъ оставилъ профессуру. Вся его послѣдующая дѣятельность посвящена открытіямъ въ области химіи и физиологіи, а равно ученымъ историческимъ монографіямъ. Дреперъ былъ первымъ изъ химиковъ, которому удалось открыть дагеротипію и ея примѣненіе къ фотографіи. Это открытіе сдѣлано

нмъ еще въ 1840 году, когда появились его „On the process of Daguerrentype and its application to taking portraits from the tipe“. Въ 1843 году, появились его „Записки о химическомъ дѣйствіи свѣта“ почти одновременно на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Въ медицинскомъ мѣрѣ онъ приобрѣлъ себѣ большую извѣстность своей теоріей о причинахъ кровообращенія. Затѣмъ наиболѣе обратили на себя вниманіе слѣдующіе труды Дрэнера: „Treatise on the force, which produce the organisation of plants“ (1844 года), „Руководство химіи“ (1846 года), выдержавшее до 1854 года три изданія; „Text book of natural philosophy“ (1847 г.), „Treatise on human physiology“. У насъ получили извѣстность его историческія монографіи: „Исторія умственного развитія въ Европѣ“, „Гражданское развитіе Америки“, „Исторія американской междоусобной войны“, написанной, между прочимъ, на основаніи официальныхъ документовъ, которые предоставлены были въ пользованіе автора военнымъ министромъ Стаутономъ. Однимъ изъ послѣднихъ капитальныхъ трудовъ Дрэнера было изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „History of the confli et between religion and science“ (Исторія борьбы между религіей и наукой). Наконецъ, помимо перечисленныхъ сочиненій, Дрэнеръ оставилъ множество брошюръ по разнымъ вопросамъ физиологіи, медицины, физики и химіи. Съ именемъ Дрэнера, какъ историка культуры и цивилизаціи, связана попытка примѣнять естественно-научный методъ къ изслѣдованію историческихъ данныхъ.

Замѣтка по поводу труда г. Ровинскаго.

Въ многолѣтнемъ, богатомъ результатами трудѣ Д. А. Ровинскаго—„Русскія народныя картинки“—впервые въ поразительномъ множествѣ собраны и группированы факты, свидѣтельствующіе о связи нашего народнаго искусства съ западнымъ. Не будемъ оцѣнивать значенія этого сочиненія въ его результатахъ, ни въ отношеніи его къ предшествующимъ трудамъ (преимущественно Ѳ. И. Буслаева, которому по праву принадлежитъ ученая постановка вопроса о связи нашего стариннаго искусства и старинной литературы какъ между собою, такъ и съ литературою и искусствомъ Запада); упомянемъ только о томъ, что чрезвычайно многимъ изъ описанныхъ въ книгѣ картинъ автору удалось подыскать европейскіе подлинники. Изъ числа тѣхъ, генеалогія которыхъ имъ не опредѣлена, мы остановимся на одной: „Два дурака втроемъ“ (I, 432, № 197), ибо полагаемъ, что она находится въ связи съ распространенною въ Англіи въ XVI вѣкѣ карикатурою: „We three“ (мы трое), о которой упоминается въ словахъ дурака въ Шекспировомъ „Крещенскомъ вечерѣ“ („Twelfth Nigh“, act II, sc. 3); комментаторы Шекспира (Douce: „Illustrations of Shakespeare“, изд. 18, Vol. 1, 86; Staunton: „The works of William Shakespeare“ (изд. 1873, in 8, III, 293); Knight: „Pictorial Shakespeare, comedies, II, 157 Cowden Clarke: „The Plays of W. Shakespeare, 1, 609; Dyce, The works of W. Shakespeare“, IX, 447 и т. д.) массою примѣровъ изъ старыхъ писателей, преимущественно драматическихъ, доказываютъ, что картина или вывѣска, изображающая двухъ дураковъ (или иногда ословъ) была очень популярна въ „старой веселой Англіи“; любимую шуткою было заставлять собесѣдника прочитывать подпись и такимъ образомъ какъ бы признавать себя дуракомъ. Впрочемъ, насколько мнѣ извѣстно, самаго изображенія не сохранилось до настоящаго времени, а только встрѣчаются указанія.

К. Вестужевъ-Рюминъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Оюччаніе статьи Ѳ. И. Бугакова „Русскій государственный человѣкъ трехъ прошлыхъ царствованій“ по обилію матеріаловъ отожено до слѣдующей книжки.

Польскаго-Королевскаго полка, занималъ до насъ нашу квартиру и толпа могла объ этомъ вспомнить. Въ мучительномъ раздуми отецъ мой скорыми шагами проѣхивался по комнатѣ, какъ вдругъ дверь въ нее отворилась. Вошла какая-то женщина, держа въ рукахъ глухой фонарь; распущенные волосы рассыпались у нея по плечамъ, платье было въ беспорядкѣ, она обливалась слезами; она была прекрасна въ своемъ отчаяніи. Мы ее тотчасъ узнали. Это была г-жа Турнуэръ, жена харчевника, который доставлялъ намъ обѣдъ. Живя по близости тюрьмы Пьеръ-Сизъ, она готовила пищу для арестантовъ. Ей пришлось все видѣть и на ея лицѣ сохранился еще отпечатокъ ужасовъ этого дня. Она оплакивала несчастныхъ офицеровъ; нѣкоторые изъ нихъ были убиты на ея глазахъ. Желаніе спасти одну изъ жертвъ привело ее въ полночь къ намъ — то былъ полковникъ де-ля-Барръ.

„И вы сами“, сказала она отцу, „подвергаетесь опасности; васъ называли по имени, васъ ищутъ; но, прежде чѣмъ бѣжать отсюда самому, помогите мнѣ спасти де-ля-Барра“. — Ахъ, что могу я сдѣлать? Я здѣсь чужой, никому не извѣстенъ; мнѣ самому грозитъ опасность! — „Вы все можете сдѣлать при помощи Барре“, отвѣчала она ему. „Спасши г. де-Ноальи, вы навсегда приобрѣли его преданность. Барре обладаетъ большою силой; если только онъ захочетъ, де-ля-Барръ будетъ спасенъ“. Барре былъ человекъ не только сильный, но и благородный. Когда отецъ взялся, подвергаясь самъ опасности, доставить Ноальи его семьѣ, онъ довѣрилъ его Барре, во время тайнаго бѣгства изъ муленской тюрьмы.

Призываютъ Барре; ему предлагаютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ подвергнуть свою жизнь риску ради неизвѣстнаго ему человека; онъ тотчасъ соглашается; не теряя ни минуты, нанимаетъ вѣрную перевозчицу, спускается внизъ по Сонѣ до Рыбачьей набережной (port de la Pêche); оттуда бѣгомъ достигаетъ площади Терро и проникаетъ заднимъ ходомъ въ гостинницу Миланъ въ то мгновеніе, когда площадь, покрытая кровожадной толпой, оглашалась криками: „Подайте намъ голову ля-Барра! гдѣ ля-Барръ?“ Этотъ несчастный, полагая, что всѣ выходы уже заняты, не зная, какимъ образомъ спастись отъ вѣрной смерти, какъ вдругъ неожиданно къ нему явился избавителемъ Барре! Онъ увлекъ его съ собою, почти донесъ его на рукахъ до лодки, куда и усадилъ, набросивши на него свой мундиръ національнаго гвардейца, и оттолкнулъ отъ берега спасительный челнокъ. Подъ покровомъ ночи перевозчица безъ шума достигла середины Соны и потомъ благополучно доставила довѣреннаго ей человека одному изъ друзей Барре, жившему за городомъ. — Едва только Барре оставилъ насъ, какъ г-жа Турнуэръ продолжала: „Къ угрожающей вамъ личной опасности присоединяется еще другая; обманутая въ своемъ ожиданіи, толпа можетъ явиться сюда искать ля-Барра и по ошибкѣ погубить васъ. Надо бѣжать, слѣдуйте за мной!“ И эта женщина, которую нельзя было не признать благородною, покоряя всѣхъ своей волѣ,

увлекла съ собой отца. Вскорѣ мы узнали, что отецъ тотчасъ покинулъ предмѣстье Везъ. Мы находились въ состояніи духа, которое легче себѣ представить, чѣмъ описать,—опасаясь за отца и воображая при малѣйшемъ шумѣ, что къ намъ приближается грозная толпа. Но при всемъ ужасѣ нашего положенія, мы испытали, однако, большую радость, когда Барре пришелъ сказать намъ, что онъ достигъ цѣли; онъ былъ счастливъ, что ему удалось спасти челоуѣка, но считалъ это такимъ простымъ дѣломъ, что не могъ понять, почему имъ восхищались.

Тетушка моя провела ужасную ночь; она, какъ и мы всѣ, испытывала сильнѣйшее безпокойство, но должна была, сверхъ всего этого, принять какое нибудь рѣшеніе, а это было чрезвычайно трудно въ такую минуту. Она рѣшилась по крайней мѣрѣ не подвергать опасностямъ, которыя могли ожидать насъ, двухъ дѣвочекъ Піоланъ, и какъ только разсвѣло, отправила ихъ въ сопровожденіи горничной и слуги къ Косту, знакомому маркиза Піоланъ, скромная обстановка котораго, казалось, обезпечивала безопасность. Я простилась съ своими подругами, не имѣя надежды когда либо увидаться съ ними; въ то время минутная разлука могла сдѣлаться разлукой на цѣлую жизнь.

Мои глаза еще не высохли отъ слезъ послѣ этого прощанья, когда наша хозяйка вошла къ тетускѣ и объявила въ очень ясныхъ и краткихъ словахъ, чтобъ она сейчасъ же оставила ея домъ. „Сударыня“, отвѣтила нѣсколько изумленная тетушка, „вы не можете выгнать меня отсюда; я наняла эту квартиру на опредѣленный срокъ, онъ еще не вышелъ, и я здѣсь у себя“.—„Что ни говорите, мнѣ совершенно все равно, возразила хозяйка;—здѣсь никто не знаетъ, кто вы; вы слывете аристократами; этого достаточно, чтобъ навлечь грабежъ на мой домъ, и не только вы должны сейчасъ же уѣхать, но чтобы здѣсь не оставалось послѣ васъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вашего пребыванія“.—„Но послушайте“, говорила моя бѣдная тетушка, „куда же мнѣ прикажете дѣваться, когда я здѣсь никого не знаю“?—„Куда хотите, мнѣ все равно“.—„Что можно было подѣлать противъ такой настойчивости? Въ какіе нибудь полчаса все было уложено и спрятано; постели убраны и сложены, какъ въ незанятой квартирѣ; не осталось ни булавки. „А то — говорила любезная г-жа Сервизіо — сегодня вечеромъ уходятъ марсельцы; они будутъ проходить мимо моего дома, и я не желаю, чтобъ они заподозрили у меня аристократовъ“. Такая рѣшительность и рѣзкость выраженій заставила насъ немедленно очистить квартиру. Очутившись на мостовой, мы рѣшились отправиться къ добрѣйшей г-жѣ Ноальи и просить у нея пристанища; мы надѣялись еще соединиться съ отцомъ и жить вмѣстѣ съ нимъ, но оказалось, что онъ уѣхалъ куда-то далеко и она ничего не знала о его дальнѣйшей участи. Не зная также, гдѣ находился ея мужъ, она имѣла свое личное горе и была въ такомъ же затрудненіи относительно насъ, какъ и мы сами. „Я могу предложить вамъ комнату, оставленную за со-

бой моимъ отцомъ въ загородномъ домикѣ, принадлежащемъ ему, недалеко отъ Ліона; мы ѣздили туда такъ часто, что на васъ не обратятъ вниманія. Я думаю даже поѣхать туда провести эту ночь, которая, какъ всѣ говорятъ, будетъ очень бурной. Вы не найдете тамъ никакихъ удобствъ, но я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы будете въ безопасности“. Тетушка приняла это предложеніе съ радостью; главное было въ томъ, чтобъ обезпечить себя хоть въ данную минуту. Захвативши въ нашей квартирѣ кое-какія вещи, самыя необходимыя, мы навсегда простились съ г-жею Серизіо.

Тетушка моя шла пѣшкомъ, опираясь на руку своего слуги, Сень-Жана, неспяго маленькій узелокъ ея. Каждая изъ насъ передъ отправленіемъ сама распорядилась насчетъ своихъ вещей. Я очень гордилась предусмотрительностью, которую при этомъ обнаружила, и въ то время, какъ я предавалась чувству довольства по этому случаю, моя бѣдная тетушка изнемогала отъ жары и усталости; она была плохой ходокъ. Значительная полнота, крошечныя ножки и громадныя каблуки служили такими препятствіями при ходьбѣ, которыя не легко было преодолѣть. Не имѣя привычки ходить пѣшкомъ, она сильно страдала во время этого короткаго перехода, который казался ей очень длиннымъ и былъ особенно тяжелъ вслѣдствіе солнечнаго жара. Какъ только мы прибыли на мѣсто, желая переменить бѣлье, она развернула свой узелъ: „Посмотри-ка“, сказала она мнѣ, смѣясь, „какъ хорошо я распорядилась“. Въ узлѣ оказались одни кружевные чепцы. Съ какимъ торжествомъ я тогда вытащила изъ кармановъ своего передника все, что ей было необходимо на первыхъ порахъ! Я себя сочла за весьма опытную особу въ дѣлѣ предусмотрительности и чувствовала себя очень счастливой, что могла доставить это облегченіе моей достойной тетушкѣ.

Не веселье былъ нашъ обѣдъ, а ужинъ и того печальнѣе. Г-жа Ноальи, пріѣхавшая послѣ насъ, не знала ничего новаго. Страшная неизвѣстность тяготѣла надъ жителями Ліона. Марсельцы должны были уйти въ этотъ самый вечеръ... Уйдутъ ли еще они? Истощенные борьбой съ разными страхами и неизвѣстностью, въ которой терялись наши мысли, мы бросились не раздѣваясь на постель, въ ожиданіи дальнѣйшей своей судьбы. Нашъ домикъ, хотя и находился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большой дороги, былъ освѣщенъ по приказанію полиціи. Это распоряженіе могло сдѣлаться гибельнымъ для насъ, такъ какъ вслѣдствіе этого наше жилище обращало на себя вниманіе; но нужно было повиноваться. Скоро страшные крики дали намъ знать, что эта кровожадная шайка, наконецъ, оставила городъ: словно это взбаломученное людское море выбросило изъ себя бѣшеную пѣну. Пьяная, обогрѣнная кровью, эта орда жаждала снова вкусить наслажденій людодовъ; она увидѣла кровь и уподобилась тигру. Толпа марсельцевъ прошла у самой подошвы холмика, на которомъ стоялъ нашъ домъ, завывая свои дикія пѣсни, и такъ удалилась.

Столько разнообразных волнений истощили наши силы; мы задремали среди этих ужасающих образов, как вдруг были пробуждены пронзительными криками. Вполнѣ увѣренный, что настала нашъ послѣдній часъ, мы предали свою жизнь въ руки Господа и искали только, гдѣ убійцы; все это было дѣломъ одного мгновенія. Что же оказалось?—Все это произошло отъ паденія одной изъ маленькихъ Ноальи, скатившейся съ большой кровати, гдѣ она спала возлѣ своей матери. Долго еще доносились издали пѣсни марсельцевъ; когда онѣ затихли, г-жа Ноальи послала кого-то въ Везъ узнать, что тамъ происходило, и розыскать нашихъ слугъ. Ея посланный скоро вернулся вмѣстѣ съ Брюнономъ, который, не нашедши насъ въ нашей квартирѣ по возвращеніи своемъ, укрылся у одного добраго ремесленника. Одна торговаа плодами приютила у себя горничную моей тетки; оба они, удивленные и испуганные тѣмъ, что не нашли насъ дома, изгнанные, какъ и мы, нашей хозяйкой, были счастливы, найдя болѣе сострадательныхъ людей, чѣмъ г-жа Сервизо. Ночь прошла въ городѣ очень бурно; опасались новыхъ убійствъ. Никто не ложился спать, Но марсельскіе ополченцы удовольствовались тѣмъ, что напумѣли, и удаленіе ихъ дало возможность успокоиться; порядокъ, повидимому, уже началъ восстанавливаться, несмотря на какой-то неопредѣленный страхъ, все еще тяготѣвшій надъ нами и побуждавшій насъ быть особенно осторожными, такъ какъ мы все же были въ Лионѣ бѣдные пришельцы, гонимые и лишенные крова. Послѣ нѣкотораго совѣщанія мы составили планъ дѣйствія, предупредили прислугу и на разсвѣтѣ выѣхали, усѣвшись въ глубинѣ повозки г-жи Ноальи, которая сама съ дѣтьми и нянькой помѣстилась на передкѣ, такимъ образомъ укрывая насъ отъ любопытныхъ взоровъ. Мы проѣхали предместье, не обративъ на себя вниманія, и остановились въ гостинницѣ, которую содержалъ отецъ г-жи Ноальи. Ворота сейчасъ же заперли, какъ только нашъ экипажъ въѣхалъ, а насъ отвели въ самыя дальнія, заднія комнаты, куда скоро явилась наша Канта, въ восхищеніи, что снова видитъ свою госпожу, но еще дрожа отъ страха при воспоминаніи о проведенной ночи. Мы легли спать съ вопросомъ: „что мы станемъ завтра дѣлать“? Приютъ, который мы нашли, былъ намъ предложенъ только на эту ночь.

ГЛАВА V.

Свиданіе съ отцомъ и съ молодыми Пиоланъ. — Мы окончательно поселяемся въ Лионъ. — Мой младшій братъ возвращается во Францію и пріѣзжаетъ къ намъ въ Лионъ. 29 мая 1793 г.

Слѣдующее утро принесло намъ радость. Неожиданно къ намъ явился отецъ. Какъ много мы имѣли другъ другу сообщить! Его отвели наканунѣ довольно далеко къ крестьянамъ въ какое-то село, куда одинаковыя опасенія привели большое количество бѣглецовъ. Увѣряютъ, будто до 10,000 человекъ покинули въ этотъ день городъ и укрѣились, гдѣ кто могъ. Семья Гишаръ провела ночь въ гѣсу вмѣстѣ со многими другими. Отецъ мой былъ привезенъ обратно въ Лионъ однимъ изъ его новыхъ знакомыхъ. Слѣдующую ночь онъ провелъ у одной дамы, которой никогда не видалъ до этого памятнаго дня. „Что станется съ нами сегодня?“ спрашивала моя тетуска. — „Я знаю только, что будетъ до обѣда, отвѣтилъ отецъ,—потому что мы приглашены къ г. Костъ. Дѣвочки Пиоланъ уѣзжаютъ сегодня въ Шамбери. За ними пріѣхалъ управляющій ихъ отца; нужно съ ними проститься“. — Мы сѣли въ карету, имѣя впереди лишь нѣсколько часовъ вѣрныхъ. Мои подруги были довольно спокойны. И онѣ были, подобно мнѣ, обречены на великія испытанія; но въ настоящую минуту онѣ съ дѣтскою довѣрчивостью взирали на будущее безъ страха. Мы расстались такъ, какъ будто скоро должны были снова свидѣться и общая часто писать другъ другу, хотя намъ пришлось встрѣтиться черезъ много лѣтъ и послѣ продолжительныхъ бѣдствій! Едва успѣли онѣ пріѣхать въ Шамбери, какъ городъ этотъ былъ взятъ французами. Онѣ принуждены были бѣжать отсюда вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и съ этихъ поръ раздѣляли всѣ лишенія, какимъ была подвержена жизнь несчастныхъ эмигрантовъ. Я осталась въ своемъ отечествѣ среди раздиравшихъ его смуть. Прощай, Дезире, и ты, Агата! вмѣстѣ съ вами умчались всѣ сладкія воспоминанія моего дѣтства!

Послѣ отъѣзда моихъ подругъ намъ съ тетуской предоставили занять родъ чердака, гдѣ онѣ спали; а отецъ отправился опять къ той дамѣ, у которой ночевалъ наканунѣ, и мы принесли благодарность Богу за то, что имѣли пристанище еще на эту ночь. Г. Костъ, хотя и самъ небогатый человекъ, сжалился надъ нами и не выпроводилъ насъ изъ дому; сердце у него было не такое, какъ у г-жи Серивіо. На другой день отецъ мой снова принялся искать такой квартиры, куда бы насъ впустили, не давая тотчасъ о томъ знать полиціи. Г. Мазюйе былъ такъ добръ и благороденъ, что согласился и при этомъ условіи принять насъ. Главное дѣло было въ томъ, чтобы выиграть хотя бы еще нѣсколько дней, чтобы дать время умамъ успокоиться, а намъ придумать, что дѣлать. На четвертую ночь нашего

скитанья мы приютились въ маленькомъ помѣщеніи ¹⁾, которое онъ намъ уступилъ, счастливыя уже отъ одной надежды, проснувшись завтра, не имѣть нужды искать новаго пристанища для слѣдующей ночи.

Вскорѣ послѣ этого отецъ мой отправился въ участокъ (section), чтобы заявить о себѣ, и записалъ тамъ только свою фамилію Жирѳ, безъ обозначенія своего владѣльческаго титула дез-Ешероль; подъ именемъ Жирѳ онъ съ тѣхъ поръ и былъ извѣстенъ въ Лионѣ. Въ этомъ городѣ было столько Жирѳ, что распространенность этого прозвища послужила намъ въ пользу, дѣлая пребываніе наше здѣсь болѣе безопаснымъ, или по крайней мѣрѣ менѣе извѣстнымъ на нѣкоторое время.

Въ домѣ, гдѣ мы жили, прежде помѣщалась таможня; большая часть чиновниковъ продолжали еще въ немъ жить, такъ какъ новое зданіе таможни, выстроенное на набережной Роны, не было еще вполнѣ окончено. Мазюиѣ былъ инспекторомъ таможни; де-Сулинье, директоръ, жилъ тутъ же, также и Виньонъ, помощникъ инспектора. У этого послѣдняго нашла себѣ приютъ семья Бельсизъ. Мы встрѣтили въ этомъ домѣ общество людей привѣтливыхъ и вѣрныхъ, что всегда дорого, а въ то время было неопѣненно. Связанное одинаковыми убѣжденіями, это маленькое общество сходилось каждый вечеръ. Оно находило большое утѣшеніе высказывать вслухъ свои мысли и дѣлить сообща всѣ страхи и надежды; другаго предмета разговора почти не было, какъ переживаемыя событія и ежедневныя тревоги. Я забывала иногда съ Софьей де-Сулинье, молодой дѣвушкой одного возраста со мной, печальную дѣйствительность, но насъ скоро возвращали къ ней озабоченныя рѣчи нашихъ родителей, чья предусмотрительность не дремала.

Вся зима прошла въ ужаснѣйшей тревогѣ; смерть короля переполнила мѣру. Гдѣ же останутся злодѣянія послѣ такого посягательства? Городъ былъ словно подернутъ погребальнымъ трауромъ; мертвая тишина царствовала на улицахъ. Каждая семья оплакивала смерть короля, потерявши въ немъ своего главу. Наше маленькое общество провело весь день въ слезахъ; сердца наши были исполнены унынія, и всякій изъ насъ невольно задавалъ себѣ вопросъ— „какова будетъ моя судьба?“

Терроръ давалъ себѣ чувствовать въ самыхъ уединенныхъ углахъ; никакое убѣжище не могло укрыться отъ него; онъ пронизывалъ въ самыя отдаленныя мѣста; онъ стучался во всѣ двери. Какъ могла бы я описать терроръ? Какая кисть въ состояніи его изобразить? Впрочемъ, самаго этого слова достаточно, чтобы дать понятіе о страхѣ во всевозможныхъ его отбѣвахъ, о тоскливомъ ожиданіи и объ ужасѣ, которыми онъ наполнялъ въ то время сердца всѣхъ порядочныхъ

¹⁾ Въ немъ была только одна спальня съ громадною кроватью, на которой я спала вмѣстѣ съ тетушкой. Въ углу поставили складную кровать съ пологомъ для моего отца. Эти подробности нужны для послѣдующаго. Приж. авт.

людей. Домашніе обыски производились все чаще и чаще; во всякое время стали врыватья къ гражданамъ въ домъ. Этотъ новый родъ пытки едва позволялъ несчастнымъ жертвамъ изливать свое горе и слезы въ уединенныхъ стѣнахъ ихъ скромнаго жилища. Ночь, особенно благопріятная для террора тѣмъ, что удвоивала его силу, избиралась чаще всего для этихъ страшныхъ посѣщеній. Мракъ увеличивалъ ихъ ужасъ и, казалось, усиливалъ опасность. Часовые, стоявшіе на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, неожиданно среди ночи будили жителей какими-то глухими криками, долго тянувшимися, переходя изъ устъ въ уста, по плохо освѣщеннымъ улицамъ; потомъ раздавался учащенный стукъ въ дверь. Малѣйшее замедленіе вызывало нетерпѣніе и гнѣвъ; голоса комиссаровъ присоединялись къ крику солдатъ. Страшныя ночи, когда ко всѣмъ ужасамъ прибавлялась еще неизвѣстность угрожавшей вамъ участи! Всякій недоумѣвалъ, что ему дѣлать,—оставаться ли въ постели, или встать, чтобы ихъ встрѣтить; первое могло показаться слишкомъ безопаснымъ, а второе—признакомъ слишкомъ большого безпокойства.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ тревоги, для всѣхъ очевиднымъ, присоединялось немало другихъ, менѣе опредѣленныхъ. Ходили слухи о томъ, будто якобинцы затѣвали самые гибельные планы; что у нихъ происходили тайныя собранія, гдѣ замышлялось разрушеніе Ліона и истребленіе самыхъ лучшихъ жителей его. Нашъ слуга Брюньонъ ходилъ всякій день въ якобинскій клубъ съ тѣмъ, чтобы намъ доставлять нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ намѣреніяхъ; якобинцы стали смотрѣть на него какъ на одного изъ своихъ приверженцевъ и часто поручали ему даже разносить памфлеты; но на свои тайственныя совѣщанія никогда его не допускали. Единственнымъ результатомъ посѣщеній якобинскаго клуба Брюньономъ было то, что мы познакомились съ ихъ кровожаднымъ краснорѣчіемъ. Этотъ честный малый, одаренный превосходной памятью и большимъ талантомъ подражанія, передавалъ намъ съ удивительною точностію ихъ зажигательныя рѣчи. Все наше общество собиралось обыкновенно слушать его и, несмотря на важность переживаемыхъ событій и угрожавшія намъ опасности, мы не могли не поддаваться комизму этого краснорѣчія. Многие изъ этихъ ораторовъ, народившихся подъ вліяніемъ злыхъ страстей, только что оторвались отъ трагцаго станка, надъ которымъ безвѣстно провели всю свою жизнь. Невѣжественные въ жизни и въ самомъ языкѣ, они оглашали трибуну такими нелѣпостями и риторическими фигурами, столь уморительными и столь чудовищными, что невозможно было воздержаться отъ смѣха.

Смерть короля открывала кровавую эру, ускоряемую желаніями якобинцевъ. Они еще чаще стали собираться на тайныя сходки; среди нихъ замѣтна была необычайная дѣятельность, и несмотря на таинственность, которой они окружали себя, зловѣщіе слухи доносились со всѣхъ сторонъ; чувствовалась близость невидимаго врага и самые

мужественные люди поддавались страху угрозъ. Наконецъ стало извѣстно, что якобинцы дѣйствительно готовили гибель значительной части населенія города; тогда лионцы поднялись массою для своей защиты. День 29 мая 1793 года далъ имъ возможность доказать на дѣлѣ ихъ мужество. Это была священная борьба, на которую они шли для завоеванія жизни и свободы. Я не берусь дать точнаго отчета объ этомъ днѣ, столь знаменитомъ въ лѣтописяхъ Лиона. Вида только послѣдствія и не зная причинъ, какъ юный и наивный очевидецъ, я ограничусь рассказомъ лишь того, что сама видѣла, или слышала.

Говорятъ, что Шалье, уже нѣсколько мѣсяцевъ работавшій надъ тѣмъ, чтобы фанатизировать умы, считая ихъ достаточно подготовленными для исполненія задуманнаго имъ плана, рѣшился сообщить его своимъ братьямъ и друзьямъ. Дѣло было ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы овладѣть городомъ, воздвигнуть гильотину на Моранскомъ мосту, на обоихъ концахъ его поставить пушки и тамъ казнить „враговъ народа,“ тѣла которыхъ Рона должна была принять въ свои волны: и смерть, и погребеніе мгновенныя! Списокъ этихъ враговъ народа заключалъ въ себѣ лишь неопредѣленные обозначенія: аристократы, умѣренные, богатые, равнодушные, эгоисты, ханжи, родственники эмигрантовъ и т. п.; всѣ были осуждены на смерть. „Революціонная сѣкира,—говорили они—должна разить до тѣхъ поръ, пока количество жителей въ городѣ будетъ доведено до маленькаго числа избранныхъ людей, преданныхъ интересамъ республики и достойныхъ довершить великое дѣло возрожденія города Лиона“. Друзья и братья отвѣтили на этотъ призывъ, какъ того желалъ Шалье, и день для осуществленія этого заговора былъ уже назначенъ. Всѣ члены собранія должны были дать самую страшную клятву въ вѣрности, и потомъ разошлись, чтобы приготовиться къ этому преступному дѣлу, именуемому ими такимъ прекраснымъ названіемъ. Возмутительное глумленіе преступности, погубившей всѣ свои жертвы во имя добродѣтели!

Между тѣмъ, одинъ изъ друзей и братьевъ, объятый ужасомъ и отвращеніемъ при мысли о готовившихся злодѣяніяхъ, успѣшилъ донести объ этомъ замыслѣ. Всѣ секціи немедленно собираются, объявляютъ свои засѣданія непрерывными, назначаютъ временныхъ начальниковъ и идутъ прямо на ратушу (29 мая 1793 г.).

Муниципалитетъ, весь состоявшій изъ якобинцевъ, собрался тамъ съ главными вожаками этой партіи; батареи пушекъ разставлены были въ улицахъ, выходящихъ на площадь Терро, чтобы преградить доступъ къ ней. Секціи подвигались впередъ соменутыми рядами по узкимъ и извилистымъ улицамъ, ведущимъ къ ратушѣ. Онѣ потеряли много народу отъ картечной пальбы почти въ упоръ и отъ ружейныхъ выстрѣловъ изъ погребовъ и чердаковъ, очень вѣрно попадавшихъ въ отдѣльныхъ людей. Жены этихъ изверговъ слѣдовали за колоннами наступавшихъ, подобно тому, какъ лютые волки, жадные до труповъ, являются послѣ битвы; женщины эти, сами изверги, достойные

своихъ мужей, добивали раненныхъ съ неслыханнымъ звѣрствомъ¹⁾. Колонна, подвигавшаяся по набережной Роны, сильно пострадала отъ пушекъ, которыя обстрѣливали ее на всемъ протяженіи. Весь день дрались съ ожесточеніемъ; упорство было одинаковое съ обѣихъ сторонъ: каждый защищалъ свою жизнь и свободу. Наконецъ, часамъ въ 6 вечера, секція Тамплъ, состоявшая изъ очень сильныхъ и храбрыхъ людей, взяла одну батарею приступомъ прежде, чѣмъ успѣли ее вновь зарядить; это рѣшило дѣло въ пользу честныхъ людей. Ратуша была взята. Мадинье, командовавшій лѣвцами, вѣхалъ верхомъ по лѣстницѣ ратуши, держа поводья въ зубахъ и по пистолету въ каждой рукѣ. Въ ратушѣ нашли тѣла плѣнныхъ, взятыхъ якобинцами. Они были умерщвлены и въ поруганіе страшно изувѣчены. Бертранъ, лѣвскій голова, Шалье, Картеронъ, Руло и многіе другіе были арестованы, отведены въ зданіе арсенала и отданы подъ стражу де-Геріо, коменданту арсенала; на другой день этотъ опасный залогъ былъ взятъ обратно и доставленъ въ Роаннъ, городскую тюрьму.

Лѣвцы избрали себѣ другихъ начальниковъ и порядокъ былъ восстановленъ. Свобода, невѣдомая въ остальной Франціи, была результатомъ этой побѣды. Со всѣхъ сторонъ много народу стало стекаться въ Лионъ, надѣясь найти здѣсь убѣжище отъ преслѣдованій, господствовавшихъ повсемѣстно. Многіе изъ нашихъ земляковъ также нашли себѣ здѣсь пріютъ. Мой отецъ, который тогда могъ пользоваться общей свободой, былъ настолько счастливъ, что могъ оказать помощь нѣкоторымъ изъ нихъ.

Черезъ нѣсколько времени Шалье, отданный подъ судъ, былъ осужденъ и приговоренъ къ смерти. Въ его процессѣ не оказалось ни одного недоказаннаго пункта; всѣ преступленія его были обнаружены и приговоръ его былъ указанъ закономъ. Онъ отказался отъ защитника, самъ себя защищалъ и выказалъ большое хладнокровіе. Онъ пожелалъ идти пѣшкомъ на казнь. Я видѣла его, когда онъ проходилъ; онъ имѣлъ видъ, точно отстраняетъ отъ себя священника, шедшаго рядомъ съ нимъ. Его лысая голова и желтый цвѣтъ лица рѣзко выдѣлялись среди многочисленнаго войска, которымъ онъ былъ окруженъ. Онъ умеръ, какъ жилъ²⁾. Риаръ де-Бовернуа, выродокъ изъ дворянской семьи, котораго Шалье заманилъ подъ свое кровавое знамя, также былъ осужденъ и черезъ три дня подвергся казни, причеиъ обнаружилъ гораздо менѣе мужества, чѣмъ Шалье. Якобинцы

¹⁾ Одинъ молодой человекъ, видя, какъ передъ нимъ упалъ его товарищъ, поднялъ раненаго на плечи, чтобъ его тѣло не подверглось поруганію жестокой толпы. Это замѣтила одна изъ такихъ женщинъ; въ ярости отъ того, что одинъ раненный могъ ускользнуть отъ нея, она ударомъ княжала поразила того, который несъ товарища, и тутъ-же докончила ихъ обѣихъ.

Прим. авт.

²⁾ Онъ сильно страдалъ вслѣдствіе неловкости палача, еще непривычнаго къ гильотинѣ. Три раза ножъ опускался, прежде чѣмъ покончить съ нимъ. Вотъ его завѣщаніе: „Душу свою отдаю Богу, сердце патриотамъ, а тѣло злымъ врагамъ“.

Прим. авт.

стали почитать мучениками этихъ двухъ преступниковъ, справедливо наказанныхъ. Они поклялись отомстить за ихъ смерть и сдержали свое слово.

Гораздо ранѣе 29-го мая, еще въ концѣ декабря 1792 г., отецъ мой узналъ о прибытіи Шамболя, меньшого своего сына, въ Парижъ. Надо было жить въ то время, чтобъ понять весь ужасъ подобнаго извѣстія для насъ. Эмигрантъ, возвращавшійся во Францію въ эту страшную эпоху, шелъ на вѣрную смерть. Послѣ одной стычки, бывшей, кажется, близъ Люттиха, армія принца Конде была распущена; эмигранты въ-разсыпную искали спасенія каждый для себя; многіе изъ нихъ, примѣняя къ дѣлу свои таланты или образованіе, благороднымъ трудомъ добывали средства къ существованію. Они разсыпались въ Голландіи, Германіи, по всей Европѣ и вездѣ находили великодушныя сердца и гостепріимство, настолько же радушное, насколько велико было ихъ несчастье. Шамболь, который былъ совершенно одинокъ, не имѣя никого знакомаго возлѣ себя, не зная, гдѣ его братъ, и стора я желаніемъ увидѣться съ нами, принялъ рѣшеніе совершенно иное, чѣмъ всѣ его товарищи; вмѣсто того, чтобъ бѣжать отъ республиканскихъ войскъ, онъ дождался ихъ, снялъ свой мундиръ, переодѣлся и выдалъ себя за лакея одного эмигранта, увѣряя, что самое пламенное его желаніе снова увидѣть отечество.

Волонтеры, ярые патриоты¹⁾, но притомъ добряки, приняли участіе въ юношѣ, чуть не ребенкѣ, и пропустили его; ему тогда едва только минуло 16 лѣтъ. Благодаря этой выдумкѣ, онъ свободно прошелъ сквозь республиканскую армію, но, какъ легко себѣ представить, это было сопряжено съ большою опасностью; однако онъ находилъ добрыхъ людей, которые, можетъ быть, и подозрѣвая его тайну, помогали ему пробраться дальше. Провидѣніе послало ему на помощь добраго извозчика, который далъ ему свой холщевой балахонъ и въ руки кнутъ—погонять его лошадей. Такимъ образомъ братъ переправился черезъ границу; на его глазахъ рылись въ ихъ поклажѣ и протыкали ее штыками, думая, что въ ней спрятанъ какой нибудь эмигрантъ. На каждомъ шагу онъ подвергался тысячѣ подобныхъ опасностей, но достигъ, наконецъ, Парижа, не имѣя иной охраны, кромѣ своей юности, а въ карманѣ всего-на-всего 30 су.

Онъ остановился въ плохенькой харчевнѣ, содержатель которой работалъ въ каменоломнѣ; плохое состояніе кошелька заставило и брата принятыся за эту работу въ ожиданіи отвѣта на письмо, посланное имъ къ отцу. Отвѣта все не было; это молчаніе столько же его тревожило, сколько затрудняло его положеніе. Онъ поэтому написалъ одной старой пріятельницѣ ихъ семьи съ тѣмъ, чтобы узнать, чтò съ нами, и извѣстить насъ о своей печальной участи. Не получивъ никакого отвѣта и на это нисьмо, онъ подумалъ, что мы всѣ погибли.

¹⁾ Такъ назывались въ то время приверженцы якобинцевъ.

Ужасная тоска овладѣла имъ; положеніе его съ каждымъ днемъ становилось все затруднительнѣе; стали замѣчать, что у него слишкомъ нѣжная кожа для простаго работника. Даже маленькая дочка хозяина находила, что онъ имѣетъ видъ аристократа; малѣйшее слово, самое легкое сомнѣніе, могли привлечь вниманіе и погубить его; не зная, куда дѣваться, онъ рѣшился снова перейти границу и продалъ все, что только было возможно изъ своихъ скудныхъ пожитковъ для того, чтобы расплатиться съ своимъ хозяиномъ. По дорогѣ отъ старьевщика, гдѣ братъ продалъ свои вещи, ему пришлось проходить мимо часовни, посвященной Богородицѣ. Часовня эта была заброшена и частью разрушена; онъ проникъ въ эти пустынные развалины. Глубокое чувство одиночества вызвало въ немъ потребность опоры свыше. Онъ сталъ молиться; душа его вознеслась къ покровителю несчастныхъ, и послѣ того, какъ онъ излилъ все свое горе Богу, облегченное сердце его прониклось надеждой; онъ всталъ бодрый и успокоенный.

Вернувшись къ своему хозяину, братъ свелъ съ нимъ счеты и сталъ съ грустью говорить о своемъ отъѣздѣ, когда дѣвочка вдругъ воскликнула: „Ахъ, мама, ты и забыла отдать ему письмо, полученное на его имя!“. При этихъ словахъ братъ мой, не имѣвшій передъ собою ничего въ будущемъ, лишенный родныхъ и друзей, словно ожилъ. Письмо было отъ г-жи Лявенье, той самой, которой онъ писалъ. Эта знакомая извѣщала брата косвенными намеками о постигшихъ насъ бѣдствіяхъ, о нашемъ отъѣздѣ изъ Мулена и прилагала ему адресъ нотариуса, которому она поручила передать ему отъ нея денегъ въ ожиданіи извѣстій отъ отца; послѣднему она также сообщила этотъ же адресъ. Сама она также принуждена была покинуть Муленъ, что и было причиной замедленія ея отвѣта.

Когда братъ узналъ, что мы еще живы, къ нему возвратилась бодрость духа. Вскорѣ онъ получилъ отъ отца приказаніе употребить всѣ усилія, чтобы пробраться къ намъ въ Лионъ черезъ Бургундію, во избѣжаніе Бурбоне. Но желаніе повидать свои родные края заставило его избрать послѣдній путь, несмотря на всю опасность, грозившую ему въ этой провинціи. Онъ распоростился съ своимъ каменщикомъ и покинулъ Парижъ въ самый день казни короля. Преслѣдуемый этимъ страшнымъ образомъ и ужасомъ, какой ему внушило подобное злодѣяніе, пустился онъ въ опасный путь, частью идя пѣшкомъ для того, чтобы заходить въ разные города, попадавшіеся на дорогѣ, подъ видомъ мѣстнаго обывателя. Онъ прибылъ очень поздно ночью въ Муленъ, тайно посѣтилъ нѣкоторыхъ друзей и сходилъ поклониться родному крову; потомъ продолжалъ свой путь до Тулона, села близъ Мулена, гдѣ провелъ остальную часть ночи. Тутъ его узнала хозяйка дома, гдѣ онъ остановился, жившая прежде у насъ кухаркой. Жильберта—такъ ее звали—не выдала тайны брата и до-

была ему повозка, чтобъ онъ поскорѣ могъ проѣхать мѣстности, гдѣ ему было опасно долго останавливаться.

Счастье, что ямщикъ не зналъ его, потому что этотъ человѣкъ былъ одержимъ революціоннымъ бѣсомъ. „Кому принадлежитъ этотъ замокъ?“ спросилъ Шамболя, проѣзжая мимо Ешероля, виднѣвшагося вдали изъ-за деревьевъ.— „Этотъ замокъ, отвѣчалъ тотъ,—принадлежитъ Ешеролю, этому злодѣю-аристократу, этому врагу народа! Его подлещи-сыновья эмигрировали. Попались бы только они намъ въ руки, вотъ бы заплясали!—Эта энергическая рѣчь была не очень пріятна для слуха брата моего, которому все-таки удалось проѣхать эту область безъ приключеній и которому только впоследствии сказали, что онъ былъ признанъ двумя лицами, слишкомъ честными для того, чтобы донести на него.

Разъ какъ-то мы съ тетушкой вдвоемъ спокойно сидѣли у каминна, когда ей подали записку отъ Шамболя, извѣщавшаго о своемъ приѣздѣ въ Лионъ. Не смѣя придти къ намъ, онъ писалъ, что вечеромъ придетъ на площадь таможни, въ надеждѣ, что къ нему выйдутъ туда на встрѣчу. Съ его стороны было крайне неосторожно довѣряться такимъ образомъ городской почтѣ, но Богъ хранилъ его. Какъ только тетушка прочитала письмо, тотчасъ послала меня за отцомъ, ушедшимъ изъ дому на весь вечеръ. Я объяснила, что ему необходимо поскорѣ вернуться домой, и почему; онъ сейчасъ же отправился въ указанный постоянный дворъ и спросилъ молодаго человѣка, приѣхавшаго наканунѣ и искавшаго мѣста слуги. Брата не было дома. Отецъ оставилъ ему записку съ наставленіемъ, что онъ долженъ дѣлать. Я довольно долго прогуливалась на площади, вглядываясь во всѣхъ проходящихъ, но Шамболя не дождалась. Встревоженные такимъ замедленіемъ, мы говорили другъ другу: „Что съ нимъ случилось?“ Между тѣмъ стемнѣло, а его все не было. Наконецъ, около 10 часовъ, слышались чьи-то шаги на лѣстницѣ; полуоткрытая дверь растворилась; это онъ! но какъ измѣнился! „Гдѣ же ты былъ?“ спросилъ его отецъ? — „Въ театрѣ, смотрѣлъ комедію“, отвѣчалъ братъ. „Комедію! Съ какой же стати идти въ театръ“, возразилъ отецъ сердито.— „Не смѣя явиться къ вамъ, я надѣялся раньше встрѣтить васъ тамъ; мое сердце и взоры искали васъ повсюду“.—Этотъ отвѣтъ смягчилъ отца. Театральное зрѣлище плохо вязалось съ нашимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ и безпокойствомъ; но юность брата, привычка къ опасностямъ, отъ которыхъ ему удавалось такъ счастливо избавляться, внушали ему безопасность, которой мы не могли раздѣлять.

Онъ провелъ у насъ три дня и три ночи, точно подъ арестомъ, оставаясь нашимъ плѣнникомъ, на которомъ сосредоточились нѣжнѣйшія наши заботы и живѣйшія опасенія. Въ то время эмигрантъ былъ очень опаснымъ лицомъ. Эмигрантъ носилъ съ собою смерть; онъ самъ ей подвергался и подвергалъ ей всѣхъ, кто приближался къ нему. Г. Мазюйе и тутъ оказалъ помощь отцу моему, предложивъ дать Шам-

болю работу на стеклянной фабрикѣ въ Ривъ-де-Жіе, принадлежавшей ему. Брата тотчасъ отправили туда подъ вымышленнымъ именемъ въ званіи приказчика. Черезъ нѣсколько времени де-Геріо, этотъ дорогой другъ семьи нашей, въ то время еще командовавшій артиллеріей города, выдалъ ему видъ комиссара при артиллерійскомъ паркѣ, съ порученіемъ сдѣлать закупки желѣза и угля для ліонскаго арсенала, что объясняло пребываніе брата въ Ривъ-де-Жіе. Шамболь не являлся болѣе къ намъ, чтобъ избѣжать двойной опасности — встрѣтиться съ знакомыми и быть узнааннымъ вслѣдствіе большого сходства съ нами.

VI.

Осада Ліона.—Отецъ отказывается отъ главной команды надъ городомъ, которая ввѣрена г. де-Преси.—Бомбардировка.—Мужество m-lle де-Бельсизъ.—Моему отцу поручена защита воротъ св. Иринея.—Оборъ на бѣдныхъ.—Голодь.—День 29-го сентября.—Графъ Клермонъ-Тонерръ.—Взятіе города.

Съ 29-го мая городъ Ліонъ пользовался свободой, невѣдомой остальной Франціи. Это былъ единственный городъ, державшій бороться противъ могущества яacobинцевъ и пытавшійся свергнуть ихъ иго. Но одинъ противъ столькихъ враговъ онъ не могъ устоять. Жестокіе властители, которые хотѣли сравнять все въ этой прекрасной странѣ, требовали, какъ говорили, чтобы имъ были выданы головою самые достойные изъ жителей города, въ возмездіе за голову Шалье. Но ліонцы предпочли позорной выдачѣ честь защищаться до конца и приготовились къ этому. Всѣ благородныя сердца въ великодушномъ порывѣ рѣшились воспротивиться насилію и всѣмъ пожертвовать для этой цѣли.

Я считаю нужнымъ еще разъ напомнить, что рассказываю только то, что сама видѣла, или слышала, не входя во всѣ извилины тогдашней политики, бывшей недоступной для моего возраста. Единственное достоинство этого рассказа—его правдивость.

Рѣшившись защищаться, ліонцы избрали г. де-Шенелеть своимъ начальникомъ; а когда этотъ престарѣлый воинъ отказался, всѣ обратили взоры на моего отца. Три члена временнаго департаментскаго управленія пришли къ отцу заявить, что онъ приглашается занять эту должность, отъ которой зависитъ вся будущая судьба города. Отецъ мой, несмотря на то, что былъ очень польщенъ такою честью, не принялъ предложенія.

Для этого нуженъ былъ человекъ энергичный и, сообразно съ обстоятельствами, способный исполнить въ нѣсколько дней громадную задачу, возложенную на него. Дѣло было нелегкое—привести городъ

въ положеніе, которое позволило бы ему выдержать грозившую ему осаду. Отецъ мой, которому было уже 66 лѣтъ, неизвѣстный лѣнцамъ, боялся, что не будетъ внушать имъ достаточно довѣрія. Не будучи въ состояніи ѣздить верхомъ, онъ не могъ съ требуемой быстротой осматрѣть городъ и его окрестности. Но, отказавшись отъ главнаго начальства, онъ обѣщаль свои услуги вездѣ, гдѣ пожелаютъ ими воспользоваться. Тогда главнымъ начальникомъ былъ избранъ г. де-Преси, который, какъ извѣстно, и согласился.

Какимъ образомъ отецъ мой, жившій въ полномъ уединеніи, могъ привлечь на себя вниманіе, которое направило на него выборъ департамента?—А вотъ какъ это случилось: мѣстныя власти города Мулена, сожалья о томъ, что отецъ ускользнулъ изъ ихъ рукъ, подали въ кассационную палату въ Парижъ апелляцію на оправдательный приговоръ, предоставившій отцу свободу. Кассационная палата, утвердивъ этотъ приговоръ, выслала свое рѣшеніе прямо на имя отца, который тутъ только и узналъ о новыхъ проискахъ своихъ враговъ. Этотъ пакетъ, полученный изъ Парижа на его имя съ пятью печатами и обозначеніемъ его чина, возбудилъ любопытство; пакетъ былъ вскрытъ и тогда узнали, что старый генераль-маіоръ прибылъ въ Лионъ, надѣясь найти убѣжище отъ своихъ гонителей. Эмиграція увлекла въ дальніе края множество отставныхъ военныхъ, и въ Лионѣ конечно ихъ было очень мало; мнѣ кажется даже, что г. де-Преси не былъ постояннымъ жителемъ этого города.

Вскорѣ необычайная дѣятельность закипѣла въ городѣ и въ его обширныхъ предмѣстьяхъ. Одно изъ нихъ, Ле-Брото, сдѣлалось мѣстомъ военныхъ упражненій. Здѣсь рыли каналы, тамъ воздвигали бастионы; руки, неспособныя владѣть оружіемъ, были заняты возведеніемъ земляныхъ укрѣпленій; всякій благонамѣренный человѣкъ, какого бы ни было возраста и пола, вносилъ свою долю труда. Нѣкій Шмидтъ, очень искусный въ своемъ дѣлѣ, отливалъ пушки и мортиры, такъ какъ послѣ 29-го мая артиллерійскій паркъ былъ перевезенъ въ Гренобль. Негоціанты поставляли туки шерсти и хлопка для устройства особаго рода редутовъ по набережной Роны. Въ груди лѣнцевъ билось одно сердце, одно чувство воодушевляло мужчинъ и женщинъ: бороться противъ тиранніи. Самыя изнѣженные дамы присутствовали при артиллерійскихъ упражненіяхъ и пробѣ пушекъ. Ничто, казалось, не страшило и не смущало ихъ. Зная только одну опасность, онѣ всѣ имѣли лишь одну мысль — общее спасеніе, и всѣми силами стремились къ этой общей цѣли. Женщины, отождествляя себя съ дѣломъ, за которое стоятъ, составляютъ съ нимъ одно цѣлое, великодушно принимая всѣ его послѣдствія; онѣ всегда выдерживали испытаніе до конца. Что же касается меня, то въ моемъ мужествѣ была большая доля любопытства; но я вполне раздѣляла общій энтузіазмъ. Отецъ повсюду водилъ меня съ собой и никогда не относилась я къ своимъ урокамъ съ такимъ усердіемъ, съ какимъ тогда слушала

наставленія отца въ военномъ дѣлѣ. Я просила объясненій всему, все запоминала; я думаю, что могла бы тогда выдержать экзамень изъ фортификаціи—такъ глубоко врѣзывались въ моея памяти самыя малѣйшія техническія термины благодаря горячему интересу, овладѣвшему мною.

Въ то время какъ въ Лионѣ спѣшили укрѣпить городъ, армія Конвента приближалась. Она могла рассчитывать на сильную партію въ стѣнахъ города. Партія эта состояла изъ черни и большого количества рабочихъ съ шелковыхъ фабрикъ, лишившихся работы. Эти кануты (такъ называемые въ насмѣшку отъ канеты—родъ челнока, употребляемаго ими для тканья матерій),—эти кануты превосходили благомыслящихъ людей числомъ, какъ они превосходили ихъ коварствомъ и хитростью, работая втихомолку и подкапывая планы, составленные для спасенія Лиона. Ихъ шпионство проникало повсюду. Муниципалитетъ и департаментъ были наполнены такими же-приверженцами. Г. де-Преси¹⁾, чужой въ этой сторонѣ, окруженный людьми ему мало извѣстными, не всегда могъ отличить коварство отъ чистосердечія; онъ часто бывалъ введенъ въ обманъ получаемыми донесеніями, и потому самыя благія его намѣренія не оказывали пользы правому дѣлу. Канутамъ, этому бѣдному испорченному классу, нечего было терять, а выиграть они могли много. Каждый изъ нихъ, надѣясь обогатиться среди общей смуты, естественно дѣлался врагомъ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли возстановить порядокъ. Они произвели преждевременный голодъ, который скоро сдѣлался опутителемъ въ городѣ; проникая въ тайну распоряженій городского совѣта, они сообщали ихъ осаждавшимъ. Эти сообщенія, передаваемые въ непріятельскій лагерь, часто дѣлали безплодными самыя лучшія мѣры. Осаждавшее насъ войско было менѣе опасно для насъ, чѣмъ эта толпа враждебныхъ людей, которые день и ночь измышляли какія нибудь новыя возни.

Число искреннихъ и добровольныхъ защитниковъ достигало, какъ говорили, лишь до 6000 человекъ; всѣ остальные—боязливые, или сомнительные, или служившіе по найму,—внушали мало довѣрія. Былъ только одинъ отрядъ кавалеріи, составленный изъ молодыхъ людей, довольно богатыхъ, чтобъ обмундироваться на свой счетъ; большинство же, не имѣя мундира, довольствовалось лѣтнимъ платьемъ, что вызвало насмѣшки со стороны осаждавшихъ, которые презрительно прозвали ихъ бумажными и нанковыми солдатами.

Мнѣ было въ то время почти 14 лѣтъ; не понимая всей важности событій и того, что они готовили намъ въ будущемъ, я была обречена раздѣлять съ другими жителями города большія лишенія и

¹⁾ Де-Преси призвалъ моего отца въ свой военный совѣтъ и самъ нѣсколько разъ приходилъ къ отцу. Я живо помню его смуглое лицо и блестящей близости зубы, что дѣлало его очень замѣтнымъ среди другихъ. Прим. авт.

мучительныя тревоги. Посвященная въ тайны, превышавшія мой дѣтскій умъ, я предавалась самымъ грустнымъ мыслямъ и предчувствовала продолжительныя испытанія.

Вскорѣ городъ былъ почти окруженъ и осаждавшее войско стало дѣлать серьезныя атаки. Кажется, съ 8 или 9 августа ¹⁾ начали къ намъ летать бомбы. Я совсѣмъ не ложила въ первую ночь бомбардировки: страхъ и отчасти любопытство не давали мнѣ спать нѣсколько ночей къ ряду, какъ и всѣмъ другимъ обитателямъ этого дома. Нѣсколько человекъ приходили на ночь къ намъ, считая наше помѣщеніе самымъ безопаснымъ во всемъ домѣ. Странное это было собраніе, гдѣ каждый вносилъ въ общую массу ощущеній свою долю малодушія или мужества. Другъ другу повѣряли свои страхи и сомнѣнія, подходили съ любопытствомъ къ окну для того, чтобы отъ него отскочить съ ужасомъ, когда вдругъ раздавался оглушительный трескъ разрывавшейся бомбы. Если бы бомбы не носили съ собою смерти, онѣ представляли бы очень интересное зрѣлище.

Я проводила ночи у окна, слѣдя за тѣмъ, какъ эти падающія звѣзды описывали въ воздухѣ огромную дугу и потомъ со свистомъ опускались внизъ, чтобы разорваться съ ужаснымъ трескомъ. Это было великолѣпно и вмѣстѣ ужасно. Я не могу забыть нѣкоего Бертелье, который вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ гостиной моей тетушки. Столь же любопытный, какъ я, но болѣе трусливый, онъ тихонько на-цыпочкахъ подкрадывался къ окну, словно боясь пробудить бомбу, осторожно приподнималъ кисейную занавѣску, чтобы взглянуть на нее сквозь стекло, а какъ только она начинала опускаться, занавѣска выскользала изъ его рукъ и онъ самъ прятался за эту легкую кисею, какъ за мѣдный щитъ; его страхъ до того меня забавлялъ, что я забывала о своемъ собственномъ.

Бомбардировка продолжалась съ ожесточеніемъ. Загорѣлся арсеналь, и увѣряли, будто его подожгли якобинцы; осаждавшіе тотчасъ направили на него свои бомбы и тогда уже стало невозможно бороться съ пожаромъ. Взрывъ былъ ужасенъ; все небо пылало огнемъ и свѣтъ былъ до того яркъ, что намъ показалось, будто пожаръ рядомъ съ нами, или даже въ самомъ нашемъ домѣ. Я была въ невыразимомъ волненіи, особенно за отца, который уже легъ спать. Его безпечность лишь увеличивала мою тревогу. Онъ почти никогда не появлялся на нашихъ ночныхъ собраніяхъ. Предоставляя насъ самимъ себѣ, онъ спалъ точно про запасъ въ ожиданіи назначенія, которое ему предстояло. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ будить его. „Батюшка, вставайте!“ — „Что случилось, дитя мое?“ — „Бомбы! Развѣ не можетъ одна изъ нихъ упасть сюда? Вы можете быть убиты въ

¹⁾ Бомбардировка Ліона началась 22 августа. См. Мортимера-Терно, 8-й т. кн. XLV, глава VIII, гдѣ рассказана осада Ліона. Рассказъ историка въ общемъ вполне совпадаетъ съ воспоминаніями Ал. дез-Ешероль.

постели!“— „Не упадетъ, дочь моя!“ И онъ засыпалъ крѣпче прежняго. Я положительно не могла постигнуть, какъ этотъ постоянный грохотъ орудій и ежеминутная опасность не нарушали ни его сна, ни душевнаго спокойствія!

Наконецъ, мысль о пожарѣ совершенно охватила меня и, чуть не радуясь тому, что имѣла настоятельный поводъ разбудить отца, я бросилась въ его комнату и закричала надъ нимъ изо всей мочи: „Пожаръ, батюшка, пожаръ! вставайте же!“— „Что, что?—прогорилъ онъ спросонья,—гдѣ же пожаръ?“— „Очень близко отъ насъ, очень близко, посмотрите, какое зарево!“ Онъ тотчасъ всталъ, и вотъ каковы впечатлѣнія юности: я была въ восхищеніи, что нашла причину, какова бы она ни была, заставившая отца покинуть постель, въ которой, мнѣ казалось, смерть могла поразить его гораздо легче, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Его спокойствіе, такъ мало гармонировавшее съ нашимъ тревожнымъ настроеніемъ, возбуждало во мнѣ сильнѣйшее нетерпѣніе. Впослѣдствіи я поняла это, но въ то время далеко было мнѣ, глупой дѣвочки, съ моими страхами, до хладнокровія испытаннаго стараго воина. Какъ скоро я увидѣла его въ движеніи, я успокоилась, хотя онъ теперь гораздо болѣе подвергался опасности, потому что сейчасъ же ушелъ изъ дому.

Онъ скоро вернулся и сказалъ намъ, что это горитъ арсеналь; въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ видѣлись пожары по ту сторону Соны. Я вмѣстѣ съ отцомъ сошла внизъ къ берегу этой рѣки; мы приблизились къ самому краю скалъ, обнаженныхъ въ это время вслѣдствіе пониженія воды, и нашимъ взорамъ представилось грозное зрѣлище. Арсеналь и вмѣстѣ съ нимъ болѣе 300 домовъ были добычей пламени. Огненные языки, подобно какимъ-то чудовищнымъ змѣямъ, захватывали все, что могли достать, обвивали и поглощали въ своей пасти жизнь многихъ людей, богатства, надежды, жилища огромнаго числа семействъ, очутившихся въ одно мгновеніе въ одинаковой нищетѣ. Страшное уравненіе! Богатые и бѣдные вмѣстѣ искали спасенія за возвышеніемъ Перрашъ. Такъ какъ непріятельскія батареи были направлены именно на тѣ кварталы, которые горѣли, то невозможно было остановить распространеніе огня. Та часть, гдѣ мы жили, была отдѣлена Соной и Роной отъ мѣста, откуда стрѣляли изъ орудій; поэтому бомбы если и долетали сюда, то уже утративши свою силу. Впрочемъ нѣсколько бомбъ произвели и здѣсь опустошенія.

М-ше де-Вельсизъ вмѣстѣ съ нами прошла черезъ площадь, чтобы добраться до берега Соны. Она скоро замѣтила, что одинъ изъ пожаровъ, отъ котораго насъ отдѣляла рѣка, по ея соображенію, былъ въ улицѣ Гренеть, гдѣ жила ея сестра. Г. Миляне, ея зять, имѣлъ тамъ большую типографію. „Если пожаръ у сестры—сказала она намъ,—то я должна оказывать ей помощь. Она дома одна съ дѣтьми; мужъ ея на своемъ посту. Кто знаетъ, въ какомъ она положеніи въ настоящую минуту!“ Задумано—и тотчасъ исполнено. Когда она по-

дошла къ каменному мосту, часовой остановилъ ее — женщину не пропускаютъ; какъ она ни старалась склонить его въ свою пользу, какъ ни умоляла его со всѣмъ жаромъ взволнованной души, — дисциплина не хочетъ знать родства. Тогда она возвращается къ себѣ, переодевается въ мужское платье, владеть за поясъ два пистолета и снова отправляется. На этотъ разъ она идетъ на Сентъ-Венсанскій мостъ. „Куда идешь?“ кричитъ ей часовой. — „На свой постъ“, смѣло отвѣчаетъ она. — „Какой постъ?“ — „Красный крестъ“. — „Проходи!“ Несмотря на пистолеты, полудѣтскій видъ ея могъ бы внушить подозрѣнiе, но въ то время всѣ привыкли видѣть даже отроковъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Дѣйствительно, пожаръ былъ въ домѣ ея сестры, которую она нашла занятою перевязкой одного изъ рабочихъ, раненаго осколкомъ бомбы (которая зажгла ихъ домъ), и потому не имѣвшей возможности справиться съ требованиями минуты. Дѣти въ слезахъ бросились въ объятія тетки, которая счумѣла ихъ успокоить и ободрить. Она провела здѣсь остальную часть ночи, помогая своими совѣтами и содѣйствуя собственноручно прекращенію пожара; когда все приняло болѣе спокойный видъ, м-ле де-Бельсизъ вернулась около шести часовъ утра домой, чтобы рассказать встревоженнымъ родителямъ о своихъ ночныхъ походахъ.

Какъ только день смѣнилъ эту злополучную ночь, всѣ стали съ поспѣшностью наполнять водою чаны, разставленные на улицахъ и передъ домами. На это распоряженіе, обращенное въ жителей города, отозвались почти исключительно одиѣ женщины. Всѣ мы стали въ цѣнь, даже тетушка моя не отказалась отъ этого труда, и такъ какъ здѣсь сердце придавало силу, она работала, какъ будто во всю свою жизнь ничего другаго не дѣлала, какъ только носить ведра съ водою.

По возвращеніи изъ военнаго совѣта отецъ сообщилъ намъ, что де-Преси поручилъ ему защиту воротъ св. Иринея, находившихся въ сторонѣ предмѣстья Сентъ-Фуа. Тетушка не рѣшилась разстаться съ отцомъ и мы послѣдовали за нимъ на новую квартиру, которую онъ съ большимъ трудомъ отыскалъ въ этой части города, потому что множество жителей Лиона укрылись въ этомъ предмѣстии, выстроенномъ на горѣ, и которое по своему возвышенному положенію и по отдаленности, казалось, представляло болѣе безопасности. Дома, переполненные жильцами, были заняты начиная съ погреба до чердака, и за неимѣніемъ помѣщенія, подземная церковь св. Иринея, нѣкогда служившая во время гоненій убѣжищемъ для христіанъ, сдѣлалась пристанищемъ для тѣхъ, кто не имѣлъ крова. Мы съ грустью покинули добрыхъ друзей, которыхъ Провидѣніе послало намъ въ наше изгнаніе. Намъ пришлось вмѣстѣ страдать, а это скоро образуетъ прочныя связи. Что же касается до меня, то я сильно горевала по Софѣ Сулинѣ, ставшей для меня искреннимъ, сердечнымъ другомъ. Мы говорили другъ другу на прощанье: „Увидимся ли мы когда-

нибудь? Затѣмъ каждая изъ насъ пошла на встрѣчу своей судьбѣ, съ невольнымъ любопытствомъ заглядывая впередъ въ новую жизнь, которая открывалась передъ нами.

Городъ не былъ еще окруженъ съ той стороны, куда мы перѣѣхали: здѣсь было какъ-то привольнѣе; нѣкоторые загородные дома въ окрестностяхъ не были еще покинуты хозяевами; сосѣдніе крестьяне приносили сюда съѣстные припасы и овощи, и хотя этой провизіи было недостаточно сравнительно съ требованіями, все же оба предмѣстья — Сентъ-Жюста и Сентъ-Ирене пользовались нѣкоторымъ довольствомъ, неизвѣстнымъ въ центрѣ Ліона. Между тѣмъ, число людей, стекавшихся сюда спасаясь отъ бомбъ, все возрастало и бѣднѣйшій классъ сильно страдалъ. Припасы сдѣлались рѣдки и дороги. Священникъ при церкви св. Иринея, не будучи въ состояніи удовлетворить всѣмъ нуждамъ, пришелъ просить моего отца, чтобъ онъ позволилъ мнѣ обойти многочисленныхъ иногородныхъ, нашедшихъ убѣжище въ его приходѣ; онъ надѣялся, что по справедливости они взаимно дадутъ ему средства оказать помощь бѣднякамъ, положеніе которыхъ еще ухудшилось отъ ихъ наплыва. Отецъ мой далъ свое согласіе и я съ радостью помышляла о томъ, что призвана играть дѣятельную роль въ нашей исторіи; это придавало мнѣ большое значеніе въ собственныхъ глазахъ. Ко мнѣ приставили еще одну дѣвочку, мать которой жила въ одномъ домѣ съ нами, и мы сейчасъ же приступили къ сбору подаванія въ сопровожденіи нашего добраго священника.

Не легкое было дѣло собирать подаванія на бѣдныхъ въ такое время, когда всѣмъ грозила опасность лишиться средствъ къ жизни, и каждый поэтому боялся уменьшить оставшіяся у него запасы; намъ случалось не разъ испытать плохой приемъ, хотя трудно было устоять противъ краснорѣчивыхъ увѣщаній добраго священника. Рѣчь его, дышавшая пламенной любовью къ ближнему, проникала въ самыя черствыя души и покоряла ему самыхъ неподатливыхъ; наши кошельки скоро стали видимо наполняться; но есть сердца, непреступныя какъ скалы, противъ которыхъ всѣ усилія тщетны.

Ничто не ускользало отъ нашихъ посвѣщеній: мы обошли все, что только было обитаемо. Древняя церковь св. Иринея увидѣла насъ въ своемъ подземельи. Чердаки, даже погреба, не укрылись отъ нашихъ поисковъ. Я помню, что разъ мы вошли въ какой-то полуоткрытый сарай, откуда тотчасъ же удалились, увидавъ тамъ крайнюю нищету; но находившаяся тамъ женщина при видѣ насъ тотчасъ встала, дождала насъ на улицѣ и подала ассигнацію въ 50 су, выразивъ сожалѣніе, что не можетъ дать болѣе, но желая содѣйствовать, сколько могла, нашему добруму дѣлу. То была по истинѣ лента вдовы!

Совершенно иная сцена ожидала насъ въ одномъ изъ загородныхъ домовъ, куда мы направились послѣ того. Нѣкоторые изъ этихъ прелестныхъ жилищъ оставались еще нетронутыми непріателемъ. Мы вошли въ одинъ изъ самыхъ хорошенекыхъ домиковъ. Исачество

всей обстановки свидѣтельствовало какъ о вкусѣ, такъ и о богатствѣ его владѣльца. Насъ провели въ голубую гостиную, вновь отдѣланную и блиставшую роскошью; прекрасныя гравюры, очень дорогая мебель, дѣлали эту гостиную роскошной и вмѣстѣ съ тѣмъ изящной. Мы изложили свою покорную просьбу принявшей насъ хозяйкѣ, изысканный туалетъ которой вполне гармонировалъ съ очаровательной обстановкой ея жилища. Священникъ поддержалъ нашу простую просьбу со всѣмъ благочестивымъ усердіемъ, которое ему внушала его горячая вѣра. „Мнѣ очень жаль—отвѣтила дама,—но я не этого прихода“.—„Сударыня, возразилъ онъ кротою,—среди несчастныхъ обстоятельствъ, удручающихъ насъ, милосердіе не позволяетъ думать, что его благодѣанія могутъ быть ограничены столь узкими предѣлами“.—„Но повторяю вамъ, сударь, что я не изъ этого предмѣстья и живу здѣсь только временно“.—„Сударыня, продолжалъ священникъ твердымъ голосомъ,—вы явились сюда искать убѣжища отъ опасностей, грозившихъ вамъ въ другомъ мѣстѣ; съ той минуты, какъ вы здѣсь поселились, вы принадлежите къ моему приходу. И неужели вы не можете оказать хотя малѣйшую милость взаимнѣй той безопасности, которую нашли здѣсь?—„Я люблю бѣдныхъ“, отвѣчала дама съ раздраженіемъ, „я много имъ раздаю въ своемъ приходѣ; то, что я дала бы здѣсь, принадлежить имъ“. За этими словами послѣдовала сухая поклонъ и, уходя въ сосѣднюю комнату, она громко хлопнула дверью. Мы вышли изъ этого изящнаго жилища глубоко оскорбленные; взоры наши вмѣстѣ съ мыслями невольно возвратились съ любовью къ бѣдной лачугѣ. При этомъ обходѣ намъ приходилось близко подходить къ непріятельскимъ постанамъ, что было не безопасно, и хотя мѣстность эта находилась подъ защитой нашихъ батарей, но намъ не разъ случалось быть подъ выстрѣлами непріятеля. Мы видѣли много солдатъ изъ войска Конвента у оконъ тѣхъ домовъ, которые попали въ ихъ руки. Но, несмотря на это, мы продолжали свой обходъ по окрестностямъ города; намъ была поручена жатва бѣдняка и мы хотѣли собрать все до послѣдняго волоса. Случалось такъ, что наше посѣщеніе на другой день становилось уже невозможнымъ, такъ какъ осаждавшіе съ каждымъ днемъ подвигались все ближе; смерть въ свою очередь косила по тому самому пути, по которому мы слѣдовали еще наканунѣ за человѣкомъ Вожиномъ. Что случилось съ важной дамой, которая такъ жестко и сухо приняла насъ? Что случилось съ ея прекраснымъ жилищемъ? Можетъ быть враги Ліона не были ея врагами; или же она, подобно намъ, вернулась въ городъ, гдѣ насъ ожидали общія бѣдствія.

Сборъ принесъ не много сравнительно съ нуждами, но все-таки онъ далъ возможность купить припасовъ для самыхъ бѣдныхъ и больныхъ. Цѣны на провізію становились непомерно высоки. Городъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стѣсняемый, съ каждымъ днемъ видѣлъ, какъ уменьшались его средства, и всякій берегъ то, что у

него еще оставалось. Мы ѣли отвратительный хлѣбъ, приготовленный изъ затхлой муки, что дѣлало его, вѣроятно, очень вреднымъ; да и этотъ плохой хлѣбъ, только съ виду казавшійся хорошимъ, приходилось печь тайкомъ, потому что всякій боялся дать замѣтить, что у него есть что нибудь въ запасѣ, скрывая средства пропитанія отчасти изъ предосторожности, чтобы сохранить ихъ, отчасти,—чтобы не казаться счастливѣе другихъ. Отецъ мой получалъ ежедневно одинъ раціонъ хлѣба и мяса, что и составляло самую существенную часть питанія всей семьи нашей. Небольшая комната, служившая по очереди то столовой, то гостиной, на ночь превращалась въ спальню для тѣхъ, кто не зналъ, куда пріютиться. Здѣсь разстилали на полу столько матрасовъ, сколько было человѣкъ, и этимъ вполне довольствовались; въ сущности, человѣкъ имѣетъ не много потребностей. Всѣ были заняты важными событіями эпохи и никто не думалъ объ удобствахъ жизни. Бороться съ опасностью, защищаться до смерти,—вотъ какіе помыслы поглощали все остальное. Сколько молодыхъ людей, сильныхъ и храбрыхъ, на моихъ глазахъ уходили изъ этой комнаты послѣ освѣжительнаго, сповойнаго сна, чтобы весело и бодро отдаться тяжелому ежедневному труду и встрѣтить смерть!

Войска, отряженные изъ Ліона для занятія сосѣднихъ мѣстечекъ, Сентъ-Этьенъ и Монбризонъ, были принуждены повернуть назадъ и возвратиться въ городъ. Это отступление предвѣщало новыя несчастія; оно было встрѣчено глубокимъ молчаніемъ. Многие изъ этихъ воиновъ совершили подвиги, достойные удивленія, но не всѣ вернулись къ своему очагу. Нѣсколько женщинъ послѣдовали за своими мужьями, желая раздѣлить ихъ участь и умереть вмѣстѣ съ ними; всѣ съ удивленіемъ указывали на жену Камилъ Жордана, которая вездѣ была на конѣ рядомъ съ мужемъ и не отставала отъ него даже въ серьезныхъ стычкахъ. Всѣ эти женщины предчувствовали будущее и многія впоследствии сожалѣли, что ихъ не постигла смерть въ то время. Нѣсколько плѣнныхъ слѣдовало за ними; мнѣ кажется, что между ними былъ членъ Конвента, депутатъ Жавогъ, по крайній мѣрѣ мнѣ представляется, что я видѣла его тутъ и что всѣ показывали его другъ другу, среди его другихъ товарищей плѣна, шедшихъ подъ конвоемъ отряда пѣхоты, который ихъ окружалъ. Мнѣ показалось, что я видѣла брата среди возвращавшихся солдатъ. Я тотчасъ сообщила это отцу, который немедленно отправился на поиски и ничего не открылъ; но вскорѣ послѣ этого мы узнали, что Шамболь дѣйствительно находится въ городѣ, гдѣ онъ поступилъ на службу въ частіе, очень отдаленномъ отъ нашего, для того чтобы не быть нами узнаваемъ. Видя, что никакой помощи не являлось въ Ліонѣ и что этотъ славный городъ, поворно брошенный на произволъ судьбы, падетъ жертвой своихъ благородныхъ усилій въ борьбѣ противъ революціонной власти,—видя все это и убѣжденный въ бесплодности сопротивленія, отецъ мой приказалъ сыну оставить городъ и немедленно

возвратиться въ свое прежнее убѣжище, пользуясь краткимъ срокомъ, когда сообщенія были еще свободны; братъ мой заливался горькими слезами, но исполнилъ желаніе отца.

Возвратъ войска увеличилъ потребленіе припасовъ и голодъ. Бѣдный маркизъ де-Пюръ, жившій однимъ только молокомъ, такъ какъ уже съ давнихъ лѣтъ не переносилъ иной пищи, не могъ долѣе скрывать своей кормилицы отъ поисковъ голодающихъ: у него отняли ворову; я видѣла, какъ сильно онъ горевалъ и жалѣлъ о ней, тщетно прося ее пощадить. Что съ нимъ стало? Могъ ли онъ еще существовать? Не знаю—послѣ этого я его никогда не видала.

Говорили, что на самомъ дѣлѣ голодъ былъ причиненъ не столько недостаткомъ припасовъ, сколько продѣлками злонамѣренныхъ людей, которые, держа сторону осаждавшихъ, дѣлали все, чтобы увеличить беспорядокъ и лишенія. Я сама видѣла сигналы, которыми давали знать неприятелю о существованіи запасныхъ магазиновъ съѣстныхъ припасовъ и фуража и гдѣ именно они находились. Какъ только свѣтъ, появившійся съ промежутками известное число разъ на возвышенномъ мѣстѣ, переставалъ показываться, сейчасъ же бомбы въ указанномъ мѣстѣ зажигали эту часть города, гдѣ вмѣстѣ съ зданіями погибали и все запасы. Полиціи никогда не удавалось накрыть измѣнниковъ—они всегда ускользали отъ нея.

Только среди такого полного и общаго лишенія человекъ узнаетъ дѣлу необходимаго и понимаетъ, какъ мало ему нужно. Многія дамы изъ Мовбризона, опасаясь попасть въ руки якобинцамъ, послѣдовали за лѳонскими войсками; однѣ шли пѣшкомъ, другія ѣхали, сидя на пушкахъ, предпочитая утомленіе и голодъ ужасному обращенію, которому онѣ могли подвергнуться со стороны неприятеля. Онѣ пришли раздѣлить наши мимолетныя надежды и наши жгучія тревоги. Многія изъ нихъ остались въ той части, гдѣ мы жили; ихъ помѣстили какъ могли, и каждый, удѣливъ частичку изъ своего необходимаго, посылалъ имъ что нибудь въ даръ, что было имъ драгоценно при ихъ положеніи. Кто посылалъ имъ немного хлѣба или муки, кто—кусочъ мяса; нѣкоторые лица давали имъ одежду. Наше подаеніе состояло изъ миски бѣлыхъ бобовъ.

Наконецъ, городъ былъ совершенно окруженъ и отдѣленъ отъ неприятеля только Реной и городскими стѣнами. 29-го сентября онъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ. Бой кипѣлъ у всѣхъ городскихъ воротъ. Я не берусь описать шумъ, грохотъ, суматоху и ужасъ этого дня.

Домъ нашъ, находившійся у Иринейскихъ воротъ, слѣдовательно, по близости происходившаго здѣсь боя, оказался между тремя батареями, и частые залпы, гремѣвшіе надъ нашими головами и около насъ, непрерывно оглушали насъ; неприятельскія пули со свистомъ ударили въ наши окна. Ничто, нѣтъ, ничто не можетъ сравниться съ пыткой, которую испытываешь, когда приходится неподвижно стоять на мѣстѣ среди опасности, быть принужденнымъ къ бездѣйствію,

когда вокруг васъ всё въ смятеніи, всё дерутся, всякій наноситъ или получаетъ смерть.

Мы въ этотъ день мало видѣли отца; онъ всѣми силами старался придать мужества трусливымъ войскамъ, которыя лежались на землю, чтобы избѣжать пуль, сыпавшихся на нихъ градомъ. Видъ этого стараго воина, твердо стоявшаго среди нихъ, старавшагося пробудить чувство чести въ этихъ смущенныхъ сердцахъ, не производилъ особеннаго впечатлѣнія на большинство. Это большинство служило по найму и находило, что получаемое жалованье не стоитъ ихъ жизни. Многіе изъ нихъ, подкупленные враждебной партіей, держали ея сторону, и всё, можетъ быть, понимая бесплодность сопротивления, отказывались продолжать борьбу.

А мы въ это время предавались самой мучительной тревогѣ, не зная даже, живъ ли еще отецъ; мы сами ждали смерти. Она являлась передъ нашими глазами въ самыхъ ужасныхъ образахъ, и наше напуганное воображеніе дѣлало еще страшнѣе и безъ того ужасную дѣйствительность. Изъ нашихъ оконъ видна была возвышенность близъ городскихъ воротъ, и можно сказать, что мы присутствовали при боѣ; мы видѣли, какъ льоны постоянно отступали и возвращались въ стѣны города. Несмотря на свистъ пуль, я жадно слѣдила за всѣмъ сквозъ рѣшетчатыхъ ставни, стараясь измѣрить степень опасности, угадать впередъ и почувствовать ея приближеніе. Переносили раненныхъ; женщины съ растрепанными волосама, унося своихъ дѣтей, бѣжали съ криками: „Вотъ они! Мы погибли! Вотъ они!“ Онѣ слѣзили въ городъ, надѣясь спастись отъ гибели, но онѣ только отдаляли ее. Такъ провели мы весь этотъ день.

Священникъ въ облаченіи переходилъ изъ одного дома въ другой, принося всѣмъ слова утѣшенія и надежды. Онъ подготовлялъ къ смерти, къ страданіямъ, увѣщевая смириться. Онъ отпускалъ грѣхи во имя Господа милосерднаго, онъ говорилъ о вѣчныхъ благахъ, ожидающихъ насъ въ награду за наши краткія страданія. „Я погибну первый — говорилъ онъ намъ, — прежде чѣмъ коснутся овецъ моихъ, которыхъ довѣрилъ мнѣ Господь“. Какъ живо возстали предо мною въ этотъ день, который я считала послѣднимъ, всё прежніе дни моей юной жизни! Какой торжественности исполнены эти минуты, когда въ полнотѣ здоровья и силы ожидаешь скорого конца, за приближеніемъ котораго слѣдишь какъ бы шагъ за шагомъ и который представляется тѣмъ болѣе тяжелымъ, что все сулило вамъ длинную и счастливую жизнь! Каждый изъ насъ, прося прощенія за многочисленные грѣхи свои, сожалѣлъ, что такъ мало знаетъ за собой добрыхъ дѣлъ и искалъ себѣ въ одномъ Богѣ опоры и утѣшенія. Наше послѣднее желаніе заключалось въ томъ, чтобы умереть безъ поруганія. Повѣрить ли ктонибудь, что среди такого ужаса возможно было улыбнуться? Страхъ такъ различно дѣйствовалъ на каждого изъ насъ, что изъ этого возникали презабавныя сцены. „Видите ли, — говорила мнѣ моло-

денская дочь нашего козьяина,—надо все сдѣлать, чтобы спастись. Я надѣла свой платокъ наизнанку для того, чтобы они меня не убили“. — „Какимъ же это образомъ вывороченный наизнанку платокъ спасетъ вамъ жизнь?“ — „Они примутъ меня за жену какого нибудь рабочаго“. Вѣдное дитя! дадутъ ли они себѣ трудъ разбирать это!

Многочисленные приверженцы непріятельской арміи открыто радовались успѣхамъ, предвѣщавшимъ имъ скорую побѣду. Они прямо угрожали грабежомъ. Будучи вездѣ окружены внутренними врагами, столь же опасными, какъ и вѣншіе, всѣ сидѣли запершись по домамъ, выпуская только вѣрныхъ людей. Къ намъ кто-то постучался, — смотримъ, это отецъ! Онъ входитъ въ сопровожденіи племянника де-Преси и графа Клермонъ-Тонерра. Они дрались весь день и были въ изнеможеніи отъ усталости и голода. Де-Преси еще держалъ въ рукахъ пистолеть, отнятый имъ у непріятельскаго кавалериста въ стычкѣ на шоссе Перрашъ, гдѣ онъ оражался какъ левъ. Дѣло это было горячее; подъ нимъ было убито двѣ лошади, и онъ имѣлъ счастье отбросить непріятельскую колонну, уже значительно подвинувшуюся впередъ по шоссе. Нѣсколько пуль коснулось и даже пробило его платье. Ахъ, отчего онъ не положилъ его тутъ же на мѣстѣ! Но нѣтъ! Зачѣмъ отнимать у него прекрасную смерть, ожидавшую его? — Вѣдь нужно гораздо болѣе мужества, чтобы съ достоинствомъ перенести смерть по приговору беззаконнаго судилища, чѣмъ встрѣтить ее въ бою, гдѣ она является съ ореоломъ славы.

Кусокъ плохаго хлѣба, немного ветчины—вотъ все, что мы могли ему предложить. А графъ Клермонъ-Тонерръ не могъ ничего ѣсть; онъ былъ раненъ пулей около горла и сильно страдалъ. По счастью, нашлось немного бульона, на-скоро подогрѣтаго; онъ проглотилъ его, какъ могъ. Оба тотчасъ же ушли и я ихъ болѣе никогда не видала.

Говорили, что молодой де-Преси прибылъ изъ арміи принца Конде, чтобы раздѣлить опасность съ своимъ дядей. Что же касается графа Клермонъ-Тонерра, то онъ также недавно прибылъ сюда, и рискуя жизнью, проникъ въ Лионъ, чтобы принять участіе въ борьбѣ лійонцевъ противъ революціоннаго войска. Въ короткое время, которое онъ провелъ среди насъ, я часто видала его у отца и не могу забыть одной сцены, когда неловкость слуги вызвала съ его стороны громкіе взрывы смѣха и чистосердечную веселость, которые еще увеличились отъ негодованія, обнаруженнаго моимъ отцомъ. Пользуясь свободной минутой, разъ какъ-то они съ отцемъ сѣли играть въ пикетъ, чтобы нѣсколько развлечься отъ мрачныхъ мыслей, въ комнатѣ, которую мы называли гостиною; какъ вдругъ раздался какой-то странный стукъ, за которымъ послѣдовало горестное восклицаніе. Отецъ мой, не зная, какъ это объяснить, тотчасъ всталъ посмотреть, что случилось; графъ, желая также узнать причину непонятнаго шума, изъ любопытства послѣдовалъ за нимъ и скоро воскликнулъ съ хохотомъ: „Какая чудесная личница! Право,

я отъ роду не видывалъ такой большой яичницы!“ И въ самомъ дѣлѣ, весь полъ кухни былъ покрытъ разбитыми яйцами—ни одного чистаго уголка, ни одного цѣлаго яичка!! „Семь съ половиною дюжинъ яицъ“, говорилъ горестно отецъ. „Весь нашъ запасъ! Вся наша надежда! Мы не ѣли ихъ, а все берегли, и неужели же только для того, чтобъ они пропали отъ вашей неловкости?“—Я очень сожалѣю объ этомъ, отвѣчалъ Сень-Жанъ, подметая желтки и бѣлки, — корзинка стояла тамъ, на верху; я хотѣлъ взять что-то и...—„И вы несносное, неуклюжее существо“, возразилъ взбѣшенный отецъ. „Ни одного не уцѣлѣло!“ прибавилъ онъ съ грустью. Графъ оторвалъ его наконецъ отъ печальнаго зрѣлища; они опять усѣлись за пиветъ, между тѣмъ какъ Сень-Жанъ все продолжалъ мести кухню, а графъ весело повторялъ: „Какая великодушная яичница!“ Надо пережить осаду, чтобы достойно оцѣнить значеніе семи съ половиною дюжинъ яицъ и понять, съ какимъ прискорбіемъ отецъ повторялъ про себя: „Ни одного не уцѣлѣло!“

Я уже сказала, что 29 сентября была произведена общая атака, которая продолжалась весь день. Къ вечеру мы услышали съ улицы голосъ отда и тотчасъ выбѣжали къ нему. „Собирайтесь посворѣй и ступайте въ городъ; я никому не хотѣлъ довѣрить передачу этого извѣстія, чтобы не увеличить общаго унынія. Мы не можемъ долго продержаться; непріятель безъ сомнѣнія овладѣетъ нашей позиціей въ эту же ночь; оставаясь здѣсь, вы могли бы сдѣлаться первымъ жертвой неистовства солдатъ. Прощайте, мы увидимся, если на то будетъ воля Божія!“

Мы не предвидѣли этого новаго горя. Исполняя волю отца, мы покинули Ирнейское предмѣстье слишкомъ огорченные, чтобы думать о ядрахъ и пуляхъ, свистѣвшихъ надъ нашими головами, и спустившись внизъ горы, мы вернулись въ свою прежнюю квартиру. Наше возвращеніе опечалило тѣхъ изъ нашихъ друзей, которые еще находились здѣсь, такъ какъ оно предвѣщало скорое паденіе Ліона и крушеніе всѣхъ нашихъ надеждъ.

Позиція у Ирнейскихъ воротъ была дѣйствительно одной изъ первыхъ, отбитыхъ непріателемъ; но редутъ, возведенный въ предмѣстьѣ Сень-Жюста, остановилъ еще его на нѣкоторое время.

Командантъ де-Пресъ, убѣдившись въ совершенной невозможности защищать городъ долѣе, рѣшилсѣ оставить его, надѣясь, вѣроятно, спасти мирныхъ гражданъ удаленіемъ изъ ихъ среды людей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ возстаніи. Поэтому онъ предложилъ всѣмъ, кто брался за оружіе, послѣдовать за нимъ, чтобы сообща укрыться отъ мести врага, которая, судя по всему, обѣщала быть весьма жестокой.

Двѣ многочисленныя колонны выступили изъ города; первая обязана своимъ спасеніемъ густому туману, покрывавшему Сону, вдоль лѣваго берега которой колонна подвигалась въ молчаніи. Она такимъ

же способомъ прошла ниже замка Дюшеръ, занятого непріятельскимъ гарнизономъ. Были приняты всевозможныя мѣры для избѣжанія наибѣйшаго шума, и эта колонна имѣла счастье пройти черезъ непріятельскіе посты и ускользнуть отъ ихъ длительности. Достигнувъ извѣстнаго отдаленія, отрядъ весь рассыпался; каждый старался прискочить себѣ безопасное убѣжище и многимъ это удалось. Вторая колонна выступила слишкомъ поздно; туманъ уже нѣсколько разсѣялся; пробили тревогу. Окруженный непріателемъ, весь отрядъ былъ уничтоженъ. Было множество убитыхъ, остальные были взяты въ плѣнъ, очень немногіе спаслись. Много женщинъ, которыя вѣроятно отчасти и способствовали гибели отряда, замедливъ и затруднивъ его движеніе, раздѣлили участь мужей своихъ, которыхъ не хотѣли покинуть; многія изъ нихъ погибли среди рѣзни, другія были отведены въ городскія тюрьмы. Я видѣла потомъ годоваго ребенка, котораго нянька несла за матерью, г-жей де-Комбель; въ этотъ кровавый день ударомъ сабли ему раскроили личико.

Отецъ мой, призванный на совѣтъ, въ которомъ обсуждался вопросъ о выходѣ войска изъ города, отказался послѣдовать за нимъ. Онъ предвидѣлъ, что женщины, замедляя движеніе отряда, подвергнутъ его гибели; не имѣя возможности увести насъ съ собою, онъ остался съ нами. Какъ я сказала выше, Иринеискія ворота были заняты непріателемъ; но позиція у Сенъ-Жюста еще держалась. Отецъ мой, который не командовалъ тамъ, вернулся къ намъ домой, не имѣя теперь иной обязанности, кромѣ нашей защиты. Онъ считалъ болѣе безопаснымъ оставить прежнюю квартиру при таможи и отыскать такую, гдѣ бы насъ менѣе знали, ибо можно было предвидѣть, что всякій, кто брался за оружіе, подвергнется жестокой карѣ. Отецъ нашелъ помѣщеніе въ бывшей гостинницѣ Провансъ, близъ площади Белькуръ. Онъ не безъ намѣренія избралъ именно этотъ домъ, смежный съ домомъ Общественнаго Призрѣнія. Онъ думалъ, что убѣжище бѣдныхъ и сиротъ будетъ пощажено побѣдителями. Мы отправились къ монахинямъ, завѣдывавшимъ этимъ приютомъ, которыя обѣщали намъ дать платье своихъ бѣдныхъ и мѣсто среди нихъ въ случаѣ рѣзни. Доброта, съ какою эти благочестивыя сестры приняли насъ, была намъ очень дорога въ нашемъ несчастномъ положеніи. Утѣшая насъ, онѣ подавали надежду, что мы спасемся отъ смерти, казавшейся намъ неизбѣжной.

Онѣ провели насъ по обширнымъ покоямъ больныхъ. Я видѣла палату раненыхъ. Какая тишина! Какое спокойствіе! Они страдали безъ одной жалобы; между тѣмъ, имъ недоставало многого, необходимаго въ ихъ положеніи. Монахини старались вознаградить ихъ удвоенными заботами. Несчастные! имъ не суждено было выздоровѣть! По взятіи города сдѣлали имъ осмотръ; всѣ тѣ, на которыхъ замѣтны были слѣды огнестрѣльнаго оружія, или иныхъ ранъ, получен-

ныхъ въ бою, всё были вырваны изъ постелей, объявлены мятежниками и преданы суду.

Въ палатѣ для младенцевъ у многихъ не было кормилицъ, потому что осада города мѣшала женщинамъ окрестныхъ селъ разбираться дѣтей. Единственная кормилица во всемъ пріютѣ предалась вся безраздѣльно одному изъ этихъ маленькихъ жалкихъ существъ, крайняя слабость котораго требовала исключительнаго ухода. Одна единственная корова, оставшаяся отъ общаго истребленія, питала и поддерживала остальныхъ дѣтей. Было еще нѣсколько палатъ, гдѣ старость и дѣтство находили одинаковую помощь; одни—чтобы начать свой жизненный путь, другіе,—чтобы покончить его безмятежно. Среди мира и тишины этого пріюта душа отдыхала отъ усталости и волненій нашей жизни за послѣднее время. Возвращаясь въ свою гостинницу, я чуть не погибла отъ осколка граваты: услыша свистъ, я нагнулась; она ударилась объ стѣну какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я прижалась; все это произошло съ быстротою мысли. Такого рода опасность возобновлялась ежеминутно; наконецъ являлась какая-то безпечность, которую можно только объяснить способностью чловѣка во всему привыкнуть. Мы выходили изъ дому, несмотря на постоянную опасность, и я помню, какъ одинъ разъ въ то время, какъ мы были у г-жи де-Верид, жившей въ одномъ изъ домовъ, выходящихъ на площадь Белькуръ, ей пришла сказать, что бомба зажгла сосѣдній домъ, принадлежавшій ей. „Есть тамъ кто нибудь, чтобъ тушить огонь?“ — Да, сударыня!— „Хорошо.“ —И обратившись къ намъ, она продолжала прерванный разговоръ. Каждую минуту вы слышали о смерти кого нибудь изъ вашихъ знакомыхъ, которыхъ направо и налево уносили бомбы и ихъ осколки. Всё находились въ какомъ-то вихрѣ, въ водоворотѣ случайностей, столь неожиданныхъ, столь быстро смѣнявшихся, что всякій жилъ только настоящей минутой, не имѣя времени размышлять. Смерть дѣлала опустошенія рядомъ съ вами, на вашихъ глазахъ; она носилась надъ вашей головой; чувствовалось ея вѣніе, ея приближеніе, и никто не старался избѣжать ея, отдаваясь теченію.

Городъ послалъ депутацію къ членамъ Конвента, чтобъ вступить въ переговоры съ ними насчетъ капитуляціи; говорятъ, что они уже были готовы ее подписать, когда было получено извѣстіе о выступленіи г. де Преси. Депутаты разорвали капитуляцію; другіе же разсказывали, что условія были подписаны, но ихъ не сдержали. Разница не велика; договорныя условія только тогда существенны, когда есть намѣреніе ихъ исполнить. Дюбуа-Крансѣ, Шатонѣфъ-Рандонъ, Ляпортъ, Кутонъ и всё остальные были способны все обѣщать, не считая себя обязанными ни къ чему.

Я до сихъ поръ не назвала начальника непріятельской артиллеріи,— то былъ нашъ другъ, нашъ добрый другъ Геріо, пославшій намъ такіа чудесныя бомбы съ полнымъ сознаниемъ своего искусства. Послѣ 29 сентября онъ получилъ приказъ отправиться съ артиллеріей въ

Гренобль. Я думаю даже, что вмѣстѣ съ отбытіемъ артиллерійскаго парка Лионъ лишился драгоцѣнныхъ для него военныхъ припасовъ. Жена смотрителя арсенала осталась на мѣстѣ, несмотря на то, что ея мужъ послѣдовалъ за своимъ начальникомъ. Моему отцу пришло въ голову посѣтить ее и разузнать, имѣетъ ли она какія нибудь извѣстія отъ мужа. Домикъ, занимаемый ею при арсеналѣ, былъ одинъ изъ трехъ павильоновъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Она посоветовала отцу поселиться просто у нея.— „Какъ только станетъ возможно войти въ городъ“, сказала она, „мужъ мой одинъ изъ первыхъ посѣтитъ сюда. Это жилище конечно оставить въ покоѣ, и здѣсь вы будете имѣть болѣе возможности, чѣмъ гдѣ бы то ни было, укрыться, или уведомить вашего друга о грозящей вамъ опасности“.

Находя такое сужденіе вполне справедливымъ, отецъ оставилъ прежній свой планъ—укрыться среди бѣдныхъ въ домѣ Общественнаго Призрѣнія. Въ этотъ же вечеръ мы перебрались и помѣстились въ маленькой квартирѣ г-на Геріо.

На другой день утромъ (9 октября 1793 года), я взглянула въ окно; совершенно новое зрѣлище поразило мои взоры: то былъ чело-вѣкъ, везшій тачку, нагруженную масломъ и птицей. „Такъ городъ взять?“ воскликнула я. Дѣйствительно, городъ былъ въ рукахъ непріятеля. Порядокъ былъ нарушенъ только въ кварталахъ, близкихъ къ городскимъ воротамъ. Центръ города не ощущалъ еще присутствія враговъ. Мало-по-малу мы стали замѣчать, какъ число новыхъ лицъ прибывало, и вскорѣ не осталось болѣе никакого сомнѣнія относительно исхода этой доблестной борьбы. Сила взяла верхъ надъ справедливостію!

ГЛАВА VII.

Отецъ мой скрывается въ городъ.—Великодушіе г. Геріо.—Молодой де-Преси схваченъ и расстрѣлянъ вмѣстѣ съ графомъ Клермонъ-Тонерръ.—Обыски въ домахъ.—Бѣгство отца въ Везъ.

Послѣ того какъ городъ былъ взятъ, каждый очутился какъ-то изолированнымъ, словно выдѣленнымъ изъ этой массы людей, еще такъ недавно проникнутыхъ однимъ духомъ, когда втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ чувствовали себя членами единой общины, когда всѣ сердца бились любовью къ ней и желаніемъ ей служить; когда всѣ интересы сливались въ одно, и каждый не колеблясь жертвовалъ своею жизнью и имуществомъ, чтобы возвратить своей несчастной родинѣ самыя драгоцѣнныя блага—миръ и благоразумную свободу.

Отец мой, какъ и всѣ остальные, былъ предоставленъ самому себѣ; но онъ вмѣстѣ съ другими рассчитывалъ на нѣкоторую отсрочку; между тѣмъ раздававшіеся въ нашихъ ушахъ слова: „Городъ взятъ!“ навели на всѣхъ ужасъ какъ бы неожиданной новости; всѣ пали духомъ, объятые страхомъ передъ близкой опасностью и не имѣя никакихъ средствъ избѣжать ея. Задуманные прежде планы вдругъ показались въ эту минуту неудовлетворительными, или невозможными для исполненія. Отецъ оставилъ въ гостинницѣ, откуда мы выѣхали наканунѣ, кое-какія вещи, которыя онъ довѣрилъ коваину, но вспомнилъ тутъ-же, что между этими вещами находились важныя бумаги, которыя ему необходимо было взять какъ можно скорѣе, и такъ какъ ему самому нельзя было показываться, а тетушка ходила пѣшкомъ съ большимъ трудомъ, то было рѣшено, что за этими бумагами отправлюсь я въ сопровожденіи горничной. Можетъ показаться удивительнымъ, что въ такую минуту могли выпустить меня изъ дому, и я сама объясняю это только важностью этихъ бумагъ, которыя отецъ желалъ сохранить при себѣ.

Правда, разстояніе было очень небольшое, и къ тому же надѣялись, что я успѣю вернуться до вступленія непріятельскаго войска въ городъ.

Я послѣдила исполнить данное мнѣ порученіе и возвратилась благополучно. Но я уже видѣла по дорогѣ множество народа и на углу одной улицы меня остановилъ какой-то толстякъ, красный какъ ракъ, очень веселый и очень пьяный; онъ схватилъ меня за локоть съ восклицаніемъ: „Боже мой, что за крошечная рука! Какъ ты худая! Бѣдная малютка, ты вѣрно очень сильно голодала во время осады; ты вѣрно не получала даже своей порціи овса ¹⁾. Что за руки! Я никогда не видывалъ такихъ худыхъ рукъ!“ Я находилась въ очень непріятномъ положеніи. Какъ ни старалась я выдернуть свою маленькую руку, это мнѣ никакъ не удавалось—онъ держалъ ее крѣпко. На его возгласы народъ столпился вокругъ насъ, всѣ смѣялись; сдѣлавшись вдругъ предметомъ любопытныхъ и насмѣшливыхъ взоровъ, я сильно страдала. Наконецъ, когда мой толстякъ поднялъ свои руки къ небу, выражая тѣмъ жалость къ моей худобѣ, я воспользовалась этимъ, чтобъ убѣжать, и думаю, что онъ не старался удержать меня, предполагая, вѣроятно, что я шла обѣдать. А я между тѣмъ бѣжала изо всѣхъ силъ, надали все еще слыша его восклицанія: „Боже мой, какая крошечная ручка!“

Когда я вернулась, арсеналъ былъ уже занятъ. Сюда прибыло уже нѣсколько пушекъ. Только что возвратившійся г. Лежѣ обнималъ свою жену; въ эту минуту Бельшанъ, секретарь г. Геріо, слѣ-

¹⁾ Picotin d'avoine, очень маленькая мѣра овса, выдававшаяся во время осады на человека. Вмѣстѣ съ этимъ выдавалось немного постнаго масла для приправы этого овса, или же сухихъ плодовъ, изюму, миндаля—что было. Прим. авт.

залъ съ лошади. Оба они были тотчасъ призваны на совѣтъ, какимъ образомъ вывести моего отца изъ затруднительнаго положенія. Совѣтъ Бельшана взялъ верхъ. „Нужно—говорилъ онъ—пользоваться всеобщимъ смятеніемъ; въ настоящую минуту народъ входитъ и выходитъ изъ города толпами; воспользуемся этимъ немедленно; прикрѣпите этотъ значекъ на свою шляпу, садитесь на мою лошадь; я пойду рядомъ съ вами и буду говорить за васъ; насъ пропустить; я прямо проведу васъ въ главную квартиру; тамъ васъ никто не знаетъ, да вдобавокъ, кому придетъ въ голову, что неприятель можетъ явиться туда для того, чтобъ лучше укрыться? Вдемъ; если вы дождетесь, что порядокъ восстановится, тогда будетъ уже невозможно вывести васъ изъ города.“

Время не терпѣло. Отецъ поѣхалъ. Какъ сжалось у насъ сердце, когда онъ удалился! Онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы укрыться среди нашихъ враговъ. Мы начинали испытывать особаго рода мучительную тревогу, которая съ этой минуты преслѣдовала насъ постоянно—страхъ за дорогое намъ существо. Пропустятъ ли его? Не будетъ ли онъ узнатъ? Примутъ ли его?—Его пропустили, мы получили извѣстіе о его прибытіи на мѣсто; послѣ этого мы немедленно оставили арсеналъ и переѣхали на свою первую квартиру, на площади Старой Таможни.

Отважный поступокъ моего отца конечно подвергалъ опасности и его самого, и того, къ кому онъ отправился, но раздумывать было некогда. Черезъ нѣсколько дней, сколько именно—не помню, отецъ снова вернулся къ намъ. Главную квартиру переносили въ городъ. Не зная, куда дѣваться, не имѣя знакомыхъ, отцу не оставалось ничего другаго, какъ вступить въ городъ вмѣстѣ съ офицерами, которые, видя его ежедневно за столомъ своего начальника, не могли и подозрѣвать, чтобы врагъ дерзнулъ садиться рядомъ съ ними и такимъ образомъ укрываться среди нихъ.

Здѣсь я считаю долгомъ выразить живѣйшую благодарность великодушію г. Геріо, этого добраго и благодѣтельнаго человѣка, котораго въ то время обвиняли въ слабости многія лица, не могшія и сравниться съ нимъ ни по мужеству, ни по душевнымъ качествамъ ¹⁾.

„Онъ не захотѣлъ эмигрировать!“ восклицали со всѣхъ сторонъ приверженцы эмиграціи; но, оставаясь въ своей странѣ, онъ принималъ положеніе еще болѣе затруднительное. Кто же можетъ сравнить бѣдствія эмигрантовъ съ тѣми, какія породилъ терроръ, царствовавшій надъ Франціей? Онъ остался съ тѣмъ, чтобы оберегать жену и дочь, и старался по возможности примирить свой долгъ война съ обязанностями мужа и отца. Попавши на этотъ опасный

¹⁾ Кто не жилъ въ тѣ времена, не можетъ вообразить себѣ ожесточенія, съ какими крайніе (ultras) преслѣдовали тѣхъ, которые противились вошедшей въ моду эмиграціи; это доходило до того, что у нихъ отнимали право считаться честнымъ человѣкомъ, упуская изъ виду, что удаленіе всѣхъ порядочныхъ людей оставило свободное поприще для людей другаго рода.

путь, приходилось слѣдовать по немъ далѣе, или погибнуть; малѣйшая неосторожность могла повести его на эшафотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и два столь дорогихъ ему существа. Принужденный силою обстоятельствъ имѣть дѣло съ людьми, чьи взгляды онъ не могъ раздѣлять и чьи принципы возмущали его благородную душу, онъ долженъ былъ много перестрадать! Въ награду за такія жертвы ему удалось многимъ спасти жизнь. Мнѣ пріятно отдать справедливую дань истинѣ и говорить обо всемъ, что онъ для насъ сдѣлалъ. Благодарность наша будетъ вѣчная,—она должна быть вѣчной относительно всѣхъ тѣхъ, которые, рискуя своимъ положеніемъ, спокойствіемъ и—сказать ли?—даже своею репутациею, стояли такъ близко къ нашимъ притѣснителямъ, потому что только этой дорогой цѣной и могли спасти своихъ согражданъ. Когда г. де-Геріо открыто сажалъ у себя за столомъ непріятельскаго офицера, безъ сомнѣнія первый доносчикъ могъ его погубить, и однако онъ имѣлъ эту, достойную удивленія, смѣлость. Онъ давалъ служебныя порученія, снабжалъ мундиромъ, готовъ былъ все сдѣлать, чтобы спасти человѣка отъ смерти. Передъ такой отвагой остановились бы многие, пользовавшіеся репутациею неустрашимыхъ.

Въ первые дни по взятіи города, тетушка моя отправилась со мною къ Дюбуа-Крансѣ, который былъ въ отдаленномъ родствѣ съ моею матерью. Это обстоятельство или, скорѣе, случай доставилъ мнѣ доступъ къ нему. Этотъ Дюбуа-Крансѣ сказалъ: „Для меня нѣтъ родныхъ“. Я представила ему записку, содержанія которой уже не помню теперь, но въ которой, вѣроятно, просила его покровительства. Что меня болѣе всего поразило при этомъ посѣщеніи—это онъ самъ. Онъ показался мнѣ очень высокаго роста; его черные волосы были коротко острижены à la Titus. Онъ брился и передъ нимъ держали великолѣпный серебряный тазъ. „Вотъ какъ—подумала я—эти господа представители народа присваиваютъ себѣ въ собственность серебро, которое отбираютъ у нашихъ родителей“. Увѣряли, будто его настоящая жена находилась въ Шампань, гдѣ она жила небольшою пенсіею. Прелестная женщина, которую онъ здѣсь выдавалъ за свою жену, привала насъ очень любезно. Мы присѣли въ ожиданіи, когда кончится туалетъ Дюбуа-Крансѣ. По окончаніи его, онъ подошелъ ко мнѣ, и вотъ его слова: „Кто ты?“—Тетушка объяснила ему и мое родство, и предметъ моей просьбы. „Ты совсѣмъ еще дитя“, сказалъ онъ мнѣ, „но ты имѣешь видъ аристократки; знаешь ли ты, что я привожу въ трепеть всѣхъ аристократовъ?“—Нельзя было отвѣчать на эту тщеславную выходку, или злую шутку, которая, впрочемъ, не привела меня въ трепеть. Онъ прочелъ прошеніе, отвѣтилъ, что не имѣетъ здѣсь болѣе власти, такъ какъ Конвентъ отзываетъ его назадъ. Мы удалились, но совсѣмъ не такъ, какъ пришли сюда; крайней мѣрѣ, я чувствовала себя глубоко униженной тѣмъ, что должна была явиться просительницей къ такому лицу. Въ душѣ я обвиняла тетушку въ слабости за то, что она обратилась съ просьбой къ чело-

вѣку, который внушилъ мнѣ одно презрѣніе. Бесплодность этого обращенія повидимому подтверждала мой взглядъ. А между тѣмъ, чего не сдѣлаешь, чтобы спасти тѣхъ, кто намъ дорогъ! Последующая жизнь научила меня какъ милостыни просить защиты и покровительства у людей гораздо ниже Дюбуа-Крансе!

Отецъ мой жилъ съ нами въ совершенномъ уединеніи, укрываясь отъ всѣхъ взоровъ. Графъ де-Клермонъ-Тонерръ былъ растрѣлянъ на площади Белькуръ, спустя нѣсколько дней по вступленіи осаждавшаго войска въ городъ. Рассказывали, будто, переодѣтый крестьяниномъ, онъ выбрался за городъ и уже совсѣмъ было спасся отъ преслѣдованія враговъ; онъ укрывся на ночь въ ригѣ, гдѣ также пріютились на ночлегъ нѣсколько волонтеровъ; измученный и усталый, онъ скоро заснулъ и, громко говоря во снѣ, выдалъ себя; его тотчасъ арестовали, привали въ Ліонъ, гдѣ скоро съ нимъ покончили. Казнь его, за которой быстро послѣдовало нѣсколько другихъ, показала намъ, чего можно было ожидать со стороны нашихъ новыхъ повелителей, и распространился ужасъ среди всѣхъ тѣхъ, кто скрывался въ городѣ. Казненные всѣ до одного умерли съ мужествомъ, и какъ нѣкогда изъ устъ въ уста переходилъ рассказъ о дѣяніяхъ мучениковъ, такъ теперь люди, преданные погибшимъ, въ сумерки шепотомъ, рассказывали другъ другу о славной смерти этихъ героевъ. Племянникъ коменданта де-Преси занималъ между ними видное мѣсто. Находясь во 2-мъ ліонскомъ отрядѣ, который при вступленіи былъ окруженъ и изрубленъ неприятелемъ, онъ попалъ въ число плѣнныхъ, приведенныхъ въ городъ и брошенныхъ въ тюрьму. Такъ какъ онъ не имѣлъ никакого внѣшняго знака отличія, который выдѣлялъ бы его изъ общей толпы, и былъ неизвѣстенъ своимъ гонителямъ, то его уже готовы были выпустить на свободу подъ вымышленнымъ именемъ, имъ присвоеннымъ,—когда его выдалъ секретарь его дяди, въ надеждѣ спасти собственную жизнь замѣнивъ той, которую предалъ. Юный де-Преси былъ немедленно приговоренъ къ смерти и тотчасъ же отведенъ на площадь Белькуръ, чтобы быть разстрѣляннымъ. Онъ не допустилъ завязать себѣ глаза и упалъ съ словами: „Да здравствуетъ король!“ Предатель же его получилъ награду, достойную предателя,—только смерть его была безславная.

Втеченіе нѣсколькихъ дней число арестовъ быстро увеличилось, а за арестами слѣдовали казни. Тѣ, которые еще оставались въ городѣ, равно какъ и тѣ, которыхъ нужда принудила вернуться въ него, ежедневно ожидали и себѣ подобной же участи. Но какъ бѣжать? Кому довериться? Наконецъ, куда направиться? Въ то время, какъ отецъ задавалъ себѣ эти вопросы, не находя на нихъ никакого отвѣта и полагая свои надежды на завтрашній день, къ намъ среди ночи неожиданно явились изъ нашего участка съ обыскомъ. Избѣжать его не было никакой возможности. Лучше всего въ этомъ случаѣ было имѣть видъ сповойный. Отецъ оставался въ своей постели,

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Оъ рѣдкаго гравированнаго портрета Галактіонова, рѣв. на деревѣ
Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2

ЖЕНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ И ЕГО, ПРОТИВНИКИ ¹⁾.

VI.

— „Мы нынче остаемся овцы без пастыря“,—говорили русскіе патриоты, близко стоявшіе, въ кратковременное и фиктивное царствованіе младенца-императора Іоанна III, къ печальнымъ событіямъ, разыгравшимся въ Петербургѣ послѣ смерти Анны Ивановны.

Никогда не чувствовалось съ бѣльшей наглядностью безотрадное положеніе правительства, остающагося безъ твердой руководящей власти, въ лицѣ верховнаго авторитета. Никогда съ бѣльшей яркостью не изобличались безсиліе и неспособность женскихъ рукъ справиться съ этой властью, какъ это мы видимъ на примѣрѣ несчастной Анны Леопольдовны.

Если русскіе люди жаловались въ это время на свое сиротство, то еще бѣлье беззащитной сиротою должна была себя чувствовать въ пышныхъ дворцовыхъ палатахъ сама правительница Россіи у колыбели своего сына—младенца императора, скипетръ котораго она взялась сберечь и поддержать на должной высотѣ до его совершеннолѣтія.

Кроткая и безхарактерная, легкомысленная и бездѣтельная, Анна Леопольдовна дѣлается безучастнымъ игралищемъ интригъ и происковъ временщиковъ и дипломатовъ.

Кстати замѣтить, что въ то время, какъ наши домашніе честолюбцы и „прегордые Голиафы“ содѣйствовали воцаренію женщинъ и

¹⁾ Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VII, стр. 257.

„Истор. вѣстн.“, годъ III, томъ VII.

оберегали ихъ на престолѣ въ личномъ разчетѣ пользоваться ихъ слабостью, на эту же слабость закидывала сѣти политическихъ интригъ и иностранная дипломатія. Неразборчивые въ средствахъ политики, имѣвшіе сношенія съ петербургскимъ кабинетомъ, въ числѣ другихъ шансовъ на выигрышъ своихъ „факцій“ ставили на первый планъ эксплуатацію тѣхъ отрицательныхъ особенностей женской личности, присутствіе которыхъ они предполагали почему либо въ особахъ государынь. Хорошо извѣстны вліяніе и участіе, оказанныя иностранной дипломатіей на рѣшимость Елизаветы Петровны произвести переворотъ, послѣдствіемъ котораго было ея воцареніе. Извѣстно также, что въ этомъ случаѣ предприимчивые дипломаты руководились не какой нибудь безкорыстной рыцарской преданностью къ дочери Петра Великаго, а прямо и весьма безцеремонно старались этимъ способомъ опутать ея волю, воспользоваться ея женскою, какъ казалось, податливостью и недалекостью для обдѣлыванія своихъ политическихъ миссій, хотя бы и въ ущербъ интересамъ Россіи.

Такая же точно игра имѣла мѣсто и въ дни правленія Анны Леопольдовны. Объ этомъ довольно цинически повѣствуетъ намъ въ своихъ запискахъ король-философъ Фридрихъ II, воплотивъ раздѣлявшій, какъ извѣстно, презрительный, въ домостроевскомъ духѣ, взглядъ на женщину. По его словамъ, король польскій, желая разстроить союзъ Россіи съ Пруссіей во время правленія Анны Леопольдовны, нарочно съ этой цѣлью „послалъ въ Петербургъ красавца графа Линара“. Тонкій или, правильнѣе сказать, крайне грубый разсчетъ на женскую чувствительность оправдался.

„Этотъ министръ—писеть Фридрихъ—полюбился правительницѣ Россіи, а какъ сердечныя страсти имѣютъ вліяніе на доводы разсудка, то правительница скоро сблизилась съ польскимъ королемъ. Страсть эта могла сдѣлаться столь же гибельною для Пруссіи, какъ любовь Париса къ прекрасной Еленѣ для Трои“...

Но, по мнѣнію Фридриха, страсть эта если не погубила Пруссіи, зато была роковою для самой Анны Леопольдовны, такъ какъ правительница „сдѣлалась ненавистною (русскимъ) вслѣдствіе своей связи съ иностранцемъ“, и по этой причинѣ была свергнута.

Это, положимъ, несовсѣмъ вѣрно; но для насъ важна эта цитата, наряду съ другими однородными указаніями, въ смыслѣ свидѣтельства того, какъ относились современные политики къ женскому правленію и источникомъ какихъ чисто-специфическихъ интригъ и комбинацій оно служило въ тѣ времена. Все это подтверждаетъ только высказанное нами ранѣе замѣчаніе о присутствіи въ нашей исторіи прошлого вѣка тѣхъ совершенно особенныхъ, многообразныхъ и весьма важныхъ вліяній и обстоятельствъ, которыя являлись прямымъ послѣдствіемъ фигурированія женщинъ на русскомъ престолѣ.

Анна Леопольдовна пала не вслѣдствіе своей связи съ Линаромъ, какъ думалъ Фридрихъ, а потому, что она, въ своемъ женскомъ без-

силѣи, была совершенно одинока и беззащитна отъ всякихъ случайностей и смѣлыхъ покушеній на выпадавшій изъ ея рукъ скипетръ. На несчастіе, ей не на кого было опереться, кто бы, въ интересѣ ея самой и ея сына, помогъ ей выполнить, хотя бы вѣншиимъ образомъ, трудную роль правительницы, руководилъ бы ея дѣйствіями и, главное, оберегъ отъ возможности той трагической катастрофы, которая постигла ее и ея семью.

Мужъ правительницы, принцъ брауншвейгскій, былъ человѣкъ ничтожный и, кромѣ того, она съ нимъ не ладила. Всѣ ея симпатіи принадлежали фавориту, вышепомянутому Линару, и фрейлингъ, нѣмкѣ Менгденъ,—личностямъ тоже ординарнымъ, безъизвѣстнымъ и не имѣвшимъ никакихъ связей, никакого вліянія и значенія въ русскомъ обществѣ. Предоставленная, такимъ образомъ, самой себѣ, она пассивно подчиняется временщикамъ, попеременно смѣняющимъ другъ друга, независимо отъ ея воли и личнаго къ нимъ расположенія. Отъ разнузданнаго самовластія Вирона избавляетъ ее Минихъ; подъ Миниха, въ свою очередь, подкапывается Остерманъ и исподволь забираетъ въ свои руки всю государственную власть въ такой степени, что иностранные дипломаты уподобляютъ его самодержавному русскому царю. Анна Леопольдовна одинаково не любитъ ни Миниха, ни Остермана, но и не оказываетъ никому изъ нихъ серьезнаго противодѣйствія въ ихъ честолюбивыхъ замыслахъ. Старые властолюбцы ведутъ борьбу между собою изъ-за преобладанія и только другъ въ другъ видятъ помѣху для достиженія своей цѣли, какъ если бы выше ихъ никого не было. Личность правительницы они ставятъ ни во что и смотрятъ на нее лишь какъ на орудіе, какъ на слабую женщину, отъ имени которой можно дѣлать что угодно.

У Анны Леопольдовны нѣтъ своихъ людей ни въ обществѣ, ни въ гвардіи. Она непопулярна. Между тѣмъ, нѣмцы, ставшіе ненавистными во время Бироновщины, продолжаютъ попрежнему властвовать и заправлять всѣми дѣлами. Это возбуждаетъ ропотъ. Недовольные жалуются, что жить стало хуже, чѣмъ даже во время Бироновщины, потому что тогда былъ хотя порядокъ, а теперь „много неурядковъ происходитъ“. Въ довершеніе неудовольствія, забираетъ силу фаворитъ, и—опять нѣмецъ, совершенно чужой Россіи. Является опасеніе, какъ-бы изъ него не сформировался новый Виронъ. И на то похоже, потому что правительница—женщина, да и женщина самая заурядная, неспособная, и во всѣхъ отношеніяхъ такая, которой все не по рукамъ государева держава.

Словомъ, русскіе люди почувствовали себя болѣе чѣмъ когда нибудь „овцами безъ пастыря.“ Естественно, что при такомъ печальномъ положеніи вещей явилось желаніе увидѣть пастырскій жезлъ въ болѣе твердыхъ и умѣлыхъ рукахъ, и кто бы отважился, опираясь на какія нибудь права, придти и взять его, тому онъ не трудно дос-

тался бы. Для претендентовъ удобный случай самъ собой напрашивался—и имъ воспользовались, благо опытъ былъ готовый...

Съ удивленіемъ читаешь теперь, какъ легко смотрѣли тогдашніе политики на дворцовые перевороты и на насильственную смѣну одного представителя верховной власти другимъ! Такіе перевороты считались чѣмъ-то обыкновеннымъ и входили въ задачи дипломатовъ, какъ легко достижимая, весьма простая политическая миссія. Напримѣръ, марквизу Шетарди его правительство просто предписывало—свергнуть въ Россіи „нѣмецкое правительство,“ съ Анной Леопольдовной во главѣ, и возвести на престолъ Елизавету Петровну... Когда же это случилось, ловкій марквизъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что это дѣло рукъ его и—ничьихъ болѣе.

Есть предположеніе, что такимъ же рѣшателемъ судебъ русскаго престола считалъ себя тогда и Минихъ. Рассказываютъ, что однажды Минихъ, уже разочарованный въ Аннѣ Леопольдовнѣ, явился къ Елизаветѣ Петровнѣ, упалъ къ ея ногамъ и выразилъ готовность свершить все, что бы она ни повелѣла.

— Ты тотъ, который корону даешь, кому хочешь, — возразила, какъ говорятъ, цесаревна. — Я оную и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу!

Да, Елизаветѣ Петровнѣ не было нужды, для полученія короны, въ помощи ни французскихъ дипломатовъ, ни русскихъ нѣмцевъ; но несомнѣнно, однако, что безъ подстрекательства марквиза Шетарди съ братіей она не скоро рѣшилась бы на переворотъ и что, съ другой стороны, лицами, помогавшими ей взойти на престолъ, опять таки двигалъ тотъ же эгоистическій расчетъ на эксплуатацію женской слабости, которымъ руководились, какъ мы знаемъ, и князь Меншиковъ, при воцареніи Екатерины I, и верховники, при избраніи Анны Ивановны.

Расчетъ этотъ, впрочемъ, менѣе всего могъ теперь оправдаться, потому что вступленіе на престолъ Елизаветы отбѣчало желаніямъ большинства русскаго общества и особенно гвардіи, которая играла такую рѣшительную, подавляющую роль во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ прошлаго столѣтія. Соловьевъ основательно замѣтилъ, что „во вступленіи на престолъ Елизаветы выразилось народное движеніе, направленное противъ преобладанія иноземцевъ, утвердившагося въ два послѣднія царствованія.“ А движеніе это дошло тогда до крайней заостренности и одушевляло всѣхъ, начиная съ высшаго духовенства, которое теперь вляло иноземцевъ въ проповѣдяхъ, какъ „эmissаріевъ дьявольскихъ,“ и кончая чернью и солдатчиной, порывавшихся „бить нѣмцевъ“ и выразившихъ, напр., ропотъ, когда приговореннымъ къ смертной казни Миниху, Остерману и другимъ коноводамъ нѣмецкой партіи было даровано помилованіе.

Движенію этому нужно было знамя, нужно было руководящее лицо, совѣщавшее въ себѣ противоположное, симпатичное массѣ, націо-

нальное начало. Такимъ лицомъ была тогда и такое знамя могла смѣло взять въ руки одна только Елизавета Петровна, какъ женщина вполне русская — дочь русскаго царя, сама перенесшая немало притѣсненій и гоненій отъ нѣмецкой партіи. Это хорошо было понято новой царницей, и ея вступленію на престолъ придали именно значеніе низверженія нѣмцевъ въ Россіи и торжества русской народности.

„Приде, о Россіи, твоего благополучія твердое и непоколебимое основаніе, приде крайне частыхъ и весьма вредительныхъ переменъ твоихъ окончаніе и разореніе; приде тишина твоя, благосостояніе и прочихъ желаній твоихъ несомнѣнная надежда!“ — привѣтствовалъ Елизавету въ Москвѣ, предъ коронаціей, новгородскій архіепископъ Амвросій, знаменитѣйшій проповѣдникъ своего времени, и въ его словахъ несомнѣнно выражалось настроеніе большинства русскаго общества, видѣвшаго въ воцареніи Елизаветы свое освобожденіе отъ нѣмецкой олигархіи.

Въ этомъ отношеніи, вообще, переворотъ былъ явленіемъ естественнымъ, органически вытекавшимъ изъ даннаго положенія вещей. Что же касается юридической законности, то съ нею, конечно, не поцеремонились и ея нарушеніе было очевидно. Манифестъ, изданный по воцареніи Елизаветы Петровны, старался оправдать это нарушеніе весьма своеобразнымъ оборотомъ, не останавливаясь передъ натяжками. Въ немъ перевороту придано значеніе восстановленія права, поправнаго двумя предшествовавшими царствованіями, которыя манифестъ вычеркивалъ и рѣзко осуждалъ, какъ незаконныя и узурпаторскія. Выходило такъ, какъ если бы народъ измѣнилъ своей прамой, легальной династіи (колѣну Петра Великаго) и сознательно подчинился неправо и насильственно вступившимъ на царство узурпаторамъ. Но, конечно, обвинить въ этомъ народъ было нельзя и не политично, — обвинили во всемъ нѣмцевъ и, главнымъ образомъ, Остермана, который будто бы, по коварству, перевернулъ весь законный порядокъ престолонаслѣдія и произвольно распорядился, по своему усмотрѣнію, и короной, и волей народной.

Это была даже болѣе чѣмъ натяжка, но для горячей минуты она годилась и сошла тѣмъ глаже, что въ основаніи своемъ была направлена противъ ненавистныхъ нѣмцевъ.

Остермана обвинили въ томъ, что онъ скрылъ завѣщаніе Екатерины I, по которому престолъ долженъ былъ перейти, въ случаѣ кончины Петра II, къ потомству Петра Великаго, обходя старшую линію династіи — царя Іоанна Алексѣевича. Съ точки зрѣнія этого-то завѣщанія, царствованія Анны Ивановны и Іоанна III и были представлены незаконными. Теперь въ восстановленіи силы завѣщанія видѣли торжество поправнаго права; но и тутъ безъ натяжекъ и искаженій не обошлось.

По смыслу екатерининскаго завѣщанія, при избраніи наслѣдника престола слѣдовало отдать безусловное предпочтеніе лицамъ муже-

скаго пола, и только если бы ихъ вовсе не оказалось въ роду, скипетръ поступаетъ въ женскія руки по старшинству. На этомъ основаніи, если бы заботились о точномъ выполненіи вошедшаго въ силу государственнаго акта, на престолъ долженъ былъ вступить, бесспорно, молодой герцогъ голштинскій (будущій Петръ III), какъ сынъ старшей дочери Петра Великаго и какъ единственное лицо мужскаго пола въ семействѣ; но въ суматохѣ переворота и въ понятномъ влеченіи къ власти и царскому вѣнцу объ этомъ забыли. Однако жъ обойти герцога было невозможно, да потомъ, когда воцареніе Елизаветы стало совершившимся фактомъ, и обходить его не было ни расчета, ни надобности.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ рядомъ обстоятельствъ, раскрывающихъ сущность господствовавшаго тогда взгляда на различіе правъ лицъ мужскаго и женскаго пола на престолъ. Опять ощутительно проступаетъ передъ нашими глазами, въ различныхъ проявленіяхъ, непреклонное общее сознаніе, что фигурированіе женщины на престолъ—дѣло ненормальное, случайное, съ которымъ можно мириться только по крайней необходимости. Всего замѣчательнѣе, что это сознаніе раздѣляется инстинктивно, а иногда и съ совершенной ясностью, самими государынями и не даетъ имъ покою. И онѣ сами, даже во время полной обезпеченности и прочности своей власти, и ихъ современники—люди различныхъ слоевъ—нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнить объ этой, въ ихъ сознаніи, неправильности, а мысленные взоры невольно начинаютъ искать кругомъ объекта, составляющаго ея противоположеніе. Когда же такой объектъ находится—съ него не спускаютъ глазъ и онъ дѣлается источникомъ разнообразныхъ движеній, вождельній и стремленій, обнаруживающихся съ болѣею или меньшею силой и выразительностью, смотря по обстоятельствамъ. Ихъ обзору и группировкѣ собственно и посвященъ нашъ этудь.

Указанное коренившееся во всѣхъ умахъ сознаніе постоянно нашептывало неотвязчивый вопросъ: нѣтъ ли лица, въ которомъ, хотя бы въ будущемъ, возстановилась въ полномъ конкретномъ выраженіи идея государя—идея, по своему основанію, предполагающая безусловно образъ мужа?

Вопросъ этотъ тѣмъ настойчивѣе и чаще долженъ былъ напоминать о себѣ въ данномъ случаѣ, что искомое лицо дѣйствительно имѣлось и, случилось, даже не одно...

— „Въ Голштиніи чортушка сидитъ“,—съ нескрываемымъ озлобленіемъ и со скрытой тревогой говаривала почасту императрица Анна Ивановна, разумѣя подъ „чортушкой“ внука Петра Великаго (герцога голштинскаго), и это тогда, когда онъ и не помышлялъ оспаривать у нея престола.

Характеристическая фраза эта ярче всего изобличаетъ присутствіе въ Аннѣ Ивановнѣ того именно безпокойнаго сознанія, о которомъ

идеть здѣсь рѣчь. Она успокаивается только тогда, когда явилась возможность противопоставить „чортушкѣ“ равноправнаго соперника мужскаго пола, въ лицѣ радившагося у нея, подѣ конецъ царствованія, внука. Разумѣется, и послѣ этого „чортушка“ продолжалъ быть ненавистнымъ уже изъ семейно-династическаго соревнованія, которое, сказать мимоходомъ, проходить красной ниткой чрезъ всю эту эпоху.

Елизавета Петровна, обойдя, при воцареніи, племянника, которому, по завѣщанію Екатерины, какъ мы знаемъ, преимущественно принадлежало право на престолъ, сиѣшнѣе, подѣ давленіемъ того же сознанія, войти съ послѣднимъ въ сдѣлку и предупредить самое возбужденіе вопроса объ этомъ пунктѣ. Права племянника (герцога голштинскаго) были торжественно признаны, но съ отерочкой—до кончины воцарившейся тетки, потому что нельзя было не уступить „прошенію всѣхъ вѣрноподданныхъ“, „а наипаче и особливо лейбъ-гвардіи нашей полковъ“, желавшихъ видѣть ее на родительскомъ престолѣ, и потому еще, что племянникъ, до признанія его наслѣдственныхъ правъ, состоялъ въ лютеранствѣ; завѣщаніе же ставило условіемъ вступленія на престолъ исповѣданіе православной вѣры.

Кто нибудь могъ бы возразить, что послѣднее условіе легко было выполнить принятіемъ православія одновременно со вступленіемъ на царство,—не помѣшало же предшествовавшее лютеранство герцога голштинскаго признанію его наслѣдникомъ русскаго престола; но такихъ возраженій ни откуда не послѣдовало—и данный порядокъ сразу установился, повидимому, къ общему удовольствію. Не было мѣста для жалобъ, что кого нибудь совершенно обошли, или что основному принципу престолонаслѣдія нанесенъ непоправимый ущербъ. Возведеніе герцога голштинскаго въ права наслѣдника престола и родственное приближеніе его императрицей-теткой къ себѣ устраняли подобныя недоразумѣнія и сужденія. Все это было сдѣлано очень предусмотрительно и тактично и, какъ увидимъ, предусмотрительность такая являлась весьма нелишней...

VII.

Несмотря на симпатіи большинства общества и на преданность войска, несмотря на устраненіе всѣхъ могущихъ возбуждать какое нибудь опасеніе подозрительныхъ личностей, торжествующая и желанная, почти опозитизированная въ глазахъ современниковъ, какъ истинно-русская царь-дѣвица, Елизавета Петровна, однако же, далеко не была спокойна за свое положеніе не только въ начальныя тревожныя минуты своего царствованія, но и во все его продолженіе.

Это безпокойство и неувѣренность въ безопасности и прочности своего положенія проявлялись въ многочисленныхъ и разнообразныхъ

дѣйствіяхъ и движеніяхъ императрицы, при различныхъ случаяхъ, и съ лѣтами перешли въ манію подозрительности, въ безотчетный и безпричинный страхъ, доходившій до того, что она не могла сомкнуть глазъ по почамъ.

Чего жъ было тревожиться и кого бояться? Казалось, бѣльшей обезпеченности положенія нельзя было пожелать...

Источникъ этого роковаго душевнаго состоянія Елизаветы Петровны слѣдуетъ искать въ ея чисто-женской нервной впечатлительности, омраченной тяжелыми, нерѣдко оскорбительными условіями жизни въ предшествовавшіе годы ея сиротливой молодости; но было въ этой мучительной тоскѣ немало и развѣдающаго сомнѣнія въ справедливости побѣды, цѣною которой досталась корона, и въ правильности возложенія послѣдней на свою голову...

Въ Елизаветѣ Петровнѣ билось чуткое женское сердце, да и вообще она была женщиной по преимуществу, нисколько не возвышалась надъ рядовыми представительницами своего пола, ни надъ понятіями и предразсудками своего времени.

Такое сердце не могло пересилить чувства жалости и боли, смѣшанной съ раскаяніемъ, передъ жертвой совершеннаго насилія, если не кривды. Свергнутой и заточенной младенецъ-императоръ Іоаннъ III—жилъ и подрасталъ... Онъ неопасенъ—вся его участь зависить отъ одного мановенія; но никакими силами не стереть этотъ, вѣчнымъ укоромъ стоящій въ памяти, привракъ! Чтобы заставить забыть о немъ, если не самую себя, то другихъ—толпу, Елизавета распоряжается уничтожить самое воспоминаніе о немъ, издаетъ рядъ мѣръ о повсемѣстномъ истребленіи всѣхъ бумагъ и актовъ его царствованія, запрещаетъ произносить самое имя его; наконецъ, она съ лихорадочной послѣшностью торопится противопоставить низвергнутому эксъ-императору равнозначущее лицо мужескаго пола, которое юридически исключало бы его въ правахъ престолонаслѣдія и замѣщало бы фактически. Это было настоятельной необходимостью, какъ условіе, на которомъ думалось войти въ примиреніе съ общественнымъ сознаніемъ и относительно низверженія Іоанна Антоновича, и относительно самаго факта воцаренія женщины, какъ факта исключительнаго, ненормальнаго и противорѣчащаго кореннымъ воззрѣніямъ массы.

Въ этомъ случаѣ Елизавета Петровна испытывала то же чувство и то же положеніе, но еще въ сильнѣйшей и болѣе острой степени, которыя удручали и Анну Ивановну, тревожившуюся существованіемъ „чортушки“ въ Голштиніи. Въ племянницѣ, признанномъ наслѣдникомъ престола, она находитъ для себя и опору, и оправданіе. Всему перевороту дается такое истолкованіе, какъ если бъ въ конечномъ исходѣ его имѣлось въ виду торжество не личнаго права, а исключительно-династическаго, сосредоточеннаго въ лицѣ внука Петра Великаго. Воцаренію самой императрицы придается значеніе чисто

условное, временное, опирающееся на роковымъ лишь стеченіи обстоятельство. Это выражается, между прочимъ, въ томъ, что государыня какъ бы самоотречается, заранѣе объявивъ, что она не выйдетъ замужъ до конца жизни, ради полной неприкосновенности и безраздѣльности правъ существующаго уже наследника престола.

Призывъ герцога голштинскаго изъ за-границы, провозглашеніе его наследникомъ престола и принятіе подъ родственную опеку, были задуманы Елизаветой Петровной съ большимъ тактомъ и съ дальновиднымъ политическимъ расчетомъ. На Руси у многихъ не выходилъ изъ мысли герцогъ голштинскій, многіе помнили, что онъ единственный потомокъ Петра Великаго въ мужескомъ полѣ и, слѣдовательно, единственный, по праву, его преемникъ. Къ нему мысленно обращались съ надеждой взоры недовольныхъ нѣмецкимъ режимомъ, такъ или иначе отождествлявшимся съ царствованіемъ представителей линии Іоанна Алексѣевича, память о которомъ къ тому жъ совершенно терлась въ незабвенномъ, исполнскомъ, по своимъ великимъ дѣяніямъ, образѣ дѣда голштинскаго отрока. Не напрасно послѣдній и внушалъ такіа недобрѣя чувства своей двоюродной теткѣ, Аннѣ Ивановнѣ...

Слѣдствіе, производившееся надъ Минихомъ, обнаружило, между прочимъ, одинъ чрезвычайно выразительный фактъ, по отношенію именно къ вопросу о герцогѣ голштинскомъ. Оказалось изъ показаній свидѣтелей и самого Миниха, что онъ, въ царствованіе Іоанна Антоновича, приглашая гвардейскихъ гренадеровъ арестовать Бирона и желая, по его выраженію, „больше анкуражировать“ ихъ, „говорилъ имъ передъ фрунтомъ о государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и принцѣ голштинскомъ“ въ томъ смыслѣ, что „хотятъ ли они государю служить?“ „Анкуражированіе“ подѣйствовало магически; солдаты единодушно воскликнули, что служить „государю они готовы съ радостью“...

Слѣдствіе не выяснило, чѣмъ мотивировался Минихъ, прибѣгая къ такому рискованному обобщенію герцога голштинскаго съ „государемъ“ въ то время, когда на престолѣ царствовало другое лицо; но мы вправѣ заключить изъ этого эпизода, что такое обобщеніе было тогда многимъ по мысли, и Минихъ хорошо это зналъ. Зналъ это не онъ одинъ. Передъ этимъ, Биронъ, находясь въ раздорѣ съ родителями Іоанна Антоновича, не разъ позволялъ себѣ открыто грозить имъ герцогомъ голштинскимъ, какъ лицомъ, которое ему нетрудно посадить на престолѣ и его именемъ низвергнуть ихъ сына...

Что въ массѣ, особенно въ „шляхетской“, многіе желали видѣть на престолѣ внука Петра Великаго—доказывается проявленіями активнаго движенія въ его пользу, направленными противъ Елизаветы Петровны уже въ то время, когда онъ былъ признанъ наследникомъ престола. Проявленія эти находились въ преемственной связи съ возникшимъ впоследствии взаимнымъ недовѣріемъ и охлажденіемъ между

императрицей и великимъ княземъ, а также великой княгиней. Елизавета Петровна стала относиться крайне подозрительно къ наслѣднику престола и особенно къ начинавшей входить въ силу и приобретать вліаніе супругѣ наслѣдника, Екатеринѣ, на что, пожалуй, имѣла и нѣкоторыя основанія, какъ показали, напр., Вестушевскій процессъ.

Этотъ разладъ между большимъ и малымъ дворами, причемъ послѣдній долженъ былъ находиться въ страдательномъ, угнетенномъ положеніи, не могъ, разумѣется, остаться тайной для общества, для массы. Молва, толкуя дѣло по своему, съ неизбежными искаженіями, высказывалась положительно въ пользу великаго князя. Это происходило опять-таки вслѣдствіе неискоренимаго недовольства „бабыишъ правленіемъ“ и его послѣдствіями, въ томъ числѣ, всего главнѣе— фаворитизмомъ, наряду съ желаніемъ видѣть на престолѣ подлиннаго, настоящаго, по родовому понятію, государя въ мужскомъ лицѣ. Желаніе такое постоянно подстрекалось существованіемъ вождельнаго лица, именно, въ образѣ наслѣдника престола, на котораго и возлагались недовольными всѣ надежды и упованія. Отсюда и въ дѣлѣ разногласія между императрицей и великимъ княземъ недовольные, не разбирая, отдавали всѣ свои симпатіи послѣднему...

Стали ходить толки, особенно усилившіяся во второй половинѣ царствованія Елизаветы Петровны, что ея фаворитъ, Разумовскій, тѣснить и всячески преслѣдуетъ великаго князя Петра Фѣдоровича, а императрица, по женской слабости, этому потворствуетъ. Это, сказать къ слову, обычная, почти стереотипная въ подобныхъ случаяхъ, складка молвы. Недовольство, отыскивая объектъ для своего выраженія, обходитъ нерѣдко личность государыни, по чувству вѣроподобности, и всю свою тяжесть обрушивается на фаворита-временщика, хотя бы онъ менѣе всего былъ виновенъ въ причинахъ неудовлетворительнаго порядка вещей, какъ это можно сказать, напр., о Разумовскомъ.

Отъ толковъ перешло дѣло и къ попыткамъ довольно рѣшительнаго свойства.

Однажды, въ бытность двора въ Москвѣ, великому князю Петру Фѣдоровичу на охотѣ егеря сказали, что въ Бутырскомъ полку есть подпоручикъ Батуринъ, который чрезвычайно преданъ великому князю и говорить, что такую же преданностью отличается и весь названный полкъ. Петру Фѣдоровичу это польстило, и когда егеря сказали ему въ другой разъ, что Батуринъ проситъ позволенія представиться на охотѣ его высочеству, онъ, по нѣкоторомъ колебаніи, согласился на это. Батуринъ не замедлил явиться и, встрѣти великаго князя въ лѣсу одного, бросился предъ нимъ на колѣна и сталъ вѣстаться, что онъ его одного признаетъ истиннымъ государемъ и готовъ исполнить все, что бы онъ ни приказалъ. Это объясненіе такъ напугало

Петра Федоровича, что онъ, не сказавъ ни слова Батурину, припори́лъ лошадь и ускакалъ отъ него.

Дѣло дошло до тайной канцеляріи, которая разслѣдовала, что Батури́нъ составилъ цѣлый заговоръ, съ цѣлью „заарестовать весь дворецъ“, Алексѣя Разумовскаго и его единомышленниковъ изрубить „въ мелкія части, а императрицу низвести съ престола и до тѣхъ поръ не выпускать изъ дворца, пока великій князь коронованъ не будетъ“. Въ числѣ заговорщиковъ было нѣсколько офицеровъ и солдатъ, а также одинъ фабричный, котораго Батури́нъ подговаривалъ возмутить рабочихъ противъ императрицы, и похвалялся, что такихъ рабочихъ онъ наберетъ, будто бы, тридцать тысячъ.

Батури́нъ былъ человѣкъ скомпрометированный, пройдоха и авантюристъ; но уже самое возникновеніе подобныхъ попытокъ указываетъ на существованіе въ массѣ плодородной для нихъ почвы.

Фактовъ въ описанномъ родѣ было нѣсколько; движеніе въ пользу Петра Федоровича и противъ Елизаветы Петровны особенно живо воспринималось всѣми, кто имѣлъ какой нибудь поводъ къ неудовольствію. Такимъ образомъ, оно проникло, напр., въ раскольническую среду, которая сильно тѣснилась, какъ извѣстно, правительствомъ Елизаветы. Среди раскольниковъ распространился слухъ, что великій князь весьма возлюбилъ послѣдователей древняго благочестія и намѣренъ, воцарившись, „ходить по заповѣдямъ Господнимъ“: прекратить навсегда войны, посѣтить Іерусалимъ, не станетъ жить съ женою по брачному обычаю и проч. Такое воззрѣніе на Петра Федоровича раздѣлялось многими сектами и въ томъ числѣ—скопческой... Мы знаемъ, что это воззрѣніе, обязанное своимъ происхожденіемъ отчасти „бабьему правленію“, чрезвычайно упрочилось въ сознаніи нѣкоторыхъ сектъ и въ дни Екатерины II отозвалось воспламеняющей струей въ пучинахъ пугачевского бунта. Обстоятельство это тоже необходимо поставить въ счетъ явленій обозрѣваемого здѣсь порядка.

Рядомъ съ движеніемъ въ пользу Петра Федоровича являлись почти одновременно попытки возстановить на престолѣ низвергнутаго и заключеннаго эвст-императора Ивана Антоновича. Попытки эти повторяются во все царствованіе Елизаветы, которое ихъ завѣщало отчасти и екатерининскимъ временамъ. Въ нихъ одинаково выражался протестъ государынямъ-женщинамъ, неправо, по мнѣнію недовольныхъ, выхватившимъ скипетръ изъ рукъ подлиннаго, истиннаго государя, страдальческая судьба котораго, какъ всегда, создавала ему въ представленіи массы свѣтлый ореолъ и съ особенной отзывчивостью тянула къ нему впечатлительныя сердца.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ этихъ случаяхъ масса, смутно различавшая личностей, особенно такихъ неопредѣленныхъ и ничѣмъ себя не заявившихъ, какими были Иванъ Антоновичъ и Петръ Федоровичъ, одинаково расположена была возбуждаться и „анкуражи-

роваться“ одной идеей, однимъ именемъ государя, если только идея эта казалась въ ея глазахъ нарушенной и поправной. Этимъ объясняется, напр., столь нерѣдкой въ исторіи самозванцевъ фактъ появленія сразу нѣсколькихъ самозванцевъ, съ равнымъ успѣхомъ возмущавшихъ массу именами различныхъ лицъ, отождествляемыхъ съ личностью государя, и нерѣдко даже такихъ, которыхъ и на свѣтѣ-то никогда не бывало. Этимъ же объясняемъ мы одновременность и параллельность революціонныхъ движеній противъ „бабыго правленія“ то во имя Петра Федоровича, то во имя Ивана Антоновича, въ лицахъ которыхъ недовольные одинаково видѣли, долженствующую быть восстановленной, нарушенную идею истиннаго государя. Выборъ того или другаго лица былъ тутъ дѣломъ случая и личнаго усмотрѣнія инициатора—коновода возмущенія или заговора.

Первая попытка восстановить вооруженной рукой Ивана Антоновича обнаружена была въ первый годъ царствованія Елизаветы. Она была ничтожна по численности и значенію заговорщиковъ. Придворный камеръ-лакей Турчаниновъ подговорилъ нѣсколько человекъ гвардейцевъ умертвить Елизавету и герцога голштинскаго и, освободивъ Ивана Антоновича изъ заключенія, посадить на престолъ, какъ истиннаго государя. Заговоръ былъ открытъ на первыхъ порахъ и энергически погашенъ. Турчанинову вырвали языкъ и поздри, били его кнутомъ и сослали въ Сибирь; не помиловали, конечно, и его сообщниковъ.

Изъ другихъ въ такомъ же родѣ попытокъ, тревожившихъ царствованіе Елизаветы, заслуживаетъ упоминанія здѣсь замыселъ Зубарева, относящійся къ концу пятидесятихъ годовъ. Особенно характериченъ этотъ замыселъ потому, что въ немъ видна коварная рука враждебной Россіи дипломатіи, которая, какъ намъ уже извѣстно, не упускала случаевъ по своему пользоваться слабостями женщинъ-государинь и впутывать свою интригу въ назрѣвавшую противъ нихъ мѣстную оппозицію.

Дерзкій, по плану, замыселъ Зубарева былъ сотканъ во враждебномъ тогда Россіи Берлинѣ, при дѣятельномъ участіи извѣстнаго Манштейна, лично ненавидѣвшаго Елизавету Петровну и за себя, и за своего благодѣтеля Миниха и, вообще, за паденіе нѣмецкой партіи въ Петербургѣ. Зубаревъ—бѣглый тобольскій посадскій, завербованный въ прусскіе солдаты, бывалый и тертый калачъ, но личность ничтожная,—служилъ здѣсь только орудіемъ. Манштейнъ, по наущенію свыше, подговорилъ этого покладистаго и оборотливаго молодца ѣхать въ Россію, возмутить раскольниковъ и, свергнувъ съ ихъ помощью императрицу, посадить на престолъ Ивана Антоновича, который-де старую вѣру любить и станетъ ей покровительствовать. Насколько можно довѣрять показаніямъ Зубарева, Манштейнъ обѣщалъ поддержать бунтъ военными силами Пруссіи и посылкой къ Архангельску военныхъ кораблей, „подъ видомъ купечества, чтобъ выкрасть

Ивана Антоновича". Передъ отъѣздомъ въ Россію, Зубаревъ былъ представленъ самому королю Фридриху II и получилъ 1,000 червонцевъ на издержки по своей миссии, да двѣ медали, по которымъ принцъ Антонъ долженъ былъ бы ему повѣрить...

Разумѣется, весь этотъ хитро задуманный, но и изрочно легкомысленный, замыселъ провалился на первомъ же шагѣ къ исполненію.

Зубаревъ добрался до раскольниковыхъ слободъ и началъ возбуждать ихъ населеніе. Раскольниковскіе попы не отказали въ сочувствіи затѣвѣ берлинскаго эмиссара, но съ русской сметкой предложили ему первому попробовать вытаскивать каштаны изъ огня, а тамъ — они посмотрятъ, какъ быть...

— Какъ же вы Ивана Антоновича посадите на царство? — спрашивали они Зубарева съ сомнѣніемъ.

— А такъ же посадимъ, какъ и государыня съѣла, — не задумываясь отвѣтилъ тотъ.

Попы ничего не сказали, но, когда Зубаревъ сталъ у нихъ заживаться и навлекать подозрѣніе, они его политично выпроводили.

— Пора тебѣ ѣхать выручать Ивана Антоновича, и какъ васъ Богъ вынесетъ, то мы стоять готовы, — сказали они ему, чтобъ отдѣлаться.

Предпримчивый конспираторъ уѣхалъ по адресу въ Холмогоры, но, волею судебъ, вмѣсто Холмогоръ попалъ въ Петербургъ — въ тайную канцелярію.

Нельзя не обратить вниманія на фразу Зубарева, что посадить на царство Ивана Антоновича — дѣло нетрудное, такое же нетрудное, какимъ было воцареніе Елизаветы Петровны. Эти слова могутъ служить ключемъ для объясненія большинства возникавшихъ во время женскаго правленія революціонныхъ попытокъ. Длинный рядъ дворцовыхъ переворотовъ, легкость и внезапность ихъ происхожденія и постоянно сопровождавшая ихъ удача не могли не оказывать подстрекающаго и въ нѣкоторомъ отношеніи деморализующаго вліянія на людей отчаянныхъ, авантюристовъ, по природѣ и по стеченію обстоятельствъ, съ безумно честолюбивыми и корыстными стремленіями. Для такихъ людей соблазнъ казался тѣмъ сильнѣе въ данномъ случаѣ, что, пускаясь въ свои дерзкія предпріятія, изъ личныхъ видовъ, они становились какъ-бы героями, ратующими за восстановленіе права и истины, несли свои головы въ жертву государю, узурпированному такими членами династии, которымъ, уже по одному ихъ полу, какъ женщинамъ, — вовсе не слѣдъ на царствѣ сидѣть...

Мы впоследствии встрѣтимся съ этимъ элементомъ въ чрезвычайно сильномъ и яркомъ проявленіи, какимъ былъ пугачевскій бунтъ, въ возникновеніи котораго историкъ не можетъ не признать присутствія указанныхъ здѣсь условій и стимуловъ, имѣвшихъ мѣсто и почву въ описываемую эпоху.

VIII.

15-го іюля 1742 года, на освященіи новой церкви московской академіи, присутствовавшіе богомольцы услышали изъ устъ проповѣдника, академическаго ректора Кирилла Флоринскаго, неожиданныя жалобы и упрёки, обращенныя къ врагамъ императрицы.

„Странная вѣсть,—дивился самъ проповѣдникъ:—давно-ли вожде-лѣнная—и уже ненавидима Елисаветъ; давно-ли въ сердцахъ и въ устнѣхъ сладка—и уже горька Елисаветъ; давно-ли обрадовавшая насъ, и уже въ слезахъ печалаема посредѣ дому; давно-ли мать (и еще всемилостивѣйшая, яко и истинно есть)—и уже тяжка и не милосердна. О, непостоянство зловарныхъ торжниковъ!“

Поводомъ этой краснорѣчивой выходки противъ „торжниковъ“ служилъ извѣстный намъ ничтожный заговоръ Турчанинова; но, очевидно, проповѣдникъ мѣтилъ куда-то дальше и разумѣлъ не одну лишь незначительную кучку совершенно вздорныхъ заговорщиковъ, а кого-то поважнѣе и числомъ побольше, кто могъ стоять если не за ихъ спинами, то гдѣ нибудь вблизи. Эта подозрительность имѣла своимъ основаніа.

Мы уже говорили, что Елизавета была, при воцареніи своемъ, для большинства „вожде-лѣнна“ и „сладка“, по выраженію витіева-таго ректора; но были и недовольные, и число ихъ съ теченіемъ времени возрастало.

Основанія и источники недовольства были, по существу, троякіе: претило многимъ, что на царствѣ сидитъ женщина—просто по принципу; другіе подрывляли свое недовольство въ этомъ отношеніи ссылкой на несогласное съ идеаломъ государевой власти развитіе фаворитизма; наконецъ, существовала оппозиція во имя восстановленія правъ лицъ, обойденныхъ или замѣщенныхъ Елизаветою на престолѣ. Конечно, всѣ эти основанія не составляли отдѣльныхъ знаменъ для группировки оппозиціи, а смѣшивались и перемежались. Послѣднее изъ нихъ мы рассмотрѣли въ предшествовавшей главѣ; остановимся теперь на первыхъ двухъ.

Безотносительный и принципиальный ропотъ противъ государыни, только потому что она женщина, „баба“, выражали, конечно, люди, большею частью простые, темные, съ старозавѣтнымъ образомъ мыслей. Выражался этотъ ропотъ и протестъ чаще всего въ одиѣхъ „пустошныхъ“ рѣчахъ и „неудобъсказуемымъ поношеніяхъ“, по терминологіи изысканныхъ стиллистовъ тайной канцеляріи, и дальше ихъ не шель.

Всѣ эти разсужденія и „поношенія“ сводились къ выраженному однажды, при Елизаветѣ Петровнѣ, нѣсколькими вольнодумцами замѣчанію, или какъ бы догмату, что „недостойно-де въ нашемъ Велико-россійскомъ государствѣ женскому полу на царствѣ сидѣть“.

Умы пытливые, крѣпкіе логикой, искали подтвержденія этому догмату въ подходящихъ наблюденіяхъ и фактахъ.

Одинъ, напр., строгаго благочестія купецъ находилъ, что „при государинѣ Елизаветѣ Петровнѣ народъ въ пагубу идетъ“.... „архіереи и попы и прочіе люди имѣютъ семь сатанинскихъ грѣховъ на себѣ“.... „купцы земсти отъ силы пищи ея“—государыни—, и награждъ богатѣютъ, а мизерные люди отъ того разоряются; и на нее-де за непостоянство міра гнѣвъ Божій, и отъ десяти генераловъ сожжена будетъ огнемъ“...

Какой-то воинственный казакъ, съ своей стороны, поносилъ императрицу, сѣтовалъ на нее за то, что „баба-де царствуетъ, такъ и войны нѣтъ; какая-де это служба?.. Государыня-де ѣздитъ, да гуляетъ, она бѣ ѣздила въ коллегіи, да дѣла дѣлала, а то-де ѣздитъ все за охотою... Какъ ей и на царствѣ сидѣть?“.

Нѣкто „канцеляріи отъ строеній поручикъ“, желая, „чтобъ по-прежнему быть принцу Іоанну на всероссійскомъ престолѣ императоромъ“, укорялъ Елизавету Петровну въ томъ, что она „всегда въ трусости находится“, что, „какъ пріѣхала изъ Москвы, такъ ни однажды въ церкви не бывала—только-де всегда упражняется въ комедіяхъ“, что отъ нея, наконецъ, россиянамъ „милости немного“ и проч. „А я бѣ дескать,—говорилъ поручикъ въ заключеніе,—взялъ пушекъ пять, и поставилъ бы тутъ и, заряда ихъ дробью, разстрѣлялъ ее нарочно“ (т. е. императрицу).

Возбуждались такіе „непристойные“ разговоры въ разныхъ мѣстахъ и въ кругу всякаго званія людей, не исключая и отщепеншихся отъ суетнаго міра сего монастырскихъ пустынножителей. По крайней мѣрѣ, вотъ какими „злодѣйственными“ словами провинился однажды нѣкій рабъ Божій—Савватій, монахъ ярославскаго Толгскаго монастыря.

Случилось означенному монаху, какъ-то послѣ праздника лѣтнаго Никола Чудотворца, въ 1745 году, ночевать вмѣстѣ въ одной кельѣ съ іеромонахомъ Александромъ, іеродіакономъ Игнатіемъ, да бѣлымъ попомъ Ѳедоромъ Петровымъ.

Савватию не спалось, можетъ быть потому, что обрѣтался онъ на тотъ разъ въ праздничномъ настроеніи: „былъ пьянъ, только въ силѣ“, какъ засвидѣтельствовали потомъ его соночлежники. Самъ Савватій не спалъ и товарищамъ спать не давалъ.

„Лежа сперва пѣлъ стихи, а потомъ и пѣсни, а потомъ онъ же Савватій безъ всякихъ разговоровъ (т. е. предварительныхъ разговоровъ) заговорилъ“ ни съ того ни съ сего такъ:

„Бабы-де города не стоятъ, а вотъ нынѣ государство баба держать... Баба-де не какъ человекъ (Савватій выругался сквернымъ словомъ)... Да и приняла-де она невѣрныхъ: вотъ-де наслѣдникъ невѣрный, да и наслѣдница такая же (Савватій опять сосеквернословилъ): не могла-де она (т. е. государыня) здѣсь въ Россіи людей vybrать“...

Хотя и есть пословица—что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ, но слышаніе эти „злодѣйственныя“ слова подгулявшаго старца не придали имъ важности, а, можетъ быть, въ тайнѣ души имъ и сочувствовали. Но на бѣду Савватія случилось невдолѣ одному изъ его сожителей, іеромонаху Александру, попасть подъ арестъ и судъ духовной консисторіи, по обвиненію въ кражѣ и безчинствѣ. Наскучило ли ему томиться въ заключеніи, или же думалъ онъ выслужиться предъ начальствомъ и тѣмъ поправить свое дѣло, только пришло ему на мысль, вспомнивши пьяныя рѣчи Савватія, сострапать изъ этого доносъ. Задумано и сдѣлано.

Въ октябрѣ о. Александръ объявилъ „государево слово и дѣло по первому пункту“, а въ ноябрѣ Савватій и его трое вышешепонованныхъ сожителей, въ сопровожденіи привлеченнаго къ дѣлу мѣстнаго архимандрита, сидѣли уже за рѣшеткой въ аппаратахъ тайной канцеляріи.

Съ первой же пытки Савватій повинился, оправдываясь лишь тѣмъ, что говорилъ бранныя слова на государиню „за безмѣрнымъ пьянствомъ“... На это оправданіе не посмотрѣли и приговорили: „Дабы онъ (Савватій) впредь отъ такихъ важныхъ продерзости имѣлъ воздержаніе, сверхъ бывшаго ему розыску учинить жестокое наказаніе—бить кнутою нещадно и сослать въ Оренбургъ въ работу вѣчно“.

Немного выигралъ и іеромонахъ Александръ отъ своего доноса: его вмѣстѣ съ попомъ Ѳеодоромъ и іеродіакономъ Игнатіемъ постигали плетью „за несвоевременный доносъ“. Цѣль вышедъ изъ дѣла только архимандритъ, доказавшій, что ему ничего не было известно о вольнодумствѣ Савватія ¹⁾.

Въ то время какъ представители низшихъ классовъ жаловались на Елизавету Петровну за то, что она, какъ высказалъ одинъ изъ нихъ, знатныхъ лицъ — „генераловъ по 10,000 рублей на день“ жалуетъ, а „мизерные отъ того разоряются“, въ средѣ знати слышался противоположный ропотъ.

— Знать ее вообще не любить, — говорили въ этой средѣ про императрицу: — она же все простому народу благоволитъ, для того, что сама живетъ просто...

Упрекъ этотъ мотивировался весьма обиднымъ для знати благоволеніемъ императрицы къ такимъ представителямъ „простаго народа“, какъ Разумовскіе и ихъ присные. Вообще, необмкновенно быстрое возвышеніе Разумовскихъ крайне скандализировало тогда все общество и весь дворъ. Люди родовитые и саяовныя, съ аристократическими претензіями, относились съ презрѣніемъ къ темному, незнатному происхожденію фаворитовъ Елизаветы и язвительно честили ихъ промежъ себя „гунсфатами“, „каналъями“ и „непотребными людьми“...

¹⁾ Дѣло тайной канцеляріи о монахѣ Савватіѣ. (Изъ портфеля ред. „Истор. Вѣстника“).

— Разумовскіе-де прежде тапливали печи, а нынѣ баба бабски пожаловала ихъ, говорили одни.

— Пѣвчіе-де ея императорскаго величества, которые пожалованы дворянами, у старыхъ дворянъ старшинство отнимаютъ, жаловались другіе.

Этотъ аристократическій протестъ рельефнѣе всего выразился въ известномъ Лопухинскомъ дѣлѣ. Главныя дѣйствующія лица этого дѣла чувствовали себя лично униженными и оскорбленными, и съ этого началась ихъ оппозиція.

Лопухины говорили, что „отъ ея величества обижены: деревня отнята, а вины они за собой никакой не знаютъ, и жалѣли, что не Анна Леопольдовна въ правительствѣ. Еще говорили, что ея величество жалуется такихъ, которые непотребны и не столько заслужили, какъ они, и нынѣ камеръ-юнкеровъ потому и узнаешь, кто въ красномъ платьѣ“...

Лично Иванъ Лопухинъ жаловался, что онъ, бывши при прежнемъ правительствѣ полковникомъ, „нынѣ опредѣленъ въ подполковники, и то невѣдомо куда—въ гвардію, или армію“. Это ли не обида?

Еще болѣе обиженной чувствовала себя знаменитая красавица Наталья Лопухина, возбуждавшая соперническую зависть въ государынѣ и жестоко поплатившаяся за дерзкое желаніе превзойти ее прелестью и костюмомъ.

Вообще же, всѣ эти обиды и жалобы сводились къ заключенію, что „плохо подъ бабыимъ правительствомъ“ быть. По увѣренію же И. С. Лопухина, „весь свѣтъ“ о томъ говорилъ, что Елизавета неправо сѣла на престолъ, и что „долго-ли-де намъ такъ несчастнымъ быть, что мы подъ бабыимъ правленіемъ находимся“?..

Въ сущности, этого рода протестантовъ дѣлало „бесчастными“ не „бабье правленіе“, а то, что на ихъ долю не приходилось имъ пользоваться на основаніи фавора. Это было соперничество эгоизмовъ, раздраженныхъ соблазнительной перспективой непомѣрно быстрого и легкаго приобрѣтенія всяческихъ благъ, почестей и значенія, путемъ эксплуатированія женской слабости государыни, ея щедрости и неопытности, ея, наконецъ, страха за свою личную безопасность и прочность своей власти. Претендентовъ на участіе въ пользованіи этими обстоятельствами и фаворомъ императрицы явилось въ это время великое множество. У всѣхъ былъ передъ глазами обаятельный примѣръ Разумовскихъ, которые поэтому и дѣлаются предметомъ зависти, соперничества и ненависти для всѣхъ честолюбцевъ и карьеристовъ съ разгорѣвшимися алчными аппетитами.

Впрочемъ, „случай“ Алексѣя Разумовскаго, его чрезмѣрное возвышеніе и громадное вліяніе, приобрѣтенныя не умомъ, не талантомъ и заслугами, а путемъ интимнаго фаворитизма, возмущали и людей безкорыстныхъ—современныхъ моралистовъ и патриотовъ. Въ массѣ тоже къ нему не благоволили и на его счетъ ходили крайне не-

выгодные толки. Мы уже упоминали, что молва часто взваливала на фаворита всё свои обиды и свое недовольство всё́мъ режимомъ „бабьяго правленія“.

Подобно тому, какъ въ предшествовавшія царствованія винили Бирона за то, что онъ нѣмецъ и во всемъ далъ волю нѣмцамъ, такъ теперь укоряли Разумовскаго въ его хохлацкомъ происхожденіи и въ томъ, что онъ покровительствуетъ своимъ землякамъ въ ущербъ великороссамъ. Явился даже нелѣпный слухъ, будто бы онъ составилъ команду изъ малороссіянъ, специально для истребленія русскихъ. Говорили также, что онъ, съ помощью колдуновъ—малороссовъ же, „обопшелъ“ императрицу, подчинилъ ее своей волѣ и окладилъ ее къ наследнику престола, котораго, будто бы, шесть разъ приводилъ къ смерти. Кромѣ того, винили Разумовскаго въ корыстолюбіи и хищности, ради которыхъ онъ обобралъ императорскій дворецъ—вывезъ изъ него царскія старинныя драгоценности и отослалъ ихъ къ матери... Толковъ такихъ ходило множество.

Зависть къ Разумовскимъ и попользованіе эксплуатировать государню проникали въ среду не только вельможъ и лицъ сановныхъ, но и людей незнатныхъ, низшаго служилаго, особенно военного сословія. Притязательность и разнузданность, напимѣръ, знаменитыхъ лейбъ-кампанцевъ положительно не знали предѣловъ. Опираясь на свою услугу Елизаветѣ Петровнѣ, при ея воцареніи, они немощно зазнались, стали нестерпимо наглы, придирчивы и требовательны. Вымогательствамъ и претензіямъ лейбъ-кампанцевъ не было конца, а дерзость ихъ не знала удержа.

Одинъ изъ нихъ, сержантъ Грюнштейнъ (крещенный еврей), главный дѣятель при арестѣ семейства Ивана Антоновича, необыкновенно щедро награжденный, доходилъ до такого неслыханнаго нахальства, что осмѣливался, ворвавшись къ Разумовскому, настойчиво требовать удаленія со службы генераль-прокурора, князя Трубецкаго, и угрожалъ, въ случаѣ неисполненія его требованія, открыто убить князя, какъ измѣнника государству, съ его, Грюнштейна, точки зрѣнія...

И подобныя выходки прелюбополучно сходили съ рукъ лейбъ-кампанцамъ, потому что въ нихъ заискивали и ихъ боялись. До такой степени правительство Елизаветы Петровны чувствовало себя безсильнымъ и непрочнымъ—черта, рельефно отличающая „бабье правленіе!“...

По еврейской натурѣ, Грюнштейнъ, не встрѣчая отпора и острастки, зашелъ въ своей наглости такъ далеко, что его, наконецъ, понадобилось унять. Онъ сталъ открыто возставать на Алексѣя Разумовскаго, а встрѣтившись какъ-то дорогой съ его близкими родственниками, затѣялъ съ ними скандальную ссору, нанесъ имъ жестокія оскорбленія и, попросту, отколотилъ.

Во время этой свалки онъ ругалъ Разумовскаго сверными словами и кричалъ на всю улицу:

— Я Алексѣя Григорьевича услугою лучше и онъ чрезъ меня имѣеть счастье, а теперь за нимъ и намъ добра нѣтъ; его государыня жалуешь, а мы погибаемъ... Вашъ богъ Разумовскій воскресъ чрезъ меня, а мы теперь страждемъ!

И эти жалобы на „погибель“ и „страданіе“ высказывались какъ разъ въ ту минуту, когда родную сестру фаворита и ея мужа команда Грюнштейна, по его приказанію, таскала за волосы и тузила дубинами... Сцена вышла поэтому величественной иудейскаго юмора... Разумовскій очень любилъ свою родню, и дерзость Грюнштейна, на этотъ разъ, не прошла для него безнаказанно...

Послабленіе власти и дисциплины въ лейбъ-кампаніи, ради пріобрѣтенія популярности, распространялось на всю вообще солдатчину, сосредоточенную въ столицѣ. Ея распушенность и деморализація въ дни Елизаветы засвидѣтельствованы множествомъ фактовъ буйства и дебоширства солдатъ, одно время державшихъ въ страхѣ все мирное населеніе столицы.

Вышедшіе изъ дисциплины, до-нельзя зазнавшіеся храбрые воины позволяли себѣ иногда самыя дерзкія выходки даже противъ начальства и высшихъ сановниковъ... И все это во имя, яко бы, патриотизма и преданности къ государынѣ, въ расчетѣ заслужить ея признательности!

Очень характеристичное, въ этомъ отношеніи, дѣло разбиралось въ концѣ 1745 года въ тайной канцеляріи.

21 декабря, вечеромъ, „незнамо“ откуда возвратился домой Невскаго полка сержантъ Ярославовъ „безмѣрно пьянъ.“ Жившіе съ нимъ въ одной квартирѣ однополчанинъ поручикъ князь А. Ухтомскій и Суздальскаго полка прапорщикъ князь Ф. Чегодаевъ спросили, гдѣ онъ такъ напился.

— Былъ я, — отвѣчалъ Ярославовъ, — съ поручикомъ Невскаго полка, Яковомъ Зелкомъ, въ Милліонной улицѣ въ погребѣ, пили мы виноградные напитки, и изъ того погребу увезли съ собою б....., и когда съ нею ѣхали на извозикѣ по Милліонной, наѣхала на насъ ея императорское величество и ѣздовые кричали: „Поди! поди!“ То-де мы и сами тѣмъ ѣздовымъ кричали: „Сами-де поди!“ и бранили ихъ, тако-жъ и кто изъ генераловъ и придворныхъ ѣхали, матерно. И ту брань изволила услышать ея и. величество и соизволила указать взять насъ подѣ караулъ; и тогда, услышавъ о томъ, я соскочилъ съ саней и ушелъ, а поручикъ Зелкъ остался и взять подѣ караулъ...

— Для чего ты такіе непотребные поступки чинишь? — сказали Чегодаевъ и Ухтомскій, возмущенные поведеніемъ коллеги.

— Экая великая диковина, — возразилъ легкомысленный сержантъ, — что выбрали мы генерала или ѣздоваго! Сама императрица такой же человекъ, какъ и я, только тѣмъ преимущество имѣеть, что царствуетъ.

— Для чего ты такія слова употребляешь и примѣняешь себя къ монарху? — унимали собесѣдники Ярославова, „чтобъ онъ пересталъ врать.“

— Прахъ возьми (Ярославовъ выразился гораздо сильнѣе) и генераловъ всѣхъ, и тѣхъ, кто ихъ жаловалъ! Я и то знаю, что Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ хотѣлъ государыню окормить, а Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Александръ Ивановичъ Румянцевъ хотѣли ее, государыню, съ престола свергнуть, чтобъ быть по-прежнему на престолѣ Іоанну третьему; а Александръ Борисовичъ Бестужевъ хочетъ ее, государыню, срубить.. Прахъ возьми (крѣпкое слово) всѣхъ генераловъ и всѣхъ, кто на свѣтѣ есть!.. За мною слово и дѣло! — неожиданно возгласилъ раскодившійся сержантъ.

— Перестань врать! — останавливали его товарищи.

— Слово и дѣло за мной!

Вслѣдъ за этимъ Ярославовъ снялъ со стѣны образъ и требовалъ, чтобъ Чегодаевъ и Ухтомскій приложились къ нему, такъ какъ всѣмъ имъ вмѣстѣ умереть.

— Сперва, — говорилъ онъ, — васъ казнять, и я на вашу смерть погляжу, а потомъ пускай и меня казняютъ!.. Я знаю, что Ушаковъ въ тайной канцеляріи первый членъ, и вѣдаю, что ему не миновать смерти — быть колесовану, а другому въ той канцеляріи члену Игнатьеву не миновать же смерти — быть повѣшену...

Все это были пьяныя бредни, хотя и очень рельефно отражавшія въ себѣ тогдашнее настроеніе данной среды, но князю Чегодаеву показались онѣ отличнымъ матеріаломъ для доноса, въ видахъ споспѣшествованія своей служебной карьерѣ. Не теряя золотаго времени, онъ послѣ того, какъ Ярославовъ впалъ въ неистовство и хотѣлъ было себя заколотъ, тихонько выскользнулъ изъ горницы, подговорилъ въ сѣняхъ солдата Карташова, бывшаго у Ухтомскаго „на вѣстяхъ,“ стать свидѣтелемъ предстоявшаго „слова и дѣла,“ и отправился по начальству, къ полковнику Леонтьеву.

Ярославовъ, не взирая на хмѣль, догадался — куда и зачѣмъ ушелъ его пріятель. На этотъ счетъ нравы тогда были такіе, что въ подобныхъ случаяхъ сомнѣній не могло быть въ намѣреніяхъ услужливыхъ пріятелей. Какъ встрепанный, выскочилъ опомнившійся молодой человекъ на улицу и нагналъ Чегодаева.

— Ты идешь на меня доносить? — сказалъ онъ безъ обиняковъ. — Не доноси, воротись домой!

— Доносить не стану, — слукавилъ Чегодаевъ, — но домой не пойду. Ярославовъ, вида, что дѣло плохо, схватилъ пріятеля за кафтанъ и закричалъ: „вараулъ!“

Намѣреніе у него было такое, какъ потомъ онъ пояснялъ: „Коли пропадать, такъ пускай и я, и Чегодаевъ вмѣстѣ пропадемъ!“ Но Чегодаевъ успѣлъ вырваться изъ его рукъ и, прибѣжавъ къ Леонтьеву, заявилъ свое „слово и дѣло“. Вслѣдъ за нимъ и для той же

эстренной надобности прибѣжалъ къ Леонтьеву и князь Ухтомскій, сообразившій, что его безучастіе въ доносѣ можетъ ему теперь дорого обойтись.

Несчастнаго Ярославова, почти мальчика по возрасту (ему было всего 19 лѣтъ), долго томили въ тюрьмѣ, допрашивали и мучили пытками, но только и добились, что все то, что показали на него добрые товарищи, говорилъ онъ „за безмѣрнымъ пьянствомъ, ничего не помнить,“ и съ чего тѣ „непристойныя слова пришли ему въ мысль—онъ не знаетъ...“¹⁾

Мы теперь знаемъ, съ чего у тогдашнихъ вольнодумцевъ приходили „въ мысль“ такія „продерзкія“ и отрицательныя воззрѣнія на сильныхъ міра сего, и видимъ въ Ярославовѣ одну изъ многочисленныхъ жертвъ той смуты и того разлада, которые вносились въ общественное сознание нарушеніями правоваго порядка въ преемничествѣ верховной власти.

IX.

Царствование императрицы Екатерины II, несмотря на всю мудрость и величіе этой государыни, было особенно богато проявленіями и мятежными вспышками оппозиціи „бабьему правленію“ вообще, и протеста перевороту 28 іюня 1762 года въ частности, во имя генетической идеи государя и ея конкретныхъ—мнимыхъ и дѣйствительныхъ—представителей, въ лицѣ Петра III, Ивана Антоновича и впоследствии Павла Петровича, какъ истинныхъ монарховъ, насильственно устранившихся съ престола.

Замѣчательная аналогичность и, такъ сказать, хроническая повторяемость этого рода явленій, по мотивамъ и по ихъ формѣ, невольно бросаются въ глаза и придаютъ имъ въ совокупности значеніе отличительнаго, характеристическаго недуга всего періода царствованія государынь въ прошломъ столѣтіи. И какъ всякій недугъ, питаемый существованіемъ его источника, явленія эти съ теченіемъ времени становятся все чаще, проявляются все съ большей напряженностью и обостренностью, пока, наконецъ, не разрѣшаются такимъ страшнымъ, огромнымъ вередомъ, парализовавшимъ на время весь общественный организмъ, какимъ была для Россіи Пугачевщина...

Присутствіе этого недуга и неизбежность его острыхъ проявленій, очевидныя для насъ теперь на основаніи историческаго діагноза, ясно сознавались и въ то время наиболѣе провидательными и чуткими государственными умами, какимъ отличалась Екатерина. Это сознание не оставляло ее въ самыя спокойныя и счастливыя минуты, когда все кругомъ, повидимому, единодушно ликовало и обнаружи-

¹⁾ Дѣло тайной канцеляріи. (Изъ портфеля ред. „Истор. Вѣсти.“).

вало полное довольство сложившимся порядкомъ. Съ самаго начала своего царствованія и потомъ непрерывно, Екатерина, подъ тревожнымъ давленіемъ мысли о возможности вспыхнуть оппозиціи и протеста, принимаетъ всевозможныя мѣры для ихъ предупрежденія и пресѣченія. Мысль эта явно гнететъ ее, часто связываетъ ей руки, заставляетъ иногда дѣлать уступки своимъ убѣжденіямъ о благѣ и пользѣ народа въ угоду тѣмъ элементамъ, въ натурѣ которыхъ ощущалось присутствіе этой мятежной горючести и возможность ея активныхъ вспыхиваній. Въ безпокойномъ опасеніи чѣмъ нибудь воспламенить эту затаенную, тлѣющую искру и въ понятномъ желаніи обезоружить тѣхъ, кто вздумалъ бы ея воспользоваться съ преступной цѣлью, императрица вынуждается нерѣдко прибѣгать къ лицемерію и къ притворству такимъ людямъ и такимъ дѣйствіямъ, которые ей противны и по натурѣ, и по принципу. Это состояніе, похожее на то, которое испытываетъ человѣкъ, находящійся въ зависимости отъ ближнихъ, имѣющихъ, про всякій случай, за пазухой готовый и неотразимый противъ него камень,—особенно сильно удручало Екатерину въ первые годы ея царствованія, когда положеніе ея и популярность недостаточны еще упрочились.

Все это, съ одной стороны, портило и омрачало личный характеръ государыни, приучивъ ее къ подозрительности и притворству, и, съ другой, вносило извѣстную долю фальши и макиавелизма въ ея дѣятельность и въ ея отношенія къ окружающимъ.

Малѣйшій намекъ на вопросъ о правильности ея воцаренія, всякое самое пустое „вранье“, какъ называла она толки объ этомъ предметѣ, раздражаютъ ее, волнуютъ и тревожатъ. Это—ея больное мѣсто, привосновеніе къ которому, хотя бы самое легкое и невинное, потрясаетъ ее и заставляетъ прибѣгать къ такимъ, неблагоприятнымъ самимъ по себѣ и противорѣчившимъ ея образу мыслей, дѣйствіямъ и мѣрамъ, какъ, напр., учрежденіе негласной политической инквизиціи съ знаменитымъ Шешковскимъ во главѣ, „перелюстрація“ частной переписки, замаскированное, а иногда открытое, преслѣдованіе личностей достойныхъ, навлекшихъ почему либо незаслуженныя подозрѣнія, и въ томъ числѣ самого наслѣдника престола, и т. п.

Эта боязливая мнительность приводитъ иногда Екатерину къ явно несообразнымъ, по своей неосуществимости, распоряженіямъ, не говоря уже объ ихъ деморализующемъ соблазнѣ. Такъ, въ 1765 году, по поводу дѣла Хитрова, она издаетъ манифестъ „о молчаньѣ“.

„Воля наша есть,—говорилось въ манифестѣ,—чтобы всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподанныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удалясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои“... „сами заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, совѣмъ до нихъ не

принадлежащих, не имѣя о томъ прямаго свѣдѣнія, стараются заражать и другихъ слабоумныхъ“. Манифестъ оканчивался угрозой, что, если это „матернее увѣщеваніе“ держать языкъ за зубами не подѣйствуетъ, „то вѣдалъ бы каждый изъ таковыхъ невѣждѣ“, что тогда будетъ поступлено съ нимъ „по всей строгости законовъ“.

„Увѣщеваніе“ это должно было произвести странное, неблагоприятное впечатлѣніе на умы и тѣмъ менѣе достигнуть цѣли, что въ немъ ни однимъ словомъ не упоминалось о самомъ предметѣ „продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній“. Повелѣвалось молчать, а объ чемъ именно молчать—неизвѣстно! Несообразность логическая; но, сверхъ того, такіа наивно-деспотическія приказанія, претендующія налагать узду на мысль и совѣсть гражданъ, неудовимыя для полицейскаго контроля, только безъ нужды компрометируютъ авторитетъ власти и, по естественному порядку, возбуждаютъ усиленные толки о томъ самомъ предметѣ, о которомъ воспрещается говорить.

Подобныя распоряженія, столь несогласныя съ свободолубіемъ Екатерины, съ ея высокимъ государственнымъ умомъ и всегда отличавшимъ ее политическимъ тактомъ, свидѣлствуютъ только всю глубину ея тревожнаго состоянія, въ которое ее повергала малѣйшая тѣнь сомнѣнія въ правильности ея воцаренія. Это же указываетъ, что въ тайнѣ души она сама была причастна такому сомнѣнію и сознавала всю его цѣпкость и неотразимость.

Но, быть можетъ, всего ярче и разрушительнѣе отразились указанныя здѣсь условія на преобразовательной дѣятельности Екатерины. Сдѣлала она, положимъ, много для Россіи; но нельзя не признать того факта, что темныя побужденія, внушаемыя непрерывно стоявшимъ насторожѣ эгоистическимъ инстинктомъ самосохраненія, часто парализовали ея волю въ наилучшихъ начинаніяхъ, на примѣръ,—по облегченію участи крестьянъ. Неувѣренная въ твердости своего положенія и въ совершенной непререкаемости своихъ правъ, она оставалась въ своихъ реформахъ на полпути единственно изъ боязни умножить ряды недовольныхъ изъ привилегированныхъ и наиболѣе вліятельныхъ классовъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи status quo. Недовольство это, несправедливое въ своемъ основаніи, было бы нестрашно предъ лицомъ самодержавнаго государя, пекущагося о благѣ огромнаго большинства своихъ подданныхъ; но въ данномъ случаѣ съ нимъ нельзя не считаться, потому что у него за пазухой есть опасный камень, отразить который не легко. Въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ переворотъ 28-го іюня, въ возможности повторить его, и еще съ тѣмъ юридическимъ преимуществомъ, что теперь дѣло шло бы о замѣщеніи „неправо“ сѣвшей на престолъ женщины истиннымъ государемъ мужскаго пола,—было страшное оружіе, на которое косились взгляды всѣхъ недовольныхъ и къ которому протягивались руки наиболѣе рѣшительныхъ изъ нихъ... Уничтожить это оружіе было невозможно — оставалось стараться заставить забыть о немъ, и

тутъ начинались малодушныя сдѣлки съ частными и коллективными эгоизмами, ради ихъ удовлетворенія и хотя бы въ ущербъ общему благу.

Изъ этого же источника происходили и тѣ послабленія хищничеству и произволу фаворитовъ, изъ коихъ каждый, по отзыву князя Щербатова, „какимъ нибудь порокомъ за взятые милліоны одолжилъ Россію“, — тѣ послабленія, говоримъ, которыя, по отзыву другаго историка, были „большою помѣхою славы Екатерины и совершенію ея великихъ плановъ“.

Державинъ, такъ много, громко и цвѣтисто воспѣвавшій Екатерину, указываетъ въ своихъ „Запискахъ“ на ту же слабость ея и категорически опредѣляетъ источникъ, изъ котораго она происходила. Онъ говоритъ, между прочимъ, что „строгое потомство“ едва ли „удержитъ по вѣчность имя великой“ за этой государыней, потому что она „не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ“.

Еще опредѣленнѣе и точнѣ отмѣтили эту черту Екатерины наблюдательные иностранцы—послы, бывшіе при петербургскомъ дворѣ.

Графъ Бекингамъ (англійскій посолъ), которому Екатерина сознавалась въ своемъ безотчетно-тревожномъ состояніи, писалъ, что она, „стѣсненная обязательствами, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми должна была считать себя окруженною, не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ окружающихъ ее людей, которыхъ характеръ и способности она должна презирать“.

Французскій посолъ Бретейль, наблюдая „тяжелую работу, съ какою императрица старалась понравиться всѣмъ и сама въ разговорѣ съ нимъ уподобляла себя зайцу, травимому со всѣхъ сторонъ, замѣчаетъ, что съ воцареніемъ она „стала обнаруживать слабость и колебаніе — недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи!“

Указанія эти драгоцѣнны для насъ въ интересѣ пониманія какъ личной жизни государыни, удручаемой роковымъ противорѣчіемъ ихъ положенія, такъ и той общественно-политической атмосферы, которую создавало „бабье правленіе“, въ связи съ дворцовыми переворотами. Душно и нездорово должна была чувствовать себя такая чуткая, дальновидная женщина, какою была Екатерина, въ этой атмосферѣ, насыщенной мѣзмами разнузданныхъ эгоистическихъ инстинктовъ и ядомъ затаеннаго предательства, нагло выказывающаго клыки для шантажа!

Анализируя образ дѣйствій Екатерины, видимъ, что темное чувство боязни лежало неизгладимой тѣнью на ея душѣ, искажало ея благородный характеръ, тормозило ея чуткую къ добру волю и заставляло верѣдко относиться снисходительно къ злу. Но посмотримъ, въ какой мѣрѣ эта боязнь питалась и оправдывалась фактами?

Нужно замѣтить, что воцареніе Екатерины было неожиданностью не только для общества, но даже для многихъ ея сторонниковъ, желавшихъ низверженія Петра III.

Опытъ прежнихъ женскихъ царствованій далеко не расположилъ русскихъ людей въ пользу практики „бабьяго правленія“ на дальнѣйшее время. Петръ III, незадолго до сверженія, котораго онъ не допускалъ даже въ подозрѣніи, писалъ Фридриху II, что „руссіе всегда желали одного—быть подъ властію государя, а не женщины. Двадцать разъ,—говоритъ онъ,—я самъ слышалъ отъ солдатъ моего полка: „Дай Богъ, чтобъ вы скорѣе были нашимъ государемъ, чтобъ не быть намъ больше подъ властію женщины“!

Сама Екатерина въ рѣшительную минуту, рассчитывая на успѣхъ задуманнаго переворота, вовсе, однако жъ, не была увѣрена въ своемъ избраніи. Ей было извѣстно предположеніе, раздѣлявшееся вліятельнѣйшими и серьезнѣйшими людьми ея партіи, и въ томъ числѣ многими прямыми участниками заговора,—по низверженіи Петра III возвести на престолъ наслѣдника Павла Петровича, а до его совершеннолѣтія сдѣлать государыню регентшей. Таковъ былъ планъ, между прочимъ, знаменитаго Н. И. Панина, стоявшаго во главѣ оппозиціи Петру III. Не подлежитъ сомнѣнію, что при нормальномъ и спокойномъ ходѣ вещей, гдѣ вопросъ объ избраніи обсуждался бы правильно, при участіи всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновъ, дѣло такъ бы и уладилось, тѣмъ болѣе, что иного рѣшенія не давалъ и прямой законъ о престолонаслѣдіи. Но нарушение этого закона было уже не въ диковину, а опыты предшествовавшихъ дворцовыхъ переворотовъ давали прекрасный урокъ, какъ ихъ нужно дѣлать, не спрашивая мнѣній и желаній общества и народа...

Стоя на строгой почвѣ историческихъ фактовъ, мы должны сказать, что провозглашеніе Екатерины императрицей было дѣломъ небольшой кучки ея приближенныхъ, главнымъ образомъ—Орловыхъ, людей молодыхъ, энергическихъ и смѣлыхъ, съумѣвшихъ воспользоваться удобной минутой для переворота, поднять и наэлектризовать толпу гвардейскихъ солдатъ, возбужденную, съ одной стороны, недовольствомъ антипатичными голштинскими порядками Петра III, а съ другой—перспективной льготой и наградъ, на которыя смѣло можно было рассчитывать въ случаѣ удачи „дѣйства“. Безъ сомнѣній, толпа эта, какъ всякая толпа, очень смутно понимала смыслъ переворота, котораго она являлась орудіемъ, вовсе не вдавалась въ соображенія о правовомъ порядкѣ престолонаслѣдія, а, дѣйствуя порывомъ, подъ горячимъ впечатлѣніемъ минуты, выкрикнула безотчетно то имя,

которое ей подсказали коноводы, и пошла за тѣмъ лицомъ, которое первое явилось предъ ней въ роли вождя и во всеоружіи правъ представителя царствующей династіи.

Къ счастью, на этотъ разъ съ рѣшеніемъ военной толпы совпали желанія большинства общества, и Провидѣнію было угодно такимъ экстравагантнымъ путемъ даровать Россіи великую государыню; но вначалѣ многіе были смущены неожиданнымъ оборотомъ событий, возникъ цѣлый рядъ сомнѣній и недоразумѣній въ средѣ даже преданныхъ государынь людей серьезнаго образа мыслей, желавшихъ, какъ Панинъ, напр., чтобы переворотъ совершился при непосредственномъ участіи сената.

„Екатерины, — говорить Соловьевъ, — нужно было много лѣтъ искуснаго, твердаго и счастливаго правленія, чтобы... заставить признать законность своей власти. Въ первое время царствованія это признаніе не было всеобщимъ, и въ Европѣ не было еще увѣренности, что Екатерина удержится на престолѣ“.

Прежде всего къ такому признанію весьма неохотно склонялись вельможные люди, замышлявшіе, съ устраненіемъ Петра III, возвести на престолъ Павла Петровича. Они не могли быть довольны неожиданнымъ оборотомъ, даннымъ этому вопросу сангвиническими героями „дѣйства“ 28-го іюня, и чтобы повернуть дѣло сколько нибудь на свой ладъ, выступаютъ съ предложеніемъ ограничить власть императрицы чѣмъ-то въ родѣ верховнаго совѣта. Пружинны въ этомъ замыслѣ старья—тѣ же самыя, которыя двигали „затѣйкой“ блаженной памяти „верховниковъ“ въ дни Анны Ивановны. Съ одной стороны, желаніе „воли себѣ прибавить“, пользуясь удобнымъ случаемъ—шаткостью положенія Екатерины и ея женской податливостью, съ другой—неискоренимое предубѣжденіе противъ „бабьяго правленія“ съ его послѣдствіями.

Авторъ и главный руководитель этого плана, Н. И. Панинъ, мечтавшій о введеніи шведской конституціи въ Россіи, проводилъ ту мысль, что власть монархическая „никакъ иначе въ полезное дѣйство произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ“. На этомъ основаніи и въ огражденіе „самодержавной власти отъ скрытыхъ похитителей оныя“ (фаворитовъ), онъ предлагалъ учрежденіе императорскаго совѣта, который долженъ былъ представлять собою „не иное что, какъ то самое мѣсто, гдѣ мы (государыня) обь имперіи трудимся“.

Въ своемъ докладѣ Панинъ мотивируетъ предложенный проектъ ссылкой на несовершенство и слабость стороны царствованія Елизаветы. Въ сущности же, это—откровенная и рѣзкая діатриба противъ женскаго правленія вообще. Указывая на недостатки и погрѣшности Елизаветы, авторъ прямо намекаетъ на возможность повторенія и теперь тѣхъ же послѣдствій фигурированія женщины на престолѣ, и

чтобъ устранить эти послѣдствія, предлагаетъ ограничить власть императрицы. Таковъ былъ смыслъ доклада Панина и такъ именно поняла его Екатерина.

Панинъ въ язвительныхъ выраженіяхъ возставалъ главнымъ образомъ противъ одного изъ неизбѣжныхъ послѣдствій женскаго правленія, противъ фаворитизма—противъ „случайныхъ и припадочныхъ людей“, которые, пользуясь слабостью и малодѣятельностью государыни—женщины, составляютъ „всегда злоключительный общему благу интервалъ“ между престоломъ и правительствомъ. „Они, временщики и куртизаны,—говоритъ онъ,—сдѣлали въ немъ (т. е. въ правительствѣ), яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго неимѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю“..... „Большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ; государственныя оставались безъ призрѣнія; все было смѣшано; всѣ наиблагѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ; вездѣ фаворъ и старшинство людей опредѣляло; не было выбору способности и достоинству“... „Фаворитъ остался душою животворящею или умерщвляющею государство; онъ вѣтромъ и непостоянствомъ погруженъ, не трудясь тутъ, производилъ однѣ свои прихоти“...

Эти стрѣлы мѣтили не въ бровь, а въ глазъ... При восшествіи на престолъ, фавориты Екатерины уже обозначились, а одинъ изъ нихъ простиралъ свои властолюбивые виды слишкомъ далеко. Панинъ зналъ о предполагавшемся тогда бракѣ императрицы съ Григоріемъ Орловымъ, и намъ становится понятной страстность его протеста, подписаннаго переднимъ числомъ и несомнѣнно внушеннаго патриотическимъ чувствомъ, чего, однако, не хочетъ признать Соловьевъ, предполагающій, что Никитой Ивановичемъ руководили въ этомъ случаѣ своекорыстіе и властолюбіе... Это совершенно несправедливо!

Панинъ и его единомышленники не знали еще тогда, на что способна Екатерина, не видѣли еще результатовъ ея дѣятельности и не подозрѣвали въ ней присутствія того государственнаго генія, который развернулся потомъ. На глазахъ у нихъ былъ пока только рядъ неудачныхъ опытовъ женскаго правленія,—и естественно было имъ тревожиться предъ открывавшеюся возможностью повторенія этихъ опытовъ.

Екатерина подписала проектъ, составленный Панинымъ, съ нѣкоторыми исправленіями, но онъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе во всемъ пространствѣ, а вскорѣ и вовсе преданъ былъ забвенію. Екатерина, стремившейся къ самовластію, онъ былъ крайне непріятенъ, и если она первоначально приняла его, то—поневолю, единственно изъ расчета согласить съ собою оппозиціонные элементы въ средѣ вліятельнаго высшаго служебнаго міра и обезоружить ихъ.

Въ значительной степени ей это удалось. Впослѣдствіи и Панинъ, и всѣ его единомышленники, совершенно примирились съ установившимся порядкомъ, крайней мѣрѣ наружно. Оппозиція съ этой стороны улеглась, хотя нельзя сказать, чтобы люди такого закала, какъ Панинъ, моралисты и мыслители, съ твердо сложившимся мировоззрѣніемъ, признавали внутренне этотъ порядокъ нормальнымъ и ничего болѣе совершеннаго, съ ихъ точки зрѣнія, не хотѣли желать.

Взгляды этого сорта людей на женское правленіе вообще, ихъ принципиальное предубѣжденіе къ нему, пытавшееся отрицательными послѣдствіями царствованія женщинъ, въ которыхъ не было недостатка и въ дни Екатерины, рельефно и краснорѣчиво выражены въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ литературы XVIII столѣтія. Мы говоримъ объ извѣстномъ сочиненіи кн. Щербатова— „Поврежденіе нравовъ въ Россіи“, которое, въ сущности, есть ничто иное, какъ обвинительный актъ всему періоду женскаго правленія въ нашей исторіи. Вся эта книга насквозь проникнута частью рѣзко-отрицательнымъ, частью желчно-скептическимъ отношеніемъ ко всѣмъ женскимъ царствованіямъ, съ чѣмъ, вѣроятно, согласится всякій, кто читалъ эту книгу. Мы обратимъ здѣсь вниманіе только на ея конечный выводъ.

Выводъ этотъ самъ собою явствуетъ уже изъ того, что авторъ весь названный періодъ отождествилъ съ эпохой упадка и „поврежденія“ нравовъ въ Россіи и ея „плачевнаго состоянія“ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ онъ думалъ. Дѣло въ томъ, что онъ—строгий монархистъ, исповѣдующій самодержавіе во всей его чистотѣ, и—съ этой точки зрѣнія—смотреть на царствованіе женщинъ, какъ на печальную случайность и аномалію.

Заканчивая свои скорбныя lamentации, кн. Щербатовъ патристически молитъ Бога, „чтобъ лучшимъ царствованіемъ зло истреблено было“, чтобы Богъ послалъ Россіи „государя, искренно привязаннаго къ закону Божію; строгаго наблюдателя правосудія, начавши съ себя; умѣреннаго въ пышности... награждающаго добродѣтели и ненавидящаго пороки... постоянна въ дружбѣ; показующаго примѣръ собою своимъ домашнимъ согласіемъ съ своею супругою, и гонящаго любовьстрастіе; щедръ безъ расточительности“ и т. д.

Въ этихъ, намѣченныхъ Щербатовымъ, чертахъ идеала государя явно сквозитъ косвенное, инсказательное изобличеніе темныхъ, сомнительныхъ сторонъ царствованія Екатерины и, вообще, времени „бабьяго правленія“. Намѣчая положительныя качества желаннаго государя, Щербатовъ умышленно подобралъ противоположенія качествамъ отрицательнымъ, которыми, на его взглядъ, отличались личности Елизаветы и Екатерины. За всѣмъ тѣмъ, прося Бога о „лучшемъ царствованіи“ для Россіи въ будущемъ, онъ разумѣетъ исключительно личность государя, въ мужскомъ полѣ безусловно, отвергая возможность повторенія „бабьяго правленія“..

Но люди, подобные князю Щербатову, были не страшны. Ихъ оппозиція была дѣломъ принципа, внутренняго убѣжденія, и не выходила изъ области отвлеченно-теоретической. Друзья порядка и законности, нравственно покоренные, къ тому же, Екатериною, съ одной стороны, милостями, съ другой—блестящими дѣяніями ея царствованія,—они никогда и не помышляли о какой нибудь активной попыткѣ переименовать дѣло на свой ладъ... Опасность шла съ другихъ сторонъ; другая оппозиція—мятежная—не давала о себѣ забыть; во все царствованіе Екатерины она то тамъ, то здѣсь, поднимаетъ свою многоглавую, змѣяную пасть, подъ иными разнообразными личинами, и—съ этой гидрой нужно было уже считаться, не покладая руля.

Х.

Въ царствованіе Екатерины II недовольству „бабимъ правленіемъ“ было за что зацѣпиться болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Кончина Петра III, окруженная таинственностью, дѣлается предметомъ сомнѣній и сожалѣній; изъ сомнѣній вырастаетъ призракъ, смущающій умы легковѣрныхъ,—благодарное орудіе обмана для смѣлыхъ „воровскихъ“ предпріятій.

Въ Шлиссельбургѣ живетъ пока несчастный Иванушка... Новое и болѣе реальное искушеніе для тѣхъ, кто не даетъ ослѣпить себя призракомъ и отыскиваетъ живаго, дѣйствительнаго замѣстителя на престолѣ неудобной „персоны“.

Въ Петербургѣ подростаетъ великій князь Павелъ Петровичъ... Онъ — наследникъ престола; но отчего не государь, отчего онъ не коронованъ, если такъ слѣдовало бы по праву? Еще искушеніе вѣшаться въ дѣло, во имя поправленной законности, и перевернуть его на свой вкусъ.

Всѣ эти имена являются готовыми знаменами мятежа, за которыя хватаются буйныя головы и постоянно находятъ достаточное число легковѣрныхъ и недовольныхъ, съ рѣшимостью идти за ними на опасное и незаконное дѣло. Все то, что испытывало „тяготу неудобноносимую“ отъ бремени налоговъ, отъ помѣщичьяго и приеазнаго произвола, отъ правосудія, отъ солдатчины и проч.,—а такого народа на Руси было тогда особенно много, — все объединяется ропотомъ на существующіе порядки, отождествленные съ неправымъ „бабимъ правленіемъ,“ и воплощаетъ свои надежды на льготу въ идеѣ „истиннаго“ государя, въ возстановленіи этой идеи въ живомъ лицѣ.

Мысль, что вся „тягота“ и тѣснота происходятъ отъ того, что на престолѣ сидитъ не подлинный, „правый“ государь, а незаконно вступившая на него женщина, которой, вообще, „недостойно на царствѣ сидѣть“, является лозунгомъ всѣхъ мятежныхъ всплшекъ и

служить имъ зажигательной искрой. А искра эта могла зажечь при случаѣ такой страшный пожаръ, какъ пугачевскій бунтъ.

Извѣстный Руничъ, разбирая причины этого бунта, указываетъ, между прочимъ, на то, „что будто народъ желалъ, дабы императорская власть состояла въ мужскомъ родѣ“ и злоумышленники „раздували искру сію въ народѣ“. Это же подтверждаютъ и другіе писатели, подтверждаютъ также факты и, главнымъ образомъ, тотъ, что народъ и поднялся-то противъ государыни-женщины во имя государя-мужа. Слѣдовательно, присутствіе такой „искры“ подразумевалось здѣсь само собою и не нуждается въ доказательствахъ.

Уже первые „медовые“ мѣсяцы царствованія Екатерины были отравлены открытіемъ заговора, клонившагося къ ея ниспроверженію. Дѣло происходило въ Москвѣ, въ моментъ коронаціи. Въ то самое время, когда государыня писала гр. Кейзерлингу о „радости“, какую народъ постоянно оказывалъ при видѣ ея, въ средѣ этого самаго ликующаго народа повторялось имя Иванушки и втайнѣ ковалась крамола. Однажды, къ графу Г. Г. Орлову явился капитанъ Московскаго драгунскаго полка Побѣдинскій и заявилъ о существованіи партіи, которая хочетъ возвести на престолъ Ивана Антоновича. Въ числѣ участниковъ партіи онъ назвалъ нѣсколько знатныхъ лицъ: И. И. Шувалова, Н. И. Панина, кн. Трубецкаго и др. Назвалъ онъ ихъ, какъ потомъ оказалось, по одной „эхъ“, которая, конечно, не имѣла никакого основанія. Даже, въ сущности, заговора не было, а было одно „вранье“, по тогдашнему термину. Среди офицеровъ разныхъ гвардейскихъ полковъ возникли толки, что существуетъ „партія“, и даже не одна, а двѣ—съ цѣлю низвести съ престола императрицу и посадить на ея мѣсто, по желанію одной „партіи“, Ивана Антоновича, а по выбору другой—Павла Петровича. Мнѣнія недовольныхъ разбивались соотвѣтственно этимъ двумъ именамъ. Шли споры, которая „партія“ лучше и къ которой изъ нихъ выгоднѣе пристать? Въ роли главныхъ агитаторовъ и распространителей этого „вранья“ были избличены офицеры—Хрущовъ и братья Гурьевы...

Искра была погашена на первыхъ порахъ, но на Екатерину это ничтожное, по своему содержанію, дѣло произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Слѣдствіе показало, что источникомъ „вранья“ было личное неудовольствіе и воспринималось оно всего охотнѣе тѣми, кто считалъ себя обойденнымъ въ наградахъ, посыпавшихся на гвардію послѣ 28 іюня. Слѣдовательно, выходило такъ, что тѣ самые люди, которые помогали перевороту, теперь, при малѣйшемъ неудовольствіи, обращаются въ возмутителей, „распалываютъ“ солдатъ, впутываютъ въ свои козни знатныхъ лицъ и съ легкимъ сердцемъ рѣшаются на повтореніе соблазнительнаго опыта: если тогда однимъ удалось, такъ отчего и имъ не можетъ удалиться теперь?

Тутъ было отчего встревожиться. Не страшно было, само по себѣ,

хрущовское дѣло—страшило деморализующее настроеніе умовъ, такъ легко поддававшихся мятежному „вранью“ и искушенію поднять руку на государыню.

Раздраженіе неудовлетворенныхъ згоизмовъ проявлялось тѣмъ рѣзче, что на глазахъ у всѣхъ было чрезмѣрное возвышеніе фаворитовъ Орловыхъ, далеко оставившихъ за собою въ приобрѣтеніи вліянія, почестей и богатства всѣхъ другихъ сподвижниковъ событія 28 іюня, считавшихъ свои заслуги не меньшими ихъ. При всемъ томъ, Орловы стали зазнаваться.

— „Орловы раздражили насъ своею гордостію,—говорили обиженные:—мы было чаяли, что наша общая служба къ государынѣ утвердитъ нашу дружбу, а нынѣ видимъ, что они—развратъ.“

Эти слова вышли изъ устъ камергера Ласунскаго. Другіе недовольные изъ той же придворной среды шли дальше. Камеръ-юнкеръ Хитровъ, не менѣе другихъ раздраженный возвышеніемъ и спѣсью Орловыхъ, когда разнесся слухъ о предполагавшемся устройствѣ брака Екатерины съ Г. Г. Орловымъ, заявилъ камеръ-юнкеру же кн. Несвижскому, что онъ и другіе „на собраніи своемъ положили просить государыню—если намѣрена выйти замужъ, то у Иванушки есть два брата; а если не согласится за нихъ, то, схватя Орловыхъ, всѣхъ отлучить...“ И опять къ „вранью“ примѣшиваются имена знатныхъ лицъ: Н. И. Панина, княгини Дашковой, Глѣбова, Теплова и др. Сама государыня подозрѣваетъ, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ замыселъ Хитрова „супционировали или, лучше сказать, знали...“

И дѣйствительно, въ участіи во „враньѣ“ такого рода изобличались люди разныхъ классовъ и сословій, не исключая и духовнаго. Хорошо извѣстно дѣло ростовскаго архіерея Арсенія Маѣвевича, который явился искупительной жертвой партіи недовольныхъ въ средѣ духовенства. То, что онъ думалъ и говорилъ, раздѣлялось многими представителями духовенства, а говорилъ онъ, какъ доносили на него въ 1767 г., что Екатерина „наша не природная-де и не тверда въ законѣ нашемъ и не надлежало ей престола принимать.“ Себя Арсеній (находившійся тогда въ ссылкѣ) сравнивалъ съ Златоустомъ, „зачоченнымъ также царицею.“ Толковалъ о пророчествѣ, будто бы въ Россіи стануть царствовать двое юношей: первый юноша—великій князь (Павель Петровичъ), другой—братъ принца Ивана (это говорилось уже послѣ смерти послѣдняго...) Арсенія за это пророчество и за другія оскорбительныя для ея величества слова лишили монашескаго сана и даже имени, присвоивъ ему позорную кличку „Андрея Врала,“ и заточили въ инородческой Ревель; дома оставить не хотѣли, боясь соблазна и—не напрасно. Слѣдствіе обнаружило, что вышеприведенныя разсужденія его, которыя онъ выказывалъ, сидя въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, приписли по сердцу мѣстному архимандриту съ братіей, а также караульнымъ солдатамъ и ихъ начальнику, подпрапорщику Алексѣевскому. Всѣ они стали отно-

ситься къ Арсенію не какъ къ заключенному и разжалованному, а какъ къ истинному архіерею, и дѣлали ему послабленіе...

Въ какой степени легко было совратить „враньемъ“ простыхъ людей, напр., солдатъ, и подвинуть ихъ къ открытому даже восстанію, во имя идеи государя, показали знаменитыя и общеизвѣстныя шлиссельбургскія „дивы,“ какъ называли тогда дерзкую попытку Мировича и ея послѣдствія. Когда Мировичъ подговаривалъ поодиначкѣ солдатъ своей команды къ участию въ своемъ предпріятіи, то большинство поддавалось сразу, а немногіе скептики, послѣ недолгаго колебанія, говорили; „Если всѣ, то и я.“ И дѣйствительно, всѣ до одного, очертя голову, пошли за своимъ отчаяннымъ командиромъ „освободить государя...“

Екатерина, довольная тѣмъ, что въ неудачной затѣѣ Мировича „зло“ было „пресѣчено въ корню,“ тѣмъ не менѣе сознавалась, что у нея „сердце щемитъ“ при одной мысли „объ этомъ дѣлѣ,“ и выражала опасенія, что „искра кроется въ пеплѣ,“ и что ее нужно бы искать не въ Шлиссельбургѣ.

Такое опасеніе она выражала при обнаруженіи каждой въ подобномъ родѣ вспышки, и—опасеніе, имѣвшее серьезныя, реальныя основанія.

Такъ, тревожившія императрицу „продерзкія и непристойныя разглашенія,“ несмотря на всевозможныя мѣры унять ихъ и заглушить, не умолкали и, по мѣрѣ ихъ распространенія, принимали все болѣе горячее и злокачественное значеніе, пока, наконецъ, не стали переходить въ дѣло. По естественному порядку, назрѣвавшее недовольство, какъ подкожная болѣзнь въ организмѣ, должно было прорваться наружу явными воспалительными язвами. Попытка Мировича была однимъ изъ такихъ назрѣвшихъ нарывовъ; ее своевременно ампутировали, но—„искра“ осталась „въ пеплѣ“ и не замедлила обнаружиться въ цѣломъ рядѣ подобныхъ же опасныхъ болячекъ, слившихся потомъ въ огромную сплошную гангрену, поразившую чуть не весь государственный организмъ и исцѣленіе отъ которой стоило столькожъ жертвъ и столько крови.

Уже въ концѣ 60-хъ годовъ въ народѣ стали разглашаться смутныя вѣсти, что императоръ Петръ III живъ и что онъ скоро „объявится“ на утѣшеніе всѣхъ обиженныхъ и отягощенныхъ. Такія вѣсти находили себѣ особенно благодарную почву на окраинахъ, гдѣ тогда скоплялся самый горячій матеріаль—все, что только было недовольнаго существовавшими въ государствѣ порядками, враждебнаго имъ и буйнаго.

Является въ Исецкой провинціи казакъ Каменьщиковъ, строптивый, безпокойный человѣкъ, не ладившій съ мѣстными властями. Штатается онъ повсюду и мутитъ народъ разглашеніемъ, будто императоръ Петръ Ѳедоровичъ живъ, находится въ Троицкой крѣпости, и что на него-то онъ, Каменьщиковъ, „надѣется,“ да и другимъ,

кто въ чемъ обиженъ, совѣтуеть положиться на этотъ вѣрный источникъ правды и милости...

Каменьщику не удалось произвести смуту, но „искра въ пеплѣ“ тлѣлась и въ охотникахъ раздуть ее недостатка не было.

Въ 1765 г., появляется первый самозванецъ—лже-Петръ III, предтеча страшнаго Пугачева, опередившій его, стало быть, почти на десять лѣтъ. Это былъ бѣглый солдатъ Гаврила Кремневъ, пьяница и бунтъ, по аттестаціи суда. Несмотря на такую нелицеподобную репутацію, Кремневъ, объявивъ себя Петромъ III, нашелъ немало увѣровавшихъ въ него сторонниковъ среди не только крестьянъ и отставныхъ солдатъ, но и духовенства. Объявился онъ въ Воронежской губерніи. Встрѣчаетъ его мѣстный попъ Левъ Евдокимовъ и выражаетъ сомнѣніе, точно-ли онъ императоръ?

— Вѣдь государь Петръ III умеръ, сказалъ онъ Кремневу.

— Тогда умеръ солдатъ, возразилъ тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и своей самоувѣренностью окончательно сразилъ простодушнаго попа.

Евдокимовъ сталъ самымъ преданнымъ и горячимъ приверженцемъ самозванца, и задумали они цѣлый обширный планъ приведенія въ подданство російской имперіи. Замѣчательно при этомъ, что Кремневъ явился предтечей Пугачева даже во внѣшнихъ приемахъ: подобно послѣднему, онъ тотчасъ же произвелъ своихъ приверженцевъ въ генералы и надавалъ имъ имена извѣстныхъ тогда вельможъ: одного назвалъ Румянцевымъ, другаго—Пушкинымъ и т. д.

Вспышка эта, какъ и цѣлый рядъ за ней послѣдовавшихъ, была погашена; но починъ былъ сдѣланъ. Самозванцы начинаютъ появляться одинъ за другимъ то тамъ, то здѣсь,—„даже у монтонегрельцевъ (черногорцевъ)“, какъ свидѣтельствуешь Руничъ, гдѣ въ 1769 г. Петромъ III назвался какой-то Стефанъ Малый. Руничъ рассказываетъ подробно о самозванцѣ, крестьянинѣ Богомоловѣ, назвавшемся Петромъ III въ 1772 г. Его поймали и посадили въ Царицынскую крѣпость, гдѣ „народъ собрался у тюрьмы, чтобъ оную разломать и самозванца освободить“. Сдѣлать этого не удалось, но по этому случаю произошло цѣлое сраженіе.

Ранѣе этого, одновременно было схвачено еще нѣсколько самозванцевъ (по счету А. С. Пушкина—четыре): армянинъ Асланбековъ, солдатъ Петръ Чернышевъ, солдатъ Іевъ Евдокимъ и др. Послѣдній, почему-то, предпочелъ назваться Петромъ II и встрѣтилъ большое радушіе у раскольниковъ. Остальные же самозванцы, включительно до Пугачева, постоянно именовались Петрами III, и включительно до Пугачева правительство не подозрѣвало всей глубины совершающагося на его глазахъ болѣзненнаго процесса, смотря на его проявленія, какъ на случайныя аномаліи, происходившія „безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія“.

«истор. вѣсти.», годъ III, томъ VII.

А между тѣмъ, Пушкинъ, въ оставленныхъ имъ рукописныхъ примѣчаніяхъ къ его „Исторіи пугачевского бунта“, утверждаетъ, на основаніи фактическихъ данныхъ, что „не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь (Петръ III) живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ или желалъ вѣрить сему слуху“. Если это было такъ, то неудивительно, что „весь черный народъ, по увѣренію того же компетентнаго автора, былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства“... Однако жъ, и съ этой стороны было не мало случаевъ „открытой“ измѣны.

Въ средѣ дворянской и служебной, само собою разумѣется, очень немногіе искренно вѣрили въ бытіе Петра III и еще менѣе могли увлекаться его призракомъ, въ лицѣ того или другаго самозванца. Недовольные изъ этой среды, противники „бабьяго прамленія“, изъ принципа-ли, или по личнымъ обидамъ, обращали свои взоры, главнымъ образомъ, на великаго князя Павла Петровича, и — исключительно на него одного съ той поры, когда несчастнаго Ивана Антоновича не стало. Сама Екатерина, какъ извѣстно, очень ревнивыми и подозрительными глазами смотрѣла на великаго князя, видѣла въ немъ своего опаснаго соперника и старалась различными способами устранять его отъ арміи и отъ управленія государствомъ и какъ можно менѣе содѣйствовать его популярности. Вообще, отношенія между ними были не изъ лучшихъ, какъ извѣстно...

Екатерина не могла забыть, что при переворотѣ 28 іюня многіе желали возведенія на престолъ не ея, а великаго князя, и всѣ, кто подозрѣвался въ сочувствіи этой мысли, всегда внушали ей недоувѣріе и антипатію. На этомъ основаніи, она не любила, напр., одного изъ благороднѣйшихъ русскихъ людей своего времени — А. И. Бибикова, котораго „подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая желала возвести на престолъ великаго князя. Симъ призракомъ, — замѣчаетъ Пушкинъ, — безпрестанно смущали государыню, и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ“...

Не „смущаться“ нельзя было, потому что „призракъ“ воплощался нерѣдко въ рѣшительныя мятежныя намѣренія низвергнуть императрицу въ пользу Павла Петровича, помимо его вѣдома и воли.

Въ 1772 г., въ средѣ дворянъ — офицеровъ гвардіи — образовался кружокъ, пришедшій къ рѣшенію, что „народнаго отягощенія отвратить инымъ ничѣмъ не можно и добраго дожидаться нечего, какъ только тѣмъ, что возвести надобно на престолъ его высочество“... Недовольныхъ одно только останавливало отъ рѣшительныхъ, въ такомъ смыслѣ, дѣйствій: у нихъ не было „фундатора“ для составленія заговора и не знали, какъ приступить къ дѣлу безъ согласія великаго князя, до котораго очень трудно было „дойти“.

Заговоръ этотъ, во главѣ котораго стояли Озеровъ и Жилинъ, возникъ, главнымъ образомъ, изъ видовъ дворянско-крѣпостническихъ. Заговорщики роптали, что „въ законѣ написали вольность (?) крестьянамъ и колопамъ“ и „тѣмъ дворянство оскорблено“. Роптали они также на самовластіе Орловыхъ, на войны, на рекрутскіе наборы, на слабость правленія и пр. Однако жъ, „фундатора“ мятежу они не нашли и, ничего не сдѣлавъ, заплатились сами... Не помогло имъ и случившееся тогда прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца, отъ котораго они ждали переворота и явленія новаго государя.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ участниковъ этого заговора нашли себѣ „фундатора“ потомъ въ далекой Камчаткѣ, въ лицѣ знаменитаго авантюриста Беневскаго, поднявшаго знамя бунта во имя Павла Петровича и съ этимъ знаменемъ счастливо совершившаго съ товарищами, послѣ освобожденія отъ каторги, кругосвѣтное путешествіе. Исторія Беневскаго хорошо извѣстна.

Но погашенная „искра“ въ одномъ мѣстѣ, не замедляла вспыхнуть въ другомъ. Въ семидесятыхъ годахъ, правительство было встревожено движеніемъ, распространившимся среди гвардейскихъ солдатъ. Движеніе было вызвано слухомъ, будто бы великаго князя хотятъ „извести“, а Орловъ намѣревается стать императоромъ. На этомъ основаніи, стали толковать, что необходимо этимъ вознямъ положить конецъ: возвести на престолъ Павла Петровича, а Екатерину посадить въ монастырь, или убить. Главнымъ агитаторомъ этого движенія былъ капралъ Оловенниковъ, который, на сомнѣніе нѣкоторыхъ соумышленниковъ—будутъ ли согласны на переворотъ народъ и армія, далъ очень характеристическій отвѣтъ:

— Ну, ужъ какъ гвардія здѣсь присягнетъ (Павлу), армія такъ и станетъ думать, что ужъ такъ и остальное...

Такое горделивое убѣжденіе, что гвардія всему дѣлу голова и что въ ея рукахъ безапелляционное рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи,—было прямымъ печальнымъ результатомъ практики всѣхъ дворцовыхъ переворотовъ. И Екатерина напрасно старалась „гвардію коливо возможно вычистить“ отъ этого опаснаго духа.

Къ Павлу Петровичу, какъ къ надеждѣ на лучшія времена, какъ къ желанному восстановителю попорченной въ государствѣ правды, обращались всѣ неудовлетворенныя и оскорбленныя сердца изъ среды преимущественно служебной и шляхетской. Это было предметомъ немолкаемаго „вранья“ не только устнаго, но и письменнаго. Стали, напримѣръ, появляться пасквили въ этомъ смыслѣ, и объ этихъ пасквиляхъ возбуждалось множество дѣлъ. Одно изъ нихъ имѣется у насъ въ рукахъ, съ которымъ мы и познакомимъ читателей для дополненія представленной характеристики тогдашняго общественнаго настроенія, возбужденнаго порядками „бабьяго правленія“.

Жилъ въ 1777 г., въ Москвѣ, отставной поручикъ Андрей Федоровъ Мневскій, человекъ молодой, пострадавшій лично отъ пугачев-

цевъ, которые убили его жену, а его самого изувѣчили и держали въ плѣну, по освобожденіи принимавшій участіе въ усмирении бунта, но по службѣ неособенно авансировавшій. Въ 1775 г., онъ занемогъ чахоткою и, выйдя въ отставку, вель, по отзыву слѣдователей, „самое распускное житіе“ и, вообще, былъ человекъ „весьма дурной кондуиты“. Неизвѣстно, съ чего ему вздумалось взяться за перо, которыми онъ владѣлъ весьма неискусно, и сочинить „пасквиль“, въ странной и претенціозной формѣ—„Рѣчи, говоренной (будто бы) его височествомъ въ первомъ его присутствіи въ сенатѣ при входѣ“.

Въ сущности, въ рѣчи этой ничего нѣтъ пасквильнаго и возмутительнаго—она просто неграмотна и, по совершенно вѣрному заключенію тайной экспедиціи, кромѣ „невѣжества“, не содержитъ „въ себѣ ниже малаго подобія съ истиною, такъ какъ и съ разумомъ порядочнаго человекѣа“. То есть, намеки и „подобія“ на истину и на разумъ въ ней есть, но въ очень нескладной формѣ. Суть въ томъ, что Мневскій, устами какъ бы великаго князя, изобличаетъ екатерининскихъ „правителей“ въ томъ, что они „великости дѣла нивакъ не стараются наблюдать правосудія и мало помнать долгъ своего званія, нарушили клятвенное обѣщаніе“, о дѣлахъ „не помышляють никогда, не щадя бѣдныхъ притѣсненныхъ злоухищреніемъ ненасытныхъ и кровожадныхъ людей, кои интересъ неправильно присвоиваютъ себѣ“, и т. п.

Нескладница эта заканчивается такимъ воззваніемъ, яко бы, великаго князя:

„О, великій Боже! исправь ихъ пороки, внуши добродѣтель и истину, да съ успѣхомъ подвиги наши къ спокойству и тишинѣ нашей имперіи будутъ, но если не войдутъ въ предразсужденіе и не исправятся отъ насъ ввѣренные правители, пролей Ты свой гнѣвъ, да возьмемъ и мы вкупно съ онымъ мечь!“.

Конечно, этотъ продуктъ тогдашней „подпольной“ литературы былъ направленъ противъ существовавшаго порядка и косвенно противъ государыни, но слишкомъ ужъ отдаленно и невинно. Екатерина такъ именно и взглянула на дѣло, признавъ, что „толь гнусное сочиненіе совершеннаго презрѣнія заслуживаетъ“, а самъ сочинитель не стоить „положеннаго законнаго наказанія“. Мневскаго, дѣйствительно, освободили безъ всякаго наказанія¹⁾.

Но совершенно иначе взглянули на этотъ „пасквиль“ московскія власти. Князь Волконскій требовалъ для Мневскаго „экземплярнаго наказанія за дерзость, въ примѣръ другимъ“. И онъ имѣлъ на то свое основаніе въ томъ обстоятельствѣ, что „бумага“, сочиненная Мневскимъ, несмотря на ея малограмотность и нескладницу, „таскалась“ по всей Москвѣ, во множествѣ списковъ, и мутила умы. Мало

¹⁾ Государств. архивъ, д. № 2517 (Изъ портфеля редакціи „Историческаго Вѣстника“).

того. Когда дѣло уже окончилось, „рѣчь“ Мневскаго явилась въ 1778 году, въ Орлѣ, у колодниковъ, съ очень выразительнымъ прибавленіемъ, что она „вышла въ народъ“. Находили ее потомъ и въ другихъ мѣстахъ, въ Твери, напримѣръ, у купцовъ, и пр. Слѣдовательно, она производила впечатлѣніе, ей вѣрили, или хотѣли вѣрить, что она, точно, вышла изъ устъ великаго князя Павла Петровича, въ лицѣ котораго недовольные отождествляли свой протестъ существующему „бабьему правленію“ и свою надежду на лучшее время съ воцареніемъ государя...

Такъ легко было находить повсюду сочувственное отзвучіе всякой оппозиціонной выходкѣ противъ женщинъ-государынь, даже въ дни царствованія величайшей изъ нихъ!

Вл. Микшевичъ.

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО ¹⁾.

IV.

Разсѣянная жизнь Аскоченскаго.

Переходное время для Аскоченскаго.—Кончина первой жены.—Начало разочарованій.—Увлеченіе разсѣянной жизнью.—Фальшивое положеніе Аскоченскаго въ свѣтскомъ кругу.—Его „житейская грамматика“.—Свѣтскій ватехизисъ.—Пѣснь одиночества.—Начало увлеченія В. Н. Балабухой.—Дневникъ сватовства Аскоченскаго.—Неудачи сватовства.—Развязка его.—Мечты о минувшемъ.

1842-й и первая половина 1843 года были для Аскоченскаго переходнымъ временемъ отъ радостей къ жестокому потрясенію. Много событій пережилъ онъ, отъ которыхъ, „посѣдѣли цѣлыя десятки волосъ“. Тамъ—говорить онъ о дневникѣ этого года—яркими красками написались счастливыя мгновенія, когда я назвалъ себя отцемъ; тамъ написались черезъ нѣсколько времени горькія слезы, которыми я проводилъ первенца моего въ могилу. Тамъ есть строки, которыя скажутъ моему потомству о смерти доброй, единственной страдалицы—моей маменьки; тамъ много, много омытаго горячими слезами раскаянія, поздняго сожалѣнія, томительной грусти, безпомощной нужды, обманутыхъ ожиданій, и однако все это прошло. Что же тутъ напишется?.. Вопросъ не легче Гамлетовскаго: быть или не быть?“.

Такъ писалъ Аскоченскій 10-го августа 1843 г., а 22-го января слѣдующаго года мы читаемъ уже:

„Ночь—страшная ночь!—А слезъ нѣту. Я чувствую, что все не такъ во мнѣ, какъ должно, а какъ должно—того не знаю. Софья велѣла позвать священника—неу“...

¹⁾ Продолженіе. См. „Историч. Вѣсти.“, томъ VII, стр. 318.

Дальше дописать, очевидно, былъ не въ силахъ Аскоченскій, — ему уже было не до дневника. На третій день послѣ этого умерла первая жена Аскоченскаго. Какъ потрясла его эта кончина, показываетъ сдѣланное однимъ изъ студентовъ академіи описаніе всего, что происходило тогда съ Аскоченскимъ. Онъ почти помѣшался, бродилъ какъ тѣнь, ища своего „ангела — Софью“. Вотъ одна изъ записей, какими надолго потомъ переполняется дневникъ послѣ смерти жены.

„Хоть бы во снѣ мнѣ увидѣть ее! Нѣтъ, не вижу, а тамъ, на кладбищѣ, только холодная земля. Гдѣ жъ Софья-то моя? Други мои! гдѣ жъ Софья-то моя! Я искалъ ее межъ нѣмыхъ памятниконъ; туда ее отнесли—а все нѣтъ ея; я звалъ ее на могилѣ ея—и она не сказала мнѣ ни слова. Софья, Софья! Явился же ко мнѣ хоть во снѣ. Скажи, какъ ты живешь тамъ? Что дѣлаешь, о чемъ думаешь? Господи, Боже мой! Хоть на одну минуту, хоть на одно слово повели снизойти моему ангелу ко мнѣ, несчастному“.

Долго не могъ Аскоченскій помириться со смертью жены: этотъ моментъ былъ для него началомъ разочарованій. 29-го августа читаемъ въ дневникѣ: „Не думаете ли вы, что я дорожу теперь чѣмъ нибудь? Совершенно предавшись въ волю Божию, я бросился въ море жизни и иду безъ мысли, оторвавъ яворъ пустыхъ надеждъ и желаній. И для чего надѣяться? Для того ли, чтобъ еще разъ обмануться въ своихъ надеждахъ? Будетъ, не надо. Пусть же уроки повторяютъ непонятливые, безпамятные ученики судьбы, а я знаю и твердо помню данный мнѣ Господомъ Богомъ урокъ. И желать не хочу—къ чему? Все вздоръ! У меня и безъ того уже много, куда какъ много сѣдыхъ волосъ, а эти желанія только крушатъ, да сушатъ. Мнѣ теперь одна молитва: „Со святыми упокой мою Софью; а для меня—день прошелъ, благодарю тя, Господи; подай мнѣ и вечеръ съ ноцію безособлаженъ, а обо всемъ прочемъ, якоже хоцещи, устрой о мнѣ вещь“.

„Не правда ли, это самый благочестивый кейфъ“?

Но такому кейфу недолго предавался Аскоченскій. Онъ приглашенъ былъ Д. Г. Бибиковымъ для наблюденія за воспитанникомъ его. Ситгинымъ. Поселившись у генералъ-губернатора, Аскоченскій получилъ безпрепятственный доступъ къ свѣтскимъ развлеченіямъ. Послѣдними онъ не брезговалъ,—развѣ въ минуты воспоминаній о женѣ, да когда преслѣдовали его неотвязчивые кредиторы, возобновлялась у него прежняя грусть. Разсѣянная жизнь, видимо освѣжившая его на время, на самомъ дѣлѣ, если вникнуть глубже, была для него тѣмъ „моремъ“, въ которое онъ бросился, безъ цѣли, безъ мысли, ища лишь забвенія о пережитыхъ душевныхъ тревогахъ. Неудивительно поэтому встрѣтить такую запись въ день новаго года (1845 г.):

„Подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, спѣшу въписать нѣсколько строкъ въ мой милый дневникъ, спѣшу потому, что теперь уже второй часъ по полуночи и мнѣ крѣпко спать хочется. Ну, слушайте. Балъ (у генералъ-губернатора) былъ блистательный. Мое зрѣніе во-

все притупилось отъ этого блистательнаго блеска—я чуть-чуть не ослѣпъ. Фу, чортъ возьми, даже самое безобразіе съ длиннымъ носомъ и съ кривою талією казалось очаровательнымъ. Я просто влюбленъ во все,—и въ длинные, и чуть замѣтные носы, и въ кривые, и въ тонко-длинные, какъ шесть, талии, и въ мерзлыя и въ горячія очи или глаза, что, кажется, все равно. Варя Балабуха была исключительнымъ предметомъ моего волокитства. Я ей поролъ такую навивную чушь, что любо. Ей-ей, хорошо жить на бѣломъ свѣтѣ, особенно если этотъ бѣлый свѣтъ искрится шампанскимъ и весь состоитъ изъ такихъ... ну, какъ ихъ назвать, чтобы не обидѣть свѣта... элементовъ, какъ, напримѣръ, Лиза Жандръ и Варенька Балабушка“...

Не больше, какъ черезъ двѣ недѣли, однако, Аскоченскій отмѣчаетъ уже въ дневникѣ: „цѣлый день мучила меня грусть, тоска безотрадная. Не понимаю, гдѣ этому причина. Кругомъ меня все радуется; только я точно рыба на берегу“... Минутами онъ хорошо сознавалъ свое тогдашнее фальшивое положеніе, но выбратъ изъ него не умѣлъ и не видѣлъ возможнаго выхода.

„Знаете-ли, о чемъ я теперь думаю?—пишетъ Аскоченскій 19-го января,—о моемъ положеніи? Господу Богу угодно было поставить меня въ такомъ кругу, о которомъ я и во снѣ не мечталъ. Мнѣніе людей насчетъ меня поднялось высоко. По понятію досужихъ наблюдателей моихъ, я и славенъ, и богатъ, и силенъ, и далеко, вишь, пойду. Спасибо имъ за пророчества; но Богъ знаетъ, придется ли мнѣ ихъ устами медъ пить. Точно, я сталъ на такомъ мѣстѣ, что шагъ назадъ можетъ меня сбросить низко, низко, гораздо не въ примѣръ ниже того, какъ былъ я въ первый годъ по окончаніи моего курса. Завистники мои только и ждуть, чтобы поточить объ меня свои зубы, чтобы залить меня грязью, опачкать желчью. Возвратъ мой въ прежнее состояніе, въ рангъ бакалавра, въ полномъ значеніи этого слова,—уже невозможенъ. Перемѣна моей жизни непременно заставитъ меня переменить родъ службы, или, по крайней мѣрѣ, выдти изъ вѣдомства, которому я теперь принадлежу. Меня называютъ счастливецомъ. И точно, я счастливецъ; но только тѣмъ, что я узналъ великаго благодѣтеля моего Дмитрія Гавриловича, познакомился съ людьми высшаго, лучшаго тона, и имѣю возможность изучать манеру получше той, какою надѣлило меня мое происхожденіе и воспитаніе. Но... тутъ много, много, надобно поставить точекъ. Дмитрій Гавриловичъ до сихъ поръ не сдѣлалъ ничего въ мою пользу. Я обѣдаю съ нимъ, провожу иногда вечера, удостоенъ лаъковаго, привѣтливаго разговора; но существеннѣе чего либо я не видалъ и не вижу. Богатство мое растетъ только въ глазахъ моихъ завистниковъ, а въ самой вещи а бѣднѣе послѣдняго камердинера, который перетираетъ ложки и завѣдываетъ половыми щетками. Неоплатные долги разорили меня въ конецъ. Моего жалованья не достаеъ мнѣ на покрытіе и десятой ихъ доли; зато я и не беру его, а между тѣмъ отъ Дми-

трія Гавриловича я не видѣлъ еще и полушки ¹⁾. Serge мой проматываетъ тысячи, а я принужденъ продавать единственное мое серебро, чтобы какъ нибудь помянуть моего друга, мою Софью. Затѣялось было дѣло о переводѣ меня въ университетъ, но на затѣяхъ и остановилось. Я познакомился съ людьми лучшаго тона, но что мнѣ изъ этого? Чтобы поддерживать себя, мнѣ нужны новыя издержки, а изъ какого благополучія... И чѣмъ все это кончится—одинъ Богъ знаетъ.“

Подъ гнетомъ такихъ безотрадныхъ думъ, Аскоченскій, пускаясь въ свѣтъ, утѣшалъ себя мыслью, что его не проведешь, что пора платоническихъ увлеченій для него миновала.

„Родъ человѣческой“—пишетъ онъ (28-го января)—„ужасно какъ хлопочетъ о томъ, чтобы меня женить. Больно не хочется, а впрочемъ—я несовсѣмъ прочь. Только напередъ сказать: кромѣ существительнаго мнѣ нужно—и крѣпко нужно—прилагательное, и ни подъ какимъ предлогомъ и нарѣчіемъ я не вступлю въ союзъ съ однимъ глаголомъ, если числительнаго не будетъ на лицо. Теперь ужъ я въ такихъ лѣтахъ, что междометіями и дѣепричастіями меня не надуешь и я ужъ не пишу стиховъ и не могу питать платонически безсребренной страсти къ мѣстоимѣніямъ личнымъ безъ притяжательныхъ въ среднемъ родѣ. Это моя житейская грамматика, въ непогрѣшимость которой я вѣрю, какъ турокъ въ свой алькоранъ, и дѣйствительность которой буду отстаивать всѣми силами“. Кромѣ этой грамматики, которая, какъ увидимъ впоследствии, хотя и представлялась непогрѣшимой автору дневника, но на дѣлѣ оказалась для него недѣйствительной, онъ пробовалъ составлять для себя „свѣтскій катехизисъ“.

„Онъ у меня не а ргіогі сочиняется, а изъ наблюденій и подслуховъ.—Одѣвайтесь со вкусомъ—вотъ общее правило; отсюда частности. Боже васъ сохрани испестрить себя цѣпочками и разными бездѣлушками модниковъ низшаго класса. Вы будете бросаться въ глаза, а это ужъ несносное *mauvais genre*. Перчатки чтобы у васъ были всегда чисты, хоть и немножко разорваны—это ничего, напротивъ, это даже *bon genre*; но главнѣе, чтобы перчатки съ трудомъ воспознали на вашу руку и держали ее словно въ тискахъ.“

„Громко говорить тоже *mauvais genre*, а спорить—просто упаси васъ Богъ! Если вы заспорили—поздравляю васъ!—вы убиты. Смѣяться много и долго—*mauvais genre*. Самому смѣшному вы только улыбнитесь.“

„Покамѣстъ будетъ. Нѣтъ, еще вотъ что, но это ужъ собственно для меня. У меня есть несчастная слабость быть всегда веселымъ. По настоящему—тутъ нѣтъ несчастія, но дѣло въ томъ, Викторъ Ипатьичъ, смотрите, чтобы веселость ваша не допускала тривіальности и пошлости. Заставляйте смѣяться другихъ, но сами не смѣйтесь.“

¹⁾ Аскоченскій писалъ это, проживъ у Бибикова болѣе полутора года.

Иначе вы сами будете смѣшны. Врите, но не завирайтесь; прокажите, но не забывайте“.

Какъ ни старался Аскоченскій обмануть самого себя увѣреніями, что сердцу его мило его положеніе въ свѣтъ, но временами нѣтъ-нѣтъ, да и промелькнетъ сомнѣніе—и снова тоска и скорбь души входятъ въ свои права.

„Нѣтъ, Богъ съ ними, — наскучили мнѣ эти балы. Все такъ свѣтло, однообразно, блистательно, приторно, какъ ликерная конфета... Ни одного порядочнаго впечатлѣнія... Вижу, чувствую, какъ твердѣетъ душа моя—и, по временамъ, находятъ на нее припадки сплина. И снова тѣснится въ сердце мое грустная пѣснь одиночества, и не выжимая слезы, давить меня своею тяжестью... И пройти (годы), видно, такъ, не оставивъ по себѣ слѣда, и не придется, знать, подобрать мнѣ отраднѣхъ воспоминаній, прихотливо брошенныхъ судьбою на пути остальной моей жизни.“

„Въ себя ли заглянешь, тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость, и муки—и все тамъ ничтожно!“...

Это писано 31-го января 1845 г., а подъ 4-ымъ февраля читаемъ:

„Не знаю, съ нѣкотораго времени не оставляетъ меня какое-то тревожное чувство. Что-то мнѣ пророчить,—угадать не могу. Проклятые кредиторы безсовѣстно и неотвязно дѣзуютъ къ мнѣ. Они дураки вообразили, что у меня теперь золотныя горы. Особенно эти Гурьевы ханжи. Старая корга грозитъ мнѣ судомъ—будь она проклята, вѣдьма! Мошеникъ экономя фінтитъ со мною такъ предательски, что свиданіе съ нимъ для меня тяжеле похмѣлья. Не знаю, когда и какъ выпутаюсь я изъ долговъ моихъ. Если Дмитрій Гавриловичъ не поможетъ мнѣ, такъ я пропасть“.

„10 часовъ вечера. Нѣтъ, братцы, видно худо наше дѣло. Куда ни кинь—все клинь. Придется, видно, и мнѣ испытать на себѣ неприятности серьезныя. Тамъ не къ мѣсту, тамъ опоздаешь, туда самому не хочется,—словомъ, то то, то другое, а все-таки концовъ не сведешь. Прескверно даже, милостивые государи.“

„Весело, довѣрчиво, сладко, шель разговоръ мой съ Варенькою; я почти забылся и готовъ былъ сейчасъ же подать ей руку. Но скоро опомнилась проказница и безъ околичностей сказала мнѣ, что между нами ничего не можетъ быть похожаго на дѣло, и все потому, что она обручена тамъ за какого-то Никанора, богатаго купца. Съ досады, ей-Богу, съ досады (подите-жъ теперь, какъ капризно сердце человѣческое!) я укусилъ себѣ губу и чуть-чуть не пропѣлъ Варенькѣ пародированную пѣснь Офеліи:

Моего вы знали-ль друга?
Онъ былъ бравый молодець,
Въ круглой шляпѣ чудо паренъ,
Первой гильдіи вунецъ.

„И Богъ знаетъ почему, но мнѣ стало грустно. Я какъ будто потерялъ что-то. Сердце, раскрывшееся такъ широко и привѣтно, такъ разыгравшееся на тему давно забытой страсти—сжалось попрежнему, замолкло совсѣмъ. Съ какою-то кислую усмѣшкою порѣшилъ я рѣчь мою, рѣчь, сказать правду, таки порядкомъ восторженную, страстную. „Благодарю васъ, В. Н. (Варвара Николаевна), сказалъ я, что вы безъ дальнихъ проволочекъ подписали мнѣ отставку. И вамъ хорошо, и мнѣ покойно“.

Аскоченскій не на шутку сталъ увлекаться В. Н. Балабухой и мало-по-малу это увлеченіе перешло въ сильную привязанность, которая имѣла рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Исторія сватовства, какъ весьма характерный эпизодъ, въ которомъ ярко обрисовалась личность Аскоченскаго, приводится ниже цѣликомъ. Первая бесѣда съ Варенькой, послѣ вышеприведенной прощальной бесѣды съ ней, имѣла мѣсто 7-го апрѣля.

„Варенька встрѣтила меня—пишетъ Аскоченскій, видимо стараюсь подтрунить надъ собою—такъ радушно, что я почувствовалъ въ боку моемъ легкое трепетаніе и чуть-чуть не убѣдился, что у меня точно есть что-то похожее на сердце. Мы заговорили, да такъ сладко и привольно, что не позволили бы никому слушать нашъ разговоръ. Къ нашему горю и досадѣ, насъ позвали внизъ пить чай, и мы съ облаковъ романической мечтательности спустились прямо къ самовару, толстому какъ купчиха. Нечаянно, право, нечаянно мы сѣли съ Варенькою другъ противъ друга; нечаянно тоже я взялъ ее за руку и сталъ пересматривать перстни, горѣвшіе на ея пальчикахъ.

— Подарите мнѣ, сказалъ я,—какой-нибудь изъ этихъ перстней на память.

— Ни за что въ свѣтѣ, сказала она.

„А между тѣмъ на мизинцѣ моемъ былъ уже перстень съ руки Варенькиной.

— Отдайте, говорила мнѣ Варенька,—этотъ перстень. Я вамъ другой дамъ.

— Когда-жъ вы дадите? спросилъ я.

— Когда вамъ будетъ угодно.

— Какой же это будетъ перстень?

— Вотъ этотъ, отвѣчала она, указывая на обручальное кольцо.

„Ого! — подумалъ я. Это ужъ слишкомъ ясно, и чуть-чуть не обжегся горячимъ чаемъ.

— Посмотрите, чтó я пишу, сказала Варенька, указывая на окно, гдѣ она своимъ пальчикомъ рисовала мое имя и фамилію.

„Гмъ,—и это не темно, заключилъ я.

— Что же вы мнѣ скажете новенькаго? спросила Варенька.

— Ничего покамѣстъ.

— А знаете-ли, вѣдь я думала, что вы сердиты на меня.

— За что?

- Помните, какъ я вамъ сдѣлала рѣшительный отказъ.
- Помню, и отъ того-то я спокоенъ. Между нами все рѣшено.
- Ну, терять надежды не надо.
- А развѣ вы согласились бы?
- Обо мнѣ говорить нечего; но у меня есть кое-кто постарше— мои родители.

„Тпру, тпру, тпру! подумалъ я, далеко заѣхали мы. Неравно голову свернешь. Я поворотилъ на-лѣво и рѣчь замята.

„Однако, это изъ рукъ вонъ, какъ прямо и ясно. Слова нѣтъ, Варенька лакомый кусокъ; но, кажется, безъ приправы, а я теперь имѣю притупленной вкусъ, и потому нужно что нибудь такое, что могло бы раздражить его. Но больше всего мнѣ не нравятся дражайшіе Варенькины—это такая чушь, что мочи нѣтъ“.

Свиданія съ Балабухой начинаютъ, однако, учащаться. Минутами Аскоченскаго беретъ раздумье, но объ этомъ скоро забывается послѣ бесѣды съ „Варенькой“. Нижеприводимыя выдержки изъ дневника 1845 года въ этомъ отношеніи не нуждаются въ комментаріяхъ.

Апрѣля 22-го, воскресенье.

„Утро не въ счетъ; зато съ вечеромъ надо посчитаться. Тотчасъ же послѣ обѣда я пошелъ на Подоль и прямо къ Балабухѣ. Варенька такъ мило загорѣла отъ нынѣшняго гулянья водою, что глазъ бы не отвелъ отъ миленькаго личика этой вострушки. Часу въ восьмомъ мы пошли гулять; впереди насъ бѣжали дѣти, а я съ Варенькою объ руку... Но постойте, дайте-ка припомнить разговоръ нашъ.

„Я завелъ рѣчь о романсѣ, который заставила меня вчера Варенька списать для себя. Сила въ томъ, что этотъ романсъ могъ быть принятъ мною отъ Вареньки, какъ прямое declaration.

— Я самъ хочу, продолжалъ я,—написать либретто въ томъ же тонѣ и даже тѣми же словами, только съ небольшою переменою: „если бъ ты меня любила“.

— Послушайте, сказала мнѣ Варенька, — въ вашихъ рѣчахъ все только слова.

— Какъ слова?

— Если бы вы точно чувствовали ко мнѣ что нибудь побольше обыкновенной расположенности, вы давно бы обратились къ моимъ родителямъ.

— Варвара Николаевна! заговорилъ я серьезно. — Вы не знаете хорошо моихъ обстоятельствъ, а знайте ихъ—вы сами бы осудили меня, если бы я поступилъ по вашему. Притомъ вспомните, что я уже теперь не въ такой порѣ, когда безразсчетно предаются восторгамъ любви, и пословица „не суйся въ воду, не спросяся броду“—годится теперь именно для меня.

— Не разсердитесь, если я вамъ скажу кое-что?

- Боже меня сохрани! Говорите.
- Вамъ надобна богатая невѣста.
- Да, точно такая, какъ вы.
- О, у меня ничего нѣтъ.

„И прочая. Разговоръ, какъ видите, принялъ оборотъ коммерческой, и я не хочу пачкать листовъ дневника глупыми расчетами опытной индустрии; но эти рѣчи жестоко охолодили меня. Я вспомнилъ Пушкина и сказалъ про себя:

„Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волнениямъ любви безумно предаваться;
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не дамъ пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить...“

Апрѣля 23-го, понедѣльникъ.

„Шутки! Въ подставные я не гожусь, отставнымъ я подавно быть не согласенъ. Это просто-на-просто значить, что мы немножко поразмолвились съ Варенькою. По милости ея, я истрепалъ всѣ ноги для того, чтобы доставить ей удовольствіе пройти нѣсколько разъ мимо дурня графа Ефимовскаго, и товарища его, лекаря Соколова. Ревновать мнѣ не приходится, а все-таки досадно, когда меня, обстрѣленного воробья хотять поймать за носъ и водить за собою...

Апрѣля 27-го, пятница.

„Послѣ обѣда я пошелъ къ Балабухѣ. Веселая бесѣда, милые глазки Вареньки—все это такъ прекрасно гармонировало съ расположеніемъ моей души, настроенной къ разгулю, что я и не видѣлъ, какъ бѣжало время. Я то пѣлъ, то читалъ дневникъ мой, то разговаривалъ съ Варенькою и, скажу откровенно, былъ беззаботно счастливъ...

Апрѣля 28-го, суббота.

„Половина одиннадцатаго. Я сейчасъ отъ Балабухи. Не понимаю я самъ себя. Зачѣмъ я шатаюсь туда? Къ чему поведетъ меня эта откровенность, въ которую я пустился со всѣмъ жаромъ юности? Что обо мнѣ думаютъ люди? Что скажетъ „княгиня Марья Алексѣевна“? Вотъ вопросы, на которые я или не умѣю, или боюсь отвѣчать.

— Чѣмъ болѣе я слышу васъ, тѣмъ непонятнѣе становится мнѣ вашъ характеръ, сказала Варенька съ видомъ недоумѣнія.

„Я вспомнилъ Алкивиада, который отрубилъ хвостъ у красавицы-собаки, чтобы бросить его народу и сплетнямъ. Читайте, подумаль.

я, мое бывшее и забудьте о настоящемъ, да еще бойтесь будущаго, а я между тѣмъ буду жить да поживать...

„Какой эгоистъ! Ничего, господа, я только вхожу въ общую сферу человѣчества.

Мая 3-го, четвергъ.

„Вечеръ я провелъ у Балабухи, да такъ пріятно, что... и сказать нельзя. Признаться, Варенька порядкомъ закружила мою голову; ну, да и ей, кажется, не безъ того. Батюшка ее что-то морщится.

Мая 7-го, понедѣльникъ.

„Половина двѣнадцатаго. Нѣтъ-таки, не утерпѣлъ. Боюсь умереть со скуки, я рискнулъ подъ дождемъ и по грязи ѣхать... не скажу, куда — сами догадаетесь. Да что вы, позвольте узнать, Викторъ Ипатьевичъ, такъ ревностно посѣщаете?.. Эхъ, братцы, перестаньте, Бога ради, перестаньте! Со мною творятся вещи чудныя. Я подъ вліяніемъ силы такъ знакомой мнѣ, силы, которую люди зовутъ любовью. Что таится передъ вами? И скучно, и не знаешь, за что взятыся, когда не видишь... право, не хочется всего договаривать. Не вините же меня, — я человѣкъ. Варенька сама дѣлала для меня чай и я, ей-ей — правда, поцѣловалъ нѣсколько разъ ее ручку. — Это по какому праву, скажете вы? — Да по праву вдовца-съ, отвѣчу я вамъ смиренно. — И она позволяетъ вамъ это? — Какъ же-съ, да еще какъ позволяетъ-то. Ну, да что объ этомъ. Я отдалъ ей сегодня стихи...

Мая 8-го, вторникъ.

„...По условію съ Варенькою, я тотчасъ послѣ обѣда явился въ домъ ее дражайшихъ. Улучивъ минуту, я спросилъ ее о стихахъ, поднесенныхъ ей мною вчера: показывала ли она ихъ своей маменькѣ?

— Зачѣмъ же, отвѣчала она, — вѣдь она не пойметъ ихъ.

„Я подивился умной разсудительности этой дѣвушки. Точно, эти профаны примутъ чистосердечное изліяніе моихъ чувствъ за записку ловеласа и — чего добраго — надѣлаютъ непріятностей молодой дѣвицѣ. Однако, посудите, какъ умѣла эта Варенька стать выше того круга, который очертило около ее купеческое происхожденіе. Это меркантильный классъ людей, которые раскладываютъ на счетахъ самыя лучшія, святыя движенія души человѣческой. Нѣтъ, милая Варенька, ты стоишь лучшей участи! Жаль, крѣпко жаль мнѣ будетъ, когда судьба поставитъ тебя рядомъ съ такимъ человѣкомъ, который будетъ искать въ тебѣ только плодovitую тварь, умѣющую по извѣстнымъ періодамъ родить дѣтей, да напѣвать надъ колыбелью ихъ приторно паточныя нѣжности... Пройдетъ два-три года, и ты будешь Варварою-кумушкою, какихъ много въ твоемъ кругу, въ твоемъ званіи! Протянулъ бы я тебѣ руку, но...

„Въ церкви у всенощной я стоялъ рядомъ съ Варенькою и—прости меня Господи — думалъ и говорилъ совсѣмъ не о молитвѣ. Я вижу, вижу, что она меня любитъ; да, любитъ, хоть она и не хочетъ мнѣ прямо этого сказать.

— Викторъ Ипатьевичъ, сказала она мнѣ,—вы все можете; но не увлекайте меня.

„Какъ укушенный змѣею, я отскочилъ отъ Вареньки. Да, мысль, сказанная ею, точно змѣя. Она впиалась въ мою душу и высасываетъ оттуда отвѣта: для чего все это я дѣлаю? Для чего такъ крѣпко сжимаю Варенькину руку? Для чего по цѣлымъ часамъ гляжу въ ея чудесные глаза? Чѣмъ все это кончится?..

Мая 10-го, четвергъ.

„Много, черезчуръ даже много говорилъ я вчера съ Варенькою. Но ужъ рѣшено: она любитъ меня, любитъ такъ, какъ я ужъ не думалъ быть любимымъ. На насъ со всѣхъ сторонъ устремлены были рысьи глаза этихъ отвратительныхъ сплетницъ; но, упорно встрѣчая пронирливые взгляды этой сволочи, я говорилъ Варенькѣ, и хорошо, привольно мнѣ было.

„Но грустно и темно становилось на душѣ моей часъ отъ часу, и я радъ былъ бы убѣжать отъ самого себя. Глупъ я, глупъ, какъ не слѣдуетъ порядочному человѣку.

Мая 11-го, пятница.

„...Все къ чорту! Я разстроены, разстроены до слезъ; у меня разбита душа, разорвано сердце, какъ у влюбленнаго юноши.

„Прислушайте, други мои, разговоръ, какой я имѣлъ сегодня съ Варенькою. Мы сидѣли съ нею вдвоемъ...

— Что же вы мнѣ скажете новенькаго? спросила меня Варенька, улыбаясь и смотря мнѣ прямо въ очки.

— Ничего или, лучше, все то же, что говорилъ вамъ, и что навсегда осталось въ душѣ моей.

— Много, много сдѣлалъ зла Дмитрій Гавриловичъ, сказала она вдругъ задумавшись.

— Какъ, Бибииковъ вамъ сдѣлалъ зло?

— Да, безъ него я не знала бы всѣхъ обольщеній свѣта. Довольная своею участію, я прошла бы спокойно тою дорогою, которую указало мнѣ мое происхожденіе, а теперь...

„И она задумалась еще больше.

— Что-жь, Варвара Николаевна, развѣ передъ вами нѣтъ сердца, которое умѣетъ понять и оцѣнить все, что такъ широко и глубоко вы почувствовали?

— Къ чему мнѣ это? Вы не знаете, я скоро уѣзжаю,—отвѣчала она такъ печально, что у меня, у меня, избитаго опытомъ, сердце сжалось. ;

— Не въ Рыльскъ ли?

— Да.

— Что-жь! сказала я злобно.—Вы будете madame Аристархова, войдете въ общую колею житейскихъ потребностей, сдѣлаетесь хозяйкою, растолстѣете, заведетесь дѣтьми, по временамъ, для ради скуки и пріятнаго развлеченія, будете заниматься уѣздными билетными,—и благо вамъ будетъ и долготѣни будете на землѣ.

— Аскоченскій! За что вы меня мучите?

— А за что вы вздумала играть со мною, Варвара Николаевна? Я сталь, а не бумага, — раскалится сталь не скоро, но горяча она бываетъ и не скоро остываетъ. А вы меня раскалили.

— Зачѣмъ же вы долго не бывали у насъ, явились потомъ и стали навѣщать насъ такъ безотвязно?

— Затѣмъ, чтобъ имѣть гдѣ провести время попріятнѣе. Но вамъ мало было этого. Вы захотѣли заглянуть въ глубь души моеѣ, и я вамъ открылъ ее. Вы, воображая меня, по словамъ вашимъ сумасшедшимъ, захотѣли провѣрить свое вѣрованіе, и я показалъ вамъ, что подъ этою маскою безопасности, подъ этою мнимою безпечною, подъ этимъ шаловливымъ удалствомъ — цѣлая бездна думъ и соображеній. Вы узнали меня и въ награду того открыли и себя мнѣ. Откровенно скажу, я не выводилъ васъ изъ раду купеческихъ дочекъ и любезничалъ съ вами холодно, витіевато и глупо. Вдругъ увидѣлъ въ сердцѣ вашемъ теплое чувство, въ умѣ свѣтлую мысль, въ понятіяхъ о людяхъ вѣрный взглядъ, въ знаніи себя изящную простоту и точность. О, Варвара Николаевна! этого слишкомъ довольно было, чтобъ привязать меня крѣпко-на-крѣпко.

— Но развѣ я не открыла вамъ тогда же, что я уже имѣю жехниха?

— Говорили, но позвольте вамъ припомнить весь тогдашній разговоръ нашъ. Когда вы объявили мнѣ о томъ, то первый вопросъ мой былъ таковъ: „Такъ между нами все рѣшено?“ — Все, сказали вы. „Усердѣйше благодарю васъ“, отвѣчала я спокойно, „этакъ лучше—дѣло кончится безъ проволочекъ“. Не правда ли, такъ было? Дня черезъ три я опять былъ у васъ, и вотъ что вы мнѣ сказали: „Я думала, что вы уже разсердились на меня.“—За что?—„А за отказъ“.—Помилюйте, я радъ и очень благодаренъ, что вы меня не льстили пустыми надеждами. Мы теперь, продолжалъ я смѣясь, отрѣзанные ломти и между нами все кончено.—Ну, сказали вы, терять надежды еще не надо.— Варвара Николаевна, посудите теперь, не была ли это сѣть, которую вы нарочно плели, чтобъ опутать ею меня? Да, и вамъ это удалось. Я люблю васъ, люблю съ тѣмъ мученіемъ, отъ котораго я такъ давно отвѣкъ. Но, положи руку на сердцѣ, скажите мнѣ, легко ли вамъ самимъ обошлась эта побѣда? Другими словами, не чувствуете ли и вы ко мнѣ больше чего нибудь противъ того, что вы питаете къ роднымъ вашимъ и знакомымъ?

— О, конечно, я имѣю къ вамъ такую привязанность и рас-
положенность, какую не питаю къ другимъ.

— Скажите проще, вы любите меня? Правда?

— Не правда, сказала она медленно и тихо.

— Варвара Николаевна, зачѣмъ словами противорѣчить тому, что
давно подтвердила вамъ душа ваша? Скажите лучше: правда.

— Правда, отвѣчала она застѣнчиво.

— Признайтесь же теперь, такъ ли вы любили вашего жениха?

— О, такъ же точно.

— Я вамъ не вѣрю.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ...

— Извините, я перебылъ вашу рѣчь. За васъ рѣшили другіе и
правильно предписали, что вамъ въ такомъ случаѣ надо дѣлать. Вы,
какъ понятливая дѣвушка, тотчасъ смекнули, что тутъ слѣдуетъ дѣ-
лать. Какъ водится, постарались влюбиться, но, увѣряю васъ, совсѣмъ
безъ искренняго участія сердца. И вотъ—вы невѣста добropорядочная
и съ хорошимъ поведеніемъ.

— Нѣтъ, сказала Варенька, схвативъ мою руку,—и до сихъ поръ
ни папенька, ни маменька не знаютъ, о чемъ мы съ нимъ иногда
говорили.

— Положимъ, что и такъ. Но порывъ юнаго, неопытнаго сердца,
восторгъ дѣвочки, прозванной невѣстою,—неужели можно принять за
тотъ сладкій кризисъ души, который зовутъ любовью?

„Варенька задумалась. Мнѣ стало жаль ее.

— Ну, Богъ съ вами, Варвара Николаевна, сказалъ я, пожимая
ей руку,—отъ сердца благословляю васъ на счастье съ избраннымъ
для васъ. Что же касается до меня, то я—такъ и быть—понесу рану
въ душѣ моей, рану, отъ которой она давнымъ давно уже от-
выкла. Счетъ нашъ конченъ!

„Я всталъ и отошелъ отъ Вареньки. Глаза ея полны были слезъ
и я готовъ былъ въ ту пору отдать все, чтобы заслонить ее собою отъ
бѣды и горя непонятаго сердца...

„Вотъ вся мучительная повѣсть нынѣшняго дня. Мнѣ больно.
Богъ вѣсть, будетъ ли еще ктонибудь любить меня такъ, какъ лю-
бить Варенька. Я становлюсь уже сѣдъ, а сѣдина—худой аттестатъ
на любовь.

Мая 12-го, суббота.

„Я усталъ, а Варенька такъ скучна, что мнѣ до слезъ ее жаль.
Но не варваръ ли я?.. Она просила, чтобы я сочинилъ для нея
стихи и... въ какихъ нибудь полчаса вылилась изъ-подъ пера моего...
импровизированная исповѣдь. Я облилъ ее желчью, которая вытекла
изъ едва было зажившей раны моего сердца. Мнѣ больно!..

Мая 13-го, воскресенье.

„Я отдалъ Варенькѣ мою вчерашнюю исповѣдь глубоко и за живое
здѣлаго сердца. Я даже прочиталъ мое издѣліе—и что жъ? Она
«истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

была такъ безбожно весела и безпечна, что я тутъ же назвалъ себя дуракомъ. Мнѣ стало грустно. Вѣрно, еще не научился я не вѣрить этимъ созданьямъ, которыя бываютъ такъ обольстительно хороши, когда мы пригравиваемъ и убираемъ ихъ нашимъ воображеніемъ. Мнѣ стало грустно. Напрасно Варенька заговаривала со мной, напрасно пожимала мнѣ руку,—я былъ холоденъ, ибо видѣлъ, что, не смотря на сѣдой мой волосъ, я въ дуракахъ. И по дѣломъ мнѣ, сѣдому волокитѣ!“

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ В. Н. Балабуха была обручена. Аскоченскій, которому, казалось бы, пора было перестать гонимъ о ней послѣ того, какъ „Варенька“ предстала передъ нимъ въ плѣнительнаго ореола, созданнаго его воспаленнымъ воображеніемъ, отмѣчаетъ слѣдующее въ своемъ дневникѣ:

„Сегодня (1-го іюля) мнѣ сказали, что Варенька Балабуха нынче обручается съ нѣкимъ Аристарховымъ, купчиною рыльскимъ. Повѣрите ли, немножко захолодѣло на сердцѣ. Правду сказать, больно, когда отрываютъ и послѣднее живое чувство въ одеревенѣлой душѣ. Но что жъ дѣлать? Я знаю, что это эгоизмъ, а не любовь, которой я давнымъ давно отдалъ поклонъ“.

Распрощался съ любовью Аскоченскій не надолго. Нѣсколько разъ онъ дѣлалъ попытки разуверить „Вареньку“ въ томъ, что она его и никого другаго не любитъ, а если и сосватана за другаго, то лишь по родительскому принужденію. Не разъ онъ встрѣчалъ отпоръ своимъ увѣреніямъ въ веселомъ и беззаботномъ смѣхѣ, какимъ отвѣчала „Варенька“ на всѣ его увѣренія. Ничто не брало. Разочарованный сегодня, назавтра Аскоченскій прискивалъ утѣшительныя для себя объясненія ея обращенію съ нимъ. Но пусть самъ онъ рассказываетъ дальнѣйшее своего романа, вступившаго въ новый фазисъ послѣ полученнаго Аскоченскимъ извѣстія о разладѣ Балабухи съ Аристарховымъ. „Варенька“, очевидно, перемѣнила тактику. Аскоченскій опять ею очарованъ, опять убѣжденъ, что „терять надежды еще не надо“. „Варенька“ поддерживала это очарованіе, а авторитетный для Аскоченскаго голосъ генераль-губернатора Бибикова одобрялъ и подзадоривалъ его къ энергическому образу дѣйствій въ настоящемъ случаѣ.

Октября 3-го, среда.

„Однако жъ, была не была, а поѣду на Подоль. Нѣтъ, братцы, я еще не старъ, когда могу такъ любить. Сегодня генераль спросилъ меня послѣ обѣда:

— Да вы влюблены, что-ль, въ Балабуху?

— Нѣтъ, в. в-ство, влюбиться мнѣ уже не подѣсть, а любить— другое дѣло.

— А женились бы вы на ней?

— Какъ бы не жениться!

— Что же мѣшаетъ?

— То, что ни у ней, ни у меня нѣтъ никакого состоянія. Это значило бы плодить нищихъ.

— А пошла бы она за васъ?

— Непремѣнно, отвѣчалъ я твердо и рѣшительно.

„И вы, можетъ быть, думаете, что это самообольщеніе? Нѣтъ, друзья мои, послѣ Сонечки еще никто меня такъ не любилъ, какъ Варенька, — зато я никого послѣ моей Сони не любилъ такъ, какъ люблю Вареньку. Мнѣ грудь стѣснило отъ полноты восторга, когда она, взявъ мой бумажникъ, написала тамъ: „дай Богъ, чтобы желанія ваши исполнились“. Нѣтъ, это ужъ не по силамъ моимъ.

„А какъ мы разговариваемъ съ Варенькою! У насъ рѣчь идетъ не такъ, какъ у всѣхъ людей. Начала не бываетъ, а прямо продолженіе — и мы оба понимаемъ, чему слѣдовало бы быть впереди. Какъ это перевести? Не вотъ такъ ли, что, по старинной аксіомѣ, равнонастроенныя души чувствуютъ одинаковыя впечатлѣнія? Ась?..

Октября 4-го, четвергъ.

„Съ лекціи я, не знаю зачѣмъ, заѣхалъ взглянуть на Вареньку. Те-те-те, посмотрите-ка, какъ въ одной строчкѣ я горожу дичь и сколько тутъ противорѣчій. Не знаю, видите, зачѣмъ заѣхалъ—а дальше стоять: взглянуть на Вареньку. Ужасный логическій недостатокъ! Оно, правду сказать, толкомъ разумъ мой точно не знаетъ, да сердце-то знаетъ, и какъ знаетъ,—твердо, крѣпко, наизусть. Варенька, когда я вошелъ, сидѣла за столомъ и что-то вышивала. Не знаю (вотъ тутъ ужъ именно не знаю), отчего она перепутала шелкъ и стала складывать свою работу. Я сѣлъ близъ Вареньки; маленькая, крошечная ручка ея, не знаю, какъ очутилась въ моей рукѣ—и мы этакъ просидѣли минуту. Ей-ей, минуту; вы, можетъ быть, не повѣрите, вы скажете, что въ одну минуту нельзя вдоволь насмотрѣться въ ея милые, ясные, какъ утро майское, глаза, нельзя наслужаться ея сладкихъ рѣчей, нельзя... Согласенъ, совершенно согласенъ, но все-таки я просидѣлъ съ нею минуту. Можетъ быть, мнѣ такъ показалось,—и то можетъ быть; но все-таки я просидѣлъ не больше минуты. Пожалуйста, не спорьте со мною.

„Веселый, довольный, даже, если угодно, счастливый, я летѣлъ съ Подола на Печерскъ.

„За обѣдомъ Дмитрій Гавриловичъ шутилъ надъ моею привязанностью къ Варенькѣ; но, если сказать правду, то мнѣ было это не по сердцу. Зачѣмъ кошунствовать надъ тѣмъ, что берегу я, какъ святыню, въ душѣ моей? Я былъ упорно молчаливъ.

„Насилу дождался я конца этого длиннаго обѣда. Не ногами я шелъ, не на коняхъ летѣлъ, а рвался на крыльяхъ вѣтра къ моей Варенькѣ. Да, моей,—развѣ я не имѣю права назвать ту своею, которая

отдала мнѣ все, что есть лучшаго въ ней,—отдала чистую душу, горячее сердце? Но что вамъ, глухимъ, толковать объ этомъ? Да и некогда мнѣ; а съ нею, съ Варенькой; намъ есть о чемъ говорить; жаль только, что времени не стаетъ для всего, о чемъ намъ нужно бы перемолвиться индѣ просто безъ словъ, индѣ восторженною рѣчью.

„Вотъ ужъ отпили чай; вотъ ужъ Варенька и одѣлась. О, да какъ же она мила!—и мнѣ стало грустно. Какъ? Потерять такое сокровище, увидеть на минуту это солнце — ликъ Создателя — и потомъ опять ослѣпнуть,—воля ваша, тутъ есть отъ чего загрустить, задуматься. Да, мнѣ стало грустно.

„Но предъ людьми я скучень не бываю;
На что? Пускай наединѣ
Я съ горя погрузу и поскучаю“.

„Притомъ же, мы ѣдемъ въ театръ, а туда съ постнымъ лицомъ показываться странно. Итакъ, рѣшено—я веселъ. Варенька все видитъ... замѣтилъ и я торжествующій ея взглядъ, когда она, разодѣтая роскошно и вся прекрасная, стояла передо мною, надѣвая душистую перчатку. „Смотри—какъ будто говорила она мнѣ,—хороша ли я? Стою ли тебя?“ Отвѣтъ на это я подписалъ и скрѣпилъ въ моемъ сердцѣ, и, разумѣется, отвѣтъ мой былъ утвердительный.

„Театръ ужъ полонъ, ложи блещутъ...
И, взвившись, заваясь шумить“...

„Но я ничего не вижу, ничего не слышу, хоть смотрю даже въ очки, и слушаю вотъ этими самыми ушами, которыя иногда, по экстренной надобности, очень исправно исполняютъ свою должность. Чудесная игра Ивановой и Максимова... Что за кокетка эта Варенька! Посмотрите, какъ шаловливо она играетъ щегольскимъ лорнетомъ!.. „Фора! фора!“ Иванова поетъ, я слушаю... Варенька что-то шепчетъ мнѣ, но предосадный этотъ шумъ не позволяетъ мнѣ разслушать, что говор... „Иванову! Иванову! Максимова!.. Bravo, bravo!“

„Первая пьеса кончилась, начинается вторая. Въ театрѣ, сколько я замѣчаю, для меня всего интереснѣе бываютъ антракты. Кочуешь себѣ по ложамъ, смѣешься, врешь, словомъ, репетируешь въ лицахъ водевилъ.

„Что это за проказникъ Дмитрій Гавриловичъ! Раскланявшись съ Варенькою, онъ обратился всѣмъ своимъ вниманіемъ на ложу, гдѣ она сидѣла, и все, что только было порядочнаго въ театрѣ, все это устремилось сюда съ лорнетами, очками и просто съ глазами безъ очковъ. Варенька умно себя выдержала. Она нисколько не сконфузилась и преспокойно себѣ разговаривала со мною. За то, когда я вышелъ изъ ложи и сѣлъ въ мое кресло, генералъ погрозилъ мнѣ, но такъ родительски—нѣжно, такъ привѣтливо, что я готовъ былъ прокричать ему: ура!

„Громкіе аплодисменты, шумъ, крикъ, въ которомъ можно только

было разобрать имена Ивановой и Соколова, возвѣстили окончаніе спектакля. Я проводилъ Вареньку до коляски и пошелъ домой.

„И грустно мнѣ стало, и далъ я волю своей грусти. Задумчиво склонивъ голову, сидѣлъ я у стола — я тучи дыма разстилались по одинокой спальнѣ. Перекрестясь, я заснулъ, бросилъ трубку и легъ спать, ничего не придумавъ умнѣ этого.

Октября 5-го, пятница.

— Ну, милостивый государь, говорилъ мнѣ сегодня за столомъ генералъ, — теперь ужъ я самъ видѣлъ, какъ вы волочитесь. Шутки въ сторону, вы непремѣнно должны жениться; иначе вы компрометируете дѣвушку. Вчера на васъ всѣ въ театрѣ обратили вниманіе.

— Это и немудрено, ваше высокопревосходительство, смѣло отвѣчалъ я, — вы прежде всѣхъ ниволили глядѣть на ложу, гдѣ... гдѣ я былъ; а тамъ уже и прочіе стали смотрѣть, слѣдуя вашему примѣру.

— Да нѣтъ, батюшка, а вы все-таки должны жениться.

— За мною дѣло не станетъ. Если прикажете—женюсь.

„Тѣмъ и покончился нашъ разговоръ; но вѣдь этого мало. Въ словахъ добраго, внимательнаго, милостиваго моего благодѣтеля, я вижу только что-то въ родѣ совѣта, безъ всякаго осязательнаго прилагательнаго, а съ этимъ далеко не уѣдешь, и желаніе мое ни на волосъ не подвинется впередъ. Не такъ бы и не то мнѣ надо.

„Послѣ обѣда я прямо полетѣлъ на Подоль, рискуя сломить себѣ шею (прошу понимать послѣднее выраженіе въ смыслѣ моральномъ). Тревожно подходилъ я къ знакомому мнѣ дому и боязливо брагся за ручку двери, но, была не была, иду,—сказалъ я самъ себѣ, и вотъ я уже близъ Вареньки. Съ нею сидѣла родная тетка ея, Александра Ѳедоровна Подгаецкая, повѣренная большей части ея дѣвическихъ надеждъ и ожиданій.

„Странное дѣло! Въ первой любви моей я также нашелъ себѣ помощницу въ теткѣ Александрѣ Васильевнѣ и невыносимую надзира-тельную моихъ движеній — внѣшнихъ и внутреннихъ — въ сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ; вотъ и во второй нахожу то же самоо. Варенькину сторону видимо держитъ ея тетка, а кто держитъ сторону Вареньки, тотъ, ясно, стоитъ за меня, а не противъ меня. За нами самымъ неспособнымъ дозоромъ ходитъ сестренка Вареньки, которую тоже зовутъ Машею и которую я, вмѣстѣ съ Варенькою, начинаю уже порядочно ненавидѣть, точно такъ, какъ это было у меня съ Сонечкою, которая отъ всей души нетерпѣла своей Марьи. Къ довершенію этого страннаго сходства въ обстоятельствахъ той и другой моей любви, прибавлю еще и то, что какъ покойная маменька поддерживала любовь Сонечки, робко опасаясь противодѣйствій со стороны своей толстой половинны, такъ и здѣсь Марья Ѳедоровна видитъ и, какъ кажется, одобряетъ любовь Вареньки, опасливо прислушиваясь и присматриваясь къ рѣчамъ и поступкамъ своего супруга. Какъ во

время оно, мой тестюшка храпѣлъ и досадовалъ, такъ, повидимому, и теперь нескрываема мною привязанность бѣснть папу Варенькина. Странное, въ самомъ дѣлѣ, стеченіе обстоятельствъ!.

„За чаемъ я глупъ былъ. Чортъ возьми, что за гадкая моя натура! Разболтался и—ночалъ какъ куръ во щи. Забывъ, что около насъ есть посторонніе свидѣтели, я началъ говорить съ Варенькой тѣмъ иносказательнымъ языкомъ, который до сихъ поръ остается понятнымъ только намъ однимъ. Само собою разумѣется, что неумѣстнѣ этого разговора ничего быть не могло. Я это увидѣлъ, но поздно. Варенька вскочила наверхъ. Я понялъ все и, высидѣвъ для приличія и, какъ говорится, для отвода съ четверть часа, пошелъ къ Варенькѣ; она сидѣла за фортепіано, судорожно бѣгая пальцами по клавишамъ и разыгрывая пѣсню, которая на этотъ разъ въ игрѣ Варенькиной стала непохожа сама на себя.

— Что вы это дѣлаете?—вскринула почти Варенька, увидѣвъ меня и громко стукнула по клавишамъ, стараясь заглушить слова свои. Глаза ея искрились, лицо горѣло. Я точно ошеломленный стоялъ передъ нею.

— Виновать; я глупъ.—Мнѣ стало душно.

— Если вы не спасете меня—я пропаду.

„Боже мой! этого не доставало,—подумалъ я, и сложивъ руки, задумался крѣпко. Душа моя какъ будто хотѣла оторваться отъ всего, что волнуетъ ее въ этомъ пошломъ мірѣ чувствъ и желаній; она желала уйти туда, туда—глубоко, въ самое себя, чтобы поискать тамъ мысли, твердой какъ сталь, какъ камень, чтобы изъ нея извлечь хоть одну искру утѣшенія. И вѣрно въ глазахъ моихъ, быстро устремленныхъ на Вареньку, свѣтилась бездонная, страшная пустота.

— Не смотрите на меня, сказала она,—не смотрите,—я васъ прошу.

Я отошелъ и сѣлъ въ кресло. Но это мѣсто было не по мнѣ. Я подошелъ къ фортепіано и усѣлся на стулѣ, сжавъ въ рукѣ моей пылающую папиросу.

— Затѣмъ вы прямо и рѣшительно не скажете Дмитрію Гавриловичу? сказала Варенька громко, забывъ всякую застѣнчивость.

„Я молчалъ,—и что жъ мнѣ было сказать?

„Я молчалъ.

— Подите сюда.

„Я всталъ и подошелъ.

— Вы слышали и поняли, къ чему тетенька говорила сегодня о Чайковскомъ?

— Понялъ.

— Онъ за меня сватается; онъ просить руки моей, сказала она быстро и.....

„Други мои! Да вѣдь это вопль глубоко подавленной горести! Что жъ мнѣ дѣлать?

— Но папенька и маменька еще того не знаютъ.

— Люди предполагаютъ, а Богъ располагаетъ, сказалъ я мрачно.

„Что она говорила дальше, что я думалъ потомъ—не помню. Но мнѣ было тяжело.—Идутъ! идутъ! Я веселъ, чрезвычайно веселъ. Я болтаю уже, шучу, злословлю, пою,—очень весело!

„Но полно—ѣдемъ домой. Я простился съ Варенькой, поцѣловалъ руку М. Ѳ. (съ нѣкотораго времени М. Ѳ. стала ко мнѣ особенно нѣжна и внимательна; поцалуи ея жарче, пожатія руки вѣрнѣе, разговоръ солиднѣе.... (?!)

„Теперь я сижу уже дома—и работа нейдетъ мнѣ на умъ.

Октября 6-го, суббота.

„Сейчасъ,—а теперь 12-й часъ утра,—воротился я изъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ. Никакъ не ожидалъ я по такой дрянной погодѣ встрѣтить тамъ Вареньку. Замѣтивъ ее, я сошелъ съ прежняго своего мѣста и сталъ посади Марья Федоровны. Дрогнуло сердце мое, когда она, обратясь ко мнѣ, сказала: „Я на васъ сердита; теперь только что вы придете къ намъ,—отказъ“. Мнѣ, не шута, грустно стало; а Варенька стояла и молилась Заступницѣ всѣхъ скорбящихъ; я взглянулъ на икону—и тепло стало душѣ моей; я началъ молиться. Не обращая ни на кого вниманія, я пѣлъ канонъ Богородицѣ,—и теперь на душѣ моей такъ тихо, такъ сладко, что плавать хочется. Послѣ общаго акаанеста, я попросилъ отслужить молебень св. Феодосію Тотемскому. Варенька упросила М. Ѳ. остаться,—мы въ троемъ молились. Я знаю, что у Вареньки одна была дума съ моею; какова-то она была у той, которую я хотъ сейчасъ готовъ бы назвать своею матерью. Кстати сказать, послѣ всего того, что теперь дѣлается со мною, я не знаю, возможно ли мнѣ оставить Вареньку. Сердце говорить—нѣтъ, но разумокъ мой болѣе опасеніями и не скоро соглашается съ отзывомъ сердца.

„Боже мой! Въ тебѣ и на тебя надежда моя! Не хочу вмѣшиваться съ моиими близорукими распоряженіями въ предвѣчныя твои судьбы о мнѣ! Твори, якоже хочещи.

„Половина десятаго вечеромъ. Страшно, убійственно тяжело мнѣ было передъ самымъ обѣдомъ. Я метался изъ одной комнаты въ другую, брался то за то, то за сѣ—и все это меня томило, мучило. Мнѣ хотѣлось бы заплакать, но на этотъ разъ даже слезы отказались меня слушать; они накопились и кипѣли тамъ, въ сердцѣ моемъ,—и я чувствовалъ ихъ, чувствовалъ, какъ давили они мнѣ грудь и какъ будто хотѣли прорвать ее; а глаза мои были сухи.

„Настало время обѣда. Я и адъютантъ А. К. Куманинъ вошли въ приемную, гдѣ уже прохаживался Дмитрій Гавриловичъ. Отвѣтивъ на поклонъ мой своимъ обычнымъ привѣтствіемъ: „мое совершенное вамъ почтеніе“,—онъ тотчасъ же спросилъ меня:

— А что же, скоро ли ваше сватовство?

— Когда прикажете, ваше в—ство, отвѣчалъ я.
 — Да по мнѣ—хоть сегодня.
 — Въ томъ все и препятствіе, что еще несовсѣмъ организована моя финансовая система,—сказалъ я съ полусмѣхомъ.

„На этотъ разъ разговоръ, столько интересный для меня, тѣмъ и кончился. Я задумался и хорошенько не слышалъ, о чемъ послѣ того шла рѣчь.

„Пошли обѣдать. Генераль, поговоривъ съ минутой съ дежурнымъ чиновникомъ, обратился ко мнѣ.

— Такъ какъ же? Вы женитесь на Балабухѣ?

— Не могу этого сказать, ваше в—ство, отвѣчалъ я.

— Отчего же?

— Будь у меня мѣсто, которымъ бы сколько нибудь обезпечивалось мое состояніе,—тогда другое дѣло.

— А какого вы мѣста хотите?

— Такого, которое давало бы мнѣ ежегоднаго жалованья, по крайней мѣрѣ, тысячу рублей серебромъ.

— Ну, а тогда женитесь?

— Женюсь, отвѣчалъ я рѣшительно.

— Да пойдетъ ли она за васъ?

— Пойдетъ, отвѣчалъ я съ тою же рѣшительностью.

— Какъ вы это знаете?

— На это я имѣю самыя ослзательныя доказательства, и если позволите, я покажу ихъ послѣ обѣда вашему высовопрвосходительству.

— Экой хвастунъ!—сказалъ генераль смѣясь.

— Нѣтъ, точно, ваше в—ство, заговорилъ Куманинъ,—что она согласна пойти за Аскоченскаго; въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться.

— Не угодно ли будетъ вашему высовопрвосходительству спросить самимъ о томъ Варвару Николаевну при первомъ свиданіи съ нею. Даже мать ея, можетъ быть, на моей сторонѣ. Если и есть какое препятствіе, такъ это со стороны ея отца.

— Ну,—замѣтилъ генераль,—это еще бѣда не большая. Только смотрите, женитесь ли вы.

— Ваше в—ство! мнѣ уже прошла пора ловеласничать.... требованія семейной жизни широко у меня развиты и глубоко пустыли корни въ моей душѣ,—могу ли я послѣ того отказаться отъ неожиданнаго счастья имѣть такую....

— Ну, перебилъ генераль,—а если не женитесь?

— Дѣлайте тогда со мной, что хотите.

— Хорошо. Позволите ли тогда наказать себя тѣлеснымъ образомъ? сказалъ генераль смѣясь.

— Надѣюсь, отвѣчалъ я также съ смѣхомъ, что я не дойду до такого неприятнаго положенія,—и потому осмѣливаюсь находить лишнимъ въ этомъ случаѣ мое согласіе.

— То-то, заговорилъ вдругъ генералъ серьезно,—иначе вы скомпрометируете ее—а это не хорошо: она дѣвочка умненькая и добренькая.

„Я замолчалъ, вполнѣ соглашаясь съ словами генерала и дивясь про себя страннымъ его опасеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ—не смѣшно ли думать, чтобы я отказался отъ таковаго ангела, который сулитъ мнѣ все, что потерялъ я въ моей Софьѣ? Да Богъ съ ними—и съ ихъ богатствомъ, и съ ихъ деньгами, и съ ихъ приданымъ, лишь бы у меня самого была возможность не заставить Вареньку почувствовать и терпѣть со мною нужду! Дайте мнѣ побольше работы—и я не откажусь, лишь бы стало моихъ силъ отплатить счастьемъ и довольствомъ за ту жертву, которую несетъ мнѣ въ даръ это милое созданье. А трудовъ я не боюсь; руки есть, голова на плечахъ, и кажется, благодаря Бога, не безъ толку,—чего же еще? Для любимой души—горю качну!....

„Послѣ обѣда я, генералъ и Куманинъ пошли въ кабинетъ. Генералъ самъ (чего прежде никогда не бывало) далъ мнѣ свою сигару и, усѣвшись въ вольтеровское кресло, сказалъ:

— Какія же тамъ у васъ осязательныя доказательства?

„Я достала мой бумажникъ и далъ прочитать генералу то, что написала Варенька 3-го октября.

— Это точно она писала? спросилъ онъ, отдавая мнѣ бумажникъ.

— Я не осмѣлился бы такъ грубо обманывать ваше высокопревосходительство, если бъ это была чужая рука.

— Это не его рука, замѣтилъ Куманинъ.

„Генералъ какъ будто приостановился. Примѣтно, какая-то мысль бродила въ его головѣ, но угадать ее было трудно. Помня пословицу: куй жалѣю, пока горячо, я рассказалъ тутъ же свидѣніе мое о Θεодосіи Тотемскомъ, объ иконѣ этого угодника, нечаяно, но уже послѣ свидѣнія, увидѣнной мною въ домѣ Балабухи, рассказалъ о странной встрѣчѣ нашей въ церкви и вовсе неподготовленной зарагѣе рѣшимости слушать вмѣстѣ заказанный мною молебенъ св. Θεодосію.

— Каковъ? сказалъ генералъ, обращаясь къ Куманину, — какъ мастерски онъ все подготавливаетъ и устриваетъ.

„Это замѣчаніе задѣло меня за живое. Я вспыхнулъ.

— Ваше высокопревосходительство!—сказалъ я. Если-бъ даже вы и изволили замѣтить за мною когда либо охоту лгать, то меня въ настоящемъ случаѣ, прежде всего, удерживало бы то, что я говорю не передъ кѣмъ другимъ, а передъ вами, а съ другой стороны — и то, что шутить такими вещами я не согласенъ: имя угодника Божія, какъ бы то ни было, для меня священно, равно священно для меня и любовь моя къ...

— Къ кому? сказалъ генералъ съ улыбкою, замѣтивъ, что я вдругъ остановился.

— Къ Варварѣ Николаевнѣ, отвѣчалъ я твердо.

„Сигара потухла въ моихъ рукахъ. Я поклонился генералу и вышелъ. О, если бы Всевышній вразумилъ добраго моего покровителя устроить мою судьбу, а больше всего — дать мнѣ средства, вырвать ее — мою душу — изъ этого омута, куда хотятъ ее бросить недалеко-видные родители. Господи! не оставь меня!

„Только что отъ стола — и ужъ я поскакалъ на Подоль; но боясь какаго либо замѣчанія со стороны родителей Вареньки за мои частыя и несовѣсмъ еще ясныя для нихъ посѣщенія, завернулъ къ Минервину. Послѣ чаю мы пошли съ нимъ во всеобщую. Побродивъ глазами моими по угламъ церкви, я рѣшился во что бы то ни стало еще разъ увидѣть Вареньку и пошелъ къ нимъ въ домъ. Робко поцаловалъ я руку М. Ѳ. и уже не чувствовалъ того крѣпкаго пожатія, какое бывало прежде. Это еще больше меня обезпекло. Я оставилъ Вареньку у фортепiano, а самъ усѣлся близъ М. Ѳ., стараясь, сколько возможно, сдѣлать ее ласковою и внимательною ко мнѣ. По невеселому лицу и невольной задумчивости я заключилъ, что она, бѣдная, начинаетъ крѣпко беспокоиться объ отношеніяхъ моихъ къ Варенькѣ. Любовь ея ко мнѣ уже не тайна; мать не можетъ этого не видѣть. Съ неизбѣжною въ такомъ случаѣ неопредѣленностью я далъ замѣтить М. Ѳ., что я не сижу, сложа руки, а уже начинаю хлопотать о дѣлѣ. Это, сколько мнѣ было видно, мало ее успокоивало; но что же мнѣ было дѣлать? Поступить иначе было бы глупо и опрометчиво; оставить, бросить все — не могу, даже не долженъ; да, не долженъ.

„Странное дѣло! Опять то же самое дѣлается, что дѣлалось во время оно со мною и съ окружающими меня! Опять является мать, понимающая любовь своей дочери, и колеблемая страхомъ, опасеніемъ и уже безплоднымъ страданіемъ о томъ, что заранѣе не приняла мѣръ прекратить всѣ способы къ тому, чтобы такъ тѣсно не соединиться намъ. Странное, повторяю, дѣло!

„Къ намъ подошла Варенька.

— Вообразите, Варвара Николаевна, — сказала я, стараясь сдѣлать разговоръ сколько возможно общимъ, — вѣдь у насъ — таки будутъ вечера и балы — и надѣюсь, что и вы будете тамъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь врядъ ли.

— Отчего же?

— Я еще до сихъ не могу понять, зачѣмъ въ прошломъ году являлась на эти вечера и балы? сказала Варенька, смотря на меня быстро. Я понялъ ее.

— Такъ Богу было угодно, сказалъ я, стараясь придать вѣсь каждому слову.

— Богу было угодно, повторила она медленно, съ легкою задумчивостью.

— Да, Богу было такъ угодно, — еще разъ сказалъ я, — поймите это хорошенько, Варвара Николаевна.

„Она взглянула на меня: мысль моя была угадана.

— Прошлый годъ—другое дѣло, сказалъ Павелъ Семеновичъ, молодой дядя Вареньки,—а теперь она просватана.

— Такъ что-жъ такое? спросилъ я.

— Зачѣмъ она пойдетъ туда? Чтобы больше скучать?

— Больше скучать,—такъ, стало быть, она теперь скучаетъ?

— Я не говорю этого.

— Какъ не говорите? Больше скучать,—тутъ стоитъ сравнительная, значить, Варвара Николаевна скучаетъ положительно.

— Въ Рыльскѣ ужъ того не будетъ, сказалъ онъ, не замѣчая, вѣроятно, того, что онъ кинжаломъ роетъ и копаются въ больномъ сердцѣ.

— За то тамъ вѣчина будетъ, отвѣчалъ я, играя въ этомъ случаѣ роль безжалостнаго палача.

„Всѣ захохотали, только Варенькинъ смѣхъ горше былъ всякой слезы. Мнѣ жаль ее стало, до слезъ жаль. Рѣчь начала перебиваться. Не знаю, какъ-то зашли слова о томъ, что лучше бъ было, если-бъ я умеръ назадъ тому лѣтъ 15. Варенька подхватила:

— Нѣтъ, не лучше; тогда бы вы не были искупителемъ вашей Софьи...

„И она смотрѣла на меня своими прекрасными глазами, какъ будто прося, чтобъ я понялъ ее. Я тоже взглянулъ на нее — и увѣренъ, что она не могла не прочитатъ въ глазахъ моихъ: „знаю, не объ умершей ты Софьѣ говоришь, а о живой Софьѣ, которую еще только хотять уморить.

„Скоро послѣ этого я откланялся и ушелъ.

Октября 7-го, воскресенье.

„Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ каковою радостью спѣшилъ я въ клубъ купеческій! Я пѣлъ пѣсни, шумѣлъ, говорилъ самъ съ собою; а на дворѣ съ порывистымъ вѣтромъ шелъ дождь; ничего,—сказалъ я—и подъ ливнемъ пустился на Подоль.

„И вотъ я уже изъ клуба,—а теперь только одиннадцать часовъ,— и вотъ я уже дома грустный, задумчивый.

„Порадовала было меня Варенька первую встрѣчею, но не надолго. Откровенность, какой я въ настоящую пору вовсе не надѣялся отъ М. Ѳ., убила всю мою веселость, все мое счастье, какимъ я думалъ упиваться въ глазахъ Вареньки. Сегодня, вслѣдствіе глупаго разсказа одного изъ Балабухъ, Павла Семеновича,—въ домѣ у нихъ поднялась суматоха. У меня не достанетъ силъ передать все, что я слышалъ отъ М. Ѳ.: довольно того, что мнѣ хотять отказать отъ дому... О, если такъ, то я примусь уже за дѣло тремя руками—включая въ это число одну руку, которая можетъ во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ цѣлыя тысячи рубъ... Но пока-то это будетъ, пока кончится эта

борьба,— а я не могу быть покоенъ. Страшно взволнованный я бродилъ по огромной залѣ, бессмысленно зѣвалъ на танцующихъ и...

— Нѣтъ, Марья Федоровна, сказалъ я наконецъ,— не бывать этому живому созданью за какимъ-нибудь римскимъ пентехомъ!..

„Я всталъ и уѣхалъ домой. Охъ, да какъ-же мнѣ тяжело, грустно! Что-то Богъ дастъ: но глазъ народа уже совсѣмъ отдалъ мнѣ Вареньку. Мнѣ надо, непременно надо переговорить съ генераломъ.

— „Помолюсь Богу и лягу спать. Утро вечера мудренѣе.

Октября 8-го, понедѣльникъ.

„Цѣлое утро я до того былъ взволнованъ вчерашними разсказами и событіями, что даже почувствовалъ себя нездоровымъ. Припоминая то, что сказалъ мнѣ вчера генераль,— а онъ сказалъ вотъ что: „надобно это дѣло кончить поскорѣе“, — припоминая, говорю, это, я не могъ на минуту успокоиться. Это почти разстроило меня.

„За обѣдомъ генераль сказалъ мнѣ:

„Зайдите-ка ко мнѣ въ восемь часовъ вечера“. Тревожно ожидалъ я этого времени и, валяясь на кровати, чувствовалъ какъ будто припадки горячки. Кровь моя до того волновалась, что только лишь задремлю я,— въ ту жъ минуту вздрогну и проснусь. Пріѣхалъ Платонъ; я разсказалъ ему все, что со мною дѣется, и онъ ободрилъ меня, утѣшилъ упованіемъ на Господа Бога. Я сталъ покойнѣе.

„Вмѣсто восьми часовъ я попалъ къ генералу въ десять. Онъ усадилъ меня напротивъ себя и первый его вопросъ былъ таковъ: „хотите ли вы жениться?“

— Ваше высокопревосходительство, осмѣлюсь...

— Безъ фразъ, безъ фразъ; говорите прямо: да или нѣтъ?

— Да, отвѣчалъ я твердо и рѣшительно.

— Что жъ вамъ для этого нужно?

— Мѣсто, которымъ бы я скольконибудь могъ обезпечить свое состояніе.

— Какого жъ вы хотите мѣста?

„Я указалъ на мѣсто директора гимназіи, и генераль приказалъ сдѣлать мнѣ по этому случаю нѣкоторыя необходимыя справки. Богъ вѣсть, къ кому мнѣ обратиться. Сохрани Господи, если узнаютъ объ этомъ господа университетскіе профессора; они заклютъ меня, — а мимо ихъ никакъ нельзя. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ всего лучше обратиться къ злѣйшему и пронырливѣйшему изъ нихъ, и я для этого выбираю Иванешева. Дай знать объ этомъ комунибудь попростѣ — онъ начнетъ хитрить и, чего добраго — повредитъ мнѣ. А этотъ, надѣясь на свою проникаемость, можетъ быть, заснетъ — и я проведу его и выпытаю, чтѣ мнѣ будетъ нужно. Завтра въ походъ, — строй каре, и поражая самъ, не подпущу къ себѣ никого и непременно достану себѣ языка.

„Къ слову, я разсказалъ коротко генералу весь настоящій мой романъ, не забывъ и про вчерашнюю сцену, на которую даже я особенно налегалъ, давая тѣмъ знать о мучительномъ состояніи дѣвушки, которую обрекаютъ въ жертву разсчетамъ. Генералъ слушалъ меня внимательно, и когда подъ конецъ я сталъ было благодарить его за отечески-милостивое участіе ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Для васъ-то для васъ, а больше для этой дѣвушки надо постараться. Я люблю ее,—она умненькая.

„Теперь не усну я ночь отъ другой заботы; ихъ, впрочемъ, у меня такъ много, что я не знаю, на которой прежде всего остановитъ мое вниманіе. Счастье у меня почти въ рукахъ,—боюсь упустить его...

Октября 9-го, вторникъ.

„Насилу дождался я этого несноснаго утра. Несмотря на сильный, насквозь проникающій дождь, я поѣхалъ на Подоль хотъ взглянуть на Вареньку. Холодно принялъ меня возлюбленный ея папаша, который—на бѣду мою—вздумалъ совершенно некстати быть больнымъ, и потому сидѣлъ дома. Я сказалъ—на бѣду мою, потому что я не успѣлъ перемолвить, какъ бы мнѣ хотѣлось того, съ М. Θ. По крайней мѣрѣ, я далъ ей знать, что генералъ принялъ въ нашемъ дѣлѣ сильное участіе и что я не сижу сложа руки. Съ Варенькой я не могъ помѣняться даже двумя словами. М. Θ. воображаетъ, что Варенька ничего не знаетъ о намѣреніяхъ моихъ и что ей вовсе не извѣстно о томъ, что говорила мнѣ сама Марья Федоровна третьяго дня въ клубѣ. Дѣлать нечего, надо было довольствоваться только взглядами,—но и изъ нихъ, надѣюсь, Варенька поняла все.

„Я узналъ, что въ случаѣ просьбы моей объ увольненіи изъ академіи остановки не будетъ никакой. Митрополитъ и все воинство его, какъ по всему видно, очень рады будутъ отдѣлаться отъ такого карбонарія, какъ я. Въ отгѣткахъ своихъ по послужному моему списку, онъ ужъ не такъ-то былъ расточителенъ на похвалы. Что же касается до новаго мѣста, то, мнѣ кажется, встрѣтятся большія затрудненія. Директоръ, на котораго я мѣчу, такъ плотно усѣлся на мѣстѣ, что его развѣ силою можетъ столкнуть такая рука, какъ у моего высочаго покровителя. Не знаю, что Богъ дастъ.

Октября 11-го, четвергъ.

„Я поѣхалъ къ Балабухѣ. Злодѣйка-Варенька встрѣтила меня сердито, даже не пожала, по обыкновенію, руки моей. Это меня жестоко изумило съ перваго. Я глядѣлъ на Вареньку, желая узнать по глазамъ ея причину такого недовольства на меня, но звонкій и счастливый смѣхъ былъ достаточнымъ отвѣтомъ, что это гнѣвъ не въ наказанію. Я все понялъ.—Вы, сказала она потомъ,—вѣрно хотите пытать мое терпѣніе, что такъ давно у насъ не были.—„И радъ бы

въ рай, подумалъ я, да грѣхи не пускаютъ“. Въ заглъ сидѣло все семейство—и намъ нельзя было молвить другъ другу двухъ словъ безъ свидѣтелей. Но довольно было взглянуть на Вареньку—и быть счастливымъ. О, какъ страстно глядитъ она на меня! Какой огонь горитъ въ этихъ чудныхъ глазахъ! Какъ понятно трепетны эти недоговоренныя рѣчи, этотъ судорожно-радостный смѣхъ ея. Да, Варенька любить, горячо любить—и я этотъ счастливецъ, предметъ ея любви, думъ, мечтаній и надеждъ! Благодарю тебя, Господи! Еще не совсѣмъ я одинокъ, еще есть чистое, прекрасное сердце, на которомъ написалось имя мое огненными буквами первой, юной любви.

— Я вся дрожу, сказала она тихо, быстро. Ей Богу, братцы, у меня духъ занялся.—Другъ мой! сказалъ я также тихо и скоро,—я уѣду; мы такъ измучимся.—И я взялъ шляпу.

— Пойдите, сказала она почти со слезами, и я остался не долго.

— Вы маменькѣ говорили что нибудь? спросила она меня.

— Все почти ужъ сказано.

— Что жъ это она безъ васъ смѣется надъ вами?

„Не помню, въ изъясненіе этого какую я сказалъ глупость. Но это обстоятельство заставило меня подумать, когда я уже поѣхалъ домой. Сказать правду, я не вовсе довѣряю Марьѣ Федоровнѣ, и мнѣ кажется, что чуть ли она не дѣйствуетъ хитрѣй, чѣмъ почтеннѣйшій ея супругъ. Своею неожиданною откровенностью она выпытала у меня тайну любви къ Варенькѣ и хочетъ, какъ видно, повести меня за носъ и разстроить меня съ милою своею дочерью, новою избранницею моего сердца. Для этого она и просила меня бывать у нихъ какъ можно рѣже, для этого-то она и рисуетъ меня передъ Варенькою чернымъ карандашемъ, примазывая по мѣстамъ свой рисунокъ грязью. Это неладно. Впрочемъ, кстати, что Варенька сказала мнѣ объ этомъ. Я знаю, что теперь дѣлать. О, меня трудно провести!....

„Между прочимъ, М. Ѳ. извѣстила меня, что Аристарховы просили позволенія быть у Балабухъ въ ноябрѣ. Николай Семеновичъ изъяснилъ, вишь, свое согласіе; но Варенька не отвѣчала ничего. Значить, мнѣ надобно стараться, чтобы главнокомандующій нашимъ дѣломъ воспользовался этимъ временемъ и дѣйствовалъ наступательно и рѣшительно, не дожидаясь атаки со стороны непріятеля. Коменданты крѣпости, къ которой мы приступаемъ, могутъ, чего добраго, измѣнить намъ,—и тогда все пропало!

„Такъ какъ ѣхать домой слышеюмъ было рано, то я отправился къ генеральшѣ Красовской. Тамъ былъ Дмитрій Гавриловичъ, комендантъ Пенхержевскій, генералъ Желтухинъ, вице-губернаторъ Бибииковъ и прокуроръ Матюнинъ. Меня тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ усадили за зеленый столъ. Я игралъ съ комендантомъ и Желтухинымъ. Счастливо отдѣлавшись отъ виста, я подошелъ къ столу, гдѣ сидѣлъ генераль.

— Откуда вы, спросилъ онъ улыбаясь,—вѣрно съ Подола?

— Такъ точно, отвѣчалъ я.

— Да, да,—подхватила Красовская,—вѣдь у васъ скоро свадьба.

Прекрасно! я буду у васъ посаженою матерью.

„Я поблагодарилъ генеральшу и подумалъ: если ужъ генераль не держитъ этого въ секретѣ и самъ распускаетъ слухи, то быть дѣлу. О, когда бы скорѣй! Милая Варенька! Будемъ молиться и уповать на Господа Бога! Онъ, милосердый, не оставитъ насъ; онъ благъ и любитъ дѣтей своихъ.“

Октября 12-го, пятница.

„Никакая работа не идетъ на умъ; все такъ и валится изъ рукъ. Чтобъ доставить себѣ хоть какое нибудь развлеченіе, я принялся въ десятый, кажется, разъ переписывать мои стихотворенія за настоящій годъ. На дворѣ было холодно, какъ зимою; въ 12 часовъ пошелъ снѣгъ, который, разумѣется, не могъ совладать съ грязью, жидко свѣтившеюся на мостовой.“

„За столомъ генераль ни слова не говорилъ ни объ дѣлѣ моемъ, ни объ Варенькѣ.“

„Выпросивъ у Д. Г. „Исторію Малороссіи“ для Николая Семеновича, я поѣхалъ на Подоль, и благодаря Бога, встрѣченъ былъ отъ неблагосклоннаго ко мнѣ папы Варенькина довольно ласково. Мнѣ только и нужно было. Потомъ я пошелъ въ залу, и... Это, чертъ возьми, ни на что не похоже! Насъ ни на одну минуту не оставляютъ однихъ съ Варенькою. М. Ѳ. сидитъ какъ прикованная къ своему мѣсту; только у фортепіано, отвлекающаго вниманіе нашихъ инспектриссъ, мы успѣваемъ обмѣняться съ Варенькою лишнею парюю словъ. Но для насъ и этого бываетъ довольно. Несмотря на краткость нашихъ разговоровъ, мы оба понимаемъ недосказанное. Варенька почти съ гнѣвомъ упрекаетъ меня за недѣятельность и только торопитъ кончать поскорѣе дѣло, какъ видно, опасаясь наступательныхъ дѣйствій со стороны жениха своего, которому она такъ охотно даетъ чистую отставку. Всѣ надежды ея обращены къ генералу, котораго она прямо называетъ своимъ защитникомъ и хранителемъ. Послѣдность, весьма понятная въ Варенькѣ, меня часто сбиваетъ съ толку,— и я тогда не знаю, что отвѣчать ей на это.“

Октября 13-го, суббота.

„Молодой другъ мой совѣтовалъ мнѣ прямо и откровенно сказать все генералу, съ неотступнымъ требованіемъ мѣста и ходатайства предъ отцомъ Вареньки. Я и самъ думаю объ этомъ, но боюсь неотступными напоминаніями генералу испортить все дѣло. Впрочемъ, надѣясь на Господа Бога; сегодня рѣшусь еще разъ сказать Дмитрію Гавриловичу о себѣ и о Варенькѣ.“

„6 часовъ вечера. И сказалъ-таки. Генералъ вотъ что, наконецъ, отвѣчалъ мнѣ: „пока я живъ и пользуюсь милостію государя, до тѣхъ поръ твердо могу вамъ сказать, что если мы не найдемъ мѣста по ученой службѣ, то я дамъ вамъ по гражданской. Это непремѣнно. Скажите то же самое отъ меня и вашей Варварѣ Николаевнѣ“.

„Я поклонился и вышелъ. У меня голова кружится.

Октября 15-го, понедѣльникъ.

„Странное дѣло! Завтра рѣшается трудный вопросъ, который вотъ уже въ другой разъ задаетъ мнѣ судьба въ моей жизни—и между тѣмъ я покоенъ. Сказать правду, получивъ коротенькую записку отъ Николая Семеновича, я почувствовалъ въ первый разъ порядочное въ себѣ волненіе, усиленное въ особенности тѣмъ, что письмецо, посланное мною къ нему, воротилось ко мнѣ назадъ съ престраннымъ замѣчаніемъ на конвертѣ: отвѣтъ въ срединѣ. Съ перваго раза я не разобралъ этого и подумалъ, что тутъ написано: отвѣтъ въ среду. Почему же въ среду, а не сегодня, не завтра, разсуждалъ я, держа письмо въ рукѣ моей? Это странно! Да ужъ полно, читалъ ли онъ мою записку? Это было бы съ его стороны крайняя невѣжливость, еслибы онъ, не распечатавши, прислалъ мнѣ назадъ мою записку. Размышляя такъ, я уже хотѣлъ изорвать ее, но облатка, худо приклеенная, нечаянно остановила меня. Я развернулъ записку и прочиталъ: „завтра приѣзжайте ко мнѣ въ 12 часовъ утра“. Прекрасно! А тамъ—что будетъ, то будетъ.

„На святое Провидѣнье
Положился я давно“...

„Повторяю, я покоенъ,—но что-то теперь съ Варенькой? Я почти увѣренъ, что она въ эту ночь глазъ не сомкнетъ: она такъ горячо и пылко меня любитъ; она еще впервые испытываетъ эту болѣзнь, которую зовутъ любовью. Жаль мнѣ ее, мою крошку,—и за нее я готовъ бы теперь упасть въ ноги тому, отъ кого зависитъ ея и мое счастье.

Октября 16-го, вторникъ.

„Приѣзжаю по назначенію къ Балабухѣ ровно въ 12 часовъ. Прежде всего я забѣжалъ внизъ, гдѣ сидѣла Марья Федоровна и Варенька. Обѣ онѣ были, какъ по всему видно, сильно встревожены. Размѣнявшись привѣтствіями, я съ рѣшительнымъ и спокойнымъ видомъ пошелъ наверхъ. Николай Семеновичъ встрѣтилъ меня довольно вѣжливо и мы заговорили.

— Прежде всего,—сказалъ я ему,—благодарю васъ, Николай Семеновичъ, за то, что вы не заставили меня долго ожидать отвѣта.

„Онъ откланялся и пригласилъ меня садиться.

— Вы, конечно,—заговорилъ я, усаживаясь въ кресло,—могли нѣсколько угадывать цѣль моихъ посвѣщеній. Если позволите, я выскажу ее прямо, и напередъ прошу васъ со мною въ настоящемъ случаѣ быть откровеннымъ; я люблю вашу Вареньку и прошу у васъ ея руки.

— Да вы развѣ не знаете, что она уже помолвлена? отвѣчалъ серьезно Николай Семеновичъ.

— Очень хорошо знаю; равно какъ знаю и то, что помолвва эта далеко еще не ведетъ къ дѣлу, которое, какъ мнѣ извѣстно, у васъ разладилось.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Весь Кіевъ.—Я умолчалъ здѣсь о болѣе вѣрномъ источникѣ, изъ котораго почерпнуто мною такого рода свѣдѣніе.

— Всему, возразилъ Николай Семеновичъ,—что говорится въ Кіевѣ, вѣрить нельзя. А я далъ слово—и не отступлюсь отъ него.

— Вы дали слово — прекрасно; но дала ли слово та, судьба которой рѣшается съ такимъ упорнымъ насиліемъ?

— Разумѣется, дала. Я самъ призывалъ ее еще передъ обрученіемъ, и она тогда объявила свое согласіе...

— Не справясь ни съ умомъ, ни съ сердцемъ, продолжалъ я. — Да, это точно великое согласіе и основываться на немъ очень благо-разумно. Но, Николай Семеновичъ! не могла ли новость положенія закружить бѣдную, еще неопытную дѣвушку? Она невѣста, ее всѣ поздравляютъ; кругомъ суета, шумъ, освѣщеніе, всѣ рады и веселы; сбоку женихъ — да это хоть кому вскружить голову. Вы знаете, въ Индіи жертвы, обрекающія себя на сожженіе, точно бывають въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ была тогда Варенька. Но положимъ, что на этомъ согласіи вы могли въ то время основываться и затѣять такую громкую помолвку (которая, между прочимъ, ужаснѣйшая съ вашей стороны ошибка),—увѣрены ли вы, что Варенька готова и теперь сказать то же, что говорила она назадъ тому почти три мѣсяца?

— А мнѣ что до теперешняго ея согласія! Коротко скажу: слово дано мною и я ни за что не отступлюсь отъ него.

— Держать свое слово хорошо и похвально тамъ, гдѣ идетъ дѣло о вещи, а не о лицѣ, которое само по себѣ можетъ имѣть свою мысль и, слѣдовательно, свое слово. Не будете ли вы отвѣчать передъ Богомъ за то, если въ угожденіе вашему упорству дочь ваша солжетъ предъ алтаремъ, если устами скажетъ—да, а на сердцѣ положитъ—нѣтъ?

— О, что касается до этого, то я отвѣтственности предъ Богомъ не боюсь.

— Не бояться вы можете, но она все-таки будетъ лежать на васъ. Если бы эта двуличность Вареньки была дѣломъ ея собственнаго произвола и избранія—другое дѣло; тутъ родители были бы невиноваты;

но какъ скоро они отнимають у ней свободу, поставляя только свою волю закономъ, то кто жъ отвѣчаетъ? Ужь, разумѣтся, не тотъ, кто дѣйствуетъ по принужденію.

— Будто мы ее принуждаемъ?

— А что жъ вы дѣлаете? Если не принуждаете, то почему же до сихъ поръ вы не выспросите ее, какъ отецъ, какъ другъ, безъ строгихъ замѣчаній и грозныхъ сентенцій?

— Да на что это?

— Какъ на что? Для счастья вашей дочери.

— О, она будетъ счастлива.

— Что и говорить. Счастье, Николай Семеновичъ, условная вещь. Однимъ и то счастье, если они могутъ пить, ѣсть, да спать вдоволь, а другимъ хочется другаго, хочется подѣлиться мыслью, чувствомъ, сердцемъ.

— Все это она найдетъ въ Аристарховѣ...

— Дай Богъ, но все это вы покажѣтъ говорите,—что-то она сказала бы, если бы спросить ее...

— Не нужно это.

— Такъ, стало быть, вы сами будете находить въ выбранномъ вами фениксѣ всѣ качества, какихъ потребуеть отъ него такая умная и образованная дѣвушка, какъ Варенька. Вы скажете: „вотъ это, молъ, дочка—чувство, вотъ это—мысль, вотъ это—сердце“; а она вамъ отвѣтитъ: „позвольте, напенька, я сама посмотрю“; вы опять скажете: „не нужно, дочка, это мы тебѣ говоримъ,—твои родители“;—„нѣтъ, ужъ позвольте“, скажетъ она и, хорошенько всмотрѣвшись—Боже сохрани, какъ прибавитъ: „посмотрите, да это не чувство, а сахарная вода,—это не мысль, а ариметическій счетъ,—это не сердце, а копченый кусокъ мяса“. Что тогда? Николай Семеновичъ! Отдать дочь вѣдь не то же, что сбыть залежалый товаръ. Смотрите, обдумайте...

— Сколько бы я ни думалъ, все будетъ одно и то же.

— То-есть, перебилъ я, вы приносите Вареньку въ жертву вашему упорству. Хороша родительская любовь! Не говорите мнѣ этихъ примѣровъ, которыми такъ любятъ хвастаться старики, что вотъ, дескать, мы прожили, слава Богу, бывъ сведены вовсе безъ вѣдома нашего волею родительскою. То, скажу вамъ, были времена—другіе нравы; то старина, то и дѣяніе. Нашихъ стариковъ и надо было сводить, потому что они такъ никогда бы не сошлись; для этого нужно кое-что побольше ногъ; нужна образованность, взаимная настроенность,—а этого-то у стариковъ нашихъ (не во гнѣвъ будь сказано) и недоставало. Вѣкъ на вѣкъ не указываетъ и требованія времени измѣняются...

— Все это такъ; но предложеніе ваше въ другое время имѣло бы другой вѣсъ, а теперь Варя обручена...

— Что вы этимъ хотите сказать? Не то ли, что я прежде этого извините) жалкаго обрученія очень легко могъ просить руки Варень-

киной, не напрасно себя лаская надеждою успѣха? Но, Николай Семеновичъ, помните, что я уже не въ первой порѣ молодости, и что соваться въ воду, не спросясь броду—мнѣ ужъ не приходится. Я смотрѣлъ, какъ устроятся мои обстоятельства, и смогу ли я прилично настоящему моему положенію въ свѣтѣ содержать себя и будущую жену мою своимъ собственнымъ коштомъ, не простирая слишкомъ далекихъ и обширныхъ видовъ на женино приданое. Въ этомъ смыслѣ я и дѣйствовалъ. Бывъ у васъ принять въ домѣ, я сблизился съ Варенькою, узналъ ея мягкую душу, ея теплое сердце, ея гибкій умъ, узналъ все, чѣмъ она способна быть—и откровенно признаюсь вамъ—полюбилъ ее. Варенька, замѣтивъ это, тотчасъ же дала мнѣ знать, что у нея есть женихъ, что онъ хорошъ и прочее, и что я могу оставить ее въ покоѣ. Поблагодаривъ за такую умную откровенность, я, точно, рѣшился прекратить мои исканія, внутренно—признаться—жалѣя, что это милое созданіе идетъ въ руки чужому, который, быть можетъ, не сумѣетъ оцѣнить его. Но какъ бы то ни было, я пересталъ къ вамъ ѣздить; безъ меня совершилось ваше громкое обрученіе; безъ меня Варенька стала невѣстою. Я даже самъ поздравилъ ее, бывши въ гостяхъ у Семена Семеновича въ день его золотой свадьбы. Изрѣдка навѣдывался къ вамъ и слыша отъ самой Вареньки, какъ она восхищалась положеніемъ невѣсты, уѣзжалъ домой, внутренно смѣясь такому самообольщенію неопытной дѣвушки. Я видѣлъ, что впечатлѣніе отъ совершеннаго съ нею обрученія легло только на поверхность ея души, нисколько не тронувъ глубины ея,—и боялся нарушить это мирное, спокойное невѣдѣніе ожидающей ея участи, самой прозаической; такъ прошло почти около трехъ мѣсяцевъ. Вдругъ дошелъ до меня слухъ о разладѣ вашемъ съ домою Аристарховыхъ. Признаюсь, я принялъ это за указаніе Промысла и сентября 19-го явился въ вашъ домъ, чтобы узнать, справедливы ли эти слухи. Разспрашивать мнѣ было не нужно,—стоило только взглянуть на Вареньку, поговорить съ нею совсѣмъ, будто бы, о постороннемъ, чтобы увидать истину во всей ея наготѣ. Съ этихъ поръ я сталъ бывать у васъ чаще и чаще, узнавать Вареньку ближе и ближе, и дошелъ до того, что не бывать у васъ, по крайней мѣрѣ, три раза въ недѣлю—было для меня уже невозможно. Тутъ я узналъ многое; но еще не рѣшился даже самому себѣ отдавать отчета въ моихъ цѣляхъ и видахъ. Дмитрій Гавриловичъ сначала шутилъ надъ моею привязанностью къ Варенькѣ, наконецъ сталъ уже серьезно поговаривать объ этомъ и однажды сказалъ мнѣ—почему я не ищу руки ея? Я отвѣчалъ, указавъ на недостаточное мое состояніе, на мѣсто, занимаемое мною въ академіи, которое, конечно, съ голоду не уморить, но зато и сыто не накормить. Генералъ обѣщалъ мнѣ помочь въ этомъ и я уже самъ взялся за дѣло серьезно. Вотъ вамъ, Николай Семеновичъ, весь ходъ моихъ дѣйствій: судите, благородно ли я поступалъ, или нѣтъ?

— Я ни слова объ этомъ не говорю. Но вѣдь этому ничему бы не бывать, если бы Аристарховъ былъ здѣсь. Вы сами встрѣчали бы его у насъ каждый день, и тогда...

— Тогда бы, перебилъ я,—мнѣ и не для чего было бы къ вамъ ѣздить, потому что у васъ и разлада никакого бы, можетъ быть, не было...

— Да и теперь нѣтъ его....

— Николай Семеновичъ! вѣдь я не такъ еще слѣпъ, чтобы не видѣть того, что можно оцунать руками. Вы сами, положа руку на сердце, скажите мнѣ, все ли у васъ спокойно въ семействѣ? Всѣ ли такъ же думаютъ и чувствуютъ, какъ вы?

— Да что мнѣ до всѣхъ? Мое слово....

— Опять то же; все я, да я, мое, да мое. Скажите что-нибудь другое, а это уже я слышалъ и отвѣчалъ вамъ.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ, ищите себѣ другой дѣвушки — незанятой...

— Покорѣйше васъ благодарю. Искать я не могу и на комъ либо другомъ жениться покажѣтся не намѣренъ. Надо мною всю жизнь мою была рука Промысла; и если вы слышите отъ меня такое объясненіе, то я твердо вѣрю, что такъ Богу угодно, и что Варенька должна принадлежать мнѣ.

— Нѣтъ, она принадлежитъ Аристархову....

— Еще Богъ знаетъ,—сказалъ я, закуривая сигару.

— Я васъ объ одномъ прошу, Викторъ Ипатьевичъ — пожалуйста, чтобы впредь объ этомъ и слова не было.

— Даю вамъ въ томъ честное слово, но до времени не я самъ, такъ, можетъ быть, кто-нибудь другой замолвить обо мнѣ слово.

— Я всякому то же скажу, что и вамъ.

— Очень вѣрю, но не будемъ впередъ загадывать. Позвольте и мнѣ, Николай Семеновичъ, попросить васъ объ одномъ. Пригласите къ себѣ Вареньку и, не пугая ее строгимъ взглядомъ и неумѣстными правоученіями, станьте рядомъ съ ея положеніемъ и заставьте ее самое открыть вамъ сердце свое. Тогда вы увидите, у мѣста ли ваше упорство держать данное вами слово, или нѣтъ? Теперь же, кажется, все переговоры, но между нами не все кончено. Надѣюсь, впрочемъ, что это не помѣшаетъ намъ попрежнему быть добрыми пріятелями и вы извините меня, можетъ быть, за лишнюю откровенность...

„Николай Семеновичъ пожалъ мнѣ руку и я откланялся, сохранивъ до конца все мое присутствіе духа. Но, Боже упаси, если бы кто-нибудь заглянулъ въ глубь моего сердца! Тамъ былъ цѣлый адъ страданій и горько обманутыхъ надеждъ!...

„Я сошелъ внизъ. Марья Федоровна и Варенька взглянули на меня вопросительно. Сѣвъ на стулъ, я сказалъ, сколько могъ, твердо и даже весело:

— Ну, вотъ и кончено!

— Такъ скоро? спросила Варенька въ тревожномъ недоумѣннн.
„Глаза ея горѣли, щеки пылали.

— У насъ было все коротко, зато ясно. И я поздравляю васъ
шадате Арнстарховой.

— Кого нибудь другаго, только не меня, сказала она отрывисто,
и лицо ея начинало блѣднѣть и на глазахъ наворачивались слезы...
Она наклонила голову....

„Мнѣ стало душно; мнѣ стѣснило грудь.

— Прощайте, сказалъ я, вставая и цалуя руку Марьи Осиповны.

— Прощайте, Варвара Николаевна!—И я пожалъ протянутую
мнѣ руку.

— Навсегда? спросила она почти съ воплемъ.

— Можетъ быть и навсегда....

„Но тутъ ужъ у меня не стало силъ. Я выбѣжалъ изъ дому, глотая слезы.

— Пошелъ!!—крикнулъ я извощику и, отъѣхавъ отъ дому, вздохнулъ такъ тяжело, что, мнѣ казалось, тѣмъ вздохомъ и душа повернется на своемъ мѣстѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„ЛИХОЛѢТЬЕ“.

(Смутное время).

Историческій романъ ¹⁾.

IX.

„Kto w fortunie ufność kładzie,
Kto nie pomnaż o jez zdnadzie,
Wierzył w mary łube,
Ten poznawać rychło zacznie,
Iako plocho i niebacznie
Oddał się na zgube“.

„Кто надѣется на счастье, кто, забывъ о его измѣнчивости, вѣритъ въ любимыя мечты, тотъ скоро узнаетъ, какъ безразсудно и легкомысленно онъ отдалъ себя погибели“.
(Польская пѣсня временъ Локтека о Альбрехтѣ, войтѣ Краховскомъ).

МЕЖДУ тѣмъ, молодой панъ Пржемыславъ Дворжицкій, разставшись съ Лисовскимъ и взявъ съ него слово сдать августинскаго монаха на руки нѣмецкому купцу, направился къ Кремлю, не желая своимъ отсутствіемъ увеличивать безпокойство вельможныхъ пословъ. Обуреваемый самыми разнородными и глубоко безотрадными чувствами, онъ увидѣлъ передъ собою блѣдую зубчатую кремлевскую стѣну.

Женскій визгливый голосъ, вскрикнувшій: „Панъ Пржемыславъ! Прошу пана!“ заставилъ его оглянуться. Въ открытое окно большого деревяннаго дома, въ Китай-городѣ, высунулась женская голова,

¹⁾ Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VII, стр. 287—317.

странно убранная разноцвѣтными лентами, кивавшая ему не только пріятельски, но съ какою-то отчаянною требовательностью. Выразительнымъ жестомъ руки она въ то же время звала его къ себѣ. По желтому шелковому платью, бросившемуся Дворжицкому въ глаза, по наруганнымъ щекамъ и по высоко взбитымъ волосамъ, придававшимъ ей вмѣстѣ съ лентами видъ сумасшедшей, онъ незамедлительно призналъ въ этой особѣ прекраснаго пола — далеко не прекрасную панну Гонорату Модлевскую изъ Замѣхова. Первымъ естественнымъ движеніемъ молодаго человѣка было желаніе пришпорить коня и ускользнуть отъ этой раскрашенной престарѣлой красавицы, преслѣдовавшей его своими вздохами и нѣжностями съ постоянствомъ, достойнымъ лучшей участи. Въ эту минуту онъ не былъ расположенъ потѣшаться надъ „вѣрностью“ панны Гонораты, обыкновенно упрекавшей его въ „безсердечіи“ и выставлявшей ему въ своей особѣ примѣръ безкорыстной привязанности: такъ она ему надоѣла, да и былъ онъ не въ томъ настроеніи, чтобы выслушивать ея „ламантаціи“ и любоваться ея штукатуреннымъ лицомъ. Онъ хотѣлъ ограничиться шутивнымъ поклономъ, не останавливая коня.

— На одну минуту, панъ! якъ Бога кохамъ, на одну минуту! вскричала панна Гонората еще громче и отчаяннѣе; въ ея голосѣ Дворжицкій услышалъ женскія слезы, которыхъ онъ не могъ выносить. Онъ нерѣшительно остановился, поглядывая на свою перерѣдую обожательницу, какъ смотритъ человѣкъ на опасность, уже имъ испытанную.

— Не для меня, ласковый панъ! убѣждала его панна Гонората, повидимому понимая причину его колебаній исполнить ея просьбу.— Брунь Боже, панъ, не для меня! пани Марина просить! очень надо! якъ Бога кохамъ, панъ!

Дворжицкій только сейчасъ вспомнилъ, что Гонората, въ качествѣ „решпектовой панны“, украшаетъ собой женскую свиту Марины Мнишекъ, неудавшейся, если не развѣнчанной московской царицы, и очутился у раскрытаго окна, поборовъ въ себѣ страхъ, внушенный ему добродѣтельною дѣвственницею изъ Замѣхова.

— Войдите, можно, панъ! продолжала съ тою же убѣдительною „панна решпектова“, впрочемъ боязливо оглядываясь на улицу, къ ея счастью пустую въ эту минуту.—Москалей нѣтъ!.. О, matka Boska! что я видѣла и чувствовала въ эти дни! какіе это изверги, варвары!

Панна Гонората сочла нужнымъ подкатить свои безцвѣтные глаза подъ лобъ, украшенный прыщами, и все выраженіе ея размазваннаго лица изобразило ужасъ, внушенный ей бородами москалями, избившими столько ея соотечественниковъ и даже соотечественницъ.

— Панья Гербуртова убита, и панья Тарлова! слыхаль, панъ? заговорила Гонората съ скоростью трещетки.—И патерь Помасскій—слыхаль панъ? убить!

— Слыхаль! отвѣчалъ Дворжицкій торопливо слѣзая съ коня, и

черезъ калитку вошелъ во дворъ, боясь столько же болтовни своей вѣрной обожательницы, сколько и москалей, могшихъ ему помѣшать увидѣться съ паньей Мариной, быть можетъ, дѣйствительно имѣющей въ немъ нужду. Привязавъ поводъ узды къ кольцу столба, онъ сгѣшно пошелъ въ домъ, съ неудовольствіемъ готовясь предстать передъ безцвѣтными очи панны Гонораты, конечно, къ ея великой, всегда нескрываемой ею радости.

Бывшая царица Марина съ своими „фрейлинами“ помѣщалась теперь, по распоряженію московскихъ властей, въ домѣ думнаго дьяка посольскаго приказа, Афанасія Власьева. За свою угодливость и близость къ погибшему самозванцу онъ пострадалъ однимъ изъ первыхъ: царь Василій Ивановичъ уже управился съ нимъ, выславъ его съ приставомъ воеводствовать въ дальній городъ, въ Уфу, къ Сибири. Просторный, удобный домъ его былъ предоставленъ Маринѣ Мнишекъ въ полное ея распоряженіе, такъ какъ старушка хозяйка, жена Власьева, по слабости здоровья не могла слѣдовать за нимъ, предавшись своему горю и неутѣнно оплакивая своего любимаго мужа, по правдѣ сказать, человѣка достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ, заперлась у себя въ вышнѣ съ горбатою дочерью, тоже, подобно матери, неосушавшей глазъ. Надо отдать справедливость новому царю, выказавшему замѣчательную умѣренность, доходившую даже до мягкости, въ отношеніи той ненавистной ему польки, которая не переставала считать себя и называть московскою царицею и женское честолюбіе которой, быть можетъ, отчасти, послужило одною изъ тѣхъ пружинъ, что привели въ дѣйствіе всю эту польскую „офиру“, закончившуюся возведеніемъ Лжедмитрія на московскій царскій столъ. Неоднократныя съ глазу-на-глазъ посѣщенія Марины Шуйскимъ убѣдили его въ томъ, что въ лицѣ этой молодой, настойчивой въ достиженіи своей цѣли, польки, дочери Сандомірскаго воеводы, онъ долженъ видѣть своего смертельнаго и опаснаго врага. Тѣмъ не менѣе, разумный правитель, во власти котораго была судьба Марины и ея честолюбивыхъ домогательствъ, не увлекся чувствомъ, недостойнымъ государя. Напротивъ, онъ „приказалъ“ какъ объ охранѣ бывшей царицы, имя которой было ненавистно москвичамъ, готовымъ растерзать ее въ клочки, эту, по ихъ мнѣнію, „польскую колдунью“, своими чарами наведшую на православную Русь великую смуту и соблазнъ, такъ и о томъ, чтобы она съ своими женщинами ни въ чемъ не нуждалась. Именно въ этихъ видахъ и отвели ей одинъ изъ лучшихъ домовъ Китай-города, домъ опальнаго Власьева; мало того, новый царь, снисходя къ просьбѣ Марины и къ болѣзненному состоянію ея отца, воеводы пана Юрія Мнишка, дозволилъ ему не разлучаться съ дочерью, — милость, на которую не рассчитывалъ самъ Мнишекъ.

Афанасій Ивановичъ Власьевъ втеченіе своей многотрудной службы не даромъ правилъ многія посольства къ дворямъ европейскихъ госуда-

рей; дважды дьякомъ и посломъ ѣздилъ къ императору Рудольфу II, къ „крулю“ европейскихъ государей. Такой замѣчательный, выдающійся государственный умъ того времени, такой смѣтливый русскій человекъ, какъ Власьевъ, могъ вернуться домой подъ нѣкоторымъ вліяніемъ условій иноземной жизни и не русскихъ нравовъ. Онъ встрѣчалъ принца датскаго Іоанна, жениха царевны Ксєніи Борисовны, и назначенъ былъ въ Москвѣ знакомить его съ русскими обычаями. Поэтому убранство и удобства его дома напоминали нѣсколько иноземные дома. Чистота и опрятность прежде всего бросались посѣтителю въ глаза. Судьба, повидимому, связала Власьева съ Мариной и ея отцомъ нерасторжимыми узами. Власьевъ, великій посолъ Лжедмитрія, просящій отъ его имени руки Марины, обручающійся съ нею за него торжественно въ Краковѣ, пирующій у „молодыхъ“ царя и царицы въ кремлевскомъ дворцѣ, на ихъ свадьбѣ, ссылается Шуйскій именно за эту близость свою къ самозванцу, и домъ его, уже послѣ его онаги, урываетъ Марину съ отцомъ въ ихъ бѣдствіи. Все, что увидѣлъ въ домѣ Дворжицкій, нисколько не напоминало ему о стѣснительномъ плѣнѣ пань Марины, о которомъ онъ составилъ себѣ понятіе, судя по той строгости, часто возмутительной, съ какою московскія власти, подъ видомъ охраненія королевскихъ пословъ отъ черни, держали ихъ въ почетной неволѣ. Правда, на дворѣ, въ растворенномъ сѣнномъ сараѣ, противъ воротъ валялось съ десятокъ стрѣльцовъ при сабляхъ, и одинъ изъ нихъ, при появленіи Дворжицкаго на дворѣ, рѣшился привстать и, покачивая хмѣльную, всю въ сѣнной трухѣ, голову безъ шишака, лѣживо спросилъ его, зачѣмъ онъ и кого ему надо. Но Дворжицкій не счелъ нужнымъ объяснять разоспавшемуся хмѣльному охранителю Марины Миншегъ пѣли своего посѣщенія и прямо, не говоря ни слова, пошелъ на крыльцо, а караульный стрѣлецъ, повидимому, вполне удовлетворился и выполненіемъ своей караульной обязанности, и отвѣтомъ въ томъ видѣ, какой получилъ на свой вопросъ. Услѣвъ познакомиться съ нравами москалей, Дворжицкій понялъ, что подобная слабость надзора караульныхъ стрѣльцовъ не такъ, не проста; что причину ея слѣдуетъ искать всего скорѣе въ щедрости, которою отличается Сандомірскій воевода, да въ избыткѣ хмѣльныхъ напитковъ, которыми онъ угощаетъ своихъ караульныхъ. И Дворжицкій не ошибался, имѣвъ случай удостовѣриться въ основательности своихъ предположеній отъ самого нана Миншка. Войдя въ большую, ярко раскрашенную масляной краской свѣтлицу, съ крашеннымъ же поломъ, молодой дворянинъ королевской службы не на шутку струсилъ и чуть было не далъ тагу при видѣ размазанной панни Гонораты, стремительно, съ радостнымъ крикомъ, бросившейся ему на встрѣчу, повидимому, съ расчетомъ очутиться въ его объятіяхъ. Только присутствіе двухъ „дворныхъ хлопцовъ“ и „казачка“, нивко остриженныхъ, босыхъ, въ казакнахъ изъ грубаго домашняго сукна, дружно подсаживавшихся надъ засидѣв-

шеюся въ дѣвицахъ размалеванной красавицей, удержали страстный порывъ, подсказанный ей нѣжнымъ сердцемъ. Приложивъ костлявую руку къ плоской груди, она ограничилась лишь глубокимъ вдохомъ и томнымъ взглядомъ своихъ безцвѣтныхъ глазъ, въ которыхъ легкомысленный юноша прочелъ и тоску женскаго нераздѣленнаго чувства, и упрекъ. Упрекъ, конечно, онъ долженъ былъ принять на свой счетъ. Въ эту минуту старая навязчивая дѣва забыла и ужасъ своего положенія въ варварской Москвѣ, и то важное обстоятельство, которое ея патронесса, панья Марина, имѣла сообщить Дворжицкому.

— Я знаю, почему панъ Пржемыславъ грустенъ, замѣтила она ему прямо, съ эгоизмомъ оскорбленнаго женскаго чувства, съ вѣрнымъ расчетомъ на слабое мѣсто мужскаго сердца. Она боялась упустить благоприятную, какъ ей казалось, минуту свиданія безъ объясненій.

— Отъ того, что не выспался, отшучивался онъ.—Я эту ночь не спалъ, панна.

— Фи! ложь! такой прекрасный кавалеръ, котораго я всѣмъ въ примѣръ ставлю, — лжетъ! Сознайтесь, панъ Пржемыславъ, вы влюблены! Я знаю въ кого—въ русскую красавицу, княжну. А что? вѣдь такъ, панъ? Зачѣмъ панъ краснѣеть?

— Какое вамъ дѣло, панна Гонората, въ кого я влюбленъ? замѣтилъ онъ ей съ явнымъ раздраженіемъ, окончательно убѣдившимъ ее, что онъ влюбленъ въ русскую красавицу, княжну.

— Миѣ? Какое дѣло? заговорила многоопытная дѣва.—Вотъ безсознательный вопросъ! Только вы, бездушные мужчины, можете предлагать подобные вопросы намъ, любящимъ существамъ, имѣющимъ несчастье отдать свое сердце недостойному мужчине... Чудовище!.. О, я несчастная!.. за всю нашу привязанность—только неблагодарности!..

— Отстаньте, пожалуйста, съ своею привязанностью, на чортъ она миѣ! нарочно съ грубостью возразилъ Дворжицкій, безповойно поглядывая на затворенныя въ другую горницу лакированныя яблоневыя двери съ блестящею мѣдною ручкою, въ ожиданіи скоро ли выйдетъ къ нему помощъ въ видѣ Марины, или ея отца.—Вы, панна Гонората, неравнодушны ко всему мужскому полу.

Безцвѣтные глаза дѣвственницы, поджаченные подъ прыщеватый лобъ, выразили полное осужденіе цинической грубости, какую молодой панъ позволилъ себѣ сказать ей, благородной дѣвицѣ.

— Ваша русская красавица не для васъ, заговорила почтенная весталка изъ Замѣхова, съ слишкомъ замѣтнымъ желаніемъ досадить предмету своего обожанія и такъ или иначе заставить его высказаться.—Она не для васъ, панъ, она на васъ не глядитъ, за поляка не пойдетъ, и—если хотите—она просватана, панъ!.. Слышите: просватана!

Дворжицкій при словѣ „просватана“ пережѣнился въ лицѣ; кровь отхлынула къ сердцу, онъ поблѣднѣлъ. Злой языкъ престарѣлой дѣвы подсказалъ ему только его собственное подозрѣніе. Почему-то онъ

былъ убѣжденъ, что княжна сосватана и скоро выйдетъ замужъ, конечно, не за поляка, а за знатнаго русскаго.

— Она за новаго царя выходитъ,—для довершенія удара, наслаждаясь смущеніемъ молодаго пана, добавила панна Гонората.

— Можетъ ли быть? чуть слышно прошептала Дворжицкій и самъ себя отвѣтилъ: „Да; она будетъ царицей“.

Во всеоружіи своей женской тактики, состоящей изъ осторожнаго коварства, соединеннаго съ вѣрно рассчитанной минутой и со слабостями противника, панна Гонората торжествовала, добившись хоть косвеннаго признанія отъ предмета своей страсти. Она наказала его за „вѣтренность“, но чувства ея не измѣнились къ нему, къ этому „красивому мальчику“; она была бы не прочь замѣнить ему холодную русскую красавицу и, вѣроятно, не замедлила бы съ краснорѣчіемъ безкорыстной любви объяснить легкомысленному юношѣ, что не всегда молодость и красота прерываютъ любящее и стоящее любви женское сердце; но обѣ половинки лакированной яблоневой двери съ блестящей мѣдной ручкой распахнулись и изъ внутренняго покоя, къ большому удовольствію Дворжицкаго, неслышными шагами, въ мягкихъ желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ и въ старопольскомъ длинномъ, „померещенномъ“ спереди, кунтушѣ синяго бархата, вошелъ, слегка прихрамывая, бодрый, видный, хотя отяжелѣвшій съ лѣтами старикъ. Его свѣжее, до сихъ поръ красивое и привѣтливое лицо, производило самое пріятное впечатлѣніе. Серебромъ отливавшіе длинные бѣлые усы и бѣлые, кружкомъ подстриженные волосы, по старопольскому обычаю, высоко на затылкѣ, красиво отбѣлялись розовыми щеками, свидѣтельствовавшими о его здоровьи; ясные голубые глаза глядѣли умно и весело, хотя душевное утомленіе отражалось въ нихъ.

— Добрыдень, вельможный панъ Юрій! обратился Дворжицкій къ пану Мнишку въ отвѣтъ на его привѣтливый поклонъ, котораго величавость, напоминая стараго царедворца и королевскаго любимца, смягчалась движеніемъ правой руки, исполненнымъ благородства, и доброю, располагающей къ себѣ, улыбкой.

— Добро пожаловать, мою юный другъ! отвѣчалъ панъ Мнишекъ и тѣмъ же благороднымъ, легкимъ жестомъ руки указалъ Дворжицкому на скамью, приглашая его сѣсть, а самъ медленно, съ самоувѣренностью чловека, воспитаннаго въ лучшемъ обществѣ, прошелся по горницѣ, мягко ступая по блестящему крашеному полу сафьянными сапожками безъ каблукъ, причемъ мягко же шуршѣли широкіе, подобранные въ сапожки, шелковые алые штаны, красиво отливавшіе своими складками.—Радъ тебя видѣть, панъ Пржемиславъ, тѣмъ болѣе, что имѣю въ тебѣ надобность. Ты ѣдешь къ королевскимъ посланцѣмъ?

— Да, панъ воевода.

— Скажи имъ, что я только что получилъ добрыя вѣсти изъ

Польша: кардиналъ Маціовскій извѣщаетъ меня черезъ вѣрнаго чело­вѣка о сочувствіи короля нашему дѣлу. Я разумѣю здѣсь дѣло католичества, неразрывно связанное съ судьбою моей дочери, московской царицы, панны Марины, полсниль Мнишекъ.

— Но, вельможный панъ воевода, рѣшился возразить 'ему Дворжицкій,—какъ тебѣ извѣстно, велемочные паны королевскіе послы, особенно панъ Олесницкій, согласно мнѣнію послѣдняго сейма, не расположены поддерживать домогательства святѣйшаго папы касательно воссоединенія православной Москвы съ римскою церковью, и въ дѣлѣ твоей вельможной дочери, царицы, не усматриваютъ интересовъ польсваго государства, считая ея дѣло—частнымъ дѣломъ.

— Такъ, знаю, мой юный другъ, подтвердилъ Мнишекъ, котораго тонкія, красиваго очертанія губы сложились теперь въ ироническую улыбку.—Но знай, и сообщи это твоимъ панамъ посламъ, что вѣтеръ переѣхался въ Краковѣ. Король уже иначе посмотрѣлъ на дѣло моей дочери, царицы, и вѣскольکو расходитя во взглядахъ, высказанныхъ на это дѣло послѣднимъ сеймомъ. На это имѣются важныя причины, конечно. Говорю — и ты запомни мои слова, панъ Пржемиславъ,—что разрѣшена вербушка въ королевскихъ земляхъ; святѣйшій отецъ, черезъ кардинала Маціовскаго, шлетъ свое благословеніе новымъ крестоносцамъ; всендзы провозглашаютъ въ костелахъ походъ на невѣрныхъ москалей, предательски умертвившихъ въ своей столицѣ столько поляковъ, прибывшихъ къ нимъ друзьями съ оливковою вѣтвію мира...

Панъ Мнишекъ послѣднія слова произнесъ тихо, ослабѣвшимъ отъ сильнаго волненія голосомъ, въ которомъ Дворжицкій услыхалъ слезы. Онъ дѣйствительно прослезился. Слишкомъ еще свѣжа была его душевная рана, которую онъ невольно разбередилъ тяжелымъ воспоминаніемъ. Чтобы скрыть свои стариковскія слезы, панъ Мнишекъ долженъ былъ отвернуться къ окну. Панна Гонората не прекинула воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и зарыдала,—впрочемъ, стараясь держать носовой платокъ у глазъ возможно эффективе и изъ-за платка наблюдая—видитъ ли вѣтренный панъ Дворжицкій ея патриотическія слезы, понимаетъ ли ихъ и опѣиваетъ ли по достоинству? Но къ крайней ея досадѣ, вѣтренный панъ остался совершенно равнодушнъ.

— Польша и Литва требуютъ мести за погибшихъ здѣсь своихъ сыновъ! продолжалъ, оправаясь отъ волненія и съ одушевленіемъ, Мнишекъ,—за безчестіе своихъ пословъ, плѣненныхъ этимъ царемъ „шубникомъ“; коронные жолнеры ставятся на военную ногу; мы должны быть отомщены!—Красивые голубые глаза пана Мнишека метнули, при послѣднихъ словахъ его, молнію гнѣвнаго раздраженія, скрывавшагося подъ наружнымъ спокойствіемъ благороднаго царедворца, давно привыкшаго владѣть собою и своими чувствами.

— Передамъ въ точности твои слова, вельможный панъ воевода,

велемочнымъ панамъ посламъ моего короля! сказалъ Дворжицкій, по-
нявъ, что Мнишекъ не все высказалъ ему, что знаетъ, но не рѣ-
шаясь предложить ему вопроса, изъ боязни поставить его и себя
въ неловкое положеніе.

— Ты хочешь знать, на что всего болѣе рассчитываю я въ столь
серьезномъ и опасномъ дѣлѣ, мой юный другъ? обратился къ Двор-
жицкому панъ Мнишекъ, словно читавшій въ чужой думѣ. — Знай:
царь Дмитрій, супругъ моей дочери, царицы, не убить—онъ живъ!
Это тебѣ подтвердить сама царица... Вотъ она на-лицо!

Старшій Мнишекъ замолчалъ и встрѣтилъ вошедшую изъ внутренняго
покая дочь глубокимъ, почтительнымъ поклономъ, выказавшимъ всю
глубкость его старой шеи и весь многолѣтній навѣкъ держать себя въ
присутствіи высокихъ вѣнценосцевъ, выработанный имъ при блестя-
щемъ дворѣ послѣдняго изъ Ягеллоновъ. Дворжицкій и панна Гонора
ата послѣдовали примѣру стараго царедворца.

Пана Марина Мнишекъ вошла въ горницу настоящей царицей.
Сознаніе своего достоинства, при молодости и красотѣ ея, невольно
возвышало ее въ глазахъ присутствующихъ. Эта молодая, строй-
ная красавица, — истая дочь рыцарской Польши и по виду, и по
характеру своему, — какъ бы самой судьбой была предназначена
играть высокую, выдающуюся роль въ жизни своей и своего народа.
Ея драгоценная бриллиантовая діадема, подарокъ мужа, царя Дмитрія,
имѣвшая форму небольшой князичной короны и подшитая снизу бѣлымъ
атласомъ, чрезвычайно граціозно сидѣла на хорошенькой головкѣ,
рѣзко отгнѣнная темными, густыми, вверхъ зачесанными волосами.
Восторженному молодому дворянину показалось, что эта царская діа-
дема своимъ блескомъ освѣтила горницу и что передъ нимъ стоитъ
царица изъ волшебной сказки. И точно: въ эту минуту Марина Мни-
шекъ была поразительно хороша и могла вызвать самое восторженное
чувство. Озаренная яркимъ блескомъ майскаго солнца, теплымъ свѣ-
томъ заливавшего въ раскрытія окна горницу, польская красавица за-
тѣвала собою своихъ камеръ-фрейлинъ, тѣснившихся за нею, несмотря
на то, что въ числѣ ихъ стояла и такая красавица, какъ панна Ортанса
Стадницкая, скромно украсившая въ этотъ день свою свѣтловолосую
какъ лень головку роскошнымъ, только что распустившимся, розаномъ.
Несмотря на свое горе и на трудность своего положенія, въ кото-
ромъ она очутилась такъ неожиданно, Марина Юрьевна и теперь,
какъ всегда, появилась безукоризненно одѣтой. Къ ней такъ шелъ
гранатовый цвѣтъ ея платья изъ тяжелой, дорогой шелковой ма-
теріи, съ короткими, выше локтя, рукавами, изъ подъ которыхъ,
обтягивая полныя руки, бѣлѣлись другіе, атласные рукава, застѣги-
вавшіеся у кистей золотыми запонами, сверкавшими большими алма-
зами. Столь ея любимый и модный въ то время большой, туго
накрахмаленный батистовый воротъ—брыжки—на этотъ разъ не укра-
шалъ граціозную шею молодой красавицы; и она, по правдѣ сказать,

отъ того ничего не теряла. Напротивъ—отсутствие модныхъ брижжей нагляднѣе выказывало ея природную стройность. Бриллиантовая брошь, въ видѣ большого креста, украшала ея высокую грудь, а съ плечъ спадала тяжелая нитка жемчуга, красиво унизанная драгоценными камнями. Діадема, брошь, жемчугъ и запоны—подарокъ ея мужа, сдѣланный при торжественномъ обрученіи съ ней,—живо напоминали ей счастливые дни, когда передъ нею открывался безпредѣльный ясный горизонтъ жизни, не омраченный еще ни однимъ мимолетнымъ житейскимъ облачкомъ. Она считала себя счастливою, что среди страшнаго разгрома, оторвавшаго отъ нея ея супруга-царя, погубившаго столько ея соотечественниковъ и друзей, и лишившаго ее почти всего имущества, она сумѣла сохранить при себѣ эти его подарки. Не потому, что они съ изяществомъ соединяютъ большую цѣнность; нѣтъ: онъ возвелъ ее на такую высоту земнаго величія; онъ отличилъ и выбралъ ее изъ всѣхъ молодыхъ, знатныхъ и красивыхъ женщинъ; онъ для нея—все! Вотъ почему она такъ дорожить этими женскими украшениями, не изъ женской суетности, а потому, что они напоминаютъ ей его. Страхъ послѣднихъ дней и безпокойство за мужа, съ которымъ она такъ страстно желала свидѣться скорѣй и навсегда соединиться, за котораго она трепетала и убивалась все время, пока не убѣдилась, что онъ живъ, спасенъ—не согналъ яркаго румянца съ ея молодыхъ щекъ. Радостное убѣжденіе, что мужъ, государь московскій, живъ, придавало улыбкѣ ея маленькаго рта то именно выраженіе, которымъ взрослые любятъ въ дѣтской улыбкѣ. Но за этою дѣтскою улыбкою скрывался настойчивый характеръ, предприимчивость и непоколебимое честолюбіе—врожденные качества Мнишковыхъ, впоследствии погубившія ее.

— Да, панъ! подтвердила Марина Юрьевна послѣднія слова своего отца, принявъ почитительный поклонъ присутствующихъ какъ дань уваженія, слѣдуемаго ея высокому сану.—Мой супругъ, московскій государь Дмитрій Ивановичъ, живъ и безонасенъ, хвала Богу! Онъ не замедлитъ вернуться на свое государство—съ вѣрной ратью, чтобы опровергнуть пущенную его врагами молву о его смерти и отомстить имъ за измѣну!

— Государыня! сказалъ Мнишекъ, почитательно поклонясь дочери.—Осмѣлюсь всеижайше доложить вашему величеству, что, согласно вашего личнаго, отданнаго мнѣ вами сего утра приказания, я уже сообщилъ пану Дворжицкому, дворянину свиты вельможныхъ пановъ пословъ моего короля, извѣстія, полученныя вами изъ Кракова.

— Благодарю васъ, вельможный панъ воевода! отвѣчала Марина отцу и, обратясь къ Дворжицкому, продолжала:—Мнѣ остается къ просьбѣ вельможнаго пана воеводы присоединить и свою просьбу, благородный панъ,—немедленно передать вѣсти изъ Кракова королевскимъ посланъ. Сообщите имъ также, что я рассчитываю на ихъ поддержку.

Дворжицкій почитательно поклонился. Почитатель женской красоты, онъ совсѣмъ забылъ въ эту минуту свою отверженную любовь и недоступную русскую княжну. Любезность прекрасной польки легко покорила его себѣ. Несмотря на то, что онъ вполне раздѣлялъ взглядъ своихъ вельможныхъ пословъ на дѣло Марины Мнишекъ, въ эту минуту онъ готовъ былъ, съ саблей въ рукѣ, защищать ея права на московскую корону. Повидимому, сверженная царица поняла настроеніе молодаго человѣка, потому что спросила его:

— Почему благородный панъ служить въ свитѣ вельможныхъ пословъ, а не „z rapami przuciastomi?“

Выраженіе „съ панами пріятелями“ означало въ то время пановъ и родныхъ Мнишка, прибывшихъ въ Москву въ его свитѣ. Чтобы имѣть понятіе о значеніи Мнишка въ Польшѣ и о пышности, съ какою онъ провожалъ дочь, царскую невѣсту, въ Москву, достаточно упомянуть, что „обозъ“ его, вступившій въ Москву, состоялъ изъ двухъ тысячъ людей и столькихъ же лошадей. Въ его блестящей свитѣ находились такіа лица, какъ князь Вишневецкій, старосты Красновоставскій и Луховскій, Стадницкій, Тарлы, и многіе другіе знатные люди. Отъ этой блестящей свиты въ настоящую минуту остались у Мнишка и его дочери только фрейлины, да босоногіе хлопцы. Вопросъ Марины Юрьевны, какъ и слѣдовало ожидать, былъ понятъ Дворжицкимъ въ своемъ настоящемъ смыслѣ, не могшемъ не льстить самолюбію юноши. Красавица царица намекнула о желаніи своемъ видѣть его въ своей свитѣ. Она твердо вѣрила въ скорый оборотъ дѣла въ пользу мужа, царя, и свою.

Дворжицкій поблагодарилъ ее за вниманіе и скромно сказалъ:

— Престарѣлый отецъ мой, котораго я чту, по своей старинной дружбѣ съ паномъ Олесницкимъ, поручилъ меня ему; поэтому, при всемъ моемъ желаніи служить вамъ, государыня, я не могу оставить моей службы королю, не испросивъ на то согласія моего отца.

— Такъ молодежь и такъ разсудителенъ! тихо и одобрительно зашѣтилъ панъ воевода.—Почтеніе, оказываемое сыномъ отцу, дѣлаетъ честь сыну.

Затѣмъ Дворжицкій счелъ нужнымъ откланяться Маринѣ и воеводѣ и, подобравъ рукою саблю, чтобы не гремѣла по полу, вышелъ изъ горницы въ сѣни. Воевода любезно его проводилъ и на прощанье, уже на крыльцѣ, поцѣловалъ его, сказавъ: „До видѣнья, панъ!“

Только что Дворжицкій сѣлъ въ сѣдло, какъ на крыльцо выбѣжала панна Гонората, видимо „въ растрепанныхъ чувствахъ“.

— Не думайте, панъ Пржемиславъ, о русской княжнѣ: она васъ не стоитъ! зашичала она ему въ слѣдъ.—Постойте же! Куда вы? Два слова! неблагодарный!..

Онъ хоторонился дать шпоры коню и поскакалъ неоглядываясь.

X.

„Wierze snadź z sejmu naszego
 Nie slychamy, nie dobrego;
 Juz to kilka niedziel baja,
 A wniczem jako i loni;
 Kazdy na swe skrzydlo goni,
 Pewnie pospolitej rzecszy,
 Zaden tam niema na pieczy,
 Boc i oni z pusta glowa,
 Co je rzkomo posly zowa,
 Wiecej tez sobie folguja
 A to co im trzeba Kuja.“

(Вѣрно о сеймѣ нашемъ мы не услышимъ ничего добраго; вотъ ужъ нѣсколько недѣль балагурятъ и ни въ чемъ не соглашаются, подобно тому, какъ въ прошломъ году; каждый думаетъ только о своихъ выгодахъ, а о республикѣ никто не заботится, потому что и они съ пустыми головами—всѣ эти такъ называемые послы. Думаютъ только о самихъ себѣ и о своихъ замислахъ).

(Стихотвореніе Николая Рея, польскаго писателя XVI вѣка).

Панъ Пржемыславъ Дворжицкій вѣхалъ въ Кремль, самъ себѣ твердя „что голодець какъ пестъ“. Несмотря на распоряженіе боярской думы убрать тѣла убитыхъ поляковъ и русскихъ и зарыть ихъ за городомъ,—многіе изъ нихъ еще валялись по улицамъ тамъ, гдѣ ихъ захватила смерть. Рѣшительно всѣ тѣла были обобраны возмущившеюся чернью до-нага, при чемъ алчность не разбирала ни своихъ, ни враговъ, и послѣ смерти сравнивала ихъ. Посинѣлые, омоченѣлые, уже разлагавшіеся подъ зноемъ майскаго солнца и нестерпимо вонявшіе, трупы привлекали къ себѣ тучу черныхъ воронъ, мухъ и стаи голодныхъ собакъ, то дико завывавшихъ, то ожесточенно, съ неистовымъ лаемъ оспаривавшихъ другъ у друга лакомую добычу. Съ тяжелымъ чувствомъ, съ понатымъ отвращеніемъ, съ какимъ жизнь и молодость относятся къ смерти и тлѣнію, мелькомъ взглядывалъ Дворжицкій на этихъ несчастныхъ, погибшихъ на чужбинѣ земляковъ. Нервная дрожь неволью холодила его молодую кровь при воспоминаніи нежданнаго побоища, въ которомъ ему пришлось принять самое дѣятельное участіе. Но среди сценъ ужаса и крови, онъ съ чувствомъ человѣка, исполнившаго свой долгъ, вспоминалъ мужество, съ какимъ онъ и дворяне посольской свиты спасли двухъ братьевъ Казановскихъ и ротмистра Доморацкаго съ ихъ слугами отъ грозившей имъ вѣрной смерти. Уже чернь ворвалась къ нимъ на дворъ, какъ разъ черезъ улицу, противъ посольскаго двора. Всѣ растерялись, даже храбрець панъ Гонсѣвскій. Дворжицкій, не теряя ни минуты, прорубилъ съ гайдуками въ досчатомъ заборѣ своего двора отверстіе, чтобы въ него могъ пролѣзть человѣкъ. Самъ двѣнадцать Дворжицкій залѣзъ съ гайдуками на тесовую крышу посольской конюшни, прицѣляясь сверху изъ заряженныхъ ружей въ толпу, бушевавшую на улицѣ. Затѣмъ

онъ взмахнулъ бѣлымъ платкомъ въ знакъ того, что осажденные въ своемъ дворѣ паны могутъ перебѣжать черезъ улицу на посольскій дворъ. Какую ужасную минуту пережилъ онъ! Казановскіе, Доморацкій, а за ними ихъ слуги, опротясь бѣгутъ черезъ улицу; еще минута—и они на посольскомъ дворѣ; но у самаго отверстія въ заборѣ свалка: москали навалились густой толпой, поглотившей вдругъ несчастныхъ бѣглецовъ. Крикъ ужаса за ихъ судьбу вырвался у многихъ на посольскомъ дворѣ. Съ конюшенной крыши грянулъ выстрѣлъ, и мѣткая пуля положила на мѣстѣ смѣльчака москала, прикованнаго рогатиною у отверстія въ заборѣ слугу пана Доморацкаго. То была мѣткая пуля Дворжицкаго, проворно зарядившаго свою винтовку и громко закричавшаго неистовой толпѣ: „Назадъ! прочь! убьемъ двѣнадцать человѣкъ!“ Двѣнадцать ружей, направленныхъ въ толпу, наглядно подтверждали ей угрозу молодого пана. Толпа струсила и отшатнулась. Несчастные бѣглецы паны, прижатые толпой къ забору, одинъ за другимъ перелѣзли въ прорубленное для нихъ отверстіе на посольскій дворъ, съ проворствомъ, понятнымъ въ ихъ положеніи. Еще панъ Доморацкій, не послѣдній толстякъ среди толстяковъ, размѣшилъ всѣхъ, начиная съ пословъ и до послѣдняго конюха. Онъ застрялъ брюхомъ въ щели и, какъ ни бился,—ни взадъ ни впередъ! Спасибо, посольскіе гайдуки протащили его, схвата за руки. Но бѣдному толстяку, конечно, не до смѣха было... Ужасныя воспоминанія: набатъ колоколовъ, вопль неистовой толпы мужиковъ, поляки, падающіе подъ ихъ топорами и рогатинами, зловѣщій дымъ пожаровъ, мрачившій майское небо; а ночью—кровавое зарево, трепеть за свою жизнь, отчаяніе людей, очутившихся въ западнѣ!

Встрѣчные русскіе, особенно простонародье, провожали молодого вооруженнаго польскаго пана ненавистными взглядами, грубыми островами и руганью, не обѣщавшими полякамъ ничего добраго.

— Пѣсь латынскій! озлобленно крикнулъ ему босовогій здоровенный монастырскій служка въ истасканномъ балахонѣ, подвязанномъ обрывкомъ веревки, придурковатый братъ Зосима, глазѣвшій разиня ротъ на прохожихъ и проѣзжихъ съ паперти Чудова монастыря.—Нажрался человѣчьяго мяса? Напился русской крови? Погоди, нехристь, не то еще вамъ будетъ! Управимся съ вами „глаголи“!—Богатырская ручища брата Зосимы внушительно погрозила королевскому дворянину своимъ огромнымъ кулакомъ. Дворжицкій упорно отмалчивался, избѣгая не только встрѣчи съ простолюдинами, но и взгляда на нихъ. Онъ понималъ, что малѣйшая его неосторожность, заносчивость, даже неумѣстное слово, будетъ стоить ему жизни, тѣмъ болѣе, что паны-послы строго приказали своимъ избѣгать всякаго столкновенія съ москалями.

Наконецъ, Дворжицкій остановился у посольскаго двора. Съ самаго разгрома поляковъ въ Москвѣ, высокопочные паны королевскіе послы

съ своею свитою и челядью сидѣли какъ бы въ осадѣ среди враждебнаго себѣ города, крѣпко днемъ и ночью оберегая высокіе досчатые заборы своего обширнаго двора. Они не могли забыть страшнаго избіенія 17-го мая, отмѣченнаго въ ихъ посольскомъ дневникѣ 28-мъ числомъ, когда на той же самой улицѣ, въ своихъ квартирахъ справа, слѣва и напротивъ посольскаго двора, погибли растерзанные цѣльною чернью благородные паны царициной свиты, а также ротмистры, помогавшіе Лжедмитрію съ своими пахоликами, „товарищами“ и жолнерами воевать съ царемъ Борисомъ. Даже всендѣзъ, Плебанъ патеръ Помасскій, капланъ Самборскій, духовникъ царицы Марины Мнишекъ, убитъ въ то время, когда служилъ мессу: священническая одежда не спасла его. Хотя новый царь Василій Ивановичъ и завѣрилъ польское посольство въ его совершенной безопасности въ Москвѣ, лишь бы оно не мѣшалось въ дѣло Сандомірскаго воеводы; хотя, по царскому приказу, сильная стрѣлечья стража у посольскихъ воротъ охраняла ихъ строго день и ночь; тѣмъ не менѣе послы считали царя Шуйскаго столь же коварнымъ, какъ и московскій народъ, а потому боялись и за свою жизнь, и за жизнь своихъ соотчичей, нашедшихъ у нихъ убѣжище отъ гибели. Когда, на дняхъ, царскіе пристава, двясъ на посольскій дворъ, именемъ царскимъ потребовали этихъ пановъ царициной свиты, пріютившихся у пословъ, чтобы размѣстить ихъ по прежнимъ ихъ квартирамъ, общая имъ, царскимъ же именемъ, давать достаточные для нихъ и ихъ людей „кормы“ и жалованье,—паны, съ согласія пословъ, на-отрѣвъ отказались оставить посольскій дворъ, предпочитая, какъ они сказали приставамъ, „скудное обильному и не мѣняя вѣрное на невѣрное“, то есть, попросту, не вѣря царскому слову. Очень ужъ „насолили имъ москали.“ Впрочемъ, паны царициной свиты скоро пожалѣли о своемъ упорствѣ и недо-вѣрїи къ царскому слову, узнавъ, что староста Сохачевскій, Тарло, рѣшившійся послѣдовать за приставами, получилъ уже 200 московскихъ рублей или, по польскому счету, 666 злотыхъ 20 грошей! Неудивительно поэтому, что тяжелыя ворота посольскаго двора отворялись только послѣ опроса изнутри польскаго караула: „кто такой?“

Когда усатая рожа въ сѣрой чепаркѣ и съ заряженной винтовкой убѣдилась, черезъ щель въ воротахъ, что „пшпехалъ панъ подкоморїй“, какъ поляки величали Дворжицкаго, половинка воротъ распахнулась, впустила на дворъ прїѣхавшаго и снова захлопнулась. Четыре хлопа, опоясанные саблями, спѣшно заложили толстый засовъ въ желѣзные скобы, вбитыя въ огромныя дубовыя веревы. Дворжицкїй бросилъ своего взмыленнаго и не менѣе его голоднаго коня подбѣжавшему гайдуку и пошелъ къ „рундуку“ посольской избы.

Обширный дворъ, еще недавно весело зеленѣвшій молодой травкой, всегда чисто выметенный, съ дорожками, усыпанными желтымъ пескомъ, теперь занавоженный, напоминалъ тѣсный кавалерїйскїй бивакъ. Онъ кишѣлъ людьми, заставленъ былъ рядами засѣданныхъ

разномастныхъ лошадей головами въ досчатый заборамъ. За ихъ хвостами, высокими кучами навалено было сѣно, разсыпанъ овесъ; щегольскія панскія нейтычаны съ поднятыми дышлами, жолнерскія ротныя повозки съ ихъ скарбомъ, неуклюжія маревитантскія фуры съ холщевымъ верхомъ и пустыми боченками; тутъ же валялись больные, раненные, мертвецы пьяные.

„Пане маршалокъ двору“, Цвирка, низенькій, но зато ужасно пузатый, съ огромной стриженной головой и малиновой, какъ мѣсяць круглой, усатой рожей, съ большими на выкатѣ глазищами, въ „жултомъ“ кунтушѣ, важно переваливался на своихъ кривыхъ ногахъ пузомъ впередъ. По своему обычаю, пане маршалокъ двору былъ „южъ“, то есть „добже укуонтентованный“. Среди шляхты онъ казался кормнымъ индюкомъ среди тощей птицы. Убогая, кургузая одежда чиншовой шляхты, съ преобладаніемъ овчины, нанки или грубаго домашняго сѣраго сукна, составляла рѣзкій и даже смѣшной контрастъ съ ея самонадѣяннмъ, задорнымъ и дерзкимъ обращеніемъ другъ съ другомъ. Кто похмѣльнѣе, тѣ, конечно, были и позадорнѣе: лихо подбоченясь, крутили „длугій вонсъ“, звенѣли шпорами своихъ длинныхъ сапоговъ, вонявшихъ дегтемъ, подымали чистосердечную ругань въ отборныхъ польскихъ выраженіяхъ. На эту пеструю, задорную, хмѣльную толпу жирный и смѣшной карапузъ маршалокъ двору гнѣвно тарачилъ свои рачьи на выкатѣ глазища, спозаранка „налитые“, и неодобрительно позачивая огромной, ежомъ остриженной головой, онъ то вскрикивалъ хриплымъ басомъ, то чуть не поддѣтски пищаль: — Цыцъ, лайдакъ!.. Але-жъ то глупство, панове! Идзь соби, муй пане Жмурко! бо заразъ тебѣ скренцимо, далибуеъ! Идзь соби, — теразъ бендешъ битый!

Куда ни оглянется Дворжицкій—тѣснота. Какъ слѣдуетъ въ осадѣ, сидятъ вельможные королевскіе послы съ своей свитой. Вонъ, за высокимъ заборомъ двора на улицѣ, блестятъ копья конныхъ стрѣльцовъ, дозоромъ раздѣзжающихъ вокругъ посольскаго двора. Какая скука! Дворжицкій невольно со вздохомъ вспомнилъ свою веселую жизнь въ Краковѣ: Старе место, Свентоянскую фару, ядальни „подъ Еленемъ“, цукерню подъ Бялымъ Орлемъ, гдѣ цукерка, пани Рузя, вкуснѣе миндальныхъ пирожковъ. Онъ не безъ труда пробрался сквозь безпokoйную толпу туда, откуда слышались меланхолическіе звуки мандолины, сопровождаемые мужскимъ голосомъ. Взрывъ общаго восторга слушателей повидимому былъ заслуженной наградой пѣвцу.

— Итальянскій пѣвецъ, уцѣлѣвшій отъ истребленія! подумалъ Дворжицкій, съ удовольствіемъ присоединяясь къ толпѣ шляхты, окружавшей пѣвца и громко выражавшей свои впечатлѣнія.

— Московски кобеты гѣне музыки, пане подкоморій! съ лукавою улыбкою замѣтилъ Дворжицкому молодой Ледоховскій, намекая на его страсть къ княжнѣ Марьѣ.

— Нехъ панъ бендзе ласковъ, позволъ музыку слушаць? вѣжливо

сказалъ на это Дворжицкій, нѣсколько смущенный намекомъ товарища.
— Кругъ, панове! цыцъ, лайдакъ! Але-жъ то глупство, муй пане Жмурко! Идзъ соби, бо теразъ битый бендешъ! Кругъ, панове! музыка!—то грозно хрипѣлъ, то по-дѣтски пицалъ карапузъ маршалокъ двору, тараща рачьи глазаща на задорнаго пана Жмурко, съ внушительно приподнятымъ вверхъ короткимъ и толстымъ, какъ обрубокъ, пальцемъ.

Молодые паны и шляхта потѣснились и отступили отъ итальянскаго пѣвца, безопасно поглядывавшаго черными, нѣсколько грустными глазами кругомъ себя. Онъ лѣниво настраивалъ мандолину. Изжелта-смуглое съ рѣзкимъ профилемъ лицо его быстро мѣняло свое выраженіе, отражая то или другое внутреннее движеніе; черные усики и черная, висчаая какъ у козла, борода, кругомъ подбритая, выдавали въ немъ сына теплаго юга; на курчавыхъ, изъ-синя черныхъ, волосахъ красиво держался широкій беретъ зеленого бархата, плоскій и на шнуркѣ подъ подбородкомъ. Легкія, не лишеныя красоты движенія его рукъ, трогавшихъ струны мандолины, то и дѣло распахивали его коротенькій черный бархатный плащъ, по краямъ обложенный широкимъ посеребреннымъ позументомъ. Тогда видна была коричневая шелковая куртка, или спензеръ съ мелкими и частыми серебряными пуговками на груди и глянцевитый кожаный поясъ съ бронзовой пряжкой напередѣ и кинжаломъ сбоку; узкія бархатныя черныя панталоны обтягивали его стройныя ноги въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ на толстой подошвѣ. Его сухощавая, черномазая фигура выдѣлялась среди свѣтлорусыхъ и рыжихъ, низкостриженныхъ, усатыхъ „сарматскихъ“ лицъ.

— Пѣсню зъ Альцины! требовательно крикнулъ молодой панъ Ледоховскій и за нимъ нѣсколько голосовъ.

Итальянскій пѣвецъ картинно отставилъ ногу, гордо вскинулъ курчавую голову и пріятнымъ теноромъ запѣлъ, аккомпанируя себя на мандолинѣ:

„До милосьци! до милосьци!
„Кто въ квітнецей ще молодости
„Зачить свита и любосьци“!

То есть: „Пусть любить тотъ, кто хочетъ въ цвѣтущей молодости узнать свѣтъ и удовольствія“.

То была пѣсня женщины изъ известной тогда итальянской мелодрамы Саралиція—„Избавленіе Ругіера съ острова Альцины“, переведенной Станиславомъ Ягодынскимъ. Затѣмъ итальянецъ пропѣлъ хоръ дѣвъ въ честь Ругіера и Альцины:

„Nieba obrotne,
„Ptaszeczki lotne.
„Pieknych Nimf chory,
„W wody i gori,
„Z waszej pomocy
„Nietch tu jasniesze dni beela i nocy,

т. е. „вращающіяся небеса, быстрыя птички, хоры прелестныхъ нимфъ, воды и горы, съ вашею помощію пусть будутъ здѣсь дня и ночи яснѣе“.

Восторженные крики, рукоплесканія и звонъ сабель, покрыли послѣднюю ноту модной пѣсни. Итальянскій пѣвецъ съ заученною граціозностью приложилъ правую руку къ сердцу и, блестя своими бѣлками глазъ и зубами, открытыми благодарной усмѣшкой, отвѣтилъ на восторгъ слушателей короткими, почти гордыми поклонами артиста, любимца публики, привыкшаго къ ея благосклонности. По звону сабель и по раскраснѣвшимся усатымъ лицамъ сыновъ Марса пѣвцу было понятно, что многіе изъ этихъ почитателей искусства Орфея не забыли своего болѣе веселаго божка — Бахуса и во славу его совершили должныя возліянія. Затѣмъ, снявъ съ головы своей беретъ, итальянецъ протянулъ его къ восхищеннымъ своимъ слушателямъ съ понятнымъ приглашеніемъ оплатить доставленное имъ удовольствіе. Злоты, гроши, талеры, звонко посыпались со всѣхъ сторонъ въ беретъ пѣвца. Дворжикскій вздохнулъ, бросилъ пѣвцу горсть злотыхъ и пошелъ въ посольскую избу. Онъ не забылъ, что ему надо передать панамъ посламъ краковскія вѣсти и просьбу панны Марини, да и нѣжное пѣніе про сладость любви слишкомъ его растрогало, такъ живо напомнивъ ему его нераздѣленное чувство.

Посольское помѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ большихъ избъ, разбросанныхъ по двору. Изба, куда вошелъ Дворжикскій, служила опочивальней и столовой пана старосты Велижскаго Александра Корвина Гонсѣвскаго, секретаря королевскаго и дворянина, старшаго посла въ посольствѣ его королевскаго величества Сигизмунда III. Здѣсь онъ принималъ московскихъ бояръ; здѣсь онъ аккуратно писалъ свой дневникъ, который онъ называлъ „скорбнымъ“, здѣсь отписывались донесенія королю и обсуждались, совместно съ паномъ Олесницкимъ, депеши, присылаемыя посольству изъ Кракова; здѣсь велась переписка съ боярской думой, о которой пылкій литвинъ Гонсѣвскій не могъ вспомнить безъ гнѣва и отчаянія. Несмотря на неприглядность ветхой сосновой избы, гордый панъ постарался сообщить ей возможно приличный видъ и нѣкоторое удобство. Стѣны отъ потолка до полу были обиты дорогимъ темнозеленою тканью съ изображеніями фигуръ и звѣрей; лавки, печь и полы также исчезали подъ яркими, мелко-узорными восточными коврами. Постель пана Александра составляла огромная медвѣжья шкура вверхъ бурою шерстью, отливавшею мѣдно-краснымъ цвѣтомъ; въ изголовь лежала большая желтая сафьянная подушка. Страсть къ „благородной охотѣ“ была въ то время весьма распространена въ польскомъ обществѣ. Недаромъ польскіе паны славились какъ „ушусы“ за столомъ, безстрастные рыцари въ бою и неутомимые охотники въ лѣсахъ, покрывавшихъ тогдашнюю Польшу и Литву. Уваженіе къ такому свободному и не всегда безопасному препровожденію времени, какъ охота, было настолько въ

правахъ лучшихъ людей эпохи, что ему нечужды были даже почтенные прелаты, не только всендзы и прекрасный полъ. Охоту панъ Гонсѣвскій могъ только промѣнять на воевопролитный бой. Прекрасный медвѣжий мѣхъ, былъ, конечно, трофей его охоты. Немудрено, что привыкшій къ дѣятельной жизни, больше на открытомъ воздухѣ, вельможный панъ скучалъ въ своей посольской избѣ, со вздохомъ взглядывая на мѣткую въ его рукахъ винтовку, бездѣйствовавшую на стѣнѣ. Онъ томился въ ожиданіи, чѣмъ кончатся переговоры посольства съ коварными боярами, которымъ теперь онъ рѣшительно не вѣрилъ, понимая, что съ ихъ стороны эта медленность въ отпускѣ пословъ въ Польшу—только выигрышъ времени, нужный Шуйскому въ его видахъ. И какъ было вѣрить боярамъ? Окольничій Михайло Игнатьичъ Татищевъ, лицо близкое къ новому царю, по своему званію равнявшійся достоинству польскаго каштеляна, обнадежилъ пословъ царскимъ именованьемъ, что они въ воскресенье будутъ „у руки государевой“, послѣ чего ихъ отпустить въ Польшу; но въ сказанное воскресенье оба посла, бывъ во дворцѣ, не видѣли царя и ихъ не пустили дальше посольской палаты, гдѣ они имѣли переговоры съ думными боярами. И наслушались же отъ нихъ вельможные послы! Упрекамъ, хотя, конечно, въ приличной формѣ, конца не было. Упреки сыпались съ обѣихъ сторонъ. Посламъ ясно было, что бояре обвиняютъ польскаго короля, пановъ, раду и польскій народъ въ содѣйствіи папу воеводѣ Сандомірскому Мнишку; что съ помощью Польши и Мнишка, дѣйствующаго не на свой страхъ, а сообща съ Польшей, назвавшійся именованьемъ царевича Дмитрія Ивановича, „по навожденію Ѳсвовскому, Гришка Отрепьевъ, чернецъ, дяконъ, воръ, за черноунижество осужденный отцомъ отцовъ Бездесущимъ на достойную казнь“, при помощи короля и народа польскаго овладѣлъ Сѣверщиной, а послѣ московскимъ престоломъ; что выставленный Польшей Лжедмитрій убитъ за свое „воровство“, подтвержденное, между прочимъ, и матерью истиннаго царевича Дмитрія Углицкаго; что чернь, раздраженная жолнерами Сандомірскаго воеводы, простиравшими свою наглость до того, что они отнимали женъ у мужей и насильничали дѣвицъ, перебила ихъ, но безъ вѣдома бояръ. Объясняя „неправду“ короля и пановъ—раду его, бояре обвиняли ихъ въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и мирнаго постановленія; ибо-де еще съ покойнымъ царемъ Борисомъ круль Жигмонтъ, чрезъ своего посла пана Льва Сапѣгу, канцлера великаго княжества Литовскаго, заключилъ съ Москвою миръ на двадцать лѣтъ и миру сему срокъ-дѣ не истекъ. Мало того, Михайло Татищевъ, изъ числа думныхъ бояръ самый дерзкій въ словѣ и дѣлѣ, по мнѣнію пословъ, укорительно отзываясь о польскихъ порядкахъ, утверждая, „за ваши-де польскія неправды Богъ васъ караетъ мождоусобицей домашней и навѣщаетъ вашу землю то ханомъ крымскимъ, то Каролусомъ свейскимъ; что-дѣ вы паны

гордые — мятежники и самъ круль вашъ Жигмонтъ пуще всѣхъ боится васъ, своихъ подданныхъ, потому вы вольными панами зоветесь“.

Хотя королевскіе послы, по своей обязанности, и возражали противъ подобныхъ обвиненій и, не оставаясь у бояръ въ долгу, сами ихъ обвиняли въ коварствѣ и неправдѣ; тѣмъ не менѣе, въ душѣ, они сознавали справедливость многого, что выслушали отъ думныхъ бояръ. Одного не могли послы простить боярамъ: того унижавшаго королевское посольство положенія, походившаго на плѣнъ, въ какое они его поставили, не выпуская изъ Москвы. Послы требовали, „чтобъ ихъ, ради пользы обоихъ государствъ, немедленно отпустили въ отечество, для донесенія его королевскому величеству и Рѣчи Посполитой, какимъ образомъ все несчастіе (кровопролитіе) по грѣхамъ мирскимъ случилось“. Думные бояре обѣщали слова пановъ пословъ представить царю Василю Ивановичу, отвѣтить посламъ на бумагѣ и съ честію выпроводить ихъ изъ Москвы во своеси; но обѣщанія бояръ остались только обѣщаніями. Письмо написали послы, прося отпускъ домой; нарочно по-русски написали, — отвѣта нѣтъ. Панъ Гонсѣвскій изъ себя выходилъ, тѣмъ болѣе, что признавалъ безсиліе своего гнѣва. Тутъ онь, обыкновенно, накидывался на невозмутимаго пана Конюховскаго, помѣщика и второстепеннаго посла.

— Панъ пѣсоль — якъ тѣнь атенски филозовъ, что чембѣ мухъ лови, далибукъ! съ раздраженіемъ замѣчалъ обыкновенно дремавшему пану Конюховскому панъ Гонсѣвскій.

Трудно было найти болѣе противоположные характеры, какъ эти два благородные пана. Панъ Конюховскій еще не вышелъ изъ того возраста, въ которомъ мужчина желаетъ нравиться прекрасному полу; но для того, чтобы онь дѣйствительно могъ нравиться нѣжному полу, природа не надѣлила его соответствующими внѣшними качествами: при большомъ ростѣ и могучемъ тѣлосложеніи, проказница судьба надѣлила его крошечнымъ, совсѣмъ вдавненнымъ, носомъ, изъ подъ котораго жесткой щеткой торчали огромные рыжіе усы; къ тому же рыжая, какъ огонь, стриженная голова его сидѣла на короткой шеѣ, вовсе не приходившейся къ его широкимъ плечамъ; столь же противорѣчилъ всей его неуклюжей фигурѣ гнусавый голосокъ. Правда, со стороны благороднаго пана принимались всѣ, отъ него зависѣвшія, старанія — щегольствомъ и искусствомъ восполнить въ своей внѣшности недостатки природы. Благодаря косметикамъ, его большой, тщательно выбритый подбородокъ блестѣлъ, словно подъ лакомъ; цвѣтъ усовъ боролся между рыжимъ и каштановымъ; зеленый испанскаго бархата кунтушъ съ серебряными жгутами на груди, сшитый щегольски лучшимъ портнымъ Кракова, переливалъ самымъ живымъ цвѣтомъ, не могшимъ не нравиться самой требовательной красотѣ; не меньше дорогаго кунтуша претендовали на вниманіе нѣжнаго пола алые бархатные штаны и съ вычурными вырѣзками сапожки изъ лакированной кожи, съ серебряными кисточ-

ками, расшитые красиво бѣлымъ шелкомъ съ мелодически звенѣвшими позолоченными шпорами. Какъ большая часть мужчинъ, обитыхъ природою, панъ Конюховскій считалъ себя способнымъ вызывать въ женщинахъ самое нѣжное и страстное къ себѣ чувство и гордился этимъ сознаниемъ. Панъ Гонсѣвскій, при всякомъ подходящемъ случаѣ, трунилъ надъ влюбленнымъ въ себя товарищемъ по посольству и не срывалъ своего къ нему нерасположенія. Панъ Конюховскій, равнодушный ко всему, что не относилось къ его особѣ и любовнымъ похождениямъ, принималъ самое поверхностное участіе въ дѣлахъ посольства. Уклончивый и безхарактерный, онъ больше поддакивалъ и поддерживалъ чужія мнѣнія, рѣдко высказывая собственное. Вдобавокъ, онъ былъ порядочный трусъ. Благородный панъ Гонсѣвскій могъ назваться типомъ истого литвина. Его плотная, коренастая, средняго роста фигура, не отучилась только благодаря страсти пана къ охотѣ и частымъ походамъ противъ враговъ Польши, отрывавшимъ его отъ покоя и жирныхъ яствъ роднаго дома; его смугловатое, полное лицо съ небольшими черными усами и умными черными глазами, его черноволосая, еще не посѣдѣвшая голова—производили впечатлѣніе вполне въ его пользу. Смѣлый, быстрый взглядъ, быстрыя движенія, твердая походка, рѣчь короткая, но выразительная, громкій, искренній смѣхъ—все это, съ перваго на него взгляда, обнаруживало въ немъ стараго воина, воспитаннаго бивачною жизнью, полною лишеній и боевыхъ опасностей, и прямодушіемъ военнаго общества. Онъ славился своимъ гостепріимствомъ и „старымъ“ литовскимъ хлѣбосольствомъ столько же, сколько отвагою, доходившею часто до безразсудства. Хорошо знали его московскіе воеводы и крымскіе огланы. Но и въ интригѣ онъ былъ искусенъ; и это качество послужило основаніемъ, почему король назначилъ его своимъ посломъ въ Москву. Правду сказать, онъ былъ душою этого посольства. На него всего болѣе разсчитывали въ Краковѣ. Панъ Николай Олесницкій изъ Оленицы, каштелянъ Малогосскій, ученый аріанинъ, слишкомъ ужъ былъ преданъ философіи вообще и философіи богословія въ особенности, чтобы принимать дѣятельное участіе въ достиженіи тѣхъ цѣлей, которыя были указаны посольству въ Краковѣ. Если, благодаря своему замѣчательному краснорѣчію, панъ Олесницкій былъ языкомъ посольства, отъ имени его говоря въ торжественные приемы пріѣзжатаго царю, то головою посольства оставался все-таки Гонсѣвскій. Олесницкій ограничивался больше ролью оратора и, возвращаясь изъ кремлевскаго дворца къ себѣ въ посольскую избу, предавался любимому занятію: чтенію книгъ и составленію трактатовъ о вавилонской блудницѣ, какъ онъ называлъ римскую церковь. И въ это утро, уединясь въ сторонкѣ, почтенный панъ углубился въ чтеніе толстой книги, которую терпѣть не могъ панъ Гонсѣвскій. Онъ косился на ненавистную ему книгу, отрывавшую отъ него единственнаго умнаго собесѣдника, оставленнаго ему судьбой и, зѣвая со скуки,

обращалъ взглядъ на милые ему предметы, напоминавшіе ему болѣе веселое время. Надъ постелью его висѣла дамасская кривая сабля, собственноручно отбитая имъ у турецкаго паши; пара пистолетовъ, охотничій рогъ, сумка съ пороховницей и дробницей, и дорогая по тому времени длинная нѣмецкая винтовка. Какъ ему надоѣлъ этотъ большой столъ въ углу, подъ краснымъ сукномъ, на которомъ стояло католическое распятіе и въ порядкѣ были разложены латинскій молитвенникъ и принадлежности письма. Пуританскій видъ пана Олесницкаго возбуждалъ въ немъ досаду, въ порывѣ которой панъ Гонсѣвскій былъ непрочъ наговорить пану Николаю всякихъ неприяностей. Но онъ помнилъ, что панъ Николай—не панъ Конюховскій, что мнѣніе пана Николая уважается королемъ и сенатомъ, и что въ наукѣ онъ, панъ Александръ, годится въ ученики къ нему, пану Николаю.

Панъ Гонсѣвскій любилъ вкусно покушать и „знатно“ выпить, а потому ему оставалось только почаще садиться за столъ и подольше изъ-за него не вставать, что онъ и дѣлалъ. Спасибо, новый царь не забывалъ ежедневно присылать посламъ запасы всякой провизіи и вина. И нынче утромъ посольскіе пристава—князь Григорій Петровичъ Волконскій, да Андрей дьякъ, по обыновенію, передавъ панамъ посламъ вопросъ о ихъ „здравіи“ и милостивое царское слово, сдали имъ „кормы,“ щедро отпущенные изъ царскихъ кладовыхъ: „кусь“, т. е. мясо, „баранью тушку, пару гусей и кухонные кормы всякіе; вина три боченка, да сулею аливантскаго“. При этомъ князь Григорій замѣтилъ посламъ, они-де, посольскіе пристава, должность свою завтра сдадутъ новымъ приставамъ: князю Ивану Михайловичу Барятинскому и дьяку Дорофею Брокнѣ; царь-де назначилъ ихъ, князь Григорія съ дьякомъ Андреемъ, править свою царскую службу—послами къ ихнему крулю Казимиру велѣлъ ѣхать немѣннотно.

— Когда же вы насъ, королевскихъ пословъ, изъ неволи выпустите? раздражительно воскликнулъ панъ Гонсѣвскій.

Князь Григорій только многозначительно усмѣхнулся себѣ въ густую темную бороду, имѣвшую видъ четырехугольной лопаты, а потому давшей князю прозвище „Лопаты“, и замѣтилъ съ осторожностью челоуѣка, расположеннаго къ посламъ, но отвѣтственнаго передъ царемъ, волю котораго исполняетъ:

— Поживете, должно, у насъ, вольные паны.

— Нехъ ихъ вшищи дьябли возьмютъ! запальчиво воскликнулъ панъ Гонсѣвскій, ударивъ кулакомъ по столу такъ, что зазвенѣли стоявшіе на немъ бутылки и стаканы;—свинство! не отвѣтить даже на письмо королевскихъ пословъ! Дорого заплатите вы, москаля, Польшѣ за такое безчестіе королевскихъ пословъ! Какъ одинъ челоуѣкъ встанетъ посполитое рушенье, кровь прольется и запылаютъ города отъ вашего рубежа до самой вашей столицы! Мы за себя умѣемъ мстити!

Панъ староста Велижскій въ сильномъ волненіи всталъ съ своей скамьи и, дрожа отъ гнѣва, быстрыми шагами прошелся по избѣ, бросая на смущеннаго, ни въ чемъ неповиннаго князя Волконскаго угрожающіе и вызывающіе взгляды. Онъ былъ горячъ и нетерпѣливъ, особенно смолоду. Бурно и весело прошла его молодость. Онъ, бывало, поддерживалъ внутреннія смуты, составляя „рокоши“ противъ своего короля и даже противъ законовъ своей страны, только потому, что скучалъ бездѣйствіемъ во времена затишья въ королевствѣ, что, впрочемъ, рѣдко случалось; то ополчался за короля и шелъ на „ровошанъ“. Татарскія степи онъ зналъ не хуже своихъ литовскихъ лѣсовъ. „Перебѣясъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова, панъ Гонсѣвскій теперь, за пятьдесятъ лѣтъ, вспыхивалъ по-прежнему; но онъ уже выработалъ себѣ характеръ, прочно опредѣлившійся, онъ уже себя вполне зналъ, а потому его могли вполне знать и другіе; онъ могъ на себя надѣяться, а потому могли на него надѣяться и другіе. Король и паны-рада, куда бы его ни послали, были увѣрены, что и невозможное онъ сдѣлаетъ возможнымъ по своей настойчивости. Важность настоящаго порученія обуславливалась затруднительными обстоятельствами, въ какихъ очутилось московское государство, столь близкое Польшѣ во многихъ отношеніяхъ. Польша не забыла тѣхъ земельныхъ весьма значительныхъ уступокъ своихъ Россіи, которыя она была вынуждена сдѣлать, начиная еще съ собирателя русской земли Ивана Васильевича III, и—понятно—разсчитывала теперь возвратить себѣ то, что не переставала считать отнятымъ у себя Москвой.

Молодой Дворжицкій засталъ пана Гонсѣвскаго, вмѣстѣ съ послами и панами, нашедшими у пословъ убѣжище, за столомъ за завтракомъ. Сбросивъ съ плечъ кунтушъ и оставаясь въ бѣлой ткацкой сорочкѣ и синихъ штанахъ, забранныхъ въ голенища сапогъ съ огромными шпорами, онъ предавался важному дѣлу насыщенія съ удовольствіемъ, живо выражавшемся на его лицѣ. Наклонясь надъ посеребренною тарелкою, онъ уписывалъ „штуку менса“, мастерски изготовленнаго его панскимъ кухаремъ. Вкусный запахъ горячаго мяса, изготовленнаго въ закрытой кострюлѣ съ пряностями, между прочимъ съ чеснокомъ и перцемъ, плававшими въ густомъ соусѣ на пивѣ, распространялся по избѣ и невольно возбуждалъ аппетитъ очень проголодавашагося Дворжицкаго.

— Садись, панъ, берись за ножъ и вилку; аппетитъ, надѣюсь, ты съ собой принесъ! съ солдатскою простотою, отличавшею Гонсѣвскаго въ его обращеніи съ молодежью, сказалъ онъ своему подчиненному дворянину на его „Добры день, панове!“ Онъ даже не взглянулъ на Дворжицкаго, не отрываясь отъ своего любимаго кушанья.— Знаю, любовью сытъ не будешь; а въ твои лѣта, панъ Пржемыславъ, любовь, какъ она ни сильна, все же не одолѣетъ голода. Ну-ка, коллега, пособи намъ покончить съ мясомъ; чудесно притомилъ его нынче Дорошъ: пальцы оближешь!

Дворжицкій не заставилъ пана посла повторить свое приглашеніе и присѣлъ между потѣснившимися для него панами. Послѣ невольнаго поста, выдержаннаго имъ эту ночь и это утро, послѣ такого продолжительнаго напряженія его молодыхъ силъ, онъ за завтракомъ оказался достойнымъ сотрудникомъ вельможнаго посла.

— Вижу, панъ Пржемыславъ, что тамъ, гдѣ ты пропадалъ все это время, тебя плохо кормили! весело замѣтилъ Гонсѣвскій, не только любившій ѣсть, но требовавшій, чтобы у него ѣли.

Послѣ завтрака, Дворжицкій обстоятельно передалъ посламъ подробности своего посѣщенія панны Марины и ея отца и вѣсти, только что полученныя ими изъ Кракова. Панъ Гонсѣвскій слушалъ хмураясь, покручивая кончики своихъ маленькихъ красивыхъ усовъ и упорно глядя въ полъ, что у него означало досаду. Потомъ проворно надѣлъ свой кунтушъ и быстрыми шагами, звеня шпорами, прошелся по избѣ. Видно было, что онъ силится сдержать свое негодованіе и что это ему трудно. Его подвижное лицо и черные глаза, глубоко проникавшіе челобѣка, на котораго онъ глядѣлъ, выражали нескрываемое презрѣніе.

— Далибукъ! Эти Мнишки вотъ гдѣ у меня сидятъ! горячо сказали онъ, на ходу обращаясь къ строго глядѣвшему на него пану Олесницкому.—Кто такой этотъ Мнишекъ? Отецъ бѣжалъ изъ Чехіи въ Польшу съ нищенской сумкой за плечами, а сынъ — панъ Юрій Мнишекъ, воевода Сандомирскій, староста Самборскій, коронный крайчій, начальникъ королевской стражи и любимецъ послѣдняго Ягеллона!

— Этого мало, разсудительно замѣтилъ панъ Олесницкій.—Послѣдній Ягеллонъ, въ сущности, не Сигизмундъ, а панъ Юрій Мнишекъ.

— Vivat! со смѣхомъ единодушно подтвердили прочіе паны.

— Мнишекъ казнокрадъ и на королевскіе милліоны золотыхъ вздумалъ купить себѣ зятя-бродягу и посадить дочь, Маринку, на московскій престолъ! съ прежнимъ раздраженіемъ продолжалъ Гонсѣвскій.—А изъ-за нихъ, дзябли ихъ возьмонъ, мы тутъ въ плѣну сидимъ, послы!

— То вѣдомо: два милліона золотыхъ покойнаго короля прикарманилъ панъ Мнишекъ, снова съ своимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ замѣтилъ панъ Олесницкій.—Такъ его, „бѣдачка“, обобралъ, что его королевское тѣло одѣтъ не во что было. Не только казной покойнаго короля распорядился панъ Мнишекъ, но и его королевскими амурами: панъ Мнишекъ, въ женскомъ платьѣ, досталъ изъ бернардинскаго вляштора панну Гижанку; съ ея-то помощью и обдѣлывалъ свои подлые дѣла...

— Стыдно коронному маршалу Фирлею, да пану Тарло: они его отстояли на варшавскомъ сеймѣ, когда мы пана Юрія къ отвѣту потянули,—вмѣшался въ разговоръ, влюбленный въ свою собственную особу, панъ Конюховскій.

— Если бы въ это время я не представлялъ своимъ лицомъ особу моего наяснѣйшаго короля и, прибавлю, друга, Сигизмунда,—я показалъ бы этому искателю приключеній, какъ ссорить между собою два сосѣдніе, въ мирѣ жившіе, народа! снова кипятясь продолжалъ панъ Гонсѣвскій.—Краковскія вѣсти Мнишка мы знаемъ раньше его. Новость для насъ одна, и немаловажная: будто бы зять его, самозванецъ, живъ, а не убитъ, какъ это досконально всѣмъ намъ извѣстно. Стало быть, панъ Юрій уже выдумываетъ новаго зятя-самозванца, котораго попытается вновь посадить на московское государство. Хитро! Но панъ воевода играетъ въ опасную игру. Ужь если сажать намъ кого на московское государство—такъ не бродягу. Довольно и одного. Мы посадимъ на московское государство нашего королевича Владислава, межъ нами, панове, будь сказано. Вотъ этой вѣсти, увѣренъ, Мнишекъ изъ Кракова не получилъ. Старый дурень понять не хочетъ, что король и Рѣчь Посполитая имѣютъ теперь свои виды на нынѣшнія московскія замѣшательства,—закончилъ Гонсѣвскій, обращаясь къ Дворжицкому и какъ бы отвѣчая ему на его сообщеніе, сдѣланное имъ по просьбѣ Мнишковъ:—Польша должна заботиться объ интересахъ своей короны, нисколько не заботясь, идетъ ли московская корона къ хорошенькой головкѣ панны Марины. Поляки были всегда рыцарями, но не сказочными, и за призраки не сражались. Мнишки просто съ ума спятили! Но что это? Если мои старыя уши, привыкшія больше къ свисту пули и вою вѣтра, чѣмъ къ музыкѣ, не ошибаются,—у насъ на дворѣ пѣвецъ. Я слышу звукъ мандолины.

— Да, итальянскій пѣвецъ зашелъ на дворъ и наши въ восторгѣ отъ его пѣнія, панъ вельможный посоль, —объяснилъ Дворжицкій пану Гонсѣвскому, съ недоумѣніемъ глядѣвшему въ окно на толпу шляхты и клоповъ, стѣснившуюся кругомъ пѣвца.

— Вотъ неудачный выборъ времени и мѣста для проявленія такого благороднаго искусства, замѣтилъ, ни къ кому не обращаясь, панъ Гонсѣвскій.—Впрочемъ, добавилъ онъ, подумавъ и взглянувъ на строгое лицо пана Олесницкаго, — мы здѣсь такъ скучаемъ, что маленькое развлеченіе и удовольствіе, которое можетъ намъ доставить этотъ пѣвецъ, думаю, не будетъ лишнимъ?.. Панъ Пржемыславъ, приведи его сюда...

XI.

„Грамота ему въ наукъ пошла,
Посадила его—(мать), перомъ писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала она пѣтъ учиться,—
Пѣнье Василью въ наукъ пошло“.
(Василій Буслаевичъ, пѣсня).

Въ приходѣ „Николы Дербенскаго“ (дербь, дѣбрь, т. е. лѣсная глушь) хоромы боярина, князя Шаховскаго, съ наглухо закрытыми ставнями, мрачно темнѣлись, со всѣхъ сторонъ окруженныя огромными плакучими березами, свѣшивавшими свои густолиственные вѣтви на высокую тесовую крышу. Боярская усадьба „сидѣла“ въ густомъ, далеко во всѣ стороны расходившемся лѣсу, въ той самой дѣбри, что сообщила свое названіе этой глухой тогда части Москвы. „Дворы“ здѣсь были разбросаны рѣдко, и если бы не грустный звонъ колокола на деревянной колокольнѣ „у Николы“, свидѣтельствовавшей, что церковный сторожъ не спитъ, запоздалый прохожій, незнакомый съ этими мѣстами, могъ легко подумать, что онъ заблудился и очутился гдѣ-то въ лѣсной труппѣ, далеко отъ Москвы. Отдаленные звуки колоколовъ „сорока сороковъ“ московскихъ церквей и монастырей, смягченные пространствомъ, медленно, съ какою-то торжественною печалью плыли съ разныхъ сторонъ, ближе и дальше, въ тихомъ тепломъ воздухѣ чудесной майской ночи, темнота которой, слегка озаряемая хороводами ярко горѣвшихъ въ небѣ звѣздахъ, сообщала таинственность этимъ ближнимъ и дальнимъ звукамъ. Давно уже боярская челядь разошлась кто куда, на свой обычный ночлегъ, послѣ ужина съ хмѣльной брагой. Изрѣдка у боярскихъ кладовыхъ, заднею стѣною выходившихъ на узкую, извилистую улицу, глухо завывала чугунная доска подъ палкой дремавшаго и громко повывывавшаго ночнаго сторожа, да изъ отворенныхъ ради прохлады дверей длинной боярскаго конюшни слышалось конское ржаніе и глухой шумъ отъ множества лошадей, жевавшихъ овесъ. Боярская усадьба спала.

Но въ хоромѣхъ, въ угловой опочивальнѣ, освѣщенной восковой свѣчей въ мѣдномъ поставцѣ, бояринъ князь Григорій не думалъ еще ложиться. Придвинувъ къ себѣ свѣчу, онъ внимательно разбиралъ письмо у стола, досадуя про себя, что плохо сталъ видѣть. По волненію, овладѣвавшему имъ по мѣрѣ знакомства его съ содержаніемъ письма, была понятна вся важность для него этого посланія.

Окончивъ чтеніе и бережно спрятавъ письмо въ карманъ суконнаго кафтана, спятаго, скорѣе, на подобіе польскаго кунтуша, и по-польски спереди „помереженаго“, т. е. со шнурами шелковыми, въ родѣ петель, и съ шелковыми кистями по груди, князь Шаховской не на шутку задумался. Нѣсколько минутъ онъ неподвижно глядѣлъ въ уголъ свѣтлицы на большой образъ Спасителя въ сереб-

ряной ризѣ, отражавшей на себѣ блескъ свѣчи, но не видѣлъ его. Потомъ безпокойное выраженіе его лица и нетерпѣливое движеніе плечъ обнаружили сомнѣніе и боязнь, охватившія его душу. Онъ видимо колебался принять рѣшеніе, на которое вызывало его письмо.

Князь Григорій Петровичъ Шаховской былъ изъ числа бояръ, не участвовавшихъ въ заговорѣ, окончившемся воцареніемъ Василя Ивановича Шуйскаго. Напротивъ, онъ, какъ тогда говорили, „тянулъ по разстригѣ“. Вмѣстѣ съ старикомъ Бѣльскимъ, Рубцомъ-Масальскимъ и Салтыковымъ, онъ стоялъ во главѣ боярской партіи, расположенной къ тому новому распорядку, что внесъ въ Москву назвавшийся царемъ Дмитріемъ. Въ ту грозную минуту, когда среди смятенія и свалки, при набатѣ колоколовъ, боярскій сынъ Григорій Валувъ, выстрѣломъ поразилъ Лжедмитрія, крикнувъ: „Вотъ я благословлю польскаго свистуна!“ — разрѣшилось колебаніе возставшей толпы. Народъ вымѣстилъ свое озлобленіе на убитомъ еретикѣ, „прельстившемъ его своимъ латинскимъ вѣдовствомъ и смутившемъ русское царство“ и издѣваясь надъ голымъ трупомъ „безвременнаго царька“, потащилъ его на веревкѣ, вмѣстѣ съ голымъ же трупомъ его любимца Басманова, на площадь. Убѣдясь, къ своему огорченію, что съ Лжедмитріемъ покончено, Шаховской не принималъ участія въ усиліяхъ Шуйскаго и его сторонниковъ бояръ,—спасти царскія сокровища, скопленные въ царскихъ чертогахъ вѣхами и поколѣніями московскихъ государей, Рюриковичей. Матежъ, погубившій Лжедмитрія—какъ зналъ это Шаховской,—былъ дѣломъ Шуйскаго съ Голицынскимъ, и этого одного уже достаточно было для того, чтобы онъ въ немъ не участвовалъ. Но Шаховской сумѣлъ воспользоваться безпорядкомъ во дворцѣ, который бояре съ великимъ трудомъ и даже съ опасностью жизни отстояли отъ дожившейся для грабежа черни. Онъ „прикарманилъ“ царскую печать и успѣлъ перемолвиться съ своимъ „подковотникомъ“, дворяниномъ Мишкой Мѣлчановымъ, тѣмъ самымъ, который вмѣстѣ съ другими убилъ несчастнаго юношу, ни въ чемъ неповиннаго сына Бориса Годунова, Федора.

— Намъ съ тобою, князюшка, должно, здѣсь дѣлать теперь нечего, многозначительно кивнувъ на распоряжавшагося Шуйскаго, шепнулъ Шаховскому Молчановъ.—Видишь?

— Вижу, Миша.

— А видѣлъ, кого на веревкѣ голаго потащили?

— Видѣлъ. Дѣло наше дрянъ, Миша.

— А дѣло наше дрянъ—поправлять его надо, князюшка. Вася Шуйскій, гляди, недаромъ на насъ съ тобой косится. Знаю его, голубчика красноглазаго; припомнить онъ намъ съ тобою, Григорій Петровичъ, и Годуновскую семью, и ласку къ намъ самозванца. Бѣжать надо, пока время. Прощай, князюшка!

— Куда жъ ты, Миша?

— Далече, князь, на литовскій рубежъ. Мы о себѣ скоро вѣсточку

матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной подадимъ. Украинская вольница — наша. Украинскій вѣтеръ вѣдь съ одной все стороны дуетъ. Авось опять намъ самозванца надуеъ. Попутный вѣдь самозванцамъ тотъ украинный вѣтеръ—прямо съ рубежа на Москву ихъ гонить. Ты не хмурься, князюшка. Пойми: царь Дмитрій здѣсь на Москвѣ убитъ, а на крайнахъ онъ живъ!

— Кого жъ ты, отвага, на мѣсто убитаго Дмитрія выставишь? изумленный, но въ то же время несказанно обрадованный такимъ смѣльнымъ и успѣхъ обещающимъ оборотомъ дѣла, заговорилъ Шаховской, оглядываясь, впрочемъ, боязливо, чтобъ ихъ не подслушали.

— Кого? Мишка Молчановъ разсмѣялся и, чтобы не захохотать и не обратить на себя вниманія, схватился грязною рукой за свой алыи съ постоянного хмѣля носъ.— Себя, князюшка! Чѣмъ я не царь?

Шаховской только смогъ отступить отъ дерзкаго, худороднаго, малопомѣтнаго дворянина на шагъ и смѣрить строгимъ, недовольнымъ взглядомъ невзрачную фигуру его, въ отрепанномъ старенькомъ кафтаникѣ сѣрой нанки и въ сбитыхъ, дырчавыхъ сапожонкахъ. Не только насмѣшку, но и порицаніе своей дерзкою выходкѣ понялъ Молчановъ въ остановившемся на немъ взглядѣ князя, взглядѣ какъ бы стальномъ, холодномъ, беспощадномъ. Мишка Молчановъ пуще разсмѣялся.

— Вишь-во! и не любь я тебѣ, князь Григорій, и на смѣшки меня поднялъ, и чортомъ глядишь на меня, какъ бы я словно сѣма своего спятить,—только занянулся, что-де на царство руссійское, великое, возсѣсть желаніе имѣю. Чѣмъ же, скажи, тотъ-то бродяга лучше меня, у кого мы съ тобою, князь прегордый, руку цѣловали? Я, по крайности, свой-таки, русакъ буду, и православія своего на латыню не промѣнялъ... Испужался ажко ты, князь прегордый; а еще своимъ милостивцемъ я тебя почитаю! Ну, не хмурься: шутку одну шутить. Весельчакъ Михайло, самъ знаешь: краснобай! а за дѣло возметса—не вырветса изъ Михайлиныхъ рукъ никакое дѣло, и это долженъ ты знать, рас-прегордый князь! Себя, слышь, стану выдавать царемъ Дмитріемъ, чудесно спасшимся въ Москвѣ; такую молву пушу, бѣжавши къ Литвѣ, путемъ дорогою, въ селахъ и градахъ, и весяхъ, и на переправахъ, и на торжищахъ, и при стеченіи народномъ. Молъ, на Москвѣ подставнаго крамольные бояре убили поляка, а меня, истиннаго сына Грознаго Ивана, прирожденнаго русскаго царя Дмитрія, сохранилъ Господь Богъ, его святые угодники, да вѣрность слугъ, отъ лютой смерти, боярской крамолой мнѣ уготованной... А прибѣжавъ на Литву, въ вольнымъ панамъ, заразъ самозванца купимъ. Вы только тутъ, именитые люди, на Москвѣ слухъ такой пушайте, народушко въ смущеніи держите, да казну намъ на Литву шлите не скупо; а то, слышь, Михайла на чистоту обдѣлаеъ дѣло. Не радуйся, Васька Шуйскій, не зарься на царскій столъ! Такъ ли сказываю, князь? Коли не такъ, не по твоему, скажи. Что молчишь? Молчать не время!

— Такъ, чуть слышно подтвердилъ Шаховской, хитрый, изворотливый умъ котораго успѣлъ уже сообразить, что ему дѣлать.

— Ну, а какъ тронемся мы съ самозванцемъ съ Литвы на Русь, вы въ ту пору не выдайте насъ, други-пріятели. Поможешь намъ, князь,—первымъ по царѣ будешь. Утремъ Васягъ носъ. Прощай, князь! Мишка Молчановъ торопливо юркнулъ въ толпу.

— Панъ Хвалибогъ! проходя дворцовыми сѣнями, чтобы ѣхать домой, обратился Шаховской къ любимому слугѣ убитаго царя, польскому шляхтичу, горько плававшему.—Убили твоего господаря?

— Ни-ни, брунь Боже, ласковый пане княже! быстро отирая глаза рукавомъ своего кунтуша, возразилъ слуга съ убѣжденіемъ, невольно удивившимъ князя:—я своими собственными очами видѣлъ убитаго, выдаваемого за моего наисвѣтлѣйшаго господаря и царя. Мой панъ Дмитрій есть изъ себя худый; на вискахъ кудравый, якъ у студюзуса кудри маленьки; на груди нѣ одного волоса. А убитый бардзо тлустый чловѣкъ, лобъ бритый, космата грудь; самъ видѣлъ, ласковый княже! то не мой господарь, далибукъ.

— О чемъ же плачешь ты? не утерпѣлъ спросить пытливый князь, вовсе не изъ пустаго любопытства или участія къ печали слуги бывшаго царя, а ради тѣхъ цѣлей, которыми онъ задался послѣ разговора съ Молчановымъ.

— О, мой ласковый пане! снова зарыдавъ съ непритворнымъ отчаяніемъ, заговорилъ слуга.—Весь мой майонтекъ, вписка рухоба, гардеробъ—пограбили шпекленты москали! А нимаемъ едного гроша! бѣдачка естемъ, пане!

Шаховской молча вышелъ изъ сѣней и не безъ труда пробрался сквозь густую, бушевавшую по всей Кремлевской площади, толпу къ своему верховому коню и своимъ вершникамъ и поѣхалъ домой.

Проѣзжая „гостинимъ дворомъ“, длиннымъ рядомъ довольно безобразно выстроенныхъ лавокъ на Красной площади, гдѣ валялся голый трупъ Лжедмитрія, Шаховской прислушался къ громкому спору, происходившему въ толпѣ купцовъ и сидѣльцевъ.

— Врете вы, малоумные! возвысилъ свой голосъ старикъ купецъ почтеннаго вида, съ большой сѣдой бородой и очками на носу, сидя у своей лавки съ толстою церковною книгою на колѣняхъ.—Боярскимъ злоухищреніемъ убитъ не полякъ, а истинный сынъ Ивана Васильевича Грознаго, Дмитрій Ивановичъ, государь; и вы бы тому, глупые, не радовались, а скорбѣли сердцемъ вашимъ; потому—младъ былъ государь, да зѣло наученный, и не еретикъ, а къ Божьему дѣлу усердный и къ государственному строенію прилежный, и церковную печать соблюдалъ, яко же и его предки. Вотъ, глядите, книга, еже „Апостоль“ нарицаема.—Старый купецъ развернулъ послѣсловіе и твердымъ, хотя дрожавшимъ, старымъ голосомъ медленно, чуть не по складамъ, прочелъ: „Повелѣніемъ благочестія поборника и божественныхъ велѣній изрядна ревнителя, благовѣрнаго и христоролюбиваго,

исконнаго государя всея Россіи, крестоноснаго царя и великаго князя Дмитрія Ивановича“. А вы толкуете: басурманъ-де онъ! продолжалъ убежденно старый купецъ, поправивъ свои очки въ мѣдной оправѣ, ущемлявшіе большой носъ. — Дурачье! нешто басурманъ божественную книгу, библию, велить печатать? Быть ему басурманомъ, коли они его обасурманили, сердечу! Вотъ тѣ-то бояре, да пьяная голытьба, что своего законнаго государя убили—басурмане!

Теперь Шаховской убѣдился, что дѣло самозванца на Москвѣ, а стало быть и на Руси православной, не погигло; что за именемъ царя Дмитрія, подымись только оно, опять встануть многія тысячи русскихихъ людей.

Послѣ всего сказаннаго, будетъ понятно тревожное раздумье, въ какое впалъ князь Шаховской, прочтя письмо съ литовскаго рубежа отъ Мишки Молчанова, встрѣтившагося съ „нѣкимъ человекомъ, Болотниковымъ“. Этотъ Болотниковъ вызвался доставить въ Москву князю письмо и принести отъ него отвѣтъ и деньги. Молчановъ кратко извѣщалъ князя, что царь Дмитрій, спасенный божескимъ изволеніемъ и вѣрностью слугъ, стоитъ на рубежѣ; что съ каждымъ днемъ къ нему стекаются его вѣрные подданные; что вольные паны шумятъ и поднимаются къ нему на помощь; что онъ, Михайло, съ согласія царицы Марины и ея родителя воеводы, направляется дальше, въ Самборъ; что князь можетъ положитьсь на Болотникова и снабдить его деньгами и московскими вѣстями; что Болотниковъ сей „человѣче разума необычнаго и въ иностранныхъ земляхъ обученъ воинской хитрости“; что царь Дмитрій назначаетъ его надъ своими царевыми полками наибольшимъ воеводой. „И ты бы, князь Григорій,—заканчивалъ свое письмо Молчановъ,—того Болотникова отпустилъ безъ мотчаянія (т. е. безъ медленности); тигуль бы ты по нашему дѣлу съ московскими именитыми людьми; а сѣверщина, и украинны, и казачина вольная царемъ русскимъ Дмитрія хотятъ, а Ваську Шуйскаго не хотятъ царемъ;—потому, толкують: Шуйскій—боярскій царь, а Дмитрій нашъ царь. И мы съ вольными панами за-одно, да съ сѣверщиной, да съ вольной казачиной, да съ украинскими охочими воинскими людьми совокупясь, пойдемъ заразъ съ Дмитріемъ царемъ добывать его государскую отчину и дѣдину, московское государство; а старателей и доброхотовъ у царя Дмитрія здѣсь, на украиннахъ царевыхъ, и за рубежомъ, довольно обыскалось“.

Шаховской вздохнулъ всею своею грудью и этимъ вздохомъ словно порѣшилъ свое колебаніе. Его полное, пріятное лицо, хотя съ неправильными чертами, но съ нѣжнымъ для мужчины румянцемъ, съ голубыми глазами и свѣтлою небольшою бородею, въ эту минуту выражало радостное чувство человекъ, наконецъ достигшаго того, что ему нужно. Это была улыбка завистливаго, до крайности самолюбиваго и въ себѣ увѣреннаго человекъ, улыбка вообще не могшая нравиться постороннему, безпристрастному наблюдателю. Въ ней

слишкомъ живо говорила злоба и даже месть. Что князь Шаховской не былъ чуждъ подобныхъ чувствъ,—это хорошо знали его сотоварищи по думѣ и всѣ, кто, по родству или по пріязни, имѣли къ нему ближнія или дальнія отношенія. Надмѣнный характеръ князя и его неуживчивость справедливо заслужили ему прозванье „спесиваго“. Трудно было найти въ Москвѣ человѣка, равнаго съ нимъ по положенію, съ которымъ бы онъ не поссорился въ своемъ прошедшемъ или настоящемъ. „Кастрика! уколешься!“—обыкновенно замѣчали другъ другу бояре при появленіи „спесиваго князя“, и явно избѣгали съ нимъ встрѣчи. Но если Шаховской не ладилъ съ своимъ братомъ, бояриномъ, изъ какого-то упорнаго чванства и самолюбія, наталкивавшего его на выходы противъ людей ему равныхъ, выходы часто дерзкія и ничѣмъ не вызванныя со стороны обиженныхъ имъ,—то, напротивъ, человѣкъ мало-мальски отъ него зависимый, ниже его стоящій на ступени общественной лѣстницы, всякій „худородный“, бѣдный, въ родѣ Мишки Молчанова, видѣлъ въ немъ добродушнаго, снисходительнаго „милостивца“, благодѣтеля, готоваго всегда помочь ему словомъ и дѣломъ. Само собой, что князь, какъ вообще такіе характеры, былъ равнодушенъ къ лести, потворству, всяческому передъ собой людскому приниженію. Люди, изучившіе его, имѣвшіе въ немъ надобность, конечно пользовались его слабостями и легко добивались отъ князя, чего хотѣли. Онъ былъ довѣрчивъ именно тамъ, гдѣ не слѣдовало, дѣлалъ часто не то, чего самъ хотѣлъ, и гордо думая, что достигъ своихъ цѣлей, что другихъ заставляетъ служить себѣ и своимъ планамъ, своему возвышенію, хлопоталъ, въ сущности, для другихъ, способствуя другимъ достигать ихъ цѣлей. Шаховскаго, прежде всего, грызло сознаніе, что князя Шуйскій и Голицынъ заслоняютъ его собою и знатностью своихъ старыхъ родовъ, и правительственными способностями. Шуйскій считалъ себя потомкомъ великаго князя Александра Невскаго, стало быть Рюрика; Голицынъ происходилъ изъ знаменитой фамилиі Патрикѣевыхъ. Оба они заправляли дѣломъ низверженія Лжедмитрія; одинъ изъ нихъ „выкрикнуть“ народомъ на русское царство государемъ, и въ этомъ достоинствѣ признанъ боярами. Этого не могъ никакъ забыть Шаховской. Съ минуты избранія въ цари Шуйскаго, онъ его возненавидѣлъ всю ненавистью, къ какой только былъ способенъ. Къ соперничеству тутъ прибавился и расчетъ: потерявъ въ Лжедмитріи своего „благодѣтеля“, онъ въ Шуйскомъ видѣлъ врага, неспособнаго забыть оскорбленія, нанесенныя ему, еще боярину, разновременно Шаховскимъ. Такъ, еще недавно Шуйскій, съ связанными за спиною руками, безъ шапки, поставленный на Лобномъ мѣстѣ, готовъ былъ сложить свою боярскую голову подъ топоромъ палача. Шаховской шепнулъ Лжедмитріеву клевету, Басманову, яко бы князь Василій распускаетъ въ народѣ молву о самозванствѣ молодого царя. На борьбу изъ людей всѣхъ сословій, на судъ всего царь отдалъ вину

князя Василя, Шаховской рѣзче другихъ бояръ высказался противъ князя и первый сказалъ, что „онъ повиненъ смертной казни“. Это, разумѣется, зналъ князь Василій. Ставъ государемъ, онъ завтра же могъ возвести Шаховского на Лобное мѣсто, подъ топоръ того же самаго палача. Чувство самосохраненія указывало теперь Шаховскому путь, какимъ онъ долженъ идти. Недаромъ же царь Василій Ивановичъ послалъ его воеводствовать на украину, въ Путивль-городъ. Тутъ, казалось ему, сама судьба вмѣшивается въ жизнь его, Шаховскаго. Какъ воевода мятежной сѣверщины, Шаховской подмететь ее за новаго Лжедмитрія и, съ грозной ратью подступивъ въ Москвѣ, сведеть свои старыя и новыя счеты съ выскочкой Шуйскимъ;— „ѣшь меня собака, да невѣдомая!“ закончилъ вслухъ свои разсужденія самъ съ собою князь Григорій и всталъ: „рѣшено—или панъ, или пропагъ; но мнѣ, князь-Григорью, не мочно быть подъ Василя князя царскою рукою. Не царь онъ мнѣ, не слуга я ему“. Шаховской нетерпѣливо надѣлъ шапку и, взявъ въ руку саблю, хотѣлъ выйти въ сѣни. Передъ нимъ, освѣщенная слабо горѣвшею на столѣ свѣчю, въ темнотѣ другой горницы стояла бѣлая женская фигура, которой неожиданное появленіе въ эту минуту невольно заставило князя вздрогнуть и отступить въ какомъ-то безотчетномъ страхѣ. Онъ присѣлъ на скамью и, самъ не помня чѣмъ дѣлаетъ, бросилъ шапку вмѣстѣ съ саблей на столъ. Прежнее колебаніе, съ которымъ, ему казалось, онъ только что покончилъ, вдругъ овладѣло имъ съ новою силою. Онъ молча ждалъ, пристально вглядываясь въ бѣлую женщину, представлявшуюся въ темнотѣ призракомъ. Сухой, болѣзненный женскій кашель, напрасно сдерживаемый, незамедлил обнаружиться въ призракѣ живую женщину. Она сдѣлала нѣсколько медленныхъ, неслышннхъ шаговъ и подошла къ столу. Отблескъ восковой свѣчи отразился на ея исхудаломъ, мертвенно-блѣдномъ лицѣ, котораго правильный носъ, большіе, грустные каріе глаза и ласковая улыбка безкровныхъ губъ, свидѣтельствовали о ея былой красотѣ. Густыя пряди темныхъ волосъ въ беспорядкѣ выбивались изъ подъ ночнаго бѣлаго чепчика; ночной бѣлый шушунъ сверхъ длинной бѣлой женскою рубашки облегалъ молодое, стройное, но выболѣвшее, совсѣмъ исхудалое женское тѣло. Она, дѣйствительно, имѣла видъ мертвой въ савагѣ, вставшей изъ гроба. Совсѣмъ плоская грудь и учащенное, глубокое дыханье открытаго рта свидѣтельствовали вмѣстѣ съ сухимъ кашлемъ о ея разрушенномъ здоровьѣ. Не было сомнѣнія, что молодая женщина пришла къ мужу, какъ лежала въ постели, обувшись только на босую ногу въ касимовскіе сафьянныя башмаки. Ея страдальческій видъ невольно внушалъ жалость, но не мужу. Онъ съ нескрываемою досадою, смѣшанною даже съ нѣкоторымъ чувствомъ отвращенія, косился на нее изподлобья. Его презрительно-сжатые губы и стальной, холодомъ пронизывающій взглядъ какъ бы спрашивали ее: зачѣмъ она тутъ, незваная, нелюбая? Мѣшать ему?

Казалось, бѣдная молодая женщина поняла смыслъ его взгляда и значеніе того строгаго молчанія, ничего добраго ей не сулившаго, которыми онъ ее встрѣтилъ. Ея большіе, тепло свѣтившіеся глаза, впавшіе, окруженные темноватыми кругами, признакомъ тяжкой болѣзни, глядѣли на него съ нѣмымъ, но краснорѣчивымъ укоромъ: сердце въ нихъ заговаривало; оно—это любящее женское сердце—говорило ему, любимому мужу, что онъ къ ней несправедливъ, платя холодностью и отвращеніемъ за ея любовь; что она, хоти и незваная, и не любимая—все же ему законная жена, вѣрная ему подруга въ его счастьи и несчастьи; что не мѣшать ему пришла она въ эту минуту, а узнать: что у него на душѣ? Отчего онъ эти дни сумраченъ?

— Князь Григорій! Обратилась она къ нему тихимъ, чуть слышимымъ голосомъ, заглушаемымъ сухимъ, рѣдкимъ кашлемъ. — Прости, пришла я къ тебѣ—спать не могу: страхъ меня одолѣлъ! Все мнѣ, глупой, сдается, недоброе ты дѣло затѣваешь, грѣхъ на душу берешь... Не таись отъ меня, глупой! не мучь меня, горькую, князь! Сказываетъ челядь:—ѣдешь ты?

Молодая женщина должна была скрыть свои, вдругъ заплакавшіе горячими слезами, глаза въ рукавъ бѣлаго полотнянаго шушуна и прислонилась своимъ изболѣвшимъ тѣломъ къ столу, чтобы не упасть отъ слабости, увеличиваемой волненіемъ.

Даже гордое, холодное сердце князя Григорія не смогло не отвѣтить на этотъ сердечный призывъ больной женщины, требовавшей отъ любимаго мужа довѣрія во имя права любящей жены и въ такую важную минуту его жизни, отъ которой зависѣла его судьба. Отъ нелюбимой жены Шаховской всегда скрывалъ свои шашни; любовь подсказала женскому сердцу важность этой минуты для мужа и опасность задуманнаго имъ дѣла. Шаховской готовъ былъ, по своему обыкновенію, „оборвать дохлую бабу,“ какъ онъ ее называлъ, но почему-то смолчалъ.

— Ѣхать—ѣду, подтвердилъ онъ, какъ могъ спокойнѣе, но съ своею всегдашнею въ сношеніяхъ съ женою грубостью. — Государь Василій Ивановичъ указалъ мнѣ свою государеву службу на Украйну. Въ Путивль-городъ воеводой шлеть... Завтра чтобы выѣхалъ.

— Такъ далече! прошептала она, глубоко вздохнувъ и отирая рукавомъ шушуна глаза.

— Государская на то воля, княгиня Апраксія, продолжалъ Шаховской, по своему устѣхаясь тѣмъ же наружно спокойнымъ, холоднымъ голосомъ, въ которомъ бѣдная женщина, какъ ни обманывала себя, не находила ни искры чувства, способнаго ее радовать. Она пришла къ мужу, заговорила съ мужемъ,—а передъ ней чужой ей человѣкъ, слышитъ она—чужаго ей человѣка; и такъ давно, сейчасъ же послѣ медоваго мѣсяца; гдѣ-жъ тотъ дорогой ей, родной ея душѣ человѣкъ, котораго она хотѣла видѣть въ своемъ мужѣ? когда

же онъ ее приласкаетъ? И въ эту минуту, какъ всегда, нѣтъ у него для нея ласки! нѣтъ у него слова привѣтнаго, взгляда нѣжнаго для опостылѣвшей ему жены!

Зарыдала бѣдная, покачнулася на слабыхъ ногахъ, крѣпче за столъ схватилася слабою рукою...

— Аль слезы непокушныя? уже теряя свое наружное спокойствіе, заговорилъ Шаховской, голосъ котораго грубѣлъ по мѣрѣ того, какъ досада на неумѣстное появленіе больной жены усиливалась въ немъ при мысли, что она задерживаетъ его попусту отъ ночнаго свиданія съ людьми, ему нужными.— Легла бы ты лучше, княгиня Апраксія, въ постельку, не студила бы себя, раздѣтая ночью... не по твоему то здоровью. Глянь на себя—извелась ни на что не похожа. Покойницу краше въ гробъ кладуть...

Выслушавъ слова мужа, молодая женщина постаралась скорѣе отереть свои слезы и взглянула на него съ покорностью жены, привыкшей выносить оскорбленія. Глубокое отчаяніе выражалось въ ея большихъ карихъ глазахъ, какъ бы еще увеличившихся въ эту минуту подъ давленіемъ несносного гора. Всю ее забилъ частый, сухой кашель. Она хотѣла говорить и не могла.

— Заперкала, какъ овца отъ пьявока! грубо потѣшаясь надъ страданіемъ жены, замѣтилъ Шаховской.

— Князь Григорій! начала, наконецъ, бѣдная женщина, справясь съ своимъ кашлемъ, чуть слышнымъ, упавшимъ голосомъ, въ которомъ теперь звучала рѣшимость высказаться вполне.—Знаю—мужъ любить жену здоровую. Немила я тебѣ; то давно сказало мнѣ сердце: на второй уже мѣсяцъ послѣ вѣнца нашего. Да и женился ты на мнѣ, князь, знаю, не по мнѣ, а по достатку моему, по моему награжденію родительскому. Но я тебя,—Богъ видитъ и самъ ты знаешь—любила и любить не переставала...

Опять сильный приступъ частаго кашля помѣшалъ ей говорить. Держась одною рукою за столъ, а другою придерживая надорванную кашлемъ грудь, какъ бы боясь, чтобъ ее не разорвало, — бѣдная женщина явно избѣгала въ эту минуту встрѣчаться съ взглядомъ мужа, въ которомъ, кромѣ насмѣшекъ, отвращенія къ себѣ, да желанія поскорѣе отъ нея отдѣлаться—ничего не находила.

— Князь Григорій! каковъ ты былъ мнѣ мужъ—Богъ тебѣ судья и добрые люди! продолжала, оправясь отъ кашля, слабымъ голосомъ княгиня.— Не мнѣ тебя упрекать, и не теперь: стою я, грѣшная, одной ногой въ сырой могилѣ. Ѣдешь ты завтра на Украину, далече; долго-ли, коротко-ли проживешь тамъ, вернешся — меня не застанешь въ живыхъ. Своро отойду я, грѣшная, туда, гдѣ всѣхъ насъ судить будетъ Отецъ нашъ небесный судомъ своимъ праведнымъ! Пришла я съ тобою проститься, съ милымъ своимъ супругомъ Григоріемъ Петровичемъ, совсѣмъ проститься, на вѣки! Не жилища я на бѣломъ свѣтѣ... Не гляди-жь ты на меня такъ, супругъ мой, князь Григорій

Петровичъ, не пронзай мнѣ сердца моего холодными очами! Виновата въ чемъ я, глупая, передъ тобою, князь,—прости меня, Христа-ради! но... но, князь, хоть разъ... хоть въ послѣдній разокъ, глянь на меня, свою жену законную, не темной тучей — яснымъ солнышкомъ!

Грубый смѣхъ, больно повернувшій растерзанное женское сердце, былъ отвѣтомъ мужа, отвѣтомъ, достойнымъ характера „спесиваго князя.“ Бѣдная женщина въ какомъ-то изступленіи сдѣлала шагъ ближе къ жестокому мужу.

— Нѣтъ, нѣтъ! вырвался у нея изъ глубины оскорбленной и изстрадавшейся души страдальческій вопль, на который, видимо, потрагился послѣдній остатокъ ея жизненной силы. — Не взойдетъ для меня солнышко!

И, какъ стояла, безъ чувствъ упала къ ногамъ мужа. Шаховской на нее даже не взглянулъ, не только не поднялъ ее. Не заботясь удостовѣриться, жива ли она, или умерла, онъ преспокойно поднялся со скамьи, надѣлъ шапку, взялъ въ руку саблю и вышелъ на дворъ. „Спесиваго князя“ не смущало сознание своей великой вины передъ этою страдальцею женщиной, оставленной имъ безжизненно-распростертой на полу. Ненасытное честолюбіе, постоянно толкавшее его „въ заводчики“ боярскихъ шашекъ и боярскихъ „подыскательствъ“, то другъ противъ друга, то противъ царя Бориса, и теперь, противъ царя Василья—очерстило и безъ того не нѣжное его сердце. Молодая княгиня Апраксія въ одиночку коротала свою грустную жизнь, которой теремное однообразіе нарушалось только „надругательствами“ князя Григорія, да жестокостью истязаній, какимъ онъ ее подвергалъ собственноручно, часто угрожая ей, пуцаго страха ради, „отодрать ее на конюшнѣ конюхами“, хотя такой угрозы князь Григорій ни разу не приводилъ въ исполненіе, ужъ изъ одной своей княжеской гордости. Онъ на этой кроткой, любившей его безхитростно, женщинѣ „срывалъ сердце“, вымѣщалъ свои неудачи. Ни за что, ни про што, онъ привязывалъ безотвѣтную страдальицу за длинную шелковистую косу къ ножкѣ кровати и лежащую на голомъ полу держалъ ее голодную, холодную, избитую и съ надрывающимся сердцемъ по нѣскольку дней взаперти; безчеловѣчно сѣкъ ее плетью и во гнѣвѣ своемъ княжескомъ просказывался ей, что-де для него, князя Григорія, дворная сука „Арапка“ дороже ему, чѣмъ она, жена его дохлая, княгиня Апраксія. И все-таки она его любила, по своему объясняя себѣ его жестокое съ нею обращеніе. Никогда никто изъ ея кровныхъ родныхъ, не только знакомыхъ, не слышалъ отъ нея жалобъ на мужа, на свою долю горькую. Знала родня и добрые люди, какъ горько жите „сердешной княгини Апраксѣюшки“—только не отъ нея. Шесть лѣтъ пытки, не жизни, сломили ее. Шла она за него молода, хороша, здорова, счастлива, богата; да вѣдь прекрасный цвѣтокъ требуетъ солнца, ухода, и гибнетъ отъ мороза и бури.

Она заскучала, захирѣла. Къ ея счастью, дѣтей у нея не было. Она молилась Богу, сначала, чтобы онъ обратилъ сердце холоднаго къ ней мужа, а потомъ, чтобы Богъ прибралъ ее. Она съ радостью убѣждалась въ томъ, что Богъ услышалъ ея мольбу, посѣтилъ ее, и таяла. Злая чачотка грызла ея молодую, еще недавно пышно подымавшуюся грудь. Не ошибалась двадцатипятилѣтняя княгиня и несчастная жена: она простилась съ злымъ мужемъ навсегда; она упала къ его ногамъ не для того, чтобы встать; не для нея взошло на другой день ясное майское солнышко! но ласки нѣжной, но минутнаго раскаянiя за все зло, что онъ ей сдѣлалъ, за ея преждевременную смерть, — она все-таки и передъ своею смертью не добилась отъ суроваго мужа и „строптиваго князя“.

На дворѣ Шаховскаго встрѣтила радостнымъ визгомъ та самая дворная собака „Арапка“, что для него была дороже жены, какъ онъ не разъ ей высказывался, конечно желая терзать ея убитое горемъ сердце. Если бы онъ зналъ, что больше уже нѣтъ въ живыхъ этой несчастной, — быть можетъ, и Арапка дождалась-бы не ласки княжеской, а добраго удара острой сабли...

Провожаемый собакой и пробираясь въ тѣни плакучихъ березъ, съ желанiемъ не встрѣтиться съ ночнымъ сторожемъ, Шаховской миновалъ дворъ и сдѣдовалъ тропой, спускавшейся по склону горы въ густомъ лѣсу. Онъ остановился у своей боярской бани, прятавшейся въ чащѣ надъ рѣвкой. Свѣтъ, пробивавшiйся въ щель ставня, убѣдилъ его, что въ банѣ ждетъ его тотъ, кто доставилъ ему письмо Мишки Молчанова.

— Прождался тебя, князь! встрѣтилъ Шаховскаго сидѣвшiй въ предбанникѣ на лавкѣ тотъ самый пѣвецъ, котораго искусство такъ понравилось полякамъ на посольскомъ дворѣ. Его южная, смуглая физиономiя и странный для москвичей костюмъ бродячаго артиста — короткiй плащъ, обшитый позументами, и узкiя панталоны, казалось, не соответствовали бойкой русской рѣчи съ хохлацкимъ выговоромъ, съ какою онъ обратился въ Шаховскому. Мандолина съ широкою голубою тесьмою лежала возлѣ него, повидимому, забытая имъ теперь. Въ боярскомъ предбанникѣ онъ предавался менѣе поэтическому, зато болѣе существенному препровожденiю времени: на столѣ передъ нимъ стояла сухая вина и недопитый стаканъ; пѣвецъ запивалъ вкусный пирогъ съ начинкой и жареную утку, отъ которой на глиняномъ блюдѣ остались только кости. Видно, по вкусу бродячаго пѣвца пришили боярскiе харчи.

— Прочелъ письмо, князь? Какой на него отвѣтъ дашь? нетерпѣливо спросилъ пѣвецъ.

Шаховской, не говоря ни слова, опустился на лавку противъ пѣвца и внимательно взглянулъ ему въ глаза, какъ человекъ, привыкшiй не торопиться въ важныхъ дѣлахъ.

— Письмо прочелъ, сказалъ онъ, подумавъ и не спуская съ пѣвца

своего стальнаго, холоднаго взгляда.—Но отвѣтъ на него дамъ послѣ того, какъ самъ ты, любезный, отвѣтишь на мои вопросы.

— Спрашивай, князь, готовъ тебѣ отвѣчать все, что знаю, — съ спокойною твердостью сказалъ пѣвецъ, повидимому, не расположенный лгать, и допилъ вино въ своемъ ставанѣ.

— Прежде скажись: кто ты, и почему, будучи итальянцемъ, ты на рѣчахъ хохолъ? Дивно то мнѣ не мало.

Смуглая физиономія пѣвца выразила живое удовольствіе, что ему приходится отвѣчать именно на этотъ вопросъ, который онъ самъ предчувствовалъ; точно, князь долженъ былъ предложить ему этотъ вопросъ, чтобъ выйти изъ сомнѣнія на счетъ его личности; чтобъ знать князю, съ кѣмъ онъ дѣло имѣетъ и можно ли довѣряться столь загадочному, въ глазахъ москвичей, пѣвцу?

— Я такой же итальянецъ, какъ и ты, князь! смѣясь сказалъ пѣвецъ съ искренностью, не вѣрить которой Шаховской не имѣлъ въ эту минуту основанія.—Я хохолъ, родомъ съ сѣверщины и, надѣюсь, языкъ, на которомъ я съ тобою говорю, лучше всего удостовѣряетъ тебя въ томъ, что это правда. Почему я свободно владѣю итальянскимъ языкомъ и умѣю по-итальянски пѣть — на это есть причины, независяція отъ моего происхожденія. Я говорю еще и по-татарски, и по-турецки даже; о польскомъ языкѣ и упоминать нечего, по его сходству съ нашимъ, русскимъ... Дивисься, вижу, моимъ словамъ, князь?

— Нельзя не дивиться, замѣтилъ Шаховской, въ подозрительной головѣ котораго вдругъ возникло сомнѣніе: ужъ не лазутчикъ ли это, подсланный Шуйскимъ на пагубу его, князя Шаховскаго?—Ты или самохвалъ, какъ большая часть твоей братьи, промышляющей скомошествомъ; или иного ты полета птица!

— Вотъ это вѣрно сказано, князь! Точно: иного полета я птица. Клювъ и когти у меня вострые, коршунячьи; нарочито спряталъ я ихъ въ голубинныхъ перушкахъ... Не голубь я—коршунъ хищный, ты то знай, князь; обманывать тебя ни въ чемъ не стану...

— Стало, ты и не пѣвецъ? съ новымъ изумленіемъ спросилъ Шаховской.

— Повторяю: я хищный коршунъ, нарядился голубемъ, пою соловушкой. Такъ надо. Ну, проявись коршунъ хищный да межъ орловъ? Орлы задерутъ коршуна, даромъ что хищный; а мелкую пташку орелъ не тронетъ. Алъ непонятно, князь?

— Вотъ чего не пойму: языки тебѣ эти иновѣрческіе почему дались? или похваляешься?

— Похвалятся мнѣ нечѣмъ, князь, а то, можетъ, и похвалялся бы съ-дуру! Слушай мой сказъ: чудна моя судьбина, на сказку похожа; но что о себѣ сказывать стану, вѣрь князь, сущая то правда.

— Связывай—слушаемъ. Авось отъ небылицы былъ отличимъ, по простотѣ нашей боярской.

Шаховской, скрестивъ на груди руки, приготовился слушать. На его сжатыхъ губахъ играла улыбка, въ которой недобѣрие мѣшалось съ затаенной угрозой по-своему раздѣлаться съ этимъ „ряженнымъ“ бродягой, если бы только „спесивый князь“ заподозрилъ въ разсказѣ его желаніе „морочить“ князя и разсчитывать на его простоту. Свою саблю князь сжалъ между колънами. Пѣвецъ, казалось, нисколько не смутился такимъ неместнымъ для него отношеніемъ князя къ нему и его ожидаемому разсказу, и началъ:

— Ивашка мнѣ имя, прозваніе Болотниковъ, потому что издавна родъ мой на болотѣ сидѣлъ жительствою, вблизи Десны-рѣки. Отца моего Гаврилой звали, и по сей день родители мои въ холопствѣ у князя Андрея Телятевскаго, что въ Черниговѣ воеводствуесть.

— Стало, и ты, Ивашка, холопъ князя Телятевскаго? почему-то счелъ нужнымъ добавить Шаховской.

— Я не холопъ! Я вольный человѣкъ, такой же, какъ и ты, князь, какъ всѣ божіи люди, пока ихъ не закабалили сильные міра сего! возразилъ назвавшійся Ивашкой Болотниковъ съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ въ голосъ, съ такимъ зловѣщимъ огнемъ въ черныхъ глазахъ, что невольно и безотчетно дрогнула смѣлая душа Шаховскаго.—Судьба избавила меня отъ холопства не для того, конечно, чтобъ кто нибудь смѣлъ назвать меня холопомъ! Самъ разсуди, князь: мнѣ тридцать лѣтъ; двадцати лѣтъ я попался въ полонъ татарскій, и только что на родину вернулся—холопъ ли я? и кто такой господинъ мой?

— Связывай дальше! заторопилъ Ивашку Шаховской.

— По государеву указу, вышла рать украинская на татаръ, въ поле, за Десною-рѣкою, продолжалъ, успокоясь Ивашка.—Самъ знаешь, князь, царское войско—то же стадо барановъ; потому воеводы царскіе, ничему не обученные, жрать да дрыхнуть горазды, а имъ чинить надъ неприятелемъ воинскій промыселъ—байдуже! Брюханы туполобые, ну и бьютъ ихъ, развѣ лѣнивый не бьетъ. Ударили на нашихъ отъ черной соки воевъ татары налетомъ, съ ужаснымъ гиканьемъ—наши дрогнули, побѣжали. Брюханы-воеводы, разумѣется, впередъ всѣхъ удирали—примѣръ показывали полкамъ. Догналъ меня ногой-старичище, саблей руку мнѣ просѣкъ, въ полонъ меня взялъ мурзакъ Асанъ, въ свой улусъ ногойскій отвелъ. Признаться, князь, полюбился я ханымъ Айшѣ, мурзачьей жонкѣ,—неволя мнѣ моя въ поль-горя стала. Даже, коли правду говорить, тосковалъ я по ней, не выдаючись долго. Молодая была ханымъ, красавица изъ себя: косы—ночи темнѣе, глаза—что звѣзды на небѣ горятъ, разгораются, щеки полныя—что твой спѣлый, наливной персикъ на солнцѣ. А мурзакъ Асанъ—старикъ, въ дѣды ей гождь. Слюбилась мы съ нею вотъ какъ! О матери родной больше не плакалъ, о своемъ болотѣ позабылъ... А есть у татаръ „бродники“, полоняники давнишніе изъ русскихъ, да изъ литовцевъ, да изъ молдаванъ; какой въ ихніе ма-

гометы пошелъ, на татаркѣ оженился—такъ отъ нихъ помѣсь эта ни татаринъ онъ, ни христiанинъ, ихъ еще „тумами“ называютъ. То же за-одно съ татарами въ улусахъ живутъ, въ „наѣзды“ ходятъ съ огланами. Открылся я двумъ прiателямъ „бродникамъ“, тоже молодымъ ребятамъ, „бѣжать, могъ, на свою сторону хочу“. Общались оба помочь, научили, чтобъ ждалъ наѣзда, скоро-де объявится. Пои-дешь, учили они меня, съ кошемъ—уйдешь. Не зналъ старый мурзакъ Асанъ про свою ханымъ; ловко она его надувала, веревки изъ него вела. Ко мнѣ старика расположила: нуверомъ своимъ сдѣлалъ меня, по-русски—конюхъ. Правда: кликнули бирючи кличъ по улусамъ, „газавать“, т. е. войну священную на Польшу объявили ханскимъ именемъ. Магометовъ байракъ, зеленое знамя, провезли во славу Магомета; поднялся и мой мурзакъ-старичина. Саблю мнѣ далъ, ружье, жеребца съ сѣдломъ. Собрался кошъ многотысячный, самъ ханъ Оглапанъ пошелъ, кошъ за собою повелъ. Жаль мнѣ съ ханымъ-красавицей разстаться. То бѣжать совсѣмъ изъ орды хотѣлъ, а какъ пришлось съ ханымъ прощаться—бѣда! не оторвался бы отъ нея. Пошли. Зашелъ кошъ въ степи далеко, а мнѣ все не мочно бѣжать. Пристигла насъ гроза весенняя, залила дождемъ кошъ. Остановились, сбатовали коней, стреножили; сами попрятались подъ бурки, подъ потники, кто какъ могъ; одному хану шатеръ раскинули. Темная ночь—хоть глазъ выколи. Буря по степи завывла. Ну, думаю, твоя ночка, Ивашка, надо бѣжать. Веду за чумбуръ жеребца, опасаясь не заржалъ бы, на спящаго не наткнуться бы; выбрался изъ коша, поскакалъ. Да недолго. На всемъ скаку вмѣстѣ съ жеребцомъ полетѣлъ въ глубокую балку; дно и бока—каменные, словно сложенные стѣны; какъ пришелся я объ эту стѣну головой—память потерялъ. Долго ли, коротко ли я тутъ лежалъ, очнулся—заря, день занялся. Глазу: жеребецъ издохъ, повисъ, передними ногами за камни зацѣпился, меня сѣдломъ придавилъ. Нога—мочи нѣтъ больно! Попробовалъ ее высвободить—не моя нога: вывихнута, пропалъ! Лучше не бѣжалъ бы,—голодною смертью умереть придется, вороны живому глазу выклюютъ. Пригорюнился, слышу—лай собакій. Въ жаръ и ознобъ меня бросило: татары по моему слѣду собакъ пустили: смущать. Что мурзаку скажу? Зачѣмъ въ балку верхомъ ночью попалъ? Собаки со всѣхъ сторонъ балки лаютъ, назадъ оглядываются. Татарская собака такъ прiучена,—чуть не говорить, а понимаетъ все. „Атуй!“ татарскiе голоса слышу. Вотъ они сами. Наѣхали. Старый мурзакъ впереди. Стащили съ меня мертвого жеребца, онъ дальше зашумѣлъ въ пропасть, только камни за нимъ полетѣли, гремя, да сарыга—коршунъ—упалъ на падлу, прямо съ поднебесья. Высвободили меня. Костоправъ ногой живо вправилъ мнѣ ногу. Больно, а идти могу. А какъ мурзакъ влѣпилъ мнѣ ногойкой между лопатокъ, побѣжалъ я, съ конемъ его равнялся. Онъ, къ тому-же, волосяниимъ арканомъ схватилъ меня за шею, упадешь—тащить. Обругалъ меня

мурзакъ „шайтаномъ русскимъ“, алыми зубами скрипнуть, озлился на меня. Скверно. Наткнись на насъ кошкаримы—купцы: на верблюдахъ товаръ везли въ арбахъ своихъ высокихъ. Продавъ меня съ двухъ словъ мурзакъ кариму пучеглазому за сорокъ червонцевъ. Каримъ меня сперва приковалъ къ арбѣ длинною цѣпью съ ошейникомъ, а потомъ накормилъ до-сыта и виномъ изъ бурдюка наполнилъ до-пьяна. На барышѣ кормилъ и поилъ. Каримъ, прїѣхавъ къ себѣ домой, въ приморскій городъ Ахтиаръ, перепродалъ меня турецкому купцу, что человѣчьимъ мясомъ торгуеть. Турокъ въ большой кочегѣ повезъ меня моремъ въ Стамбуль, по нашему Царьградъ, — потому сей градъ превеликъ и преславенъ отъ вѣковъ древнихъ, всѣмъ градамъ міра есть царь, и древняя это столица Θεодосіа Великаго и Константина и прочихъ императоровъ греческихъ; а нынче турецкій салтанъ, новозавлашши греческую державу, повелѣваетъ въ Царь-градѣ; и храмъ дивный, лѣноты неизреченной святой Софїи-премудрости обратилъ въ магометову мечеть и минареты магометовы-же кругомъ того огромнаго храма поставилъ, и полумѣсяцъ свой турецкій за мѣсто нашего креста воздвигъ на главахъ. А Царьградъ при водѣ глубокой морской стоитъ, на три страны свѣта глядя, тремя же и повелѣваетъ: Европой, Азіей и Африкой; и на базарахъ всякаго цвѣта люди, даже мѣдныя и черныя эфіопы, въ рабство продаются и красавицы черешенки и прочихъ народовъ дѣвки молодыя на постель продаются: выбирай, кому какая нужна. Потому на это магометовъ законъ простъ: держи женъ сколько кто можетъ. Запрета нѣтъ.

— Вонъ житье-то кому—туркамъ! замѣтилъ Шаховской, усмѣхаясь съ видомъ степеннаго, твердога въ православїи и предковскомъ обычаѣ русскаго человѣка; но въ душѣ онъ сочувствовалъ этому магометову закону, допускавшему мужчинѣ покупать, а слѣдовательно—мѣнять женъ. Будь онъ не православный бояринъ, а турецкій паша, онъ, конечно, давнымъ-давно избавился бы отъ этого „кошечьяго воскресенїя“, какъ онъ называлъ свою жену, княгиню Апраксїю, только что оставленную имъ, безъ чувствъ, на полу; тогда бы двѣ молодыя красавицы, одна черноволосая, другая свѣтловолосая, по его княжескому выбору, своими нѣжными женскими ласками коротали бы ночь сиваго князя, согрѣвали бы его широкую княжескую постель. Рассказъ Болотникова до того увлекъ Шаховского, что прежняя недо-вѣрчивая усмѣшка сжатыхъ княжескихъ губъ, предупреждающая разказчика, чтобъ онъ не вралъ передъ своимъ важнымъ слушателемъ, давно уже замѣнилась любовитствомъ и напряженнымъ вниманїемъ.

— Ну, дальше что? говори, Ивашка! неутерпѣлъ сказать Шаховской.

— Бывели и меня на базаръ, князь; да, спасибо, на мое счастье пришли нѣмецкіе купцы, выкупили меня своей казной изъ неволи. Моремъ перевезли меня изъ магометовой турещины въ Италию, хри-

стианскую землю. Въ Венеційскомъ градѣ прожилъ я семь лѣтъ. Градъ тотъ зѣло чудотъ; вмѣсто улицъ—водные каналы, а вмѣсто повозокъ—лодки, называются по ихнему „гондолы“. Каменные огромные дворцы, по ихнему „палаццо“, прямо на водѣ стоятъ и гондолы къ крыльцу подливаютъ. А градомъ тѣмъ славнымъ Венеційскимъ править „дожъ“, все едино—государь. И того дожа граждане выбираютъ изъ благороднаго сословія разумѣйшаго, потому называется „Венеційская республика“. Тутъ я обучался наукамъ всякимъ и языку итальянскому; а какъ къ пѣнью я былъ охотъ и голосъ у меня изрядный—выучился пѣть по итальянскому манеру, и могу спѣть канту совсѣмъ какъ итальянецъ. Вотъ, князь, почему принимаютъ меня за итальянца тѣ, отъ кого я скрываю, что я русскій. Я игралъ на театрѣ маріонетокъ главныя роли, именно—Петронилло и Кассандрино. Но, знаю, князь, ты незнакомъ съ театральными представленіями и многого не поймешь изъ того, что бы я могъ рассказать про обычаи и нравы благороднаго итальянскаго народа. Рабовъ тамъ нѣтъ, ибо рабство противно ученію Христа. Вы здѣсь, на Москвѣ, именитые люди, живете во тѣмъ и повѣжествѣ сущими варварами; а за вами и народъ весь русскій слѣбнотствуетъ. Живете, какъ жили еще при царѣ Горохѣ, когда людей было трохи; себѣ подобныхъ людей вы насильно въ холопей обратили своимъ — и тиранствуете, и за ваше тиранство и повѣжество ваши сосѣди, образованные народы, надъ вами смѣются и васъ презираютъ. И по дѣломъ, князь, вамъ то!

— Не позабудь, Ивашка съ болота, кому ты говоришь, и обдумай свои слова прежде, чѣмъ ихъ скажешь мнѣ! счелъ Шаховской нужнымъ строго и внушительно замѣтить Болотникову, заговорившему неуважительно о сословіи, къ которому принадлежалъ князь. — Еще мнѣ скажи: гдѣ жъ и когда ты приобрѣлъ свѣдѣнія, дающія тебѣ право на званіе главнаго воеводы царя Дмитрія? Чтобъ быть полководцемъ и умѣть побѣждать — надо поучиться военному дѣлу, и не въ школѣ, а въ полѣ.

— Такъ, князь! согласился съ нимъ Ивашка,—не ставя въ попы обѣдни не служатъ. Изъ Венеційскаго града приморскаго, соскучась по своей родинѣ, подался я въ цесарскую землю, а оттолъ въ польское королевство... Здѣсь два года я сражался подъ знаменами коронныхъ гетмановъ противъ турецкихъ полчищъ и татарскихъ кошей, и самъ начальствовалъ... Опытенъ я въ ратномъ дѣлѣ, да и повѣрь: воеводъ царскихъ не трудно бить, была бы охота, а она у меня есть. Я прямо съ Украины. Тамъ духа московскаго не терпятъ. Нашъ расчетъ вѣрный: мы подыдемъ голоднаго на сытаго, бѣднаго на богатаго, забитаго на сильнаго, худороднаго на вельможу, холопа на его господина. Такая рать страшна и побѣдить ее нельзя, если ею начальствуетъ воевода, у кого, какъ у меня, ничего, кромѣ жизни, нѣтъ; мнѣ нечего терять. Самая жизнь мнѣ не дорога, ибо не даетъ мнѣ того, чего хочу. Ты, гордый князь, считаешь меня, какъ и другіе, „холопомъ“ и передъ мною величаешься, а ты,

во истину, больше холопъ чѣмъ я. Ужъ потому не холопъ я, что возмущаетъ меня холопство, что хочу не только холопство, самое слово это мнѣ ненавистное безслѣдно вывести на Руси православной. И не будетъ холоповъ, ибо не отъ Божескаго правосудія они, а отъ человѣческой неправды суть! Ненавижу боярство! Все мнѣ едино—истинный ли царь Дмитрій, самозванецъ ли. Ополчаюсь не за него, а за всю тьму темъ безправнаго, обездоленнаго русскаго крестьянства, котораго самъ я — кость отъ кости, и плоть отъ плоти. Какъ я мню—мнить все крестьянство; я токмо его истолкователь, токмо борець я по немъ безстрашный. Мнѣ ли не довѣрить въ нынѣшнюю московскую смуту тотъ, кто, подобно тебѣ, князь, хочетъ ею воспользоваться? Пойми: путь нашъ съ тобой одинъ—возстаніе; но цѣли и надежды наши, мои и твои, различны, какъ различно положеніе мое и твое. Ты самъ за себя встаешь—я встаю за народъ, тебѣ надо возвыситься—мнѣ надо уравнивать высокое съ низкимъ, смерда съ бояриномъ... Удобнѣйшаго случая, чѣмъ теперешнее возстаніе народное за истиннаго царя Дмитрія—не сыщемъ, князь... Я вырѣжу боярство и замѣню его казачиной. Дмитрій будетъ царь не по боярскому капризу, а по народному хотѣнью!.. Да будутъ на Руси—Богъ, царь, народъ!

Шаховской, слушавшій внимательно Волотникова, невольно былъ пораженъ силою убѣжденія и основательностью доводовъ, съ какими онъ говорилъ. Только теперь, когда Ивашка Волотниковъ, увлекаемый внутреннимъ жаромъ, отражавшимся въ его разгорѣвшихся черныхъ глазахъ, высказался вполне, Шаховской понялъ, какого сильнаго духомъ и волей человѣка видѣть передъ собой. Поднявшись со скамьи, весь дрожа отъ волненія, Волотниковъ выразительнымъ движеніемъ руки сопровождалъ свою рѣчь, исполненную душевнаго порыва и отчаянной рѣшимости.

— Исполать тебѣ, лихой молодець! сказалъ Шаховской, вставая во весь свой ростъ и кланяясь Волотникову:—во истину ты большой воевода нашего государя Дмитрія Ивановича, да продлить ему Богъ живота на многая лѣта! Признаю тебя царскимъ воеводой, Иванъ Гаврилычъ. Снеси мой боярскій вѣрноподданическій поклонъ моему государю Дмитрію и скажи: готовъ бояринъ Григорій Шаховской за него, государя, свою кровь пролить.

— Снесу твой поклонъ, князь Григорій, и могу завѣрить тебя въ милости къ тебѣ нашего государя, отвѣчалъ Волотниковъ.

Звякъ сабли и конское ржанье вдругъ заставили обоихъ вздрогнуть, обмѣняться взглядами и прислушаться.

— Безопасны ли мы здѣсь, князь? какъ бы спрашивали Шаховскаго черные, еще горѣвшіе глаза Волотникова, спокойно прислушивавшагося.

Сабельный звякъ и конское ржанье послышались ближе.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

В. Марковъ.

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ ПУШКИНЪ.

(Биографическій очеркъ).

I.

РОДНОЙ дядя гениальнаго нашего поэта Александра Сергѣевича Пушкина, небезызвѣстный также въ свое время поэтъ Василій Львовичъ Пушкинъ родился 27-го апрѣля 1770 года въ Москвѣ ¹⁾ и былъ старшимъ изъ двухъ сыновей подполковника артиллеріи Льва Сергѣевича Пушкина. Послѣдній, при восшествіи въ 1762 г. на престолъ императрицы Екатерины II, попалъ въ крѣпость, и выпущенный оттуда черезъ два года, не поступалъ уже вновь на службу ²⁾, а владѣя 3000 душъ, жилъ большимъ бариномъ то въ Москвѣ, то въ деревняхъ своихъ, преимущественно въ с. Болдинѣ (Лукьяновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи ³⁾). Левъ не только по имени, но и нравомъ, онъ, женатый дважды, съ обѣими женами обходился крайне круто: первую изъ нихъ, урожденную Воейкову, онъ едва ли не уморилъ въ одиночномъ заключеніи изъ ревности къ бывшему учителю его сыновей, французу, котораго безъ суда и слѣдствія повѣсилъ у себя на черномъ дворѣ. Вторую же жену свою Ольгу Васильевну, урожденную Чичерину, мать Василья и Сергѣя Львовичей, онъ насильно повезъ въ гости, когда та чувствовала уже приближеніе родовъ, такъ что бѣдная женщина дорогю, въ каретѣ, подарила его сыномъ, и затѣмъ, полу-

¹⁾ „Отечественныя Записки“ 1853 г., № 11-й. „Родъ и дѣтство Пушкина“. Ст. П. Баргенева, стр. 11.

²⁾ „Соч. А. С. Пушкина“, изд. 1855 г., т. V. „Записки“ А. С. Пушкина, стр. 4.

³⁾ „Отечественныя Записки“ 1853 г., № 11-й. Ст. П. Баргенева, стр. 11.

живая привезенная домой, такъ и была уложена въ постель въ нарядѣ и брилліантахъ ¹⁾). Надо было бы ожидать, что въ такой депотической обстановкѣ и дѣти проникнутся духомъ отца; на дѣлѣ вышло нѣсколько иное: Левъ Александровичъ озаботился дать обомъ сыновьямъ тонкое и блестящее, по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. домашнее французское воспитаніе, и характеръ старшаго сына сложился—безпечный, общительный и мягкій, тогда какъ у младшаго сына, Сергѣя Львовича, унаслѣдованное отъ отца самодурство, при искусственно-привитой безалаберности, нерѣдко брало верхъ надъ природнымъ добродушіемъ.

II.

Прослуживъ нѣкоторое время, подобно брату своему, въ Екатеринбургской гвардіи, Василий Львовичъ женился на Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцевой, но въ 1802 году, 32-хъ лѣтъ отъ роду, уже развелся съ нею ²⁾ и посѣшилъ укатить за-границу. Тамъ, въ доворотѣ европейской жизни, могъ онъ забыться отъ семейной своей разладницы; тамъ собственноручно могъ срывать самыя свѣжіе цвѣты всякихъ модъ и новостей. Другъ и пріятель его, Ив. Ив. Дмитріевъ, подтрунивая надъ его ожиданіемъ предстоящихъ впечатлѣній, написалъ стихотворную шутку, напечатанную имъ впоследствии (въ 1807 г.) для раздачи знакомымъ: „Путешествіе г. Пушкина въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія“. Начало шутки такое:

„Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ.
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе
Мой маленькій журналъ читать.
Я былъ въ лицей, пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ,
Стоялъ близехонько къ нему,
Не вѣря счастью моему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамьѣ;
Я видѣлъ корпусъ мамелюковъ,
Сісса, Вѣстриса, Мерсьѣ...“

Ожиданія, однако, не обманули Василия Львовича. Начитанность, свѣтскій лоскъ и прирожденное остроуміе открыли ему въ Парижѣ доступъ въ міръ тамошнихъ литераторовъ, которые приняли его въ среду свою тѣмъ охотнѣе, что видѣли въ немъ одного изъ своихъ. Зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ, онъ помѣстилъ въ журналѣ графа Сегюра—„Archives littéraires“, въ переводѣ, нѣсколько

¹⁾ „Соч. А. С. Пушкина“, изд. 1855 г., т. V. Примѣч. къ „Запискамъ“, стр. 108.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1879 г., № 4-й. Примѣч. къ письмамъ кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову, стр. 509.

народныхъ русскихъ сказаній и сказокъ, которыя извѣстный Сень-Пьеръ сравнивалъ съ пѣснями Гомера; о заслугахъ же своихъ на российскомъ Парнасѣ Василий Львовичъ, конечно, не преминулъ при случаѣ вернуть словцо-другое. Заграничная поѣздка, впрочемъ, принесла ему и осязаемый плодъ: вернувшись въ 1803 году въ Москву, онъ привезъ съ собою цѣлую бібліотеку избранныхъ книгъ ¹⁾. Поселившись теперь почти безвыѣздно въ Москвѣ, онъ, какъ человѣкъ одинокій послѣ своего неудачнаго супружества, усвоилъ себѣ всѣ привычки холостяка-бонвивана. Со времени своего „воляжа“ еще болѣе ярнй поклонникъ всего иностраннаго, онъ щеголялъ разными новинками и первый, напр., еще до нашествія французовъ, завелъ у себя обычай разносить передъ ужинкомъ „сопсомпнѣ“ — бульонъ въ чашкахъ ²⁾. Игривый и занимательный, большой охотникъ и мастеръ писать „bouts rimés“ (стихи на заданныя рѣзны) и декламировать, онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Сергѣемъ Львовичемъ, специалистомъ по части домашнихъ спектаклей и салонныхъ игръ (jeux d'esprit), были душою и представителями цѣлаго круга высшаго московскаго общества.

На бѣду свою, Василий Львовичъ, состоя на дружеской ногѣ съ такими корифеями литературы, какъ Карамзинъ, Жуковский, Дмитриевъ, Ватушковъ, которыхъ ввелъ и въ семью своего брата, вообразилъ себя также первокласснымъ стихотворцемъ, — чѣмъ притовилъ себѣ въ жизни немало горькихъ минутъ. Наибольшую извѣстность пріобрѣлъ онъ своею сатирическою поэмою — „Опасный сосѣдъ“; но поэма эта, какъ говорятъ, была дѣломъ не исключительно его рукъ: болѣе талантливыя друзья его, особенно Жуковский, дали ей окончательную отдѣлку ³⁾. Въ изданное княземъ Шаликовымъ въ 1834 г., уже послѣ смерти Василя Львовича, собраніе стихотвореній послѣдняго вошли: 1) Посланія (къ В. А. Жуковскому, Д. В. Дашкову, князю П. А. Вяземскому, брату и др.); 2) Васни; 3) Сказки; 4) Смѣсь (элегіи, пѣсни, романсы, эпиграммы, альбомные стихи, экспромты). Многие изъ стиховъ этихъ плавны и легки; но по внутреннему содержанию и по поэтическому вдохновенію, ни одна пѣса не выходитъ за уровень посредственности. Пріятели, относясь къ музѣ Василя Львовича вообще снисходительно, не упустили, однако, всякаго удобнаго и неудобнаго случая изощрять на немъ свое остроуміе. А. Ѳ. Воейковъ въ своемъ сатирическомъ „Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ“ ⁴⁾ благодушно аттестуетъ его:

¹⁾ „Отеч. Записки“ 1853 г., № 11-й. Ст. П. Бартенева, стр. 11—12.

²⁾ „XIX Вѣкъ“. Кн. 2-я. „Старая записная книжка“ (князя П. А. Вяземскаго). Стр. 270.

³⁾ „Алекс. Серг. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“. П. Анненкова, стр. 8.

⁴⁾ „Парнасскій Адресъ-Календарь, или роспись чиновныхъ особъ, служащихъ при дворѣ Феба и въ нижнихъ земскихъ судахъ Геликона, съ краткими замѣчаніями

„В. Л. Пушкинъ, при водяной коммуникаціи, имѣеть въ петлицѣ листочекъ лавра, съ надписью: „за Буянова“.

Зато литературные враги задѣвали его куда больнѣе. Въ появившемся въ № 12-мъ „Цвѣтника“ 1810 г. посланіи Василя Львовича къ Жуковскому съ нѣкоторою неумѣренностью перечислялись разные древніе писатели:

„Виргилій и Омеръ, Софокль и Эврипидъ,
Горацій, Ювеналь, Саллустій, Фукидидъ—
Знакомы стали намъ“...

Вдругъ одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ недруговъ его (А. С. Шишковъ) громогласно въ академіи наукъ отзывается объ немъ такъ:

„Сіи судьи и стихотворцы въ посланіяхъ своихъ зываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Фукидидамъ, затвердя одни только имена ихъ, и—что всего удивительнѣе—научась благочестію въ „Кандидѣ“ и благонравію и знаніямъ въ парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества и, обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о наукахъ и просвѣщеніи.“¹⁾

Василя Львовича взорвало—и во 2-мъ посланіи своемъ къ Дашкову онъ отвелъ ударъ довольно мѣтко:

„...Не улицы однѣ, не площади и дома,—
Сенъ-Пьеръ, Делиль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы:
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился русскимъ быть, и русскій былъ прямой....
Что съ восхищеніемъ читалъ я Фукидида,
Тацита, Плинія и—признаюсь, Кандида...
...За что-жь мы на востеръ съ тобой осуждены?...
За то, что мы съ тобой Лагарпа понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ, но по-славянски знаемъ.“

Въ другомъ посланіи, къ ***, онъ высказывается о себѣ еще съ болѣшимъ самосознаніемъ:

„Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, труждаясь надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ;
Я злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ.“

объ ихъ жизни и заслугахъ. Собрано изъ достовѣрныхъ источниковъ, для употребленія въ благошляхетномъ Арзамасскомъ Обществѣ“. „Русская Старина“ 1874 г. № 3-й. Стр. 614.

¹⁾ „Стихотворенія В. Л. Пушкина“. „Предувѣдомленіе“ ко 2-му посланію къ Д. В., Дашкову.

III.

Придавая себѣ такое высокое литературное значеніе, Василій Львовичъ къ начинающимъ литераторамъ относился вообщемъ по-мещенатски благосклонно и приглашалъ ихъ къ себѣ на чай, на обѣдъ ¹⁾. Только въ племянникѣ своемъ онъ долгое время не хотѣлъ признавать поэтическаго дара, чуя, быть можетъ, безотчетно, что будущая свѣтозарная звѣзда племянника совершенно затмѣитъ его собственный слабый свѣточъ. Онъ не замѣчалъ, не хотѣлъ замѣчать, какъ на литературныхъ вечерахъ брата его, Сергѣя Львовича, скромный кудрявый мальчикъ, прижавшись къ стулу, на которомъ помѣстился тотъ или другой декламаторъ, жадно, съ блестящими глазами, ловилъ съ устъ декламирующаго каждый звучный стихъ, каждое острое слово. Онъ не придавалъ значенія находчивости ребенка, который на замѣчаніе Дмитриева относительно его африканскаго типа: „Посмотрите, какой арапчикъ!“—не затруднился отвѣтомъ: „Арапчикъ, да не рябчикъ!“ (Дмитриевъ, какъ извѣстно, былъ рябоватъ). Наконецъ, онъ игнорировалъ и первые творческіе опыты мальчугана, по большей части на французскомъ языкѣ, тогда какъ молодая барышня наперерывъ уже подносила ему свои альбомы, чтобы имѣть отъ мальчика-поэта на память хоть одинъ „катренъ“ ²⁾. Все вниманіе Василія Львовича къ племяннику ограничилось тѣмъ, что въ 1811 году, когда онъ, вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ, повезъ его въ Петербургъ и Царское Село для опредѣленія въ лицей, онъ занялъ у него безъ отдачи 100 р., какъ узнаемъ мы изъ слѣдующей юмористической приписки Александра Сергѣевича къ письму своему къ князю П. А. Вяземскому, отъ 15 августа 1825 года, изъ села Михайловскаго:

„При семъ дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

„1811 года, дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Спб., взялъ у меня въ займы 100 рублей ассиг., данные мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей, Варварой Васильевной Чичериной, и покойной тетужкой, Анной Львовой ³⁾. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ ону

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1875 г. № 1-й. „Изъ старой записной книжки.“ Стр. 56.

²⁾ „Современникъ“ 1843 г. Т. XXIX. „Алекс. Серг. Пушкинъ въ дѣтствѣ.“ Статьи Макарова, стр. 379—383.

³⁾ Варвара Васильевна Чичерина—сестра родной бабушки Александра Сергѣевича, Ольги Васильевны Пушкиной, урожденной Чичериной; Анна Львовна Пушкина—сестра Василія и Сергѣя Львовичей, по поводу смерти которой племянникъ написалъ извѣстные стихи:

„Ахъ, тетужка! ахъ Анна Львовна!
Василія Львовича сестра!“

прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взыска­ нія предьявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взыска­ ніе вышеупомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ, что со­ ставляетъ болѣе 200 рублей), то униженно молю его высокоблагоро­ дѣ, милостиваго государя, дядю моего, заплатить мнѣ сіи 200 руб­ лей по долгу христіанскому; получить же онѣя деньги я уполномо­ чиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

„Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ“¹⁾.

Въ эту же повѣзку свою въ Петербургъ, Василий Львовичъ напе­ чаталъ тамъ (въ типографіи Шнора) особую брошюркою два посланія свои: къ Жуковскому и вышеупомянутое 2-е къ Дашкову²⁾.

Въ слѣдующемъ, 1812 году, надъ Василиемъ Львовичемъ стряс­ лась такая гроза, что ему было уже не до племянника: убѣжавъ безъ оглядки передъ французами изъ Москвы въ Нижній, онъ узналъ уже здѣсь о полномъ разгромѣ дорогѣй ему бѣлокаменной и о ги­ бели своей, не менѣе дорогой ему, библіотеки. О нравственномъ со­ стояніи его и общемъ настроеніи московскихъ бѣглецовъ Батюшковъ пишетъ къ кн. Вяземскому изъ Нижняго, отъ 3-го октября 1812 г.:

„Здѣсь я нашелъ всю Москву... Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ³⁾ плачетъ неутѣшно: онъ все потерялъ, кромѣ жены и дѣтей. Василий Пушкинъ забылъ въ Москвѣ книги и сына; книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу вчера могъ прочесть Архаровымъ басню о соловьѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили! У Архаровыхъ собирается вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ дома, кто безъ деревни, кто безъ куска хлѣба, и я хожу къ нимъ учиться фзіономіямъ и тер­ пѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы—и вездѣ глупость. Всѣ жалуются и бранятъ французовъ по-французски, а патриотизмъ заклю­ чается въ словахъ: point de paix!“⁴⁾.

Самъ Василий Львовичъ, два слишкомъ мѣсяца спустя, отъ 14-го декабря 1812 г., все еще не успокоясь, въ письмѣ къ тому же кн. Вяземскому изливаетъ свое горе такъ:

„Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя библіо­ тека—все сторѣло. Я ничего вынести не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности. Что дѣлать? Я благо­ дарю теперь Бога, что Онъ осѣнилъ щитомъ своимъ храбрѣя наши

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I, стран. 159—160.

²⁾ „Московск. Вѣдомости“ 1854 г., № 117-й. „Ал. Серг. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи“. Статья П. Баргенева.

³⁾ Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, переводчикъ Мольера,—родной пле­ мянникъ Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, урожд. Пушкиной (бабушка Александра Сергѣевича) и двоюродный братъ Надежды Осиповны Пушкиной, урожд. Ганнибалъ (матери Александра Сергѣевича).

⁴⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г., „Выдержки изъ старинъ бумагъ Остафьевскаго Архива“. Письма къ кн. П. А. Вяземскому. Стр. 224.

войска, поражающія бѣгущаго злодѣя. Аттила нашего вѣка покрылъ себя вѣчнымъ стыдомъ...

„Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ-Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша... Посылаю тебѣ стихи мои къ жителямъ Нижняго-Новгорода“¹⁾.

Начало стиховъ было неособенно удачно:

„Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жителя бреговъ!“

Зато конецъ былъ очень эффектенъ:

„Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ сильна!
Погибнетъ онъ! Богъ русскій гранетъ!
Россія будетъ спасена!“²⁾

Тѣмъ не менѣе, острякъ Дмитріевъ не преминулъ сравнить друга-поэта съ колодникомъ, который подъ окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, дразнящимъ его³⁾.

Между тѣмъ, талантъ укрытаго въ стѣнахъ царсвосельскаго лица племянника росъ и крѣпъ. Но Василій Львовичъ и по возвращеніи своемъ на старое пепелище, въ Москву, на покоѣ принявшись исподволь возстановлять свою сгорѣвшую библиотеку, все еще не могъ помириться съ молодымъ дарованіемъ. Напротивъ, задѣтый за живое эпиграммами Александра Сергѣевича, отъ него же, дяди, переняшаго страсть къ этимъ стихотворнымъ шалостямъ, онъ въ 1814 г. втиснулъ и его, племянника, въ эпиграмму, которую считалъ, конечно, убійственною:

„Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ)
Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ розо-желтой облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и наконецъ спросилъ:
„Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,
И оды громкія давно ли сочиняетъ?“
— Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ.
„Пятнадцать только лѣтъ?“—Не болѣе того.
„Такъ розгами его!“

Отвѣтная эпиграмма была, однако, еще злѣе. Но такъ какъ въ печати она появилась только въ 1830 году (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“), то надо думать, что Александръ Сергѣевичъ, хотя и напи-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г. Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафевскаго Архива. Письма къ кн. П. А. Вяземскому. Стр. 241—242.

²⁾ Тамъ же. Стран. 243.

³⁾ Тамъ же. Подстрочное прим. кн. Вяземскаго.

салъ ее еще въ 1814 г., но пожалѣлъ тогда дядю; впоследствии же ее только нѣсколько исправилъ, какъ это дѣлалъ онъ съ большею частью своихъ юношескихъ произведеній. Вотъ она:

„Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
 — „Охота есть, да мало мозгу.
 А сколько лѣтъ ему, вопросъ?“
 — Пятнадцать.— „Только-то? Эй, розгу!“
 Засимъ принеси семинаристъ
 Тетрадь лакейскихъ диссертаций,
 И Фебу вслухъ прочежь Горацій,
 Кусая губы, первый листъ.
 Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
 Сердито Фебъ его прервалъ,
 И тотчасъ взрослога болвана
 Поставить въ палки приказалъ.“

Какая разница въ хлесткости и сжатости стиха! Въ четырехъ первыхъ строкахъ своихъ племянникъ сумѣлъ изложить то, на что дядѣ потребовалось 12 болѣе длинныхъ строкъ.

По крайнему добродушію своему, впрочемъ, Василий Львовичъ сердился на племянника не долго. Въ 1815 году онъ довольно благо-склонно уже отзывался объ немъ одному знакомому (Макарову):

„Mon cher, ты знаешь, что я люблю Александра; онъ поэтъ, поэтъ въ душѣ; mais je ne sais pas, il est encore trop jeune, trop libre, и, право, я не знаю, установится ли онъ когда, entre nous soit dit, comme nous autres?“ ¹⁾

Въ 1816 году состоялось, наконецъ, полное примиреніе дяди съ племянникомъ, когда тотъ, въ полустихотворномъ, полупрозаическомъ письмѣ, не безъ лукавства призналъ превосходство дяди „на Парнасъ“:

„Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
 Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
 Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
 На страшной высотѣ Парнаса,
 Защитникъ вкуса, грозный „Вотъ!“
 Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
 Веселья прежняго желанье,
 И слабый сердца переводъ —
 Въ стихахъ и прозою посланье.

„Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

„Я несовсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
 Отъ риемъ бакхическихъ шатаюсь на Пегасѣ:
 Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
 Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:

¹⁾ „Современникъ“ 1848 г. Т. XXIX. „Алек. Серг. Пушкинъ въ дѣтствѣ“. Статья Макарова, стр. 382.

Вы дядя мнѣ и на Парнасъ“...

„О вы, которые умѣли
Любить, объѣдать и писать —
Скажите искренне: ужели
Вы не умѣете прощать?“¹⁾

IV.

Теперь обратимся къ самому „Арзамасу“, какъ къ кульминаціонной точкѣ „парнасской“ жизни Василя Львовича.

Первымъ, невольнымъ виновникомъ образованія этого литературнаго кружка долженъ почитаться Н. М. Карамзинъ, хотя самъ онъ лично никогда никакого участія въ немъ и не принималъ. Своими „Письмами русскаго путешественника“, написанными легкимъ, почти разговорнымъ языкомъ, онъ сразу завоевалъ себѣ симпатіи большей части русскаго образованнаго общества, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступилъ въ открытую борьбу и съ стариннымъ слогомъ. Новаторство въ родной рѣчи отождествлялось тогда вообще съ свободомысліемъ. Глава совершенно новаго литературнаго направленія, онъ возсталъ противъ себя не только сивилить тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей, въ настоящее время давно уже забытыхъ, но и цензуру. Съ 1791 по 1803 годъ онъ выпустилъ цѣлый рядъ сборниковъ и журналовъ. По поводу затрудненной, представлявшейся ему по изданію „Пантеона иностранной словесности“, онъ, отъ 27-го іюля 1798 года, пишетъ Дмитріеву: „Я перевелъ нѣсколько рѣчей Демосеена, которыя могли бы украсить „Пантеонъ“; но цензоры говорятъ, что Демосеенъ былъ республиканецъ и что такихъ авторовъ переводить не должно, и Цицерона также, и Саллустія также... Grand Dieu! Что же выйдетъ изъ моего „Пантеона“? Планъ издателя разрушился. Я хотѣлъ для образца перевести что нибудь изъ каждаго древняго автора“²⁾. Въ августѣ того же года онъ жалуется тому же Дмитріеву: „Только цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придирается...“; а въ письмѣ отъ 11-го октября: „Я, какъ авторъ, могу исчезнуть заживо...“³⁾.

Изъ числа же литературныхъ противниковъ противъ него всего враждебнѣе выступилъ Шишковъ, написавшій въ 1803 году цѣлую книгу: „О старомъ и новомъ слогѣ“. По неотступному настоянію Дмитріева, Карамзинъ заготовилъ пространную отвѣтную статью, которую Дмитріевъ и остался очень доволенъ; но когда чтеніе статьи окончилось, Карамзинъ сказалъ: „Ну, вотъ видишь, я сдержалъ свое

¹⁾ „Соч. А. С. Пушкина“, изд. 1855 г., т. II, стр. 126—127.

²⁾ „Ник. Мих. Карамзинъ. Матеріалы для біографіи“. М. Погодина. Стр. 281.

³⁾ Тамъ же, стр. 280.

слово: и написалъ, исполнилъ твою волю. Теперь ты позволи мнѣ исполнить мою"—и бросилъ тетрадь въ каминъ ¹⁾).

Странный поступокъ этотъ объясняется просто тѣмъ, что Карамзинъ навсегда уже покончилъ свои счеты съ текущею литературою. Именнымъ указомъ отъ 31-го октября 1803 года онъ былъ назначенъ историографомъ и въ этомъ званіи, какъ авторъ „Исторіи Государства Россійскаго“, стяжалъ такую же славу, какъ передъ тѣмъ въ качествѣ преобразователя русскаго литературнаго языка.

Журналистика наша послѣ него снова на нѣкоторое время пала, и въ 1805 году, напримѣръ, было возможно такое объявленіе одного журнала—„Дамскаго“: „Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ россійскимъ дамамъ, въ слѣдующемъ 1806 году будетъ издаваться ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ „Дамскій Журналъ“. Главнымъ предметомъ будетъ нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью“ ²⁾.

Сторонники „старого слога“ также подняли голову и въ 1811 г., въ видахъ поддержки его, основали въ Петербургѣ „Бесѣду любителей россійскаго слова“. Засѣданія общества отличались большою торжественностью и происходили ежемѣсячно въ квартирѣ Державина. Въ нихъ принимали участіе: Шишковъ, Озеровъ, Крыловъ, князь Шаховской, Гречъ, Востоковъ, Глинка, Каченовскій, графъ Хвостовъ.

Но послѣ Карамзина осталась цѣлая школа задорныхъ новобранцевъ, поборниковъ „новаго слога“: Дмитріевъ, Воейковъ, Гнѣдичъ, Блудовъ, Дашковъ, А. И. Тургеневъ, Жихаревъ, князь Вяземскій, Батюшковъ и, впереди всѣхъ, Жуковскій. Живымъ протестомъ противъ безжизненной, ходульной „Бесѣды“ возникъ изъ петербургскихъ протестантовъ веселый до ребячества „Арзамасъ“. Ближайшимъ поводомъ къ образованію его, по словамъ г. Анненкова, послужилъ шуточный разсказъ—„Видѣніе во градѣ“: „Въ разсказѣ переданъ былъ анекдотъ о нѣкоторыхъ скромныхъ людяхъ, собравшихся разъ на обѣдъ въ бѣдный арзамасскій трактиръ. Столъ ихъ былъ покрытъ скатертью бѣлизны несомнѣемъ безпорочной и нисколько не былъ отягощенъ изобиліемъ брашенъ. Въ среднѣй бесѣды прислужникъ возвѣстилъ имъ, что какой-то проѣзжій остановился въ трактирѣ и, по видимому, находится въ магнетическомъ снѣ. Хотя любопытство и приписывается исключительно прекрасному полу, но друзья „Арзамаса“ доказали противное. Они отправились наблюдать новаго ясно-видящаго у дверей и увидѣли высокаго, толстаго человѣка, который ходилъ безпрестанно по комнатѣ, произнося непонятныя тирады и афоризмы. Послѣдніе они тутъ же записали, но скрыли всѣ собственныя имена, потому что незлобивость и добродушіе составляли и со-

¹⁾ „Ник. Мих. Карамзинъ. Матеріалы для біографіи“. М. Погодина. Стр. 394—395.

²⁾ „Записки современника съ 1805 по 1819 годъ“. Ч. I. Дневникъ студента (С. П. Жихарева). Стр. 92.

ставляютъ отличительную черту „Арзамаса“. Едва разнеслась эта шутка, въ которой не трудно было отгадать всѣ тонкіе намеки ея, какъ авторъ получилъ приглашеніе отъ одного изъ своихъ друзей на первый арзамасскій вечеръ ¹⁾, который и состоялся 14-го октября 1815 года ²⁾. Секретаремъ общества былъ избранъ Жуковский,—не только „гробовыхъ дѣлъ мастеръ“, какъ величали его пріатели по балладамъ, но и „шуточныхъ и шутовскихъ дѣлъ мастеръ“, по мѣткому выраженію князя Вяземскаго ³⁾. Каждый изъ членовъ общества получалъ тутъ же прозвище изъ балладъ Жуковского, которыя подвергались особеннымъ нападкамъ „бесѣдчиковъ“. Дашковъ былъ названъ „Чу!“, Блудовъ (впослѣдствіи графъ) — „Кассандроу“, Жихаревъ — „Громобоемъ“, Северинъ — „Рѣзвымъ котомъ“, Гнѣдичъ — „Гнѣдко“, по стику изъ „Овсянаго киселя“:

„Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ.“

Самъ Жуковский былъ окрещенъ „Свѣтланой“.

Впрочемъ, въ „Арзамасѣ“ не ограничивались одними этими кличками: Дашкова, державшаго себя всегда сдержанно и важно, неимѣвшаго въ правильныхъ и строгихъ чертахъ своихъ рѣшительно ничего женственнаго, Жуковский назвалъ „Дашенькою“, а Ватюшкова, напротивъ, за его птичій носъ, „Попенькою“ ⁴⁾.

Изъ юмористическаго письма Д. В. Дашкова, отъ 25-го ноября 1815 года, къ князю Вяземскому въ Москву мы узнаемъ любопытныя подробности объ обычаяхъ арзамасцевъ: „...Изъ великодушія и чистѣйшей любви къ ближнимъ (хотя ближніе сіи часто бываютъ черзуръ глупы), мы положили, чтобы каждый новопринимаемый членъ выбиралъ для первой рѣчи своей одного изъ живыхъ повойниковъ „Бесѣды“ или академіи заимобразно и напрокатъ, и говорилъ бы ему похвальную надгробную рѣчь. До сихъ поръ такихъ мертвецовъ отпѣто у насъ пять, и Свѣтлана превзошла сама себя, отпѣвая пѣтаго и перепѣтаго Хлыстова. То-то была рѣчь! То-то протоколы! Зачѣмъ васъ нѣтъ съ нами! Очередной предсѣдатель у насъ всякую недѣлю новый и по именному указу, какъ въ академіи, отвѣчаетъ оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, „въ которомъ искусно мѣшаетъ похвалы ему съ похвалами усопшему“ (выраженія церемоніала). Опять новое торжество для Свѣтланы! Ей пришлось принимать Громобоя-Жихарева, который, бывши прежде сотрудникомъ „Бесѣды“, долженъ былъ, по общему постановленію, отпѣвать самъ себя. Поле было, конечно, богатое, но исполненіе превзошло ожиданія

¹⁾ „Соч. А. С. Пушкина“ (изд. 1855 г.). Т. I. „Матеріалы для біографіи“. Стр. 50.

²⁾ „Москов. Вѣдомостя“ 1854 г., № 119-й. „Ал. Серг. Пушкинъ. Матеріалы для біографіи“. Ст. П. Баргенева.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1876 г., № 1-й. „Изъ старой записной книжки“ (князя Вяземскаго). Стр. 63.

⁴⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г. „Выдержки изъ стар. бумагъ Остафьевскаго Архива“. Примѣч. князя Вяземскаго на стр. 490.

наши. Атрей ¹⁾ представленъ былъ въ видѣ нѣкоего царственнаго вождя на лицѣ бывшего поганого бесѣдника, а остальные 27 трагедій, комедій, трагикомедій, драмъ, оперъ и водевилей, сочиненные и переведенные имъ, представлены вождями и сыщю, окружающими большой наростъ. Словомъ, было чего послушать. Неотѣненный секретарь нашъ недаромъ жилъ такъ долго съ Плещеевымъ ²⁾ и удивительно наострился въ галиматьѣ. Любимое его выраженіе: „Арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ“. Судите о прочемъ. Пріѣзжайте скорѣе къ намъ хоть недѣли на двѣ. Выберите себѣ по сердцу повойника и похороните его съ миромъ въ стеклянномъ гробѣ нашемъ ³⁾. Въ этомъ же письмѣ Дашковъ увѣдомляетъ князя Вяземскаго, что тотъ выбранъ въ сочлены „Арзамаса“ „rag acclamation“ въ самое первое собраніе. Присвоенное новому члену прозвище было „Асмодей“.

Изъ литературныхъ шалостей „Арзамаса“ приведемъ здѣсь встать двѣ:

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Се—Росска Флакка зрякъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Выспрь быстро, какъ птица царь, несъ звукъ ⁴⁾ на Геликонъ;
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ читателя Хвостова ⁵⁾,
Кой поле испестрилъ російска красна слова.

ДОЖДЬ.

П р и т ч а ⁶⁾.

Однажды

Шелъ дождикъ дважды...

Гласитъ мужикъ:

„О, Зевсъ великъ!

Подчасъ и я не прочь, чтобъ дождикъ шелъ на время,

Но если два дождя, то ужъ несносно бремя.“

Зевесъ ему въ отвѣтъ на то гремитъ:

— Послушай, братъ! ты жидъ;

Но христіанинъ будь, спроси лягушекъ племя.

Я зрю, что мѣтится твое плѣшиво темя,

Но зрю, что и съ засухъ у нихъ спина болитъ.—

* * *

Когда бъ Зевесу внять, что вопіють нѣмчурки,

Французы, итальянцы, турки,

Пришлось ему играть бы въ жмурки ⁷⁾.

¹⁾ Жихаревъ перевелъ трагедію Кребильона „Атрей“.

²⁾ Плещеевъ, родственникъ Карамзина и позднѣе пріятель Жуковскаго, который жила у него въ орловской деревнѣ, мастеръ былъ импровизировать вслякую чепуху и представлять въ лицахъ смѣшныхъ провинціаловъ, старухъ женщинъ и т. п. Къ тому же онъ былъ хорошій музыкантъ, перележилъ на музыку многіе романсы Жуковскаго, былъ отличный актеръ и превосходный чтець, особенно драматическихъ произведеній (Примѣч. князя Вяземскаго).

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г. „Видержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива“. Стр. 499—500.

⁴⁾ Варіантъ: „Какъ птица царь, порхъ верхъ“.

⁵⁾ Варіантъ: „Графова“.

⁶⁾ Притчи писаны въ подражаніе притчамъ графа Хвостова, которыя были настольною и потѣшною книгою въ Арзамасѣ. Жуковскій всегда держалъ ее при себѣ и черпалъ въ ней нерѣдко свои арзамасскія вдохновенія. (Примѣчаніе Вяземскаго).

⁷⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 478—474.

Чести принятія въ составъ „Арзамаса“ удостоились и оба Пушкина: дядя уже два мѣсяца послѣ открытія общества, племянникъ же спусти два года.

V.

Едва лишь до Василія Львовича въ Москвѣ донеслась вѣсть объ основаніи новаго общества, которое должно было смѣхомъ и шуткой сбить дутую важность съ „бесѣдчиковъ“, а въ числѣ ихъ и съ осмѣивавшаго его самого Шишкова, какъ онъ тогда же, въ декабрѣ 1815 г., поскакалъ въ Петербургъ ¹⁾. Но недаромъ онъ выразился разъ о пріятеляхъ своихъ:

„Ихъ дружество почти на ненависть похоже“.

Его встрѣтили, правда, съ распростертыми объятіями; но увѣрили при этомъ, что всякій вновь вступающій въ „арзамасское“ общество членъ долженъ предварительно подвергнуться извѣстному искусу. Будучи, подобно большинству тогдашней интеллигенціи, масономъ, Василій Львовичъ, пройдя уже въ масонствѣ чрезъ цѣлый рядъ испытаній и мытарствъ, въ простодушіи своемъ не заподозрилъ искренности друзей и съ покорностью далъ совершить надъ собою всѣ таинства посвященія.

На крестины новорожденного барыня-Арзамасъ первымъ дѣломъ потребовала весь туалетъ—и заочно дремавшіе кругомъ члены „Бесѣды“ очнулись и вскочили съ кресель ²⁾. Ему повязали глаза и, какъ „бѣдные читатели блуждаютъ въ мрачномъ лабиринтѣ славенскихъ періодовъ, отъ страницы до страницы вялые свои члены протирающихъ, какъ досточудные внуки сѣдой Славены добровольно ниспускаются въ бездны безвкусія и бессмыслицы“,—такъ онъ, „съ непроницаемою повязкою на глазахъ, блуждалъ по опустѣвшимъ чертогамъ“, „такъ ниспускался въ глубокія пропасти между гіеннами, онаграми, между халдеями „Бесѣды“ и академія“ ³⁾. Наконецъ, его повалили на диванъ и накрыли всѣми наличными шубами, изображавшими „Расхищенныя шубы“ кн. Шаховскаго, и надъ задыхающимся подъ ними секретарь „Свѣтлана“ (Жуковскій) произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Какое зрѣлище передъ очами моими? Кто сей, обремененный толикими шубами страдалецъ? Сердце мое говоритъ, что это почтенный В. Л. Пушкинъ, тотъ Василій Львовичъ, который снисшелъ съ своею музою, чистю дѣвою Парнаса, въ обитель нечистыхъ барышенъ покушенія, и вывелъ ее изъ сего

¹⁾ При этомъ, впрочемъ, нелишне указать здѣсь, для характеристики Василія Львовича, что самъ онъ принималъ передъ тѣмъ нѣкоторое участіе въ „Бесѣдѣ“ и сотрудничествовалъ въ „Академическихъ Извѣстіяхъ“, какъ будетъ видно ниже.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1876 г. № 1-й. „Изъ Старой записной книжки“. Стр. 63—64.

³⁾ Тамъ же. Стр. 65.

вертепа не осрамленною, хотя и „близокъ былъ сундукъ“¹⁾; тотъ Василий Львовичъ, который видѣлъ въ Парижѣ не одни переулки, но г. Фонтана и г. Дельи²⁾; тотъ Василий Львовичъ, который могуществомъ генія обратилъ дороднаго Крылова въ легкокрылую малиновку³⁾. Все это говоритъ мнѣ мое сердце. Но что же говорить мнѣ мои очи? Увы! Я вижу предъ собою одну только груду шубъ. Подъ сею грудою существо друга моего, орошенное холоднымъ потомъ. И другу моему не жарко. И не будетъ жарко, хотя бы груда сія возвысилась до Олимпа и давила его, какъ Этна Энцилада. Такъ точно! Сей Василий Львовичъ есть Энциладъ: онъ славно вооружился противъ Зевеса—Шутовскаго⁴⁾ и пустилъ въ него утесистый стихъ, раздавившій ему чрево. Но что же? Сей издыхающій Зевесъ насладя на него, смиренно пѣшествовавшего къ „Арзамасу“, мятель „Расхищенныхъ шубъ“. И не спасла его дѣвственная муза, мать „Буянова“. И лежитъ онъ подъ страшнымъ сугробомъ шубъ прохладительныхъ. Очи его постигла курячья слѣзота „Бесѣды“; тѣло его покрыто проказою сотрудничества, и въ членахъ его пакостъ „Академическихъ Извѣстій“, издаваемыхъ г. Шишковымъ. О, другъ нашъ! Скажу тебѣ просто твоимъ же непорочнымъ стихомъ: „терпѣніе, любезныи!“ Оіе испытаніе, конечно, есть мада справедливая за нѣкіе тайные грѣхи твои. Когда бы ты имѣлъ совершенную чистоту арзамасскаго гуся, тогда бы прямо и безпреставленно вступилъ въ святилище „Арзамаса“; но ты еще скверенъ; еще короста „Бесѣды“, покрывающая тебя, несовсѣмъ облупилась. Подъ сими шубами испытанія она отдѣлится отъ твоего состава. Потерпи, потерпи, Василий Львовичъ. Привасаюсь рукою дружбы къ мученической главѣ твоей. Да погибнетъ вѣткій Василий Львовичъ! Да воскреснетъ другъ нашъ возрожденный „Воты!“ Разсыптесь, шубы! Возстань, другъ нашъ! Гряди къ „Арзамасу“! Путь твой труденъ. Ожидаетъ тебя испытаніе. „Чудище обло, озорно, трезвѣвно и лаяй“ ожидаетъ тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пнеона, облобызай сову правды, прикоснись къ лирѣ мщенія, умойся водою потока и будешь достоинъ вкусить за трапезою отъ арзамасскаго гуся, и онъ войдетъ въ святилище желудка твоего безъ перхоты и изыдетъ изъ онаго безъ натуги⁵⁾.

Новокрещенному „Воту“ былъ врученъ „лукъ Ионафана“. Таинственная дверь раскрылась и очамъ испытуемаго предстало „чудище обло, озорно, трезвѣвно и лаяй“, иначе: чучело „съ блѣднымъ, изсохшимъ ликомъ славнофила“. Натянувъ тетиву, онъ пустилъ стрѣлу—и чучело упало; но въ то же мгновеніе стоявшій за чучеломъ мальчикъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета—конечно, холостымъ зарядомъ. Неприготовленный къ такому сюрпризу, Василий Львовичъ грохнулся на земь и, воображая себя уже убитымъ, такъ и остался недвижимъ⁶⁾.

Тутъ „Рѣзвый котъ“ (Северинъ) сказалъ надъ поверженнымъ прочувствованное слово, въ которомъ, сравнивая его съ „предкомъ его Дантомъ, ведомымъ божественнымъ Виргиліемъ въ подземные

¹⁾ Изъ поэмы „Опасный сосѣдъ“.

²⁾ Намекъ на вышеприведенный отзывъ объ немъ Шишкова и 2-е посланіе къ Дашкову.

³⁾ Василий Львовичъ въ баснѣ „Соловей и Малиновка“ сравнивалъ Крылова съ малиновкою.

⁴⁾ Шутовскій—Шаховской.

⁵⁾ „Русскій Архивъ“ 1876 г. № 1-й. Стр. 63—64.

⁶⁾ „А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія“, изд. 1864 г. Стр. 25—26.

подвалы царства Плутона и Прозерпины“, совѣтоваль ему не стра-
шиться и смѣлыми шагами продолжать свой путь.

Василій Львовичъ, ободрившись, приступилъ къ дальнѣйшимъ
тайнствамъ—цѣлованію лиры и совы, „сей вѣрной подруги арзамас-
скаго гуся, въ которой истинные арзамасцы чтятъ изображеніе сокро-
венной мудрости“, а затѣмъ, съ замороженнымъ „благолѣпнымъ“ гу-
сѣмъ, симъ „истиннымъ символомъ Арзамаса“ въ рукахъ, окунулся
въ „потокъ Липецкій“, т. е. въ „Липецкія Воды“ вн. Шаховскаго,
или, по-просту, въ лохань, дабы „омыть остатки бесѣдныхъ северны“.
Цѣлованіе сопровождалось неизбѣжною рѣчью, именно члена „Чу!“
(Дашкова), а омовеніе—рѣчью „Кассандры“ (Блудова). Послѣднее
слово принадлежало, по окончаніи всѣхъ испытаній, младшему члену—
„Асмодею“ (князю Вяземскому), сказавшему, между прочимъ, слѣ-
дующее:

„Непостижими приговоры Провидѣнія! Я, юный ратникъ на полѣ жизни,
младшій на поляхъ „Арзамаса“, приѣмлю кого? Герод, послѣдшаго въ буряхъ
жизнейскихъ, прославившагося давно подъ знаменами вкуса, ума—и „Арзамаса“!
Того, который первый водрузилъ хоругвь независимости на башняхъ халдей-
скихъ, первый прервалъ безмолвіе робости, первый вырвалъ перо изъ крыла
безвѣстнаго еще тогда арзамасскаго гуся, и пламенными чертами написалъ
манifestъ о войнѣ съ противниками подъ именемъ посланія къ „Свѣтланѣ“,
и продолжалъ послѣ вызывать враговъ на частыя битвы, битвы трудныя, но
навсегда увѣнчавшія сына арзамасской крѣпости новою славою, новыми тро-
феями, новыми залогамъ побѣды... Приди, о мой отецъ! О, мой сынъ, побѣ-
дившій всѣ испытанія, переплывшій бурныя пучины водъ... Судьба, отворив-
шая тебѣ двери святилища послѣ всѣхъ и, такъ сказать, замыкающая тобою
торжественный рядъ арзамасскихъ гусей, хотѣла оправдать знаменитое пред-
сказаніе, что нѣкогда первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми. Сердце
мое и разсудокъ удостовѣряютъ меня въ справедливости моей догадки. Такъ!
Ты будешь староста „Арзамаса“...

Смиренно подчинившись всѣмъ вступительнымъ искусамъ, неопитъ
нашъ съ тою же искренностію произнесъ и свою отвѣтную рѣчь,
которую мы приводимъ также въ извлеченіи:

„Правила почтеннѣйшаго нашего сословія повелѣвають мнѣ, любезнѣйшіе
арзамасцы, совершить себѣ самому надгробное отпѣваніе ¹⁾; но я не считалъ
себя умершимъ. Напротивъ того, я воскресъ, ибо нахожусь среди васъ; я
воскресъ, ибо навсегда оставляю мертвыхъ умомъ и чувствами. Не мертвъ
ли духомъ и умомъ тотъ, который почитаетъ Омира и Виргилія скотами, ко-
торый не позволяетъ переводить Тасса и въ публичномъ, такъ-называемомъ
ученомъ, собраніи ругаетъ Горациа? Не мертвъ ли чувствами и тотъ, который
прекрасныя баллады почитаетъ твореніемъ уродливимъ, а самъ пишетъ уро-
дливыя оды и не понимаетъ того, что ему предстоятъ не рукописанія, но
свистки и Мидасовы уши...“

„Къ сожалѣнію моему, я исполню сердца любезныхъ арзамасцевъ чв-
ствительною горестію. Я возвѣщу вамъ кончину юноши ²⁾, въ дѣтствѣ ума и
дѣтствѣ тѣлесномъ пребывающаго, юноши достойнѣйшаго, питомца великаго

¹⁾ За то, что онъ принадлежалъ прежде къ „бесѣдникамъ“.

²⁾ Новый арзамасецъ выбралъ себѣ для отпѣванія изъ здравствованныхъ членомъ
„Бесѣды“ моряка князя Шихматова.

патріарха халдеевъ ¹⁾, утверждающаго, что тротуары должны называться пѣшниками, а жареный гусь—печениною; юноши, которому кортикъ не препятствовалъ держать въ рукѣ перо на безславіе литературы, но во славу достоестной „Бесѣды“...

„Горація свѣщи, обернутыя въ „Письма схирика“, освѣщаютъ воздвигнутый усопшему катафалкъ. „Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ“ служить ему возглавіемъ, „Разсужденіе объ одѣхъ“—въ десницѣ его, „Бдѣнія Тассовы“, „Похвальные слова“ и переводы „Андромахи“, „Ифигенія“, „Гамлета“ и „Китайской сироты“ лежать у подножія гроба. Патріархъ халдеевъ изрыгаетъ корни словъ въ ужасной горести своей. Онъ, уныло преклонивъ сѣдожелтую главу свою, машетъ надъ лежащимъ въ гробѣ „Извѣстіями академическими“ и кадитъ въ него „Прибавленіемъ“ къ „Прибавленіямъ“. Онъ не чувствуетъ, что тѣмъ лишь умножаются печаль, скука и угрюмость друзей, хладный трупъ окружающіхъ. Плодовитый творецъ безчисленныхъ и безмысленныхъ одъ, палячъ Дедрео и Расина ²⁾, стоитъ смиренно надъ гробомъ и, осыпая умершаго грязью и табакомъ, бормочетъ стихи въ похвалу его. Увы! Онъ еще сплелъ ихъ до кончины несчастнаго, успѣлъ напечатать, ибо любить „писать стихи и отдавать въ печать“, раздастъ ихъ сотоварищамъ своимъ—и сотоварищи его не читаютъ ихъ! Секретарь „Бесѣды“, ничего никогда не сочинившій и едва знающій грамотѣ, бѣснуясь топаеетъ ногами и стучитъ врючковатою тростию. Толсточреватый сочинитель „Липецкихъ Водъ“ кропитъ ими въ умершаго и тичится согрѣть его овчинными „Шубами“ своими. Но все тщетно: онъ лежитъ бездыханенъ! Давно ли я, дерзновенный, воспѣвалъ невиннаго юношу, именуя его „варягороссомъ“, и „кумомъ славенофила“? И се успѣ! Длинные уши его повисли, уста охладѣли, ноги протянулись. Стихотворенія пѣснопѣвца, въ которыхъ столь мало глаголовъ и столь много пустоглаголанія, останутся навсегда въ подвалахъ Глазунова и Заикина, останутся на сѣдѣніе стихожаднымъ крысамъ, и даже самъ патріархъ халдейскій забудетъ о нихъ! O, vanitas vanitatum et omnia vanitas!

„Почтеннѣйшіе сограждане Арзамаса! Я не буду исчислять подвиговъ вашихъ. Они всѣмъ извѣстны. Я скажу только, что каждый изъ васъ приводитъ сочлена „Бесѣды“ въ содроганіе, точно такъ, какъ каждый изъ нихъ производитъ въ собраніи нашемъ смѣхъ и забаву. Да вѣчно сіе продолжится!.. Пусть смѣхи вѣчно останутся смѣхами: мы вѣчно будемъ удивляться многоплоднымъ ихъ произведеніямъ, вѣчно отпѣвать ихъ, вѣчно забавляться ихъ трагедіями, плавать и зѣвать отъ ихъ комедій, любоваться вѣжностію ихъ сатиръ и колкостию ихъ мадригаловъ. Вотъ чего я желаю, и чего вы, любезнѣйшіе товарищи, должны желать непрестанно для утѣшенія и чести Арзамаса“ ³⁾.

Предъ такою блистательною рѣчью новаго члена, и слогомъ и содержаніемъ вполне отвѣчавшей традиціямъ „Арзамаса“, старые члены по-неволѣ должны были сложить оружіе, и Василій Львовичъ, названный выше въ рѣчи кн. Вяземскаго „старостою Арзамаса“, такъ и сохранилъ за собою этотъ титулъ, на раду съ кореннымъ прозвищемъ своимъ „Вотъ!“

Приѣмъ молодаго племянника почтеннаго „старости“ въ число арзамасцевъ послѣдовалъ уже по выходѣ Александра Сергѣевича изъ лица, въ октябрѣ 1817 года. Вступительную рѣчь свою разрѣшено

¹⁾ Т. е. Шишкова.

²⁾ Озеровъ.

³⁾ „Рус. Архивъ“ 1876 г., № 1-й. Стр. 64—70.

было ему, въ видѣ исключенія, прочесть стихами, изъ которыхъ, къ сожалѣнiю, дошли до насъ только слѣдующiе:

„Вънець желанiямъ! Итакъ, я вижу васъ,
О, други смѣлыхъ музъ, о, дивный Арзамасъ!

Гдѣ славилъ нашъ Тиртей кисель ¹⁾ и Александра,
Гдѣ смерть Захарову пророчилъ Кассандра ²⁾...

Имя новому члену было дано „Сверчекъ“ изъ 5-й строфы „Свѣтланы“:

„Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ,
Брыкнулъ жалобно сверчекъ,
Вѣстникъ полуночи“...

въ виду того, что онъ, по выраженiю одного изъ арзамасцевъ, „въ нѣкоторомъ отдаленiи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ лица, прекрасными стихами уже подавалъ оттуда свой звонкiй голосъ“ ³⁾).

Именемъ же „Сверчка“ или, точнѣе: „Св.ч.к.“ была подписана его пьеса: „Мечтателю“, напечатанная въ 1818 г. въ „Синѣ Отечества“ ⁴⁾). Подъ другою пьесой: „къ Жуковскому“, написанною еще въ 1817 г., но появившеюся въ печати только послѣ смерти поэта, въ 1840 году, въ рукописи имѣется подпись: „Арзамасецъ“ ⁵⁾). Начинается это стихотворенiе прямымъ указанiемъ на приемъ поэта въ арзамасскiй кружокъ:

„Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни“...

Далѣе слѣдуютъ поэтическiе громы и молнiи противъ „бесѣдчиковъ“:

„Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздать,
Другiе въ бѣшенныхъ трагедiяхъ хрипятъ;
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую музу,
Безсмертныхъ генiевъ сорвать съ Парнаса мнитъ...
...Вѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ—врагъ отечества, онъ—сбiятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата...
...Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба.
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшии низвергнутся во тьму“.

¹⁾ „Овсяний кисель“.

²⁾ „Влудовъ-„Кассандра“, при приемѣ своемъ въ общество, хоронилъ мало-даровитаго писателя Захарова, члена „Бесѣдн“, и нѣсколько дней спустя, тотъ, дѣйствительно, былъ похороненъ.

³⁾ „Московскiя Вѣдомости“ 1855 г., № 142-й.

⁴⁾ „Соч. А. С. Пушкина“, изд. 1855 г. Т. I., „Материалы для биографiи“. Стр. 49.

⁵⁾ „Соч. Пушкина“, изд. 1855 г., т. II. Примѣч. къ стих. 1817 г., стр. 184.

Слова юнаго поэта—увы! вполне оправдались. Самъ онъ хотя участвовалъ въ засѣданіяхъ общества всего одинъ разъ—при вступленіи; само общество хотя и распалось вскорѣ вслѣдствіе того, что многіе самыя вліятельныя изъ его членовъ уѣхали изъ Петербурга: Жуковский и Тургеневъ—въ Москву, вмѣстѣ съ переселившимся туда дворяномъ, Дашковъ и Блудовъ, въ дипломатической миссіи,—въ Константинополь и Лондонъ; но „Арзамасъ“ сдѣлалъ свое дѣло: свѣжимъ дуновеніемъ своимъ пошатнулъ въ глазахъ общества авторитетъ ревнителей „старого слога“.

VI.

Для одного Василя Львовича, быть можетъ, упраздненіе „Арзамаса“ было особенно ощутительно. Собственная пѣсня его какъ-бы была вмѣстѣ съ тѣмъ спѣта. Геніальный племянникъ безвозвратно уже оттѣснилъ его, дядю, на задній планъ; если говорили о Пушкинѣ, то разумѣли не его, почтеннаго „старосту арзамасскаго“, а маленькаго „Сверчка“, Александра Сергѣевича. Самъ стихотворецъ, онъ не могъ въ душѣ не понимать того всеобщаго восторга, который, тѣмъ дагѣе, тѣмъ все болѣе вызывался музою молодаго поэта; онъ отчасти, вѣроятно, и самъ невольно восхищался ею, на сколько то позволяло ему его затронутое авторское самолюбіе. Что оставалось ему, какъ не искать утѣшенія въ сладостяхъ жизни—въ ѣдѣ и питьѣ, которыхъ онъ всегда былъ завзятымъ поклонникомъ? И вотъ, на пятидесятомъ году жизни у него проявляются неизбѣжныя припадки подагры, которая десять лѣтъ спустя, въ 1830 году, и свела его въ могилу. О послѣднихъ минутахъ его Александръ Сергѣевичъ рассказываетъ въ письмѣ къ одному пріятелю:

„Бѣдный дядя Василя! Знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытѣ; очнувшись, онъ узналъ меня; поговорилъ, потомъ, помолчавъ: „какъ скучны статьи Катенина!“¹⁾ И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, *le cri de guerre à la bouche!*²⁾

Къ этому прибавляютъ, что самъ Александръ Сергѣевичъ, послѣ приведенныхъ словъ умирающаго, вышелъ на ципочкахъ изъ комнаты, сказавъ шепотомъ окружающимъ: „Господа, выйдемте; пусть это будутъ послѣднія его слова“³⁾.

Другіе передаютъ дѣло иначе: будто Василя Львовичъ, уже при смерти больной, дотащился черезъ силу съ постели до одного изъ

¹⁾ Въ „Литературной газетѣ“ барона Дельвига, въ 1830 году, помѣщался рядъ статей Катенина объ исторіи словесности подъ заглавіемъ: „Размышленія и разборы“.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1870 г. Стр. 1869.

³⁾ Тамъ-же. Загѣтла П. Варгенова.

своихъ книжныхъ шкаповъ, досталъ гѣсни любимца своего Беранжэ, перебрался на диванъ залы и здѣсь, съ дорогою ему книжкою въ рукахъ, испустилъ послѣдній вздохъ ¹⁾.

Похоронили Василя Львовича въ Донскомъ монастырѣ, куда несъ его племянникъ отъ самаго дома покойнаго на Басманной ²⁾.

Какое же мѣсто принадлежитъ В. Л. Пушкину въ исторіи русской литературы?

Стихотворенія его, давно забытыя, сами по себѣ никакого эстетическаго значенія для насъ уже не представляютъ. Но самъ онъ, какъ особенно рельефный и любопытный типъ извѣстнаго направленія русской литературы своего времени, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Еще бѣльшій интересъ, однако, приобрѣтаетъ онъ для насъ тѣмъ, что, благодаря именно его обширнымъ литературнымъ связямъ, знаменитый впоследствии племянникъ его, уже въ домѣ отца лично ознакомься съ лучшими представителями тогдашней нашей литературы, съ малолѣтства попалъ въ поэтическую колею; причемъ живой примѣръ дяди-стихотворца, естественно, долженъ былъ постоянно поощрять начинающаго поэта на стихотворномъ полѣ; и, дѣйствительно, многія изъ его лицейскихъ произведеній (особенно посланія) носятъ еще на себѣ довольно явственный отпечатокъ полусушутливой, полувспрненной музы Василя Львовича.

В. Авенариусъ.

¹⁾ „Ал. Серг. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“. П. Анненкова. Стр. 8.
²⁾ „Отеч. Записки“ 1853 г., № 11-й. Ст. П. Бартенева. Стр. 13.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

ХІХ.

Первыя политическія телеграммы въ русскихъ газетахъ.—Телеграфныя агентства.

ОТЯ электрическій телеграфъ былъ ранѣе другихъ государствъ устроенъ въ Россіи, именно въ 1834 году, барономъ Шиллингомъ фонъ-Канштатъ, а въ Англии появился годомъ позже, однако только Крымская война доказала намъ крайнюю необходимость подобнаго ускоренія въ доставленіи извѣстій. Вслѣдствіе того и частныя телеграфическія извѣстія появились въ русскихъ газетахъ только послѣ Парижскаго мира 1856 года, когда въ Лондонѣ существовало уже телеграфное агентство Рейтера, въ Берлинѣ Вольфа, а въ Парижѣ Гаваса. Первая политическая телеграмма изъ-за-границы появилась 20-го ноября 1856 года, въ № 255 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Она начиналась такъ: „Берлинъ, 29-го (17) ноября. Сегодня король открылъ палаты“, и т. д. Одновременно она появилась и въ „Journal de St.-Petersbourg“ и, какъ оказалось впоследствии, получена была министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Горчаковымъ, и передана была имъ въ означенную французскую газету, сообщившую ее и „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, выходящимъ подъ редакціею Амлія Николаевича Очкина, при „непосредственномъ“ участіи въ ихъ изданіи А. А. Краевскаго. Эта телеграмма напечатана была чрезъ двое сутокъ по полученіи въ Петербургѣ. Въ то время не существовало еще желѣзной дороги къ

¹⁾ Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“. Т. VII стр. 346—362.
«истор. вѣсти.», годъ III, томъ VII.

прусской границѣ, а потому такое промедленіе въ обнаруженіи депеши не отняло у нея интереса новизны.

Въ объявленіяхъ объ изданіи петербургскихъ газетъ на 1857 годъ ни слова не было сказано о томъ, что въ нихъ будутъ помѣщаться телеграфныя извѣстія; но въ № 283 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (25-го декабря 1856 г.) появилось слѣдующаго рода объявленіе: „Редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ устроила сношенія съ главными телеграфными станціями въ Европѣ и съ 1857 года будетъ получать телеграфическія депеши. Это нововведеніе, на которое не рѣшалась еще ни одна русская газета“. Дѣйствительно, съ 1-го января 1857 года стали появляться въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, одновременно съ „Journal de St.-Petersbourg“, телеграммы тождественнаго содержанія. Оказалось, что редакціи этихъ двухъ газетъ вошли между собою въ соглашеніе для раздѣленія расходовъ, сопряженныхъ съ полученіемъ телеграфическихъ депешъ. Въ то время телеграммы обходились очень дорого, особенно въ Россіи, отдѣленной отъ Европы пространствомъ въ тысячу верстъ. До телеграфной конвенціи 5 (17-го) мая 1865 года, понизившей цѣну двадцатисловной телеграммѣ въ Лондонъ до 3 р. и 2 р. 88 к., она обходилась подателю въ 6 руб. Телеграфныхъ агентствъ въ Россіи еще не существовало, а потому и облегченія въ расходахъ на телеграммы для русскихъ газетъ не могло и быть.

Увидавъ появленіе въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ политическихъ частныхъ телеграммъ, я убѣдилъ Н. И. Греча ввести подобную новизну и въ „Сѣверной Пчелѣ“, доказавъ невозможность дальнѣйшаго ея существованія при такой конкуренціи. Онъ послушался моего совѣта и немедленно написалъ къ тогдашнему корреспонденту „Сѣверной Пчелы“ въ Берлинѣ, г. Луи Шнейдеру (чтецу и бібліотекарю короля), съ просьбою устроить передачу политическихъ телеграммъ для газеты. Г. Шнейдеръ вошелъ въ соглашеніе съ тамошнимъ агентствомъ Вольфа (тогдашнимъ издателемъ „Національной Газеты“), и первая депеша появилась въ „Сѣверной Пчелѣ“ 8-го января 1857 года (въ № 6-мъ), присланная изъ Берлина, отъ 6-го (18) января. Такъ какъ полученіе одною редакціею всѣхъ телеграммъ изъ-за-границы, при тогдашней высокой цѣнѣ ихъ, было обременительно, то редакція „Сѣверной Пчелы“ въ 1857 году соединилась для того съ редакціею „Русскаго Инвалида“. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ появленія въ петербургскихъ ежедневныхъ газетахъ заграничныхъ политическихъ телеграммъ, эти періодическія изданія раздѣлились на двѣ группы: къ одной принадлежали „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и „Journal de St.-Petersbourg“, къ другой—„Сѣверная Пчела“ и „Русскій Инвалидъ“. По мѣрѣ появленія во всѣхъ четырехъ газетахъ политическихъ телеграммъ, становилось очевиднымъ для каждаго, что газеты получаютъ ихъ изъ одного источника—телеграфнаго агентства Вольфа въ Берлинѣ. Объ устройствѣ сношеній съ главными телеграфными станціями въ Европѣ, возвѣщенномъ редакціею „С.-Пе-

тербургскихъ Вѣдомостей“, не было и рѣчи и доказывало только незнаніе ея телеграфнаго дѣла. Агентство Вольфа воспользовалось недостаткомъ единогласія между петербургскими редакціями и ловко эксплуатировало ихъ въ продолженіе 1857 года. Сверхъ стоимости депеши за передачу по телеграфу, оно брало коммисіоннаго вознагражденія за каждую телеграмму, сообщавшую извѣстія изъ самаго Берлина, по 5 талер., а съ извѣстія извѣт Берлина—по 10 талер. (4 р. 50 к. и 9 р. метал.). Недовольствуясь этимъ барышомъ, агентство платило по тарифу за передачу только одной телеграммы, напримѣръ, на имя Греча, и приказывало выдать съ нея копію редакціи „Journal de St.-Petersbourg“, съ которой получало, однако, плату сполна, какъ бы депеша была передана ей одной въ Петербургъ. Агентство получало поэтому 10 или 20 талер. вознагражденія за каждую телеграмму, съ присовокупленіемъ цѣны телеграммы, слѣдовавшей по тарифу.

Ознакомившись въ 1857 году со способомъ полученія телеграммъ, устройствомъ телеграфныхъ агентствъ и ихъ взаимными отношеніями, я успѣлъ убѣдить редакціи соединиться вмѣстѣ для полученія депешъ изъ-за-границы и не давать болѣе возможности агентству Вольфа наживаться на ихъ счетъ. Лишь только оно узнало о такомъ соединеніи и о желаніи петербургскихъ редакцій дѣйствовать въ этомъ отношеніи единодушно, то немедленно значительно понизило свое коммисіонное вознагражденіе. Результатомъ соглашенія было нотаріальное условіе, явленное у биржеваго нотаріса Хольма, 21-го января 1858 года, между дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Гречемъ, статскимъ совѣтникомъ Очкинымъ и петербургскимъ второй гильдіи купцомъ Генрихомъ Гларнеромъ. Въ первомъ его параграфѣ было сказано: „Я, Гречъ, получаю изъ чужихъ краевъ телеграфическія депеши о политическихъ событіяхъ, обязуюсь передавать эти депеши, немедленно по полученіи, статскому совѣтнику Очкину, для помѣщенія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, и купцу Гларнеру, для помѣщенія въ „Journal de St.-Petersbourg“. По второму параграфу каждый изъ договаривавшихся обязывался уплачивать Гречу, по полученіи отъ него счета по доставкѣ телеграммъ изъ-за-границы, четвертую часть причитающейся за то суммы. Хотя контрактъ былъ подписанъ только тремя редакторами, но въ немъ принимала участіе и газета „Русскій Инвалидъ“, редакторъ которой, полковникъ П. С. Лебедевъ, не нашелъ возможнымъ подписать это условіе по официальному положенію своего изданія. Въ третьемъ параграфѣ условія было сказано: „Гларнеръ, съ своей стороны, обязывается передавать гг. Гречу и Очкину, съ разрѣшенія министерства иностранныхъ дѣлъ, телеграфическія депеши, получаемыя имъ отъ своихъ агентовъ и сообщаемыя ему, Гларнеру, для помѣщенія въ „Journal de St.-Petersbourg“, не требуя за то никакой платы, и притомъ такъ, чтобы эти депеши могли быть помѣщены въ „Сѣверной Пчелѣ“ и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ одинъ день съ „Journal de St.-Petersbourg“.

Этотъ параграфъ относился до телеграммъ, которыя, полученныя непосредственно министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Горчаковымъ, могли быть переданы имъ для напечатанія въ „Journal de St.-Petersbourg“, изданіемъ котораго тогда завѣдывалъ купецъ Гларнеръ, участникъ въ книжной торговлѣ Дюфура (бывшей до него Беллизара, а нынѣ Мелье). Въ то время политическія телеграммы, полученныя для газетъ изъ-за-границы, отправлялись немедленно съ главной телеграфной станціи въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ и уже разрѣшенныя къ печати директоромъ ея, В. И. Вестманомъ, передавались тому редактору, на имя котораго были адресованы. Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ въ 1866 году „Русскаго Телеграфнаго Агентства“, министерство иностранныхъ дѣлъ устранилось отъ непосредственнаго просмотра политическихъ заграничныхъ телеграммъ, адресованныхъ въ газеты, и обязанность эта возложена была, при тогдѣшнемъ министрѣ почтъ и телеграфовъ, графѣ Иванѣ Матвѣевичѣ Толстомъ, на особыхъ чиновниковъ изъ числа цензоровъ, просматривающихъ въ почтамтѣ заграничныя газеты, передъ выдачею ихъ въ публику. Переимъну эту могъ произвести только Ив. М. Толстой, пользовавшійся въ то время сильнымъ вліаніемъ въ правительственныхъ сферахъ.

Появленіе въ петербургскихъ газетахъ политическихъ телеграммъ въ 1857 году обратило на себя вниманіе преимущественно коммерческаго сословія, по дѣламъ его съ заграничными государствами и по сознанію имъ выгодъ отъ быстрого полученія свѣдѣній о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ. Главныя торговыя фирмы въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, уже пользовались услугами телеграфа для своихъ оборотовъ и сношеній, но дороговизна телеграммъ дѣлала ихъ доступными только наиболѣе богатымъ домамъ. Читая въ газетахъ политическія телеграммы, многія лица коммерческаго сословія стали выражать желаніе имѣть телеграфныя свѣдѣнія о цѣнахъ на товары, о требованіи на нихъ и проч. Узнавъ о такомъ желаніи, я рѣшился сдѣлать попытку удовлетворить его. Такъ какъ въ то время главные интереси русской товарной торговли были сосредоточены на лондонской биржѣ, то я обратилъ преимущественно на нее вниманіе. Добывъ себѣ адресъ одного лондонскаго маклера и корреспондента нѣкоторыхъ русскихъ фирмъ въ Петербургѣ, по имени Гарботель, я, сославшись на рекомендацію послѣднихъ, предложилъ ему разъ въ недѣлю посылать мнѣ пространную телеграмму съ лондонскими цѣнами на главные русскіе товары. Г. Гарботель жилъ прежде въ Россіи, зналъ русскій языкъ и понималъ, какого рода свѣдѣнія интересуютъ нашъ торговый мѣръ. Онъ немедленно исполнилъ мое порученіе и уже 19-го февраля (3-го марта) 1857 года я получилъ первую коммерческую телеграмму изъ Лондона отъ того же числа. Я ее разослалъ въ видѣ пробы всѣмъ торговымъ фирмамъ въ Петербургѣ. Эта телеграмма разослана была на половину писанная моею рукою, потому что

печатныя рубрики не соответствовали вполне содержанию присланной депеши. Видя на опытъ замедленіе въ разсылкѣ телеграммъ при воспроизведеніи ихъ подобнымъ образомъ, я рѣшился ихъ печатать, тѣмъ болѣе, что немедленно послѣ разсылки первой депеши оказалось около 60 подписчиковъ. Но для печатанія телеграммъ необходимо было разрѣшеніе на изданіе соответственной тому газеты. Въ это время отецъ мой, профессоръ сельскаго хозяйства въ петербургскомъ университетѣ, приостановилъ изданіе своей еженедѣльной газеты „Посредникъ“, въ программу которой входилъ, сверхъ сельскаго хозяйства и естественныхъ наукъ, отдѣлъ биржевыхъ цѣнъ на разные товары на русскихъ и иностранныхъ рынкахъ. Заручившись его согласіемъ на передачу мнѣ „Посредника“, я отправился къ цензору Николаю Васильевичу Елагину и откровенно объяснилъ ему цѣль предпринятаго мною дѣла, неотложность для того газеты и необходимость обойти нѣкоторыя формальности, а именно—выпускъ газеты только съ содержаніемъ по одному отдѣлу программы, появленіе въ свѣтъ изданія послѣ его непродолжительнаго прекращенія безъ предварительнаго оповѣщенія о томъ публики и заявленія цензурному комитету и проч. Что касается до имени редактора, то тогда не требовалось цензурнымъ уставомъ непременно подписей издателя и редактора подъ періодическими изданіями ¹⁾, слѣдовательно, до исполненія разрѣшенія установленнымъ порядкомъ, газета „Посредникъ“ могла числиться за моимъ отцомъ.

Цензоръ Елагинъ, съ которымъ я былъ давно знакомъ по ежедневнымъ сношеніямъ по „Сѣверной Пчелѣ“, выслушавъ мое объясненіе, отвѣчалъ, что онъ не находитъ препятствія взять на себя пропускъ газеты „Посредникъ“, хотя и не уполномоченъ на то цензурнымъ комитетомъ, но съ условіемъ, чтобы я немедленно подалъ надлежащее прошеніе. Дѣйствительно, № 1-й „Посредника“ вышелъ 27-го февраля съ телеграммою изъ Лондона, отъ 26-го февраля. Н. В. Елагинъ, возвращая мнѣ корректуру этого номера, писалъ 27-го февраля: „Посредникъ“ одобренъ къ печатанію и возвращается при семъ. Разсылайте его съ Божіею помощію“.

Цензоръ Н. В. Елагинъ не пользовался расположеніемъ въ литературномъ и журнальномъ мірѣ. Дѣйствительно, очень часто онъ просматривалъ и одобрялъ къ печати статьи и отдѣльныя сочиненія неумолимо строго, что для многихъ казалось придирчивостью и стѣсненіемъ. Но такой образъ дѣйствія вызывался усвоенными имъ собою принципами, отъ которыхъ онъ не отступалъ и которые не совпадали съ возрѣніями литераторовъ и журналистовъ. Съ другой стороны, Н. В. Елагинъ переставалъ быть строгимъ формалистомъ, когда вопросъ шелъ о полезномъ дѣлѣ, особенно въ примѣненіи

¹⁾ Только съ 8-го апрѣля 1864 года, по высочайшему повелѣнію, предписано было цензурнымъ комитетомъ непременно выставлять на каждомъ номерѣ изданія имя отвѣтственнаго его редактора.

его въ Россіи. Убѣдившись, что изданіе „Посредника“ принесетъ пользу русской торговлѣ, русскимъ купцамъ, удешевивъ для нихъ полученіе коммерческихъ телеграммъ, онъ смѣло перешагнулъ формальности и подписалъ разрѣшеніе на выпускъ газеты въ свѣтъ.

Дѣло не обошлось, однако, безъ бури, хотя бы и цензурной. Первоначально потребовали въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія моего отца, а потомъ и меня, когда узнали отъ него, что телеграфную газету, небывалую еще въ Россіи, затѣялъ я. Между тѣмъ, прошеніе, поданное мною въ цензурный комитетъ объ измѣненіи программы газеты „Посредникъ“, о передачѣ ея изданія мнѣ и объ учащеніи выхода ея до пяти разъ въ недѣлю, немедленно по полученіи телеграммъ изъ-за-границы, представлено было уже 1-го марта 1857 года комитетомъ въ главное управленіе цензуры. Директоръ канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Берте, встрѣтилъ меня рѣвкимъ замѣчаніемъ, что я началъ изданіе новой газеты безъ надлежащаго разрѣшенія. Я ему подробно разъяснилъ, что газета „Посредникъ“ дозволена, что нѣтъ закона, по которому въ каждомъ номерѣ газеты помѣщались бы статьи по всѣмъ предметамъ программы, что это предпріятіе общепользое, что выпедшіе уже два номера не содержатъ въ себѣ ничего противозаконнаго и, наконецъ, что надлежащее прошеніе подано въ цензурный комитетъ. Результатъ свиданія былъ въ мою пользу. Хотя съ № 4-го газеты она передана была отъ Н. В. Елагина другому цензору для просмотра, именно г. Мацкевичу, но цѣль была достигнута и новое изданіе получило право гражданства. Коммерческій міръ принялъ газету „Посредникъ“ съ полнымъ расположеніемъ. Въ немъ составилось о цѣли ея изданія и о вѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній, благоприятное мнѣніе, которое, сдѣлавшись извѣстнымъ въ правительственныхъ сферахъ, доставило полное разрѣшеніе просимымъ мною измѣненіямъ въ программѣ. Съ № 14-го (24-го мая) я могъ уже начать выпускать газету пять разъ въ недѣлю, утромъ и вечеромъ, такъ какъ въ торговомъ мірѣ потребовали у меня телеграммъ съ лондонской биржи ежедневно (за исключеніемъ субботъ и воскресеній). Такимъ образомъ, я получилъ право на изданіе новой ежедневной газеты, что въ то время было несомнѣнно легко, только благодаря тому, что, одновременно съ просьбою о разрѣшеніи мнѣ ея изданія, выказалъ на практикѣ ея пользу и необходимость для русскаго торговаго міра. Въ этомъ отношеніи Н. В. Елагинъ оказалъ мнѣ очень существенную помощь, повѣривъ моимъ объясненіямъ.

Съ учащеніемъ выхода „Посредника“, цѣна ему за годовое изданіе назначена была 100 руб., вмѣсто 10 руб. Всѣ подписчики охотно приплатили до новой цѣны, которая считалась за годъ съ 18-го мая. Иногороднымъ газета разсылалась въ штемпельныхъ почтовыхъ конвертахъ, вслѣдствіе чего газета получалась своевременно, не терпалась на почтѣ, и за что провинціальныя подписчики безъ стѣсненія

нiя платили стоимость подобной пересылки, усматривая для себя пользу отъ ускоренiя полученiя вѣрныхъ торговыхъ свѣдѣнiй. Съ октября я сталъ печатать свою газету на синей почтовой бумагѣ, въ восьмую долю листа, но выпускалъ часто въ двойномъ форматѣ. Къ телеграммамъ и другимъ заграничнымъ коммерческимъ извѣстiямъ я присоединилъ, съ 20-го мая, ежедневные отчеты объ оборотахъ товарами на петербургской биржѣ. Такiя ежедневныя свѣдѣнiя, отличавшiяся свѣжестью данныхъ, привлекли также подписчиковъ не только изъ провинцiи, но и въ самомъ Петербургѣ, потому что въ „Посредникѣ“ помѣщались не однѣ цѣны, но и сопровождавшiя торговые обороты обстоятельства. Издававшаяся тогда „Коммерческая газета“, при министерствѣ финансовъ, не только не выходила ежедневно, но и отличалась запоздалыми, скудными свѣдѣнiями собственно объ оборотахъ русской торговли. Совершенствою свое изданiе, я завелъ корреспондентовъ внутри Россiи, изъ главныхъ центровъ ея торговли, вѣрность сообщаемыхъ которыми свѣдѣнiй усилила достоинство изданiя.

Между тѣмъ, шесть лѣтъ тому назадъ, цензура мнѣ запретила сообщать въ „Сѣверной Пчелѣ“ торговыя и товарныя свѣдѣнiя. Въ 1851 году, съ 6-го iюня, во время лѣтняго отсутствiя изъ Петербурга Ѳ. В. Булгарина, я сталъ писать по средамъ еженедѣльный фельетонъ. Въ концѣ одного изъ нихъ, въ августѣ, я помѣстилъ услышанныя мною отъ купцовъ свѣдѣнiя объ урожаѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ, сало, пеньку и проч., съ обстоятельными причинами повшенiя или пониженiя. Тогдашнiй цензоръ „Сѣверной Пчелы“, Александръ Лукичъ Крыловъ, зачеркнувъ весь конецъ моего фельетона, положилъ слѣдующую резолюцiю: „Свѣдѣнiя о цѣнахъ на биржевые товары помѣщаются въ „Коммерческой газетѣ“, издаваемой при министерствѣ финансовъ, которое располагаетъ вѣрными данными. Биржевое купечество можетъ обидѣться, если цѣны, сообщаемыя въ „Сѣверной Пчелѣ“, окажутся невѣрными, и войти съ жалобой къ надлежащему начальству. Поэтому цѣны о товарахъ могутъ быть помѣщаемы въ „Сѣверной Пчелѣ“ только заимствованныя изъ „Коммерческой газеты“, чтобы не причинять неудовольствiя биржевому купечеству“. Нынѣ не повѣрятъ возможности подобныхъ цензурскихъ рѣшенiй!

На русскихъ биржахъ обороты въ тѣ времена сосредоточивались преимущественно на товарахъ отпускныхъ и привозныхъ. Фондовая биржа почти не существовала. Обороты фондами, при ограниченномъ числѣ тогда правительственныхъ займовъ, сосредоточивались не на биржѣ, а въ знаменитомъ тогда банкирскомъ домѣ Штиглица и комп., представителемъ котораго въ 1857 году былъ сынъ его учредителя, баронъ Александръ Лудвиговичъ, недавно произведенный въ действительные тайные совѣтники. Цѣны фондамъ устанавливались этимъ банкиромъ, равно какъ и вексельные курсы, по вторникамъ и пятницамъ. Баронъ Штиглицъ носилъ почетный титулъ „придворнаго бан-

мира", который, по закрытіи его банкирскаго дома, сколько помнится, съ 1-го января 1861 года, ни на кого болѣе не былъ возлагаемъ. Число акціонерныхъ обществъ въ то время было также ограниченное, а потому количество этого рода бумагъ не могло еще создать массы посредниковъ, въ видѣ банкирскихъ конторъ, мѣняльныхъ лавокъ, присяжныхъ маклеровъ, иностранныхъ агентовъ и зайцевъ (неприсяжныхъ маклеровъ). Фондовая биржа, съ арміею спекулянтовъ, биржевыхъ и изъ публики, всякихъ націй и изъ всѣхъ классовъ общества, создавалась въ Петербургѣ собственно въ 1865 году, послѣ выпуска перваго 5% выигрышнаго займа (1864 г.), придуманнаго и предложеннаго нашему правительству однимъ берлинскимъ финансистомъ-спекулянтомъ. Главное общество российскихъ желѣзныхъ дорогъ, акціи котораго положили начало игры на биржѣ съ желѣзнодорожными цѣнностями, явившись впервые удобною для того международною арбитражною бумагою, было основано только въ 1857 году. На основаніи всего сказаннаго, и отчеты о дѣлахъ на петербургской биржѣ, появившіяся въ „Посредникѣ“, ограничивались вначалѣ только товарными оборотами. Первые извѣстія о цѣнахъ на фонды 5% займовъ 1854 и 1855 годовъ на петербургской биржѣ, сообщенныя въ „Посредникѣ“, не по свѣдѣніямъ конторы Штиглица, а изъ собственныхъ достовѣрныхъ источниковъ, появились съ № 85-го (10-го октября) 1857 года. Я не посѣщалъ лично петербургской биржи, а всѣ свѣдѣнія о ней получалъ какъ отъ лучшихъ, наиболѣе свѣдущихъ, маклеровъ по каждой части, такъ и отъ другихъ лицъ, или занимавшихся въ коммерческихъ конторахъ, или ведущихъ самостоятельно ту или другую отрасль торговли. Иногда я попадалъ разомъ на вѣрный источникъ свѣдѣній, иногда постепенно, опытомъ, доходилъ до того. Впослѣдствіи, въ концѣ 1857 года и съ 1858 года, репутація газеты „Посредникъ“, какъ достовѣрнаго источника свѣдѣній о торговлѣ, до того утвердилась, что трудъ мой въ этомъ отношеніи значительно облегчился.

Но когда, въ октябрѣ 1857 года, появились впервые газетныя свѣдѣнія о цѣнахъ на фонды, то многіе удивились подобной дерзости съ моей стороны. Я нарушилъ тѣмъ монополію многихъ лѣтъ, принадлежавшую, въ силу привычки и биржеваго обычая, банкирскому дому Штиглица. Съ разныхъ сторонъ мнѣ стали говорить и намекать, что всемогущій банкиръ можетъ уничтожить меня и мою газету и чтобы я прекратилъ сообщеніе цѣнъ на фонды, ограничившись цѣнами на товары. „Посредникъ“, подрывая монополію вѣрныхъ свѣдѣній и дѣлая ихъ гласными, былъ, дѣйствительно, бѣльмомъ на глазу для многихъ, но, съ другой стороны, нашелъ и многіхъ друзей въ числѣ людей безпристрастныхъ, сочувствовавшихъ всякому стремленію и дѣлу на общую пользу. На основаніи послѣдняго убѣжденія, я чувствовалъ, что стою на твердой почвѣ, и потому не уступилъ угрозамъ и совѣтамъ, несмотря на то, что предостереженія шли и отъ

лицъ, ко мнѣ дружески расположенныхъ. Дѣйствительно, ничего неприятнаго или вреднаго для моего изданія не произошло отъ того, что я вторгнулся въ монополію сильнаго банкира по фондовой и курсовой части.

Въ первой половинѣ августа 1857 года, пріѣхаль въ Петербургъ г. Юліусъ Рейтеръ, основатель и глава телеграфнаго агентства въ Лондонѣ, съ намѣреніемъ завести сношенія съ Россією. Онъ привезъ рекомендательныя письма изъ-за-границы къ Н. И. Гречу. Послѣдній прямо сказалъ ему, что въ телеграфномъ дѣлѣ ничего не понимаетъ, и указалъ на меня, какъ уже начавшаго въ Россіи первую попытку устройства телеграфнаго агентства. Я познакомился съ Рейтеромъ въ тотъ же день въ кабинетѣ Греча. Рейтеръ, небольшого роста, блѣдный, невзрачный, но съ умными глазами, оказался нѣмецъ (сколько помнится, пруссакомъ). Н. И. Гречъ не говорилъ по-англійски, а потому нашъ разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ то время Рейтеръ говорилъ по-англійски съ иностраннымъ акцентомъ и предпочиталъ объясняться на своемъ родномъ языкѣ. Обширная собственноручная его корреспонденція со мною втеченіе шести лѣтъ велась исключительно по-нѣмецки, наши условія были заключены на нѣмецкомъ языкѣ и только письма, изложенныя его секретарями и подписанныя Рейтеромъ, составлялись на англійскомъ языкѣ. Послѣ двухъ свиданій, въ которыхъ обсуждались его предложенія, мы подписали взаимное условіе 23-го августа (4-го сентября) 1857 года, на три года, съ 19 сентября (1 октября), слѣдовательно, по это число 1860 года, Рейтеръ обязался по нашему условію высылать мнѣ ежедневно телеграммы съ коммерческими свѣдѣніями (кромя воскресеній) изъ Лондона, Ливерпуля, Гамбурга, Любека, Амстердама и Роттердама и изъ другихъ городовъ Европы по моему востребованію. Я обязался ему уплачивать ежегодное вознагражденіе въ 3000 рублей (иностранцы тогда довѣряли еще нашимъ рублямъ и не заключали своихъ денежныхъ условій съ нами на металлическую заграничную валюту или на золотую), сверхъ платы, причитающейся за передачу телеграмъ по телеграфнымъ линіямъ.

Въ то время агентство Рейтера въ Лондонѣ называлось „Континентальнымъ телеграфомъ, подъ управленіемъ г. Юліуса Рейтера“ (Continental Telegraph, under the direction of M-r. Julius Reuter), и помещалось въ темной маленькой квартирѣ въ зданіи королевской биржи (Royal Exchange Buildings). Когда впоследствии Рейтеръ обратилъ свое агентство въ акціонерное предпріятіе, то оно получило названіе „Компанія телеграммъ Рейтера“ (Reuter's telegraph company). „Телеграфное же агентство Вольфа“ въ Берлинѣ, превратившись впоследствии въ общество на акціяхъ, назвалось „Континентальною телеграфною компанією“ (Continental telegraphen Company).

Изъ разговоровъ съ Рейтеромъ я узналъ, что онъ первоначально занимался книжною торговлею въ Германіи, затѣмъ устроилъ контору

телеграфнаго агентства кажется, въ Кельнѣ, передавалъ извѣстія, при неимѣніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ телеграфныхъ линий, при помощи голубиной почты, увидалъ невозможность существованія тогда въ Германіи другаго агентства, когда возникло Вольфово въ Берлинѣ, и переселился въ Англію, гдѣ и сталъ постепенно развивать свое дѣло. Въ 1857 году, во время пребыванія его въ Петербургѣ, я видѣлся съ нимъ ежедневно. Въ 1862 году онъ пріѣзжалъ вторично въ нашу столицу по дѣлу, которое утаилъ отъ меня, хотя наши отношенія въ то время были прежнія, но онъ уже имѣлъ отличныя рекомендаціи къ нѣкоторымъ банкирамъ, особенно къ г. Кауперу, послѣ ликвидаціи дома Штиглица, старавшемуся тщетно замѣнить его и добиться званія „придворнаго банкира.“ Въ 1862 году, Рейтеръ выросъ уже значительно въ мнѣніи о себѣ и держался иначе, чѣмъ въ 1857 году. Въ послѣднемъ году онъ занималъ небольшую комнату въ верхнемъ этажѣ гостиницы „Клее“ (нынѣ „Европейская“) и рассчитывалъ каждый рубль. Когда я, по подписаніи съ нимъ 23-го августа условія, предложилъ ему немедленно дать по телеграфу приказаніе въ Лондонъ, чтобы мнѣ, на мой счетъ, присланы были, въ видѣ пробы, нѣсколько телеграммъ, чтобы я могъ по нимъ судить о достоинствахъ ихъ и о скорости передачи, то Рейтеръ сталъ доказывать мнѣ излишніе подобныя затраты, когда съ его стороны онѣ составляли всего 6 рублей. Вставая и принимаясь за работу въ семь часовъ утра, какъ того требовало изданіе „Посредника,“ между тѣмъ какъ занятія по „Сѣверной Пчелѣ“ давали мнѣ возможность ложиться спать только въ часъ ночи, а впоследствии и гораздо позже, я приходилъ къ Рейтеру рано утромъ и уже находилъ, что онъ написалъ болѣе десятка дѣловыхъ писемъ. Онъ велъ въ первые годы всю свою обширную корреспонденцію самъ лично и вставалъ ежедневно для того въ три часа утра. По своей дѣятельности и неутомимости, Рейтеръ невольно обращалъ на себя вниманіе. Вотъ одно изъ доказательствъ моихъ словъ.

24-го іюля (5-го августа) 1858 года, благополучно кончено было проложеніе чрезъ Атлантическій океанъ перваго телеграфнаго кабеля (впоследствии испортившагося и брошеннаго) изъ Ирландіи къ сѣверной Америкѣ, извѣстіе о чемъ было передано отсюда въ Лондонъ. Уже 23-го августа (4-го сентября) Рейтеръ писалъ мнѣ изъ Лондона: „Я заключилъ контрактъ съ компанією атлантическаго телеграфа и на основаніи сего могу вамъ сообщать американскія извѣстія за половину той цѣны, которая уплачивается въ дѣйствительности за ихъ передачу по кабелю. По слухамъ, телеграмма въ 20 словъ будетъ стоить 2½ фунт. стер., но тарифъ окончательно еще не установленъ. Я обязался контрактомъ уплачивать ежегодно атлантической компаніи по 5.000 фун. стер.“ Отъ 28-го августа (9-го сентября) того же 1858 года, Рейтеръ писалъ вновь мнѣ: „Множество заказовъ, полученныхъ мною со всѣхъ сторонъ на американскія депеши, побудили меня устроить центральное бюро въ Нью-Йоркѣ съ его отдѣленіями

во всѣхъ главныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, центральной и южной Америки. Сверхъ 5.000 фун. стер., которые я обязался ежегодно уплачивать компаніи атлантическаго телеграфа, на это мое предпріятіе потребуется значительный капиталъ, не менѣе 15.000 или 20.000 фун. стер. (по тогдашнему курсу до 150.000 руб.), большая часть котораго уже у меня въ распоряженіи. Желая предоставить вамъ участіе въ моемъ предпріятіи, я почтительнѣйше предлагаю вамъ войти въ это дѣло съ 3.000 фун. стер. такимъ образомъ, что я вамъ буду посылать бесплатно американскія денги. Вашъ капиталъ въ 3.000 фун. стер. останется вашею собственностью, а вмѣсто процентовъ на него, я обязуюсь вамъ ежедневно посылать бесплатно по одной телеграммѣ съ американскими извѣстіями. Одна телеграмма стоитъ 2 ф. 10 ш., слѣдовательно за 360 денгъ составитъ сумма въ 900 фун. стер., или 30% на капиталъ въ 3.000 фун. стер. Вашъ капиталъ вы можете взять всегда обратно, предупредивъ о вашемъ намѣреніи за годъ впередъ и, сверхъ того, я его вамъ обезпечу еще инымъ образомъ.“

Въ іюнѣ 1859 года, во время войны Франціи и Италіи противъ Австріи, Рейтеръ получилъ ранѣе всѣхъ въ Лондонѣ телеграмму о сильномъ пораженіи австрійской арміи и о предложеніи мира Наполеону III со стороны императора Франца-Иосифа. Когда Рейтеръ лично привезъ эту телеграмму тогдашнему первому министру Англій, лорду Пальмерстону, (министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ лордъ Джонъ Россаль), то Пальмерстонъ не повѣрилъ извѣстію и объявилъ его невѣрнымъ, такъ какъ британское правительство не получало еще о томъ никакого извѣстія. Нѣсколько часовъ спустя, пришла и официальная телеграмма. Этотъ случай поднялъ значеніе Рейтера въ Лондонѣ въ официальномъ, журнальномъ и коммерческомъ мірѣ. Разумѣется, все это возможно было дѣлать въ Англій даже нѣмцу, а не природному британцу, гдѣ частная телеграмма не задерживалась потому только, что она сообщала извѣстія ранѣе официальной или правительственной, и гдѣ она не залеживалась по часамъ въ цензурахъ и въ разныхъ канцеляріяхъ. Точно также цюрихскій трактатъ о мирѣ между Франціею, Италіею и Австріею, подписанный 29-го октября (10-го ноября) 1859 года, былъ прежде другихъ обнародованъ агентствомъ Рейтера въ лондонскихъ газетахъ. Газета „Times“, встрѣтившая съ недовѣріемъ учрежденіе телеграфнаго агентства Рейтера, втеченіе продолжительнаго времени абонировалась на его телеграммы, но не помѣщала ихъ на своихъ страницахъ, а проверила ихъ достовѣрность и свѣжесть и только послѣ многомѣсячнаго опыта рѣшилась, наконецъ, ихъ печатать. Въ виду войны Англій и Франціи съ Китаемъ, когда еще не было окончено сооруженіе телеграфа въ Остъ-Индію, Рейтеръ сумѣлъ устроить быстрое оттуда полученіе телеграммъ въ 23 дня, но имѣвшися уже до нѣкоторыхъ мѣстъ проводамъ, такъ что газета „Times“ признала, что такъ скоро извѣстія еще не получались изъ

этой части свѣта. Рейтеръ получилъ концессию отъ императора Наполеона III на сооруженіе телеграфнаго кабеля между Брестомъ и Сѣверною Америкою и отъ короля ганноверскаго на проложеніе его между Англіею и Эмденомъ, на берегу Германіи. Пока онъ двигалъ постоянно впередъ развитіе телеграфныхъ сношеній для ускоренія передачи публикѣ всякаго рода извѣстій, всѣ его усилія увѣнчивались успѣхомъ. Но онъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу съ концессіею, полученною имъ отъ персидскаго правительства на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, разработку минеральныхъ богатствъ въ Персіи, для чего онъ не могъ реализовать необходимаго капитала. Въ это время онъ уже былъ барономъ Рейтеромъ, — титулъ, который онъ получилъ отъ одного изъ мелкихъ нѣмецкихъ государей.

По заключеніи условія съ Рейтеромъ, 23-го августа 1857 года, и имѣя на основаніи его право сноситься со всѣми его агентами, въ Европѣ и Америкѣ, чрезъ посредство его лондонскаго учрежденія, я расширилъ изданіе „Посредника“ и возвысилъ ему цѣну, съ 15-го октября, до 240 руб. для желающихъ получать англійскія, голландскія и германскія депеши, и оставилъ прежнюю цѣну въ 100 р. для однихъ англійскихъ телеграммъ. Въ Москвѣ, въ Ригѣ и въ провинціи подписчики приплачивали, по 6 р. въ годъ за каждый почтовый день, за пересылку газеты въ штемпельныхъ конвертахъ. Цѣна эта въ то время возбудила много толковъ. Надо мною смѣялись, говоря, что не за что платить такую сумму, но достовѣрность свѣдѣній заставляла вносить эту плату за мою газету. Число подписчиковъ стало увеличиваться, а я сталъ умножать количество телеграммъ, присоединивъ къ прежнимъ депеши изъ Парижа, Берлина, Марсели, Дунди, Нью-Орлеана (въ то время главнаго рынка по хлопку для Россіи) и проч. Нужно отдать Рейтеру полную справедливость. По первому письму отъ меня, онъ распорядился немедленно высылкою телеграммъ или почтовыхъ корреспонденцій даже изъ второстепенныхъ торговыхъ центровъ, каковы Гавръ, Бреславль и проч.

Успѣху „Посредника“ содѣйствовали еще два особня обстояательства. До послѣдняго десятилѣтія Россія служила для Европы, особенно для Англій, главною поставщицею сала, шедшаго на приготовленіе свѣчь, на мыловареніе, на смазку машинъ. Главная расторжка саломъ происходила на лондонскомъ рынкѣ и отъ количества привоза русскаго сала зависѣли цѣны этому товару, даже американскаго и австралійскаго происхожденія. Пользуясь превращеніемъ зимою навигаціи въ Балтійскомъ морѣ, неизбѣннѣмъ пароходныхъ сообщеній въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ на континентѣ Европы, спекулянты скупали осенью и зимою запасы сала въ Лондонѣ, особенно если они не были велики, и повышали ему цѣны до крайняго предѣла. Многіе при этомъ банкротились, немногіе наживали. Наиболѣе замѣчательныя спекуляціи саломъ происходили въ 1838, 1848, 1854 — 1855 и 1857 годахъ. Сильный англійскій торго-

вый домъ Лодеръ и комп., имѣвшій свои конторы въ Лондонѣ и Петербургѣ, удачно спекулировалъ саломъ и нажилъ большіе барыши въ 1838 году (при запасѣ сала въ Лондонѣ, 23-го марта, въ 4.570 бочекъ) и въ 1848 году (при запасѣ того же числа 6.638 бочекъ). Во время Крымской войны, когда отпускъ сала изъ Россіи моремъ прекратился, извѣстный и въ Петербургѣ, отважный, умный спекулянтъ, Александръ Николаевичъ Бетлингъ (братъ академика по санскритской кафедрѣ императорской академіи наукъ, Оттона Николаевича Бетлинга), несмотря на значительные запасы сала въ Лондонѣ (18-го февраля (2-го марта) въ 1854 году 35.702 бочки, а въ 1855 году 36.610 бочекъ), повелъ сильную спекуляцію на повышение цѣнъ сала въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, рассчитывая на продолжительность войны со стороны Россіи, и основываясь въ этомъ отношеніи на стойкости характера императора Николая Павловича. Въ Англии тогда было много сторонниковъ подобной рѣшимости императора Россіи и потому г. Бетлингъ орудовалъ вмѣстѣ съ другими, скупая въ Лондонѣ и Ливерпулѣ все сало, которое туда везли отовсюду, благодаря непомѣрно высокимъ цѣнамъ. Изъ Петербурга повезли его сухимъ путемъ, на подводахъ, до прусской границы. Тогдашнее движеніе на шоссе между Петербургомъ и Ковно было необычайное. Такъ, въ 1855 году лѣтомъ на каждую версту приходилось слишкомъ 40 подводъ, или на всемъ пути около 28,000 возовъ. Цѣна салу въ Англии уже подходила къ 100 шилл. за центнеръ (около 10 р. за пудъ), когда извѣстіе о болѣзни императора Николая I и кончина его, 18-го февраля (2-го марта) 1855 г., разомъ уронила цѣну на половину. Спекулянты на повышение, естественно, разорились. Подобную же спекуляцію устроили, въ началѣ 1857 года въ Лондонѣ, кажется, греческія фирмы, скупивъ на конецъ марта сало при небольшомъ его запасѣ (14.893 боч.) и дѣйствительно довели расчеты по запродамъ до 80 шилл. „Посредникъ“ въ 1857 году началъ издаваться именно во время этой послѣдней спекуляціи, интересовавшей значительное число торговыхъ лицъ въ Россіи по ихъ оборотамъ саломъ. Втеченіе всего 1857 года цѣны на сало стояли вообще высокія; русскіе торговцы расторгались имъ въ Петербургѣ съ большимъ барышемъ, приступили къ раннимъ покупкамъ этого товара на нашихъ внутреннихъ рынкахъ, а потому для нихъ телеграммы съ лондонской биржи имѣли первостепенное значеніе.

Другое обстоятельство, содѣйствовавшее успѣху „Посредника“, былъ сильный денежный и товарный кризисъ, начавшійся въ Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ, перешедшій сперва въ Англию, съ 19-го (31-го) августа, а затѣмъ въ Гамбургъ и Германію. Я сталъ сообщать въ „Посредникъ“, иногда два раза въ день, депеши изъ Гамбурга, гдѣ этотъ кризисъ произвелъ сильное потрясеніе въ торговлѣ. Петербургская биржа, заинтересованная въ томъ, узнавала большую часть новостей объ этомъ кризисѣ изъ моихъ телеграммъ. Мнѣ

неоднократно высказывалась благодарность за быстрое сообщеніе этихъ телеграфныхъ извѣстій.

На скорой передачѣ депешъ и былъ устроенъ усилѣхъ дѣла. Рейтеръ въ этомъ отношеніи не упустилъ изъ вида ни одного моего къ нему письма, ни малѣйшаго замѣчанія на запозданіе депешъ. Вслѣдствіе моихъ настойчивыхъ требованій объ ускореніи передачи телеграммъ, что въ то время не было облегчено послѣдовавшими усовершенствованіями и приспособленіями въ устройствѣ электрическихъ телеграфовъ, онъ отправилъ, на половинныхъ со мною издержкахъ, особаго агента, которому поручено было прослѣдить ходъ депешъ ко мнѣ, посылаемыхъ изъ Лондона, Амстердама, Гамбурга, какъ главныхъ пунктовъ ихъ отправки. Повадка дала Рейтеру необходимыя данныя для принятія мѣръ къ устраненію существовавшихъ препятствій къ быстрой передачѣ телеграммъ. Онѣ стали приходить до того скоро, что утромъ въ девять часовъ сообщенныя въ „Посредникъ“ съ канунныхъ заграничныхъ биржъ, особенно изъ Лондона, предупреждали телеграммы торговыхъ фирмъ. Нынѣ, двадцать пять лѣтъ спустя, не повѣрятъ, что телеграммы изъ западной Европы шли иногда, при нормальномъ состояніи погоды и при отсутствіи поврежденій на проводахъ, по двое сутокъ.

Въ началѣ моихъ сношеній съ Рейтеромъ, въ октябрѣ 1857 года, я получилъ въ промежутокъ двухъ—трехъ дней около тридцати телеграммъ, присланныхъ ко мнѣ изъ Кенигсберга позже полученія писемъ по почтѣ. Такъ какъ за нихъ уплачено было телеграфнымъ управленіемъ за мой счетъ нѣсколько сотъ рублей, то я сталъ хлопотать о возмѣщеніи мнѣ израсходованной моими агентами суммы. Телеграфное вѣдомство входило въ то время въ составъ главнаго управленія путей сообщенія, во главѣ котораго находился генералъ-адъютантъ Чевкинъ. Директоромъ телеграфовъ былъ генералъ-майоръ Гергардъ, помощникомъ его подполковникъ Людерсъ (нынѣ тайный совѣтникъ, директоръ телеграфнаго департамента), а начальникомъ телеграфной станціи въ Петербургѣ былъ, сколько помнится, подполковникъ Мейеръ. Эта станція помѣщалась въ небольшихъ низкихъ комнатахъ въ домѣ графини Борхъ (нынѣ С. С. Полякова), въ Галерной улицѣ, подлѣ сената. Нынѣ главная телеграфная станція въ Петербургѣ помѣщается въ роскошномъ собственномъ зданіи, съ обширными залами, въ Почтамтской улицѣ, гдѣ также подлѣ находится нарочно устроенный домъ съ квартирою директора телеграфовъ, тайнаго совѣтника Людерса. Я не былъ ни разу у г. Гергарда, потому что онъ часто, по болѣзни, отлучался за-границу, и не имѣлъ въ томъ надобности, но когда я отправился къ г. Людерсу, то нашелъ, что онъ жилъ на Фурштатской улицѣ, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ на дворѣ дома, принадлежащаго и нынѣ лютеранской церкви св. Анны. Этотъ флигель уже, кажется, не существуетъ.

Я получилъ отъ тогдашняго телеграфнаго управленія письменное увѣдомленіе, что моя жалоба вполне основательна, такъ какъ депеши получены были позже почтовыхъ писемъ, но что вина въ томъ лежитъ не на русскихъ телеграфныхъ линіяхъ. Тогда я обратился съ одинаковою жалобою въ управленіе королевско-прусскихъ телеграфныхъ линій въ Берлинъ, откуда получилъ вскорѣ отвѣтъ, но съ извиненіями, что претензія моя совершенно справедлива, хотя замедленіе въ передачѣ и не можетъ быть отнесено къ винѣ прусскихъ линій; словомъ, оба управленія, на линіяхъ которыхъ произошло необычное замедленіе въ передачѣ телеграммъ, признали справедливость моего требованія, но возвратъ денегъ былъ отклоненъ обоими. Я оставилъ дальнѣйшее преслѣдованіе этого дѣла, потому что мои просьбы и справедливость моихъ требованій имѣли послѣдствіемъ ускореніе передачи моихъ депешъ на прусскихъ линіяхъ. При этомъ мнѣ также было сообщено, что главноуправляющій путями сообщенія, генералъ-адъютантъ Чевкинъ, безъ всякой просьбы съ моей стороны, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мои телеграммы и на мое имя передавались по русскимъ линіямъ ранѣе другихъ частныхъ телеграммъ, предоставляя надъ собою первенство только правительственнымъ депешамъ. Эта мѣра была весьма важна въ то время. Одновременно К. В. Чевкинъ приказалъ, чтобы телеграммы и для другихъ газетъ въ Петербургѣ передавались прежде частныхъ депешъ. Мнѣ это извѣстіе сообщено было на словахъ офиціально тогдашнимъ начальникомъ главной телеграфной станціи въ Петербургѣ. Впослѣдствіи такое предпочтеніе оказывалось чуть ли не вопросомъ государственнаго значенія.

Но когда, въ 1858 или въ 1859 году, одна или двѣ телеграммы мои запоздали, по случаю замедленія передачи ихъ по подводному телеграфу между Англіею и Голландіею, и я о томъ написалъ въ правленіе компаніи, владѣвшей этимъ сообщеніемъ, то секретарь его немедленно меня увѣдомилъ, что, вслѣдствіе вины компаніи, деньги, уплаченныя за мой счетъ г. Рейтеромъ за передачу телеграммъ, возвращены ему, что, дѣйствительно, и было имъ подтверждено.

Годовой опытъ показалъ мнѣ, чѣмъ надобно дополнить телеграммы, сообщаемыя „Посредникомъ“, и въ чемъ ихъ сократить. Въмѣсто двухъ наданій газеты я сдѣлалъ одно и сталъ печатать въ немъ, съ 20 мая 1858, всѣ получаемыя депеши, за 150 р. въ годъ. Въ такомъ видѣ изданіе продолжалось въ 1858, 1859 и 1860 годахъ, но объемъ его былъ увеличенъ, начиная съ 1859 года. При этихъ перемѣнахъ цѣны подписки, содержанія и числа депешъ, я обыкновенно объѣзжалъ предварительно всѣ конторы, русскія и иностранныя, подписывавшіяся на газету, и заручался ихъ согласіемъ. При этомъ я посѣщалъ и тѣ торговныя фирмы, которыя еще не состояли абонентами на мои телеграммы, и объяснялъ имъ цѣль моего изданія. Такія повѣздки доставляли мнѣ знакомство въ биржевомъ и коммерческомъ мірѣ, указанія

на необходимыя измѣненія въ программѣ сообщаемыхъ свѣдѣній, а также и указанія на источники добыванія извѣстій. Случались и курьезныя встрѣчи. Глава одного извѣстнаго въ то время коммерческаго дома объявилъ мнѣ, что онъ никогда не подпишется на „Посредникъ“, потому что, сдѣлавъ черезъ него доступными телеграфическія извѣстія русскимъ купцамъ, я повредилъ ему лично и многимъ другимъ, которые считали своею монополіею имѣть коммерческія телеграммы изъ-за-границы. Немногіе торговые дома торговались въ цѣнѣ, прося сдѣлать имъ уступку въ подписной платѣ; но большинство, несмотря на національность, поддерживали меня въ моемъ предпріятіи. Пріѣзжаю однажды въ контору барона Штиглица, встрѣчаюсь съ нимъ самимъ и предлагаю подписаться на „Посредникъ“.

— Я въ немъ не нуждаюсь, былъ отвѣтъ банкира.—Я имѣю всѣ эти телеграммы непосредственно отъ своихъ корреспондентовъ.

Однако, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, контора барона Штиглица подписалась на „Посредникъ“, и если по утрамъ газета опоздывала, отъ задержки телеграммъ, то во мнѣ являлся артельщикъ изъ конторы, спрашивая о причинѣ замедленія нумера.

— Баронъ утромъ, — говорилъ артельщикъ, — первымъ дѣломъ требуетъ телеграфную газету.

Въ редакціи газеты „Посредникъ“ сформировалось ходомъ дѣлъ телеграфное агентство, которое и было первымъ въ Россіи. Ко мнѣ обращались съ просьбою о сообщеніи по телеграфу изъ Петербурга важнѣйшихъ коммерческихъ новостей въ разные внутренніе города торговымъ фирмамъ, которыя интересовались тѣмъ или другимъ товаромъ. Напримѣръ, въ Москву посылались одному русскому дому, торговавшему мѣдью (въ то время значительною статью нашего заграничнаго отпуска, тогда какъ потомъ мѣдь стали привозить къ намъ изъ Австраліи и другихъ мѣстъ), цѣны на нее въ Гамбургѣ, Лондонѣ и проч.; въ Ростовъ на Дону и Таганрогъ—цѣны на сало и хлѣба и т. под. Агентства Рейтера и Вольфа, въ Лондонѣ и Берлинѣ, получали отъ меня русскія политическія телеграммы. Въ 1862 году, я послалъ политическія телеграммы за-границу такого содержанія, которое не было сообщено еще русскими газетами, между прочимъ, о назначеніи великаго князя Константина Николаевича намѣстникомъ въ Польшу и проч. Матеріалъ для такихъ депешъ мнѣ былъ сообщаемъ изъ официальныхъ источниковъ для передачи за-границу. Въ самомъ Петербургѣ ко мнѣ обращались съ порученіями: узнать отъ моихъ заграничныхъ корреспондентовъ объ обстоятельствахъ торговли тѣмъ или другимъ товаромъ, особенно во время сильной спекуляціи саломъ на здѣшней биржѣ, напримѣръ, въ 1860 году. Нумеръ „Посредника“, прочитанный въ Петербургѣ его подписчикомъ, пересылался въ подлинникѣ другому купцу въ Москву, а тотъ отправлялъ его далѣе. Здѣшніе комиссіонные дома (только нѣкоторые), въ письмахъ къ своимъ доверителямъ внутри Россіи, занимались перепискою свѣдѣній, сообщаемъ

ныхъ въ „Посредникѣ“. Отчасти ихъ и винить нельзя было, потому что довѣрители ихъ предписывали имъ такія инструкціи. Иностранцамъ, жившимъ за-границею и знавшимъ по-русски, „Посредникъ“ послыдался отсюда ихъ корреспондентами, вслѣдствіе вѣрныхъ свѣдѣній его о видахъ на урожай хлѣбовъ и на сборъ для отпуска тѣхъ или другихъ товаровъ. Переплетенныя годовыя изданія „Посредника“ я находилъ въ нѣкоторыхъ купеческихъ конторахъ лѣтъ пятнадцать спустя. Они сохранялись для справокъ.

Средства, которыя доставляло мнѣ изданіе „Посредника“, дало мнѣ возможность взять на себя изданіе, съ 1-го января 1860 года, ежедневной газеты „Сѣверная Пчела“ и купить право на половину ея отъ Ѳ. В. Булгарина.

Въ концѣ 1860 года, вслѣдствіе изъявленныхъ съ разныхъ сторонъ желаній торговаго сословія, особенно изъ внутреннихъ мѣстъ Россіи, о пониженіи подписной цѣны на „Посредникъ“, чтобы сдѣлать его доступнѣе, а также съ цѣлью распространить „Сѣверную Пчелу“ въ кругу купечества, я объявилъ, что, съ 1-го января 1861 года, буду разсылать „Посредникъ“ бесплатно всѣмъ подписываемъ „Сѣверной Пчелы“, то есть двѣ ежедневныя газеты давать за 16 руб. Дѣйствительно, число подписчиковъ на „Сѣверную Пчелу“ очень значительно увеличилось, но въ результатѣ для моей кассы оказался огромный дефицитъ. Съ 1-го января 1862 года я раздѣлилъ вновь обѣ газеты, назначивъ каждой особую плату по 16 руб. и по 15 руб. Но 1.200 подписчиковъ на „Посредникъ“, по 15 руб., дали мнѣ въ 1862 году менѣе, чѣмъ я получалъ въ 1859 и 1860 годахъ отъ 180 подписчиковъ по 150 р., тѣмъ болѣе, что печать и бумага 1.200 экземпляровъ стоили дороже, чѣмъ двухъ сотъ. Поэтому, съ 1-го января 1864 года, я принужденъ былъ прекратить изданіе „Посредника“, а съ нимъ и закрыть существовавшее только въ силу изданія этой газеты телеграфное агентство. Желая сдѣлать свою дорогую газету доступнѣе для небогатыхъ торговыхъ фирмъ, я самъ „убилъ курицу, которая несла мнѣ золотыя яйца“. Эти потери повлекли за собою и прекращеніе въ концѣ 1864 года изданія „Сѣверной Пчелы“.

Въ обществѣ и въ журнальномъ мірѣ тогда говорили, что я прекратилъ изданіе „Посредника“ и вообще потерялъ значительный капиталъ, вслѣдствіе спекуляцій на биржѣ. Нѣкоторые изъ моихъ сотрудниковъ по „Сѣверной Пчелѣ“ распространили эти слухи. Это невѣрно. Я никогда не участвовалъ ни въ какихъ биржевыхъ спекуляціяхъ, тѣмъ болѣе въ то время. Во время изданія „Посредника“ я даже изъ любопытства ни разу не былъ въ зданіи петербургской биржи, хотя лучше многихъ ея посѣтителей зналъ въ тотъ же вечеръ, что на ней происходило днемъ. Такъ какъ у меня въ редакціи можно было получить „Посредникъ“ очень рано, то нѣкоторые маклера заѣжали по утрамъ за своими экземплярами, не дожидая ихъ разноса, особенно если выходъ газеты запаздывалъ, противъ обыкновенія, отъ

замедленія въ передачѣ денегъ. Ко мнѣ заѣзжали многіе купцы, особенно иногородные, получавшіе „Посредникъ“, при битности ихъ по дѣламъ въ Петербургѣ; я по нѣскольку разъ въ день получалъ записки о торговыхъ дѣлахъ, или ко мнѣ заходили маклера и словесно сообщали о сдѣланныхъ ими операціяхъ. Такая дѣятельность, присущая моему изданію и бывшая нараву предъ другими посѣтителями и сотрудниками, и дала поводъ къ толкамъ о моемъ участіи въ спекуляціяхъ. Сверхъ того, если бы я дѣйствительно принималъ въ нихъ участіе, то „Посредникъ“ не имѣлъ бы къ себѣ довѣрія, потому что моя спекулятивная дѣятельность была бы извѣстна на биржѣ, слѣдовательно газета не имѣла бы столько подписчиковъ. Я не думаю, чтобы у нынѣшняго „Международнаго Телеграфнаго Агентства“, послѣ его десятилѣтняго существованія, есть столько же подписчиковъ въ средѣ торговаго міра въ Петербургѣ, сколько ихъ было у „Посредника“, двадцать два года тому назадъ, при подписной цѣнѣ въ 150 руб.

Соединившись, какъ выше сказано, въ одну группу, въ 1858 году, для полученія политическихъ телеграммъ, ежедневныя петербургскія газеты продолжали получать ихъ отъ агентства Вольфа. Рейтеръ, въ письмѣ отъ 23-го августа (4-го сентября) 1858 года, предложилъ мнѣ получать отъ него политическія телеграммы для петербургскихъ газетъ, такъ какъ онъ могъ доставлять ихъ дешевле, чѣмъ Вольфъ изъ Берлина. Письмо свое Рейтеръ написалъ по возвращеніи своемъ изъ поѣздки на континентъ Европы, когда онъ вошелъ въ новыя соглашенія для того въ Парижѣ и Амстердамѣ. Вольфу были извѣстны мои сношенія съ Рейтеромъ и наши взаимныя условія. Онъ мнѣ нѣсколько разъ предлагалъ бросить Рейтера, обѣщая выгоды для меня отъ такого перехода. Но, по сосредоточіи въ то время всего товарнаго движенія въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, мнѣ необходимо было имѣть дѣла съ англійскимъ телеграфнымъ агентствомъ. Сверхъ того, Рейтеръ былъ подвижнѣе, дѣятельнѣе сонливаго, апатичнаго берлинскаго агентства. Узнавъ о предложеніи Рейтера высылать петербургскимъ газетамъ политическія телеграммы, Вольфъ немедленно вновь понизилъ свое комиссіонное вознагражденіе и довелъ его до 1 таллера за телеграмму изъ Берлина и до 2 таллеровъ за депешу извѣстия Берлина. Редакціи петербургскихъ газетъ остались при агентствѣ Вольфа. Но зато послѣднее заключило условіе съ другими подобными учрежденіями въ Европѣ, какъ то: парижскимъ, вѣнскимъ, лондонскимъ, и въ силу этого контракта ни одно изъ нихъ не имѣло права посылать телеграммы въ Россію, или получать ихъ оттуда, помимо агентства Вольфа. Въ этомъ контрактѣ означенныя агентства раздѣлили между собою Европу, предоставивъ каждому извѣстный районъ дѣятельности. Такимъ образомъ, Германія и Европа къ востоку отъ Берлина, то есть Россія, предоставлена была эксплуатаціи агентства Вольфа. Но такое раздѣленіе не относилось до моего условія съ Рейтеромъ относительно коммерческихъ телеграммъ, которое онъ сохранялъ въ силѣ, хотя оно было заключено между

нами простымъ обильномъ писемъ. Вольфъ посѣвши заручиться относительно Петербурга контрактомъ съ г. Дюфуромъ (книгопродавцемъ), тогдашнимъ издателемъ здѣшней французской газеты „Journal de St.-Pétersbourg“. Вообще, ея редація, какъ тогда, такъ и затѣмъ, всегда тяготѣла къ агентству Вольфа и настаивала передъ другими редакціями на сохраненіи съ нимъ связи. Отъ 24 октября (5 ноября) 1859 года, Рейтеръ писалъ мнѣ изъ Лондона, что „г. Дюфуръ заключилъ условіе съ г. Вольфомъ, въ которому и я приступилъ въ томъ отношеніи, что предоставилъ г. Вольфу отправку телеграммъ въ Россію. Я долженъ былъ поступить такимъ образомъ потому, что вступилъ съ г. Вольфомъ въ другаго рода обязательныя отношенія. Если же вы непремѣнно желаете получать отъ меня политическія телеграммы, то я съ удовольствіемъ приму на себя это порученіе и для того войду въ особое соглашеніе съ г. Вольфомъ“.

Вообще, оба агентства, Рейтера и Вольфа, вели между собою упорную конкуренцію, даже когда, около 1865 года, превратились въ акціонерныя компаніи, первоначально лондонское, а затѣмъ и берлинское. Г. Вольфъ къ тому времени уже не находился во главѣ основаннаго имъ телеграфнаго предпріятія, между тѣмъ какъ Рейтеръ, только немного лѣтъ тому назадъ, передалъ управленіе дѣлами своему сыну. Во время этой конкуренціи, Вольфъ открылъ свое собственное агентство въ Лондонѣ, а Рейтеръ въ Берлинѣ, въ 1868 году. Во главѣ берлинскаго агентства Рейтера, какъ самостоятельнаго учрежденія (прусское правительство не желало имѣть у себя подобныхъ иностранныхъ агентуръ), былъ поставленъ прусскій чиновникъ Альбертсъ. Несмотря на сильныя связи агентства Альбертса съ дипломатическимъ міромъ и правительственными сферами Берлина, оно не выдержало конкуренціи съ континентальною телеграфною компаніею (Вольфа) и закрылось. Агентство же Вольфа въ Лондонѣ просуществовало еще менѣе. 21-го іюня (3-го іюля) 1862 года, Рейтеръ писалъ мнѣ, что „для возможности достиженія свободной конкуренціи въ Россію, я сдѣлалъ г-ну Вольфу значительныя уступки и мы дружелюбно согласились считать Россію общою почвою для носылки тула телеграммъ“. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ предлагалъ русскимъ газетамъ, чрезъ меня, необыкновенно выгодныя условія, какихъ нинѣ никто уже не предложитъ, для полученія политическихъ телеграммъ, если все это дѣло будетъ сосредоточено въ его рукахъ при моемъ участіи. Предложеніе его не могло быть осуществлено вслѣдствіе сильнаго сопротивленія тогдашняго редактора „Journal de St.-Pétersbourg“ г. Каппельманса, принявшаго на себя его изданіе отъ Дюфура (съ февраля 1862 года), и отстаивавшаго необходимость имѣть дѣло съ Вольфомъ.

Во время соперничества съ другими телеграфными агентствами, Рейтеръ неоднократно пытался учредить отдѣленіе своего предпріятія въ Парижѣ, понимая все значеніе имѣть въ своихъ рукахъ такіе два центра умственнаго, промышленнаго и спекулятивнаго движенія,

каковы столицы Франціи и Англіи. Однажды онъ добился аудіенціи у императора Наполеона III, какъ онъ мнѣ сообщалъ, и изложилъ ему планъ свой на случай, если ему дозволено будетъ открыть свое собственное агентство въ Парижѣ. Наполеонъ III внимательно слушалъ его, но когда Рейтеръ заговорилъ о томъ, что онъ ранѣе всѣхъ будетъ сообщать всѣ телеграммы императору, послѣдній возразилъ:

— Все это очень хорошо, но я и безъ вашей помощи буду знать ранѣе васъ всѣ телеграммы, которыя въ вамъ будутъ поступать въ Парижѣ. Я и теперь ихъ всѣ знаю, слѣдовательно ваше агентство мнѣ не нужно. Вы не можете сообщить мнѣ ничего такого, чего бы я не зналъ уже ранѣе.

Когда, въ 1861 году, наше правительство, расширяя телеграфную сѣть, перешло чрезъ Уралъ и довело ее до Тюмени, Рейтеръ отправилъ особаго агента въ Пекинъ и устроилъ еженедѣльную разсылку особыхъ курьеровъ между этимъ городомъ и ближайшею телеграфною станціею въ западной Сибири для ускоренія полученія телеграммъ изъ Китая. Въ письмѣ, отъ 10-го (22-го) февраля 1862 года, Рейтеръ сообщалъ мнѣ, что посланный имъ агентъ находится уже на пути въ Пекинъ.

Преображеніе съ 1-го января 1864 года изданія „Посредника“ лишило русскій торговый міръ коммерческихъ телеграммъ. Выходившія тогда русскія ежедневныя газеты не сообщали ихъ, хотя въ числѣ подобныхъ изданій существовали „Биржевыя Вѣдомости“, К. В. Трубникова, слившаго для того свой собственный „Журналъ для акціонеровъ“ съ изданіемъ министерства финансовъ— „Коммерческою газетою“. „Биржевыя Вѣдомости“, переставъ быть органомъ министерства финансовъ по питейно-акцизному дѣлу, сдѣлались органомъ вновь образованнаго министерства почтъ и телеграфовъ, во главѣ котораго сталъ графъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой. Желаніе биржеваго купечества имѣть вновь коммерческія телеграммы на подобіе „Посредника“, заявляемое съ разныхъ сторонъ, побудили г. Горна (нынѣшняго редактора-издателя „Journal de St.-Petersbourg“, а тогда главнаго помощника г. Каппельманса) разослать, въ началѣ декабря 1865 года, объявленіе по торговымъ конторамъ, съ предложеніемъ подписки на коммерческія телеграфные бюллетени. Удовлетвореніе г. Горномъ насущной тогда потребности торговаго міра встрѣтило слѣдующій отзывъ въ № 270 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ (11-го декабря 1865 г.): „Надняхъ нѣкто г. А. Е. Горнъ, агентъ г. Вольфа, разослалъ въ особыхъ пакетахъ на имя извѣстныхъ лицъ объявленія, съ приглашеніемъ подписки на предположенное съ будущаго января изданіе „Листка биржевыхъ телеграфныхъ извѣстій“, которое принимаетъ на себя берлинская контора г. Вольфа. Цѣна этому листку назначена по сту рублей (100 р.) въ годъ. Имѣя въ виду, что берлинская контора г. Вольфа находится въ связи съ тамошними банкирами и что открытіе путей для иностраннаго вліянія, посредствомъ

торговыхъ телеграммъ, на нашъ рынокъ рѣшительно неудобно, во-первыхъ, потому, что подписная цѣна, опредѣленная въ 100 р., дѣлаетъ доступнымъ полученіе торговыхъ телеграммъ только для богатыхъ фирмъ; во-вторыхъ, что такимъ образомъ монополія въ полученіи торговыхъ извѣстій, которую хочетъ водворить у насъ контора Вольфа, послѣдуетъ къ явному вреду для торговли вообще и для интересовъ недостаточныхъ купеческихъ фирмъ въ особенности,—мы признаемъ нашею обязанностію своевременно предупредить вмѣшательство такого рода иностранцевъ въ наши торговныя дѣла, и съ этою цѣлію, а также, чтобы воспользоваться значительнымъ пониженіемъ тарифа на телеграфныя депеши по новой телеграфной конвенціи, которая осязательно указываетъ на вошіющую несообразность подписной цѣны за „Листокъ“ г. Вольфа, мы не замедлимъ обратиться къ нашимъ корреспондентамъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, о сообщеніи для „Биржевыхъ Вѣдомостей“ торговыхъ телеграммъ“.

Вслѣдствіе ли подобной выходки противъ г. Горна, произшедшей въ журнальномъ мірѣ невыгодное для „Биржевыхъ Вѣдомостей“ впечатлѣніе, или по малочисленности подписки, только г. Горнъ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе и возвратилъ подписавшимся внесенныя ими деньги. Дѣйствительно, первые коммерческія телеграммы появились, 19-го декабря 1865 г., въ № 277 „Биржевыхъ Вѣдомостей“, но онѣ были, что называется, жидки и не удовлетворяли дѣйствительнымъ потребностямъ въ томъ торговаго міра. При встрѣчахъ съ банкирами, купцами, маглерами, я неоднократно былъ привѣтствуемъ слѣдующею фразою, даже много лѣтъ спустя послѣ превращенія „Посредника“:

— Вашего „Посредника“ никто не замѣнилъ; начните его вновь.

— Обеспечьте его изданіе,—былъ мой отвѣтъ,—взаимною подпискою; иначе не начну; 1861 годъ меня проучилъ.

— Начинайте только; подписчиковъ будетъ болѣе прежняго.

Но, въ началѣ 1866 года прибылъ, въ Петербургъ изъ Берлина уполномоченный континентальной телеграфной компаніи (Вольфа), подполковникъ прусской службы, фонъ-Конрингъ. Образованный, свѣтскій, дипломатически воспитанный, снабженный вліятельными рекомендаціями, онъ получилъ немедленно доступъ въ придворныя, правительственныя, биржевыя сферы. Конрингъ подалъ министру почтъ и телеграфовъ прошеніе о разрѣшеніи ему основать въ Петербургѣ телеграфное агентство. Я познакомился съ нимъ слѣдующимъ образомъ.

Въ началѣ марта 1866 года, я получилъ приглашеніе отъ банкира Капгера придти къ нему по одному дѣлу въ его контору, которая тогда помещалась въ Кадетской линіи, на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ Риттера (нынѣ Лампе). Сынновья Капгера были моими школьными товарищами; я былъ принятъ въ его семействѣ. Старикъ Капгеръ былъ въ числѣ тѣхъ банкировъ и негоціантовъ, которые содѣйствовали успѣху

моего „Посредника“ сообщеніемъ мнѣ свѣдѣній о биржевыхъ дѣлахъ, всегда достовѣрныхъ и по содержанию своему часто исключительнаго интереса. При его участіи были реализированы первыя (послѣ выпуска 4¹/₂% облигацій главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ) облигаціи частной желѣзной дороги, именно 5% московско-рязанскія, гарантированныя правительствомъ, на сумму 5 милліоновъ рублей, причемъ, кажется, Капгеромъ и была указана возможность получать этимъ путемъ деньги для постройки нашихъ рельсовыхъ путей, выпуская облигаціи въ заграничной валютѣ. Московско-рязанскія облигаціи были обозначены цѣною въ 200 прусск. тал. Также, кажется, при посредствѣ Капгера, была найдена возможность реализовать первый выпускъ вкладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ январѣ 1868 года, на 10.000.000 р. мет., для чего и былъ заключенъ извѣстный контрактъ съ франкфуртскимъ домошъ Ротшильда. По тогдашнимъ слухамъ, Капгеръ нажилъ отъ этихъ двухъ операций, равно скупомъ акцій московско-рязанской дороги во время ихъ самаго сильнаго пониженія (до 1861 года), большое состояніе, которое позволило ему ликвидировать затѣмъ свои дѣла, закрыть свою контору и удалиться на спокойное жительство въ Дрезденъ, гдѣ онъ даже приобрѣлъ себѣ баронское достоинство ⁴⁾.

Старикъ Капгеръ встрѣтилъ меня вопросомъ: желаю ли я стать во главѣ управленія телеграфнаго агентствомъ въ Петербургѣ, которое будетъ учреждено при его участіи съ берлинскими банкирами, съ которыми онъ находится въ дѣлахъ, и для чего присланъ сюда г. Конрингъ, съ которымъ онъ меня сегодня же познакомить, такъ какъ онъ явится чрезъ полчаса? Капгеръ мнѣ сказалъ, что онъ указалъ на меня, какъ на доказавшаго свои знанія въ этомъ дѣлѣ изданіемъ „Посредника“, какъ на знающаго иностранныя языки, и что остановка только за моимъ согласіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не скрылъ отъ меня, что берлинскіе банкиры, товарищи его въ этомъ дѣлѣ, принимаютъ также участіе въ составленномъ ими акціонерномъ капиталѣ континентальной телеграфной компаніи. Въ этотъ же день я познакомился у Капгера съ Коирингомъ. Послѣдній велъ уже переговоры съ министрами и желалъ продолжать ихъ лично, а потому мнѣ оставалось только ждать ихъ результата.

Такъ какъ вслѣдъ за г. Коирингомъ и г. Трубниковъ, вмѣстѣ съ другими лицами, подалъ прошеніе министру почтъ и телеграфовъ объ основаніи „Русскаго Телеграфнаго Агентства“, то, по тогдашнимъ слухамъ, по высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ особенный ко-

⁴⁾ Услугами Капгера пользовалось неоднократно и министерство финансовъ. Чрезъ него продана была за-границу старинная иѣдная монета (екатерининская и другая); въ его конторѣ, въ августѣ 1860 года, выдавалось мелкое серебро (при истрѣбованіи серебра въ обращеніи, за вывозомъ за-границу), въ обмѣнъ на кредитные билеты, до 10 руб. въ одѣй руки,—заводчикамъ, фабрикантамъ, но не иѣндаламъ и проч.

митетъ для обсужденія этого дѣла. Въ составъ комитета вошли три министра: иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ, внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, и почтъ и телеграфовъ, И. М. Толстой. Комитетомъ постановлено было въ принципѣ устранить основаніе въ Петербургѣ и въ Россіи иностраннаго телеграфнаго агентства, допустить учрежденіе „Русскаго Телеграфнаго Агентства“ и только въ случаѣ, если оно не въ состояніи будетъ сформироваться, допустить иностранное агентство. Эти слухи подтверждаются письмами г. Конринга ко мнѣ и сообщенными имъ мнѣ свѣдѣніями отъ 31-го марта 1866 г., въ Петербургѣ. Онъ писалъ мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ: „Позвольте мнѣ вамъ сообщить, что министръ внутреннихъ дѣлъ, несмотря на данное имъ обѣщаніе, до сихъ поръ оставляетъ безъ всякаго отвѣта присланное имъ на заключеніе министромъ почтъ и телеграфовъ прошеніе о моемъ предпріятіи, а г. Толстой мнѣ объявилъ, что онъ, вслѣдствіе того, не можетъ внести этого дѣла въ комитетъ министровъ“. 15-го апрѣля г. Конрингъ увѣдомилъ меня, что онъ получилъ отвѣтъ отъ И. М. Толстого и просилъ меня навѣстить его въ гостинницѣ Клея (въ Михайловской улицѣ), гдѣ онъ жилъ. При свиданіи онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее полученное имъ увѣдомленіе, на французскомъ языкѣ, „изъ кабинета (cabinet) министра (такъ стояло въ заголовкѣ) почтъ и телеграфовъ“, отъ 13-го (25) апрѣля 1866 года, за № 112: „Милостивый государь. Въ отвѣтъ на ваше письмо, отъ 9-го сего апрѣля, честь имѣю вамъ сообщить, что я не имѣлъ еще случая получить мнѣніе министровъ, моихъ товарищей, по поводу вашего проекта основанія въ Петербургѣ телеграфнаго агентства. Виѣстѣ съ тѣмъ я долженъ вамъ, милостивый государь, сообщить, что подобныя прошенія уже поданы мнѣ многими русскими компаніями. Впрочемъ, вы можете надѣяться, что если какая нибудь иностранная компанія явится конкурентною русскимъ компаніямъ, уже учрежденнымъ, то вамъ будетъ дано преимущество. Примите и проч. И. Толстой“¹⁾.

Между тѣмъ, высочайшимъ повелѣніемъ 14-го апрѣля 1866 г., по всеподданнѣйшему докладу министра почтъ и телеграфовъ, дозволено было учредить „Русское Телеграфное Агентство“. Конрингъ, разумѣется, уѣхалъ въ Берлинъ; отъ 13-го (25-го) мая того же года, онъ писалъ мнѣ изъ Берлина, что проектъ учрежденія имъ агентства въ Петербургѣ вовсе не оставленъ, что онъ возникнетъ вскорѣ въ другомъ видѣ, но что тогдашнія политическія обстоятельства не дозволяютъ ему заняться этимъ дѣломъ. Онъ сообщалъ мнѣ въ письмѣ подробныя свѣдѣнія о предстоящей войнѣ между Австріею и Пруссіею, которая, дѣйствительно, и вспыхнула. Затѣмъ о г. Конрингѣ и его проектахъ я ничего болѣе не слышалъ. Г. Кап-

¹⁾ Иванъ Матвѣевичъ Толстой возведенъ былъ въ графское достоинство 16-го апрѣля 1866 года.

герь, который могъ бы сильно содѣйствовать осуществленію предпріятія, если бы не ограничился только денежнымъ въ немъ участіемъ и если бы не надѣялся на рекомендаціи, имѣвшіяся у Комринга, также замолчалъ о дѣлѣ, которое не имѣло успѣха.

Печатный циркуляръ „Русскаго Телеграфнаго Агентства“, возвѣстившій объ его учрежденіи, съ приглашеніемъ къ подпискѣ на его телеграммы, разосланъ былъ въ концѣ мая и въ началѣ іюня (одобренъ къ печати цензурою 26-го мая 1866 г.). Агентство начало свою дѣятельность въ іюлѣ. Учредителями агентства были названы въ циркулярѣ: торговый домъ Густавъ А. Гауфъ и комп., коммерціи совѣтникъ И. А. Глазовъ, банкирскій домъ Лепенау и комп., титулярный совѣтникъ К. Трубниковъ и с.-петербургскій негодіантъ Карлъ Шпитгелъ. Отвѣтственнымъ лицомъ за содержаніе телеграммъ передъ правительствомъ назначенъ былъ г. Трубниковъ. „Русское Агентство“ стало получать свои телеграммы отъ Рейтера, отъ агентства Дамнеса (Гаваса тожъ) въ Парижѣ, отъ телеграфнаго бюро Леопольда Поппе¹⁾ (въ Гамбургѣ и Берлинѣ), отъ вѣнскаго телеграфнаго агентства („Correspondenz bureau“, полуофициальнаго учрежденія) и отъ телеграфнаго агентства Стефани (тогда находившагося во Флоренціи, а затѣмъ перебравшагося въ Римъ, по занятіи его итальянцами). Цѣна бюллетенямъ агентства была назначена 100 руб. въ годъ для абонента.

Петербургскія ежедневныя газеты, получавшія по прежнему сообщая свои политическія телеграммы изъ Берлина отъ континентальной телеграфной компаніи, на предложеніе „Русскаго Телеграфнаго Агентства“ пользоваться его матеріаломъ, отвѣчали отказомъ. Началась война 1866 года между Австріею и Пруссіею, союзницею которой была Италия. Телеграммъ о побѣдахъ австрійцевъ надъ итальянцами, при Кустоцѣ и Лиссѣ, берлинское агентство, прекратившее тогда свои долговѣстныя сношенія съ вѣнскимъ полуофициальнымъ агентствомъ, не передало въ Петербургъ и наша публика узнала объ этихъ событіяхъ изъ телеграммъ „Русскаго Телеграфнаго Агентства“. Редакціи петербургскихъ газетъ, лишеныя такой важной новости, обидѣлись на континентальную телеграфную компанію. Онѣ отказались получать телеграммы отъ послѣдней и приняли предложенія русскаго агентства. Поэтому, осенью 1866 года, по заключеніи мира между Австріею и Пруссіею, въ Вѣпѣ собралась своего рода конференція уполномоченныхъ четырехъ телеграф-

¹⁾ Послѣ неудачной конкуренціи въ Германіи съ континентальною телеграфною компаніею, г. Поппе перенесъ, въ 1871 году, свою дѣятельность изъ Гамбурга въ Парижъ, откуда сталъ посылать телеграммы въ разныя газеты, гдѣ основалъ двѣ коммерческія газеты, „Pariser Voerssenblatt“ и „La cote Européenne“ и вошелъ въ связь съ берлинскимъ агентствомъ Гирша. Въ Гамбургѣ же образовалось солидное акціонерное телеграфное агентство „Voersenhalle“ (биржи) при поддержкѣ тамошней биржи. Рейтеръ также закрылъ въ Гамбургѣ свое агентство, но оставилъ его въ Амстердамѣ.

ныхъ агентствъ: гамбургскаго, берлинскаго, парижскаго и вѣнскаго, для выясненія ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній къ другимъ агентствамъ, преимущественно вслѣдствіе возникновенія въ Россіи самостоятельнаго телеграфнаго учрежденія. Конференція эта не имѣла никакого особеннаго результата.

Въ исходѣ 1867 года, редакціи шести петербургскихъ ежедневныхъ газетъ заявили свое желаніе, съ 1-го января 1868 года, вновь получать телеграммы отъ континентальной телеграфной компаніи изъ Берлина, но съ 1-го апрѣля 1868 года вновь обратились къ услугамъ „Русскаго Телеграфнаго Агентства“. Въ 1870 году, онѣ снабжались телеграммами вновь изъ Берлина и въ войну 1870—1871 года Германіи съ Франціею быстрота и свѣжесть извѣстій были на сторонѣ континентальной компаніи, а не русскаго агентства.

Къ немногимъ заслугамъ „Русскаго Телеграфнаго Агентства“, въ 1871 году существовавшего почти только номинально, а въ 1872 г. закрывшагося, принадлежитъ устройство полученія телеграммъ изъ Персіи (изъ Тавриза), гдѣ агентомъ его былъ одинъ чиновникъ персидскаго телеграфнаго вѣдомства, и полученіе телеграммъ изъ Константинополя помимо турецкой цензуры. Корреспондентомъ агентства въ Константинополѣ былъ покойный баронъ Штейгеръ, главный тамошній уполномоченный русскаго общества пароходства и торговли. Г. Штейгеру содѣйствовалъ его помощникъ, г. Цедербаумъ. Составленная въ Константинополѣ телеграмма посылалась съ пароходомъ въ Одессу (тогда еще не существовало подводнаго телеграфнаго кабеля между этимъ городомъ и столицей Турціи), гдѣ немедленно отдавалась на телеграфную станцію для передачи въ Петербургъ. Такимъ путемъ извѣстія изъ Константинополя приходили въ остальную Европу тремя сутками ранѣе практиковавшагося до того способа передачи ихъ съ пароходами, ходившими между Стамбуломъ и Триестомъ. Телеграммы, передаваемыя барономъ Штейгеромъ (часто отлучавшимся по своимъ занятіямъ изъ Константинополя), или его помощникомъ, отличались достоверностью и свѣжестью извѣстій, потому что получались ими изъ вполне компетентнаго источника, раскрывать который теперь, можетъ быть, неблаговременно. Персидскія и турецкія телеграммы „Русскаго Телеграфнаго Агентства“ передавались имъ чрезъ заграничныя агентства въ иностранныя газеты и охотно ими принимались по серьезности своего политическаго содержанія и значенія. „Русское Телеграфное Агентство“ также учредило своего корреспондента въ Китаѣ, такъ что осада тамошняго города Тіенцзина была возвѣщена Европѣ и Америкѣ прежде всего телеграммою этого агентства.

Лѣтомъ 1871 года, я получилъ приглашеніе, чрезъ А. А. Краевскаго, принять участіе въ сформированіи новаго телеграфнаго агентства, съ тѣмъ чтобы управлять имъ. А. А. Краевскій въ самомъ началѣ сказалъ мнѣ, что въ образованіи этого агентства онъ не будетъ принимать участія и что необходимый для дѣла основной капиталъ будетъ

данъ русскими капиталистами. Затѣмъ оказалось, что во главѣ предпріятія стоитъ коммерціи совѣтникъ Я. Я. Фейгинъ. Онъ, дѣйствительно, осенью ѣздилъ въ Москву для приглашенія къ участію въ новомъ агентствѣ тамошнихъ капиталистовъ, но не встрѣтилъ у нихъ сочувствія въ этому дѣлу. Нѣкоторые изъ московскихъ капиталистовъ-купцовъ отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ сдѣланъ былъ выговоръ отъ высочайшаго имени, за ихъ участіе капиталами въ изданіи прекращенной передъ тѣмъ газеты „Москва“.

— Пособить дѣлу деньгою, да получить за то выговоръ,—слуга покорный. Давая деньги, мы не знали, что газету „Москву“ запретятъ. Трудно знать поэтому впередъ, что выйдетъ изъ агентства.

Передаю такъ, какъ слышалъ въ то время.

Въ октябрѣ 1871 года, я лично подалъ управлявшему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (за отсутствіемъ генералъ-адъютанта Тимашева), статсъ-секретарю князю Лобанову-Ростовскому (нынѣ послу въ Лондонѣ), прошеніе о дозволеніи учредить въ Петербургѣ „Международное Телеграфное Агентство“. Названіе было предложено мною. Прошеніе было подписано двумя учредителями, коммерціи совѣтникомъ Фейгинымъ и мануфактуръ-совѣтникомъ Сазиковымъ. Послѣдній подписывая прошеніе, сказалъ мнѣ, что онъ никакого участія, ни денежнаго, ни другаго, въ агентствѣ принимать не будетъ и что онъ входитъ въ дѣло только по просьбѣ Я. Я. Фейгина. Князь Лобановъ-Ростовскій принялъ меня въ томъ же самомъ помѣщеніи министерскаго дома (у Александринскаго театра), гдѣ, за десять лѣтъ передъ тѣмъ ¹⁾, я имѣлъ свиданіе съ С. С. Ланскимъ по поводу предстоявшаго знаменательнаго дня 19-го февраля 1861 года, но голубаго кабинета бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ уже не существовало.

Высочайшее утвержденіе „Международнаго Телеграфнаго Агентства“ состоялось 5-го ноября 1871 года. Я былъ назначенъ его управляющимъ и отвѣтственнымъ редакторомъ его телеграммъ. Для переговоровъ съ заграничными телеграфными агентствами, г. Фейгинымъ былъ посланъ чиновникъ телеграфнаго департамента, Николай Федоровичъ Крапухинъ, отправлявшійся, по порученію своего начальства, въ Римъ на тогдашній международный телеграфный конгрессъ. Онъ нашелъ возможнымъ заключить нотаріальный контрактъ только съ континентальною телеграфною компаніею въ Берлинѣ. По этому контракту всѣ главныя агентства въ Европѣ, входя въ обязательство

¹⁾ Въ 1876 году, учредилось въ Петербургѣ еще особое телеграфное агентство г. Поггенпола („Agence Générale Russe“), съ ежегодною правительственною субвенціею въ 25.000 руб. Подобныхъ субвенцій не получало прежде ни одно агентство въ Россіи. Я передавалъ правительственныя сообщенія въ 1862 году за-границу безвозмездно, расхода свои средства на оплату телеграммъ, во временахъ, безвозвратно. Всѣ агентства въ Россіи (кромя г. Поггенпола) уславляли только доходы государственнаго казначейства, а не истощали ихъ, увеличивая число передаваемыхъ телеграммъ. Агентство г. Поггенпола оказалось на дѣлѣ бесполезнымъ учрежденіемъ.

доставлять свои телеграммы „Международному Телеграфному Агентству“, обязались съ тѣмъ вмѣстѣ не имѣть ни съ кѣмъ въ Россіи подобныхъ сношеній. За такую монополію, однако, берлинская компанія потребовала ежегоднаго вознагражденія въ 10.000 прусскихъ талеровъ, сверхъ уплаты за телеграммы по тарифу. Я нашелъ это требованіе чрезмѣрнымъ, невозможнымъ для агентства въ Россіи, зная, по предшествовавшему опыту, что наше отечество не Англія и не Франція или Германія, относительно спроса со стороны публики и торговаго міра на телеграммы. Мой голосъ не могъ одолѣть голоса г. Крапухина и контрактъ былъ заключенъ. Это была фундаментальная ошибка, которая нанесла значительные убытки „Международному Агентству“.

Континентальная телеграфная компанія, доставлявшая политическія телеграммы русскимъ газетамъ, потребовала, до подписанія контракта съ нимъ, письменнаго увѣдомленія отъ уполномоченнаго здѣшнихъ редакцій, г. Мейера (тогдашняго редактора „Petersburger Zeitung“), что онѣ отказываются отъ полученія отъ нея телеграммъ и будутъ ихъ получать отъ „Международнаго Телеграфнаго Агентства“. Всѣ редакціи согласились на мое предложеніе по этому предмету и перешли къ послѣднему агентству.

„Международное Телеграфное Агентство“ открыло свои дѣйствія съ 1-го января 1872 года, слѣдовательно существуетъ уже десять лѣтъ. Въ началѣ 1872 года, дѣла коммерціи совѣтника Фейгина разстроились и только тогда права его и г. Сазикова, какъ учредителей, перешли къ А. А. Краевскому. Въ то время онъ таяготился этимъ бременемъ, что неоднократно высказывалъ мнѣ письменно и словесно, во время моего управленія агентствомъ, до 3-го іюня 1875 года, когда я принялъ на себя редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Отвѣтственнымъ редакторомъ телеграммъ „Международнаго Агентства“ былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ А. А. Краевскій еще въ май того же года ¹⁾. Съ того времени „Международное Телеграфное Агентство“ постепенно утратило прежній свой характеръ нейтральнаго учрежденія въ средѣ петербургскихъ газетъ, чѣмъ и навлекло на себя ихъ неудовольствіе. До іюня 1875 года этихъ неудовольствій не существовало.

Пав. Усовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. „Мои воспоминанія“, „Историческій Вѣстникъ“, томъ VII, стр. 107.

ШВЕДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ РОССИИ ВЪ 1674 ГОДУ.

I.

НЕСМОТРЯ на заключенный въ 1661 году, въ Кардисъ, миръ, положившій конецъ русско-шведской войнѣ, возгорѣвшейся въ царствованіе Алексѣя Михайловича, между Россіей и Швеціей продолжали существовать непріязненные отношенія, преимущественно вслѣдствіе неисполненія русскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора, касавшихся точнаго опредѣленія границъ, торговли, и возвращенія шведскихъ плѣнныхъ. Чтобы положить конецъ взаимнымъ пререканіямъ, уладить спорные вопросы, направить русскую торговлю въ прибалтійскія шведскія гавани, и посредствомъ заключенія оборонительнаго союза тѣснѣе сблизиться съ Россіей, шведскій дворъ рѣшился, въ 1673 году, отправить въ Москву особое посольство, состоявшее изъ государственнаго совѣтника, графа Густава Оксенширна, эстляндскаго ландрата барона Ганса фонъ-Тивенгаузена, лифляндскаго ландрата Готарда Будберга, и ассесора комерцъ-коллегіи Іоанна Лилленгофа.

Въ этому посольству, въ качествѣ военнаго агента, былъ прикомандированъ молодой артиллерійскій капитанъ Эрикъ Пальмквистъ, имѣвшій всего 23 года отъ рожденія, но уже успѣвшій обратить на себя вниманіе правительства своимъ солиднымъ образованіемъ, способностями и произведенными имъ работами по укрѣпленію Риги.

Во время пребыванія своего въ Россіи вмѣстѣ съ посольствомъ, Пальмквистъ велъ дневникъ, который представилъ по возвращеніи въ Швецію королю. Дневникъ этотъ, хранящійся въ шведскомъ государственномъ архивѣ и лишь недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ, носить слѣдующее заглавіе: „Nagre widh sidste Kongl. Ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer öfver Rysslandh, des Wäger, Pass medh Fästningar

och gräntzer sammandragne aff Erich Palmquist.“ (Нѣсколько замѣчаній о Россіи, о ея дорогахъ, укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и границахъ, во время послѣдняго королевскаго посольства къ московскому царю. Составлены Эрикомъ Пальмквистомъ.) Къ рукописи приложены 28 листовъ рисунковъ, картъ и плановъ in-folio, рисованныхъ самимъ Пальмквистомъ. Въ своемъ обращеніи къ королю, которое служить

Поѣздъ знатной русской боярыни XVII столѣтія.

предисловіемъ къ дневнику, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „я самъ въ разныхъ мѣстахъ тайно наблюдалъ и рисовалъ, рѣскаю собой, а также получалъ за деньги нѣкоторыя свѣдѣнія отъ русскихъ подданныхъ.“ Къ Россіи Пальмквистъ относится вообще неблагоклонно. Онъ называетъ русскихъ „націей недовѣрчивой, несговорчивой, робкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменной, много о себѣ воображающей и съ презрѣніемъ относящейся ко всему иностранному.“ „Русскіе,—говоритъ Пальмквистъ,—обладаютъ необыкновенной физической крѣпостью, очень способны къ труду, но при этомъ крайне лѣнны и охотнѣе всего предаются разгулу, до тѣхъ поръ, пока нужда не заставитъ ихъ взяться за дѣло. Ничто не идетъ болѣе къ русскому характеру, какъ торговать, барышничать, обманывать, потому что честность русскаго рѣдко можетъ устоять передъ деньгами; онъ такъ жаденъ и корыстолюбивъ, что считаетъ всякую прибыль честной. Русскій не имѣетъ понятія о правдивости и видитъ во лжи только прикрасу; онъ столь искусно умѣетъ притворяться, что болшую часть нужно употребить много усилій, чтобы не быть имъ обманутымъ. Русскій по природѣ очень способенъ ко всѣмъ ремесламъ и можетъ изворачиваться при самыхъ скудныхъ средствахъ. Купецъ, или солдатъ, отправляясь въ дорогу, довольствуются тѣмъ, что берутъ съ собой сумку съ овсяной мукой, изъ которой они и приготавливаютъ себѣ обѣдъ, взявъ нѣсколько ложекъ муки и смѣшавъ ея съ водой; такая смѣсь служитъ имъ и напиткомъ и бушаньемъ.“ На основаніи

свѣдѣній, собранныхъ имъ о Россіи, Пальмквистъ, какъ бы пророчески указывая на будущее пораженіе русскихъ подъ Нарвой, считалъ себя вправѣ предсказывать шведскому королю, что „подданные Карла XI, подъ его предводительствомъ, какъ въ другихъ частяхъ свѣта, такъ въ особенности въ восточной странѣ (т. е. Россіи) найдутъ достаточно мѣста и матерьяла, чтобъ воздвигнуть въ вѣчную славу его величества видный трофей.“

Въ прошломъ году, въ иллюстрированной шведской газетѣ „*Shistegrad Tidning*“ появилось небольшое извлеченіе изъ дневника Пальмквиста, сопровождаемое четырьмя, заимствованными отсюда же, литопадажами. Полагая, что читателямъ „Историческаго Вѣстника“ будетъ небезынтересно познакомиться съ этими цѣнными не только для шведовъ, но и для насъ, рисунками, мы воспроизводимъ ихъ здѣсь въ уменьшенной, но точной копіи.

Первый рисунокъ изображаетъ зимній поѣздъ знатной русской боярыни. Тяжелый, массивный возокъ тянется по глубокому снѣгу

Пытка водой.

шестью лошадьми, запряженными „гусемъ“. Тогда роболѣпныхъ слугъ окружаетъ экипажъ, или помогаая лошадаямъ, или готовая исполнить по первому знаку приказанія своей госпожи; встрѣчные люди еще издалеку сворачиваютъ въ сторону и, почтительно снявъ шапки, пропускаютъ мимо себя поѣздъ.

На второмъ рисунокѣ представлена практиковавшаяся тогда въ Россіи „пытка водой“. На первый взглядъ, повидимому, безвредная, она была страшно мучительна. Надъ преступникомъ, ерѣшко привязаннымъ къ столбу, утверждался на извѣстной вышинѣ сосудъ особаго устройства, непрерывно выпускавшій изъ себя крупныя капли холодной воды, кото-

рыя, съ математическою точностью падая на обнаженное темя несчастнаго, производили нестерпимыя страданія.

Третій рисунокъ изображаетъ тогдашній Николо-Угрѣшскій монастырь, находившійся въ 10—15 верстахъ отъ Москвы, гдѣ обычно-

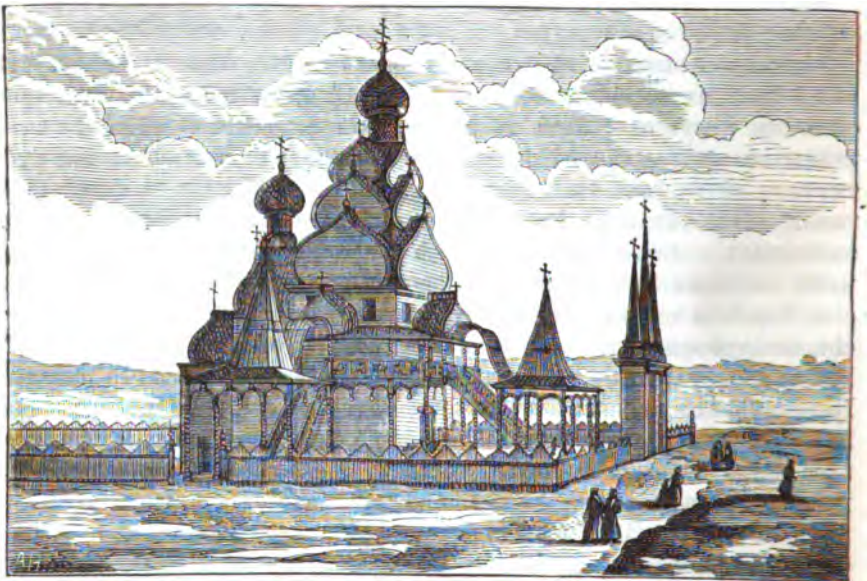
венно иностранныя посольства останавливались для небольшого' отдыха передъ въѣздомъ въ столицу, а четвертый представляетъ пріемъ шведскаго посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ частности, этотъ послѣдній рисунокъ имѣетъ нѣсколько погрѣшностей, такъ какъ Пальмквистъ рисовалъ его, разувѣтсая, на память, по возвращеніи съ аудіенціи (напр., рынды, окружающіе тронъ, представлены, вмѣсто соболей, въ горностаевыхъ шапкахъ), но въ общемъ—онъ вѣренъ и характеренъ.

II.

Шведское посольство отправилось изъ Стокгольма 21-го августа 1673 года, на военномъ кораблѣ „Uttern“ и, четыре дня спустя, прибыло въ Фурусундъ, куда въ наше время пароходы совершаютъ свои рейсы въ четыре часа. Простоявъ здѣсь около недѣли по случаю противнаго вѣтра, „Uttern“ лишь 14-го сентября вошелъ въ Ревельскую гавань. Отдохнувъ въ Ревелѣ, посольство двинулось далѣе уже въ экипажахъ и 18-го ноября достигло русской границы, гдѣ было встрѣчено царскими приставами, назначенными сопровождать его по Россіи. Переѣздъ черезъ границу совершенъ былъ въ торжественной процессіи, которую замыкала „собственная его королевскаго величества карета“. На каждой станціи для посольскаго поѣзда заготовлялось 440 лошадей. Въ Новгородѣ возникло неожиданное затрудненіе, едва не принудившее Оксенширну вернуться обратно. До сихъ поръ ни одно шведское посольство не брало съ собой „собственной его королевскаго величества кареты“ и въ данномъ случаѣ присутствіемъ ея дѣлалась русскимъ „особая честь“. Но оказалось, что ворота, черезъ которыя долженъ былъ совершиться въѣздъ посольства въ Новгородъ, были слишкомъ низки для кареты и потому новгородскій воевода Шереметевъ предложилъ Оксенширну оставить въ предмѣстьи ихъ громоздкій экипажъ и совершить въѣздъ въ царской каретѣ. Послы обидѣлись такимъ предложеніемъ, сочтя его „подривомъ репутаціи шведскаго короля“, и ни за что не хотѣли разстаться съ своей каретой, хотя ширина и высота воротъ ясно показывала, что она никакъ не можетъ протиснуться черезъ нихъ. Послѣ долгихъ споровъ и объясненій, Шереметевъ приказалъ, наконецъ, разломать ворота настолько, чтобы черезъ нихъ могла свободно пройти „собственная его королевскаго величества карета“. Въѣхавъ съ обычной церемоніей въ Новгородъ, послы прожили въ немъ до 2-го декабря и затѣмъ продолжали дальнѣйшій путь уже безпрекословно въ царской каретѣ „со сводчатымъ балдахиномъ, четырьмя вызолоченными шарами по угламъ, позолотой снаружи и обитой внутри краснымъ бархатомъ“.

Наканунѣ Рождества, посольство достигло Николо-Угрѣшскаго монастыря, построеннаго, по словамъ Пальмквиста, „въ пестромъ стилѣ,

составляющемъ отличительную черту русско-восточныхъ зданій“. Приведя себя здѣсь въ порядокъ, послы двинулись къ Москвѣ. Въ пяти верстахъ отъ столицы началась живая изгородь изъ войска, доходящая до самаго города. По лѣвую сторону были расположены 24 полка пѣхоты съ 200 орудій, а по правую кавалерія. Передъ каждой ротой стояли трубачи и музыканты съ бубнами и свирѣлями, производившіе, по словамъ Пальмквиста, „страшный шумъ“. Хотя день былъ очень морозный, посольству пришлось, однако же, двигаться впередъ шагъ за шагомъ и оно только въ сумерки добралось до Москвы.

Никола-Угрьскій монастырь въ XVII столѣтїи.

У самаго города его встрѣтили три царскихъ пристава, которые вышли изъ своихъ саней, чтобы привѣтствовать прибывшихъ отъ имени государя, такъ что посламъ пришлось также вылѣзти изъ кареты и выслушивать любезности и отвѣчать на нихъ подъ открытымъ небомъ, на морозѣ.

3-го января 1674 года, назначена была торжественная аудіенція посламъ, но въ этотъ самый день между шведами и русскими возникъ споръ по одному церемоніальному вопросу, сдѣлавшій аудіенцію невозможной. Русскіе требовали, чтобы послы вступили въ тронную залу безъ тростей и шпагъ и съ обнаженной головой. Послы согласились оставить трости и шпаги, но отказались обнажить головы, такъ какъ не имѣли на этотъ счетъ инструкцій. Напрасно пристава убѣждали и доказывали, что „даже послы римскаго цезаря не явля-

ются передъ царемъ на аудіенціи съ покрытыми головами“. Оксенширнъ упорствовалъ, выражая сожалѣніе, что „изъ всего дѣла ничего не выходитъ“, ибо послы не хотѣтъ допустить къ аудіенціи „съ должнымъ его королевскому величеству респектомъ и почетомъ“. Такимъ образомъ, въ этотъ день аудіенція не состоялась. На слѣдующій день послы стали просить дозволенія послать въ Швецію гонца, чтобы „повергнуть дѣло на усмотрѣніе короля“. Но русскіе, раздраженные упорствомъ Оксенширна, были „просто грубы“ и не только не разрѣшили отправки гонца, но приказали стражѣ никого не выпускать изъ посольскаго помѣщенія и никого не впускать туда. Эта мѣра, которая обыкновенно примѣнялась въ Россіи къ иностраннымъ посламъ до полученія ими аудіенціи, обрушилась весьма непріятно на шведскаго резидента въ Москвѣ, Адольфа Эбершѣльда, который случайно находился у пословъ; задержанный вмѣстѣ съ другими, онъ принужденъ былъ провести ночь на голой скамьѣ.

Раздоры между русскими и шведами продолжали усиливаться, и 6-го числа посламъ было объявлено царское приказаніе—на слѣдующій день готовиться къ отъѣзду.

— Это мы готовы сдѣлать, спокойно отвѣчалъ Оксенширнъ и велѣлъ укладывать вещи.

Тогда русскіе сдѣлались уступчивѣе и разрѣшили послать гонца въ Швецію. Переводчикъ Самуилъ Эсандеръ посланъ былъ 15-го января съ письмомъ къ Карлу XI; онъ возвратился въ Москву 19-го марта съ отвѣтомъ, что король согласенъ исполнить требованіе царя.

30-го марта, аудіенція, наконецъ, состоялась. Цѣлыхъ три мѣсяца пропали напрасно изъ-за пустыхъ формальностей, которыя играли столь важную роль въ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Пріемъ происходилъ, по обыкновенію, въ Грановитой палатѣ. Торжественное шествіе двинулось изъ посольскаго дома между двумя рядами стрѣльцовъ. Впереди ѣхалъ верхомъ капитанъ Пальмевистъ; за нимъ несли подарки, присланные царю королевемъ, а царицѣ—вдовствующей королевою Гедвигой-Элеонорой. Всѣхъ подарковъ было тридцать два; они состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (умывальникъ, сосуды для воды, ваза для конфетъ, корзины, кубки, стаканы и т. п.). Какъ особенно дорогіе презенты, въ дневникѣ упоминаются: „большая художественно сдѣланная люстра съ десятью подсвѣчниками изъ массивнаго серебра“, „искусственный фонтанъ красивой и рѣдкой работы, который бьетъ воду самъ собой“. Вдовствующая королева дарила царицѣ различные предметы изъ „благоуханнаго дерева-алоз“, между прочимъ, шкатулку съ филигранной отдѣлкой и драгоценными камнями, шесть „необыкновенно красивыхъ разрисованныхъ вѣровъ“, часы золотые, „прекрасную ночную юбку“, „вышитую серебромъ и синими шелками прекрасную ночную кофту“ и „всякія женскія галантерейныя вещи и раритеты“. За подарками ѣхалъ маршалъ посольства Германъ фонъ-Ферзенъ, потомъ слѣдовали

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

слуги, канслисты, пасторъ, переводчики, лекаръ, гофъ-юнкеръ, секретари, несшіе кредитивныя грамоты пословъ на голубой тафтѣ, пажи, потомъ сами послы въ царской каретѣ, везомой парой вороныхъ коней, и, наконецъ, „собственная его королевскаго величества карета“, окруженная драбантами.

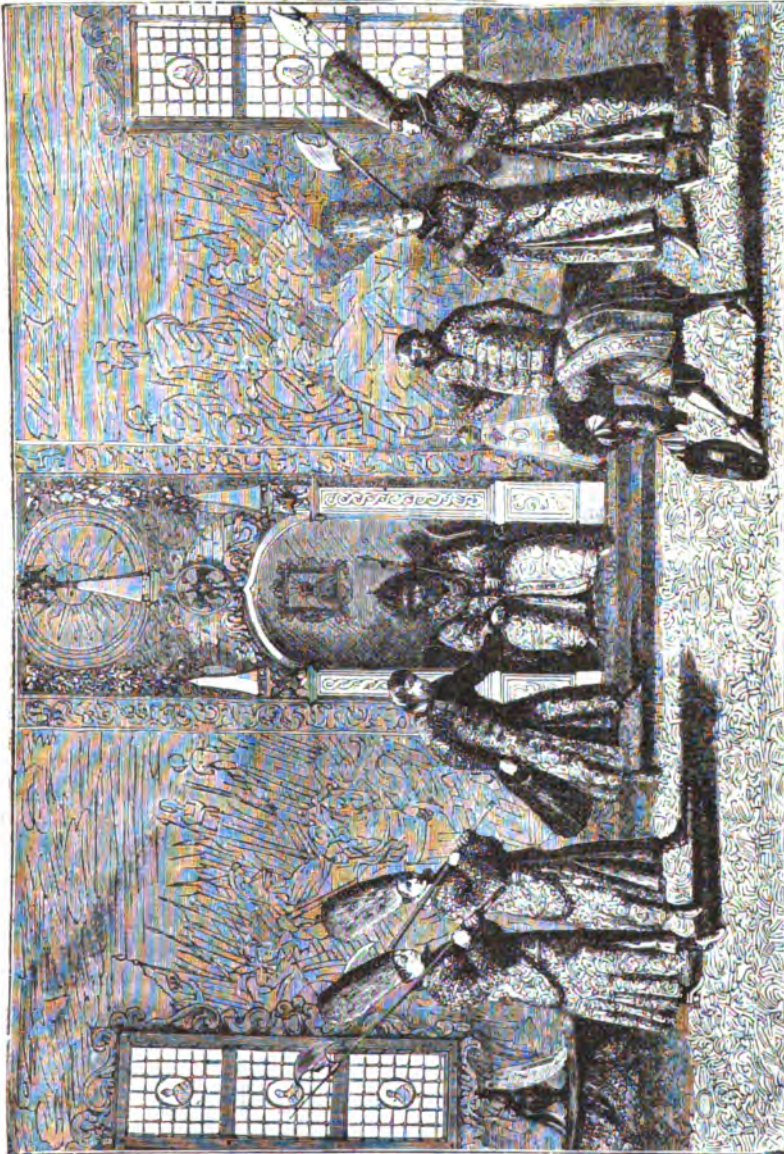
Въ приемной комнатѣ, гдѣ толпились царедворцы, пословъ встрѣтилъ князь Андрей Хилковъ (Kiltov), проводившій ихъ въ тронную залу. Пальмевистъ, какъ мы уже замѣтили выше, сдѣлалъ довольно точный рисунокъ этой залы. По стѣнамъ висѣли дорогіе тканые обои, на которыхъ были изображены сцены изъ мифологіи и исторіи; рѣшетчатая окна были украшены нарисованными на стеклѣ портретами въ видѣ медальоновъ; золотыя и серебряныя сосуды блистали на покрытыхъ бархатомъ поставахъ. Царь сидѣлъ на тронѣ, украшенномъ двуглавымъ орломъ, подъ богатымъ багдахиномъ; онъ держалъ въ рукѣ скипетръ, а на головѣ имѣлъ небольшую шапку-корону. Въ сторонѣ, на особомъ поставѣ, лежала держава. По обѣимъ сторонамъ трона стояли рынды въ одеждахъ, затканыхъ серебромъ и подбитыхъ мѣхомъ, и въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Послы вступили въ тронную залу съ непокрытыми головами и остановились въ десяти шагахъ отъ трона. Затѣмъ Оксенширнъ произнесъ по-шведски привѣтствіе и прочиталъ письмо своего государя. Царь всталъ, спросилъ о здоровьѣ короля и позволилъ посламъ „подойти къ своей рукѣ“. Оксенширнъ изложилъ дѣль прибытія посольства, а царь велѣлъ спросить о здоровьи пословъ. Потомъ окольникій Артамонъ Сергѣевичъ Матѣевъ пересчиталъ подарки, за которые царя поблагодарилъ. Въ то время, какъ къ царской рукѣ подходила посольская свита, была принесена скамья и пословъ пригласили сѣсть. Членовъ посольства отъ имени царя спрашивали о здоровьи, а они благодарили черезъ маршала. По окончаніи этой церемоніи, послы, получивъ приглашеніе къ царскому столу, удалились.

На другой день послѣ царской аудіенціи, между шведами и русскими открылись переговоры. Со стороны русскихъ ихъ вели Матѣевъ и бояре князья Юрій Алексѣевичъ и Михаилъ Юрьевичъ Долгорукіе.

— Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ, — началъ Оксенширнъ, — и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ. Да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ турецкій, наступилъ войною на королевство польское, много городовъ взялъ, лучшею и надежнѣйшею крѣпостью Каменецъ-Подольскомъ овладѣлъ, а царскаго величества рубежи отъ этихъ странъ не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаетъ, что между вашими и нашими государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и памѣреніе свое отложить, а король противъ этого непріятелиа будетъ всегда помогать.

Затѣмъ Оксенширнъ принялся излагать жалобы на неисполненіе со стороны русскихъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора.

Пріемъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Шведскаго посольства 1674 году.

Начался споръ, о чемъ прежде разсуждать—о союзѣ, или неисполненныхъ статьяхъ Кардисскаго договора? Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что, не покончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ.

— Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже сказали о неисполненныхъ статьяхъ договора, такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры,—твердили бояре.

Шведы поспорили, но уступили, стали говорить о союзѣ противъ турокъ и объявили, что король ихъ обѣщалъ послать полякамъ на помощь 5.000 человекъ войска.

Бояре отвѣчали, что 5.000 очень мало; „великій государь желаетъ, чтобы король шведскій стоялъ противъ турка всѣми силами за-одно, а изъ-за 5.000 и союза заключать не для чего.

— Но поляки сами больше у насъ не просили,—возражали послы.

— Чего у васъ поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ, говорили бояре,—а теперь пусть король заключить союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами за-одно.

Послы объявили, что о такомъ союзѣ имъ договариваться не показано; для заключенія подобнаго союза пусть царь отправляетъ къ королю своихъ пословъ.

— Такъ зачѣмъ же вы-то пріѣхали? спрашивали бояре и продолжали:—намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200.000 войска; наши будутъ за Днѣпромъ и на Дону, а ваши подъ Каменцомъ-Подольскимъ, или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ.

Въ такомъ родѣ переговоры продолжались около двухъ съ половиной мѣсяцевъ совершенно бесплодно. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, взаимныхъ пререканій, укоровъ и жалобъ, пришли къ неясному соглашенію и заключили слѣдующій странный договоръ: „Если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно. Также, если королевское величество станетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно“. Переговоры о торговыхъ пошлинахъ и другихъ вопросахъ, возбужденныхъ послами, были отложены на неопредѣленное время, и 19-го іюня 1674 года посламъ была дана царемъ „прощальная аудіенція“.

Такимъ образомъ, дорого стоившее шведскому правительству посольство Оксенширна возвратилось, вмѣстѣ съ „собственной его королевскаго величества каретой“, домой, не достигнувъ въ сущности никакихъ результатовъ и не принеся никакой пользы, за исключеніемъ развѣ „Дневника“ Пальмквиста, который въ историческомъ отношеніи не потерялъ своего значенія и для настоящаго времени и изданіе котораго въ полномъ видѣ было бы весьма желательно.

С. Шубинскій.

РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ МИНУВШИХЪ ТРЕХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ ¹⁾.

(Графъ П. Д. Киселевъ).

III.

Киселевъ—военачальникъ и предсѣдатель дивановъ въ Молдавіи и Валахіи.

Отношеніе императора Николая I къ Киселеву.—Участіе Павла Дмитріевича въ турецкой кампаніи 1823—1829 гг.—Переправа черезъ Дунай.—Кипучая дѣятельность Киселева въ военное время.—Извѣстіе о заключеніи мира.—Дѣятельность Павла Дмитріевича въ должности предсѣдателя дивановъ въ придрунайскихъ княжествахъ.—Результаты этой дѣятельности.—Гуманность Киселева.—Признательность Валахскаго княжества.

ЛУЖЕБНАЯ дѣятельность П. Д. Киселева въ новое царствованіе началась подъ дурными преднаменованиями. Кончина императора Александра I обнаружила существованіе тайнаго общества, ибо въ бумагахъ государя, въ Таганрогѣ, нашлись доносы Шервуда и Майбороды съ именами членовъ этого общества. Киселева винили враги его въ бездѣйствіи власти, не принимавшей мѣръ къ раскрытію преступныхъ замысловъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, 9-го января 1826 г., ему пришлось убѣдиться лично въ немилости государя и необходимо было, слѣдовательно, выяснитъ прежде всего свое положеніе. Киселевъ написалъ письмо къ императору Николаю Павловичу, прося у него „лишь суда, чтобы быть оправданнымъ или наказаннымъ“; но отвѣтъ государя былъ успокоительный. Графъ Витгенштейнъ, представлявшій означенное письмо,

¹⁾ Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ“, Т. VII, стр. 128—155.

увѣдомилъ своего начальника штаба, что государь не сохранилъ противъ него ни малѣйшаго неудовольствія. „Онъ долженъ былъ его показать вамъ при вашемъ прїѣздѣ сюда, въ виду того, что значительная часть главной квартиры была замѣшана въ гнусномъ разговорѣ...“ Киселевъ, такимъ образомъ, могъ, по обыкновенію, отдаться текущимъ дѣламъ 2-й арміи. И дѣйствительно, конецъ 1826 и весь 1827 годъ онъ занимался осмотромъ арміи и подготовленіемъ ея къ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ съ Турціей.

Эта война дала возможность Павлу Дмитріевичу выдвинуться на видъ передъ государемъ. Наружное неудовольствіе его смѣнилось явнымъ благоволеніемъ и довѣріемъ къ Киселеву, когда послѣдній проявилъ чрезвычайную энергію и распорядительность въ военныхъ дѣйствіяхъ. Чтобы судить о мѣрѣ личнаго участія Киселева въ этой войнѣ, приведемъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ, рассказанный имъ въ „Дневникѣ“. Государь поручилъ совершить переправу черезъ Дунай 26-го мая съ наименьшею потерей людей. „Нахожу“— пишетъ Киселевъ— „на разсвѣтъ Сухтелена и Рудзевича на переправѣ; послѣдній отводитъ меня (въ сторону) и увѣряетъ, что переправа невозможна и не исполнится; Сухтеленъ подтверждаетъ безнадежность успѣха и что не хотятъ. Стараюсь дать движеніе; угрюмость многихъ, готовность Горчакова и Берга. Запорожцы. Прїѣздъ и скорый отѣздъ адъютантовъ. Ядра въ колонну и корабли. Отплытіе первыхъ лодокъ; удаленіе ихъ по теченію. Я ѣду на ту сторону... взявъ, (не разобрано) и пригласивъ кн. Мадатова, поднимаюсь вверхъ къ непріятельской батарее. Вельяминовъ впереди меня отыскиваетъ мѣсто для выгрузки. Минута нерѣшительности. Еще 100 саженъ впередъ и мѣсто отыскано. Патаніоти прїѣзжаетъ ко мнѣ за приказаніемъ; подвигаю его флотилію выше себя для дѣйствія картечью; ружейной стрѣльбы непріятельской не слышу и не вижу; наши въ лѣсу стрѣляютъ; на батареяхъ одно орудіе еще продолжаетъ стрѣлять,—но непріятель отступилъ и храбрецы Б. Г. и прочіе впередъ, а я къ флотиліи и на батарею нашу обратно, гдѣ нашелъ Витта. Усталый отъ 10-часоваго крика и разныхъ впечатлѣній, ѣду къ государю и тамъ остаюсь 2 часа; послѣ чего обращаюсь къ берегу для начатія распоряженій о мостѣ и плотинѣ; возвращаюсь вечеромъ въ Сатуновъ и поздравленъ генераль-лейтенантомъ“.

Въ дополненіе къ этой запискѣ Киселева, вотъ еще нѣкоторые подробности изъ разсказа Лакруа:

„Киселевъ, считая, что на его отвѣтственности лежитъ успѣхъ предпріятія, увидѣлъ, что суда съ войсками быстрымъ теченіемъ рѣки относило къ мѣсту, гдѣ пристать къ берегу было невозможно; онъ замѣтилъ, что на другой сторонѣ рѣки четыре донскіе казака, переправившіеся съ вечера и проведеніе ночь на непріятельскомъ берегу, подавали знаки пристать къ нимъ; бросившись въ лодку съ нѣсколькими офицерами, приказалъ везти себя на другой берегъ къ мѣсту, кото-

рое онъ считалъ болѣе удобнымъ къ высадкѣ; князь Горчаковъ и еще нѣсколько офицеровъ послѣдовали за нимъ; лодки ихъ остановились на другой сторонѣ на отмели; чтобъ достигнуть берега, Киселевъ, не останавливаясь ни минуты, бросился по поясъ въ воду и достигъ берега; его примѣръ увлекъ начальниковъ и солдатъ; всѣ бросились за нимъ, идя въ грязи, съ опасностью въ ней потонуть, прокладывая себѣ дорогу среди камышей и кустарниковъ, до тѣхъ поръ, пока достигли твердой земли. Когда мокрый и покрытый грязью Киселевъ возвратился къ императору, онъ закричалъ издали:

— Я знаю твои новости: ты первый пришелъ и показалъ дорогу другимъ.

— Нѣтъ—отвѣчалъ Киселевъ,—это наши четыре казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ на другомъ берегу Дуная.

„Императоръ обнялъ Киселева и при всѣхъ благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ“.

Павелъ Дмитріевичъ участвовалъ неразъ въ сраженіяхъ съ неприятелемъ и выказывалъ при этомъ личную храбрость, присутствие духа и распорядительность. Объ этомъ участіи, содѣйствовавшемъ отраженію внезапныхъ нападеній турокъ, читатель найдетъ свѣдѣнія у Лукьяновича—„Описаніе турецкой войны 1828 и 1829 годовъ“. Несмотря на военное время, Киселевъ не переставалъ заниматься текущими дѣлами. 12-го февраля 1829 г., онъ писалъ Закревскому: „Я вчера представилъ фельдмаршалу годовой отчетъ за 1828 г. Это—десятый моего служенія и, несмотря на войну, заботы и многоначаліе, показалъ, что 31 тыс. номеровъ въ одинъ годъ выпущены изъ моихъ управленій и всѣ журналы заключены, счета кончены и, какъ бы въ мирное время, ни одна входящая бумага не оставлена безъ разрѣшенія или отмѣтки.“ 1-го мая 1829 г., Дибичъ, распредѣливъ армию на три главныя части, поручилъ Киселеву войска, составлявшія правый флангъ. Дѣйствія этого фланга составляли какъ бы отдѣльный эпизодъ войны. Фланговое движеніе, начатое по инициативѣ Киселева, охранившее русскую армию отъ нападенія турокъ на ея тылъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. „Для честолюбія военачальника“—говорить его біографъ—„недоставало только блеска побѣды, котораго единственно желалъ и ожидалъ Павелъ Дмитріевичъ.“ Киселевъ, дѣйствительно, былъ недоволенъ заключеніемъ мира, какъ то видно изъ слѣдующаго его письма къ П. О. Желтухину отъ 13-го сентября:

„Съ удовольствіемъ—не скрою, что и съ огорченіемъ—получилъ я извѣстіе о заключеніи мира. Казаки мои были въ двухъ маршахъ отъ Софіи, и чрезъ три дня я занялъ бы сей замѣчательный и для насъ важный городъ. Признайтесь, почтенный Петръ Ѳеодоровичъ, что при всемъ патриотизмѣ позволительно сѣтовать на судьбу, которая, послѣ преодолѣнія многихъ и многихъ затрудненій, не допустила воспользоваться справедливымъ воздаяніемъ, котораго я вправѣ былъ ожи-

дать. Но дѣлать нечего; покоряюсь той волѣ, которая нами располагаетъ, и уже не гоняюсь за счастьемъ, котораго достигнуть не могу.

„Я уже былъ въ горахъ и въ краѣ прелестномъ. Болгары насъ встрѣчали пріятелями и большая часть турокъ оставались въ домахъ своихъ или возвращались домой, и все исполнялось по желаемому. Какъ вдругъ блистательный миръ опечалилъ весь безъ изыятія корпусъ. Паша Скудрскій съ 10 т. выбирался уже изъ Софіи, и мнѣ оставалось бы подобрать хвостъ его и приспѣть въ Адрианополь. По всей дорогѣ насъ ожидали, и 40 т. русскихъ съ голода не умерли бы — такъ отзывались жители. Я воротился съ 20 казаками, два раза ночевалъ въ полѣ и былъ охраняемъ болгарами, дома и имущество моихъ никѣмъ не были тронуты“...

Но и послѣ тягостныхъ военныхъ трудовъ Киселеву не пришлось отдыхать. Въ виду вступленія нашихъ войскъ въ Молдавію и Валахію, предстояло опредѣлить образъ управленія этими княжествами. Оба господара, Стурдза и Гика, были устранены отъ управленія, которое предоставлялось предсѣдателю дивановъ. Первымъ предсѣдателемъ былъ недолго графъ Паленъ, за нимъ, также лишь нѣкоторое время, предсѣдательствовалъ П. О. Желтухинъ, а 14-го сентября 1829 г. назначенъ былъ Киселевъ. Здѣсь Павлу Дмитріевичу открывалось обширное поле трудной дѣятельности. Придунайскія княжества находились въ бѣдственномъ положеніи; реформы были необходимы, и предшественники Киселева ничего не сдѣлали въ этомъ направленіи. Вотъ что писалъ онъ отъ 26-го ноября 1829 г. Закревскому, по пріѣздѣ въ княжества, о первыхъ своихъ дѣйствіяхъ тамъ:

„Признаюсь тебѣ, что предвидѣть не могъ тотъ хаосъ, въ коемъ нашель здѣшнее управленіе; съ іюня мѣсяца Желтухинъ дѣлами почти не занимался и вообще, кажется, не постигъ характеръ мѣста, ему довѣреннаго; вознамѣрился княжествами управлять, какъ губернію, и противопоставилъ себѣ все и всѣхъ. Присовокупи къ сему, что остальные лица всѣ, можно сказать, безъ изыятія — или съ малымъ весьма изыятіемъ — берутъ взятки, а инныя грабятъ безстыдно, и что съ пріѣзда моего, я замѣтилъ во всѣхъ старшихъ и младшихъ одну цѣль, одно желаніе — затмить истину и поперечить всему, что влѣкнется къ введенію порядка и систематическаго устройства.

„Вотъ что до сихъ поръ замѣтить могъ и что долженъ и хочу преодолѣть. Съ пріѣзда моего преобразовалъ чумный лазаретъ, учредилъ общій въ княжествахъ осмотръ и общія противу чумы мѣры, понизилъ въ городѣ цѣны на продукты, а вскорѣ удвою откупа на соль, таможи и проч. Все это не нравится моимъ сотрудникамъ, которые теряютъ доходы свои и меня проклинаютъ; но въ княжествахъ меня приняли чрезмѣрно благосклонно и всѣ отъ меня ожидаютъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; ибо здѣсь трудно переобразовывать закоренѣлыя злоупотребленія при общей конфузій текущихъ дѣлъ. Я опять хлопотами и ежедневными неприятностями обратился къ занятіямъ моимъ

1819 года, но съ тою разницею, что въ сорокъ два года силы изнурены и не отвѣчаютъ желанію быть дѣятельнымъ и точно полезнымъ.“

Въ слѣдующемъ году, 20-го февраля, онъ писалъ къ Закревскому изъ Бухареста о томъ же предметѣ слѣдующее:

„Покуда силы не исчезли, я тружусь и, кажется, не безъ пользы. Внутреннее гражданское управленіе и военная администрація принимаютъ ходъ систематическій; довѣріе въ жителяхъ возрождается; откупныя статьи и вообще доходы возвышаются; воровство, какъ дѣло сродное въ этомъ краѣ, часъ отъ часу уменьшается, и низшій классъ начинаетъ отдыхать. Полиція въ городахъ и пагубныя квартирныя комиссіи преобразовываются; отчетность въ вистіаріи (министерствъ финансовъ), госпиталяхъ и комиссіяхъ учреждается на правилахъ строгихъ и одинаковыхъ; засѣвы съ пособіемъ правительства будутъ обширныя; карантинная линія по Дунаю, какъ дѣло для Россіи важное, учреждается со всею дѣятельностію и вниманіемъ; земское войско будетъ формироваться и комитетъ преобразований ¹⁾ не перестаетъ трудиться, хотя съ желаніемъ сохранить зловредныя привилегіи бояровъ, противу коихъ я дѣйствую, какъ исполнитель воли государя и какъ христіанинъ. Много остается дѣлать тому, кто краемъ симъ будетъ управлять; но главнымъ дѣломъ почитаю приобрѣсти для Россіи богатство онаго торговлею и покорить молдаванъ и валаховъ на будущее время нашимъ воспитаніемъ и введеніемъ нашихъ обычаевъ и правовъ. Для сего нужно: 1) облегчить торговый нашъ тарифъ и замѣнить австрійскія издѣлія русскими и 2) размѣстить въ военные и гражданскія наши учебныя заведенія 200 молодыхъ людей и столько же дѣвицъ въ монастыри. Симъ образомъ, безъ переворотовъ Европы, безъ издержекъ на содержаніе здѣсь военной силы, наша граница будетъ на Дунаѣ и съ земскими отъ заразы охраненіями“.

Еще черезъ мѣсяць:

„Пребываніе мое здѣсь часъ отъ часу мнѣ становится тошнѣе; занимаюсь цѣлый день дѣлами, нѣтъ ни минуты отрады и отдыха. Бумаги и я, я и бумаги—вотъ и вся жизнь; лѣта проходятъ и наслажденія жизнью потухаютъ. Но такъ и быть, до послѣдней возможности не измѣню правиламъ своимъ и, сколько могу, буду полезенъ государю и согражданамъ, хотя здѣшніе того мало достойны“. Дѣятельность Киселева въ качествѣ администратора въ княжествѣ имѣла весьма плодотворныя результаты. „Чтобы дать понятіе“—писалъ онъ уже въ 1831 г. графу Нессельроде— „о злоупотребленіяхъ, которыя намъ удалось устранить, достаточно указать на то, что небольшое число чиновниковъ (показанныхъ въ приложенномъ Киселевымъ спискѣ) дѣлили между собою 2.368.000 піастровъ, упадавшихъ всею своею тяжестію на средніе и низшіе классы, а въ настоящее время жало-

¹⁾ Киселевъ такъ называетъ здѣсь комитетъ, занимавшійся составленіемъ органическаго регламента.

ванье этимъ чиновникамъ опредѣлено въ 631.200 шастровъ. Изъ другаго списка видно, что 120 т. семействъ крестьянъ, которыми располагали 2.000 привилегированныхъ фамилій, поступили теперь въ общій податной классъ⁴. Далѣе, точное указаніе обязанностей, налагаемыхъ на управляемыхъ съ одной стороны, упрощеніе и отмѣна натуральныхъ повинностей съ другой—уничтожили произволъ и злоупотребленія. Полиція получила достаточную организацію и общественный порядокъ поддерживался во всей странѣ, муниципальныя учрежденія введены въ разныхъ городахъ, замѣтно стало стремленіе къ учрежденію начальныхъ школъ. Очеркъ всей дѣятельности Киселева по управленію Молдавіею и Валахіею изложенъ въ отчетѣ, представленномъ имъ государю въ началѣ 1834 г. и нѣлкомъ напечатанномъ въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго. Здѣсь Киселевъ обнаруживаетъ высокія способности администратора, не только обнимавашаго общія цѣли государственнаго устройства, но и не оставлявшаго безъ вниманія ни одной изъ частныхъ въ немъ. При этомъ нельзя не упомянуть, что своему гуманному, человѣколюбивому характеру Киселевъ никогда не измѣнялъ. Достаточно указать на его предложеніе административному совѣту въ княжествахъ заняться немедленно обсужденіемъ мѣръ къ смягченію участи содержавшихся въ тюрьмахъ. „Я считаю,—писалъ онъ,—это дѣло—дѣломъ совѣсти и религіи; я надѣюсь, что мои сотрудники дадутъ мнѣ средства къ тому, чтобы я могъ исполнить эту святую обязанность прежде, чѣмъ оставлю страну, и чтобы я могъ оставить ее безъ упрека себѣ въ небреженіи, котораго я себѣ не простилъ бы никогда⁴. Насколько Киселевъ успѣлъ этой дѣятельностью возбудить къ себѣ уваженіе самого населенія находившихся подъ его управленіемъ княжествъ, показываетъ признательность, выраженная ему валлахскимъ княжествомъ въ поднесеніи акта о предоставленіи ему правъ гражданства Валахіи и въ поставкѣ ему памятника въ Бухарестѣ.

IV.

Дѣятельность Киселева по крестьянскому дѣлу.

Аудіенція у императора Николая I по возвращеніи Киселева въ Петербургъ.—Его назначеніе въ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу.—Разговоръ государя съ Киселевымъ объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ.—Письмо Киселева къ государю объ учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ.—Что сдѣлано имъ для казенныхъ крестьянъ.—Благодарность Киселеву представителей крестьянъ.

8-го мая 1834 г., Киселевъ былъ уже въ Петербургѣ, а на другой день вечеромъ имѣлъ полтора часовую аудіенцію у императора. Николай Павловичъ благодарилъ за услуги, оказанныя имъ Россіи, и заявилъ, что представленный Киселевымъ отчетъ по управленію при-

дунайскими княжествами весьма заинтересовалъ его. „Я — сказалъ императоръ—посвятилъ три вечера на это чтеніе, отгѣтилъ страницы, наиболѣе обратившія на себя мое вниманіе, и просилъ великую княжну Марію сдѣлать мнѣ извлеченіе... Вотъ оно, прибавилъ государь, открывая папку съ бумагами.—Меня въ особенности заинтересовало одно мѣсто: это то, въ которомъ ты говоришь объ освобожденіи крестьянъ; мы займемся этимъ когда нибудь; я знаю, что могу рассчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, продолжалъ государь, указывая рукою на карты, стоявшіе на полкахъ кабинета;—здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи“.

Государь не замедлилъ воспользоваться знаніями и опытностью Павла Дмитриевича въ этомъ дѣлѣ. Въ 1835 году онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ, графомъ Канкринимъ, Дашковымъ и Васильчиковымъ въ секретный комитетъ, учрежденный „для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій“. Вскорѣ, однако, самъ государь призналъ болѣе цѣлесообразнымъ выдѣлить изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, такъ какъ общій вопросъ не могъ быть разрѣшенъ въ непродолжительное время. Не надѣясь на Канкринина, государь пожелалъ поручить это дѣло Киселеву. 17-го февраля 1836 г., онъ имѣлъ объ этомъ аудіенцію во дворцѣ, о которой записано въ „Дневникѣ“ слѣдующее:

„Я имѣлъ честь обѣдать у его императорскаго величества съ графами Головкинымъ и Бенкендорфомъ. Послѣ обѣда, по отъѣздѣ сихъ господъ, государь приказалъ мнѣ остаться и, посадивъ меня противу своего стула, началъ слѣдующій разговоръ: „Мнѣ съ тобою нужно объясниться по дѣлу, которое тебѣ извѣстно, ибо ты, кажется, въ комитетѣ съ Васильчиковымъ. Дѣло объ устройствѣ крестьянъ (казенныхъ). Я давно убѣдился въ необходимости преобразованія ихъ положенія; но министръ финансовъ (Канкринъ), отъ упрямства или неумѣнья, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю, и потому настаивалъ на необходимости заняться пристально, и увидѣвъ, что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ.“

„Я желаю прежде всего сдѣлать испытаніе на петербургской губерніи и, какъ во всякомъ преобразованіи надо прежде всего имѣть ясное понятіе о томъ, что есть, то размежеваніе земель, которое Канкринъ всегда представляетъ невозможнымъ, должно быть первоначальнымъ дѣйствіемъ этого занятія. Я приказывалъ Сперанскому объясниться по сему съ Шубертомъ ¹⁾ и получилъ въ отвѣтъ, что онъ

¹⁾ Бывшимъ тогда директоромъ военно-топографическаго депо.

имѣть возможность дать на сей предметъ свое пособіе; вотъ начало,—но тутъ много подробностей, которыми и некогда мнѣ заниматься, и которыя, признаюсь, мнѣ мало знакомы. Посему мнѣ нуженъ помощникъ, и какъ я твои мысли на этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подѣ свое попеченіе и заняться со мною предварительнымъ, примѣрнымъ устройствомъ этихъ крестьянъ, послѣ чего мы перейдемъ въ другія губерніи и мало-по-малу кругъ нашего дѣйствія расширится. Канкринъ самъ уже убѣдился, что на нынѣшнемъ основаніи отъ департамента успѣха ожидать не можно, а я ему доказалъ, по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю, что они пишутъ вздоръ, что онѣ бумагъ этихъ не видятъ, и что все дѣло идетъ безъ толку. Поручить же преобразование петербургскихъ крестьянъ Эссену ¹⁾,—кромѣ вздора ничего не будетъ. А потому не откажи мнѣ и прими на себя трудъ этотъ въ помощь мнѣ“.

„Я всталъ и сказалъ государю, что готовъ съ душевнымъ удовольствіемъ посвятить всѣ свои силы и усердіе на дѣло столь важное и тѣмъ болѣе для меня лестное, что я почитаю устроеніе крестьянъ какъ дѣло великое его царствованія и какъ дѣло необходимое для будущаго спокойствія государства; что я готовъ быть его секретаремъ, лишь бы я могъ имѣть ту силу нравственную въ дѣлахъ, которая необходима для успѣха; что министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ это новое учрежденіе не будутъ видѣть съ удовольствіемъ; что борьба была бы неравная для меня, если все дѣло не будетъ совершаться подѣ его, государевымъ, личнымъ вліяніемъ; что, наконецъ, я на этотъ предметъ совершенно полагаюсь на его величество и благодарю за довѣріе, которое потщусь оправдать всѣми силами, доколѣ ихъ не утрачу, ибо...“

— Да ты хотѣлъ ѣхать въ Карлсбадъ,—но насколько тебѣ нужно?

— О здоровьи уже думать не должно, государь, когда дѣло идетъ о службѣ столько важной. Я желалъ ѣхать на три мѣсяца, но поѣздка моя можетъ быть отложена до удобнѣйшаго времени.

— Нѣтъ, безъ здоровья ничего не дѣлается, а три мѣсяца насколько не повредятъ нашему предпріятію.

— Впрочемъ, государь, объ этомъ предметѣ я вамъ доложу въ свое время; но для устройства части, мнѣ ввѣряемой, надо нѣкоторое основаніе: надо чиновниковъ, немного, но хорошихъ, и нужно предварительно дѣло это обдумать.

— Повидайся съ Сперанскимъ; я ему говорилъ о моихъ намѣреніяхъ и прошу тебя сообразить все это съ нимъ, дабы представить мнѣ общее ваше предположеніе объ устройствѣ этого дѣла. Я увѣренъ, что оно пойдетъ хорошо, потому что мы другъ друга пони-

¹⁾ Графъ Эссенъ былъ въ то время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ.

маемъ. Ты будешь мой начальникъ штаба по крестьянской части. Еще разъ спасибо. Съ Божьей помощью, дѣло наше устроится; я увѣренъ“.

Киселевъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній послѣ этой аудіенціи сначала съ Сперанскимъ, а затѣмъ съ Васильчиковымъ; результатомъ ихъ было учрежденіе V-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, куда были переданы дѣла объ управленіи казенными крестьянами изъ вѣдомства министерства финансовъ. Вторымъ шагомъ въ передачѣ этого дѣла въ главное завѣдываніе Киселева было назначеніе временнаго совѣта, которому поручалось управленіе департаментомъ государственныхъ имуществъ, отчислывшимся отъ того же министерства. На Киселева возлагалось докладываніе государю дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію совѣта, и одновременно съ этимъ ему поручено было составить соображеніе объ учрежденіи особаго министерства государственныхъ имуществъ. Необходимость этого министерства вытекала изъ всего хода исторіи государственныхъ крестьянъ, прекрасно изложенной въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ концѣ 1837 года, проектъ учрежденія новаго министерства былъ одобренъ государемъ, и управленіе предпологалось ввѣрить Павлу Дмитриевичу. Киселевъ сознавалъ всѣ трудности своей новой дѣятельности, выразивъ ихъ въ письмѣ къ императору 26 ноября, гдѣ, между прочимъ, говорится:

„Всякая власть, устанавливаемая вновь на ряду съ другими, уже существующими и временемъ усвоенными, естественно порождаетъ неудовольствія многихъ; но въ дѣлѣ, высочайшею вашею довѣренностію на меня возложенномъ, сливаются, сверхъ того, столь различные и многосложные интересы, что неприязненность должна быть почти общая.

„Такъ, государь, отдѣленіе важной части отъ министерства финансовъ противопоставляетъ новому учрежденію всѣхъ, которые имѣли вліяніе на источники государственнаго богатства. Присоединеніе къ новому управленію нѣкоторыхъ частей отъ министерства внутреннихъ дѣлъ не можетъ также не оскорбить честолюбія многихъ. Перехода къ властямъ второстепеннымъ или губернскимъ, нельзя не ожидать отъ нихъ еще большаго неблагорасположенія къ установленіямъ, должнствующимъ лишиться выгодъ, донинѣ въ удѣлѣ ихъ безотчетно оставленныхъ.

„Въ самомъ сословіи поселянъ первое впечатлѣніе будетъ невыгодно: привыкнувъ къ необузданной свободѣ и искушая пороки и безнравіе пожертвованіемъ своего избытка, люди сіи почтутъ стѣснительнымъ для себя всякое дѣйствіе попечительной власти. Одѣлавшись равнодушными къ улучшенію своего быта, погруженные въ грубое невѣжество, они предпочитаютъ удовлетвореніе привычныхъ страстей всѣмъ обѣщаніямъ лучшаго состоянія.

„За симъ, обращаясь къ массѣ помѣщиковъ, слѣдуетъ сознаться, что в ихъ интересы тѣсно связаны съ общимъ неустройствомъ по управленію государственными имуществами. Земли и лѣса, мало охраняемые, составляли какъ бы часть ихъ достоянія; а неуравнительность натуральныхъ повинностей между казенными и владѣльческими крестьянами содѣлалась обычною, и едва ли не почитается правомъ, котораго при устройствѣ новаго управленія они должны лишиться.

„Участвующіе въ откупахъ капиталами или службою, залогами или поставкою вина, единственно обращеніемъ вниманія вашего величества на сію

часть начинаютъ питать негодованіе къ новому управленію, какъ противоположаемому незаконно приобретаемымъ ими выгодамъ.

„Не распространяясь дальнѣйшимъ исчисленіемъ всѣхъ лицъ, которыя по сродному побужденію собственнаго интереса будутъ и должны быть противниками всякаго улучшенія, я знаю, что нареканія ихъ не будутъ имѣть предметомъ ни устройство полицейское или хозяйственное, ни охраненіе казенной собственности или другія административныя мѣры; но осужденіе обратится къ предметамъ не существеннымъ, а потому для пререканій не ограниченнымъ. Опасенія, нововведенія, потрясеніе обычаевъ и предсказанія горестныхъ отъ того послѣдствій, составляютъ общій гулъ всѣхъ тѣхъ, которые, взирая равнодушно на государственное устройство, ищутъ и находятъ его въ извлеченіи лишь собственныхъ выгодъ, или удовлетвореніи своихъ страстей. Такимъ образомъ, подъ разными видами, изъ разныхъ источниковъ, будутъ восходить, подъ личиною общественнаго спокойствія, разносцовенныя опасенія, могущія при первомъ взглядѣ имѣть призракъ вѣроятія, но которыя, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, ни малѣйшей основательности не представляютъ.

„Для сего достаточно будетъ вникнуть въ существо самыхъ проектовъ: въ нихъ измѣненія крестьянскаго быта не предполагается, законы существующіе приняты въ основаніе проектовъ, и лишь необходимыя дополненія, въ духѣ сихъ законовъ, допущены въ сельскихъ уставахъ для связи и полноты. Посему всѣ пререканія могутъ только заключать въ себѣ сокровенное желаніе сохранить существующіе безпорядки, не постигая, что въ подобныхъ дѣлахъ бездѣйствіе правительства бываетъ причиною другихъ, болѣе важныхъ опасеній, которыя проявлялись тамъ, гдѣ, не оцѣняя достаточно потребности времени, допускаемы были исправленія неустройствъ не по собственному внушенію власти, но по требованіямъ снизу восходящимъ.

„Не такъ, однако жъ, дѣйствовали осторожные правители; Австрія въ семъ случаѣ можетъ служить примѣромъ: въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, предусматривая необходимость обстоятельствъ, она, не взирая на всѣ затрудненія со стороны духовенства и дворянъ, обратила дѣятельное вниманіе на устройство сельскаго сословія въ наслѣдственныхъ провинціяхъ, и даровавъ оному законную и сообразную съ выгодами государственными самостоятельность, утвердила преданность народа къ престолу и отвратила у себя всѣ плачевныя событія, постигшія сосѣдственныя государства въ смутную эпоху.

„Итакъ, если принять за истину, что опытъ предшествующихъ временъ долженъ быть поученіемъ для будущаго, я по совѣсти убѣжденъ, что предудительныя мѣры, отъ правительства зависящія, необходимы, и что вашему императорскому величеству предназначено свыше довершить дѣло, августѣйшими предками вашими начатое.

„Какovy бы ни были пререканія насчетъ предпринимаемаго преобразованія, я нисколько не сомнѣваюсь въ успѣхѣ онаго подъ высочайшимъ вашимъ, всемилостивѣйшій государь, руководствомъ. Оскорбленныя самолюбія или потрясенные личные интересы всѣми возможными извилистыми путями будутъ стремиться достигнуть до васъ. Скольыо я ни равнодушенъ къ подобнымъ прояскамъ, я не могу, однако жъ, безъ содроганія мыслить, что дѣла ихъ будетъ потрясти или умалить довѣріе ко мнѣ вашего императорскаго величества, довѣріе, которое оправдать и сохранить я долженъ, какъ единственный способъ доказать вашему величеству, что, выскою оцѣняя милости, вами на меня излитыя, я умѣю глубоко чувствовать признательность, кою предъ вами обязанъ“.

Въ проектѣ новаго административнаго механизма Киселеву принадлежали, главнымъ образомъ, соображенія, касающіяся сельской общины у государственныхъ крестьянъ на юридическихъ опредѣле-

нiяхъ. Различными фискальными мѣрами стественныя основы сельской общины были разрушены; Киселевъ возстановилъ ихъ; всѣ допущенныя до того времени частныя подраздѣленiя селенiй на участки были отмѣнены; въ каждомъ сельскомъ обществѣ были соединены всѣ предметы управленiя: раскладка и сборъ податей, рекрутская повинность, запасные магазины; каждому обществу предоставлено право вѣдать свои хозяйственныя дѣла чрезъ посредство своего мiрскаго схода и имѣть свой судъ. Киселевъ съ первыхъ приступовъ къ дѣлу преобразованiя высказался въ томъ смыслѣ, что крестьяне прежде всего нуждаются въ покровительствѣ; эту мысль, подъ словомъ „попечительство“, онъ провелъ во всѣхъ новыхъ учрежденiяхъ. Цѣлью попечительства поставлено улучшение благосостоянiя государственныхъ крестьянъ; для достиженiя ея на министерство возлагалась прежде всего забота о нравственномъ образованiи крестьянъ и объ огражденiи дарованныхъ сельскому населенiю правъ. 1-го января 1848 года послѣдовало открытiе новаго министерства и Киселеву поручено управленiе имъ. Не будемъ слѣдить за дѣятельностью его въ этой сферѣ непрерывно втеченiе двадцати лѣтъ. Она слишкомъ общеизвѣстна, чтобы на ней останавливаться. Въ 1856 годѣ, когда Павелъ Дмитриевичъ назначенъ былъ посломъ въ Парижъ, волостные старшины государственныхъ крестьянъ и колонистовъ, прибывшiе въ Москву на коронацiю, явились къ нему 31-го августа, чтобы выразить чистую, безкорыстную признательность бывшему своему начальнику. „Благодаримъ тебя, батюшка, благодаримъ; не забудемъ во вѣки ни милостей царя, ни твоихъ объ насъ попеченiй“, говорили головы и старшины. Напутствуя своими молитвами графа на новое поприще служенiя родной странѣ, они поднесли ему хлѣбъ-соль и на память благословляющiй образъ Спасителя съ слѣдующею на серебряной доскѣ надписью: „Аминь глаголю вамъ, понеже сотворите единому сихъ братiй моихъ меньшихъ, мнѣ сотворите“. Въ этихъ немногихъ словахъ меньшей братiи высказана вся жизнь того, кто, по словамъ императора Александра II, положилъ „прочныя начала къ будущему преуспѣянiю и дальнѣйшему развитiю благосостоянiя многочисленнаго сословiя русскаго народа“.

V.

Киселевъ-дипломатъ.

Киселевъ не жааетъ быть дипломатомъ. — Отношенія его къ тюльерійскому двору. — Прямодушіе Киселева и дипломатическая недалковидность. — Недовѣріе императора Александра II къ политикѣ Людовика-Наполеона. — Записка Киселева о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи. — Двусмысленное положеніе Киселева. — Польскія дѣла. — Бесѣда о принцѣ Наполеонѣ съ княземъ Рейсомъ. — Размовки въ императорской семьѣ. — Отставка Киселева. — Его аудіенція у Наполеона III и Евгеніи. — Характеристика Наполеона III. — Мысли Киселева о будущемъ Европы.

На дипломатическое поприще Киселеву пришлось вступить на 70-мъ году. Павелъ Дмитріевичъ не желалъ этого назначенія, хорошо понимая, что и состояніе здоровья, и преклонность лѣтъ, наконецъ, неподготовленность къ новой дѣятельности, могли легко помѣшать успѣхамъ службы, которая въ это время представлялась особенно затруднительной въ виду политическаго состоянія Европы. „Безъ грусти не могу думать объ этомъ крупномъ поворотѣ въ моей жизни — пишеть Павелъ Дмитріевичъ къ брату въ Римъ. — Достанеть ли меня? Буду ли я настолько счастливъ, чтобы выполнить мое назначеніе? Или я долженъ пасть и кончить мою 50-ти-лѣтнюю карьеру — *rag un fiasco?*..“ „Мое положеніе—въ туманѣ, замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ, — который я не могу разсвѣять. Затѣмъ, меня страшитъ эта дѣятельная жизнь, которая не по моимъ лѣтамъ“. Вѣсть о новомъ назначеніи Киселева была встрѣчена русскимъ обществомъ съ надеждою на успѣхъ, а въ Парижѣ произвела благопріятное впечатлѣніе. 14-го октября 1856 года, онъ прибылъ въ Парижъ и скоро успѣлъ внушить къ себѣ симпатіи тюльерійскаго двора, въ особенности императрица Евгенія выказывала благосклонность нашему послу. Она нерѣдко вступала съ нимъ въ бесѣды, стараясь или вывѣдать взглядъ русскаго правительства на какую нибудь изъ дипломатическихъ затѣй, свою и своего супруга, или же внушить ему ковенно довѣріе къ разнаго рода торжественнымъ заявленіямъ о миролюбіи французскаго императора, которыя, какъ извѣстно, дѣлались часто на словахъ и не всегда оправдывались на дѣлѣ. Въ первомъ случаѣ Павелъ Дмитріевичъ умѣлъ быть осторожнымъ, но зато во второмъ—его честная душа была мало доступна для тѣхъ дипломатическихъ приемовъ, которые требуютъ говорить одно, а думать и дѣлать другое, и потому нерѣдко обманывался насчетъ настоящаго смысла дѣйствій Наполеона III, который иногда интриговалъ даже противъ официальной дѣятельности собственнаго своего министерства иностранныхъ дѣлъ. Объ этихъ бесѣдахъ Киселевъ доносилъ петербургскому кабинету, сообщая и свои мнѣнія по каждому поводу; только нѣкоторыя изъ нихъ онъ имѣлъ обыкновеніе заносить въ свой дневникъ.

Биографу пришлось пользоваться лишь послѣдними, ибо архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ остался для него закрытымъ, и потому трудно составить себѣ полное понятіе о дипломатическихъ взглядахъ Киселева. Можно сказать только, что факты нерѣдко не оправдывали его мнѣній, составленныхъ подъ вліяніемъ довѣрчивости къ словамъ французскихъ политиковъ. Немудрено, что при своемъ характерѣ, какъ онъ самъ выражался, „уклончивомъ для сношеній дипломатическихъ“, онъ не былъ дальновиденъ. Такъ, изъ записки его о внутреннемъ состояніи Франціи и значеніи для нея Наполеона, записка, представленной имъ государю въ 1857 г., видно, что Киселевъ считалъ „удержаніе Людовика-Наполеона во главѣ Франціи не только желательнымъ, но для Европы настоятельно необходимымъ“. Столько же недальновиднымъ представляется довѣріе его къ миролюбивому настроенію тильерійскаго кабинета. Въ 1859 году, когда уже война съ Австріей готовилась, Киселевъ былъ увѣренъ въ томъ, что „дѣла склонятся на миръ“. Только три недѣли спустя послѣ бала во дворцѣ, гдѣ онъ сказалъ это Губнеру, когда Валевскій передалъ (28-го февраля) Павлу Дмитріевичу собственноручную ноту, въ которой говорилось, что война будетъ объявлена лишь въ случаѣ достаточно законнаго повода, и когда на вопросъ, сдѣланный графомъ Киселевымъ, кто будетъ судьей достаточной законности, редакторъ ноты отвѣтилъ, что судьей будетъ онъ, Валевскій,—только тогда Павелъ Дмитріевичъ убѣдился въ лживости миролюбиваго настроенія тильерійскаго кабинета и съ горечью записалъ: „Можно распатать весь міръ, когда рычагомъ служить собственная смышленость, а точкою опоры—глупость другихъ“. А между тѣмъ, политика Наполеона III внушала недоувѣріе самому государю. Въ бытность свою въ Варшавѣ, 26-го октября, Киселевъ имѣлъ аудіенцію у государя и записалъ объ этомъ его слова: „Довѣріе мое—сказалъ государь—къ политическимъ видамъ Людовика-Наполеона очень поколеблено; *les allures ne sont pas correctes*; нужно быть внимательнымъ, чтобъ не поддаться обману. Я читалъ вашу записку. Къ мысли вашей о заключеніи оборонительнаго договора можетъ быть приступлено только послѣ заключенія мира, или послѣ конгресса. До тѣхъ поръ слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдить за ходомъ этой политики, которая, повторяю, внушаетъ мнѣ мало довѣрія“.—Тутъ было сказано нѣсколько словъ о секретномъ сообщеніи принца Наполеона, который, находясь въ Варшавѣ, говорилъ именемъ императора Наполеона, что онъ рѣшился вести войну до Вѣны (*qu'il est résolu de pousser la guerre jusqu'à Vienne*), чтобъ принудить Австрію заключить миръ прочный и окончательный; „и вотъ“, продолжалъ государь, „ни съ того, ни съ сего, онъ предлагаетъ миръ, не предупредивъ никого и проч. Дѣйствія эти не могутъ внушить довѣрія и, въ виду такой неопредѣленной политики, заставляютъ быть на-сторожѣ“.

Желая вызвать новое объясненіе касательно высказаннаго государемъ недовѣрія, Киселевъ, по словамъ его біографа, занялся приготовленіемъ записки о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи. Въ бумагахъ его не найдено этой записки, но въ „Дневникѣ“ сохранилась слѣдующая замѣтка, подѣ 26-мъ октября, выражающая, вѣроятно, сущность его записки:

„Я докладывалъ государю и говорилъ кн. Горчакову о неограниченномъ, хотя довольно умѣренномъ (*quoique modéré*), управленіи Людовика-Наполеона во Франціи. Враждебныя ему партіи бессильны. Мечта объ утвержденіи династіи (*la marotte dynastique*)—слабая струна двора—приобрѣтаетъ, съ помощью очевиднаго вліянія императрицы, все болѣе и болѣе шансовъ; но въ концѣ-концовъ она опирается на крайне шаткомъ основаніи (*elle ne repose que sur un point d'aiguille*); одинъ ударъ кинжала—и все можетъ рухнуть. Послѣдствіе такой развязки можетъ взволновать всю Европу.

„Людовикъ-Наполеонъ—полицеймейстеръ, котораго полезно сохранить хотя бы для того, чтобъ предотвратить потрясенія, къ сожалѣнію, неразлучныя съ его исчезновеніемъ. Но надо его связать при помощи трактатовъ, которые обуздывали бы его склонность къ опаснымъ предпріятіямъ.

„Французы легко воспаляются; если станутъ раздраживать ихъ извнѣ, то они горячо стоятъ будутъ за своего избранника—императора. Революція во Франціи вызвала бы мятежи во всей Европѣ. Можно ли рисковать этимъ? Республиканскій социализмъ стоитъ наготовѣ, чтобъ принять такое наслѣдіе. Поэтому сохраненіе существующаго порядка во Франціи есть лучшая гарантія спокойствія Европы; пусть истинные консерваторы поразмыслятъ объ этомъ“.

Киселевъ сознавалъ затруднительность своего положенія. Петербургскій кабинетъ, сколько можно судить по книгѣ г. Заблоцкаго-Десятовскаго, склоненъ былъ заподозривать Киселева въ слишкомъ большомъ сочувствіи французскому правительству, а послѣднее, въ свою очередь, приписывало его вліянію недружелюбное настроеніе Россіи. Вотъ замѣтка Павла Дмитриевича, записанная послѣ бала въ Тюльери, 19-го февраля 1860 г., могущая характеризовать эту двусмысленность положенія нашего посла:

„Императоръ подходилъ ко мнѣ два раза; въ первый разъ онъ спросилъ о состояніи моего здоровья, не беспокоитъ ли меня жара въ залѣ, и затѣмъ спросилъ, ожидаю ли я завтра курьера изъ Петербурга, какъ ему о томъ сказали? Я отвѣчалъ, что надѣюсь. Во второй разъ онъ черезъ весь залъ подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ, что его продолжаютъ увѣрять, что недружелюбное расположеніе (*les dispositions facheuses*) къ нему не прекращается въ Петербургѣ. „Мнѣ сказали также—продолжалъ онъ—что въ такомъ же настроеніи къ намъ здѣсь вы и ваши“. Мнѣ показалось, что я не слышалъ и не хорошо понималъ, и тотчасъ же отвѣчалъ:—относительно того, какъ на-

строены въ Петербургѣ, мы узнаемъ, когда придетъ курьеръ, и я надѣюсь, что извѣстія будутъ вполне благопріятны; что жъ касается того, какое настроеніе здѣсь, у меня, то едва ли такія злыя инсинуаціи заслуживаютъ опроверженія.— Далѣе онъ говорилъ, что страстями, разжигаемыми фанатиками, стараются воспользоваться другіе люди не изъ преданности папѣ или церкви, а изъ желанія способствовать ожесточеннымъ, хотя безсильнымъ, проискамъ противъ его правительства“.

Слова Наполеона затронули за живое графа Павла Дмитриевича и онъ записалъ далѣе:

„Въ первую минуту я не хорошо понялъ, что хотѣлъ сказать Наполеонъ, и не обратилъ большого вниманія на его слова; но, вернувшись домой, припоминая все происходившее въ этотъ вечеръ, мнѣ показалось, что намекъ, пущенный императоромъ, съ улыбкою на устахъ, заслуживалъ болѣе мѣткого отвѣта. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что въ то время, когда меня обвиняютъ въ чрезмѣрной симпатіи къ правительству императора, послѣдній жалуется, что я на него нападаю. Мнѣніе первыхъ могло найти основаніе въ нѣкоторыхъ наружныхъ признакахъ, потому что втеченіе 3¹/₂ лѣтъ, которыя я нахожусь здѣсь, я ни разу не позволилъ себѣ сказать враждебнаго слова ни противъ самого императора, ни противъ его политики, и если мнѣ случалось раздѣлять высказываемыя въ присутствіи моемъ, направленныя противъ нихъ, мѣнія, то я или сохранялъ глубокое молчаніе, или старался дать разговору иное направленіе; напротивъ, при всѣхъ нападкахъ, которые позволяли себѣ въ присутствіи моемъ противъ существующаго правительства, *le gouvernement de fait*, какъ они выражаются, когда нападки сіи казались мнѣ несправедливыми,— то я откровенно выражалъ противное мѣніе, которое и поддерживалъ съ твердостью. Во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ петербургскимъ кабинетомъ, я не умалчивалъ ни о чемъ, что доходило до меня изъ источниковъ, заслуживающихъ вѣры, и въ большинствѣ случаевъ исправляя и смягчая то, что казалось мнѣ несправедливымъ или преувеличеннымъ. Впрочемъ, я успѣлъ убѣдиться, втеченіе многолѣтней своей жизни, что, постоянно гоняясь за правотою и справедливою, всегда остаешься въ дуракахъ: приобѣтаешь друзей бездушныхъ и враговъ непримиримыхъ. Но, не взирая на все, я останусь при своихъ принципахъ и до конца жизни, во что бы ни стало, стоять буду за истину и справедливость“.

Весь слѣдующій годъ прошелъ въ переговорахъ съ французскимъ правительствомъ о польскихъ дѣлахъ. Въ Парижѣ, подъ негласнымъ покровительствомъ принца Наполеона, образовалось скопище польскихъ эмигрантовъ, которые, мечтая о возрожденіи Польши, высылали въ наши польскія и литовскія провинціи зажигательныя возванія и эмиссаровъ съ обѣщаніемъ поддержки Франціи. Эти подстрекательства и обнадеживанія не прекращались и послѣ officialнаго объа-

сненія русскаго посла съ императоромъ и принцемъ Наполеономъ. Сама императрица Евгенія употребляла все свое вліяніе на Людовика-Наполеона, чтобъ побудить его оказать поддержку замысламъ поляковъ. Принцесса Матильда въ разговорѣ съ Павломъ Дмитріевичемъ, между прочимъ, сказала ему 31-го августа: „императоръ совершенно здоровъ и говоритъ, что ему надѣдають только домашнія неприятели. Императрица Евгенія противорѣчитъ постоянно политическимъ его видамъ. Она горячо стоитъ за Римъ и Польшу и постоянно вступаетъ съ нимъ въ неприличные споры, отстаивая мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ и не хочетъ усвоить себѣ“. Французская печать также не переставала относиться враждебно къ Россіи и сулить Польшѣ несбыточныя надежды.

„Графъ де-Віель-Кастель“¹⁾, пишетъ Киселевъ въ дневникѣ подъ 6-мъ ноября, „заходилъ ко мнѣ и сказалъ, что наши опроверженія и поправки (rectifications), которыя посылаются въ редакціи журналовъ, принимаются ими не такъ охотно, какъ это бывало прежде. Онъ увѣряетъ, что одинъ изъ редакторовъ журнала „Constitutionnel“ сказывалъ ему, что министръ внутреннихъ дѣлъ Персинья внушилъ редакторамъ газетъ не печатать ничего, что враждебно полякамъ, и ничего, что сочувственно Россіи. „Если это справедливо,—размышляетъ Павелъ Дмитріевичъ,—то оно служитъ доказательствомъ явной перемены въ политическомъ настроеніи къ Россіи, или по крайней мѣрѣ оно можетъ считаться предвозвѣстникомъ политическаго поворота, который желательно разъяснить для соответственнаго веденія дѣлъ“. Послѣ визита Віель-Кастеля, Убри предлагалъ мнѣ написать объ этомъ въ Петербургъ, но я не согласился съ его мнѣніемъ, такъ какъ напередъ слѣдуетъ удостовѣриться въ справедливости сказаннаго, не полагаясь на слова какаго-то анонимнаго редактора“.

Небезынтересно при этомъ привести записанный подъ 19-мъ ноября разговоръ Киселева съ княземъ Рейсомъ о принцѣ Наполеонѣ: „Принцъ Наполеонъ—сказалъ князь Рейсъ—находится теперь въ Компіенѣ; онъ найдетъ случай возстановить свои интимныя отношенія съ императоромъ, который имѣетъ въ нему несомнѣнную и нескрываемую слабость; несмотря на нерѣдко выказываемое отвращеніе къ принцу Наполеону, императрица Евгенія также, въ концѣ концовъ, илѣняется иногда его умомъ и оригинальностью, въ которой проглядываетъ подчасъ и искренность; это заставляеть ее забывать, что онъ заклятый врагъ ея и въ особенности ея сына. Когда я замѣтилъ князю, что Франція никогда не согласится имѣть такого человека своимъ императоромъ, Рейсъ отвѣчалъ, что французы такъ легкомысленны, что согласятся и на это, если принцъ съумѣетъ взяться за дѣло; что нѣсколько французовъ сказывали ему, что имъ все равно, какой Бона-

¹⁾ Comte de-Viel Castel, писатель довольно извѣстный во Франціи своими беллетристическими сочиненіями.

цартъ будетъ властвовать надъ ними, лишь бы онъ умѣлъ править государствомъ". Тутъ графъ Павелъ Дмитриевичъ приписалъ въ скобкахъ: „между родлистами въ ходу другой вариантъ этой послѣдней фразы; они говорятъ—лишь бы онъ далъ себя прогнать (pourvu qu'il se laisse chasser)".

Принцъ Наполеонъ не измѣнялъ своей тактикѣ. Въ 1862 г., онъ поднялъ цѣлую бурю въ февральскихъ засѣданіяхъ сената и законодательнаго собранія своими рѣчами. Говорили даже, что принцъ прочитъ себя кандидатомъ на императорскій престолъ. Выходки его постоянно порождали неудовольствія въ семейномъ быту тюльерійскаго двора. Объ этихъ неудовольствіяхъ даетъ понятіе любопытный разговоръ Биссева съ принцессою Матильдою:

„Принцесса Матильда предложила пріѣхать сегодня утромъ (8-го апрѣля) ко мнѣ, чтобъ поболтать (causailler) о дѣлахъ. И точно, въ два часа мнѣ доложили о ея пріѣздѣ, и я сошелъ внизъ, чтобы принять ее въ первомъ залѣ нижняго этажа, откуда мы съ нею перешли въ садъ. Обойдя два раза мой небольшой садикъ, мы успѣлись, чтобы продолжать нашъ разговоръ. Сначала мы говорили о нынѣшнемъ пребываніи въ Парижѣ маркиза Лавалетта, котораго она очень хвалила, какъ человекъ высокаго ума и пріятнаго характера. Она помянула объ интригахъ, замышляемыхъ противъ него, подъ руководствомъ неразсудительной императрицы Евгениі, которая въ дѣлахъ не имѣетъ никакого смысла (qui n'est qu'une buse dans les affaires) и которая тянетъ къ католицизму единственно для того, чтобы угодить Испаніи и въ особенности королевѣ Изабеллѣ, относящейся, впрочемъ, во всему этому весьма равнодушно. Независимо отъ сего, у императрицы самый несносный характеръ, и императору, который самъ по себѣ кротокъ и имѣетъ ангельское терпѣніе, приходится много переносить отъ нея. Недавно, въ присутствіи ребенка (императорскаго принца), она сдѣлала ему самую грубую сцену, такъ что императоръ, чтобы прекратить споръ, взялъ малютку за руку и повелъ его изъ комнаты, гдѣ эта бѣтва происходила; тогда ребенокъ, понимая огорченіе отца, сказалъ ему: „неправда ли, папа, что мама говорила глупости (n'est ce pas, papa, que maman a dit des bêtises)". Рассказывая мнѣ объ этомъ случаѣ, императоръ присовокупилъ, что „этотъ ангельчикъ“ (ce petit ange) хотѣлъ этимъ вопросомъ утѣшить меня, и цѣль его была достигнута, потому что я былъ глубоко тронуть“.

— Да какъ же это,—спросилъ я,—императоръ, при своемъ превосходствѣ ума, позволяетъ такимъ образомъ господствовать надъ собою?

— По лѣности,—отвѣчала она;—онъ лѣнивъ во всемъ, что относится до домашней жизни; я нѣсколько разъ выговаривала ему это, но у него всегда одинъ отвѣтъ:—лучше уступить, чѣмъ продолжать споръ о пустягахъ; притомъ, поясняетъ онъ,—таковъ уже мой характеръ; я не могу переименовать его, потому я даю ей говорить, сколько захочетъ, а самъ молчу.

„Переходя затѣмъ“, говоритъ графъ, „отъ этой картины домашняго очага императорской четы къ политикѣ, я свросилъ принцессу, насколько справедливы слухи о сближеніи съ Австріею?—Не вѣрете этому, отвѣчала она; императоръ мало говоритъ, но много думаетъ. Онъ не скрываетъ отъ себя, что недовѣріе къ нему и къ его правительству все растетъ и что необходимо возсоздать довѣріе. Онъ сдѣлалъ начинъ въ этомъ направленіи, начавъ съ наиболѣе зараженныхъ недовѣріемъ, и намѣревается слѣдовать по этому пути. Императоръ говоритъ, что всѣми этими неприяностями онъ обязанъ Италіи, что онъ радъ бы былъ душою отдѣлаться отъ нея, но, разъ дѣло затѣяно, надо его кончить (*le vin étant tiré il faut le boire*)“.

— Это правда,—отвѣчала я,—но, принимаясь за окончаніе начатаго дѣла (*mais avant de le boire*), должно остерегаться дурныхъ совѣтовъ, которые подсказываютъ со всѣхъ сторонъ и слѣдя которымъ онъ можетъ зайти слишкомъ далеко“.

— Вы говорите о принцѣ Наполеонѣ,—перебила она меня;—къ несчастію, это правда; мой братъ большой проказникъ (*mauvais drôle*), ему не надо довѣряться; онъ одержимъ всѣми дурными наклонностями; но, по нерѣшительности его характера, онъ вовсе не такъ опасенъ: императоръ хорошо его знаетъ, и если братъ мой имѣетъ на него нѣкоторое вліяніе, то единственно благодаря своему гибкому уму, въ которомъ, конечно, ему отказать нельзя. Многіе думаютъ,—продолжала она,—что онъ имѣетъ за собою партію; а этому не вѣрю; но если бы даже это было справедливо, то предпріятія, затѣваемые имъ лично, никакого значенія имѣть не могутъ, потому что сторонники его не довѣряютъ ему и пользуются только его личнымъ положеніемъ при дворѣ, для распространенія нелѣпныхъ слуховъ, вѣроятность которыхъ придаютъ потому, что они будто бы исходятъ отъ двоюроднаго брата императора. Братъ мой даетъ имъ волю распускать слухи и новости, будто бы слышанныя отъ него, единственно изъ желанія еще болѣе утвердить свой кредитъ. Повидимому, онъ добился этого даже въ кругу министерскомъ (*dans le sénacle ministériel*), въ средѣ котораго большая часть этихъ полновластныхъ рѣшителей судебъ (*potentats*) усидчиво ухаживаютъ за ними.

„Потому,—добавила она,—что всѣ эти министры ненавидятъ другъ друга и стараются повредить одинъ другому; каждый изъ нихъ силится передать, черезъ посредство моего брата, свои виды и разныя о своихъ сотоварищахъ сплетни, не заботясь о томъ, справедливы онѣ или нѣтъ, лишь бы дошли по назначенію. Эти глупцы не знаютъ, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ болѣе хитрымъ, чѣмъ они сами, и что этотъ воображаемый покровитель и пособникъ ихъ, которому они довѣряютъ свои затаенные замыслы, передаетъ въ формѣ разказовъ, которые всегда нравятся императору, только то, что ему самому на руку и согласно съ его интересами и личными видами“.

1862 годъ былъ послѣднимъ для дипломатической карьеры Кисе-

лева. Онъ подалъ въ отставку, немедленно послѣ того, какъ въ Парижъ присланъ ему былъ въ помощь Будбергъ, что графъ „принялъ за намекъ, что ему пора оставить мѣсто посла“. 16-го октября ему назначена была аудіенція у императора, для представленія отзывныхъ грамотъ. „Императоръ меня принялъ“—записалъ Киселевъ—„весьма дружественно и удержалъ у себя полчаса, а императрица болѣе часу и очаровала меня своимъ разговоромъ, серьезнымъ и вѣстѣ веселымъ“...

„Во время всей этой аудіенціи“, говоритъ графъ, „я не замѣтилъ въ императорѣ ни заботливаго, ни болѣзненного вида, о которомъ говорятъ въ публикѣ. Наполеонъ былъ, какъ всегда, сосредоточенъ, серьезенъ и иногда веселъ. Его тусклый взглядъ въ иные минуты дѣлается выразительнымъ, его фizioномія оживляется и бываетъ иногда не безъ пріятности; онъ всегда владѣетъ собою, ему чужды вспышки гнѣва или живости; всегда спокойный, даже когда онъ чувствуетъ себя сильно раздосадованнымъ, онъ никогда не возвышаетъ голоса, никогда не скажетъ слова оскорбительнаго или неупотребительнаго въ обыкновенномъ разговорѣ. Я говорилъ со многими близкими къ нему лицами и всегда получалъ одинъ отвѣтъ: хотя онъ иногда и сердится, но никогда не выходитъ изъ себя. Одинъ изъ этихъ господъ говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ его сердитымъ только одинъ разъ,—это по дѣлу генерала Монтобана. О пораженіи, которое потерпѣло его предложеніе назначить пенсію генералу, онъ говорилъ съ нѣкоторою извѣтливостію и горячностію, ему не обычными. Въ отношеніяхъ своихъ самыхъ интимныхъ съ своими близкими, не исключая и императрицы, онъ предпочитаетъ скорѣе уступить, чѣмъ заставить исполнять его волю. Одинъ изъ его семейства упрекалъ его въ холодности; онъ отвѣчалъ, что весьма достаточно спорить о дѣлахъ серьезныхъ; но „если дѣло идетъ о домашнихъ пустякахъ, то я люблю лучше уступить, хотя бы чувствовалъ личную досаду, чѣмъ тратить свою жизнь для поддержанія этого рода борьбы, которая меня утомляетъ и наводитъ невыразимую скуку“.

„Когда о моемъ приходѣ доложили императрицѣ, она вышла ко мнѣ на встрѣчу и приняла меня съ обыкновенною своею любезностію. Она пригласила меня въ свой кабинетъ и, сядя на кресло, указала мнѣ мѣсто. Послѣ сожалѣній о моемъ удаленіи и моихъ обычныхъ объясненій, императрица Евгенія мнѣ сказала, что я теперь могу ей сказать безъ дипломатическихъ осторожностей, каковъ характеръ моего преемника. „Мнѣ говорили—сказала она—что Будбергъ человекъ сухой и сдержанный (*raide et peu expansif*); мнѣ это было бы досадно, потому что—вы знаете—мой характеръ совершенно противоположный. „Я поспѣшилъ ее разувѣрить въ этомъ невѣрномъ мнѣніи (*fausse appréciation*), котораго нельзя допустить, отдавая справедливость г. Будбергу въ его умѣ и знаніи людей; сверхъ того, я вратцѣ указалъ на его служебную карьеру и на назначеніе, которыхъ онъ, несмотря на свои молодые годы, удостоился отъ императора Николая;

обязанности посланника въ Вѣнѣ и Берлинѣ онъ исполнялъ къ общему удовольствію; конечно, онъ постарается достигнуть того же и въ Парижѣ и, какъ я увѣренъ, онъ заслужитъ милостивое благоволеніе ея величества... Я кончилъ, сказавъ, что сухость и несообщительность характера, въ которыхъ его обвиняютъ, не могутъ быть допущены, ибо онъ слишкомъ уменъ и слишкомъ опытенъ, чтобы въ Парижѣ отклонить отъ себя успѣхи въ отвращеніи дипломатическихъ дѣлъ.

„Я считъ долгомъ сказать ей также нѣсколько словъ объ ея успѣхахъ въ отношеніи оборота, который послѣдовалъ въ положеніи дѣлъ папы. Партія лѣвыхъ радуется, партія правыхъ—тоже, хотя съ меньшею откровенностію, но всѣ, за исключеніемъ упорныхъ вольтеріанцевъ, одобряютъ новое направленіе дѣлъ Италіи.—Всѣ знаютъ, что этимъ обязаны вашему величеству и вамъ благодарны; я съ своей стороны этому чрезвычайно обрадовался и весьма счастливъ, что могу выразить вамъ мое искреннее поздравленіе съ успѣхомъ. Я хотѣлъ бы сдѣлать то же относительно другаго успѣха, вамъ же приписываемаго, именно въ дѣлахъ мексиканскихъ; но желалъ бы—позвольте сказать откровенно,—чтобы этотъ успѣхъ не принадлежалъ вамъ.—Императрица прервала меня, сказавъ, что дѣйствительно она сдѣлала все, что могла, чтобы исправить ложное направленіе, данное переговорамъ касательно папства; это сдѣлать было тѣмъ удобнѣе, что императоръ думалъ всегда такъ же, и что слогъ депешъ измѣнилъ первоначальную мысль, въ ущербъ интересамъ Франціи и католицизма, который надо принимать въ расчетъ, когда управляютъ около 40 милл. Французовъ.

„Что касается до Мексики, то долгъ чести обижать Францію не идти на бумсирѣ тѣхъ, которые отстали; сверхъ того, эта отдаленная экспедиція имѣетъ свою причину, кромѣ жестокостей революціонеровъ въ этой странѣ въ отношеніи католической религіи. Франція не можетъ и не должна оставить своихъ единовѣрцевъ въ угнетеніи.

„Затѣмъ она меня спросила—утихаетъ ли волненіе въ Польшѣ? На мой отвѣтъ она лишь сказала: „если бы спросили меня, то я посоветовала бы оставить поляковъ самимъ себѣ, предостаив имъ выбрать себѣ короля. Россія, при своемъ могуществѣ, всегда будетъ стоять выше, будетъ сильнѣе и у себя, и въ отношеніи другихъ; всякія другія мнимыя примиренія, которыя выдумаютъ, не установятъ прочнаго спокойствія, столь желаемаго Европою и котораго тоже должна желать и Россія. Я говорю въ интересахъ Польши и въ то же время въ интересахъ Россіи и Европы“.

„Я отвѣчалъ, что понимаю ея заключительную мысль. Всѣ выигрываютъ, кромѣ Россіи, которая не можетъ отказаться отъ царства ни въ интересахъ поляковъ, ни въ интересахъ западныхъ державъ. Чтобы это уяснить, надо разсмотрѣть общее положеніе дѣлъ. Поляки и рус-

скіе, двѣ вѣтви одного славянскаго племени, борются втеченіе шести вѣковъ; поляки имѣли успѣхи; она господствовали въ Москвѣ, какъ теперь русскіе господствуютъ въ Варшавѣ; жалобы паны отчасти справедливы по причинѣ строгихъ, иногда произвольныхъ, мѣръ въ предпрошедшее царствованіе; но ненадо терять изъ виду, что всѣ эти строгости были послѣдствіемъ духа пропаганды католическаго духовенства, которое считало православныхъ за язычниковъ и старалось ихъ обратить въ лоно истинной, по ихъ мнѣнію, церкви; отъ этого произошли преслѣдованія, на которыя жалуется св. отецъ. Пусть оставятъ прозелитизмъ, и они избѣгутъ мѣръ предупредительныхъ, къ которымъ насъ заставляютъ прибѣгать. Что касается до уніатовъ, то возвращеніе ихъ къ церкви ихъ отцовъ было дѣломъ ихъ духовенства, которое просило воссоединиться съ первоначальной своею церковію. Только 52 священника не хотѣли подписать общую просьбу о воссоединеніи. Эта просьба не могла быть законнымъ образомъ отвергнута, потому что просители были іезуитами насильно обращены въ унію; Литва и Украина испытали то же насиліе“.

Официальное значеніе Киселева кончилось. Павелъ Дмитріевичъ послѣдніе годы жизни провелъ во Франціи, поддерживая постоянныя сношенія съ Россіей и слѣдя за всѣми вопросами, назрѣвавшими въ его время. Свои мысли подъ впечатлѣніемъ фактовъ и чтенія онъ заносилъ въ свой дневникъ. Уже въ тогдашнемъ положеніи Европы, графъ Киселевъ видѣлъ задатки грядущихъ великихъ переворотовъ.

„Я убѣжденъ“, пишетъ онъ, подъ 9 ноября (1866) г. „что наступятъ большіе перевороты въ свѣтѣ и что социальное возрожденіе измѣнитъ втеченіе ХХ вѣка настоящее положеніе дѣлъ. Мудрая, осторожная и либеральная Англія, на свободные принципы которой безпрестанно ссылаются, находится на пути къ социальной и политической революціи, несмотря на утвержденіе одного изъ ея самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей (Каннингъ), который говорилъ, что пока кучеръ королевы сохранитъ на головѣ своей напудренный парикъ, англійская конституція сохранится и будетъ управлять Англією. Утвержденіе этого государственнаго человека живописно, но не положительно. Надо бы знать, сколько времени парикъ будетъ держаться на головѣ кучера... Во Франціи нѣкоторые журналисты поставили своею задачею преобразовать міръ съ помощію того, кто, съ высоты покищеннаго имъ трона, имѣлъ дерзость провозгласить себя выскочкою (parvenu), чтобы угодить тогдашней всемогущей демагогѣ. Но, разъ выкинувъ эту штуку, онъ одумался и сдержалъ страсти, которыми воспользовался для своего вышпенія, чтобъ утвердить наследство своему сыну и сдѣлаться главою новой династіи. Эта мечта, которую делѣялъ Наполеонъ I, и которая скоро улетучилась; то-же самое будетъ и съ Наполеономъ III“.

Приведенныя выдержки изъ книги Заблоцкаго-Десятовскаго, при всей своей меноногѣ, кажется, достаточно опредѣляютъ характеръ

государственной дѣятельности графа П. Д. Киселева. Это былъ чело-
вѣкъ дѣйствія, жизни, фактовъ, чуждый увлеченіямъ одними теорі-
ями, какъ бы ни были онѣ прекрасны съ виду; это былъ горячій и
энергичный инициаторъ тамъ, гдѣ опытъ и практика оправдывали не-
отложность нововведенія, или же выжидающій наблюдатель, какъ скоро
обстоятельства слагались для того неблагоприятно. Стремленіе поста-
вить всякое нововведеніе въ уровень съ требованіями жизни состо-
вляетъ одну изъ главныхъ отличительныхъ чертъ его долготѣней и
полезной дѣятельности. Отсюда эта практичность ея, эта успѣшность.
Отсюда въ лицѣ Киселева мы видимъ организатора строго выдержан-
ной и ясно выраженной системы, не той строгости въ системѣ, ко-
торая хочетъ ломать жизнь, а именно той, какая вызывается запро-
сами самой дѣйствительности. Другая, неменѣе важная черта въ дѣ-
ятельности Киселева заключается въ томъ, что всѣ учрежденія, обя-
заннаго его инициативѣ, проникнуты чувствомъ гуманности и неиз-
мѣнной заботливостью водворить законность на мѣстѣ произвола. На-
конецъ, еще достойная вниманія сторона всѣхъ его преобразованій и
нововведеній: какъ настоящій государственный чело-вѣкъ, графъ Ки-
селевъ не ограничивался настоящимъ; онъ заглядывалъ въ будущее.
Успѣхи, имъ достигнутые, онъ не считалъ вершающими дѣло, не
обольщался ими настолько, чтобы не видѣть, что болѣе полное и со-
вершенное ихъ достиженіе принадлежитъ новому поколѣнію.

О. Вулгаковъ.

РОССІЯ ПОДЪ ПЕРОМЪ НОВѢЙШИХЪ РЕФОРМАТОРОВЪ ¹⁾

II.

ЖИЗНЬ каждого народа распадается на общественную и государственную. Первая одушевляетъ вторую. Отсюда мнѣніе, что каждый народъ стоитъ своего правительства. „Въ политикѣ—говоритъ Милль—какъ въ механикѣ, надо искать вѣ машины силу, которая сообщаетъ машинѣ движеніе; а если ея нѣтъ, или она недостаточна, чтобъ превзойти могущія оказаться препятствія, то дѣло не пойдетъ на ладъ“. Итакъ, общественная жизнь должна окривать собою политическую. Элементы общественной жизни слишкомъ разнообразны; но все же нѣкоторые изъ нихъ можно указать. Это—энергія народа, его готовность воплощать свои міровоззрѣнія въ государственныя формы и даже страдать за торжество этихъ міровоззрѣній. Этотъ элементъ самый важный въ общественномъ прогрессѣ. За нимъ идетъ экономическое обезпеченіе народа, равновѣсіе труда и капитала; далѣе,—умственное образованіе и равномерное его распредѣленіе. Наконецъ, такъ называемая нравственная жизнь, состоящая для инаго народа въ религіи, для другаго—во вѣншемъ патриотизмѣ, въ личной храбрости, въ вѣрнопопданнической преданности, въ личной безупречности, въ семейной добродѣтели и въ эстетическомъ употребленіи своего досуга. Для третьяго народа, лишеннаго этихъ нравственныхъ элементовъ, единственнымъ выходомъ для душевныхъ силъ представляется революція или социализмъ. Чтѣ бы ни говорили, но борьба за отдаленнѣйшій идеаль въ настоящее время замѣнила для „дѣтей“ всѣтѣ нравственные интересы и побужденія, которыми жили наши „от-

¹⁾ Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, т. VII, стр. 396.

цы", люди сороковых годов. Таким образом, экономическое развитие, интеллектуальное, нравственное, и личная энергия, со многими другими элементами, составлять то, что мы называем общественной жизнью. Отъ степени ея развитія зависитъ удовлетворительность или негодность политическихъ учреждений, имѣющихъ своимъ *raison d'être* омы желаніе дать странѣ наивозможно-большее и безпрепятственное развитие вышеупомянутыхъ общественныхъ, гражданскихъ силъ. Чѣмъ полнѣе гражданскія силы и чувства развиваются при той или другой политической формѣ правленія, тѣмъ болѣе общество довольно своимъ правительствомъ, и наоборотъ. На этомъ основаны отношенія общества къ правительству. Чѣмъ менѣе къ участию въ правленіи допущено общество, тѣмъ правительство болѣе для него чуждо. Чѣмъ гармоничнѣе развитіе общественныхъ силъ съ политическими формами, чѣмъ онѣ тѣснѣе обусловливаютъ другъ друга, тѣмъ болѣе такое правленіе приближается къ демократіи. Нѣкоторые ученые эту гармонию или дисгармонию общества съ правительствомъ считаютъ основнымъ признакомъ въ различіи формъ государственнаго устройства.

Какая же политическая форма болѣе удовлетворяетъ гармоническому условію, т. е. развитію при ней гражданскихъ, общественныхъ силъ? Та, при которой само заинтересованное лицо принимаетъ участіе въ охраненіи своихъ общественныхъ правъ и расширеніи ихъ. „Представительное устройство — говоритъ Милль, — есть одно изъ удобнѣйшихъ средствъ свести подъ одно знамя все лучшее, что есть въ обществѣ по уму и честности, свести въ одно мѣсто доблестнѣйшихъ его членовъ и дать имъ большее значеніе, чѣмъ они имѣли бы при всякой другой организаціи, хотя и при всякомъ другомъ устройствѣ вліяніе такихъ людей есть источникъ всякаго добра, какое только есть въ правленіи, и причина отсутствія въ немъ какаго либо изъ золъ. Чѣмъ большую сумму такихъ качествъ общественный порядокъ какой нибудь страны можетъ организовать, чѣмъ лучше самая организація, тѣмъ лучше будетъ и правительство“. Мнѣніе Милля намъ очень цѣнно, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ политическія формы стали занимать собою общественное мнѣніе гораздо сильнѣе экономическихъ и интеллектуальныхъ вопросовъ. „Новѣйшіе русскіе реформаторы“ второй группы, — г. Новосельскій („Соціальные вопросы въ Россіи“), г. Панаевъ („Общинное землевладѣніе“), авторъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“, также главною темой своихъ разсужденій берутъ политическія формы, при которыхъ социальныя вопросы могли бы легче разрѣшаться. Эти господа являются противниками конституціонализма, а потому ихъ собственное *profession de foi* очертится яснѣе, когда мы съ нимъ познакомимся въ его противоположностяхъ. Въ самыхъ краткихъ чертахъ мы скажемъ о конституціонномъ режимѣ, почти всюду привившемся въ Европѣ. Карлъ Роттекъ говоритъ: „Наше время — время конституцій. Онѣ или же-

лательны, или рѣшительно отвергаются“ („Lehrbuch des Verunftrechts und der Staatswissenschaften“). Англія—классическая страна договоровъ власти съ народомъ. Съ нея мы и начнемъ. Аграрная система и деспотическія замысли королей съ незапамятнымъ временемъ сдѣлали то, что англійскіе бароны, имѣя въ своихъ рукахъ землю, а слѣдовательно и народъ, рѣшились противопоставить свои аристократическія вольности династическимъ, придворнымъ. Бароны соединились съ народомъ и искали спасеніе отъ угнетенія въ законѣ. 16-го іюня 1215 года, англійская нація съ баронами во главѣ добилась отъ Іоанна Безземельнаго „Великой льготной хартіи“. Эту „Magna charta libertatum“ власть короля была ясно изложена и даже обставлена законными предѣлами по отношенію къ церкви и королевскимъ вассаламъ. Обыватели также получили понятіе о своихъ правахъ. Съ этихъ поръ корона начинаетъ утрачивать мало-по-малу свои абсолютныя преимущества; мѣстная жизнь обывателей легализуется, успокоивается, приобретаетъ мѣстное политическое значеніе и, наконецъ, выбираетъ изъ своей среды депутатовъ, обязанныхъ защищать передъ короною интересы избирателей. Создается парламентъ въ столицѣ, внутри страны—землевлдѣльческая джентрѣ, въ корпоративныхъ городахъ—должностныя лица, избранныя горожанами. Мѣстная самостоятельная жизнь и парламентъ гарантируютъ гражданъ отъ произвола короля. Въ то же самое время и самый парламентъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ: съ одной стороны властью короля, могущаго распустить парламентъ, хотя не болѣе какъ на годъ,—съ другой—и главнымъ образомъ—независимымъ мѣстнымъ развитіемъ земскихъ учреждений. Безъ мѣстнаго развитія страны, какъ корона, такъ и парламентъ, являются созданіемъ абсолютизма. Англія создала парламентъ, опирающійся на мѣстное самоуправленіе, и потому лучшіе ея мыслители (Милль и др.) всегда горячо отстаивали англійскую конституцію. Между тѣмъ Франція, убившая мѣстную жизнь централизаторскими наклонностями Людовиковъ, національныхъ собраний, конвентовъ, Наполеоновъ и Гамбеттъ, будетъ еще долго позорить самую идеальную конституцію. Для Англіи провинція была всегда предметомъ особой заботливости: въ благосостояніи провинціальной жизни государственные люди Англіи видѣли залогъ процвѣтанія всей страны и прочность самого правительства. Лордъ-намѣстникъ, шерифъ, мировой судья и др. представители мѣстныхъ учреждений были внѣ вліянія администраціи. Послѣдняя сама была подчинена суду. Административные чиновники, „министерскіе“ (ministerial), не имѣютъ никакого судебного права, а наоборотъ „судебные“ люди имѣютъ административную власть. Администрація вѣдаетъ только то, что поступаетъ къ ней по закону и подчинено судебному вѣдомству, что на континентѣ такъ рѣдко можно встрѣтить. Мѣстная администрація, помимо вліянія на нее мѣстныхъ „судебныхъ“ чиновниковъ, подчинена также высшимъ судебнымъ учрежде-

ніямъ. Словомъ, англичане создали массу постановленій, которыми іерархическая централизація въ уѣздахъ ослаблена до наименьшаго предѣла. Строгое раздѣленіе законодательной, судебной, исполнительной и королевской власти дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе и развитіе личныхъ, гражданскихъ правъ,—естественныхъ правъ: экономическаго развитія, умственнаго, религіознаго, свободы слова, свободы собраній, свободы печати и т. п. Конечно, Бенжаменъ Констанъ, Монтескьё и др. сторонники раздѣленія властей видѣли, что на практикѣ эти власти вліяютъ одна на другую; но если мы разберемъ это вліаніе и зависимость одной власти отъ другой въ Англіи, то придемъ къ заключенію, что конституціонный типъ правленія отъ этого нимало не страдаетъ; именно потому, что каждая изъ поименованныхъ властей въ Англіи отвѣтственна одна передъ другой. Ни одной изъ нихъ не приходится совѣщаться только съ самой собою, и потому каждая контролируется другою, установленною властью. „Въ Англіи парламентъ всегда состоялъ изъ двухъ палатъ: лордовъ и депутатовъ. Въ двухъ палатахъ находятъ болѣе данныхъ для обезпеченія свободы: одна можетъ легко увлекаться, она всегда представляетъ интересы настоящаго дня; а главное—только при двухъ палатахъ возможно равновѣсіе властей законодательной и исполнительной: въ противномъ случаѣ—при столкновеніи нѣтъ посредника и одна изъ нихъ можетъ легко поглотить другую. Но для этого необходимо, чтобы первая (верхняя) палата имѣла свою физиономію, представляла бы по своему составу другое начало, нежели палата депутатовъ, — иначе это будетъ одно собраніе, перегородженное стѣною, только помѣха въ движеніи законодательной власти. Если верхняя палата назначается по выбору, то равновѣсія быть не можетъ: она будетъ той же палатой депутатовъ, только подъ другимъ названіемъ; если назначеніе въ нее членовъ вполнѣ зависитъ отъ короля,—тогда опять не будетъ равновѣсія; она будетъ органомъ исполнительной власти. Англія достигла раздѣленія тѣмъ, что обладаетъ могущественной поземельной обезпеченной маіоратами аристократіей, поэтому палата лордовъ представляетъ наслѣдственную независимую аристократію, съ небольшою прибавкой пожизненной, въ противоположность палатѣ общинъ, состоящей изъ депутатовъ народа, выбираемыхъ на срокъ. Оттого въ другихъ странахъ, гдѣ нѣтъ такихъ общественныхъ условій, какъ въ Англіи, образованіе первой палаты—искусственное, натаиное, и все зданіе парламентаризма не представляетъ той прочности“ (А. Лохвицкій: „Обзоръ современныхъ конституцій“). Такимъ образомъ, профессоръ Лохвицкій въ верхней палатѣ видитъ охрану политической свободы отъ произвола народныхъ депутатовъ; но къ счастью, Англія выработала для этого другія гарантіи, болѣе надежныя, чѣмъ лорды. Даже болѣе: съ теченіемъ времени, значеніе верхней палаты въ Англіи упало почти совершенно.

Идея прошлаго столѣтія пошатнула всюду аристократическій по-

рядокъ: во Франціи, Швейцаріи, вольныхъ городахъ Германіи, и наконецъ, самой Англійи. Идея гражданскаго равенства и политической правоспособности для каждаго вытѣснила собою сословныя и имущественныя выгоды если не вполне, то въ значительной степени. Англійа не была исключеніемъ. У Баджота въ его сочиненіи объ англійской конституціи прекрасно изложенъ процессъ вымиранія верхней палаты Англійи. Первоначально здѣсь выборнымъ правомъ пользовался только землевладѣльческій классъ, т. е. лорды; но съ развитіемъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ, Манчестера, Ливерпуля, Шеффилда, Лидса и др. созданъ новый промышленный финансовый классъ, требующій себѣ также участія въ политикѣ. Этотъ классъ имѣлъ своими ходатаями Кромуэля, Фокса, Питта младшаго; но только лорду Грѣю и Джону Росселю, въ 1832 году, удалось въ биллѣ „о реформѣ“ поставить имущественный классъ на равноправное мѣсто съ землевладѣльческою аристократіей. Но демократизмъ времени скоро потребовалъ расширенія и этой реформы: рабочій классъ организовался, развивался политически и требовалъ себѣ также избирательнаго права. Благодаря стараніямъ чартистовъ, въ 1867 году былъ изданъ билль, которымъ было даровано рабочему сословію политическое участіе, т. е. всеобщее избирательное право. Въ 1872 г. законъ „о тайной подачѣ голосовъ“ дѣлаетъ въ Англійи нижнюю палату или окончательно всесильной, или такой, которую дисциплинируетъ весь государственный строй Англійи, вмѣстѣ съ короной, кабинетомъ, общественнымъ мнѣніемъ, но передъ которой лорды безсильны. Словомъ, верхняя палата въ концѣ XIX вѣка есть явленіе отживающее даже въ Англійи. Во Франціи же, напримѣръ, верхней палаты не возможно было образовать еще въ до-революціонный періодъ, такъ какъ аристократія тамъ, задолго до 1789 года, потеряла всякое земское значеніе, стала придворной и со времени революціи лишена всякаго значенія. Какими бы искусственными мѣрами ни создавалось перство во Франціи, мы не сомнѣваемся, что сужденіе Наполеона I о періи въ настоящее время будетъ еще болѣе справедливо, чѣмъ во время его бесѣды съ Констаномъ: „Нужно опасаться, что она (перія) будетъ въ дисгармоніи съ нынѣшнимъ состояніемъ умовъ. Она оскорбитъ гордость арміи; она обманетъ ожиданія всѣхъ сторонниковъ равенства; она подыметъ противъ меня тысячи личныхъ неудовольствій... Гдѣ хотите вы, чтобы я взялъ аристократическіе элементы, которыхъ требуетъ періа? Старыя фамиліи мнѣ враждебны. Многія изъ новыхъ имѣютъ постыдное происхожденіе. Пять-шесть знаменитыхъ именъ недостаточны. Безъ воспоминаній, безъ историческаго блеска, безъ большой собственности,—на чемъ основана будетъ періа?—Общество увидитъ въ ней или генераловъ, или камергеровъ!“. Послѣ всего приведеннаго, кажется, не нужно доказывать невозможность верхней палаты въ Россіи (т. е. искусственное разведеніе въ ней лордовъ и перовъ), какъ это проектировали наши но-

вѣйшіе реформаторы первой группы, которыхъ мы уже достаточно охарактеризовали въ предыдущей статьѣ. Если въ Англіи палата лордовъ потеряла почти всякое значеніе, то у насъ она можетъ быть создана развѣ восстановленіемъ крѣпостнаго права и опричнины. Общественная жизнь въ Англіи гарантирована отъ застоя и регресса не палатою лордовъ, этимъ политическимъ маятникомъ, уравновѣшивающимъ правительство и депутатовъ во имя прогресса, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, но тѣсною и отвѣтственною связью парламента, законодательной власти, съ кабинетомъ, исполнительною властью, подъ общимъ руководствомъ короны. Изъ среды депутатовъ набираются министры, и потому они отвѣтственны передъ палатами. Министры могутъ посовѣтовать королю распустить парламентъ, но черезъ годъ или ранѣе король долженъ созвать новыя палаты, передъ которыми министры будутъ также отвѣтственны и изъ среды которыхъ будутъ набираться новыя. Король, дѣйствуя черезъ отвѣтственныхъ министровъ, поставленъ внѣ отвѣтственности. Если правительственный актъ окажется вреднымъ, то это значить, что король получилъ дурной совѣтъ и министръ принимаетъ отвѣтственность на себя за каждое дѣйствіе короля. Король дѣйствуетъ не иначе, какъ черезъ министровъ; онъ не выступаетъ отъ своего имени. Его особа—неприкосновенна; отвѣтственны совѣтники, министры. Послѣдніе—въ одно время и совѣтники короны, и предводители парламентскаго большинства. „Они являются и довѣренными лицами парламента, и уполномоченными короны. Согласіе между монархическою властью и народнымъ представительствомъ держится на этомъ именно учрежденіи, на тѣсной связи короны съ палатами черезъ отвѣтственныхъ министровъ. Черезъ посредство кабинета, съ одной стороны, корона можетъ имѣть вліяніе на парламентъ, съ другой—парламентъ можетъ контролировать всѣ дѣйствія правительства. Такимъ образомъ, устанавливается совокупное дѣйствіе всѣхъ элементовъ государственной власти на дѣла какъ законодательныя, такъ и исполнительныя“.

(Проф. А. Градовскій. „Общее государственное право“).

Такой конституціонный порядокъ вещей только въ одной Англіи и могъ развиваться безъ препятствій какъ со стороны короны, такъ и населенія. При этомъ образѣ правленія корона можетъ не давать своего согласія на мѣры, предлагаемыя министромъ; она можетъ распустить палаты и этими прерогативами вполне довольствуется. Населеніе же, отдающее свои голоса депутатамъ, не боится за послѣднихъ потому, что парламентъ есть то общественное мнѣніе, которое въ Англіи развивается всюду безпрепятственно и подъ вліяніемъ котораго совершаются выборы. „Оно (общественное мнѣніе) посылаетъ своихъ представителей въ палату общинъ и образуетъ тамъ парламентское большинство, доставляетъ коронованному зодчему строительный матеріалъ для составленія министерства, направляетъ законодательство и, наконецъ, когда выборные депутаты перестаютъ быть

выразителями его стремленій, общественное мнѣніе, по распущеніи палаты, является вышшею апелляціонною инстанціею и новыми выборами превращаетъ прежнее большинство въ меньшинство“. („Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни“. Гольцендорфа). Тамъ, гдѣ мѣстная жизнь развивается внѣ вліянія центральной власти, гдѣ общественное мнѣніе направляетъ государственную жизнь, тамъ населеніе покойно,—глава исполнительной власти болѣе авторитетенъ и менѣе подверженъ критикѣ. Безъ мѣстной, независимой жизни, исторически сложившейся, безъ мѣстнаго, независимаго общественнаго мнѣнія, представительное правленіе будетъ не болѣе какъ административною опекою. Мы можемъ это прослѣдить на такихъ странахъ, какъ Англія, Америка, Швейцарія—съ одной стороны, и Франція—съ другой. Палата только тогда представляетъ собою страну, когда избирательное право дается мѣстностямъ, округамъ, корпораціямъ, въ которыхъ историческая жизнь создала свои мѣстные, самобытные интересы, свои мѣстныя общественно-административныя единицы и политическіе союзы, свою общую, коллективную волю; словомъ, когда мѣстное самоуправленіе, вполнѣ и исторически развивавшееся, является твердымъ, реальнымъ основаніемъ для народнаго представительства. Таково реальное представительство Англіи. Здѣсь депутатъ въ народномъ собраніи является отъ извѣстной организованной мѣстности, съ опредѣленными ея интересами, и потому депутатъ живетъ съ населеніемъ солидарно не только на время выборовъ, но постоянно: ему нельзя, послѣ выборовъ, быть лишь выразителемъ собственныхъ мнѣній, потому что мѣстность, посланная его, имѣетъ опредѣленные нужды и взгляды.

Совсѣмъ другое мы видимъ во Франціи. Мѣстная жизнь тамъ была задавлена административною опекою Людовиковъ, бонапартистовъ и республиканцевъ. Потому тамъ сложилось формальное или математическое представительство, т. е. выборы по округамъ, на которые раздѣлена Франція. По этой системѣ одинъ депутатъ, положимъ, приходится на 20,000 жителей не потому, что такъ сложилась провинціальная жизнь, но потому, что такъ написано было въ одномъ изъ параграфовъ конституціи. „Система поголовнаго представительства, которая именно принимаетъ всю страну за одинъ избирательный округъ, гдѣ только избраніе отдѣльныхъ депутатовъ распределено по округамъ для удобства подачи голосовъ мѣстными жителями, подобная система представительства,—справедливо замѣчаетъ Францъ,—обыкновенно влекла за собой полное ничтожество въ политическомъ отношеніи. Политическое право,—говоритъ онъ,—вопросы государственнаго устройства, не могутъ быть оторваны отъ системы внутренняго и, преимущественно, мѣстнаго управления, отъ развитія общественной жизни въ провинціи. Французская революція, положившая начало конституціонному движенію въ Европѣ, начала, какъ извѣстно, съ того, что уничтожила всѣ остатки средневѣковыхъ общественныхъ соединеній и составила планъ

математическаго раздѣленія страны на департаменты, изъ коихъ въ каждомъ должно было быть опредѣленное число квадратныхъ миль и опредѣленное число народонаселенія. Она не только не возстановила древнихъ городскихъ вольностей, но повела въ послѣдствіи еще къ большей опеке государства надъ обществомъ, чѣмъ это существовало прежде. Она обратила общество въ массу отдѣльныхъ гражданъ, безъ всякой возможности какого либо корпоративнаго единенія и, тѣмъ болѣе, корпоративнаго духа. При этихъ условіяхъ народное представительство могло быть только представительствомъ числовымъ, поголовнымъ. Въ настоящее время законодательства европейскія сознаютъ необходимость дать болѣе правильное, реальное основаніе системѣ представительства. Но для всѣхъ государствъ Европы—это дѣло будущаго, обусловливаемое большими и меньшими успѣхами мѣстнаго самоуправленія, подъ вліяніемъ котораго могутъ развиться единицы, долженствующія служить опорой представительства. (Проф. А. Градовскій. „Общее государственное право“).

Франція, гдѣ нѣтъ такой „опоры“ гдѣ нѣтъ земскихъ единицъ, гдѣ, слѣдовательно, плодотворность представительства зависитъ не отъ исторической жизни народа, но отъ министерства, отъ государственной формы, отъ личности, тамъ до сихъ поръ еще идутъ споры о системахъ выборовъ. Выборы по округамъ (*scrution individuell*), происходящіе въ ограниченной сферѣ, допускаютъ клеветы, ложныя обѣщанія, а главнымъ образомъ подкупъ. Эта система развращаетъ населеніе. Система по департаментскимъ спискамъ (*scrution de liste*), когда не мелкій округъ избираетъ одного мѣстнаго депутата, но огромная часть территоріи подаетъ голоса за 4 или 5 кандидатовъ (за весь списокъ кандидатовъ), гдѣ подкупъ менѣе возможенъ, благодаря разстоянію и многолюдію,—эта система страдаетъ тѣмъ, что депутатъ не служитъ при ней представителемъ мѣстныхъ интересовъ. При ней общія идеи господствуютъ надъ мѣстными интересами, а сами избиратели не знаютъ избранныхъ. Такимъ образомъ, депутаты являются сторонниками уже не мѣстныхъ нуждъ, но обще-государственныхъ,—что очень выгодно центральному правительству. Эта система легко ведетъ къ диктатурѣ. Не даромъ Гамбетта такъ ревностно стоитъ за нее. Между тѣмъ, мѣстности, гдѣ жители прошли школу самоуправления, имѣютъ неоспоримыя, реальныя нужды; эти жители умѣютъ цѣнить своего человѣка по его способностямъ, вліянію на мѣстность, и не увлекаются ни деньгами, ни обѣщаніями представителей неизвѣстныхъ имъ партій. Такими мѣстностями покрыта Англія, и потому тамъ конституція такъ благотворна. Конечно, ненадо забывать, что на землѣ только одинъ Богъ безъ грѣха; между тѣмъ о подкупахъ и лести при парламентской борьбѣ въ Англіи мы имѣемъ свидѣтельства на каждомъ шагѣ. Англійская литература никогда не скрывала эту печальную сторону своего государственнаго устройства.

Повторяемъ, мы говоримъ лишь о сравнительномъ достоинствѣ аш-

гійской конституціи, о ея несомнѣнной прочноти передъ континентальными. Впрочемъ, произносить осужденіе послѣднимъ нужно также съ нѣкоторыми оговорками. Мы сильно, напримѣръ, сомнѣваемся, чтобы земскія единицы развились во Франціи успѣшнѣе подъ вѣдѣніемъ Людовиковъ и Бонапартовъ, чѣмъ при безпощадномъ народномъ представительствѣ; но охотно допустимъ, что Франція можетъ служить многимъ современнымъ реформаторамъ аргументомъ того, что конституціонному режиму въ Россіи предстоить еще большая безпощадность и затрудненіе. Такъ на конституціонализмъ въ Россіи смотритъ г. Новосельскій, („Соціальные вопросы въ Россіи“), а за нимъ авторъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“ и многіе другіе „реформаторы“. Наше дѣло указать на эту партію, освѣтить ее со всѣхъ сторонъ и воздержаться отъ личнаго сужденія. Господа, о которыхъ мы говоримъ, смотрятъ крайне враждебно на всякія попытки, напоминающія намъ западно-европейскую государственную жизнь. Россія должна идти своимъ путемъ, исторически въ ней сложившимся. А этотъ путь складывался такъ: на Западѣ бюрократія съ сильной центральной властью создавалась сопротивленіемъ мѣстныхъ властей; какъ бюрократія, такъ и королевская власть на Западѣ распространились и правила насильственно. Ихъ взаимное тяготѣніе естественно должно было сложиться подъ общимъ презрѣніемъ и противодѣйствіемъ на каждомъ шагу со стороны подавляемой мѣстности. Въ Россіи такой причины для бюрократіи и центральнаго правительства не было. Зато другія причины, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя на Западѣ создавали централизацію и бюрократію,—создали и въ Россіи то же самое. Это, именно, отсутствіе въ ней мѣстныхъ интересовъ.

„Въ Западной Европѣ провинціи сохраняютъ свое значеніе долгое время послѣ того, какъ входятъ въ составъ новаго государства. Здѣсь административное дѣленіе по преимуществу историческое. Доказательствомъ можетъ служить старинное дѣленіе Франціи. Провинціи ея, въ числѣ 32-хъ, были нѣкогда самостоятельными государствами. Мало-по-малу они подчинились власти французскихъ королей. Образованіе центральнаго правительства не уничтожило, однако, мѣстныхъ особенностей старыхъ областей. Королевской власти стоило невѣроятныхъ усилій довести ихъ до такого положенія, чтобы особенности эти потеряли всякій смыслъ. Только послѣ 1789 года можно было историческое дѣленіе Франціи замѣнить механическимъ—на департаменты, округа и т. п. Ничего подобнаго не было въ Россіи. Послѣ покоренія Новгородѣ и Пскова, уничтоженія Тверскаго, Рязанскаго и др. княжествъ, вся страна представляла массу мелкихъ и почти ничѣмъ не связанныхъ между собою единицъ. Мѣстной особенноти не на что было опереться. Этому содѣйствовали отчасти насильственные мѣры московскихъ государей.—Въ древней Россіи не было ни мѣстныхъ церковныхъ уставовъ въ смыслѣ самостоятельныхъ организмовъ, ни мѣстнаго дворянскаго общества, въ значеніи западно-европейской ари-

стократіи. На мѣстахъ остались интересы посадскихъ людей, крестьянства, государственныхъ сиротъ. Понятно, что не на эти элементы могла опереться самостоятельность мѣстности. Отсутствие крупныхъ общественныхъ организмовъ съ мѣстнымъ значеніемъ и дѣлало изъ Россіи ту „гладкую равнину“, которую можно было дѣлать по произволу и подчинить безъ особеннаго труда Москвѣ на началахъ не только политической, но и административной централизаціи“. (Проф. А. Градовскій. „Начала русскаго государственнаго права“, т. 3-й). Когда Москва усилилась, къ ней почти безъ сопротивленія потянулись мѣстные роды и фамиліи: имъ нечего было выбирать и отстаивать свое. У нихъ ничего не было мѣстнаго, дорогаго, за что стоило бы сопротивляться Москвѣ. Ни священникъ, ни помѣщикъ, ни вовода, ни закрѣпощаемый крестьянинъ, не представляли собою „опору“; между тѣмъ, государь съ централизованной властью явился побѣдителемъ татарскаго ига и время отъ времени въ тяжелые годы созывалъ земскіе соборы. Это, хотя и рѣдкое, общеніе самодержца съ народомъ, исчезло совершенно съ учрежденія у насъ Петромъ I западно-европейскаго канцелярскаго порядка. А какую силу имѣла канцелярія—мы увидимъ изъ маленькой цитаты почтеннаго профессора Градовскаго: „Въ каждомъ сословномъ учрежденіи—въ думахъ, магистратахъ, судахъ, были канцеляріи. Послѣднія не только de facto, но и de jure стояли выше присутствій. Въ канцеляріи сосредоточивалось все дѣлопроизводство. Здѣсь каждое дѣло обрабатывалось къ докладу и часто самое рѣшеніе не только намѣчалось, но прямо становилось, такъ что присутствію оставалось только подписывать то, что предлагалось канцеляріей. Чины канцеляріи опредѣлялись не по выбору, а по назначенію отъ губернскаго начальства. Это были люди чиновные, къ тому же не имѣвшіе соперниковъ по знанію законовъ и умѣнью вести дѣла. Въ лицѣ этихъ должностныхъ лицъ создавался, такимъ образомъ, полный элементъ управленія, по происхожденію своему хутородный—изъ разночинцевъ, но, благодаря необходимости замѣщенія массы вновь созданныхъ въ губерніи установленій, быстро наполнившей всѣ канцеляріи и забравшей въ дѣйствительности, въ свои руки все мѣстное управленіе. Господство канцелярій—таковъ безспорный результатъ тѣхъ условій, которыя были созданы для мѣстныхъ должностей учрежденіемъ о губерніяхъ“.

Можетъ быть, господство канцелярій съ тѣхъ поръ измѣнилось? На этотъ вопросъ нани новѣйшіе реформаторы второй группы, т. е. гг. Панаевъ, Новосельскій и авторъ „Писемъ о Россіи“, а вмѣстѣ съ ними и г. Аксаковъ, отвѣчаютъ отрицательно и рисуютъ наши органы управленія въ слѣдующихъ темныхъ краскахъ. Верховная власть въ Россіи находится въ рукахъ государя, власть наследственная и ни отъ кого не зависящая. Власть эта весьма популярна и боготворима народомъ. „Государь — печальникъ о всѣхъ; но исполнители его, слуги—дурны“. Таковъ голосъ народа. Строгаго раздѣленія властей,

законодательной отъ исполнительной, у насъ нѣтъ; администрація часто поступаетъ, какъ бы имѣя судебную власть. Законъ приводится въ исполненіе министерствами бюрократическимъ путемъ. Государственный совѣтъ имѣетъ значеніе совѣщательное. Сенату подлежитъ судебная власть. Внутреннее управленіе дѣлами, какъ сказано, сосредоточено въ министерствахъ. Каждый министръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи департаменты своего вѣдомства, которыми завѣдуютъ директора. Послѣдніе, въ свою очередь, имѣютъ правою рукою начальниковъ отдѣленій—своего департамента, въ канцеляріи которыхъ и изготовляются дѣла къ докладу. Докладъ, сострипанный по справкамъ и объясненіямъ писарей, исправленный и умытый начальникомъ отдѣленія, передается уже готовымъ директору, а тотъ—министру. Исходъ дѣла вполне зависитъ отъ доклада, произведеннаго канцеляріей. Министру подчиненъ въ провинціи губернаторъ, а послѣднему вся мѣстная администрація. Точно такъ же губернаторъ отвѣчаетъ за порядокъ земскихъ учреждений, городскихъ и крестьянскихъ. Поэтому губернаторъ въ городѣ воесиленъ черезъ полицій-местера, въ земствѣ—черезъ предводителя дворянства, предсѣдателя земства, въ волостяхъ—черезъ исправниковъ, становыхъ и т. д. Отсюда безсиліе земскихъ учреждений для мѣстнаго вліянія, а за немѣніемъ связи съ существующими правительственными органами въ смыслѣ возможности проведенія черезъ нихъ своихъ проектовъ, земство также безсильно и для государства вообще. Земскія учрежденія не удовлетворяютъ идеи всеобщности. Между земствомъ и крестьянствомъ стоятъ стѣною разныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ (уѣздныя и губернскія правленія); не земство править мѣстностью, благодаря этимъ присутствіямъ, а администрація и полиція. Крестьянское же самоуправленіе обратилось въ органъ земства, полиціи и прочихъ казенныхъ вѣдомствъ. Оно стало низшимъ исполнительнымъ органомъ для взысканія денежныхъ сборовъ,—органомъ переписки и порученій отъ различныхъ уѣздныхъ учреждений, или просто отъ исправника или становаго. Эту сѣть, покрывшую все сельское населеніе, г. Аксаковъ рисуеетъ въ видѣ перечня до сорока видовъ различнаго крестьянскаго начальства, вмѣшивающагося въ жизнь крестьянина. А именно: 1) десятскій, 2) сотскій, 3) урядникъ, 4) письмоводитель становаго, 5) становой, 6) исправникъ, 7) полицейское управленіе, 8) уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, 9) предводитель дворянства, 10) непремѣнный членъ, 11) почетный мировой судья, 12) сельскій староста, 13) волостной старшина, 14) писарь волостнаго правленія, 15) волостное правленіе, 16) волостной судъ, 17) вахтеръ хлѣбнаго магазина, 18) уѣздный землемѣръ, 19) землемѣръ уѣзднаго присутствія, 20) агентъ земскаго страхованія, 21) уѣздная земская управа, 22) земское уѣздное собраніе, 23) мировой съѣздъ, 24) секретарь мирового съѣзда, 25) участковый мировой судья, 26) его письмоводитель, 27) судебный приставъ мирового съѣзда,

28) судебный приставъ окружнаго суда, 29) посредникъ по размежеванію, 30) присутствіе по воинской повинности, 31) уѣздный врачъ, 32) земскій врачъ, 33) фельдшеръ, 34) жандармскій унтеръ-офицеръ и пр. и пр. Такая система не даетъ развитія мѣстной жизни и въ то же время фактически мало представляетъ власти высшимъ учрежденіямъ и при нихъ правительствующимъ лицамъ.

Мелкіе чины, т. е. канцелярія и полиція, фактически заправляютъ всеми дѣлами, даютъ имъ окраску и руководятъ исходомъ. При этомъ администрація, какъ и канцелярія, собирая сырой матеріалъ, справки и свѣдѣнія, освѣщая то и другое, иногда постановляя по собственному соображенію рѣшеніе дѣлъ, не требующихъ высшей инстанціи, — являются дѣйствительной государственной Россіей, передъ которой мѣстный обыватель трепещетъ, а высшій сановникъ и высшее учрежденіе — остаются въ невѣдѣніи, или только соглашаются и подписываютъ предварительную работу канцелярій.

Разбираемые нами авторы справедливо жалуются на такой порядокъ вещей и ждуть отъ государя значительныхъ преобразованій. О г. Панаевѣ мы не будемъ много говорить, такъ какъ это старшій литераторъ, хорошо извѣстный публикѣ по „Современнику“; въ 1881 году онъ собралъ свои статьи по крестьянскому вопросу и выдалъ ихъ отдѣльною книгою. Онъ является горячимъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія, разрушеніе котораго можетъ остановить только единоличная власть государя. Панаевъ совершенно игнорируетъ органы управленія, не признавая за ихъ канцеляріями никакой благотворной силы. Все благосостояніе Россіи онъ сводитъ къ личности государя и въ его исключительномъ положеніи видитъ залогъ реформъ.

Когда мнѣніе „освобожденіе безъ земли и разрушеніе общиннаго начала“ становилось популярно, г. Панаевъ писалъ по этому поводу слѣдующее: „Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь, тотъ самый царь, который первый смѣло рѣшился громко вымолвить русскому народу давно ожидаемое имъ отъ царя слово, тотъ царь, который далъ русской жизни, хотя нѣсколько, вздохнуть свободно, — чтобъ этотъ самый царь захотѣлъ видѣть русскую кровь, проливаемую народомъ за тѣ жизненные, коренные свои элементы, которые онъ беретъ (общинное землевладѣніе) и до которыхъ никто не касался? Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь поднялъ руку на то начало, которое сохранило Россію отъ порабощенія татаръ и отъ владычества католической Польши, — начало, которое было основной причиной развитія русскаго элемента и постепеннаго подчиненія ему не только сосѣднихъ народовъ, но и того народа, который явился поработителемъ, а вончилъ тѣмъ, что сдѣлался русскимъ? Можетъ ли быть, чтобъ царь поднялъ самъ на себя руку, лишая себя своей основной опоры — народа? Можетъ ли быть, чтобъ онъ уничтожилъ то начало (общинное землевладѣніе), которое останавливало помѣщичьяго крестьянина поднять знамя бунта, которое удерживало государственнаго крестьянина отъ

буинныхъ самоуправствъ противъ злоупотребленія власти? Русскій мужикъ выносить на своихъ плечахъ неизмѣрную тяжесть; говорятъ, что русскій мужикъ терпѣливъ какъ осель... Да, это правда, но онъ терпѣливъ не потому, чтобъ въ немъ не было энергіи, а потому только, что его тяжелое положеніе умѣряется основнымъ принципомъ его быта: правомъ на землю. Можетъ ли быть, чтобы русскій царь захотѣлъ замѣнить анти-революціонный принципъ въ Россіи революціоннымъ, образуя слишкомъ 20 милліоновъ пролетаріевъ? Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь вздумалъ рушить то начало, которое составляетъ особенность народа, которое было причиной развитія Россіи, причиной ея величія, начало, которое есть ея гордость, ея жизнь, ея внутренняя и внѣшняя сила,—начало, которое даетъ превосходство русскому народу передъ народами Занада, даетъ ему ту свѣжесть и вѣру въ свое будущее, какой не имѣютъ эти народы? Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь отнялъ у народа то начало, которое даетъ ему блестящую будущность,—начало, которое должно поставить русскій народъ во главу всѣхъ другихъ народовъ, какъ народъ, который первый осуществилъ христіанское начало въ жизни и примѣромъ своимъ долженъ передать это начало другимъ христіанскимъ народамъ? Можетъ ли быть, наконецъ, чтобъ русскій царь добровольно захотѣлъ быть царемъ народа, котораго онъ вздумалъ бы лишить его великаго назначенія“?

Въ общинномъ устройствѣ крестьянскаго быта г. Панаевъ видитъ оплотъ противъ развитія пролетарія, залогъ величія Россіи и популярности царской власти. Этою вѣрою проникнуты также г. Новосельскій и авторъ „Писемъ о Россіи“. Въ противоположность партіи русскихъ плантаторовъ, считающихъ себя единственною надежною опорой царской власти, гг. Панаевъ, Новосельскій и другіе видятъ прочность этой власти лишь въ общеніи съ народомъ не на конституціонный только манеръ, т. е. съ ограниченіемъ верховной власти палатами или „статутами“. Еще до освобожденія крестьянъ, г. Панаевъ въ 1859 году писалъ покойному государю: „Государь! Если Ты рѣшишь вопросъ такъ, чтобы освободить помѣщичьихъ крестьянъ разомъ цѣлыми общинами, со всею землею, которою они пользуются, и совершишь это освобожденіе посредствомъ выкуна правительствомъ, тогда Ты разрѣшишь великій вопросъ о пролетаріи, не нарушая ничьихъ интересовъ,—вопросъ, который не могли еще рѣшить ни великіе философы, ни великіе ученые, ни великіе государственные люди Западной Европы. Вся сущность рѣшенія этого вопроса состоитъ въ томъ, чтобы уравнивать права крестьянъ помѣщичьихъ съ правами крестьянъ государственныхъ и сохранить то русское общинное начало, которое существуетъ во всемъ сельскомъ сословіи, то начало, которое покойный императоръ, Твой отецъ, упрочивалъ между государственными крестьянами всѣми мѣрами, то начало, великое значеніе котораго онъ понялъ, и за что потомство и

исторія отдадутъ ему должную справедливость. Государь! Вѣрь себѣ и не отдавай своего могущества, дабы имѣть власть творить добрыя, великія, безпримѣрныя дѣла не только для блага своего народа, но и для всего человѣчества. Не забывай, Государь, что Ты царь народа, котораго назначеніе осуществить не словомъ, а дѣломъ заповѣдь Христа. Характеръ владѣнія землею въ русской общинѣ—есть тому образчикъ. Подобнаго характера никогда, ни въ одной странѣ не существовало, хотя иные и силятся доказать противное; да и не могло существовать въ странахъ Западной Европы, развившихся изъ рабства, завоеванныхъ и дѣлившихся на побѣдителей и побѣжденныхъ. До русской земли это горе не коснулось! Государь! Сохрани крестьянамъ всю землю, которою они пользуются, сохрани русское общинное владѣніе и освободи крестьянъ разомъ, цѣлыми общинами, и тогда Ты утвердишь осуществленіе христіанскаго начала на дѣлѣ, Ты положишь основу царству Христову на землѣ, о которомъ Онъ пророчилъ. Тогда не будетъ монарха Тебѣ равнаго,—Ты будешь первымъ послѣ Христа. Да благословитъ Тебя Богъ! Амины!“—Идеаль г. Панаева асенъ, это—царь и народныя начала; ничего западно-конституціоннаго, но все русское.—Теперь мы нѣсколько подробнѣе остановимся на идеалахъ гг. Новосельскаго и автора „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“.

А. И. Фаресовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БОРЬБА ЕФЮПОВЪ СЪ АНГЕЛОМЪ.

(Случай изъ явленій русской демономаніи).

ПРИ РѢДКОСТИ чудесъ въ наше время, каждый необыкновенный случай въ этомъ родѣ надо отмѣчать, — особенно, если онъ удостовѣряется лицами несомнѣнной благонадежности. Наступающее чудесное происшествіе было не далѣе какъ въ прошломъ 1881 году и имѣло для себя мѣсто на Аеонѣ, въ „Постномъ скитѣ скимонаха Хаджи-Георгія“. Оно тамъ же въ скитѣ и описано тростію скитскаго скорописца, а потомъ описаніе это скрѣплено подписью трехъ духовныхъ лицъ: самого настоятеля, старца Хаджи Георгія (по гречески), его намѣстника, схим. Паренія, и духовника, іеросхимонаха Антонія. Послѣдніе два подписались по-русски. Тутъ же приложена синяя печать скимонаха Георгія-Хаджи 1828 г. Слѣдовательно, это, очевидно, документъ надежный, которому надо вѣрить. Недовѣріе или даже одно сомнѣвательство тутъ было бы недостаткомъ уваженія къ тремъ подписавшимъ документъ скимонахамъ. Вотъ этотъ документъ, который въ подлинникѣ сохраняется у меня въ моихъ бумагахъ:

„Кубанской области, маякопскій мѣщанинъ Василій Карочинскій, прибывъ на Аеонъ въ 1880 году ноября 16-го, посѣтилъ нашу обитель св. архидіакона Стефана. Чиноположеніе церковное и ностный навсегда уставъ обители ему у насъ понравились, такъ что въ числѣ прочихъ богомольцевъ и онъ остался у насъ.

„Карочинскій предъ тѣмъ находился въ сектѣ хлыстовъ, но движимый чувствомъ спасенія (sic), по изслѣдованіи сущности дѣла, увидѣлъ себя въ заблужденіи и обратился въ православіе, раскаившись чистосердечно во грѣхахъ своихъ. Приготовляясь по благословію духовника въ храмъ у насъ св. Стефана къ принятію св. таинъ

св. евхаристіи, и когда въ концѣ литургіи настоятель Георгій-Хаджи и вся братія уже приобщались, въ это время Василій вдругъ громко заплакалъ, говоря: „О, Боже мой! О, Боже мой!“ потрасающимъ голосомъ и самъ весь потрассаясь онъ готовъ былъ упасть, если бы не поддержали его, не успокоили. Придя въ сознание, онъ съ помощію братіи подошелъ къ св. причастію, принялъ оное съ подобающимъ страхомъ и благоговѣніемъ. Тутъ совершенно оправился онъ и обязательно въ духовной торжественности увидѣлъ себя въ храмѣ. Сему счастливому для него событію предшествовало видѣніе, буквально имъ переданное старцу Георгію-Хаджи и ученикомъ его. Видѣлъ — небесную палату, необыкновенной, дивной красоты, надъ вратами стоялъ херувимъ съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ и надпись вокругъ вратъ, — крупно золотыми словами: „Наказуя наказа мя, смерти же не предаде. Сія врата Господня, — праведніи внидутъ въ нѣ“. Далѣе видѣлъ тринипостасную св. Троицу и подъ нею въ полукругѣ горячіе свѣтильники; у Бога-Сына былъ въ рукѣ свитокъ хартіи: „Прійдите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы; возмите иго мое на себя и научитесь отъ мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обратете покой душамъ вашимъ; иго бо мое благо и бремя мое легко есть“. — Еще Спаситель проговорилъ: „Аще кто любитъ меня — слово мое соблюдетъ, и того возлюбитъ Отець мой, приидетъ къ нему и обитель сотворимъ у него и вечерю“. Затѣмъ вижу — вѣрующихъ самъ Спаситель изъ пречистыхъ своихъ рукъ приобщаетъ св. таинъ. Тамъ же и я стоялъ, желая принять св. причастіе, тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, но невидимая сила, удерживая, оттолкнула меня назадъ. Оглянувшись, вижу въ сторонѣ полкъ людей неприятныхъ, мрачный, и тутъ же изъ алтара былъ гласъ: „Что это за полкъ людей, похожихъ на ефіоповъ?“ На это отвѣчаетъ старецъ Георгій-Хаджи, тутъ же въ храмѣ бывшій: „Это люди, бывшіе прежде друзья сего раба Божія“, и указалъ на меня“.

„Съ безпокойствомъ и боязнію я смотрѣлъ на нихъ, страшныхъ и безобразныхъ, и узнавалъ въ нихъ бывшихъ товарищей изъ хлистовъ и видѣлъ въ рукахъ ихъ творимую мною имъ милостыню, которая была въ разныхъ сосудахъ, изъ коихъ выходило велие злоумрадіе, и они говорятъ: „Вотъ его милостыня во свидѣтельство, которую онъ намъ подавалъ. Онъ нашъ! нашъ!“

„И пакы изъ алтара гласъ: „Нѣтъ; онъ не вашъ, потому что чистосердечно раскаялся; всѣ свои грѣхи исповѣдалъ духовнику.“

„Опять изъ толпы ефіоповъ послышался голосъ: „это ничего не значитъ, что исповѣдалъ; и нашъ отецъ вѣруеть и исповѣдуетъ, — онъ тоже въ началѣ поворялся, а потомъ разобралъ, что и онъ можетъ такъ же руководствовать, какъ и сынъ, другими начальствовать, а потому и мы послѣдовали отцу своему. „А такъ и онъ прежде былъ

съ вами, а когда разобралъ и позналъ себя, тогда обратился къ намъ и мы его теперь къ вашей вечери не допустимъ“¹⁾).

„Услышавъ рѣчь сію ефіоповъ, содрогнулось болѣзненно сердце мое, — оцѣпенѣло, и не помня себя, что я былъ въ тѣлѣ или внѣ тѣла,— снова голосъ ефіоповъ:

— „Держите и не допускайте къ вечери, а то эта вечеря опалитъ весь нашъ престолъ и разрушитъ его, и мы лишимся пребыванія тамъ“.

„Затѣмъ является свѣтлый юноша въ архиѡаконскомъ облаченіи съ жезломъ въ рукахъ, которымъ ударивъ ефіопа удерживавшаго меня и не допускавшаго къ вечери, взялъ меня за руку и подвелъ къ божественной вечери, Христовымъ тайнамъ“.

„Тогда къ счастью освободившись отъ узъ демонскихъ, я пріобрѣтлся тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа,—только долго не могъ проглотить,—сердце мое жгло. Потомъ почувствовалъ утѣшеніе и велию радость и исцѣленіе скорби моей душевной, которая и побудила меня искать наилучшаго устроенія жизни на Аеонѣ,—посѣтить св. мѣста и посовѣтоваться съ св. отцами стало моею завѣтною потребностію. Богу нашему слава.—Все вышеписанное удостовѣряемъ: Настоятель—старецъ Χατζι Γεωργιος. Намѣстникъ его схимонахъ Παρεωνій. Духовникъ іеросхимонахъ Антоній. Св. гора Аеонъ. Постный скитъ схимника Хаджи-Георгія. Келья св. архиѡакона Стефана. 1881 г. 12 марта“. Печать старца схимонаха Хаджи Георгія съ крестомъ въ лучахъ.

Документъ этотъ составленъ въ „Постномъ скитѣ“ схимонаха Хаджи Георгія и присланъ въ Россію для того, чтобы чудо, о которомъ свидѣтельствуютъ три схимника, получило въ нашей православной странѣ должную извѣстность. Такое желаніе, конечно, весьма понятно, но не это одно главнымъ образомъ побуждаетъ меня содѣйствовать большому оглашенію чуда (хотя, конечно, мнѣ очень пріятно сдѣлать угодное тремъ аеонскимъ схимникамъ). Документъ имѣетъ интересъ самъ по себѣ. Мы обыкновенно узнаемъ о чудесахъ двумя способами: или по устной молвѣ, ходящей въ народѣ, или по минеямъ, прологамъ и патерикамъ, гдѣ описанія эти уже обработаны искусною рукою свѣдущихъ людей и прошли черезъ очистительное горнило церковной цензуры, не всегда довѣрчиво относящейся къ нѣкоторымъ заявленіямъ чудесъ, сообщаемымъ ближайшими ихъ слушателями и очевидцами. Но какъ именно, т. е. въ какой формѣ и съ какими ручательствами за достовѣрность дѣлаются такія первыя заявленія чудесныхъ событій, отъ времени до времени случающихся въ православныхъ храмахъ—русская публика рѣшительно ничего не знаетъ, и не знаетъ именно потому, что заявленія, пріемлемыя и усвоенныя высшимъ церковнымъ

¹⁾ Въ рукописяхъ этихъ замѣтна неясность, но это буквально такъ стоитъ въ скитской записи о бывшемъ чудѣ.
Н. И.

авторитѣтомъ, оглашаются уже въ видѣ сказаній обработанныхъ, и потому утратившихъ свою интересную примитивность, или же, если они не удостоиваются авторизаціи, то описанія такихъ чудесъ совсѣмъ не получаютъ хода и остаются публикѣ вовсе неизвѣстными, а лежатъ въ синодальномъ архивѣ, гдѣ ихъ, говорятъ, хранится великое множество.

Изъ списка рукописей, пожертвованныхъ митрополитомъ Исидоромъ Никольскимъ библиотекѣ с.-петербургской духовной академіи безъ права ихъ опубликованія, видно, что и тамъ есть описанія чудесъ, которыя, однако, остаются до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, несмотря на то, что, по мнѣнію многихъ, новое чудо теперь было бы во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно умѣстно и благовременно.

Заявленія трехъ схимниковъ о чудѣ, которое только въ прошломъ году случилось съ соотечественникомъ нашимъ на Афонѣ, составляетъ любопытную рѣдкость. Какъ-бы ни отнеслась къ этому заявленію высшая церковная власть въ Константинополѣ и въ Петербургѣ — оно во всякомъ случаѣ сохранить свой интересъ для любителей народности и церковной жизни, въ которой теперь много охотниковъ дать такимъ явленіямъ мѣсто и значеніе.

Редакціи „Историческаго Вѣстника“ извѣстно, что случаи русской демономаніи, напечатанные мною въ 1881 г., заинтересовали собою нѣкоторыхъ весьма просвѣщенныхъ людей въ иностранной литературѣ. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что демономанія есть явленіе очень интересное, какъ коэффициентъ народной умственности, нравственности и вообразительныхъ представленій. Иногда это показываетъ характеръ набожности и даже степень совѣстливости людей извѣстнаго религіознаго культа. Во всякомъ же случаѣ, это болѣе чѣмъ что-нибудь другое выражаетъ настоящее опредѣленіе истиннаго уваженія сказателя чудесъ къ святынямъ, у коихъ произошли отравенія. Такъ поняли это и во Франціи, гдѣ заинтересовались очерками русской демономаніи.

Случай въ „Постномъ скитѣ“, удостовѣряемый тремя схимниками, любопытенъ еще и потому, что видѣніе, которое открылось хлысту Василію Корочинскому, составляетъ вариантъ видѣній, представлявшихся очень многимъ русскимъ сектантамъ во время ихъ присоединенія къ православію или при первомъ причащеніи. Очень часто имъ представляется „небо отверзто и св. Троица воссѣдающа и приемиющая“, — при чемъ обыкновенно участвуетъ какъ ближайшій посредникъ этого пріятія священнодѣйствующее при данномъ случаѣ духовное лицо. Оно почти всегда бываетъ въ лучахъ божественнаго сіянія, исходящаго отъ св. Троицы (въ Киевѣ, гдѣ особенно развитъ культъ св. Дѣвы Маріи, — свѣтъ идетъ отъ нея, и тутъ меньше значенія имѣютъ лучи, исходящіе отъ св. Троицы, а сама св. Дѣва „покрываетъ всѣхъ святымъ своимъ омофоромъ“). Прежніе же друзья и единовѣрцы вновь присоединяемаго къ православію обыкновенно являлись ему „темнолицыми муринами“, „ефіопами“ или „аркабузирами“

и „не допускаютъ“. Часто они дѣлаютъ большіе скандалы, — кривляются, хохочутъ, ругаются, стараются плюнуть въ чашу, показываютъ причастнику срамныя части своего тѣла и „дѣять пакости, ихъ-же и французы на Москвѣ не содѣя“. Иногда они, точно какъ въ настоящемъ, твердо засвидѣтельствованномъ скимниками случаѣ, „богословятъ и спорятъ“, но, разумѣется, всегда безуспѣшно. Переспорить священнослужителей церкви православной имъ, конечно, не удается, но демоны до сихъ поръ еще не убѣдились, что это невозможно, потому что нашимъ духовнымъ извѣстна настоящая истина во всей ея полнотѣ. За то демоны всякій разъ бываютъ посрамлены и тогда они, потерявъ терпѣніе, оставляютъ непосильные для ихъ образованія споры, а начинаютъ „метаться на чашу“. Иногда они даже грозятъ ее опрокинуть, но тутъ всегда является архангелъ или просто ангелъ, непременно въ дьяконскомъ облаченіи, и отгоняетъ ефіоповъ пламеннымъ мечомъ, или жезломъ, или просто по-русски „поретъ ихъ вогненными прутьями“.

Дѣло обыкновенно оканчивается тѣмъ, что тѣ не выдерживаютъ бояли или порки „вогненными прутьями“ и убѣгаютъ, и тогда наступаетъ ничѣмъ несмуцаемый моментъ торжества православія, къ которому съѣзтантъ присоединяется. Неоднократно замѣчали такіе случаи, что какъ ангелъ „отжарить“ демоновъ, такъ присоединяемый къ церкви сейчасъ же „просвѣтлѣваетъ лицомъ“, а мурины и ефіопы, остающіеся въ прежнемъ заблужденіи, „визжать издали, какъ поросята“. Но огромное число интересныхъ, хотя и однообразныхъ случаевъ этого рода, не пользуются долгою извѣстностію, чему есть слѣдующая причина. Новоприсоединенный тотчасъ послѣ причастія обстоятельно разскажетъ духовнымъ отцамъ свое видѣніе, а игуменъ или бѣлый настоятель храма выслушаетъ это сказаніе и „пуститъ какъ быдто въ нѣтехъ“. Иной же еще къ тому и пригрозитъ и скажетъ: „живи христіански, а не чудеса сказывай“; такъ хорошій разсказъ скоро и пропадаетъ безъ большаго распространенія. На это часто жалуются и многіе видятъ въ этомъ вредный недостатокъ вниманія со стороны духовенства, которое будто-бы холодно относится къ непосредственнымъ откровеніямъ, получаемымъ новоприсоединяемыми къ православію. Духовенство же все-таки остается неисправимымъ.

Монастыри въ этомъ случаѣ удовлетворяютъ желанія видящихъ „небо отверсто“ не болѣе, чѣмъ бѣлые священники, изъ коихъ иные въ наше время дошли уже до той степени невѣрія, что, не скрываясь, носятъ чистые воротнички у рубашекъ.

— „И въ монастыряхъ, говорятъ, не добьешься нынѣ, чтобы чудо списали. Видѣлъ, говорятъ, ну и будетъ съ тебя, и молчи про себя“.

Все это, разумѣется, приписывается вредному вліянію науки, такъ какъ монастырскіе настоятели теперь по несчастію выбираются большею частію „изъ ученыхъ“. Въ скитахъ же, гдѣ настоятельствуютъ простые „старцы“, дѣла идутъ иначе, по мнѣнію нѣкоторыхъ — гораздо

лучше, — тамъ ко всѣмъ чудеснымъ вещамъ относятся несравненно довѣрчивѣе и теплѣе, и „когда что таковое произойдетъ — всѣ тому единымъ сердцемъ вѣрятъ и едиными устами свидѣтельствуютъ“. Отъ этого, полагаютъ, и благодатныя силы чудотвореній при старцахъ проявляются несравненно чаще. Такого мнѣнія теперь охотно держатся даже такіе люди, отъ которыхъ можно бы, кажется, ожидать иныхъ отношеній къ высокимъ истинамъ христіанства.

„Благодать у старцевъ и при старцахъ“.

Это самое удостовѣряетъ и печатаемый нынѣ документъ за подписью трехъ старцевъ-схимниковъ, которые, такимъ образомъ, самолично могутъ послужить примѣромъ очевидной разницы между осуждаемыми за холодность монастырями и восхваляемыми за теплоту вѣры скитами, процвѣтающими подъ руководствомъ „старцевъ“. При нѣкоторыхъ усиліяхъ сколько извѣстныхъ, столько же и странныхъ лицъ, думающихъ спасти иночество посредствомъ развитія „старческаго скитства“, —этотъ примѣръ теперь, можетъ быть, стоить вниманія и будетъ не бесполезенъ. По немъ можно себя представить, до чего бы, примѣрно, могли довести дѣла „старцы“, если бы по Россіи ихъ скитство умножилось, какъ на Афонѣ, и сколько бы это было полезно для христіанской идеи, получающей теперь въ протестантскомъ мірѣ такую плодотворную разработку при усиліяхъ отъѣнной чистоты и отъѣнныхъ дарованій людей, въ родѣ Фаррара, Невилла, Берсея и другихъ...

Одно насъ можетъ куражить — что если нашъ „дремлющій Востокъ“ ничего не можетъ выставить противъ этихъ обрацающихъ на себя вниманіе бодрыхъ борцовъ христіанской мысли, то и они навѣрно ничего не найдутся поставить противъ вещей, какія способны показать наши „старцы“. Да этого, впрочемъ, нельзя и сравнивать, ибо ихъ дѣло просвѣтить, а наше — удивить.

Въ заключеніе остается пожалѣть, что три схимника, удостовѣрившіе чудесное видѣніе Василія Корочинскаго, ничего не упомянули о прошломъ чудовищѣ. Этимъ у насъ пренебрегаютъ, а между тѣмъ это очень важно. Человѣкъ, для котораго въ наши дни разверзлось небо и видима была св. Троица, конечно, весьма стоить большого вниманія. Особенно интересно и даже необходимо было бы знать о тѣхъ „сворбяхъ“, которыя чудозритель перенесъ за свои добродѣтели прежнимъ своимъ единовѣрцамъ. Это всегда очень многое открываетъ и располагаетъ къ большей или къ меньшей вѣрѣ словамъ чудосказателя...

Наши восточныя чудосказанія тѣмъ невыгодно отличаются отъ западныхъ, что въ сихъ послѣднихъ вы большею частію видите всего человѣка, т. е. праведникъ онъ, или не праведникъ, но все равно — онъ обрисованъ передъ вами, какъ человѣкъ, съ его природными свойствами и дарованіями, съ которыми онъ пришелъ въ міръ. Не скрываютъ и того, что совершилъ человѣкъ въ мірѣ до тѣхъ поръ,

пока въ немъ самомъ произошелъ имѣвшій на него рѣшительное вліяніе религиозный кризисъ. Отъ того вамъ доступенъ его нравственный міръ, васъ интересуеъ его судьба, вамъ понятенъ его психозисъ и „вся яже въ немъ“. Отъ того вы съ нимъ сливаетесь или нѣтъ въ единствѣ чувствъ и мыслей и его любите, и ему вѣрите, какъ человѣку, котораго вы знаете. Въ нашихъ же сказаніяхъ (кромя развѣ одного жизнеописанія св. Іудіаніи) почти совсѣмъ нѣтъ этого жизненнаго развитія, а только прямо сообщается одинъ чудесный случай бывшій надъ человѣкомъ, ни умъ, ни совѣсть, ни прошлое котораго вамъ вовсе неизвѣстны... Прямо совершается чудо, и въ этомъ чудѣ онъ участвуетъ, какъ спиритскій медіумъ, безъ всякихъ, повидимому, личныхъ заслугъ... Между тѣмъ ему сейчасъ же приглашаютъ вѣрить; чудосказаніе его констатируется, расписывается свитовыми скорописцами, скрѣпляется подписями схимниковъ и ихъ печатами и разсмѣляется для свѣдѣнія церкви... Былъ какой-то хлыстъ Василій Корочинскій, и вдругъ передъ нимъ отверзлось небо, онъ видитъ св. Троицу, и вчера еще самъ безвѣстный, онъ нынѣ уже дѣлаетъ святую репутацію схимнику Хаджи-Георгію, который въ его видѣніи предстоитъ св. Троицѣ и благобесѣдовалъ съ нею... Отсюда Хаджи-Георгію шагъ къ прославленію заживо, а хлысту—переломъ, за которыми начинаются для него аскетическіе подвиги, а со временемъ опять придетъ кто-то иной и можетъ быть его самого увидитъ благобесѣдуящимъ, и его прославить... и такъ „до скончанія вѣка“... Своеобычная манера такъ передавать житія и чудеса очень оригинальна, но она, по справедливому замѣчанію даровитаго автора „Исторія русской церкви“, Евгенія Голубинскаго, составляетъ несомнѣнный недостатокъ нашихъ церковныхъ сказаній о людяхъ, удостоившихся особыхъ знаменій съ неба. Не зная ихъ нрава и всего, что въ прошломъ могло дать опредѣленіе ихъ совѣстливости и характеру, иногда бываетъ трудно отнестись къ ихъ видѣніямъ съ тою довѣрчивостью, какой они, можетъ быть, и заслуживаютъ. И вотъ потому-то очень возможно, что въ нашихъ монастыряхъ, гдѣ мірскія дѣла издавна и до сего дня знаютъ часто лучше, чѣмъ въ самомъ мірѣ, — по отношенію къ чудесамъ и видѣніямъ преобладаетъ осторожность. Ее принимаютъ за холодность и осуждаютъ, но она нерѣдко можетъ принести религіи больше пользы, чѣмъ старческое легковѣріе. Она, по крайней мѣрѣ, уже не уронитъ вѣры ниже, чѣмъ она пала, благодаря „вождямъ слѣпымъ, отцѣживающимъ комара и проглатывающимъ верблюда“.

Въ monkъ чисто литературныхъ интересахъ, для собираемаго мною матеріала о русскихъ демономанахъ и духовидцахъ было бы пріятнымъ приобретіемъ, если бы кто нибудь изъ знающихъ новаго чудовидца—Василія Корочинскаго—сообщилъ мнѣ, что можно, о характерѣ и жизни этого лица до тѣхъ поръ, пока онъ отплылъ изъ Россіи на Афонъ, я въ „Постномъ скитѣ“ старца Хаджи-Георгія увидалъ въ отверстомъ небѣ св. Троицу. Если бы даже такое извѣстіе могло быть

подано мнѣ кѣмъ либо изъ ефіоповъ, оно въ литературныхъ цѣляхъ не утратило бы своей цѣны и было бы интересно не менѣ свидѣтельства адвоката діавола, а такой адвокатъ, какъ извѣстно, западною церковью допускается даже при канонизаціи.

Николай Лѣсковъ.

С.-Петербургъ.
Сергіевская, № 56.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ ¹⁾.

Возрожденіе Пруссіи.

ВЪ ПРЕДШЕСТВОВАВШЕМЪ обзорѣ современной исторіографіи мы воспользовались сочиненіемъ Филиппсона, чтобы охарактеризовать эпоху паденія Пруссіи, наступившую вслѣдъ за знаменитымъ царствованіемъ Фридриха Великаго. Эта эпоха обнимаетъ послѣднее десятилѣтіе прошлаго и первое десятилѣтіе нашего вѣка. Но въ эти самые мрачныя годы въ исторіи Пруссіи подготовлялись учрежденія, развивались и дѣйствовали личности, которымъ Пруссія была обязана новымъ возрожденіемъ и небывалымъ подъемомъ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Между великими дѣятелями этой эпохи первое мѣсто заслуживаютъ Штейнъ, Шарнгорстъ и Гнейзенау. Мы остановимся на послѣднемъ, заслуги котораго недостаточно извѣстны, и воспользуемся его біографіей, чтобы изобразить Пруссію въ эпоху ея торжества и послѣдовавшей затѣмъ реакціи. Біографія фельдмаршала Гнейзенау была предпринята тѣмъ же извѣстнымъ историкомъ и издателемъ Пертцемъ, которымъ составлено первое, обширное и документальное жизнеописаніе Штейна. Но Пертцу, при его громадномъ трудѣ по изданію „Памятниковъ германской исторіи“, не удалось окончить біографію Гнейзенау—въ 1869 г. вышелъ ея третій томъ, но затѣмъ непрерывное болѣзненное состояніе автора вызвало продолжительный перерывъ въ его работѣ, пока, наконецъ, уже послѣ его смерти, Г. Дельбрюкъ не принялъ на себя обязанности окончить его сочиненіе. Первоначальное намѣреніе ограничиться еще однимъ только томомъ

¹⁾ См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VII, стр. 458—469.
«Истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

оказалось неисполнимымъ; богатый и интересный матеріалъ требовалъ V-го тома, который и вышелъ вскорѣ вслѣдъ за IV въ томъ же 1880 году.

Четвертый томъ изображаетъ дѣятельность Гнейзенау втеченіе походовъ 1814 и 1815 годовъ. Какъ это теперь всѣми признано, Гнейзенау былъ первымъ стратегическимъ талантомъ союзниковъ, душой всѣхъ рѣшительныхъ военныхъ предпріятій во время обоихъ походовъ. Поэтому его біографія за это время естественно должна была превратиться въ исторію этой эпохи вообще, и потому именно нельзя не привѣтствовать ее съ большой радостью, какъ дополненіе соответствующей исторической литературы. Хотя главные моменты обоихъ этихъ на вѣки достопамятныхъ походовъ и установлены съ историческою достовѣрностію, но все-таки и здѣсь для спеціальнаго изслѣдованія остается еще много работы. Заслуга Дельбрюка заключается въ томъ, что онъ болѣе точно изслѣдовалъ и—насколько это было возможно—установилъ цѣлый рядъ довольно важныхъ пунктовъ на основаніи цѣлой массы болѣею частью еще не изданныхъ писемъ и документовъ изъ фамиліныхъ бумагъ Гнейзенау и т. п. источниковъ, причемъ онъ добросовѣстно принималъ во вниманіе подходящія изслѣдованія, въ особенности сочиненія новѣйшаго времени. Чуть ли не по всѣмъ частнымъ вопросамъ приходится согласиться съ ясными и трезвыми изъясненіями автора, всегда опирающимися на подлинныя документы.

Авторъ разбиваетъ все содержаніе IV-го тома на три отдѣла (7 книга—походъ 1814 года, 8 книга—переговоры о мирѣ въ 1814 и 1815 годахъ, 9 книга—походъ 1815 года). Въ концѣ каждой книги Дельбрюкъ приводитъ въ хронологическомъ порядкѣ переписку, касающуюся разобранныхъ въ ней событій и отношеній. Въ этомъ онъ отстываетъ отъ своего предшественника. Пертцъ только въ концѣ каждого тома прикладывалъ ограниченное число документальныхъ доказательствъ, а многіе письма и акты вводилъ прямо въ изложеніе, вслѣдствіе чего послѣднее лишено той сжатости и наглядности, которыя составляютъ преимущество метода, усвоеннаго Дельбрюкомъ. Переписка, обнародованная Дельбрюкомъ, указываетъ на тѣсную связь Гнейзенау съ лучшими людьми его отечества; чаще всего въ качествѣ адресатовъ являются Блюхеръ, Штейнъ, Гарденбергъ, Бойенъ, Клаузевицъ, Грунеръ, Мюффлингъ. Приблизительно 120 нумерамъ этихъ писемъ соответствуютъ около ста писемъ, адресованныхъ къ Гнейзенау, въ которыхъ, кромѣ названныхъ уже корреспондентовъ, особенно часто встрѣчается имя Нибура. Приложеніе къ тому составляютъ различныя спеціальныя изслѣдованія и документы; среди первыхъ особенною тщательностію отличается изслѣдованіе вопроса, что именно рѣшило битву при Бель-Альгансѣ.

Седьмая книга изображаетъ походъ 1814 года отъ перехода черезъ Рейнъ до вступленія въ столицу непріятеля и заключенія такъ

называемаго перваго Парижскаго мира. На ряду съ изображеніемъ военныхъ событій авторъ считаетъ особенно важнымъ изложить планы Гнейзенау, состоявшаго начальникомъ штаба при Блюхерѣ, и его вліяніе на весь ходъ войны. Дельбрюкъ рисуетъ нерѣшительное и методичное веденіе войны австрійцами, вѣроломную ненадежность крон-принца шведскаго (Бернадота), осторожную, миролюбивую политику дипломатовъ, и въ противоположность ко всему этому указываетъ на главную квартиру Силезской арміи, какъ на колыбель всѣхъ энергическихъ и двигательныхъ мѣръ. Здѣсь постоянно проповѣдывалось рѣшительное „впередъ!“, здѣсь гнушались переговорами о мирѣ, и здѣсь же зародился и защищался планъ похода на Парижъ и изложенія Наполеона. Та же Силезская армія приняла на себя съ самаго начала и предводительство. Удары, нанесенные ей—не безъ ея вины—на Марнѣ, не могли сломить ее. Вскорѣ она вновь была готова стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ и успокоилась только тогда, когда Парижъ былъ уже въ ея рукахъ. Но съ этого момента на первый планъ выступаетъ тотчасъ же дипломатія. Вслѣдствіе продолжительной болѣзни, Блюхеръ сложилъ съ себя командованіе войсками. вмѣстѣ съ нимъ оставилъ свой постъ Гнейзенау и на первое время былъ причисленъ къ свитѣ короля. По его собственнымъ словамъ, онъ не испытывалъ тамъ особеннаго счастья: зачастую встрѣчая враждебность и клевету, онъ въ то же время былъ доволенъ той снисходительностью, съ которой обошлись съ Франціей по первому Парижскому миру. Къ тому же онъ рано созналъ, что, какъ онъ самъ выражается, нѣмецкія дѣла ни въ какомъ случаѣ не дождутся того устройства, которое могло бы удовлетворить ожиданія разумной части народа. При такихъ обстоятельствахъ онъ отказался отъ предложеннаго ему военнаго министерства и, возведенный королемъ въ графское достоинство, оставилъ Францію. Послѣ продолжительнаго пребыванія на водахъ, онъ отправился къ своей семьѣ въ Силезію въ то время, когда государственные люди Европы собрались въ Вѣну на конгрессъ.

Установленіе новой системы европейскихъ государствъ на Вѣнскомъ конгрессѣ составляетъ содержаніе слѣдующей восьмой книги. Авторъ намѣчаетъ только главныя черты, обозначаетъ задачу конгресса и упоминаетъ о кризисѣ, вызванномъ вопросомъ о вознагражденіи Пруссіи. Замѣчательно, что Гнейзенау, когда онъ еще пребывалъ въ кругу своей семьи, ясное, чѣмъ Гарденбергъ въ Вѣнѣ, понялъ недружелюбное расположеніе австрійскаго государственнаго канцлера Меттерниха по отношенію къ Пруссіи. Когда затѣмъ ближе надвинулась возможность войны между обѣими великими державами Германіи, Гнейзенау тотчасъ же появился въ Берлинѣ, чтобы въ случаѣ надобности принять участіе въ военномъ совѣтѣ. Мысль помочь Наполеону возвратиться съ Эльбы, брошенная имъ въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать Францію безвредной, характеризуетъ его отважность: онъ на-

дѣялся этимъ шагомъ впутать Францію въ продолжительную гражданскую войну. Всѣмъ извѣстно, насколько этотъ расчетъ былъ невѣренъ. Во всякомъ случаѣ возвращеніе Наполеона имѣло ту хорошую сторону, что оно предупредило— правда, уже послѣ того, какъ окончился упомянутый кризисъ,—дальнѣйшія разногласія между державами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно дало случай Гнейзенау еще разъ выступить въ походъ противъ врага его отечества. Въ новомъ походѣ онъ принялъ участіе опять въ качествѣ шефа генеральнаго штаба Блюхера.

Девятая книга (походъ 1815 года) начинается интереснымъ разъясненіемъ довѣреннаго положенія Гнейзенау рядомъ съ Блюхеромъ и его личныхъ отношеній къ этому послѣднему. Уже при началѣ похода 1813 года Гнейзенау охотнѣе всего принялъ бы на себя самостоятельную команду надъ отдѣльнымъ корпусомъ. Различныя обстоятельства сдѣлали впослѣдствіи его положеніе въ качествѣ шефа генеральнаго штаба довольно тяжелымъ. Считая себя по праву и справедливости главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, онъ постоянно долженъ былъ оставаться позади кулисъ, въ то время, какъ предводители отдѣльныхъ корпусовъ имѣли случай снискать себѣ громкую славу. Если уже для одного этого требовалось большое самоотреченіе, то понятно, что дерзкое упорство такого корпуснаго генерала, какъ Юркъ, или самолюбивое домогательство такого человѣка, какъ Мюффлингъ, мало-по-малу могли совершенно отбить охоту къ этому дѣлу. Собственно для дѣятельности главы генеральнаго штаба Гнейзенау не считалъ себя вполне способнымъ; предоставляя ее Мюффлингу, онъ ограничивался только тѣмъ, что руководилъ движеніемъ войска. Если во время сраженія Блюхеръ и дѣйствовалъ зачастую самостоятельно, то все-таки, насколько извѣстно, онъ никогда не рѣшался на какойнибудь стратегической шагъ, противъ котораго рѣшительно высказался Гнейзенау. Вслѣдствіе этого Гнейзенау въ своихъ письмахъ всегда считаетъ себя отвѣтственнымъ лицомъ и никогда не смѣлается на какойнибудь приказъ Блюхера. Иногда говорятъ, что оба человѣка по своимъ способностямъ и своему характеру отлично дополняли другъ друга. Утверждая это, собственно говоря, оказываютъ несправедливость Гнейзенау, потому что нельзя сказать, чтобы ему не доставало какойнибудь способности, необходимой для полководца; осада Кольберга въ 1807 году показала, насколько онъ былъ способенъ лично воздѣйствовать на духъ войска. Личной интимной дружбы, какъ ее обыкновенно принимаютъ, не было вовсе между полководцемъ и его стратегомъ. Кто хотѣлъ частнымъ образомъ повліять на Блюхера по личнымъ дѣламъ, тотъ обращался не къ Гнейзенау, а къ одному изъ адъютантовъ вродѣ Ностица и Гольца; послѣднему Гнейзенау приписываетъ даже извѣстную наклонность къ интригамъ. Если Гнейзенау и ставилъ высоко престарѣлаго героя, то все-таки иногда онъ рѣзко отзывался о слабостяхъ его, какъ человѣка; онъ даже полагалъ, что имѣетъ основаніе жаловаться на неблагодарность

Блюхера по отношенію къ себѣ. Что касается до короля, то Гнейзенау рѣшительно не походилъ на него ни характеромъ, ни складомъ ума, а потому и былъ ему несимпатиченъ. Пораженіе со стороны короля послѣ неудачъ на Марнѣ, гдѣ все-таки заслуживала величайшей похвалы та удивительная быстрота, съ которой вновь былъ восстановленъ боевой порядокъ войска,—глубоко оскорбило Гнейзенау. Послѣ перваго взятія Парижа его обошли и почетнымъ титуломъ, и орденами высшихъ степеней, которыми отличили предводителей корпусовъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, Гнейзенау очень неохотно занялъ свой прежній постъ при началѣ похода 1815 г.; письмо, въ которомъ онъ жаловался королю на трудность и неблагодарность этого поста, не сохранилось.

Центръ тяжести всего похода составляютъ, какъ извѣстно, битвы при Линь и Бель-Альянсъ. Разскажъ объ этихъ битвахъ принадлежитъ къ наиболѣе разработаннымъ частямъ сочиненія Дельбрюка. Очень подробно разъясняетъ авторъ развитіе битвы при Линь. Онъ убѣдительно доказываетъ, что только невѣрное письменное сообщеніе Веллингтона о положеніи своего войска и данное имъ вскорѣ вслѣдъ затѣмъ устное обѣщаніе поддержать правое крыло пруссаковъ и вмѣстѣ съ нимъ перейти въ наступленіе побудили Блюхера принять битву. Какъ кажется, Веллингтонъ, увлекшись желаніемъ задержать пруссаковъ въ видѣ собственнаго подрѣзленія, далъ невѣрное, слишкомъ выгодно окрашенное сообщеніе о сосредоточеніи своего войска. Что касается до самой битвы, то для веденія упорной, сложной защиты Блюхеръ не былъ вполнѣ подходящимъ полководцемъ, а Гнейзенау выдается въ ней только въ незначительной степени. Вредно повліяло на диспозицію, вѣроятно, и то обстоятельство, что надежда на помощь союзнаго войска исчезла только постепенно. Къ тому же, вслѣдствіе извѣстнаго рода соревнованія съ вліятельнымъ шефомъ генеральнаго штаба, генералъ Бюловъ не послѣдовалъ исполнить тотчасъ же приказа главной квартиры и сдѣлался виновникомъ того, что его корпусъ не принялъ участія въ битвѣ при Линь. Кромѣ того, оказалось, что французскіе солдаты превосходили своими качествами прусскихъ. Старый военный духъ прусской арміи еще не успѣлъ вполнѣ ассимилировать себѣ многочисленныя новыя элементы, вошедшіе въ нее подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени и нужды. Но если Гнейзенау втеченіе битвы и не вполнѣ стоялъ на высотѣ своей задачи, то мгновеніе, когда отступленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ, рисуетъ его въ героическомъ свѣтѣ. Такъ какъ главнокомандующій былъ поглощенъ бурной битвой, то на шефѣ главнаго штаба лежала теперь самая тяжелая отвѣтственность: отъ его рѣшенія зависѣла судьба всей войны. Съ трудомъ спасеннаго изъ послѣдней роковой атаки кавалеріи, Гнейзенау осаждаютъ требованіями приказовъ относительно отступленія. Послѣ краткаго молчанія онъ опредѣляетъ для него направленіе къ Вавру и этимъ

сильным решением, которое жертвовало обеспеченным путем к отступлению в прирейнские области, дѣлаетъ возможной побѣду при Ватерло. Всѣ писанные приказы Наполеона, равно какъ и всѣ его мѣры, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ и не думалъ о возможности такого рѣшенія, пока собственными глазами не увидалъ пруссаковъ подъ Ватерло. Характеристика способа веденія войны Веллингтономъ основывается у Дельбрюка на глубокомъ изученіи относящихся сюда подготовительныхъ работъ. Въ глазахъ Дельбрюка Веллингтонъ является консервативнымъ представителемъ старой стратегіи, придававшей главное значеніе маневру, тогда какъ пруссаки перешли къ новому, установленному Наполеономъ эмергентному веденію войны, которое на мѣсто маневровъ ставитъ битву и собираетъ всегда всѣ свои силы для уничтожающихъ непріятеля ударовъ. Всего болѣе Веллингтонъ былъ способенъ къ оборонительной битвѣ. Свое намѣреніе—во что бы то ни стало, защищать выбранную имъ позицію, пока не подойдетъ подерѣвленіе пруссаковъ, или пока ночь не положитъ конца битвѣ,—онъ сжато и мѣтко выразилъ въ приказѣ: „нашъ планъ теперь очень простъ: пруссаки—или ночь“. Несмотря на это, если бы подоспѣвшіе пруссаки не помѣшали Наполеону пустить въ дѣло во время послѣднихъ приступовъ на англійскую позицію незначительное количество войска, требовавшееся для полного успѣха, Веллингтонъ врядъ ли бы избѣгнулъ рѣшительнаго пораженія. Это уже всѣми признано, но еще разъ съ полной очевидностью доказывается у Дельбрюка. Впрочемъ, роль пруссаковъ не ограничивается только тѣмъ, что они рѣшили побѣду. Богатое урономъ взятіе деревни Плансенуа и преслѣдованіе, которое, собравши послѣднія силы, лично велъ самъ Гнейзенау, превратили эту побѣду въ полное уничтоженіе непріятеля. При Ватерло Гнейзенау обнаружилъ въ самомъ блестящемъ свѣтѣ способности полководца. Здѣсь на его долю выпало то личное вліяніе на массы, отъ котораго онъ обыкновенно былъ принужденъ отказываться съ большимъ самоотреченіемъ.

Такимъ образомъ, Дельбрюкъ подтверждаетъ невѣрность господствующаго у англичанъ представленія, которое основывается на официальной реляціи Веллингтона о битвѣ при Ватерло. Представленіе это заключается въ томъ, будто отраженіе послѣдняго приступа и движеніе впередъ всей линіи уже рѣшили битву въ то время, когда еще не успѣлъ опредѣлиться исходъ битвы пруссаковъ съ правымъ крыломъ французовъ. Но, опровергая этотъ взглядъ, Дельбрюкъ въ то же время отдаетъ справедливость союзникамъ и возстаетъ въ V приложеніи противъ другаго крайняго мнѣнія, выставленнаго уже съ прусской стороны. Приверженцы этого мнѣнія утверждаютъ, будто упомянутое движеніе впередъ было только хитрой демонстраціей, предпринятой для того, чтобы впослѣдствіи, на основаніи этого движенія, можно было приписать себѣ всю славу по-

бѣды. По этому поводу авторъ указываетъ на довольно кровопролитное сраженіе, которое медленно отступавшая французская армія все еще была въ состояніи дать наступавшей ливні союзнаго войска.

Послѣ побѣды при Ватерло, Гнейзенау, несмотря на возраженія отдѣльныхъ генераловъ, напримѣръ, Блюва, настоялъ на рѣшеніи прямо идти на Парижъ. Веллингтонъ согласился для того, чтобы въ политическомъ отношеніи, т. е. въ вопросѣ о новомъ устройствѣ Франціи, удержать за собой господствующее положеніе. Гнейзенау совершенно серьезно требовалъ при этомъ разстрѣлянія Наполеона, въ случаѣ, если онъ попадетъ въ руки союзниковъ. При возбужденномъ состояніи прусскихъ генераловъ, которое обнаруживается въ этой вспышкѣ Гнейзенау, вопросъ о томъ, какъ поступить съ Парижемъ, повелъ къ разногласіямъ между прусской и англійской главной квартирой. Противъ желанія Веллингтона, Блюхеръ и Гнейзенау настояли при заключеніи капитуляціи на вступленіи войскъ въ столицу. Въ то же время, несмотря на возраженія Веллингтона, они наложили на городъ номинально довольно значительную контрибуцію. Приказъ Блюхера взорвать Іенскій мостъ, отданный по наущенію Гнейзенау, повелъ къ продолжительному охлажденію личныхъ сношеній между шефомъ прускаго главнаго штаба и Веллингтономъ.

Для переговоровъ о мирѣ Гнейзенау былъ назначенъ прусскимъ уполномоченнымъ вмѣстѣ съ Гарденбергомъ, Вильгельмомъ ф. Гумбольдомъ и Кнезебекомъ. За одно съ названными уполномоченными онъ потребовалъ уступки Эльзаса, Лотарингіи и крѣпостей на сѣверной границѣ Франціи. Онъ настойчиво защищалъ эти требованія въ докладной запискѣ, переданной императору Александру, и опровергнулъ въ подробномъ мемуарѣ возраженія лорда Кестльри. Чтобы только добиться Эльзаса и Лотарингіи, энергическій генералъ готовъ былъ даже думать о возобновленіи войны съ Франціей. Рѣшительное сопротивленіе Россіи и Англии заставило пруссаковъ отказаться отъ защиты этихъ требованій.

Пятый и послѣдній томъ біографіи Гнейзенау представляетъ богатый источникъ для историка, который предпринялъ бы изобразить внутреннюю исторію Пруссіи втеченіе первыхъ трехъ пятилѣтій послѣ втораго Парижскаго мира. Правда, Гнейзенау не находится болѣе въ такомъ непосредственномъ сношеніи съ лицами, управляющими государствомъ, какъ это было во время войны; онъ не пользуется болѣе рѣшающимъ вліяніемъ на ходъ событій, какъ въ то время; когда онъ былъ шефомъ генеральнаго штаба Блюхера. Но его положеніе все-таки даетъ ему возможность слѣдить за развитіемъ государственной жизни въ ея сокровенныхъ чертахъ; онъ все еще находится въ дружественныхъ сношеніяхъ со многими выдающимися людьми. Вслѣдствіе этого его переписка отъ 1815 до 1831 годовъ представляетъ собой весьма обильный источникъ для исторіи этой эпохи.

Внутренняя история Германии в первой половине настоящего столетия представляет собой, какъ известно, ожесточенную борьбу реакціи съ новыми идеями, охватившими страну послѣ революціи 1789 г. и войнъ съ Наполеономъ. Гнейзенау принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые, призванные руководить великой борьбой на жизнь и на смерть Европы съ корсиканскимъ узурпаторомъ, сохранили свободный взглядъ на потребности времени. Даже и послѣ того, какъ Наполеонъ былъ уже низвергнутъ, они не думали видѣть въ глубокихъ переворотахъ, которыми подвергнулась Европа втеченіе послѣднихъ десятилѣтій, обыкновенный эпизодъ, прервавшій, правда, правильный ходъ событій, но неспособный дать ему новое направленіе. Поэтому, какъ это и можно было ожидать, Гнейзенау, равно какъ и Штейнъ, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдъ, Шёнъ и другіе дѣятели, оказавшіе великія заслуги спасенію Пруссіи и Германіи, подверглись подозрѣнію въ якобинствѣ, вслѣдствіе чего должны были терпѣть оскорбленія и униженія. Уже во время похода 1815 года защитники стараго абсолютизма пытались очернить Гнейзенау передъ королемъ, какъ главу партіи разрушителей, которая осмѣливалась требовать народнаго представительства и всеобщей равноправности. На него указывали, какъ на вождя недовольныхъ въ войскѣ, говорили даже о „генералѣ демагоговъ“ и о возможности, что войско выскажется за республику и противъ власти короля. Въ интересахъ службы и войны Гнейзенау очень мало обращалъ вниманія на личності и умѣлъ непреклонно настоять на своемъ; вслѣдствіе этого онъ даже среди своихъ знакомыхъ навлекъ на себя подозрѣніе, что при перемѣнѣ обстоятельствъ изъ него могъ бы выйти прусскій „Бонапартъ“. Когда генералъ, возвратившись изъ Парижа, принялъ на себя званіе главнокомандующаго въ Рейнской провинціи и, поселившись въ Кобленцѣ, завязалъ общественныя сношенія съ нѣкоторыми жившими тамъ выдающимися людьми, между прочимъ съ ученымъ и публицистомъ Гёрресомъ,—въ Берлинѣ, не стѣсняясь, говорили уже о „лагерѣ Валленштейна въ Кобленцѣ“. Правда, Гнейзенау обладалъ нѣкоторыми качествами такихъ людей, какъ Наполеонъ, Валленштейнъ или Кромвелль, но ему совершенно недоставало тѣхъ моральныхъ пружинъ, которыя шагъ за шагомъ возвысили ихъ. Неудержимое стремленіе къ власти, бурное личное честолюбіе, неразборчивость въ политическихъ средствахъ,—этихъ качествъ, безъ которыхъ немислимъ узурпаторъ, мы напрасно будемъ искать у Гнейзенау. Въ немъ мы находимъ, по мѣткому выраженію Дельбрюка, „зрѣлище одной силы великаго человѣка безъ ея эгоизма“.

Если Гнейзенау послѣ Лейпцигской битвы, послѣ штурма Монтмартра, послѣ побѣды при Вель-Альянсѣ уже таяло въ сельское уединеніе, то тѣмъ болѣе теперь, послѣ столькихъ оскорбленій и несправедливыхъ подозрѣній, должна была занимать его мысль оставить службу. Первоначально ему отказали въ просьбѣ объ отставкѣ. Ко-

роль, высоко ставивший военные заслуги Гнейзенау, предложил ему отпуск для восстановления своего здоровья, по окончании которого онъ долженъ былъ вернуться въ своему посту. Генералъ готовъ былъ принять это предложеніе; но между тѣмъ интрига не дремала, явились недоразумѣнія, и Гнейзенау осталось только покинуть постъ главнокомандующаго на Рейнѣ. Значительную роль играли при этомъ его финансовыя обстоятельства. „Мое командованіе на Рейнѣ“, пишетъ онъ своему другу Гибсону: „сдѣлало бы меня притомъ банкротомъ“. Война поглотила состояніе его жены, а для того, чтобы достойнымъ образомъ удовлетворять требованіямъ своего положенія, ему не хватало собственныхъ доходовъ; пришлось войти въ долги. Изъ Кобленца Гнейзенау поѣхалъ въ Карльсбадъ и Теплицъ на воды. Карльсбадскій источникъ благотворно подѣйствовалъ на него. Его мрачное расположеніе духа разсѣялось; онъ снова строилъ планы путешествій, думалъ объ Италіи, Греціи, Англии. Въ Карльсбадѣ онъ носился также съ мыслью написать свои воспоминанія—намѣреніе, которое, въ сожалѣнію, не дождалось исполненія. Въ то же время въ Карльсбадѣ пребывали король и Гарденбергъ. Съ послѣднимъ Гнейзенау стоялъ на дружеской ногѣ и вслѣдствіе этого познакомился съ дѣятельностью обскурантовъ, стремившихся прежде всего свергнуть либеральнаго государственнаго канцлера. Вскорѣ эти люди увидали безнадежность своего предпріятія; тогда они попытались забрать въ свои руки вліятельнаго, но слабохарактернаго государственнаго чело-вѣка, чего и достигли безъ особеннаго труда. Около этого времени Гёррессъ сдѣлался въ Кобленцѣ жертвой преслѣдованій со стороны реакціонеровъ. Гнейзенау увѣдомилъ его изъ Карльсбада, что король благосклонно принялъ его письмо, приказалъ представить ему докладъ по этому дѣлу и объявилъ, что для Гёрреса нужно что нибудь сдѣлать; онъ не долженъ переходить на чужую службу. Гнейзенау надѣялся даже, что Гёрресу будетъ позволено продолжать своего „Меркурія“. Это участіе генерала въ угнетенному писателю было дурно истолковано, и его самого чуть было не привлекли по этому поводу къ отвѣту, когда началась травля демагоговъ. Если слѣдственная коммиссія не осмѣлилась взяться прямо за самого Гнейзенау, то этимъ онъ обязанъ своей ненарушимой славѣ полководца и боязни, которую внушала его личность. Но втайнѣ искатели демагоговъ подозрѣвали въ немъ архидемагога. Его письма распечатывались и, гдѣ только производился домашній обыскъ, прежде всего искали, не попадетсѣ ли переписка съ Гнейзенау. Распростраляли слухи, будто Гнейзенау очень смущенъ запрещеніемъ, наложеннымъ на его письма, тогда какъ на дѣлѣ было совершенно противоположное. Ему пріятно, пишетъ онъ принцессѣ Луизѣ, княгинѣ Радзивилль, когда изслѣдываютъ его бумаги: изъ нихъ познакомятся съ его спокойнымъ образомъ мыслей и убѣдятся, быть можетъ, наконецъ, что его несправедливо держали въ подозрѣніи относительно безпокойныхъ происковъ.

И при дворѣ Гнейзенау встрѣчалъ подозрительные взгляды со стороны короля и принцевъ. Фридрихъ Вильгельмъ III питалъ къ генералу, какъ и ко всѣмъ людямъ съ выдающимся умственнымъ вліяніемъ, какое-то неопредѣленное недовѣріе. Недовѣріе это росло подъ вліяніемъ военныхъ и политическихъ дѣятелей, окружавшихъ монарха, которые были дурно настроены по отношенію къ Гнейзенау. Только гораздо позднѣе, когда Гнейзенау былъ уже членомъ государственнаго совѣта и губернаторомъ Берлина, король ближе познакомился съ нимъ и убѣдился въ неосновательности своихъ подозрѣній. Однажды, во время праздника въ Берлинѣ, онъ отвелъ генерала въ оконную нишу, пожалъ ему руку и сказалъ: „Я очень радъ, что познакомился съ вами ближе и ближе узналъ васъ; мнѣ васъ раньше злобно оклеветали“. Подъ 20-мъ декабря 1819 года мы читаемъ въ извѣстномъ дневникѣ Фарнгагена слѣдующій отзывъ принца Карла, третьяго сына короля: „четыре занимаютъ здѣсь главнымъ образомъ происками: это Гнейзенау, Грольманнъ, Шлейермахеръ, и Савиньи; изъ нихъ Гнейзенау будетъ привлеченъ къ слѣдствію“. Фарнгагенъ слышалъ даже, будто Гнейзенау дѣйствительно былъ допрошенъ, и 2-го января 1820 года онъ, губернаторъ Берлина, былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не послѣдовало.

Переписка Гнейзенау за это время съ Клаузевицемъ, Гарденбергомъ, княгиней Радзивилль и друг. теперь стала извѣстной. Его взгляды на политическое положеніе Пруссіи и Германіи и на необходимыя реформы изложены въ этихъ письмахъ. Въ нихъ нѣтъ ни одной строчки, которая хоть сколько нибудь могла бы оправдать распространившееся противъ него подозрѣніе. Правда, онъ не является здѣсь реакціонеромъ, схватывающимъ снова нить исторіи въ 1789 г., тамъ, гдѣ ее оборвала французская революція; но онъ въ то же время и не якобинецъ, стремящійся къ республикѣ, и даже не конституціоналистъ на англійскій манеръ. Онъ просто человекъ съ свободнымъ образомъ мыслей, не болѣе и не менѣе. Онъ чувствуетъ потребность въ письмахъ къ своимъ единомышленникамъ свободно бичевать недостатки администраціи и напоминать, что въ началѣ войны за освобожденіе народу была обѣщана конституція. По этому поводу онъ пишетъ Эйхгорну: „Сколько бы мы ни вертѣлись и ни уклонялись, все же придется, наконецъ, остановиться на какомъ нибудь твердомъ рѣшеніи; нужно или уступить, или отказать, но для того, какъ и для другаго, нужна сила. Теперешнее же наше поведеніе лишило насъ симпатій Германіи“. Въ томъ же письмѣ онъ замѣчаетъ: „Здѣсь все болѣе и болѣе толкуютъ объ испорченности нашей администраціи; говорятъ о взяткахъ и мошенничествахъ; называютъ имена и цифры... Вотъ эта-то ненавистная публикѣ администрація заставляетъ меня относиться съ опасеніемъ къ дальнѣйшему слѣдованію по пути конституціи; ибо такая администрація не вынесла бы бли-

зости національнаго представительства и слѣдствіемъ этого могли бы быть смуты“. Свой политическій символъ вѣры Гнейзенау изложилъ въ письмѣ отъ 20-го ноября 1819 года къ княгинѣ Радзивиллѣ, двоюродной сестрѣ короля; онъ очевидно рассчитывалъ, что, если не все письмо, то по крайней мѣрѣ выдержки изъ него будутъ переданы высокопоставленнымъ лицамъ. Письмо это—самый важный документъ для обсужденія политическаго характера Гнейзенау; поэтому мы приведемъ изъ него наиболѣе существенные отрывки. „Чтобы вѣрно судить о моихъ политическихъ убѣжденіяхъ, достаточно вспомнить со-вѣты, которые я далъ относительно Франціи въ 1814 и 1815 годахъ; я всегда утверждалъ, что только въ соблюденіи принциповъ законности и поддержкѣ дома Бурбоновъ, равно какъ и въ подавленіи революціонныхъ принциповъ и дѣятелей заключается спасеніе Европы“. — „Правда, мнѣ всегда казалось, что различныя провинціи прусскаго государства можно сдерживать только конституціонной связью, и я изложилъ это королю въ докладной запискѣ еще въ 1808 году“. — „Но мои существенные взгляды по этому вопросу слѣдующіе: конституція должна непремѣнно исходить отъ короля въ видѣ милости; никакой росписи королевскимъ доходамъ не должно существовать: король удерживаетъ за собой государственныя имущества въ частную собственность и вноситъ на нужды государства, сколько ему заблагоразсудится. Государственные чины можно выбирать только изъ чиновъ провинціальныхъ и притомъ изъ различныхъ сословій общества, а не изъ всей массы народа; въ послѣднемъ случаѣ въ собраніе попали бы главнымъ образомъ непрактичные ученые, безпокойные адвокаты и т. п. Затѣмъ, при всей свободѣ обсужденія, король и министры должны удерживать за собой настолько власти, чтобы, при опасномъ положеніи государства среди великихъ державъ, сохранять и развивать далѣе его достойное положеніе во внѣшнихъ сношеніяхъ, ибо мы, пруссаки, погибли бы, вѣроятно, при такой демократической, бурной и опасной конституціи, какъ англійская“. — „Благодаря тому, что произошло въ чужихъ странахъ, благодаря тому, что союзные монархи ревностно укрѣпили во Франціи революціонные интересы, совершенно пренебрегши интересами роялистовъ, благодаря тому, что съ тѣхъ поръ и безъ того уже ультралиберальная французская конституція дѣлалась еще демократичнѣе (послѣ законовъ о выборахъ и наборѣ), надежды нѣмецкихъ якобинцевъ возрастали все болѣе и болѣе, и поэтому, разуміется, нельзя удивляться, что ихъ требованія со дня на день дѣлались неумѣреннѣе, ихъ языкъ—наглѣе, ихъ намѣренія—отважнѣе. Насколько это обнаружено слѣдствіемъ, рѣчь уже шла дѣйствительно о единой нераздѣльной нѣмецкой республикѣ, о томъ, что всякія средства, ведущія къ этой цѣли, даже самыя кровавыя, позволительны; помышляли уже объ убіеніи нѣмецкихъ государей. Каждому безпристрастному человѣку должно было броситься въ глаза, что многіе, вообще,

достойные люди оправдывали убійство Коцебу¹⁾. „Впрочемъ, въ эти преступныя правила—для успокоенія вашего королевскаго высочества я долженъ сказать это—посвящены немногіе; остальная толпа не знаетъ тайны и слѣдуетъ имъ, сама того не сознавая. Масса народа не испорчена. Агитація сказывается только среди учителей гимнастики, среди ограниченнаго числа студентовъ, между нѣкоторыми профессорами, чиновниками и т. п., и только немногіе изъ нихъ посвящены въ кровавыя намѣренія вожаковъ. Мѣры, принятыя заодно съ нѣмецкими державами, будутъ, вѣроятно, въ состояніи положить конецъ безчинству, если строгость къ вожакамъ соединится съ снисходительностью къ заблудшимся, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, все уже будетъ снова спокойно“. Что Гнейзенау не былъ „либераломъ“ въ обычномъ значеніи этого слова, видно уже изъ его отзывовъ относительно общественнаго мнѣнія. Клаузевицъ сообщаетъ ему, что революція на островѣ Гаити составляетъ предметъ городскихъ толковъ въ Берлинѣ и что „Фоссова Газета“ рассказала это извѣстіе „съ внутреннимъ удовольствіемъ и радостью“. На это Гнейзенау отвѣчаетъ, что полиція безнаказанно распространяетъ переписку ученыхъ „въ то время, какъ берлинскимъ газетамъ дозволяютъ три раза въ недѣлю отравлять общественное мнѣніе“.

Несмотря на умѣренный образъ мыслей, въ глазахъ такого человека, какъ князь Меттернихъ, Гнейзенау, разумѣется, былъ передовымъ бойцомъ „революціоннаго духа“. Дѣло въ томъ, что еще со времени послѣднихъ походовъ у генерала было много враговъ въ арміи. Находились даже люди, которые говорили о немъ, какъ о „чужестранцѣ“, такъ какъ семья его происходила изъ Австріи. Вотъ эти-то завистники и подвергали, главнымъ образомъ, сомнѣнію благонамѣренность Гнейзенау. Изъ этихъ источниковъ черпали въ Вѣнѣ и Петербургѣ, и все, что тамъ удавалось узнать такимъ образомъ, при случаѣ передавалось Фридриху Вильгельму III. Въ письмѣ къ той же княгинѣ Радзивилль Гнейзенау различаетъ четыре партіи въ государствѣ: крайніе либералы, къ которымъ слѣдуетъ причислить якобинцевъ и революціонеровъ; ярые преслѣдователи, къ которымъ присоединяются боязливые. „Наиболѣе многочисленную партію составляютъ вѣрные приверженцы короны, которые склоняются къ конституціонному устройству государства. Наконецъ, четвертая—но эта партія слишкомъ слаба, ибо она состоитъ только изъ генерала Клаузевица и меня“. Оба они того мнѣнія, что всѣ три партіи во многомъ болѣе или менѣе ошибаются. Этимъ независимымъ положеніемъ среди различныхъ партій Гнейзенау и объясняетъ самъ недовѣріе къ нему со стороны всѣхъ партій; обскуранты и феодалы порицаютъ его,

¹⁾ Извѣстный въ свое время писатель Коцебу, состоявшій долго на русской службѣ и возвратившійся потомъ въ Германію, считался нѣмецкимъ демагогомъ за русскаго шпіона и вреднаго проводника политики Священнаго союза. Вслѣдствіе этого онъ былъ убитъ студентомъ Зандомъ.

какъ якобинца, а либералы зовутъ „рабомъ деспота“. „Мой характеръ“,—пишетъ Гнейзенау Гибсону въ 1824 году,—„отличается свойствомъ, которое люди рѣдко прощаютъ, а именно—я представляю собой человѣка, который не легко рѣшается пристать къ какой нибудь партіи, такъ какъ черезъ это утрачиваешь свою независимость и возможность дѣйствовать самостоятельно; этого мнѣ не простятъ ни придворные, ни революціонеры. Такова судьба людей въ эпохи политическаго броженія“.

Иф...ль.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Пушкинъ. Новонайденныя его сочиненія. Его черновыя письма. Письма къ нему разныхъ лицъ. Забѣтки на его сочиненія. Вып. I (со снимкомъ). Москва. 1881.

ВЪ ЗАПАДНОЙ Европѣ насчитывается немало періодическихъ изданій специально посвященныхъ разработкѣ матеріаловъ, касающихся жизни и сочиненій великихъ писателей. Отъ такихъ изданій не ускользаетъ ни одна строчка, бросающая новый свѣтъ на какую нибудь сторону жизни или произведеній Шекспира, Гете, Шиллера, Данта. Невольно вспоминаешь о подобныхъ изданіяхъ при взглядѣ на книжку, изданную г. Бартевымъ. На ней стоитъ помѣта: „выпускъ первый“, и это позволяетъ надѣяться, что г. Бартевъ намѣренъ продолжать изданіе отдѣльными выпусками матеріаловъ для біографіи и критики Пушкина. Дѣйствительно, нашъ великій поэтъ заслуживаетъ того, чтобы все до него относящееся не распылялось по различнымъ журналамъ, а сосредоточивалось бы въ одномъ изданіи.

Пока мы благодарны г. Бартеву за его книжку съ нѣсколькими громкими заглавіемъ—„А. С. Пушкинъ“, которое, впрочемъ, достаточно точно, если согласиться съ словами предисловія: „образъ Пушкина выступаетъ здѣсь въ подлинныхъ чертахъ своихъ“. Это „здѣсь“ звучитъ нѣсколько ядовито, по отношенію къ прежнимъ историко-литературнымъ трудамъ, касающимся Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, для освѣщенія Пушкина, какъ поэта и человѣка, безконечно важно опубликованіе такихъ вещей, какъ неизданная глава „Капитанской дочкѣ“, неисторченный ничьей рукой „Памятникъ“, возстановленіе многихъ стиховъ „Мѣднаго всадника“ и, такъ сказать, рукописное развитіе образовъ въ этой поэмѣ, а также „Онѣгинъ“ въ самомъ процессѣ его созданія. Но далеко не такъ важны для уясненія образа Пушкина помѣщенные въ разбираемой нами книжкѣ критическія замѣтки Г. С. Чирикова, касающіяся послѣдняго изданія сочиненій поэта. Г. Чириковъ довольно заурядный бібліографъ.

Недогоде какъ въ прошломъ году, онъ помѣстилъ въ харьковской газетѣ „Южный Край“ „неизданное стихотвореніе Некрасова“, оказавшееся потомъ принадлежащимъ перу г. Розенгейма. Такой непростительный для библиографа промахъ поневогѣ заставляетъ отнестись недовѣрчиво къ нѣкоторымъ варьянтамъ, сообщаемымъ г. Чириковымъ на основаніи его собственныхъ „записей“. Нельзя, однако, не отдать г. Чирикову должной справедливости за то, что нѣкоторыя его замѣчанія, основанныя на печатныхъ источникахъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Что касается напечатанныхъ въ той же книжкѣ г. Бартечева писемъ къ Пушкину разныхъ лицъ, то намъ кажется, что ихъ слѣдовало бы обставить большимъ количествомъ пояснительныхъ примѣчаній. Если обратить вниманіе на то, что къ каждому документу, писанному на французскомъ языкѣ, приложенъ переводъ, то слѣдуетъ заключить, что издатель предлагаетъ свою книжку вниманію не однихъ только специалистовъ, но и обыкновенной публикѣ. Последняя, перечитывая письма къ Пушкину, встрѣчаетъ массу вещей, для нея неясныхъ. Возьмемъ, на примѣръ, наиболѣе интересныя письма къ Пушкину Чаадаева, въ которыхъ этотъ послѣдній говоритъ о своей рукописи. Идетъ ли здѣсь рѣчь объ извѣстныхъ „Философскихъ письмахъ“ Чаадаева—обыкновенный читатель изъ писемъ его заключить не можетъ, а редакция сборника поясненій на этотъ счетъ не дѣлаетъ. Нечего и говорить, что въ письмахъ къ Пушкину разныхъ лицъ является множество именъ, извѣстныхъ читателю или понаслышкѣ, или вовсе неизвѣстныхъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ даются поясненія, о которыхъ мы говоримъ.

Вообще, нужно замѣтить, что книга „А. С. Пушкинъ“ представляетъ точный оттискъ того, что печаталось о Пушкинѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ два послѣдніе года. На нашъ взглядъ, отдѣльная книга должна всегда имѣть больше цѣльности и носить на себѣ слѣды болѣе серьезной обработки, чѣмъ та, какаѣ извинительна при болѣе или менѣе торопливой журнальной работѣ.

Е. Г.

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать третья. Вумаги графа С. Р. Воронцова. Письма Н. М. Лонгинова (1808—1823). Москва. 1882.

Недавно вышедшій 23-й томъ „Архива князя Воронцова“ заключаетъ въ себѣ письма Н. М. Лонгинова къ С. Р. Воронцову, представляющія достойную вниманія лѣтопись современника за богатый событіями періодъ 1808—1823 гг. Н. М. Лонгиновъ, уроженецъ Харьковской губ., въ ранней молодости состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, подъ начальствомъ гр. Семена Романовича Воронцова, къ которому и сохранилъ на всю жизнь чувства глубочайшей преданности. Въ періодъ, который обънимаютъ его письма къ гр. С. Р. Воронцову, Лонгиновъ находился въ Петербургѣ, числился по министерству иностранныхъ дѣлъ, а нѣкоторое время финансовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ въ должности личнаго секретаря императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Такимъ образомъ, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлахъ государственной важности, Лонгиновъ, тѣмъ не менѣе, стоялъ очень близко къ тогдашнимъ государственнымъ дѣятелямъ. Зоркій, хотя не всегда безпри-

страстный, наблюдатель, Н. М. Лонгиновъ даетъ блестящія характеристики людей эпохи Александра I за все время его царствованія. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ письмо его отъ 13-го сентября 1812 г. (№ 59). Рассказывая въ немъ обстоятельства, вызвавшія паденіе Сперанскаго, Лонгиновъ мастерски очерчиваетъ гр. Румянцова, Козодавлева, Барклая, маркиза де-Траверсе, Гурьева, гр. Разумовскаго, Балашова, Дмитриева, самого Сперанскаго и его креатуру Магницкаго и, наконецъ, творца плана войны 1812 года, генерала Фула. Рѣзкій отзывъ объ этомъ послѣднемъ достаточно показываетъ, сколь сильна была ненависть къ всемогущимъ тогда нѣмцамъ среди истинно-русской интеллигенціи. „Человѣкъ сей—говоритъ Лонгиновъ—имѣетъ большія математическія свѣдѣнія, но есть ничто иное, какъ нѣмецкій педантъ, и совершенно имѣетъ видъ пошлаго дурака“. Понятно, что въ этомъ же очеркѣ правительственныхъ силъ императора Александра I Лонгиновъ съ негодованіемъ говоритъ и объ Аракчеевѣ; тѣмъ же негодованіемъ къ этой личности дышатъ и другія его письма. Къ циклу исторически-вѣрныхъ анекдотовъ объ Аракчеевѣ не можемъ не прибѣгнуть со словъ Лонгинова рассказъ, напригнѣръ, о томъ, какъ Аракчеевъ, въ 1812 году, въ Петербургѣ, усердно занимался перлюстраціей писемъ. Однажды графиня Остерманъ, ожидавшая писемъ отъ своего мужа изъ арміи, послала за ними къ Аракчееву, который на это велѣлъ отвѣтить ей: „Скажи, что я еще ихъ не читалъ“. Говоря объ Аракчеевѣ, замѣтимъ еще, что въ письмѣ отъ 14-го ноября 1822 (№ 165) сообщаются мотивы ссылки Лабзина, который, какъ извѣстно, при баллотировкѣ Аракчеева въ почетные члены академіи художествъ, на томъ основаніи, что Аракчеевъ близкій человѣкъ къ императору, предложилъ также баллотировать главнаго вучера государя, Илью.

Къ тому же циклу историческихъ повѣствованій объ Аракчеевѣ нужно отнести письмо Лонгинова, отъ 27-го октября 1820 г. (№ 152), посвященное главнымъ образомъ военнымъ поселеніямъ и исторіи въ Семеновскомъ полку.

Если выше указанное письмо Лонгинова посвящено характеристикѣ министровъ и государственныхъ дѣятелей первой половины царствованія Александра I, то не меньшаго вниманія заслуживаетъ письмо отъ 15-го мая 1823 года (№ 168), по поводу паденія министра финансовъ Гурьева. Яркими красками очерчиваетъ Лонгиновъ крайне печальное состояніе нашихъ финансовъ въ періодъ управленія Гурьева и его неблагоприятные приемы въ распредѣленіи средствъ государства. Дѣйствительно, Гурьевъ умѣлъ въ одномъ засѣданіи государственнаго совѣта заявить, что онъ не можетъ отпустить одинъ миліонъ рублей для пособія голодающей Бѣлоруссіи, а въ слѣдующемъ засѣданіи уже предлагалъ приобрѣсти, на средства удѣльнаго вѣдомства, за 700.000 петергофскую дачу извѣстнаго своею расточительностью А. Л. Нарышкина. Въ этомъ же письмѣ Лонгиновъ даетъ характеристику преемника Гурьева—нѣмецкаго выходца Канкрина, который составилъ себѣ репутацію человѣка способнаго поддержать порядокъ и экономію, когда во время войны 1812 года, въ должности генералъ-интенданта, представилъ государю 26 милліоновъ остатковъ.

Что касается войны 1812 г., то въ письмахъ Лонгинова, пылкаго патріота и тонкаго наблюдателя, каждый русскій читатель найдетъ много драгоценныхъ свидѣтельствъ и интереснѣйшихъ подробностей. Особенно ревниво слѣдитъ Лонгиновъ за военными подвигами друга своего, гр. Мих. Сем. Воронцова и такимъ образомъ даетъ богатый матеріалъ для будущей біографіи этого

замѣчательнаго дѣятеля своего времени. Затѣмъ, какъ человекъ близкій къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, рисуя личность этой государини самыми симпатичными чертами, Лонгиновъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей объ отношеніяхъ императорской четы и особенно останавливается на пребываніи Елизаветы Алексѣевны за-границей, куда она была вызвана въ декабрь 1813 года самимъ императоромъ Александромъ. Лонгиновъ, какъ секретарь ея, сопровождалъ императрицу въ этомъ путешествіи.

Изъ указанныхъ нами выдающихся писемъ Н. М. Лонгинова можно видѣть, что переписка его съ С. Р. Воронцовымъ дѣйствительно представляетъ драгоценную историческую глѣтюль своего времени.

Е. Г.—нѣ.

Завоеваніе Ахаль-Теке. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева. 1880—81. А. Маслова. Спб. 1882. Цѣна 1 руб.

За время послѣдней войны за освобожденіе Болгаріи, явилось нѣсколько военныхъ корреспондентовъ, въ письмахъ которыхъ очевидно сказывалось несомнѣнное литературное дарованіе. Въ этихъ письмахъ, между сухими подробностями о передвиженіи войскъ, о характерѣ мѣстности, о значеніи того или другаго марша, или стоянія въ цѣляхъ боевыхъ задачъ, то тамъ, то здѣсь, словно прѣтущіе оазисы въ песчаной пустынѣ, попадались сценки, типы, анекдоты, взятые изъ жизни, вѣрно схваченные и весьма граціозно поставленные. Къ числу именно такихъ молодыхъ и свѣжихъ дарованій слѣдуетъ отнести и г. А. Маслова, автора только что вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ фельетоновъ о завоеваніи Ахаль-Теке, по частямъ помѣщавшихся въ газетѣ „Новое Время“, подъ заглавіемъ „Писемъ изъ Закаспійскаго Края“. Читатели „Историческаго Вѣстника“ имѣли случай познакомиться съ нѣкоторыми отрывками изъ фельетоновъ А. Маслова въ статьѣ о завоеваніи Ахаль-Текинскаго оазиса, напечатанной въ прошломъ году. Такъ, напримѣръ, тамъ было приведено превосходное по ярости описаніе выхода Скобелева къ осаждавшимъ и утомленнымъ ночными вылазками и работами войскамъ его отряда. Здѣсь же мы скажемъ, что такихъ сценокъ въ книгѣ г. Маслова довольно много и всѣ онѣ одинаково ярко и красиво написаны. Къ числу именно такихъ прекрасныхъ страницъ книги г. Маслова принадлежитъ, напримѣръ, цѣлая глава— „Лагерь послѣ побѣды“, гдѣ великолѣпно описанъ фантастическій беспорядокъ и какое-то полусознательное опьянѣніе массъ людей, только что почувствовавшихъ освобожденіе отъ долго давившей ихъ смертельной опасности. Попадаютъ тутъ и забавныя сцены; вотъ какъ одну изъ нихъ, напримѣръ, описываетъ авторъ:

„Какой-то старшій персъ съ двумя другими, помоложе, даже еще не снявъ какъ слѣдуетъ цѣней съ своихъ ногъ, поймалъ поскорѣе двухъ ишаковъ и какого-то обгѣзлаго верблюда и до того ихъ навьючилъ коврами и всякой всячиной, что подъ массой груза отъ верблюда были только видны ноги и голова, а отъ ишаковъ даже ничего не было видно. Въ такомъ только видѣ онъ рѣшился отступить изъ крѣпости, но у воротъ былъ задержанъ карауломъ.

— Ты это что? сказала ротный командиръ.— Мало тебѣ, подлецу, что тебѣ свободу дали, да и жизнь сохранили.. Ибрагимовъ!

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ VII.

— Чего изволите?

— Переведи ему это... Мало тебѣ, подлецу? Дай ему въ шею! Свалить все это... Бери, братцы, кому требуется... Мало тебѣ? Дай, дай ему еще разъ! переведи ему это... А теперь—вонъ изъ крѣпости, ноганный кизилбашъ.

„Такъ и ушелъ бѣдный старецъ ни съ чѣмъ, сохраняя воспоминаніе о русскихъ подзатыльникахъ“.

Литературныя достоинства корреспонденціи г. Маслова не составляютъ ихъ единственныхъ достоинствъ. Напротивъ—фактической и описательной частямъ экспедиціи, въ ея серьезныхъ сторонахъ, въ этихъ корреспонденціяхъ отведено главное мѣсто, почему онѣ не должны быть забыты тѣми, кто пожелаетъ составить себѣ полное поватіе о небольшомъ, но яркомъ подвигѣ русскаго войска при завоеваніи Текинскаго оазиса. Слѣдуетъ еще замѣтить, что г. Масловъ крайне добросовѣстенъ въ своихъ описаніяхъ, касаясь только дѣйствительно видѣннаго и слышаннаго имъ лично; причемъ, человѣкъ уже не въ-первыя посѣтившій загадочныя закаспійскія степи, хорошо къ нимъ приглядѣвшійся еще въ Хивинскій походъ, онъ лучше другихъ корреспондентовъ умѣетъ придавать своимъ описаніямъ и пейзажамъ мѣстный колоритъ и сохранять мѣстныя краски.

В. П.

Достоверные портреты московскихъ государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій. С.-Петербургъ. 1882 г., въ большой листъ, съ 45 рисунками.

Д. А. Ровинскій подарилъ любителей и изслѣдователей русской старины новымъ замѣчательнымъ и драгоценнымъ изданіемъ, заглавіе котораго выписано выше.

Въ предисловіи къ этому изданію, авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ портретнаго искусства въ Россіи до XVI вѣка и перечисляетъ древнѣйшіе памятники этого разряда, которые, по его замѣчанію, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ чисто фантастическія измышленія, не имѣющія ни художественнаго, ни археологическаго интереса.

„Только со второй половиной XVII вѣка“, говоритъ авторъ, „стала образовываться у насъ живописная школа. Почти каждый годъ пріѣзжали въ Россію иноземные художники—, послужить царю своею работинкою“. Въ числѣ ихъ находились и живописцы. Но все это были мастера совершенно неизвѣстные въ Европѣ и весьма плохіе знатоки своего дѣла. По крайней мѣрѣ, мнѣ не случалось до сихъ поръ видѣть ни одного сколько нибудь сноснаго портрета за это время, а тѣмъ болѣе за XV и XVI столѣтія. Къ счастью, до насъ дошли записки иноземныхъ пословъ и путешественниковъ, пріѣзжавшихъ издавна въ Россію по должности и изъ любопытства; многіе изъ этихъ иноземцевъ приложили къ своимъ запискамъ портреты царей и частныхъ лицъ, а также и цѣлыя серіи рисунковъ, чрезвычайно важныхъ въ этнографическомъ отношеніи, по части народнаго быта и костюма.

„Кромѣ того, ужъ въ XVI вѣкѣ, когда Россія стала входить мало-по-малу въ европейскую семью, западные писатели начали интересоваться всѣмъ, что въ ней дѣлалось, и издавать о ней цѣлыя книги съ такими же бытовыми кар-

тинками и портретами. Эти-то записки путешественников и пословъ и книги о Россіи, напечатанныя на Западѣ, составляютъ чрезвычайно драгоценный и почти единственный матеріалъ по части иконографіи за старое время“.

Изъ этихъ матеріаловъ и заимствованы всѣ картинки настоящаго изданія. Первымъ помѣщенъ въ немъ чрезвычайно любопытный портретъ царя Ивана III, скопированный изъ космографіи путешественника Тева (1502—1590), который получилъ его отъ одного галатскаго грека. „Древность рисунка, типичность лица, представленнаго на немъ, оригинальность наряда, а также время и обстоятельство, при которыхъ онъ былъ переданъ Теве, говорятъ за его подлинность, а громкое имя Теве, заслужившаго общее уваженіе своими учеными трудами, и отсутствіе всякихъ причинъ и выгодъ для обмана,—устраиваютъ всякій поводъ сомнѣваться въ достовѣрности сообщенныхъ имъ извѣстій. Къ тому же мы знаемъ, что папа Павелъ II прислалъ Ивану III портретъ его невѣсты, царевны Софьи,—нѣтъ сомнѣнія, что и сама Софья пожелала имѣть понятіе о личности будущаго супруга, и что для нея былъ сдѣланъ портретъ Ивана III однимъ изъ ея греческихъ посланцевъ. Съ такого портрета могъ быть сдѣланъ и приложенный подъ № 1-мъ карандашный рисунокъ („le sceon“), который былъ подаренъ географу Теве“.

Портреты великаго князя Василія Ивановича представлены въ изданіи въ двухъ разныхъ типахъ: одинъ изъ нихъ профильный, другой — прямоличный.

Профильный, награвированный извѣстнымъ нѣмецкимъ мастеромъ Гиршфогелемъ и помѣщенный при первомъ изданіи „Записокъ“ барона Герберштейна о Россіи, долженъ быть причисленъ къ портретамъ вполне достовѣрнымъ. Герберштейнъ два раза пріѣзжалъ въ качествѣ посла въ Москву; онъ говорилъ по-славянски и потому пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя Василія Ивановича, который часто бралъ его съ собою на охоту и обращался съ нимъ почти запросто. Ему, конечно, не трудно было сдѣлать набросокъ для портрета съ натуры и позаботиться о полномъ его сходствѣ съ оригиналомъ.

Другой типъ портрета великаго князя Василія Ивановича, прямоличный и еще болѣе замѣчательный по характерности лица великаго князя и вѣрности его наряда, помѣщенъ въ музей Павла Іовія. Въ достовѣрности этого портрета сомнѣваться тоже нѣтъ основаній, такъ какъ Павелъ Іовій рассказываетъ, что онъ самъ видѣлъ портретъ великаго князя Василія у толмача Дмитрія Герасимова; конечно, онъ озаботился срисовать съ него копию для своего изданія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ не могло ему представиться никакого затрудненія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ два достовѣрные портрета великаго князя Василія Ивановича.

Относительно портретовъ его сына, царя Ивана IV Грознаго, мы не такъ счастливы, такъ какъ ни одинъ изъ современныхъ ему портретовъ, гравированныхъ за-границею, не имѣетъ за собой тѣхъ признаковъ достовѣрности, которыми отличаются портреты великаго князя Василія въ образахъ Гиршфогеля и Іовія; западные писатели постоянно сличивали портретъ Ивана IV съ портретами отца его, великаго князя Василія Ивановича, такъ что портреты этого послѣдняго обоихъ типовъ, какъ профильные, такъ и прямоличные, помѣщены во многихъ книгахъ какъ портреты Ивана Васильевича и помѣчены его именемъ.

Кромѣ этихъ поддѣльныхъ портретовъ, въ изданіи помѣщены два оригинальные портрета Ивана IV,—одинъ профильный, гравированный на деревѣ

современнымъ ему граверомъ Вейтелемъ (№ 16) и нѣсколько напоминающій профильные портреты великаго князя Василя Ивановича, и другой—прямолинейный, находящійся въ вѣнской императорской библиотекѣ (№ 19).

Всгдъ за портретами трехъ старѣйшихъ московскихъ государей, въ изданіи г. Ровинскаго приложены снимки съ древнѣйшихъ иностранныхъ гравюръ, относящихся къ ихъ времени. Изъ нихъ первыя двѣ представляютъ Ферраро-Флорентинскій соборъ (1438—1489), на который ходилъ нашъ митрополитъ Исидоръ и который былъ собранъ для невозможнаго примиренія православія съ католицизмомъ. Въ описаніи картинокъ помѣщены краткія свѣдѣнія объ этомъ курьезномъ соборѣ.

Слѣдующія восемь картинокъ представляютъ германскаго посла, барона Герберштейна, въ русскомъ нарядѣ разнаго покроя и въ собольей шубѣ, пожалованной ему великимъ княземъ Василюмъ Ивановичемъ; гербъ барона Герберштейна, съ изображеніемъ на немъ великаго князя московскаго, образъ русскаго вооруженія, русской одежды, русскихъ ратниковъ и русской ѣзды на санахъ; всѣ онѣ скопированы съ рѣдчайшаго 1-го изданія „Путешествія Герберштейна“.

Четыре картинки скопированы изъ „Weiss Kunig'a“, рѣдной книги о дѣяніяхъ императора Максимилиана I; онѣ изображаютъ приемъ при дворѣ Максимилиана нашихъ пословъ Племянникова и Истома, и засѣданіе имперскаго совѣта, совмѣстно съ послами разныхъ странъ.

Изъ временъ Ивана Грознаго приложено тоже два посольства: одно— боярина Колчова, который былъ посланъ въ 1567 году на съѣздъ въ Гродно, и другое—ки. Сугорскаго, къ Максимилиану II—копія съ единственнаго известнаго экземпляра, находящагося въ висбаденскомъ городскомъ музеѣ; оба выполнены съ необыкновенною точностью и, безъ преувеличенія, могутъ вполне замѣнить оригиналы⁴⁾.

Мы еще вернемся къ прекрасному изданію г. Ровинскаго (отпечатанному всего въ количествѣ 125 экземпляровъ), такъ какъ имѣемъ въ виду воспроизвести нѣкоторые изъ приложенныхъ къ нему портретовъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

С. III.

Макарій, митрополитъ всероссійскій. Н. Лебедева. Москва. 1881 года.

Митрополитъ Макарій не принадлежитъ къ числу политическихъ дѣятелей XVI вѣка. Слабость характера помѣшала ему играть сколько нибудь видную политическую роль въ бурное время царствованія Іоанна IV, и другіе дѣятели совершенно заслоняли его собою. Но та же слабость характера была причиною того, что Макарій удержался на митрополичьемъ престолѣ и при паденіи Шуйскихъ, которые доставили ему митрополию, и при паденіи Сильвестра и Адашева, вмѣстѣ съ которыми онъ засѣдалъ въ „избранной радѣ“.

⁴⁾ Посольство Колчова исполнено посредствомъ гелиографии въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, по способу Скамони, на двухъ огромныхъ мѣдныхъ доскахъ (22½ вершка длины). Посольство Сугорскаго скопировано на мѣстѣ въ Висбаденѣ и раскрашено отъ руки (33 вершка длины).

При жизни своей онъ сумѣлъ угодить всѣмъ: грозный царь всегда съ любовью и уваженіемъ говоритъ о своемъ отцѣ-митрополитѣ; іосифлянинъ Θεодосій, сперва хутинскій игумень, потомъ новгородскій архіепископъ, превозноситъ его похвалами; кн. Курбскій, ненавидѣвшій іосифлянъ, не рѣшается рѣзко выразиться о Макаріи. Но онъ былъ забытъ, лишь только умеръ; и несмотря на близость Макарія съ литературными дѣятелями того времени, не нашлось человека, который позаботился бы подробно описать его жизнь.

Не имѣя значенія какъ политической дѣятель, Макарій занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашей церкви и литературы. По его иниціативѣ собираются одинъ за другимъ соборы русскихъ святителей для обсужденія такихъ важныхъ предметовъ, какъ канонизація святыхъ, народное образованіе, возвышеніе народной нравственности и т. п. Онъ лично, не щади ни трудовъ, ни казны, собираетъ матеріалъ для огромнаго сборника, который долженъ выѣхать въ существовавшія въ древней Руси книги; подъ его руководствомъ составляется „Степенная Книга“, первая попытка обработки русской исторіи, и дѣлается сводъ каноническихъ правилъ—такъ называемая „Сводная Коричая“. Ближайшее потомство не воздало Макарію по его заслугамъ; большою московскій соборъ 1667 года обвинилъ его въ „простотѣ и невѣжествѣ“; современные ученые историки русской церкви не могутъ забыть о двоеперстии и о сугубой аїклузіи, которыя при Макаріи на Стоглавомъ соборѣ были возведены на степенъ догматовъ; историки литературы до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія на Макаріевы „Четивъ-Миней“, и изданіе этого громаднаго сборника, начатое только въ наши дни, и не отличается достаточною исправностію, и слыхомъ медленно подвигается впередъ.

Трудъ г. Лебедева, печатавшійся втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ московскихъ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ и теперь вышедшій отдѣльными оттисками, не богатъ достоинствами; онъ не отличается ни строгою критикою матеріала, ни даже обстоятельностью. Авторъ начинаетъ съ общей характеристикѣ Макарія и его времени, потомъ переходитъ къ его біографіи, излагаетъ дѣятельность московскихъ соборовъ, произведшихъ канонизацію русскихъ святыхъ, дѣло Артемія, отношенія Макарія къ Максиму Греку и, наконецъ, дѣлаетъ обзоръ его литературныхъ трудовъ. О Стоглавомъ соборѣ г. Лебедевъ не говоритъ ни одного слова, точно такъ же, какъ и объ устройствѣ въ Москвѣ типографіи, тѣсно связанномъ съ постановленіями этого собора; онъ только вскользь упоминаетъ о „Степенной Книгѣ“ и о „Сводной Коричей“; въ обзорѣ Макарьевыхъ Четивъ-Миней онъ не указываетъ ни на отношеніе ихъ къ Минеямъ, существовавшимъ до Макарія, ни на отношеніе ихъ къ составленнымъ послѣ Макарія Минеямъ Тулупова и Милютина, ни даже на отличіе новгородскаго списка Миней отъ списковъ московскихъ. Такимъ образомъ, авторомъ опущено именно то, на что онъ долженъ бы былъ обратить особенное вниманіе. Кроме того, сочиненіе г. Лебедева не свободно и отъ ошибокъ: на стр. 12 о Макаріи говорится, что онъ образовалъ цѣлую школу писателей житій, между тѣмъ какъ Макарій только утвердилъ господство установившейся до него агиографической школы; на стр. 14-й авторъ упрекаетъ Макарія за то, что нѣкоторые изъ житій святыхъ, при немъ написанныхъ и подлежавшихъ его цензурѣ, отличаются „простотою и невѣжествомъ“, и при этомъ заявляетъ, что, говоря это, онъ имѣетъ въ виду догматическую сторону житія Евфросина Псковскаго; но это житіе написано въ самомъ началѣ XVI вѣка, если не въ концѣ XV, слѣдовательно,—

до Макарія, и при немъ получило только новую редакцію, такъ что уже по одному этому (оставляемъ другія причины въ сторонѣ) нельзя упрекать Макарія за догматическую (!) сторону этого житія; на стр. 40-й взглядъ Іосифа Волоцкаго на владѣніе монастырей недвижимымъ имуществомъ называется реформаторскимъ, тогда кава онъ былъ строго консервативнымъ, и проч.

А. С—скій.

Родная старина. Отечественная исторія въ разказахъ и картинкахъ съ IX по XIV столѣт. Томъ II-й съ XIV по XVII столѣт. Составилъ В. Д. Сиповскій въ помощь учащимся. Спб. 1881 г.

Вопросъ о томъ, какимъ значеніемъ должны пользоваться въ учебномъ курсѣ родной языкъ, отечественная исторія и географія, не можетъ подлежать ни малѣйшему спору, т. е. нельзя предполагать, чтобы нашелся хотя одинъ педагогъ, способный доказывать, что упомянутымъ предметамъ должно быть отведено второстепенное мѣсто въ дѣлѣ обученія юношества. Почему у насъ, въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, при графѣ Толстомъ, взглянули на этотъ вопросъ совершенно съ другой точки зрѣнія, — мы разрѣшать не беремъ: мало ли какія явленія бывають на свѣтѣ; не беремъ тѣмъ болѣе, что наша задача заключается не въ разсмотрѣніи дѣятельности минувшаго народнаго просвѣщенія, а въ разсмотрѣніи достоинствъ и недостатковъ книги, поставленной нами въ заголовкѣ, слѣдовательно, задача наша очень скромная. Повторяемъ, что есть педагогическіе вопросы, не подлежащіе спору и ясны, какъ Божій день, не требующіе разбирательства. Значеніе въ системѣ учебнаго курса предметовъ, относящихся къ ознакомленію въ различныхъ отношеніяхъ съ родной землей, на нѣсколько процентовъ увеличивается въ молодомъ обществѣ, въ подтвержденіе чего можно высказать многое.

Въ западныхъ государствахъ, начавшихъ свою историческую жизнь прежде насъ, не существуетъ страшной пропасти въ образованіи между интеллигентными классами и собственно народомъ. Тамъ, помимо школы, сама историческая жизнь сложилась такимъ образомъ, что народная масса приобрѣла много знаній, которыя въ пониманіи вопросовъ политическихъ, социальныхъ и другихъ, приблизили ее къ классамъ среднему и высшему. Условія развитія исторической жизни нашей народной массы совершенно другія; они дали результатъ обратный: народъ остался въ состояніи косности, со своими вѣрованіями, преданіями, убѣжденіями, даже съ своимъ языкомъ, отдѣлившись каменной стѣной отъ остальныхъ своихъ согражданъ. Вотъ причина, и одна изъ самыхъ важнѣйшихъ, необходимости ознакомленія учащейся молодежи со всѣмъ тѣмъ, что открываетъ путь къ изученію народа, т. е. съ родной исторіею, этнографіею, роднымъ языкомъ и литературой. При преподаваніи всѣхъ этихъ предметовъ, характеристика свойствъ народа, особенностей его природы духовной, должна выступать какъ нельзя болѣе ярко. Иначе немислимо вліяніе интеллигентной части общества на массу не интеллигентную. Иначе тотъ, кто служить народу, долженъ отказаться отъ мысли быть ему полезнымъ. Мы не будемъ брать примѣровъ, — которыхъ не мало, — доказывающихъ печальныя послѣдствія полнаго непониманія условій жизни и природы народа людьми, желающими быть ему полезными. Нерѣдко въ исторіи нашихъ крестьянскихъ возмущеній дѣло разыгрывалось самымъ печальнымъ для крестьянъ образомъ только потому, что лица, обязанныя разъяснить имъ существо дѣла, не умѣли

говорить съ ними на языкѣ для нихъ понятномъ и не умѣли усвоить крестьянской логики и воззрѣній на дѣло.

Безъ любви къ отчизнѣ нельзя быть и полезнымъ ей. Высокая же, достойная образованнаго человѣка, любовь къ отчизнѣ заключается прежде всего во всестороннемъ знаніи ея. Знаніе своего роднаго немислимо, если въ дальнѣйшей жизни, когда младенецъ переходитъ въ ребенка, родной языкъ не есть единственный языкъ его бесѣды.

Должно также помнить, что насколько люди образуютъ языкъ, настолько языкъ образуетъ людей. Успѣхъ преподаванія родныхъ предметовъ возможенъ лишь при томъ условіи, если въ самомъ учителѣ тлѣетъ божественная искра любви къ своему родному. Наставникъ или воспитатель, который хотя одну горную цѣпь или измѣненіе теченія рѣчки родной земли опишетъ дѣтямъ живыми красками и съ чувствомъ, сдѣлаетъ для нашей цѣли (т. е. для дѣла воспитанія любви къ родному) несравненно болѣе, чѣмъ тотъ, который дастъ описаніе цѣлаго края, но сухое, мертвое.

Чѣмъ меньше дѣти, тѣмъ большей теплоты требуютъ бесѣды съ ними. Знаніе отчизны заключается въ знаніи истиннаго духа народа, который, т. е. духъ, посредствомъ любви и теплаго сочувствія отдѣльныхъ личностей, связываетъ не только одно самостоятельное племя, но даже различныя отрасли одного и того же племени.

Знаніе духа народа достигается изученіемъ исторіи народа. Но это не должна быть исторія вымысловъ и геройскихъ сказочныхъ подвиговъ, которыхъ мы, напримѣръ, немало встрѣчаемъ въ исторіи римлянъ; не должна быть голая, сухая хроника событій; нѣтъ, передавая юношамъ истины исторіи, мы прежде всего должны помнить, что только то описаніе судебъ извѣстнаго народа въ силахъ дать толчекъ къ возрожденію въ ребенкѣ чувства любви къ отечеству, которое полно душевной теплоты, правдиво, безпристрастно, которое не есть лишь одинъ хвалебный гимнъ доблестямъ народа, безъ малѣйшаго упоминанія о присутствующихъ ему недостаткахъ, столь свойственныхъ какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлымъ народностямъ.

Толковый учитель исторіи не минуетъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, пословицъ, поговорокъ, сказаній, легендъ, сказокъ, изъ которыхъ только и познается духъ народа, а слѣдовательно, является и знаніе народа.

Въ видахъ развитія въ юношахъ чувства любви къ отечеству, понимающей свое дѣло учитель даетъ особенное значеніе, при своихъ объясненіяхъ ученикамъ, тѣмъ тяжелымъ событіямъ въ нашей исторіи, въ которыхъ во всемъ величій проявляется духъ народа: таковы битвы съ татарами, эпоха смутнаго времени, 12-й годъ и другія знаменательныя событія. Съ особенной любовью останавливается учитель на тѣхъ свѣтлыхъ историческихъ дѣятеляхъ, которые всю свою жизнь доказали, что любили отечество не на словахъ, а на дѣлѣ: таковы въ нашей исторіи митрополитъ Филиппъ, не боавшійся предъ царемъ Грознымъ печаловаться за опальныхъ и невинно страдавшихъ, не побоявшійся отказать царю въ благословеніи, когда овъ шелъ громить ни въ чемъ неповинный Новгородъ; архимандритъ Діонисій, патриархъ Гермогенъ, служившіе Россіи въ годину тяжкихъ испытаній—въ Смутное время, или Лихолѣтѣе. Послѣдній умираетъ въ тюрьмѣ смертью истиннаго патриота, отказавшаго полякамъ въ согласіи подписать грамоты о распушеніи земскаго ополченія, шедшаго на спасеніе Россіи. Подвигъ великій, достойный честнаго гражданина. Говоритъ учитель о подвигѣ дворянина Ржевскаго, который, будучи личнымъ

врагомъ Ляпунова, бросается подъ казачкія сабли, чтобы спасти послѣдняго, ибо воплѣ сознавалъ, что изъ всѣхъ начальниковъ ополченія только Ляпуновъ честно относился къ своей задачѣ и былъ надеждой родной земли. Не успѣвъ спасти Ляпунова, онъ падаетъ подъ ударами казаковъ. Нижегородское движеніе,—Мининъ и князь Пожарскій. Какое чудное, полное великой любви къ отечеству народное движеніе! Князья и цари русской земли, доказавшіе свою любовь къ ней. Умѣйте объяснить юношамъ личность Петра, какъ перваго слуги своей земли, неустаннаго ея работника; умѣйте объяснить, что только при глубокомъ чувствѣ любви къ родной землѣ и возможно было такъ энергично, такъ страстно идти къ завѣтной цѣли.

Мы не коснемся вопроса о непостижимой храбрости, выносливости нашего войска въ послѣднюю войну. Какой другой народъ, въ мірѣ представить подобное терпѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ подобную способность мириться съ обстоятельствами, съ которыми, кажется, нѣтъ силъ помириться. А если къ такимъ качествамъ природы русскаго человека присоединить способность относиться даже къ своему безысходно печальному положенію, съ легкимъ, удивительно простодушнымъ юморомъ, то волей-неволей съ горячимъ чувствомъ любви вспомнимъ о нашемъ народѣ. Шибка, Плевна, Балканы, должны войти въ рассказы и бесѣды съ дѣтьми и юношами, которые у народа должны учиться скромности, отъ народа должны познать, что, совершая великіе подвиги самопожертвованія, во имя любви къ отечеству, исполняемъ только свой священный долгъ.

Да, великъ тотъ народъ, который до такой степени просто, безъ всякой малѣйшей мысли о своихъ доблестяхъ, относится къ подвигамъ, поражающимъ своимъ величіемъ! Какъ имъ, люди интеллигенціи, далеки въ этомъ случаѣ отъ нашего неграмотнаго, неученнаго люда! Повторяемъ, что любить отчизну—значитъ знать ее; знаніе же родной земли возможно лишь, какъ мы сказали, при знаніи исторіи и языка ея, опредѣляющихъ духъ народа.

Биографіи замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, особенно вышедшихъ изъ народа, должны входить въ курсъ исторіи и литературы. Изъ жизни честныхъ людей юноша учится быть честнымъ. Если юность любитъ и чтитъ великіе и благородные умы страны, то она будетъ любить и землю, которая ихъ произвела, питала и сдѣлала великими. Чѣмъ болѣе юность знакомится со своимъ родимымъ, тѣмъ большее ручательство является, что она будетъ далеко отъ бессмысленныхъ мечтательныхъ утопій по отношенію къ народу. Составители учебныхъ курсовъ и программъ должны имѣть въ виду это наше замѣчаніе.

Вотъ основанія, на которыхъ, по нашему крайнему разумѣнію, должна быть составлена книга, назначенная въ помощь учащимся русской исторіи, каковую цѣль и имѣлъ г. Сиповскій. Въ своемъ предисловіи, объясняя причины, побудившія его составить упомянутую книгу, г. Сиповскій говоритъ, „что учебники исторіи, даже наилучшіе, представляютъ, по самой сущности своей, сжатое и сухое изложеніе фактовъ, усвоить которые надо памятью. Объясненія учителя касаются смысла фактовъ, значенія ихъ, причинной связи между ними и пр., и дѣйствуютъ по преимуществу на разсудочную способность“. „Воображенію и чувству учащихся уроки исторіи, особенно отечественной, даютъ обыкновенно слишкомъ мало нища. А между тѣмъ—продолжаетъ авторъ—отечественная исторія и словесность считаются краеугольными камнями національнаго воспитанія. И дѣйствительно, тотъ изъ образованныхъ людей можетъ понимать свой народъ—не говоримъ уже жить однимъ сердцемъ съ нимъ—кто хорошо знаетъ

пережитое и передуманное имъ. Школа—продолжаетъ г. Сиповскій—если она хотя сколько нибудь претендуетъ на національное воспитаніе, должна въ своихъ питомцахъ возбуждать интересъ къ отечественной исторіи и давать имъ навыки къ чтенію научныхъ историческихъ сочиненій“.

Изъ приведенныхъ нами словъ автора „Родной старини“ ясно видно, что мы сходимся въ своихъ воззрѣніяхъ на дѣло обученія отечественной исторіи, языка и словесности и даемъ имъ одинаковое значеніе въ воспитательномъ вліяніи на юное поколѣніе.

Книга почтеннаго автора представляетъ оригинальное явленіе въ томъ отношеніи, что опредѣленіе ея достоинствъ какъ нельзя болѣе трудно уловимо. Въ книгѣ г. Сиповскаго все такъ гладко, ровно, до извѣстной степени однообразно, не художественно, что съ трудомъ отдаешь себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, ею производимомъ. Изложеніе, дѣйствительно, простое, правильное; видно, что съ этой стороны было употреблено много труда, хотя возможно, что такая обработка языка стѣсняла свободный ходъ мысли автора и лишала его возможности дать просторъ своему чувству, вслѣдствіе чего книга не возбуждаетъ чувства и воображенія читателей, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ картинности въ образахъ и сценахъ. Впечатлѣніе, порождаемое чтеніемъ разсматриваемой нами книги, таково: кажется, что прочиталъ очень нескучный учебникъ, какихъ дай Богъ больше, но не книгу живо и художественно написанную, что собственно авторъ и имѣлъ въ виду.

Очень возможно, что мы встрѣтимъ такое возраженіе: „не представляется ни малѣйшей необходимости говорить чувству читателей тамъ, гдѣ сами за себя говорятъ дѣйствія лицъ и событія“.

На подобное замѣчаніе отвѣчаемъ, что душа ребенка и юноши дѣйствуетъ по законамъ только ей свойственнымъ, законамъ довольно своеобразнымъ, которые требуютъ живыхъ образовъ, художественныхъ картинъ, теплыхъ, отъ сердца идущихъ словъ. Затѣмъ, другое важное условіе, которымъ нельзя пренебрегать при составленіи книги, подобной нами разсматриваемой, заключается въ томъ, чтобы читателямъ были предлагаемы объясненія и толкованія на замѣчательные факты и событія, тѣмъ и даются толчки дѣятельности вниманія дѣтей или юношей. Молодость безъ указаній, безъ помощи, анализируетъ съ величайшимъ трудомъ.

Таковыхъ толкованій мы почти не встрѣчаемъ въ трудѣ г. Сиповскаго. Читатели едва ли вынесутъ изъ нея пониманіе о тѣхъ или другихъ чертахъ русскаго народа, и именно потому, что авторъ не наталкиваетъ ихъ на серьезные размышленія, мало вліяетъ на чувство и воображеніе своихъ читателей. Напримѣръ, весь періодъ Лихолѣтья, по преимуществу замѣчательный проявленіемъ народныхъ душевныхъ свойствъ, обрисованъ такъ, что не видишь народа, какъ главнаго двигателя событій. Вопросъ величайшей важности, съ точки зрѣнія исторической, заключается въ томъ—почему замѣшался народъ въ это время Лихолѣтья? Не могъ онъ мутиться безъ причинъ. Вотъ эти-то причины и требуютъ особеннаго толкованія и объясненій, которыхъ, о чемъ мы замѣтили выше, у автора „Родной старини“ не приведено и которые необходимы именно въ книгѣ, издаваемой для юношества. Недавно какъ-то намъ случилось быть на урокѣ исторіи очень хорошаго преподавателя. Онъ, между прочимъ, нерѣдко останавливалъ учениковъ во время ихъ отвѣтовъ такими вопросами: „Скажите, какъ должно понимать это событіе? Изъ чего оно могло народиться?“ Или: „Объясните мнѣ значеніе протеста митрополита Филиппа царю Ивану Грозному?“ Немало было и другихъ подобнымъ вопросамъ. Замѣ-

чательно, что ученики, передававшие исторические факты, только при помощи наставника в силах были добраться до понимания значения их, важности которого многие из них и не подозревали.

Таким образом, слѣдует согласиться, что возбужденіе способностей ребенка къ дѣятельности, возбужденіе его вниманія къ извѣстнымъ вопросамъ или задачамъ—есть дѣло большой важности въ преподаваніи того или другаго предмета.

Затѣмъ, мы полагаемъ, что только при соблюденіи упомянутыхъ нами условій возможно воспитательное значеніе исторіи, какъ живой картины человѣческихъ стремленій, доблести, слабостей, страстей.

Мы признаемъ не только воспитательное значеніе исторіи, но полагаемъ, что здоровое школьное обученіе непременно должно стремиться къ тому, чтобы изъ всякаго предмета учебнаго курса взять воспитательнаго вліянія настолько, насколько этотъ предметъ можетъ дать.

Мы въ своей жизни встрѣчали педагоговъ, блистательно доказывавшихъ на самомъ дѣлѣ справедливость упомянутаго нашего взгляда. Въ нашей исторіи, какъ и въ исторіи всякаго государства, встрѣчается множество фактовъ, которыми хорошій преподаватель можетъ воспользоваться и повліять воспитательно на своихъ учениковъ. Могуущественно вліяніе живаго, сердечнаго слова учителя на юношу, воображеніе и чувство котораго необмыкновено скоро поддаются всякому сколько нибудь сильному вліянію, если въ наставникѣ или руководителѣ его есть сердечная теплота и увлеченіе всѣмъ добрымъ и прекраснымъ! Точно также могуущественно вліяніе и всякой книги, предназначенной для юношей, если авторъ живо, тепло, задушевно ведетъ съ ними бесѣду. Вотъ этой-то теплоты, этого-то увлеченія дѣяніями высоко-честныхъ личностей нашей исторіи, увлеченія самими событіями, мы и не видаемъ въ книгѣ г. Сиповскаго, что при всѣхъ замѣчательныхъ достоинствахъ труда автора, составляетъ очень замѣтный пробѣлъ. Мы пишемъ эту рецензію съ однимъ желаніемъ—высказать наши взгляды такъ, какъ они дѣйствительно сложились въ нашей душѣ. Справедливость или несправедливость ихъ отдаемъ на судъ читателей, знающихъ съ книгой, нами разсматриваемой. Богатѣйшій матеріалъ, какъ мы замѣтили выше, для познанія духа народнаго, заключается въ былинахъ, пѣсняхъ и историческихъ присловьяхъ. Можно смѣло сказать, что основательное и критическое толкованіе той или другой пѣсни, былинны, несравненно болѣе объяснитъ ученику, чѣмъ цѣлыя страницы курса исторіи! У г. Сиповскаго приведены, сколько помнимъ, не многіе отрывки изъ былинъ и пѣсенъ. До какой степени ними народныя историческія пѣсни заслуживаютъ вниманія, какъ лучшій элементъ для учебника отечественной исторіи, можетъ служить слѣдующая пѣсня, сложенная народомъ по случаю горькой судьбы царевны Ксеніи Борисовны:

Слachtetся малая птичка,
Бѣлая перелочка:
„Охти мнѣ, молодой, горевати,
Хотятъ смрой дубъ зажигати,
Мое гвѣздышко разорити,
Мои мила дѣти побити,
Меня перепелку поймати“.
Слachtetся на Москвѣ царевна:
Охти мнѣ молодой горевати,
Что идеть къ Москвѣ ямѣнникъ,
Гришка Отрепьевъ разстрига,
Что хочеть меня полонити,

А положишь меня, хочеть постричь,
 Чернеческій чинъ наложить!
 Инъ мнѣ постричься не хочется,
 Чернеческаго чина не сдержати;
 Отворена будетъ темна келья,
 На добрыхъ молодцевъ посмотри.
 Инъ ахъ милые ваши переходы,
 А кому будетъ вамъ да ходити
 Послѣ царскаго нашего жьтя
 И послѣ Бориса Годунова?
 Ахъ, милые наши теремы,
 А кому будетъ въ васъ да сидѣти
 Послѣ царскаго нашего жьтя
 И послѣ Бориса Годунова?

Пѣсня эта полна нѣжности и величайшей простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно передаетъ тоску и горе царевны Ксеніи! Важны достоинства пѣсни, но въ высшей степени важно то, что она даетъ учителю исторіи полную возможность объяснить ученикамъ достойныя величайшаго сочувствія великія душевныя свойства нашего народа, который, по необыкновенно сильно развитому въ немъ сочувствію ко всѣмъ человѣческимъ страданіямъ, глубоко созналъ все безысходное горе несчастной, ни въ чемъ неповинной страдальцы, какъ будто бы за грѣхи отца явившейся очистительной жертвой. Вотъ такія-то народныя черты и слѣдуетъ открывать юношеству, если хотимъ, чтобы оно, юношество, горячо полюбило народъ и желало бы слиться съ нимъ во-едино. Юность такъ отзывчива на все доброе и прекрасное. Полюбить что бы то ни было хорошее только и возможно въ юности.

Ксенія настолько пользовалась извѣстностью въ народѣ, что современники оставили намъ описаніе ея лица. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что „Ксенія имѣла большіе черные выразительные глаза, брови черныя, „союзныя“, лицо бѣлое и румяное; она была роста средняго, тѣломъ полна и точно облита молочной бѣлизной; ея густыя и черныя косы словно трубы лежали по плечамъ“. Особенно прелестной казалась она во время плача: „когда въ жалости слезы изъ очей испущала, тогда она особенно чудною блистала свѣтлостью“. Вышность ея и лицо выражали энергію и природныя богатства умственныя дарованія. Она имѣла прекрасный голосъ и весьма любила пѣніе. „Воистину во всѣхъ женахъ была благочиннѣйшая и писанію книжному искуснѣйшая; отличалась благородіемъ и во благихъ дѣлахъ была совершенна“. Вотъ эти-то благія дѣла и вспоминалъ народъ.

Въ заключеніе скажемъ, что мы съ истиннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ трудъ г. Сиповскаго вниманію публики, сохраняя убѣжденіе, что въ нашей педагогической литературѣ онъ составляетъ пріятное явленіе. Мы не выдаемъ своего мнѣнія за непогрѣшимое, но, во всякомъ случаѣ, высказали его искренно и по глубокому убѣжденію. Считаемъ необходимымъ не оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что г. Сиповскій приложилъ къ своему труду вполне удовлетворительно исполненные рисунки древняго русскаго оружія, одежды, утвари. Къ подобнымъ рисункамъ можно отнести только съ полнѣйшимъ сочувствіемъ: наглядность составляетъ дѣло величайшей важности въ системѣ обученія какимъ бы-то ни было предметамъ. Вышняя сторона изданія какъ нельзя болѣе удовлетворительна. Искренно слѣдуетъ благодарить г. Сиповскаго и за крупную печать, спасающую отъ страданія глаза дѣтей и юношей. Давно пора подумать серьезно объ этомъ вопросѣ.

И. В.—въ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Распоряженіе св. синода объ отобраніи у всѣхъ книги „Театронъ или позоръ гисторическій“, подъ угрозою лишенія „благословенія Вожія“.

ВЪ ЧИСЛѢ собранныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время богѣе или менѣе интересныхъ бумагъ, находится копія нижеслѣдующаго характернаго документа:

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ канцеляріи митрополін кievскія всесечстному протопопу полтавскому Евстафію Могилянскому. Въ указѣ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ святѣйшаго правительствующаго синода къ пресвященнѣйшему Тимоѣю, архіепископу, митрополиту кievскому, галицкому и Малыя Россіи архипастырю, настоящаго 1749 г. мая 19 присланномъ написано: „Сего 749 года марта 24, ея императорское величество соизволила повелѣть книги Театронъ гисторическій, всѣ у кого есть, ради находящихса съ ней многихъ святой православной восточной грековосточной церкви противностей и немало соблазновъ, собрать отовсюду въ святѣйшій синодъ, запечатавъ и о томъ куда слѣдуетъ послать съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ указа“. И во исполненіе онаго ея императорскаго величества указа святѣйшій правительствующій синодъ приказали: Къ синодальнымъ членамъ, въ епархіи къ архіереямъ, ставроп. лавры и монастырей къ настоятелямъ, послать указы, по которымъ архіереи въ своихъ епархіяхъ, архимандриту каждому и прочимъ по командамъ указани опубликовать съ таковымъ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, что вѣдомства какъ духовныя, такъ и свѣцкія, чтобъ они означенныя книги Театронъ или позоръ гисторическій, которая съ латинскаго языка на русскій переведена прожектомъ іеромонахомъ Гавріиломъ и въ Александроневскомъ монастырѣ напечатана въ 724 году, у кого оныя есть, пригласили (и) отдавали

(подробно росписано кому куда сдавать) безъ задержанія, подь опасеніемъ, если кто тѣ книги, имѣя у себя, не объявить, а послѣ въ томъ изболченъ будеть—духовнымъ лишеніе чиновъ своихъ, а свѣдѣмъ — неблагословеніе Божіе“.

Между тѣмъ, „Позоръ гисторической“, какъ извѣстно, никогда изъ обращенія не исчезалъ и даже не составлялъ и теперь не составляетъ большой библиографической рѣдкости. Духовенство, разумѣется, точно исполнило указъ, угрожавшій ему „лишеніемъ чиновъ“, но „свѣдѣкіе“, вѣроятно смолодушничали и не разстались съ книгою. Можетъ быть, они даже несовсѣмъ ясно понимали ужасныя послѣдствія, которыя навлекали на себя этимъ слушаніемъ. Иначе это пришлось бы объяснить одною отчаянною безпечностью. Отгнѣны подобнаго распоряженія насчетъ „лишенія благословенія Божія“ тѣхъ, кто имѣетъ у себя книгу „Феатронъ“, впрочемъ и до сихъ поръ не было объявлено; а потому дѣло это въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ другой важный историческій вопросъ, именно роковой вопросъ о клятвахъ 1660 года.

Сообщено Н. С. Дѣсковичъ.

Дьячекъ-сутяга.

Какъ извѣстно, нѣкоторые наши духовные съ особенною охотою занимались тяжбами въ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ, и въ этомъ случаѣ обнаруживали кромѣ энергіи, достойной лучшей дѣян, и нѣкоторое своеобразное авторское искусство. Въ общей массѣ сутягъ духовнаго сословія нѣрѣдко видныя роли играли и дьячки, несмотря на ихъ крайне слабую подготовку ко всякому писательству.

Къ числу такихъ оригинальныхъ дьячковыхъ, отчасти характеризующихъ прежній бытъ нашего духовенства, безспорно принадлежитъ нѣкто Иванъ Товицкій, затѣявшій въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія приказную ссору съ своимъ настоятелемъ, благочиннымъ и протоіереемъ Колансовскимъ. Дѣло происходило въ г. Кирсановѣ.

Дьячекъ Товицкій, по словамъ всѣхъ его сослуживцевъ и нѣкоторыхъ прихожанъ, былъ человекъ непоумѣрно гордый, нестерпимый по своему гордому духу и безумно заносчивый. Непомѣрную гордость свою онъ выражалъ, между прочимъ, въ томъ, что часто во время всеобщей звонилъ, когда ему вздумается, а не въ положенное по церковному уставу время, и кромѣ того держалъ себя самымъ непринужденнымъ образомъ съ старшими чинами причта, даже во время богослуженія. Протоіерей Колансовскій далъ знать о поступкахъ Товицкаго епархіальному архіерею, и въ сентябрѣ 1861 года, по порученію консисторіи, для производства слѣдствія въ г. Кирсановѣ пріѣхалъ священникъ Стандровскій.

Когда слѣдователь приступилъ къ дѣлу, дьячекъ сразу оборвалъ его слѣдующими словами: „Какой ты слѣдователь, законовъ не знаешь!“

Спасаясь отъ личныхъ объясненій съ Товицкимъ, священникъ Стандровскій потребовалъ отъ него письменныхъ отвѣтовъ, и вотъ что написалъ своему слѣдователю подсудимый. Конечно, мы будемъ приводить объясненія Товицкаго въ сокращеніи, останавливаясь на болѣе выдающихся мѣстахъ.

„Благочинный Колановскій жалобную книгу благочинія держитъ у себя въ дождѣ и пишетъ въ ней, что захочетъ, или по совѣту своей протопопицы, а протопопица къ клиру не принадлежитъ“.

„Движителями протопопскаго пера въ разсужденіи доносовъ на меня были не мои неисправности, а протопопская злоба. Посмотрите, о. слѣдователь, что благочинный пишетъ про меня: „Комаръ съ дуба свалился, и оттого великій громъ учинился. Между тѣмъ, о томъ, что корова въ болотѣ увязла (намекъ на благочиннаго), умалчиваетъ“.

„О. протопопъ говоритъ, что я не бывалъ въ церкви по лѣности. А почему ему извѣстна дѣйствительная причина моего небытія въ церкви? Спрашивалъ ли меня о семъ благочинный и давалъ ли я ему отвѣтъ: „по лѣности?“ Вѣроятно, онъ мало уважаетъ того, кто сказалъ: храни незлобіе и виждь правоту“.

„Протопопъ любитъ моего товарища, стараго дьячка, а онъ поетъ хриплымъ и отъ старости дребезжащимъ голосомъ. Пусть же старикъ передастъ свое мѣсто другому и тогда возрадуется душа его на ложѣ его“.

„Протопопъ пишетъ: дьячекъ Петръ Каменецкій обучилъ даромъ 500 мальчиковъ, и за это ищетъ ему награды. Да это неправда: дьячекъ получалъ съ родителей мальчиковъ по рублю въ мѣсяцъ. На кого же, послѣ того, благочинный походить? На то животное, которое по природѣ своей весьма неопытно и не любитъ почивать на чистой и свѣжей постелькѣ“.

„Жалуется благочинный, будто разъ я былъ пьяный въ церкви. Неправда. Можетъ быть, наблѣвшіе злобою протоіерейскіе глазки отразили такое впечатлѣніе. Сему не противорѣчу“.

„И повалилъ, будто бы, столъ въ церкви и произвелъ соблазнъ. Въ комъ? Развѣ въ томъ, кто всѣхъ насъ называетъ конницей и гриварями, ризы—рогожками, священнодѣйствія—шалостями. Радуюсь за протопопа, поздравляю его съ побѣдою!“

„Пустымъ и глупымъ человѣкомъ обзываетъ меня протопопъ. Позволительно дьячковской головѣ быть глупою. Но кто позволилъ быть глупымъ и пустымъ доносамъ изъ пренсполненной премудростью главы кирсановскаго протоіерея?“

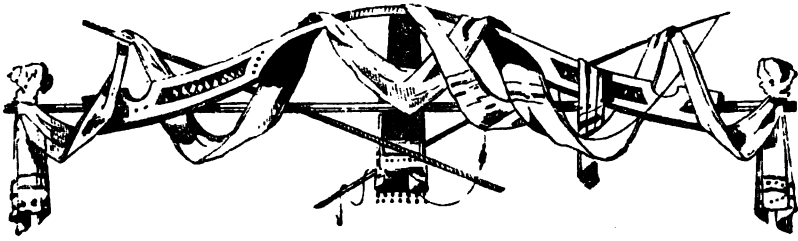
„И нерадивымъ аттестуетъ меня. О чемъ прикажете мнѣ радѣть, когда по службѣ я исправенъ?“

Въ заключеніе Товницкій пишетъ: „да что долго разговаривать—весь этотъ доносъ хоть брось“.

Краснорѣчивый кирсановскій дьячекъ за неодобрительное поведеніе отосланъ былъ на 3 мѣсяца въ Трегуляевъ монастырь, изъ котораго, впрочемъ, скоро убѣжалъ и явился къ архіерею просить новаго мѣста. Бѣглеца возвратили въ монастырь. Тогда за него вступился отецъ его, заштатный священникъ Гаврилъ Товницкій, и грозилъ пожаловаться на консисторію государю императору. „Я пресмыкаюсь по окнамъ чужихъ хижинъ, писалъ онъ, а вы сыну моему мѣста не даете“ ‘)...

Сообщено И. И. Дубасовымъ.

‘) „Арх. тамб. дух. консисторія“, № 110.

СМѢСЬ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ паникадило. Въ дѣлѣ реставраціи московскаго Успенскаго собора, о чемъ недавно сообщалось въ печати, обнаруживается новый фактъ, доказывающій, насколько губительно было для произведеній отечественнаго искусства презрительное къ нимъ отношеніе, практиковавшееся въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Успенскій соборъ гордился огромнымъ серебрянымъ, искусной работы, паникадиломъ, пожертвованнымъ въ XVII вѣкѣ бояриномъ Морозовымъ. Французскія войска, во время грабежа Москвы при Наполеонѣ, похитили паникадило и захватили его съ собою, какъ трофей. Горсти патриотовъ, послѣ многихъ попытокъ, наконецъ, удалось отбить паникадило и доставить его обратно въ соборъ, съ утратою лишь одной вѣтви. Синодъ отдалъ распоряженіе поправить паникадило и укрѣпить его на прежнемъ мѣстѣ. Но дѣло, за недостаткомъ средствъ, вѣскольکو затянулось. И вотъ, въ 1818 году, тогдашній оберъ-прокуроръ, министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, прислалъ бумагу, предписывающую слать старое паникадило и сдѣлать изъ него другое, по новому рисунку! Рѣдкость, спасенная народомъ отъ враговъ, все-таки погибла отъ руки русскаго министра народнаго просвѣщенія...

Модель царскаго дома въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Извѣстный московскій артистъ-модельщикъ Д. А. Смирновъ все прошлое лѣто, около шести мѣсяцевъ, работалъ неуспынно надъ изготовленіемъ модели царскаго дома въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ спасался отъ поляковъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и гдѣ, послѣ того, принялъ онъ избраніе народомъ на царство. Домъ этотъ замѣчательнъ, какъ одинъ изъ хорошихъ образцовъ старинной русскаго архитектуры. Г. Смирновъ воспроизвелъ его съ своимъ обычнымъ искусствомъ. Основаніе модели имѣетъ въ длину слишкѣмъ 2½ аршина и въ ширину около одного аршина. Кромѣ царскаго дома, сдѣлана параллельная ему часть монастырской стѣны и угловая башня. Вся модель, въ конструкціи и краскахъ, есть совершенно точное подражаніе оригиналу. Соблюдены всѣ детали, кирпичи, раскраска, иконы и т. п. Лицевая сторона дома отнимается, и можно видѣть внутреннее расположеніе палатъ, со сводами, кафельными печами и божницами. На одной изъ стѣнъ модели сдѣлана надпись, гласящая, что художникъ посвящаетъ свой трудъ государю императору, въ память его посѣщенія Ипатьевскаго монастыря прошлымъ лѣтомъ. 18-го ноября, г. Смирновъ удостоился лично поднести модель государю императору, въ Гатчинѣ, и слышать высочайшее одобреніе и благодарность. Работа была справедливо отбѣнена и

теперь г. Смирновъ получилъ награду въ 700 руб. Его прежній, гораздо болѣе сложный трудъ—реставрація бывшаго деревяннаго дворца царя Алексѣя Михайловича, въ селѣ Коломенскомъ—былъ изобрѣтенъ покойнымъ государемъ, Александромъ II, для московской оружейной палаты. Г. Смирновъ имѣетъ и другія высочайшія награды. Теперь онъ принялся за новую модель—ярославской церкви св. Иоанна Предтечи, что въ Толчковѣ, прекрасной замысловатой архитектуры XVII вѣка, изъ кирпича съ изразцами и съ 16 золотыми главами. Модель имѣетъ 1 $\frac{1}{2}$ аршина высоты. Если она будетъ готова къ маю, то появится въ ученномъ отдѣлѣ всероссійской выставки, вмѣстѣ съ другими, уже конченными трудомъ г. Смирнова—моделью московскаго храма Василія Блаженнаго и Спасской башни.

Коллежія г. Кельсіева для историческаго музея. „Голосъ“ сообщаетъ, что въ Москву прибываютъ собранія на побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей г. Кельсіевымъ для московскаго историческаго музея разныя древнія изваянія, озубждающія, при перевозѣ по улицамъ, вниманіе любопытныхъ. Такъ, доставлены изъ Пятигорска извѣстные памятники древности, хранившіеся тамъ въ саду, около елизаветинской галлерей—два огромные каменные креста съ разными изображеніями и двѣ человѣческія фигуры. Изъ одиннадцати каменныхъ бабъ въ городскомъ саду Новочеркаска три, наилучше сохранившіяся, также привезены въ Москву. Самые любопытные экземпляры, рѣдкостной сохранности и работы, приобрѣтены г. Кельсіевымъ, въ числѣ 13 штукъ, отъ бахмутскаго помѣщика, любителя древностей, г. Голубова. Они тоже прибыли въ Москву. Ожидаются также избранные экземпляры изъ Сибири. Вообще, историческій музей представить еще невиданное собраніе произведеній древнѣйшей языческой скульптуры, доказывающее, что это искусство было сильно развито у насъ прежде и исчезло лишь со введеніемъ христіанства. По ходатайству г. Кельсіева, предпринявшаго специальное изслѣдованіе о каменныхъ бабахъ, московское археологическое общество разсмываетъ нынѣ, черезъ посредство губернаторовъ, къ сельскимъ учителямъ и другимъ лицамъ въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Ставропольской, въ области: Донскую, Кубанскую и Терскую особыя программы. Та же газета сообщаетъ: „Послѣ тифлискаго съѣзда археологовъ и въ виду предстоящаго такого же съѣзда въ 1884 году въ Одессѣ, предсѣдатель съѣздовъ, графъ Уваровъ, пришелъ къ убѣжденію, что въ общихъ интересахъ науки археологій, а также для изощренія приѣмовъ изслѣдованія и усиленія средствъ для ученыхъ предпріятій, обществамъ и факультетамъ разныхъ городовъ, заинтересованнымъ въ успѣхахъ и развитіи археологій, полезно было бы соединить свои лучшія умственныя силы и денежныя средства для направленія тѣхъ и другихъ въ тѣ именно пункты, отъ изслѣдованія которыхъ можно ожидать наиболѣе плодотворныхъ результатовъ для науки. Мысль эта, при послѣдовательномъ ея развитіи, безъ сомнѣнія, можетъ привести къ централизаціи свободныхъ русскихъ ученыхъ силъ извѣстной специальности, и эти свободныя силы въ добровольномъ соединеніи между собою окажутся, конечно, дѣятельнѣе академіи, состоящихъ на казенномъ жалованьи. Первое приглашеніе въ этомъ смыслѣ отъ московскаго археологическаго общества къ петербургскому археологическому встрѣчено петербургскимъ сочувственно и, въ качествѣ первой задачи, предложена организація экспедиціи для обследованія и описанія кавказскихъ пещеръ, о нахожденіи которыхъ были получены особенно важныя свѣдѣнія во время тифлискаго конгресса. На Кавказѣ есть гроты, углубляющіеся внутрь горъ на цѣлыя версты и представляющіе большія многочисленныя залы и подземные озера и источники. Обо всемъ этомъ существуютъ пока свѣдѣнія весьма смутныя“.

стараясь казаться безпечнымъ, хотя въ душѣ былъ далеко не спокоенъ. Бумаги его всѣ пересмотрѣли съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ; но его не арестовали. Я должна даже прибавить, что со стороны нашей секціи не послѣдовало никакого притѣсненія; поражавшіе насъ удары всегда шли изъ болѣе высокихъ сферъ.

Вскорѣ послѣ этого къ намъ помѣстили на постой двухъ артиллерійскихъ солдатъ, которые находя помѣщеніе удобнымъ, поставили въ нашей большой кухнѣ, гдѣ они и спали, котелъ на 15-ть чловѣкъ своихъ товарищей, приходившихъ обѣдать вмѣстѣ съ ними. Наши два солдата вначалѣ были очень угрюмы и безпокойны, такъ какъ находились среди мятежниковъ; малѣйшая вещь внушала имъ подозрѣніе, точно какъ будто кто намѣревался покуситься на ихъ жизнь. Затѣмъ, вида, что аристократы оказывались порядочными людьми, они приручились и сдѣлались болѣе общительны; чтобы доказать это на дѣлѣ, они пригласили къ себѣ на обѣдъ нашу горничную Кантѣ и слугу Сень-Жана. Послѣдніе отвѣчали на эту любезность въ свою очередь приглашеніемъ. Сень-Жанъ, желая достойнымъ образомъ поподчивать гостей, принесъ бутылку отличнаго вина, которое впередъ очень расхваливалъ; онъ всѣмъ налилъ полные стаканы. Одинъ изъ приглашенныхъ, рассчитывая на хорошее вино, быстро выпиваетъ свой стаканъ и вдругъ вскрикиваетъ: „Я отравленъ!“ Это былъ самый бойкій изъ двухъ солдатъ. Другой, бывшій помирнѣе, тщетно старался успокоить товарища. „Меня вѣдь предупреждали—повторялъ тотъ,—что аристократы хотятъ насъ отравить.“ Между тѣмъ Сень-Жанъ самъ пробуетъ этотъ злосчастный напитокъ: то былъ довольно крѣпкій укусъ. Умный малый проглатываетъ самъ большой стаканъ мнимаго яда, рассыпается въ извиненіяхъ за ошибку и сейчасъ же приноситъ настоящую бутылку, которая скоро восстанавливаетъ между ними согласіе.

Со времени прибытія въ домъ этихъ двухъ солдатъ, отецъ мой тщательно укрывался отъ ихъ взоровъ, выходя изъ своей комнаты лишь въ тѣ часы, когда ихъ не было дома. Какъ-то случилось однако, что, несмотря на нашъ зоркій надзоръ, отецъ встрѣтился со старшимъ изъ двухъ солдатъ, съ которымъ онъ заговорилъ просто, какъ будто ему нечего было опасаться. Послѣ этого нѣсколько дней прошло довольно мирно, когда разъ вечеромъ, въ ту минуту, какъ наша служанка уходила изъ тегушкиной комнаты, чтобы лечь спать, — ей послышался легкій стукъ въ дверь; она прислушивается—ее кто-то зоветъ тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ. Она отперла дверь—это была служанка нашей сосѣдки. „Поскорѣ разбудите вашего барина, къ вамъ идутъ, чтобъ его арестовать; нельзя терять ни одной минуты. Внизу кто-то постучался; я выглянула въ окошко; ихъ тамъ много; они спросили, не здѣсь ли онъ живетъ; я имъ указала на другую дверь¹⁾“;

¹⁾ Въ домѣ, гдѣ мы жили, было двѣ двери съ однимъ и тѣмъ же номеромъ.

но вот они уже возвращаются.“ Отца будят; он вскакивает съ постели, бросается вонъ изъ комнаты, перебѣгаетъ чрезъ площадку лѣстницы; дверь г-жи де-Сулинье въ одно мгновение захлопнулась за нимъ; раздаются голоса: „Онъ бѣжитъ, запираютъ какую-то дверь!“ И въ самомъ дѣлѣ, отца отдѣляла отъ нихъ только одна дверь. Они бросаются на Кянтэ, которая вышла къ нимъ на встрѣчу со свѣтильникомъ въ рукѣ. „Гдѣ онъ? Здѣсь сейчасъ отворили дверь, кто-то ходилъ!“ — Да вѣдь нужно же было ходить, чтобъ отпереть дверь; кажется, во второмъ этажѣ вы стучали два раза? — „Намъ ужасно долго не отырали; во всякомъ случаѣ мы его найдемъ, потому что мы знаемъ, что онъ здѣсь!“ Дѣйствительно, они шли навѣрняка. Сенъ-Жанъ, человѣкъ неосторожный и болтливый, встрѣтился передъ этимъ со своими земляками изъ Мулена, пришедшими сюда съ революціонной парижской арміей, чтобы вмѣстѣ съ нею опустошить Лионъ, который тогда называли въ наказаніе за его возмущеніе Свободной коммуной (Commune affranchie)¹⁾. Когда его стали спрашивать про отца, Сенъ-Жанъ, у котораго по обыкновенію чesался языкъ, тутъ же все разболталъ и сказалъ, гдѣ отецъ живетъ.

Эта страшная ночь никогда не изгладится изъ моей памяти. Короткій промежутокъ времени между словами: „Спасайтесь!“ и входомъ комиссаровъ не оставилъ ни минуты на размышленіе. Я лежала на громадной кровати вмѣстѣ съ тетужкой. Кровать отца стояла на другомъ концѣ комнаты; мнѣ слѣдовало бы тотчасъ броситься на нее; этимъ мы избѣжали бы тысячи противорѣчій, очень опасныхъ для насъ. Но ни одна изъ насъ не подумала объ этомъ. Мы на-скоро спрятали вещи отца подъ себя, да и то едва успѣли. Они уже стояли передъ нами. „Гдѣ же онъ? Гдѣ онъ?“ восклицаютъ разомъ нѣсколько нетерпѣливыхъ голосовъ. — Кто? — „Жиръ дез-Ешероль.“ — Онъ уѣхалъ. — „Гдѣ его комната?“ — Здѣсь. — „Гдѣ онъ спитъ?“ — На этой кровати. — „Почему его постель измята?“ — Въ его отсутствіе на ней спитъ моя горничная, сказала тетужка; я боюсь оставаться одной. — „Это все очень хорошо сказано, но мы ничему не вѣримъ“. И, поставивъ часовыхъ у нашей двери, они продолжали свои поиски въ другихъ комнатахъ.

Они дошли до каморки, гдѣ жила наша служанка Кянтэ; ея постель не была измята, но была приготовлена, и одѣяло откинута, какъ обыкновенно дѣлается передъ тѣмъ, какъ ложиться. „Кто здѣсь помѣщается?“ — Я, отвѣчала она. — „Зачѣмъ эта постель приготовлена сегодня?“ Она привела какую то причину, которой они не удовольствовались и возвратились назадъ, въ злобѣ все повторяя: „мы его найдемъ.“ Они оставили насъ подъ надзоромъ часовыхъ, поставлен-

¹⁾ Конвентъ постановилъ послѣ взятія Лиона разрушить всѣ лучшія здавія въ немъ и вычеркнуть его названіе изъ списка городовъ Франціи.

ныхъ не только у двери нашей спальни, но и во всѣхъ другихъ комнатахъ нашей квартиры; потомъ удалились съ тѣмъ, чтобы продолжать поиски по всему дому. Одному Богу известно состояніе души моей, когда мы услышали, что они стучатся къ г-жѣ Сулинѣ; мы не знали въ ея квартирѣ ни одного угла, гдѣ можно было бы спрятаться. Намъ уже представлялось, что они возвращаются, влача вслѣдъ за собою отца. Нами овладѣла невыразимая тоска, отъ которой застывала кровь въ жилахъ и самая жизнь какъ бы приостанавливалась на время. Какъ безконечно долго и томительно было это ожиданіе! Но они возвратились безъ отца; о Боже! ты видѣлъ нашу благодарность.

Они были вѣ себя отъ этой неудачи, и гнѣвъ ихъ обрушился на Кантá и на жалкаго Сенъ-Жана, который сильно раскаявался въ своей болтовнѣ. Комиссары рѣшили, что оба слуги отправятся на ночь въ тюрьму. Бѣдные Канга и Сенъ-Жанъ, захвативъ съ собою ночные колпаки, готовы уже были идти, какъ вдругъ комиссары вспомнили о двухъ солдатахъ, которыхъ они видѣли спокойно спящими; они приостановились, чтобы отобрать показанія у этихъ храбрыхъ защитниковъ отечества. Тотъ, который не видалъ ни разу моего отца, повлялся честью истаго республиканца, что съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ этомъ домѣ, онъ не видалъ ни одного мужчины, кромѣ гражданина Мариньи (т. е. Сенъ-Жана, котораго не осмѣливались болѣе такъ называть). Товарищъ его смолчалъ и подписался подъ этимъ показаніемъ. Одно его слово могло погубить насъ. „Будьте благодарны этимъ добрымъ республиканцамъ,“ сказали комиссары нашимъ слугамъ; „можете оставаться здѣсь до новаго распоряженія.“ Съ этимъ они ушли, а наши слуги были въ восторгѣ отъ такого рѣшенія.

Мы пролежали до самаго утра неподвижно, боясь произнести слово, такъ какъ не знали, до какой степени за нами слѣдятъ. Едва показался свѣтъ настолько, что можно было различать предметы, какъ явилась горничная г-жи Сулинѣ за платьемъ отца; а когда наши солдаты ушли изъ дому, отецъ вернулся къ намъ. Онъ провелъ ночь въ маленькомъ чуланчикѣ, который заставили шкапомъ и по какому-то неслыханному счастью, среди глубокой ночной тьмы комиссары не замѣтили этого чуланчика, выходившаго во дворъ. Отецъ слышалъ, какъ они близъ него стучали и громко говорили, и былъ увѣренъ, что его отыщутъ. Ночь показалась ему очень длинной и холодной: онъ былъ совсѣмъ безъ платья (а это происходило въ концѣ октября 1793 года).

Мы встрѣтились съ радостнымъ чувствомъ людей, которые только-что избѣгли смерти, но все еще страдаютъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ нашими головами, могъ поразить насъ каждую минуту. Необходимо было рѣшиться на что нибудь; но это было очень трудно; большая часть нашихъ знакомыхъ были въ

такое же положеніи, какъ и мы сами. Каждый боялся за себя, и къ тому же каждый имѣлъ свои собственныя дѣла. Мы были увѣрены, что за малѣйшими нашими поступками будутъ зорко наблюдать, что будутъ слѣдить за каждымъ шагомъ тѣхъ, кто отъ насъ выходитъ; неосмотрительность слуги, который чуть не погубилъ всѣхъ насъ, не позволяла намъ болѣе довѣряться ему ни въ чемъ. Было рѣшено, что всѣ хлопоты и нужные переговоры о томъ, какъ устроить бѣгство отца, будутъ поручены мнѣ, такъ какъ мой возрастъ и дѣтскій видъ устраняли всякую мысль о томъ, чтобы мнѣ могли довѣрить что-либо важное. Тетушка моя своимъ выходомъ изъ дому непремѣнно привлекла бы вниманіе шпионовъ, которые бродили близъ нашего дома большую часть дня.

Итакъ, я отправилась къ г-жѣ Турнуэръ, той самой, которая разъ являлась къ намъ среди ночи, чтобы предупредить отца о грозившей ему опасности. Домъ ея находился у самыхъ городскихъ воротъ на берегу Соны, близъ Везскаго предмѣстья. Это не былъ настоящій трактиръ, но и не простой питейный домъ. Прежде они жили въ довольствѣ, но за послѣднее время обѣднѣли. Мы условились насчетъ всего, какъ устроить бѣгство отца; теперь все дѣло было въ томъ, какъ бы провести его къ нимъ; для этого оказалось нужнымъ послать меня еще въ другое мѣсто на противоположный конецъ Ліона, къ нѣкоему г. Клемансонъ, знакомому моего брата. Я застала только одну его жену, которая не имѣла никакого отношенія къ нашей семьѣ, но, несмотря на это, приняла меня очень привѣтливо; я нашла въ ней всю преданность стараго друга; она не только согласилась дать мнѣ для отца мундиръ своего мужа, но сказала, что сама придетъ къ намъ съ одной вѣрной пріятельницей, чтобы выйти изъ нашего дома вмѣстѣ съ моимъ отцомъ; въ обществѣ дамъ онъ долженъ былъ внушать менѣе подозрѣнія, чѣмъ если бы онъ вышелъ одинъ. Одѣтый въ мундиръ національнаго стража и ведя подъ руку своихъ двухъ покровительницъ, онъ вышелъ изъ дому послѣ обѣда; выбирая самыя уединенныя улицы, они безпрепятственно достигли условленнаго мѣста. Домъ г-жи Турнуэръ былъ полонъ народа. При появленіи этого національнаго стража и двухъ дамъ, она стала разсыпаться передъ ними въ извиненіяхъ за шумъ и толпу. „Вамъ будетъ здѣсь неудобно“, сказала она, — „да тутъ и мѣста больше нѣтъ. Эти гражданки, можетъ быть, предпочтутъ болѣе спокойное помѣщеніе; я поведу васъ въ павильонъ, который у насъ въ саду.“ Отецъ мой гордо прошелъ мимо этого шумнаго общества, спросивъ себѣ чего-то выпить. Затѣмъ обѣ дамы простились съ нимъ и зашли извѣстить насъ объ отцѣ. Узнать, что онъ въ безопасности, было для насъ великою радостью; а между тѣмъ, что это была за безопасность? Онъ находился въ трактирѣ, наполненномъ именно такого рода людьми, которые могли его схватить, можетъ быть, разорвать на части, если бы только узнали его, или догадались, кто онъ; но увѣренность, что его

нѣтъ болѣе у насъ въ домѣ, окруженномъ шпионами, уже казалась намъ спасеніемъ. Не знакомить-ли это живо съ тѣмъ временемъ, которое мы тогда переживали?

Теперь оставалось только выйти изъ города, минуя городскія ворота, что и было исполнено съ помощью маленькой лодочки ¹⁾, которая безъ шума причалила къ самой бесѣдкѣ и въ которую отецъ спустился ночью; кругомъ царило глубочайшее молчаніе. Вѣрная лодчица въ нѣсколько взмаховъ веселья перевезла его и высадила на берегъ за городскими воротами. Онъ очутился въ Везскомъ предмѣстїи, гдѣ, все же благодаря заботамъ г-жи Турнуэръ, былъ уградоно ввѣдѣнъ въ опечатанную квартиру, гдѣ вѣрнѣе всего можно было, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, укрыться отъ всякихъ поисковъ. Краткость времени, которымъ она располагала, не позволила ей придумать что нибудь лучшее и принять другія мѣры. Какъ я сказала выше, всѣ въ то время жили лишь послѣдней минутой. Вамъ принадлежало только настоящее мгновеніе; рассчитывать на слѣдующее—было бы безуміемъ.

Такъ удалось отцу вторично пробраться за грозную заставу; а дѣло было не легкое; иногда этого не могли добиться граждане, наиболѣе свободные въ своихъ дѣйствіяхъ. Были такіе несчастные дни, когда рѣшительно никого не пропускали; въ иные дни, для того чтобы войти, приходилось подвергнуться строжайшему допросу, или даже представить свои документы въ полной исправности. Рассказывали объ одномъ человѣкѣ, который, какъ и мой отецъ, желалъ оставить городъ и, не имѣя паспорта, также задумалъ обойтись безъ него. Этотъ ловкій человѣкъ, никѣмъ не замѣченный, дошелъ до Везскихъ воротъ и, остановившись посреди самаго проѣзда, дождался, когда часовой, ходившій взадъ и впередъ, повернулся къ нему. „Гражданинъ“, сказалъ онъ ему, „правда-ли, что сегодня никого не выпускаютъ изъ города?“ — Да, гражданинъ, таковъ приказъ! „Въ такомъ случаѣ, я не войду“, продолжалъ тотъ, спокойно повернулся и ушелъ. Видя, что онъ безъ шляпы, часовой принялъ его за жителя предмѣстья и оставилъ въ покоѣ.

Новая опасность ожидала моего отца въ убѣжищѣ, считавшемся такимъ вѣрнымъ. Ему было строжайшимъ образомъ запрещено ходить по комнатамъ и вообще производить малѣйшій шумъ, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ наложены печати, нѣтъ болѣе жизни. Онъ все пообѣщаль, но не выдержалъ. Было выше его силъ и природной живости выдержать себя въ такой безусловной неподвижности. Старушка, жившая внизу подъ опечатанной квартирой, услышала шумъ, и боясь, не забрался ли туда воръ, поспѣшила заявить, что въ секретованномъ помѣщеніи кто-то живетъ. Это произвело великое вол-

¹⁾ Эти маленькія лодочки, которыми покрита Сона, въ Лионѣ называютъ лонатами (bêche); гребцами ихъ всегда служатъ женщины. Прим. авт.

неніе. Тотчасъ бросились осматривать квартиру, но тамъ никого не оказалось. По счастью, отецъ въ-время узналъ про это и выбрался оттуда такимъ же способомъ, какъ попалъ туда.

Новое затрудненіе—ничего не было приготовлено для его бѣгства. Что дѣлать? Куда дѣвать его? Въ этотъ день пропускъ черезъ городскія ворота былъ свободный. Отецъ пользуется этимъ, чтобы снова войти въ городъ, откуда его недавно съ такимъ трудомъ выпроводили. Его провели въ монастырь, превращенный во время осады въ госпиталь ¹⁾. Непріятель во все время осады направлялъ бомбы на городскую богадѣльню, отъ которой его отдѣляла только Рона, и это прекрасное зданіе, изрытое гранатами, не могло болѣе служить приютомъ для страждущихъ. Пять разъ оно загоралось; на немъ былъ поднятъ чернѣйшій флагъ; посланы были парламентаріи съ просьбою пощадить убѣжище больныхъ и умирающихъ. „Тамъ скрываются раздушенные франты“ ²⁾ говорили имъ въ отвѣтъ и продолжали пальбу. Тогда больныхъ перенесли на рукахъ на другой конецъ города, въ „Обитель Двухъ Влюбленныхъ“, гдѣ они были въ безопасности. Нѣсколько женщинъ родили на улицѣ во время перехода, иные тяжело больные испустили дыханіе пока ихъ несли. Что за страшныя времена!

Отецъ мой скрывался здѣсь около трехъ дней; онъ благополучно вышелъ оттуда и отправился къ г-жѣ де-ля-Кость, которая не знала его вовсе, но тѣмъ не менѣе подвергала себя опасности ради него. Она жила въ загородномъ домѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Ліона. Я никогда на видала ея и не знаю, что случилось съ этой женщиной. Если эти строки попадутся когда нибудь въ руки ея близкихъ, то они найдутъ здѣсь увѣреніе, что память о ней никогда не изгладится въ нашихъ сердцахъ.

Въ это время у насъ было сдѣлано нѣсколько общихъ обысковъ и нѣсколько частныхъ, касавшихся однихъ насъ. Не имѣя никакихъ извѣстій объ отцѣ, не вѣдая, что случилось съ братомъ, мы жили въ такой мучительной тревогѣ, которую ничто не могло облегчить. Окруженные шпионами, мы не имѣли никакой возможности развѣдать что либо о ихъ участи.

¹⁾ Старинная легенда гласила, что двое влюбленныхъ бросились тутъ съ утеса въ Сону. Ихъ родители, убитые горемъ, основали на мѣстѣ этого трагическаго происшествія монастырь, который поэтому назывался обителью для успокоенія душъ „Двухъ влюбленныхъ“—„Des deux Amants“.

Примѣч. автора.

²⁾ Muscadine—такъ называли любовники молодыхъ людей изъ благородныхъ семействъ, порочно одѣтыхъ.

Примѣч. автора.

ГЛАВА VIII.

Наше имущество опечатано.—Арестъ тетушки.—Подробности о ея заключеніи.—Мнѣ разрѣшаютъ навѣщать ее.—Гражданинъ Форе, приставленный охранять печати, и его супруга.—М-ше де-Бельсизъ.—Мои посѣщенія тюрьмы и какъ мы проводили тамъ время.

Въ квартирѣ тетушки все опечатали. Въ тотъ день, когда комиссары нашей секціи явились къ намъ для наложенія печатей, кончилось для меня всякое ученіе и образованіе. Съ тѣхъ поръ, предоставленная теченію событій, я не имѣла иныхъ наставниковъ.

Въ то время я брала уроки англійскаго языка. Уроки рисованія прекратились съ бѣгствомъ г. Вилона; онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы не внушить подозрѣнія, и вдобавокъ онъ защищалъ городъ во время осады. Онъ какъ-то забылъ у меня маленькій гравированный портретъ Шалье, который, неожиданно попавшись на глаза комиссаровъ, тѣмъ болѣе изумилъ ихъ, что они не знали еще о существованіи его; они стали выражать свой восторгъ въ самыхъ напыщенныхъ восклицаніяхъ и, отложивъ въ сторону прочія дѣла, сейчасъ же послали этотъ портретъ въ участокъ. И какъ же возрадовались тамъ, когда увидѣли изображеніе этого мученика за свободу!

Комиссары не стѣснялись, накладывая печати; я сама слышала, какъ они между собою безцеремонно говорили о мебели, которая пришла по ихъ вкусу въ разныхъ домахъ, гдѣ уже былъ наложенъ арестъ, и дѣлали даже другъ другу уступки на нашъ счетъ. Они водворили у насъ въ качествѣ охранителя наложенныхъ печатей маленькаго старичка въ парижѣ, въ сѣромъ сюртукѣ; онъ держалъ въ рукѣ палку съ набалдашникомъ изъ слоновой кости и хорохорился, стараясь придать себѣ важный видъ. Давши ему всѣ нужныя наставленія, комиссары обратились къ тетушкѣ съ слѣдующими словами: „Гражданинъ Форе долженъ кормиться у тебя, сидѣтъ въ твоей комнатѣ и грѣться у твоего огня“. Послѣ этой лаконической рѣчи они удалились, а я побѣжала сказать г-ну Девису, чтобы онъ къ намъ болѣе не приходилъ. Уроки англійскаго языка! Да гражданинъ Форе подумалъ бы, что мы затѣваемъ заговоръ противъ республики. Уже одно имя Девиса было преступленіемъ, и хотя я не знаю, что съ нимъ случилось впоследствии, но очень можетъ быть, что онъ заплатился своей головой.

Вернувшись въ наше печальное жилище, я старалась привыкнуть къ этому новому свидѣтелю малѣйшихъ поступковъ и чуть не самыхъ помысловъ нашихъ. Тетушка моя выказывала удивительное спокойствіе, вовсе не свойственное ея живому характеру, сила котораго развивалась наравнѣ съ нашими бѣдствіями. Присутствіе духа никогда ее не покидало; ея предусмотрительность и мужество росли вмѣстѣ съ испытаніями. Ея любовь къ роскоши, которую доставляетъ богатство, ис-

чезла навсегда. Удобства жизни, прежде имѣвшія для нея большую прелесть, не стоили ей ни минуты сожалѣнія. Забывая себя для насъ, за насъ однихъ она испытывала страхъ, за насъ только она трепетала; и на новомъ поприщѣ, открывавшемся передъ нею, она готовилась къ потерѣ всего, что имѣла, безъ одного вздоха, безъ слова ропота на свою собственную участь.

Наступалъ вечеръ, приходилось садиться за столъ вмѣстѣ съ гражданиномъ Форé, этимъ официальнымъ шпиономъ, приставленнымъ къ намъ для того, чтобы проникать въ наши мысли и считать наши слезы. Сень-Жанъ и Канта готовили скромный обѣдъ, который мы должны были раздѣлить съ нимъ, какъ вдругъ раздались шаги вооруженныхъ людей, быстро поднимавшихся по лѣстницѣ; вслѣдъ за этимъ кто-то постучался въ нашу дверь. Гражданинъ Форé отпиралъ. Входить муниципальный чиновникъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера и нѣсколькихъ солдатъ. — „Гдѣ находится Жиро дез-Ешероль?“ спрашиваютъ они. Тетушка хранитъ молчаніе и указываетъ на приставленнаго къ печатанью стража. Послѣдній не отличался быстротой и далъ имъ нѣсколько разъ нетерпѣливо повторить тотъ же вопросъ прежде, чѣмъ объяснилъ имъ, что Жиро дез-Ешероль здѣсь нѣтъ, что квартира эта опечатана въ этотъ самый день утромъ и поэтому никто не можетъ здѣсь укрываться. Несмотря на это, принялись искать въ другихъ комнатахъ, но скоро вернулись въ ту, гдѣ мы были. — „Гдѣ твой братъ?“ спросилъ муниципальный чиновникъ у моей тетушки. „Не знаю“, сказала она, и это была истинная правда. На всѣ вопросы онъ получалъ столь же мало удовлетворительные отвѣты. — „Что же! такъ какъ мы не находимъ брата, то уведемъ съ собой сестру. Ты не хочешь сказать, гдѣ онъ; хорошо! но тогда тебя посадятъ въ тюрьму за него и ты просидишь тамъ до тѣхъ поръ, пока у тебя развяжется языкъ. Идемъ, маршъ!“ Я хотѣла выступить впередъ, но взглядъ тетушки удержалъ меня на мѣстѣ. Она просила только подождать минуту, пока соберетъ кое-какія вещи, въ надеждѣ найти случай сказать мнѣ нѣсколько словъ, но ей отказали въ этой милости. Насъ не оставили вдвоемъ ни на одну минуту. Я не могла ничего прочесть въ ея глазахъ—даже за нашими взглядами слѣдили. Между тѣмъ, почув опасность съ самаго появленія комиссаровъ, она уже раньше нашла время, чтобы приказать мнѣ держаться подальше отъ нея и молчать. Продолженіе немногихъ минутъ, пока длилась эта сцена, она тщательно избѣгала меня, или же обращалась со мной очень равнодушно; такъ предусмотрительная любовь ея старалась отклонить отъ меня всякую опасность. „Если сочли нужнымъ арестовать сестру“, думала она, „то какъ же не опасаться за дочь, за ребенка, у котораго они могли надѣяться безъ труда вырвать тайну съ помощью хитрости или насилія“. Такова была нѣжная забота ея обо мнѣ. Она вышла (это было въ ноябрѣ 1793 года), не смѣя взглянуть на

меня, не сказавши мнѣ ни одного слова. — „Куда ведутъ меня?“ — „Увидишь“. Я видѣла, какъ отворилась дверь и потомъ закрылась послѣ ея ухода. Осиротѣлая, одинокая, я вторично теряла свою мать, свою опору, свою руководительницу. Мнѣ тогда едва минула 14 лѣтъ.

Сень-Жанъ издали слѣдовалъ за тетушкой и видѣлъ, что ее отвели въ секцію Биржи. Онъ тотчасъ вернулся сообщить мнѣ объ этомъ. Мы немедленно принялись собирать бѣлье, простыни, одѣяла и все самое необходимое, чтобы тетушка могла сносно провести эту ночь. Нашъ стражъ не мѣшалъ намъ; но когда слуга, нагруженный матрасами и всѣми прочими вещами, хотѣлъ выдти, тотъ объявилъ, что не отопретъ двери и не позволить уносить изъ дому ничего. „Да вѣдь это ея вещи, это для нея!“ — „Очень жаль, но я не могу этого допустить“. — „Но вѣдь она женщина пожилая, ей будетъ тяжело“. — „Очень жаль, но этого никакъ нельзя“. Пришлось повернуться и ждать. Мы тутъ увидѣли, что находились совершенно во власти гражданина Форэ. Не смѣя выдти изъ дому безъ его позволенія, мы сами были почти узниками.

Тетушка моя провела ночь въ одной изъ залъ секціи. Она не почувствовала, что лишена всякихъ удобствъ и сонъ ни на минуту не смежилъ ея очей, такъ какъ въ продолженіе всей ночи сюда являлись одни за другими множество лицъ, арестованныхъ подобно ей. На разсвѣтъ ее перевели вмѣстѣ съ прочими товарищами въ бѣдѣ въ монастырь Затворницъ (Recluses), который долженъ былъ служить имъ тюрьмою.

Я узнала только поздно на другой день о мѣстѣ ея заключенія и тотчасъ послала въ арсеналъ къ г-жѣ Леже попросить нашъ матрасъ и складную кровать для тетушки, такъ какъ у нея находилась мебель, отданная на время еще моимъ отцомъ г-ну Геріо. Едва рѣшаюсь сказать, что получила отказъ и что г-жа Леже старалась доставить эти самыя вещи одному заключенному, который внушалъ ей больше участія; но это ей не удалось.

На другой день я побѣжала какъ можно раньше въ правленіе участка. Два важныхъ дѣла влекли меня туда: видѣть тетушку и добыть хлѣба; тутъ, кстати, я скажу, какимъ образомъ получался хлѣбъ.

Въ каждомъ участкѣ было лишь извѣстное количество хлѣбниковъ, имѣвшихъ исключительное право продавать хлѣбъ. Лавки ихъ были совсѣмъ закрыты. Каждый изъ желающихъ получить хлѣбъ, по очереди подвигаясь къ маленькому окошечку, устроенному для этого, подавалъ свидѣтельство отъ участка на полученіе извѣстнаго количества хлѣба. Хлѣбникъ, провѣрившій свидѣтельство, возвращалъ его и при этомъ черезъ окошечко просовывалъ вамъ за ваши деньги предписанное количество этого хлѣба, который такъ тяжело доставался. Получившій свою порцію тотчасъ удалялся, и весь рядъ под-

вигался на шагъ впередъ. Этотъ рядъ часто тянулся длинной вереницей вдоль нѣсколькихъ улицъ, такъ что послѣдніе могли надѣяться позавтракать развѣ къ пяти часамъ вечера. Таковы были благодѣтельные послѣдствія свободы.

Итакъ, я хотѣла увидѣть тетушку и получить свою порцію хлѣба, — два дѣла великой важности для меня. Это былъ мой первый шагъ на трудномъ поприщѣ, на которомъ одинокая я подвизалась съ этого времени. Не безъ волненія вошла я въ залу правленія участка, осмѣлилась одна выступить впередъ и заговорить громко передъ столькими людьми, совершенно мнѣ чуждыми. Къ счастью, я узнала одного изъ комиссаровъ, бывшихъ у насъ два дня тому назадъ, при наложеніи ареста на наше имущество, по имени Дюа. Я стала говорить ему о тетушкѣ, о ея арестѣ и убѣдительно просила его дать разрѣшеніе повидаться съ ней. „Вотъ какъ! Мы оставили ее въ покоѣ, сказали онъ, но они были не такъ вѣжливы, какъ мы! Граждане! я нахожу справедливымъ допустить эту дѣвочку къ ея теткѣ, которая замѣняетъ ей мать; мы можемъ это ей дозволить.“ Его слова были приняты съ одобреніемъ. На маленькомъ клочкѣ бумагъ отъ правленія Биржевой секціи былъ написанъ приказъ допустить меня въ тюрьму Затворницъ. Имѣя въ своихъ рукахъ эту бумажку, поощренная первымъ успѣхомъ, я снова заговорила для объясненія, что при наложеніи ареста намъ было приказано кормить нашего стража и что, не имѣя возможности достать хлѣба, я прошу билетъ для покупки его. „Ты не получишь его, это противно закону.“ — Но вѣдь вы сами знаете, граждане, что я не могу получить хлѣба безъ вашего свидѣтельства; какъ же сдѣлать?— „Дѣлай, какъ знаешь!“ — Что же, значить, я должна умереть съ голоду? — „Будь покойна, не умрешь съ голоду; всѣ бывшіе бары имѣютъ средства, и ты изъ той же породы аристократовъ, которые умѣютъ вывернуться изъ бѣды; ты наследуешь ихъ духъ интриги и не умрешь съ голоду.“ — Въ такомъ случаѣ, отвѣтила я очень рѣшительно, если вы меня лишаете средствъ къ жизни, вы не можете взыскивать, если я не буду давать хлѣба вашему стражу, котораго вы насъ обязали кормить. — „Ахъ, что касается до него, это совсѣмъ другое дѣло; онъ получитъ свой билетъ; это хорошій республиканецъ! Пусть придетъ! О себѣ же не беспокойся—ты не пропадешь!“ Предсказаніе ихъ оправдалось: Провидѣніе, о которомъ они забывали, печется о сиротахъ. Безъ его же помощи какъ могла бы я преодолѣть столько препятствій?

Я успѣшила удалиться изъ этого вертепа и побѣжала въ монастырь Затворницъ. Входная дверь не была еще осаждаема толпой. Многіе не знали еще, въ какой тюрьмѣ находятся ихъ родственники. Аресты продолжались. Вездѣ царствовало великое смятеніе. Счастьемъ увидѣть тетушку я была обязана быстротѣ своего обращенія къ республиканцамъ и, можетъ быть, своей юности, которую не удерживали никакія соображенія благоразумной или трусливой осторожности.

Пройдя черезъ первую дверь, я спросила тюремщика и показала ему свое разрѣшеніе. Онъ прочиталъ бумагу, перевернулъ ее, еще разъ прочиталъ, потомъ задумался. Находясь между жизнью и смертью, я ожидала своего приговора. Никакого распоряженія не послѣдовало еще относительно допущенія въ тюрьму. Самъ тюремщикъ еще не былъ опытенъ въ новыхъ суровыхъ мѣрахъ и не имѣлъ привычки дѣлать ало. Видя, что передъ нимъ стоитъ чуть не ребенокъ, онъ сжалился надо мною и, заглушивъ въ себѣ сомнѣнія, пропустилъ меня. Мнѣ отворили вторую дверь, потомъ рѣшетку, и я очутилась во внутреннемъ дворѣ. Я была внѣ себя, что удалось проникнуть сюда. Я задыхалась отъ горя и отъ радости; я шла, широко шагая, за ведшимъ меня сторожемъ, занятая только своими мыслями, прислушиваясь лишь къ своему волненію, какъ вдругъ услышала вокругъ себя незнакомые голоса, которые обращались ко мнѣ; меня чуть не трогали руками: это были преступники,—они просили милостыни, они приближались, гремя своими цѣпями. Этотъ звукъ цѣпей, эти изнуренныя и злобѣщія лица, заставили меня очнуться, глубоко потрясли меня и навели на меня ужасъ. До этого никогда не приходилось мнѣ видѣть преступленіе такъ близко; я то ускоряла, то замедляла свои шаги, боясь, чтобъ они не замѣтили ужаса и отвращенія, внушаемаго ими. Длинный и темный коридоръ привелъ меня къ лѣстницѣ. Я должна была попросить посторониться одного изъ преступниковъ, сидѣвшаго на первой ступенькѣ и болтавшаго съ нарумяненной женщиной, въ роскошныхъ лохмотьяхъ, со смѣлымъ видомъ и дерзкими глазами; ея взглядъ заставилъ меня потупиться. Мнѣ было непріятно, что платье мое коснулось ея одежды. Все въ этой тюрьмѣ приводило меня въ дрожь. Когда мы достигли перваго этажа, я думала, что могу войти къ тетускѣ. Нѣтъ, сторожъ показалъ мнѣ ея дверь, но—онъ забылъ ключъ отъ нея; онъ пошелъ за нимъ, а я осталась одна передъ этой дверью. На ней было три засова и два новыхъ замка; на двухъ другихъ дверяхъ на той же площадкѣ также висѣли новые замки, свидѣтельствовавшіе о новизнѣ этихъ предосторожностей.—Тетуска моя такъ тщательна заперта, подумала я;— преступники дышать воздухомъ, а невинные лишены его! Тѣ прогуливаются, а она сидитъ взаперти! Увы! я не смѣла даже вздохнуть; самыя мысли мои были какъ бы въ цѣпяхъ; я боялась, чтобы ихъ не угадали и не вмѣнили этого моей тетускѣ въ новое преступленіе.

Наконецъ, дверь отворилась и я бросилась въ нее; мнѣ казалось, что я вижу уже ту, къ которой такъ стремилась. Но передо мною все незнакомыя женщины. „Вы тоже заключены въ тюрьму?“ спрашиваютъ онѣ меня.—„Нѣтъ, нѣтъ, гдѣ моя тетуска?“ Моя бѣдная тетуска, завидя меня, бѣжала мнѣ на встрѣчу счастливая и сіяющая. „Что ты дѣлала? Какъ ты поживаешь? Что случилось съ тобой?“—„Тетя, спали ли вы эту ночь? Купали ли вы? Не больны ли вы?“ У меня было столько вопросовъ! Всѣ дамы смотрѣли на меня, слу-

шали насъ, умилялись вмѣстѣ съ нами; онѣ называли меня своимъ добрымъ гениемъ, потому что мое присутствіе давало имъ надежду, что двери темницы откроются и для кого нибудь изъ любимыхъ и дорогихъ имъ существъ. Я первая изъ публики проникла въ тюрьму. „Что вы сдѣлали, чтобы войти сюда?“ Я объяснила имъ это, какъ могла. Тетушка моя, дрожа надо мною какъ скупой надъ своимъ добромъ, беретъ меня за руку, отрываетъ меня отъ ихъ разговора и, увлекая меня за собой, ведетъ черезъ большой чердакъ. Мы входимъ въ довольно просторную комнату, гдѣ она сажаетъ меня на свой матрасъ, скатанный на полу.

Я забыла сказать, что послѣ отказа г-жи Лежѣ нашлась добрая женинина, уступившая съ своей постели волосяной матрасъ, который и имѣла счастье доставить тетущкѣ; но до этого, втеченіе двухъ сутокъ, она не имѣла ничего, кромѣ небольшого пучка соломы. Этотъ матрасъ служилъ ей постелью, столомъ и стуломъ. Я не видѣла никакой другой мебели въ этой комнатѣ, гдѣ помѣщалось болѣе пятидесяти человѣкъ. Тѣ, которыя не имѣли своего матраса, спали на соломѣ (да и той было очень мало), а это была большая часть. Таково было зрѣлище, поразившее мои взоры и повергнувшее меня на нѣкоторое время въ молчаніе.

Тетушка на мой взглядъ ни чуть не перемѣнилась; она не показалась мнѣ ни убитой, ни озабоченной своею участію; она вся отдалась радости нашего свиданія, не смотря на постоянную мысль объ опасностяхъ, которыя, по ея мнѣнію, угрожали мнѣ. Но эти самыя страхи еще увеличивали счастье видѣть меня. Я сдѣлалась для нея какъ будто еще дороже! Слабая былинка, ставшая ея опорой и чуть не единственной надеждой ея, я была все въ ея жизни. Мы вмѣстѣ перебрали все, что случилось за эти три дня, безконечно длинныхъ, полныхъ печальными для насъ новостями. Мы пересказали другъ другу каждый часъ этихъ тяжелыхъ дней. Описание нашихъ взаимныхъ чувствъ утѣшало или омрачало наши сердца. Она осыпала меня ласками, и время промчалось быстро. Пора было уходить. Я вышла оттуда со множествомъ порученій, которыя взяла на себя съ радостью. Мнѣ было отрадно принести утѣшеніе во многія семьи, поверженные въ отчаяніе, сообщить имъ средства, съ помощью которыхъ мнѣ удалось проникнуть въ тюрьму, и сказать имъ: „Я видѣла ихъ, онѣ живы, онѣ ожидаютъ васъ“. Я снова прошла черезъ большой чердакъ, торжественно сопровождаемая всѣми узниками. „Не забудьте же, сегодня вечеромъ! прошу васъ“, говорили онѣ. — „Да! да! сегодня же вечеромъ“, отвѣчала я. Тетушка благословила меня, прощаясь со мной. Радостное сознаніе, что я могла быть полезной, оказать услугу этимъ несчастнымъ женщинамъ, облегчило мнѣ это первое прощанье и помогло мнѣ пройти безъ страха и отвращенія по мрачнымъ коридорамъ и сквозь эту толпу людей отталкивающаго вида. Я думала только о возможности быть полезной и тотчасъ же

сдѣлалась храброй. Быть полезной! Какую силу придаетъ одна эта надежда! Такое слабое, маленькое существо, какъ я, могло питать ее! Въ какуюнибудь минуту я словно выросла и возмужала.

Я исходила въ этотъ вечеръ невѣроятно много, чуть не весь городъ, чтобы разнести всѣ порученныя мнѣ записки и рассказать о томъ, что я видѣла, что сдѣлала. Одни мнѣ дали отвѣты письменные, другіе на словахъ. Моя память, мой умъ вдругъ какъ-то изощрились заодно съ моимъ усердіемъ. Я ни разу не ошиблась адресомъ и ничего не забыла. Сень-Жанъ сопровождалъ меня въ моихъ ночныхъ походахъ. Я вернулась домой очень поздно, усталая, но отъ радости не ощущая ни утомленія, ни даже неприятнаго чувства при видѣ гражданина Форэ, сидѣвшаго передъ нашимъ каминомъ; я была слишкомъ счастлива, чтобы сердиться на кого бы то ни было. Одинъ день удвоилъ всѣ мои способности. Я заснула съ надеждой доставить на другой день бѣднымъ узникамъ вѣсти о ихъ семьяхъ— и сладокъ былъ мой сонъ въ эту ночь.

На другой день я снова отправилась въ тюрьму, неся въ рукахъ корзину съ обѣдомъ для моей тетушки. Меня впустили и я имѣла счастье отдать отчетъ въ моихъ порученіяхъ. Но какая новость! Распоряженіе насчетъ посѣщенія заключенныхъ было получено: мой клочекъ бумажки не былъ болѣе годенъ,—тюремщикъ разорвалъ его передо мной. Но чувство жалости, проникшее въ его сердце, побудило его пропустить меня еще разъ. Это обстоятельство значительно испортило мнѣ удовольствіе обѣдать съ тетушкой, сидя возлѣ нея на ея плохенькомъ матрацѣ. „Разумнай, что нужно предпринять для полученія новаго разрѣшенія“, говорила добрая тетушка. Я почувствовала себя очень несчастной, прощаясь съ ней, и провела весьма печально этотъ вечеръ; я уже возимѣла было надежду видѣться съ нею ежедневно; а молодость легко вѣрится тому, на что надѣется.

Я заговорила о своемъ горѣ съ гражданиномъ Форэ, который скромно отвѣчалъ мнѣ, что не имѣетъ никакой власти надъ своимъ сыномъ муниципаломъ. Я сама видѣла, что это совершенная правда. Онъ уважалъ или, лучше сказать, ужасно боялся этого всемогущаго сына, который имѣлъ лишь одно достоинство, что раздѣлялъ все зломысліе своихъ собратьевъ. Онъ не составилъ себѣ имени между ними. То былъ не видный злодѣй, бездарный, жадный и жестокій; но онъ былъ членомъ муниципалитета и отецъ съ гордостью выпрямлялся говоря: мой сынъ, муниципаль. Частенько къ этому восхищенію примѣшивался нѣкоторый страхъ. Вообще гражданинъ Форэ былъ похожъ на мебель, очутившуся не на своемъ мѣстѣ; при крайней ограниченности и отсутствіи злобы, ему иногда стоило немалого усилія, чтобы исполнять возложенную на него суровую обязанность, что не мѣшало ему, однако, наслаждаться удобствами, которыя доставляло ему его положеніе. Онъ провелъ всю свою жизнь за тканьемъ шелковыхъ матерій, работая прилежно всю недѣлю и тратя въ воскресенье весь

шестидневный заработокъ; нерѣдко онъ посвящалъ на это и поне-дѣльникъ, подобно многимъ своимъ товарищамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ прежніе богачи обѣдѣли, онъ не имѣлъ работы. Въ этомъ обвиняли аристократовъ; потому онъ находилъ очень естественнымъ, чтобы аристократы опять доставили ему занятіе. Охраненіе нало-женныхъ печатей было ремесломъ очень выгоднымъ, не труднымъ и почти невиннымъ.

Въ первый день, когда онъ занялъ свой постъ, онъ былъ въ пол-номъ парадѣ: сѣрый сюртукъ, хорошо завитой парикъ, палка съ сло-новымъ набалдашникомъ; онъ старался придать себѣ холодный и церемонный видъ, который вовсе не походилъ на безцеремонность комиссаровъ. Кромѣ того, я думаю, что отчасти онъ-таки побаивался лютыхъ звѣрей, съ которыми ему приходилось жить; такъ называли насъ. И вмѣстѣ съ этимъ онъ сохранялъ еще съ давнихъ лѣтъ пре-жнее почтеніе къ дворянамъ, отъ котораго ему не всегда удавалось отдѣлаться при всемъ его желаніи быть явобинцемъ.

Вскорѣ онъ приручился и открылъ, что мы не похожи на вар-варовъ. Его костюмъ сталъ менѣе изысканъ; отложивши въ сторону свой парикъ для торжественныхъ дней, онъ ходилъ въ сѣрой ша-почкѣ одинаковаго цвѣта съ платьемъ и въ туфляхъ, также сѣраго цвѣта. Онъ проводилъ весь день у камина, усѣвшись въ покойномъ креслѣ; никогда еще не приходилось ему сидѣть такъ удобно. Отъ времени до времени онъ поворачивался, шупалъ мягкую спинку, лю-бовался ею, потомъ, сильно упираясь въ нее для большаго удобства, говорилъ съ довольнымъ видомъ: „Однако, кресло хорошее изобрѣ-теніе“ и, снова нажимая подушки: „Какъ это хорошо придумано!“ Потомъ, вытянувши свои ноги во всю длину и отвалившись назадъ, онъ полулежа наслаждался невѣдомымъ ему доселѣ комфортомъ, какой доставляетъ хорошее кресло. Въ сущности, это былъ человѣкъ близкій къ животному состоянію, болѣе склонный къ добру, чѣмъ ко злу, но причинявшій зло изъ послушанія, какъ нѣчто необходимое, или неизбѣжное; онъ ненавидѣлъ казни, но не смѣлъ сознаться въ этомъ женѣ и сыну, которые постоянно внушали ему, что нужно стоять на высотѣ своего времени и быть истиннымъ республиканцемъ, что значило на ихъ языкѣ:—неутолимо жаждать человѣческой крови.

„Я никакъ не могу привыкнуть къ этому“, сказалъ онъ мнѣ од-нажды, послѣ того, какъ мы ближе познакомились: „они принудили меня посмотреть на казнь; я вернулся оттуда въ лихорадкѣ. Впро-долженіе цѣлой недѣли я не могъ вовсе спать. Что они ни говори, а я не могу привыкнуть къ этому. Надо признаться, что прежде жилось спокойнѣе. Правда, что нужно было работать; но мнѣ хорошо платили за работу и я спокойно проѣдалъ свой барышъ. Помню, какъ мнѣ была заказана матерія на жилетъ Людовику XV. Жилетъ вышелъ на славу и денежки я получилъ хорошія! Надо признаться, хорошее то было времечко!“ Бѣднякъ не осмѣлился бы сдѣлать такое

признаніе гражданкѣ Форé, своей супругѣ, ни своему сыну муниципалу, какъ онъ всегда величалъ его. „Что касается моей жены, продолжалъ онъ еще тише,—то она всегда любила казни; и прежде бывало, когда вѣшали какого нибудь преступника, она изъ первыхъ была на мѣстѣ. Ужъ я пробовалъ ее заперать на ключъ, и это не помогало; она все-таки находила средство ускользнуть и поспѣть во-время“.

Эта мегера составляла одно изъ самыхъ тяжелыхъ неудобствъ въ моемъ положеніи. Всякій вечеръ послѣ дневныхъ трудовъ, она приходила раздѣлять ночлегъ съ своимъ супругомъ. Мнѣ дорого было-бы хоть вздохнуть свободно, но я и того была лишена. Женищина эта была тутъ, передо мною, она рассказывала мужу всѣ новости. А каковы были эти новости?—Жестокости, совершаемыя ежедневно, пытки и казни. Она вездѣ поспѣвала; не щади меня ни одной подробностью, она рассказывала съ такимъ оживленіемъ и удовольствіемъ, что все лицо ея сіяло; на немъ было написано, какую притягательную силу имѣло для нея это ужасающее зрѣлище. И я не имѣла даже права заставить ее молчать. Эта гражданка Форé обыкновенно заканчивала свою рѣчь тѣмъ, что вытаскивала изъ кармана свой ужинъ, состоявшій большею частью изъ хлѣба и остраго сыра, завернутаго въ бумажекѣ ¹⁾ и походившаго на мазь, которой она намазывала себѣ тартинки и поѣдала ихъ съ большимъ аппетитомъ, заражая этимъ запахомъ мою комнату съ какимъ-то злорадно-довольнымъ видомъ.

Женищина эта дѣлала мою жизнь чрезвычайно тяжелой, тяжелой, чѣмъ можно себѣ вообразить. Сенъ-Жанъ и Канта еще увеличивали непріятности моей домашней жизни. Они и прежде не могли терпѣть другъ друга; а теперь ихъ взаимная антипатія возрасла до того, что они ссорились съ утра до вечера. Я была въ очень стѣсненномъ положеніи и просто не знала, что и придумать для присканія намъ средствъ къ жизни, а нужно было прокормить пять человекъ. Покупка провизіи представляла огромное затрудненіе. Сенъ-Жанъ не хотѣлъ дѣлать закупокъ, а Канта не хотѣла готовить кушанья. Ихъ ссоры были такъ часты и иногда доходили до такого ожесточенія, что я была принуждена раза два просить тетюшку сдѣлать имъ выговоръ, несмотря на то, что мнѣ было очень больно занимать ее въ тюрьмѣ такими дразгами, и вдобавокъ пришлось потерять два дня, не видя ее, чтобы послать къ ней Сенъ-Жана и Канта вмѣсто себя.

Я опередила свой рассказъ, чтобы представить картину моей домашней жизни. Я никогда не возвращалась къ себѣ безъ чувства отвращенія. Едва только я успѣвала встать съ постели, какъ нашъ непрощенный гость уже былъ тутъ. Вечеромъ я должна была ожидать, когда ему угодно будетъ удалиться, чтобы лечь спать. Въ моей ком-

¹⁾ Лавочники собирали остатки и крошки всѣхъ сортовъ сыра, которые толкали въ ступкѣ, смачивая ихъ водкой. Можно себѣ представить вкусъ, аромать и видъ этого сладобья!

натѣ готивилось кушанье и здѣсь же обѣдали. Конечно, имѣя въ виду участь тетушки, мнѣ еще нельзя было жаловаться. Если-бъ я могла по крайней мѣрѣ быть при ней, я вздыхала-бы безъ страха; ея любовь утѣшала-бы меня. Но я была безъ друзей, безъ опоры, мнѣ некому было открыть душу... Какъ жалокъ ребенокъ въ такомъ положеніи!

Не имѣя разрѣшенія, я не могла войти въ тюрьму на другой день. Я простояла нѣсколько часовъ передъ тюремными воротами, не находя возможности передать тетушкѣ обѣдъ. Канта донесла мнѣ корзину до тюрьмы; здѣсь я взяла ее сама и ничто на свѣтѣ не заставило бы меня выпустить ее изъ рукъ, потому что на ней одной держалась вся моя надежда проникнуть въ тюрьму; но это мнѣ все-таки не удалось; пропустили только мою корзину, и то благодаря тому, что я заплатила одному изъ сторожей за то, чтобъ донести ее къ тетушкѣ. Мнѣ случалось иногда быть у воротъ тюрьмы въ десять часовъ утра, а въ 12 мы все еще стояли съ своими корзинами, которыхъ никто не хотѣлъ взять у насъ для передачи. Тутъ, по приказанію тюремщика, ворота запирались до 2 часовъ—времени его обѣда. Въ два часа ихъ отпирали снова. Сторожа и ихъ жены расхаживали между нами, торгуясь и отказываясь передать корзины, если предлагаемая цѣна казалась имъ неудовлетворительной. Часто приходилось уносить обѣдъ назадъ за невозможностью согласиться на слишкомъ тягостныя условія, ибо въ числѣ заключенныхъ были люди очень бѣдные.

Иной разъ сторожа еще увеличивали лишенія узниковъ своимъ нерадѣніемъ и неуслужливостью; корзины зачастую оставались на дворѣ и доставлялись имъ лишь на другой день. Наконецъ—я сама видѣла, какъ у дверей тюрьмы корзины эти открывали, рылись въ нихъ и съѣдали то, что въ нихъ было, прибавляя ко всѣмъ нашимъ страданіямъ еще эту оскорбительную насмѣшку, и вѣроятно жалая дать намъ понять, что при такого рода надзорѣ бесполезно было бы пытаться доставить заключеннымъ какія нибудь записки или сообщенія въ посылаемыхъ имъ кушаньяхъ. Какъ я была возмущена, когда узнала, что тетушка осталась безъ пищи! Въ послѣдствіи я добыла для нея холодной жареной птицы, къ которой она прибѣгала въ томъ случаѣ, если обѣдъ не достигалъ до нея; она берегла ее въ маленькой корзинкѣ, спрятанной подъ матрасомъ и предназначенной для храненія ея небольшого запаса бѣлья.

Я еще не говорила о нашихъ сосѣдяхъ.... Ихъ постигла одинаковая съ нами участь. И на ихъ имущество былъ наложенъ арестъ; у нихъ также былъ свой сѣренькій человекъ для охраненія наложенныхъ печатей, и они должны были подчиниться такимъ же приказаніямъ. Общее страданіе наложило печать унылаго однообразія на все, что было благомыслящаго. Г. Мазюйе бѣжалъ изъ Ліона; мужъ и жена Бельсизъ были арестованы. Что же касается Фелиситѣ, ихъ мужественной дочери, то вслѣдствіе лично къ ней относящагося пре-

слѣдованія, она должна была искать спасенія въ немедленномъ бѣгствѣ. Одаренная большою проникательностію, она заранѣе предвидѣла несчастный исходъ осады Ліона и просила у родителей позволенія уѣхать. „Отпустите меня“, говорила она имъ, „я ожидаю въ будущемъ всего худшаго. Предоставленные собственнымъ средствамъ, Ліонцы не будутъ въ состояніи долѣе противиться непріятельскимъ силамъ, непрерывно увеличивающимся. За этимъ послѣдуютъ великія бѣдствія. Нужно постараться заранѣе добыть денегъ, и я займусь этимъ.“ Она переодѣвается крестьянкой, дѣлаетъ большой обходъ, чтобъ избѣжать республиканскія войска, и безпрепятственно достигаетъ Вельсиза, отцовскаго помѣстья, въ десяти верстахъ отъ Ліона. Здѣсь она находитъ, что имѣніе ихъ секвестровано по распоряженію депутата Конвента, Фушэ, который въ это время самъ находился въ сосѣднемъ городѣ и который велѣлъ арестовать ее, какъ только узналъ о ея пріѣздѣ. Но все-таки Фелисите нашла средство, не смотря на секвестръ, продать много сельскихъ продуктовъ изъ своего имѣнія и вообще обратила въ деньги все, что только могла. Не смотря на осторожность, съ которой она вела свои дѣла, Фушэ развѣдалъ объ этомъ и вызвалъ ее въ свой судъ, по обвиненію ее въ нанесеніи ущерба республикѣ. Она защищалась съ большою смѣлостію и присутствіемъ духа. Фушэ, которому можетъ быть понравилось ея смѣлое поведеніе, отпустилъ ее на свободу, давши ей совѣтъ впредъ вести себя иначе и прибавивъ впрочемъ, что будетъ слѣдить за ней. Она поняла, что дѣятельность ея здѣсь кончена и потихоньку бѣжала. Тогда было немедленно объявлено, что за ея голову назначена премія. Но это не помѣшало ей счастливо добраться до Швейцаріи; переодѣтая торговой угольевъ, она шла всю дорогу пѣшкомъ и по ночамъ спала на соломѣ. Такимъ образомъ ей удалось спастись отъ гоненія этого сильнаго и озлобленнаго лично противъ нея человѣка. Она отправилась въ Фрибургъ къ своей сестрѣ, которая раньше эмигрировала; туда же послѣдовалъ за ней увлеченный ея высокими качествами г. Мазюйэ, который вскорѣ на ней женился.

Я никакъ не могла проникнуть въ этотъ день къ тетускѣ; я стояла передъ воротами тюрьмы въ сырости и грязи, нарочно накопленная здѣсь; я находилась среди толпы изъ болѣе двухъ сотъ женщинъ, которыхъ сюда привела одинаковая участь; толпа напирала, тѣснила меня, колеблясь подобно волнамъ морскимъ. Но какъ я ни была измучена, усталость моя все же не могла сравниться съ огорченіемъ, что я не могла увидѣть тетуску, и я рѣшилась наконецъ дать волю словамъ и высказать свое горе. Примѣтивъ одного сторожа, у котораго лицо казалось мягче, чѣмъ у его товарищей, я обратилась къ нему и вручая ему нѣсколько свернутыхъ мелкихъ ассигнацій, сказала ему: „Сжался надо мною, помоги мнѣ увидѣться съ моею тетуской, съ моею матерью; посмотри, какъ я мала и слаба; я не могу пробиться сквозь толпу, которая тѣснится у воротъ; послушай,

вотъ, возьми это себѣ за трудъ и вызови меня сверху лѣстницы, какъ будто я должна пройти къ тюремщику; кто знаетъ, можетъ быть послѣ того, какъ я пройду черезъ эту первую дверь и другія окажутся доступными; можетъ быть, твоя доброта не пропадетъ даромъ!“ Онъ удался, не давъ мнѣ никакого отвѣка; но скоро раздался сильный голосъ, вызывавшій меня: „Маленькая гражданка Жирѣ!“— „Это я! это я!“— и я поскорѣе стала проталкиваться сквозь массу народа, оставшагося позади и съ завистью смотрѣвшаго на меня. Сердце у меня билось изо всей силы; но немалого труда стоило мнѣ, чтобы пробраться сквозь толпу съ моей корзиной. Толчки со всѣхъ сторонъ нарушили равновѣсіе моихъ горшечковъ, уставленныхъ въ корзинкѣ; бульонъ течетъ по моему платью; но я уже взошла на ступеньки лѣстницы, я уже прошла черезъ первую дверь. Теперь мнѣ было уже легче вести переговоры о пропускѣ далѣе. Мои мелкія ассигнаціи помогли мнѣ окончательно овладѣть проходомъ и я снова увидала этотъ дворъ, эту лѣстницу. Какъ все это было мнѣ мило! какъ все здѣсь показалось мнѣ хорошо! Я одержала побѣду, и чѣмъ слабѣе я была, тѣмъ болѣе считала ее славной. Я снова увидѣла тетушку! О счастье!

Я раздѣлила съ нею этотъ холодный и порастрашенный въ толкотнѣ обѣдъ, который показался мнѣ удивительно вкуснымъ. Въ уголкѣ тетушки прибавился старый стулъ, купленный ею у сторожа и служившій намъ столомъ. Я провела этотъ день возлѣ нея, ничего не желая, кромѣ ея присутствія, не жалѣя ни о чемъ, не видя ничего, кромѣ ея одной, и ей пришлось нѣсколько разъ повторить свое приказаніе, чтобы заставить меня уйти домой. Я ушла, но какъ я была жалка! Я отдала бы все, чтобы только остаться съ тетушкой; это желаніе было эгоистично; но каково же мнѣ было возвращаться домой для того, чтобы занять мѣсто у камина между двумя шпионами и опять видѣть передъ собою другія два лица, которыя постоянно соорились между собою. Когда я возвращалась, разбитая послѣ утомительныхъ походовъ дня, проведши нѣсколько часовъ въ сырости, среди толпы, тѣснившей и давившей меня, и зачастую не добившись даже счастья увидѣть тетушку, — ахъ! какъ тяжела казалась мнѣ тогда жизнь! Одна только тюрьма могла сдѣлать меня счастливой, и я такъ желала попасть въ нее, какъ можно только жаждать блаженства. Если я не требовала, чтобы и меня заключили въ темницу вмѣстѣ съ тетушкой, то это было единственно изъ послушанія къ ней и въ надеждѣ быть ей полезной.

Едва только я просыпалась утромъ, какъ гражданинъ Форѣ уже стучался въ мою дверь; онъ ворчалъ на то, что находилъ ее запертой; а я, рабски исполняя его волю и противорѣча ему развѣ только въ важныхъ и неизбѣжныхъ случаяхъ,—спѣшила принять его. Онъ приходилъ въ мою комнату съ ранняго утра и не отлучался уже во весь день ни на минуту. Я скрывала свое горе: иначе онъ могъ бы замѣтить мои слезы. Въ этой-то ежедневной борьбѣ съ своей сла-

бостью я, можетъ быть, и черпала силу. Усилія надъ собой благотворно дѣйствуютъ на характеръ.

Послѣ этого перваго опыта, мнѣ часто удавалось пробраться въ тюрьму. Я нашла двухъ-трехъ добрыхъ сторожей, которые, правда, очень охотно брали мои ассигнаціи, но за то покровительствовали мнѣ, несмотря на новыя преграды, всякій день возникавшія между узниками и нами. Я думаю, что многія затрудненія нарочно дѣлали для того, чтобы истощить наши средства, потому что всякая новая строгость требовала съ нашей стороны новой жертвы. Четыре сторожа отличались изъ всѣхъ мягкостью своего обращенія, и многіе заключенные были имъ обязаны улучшеніемъ своей участи. Одинъ изъ нихъ обыкновенно вызывалъ меня у входа, другой пропускалъ далѣе. Тетушка своими настойчивыми просьбами и подарками сильно способствовала тому, что они меня не забывали. Очувтившись возлѣ нея, я забывала обо всемъ, до самыхъ казней, совершавшихся ежедневно. Мнѣ стоило столькихъ усилій добраться до нея, что я подъ конецъ не способна была чувствовать ничего, кромѣ радости быть на мѣстѣ. Здѣсь только я имѣла друга и семью. Нужно на себѣ испытать горькое чувство сиротства, чтобы вполне оцѣнить такое жалкое положеніе и понять, что мнѣ могла нравиться темница. И какая темница! Что за пеструю и странную смѣсь представляло соединенное здѣсь общество! Здѣсь были дворянки, рыбныя торговки, монахини, публичныя женщины, богатяя дамы, бѣдныя служанки, крестьянки и торговки зеленью ¹⁾. А между ними, скрытые въ толпѣ, находились шпионы, о существованіи которыхъ всѣ знали, но не могли догадаться—кто именно.

Большой чердакъ скоро наполнился наравнѣ съ комнатой. Аресты производились съ необыкновенной быстротою и были многочисленны. Между заключенными я помню г-жу де-Сенъ-Фонъ, де-Монья, де-Монбрианъ, которыя находились въ одной комнатѣ съ тетужкой. Когда ихъ было здѣсь набито до 58 человекъ и мѣра переполнилась, пришлось помѣстить вновь прибывавшихъ въ чердакъ; этихъ послѣднихъ я менѣе знала. Но между ними была нѣкая г-жа Броше съ дочерьми. Посвящая ей нѣсколько строкъ, я не удаляюсь отъ своего предмета. Не пишу ли я исторію несчастныхъ жертвъ того времени? Насъ было не мало!

Г-жа Броше была арестована вмѣстѣ съ двумя старшими дочерьми на томъ основаніи, что она не хотѣла выдать, гдѣ укрывался ее мужъ. У нея была еще дочка 8 лѣтъ, которая была удалена отъ матери для того, чтобы допросить ее отдѣльно. Лишивъ дѣвочку совѣта и защиты и рассчитывая на ея неопытность, надѣялись вынудить у слабого ребенка желанное признаніе, и чтобы лучше достиг-

¹⁾ Я видѣла тутъ же четырехлѣтнюю дѣвочку—англичанку съ няней, не знающую ни слова по-французски; при мнѣ пришли объявить мнѣ, что онѣ освобождены.

нута цѣли, ей посулили награду или наказаніе, смотря потому, какъ она себя будетъ вести. Но дѣвочку не удалось ни сманить обѣданными наградами, ни запугать наказаніемъ. Она разсѣяла злыя возни своею твердостью и на всѣ ихъ коварныя вопросы отвѣчала лишь слѣдующими словами, которыя повторила очень просто, сама не подозрѣвая, сколько въ нихъ было величія: „Я не знаю, гдѣ отецъ; но если бъ я и знала это, то не сказала бы вамъ!“ Побѣжденные чистосердечіемъ ребенка, или уважая силу въ слабости, они возвратили ее матери. У г-жи Броше я видѣла де-Бомонъ, полковника драгунскаго полка, стоявшаго въ это время въ Лионѣ; онъ также былъ заключенъ въ монастырь Затворницъ. Пользуясь нѣсколькими днями кратковременнаго смягченія, когда заключеннымъ было разрѣшено на нѣсколько часовъ сходиться вмѣстѣ, онъ пришелъ возобновить съ нею знакомство. Всякій былъ счастливъ найти знакомое и дружеское лицо въ этой чуждой толпѣ, гдѣ одинъ другаго не зналъ и не имѣлъ никакихъ отношеній другъ къ другу. Я не знаю причины его ареста, но очень хорошо помню, что разъ ночью онъ былъ поводомъ страшнаго переполоха среди заключенныхъ. Всѣ солдаты его полка остались ему вѣрны и тщетно ходатайствовали о выпускѣ его на свободу. Ежедневно присутствуя при казняхъ, они лучше всѣхъ понимали опасность продолжительнаго заключенія; и вотъ они цѣлой толпой явились въ трибуналъ, добились того, что имъ возвратили начальника и тотчасъ бросились въ тюрьму, чтобы вырвать его оттуда. Монастырь Затворницъ вдругъ былъ окруженъ цѣлымъ полкомъ, громкими криками требовавшимъ своего полковника и встрѣтившимъ его появленіе радостными возгласами. Это было поздно ночью. Шумъ и крики доносились и внутрь тюрьмы, и въ то время, какъ драгуны, опьянѣвъ отъ радости, съ торжествомъ уводили своего любимаго начальника, заключенные, не зная причины этихъ криковъ, думали, что начинается ихъ избиеніе. Только на другое утро они съ радостью узнали, что причинило ихъ тревогу. Тетушка, увидя меня, связала мнѣ только: „Мы думали, что всѣ будемъ перебиты въ эту ночь. Я уже мысленно простилась было съ тобою!“

Мало-по-малу среди узницъ образовались маленькіе кружки и жизнь устроилась нѣсколько удобнѣе. Появилось еще нѣсколько ступльевъ. Г-жа де-Сенъ-Фонъ первая получила разрѣшеніе имѣть столъ; она давала его своимъ сосѣдкамъ, которыя устроивали такъ, что обѣдали на немъ по очереди, одна послѣ другой. Обѣдать сидя за столомъ казалось имъ большою роскошью! Въ распредѣленіи времени обѣда была большая акуратность, потому что услужливость была взаимная, равно какъ и благодарность.

Тетушка моя условилась имѣть общій обѣдъ съ тремя изъ заключенныхъ: дѣвицей Оливье, имѣвшей книжную лавку ¹⁾, дѣвицей

¹⁾ У нея всегда можно было найти запрещенныя брошюры. Я помню, что мы купили у нея духовное завѣщаніе короля; но для того, чтобы проникнуть въ это святяище, нужно было знать условный знакъ.

Гюэтъ и г-жей де-Плантъ, содержательницей большого отеля „Югъ“, на площади Белькуръ; послѣдняя имѣла хорошее состояніе. Она долго скрывала въ своемъ домѣ офицера, спасагося во время избиенія въ тюрьмѣ Пьеръ-Сизъ; его благодарность перешла въ болѣе нѣжное чувство и онъ женился на ней. Она сидѣла въ тюрьмѣ за своего мужа.

Въ тѣ дни, когда тетуска пользовалась обѣдомъ своихъ компаньенокъ, я приносила сунъ, потому что сверхъ четырехъ участницъ и я присоединялась къ нимъ. На трехъ обѣдахъ дѣлали экономію, чтобы составить четвертый. Это былъ для меня самый радостный день. Я приходила тогда какъ можно раньше, едва только отпирались ворота, принося въ свою долю только яицъ, соли и масла; весь этотъ день я проводила самымъ пріятнымъ образомъ.

Утромъ мы прогуливались по большому чердаку, и хотя тамъ былъ очень скверный запахъ, все же воздухъ тутъ былъ здоровѣе, чѣмъ въ комнатахъ, гдѣ было скучено и день и ночь 58 человекъ! Тѣ, которыя помѣщались у оконъ, не допускали открывать ихъ; а такъ какъ это было въ ноябрѣ и комната не топилась, то невозможно было претендовать на ихъ отказъ. Послѣ прогулки и короткой бесѣды возвращались на мѣсто, чтобы заняться приготовленіемъ обѣда. Я была моложе всѣхъ, поэтому забота объ обѣдѣ была возложена на меня, и я была очень счастлива! Я сказала, что комната эта не топилась. Наконецъ, узницы вышли изъ терпѣнія, что имъ приходилось всегда ѣсть холодный обѣдъ и дышать сквернымъ воздухомъ, и онѣ стали просить, чтобы имъ поставили печку; погода становилась все суровѣе; тяжелая и смрадная атмосфера ихъ помѣщенія требовала освѣженія посредствомъ топки; но имъ было отказано въ просьбѣ, несмотря на ихъ предложеніе принять издержки на свой счетъ. Онѣ тогда стали просить грѣлокъ съ раскаленными угольями, но и этого не получили. Наконецъ, имъ разрѣшили имѣть грѣлки съ мелкимъ углемъ, обращеннымъ чуть не въ пыль, которыя наполняли имъ черезъ сутки; огня въ нихъ почти не было; отъ времени до времени ихъ мѣшали желѣзнымъ прутомъ, который, шевеля пепелъ, на минуту оживлялъ еле замѣтныя искры. На эти-то жалкія грѣлки я ставила узенькіе и высокіе горшечки, въ которыхъ приносила пищу; это была единственно удобная форма, дававшая возможность спасти отъ натиска толпы и донести не расплескавши то, что въ нихъ заключалось; да и то приходилось ихъ наполнять лишь на половину. Растанувшись на полу надъ своей жаровней, я изо всѣхъ силъ раздувала этотъ слабый огонекъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ удавалось добиться хотя не много теплоты. Надо было равно приниматься за дѣло для того, чтобы обѣдъ успѣлъ къ 12-ти часамъ. Холодная телятина, наръзанная мелкими кусками и подогрѣтая въ бульонѣ, у насъ называлась рагү. Затѣмъ я приступала къ приготовленію главнаго, любимаго кушанья: омлеты—родъ яичницы изъ сбитыхъ яицъ, смѣшанныхъ со вчераш-

нимъ шпинатомъ; это блюдо нравилось болѣе всѣхъ другихъ отчасти въ уваженіе того труда, котораго оно стоило, и еще потому, что приготовлялось на мѣстѣ.

Кофе, который оставляли исключительно для завтрака, приносился уже смѣшанный съ молокомъ и подслащенный очень плохой патокой, похожей на медъ, но цвѣта сажн. Сахаръ былъ для насъ слишкомъ дорогъ. Тетушка моя дѣлала видъ, что пьетъ съ удовольствіемъ эту бурду. Она была такъ благодарна за малѣйшую заботу о ней, что у нея никогда не вырывалось ни малѣйшаго замѣчанія; она всегда находила, что все хорошо и вкусно.

Хлѣбъ выдавали заключеннымъ черезъ день и каждое утро наполняли ихъ кружки свѣжей водой. Но тѣ, которые не могли заплатить за трудъ, воды не получали; болѣе богатые платили за бѣднѣхъ. Кажется, въ двѣ недѣли разъ имъ давали такъ называемой свѣжей соломы; каждая получала ее очень немного, по небольшому пучку; отъ употребленія эта солома очень скоро была измята и истерта, и бѣдныя женщины, не имѣвшія постели, складывали въ одну кучу нѣсколько охапокъ соломы, чтобы устроить себѣ мѣгѣ жесткое ложе, на которомъ онѣ лежали, тѣся другъ друга, пока на нихъ нескондилъ тяжелый сонъ. Вечеромъ, когда все было приготовлено на ночь, комната эта походила на обширный лагерный бивакъ; полъ весь былъ покрытъ матрасами или соломой; не оставалось ни одного свободнаго мѣстечка, гдѣ можно было ступить, не наткнувшись на одну изъ 58 несчастныхъ узницъ, лежавшихъ на полу.

Тетушка моя, которая сильно страдала отъ своей полноты и лишь съ величайшимъ трудомъ могла нагибаться, никогда не позволяла себѣ ни малѣйшаго замѣчанія на счетъ того, что испытывала. Можно было подумать, что она никогда не имѣла лучшаго помѣщенія. А между тѣмъ воспитаніе ея и предъидущая жизнь были именно таковы, что должны бы были сдѣлать для нея особенно чувствительными всѣ лишенія, которымъ она подвергалась. Воспитаніе ея было главнымъ образомъ обращено на внѣшнюю сторону; оно болѣе развило и изощрило тонкость ея ума, чѣмъ укрѣпило разсудокъ и расширило ея мысль. Рано предавшись свѣтской жизни, она любила общество по привычкѣ и по влеченію; ея привлекательность очень скоро заставила обратить на нее общее вниманіе и дало ей въ свѣтѣ видное положеніе. Развлеченія, умѣнье вести разговоръ въ большомъ обществѣ, вся свѣтская наука и обязанности, налагаемая ею, сдѣлались для нея предметомъ серьезнаго изученія, и надо сказать, что успѣхи ея на этомъ поприщѣ были блестящи и всѣми признаны. Никто не умѣлъ лучше ея принять гостей, никто не былъ веселѣе и остроумнѣе ея. Въ высшей степени находчивая и быстрая въ своихъ отвѣтахъ, отличаясь необыкновенной легкостью и изяществомъ рѣчи, всегда щедрая на остроты, которая она мимоходомъ кидала въ увлеченіи веселой свѣтской бесѣды,—она приобрѣла въ обществѣ

такую силу, что многие ее побаивались; она никогда не умѣла устоять передъ соблазномъ сказать острое слово. „Я лучше готова потомъ извиниться“, говаривала она. „А какъ удержать словечко? Ужъ слишкомъ оно хорошо!“ Между тѣмъ извиненія не всегда могли загладить дурное впечатлѣнiе этого словечка: оно попадало такъ мѣтко, такъ живо рисовало человѣка, что дѣлало его смѣшнымъ; раны, имъ наносимыя, часто бывали неизлѣчимы, и многие никогда не прощали ей этого. Такъ иногда умъ заслоняетъ сердце.

Она бывало всякій день принимала гостей, любила играть въ карты и всякій вечеръ оставляла у себя нѣсколько человѣкъ ужинать. И вотъ тутъ-то она безъ удержу отдавалась живости своего нрава; ея милая и игривая бесѣда неволью увлекала своею веселостью всѣхъ окружающихъ. Эти часы были самые счастливыя въ ея жизни. Столъ у нея былъ всегда роскошный и изысканный. Она часто дѣлала большіе обѣды, собирая у себя цѣвъ муленскаго общества. Такъ какъ она была вполне независима и имѣла хорошее состоянiе, то ничто не сдерживало ея склонности къ роскоши и удовольствіямъ. Однимъ словомъ, это была вполне свѣтская женщина, любившая свѣтъ, имѣвшая въ немъ блестящій успѣхъ и развившаяся подъ вліянiемъ этого свѣта. Я останавливаюсь на мелочахъ такой пустой жизни для того только, чтобы еще болѣе подивиться тому, что сдѣлало изъ этой женщины несчастье, когда оно сразу сорвало блестящее покрывало, дотолѣ скрывавшее отъ всѣхъ ея душевную красоту, и обнаружило все величіе этой гордой и мощной души. Едва только испытаніе коснулось ея, какъ она мгновенно страхнула съ себя блестящій прахъ, который она дотолѣ принимала за золотой, возродилась изъ него къ новой жизни во всей смѣ и величавой простотѣ.

Какъ только на нашу семью обрушилось бѣдствіе, тетушка за-была обо всемъ, кромѣ насъ. Ставъ выше всего личнаго, она, казалось, даже и не замѣчала лишеній, которымъ ежеминутно подвергалась. Притѣсненія и весь ужасъ тюремнаго заключенія не вызвали у нея ни одной жалобы: все ей было хорошо; не выражая никакихъ желаній, не находя ничего неудобнымъ, она съ покорностью принимала участь, какую посылало ей Провидѣнiе. Я ни разу не замѣтила у нея ни одной минуты безпокойства за себя. Она была исключительно озабочена нашей судьбой; всѣ помыслы, тревоги, всѣ нѣжнѣйшія заботы ея были сосредоточены на насъ. Она непрестанно обращалась съ молитвою къ Богу, поручая Его милосердію сироту, которую она скоро должна была покинуть. Тетушка моя ни минуты не заблуждалась на счетъ ожидавшей ее участи и не имѣла даже надежды, которая поддерживала или обольщала столько несчастныхъ. Она поняла съ перваго дня, что ее ожидало, заранѣе считала себя обреченной на смерть и готовилась къ ней безъ слабости. Минутныя испытанія, которымъ она подвергалась, казались ей какъ бы приготовленіемъ къ этой послѣдней жертвѣ. Она все принимала безро-

потно и смиренно и находила своего рода улаждение въ покорности волѣ Божіей. Шада мою нѣжную привязанность къ ней, а можетъ быть и мою слабость, она почти не говорила объ этомъ со мной. Но тысяча воспоминаній съ тѣхъ поръ возникли въ душѣ моей и раскрыли мнѣ все величіе, всю силу ея характера, обнаруживавшіяся иногда въ какомъ нибудь одномъ словѣ, все ея самоотверженіе, которое тогда было недоступно для моего дѣтскаго пониманія.

ГЛАВА IX.

Тягости и огорченія моей жизни.—Отецъ мой скрывается у г-жи де-ля-Кость.—Онъ спасается чудеснымъ образомъ.—Я отправляюсь къ нему въ Фонтэнъ къ Шозьерамъ.

Тюремный хлѣбъ, если только можно такъ назвать его, былъ до того плохъ, что невозможно было его ѣсть. Онъ состоялъ изъ тяжелого тѣста съ примѣсью отрубей и соломинъ въ палецъ длиною, съ очень жесткой коркой. Заключенные получали черезъ день по такому маленькому хлѣбцу. Тетушка моя, не будучи въ состояніи проглотить ни кусочка, не ѣла его вовсе. У меня также не было хлѣба и мнѣ было очень тяжело принимать отъ нашего стража Форэ хлѣбъ, который также былъ довольно плохъ. Гдѣ-же добыть хлѣба? Его нигдѣ нельзя было купить. Но небо сжалилось надо мною и пришло мнѣ на помощь въ лицѣ Брюньона, этого преданнаго слуги моего отца, о которомъ я уже говорила.

Брюньонъ пожелалъ принять участіе въ славной борьбѣ, такъ печально окончившейся; такъ какъ онъ брался за оружіе во время осады, то его постигла бы вѣрная смерть, если бы наше олицетворенное Провидѣніе, нашъ почтенный другъ де-Геріо не спасъ его, зачисливъ его, по просьбѣ моего отца, извозчикомъ при артиллерійскомъ обозѣ. Это дало ему возможность вѣхаться въ городъ вмѣстѣ съ побѣдителями; вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ деньщикомъ къ одному артиллерійскому офицеру Монлезэнъ, сохраняя при этомъ свое жалованье извозчика при артиллерійскомъ обозѣ. Пользуясь, благодаря своему начальнику, нѣкоторымъ довольствомъ и подозрѣвая наше бѣдственное положеніе, онъ пришелъ предложить мнѣ свой солдатскій хлѣбъ; хлѣбъ этотъ былъ чудесный. Какъ я была счастлива отнести его тетушкѣ! Онъ часто носилъ мнѣ еще молока и ветчины, что я принимала съ большою благодарностію; однимъ словомъ, онъ показалъ себя честнымъ человекомъ и вѣрнымъ слугою.

Этотъ солдатскій хлѣбъ, самый лучший, какой былъ въ то время, я отдавала тетушкѣ, а замѣнъ уносила съ собой, на свой страхъ,

тотъ, который выдавали въ тюрьмѣ. Если бъ меня когда поймали на этомъ, то и я, и мой хлѣбъ остались-бы въ темницѣ. Но эта смѣлость, слѣдствіе нужды, никогда не была обнаружена. Я уносила съ собой еще остовъ запасной пулярки, приберегаемой на случай если не пропустятъ обѣда. Даже этотъ остовъ жареной курицы составлялъ таковой лакомый кусочекъ, что я не смѣла оставить его себѣ, а должна была подѣлиться съ гражданиномъ Форé, для котораго это было праздничное угощеніе, потому что онъ также мало привыкъ ѣсть хорошую пищу, какъ сидѣть въ креслѣ. Впрочемъ, къ тому, что вкусно и удобно, скоро привыкають; и онъ доказалъ мнѣ это однажды, когда я изъ экономіи велѣла купить прованскаго масла болѣе низкаго сорта, чѣмъ обыкновенно употребляли на фритюры. Комната моя, служившая въ тоже время кухней и столовой, наполнилась густымъ дымомъ и чадомъ. Гражданка Форé, исполнившись негодованія и отвращенія, почувствовала себя дурно и поспѣшно удалилась въ комнату мужа, который бросился къ ней на помощь, ворча на скверный запахъ. Даже прислуга наша выражала неудовольствіе. Я сѣла было одна обѣдать; а когда голодъ собралъ ихъ всѣхъ вокругъ стола, я удовольствовалась только тѣмъ, что спросила гражданина Форé, неужели онъ у себя дома употребляетъ всегда только высшій сортъ масла? Онъ пробормоталъ что-то, чего я не могла разобрать, и фритюры продолжали поджаривать на томъ же маслѣ.

Я привожу эти подробности, можетъ быть слишкомъ мелочныя, лишь для того, чтобы дать понять, какова была моя жизнь, какого рода лица окружали меня, сколько противорѣчій и докучливыхъ дразгъ я выносила отъ нихъ. Правду говорятъ, что ежеминутныя непріятности, какъ бы онѣ ни были мелки, всегда довольно велики. Частыя ссоры между Сень-Жаномъ и Канта составляли не меньшее зло среди этихъ ежедневныхъ дразгъ и подвергали насъ часто опасности остаться безъ обѣда. Впрочемъ, Сень-Жанъ являлся только къ столу; онъ ходилъ на работу для срытія крѣпости. Я думаю, что желаніе заработать сколько нибудь денегъ склонило его къ этого рода занятію, открытому для каждаго; а желаніе это было весьма естественно, такъ какъ мнѣ нечѣмъ было ему платить. Отъ времени до времени я продавала серебряные приборы, или кое-что изъ нашихъ вещей, хранившихся у г-жи Лежé. Приходилось ихъ продавать съ большой потерей, да и то еще нужно было осторожно выбирать лица, къ которымъ вы обращались и которыя, хотя и покупали за полцѣны, пользуясь вашей нуждой, но были по крайней мѣрѣ настолько честны, что не доносили на васъ, потому что если имѣть серебро считалось преступленіемъ, то продавать его было еще большимъ преступленіемъ. Тюрьма или даже смерть грозила тѣмъ изъ насъ, которыхъ крайность заставляла сбывать свои вещи. Доносившій на это мнимое расхищеніе имущества республики получалъ, кажется, половину его, или по крайней мѣрѣ она была ему обѣщана.

Я питалась коё-как остатками бобовъ и картофеля, которые просто готовили въ видѣ салата. Въ праздничные дни мы лакомились оладьями изъ затхлой муки; это-то и была знаменитая фритюра. Масло сливочное и свѣжія овощи, какія возможно было достать, приберегались для тетушки, которая постилась по пятницамъ и субботамъ. Для нея откладывалось все лучшее, что только дозволяло наше бѣдственное положеніе. Вотъ за этотъ-то драгоценный обѣдъ заставляли меня трепетать ссоры моихъ слугъ. Сколько просьбъ нужно было иногда съ моей стороны, чтобъ ихъ усмирить. Переходя отъ одного къ другому, напоминая имъ о тетушкѣ, страдавшей отъ ихъ раздора, я умоляла ихъ ради нея преодолѣть свои враждебныя чувства; „вѣдь вы ее любите!“ говорила я имъ, и они какъ будто успокоивались; но дня черезъ два война снова возгаралась. Еще разъ прошу извиненія за то, что возвращаюсь къ этимъ мелочамъ; но я рисую свою жизнь, а эти мелкіе штрихи доканчиваютъ картину; къ тому же нужно вспомнить, что мнѣ было тогда всего 14 лѣтъ.

Между тѣмъ продолжались дѣятельные розыски, чтобы открыть, гдѣ мой отецъ. Часто приходили тетушкѣ сообщить, что онъ арестованъ, въ надеждѣ, что въ минуту смущенія она выдастъ мѣсто его укрывательства. Меня преслѣдовали обысками. Одинъ изъ самыхъ шумныхъ былъ произведенъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ отвели тетушку въ тюрьму. Въ полночь раздается учащенный стукъ въ нашу входную дверь. Гражданинъ Форэ, погруженный въ первый крѣпкій сонъ, заставляетъ ожидать; стукъ возобновляется. Наконецъ, одѣвшись какъ слѣдуетъ, онъ открываетъ дверь въ ту минуту, когда она, казалось, уже уступала насилію. Ему дѣлаютъ выговоръ за медленность. Моя дверь, запертая изнутри, снова вызываетъ ихъ ярость. Нашъ стражъ извиняется, весь дрожа отъ страха; столь же малодушная Канта дрожала такъ, что я слышала какъ скрипѣла кровать, на которой она лежала. Мои многократныя просьбы заставили ее наконецъ преодолѣть страхъ; едва она добрела до двери, какъ пришедшіе ворвались въ нее съ криками: „Гдѣ онъ?“

Старый Форэ въ негодованіи, что могли заподозрить его вѣрность, сталъ пространно рассказывать о наложеніи ареста въ нашей квартирѣ, гдѣ онъ былъ приставленъ въ качествѣ стража, приводя въ доказательство печати, висѣвшія на четырехъ дверяхъ. Онъ все еще говорилъ, между тѣмъ какъ мнѣ успѣли уже сдѣлать десять вопросовъ. При первомъ стукѣ я привстала и, сидя въ постели, молча ожидала, что будетъ далѣе. Занавѣски громадной кровати, которую я занимала, были задернуты; два офицера обходятъ кругомъ кровати, всматриваются ближе, удивляются и спрашиваютъ, кто я. Я отвѣчаю имъ, и тотчасъ же слышу, какъ человѣкъ двѣнадцать въ одинъ голосъ восклицаютъ: „Какой слабый голосокъ! Да вѣдь это не мужчина!“ И толкая другъ друга, просовывая головы черезъ плечи другихъ, чтобы лучше разглядѣть меня, они еще повторяютъ: „какой слабенькій го-

лосишко! Какая маленькая дѣвочка! Какъ она худя! Какъ тщедушна“!

Подтрунивая надо мной, они въ то же время дѣлали мнѣ долгій и опасный допросъ на счетъ моего отца, его мнимаго заговора и мѣста, гдѣ онъ укрывался, отдыхая послѣ тяжелыхъ трудовъ. Меня допрашивали также о теткѣ и о братьяхъ. Отвѣты мои были кратки: я ничего не знала. Наконецъ, они ушли къ великому удовольствію, нашего стража, который вообще не любилъ, чтобы нарушали его сонъ, а тутъ еще вдобавокъ и гордость его пострадала. Впрочемъ, онъ далъ себѣ слово впредь быть проворнѣе.

Когда обыскъ кончился, со мной сдѣлался такой припадокъ нервной дрожи, какового я никогда не испытывала во всей своей жизни. Силы совершенно покинули меня, какъ только я перестала слышать ихъ шаги. Изнемогая подъ тяжестью своего несчастья и сиротства, подавленная сознаниемъ своей слабости, я провела остальную часть ночи въ состояніи нравственнаго и физическаго страданія, близкаго къ отчаянію. Никогда еще безпомощное положеніе мое не казалось мнѣ столь ужаснымъ. Много разъ еще повторялись эти ночныя посѣщенія съ цѣлью, какъ говорили, отыскать оружіе, спрятанное въ нашей квартирѣ. Старикъ Форѣ, не понимавшій, что это было лишь предлогомъ, выбивался изъ силъ, рассказывая исторію наложенія печатей, и удивлялся, что его никто не слушалъ. Одна я навлекала эти докучные обыски. Дѣлая видъ, будто вездѣ обыскиваютъ, комиссары въ то же время предлагали мнѣ вопросы тѣмъ болѣе коварные, что могло казаться, будто они вырывались у нихъ безъ всякаго злоумысла, мимоходомъ, и какъ будто случайно при видѣ какой нибудь вещи, попадавшей имъ подъ руку. Къ счастью я понимала, что это ловушка, и не поддавалась имъ. Впрочемъ, я и не могла бы отвѣчать имъ такъ, чтобы ихъ удовлетворить. Съ тѣхъ поръ какъ отецъ мой покинулъ предмѣстье Везъ, мнѣ было совершенно неизвѣстно, что съ нимъ стало. Только впоследствии я узнала, насколько мы были обязаны г-жѣ де-ля-Кость, которая была столь добра, что согласилась принять его къ себѣ.

Эта женщина жила въ загородномъ домѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Отца моего привели къ ней ночью, и онъ вовсе не выходилъ изъ комнаты, въ которой его помѣстили. Одна только горничная г-жи де-ля-Кость была посвящена въ тайну его пребыванія у нихъ въ домѣ. Каждое утро, убравши постель отца, она запирала его въ шкапъ для того, чтобы остальные слуги, свободно сносившіе по всему дому, могли убѣдиться, что никого чужаго въ немъ не было. Когда же онѣ считали себя въ безопасности отъ нескромныхъ свидѣтелей, узника выпускали изъ шкапа и онъ пробирался въ комнату г-жи де-ля-Кость, находившейся рядомъ. Такъ прошло нѣсколько дней совершенно спокойно; но когда на отсутствовавшего г-на де-ля-Кость былъ поданъ доносъ депутату Фушѣ, дѣлавшему

объездъ въ этой области, послѣдній отдалъ приказъ произвести тотчасъ же въ домѣ де-ля-Кость обыскъ. Около 11 часовъ вечера у ихъ двери раздался необычный звонокъ; эта тревога подняла всѣхъ въ домѣ на ноги. Тотъ энергическій звонокъ возвѣщаетъ о служителяхъ новой власти. Спрашиваютъ моего отца. Нужно его получше спрятать; но куда?—Поднимаютъ верхніе матрасы на кровати г-жи де-ля-Кость и отецъ залѣзаетъ въ прорѣху, нарочно сдѣланную для этого въ нижнемъ матрасѣ, который обыкновенно набивается соломой. Верхніе матрасы въ одно мгновенье положены по прежнему; постель оправлена и хозяйка снова ложится въ нее. Можно себя представить мучительное положеніе моего отца; онъ натянулъ свой ночной колпакъ до ушей и держалъ передъ собою сжатые кулаки, чтобъ защитить лицо отъ соломѣ и чтобъ имѣть сколько нибудь пространства и воздуха. Устроить все это—было дѣломъ одной минуты.—Этотъ комиссаръ отъ имени депутата Фуше! Имъ отпираютъ. Комиссары спрашиваютъ г-жу-де-ля-Кость, гдѣ ея мужъ. „Онъ отлучился по дѣламъ“, отвѣчаетъ она. Ей передаютъ приказъ Фуше явиться къ нему немедленно самой. Она противится, ставитъ имъ на видъ плохое состояніе своего здоровья, говоритъ о нервныхъ страданіяхъ, которыя часто принуждаютъ ее лежать, объ истощеніи своихъ силъ, о томъ, какъ всѣмъ извѣстно, что она никогда не выходитъ изъ дому. Но напрасно настаиваетъ она. „Нужно идти, а не разсуждать“, говорятъ ей въ отвѣтъ. Едва дадутъ ей время набросить платье. Горничная впопыхахъ приподнимаетъ немножко матрасъ и тотчасъ-же опускаетъ его, чтобъ шепнуть отцу: „Мы пропали“. Онъ самъ слишкомъ хорошо сознавалъ это! Она послѣдовала за своей госпожей; затѣмъ двери были заперты и запечатаны. Отецъ былъ въ ужасномъ положеніи, задыхаясь отъ недостатка воздуха и боясь, что если онъ выльзетъ изъ-подъ матрасовъ и приведетъ въ безпорядокъ постель, то послѣ самъ не сѣмъ-бѣтъ опять спрятаться такъ, чтобъ ничего не было замѣтно. Онъ колебался нѣкоторое время, но настоятельная потребность вздохнуть свободно взяла верхъ надъ всякими другими соображеніями, и онъ выкарабкался изъ подъ матрасовъ какъ только могъ осторожнѣе. Въ эту минуту онъ услышалъ шумъ, остановился, сталъ прислушиваться: какіе то мужскіе голоса распѣвали пѣсни въ честь свободы! То были драгуны, которые оставались еще въ домѣ; они пили и веселились. Чувствуя всю опасность своего положенія, отецъ обошелъ комнату на цыпочкахъ и, внимательно осмотрѣвши ее, сталъ раздумывать о возможныхъ средствахъ спасенія. Онъ находить, что ихъ очень мало. Все заперто, никакого выхода, никакой помощи! Онъ тогда обратилъ всѣ свои надежды на окна, выходившія въ садъ, и при этомъ разсуждалъ самъ съ собою такъ: „Здѣсь я могу умереть съ голоду въ запечатанной квартирѣ, или же сюда могутъ тайно пробраться до официального снятія печатей съ тѣмъ, чтобы унести отсюда то, что придется по вкусу комиссарамъ. Въ обоихъ случаяхъ я погибъ“. Опасаясь, чтобы

отсутствіе пищи не лишило его силъ, онъ рѣшился бѣжать, не ожидая ночи; онъ еще разъ хорошенько все обдумалъ за и противъ, выбралъ окно маленькой комнатки, которое было нѣсколько болѣе отдалено отъ мѣста, откуда слышался шумъ, бросился изъ окна въ садъ и отдѣлался только легкой царапиной на рукѣ, хотя упалъ на разбитыя оконныя стекла; этотъ стукъ привлекъ вниманіе пившихъ. Они высочили съ криками: „Откуда этотъ стукъ? Это вѣрно онъ! это онъ!“

Отецъ мой успѣлъ только спрятаться подъ маленькой лѣстницей, на которую они всѣ бросились стремглавъ, осмотрѣли всѣ углы, вездѣ искали виновника стука; бѣгали взадъ и впередъ и забыли заглянуть только подъ лѣстницу, по которой нѣсколько разъ проходили; осыпая ругательствами того, кого никакъ не могли найти, они возвратились наконецъ въ домъ и снова принялись пить. Отецъ мой опять задумался: если остаться на мѣстѣ, то ему не избѣгнуть новыхъ розысковъ, если бѣжать — то въ какую сторону? Его привели въ домъ г-жи де-ля-Кость ночью; онъ ни разу не былъ въ этомъ саду. Но нужно было поскорѣе рѣшиться; онъ бросился бѣжать, нагнувшись до земли, чтобы не быть замѣченнымъ, и уже льстилъ себя надеждой скоро достигнуть аллеи, которая издали казалась ему густой, но къ несчастію онъ забылъ, что остался въ ночномъ колпакѣ. Вдругъ изъ-за облака показалась луна и своимъ блѣднымъ сіяніемъ выдала моего бѣднаго отца. Онъ тотчасъ же слышитъ за собою крики: „Я его вижу! это онъ! вонъ онъ, въ бѣломъ колпакѣ!“ За нимъ гонятся. Тутъ уже нечего болѣе скрывать: онъ выпрямился и изъ всѣхъ силъ бросился бѣжать къ винограднику, находившемуся въ этой же оградѣ. Въ этомъ мѣстѣ сада дорога шла въ гору, что очень замедляло его бѣгство, а туфли еще увеличивали трудность. Онъ съ отчаяніемъ глядѣлъ на высоту стѣны, служившей оградой, но привязанность къ жизни увеличила его силы, ускорила его бѣгъ; онъ все бѣжалъ, хотя и не предвидѣлъ никакого средства спасенія. Онъ уже чувствовалъ, что его догоняютъ; ихъ шаги уже настаиваютъ на него; одинъ драгунъ даже занесъ руку, чтобы его схватить, — какъ вдругъ, вѣроятно отъ быстрого движенія и отъ вина, онъ пошатнулся и упалъ. Отецъ мой въ эту минуту достигъ угла ограды; замѣтивъ здѣсь слѣды бывшей бесѣдки изъ зелени, онъ уцѣпился за вѣтви и при помощи нѣсколькихъ трицинь въ стѣнѣ вскарабкался до верку, самъ не зная, какъ это ему удалось, и соскочилъ внизъ по ту сторону ограды. Близость опасности и инстинктъ самосохраненія придали ему невѣдомую дотошъ силу.

Не желая сдѣлать такой же прыжокъ, драгуны прекратили здѣсь свое преслѣдованіе. А можетъ быть, они побоялись, чтобы имъ не вѣрили въ преступленіе ихъ неловкость, и обѣщая другъ другу сохранить все это втайнѣ, они снова принялись за свои бутылки и пѣсни. Отецъ осмотрѣлся вокругъ и съ грустью убѣдился, что

опять находится въ загороженномъ мѣстѣ, и что стѣна этой ограды такъ же высока, какъ та, черезъ которую онъ только что перебрался. Прощедши нѣсколько шаговъ, онъ очутился передъ домою и, боясь, чтобъ лунный свѣтъ его не выдалъ снова, онъ залѣзъ въ голубятню въ ожиданіи утра и печальной участи, грозившей ему. „Гдѣ я? Что станется со мною?“—Сколько тягостныхъ думъ тѣснилось въ его душѣ втеченіе этихъ въ одно и то же время медленно и быстро пронесившихся часовъ! Онъ вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ.

Когда, наконецъ, совсѣмъ разсвѣло, въ голубятню явилась маленькая дѣвочка съ кормомъ для голубей. Увидя моего отца и принявъ его за вора, она закричала и хотѣла было бѣжать; но онъ старался знаками внушить ей жалость; она замолчала и подошла поближе. Тогда онъ спросилъ ее, есть ли у нея отецъ и кто онъ. „Онъ здѣсь виноградаремъ,“ отвѣчала она.—„Такъ ты пойди, приведи его сюда, да кромѣ него никому не говори, что меня видѣла.“—Дѣвочка общала и въ точности исполнила порученіе. Вскорѣ явился къ нему крестьянинъ, который смотрѣлъ на него недобрымъ взглядомъ и, вообще, имѣлъ какой-то злобщій видъ. Отецъ мой, вынужденный отдаться въ его руки, притворился, будто относится съ величайшимъ довѣріемъ къ этому человеку, въ чьей власти случайно оказалась его судьба, и, объяснивши послѣднему, какимъ образомъ ему посчастливилось спастись отъ несправедливаго преслѣдованія, отецъ просилъ дать ему пріютъ, пока ему станетъ возможно, не подвергаясь опасности, удалиться отсюда. „То, что вы говорите, можетъ быть и справедливо,“ отвѣчалъ виноградарь, „но это не доказываетъ еще, что вы не воръ; да если вы и не воръ, то я все-таки не имѣю ни малѣйшаго желанія подвергать себя риску ради васъ; итакъ, убирайтесь отсюда какъ можно скорѣе.“ Какъ ни старался отецъ мой убѣдить крестьянина, тотъ былъ непоколебимъ. Не будучи въ состояніи растрогать этотъ камень, отецъ ограничился тѣмъ, что попросилъ дать ему какое нибудь старое платье взамѣнъ того, которое было на немъ, предлагая выкупить его впослѣдствіи, если ему удастся спастись. „Если же я погибну, оно вамъ останется, прибавилъ онъ.—„Да развѣ у васъ нѣтъ денегъ?“ возразилъ крестьянинъ, осматривая нерѣшительнымъ и вмѣстѣ жаднымъ взоромъ новый сюртукъ моего отца. Къ счастью, отецъ совершенно неожиданно нашелъ въ боковомъ карманѣ маленькій бумажникъ, котораго и не подозрѣвалъ тутъ; въ немъ оказалось всего 50 франковъ. Эта небольшая сумма положила конецъ колебаніямъ крестьянина; согласившись на предложенныя условія, онъ тотчасъ исчезъ и скоро вернулся, держа въ рукахъ плохенькую старую одежду, въ которую отецъ быстро оделся, но недостаточно быстро, по мнѣнію виноградаря, очень скупого на свое время и на трудъ, потому что онъ отказался остричь волосы новому крестьянину. Для большаго сходства отцу пришлось сдѣлать это кое-какъ самому. Давши нѣсколько указаній насчетъ дороги, которой слѣдовало держаться,

крестьянинъ сунулъ въ руки отцу нѣсколько колевъ для подвязки винограда: „Съ этимъ, сказалъ онъ, васъ примутъ за виноградара“. И взглянувши, нѣтъ ли прохожихъ по дорогѣ, онъ выпроводилъ отца за ворота.

Отецъ мой дошелъ безъ новыхъ приключеній до мельницъ, стоявшихъ на рѣкѣ Сонѣ, куда онъ имѣлъ рекомендацію; здѣсь онъ остановился лишь на нѣсколько дней. Такъ какъ осторожность требовала найти болѣе уединенное мѣсто, то его отвели къ одному мельнику, жилище котораго находилось въ Эпскомъ департаментѣ, на границѣ департамента Роны, и стояло совсѣмъ особнякомъ. Подъ именемъ Пьера Мерье онъ съ этой поры слылъ здѣсь на мельницѣ работникомъ, очень неловкимъ отъ природы, но большимъ добрякомъ.

Пока все это происходило, я продолжала вести тотъ же образъ жизни. Затрудненія провиануть въ тюрьму росли съ каждымъ днемъ: очень часто мнѣ вовсе не удавалось пробраться къ тетускѣ; тогда я съ грустью возвращалась домой, усталая, измученная, не добившись единственнаго утѣшенія, которое еще давало мнѣ силу выдерживать всѣ испытанія. Невыносимо длинны были эти часы ожиданія, проводимыя у тюремной двери, куда намъ былъ воспрещенъ входъ благодаря новымъ строгимъ распоряженіямъ; и какъ тяжело было возвращаться домой, когда исчезала послѣдняя надежда проникнуть въ темницу! На другой день я снова приходила для того, чтобы испытать такое же разочарованіе. Однажды послѣ того, какъ я долго была лишена радости видѣть тетуску, я стояла у тюремной двери, ожидая вмѣстѣ со всѣми другими, первая по очереди, разрѣшенія войти. Часовые скрестили свои ружья, чтобы загородить намъ проходъ, когда среди нетерпѣливой и взволнованной толпы, жаждавшей добиться желаемого, вдругъ началось движеніе, которое устранило эту преграду. Натискомъ толпы меня прижало къ самымъ ружьямъ и протолкнуло дальше черезъ нихъ. Прежде чѣмъ солдаты успѣли принять болѣе дѣйствительныя мѣры, чтобы отбросить насъ назадъ, на меня обрушилось въ этой суматохѣ нѣсколько ударовъ кулакомъ и много брани. Брошенная на подобіе жалкаго мячика, безъ силы и воли, я ничѣмъ не была виновата, а мнѣ то и досталось хуже всѣхъ. Между тѣмъ, пользуясь удобнымъ случаемъ и общимъ смятеніемъ, я побѣжала ко второй калиткѣ, потомъ къ рѣшеткѣ. О, счастье! Тетуска моя была во дворѣ, куда заключенные имѣли позволеніе сходить для прогулки ¹⁾. Я видѣла ее и уже готова была заговорить съ ней и забыть всѣ неудачи этого дня, какъ вдругъ тюремщикъ, привлеченный шумомъ и недовольный происшедшимъ беспорядкомъ, явился на помощь своимъ сторожамъ. Меня

¹⁾ Эти разрѣшенія то давали, то снова брали назадъ, и ни одинъ день не былъ похожъ на другой. Иногда мы находили узниковъ во дворѣ, пользующимися воздухомъ вмѣстѣ съ каторжниками, — льгота, за которую тетуска разъ поплатилась своимъ бумажникомъ, украденнымъ однимъ изъ арестантовъ.

Прим. авт.

грубо вытолкали. Никогда еще не терпѣла я крушенія, будучи такъ близко у пристани. Я видѣла выраженіе глубокой скорби во взорахъ тетушки и она также могла прочесть въ моихъ глазахъ то, что было у меня на сердцѣ. Я переступила еще разъ черезъ порогъ этой роковой двери и всѣ удары, полученные мною на этомъ мѣстѣ, казалось, снова посыпались на меня.

Грязь, которую намѣренно сваливали передъ тюрьмой, производила здѣсь гибельную сырость. Часто мы проводили часа по четыре, по пяти, стоя въ этой зловонной слякоти. Немало женщинъ заболѣвало отъ этого. Дорожа своимъ здоровьемъ, чтобы быть въ состояніи оказывать помощь тетушкѣ, я добыла себѣ деревянные башмаки на мѣху, съ толстой подошвой, которая не пропускала сырости, но дѣлала ходьбу очень тяжелой. Однажды вечеромъ, когда я вернулась домой позднѣе обыкновеннаго, нашъ стражъ Форé съ послѣдностью объявилъ мнѣ, отворяя дверь: „Ваша кормилица сейчасъ была здѣсь; она долго ожидала васъ“. — „Моя кормилица! но вѣдь она...“ я хотѣла сказать—умерла, но во-время остановилась... „Она здѣсь“, продолжалъ онъ; „какая-то женщина отправляется туда, гдѣ находится ваша больная сестра, и спрашиваетъ, не имѣете ли вы къ ней порученій?“ — „А гдѣ же она?“ спросила я живо, догадавшись, что здѣсь кроется какая-то тайна. „Да если вы поскорѣе побѣжите за ней въ эту сторону, то можете быть догоните ее: она въ красномъ корсажѣ и синей юбкѣ; съ ней маленькая дѣвочка, которая ѣдетъ на ослѣ“. Я уже была на нижней ступенькѣ лѣстницы, когда онъ произносилъ послѣднія слова; хотя я несомнѣнно понимала, въ чемъ тутъ дѣло, но все-таки побѣжала. Канта пошла вслѣдъ за мной, а старшій Форé выпустилъ насъ, не вдаваясь въ дальнѣйшія размышленія или сомнѣнія насчетъ этой лионской кормилицы. Завидѣвши издали красный корсажъ, синюю юбку, осла и дѣвочку, я еще ускорила шаги и быстро догнала ихъ. Убѣдившись въ томъ, что это дѣйствительно я, крестьянка сообщила мнѣ, что отецъ мой скрывается у нея; что онъ хочетъ попытаться перейти черезъ границу, но прежде чѣмъ рѣшиться на это опасное путешествіе, онъ пожелалъ повидаться со мною и отъ меня узнать, что случилось съ моей тетушкой¹⁾; наконецъ, что она пришла въ городъ нарочно для того, чтобы взять меня съ собою.

Это приказаніе моего отца было для меня пріятно и вмѣстѣ жестоко. Раздвоенная между двумя обязанностями, одинаково для меня священными, я не могла никакъ рѣшиться покинуть тетушку и лишиться ее единственнаго ея утѣшенія; съ другой стороны, это, можетъ быть, по-

¹⁾ Такъ какъ всякія сношенія между нами были прерваны, то отецъ ничего не зналъ о заключеніи своей сестры и вызывалъ меня, а не ее, зналъ, какъ ей было затруднительно ходить пѣшкомъ. По настоятельному желанію тетушки, отъ отца скрыли, что она была арестована вмѣсто него. Впрочемъ, выдавши себя, онъ все-таки не смѣлъ бы сестры и мнѣ пришлось бы тогда оплакивать ихъ обоихъ. Приж. авт.

